

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

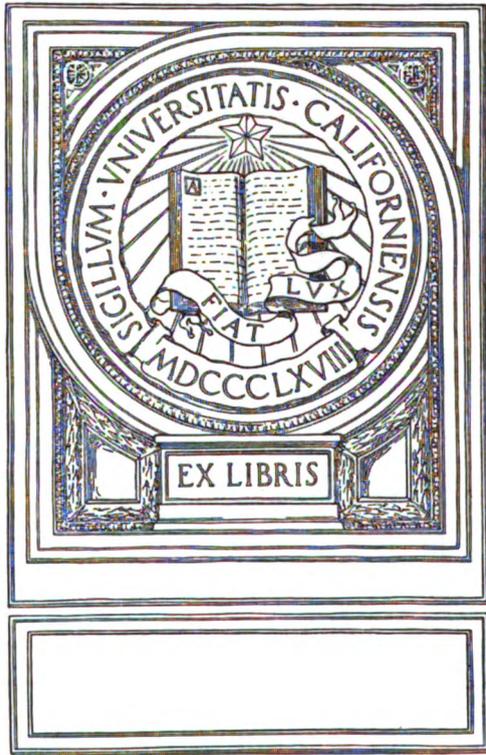
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОЯВРЬ.

1881.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХVІІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатериин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами.

1881.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственныя распоряженія.

Макарій митрополитъ всея Россіи. (Окончаніе). К. Заусцинскаго.

Архаическія формы семейной организациі у
кавказскихъ горцевъ. В. Сокольскаго.

Давидъ Сасунскій. ***

Религіозные символы древнихъ Вавилонянъ. В. Ш.

Критика и библиографія:

Римская сатира и Ювеналъ. Литературно-критическое
ислѣдованіе Д. И. Нагуевскію. Н. Благовѣщенскаго.

Н. В. Крушевскій. К вопросу о гунѣ. Ислѣдованіе в
области старо-славянскаго вокализма. В. К.

Коммерческія отдѣленія реальныхъ учи-
лищъ. П. Колумбуса.

Отчетъ о двадцать-четвертомъ присужденіи
наградъ графа Уварова.

Педагогическій съѣздъ сельскихъ учителей
и учительницъ Лужскаго уѣзда въ
1881 году.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ
учебныхъ заведеній: высшія спеціаль-
ныя учебныя заведенія.

Письмо изъ Парижа Л—ра.

А. А. Котляревскій. (Некрологъ).

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

Russia. Min. nar. prosv.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХVІІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскія каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

1881.

25C

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (17-го августа 1881 г.). О дозволеніи Вяземской гимназiи впредь именоваться „Александровскою“ и состоять подъ Августѣйшимъ Его Величества покровительствомъ.

Открытая въ городѣ Вязьмѣ на счетъ Смоленскаго земства мужская гимназія принята была въ 1869 г. Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ, подъ свое высокое покровительство и въ томъ же году этой гимназiи было присвоено наименованіе „Александровской“ въ честь высокаго ея покровителя.

Нынѣ педагогическій совѣтъ названной гимназiи обратился съ ходатайствомъ объ испрошеніи Всемилостивѣйшаго соизволенія Вяземской гимназiи и впредь именоваться „Александровскою“ и состоять подъ августѣйшимъ Его Величества покровительствомъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Высочайше соизволилъ на удовлетвореніе изъясненнаго ходатайства.

2. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи стипендій при Ташкентской мужской прогимназiи и при Вѣрненскихъ мужской прогимназiи и женской гимназiи.

Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра,

843035

1*

объ учрежденіи на проценты съ капитала въ три тысячи четыреста пятьдесятъ руб. пожертвованнаго лицами учебнаго вѣдомства Туркестанскаго края, при Ташкентской мужской прогимназии и при Бѣренскихъ мужской прогимназии и женской гимназии по одной стипендіи въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, собственноручно начертать изволилъ „Согласень“.

3. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи при Таганрогскихъ мужской и женской гимназіяхъ стипендій имени статскаго совѣтника Кульжинскаго.

Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, объ учрежденіи на проценты съ капитала въ тысячу руб., пожертвованнаго гражданами г. Таганрога, при Таганрогской мужской гимназии стипендіи имени статскаго совѣтника Алексѣя Кульжинскаго и на пожертвованный самимъ Кульжинскимъ капиталъ въ восемьсотъ руб., при Таганрогской Маріинской женской гимназии стипендіи имени жертвователя, собственноручно изволилъ начертать: „Согласень“.

4. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи стипендій для образованія трехъ крестьянскихъ мальчиковъ Липовецкаго уѣзда.

Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, объ учрежденіи на проценты съ капитала въ девятнадцать тысячъ тридцать девять руб., восемь коп., пожертвованнаго дворянами Липовецкаго уѣзда, стипендій въ память въ Бозѣ почившаго Императора Александра II для образованія трехъ крестьянскихъ мальчиковъ Липовецкаго уѣзда, собственноручно начертать изволилъ, „Согласень“.

5. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи при Виндавскомъ уѣздномъ училищѣ стипендіи гражданина г. Виндавы Эгерта.

Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, объ учрежденіи на проценты съ капитала въ пятьсотъ руб., пожер-

твованнаго гражданиномъ города Винавы Эдуардомъ-Ульрихомъ Эгертомъ, при Винавскомъ уѣздномъ училищѣ, стипендіи въ память въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, собственноручно начертать изволилъ: „Согласенъ“.

6. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи при Новгородсѣверской гимназій и Кролевецкомъ городскомъ училищѣ стипендій имени генераль-лейтенанта Антоновича.

Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, объ учрежденіи на проценты съ капитала въ шесть тысячъ пятьдесятъ четыре руб. и 26 коп., собраннаго служащими въ учебныхъ заведеніяхъ Кіевскаго учебнаго округа, при Новгородсѣверской гимназій и Кролевецкомъ городскомъ училищѣ, стипендій имени бывшаго попечителя Кіевскаго учебнаго округа, генераль-лейтенанта П. А. Антоновича, собственноручно начертать изволилъ: „Согласенъ“.

7. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа стипендій имени Франца Новодворскаго.

Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, объ учрежденіи на проценты съ капитала въ тысячу четыреста руб., собраннаго бывшими учениками учителя Франца Новодворскаго, при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа, стипендій имени Франца Новодворскаго, собственноручно начертать соизволилъ: „Согласенъ“.

8. (13-го сентября 1881 года). Объ учрежденіи при Московскихъ 1-й гимназій и 2-мъ уѣздномъ училищѣ и при Сычевскомъ городскомъ училищѣ стипендій имени князя Мещерскаго.

Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, объ учрежденіи на проценты съ капитала въ восемь тысячъ четыреста двадцать одинъ руб. шестьдесятъ шесть коп., собраннаго служащими въ учебныхъ заведеніяхъ Московскаго учебнаго округа трехъ стипендій (на капиталъ въ 6.021 р. 66 коп. (при Мо-

сковской 1-й гимназіи по одной стипендіи (въ 1,200 р. каждая) при Московскомъ 2-мъ уѣздномъ училищѣ и при Сычевскомъ городскомъ училищѣ, имени князя Николая Петровича Мещерскаго, собственноручно начертать соизволилъ: „Согласенъ“.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

23-го іюля 1881 года. (№ 12). Утверждаются: инспекторъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ К а н а н о в ъ—директоромъ сего института.

Коллежскій ассесоръ Любимовъ и Кяхтинскій 1-й гильдіи купецъ Швецовъ—почетными попечителями Алексѣевскихъ реальныхъ училищъ: первый—Пермскаго, на три года, и второй—Троицкосавскаго, по 1-е іюля 1883 года.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: бывшему учителю Московской четвертой гимназіи Кулаковскому и кандидату Императорскаго Московскаго университета Борисову—на одинъ годъ; изъ нихъ первому съ 1-го іюля 1881 года.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: сверхштатный ассистентъ при госпитальной хирургической клиникѣ Императорскаго Казанскаго университета П а д а р и н ъ—на лѣтнее вакаціонное время 1881 года.

Ординарные профессора Императорскаго университета св. Владимира: дѣйствительный статскій совѣтникъ Романовичъ-Славатинскій и статскій совѣтникъ Авенаріусъ, первый съ 15-го августа по 1-е октября 1881 года, а второй — на лѣтнее вакаціонное время 1881 года и двадцать восемь дней, съ зачетомъ послѣднему въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на одинъ мѣсяць.

Учитель С.-Петербургской Введенской прогимназіи Слугиновъ—на лѣтнее вакаціонное время и по 1-е октября 1881 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ—на шесть мѣсяцевъ, съ 20-го августа 1881 года.

Ординарный профессоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Гротъ, доценты Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго, Палаузовъ и св. Владимира, Козловъ и кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Соколовъ—на одинъ годъ: изъ нихъ: Палаузовъ съ 15-го августа 1881 г., а Гротъ и Козловъ съ 1-го сентября 1881 года.

Доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета Бунге — по 10-е августа 1882 года, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на одинъ мѣсяцъ.

Увольняются въ отпускъ: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Поповъ — на два мѣсяца, въ разныя губерніи Россіи, по болѣзни.

Попечители учебныхъ округовъ: Харьковскаго генеральнаго штаба генераль-маіоръ Максимовскій — на двадцать восемь дней (Выс. пов. 19-го іюня 1881 г.), С.-Петербургскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитріевъ—на одинъ мѣсяцъ и Московскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Капнистъ — на два мѣсяца (Выс. пов. 19-го іюня 1881 г.), во внутреннія губерніи Россіи.

Увольняется, согласно прошенію: директоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, тайный совѣтникъ Деляновъ—отъ сей должности.

17-го августа 1881 года. (№ 13). Утверждаются на три года: состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ Ротгольцъ и мануфактуръ совѣтникъ Гарелинъ—почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый — Севастопольскаго Константиновскаго и послѣдній—Иваново-Вознесенскаго.

Назначается: старшій тудоръ университета курса лицея Цесаревича Николая Лаврентьевъ—окружнымъ инспекторомъ Московскаго учебнаго округа.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: ординарному профессору Императорскаго Казанскаго университета, статскому совѣтнику Бодуенъ-де-Куртене—по 15-е августа 1882 года.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Левшинъ — на международный медицинскій конгрессъ въ Лондонѣ.

Директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, тайный совѣтникъ Струве, ординарный профессоръ Императорскаго

Варшавскаго университета Вялецкій и сверхштатный астрономъ означенной обсерваторіи Струве—на три мѣсяца.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Егоровъ—на три мѣсяца и тринадцать дней.

Лаборантъ Императорскаго Варшавскаго университета Дзевульскій—на четыре мѣсяца.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (15-го сентября 1881 г.). Положеніе о двѣнадцати стипендіяхъ Смоленскаго губернскаго земства при Смоленскомъ реальномъ училищѣ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 25-й день февраля 1881 года, учреждаются при Смоленскомъ реальномъ училищѣ, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго Смоленскимъ губернскимъ земствомъ капитала въ семь тысячъ двѣсти руб., двѣнадцать стипендій, съ наименованіемъ оныхъ „Александровскими“.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 1-го восточнаго займа, составляетъ неотъемлемую собственность Смоленскаго реальнаго училища и хранится неприкосновеннымъ въ Смоленскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ.

3) Проценты съ означеннаго капитала обращаются исключительно въ плату за право ученія дѣтей двѣнадцати бѣднѣйшихъ жителей Смоленской губерніи, уроженцевъ оной.

4) Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту и почетному попечителю училища, при чемъ стипендіи распределяются по возможности равномерно между уѣздами.

5) Невыданные по какому-либо случаю проценты съ пожертвованнаго капитала присоединяются къ этому капиталу, вслѣдствіе чего размѣръ стипендій можетъ увеличиваться.

2. (29-го сентября 1881 г.). Правила о стипендіи, учреждаемой при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на проценты съ капитала въ тысячу рублей, пожертвованнаго отставнымъ штабсъ-капитаномъ Иваномъ Степановичемъ Дурново.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія.)

1) На проценты съ капитала въ тысячу рублей, заключающагося въ билетѣ государственнаго банка 2-го выпуска за № 84778, учреждается одна стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 13-го сентября 1881 года, именуется „стипендією гвардіи полковника Николая Ивановича Дурново“.

2) Размѣръ стипендіи—пятьдесятъ рублей въ годъ.

3) Стипендія назначается одному изъ бѣднѣйшихъ студентовъ юридическаго факультета, происходящему исключительно изъ дворянъ Тульской губерніи.

4) Назначеніе стипендіи принадлежитъ совѣту университета, по представленію юридическаго факультета.

5) Стипендія эта можетъ быть соединяема съ другою стипендією такого же или нѣсколько большаго размѣра.

6) Стипендіатъ лишается стипендіи, если не перейдетъ на слѣдующій курсъ, а равно и въ томъ случаѣ, если замѣченъ будетъ въ чемъ-либо предосудительномъ.

7) Образовавшіеся по какому бы то ни было случаю остатки отъ процентовъ съ капитала присоединяются къ оному съ цѣлію увеличенія вполнѣдствіи размѣра стипендіи.

3. (29-го сентября 1881 г.). Правила о стипендіи, учреждаемой при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на проценты съ капитала въ шесть тысячъ рублей, пожертвованнаго надворнымъ совѣтникомъ Яковомъ Васильевичемъ Федоровымъ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія.)

1) На проценты съ капитала въ шесть тысячъ рублей, заключающагося въ пятидесяти одной облигаціи 1-го восточнаго займа, учреждается одна стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 13-го сентября 1881 года, именуется „стипендією дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Васильевича Федорова“.

2) Размѣръ стипендіи триста рублей въ годъ.

3) Стипендія назначается достойнѣйшему по успѣхамъ и отличному поведенію, недостаточнаго состоянія студенту медицинскаго факультета, православнаго вѣроисповѣданія, и чисто-русскаго происхожденія, преимущественно изъ уроженцевъ Ярославской губерніи.

4) Если бы не случилось достойнаго студента изъ Ярославскихъ уроженцевъ, то стипендія можетъ быть предоставлена уроженцу другой губерніи, если онъ удовлетворяетъ условіямъ, изложеннымъ въ предшествующемъ 3-мъ пунктѣ.

5) Назначеніе кандидата на стипендію принадлежитъ пожизненно—жертвователю капитала, надворному совѣтнику Якову Васильевичу Оедорову, по предварительномъ сношеніи съ ректоромъ университета для полученія свѣдѣній объ успѣхахъ и поведеніи избраннаго кандидата на стипендію; по смерти же г. Оедорова право назначать стипендію предоставляется совѣту университета.

6) Стипендіатъ лишается стипендіи, если не перейдетъ на слѣдующій курсъ, а равно и въ томъ случаѣ, если замѣченъ будетъ въ чемъ-либо предосудительномъ.

7) При освобожденіи стипендіи университетъ извѣщаетъ объ этомъ распорядителя ея назначеніемъ Якова Васильевича Оедорова.

8) Остатки отъ процентовъ съ капитала, образовавшіеся по какому бы то ни было случаю, присоединяются къ основному капиталу для увеличенія, впоследствии, размѣра стипендіи.

— Господинъ управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищъ министра, разрѣшилъ: открыть параллельное отдѣленіе при IV классѣ Кронштадтскаго реальнаго училища, съ начала 1881—1882 учебнаго года, съ отнесеніемъ потребнаго для сего расхода на спеціальныя средства названнаго училища, съ увеличеніемъ платы за ученіе до пятидесяти руб. въ годъ съ cadaго ученика.

— Закрыть параллельныя отдѣленія при I и IV классахъ Новгородсѣверской гимназіи и открыть, въ замѣнъ ихъ, таковыя же отдѣленія при II и V классахъ названной гимназіи, съ начала 1881—1882 учебнаго года, съ отнесеніемъ потребной на содержаніе ихъ суммы на спеціальныя средства гимназіи.

— Взимать плату за ученіе въ Стародубской мужской прогимназіи, съ начала 1881—1882 учебнаго года, въ приготовительномъ классѣ по восемнадцати руб. и въ нормальныхъ классахъ по двадцать четыре руб. въ годъ съ cadaго ученика.

— Закрыть параллельное отдѣленіе при II классѣ Урюпинскаго реальнаго училища и открыть, въ замѣнъ онаго, параллельное отдѣ-

леніе при III классѣ названнаго училища, съ начала нынѣшняго 1881—1882 учебнаго года, съ отнесеніемъ потребнаго на содержаніе сей параллели расхода, въ количествѣ до 1380 руб., на спеціальныя средства училища.

— Расходы по содержанію VIII класса Мариупольской гимназій, въ количествѣ тысячи девятисотъ руб., съ 1-го января 1882 г., производить изъ спеціальныхъ средствъ сей гимназій, для чего увеличить съ того же срока плату за ученіе въ названной гимназій: въ приготовительномъ классѣ до двадцати пяти руб. и въ нормальныхъ классахъ до тридцати пяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Его превосходительство г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищъ министра, утвердилъ: сдѣланное попечителемъ Одесскаго учебнаго округа распоряженіе объ открытіи, съ начала 1881—1882 учебнаго года, параллельнаго отдѣленія при IV классѣ реальнаго училища св. Павла въ Одессѣ, съ отнесеніемъ расхода по содержанію этой параллели на счетъ суммы, ассигнованной для сего попечительнымъ совѣтомъ названнаго училища.

— Сдѣланное попечителемъ Одесскаго учебнаго округа распоряженіе о закрытіи параллельнаго отдѣленія при IV классѣ Севастопольскаго Константиновскаго реальнаго училища и объ открытіи, съ начала 1881—1882 учебнаго года, таковаго же отдѣленія при III классѣ названнаго училища, съ отнесеніемъ расхода по содержанію сей параллели на спеціальныя средства училища.

— Сдѣланное управлявшимъ Оренбургскимъ учебнымъ округомъ распоряженіе объ открытіи, съ начала 1881—1882 учебнаго года, параллельнаго отдѣленія при I классѣ Уральской войсковой гимназій, съ отнесеніемъ расхода по содержанію сей параллели на спеціальныя средства гимназій.

IV. ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

14-го августа 1881 года (№ 7-й). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Веригъ — деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, на три года.

Экстраординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лица Исаевъ — ординарнымъ профессоромъ сего лица по политической экономіи, съ 22-го іюля 1881 года.

Исполняющій обязанности инспектора Новгородсѣверской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Фирсовъ — директоромъ сей гимназіи.

Директоръ Θεодосійскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ Лагоріо — директоромъ Полтавскаго реальнаго училища.

Исправляющій должность преподавателя Московской первой военной гимназіи коллежскій совѣтникъ Хайновскій — директоромъ содержимаго имъ въ Москвѣ реальнаго училища, съ 10-го іюля 1881 года.

Инспекторъ Вѣльской мужской прогимназіи, преобразованной изъ четырехклассной въ шестиклассную, коллежскій совѣтникъ Розановъ — директоромъ сей прогимназіи, съ 1-го іюля 1881 года.

Потомственный почетный гражданинъ Лушниковъ, первой гильдіи купцы: Корвухинъ, Переваловъ, Молчановъ, Коквинъ, второй гильдіи купцы: Сердюковъ и Сибиряковъ — членами попечительства Троицкосавскаго реальнаго училища, по 1-е іюля 1888 года.

Назначаются: доцентъ Демидовскаго юридическаго лица Тальбергъ — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора сего лица по уголовному праву, съ 22-го іюля 1881 года.

Кяхтинскіе купцы: Осокинъ, Шишмаковъ и Сахаровъ — членами попечительства Троицкосавскаго реальнаго училища, на три года.

Опредѣляются на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: кандидаты Императорскаго С.-Петербургскаго университета Матвій Соколовъ и Вильгельмъ Регель, первый — съ 1-го іюля 1881 года, съ назначеніемъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, по предмету русской словесности, а второй — съ 31-го іюля 1881 года, съ причисленіемъ къ министерству народнаго просвѣщенія.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія: чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ V класса по дѣламъ почтоваго управленія, въ званіи камеръ-юнкера, статскій совѣтникъ Хрущовъ, съ опредѣленіемъ членомъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, и съ остав-

леніемъ на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ, съ 17-го іюня 1881 года.

Оставляются на службѣ: на два года: директоръ Тверской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фрезе, съ 31-го іюля 1881 года.

На два съ половиною года: директоръ народныхъ училищъ Бессарабской губерніи дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ, съ 26-го іюля 1881 года.

На пять лѣтъ: директоръ народныхъ училищъ Олопецкой губерніи дѣйствительный статскій совѣтникъ Соколовъ, съ 10-го іюня 1881 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, коллежскій совѣтникъ Демченко, съ 11-го іюля 1881 года.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, тайный совѣтникъ Митюковъ, съ 31-го іюля 1881 года.

Директоръ народныхъ училищъ Орловской губерніи, статскій совѣтникъ Дружининъ, съ 3-го августа 1881 года.

Директоры гимназій: Самарской, статскій совѣтникъ Соколовъ и Астраханской, статскій совѣтникъ Рубцовъ и директоръ Саратувскаго реального училища, статскій совѣтникъ Позняковъ, всё трое съ 10-го августа 1881 года.

Командируется съ ученою цѣлію: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Загоскинъ — на два мѣсяца въ Москву.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на восемь дней: директоръ Гомельской прогимназіи, статскій совѣтникъ Трофимовъ— въ разныя губерніи.

На шестнадцать дней: причисленный къ министерству народного просвѣщенія, членъ ученаго комитета сего министерства, статскій совѣтникъ Игнатовичъ—въ Тульскую губернію.

На двадцать четыре дня: ректоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рахманиновъ—въ разныя губерніи.

На двадцать восемь дней: директоръ Могилевской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Ставровичъ— въ разныя губерніи.

На мѣсяць: директоръ Житомирской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сорокинъ—въ Черниговскую и Волынскую гу-

берніи, директоръ Минской дирекціи народныхъ училищъ, коллежскій совѣтникъ Тимоѣевъ—въ гор. Аренбургъ и С. Петербургъ и помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій регистраторъ Трапезниковъ—въ разныя губерніи.

На мѣсяцъ и три дня: директоръ Виленской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Балвановичъ—въ разныя губерніи.

На мѣсяцъ и семь дней: директоръ Курской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Жаворонковъ—въ Крымъ, по болѣзни.

На мѣсяцъ и двадцать дней: директоръ народныхъ училищъ Самарской губерніи, статскій совѣтникъ Никольскій—въ Саратовскую губернію по болѣзни.

На мѣсяцъ и двадцать три дня: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія Хабаровъ—въ гор. Витебскъ.

На два мѣсяца: директоръ народныхъ училищъ Вологодской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Левицкій—въ разныя губерніи.

На двадцать девять дней сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени 1881 года: директоръ Екатеринбургскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Балдинъ—въ разныя губерніи.

За границу: на двадцать восемь дней: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, коллежскій совѣтникъ Шмальгаузенъ и почетный смотритель Московскаго 2-го городского училища, надворный совѣтникъ Гивартовскій.

На два мѣсяца: бібліотекари Императорской Публичной Библиотеки: дѣйствительный статскій совѣтникъ Стасовъ и статскій совѣтникъ Страховъ и исправляющій должность управляющаго Болградскою гимназіею Ивановъ.

На пятнадцать дней сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени 1881 года: начальница женской гимназіи въ гор. Харьковѣ Оболенская.

На три мѣсяца: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Бороздинъ, по болѣзни.

Отчисляется отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленный къ сему министерству, титулярный совѣтникъ Терне, съ 22-го іюня 1881 года, по случаю причисленія его къ министерству государственныхъ имуществъ.

Увольняются: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сабии-

нинъ, согласно прошенію, отъ должности декана физико-математическаго факультета сего университета.

Ординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Зейфманъ, согласно прошенію, отъ настоящей должности.

Директоръ Владивостокской прогимназіи Сибиряковъ—отъ сей должности, согласно прошенію, съ 1-го іюля 1881 года.

Помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, губернской секретарь Зининъ, согласно прошенію, отъ службы, съ 1-го іюля 1881 года.

Директоръ Екатеринбургской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ — отъ службы, согласно прошенію, съ 11-го іюля 1881 года.

Директоръ народныхъ училищъ Нижегородской губерніи, статскій совѣтникъ Овсянниковъ—отъ службы, за выслугою срока, съ 11-го іюля 1881 года.

Директоръ Витебской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шефлеръ и директоръ Полтавскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Юшковъ—отъ службы, за выслугою срока, изъ нихъ первый съ 10-го августа 1881 года, съ дозволеніемъ обоимъ носить въ отставкѣ мундирные полукафтаны, послѣднимъ должностямъ присвоенныя.

Помощникъ журналиста департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Епифановъ — отъ службы, согласно прошенію, съ 1-го августа 1881 года, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: попечителю Трехбратавскаго сельскаго училища, Рославльскаго уѣзда, Смоленской губерніи, мѣстному землевладѣльцу Пенскому—за усердіе къ дѣлу народнаго образованія.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управлявшимъ министерствомъ, постановлено:

— Книгу С. Julii Caesaris Commentarii de bello Gallico. Текстъ съ

объяснительнымъ словаремъ и приложеніемъ карты Галліи. Издавъ для употребленія въ гимназіяхъ М. Блюсъ. Москва, 1881 г. — допустить въ гимназіи въ качествѣ учебнаго пособия.

— Книгу: „Этимологія русскаго языка, для низшихъ классовъ гимназій (примѣнительно къ правописанію). Составили А. Кирпичниковъ и Ѳ. Гиляровъ. Изданіе 16-е. Москва, 1882 г. Цѣна 40 коп.“ — одобрить какъ руководство по русскому языку для среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу „Систематическій курсъ ариметики. Часть I. Цѣлыя числа. Составилъ Ѳ. В. Геде. Второе передѣланное изданіе. С.-Петербургъ, 1881 г. Цѣна 45 коп. Часть II. Дробныя числа, отношенія пропорціи и тройныя правила. Составилъ Ѳ. В. Геде. Второе передѣланное изданіе. С.-Петербургъ, 1881 г. Цѣна 45 коп.“ — допустить какъ учебное пособіе для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Начала космографіи. Съ политипажамы въ текстѣ и палитографированной таблицей. Составилъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ К. Краевичъ. Изд. 3-е. С.-Петербургъ, 1881 г. Цѣна 1 руб.“, — включить въ число учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „О семьѣ. Чтеніе для народа. Мужьямъ о женахъ. Чтеніе первое, священника В. Пѣвцова (произнесено въ аудиторіи Солянаго городка). Изданіе второе. С.-Пб., 1880 г. Цѣна 10 коп.“ — одобрить для библиотекъ народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу, составленную Г. Воденелемъ (Baudenelle Verviers. 1881): „La Gymnastique pedagogique pour garçons, à l'usage des écoles primaires, moyennes et normales etc.“ — рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— 1) Книги: „Плоская тригонометрія“, для употребленія въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Составилъ К. Гехель, докторъ математики въ Дерптѣ. Изданіе 2-е. Дерптъ и Рига, 1880 г. Цѣна въ переплетѣ 60 к., — одобрить какъ учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній.

— 2) „Книга упражненій въ латинской грамматикѣ съ этимологическимъ вокабуляріемъ для учениковъ II и III классовъ гимназій и прогимназій. Издавъ С. Блажевскій. Москва, 1881 г., — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для низшихъ классовъ гимназій и прогимназій.

— 3) „Учебникъ Русской исторіи“ для III класса женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія, для II класса городскихъ училищъ, для приготовительнаго класса учительскихъ семинарій и иныхъ учебныхъ заведеній съ соотвѣтствующимъ курсомъ отечественной исторіи, Составилъ Н. Важеновъ, преподаватель Кронштадтскаго реальнаго училища и Техническаго училища морскаго вѣдомства. Кронштадтъ. 1881 г. цѣна 50 к.,—одобрить въ видѣ учебнаго пособія для низшихъ классовъ женскихъ гимназій, а также городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій.

— 4) „Жизнь и сочиненія Горація“. Литературный очеркъ Лукіана Миллера. С.-ПБ. 1880 г.—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для высшихъ классовъ гимназій.

— 5) Брошюру: „Богатства Сѣвера“. Экономическое изслѣдованіе Вивентія Журавскаго. Нижній-Новгородъ 1875 г.—рекомендовать основнымъ бібліотекамъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и учительскихъ семинарій.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:—книгу „Объяснительное чтеніе. Статья для первоначальнаго занятія русскимъ языкомъ. Назначается для городскихъ и начальныхъ школъ и для первыхъ двухъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ Ѳ. Г. Савенко. Воронежъ 1881 г., цѣна 80 к., допустить какъ учебное пособіе для городскихъ начальныхъ училищъ.

— Брошюру: „Азбука копѣйка“, 1878 г. С.-Петербургъ,—допустить для употребленія въ начальныхъ народныхъ школахъ.

— Книгу: „Бережь и трудъ“ краткое руководство политической экономіи (по Блоку) Н. А. Тизенгаузена С.-Петербургъ 1881 г. цѣна 40 к., допустить въ бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ, городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій.

— Составленную г. К. Петровымъ книгу: „Краткое описаніе Олонецкой губерніи“ (родиновѣдѣніе) Петрозаводскъ 1881 г. ц. 25 к.,

одобрить какъ учебное пособие для учебныхъ заведеній Олонецкой губерніи, въ которыхъ преподается географія.

— Книгу: 1) „Христосъ“. Священная поэма изъ св. Евангелія, въ стихахъ. Изданіе 1-е Москва 1880 г. Цѣна 1 руб. составилъ Самойло“, 2) „О томъ какъ подобаетъ православнымъ христіанамъ проводить дни престольныхъ и нарочитыхъ праздниковъ. Простонародныя бесѣды св. Іоанна Милонидова изд. 1-е Москва 1879 г.—допустить въ бібліотеки городскихъ училищъ и начальныхъ сельскихъ и городскихъ школъ.

— Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, рассмотрѣвъ издавныя редакціею журнала „Досугъ и дѣло“ книги: 1) „Краткое изъясненіе Божественной литургіи“. Составлено священникомъ Іоанномъ Никольскимъ. С.-ПБ. 1876 г. и 2) „Житіе святыхъ угодниковъ“ С.-ПБ. 1879 г. мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ г. управлявшимъ министерствомъ и согласно съ заключеніемъ учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, признавъ возможнымъ одобрить означенныя книги для бібліотекъ начальныхъ народныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Вслѣдствіе представленій начальства Варшавскаго учебнаго округа министерство народнаго просвѣщенія, утвердило съ огражденіемъ правъ третьихъ лицъ, значащіяся, въ формально опубликованныхъ домашнихъ духовныхъ завѣщаніяхъ, и дарственныхъ актахъ, отказы: 1) бывшаго законоучителя Варшавскихъ начальныхъ училищъ ксендза Іосифа Килинскаго отъ 6-го и 18-го января 1879 г., 2,100 р. въ пользу стипендіальнаго фонда для двухъ учениковъ гимназіи или прогимназіи, изъ семи поименованныхъ въ завѣщаніи его фамилій, по выбору существующаго при митрополитальномъ костелѣ св. Іоанна литературнаго братства и 300 руб. въ пользу Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, 2) настоятеля прихода Огородзенець, Ксендза Войцѣха Фричь, отъ 15-го 27-го сентября 1880 г., 7,500 р. въ закладныхъ листахъ земскаго кредитнаго общества въ пользу института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, 3) Гортензіи Ярочевской, отъ 13-го октября 1880 г., 3,300 р. въ пользу стипендіальнаго фонда для семейства Галчинскихъ, 4) Ивана Бржезинскаго, отъ 19-го октября 1879 г.

15,000 р. на обученіе несостоятельныхъ молодыхъ людей ремесленнаго класса, польскаго происхожденія и римско-католическаго вѣроисповѣданія, ремесламъ: столярному, плотничному, слесарному, кузнечному, сапожному и портняжному на указанныхъ завѣщателемъ условіяхъ, 5) Станислава Шуберскаго, отъ 8-го 20-го декабря 1876 г., 450 р. въ пользу института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ; 6) Ивана Добишинскаго отъ 13-го и 25-го сентября 1880 года для раздѣла между земледѣльческимъ пріютомъ, институтомъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ и стипендіальнымъ фондомъ, для учениковъ Варшавскихъ учебныхъ заведеній римско-католическаго исповѣданія, половины оставшагося послѣ завѣщателя капитала, по уплатѣ изъ онаго отказа въ 300 р. въ пользу его сестры; 7) Валентія Станчуковскаго отъ 15-го мая 1877 г. 150 руб. въ пользу студентовъ Варшавскаго университета и 15 руб. въ пользу института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ; 8) Игнатія Цишевскаго, отъ 23-го апрѣля 1880 г., 4,000 руб., для образованія изъ процентовъ съ этой суммы стипендіи для одного изъ посвящающихъ себя скульптурѣ, по выбору общества поощренія художествъ въ царствѣ Польскомъ и 9) Ивана Боровскаго отъ 3-го и 4-го сентября 1880 г., 2,150 р. и движимаго имущества и капиталовъ, оставшихся послѣ завѣщателя, за удовлетвореніемъ издержекъ по похоронамъ и другихъ расходовъ, въ пользу стипендіальнаго фонда для ученика, ученицы и студента изъ фамилій указанныхъ въ завѣщаніи.

8-го сентября текущаго года открыта въ г. Стародубѣ четырехклассная мужская прогимназія, на первое время въ составѣ первыхъ двухъ классовъ.

МАКАРІЙ МИТРОПОЛИТЪ ВСЕЯ РОССІИ ¹⁾.

VI.

Съ расширеніемъ предѣловъ и власти московскаго князя, Судебникъ, составленный при Іоаннѣ III, не могъ соответствовать уже требованіямъ времени. Жизнь общества двинулась впередъ, уяснились юридическія понятія, слѣдствіемъ чего явилась необходимость изданія новыхъ законовъ и замѣны старыхъ. Іоаннъ обратилъ вниманіе на это обстоятельство и въ 1550 г. „благословясь у митрополита пересмотрѣть и исправить Судебникъ по старинѣ“ ²⁾, повелѣлъ заняться уложеніемъ новаго. Есть нѣкоторыя указанія на участіе Макарія при составленіи новаго судебника. Въ 1550 г. царь Іоаннъ съ митрополитомъ и боярами приговорилъ и нарядъ служебный велѣлъ написать, гдѣ быть на его службѣ боярамъ и воеводамъ по полкамъ. Это постановленіе ограничило случаи мѣстничества и дало возможность и людямъ незнатнаго происхожденія имѣть вліяніе на ходъ войны. Въ томъ же году Макарій ѣздилъ во Владиміръ и тамъ уговаривалъ воеводу прекратить мѣстническіе споры. Безспорно участіе митрополита въ вопросахъ, касавшихся духовенства. Къ такимъ вопросамъ нужно отнести установленіе предѣловъ святительскаго суда, постановленіе о наложеніи эпитиміи на христіанъ, нарушившихъ клятву, данную въ плѣну—не спасаться бѣгствомъ, о духовныхъ за-

¹⁾ *Окончаніе*. См. октябрьскую книжку текущаго года.

²⁾ *Карамзинъ*, VIII, 182 (пр.), Стоглавъ (Кож.), 39

вѣщаніяхъ, которыя тогда подлежали вѣденію духовенства и т. п. ¹⁾. Есть свидѣтельство о томъ, что за разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ иногда обращались къ митрополитичьимъ боярамъ.

Составленіе новаго Судебника представляетъ какъ бы приступъ къ цѣлому ряду мѣръ, къ устраненію ненормальныхъ сторонъ внутренней жизни русскаго общества 16-го столѣтія. Дѣйствительно, въ 16 столѣтіи замѣтно стали рушиться традиціи старины, отцами и дѣдами положенныя въ основу общественныхъ отношеній. Новые понятія и взгляды не могли мириться съ старинными формами, но и сами они не вносили ничего дѣльнаго въ жизнь, слѣдствіемъ чего и была та путаница нравственныхъ правилъ и возрѣній, отъ которой несвободны даже лучшіе люди русскаго общества 16-го столѣтія.

Главной причиной такой неурядицы былъ весьма низкій уровень образованія. Нечего и говорить о народной массѣ, когда въ лучшей части общества истинное благочестіе было замѣнено внѣшней стороной религіи, на нравственность смотрѣли какъ на средство для достиженія практическихъ цѣлей. Отсутствие просвѣщенія повлекло за собой множество заблужденій даже среди высшаго духовенства, какъ, напримѣръ, смѣшеніе каноническихъ и апокрифическихъ книгъ; даже само св. писаніе не оставалось безъ перемѣнъ, часто совсѣмъ искажавшихъ его смыслъ. Въ то же время въ обществѣ господствовало полнѣйшее поклоненіе силъ: обманы, грабежи, насилія, разбойничества и тому подобныя преступленія даже не считались таковыми и лица, особенно отличавшіяся на этомъ поприщѣ, дѣлались часто примѣрами для подражанія, какъ образцы молодечества.

Но однако мы видимъ, что государство не пало: напротивъ, оно выдержало страшный напоръ враговъ и послужило здоровымъ основаніемъ при образованіи могущественнѣйшей имперіи; это объясняется тѣмъ, что хотя общество вслѣдствіе неблагоприятныхъ историческихъ условій и было на краю гибели, но въ немъ коренилось еще много здоровыхъ началъ, которыя и помогли ему выйти на настоящую дорогу. Такъ въ обществѣ не заглохло еще совсѣмъ сознаніе своихъ недостатковъ и оно не переставало проявлять это сознаніе въ лицѣ своихъ передовыхъ людей, которые не желали мириться съ современнымъ имъ положеніемъ дѣлъ, чувствовали всю ненормальность такого положенія и невозможность прогресса при такихъ условіяхъ. Хотя эти люди, будучи дѣтьми своего времени и общества, не всегда

¹⁾ Судебникъ, § 91 (Ист. А. 1—248), *Карамзинъ*, IX, 268.

указывали надлежащія мѣры къ его исправленію, но одно ихъ отрицательное отношеніе къ современности даетъ имъ право стать на ряду съ лучшими дѣятелями русской исторіи. Въ описываемую нами эпоху къ числу такихъ дѣятелей, кромѣ иностранца Максима Грека, нужно причислить Іоанна IV и митрополита Макарія. Свои воззрѣнія на современное имъ положеніе дѣль они высказали въ такъ называемомъ Стоглавѣ — постановленіяхъ Стоглаваго собора, главными участниками котораго они были.

Стоглавый соборъ былъ созванъ въ 1551 г., и засѣданія его открылись 23 февраля „въ царскихъ палатѣхъ“. Предсѣдательствовалъ митрополитъ Макарій, членами были: архіепископы Ѳеодосій Новгородскій, Никандръ Ростовскій, епископы Кассіанъ Рязанскій, Акакій Тверской, Кипріанъ Пермскій, Ѳеодосій Коломенскій, Трифонъ Суздальскій, Гурій Смоленскій, Савва Сарскій, архимандриты, игумены и многихъ честныхъ монастырей строители. Нужно замѣтить, что четверо изъ епископовъ—именно Смоленскій, Новгородскій, Тверской и Сарскій были Іосифовы постриженники ¹⁾, а изъ остальныхъ епископовъ только Кассіанъ Рязанскій извѣстенъ былъ какъ приверженецъ противной Іосифлянамъ партіи.

Рѣшенія собора носили первоначально названіе „царскіе вопросы и соборные отвѣты о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ“; изъ этого заглавія уже видно, что они состоятъ изъ вопросовъ, приписываемыхъ царю, и отвѣтовъ, данныхъ отъ лица собора.

Стоглавый соборъ былъ открытъ двумя рѣчами царя, въ которыхъ онъ преимущественно обращаетъ вниманіе на бѣдствія, претерпѣнныя русской землей во дни его юности, обвиняетъ бояръ и вельможъ, которые бѣднымъ христіанамъ великое насильство чинили, обличаетъ ихъ въ гордости, корыстолюбіи, зависти, распутствѣ и другихъ порокахъ и въ концѣ первой своей рѣчи проситъ соборъ указать средства къ исправленію церковнаго и земскаго настроенія; во второй рѣчи онъ предлагаетъ святителямъ разсмотрѣть и утвердить Судебникъ. Затѣмъ царь представилъ собору рядъ вопросовъ (37 первыхъ и 32 вторыхъ), въ которыхъ указываетъ на различные безпорядки, происшедшіе въ обществѣ отъ того, „что поиспатались прежніе обычаи и въ самовластіи учинено по своимъ волямъ и прежніе законы порушены“. Безпорядки, указанные царемъ, относятся ко всѣмъ сторонамъ тогдашней жизни: поведеніе духовенства и мірянъ.

¹⁾ Лют. Р. лит. и Др., V, Челобитная еп. Леониды.

отношеніе церкви къ государству, іерархія, богослуженіе, народныя безчинства и суевѣрія и т. п.

Митрополитъ Макарій утверждаетъ ¹⁾, что составленіе этихъ вопросовъ нельзя приписать царю, что молодой царь не могъ обладать такими обширными свѣдѣніями, какія находимъ мы въ вопросахъ, и что ему нужно только приписать честь осуществленія мыслей его совѣтниковъ, преимущественно Макарія. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя однако вполне согласиться. Мысль о созваніи собора и честь осуществленія ея одинаково принадлежатъ Макарію и Іоанну. Соборы съ давнихъ поръ считались въ русской землѣ необходимымъ средствомъ для обсужденія положенія дѣлъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что и на этотъ разъ царь и митрополитъ рѣшились прибѣгнуть къ обычному средству. Что Іоаннъ не ограничился только тѣмъ, что далъ ходъ дѣлу, видно изъ того горячаго участія, которое онъ принималъ въ разсматриваемыхъ вопросахъ, какъ, напримѣръ, о церковныхъ вотчинахъ, о подсудности духовенства и т. п.; подтвержденіе этого мы находимъ и въ 98 и 101 главахъ Стоглава, гдѣ приводятся совѣщанія Макарія съ царемъ. Нельзя также сомнѣваться въ томъ, что Іоаннъ обладалъ тѣми обширными свѣдѣніями, которыя обнаружены въ вопросахъ, особенно относительно церковныхъ обрядовъ и мельчайшихъ подробностей богослуженія. Московскіе великіе князья и цари вообще отличались знаніемъ церковной обрядности, а Іоаннъ IV въ особенности. Извѣстно, что онъ весьма любилъ вступать въ богословскія пренія съ иностранцами (Поссевинь, Рокита, Бакгорнь и др.) и своими свѣдѣніями въ вопросахъ религіозныхъ приводилъ ихъ въ изумленіе.

Стремленіе царя къ изображенію отрицательной стороны жизни можно видѣть еще въ рѣчи его, произнесенной къ выборнымъ земли Русской. Въ посланіи Іоанна въ Кирилловъ Бѣлоозерскій монастырь есть множество указаній на недостатки монашеской жизни, которая, очевидно, должна была быть ему хорошо извѣстна. Наконецъ, еще болѣе указаній на темныя стороны жизни замѣчаемъ мы въ извѣстной рѣчи его къ духовенству въ 1575 году. Съ беспорядками мѣстными, суевѣріями и т. п. царь могъ ознакомиться въ своихъ многочисленныхъ путешествіяхъ, о чемъ онъ и самъ упоминаетъ въ 34 вопросѣ, „какъ есмь былъ въ Великомъ Новѣградѣ и Псковѣ“ (Кож., 56 стр.).

Но, не отвергая участія царя въ составленіи вопросовъ, нельзя

¹⁾ Ист. р. Церк., VI, 229.

однако исполнѣ ихъ приписывать ему. Въ вопросахъ есть много данныхъ, указывающихъ на то, что и Макаріей принималъ большое участіе въ ихъ составленіи. Въ нихъ весьма часты, напримѣръ, такіа указанія на порядки и обычаи Новгородской епархіи ¹⁾, какія могъ дать только человекъ, весьма близкій къ этимъ мѣстамъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ вопросы, которые уже были затронуты Макаріемъ въ Новгородѣ, напримѣръ, въ 9 вопросѣ (объ игуменахъ) недостатки игуменовъ указываются тѣ же, что и въ уставной грамотѣ св. Духову монастырю, въ 18—о пьянствѣ монаховъ, въ 37—о мужско-женскихъ монастыряхъ, во второмъ 12-мъ о духовникахъ монахахъ въ женскихъ монастыряхъ и т. п.

Отвѣты на царскіе вопросы отъ лица всего собора составлены, какъ можно заключать по изложенію, нѣсколькими лицами, но главная редакція всего Стоглава и большая часть отвѣтовъ безспорно принадлежатъ митрополиту Макарію. Онъ былъ не только по своему сану первоприсутствующимъ на соборѣ, но и дѣйствительно по образованію и начитанности стоялъ выше всѣхъ другихъ членовъ, болѣе всѣхъ былъ знакомъ съ церковными законами, и потому естественно имѣлъ преимущественное вліяніе при составленіи и формулированіи соборныхъ рѣшеній. Кромѣ того, въ этомъ убѣждаетъ насъ сличеніе многихъ мѣстъ Стоглава съ сочиненіями Макарія, явившимися раньше собора. Такъ 3 и 33 главы часто представляютъ выдержки изъ посланія Макарія въ Свияжскъ ²⁾, 52 глава—изъ посланія къ царю въ Казань ³⁾, постановленія собора о церковныхъ имуществахъ основываются на тѣхъ же данныхъ, какія мы находимъ въ „Отвѣтѣ“ Іоанну, писанномъ раньше соборнаго постановленія ⁴⁾. Въ 35 главѣ, въ которой помѣщенъ „указъ поповскимъ старостамъ“, постоянно встрѣчаются указанія на Московскій Успенскій соборъ (Пречистая соборная), вмѣсто общаго указанія на „святителя“ встрѣчается „митрополитъ“, такъ что исполнѣ естественно предположить, что указъ былъ сначала составленъ для московскихъ старостъ Макаріемъ и затѣмъ на соборѣ принятъ былъ за общее руководство и помѣщенъ въ постановленіяхъ

¹⁾ Вопросы первые: 11, 18, 34, 36; вторые 12, 14, 15, 18 и др. Въ 12 вопросѣ, напримѣръ, просвири, сами совершающія молитвы надъ просфорами, сравниваются съ чудскими арбуями.

²⁾ Акт. Ист. 287, Стогл. 26, 27, 109.

³⁾ Акт. Ист. 290, Стогл. 174.

⁴⁾ Лѣт. Р. Л. и Др. V, III, 126; Стогл., 230.

въ первоначальномъ видѣ ¹⁾. Даже современники признавали Макарія главнымъ составителемъ Стоглава, что видно изъ того, что многія отдѣльныя главы изъ Стоглава въ рукописяхъ приписываются ему ²⁾. Даже весь Стоглавъ носилъ названіе Соборнаго Уложенія царя Ивана Васильевича и митрополита Макарія, какъ это видно изъ одной грамоты Троицкаго монастыря 1555 года ³⁾.

Стоглавъ имѣлъ цѣлью указать тѣ нравственныя язвы, которыми страдало Русское государство, и дать средства къ уврачеванію этихъ язвъ. На сколько рекомендованныя Стоглавомъ средства были цѣлесообразны и спасительны, объ этомъ поговоримъ послѣ, а теперь займемся вопросомъ, въ чемъ видѣли составители собора эти язвы, или поисхатавшіяся стороны современной имъ жизни, и что считали средствами, могущими ихъ уничтожить.

Касаясь преимущественно церковно-юридическихъ вопросовъ, Стоглавъ не оставлялъ безъ вниманія и обыкновенныхъ явленій народной жизни, ея нравовъ и обычаевъ, казавшихся ему ненормальными. Больше всего останавливали на себѣ вниманіе его составителей вопросы о правѣ монастырей владѣть населенными землями, о духовномъ судѣ и администраціи, о поставленіи священниковъ, объ образованіи и др., которыми теперь и займемся.

Древній складъ русской жизни вызвалъ особое направленіе народнаго духа—мистико-аскетическое. Направленіе это выразилось какъ въ особыхъ взглядахъ на жизнь, такъ и въ высшей степени сочувственномъ отношеніи къ представителю идеи аскетизма—монахамъ. Однимъ изъ проявленій этого сочувствія былъ надѣлъ монастырей недвижимою собственностью, который практиковался съ первыхъ же временъ появленія на Руси монашества. Доброхотныя даянія способствовали накопленію въ монастыряхъ движимыхъ и недвижимыхъ богатствъ, которыя, вмѣстѣ съ обширными привилегіями, получаемыми отъ правительства, давали возможность расширять свои владѣнія и привлекать на монастырскія земли крестьянъ; такимъ образомъ монастырскія владѣнія до того увеличились, что въ вѣкъ Стоглава, по отзыву одного иностранца (Адама Климента), монастыри владѣли третью частью всей тогдашней Россіи. Такое накопленіе богатствъ въ монастыряхъ, какъ съ одной стороны не могло не остаться безъ

¹⁾ *Ждановъ*, Матеріалы д. Ст. Соб., 200.

²⁾ *Филаретъ*, 132; *Макарій*, VI, 236—237; *Ждановъ* 220.

³⁾ *Акт. Эвсп.*, 1, 266.

пагубнаго вліянія на монашескую жизнь, такъ съ другой не могло быть пріятно для свѣтскаго правительства, вслѣдствіе чего въ XV и XVI столѣтіяхъ стало появляться много протестовъ противъ такого порядка вещей. Начало положили Іоаннъ III, завладѣвшій въ 1477 г. частью епископскихъ и монастырскихъ имуществъ Новгорода. Въ 1503 г. онъ велѣлъ разсмотрѣть собору, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть землями; противъ владѣнія вооружились ревнители древняго отшельничества; но, не смотря даже на сочувствіе царя, они должны были уступить Іосифу, выставившему такіа историческія и юридическія основанія и свято-отческія преданія, что великому князю оставалось только отказаться отъ своего намѣренія. Такимъ образомъ, дѣло оставалось неразрѣшеннымъ до временъ Стоглаваго собора, когда его опять выдвинули на сцену.

Іоаннъ IV, подобно дѣду своему, былъ противъ владѣнія монастырей имуществами. Возникновенію такого взгляда главнымъ образомъ способствовали государственные интересы; но не оставались безъ послѣдствія и убѣжденія партіи, противной іосифлянамъ, которая тогда еще пользовалась большимъ вліяніемъ на государя. Царь, какъ видно, хотѣлъ окончательно рѣшить этотъ вопросъ на соборѣ, и не въ пользу Іосифлянъ, но такому намѣренію его всѣми силами воспротивился Маварій. Лишить монастыри и вообще все высшее духовенство его матеріальныхъ средствъ, по его мнѣнію, значило уничтожить одну изъ важнѣйшихъ основъ церковнаго благочестія, поколебать все стройное зданіе, столь долго и съ такими усиліями создаваемое его предшественниками. Подобно одному изъ нихъ, митрополиту Симону, онъ рѣшился возстать противъ своего государя и въ особомъ посланіи категорически изложилъ свои мнѣнія. Посланіе это носитъ названіе „Отвѣтъ Маварія, митрополита всея Русіи отъ божественныхъ правилъ святыхъ апостоловъ и отецъ седми соборовъ и помѣстныхъ.... и отъ заповѣдей святыхъ православныхъ царей къ благочестивому царю и великому князю Ивану Васильевичу о недвижимыхъ вещехъ, вданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ“¹⁾.

Отвѣтъ начинается воззваніемъ къ царю слушать и внимать сказанному и затѣмъ, разсудивъ, избрать душеполезная и вѣчная, а тлѣнная и мимотекущая міра сего полагать ни во что, такъ какъ они переходящи; вѣчны только добродѣтель и истина. За этимъ энергическимъ вступленіемъ слѣдуетъ изложеніе историческихъ и юриди-

¹⁾ *Лит. Р. Л.*, V, III, 129.

чeskихъ основаній, могущихъ имѣть обязательную силу для государя. Сначала идутъ указанія на царей греческихъ. Отъ перваго христіанскаго царя Константина ни одинъ греческій царь не осмѣлился отнимать у церквей и монастырей вданныхъ имъ въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ недвижимыхъ и движимыхъ вещей, боясь осужденія отъ Бога, св. апостолъ и отецъ семи соборовъ страшныя, грозныя и великія ради заповѣди. Ибо по внушенію св. Духа отцы соборовъ возгласили: „если какой-нибудь царь или князь похититъ, или возьметъ вданныя церквамъ и монастырямъ недвижимыя вещи, тотъ отъ Бога осуждается, какъ святотатецъ, а отъ св. отцевъ проклятъ на вѣки“. И потому греческіе цари не только не отнимали, а напротивъ сами дарили, какъ, напримѣръ, Константинъ папѣ Сильвестру. Затѣмъ слѣдуетъ извѣстная подложная грамота папѣ Сильвестру, которая помѣщена и въ Стоглавъ (60 гл.). Равнымъ образомъ, продолжаетъ Макарій, и въ Россіи отъ перваго прадѣда царскаго св. Владимира и до Иоаннова христіолюбиваго царства всѣ русскіе цари, боясь наказанія отъ Бога, не смѣли коснуться церковныхъ имуществъ, но сами недвижимыя вещи въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ имъ вдавали. Св. Владимиръ назначилъ церкви десятую часть, и въ завѣщаніи (которое приводится здѣсь и въ 62 гл. Стоглава цѣликомъ) проклялъ всѣхъ нарушающихъ права церкви. Подобно ему князь Андрей Боголюбскій и другіе князья давали „многы имѣнія и слободы и з даньми, и села лучшія и дани и десятину во всемъ и въ стѣдахъ своихъ и торгъ десятый во всемъ своемъ царствѣ“, и Божиимъ милосердіемъ всѣ ихъ жалованія въ святѣйшей митрополіи русской и до сего дня никѣмъ недвижимы и невредимы сохраняются; если иногда и оскорбляются злыми людьми, то по волѣ Бога опять наполняются, потому что все это посвящено Богу, и никто не можетъ оскорблять или поколебать церковь Божию: она выше и тверже небесъ, шире земли, глубже моря, свѣтлѣ солнца и основана на камнѣ, сирѣчь на вѣрѣ Христова закона. Даже невѣрные и нечестивые цари монгольскіе не отнимали ничего у св. церквей, но давали ярлыки св. митрополитамъ съ великимъ запрещеніемъ, чтобъ церковныя имущества ни отъ кого не обидимы и недвижимы были до скончанія царства ихъ (слѣдуетъ ярлыкъ Узбека, данный митрополиту Петру).

„Коль же паче слѣдуетъ тебѣ, благочестивный государь, показать свою вѣру къ Богу и тщаніе къ монастырямъ и церквамъ и не отнимать у нихъ имѣній, но подавать. Ибо тебя паче всѣхъ царей Богъ возвысилъ и почтилъ: ты единовластный царь во всемъ великомъ Рос-

сїйскомъ царствѣ и самодержецъ и знаешь хорошо Христовъ законъ и св. отецъ заповѣди „вся тебѣ божественная писанія въ конецъ вѣдущу и на языцѣ носящу“.

Затѣмъ отъ представителей свѣтской власти Макаріей переходитъ къ представителямъ духовной. И имъ тоже на всѣхъ соборахъ запрещено продавать или отдавать недвижимыя стяжанія церковныя. „Если какой-нибудь святитель, или игумень, или монахъ дерзнетъ продать или отдать церковныя недвижимыя вещи“, говоритъ правило вселенскихъ соборовъ, „князю или вельможамъ земли своей, то продажа не считается дѣйствительною, а продавшіе будутъ осуждены св. Троицей и устроены идѣже червь не умираетъ и огонь не угасаетъ, потому что гласу Господню противятся глаголющу: не творите Отца моего дому купленнаго моего“.

Правило это соблюдали всѣ греческіе и русскіе митрополиты, „тѣмъ болѣе подобаетъ мнѣ смиренному, хотя недостойному такого святительскаго сана, даже не осмѣлиться таковая страшная дрвати или помыслити уступить или продать что нибудь изъ церковныхъ имущества. Не буди того и до послѣдняго нашего издыханія и избави всѣхъ насъ, всесильный Боже, и сохрани отъ такого законо-преступленія и не допусти быть тому не только при насъ, но и послѣ насъ. Не удивляйся моимъ словамъ, царь: какъ св. отцы оставили и заповѣдали, такъ и мы мудрствуемъ и до послѣдняго своего издыханія. Мы всѣ люди, плавая въ „многомльенномъ“ семъ морѣ, не знаемъ, что будетъ съ нами, но бояться намъ слѣдуетъ только небеснаго серпа, который видѣлъ пророкъ Захарія, уготованнаго на всѣхъ обидящихъ, неправедно судящихъ и нарушающихъ клятвы. Я во время своего рукоположенія среди церкви предъ тобою, царь, и всѣмъ народомъ клялся „судьбы, оправданія и законы наши хранить и предъ цари за правду не стыдиться“, и если мнѣ теперь и понуженіе будетъ отъ самого царя или вельможъ его говорить что нибудь не по божественнымъ правиламъ, то не послушаю ихъ, даже если и „смертью претягъ“. И потому прошу и умоляю твое царское величество и много со слезами челомъ бью, не вели взяти у Богородицы и великахъ чудотворцевъ изъ дому тѣхъ недвижимыхъ вещей“.

Это прекрасно составленное и съ необычайной энергіей и твердостью написанное посланіе представляетъ весьма рѣдкое явленіе въ древней русской литературѣ. Оно произвело сильное впечатлѣніе на царя Ивана Васильевича, и вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ былъ предложенъ собору совершенно не въ такой формѣ, въ какой пред-

полагалось. Царь обратилъ вниманіе только на дурное управленіе монастырей имуществомъ и на излишнюю заботливость о приобрѣтеніи новыхъ имѣній. Соборъ (75 глава) постановилъ прекратить безпорядки въ управленіи имѣніями и запретилъ докучать царю просьбами о новыхъ пожалованіяхъ.

Постановленія собора послѣ ихъ составленія были посланы для разсмотрѣнія въ Троицкій монастырь бывшему митрополиту Іосафу, бывшему архіепископу Ростовскому Алексѣю и нѣсколькимъ другимъ заштатнымъ духовнымъ лицамъ—всѣмъ, какъ мы увидимъ, принадлежавшимъ къ партіи, противной Іосифлянамъ. Это обращеніе къ бывшимъ не у мѣстъ сторонникамъ воложскихъ старцевъ объясняется, когда мы обратимъ вниманіе на то, что въ числѣ лицъ, разсматривавшихъ вмѣстѣ съ Іосафомъ постановленія Стоглава фигурируетъ Благовѣщенскій попъ Селиверстъ ¹⁾. Какъ и слѣдовало ожидать противники Іосифлянъ преимущественно обратили вниманіе на старыя спорныя пункты собора 1503 г. Прежде всего они потребовали, чтобъ въ соборномъ спискѣ 1503 года, приведенномъ въ одной изъ главъ Стоглава, гдѣ въ числѣ игуменовъ, присутствовавшихъ на соборѣ упомянуть только одинъ Іосифъ Волоцкій, были упомянуты и другіе честные игумены и старцы, которые житьемъ были богоугодны и святое писаніе твердо и разумно знали и которыхъ имена можно узнать у бояръ старыхъ; но въ Стоглавѣ имя Іосифа упомянуто потому, что приводится его мнѣніе относительно вопроса о вдовыхъ понахъ (79 гл.), мнѣніе совершенно противоположное мнѣнію воложскихъ старцевъ, и потому упоминать ихъ имена было совсѣмъ лишнимъ. Требованіе Іосафа и его сторонниковъ иначе нельзя объяснить, какъ желаніемъ напомнить царю, что мнѣніи Іосифа Волоцкаго не всѣ держатся и что есть еще и иныя честныхъ и богоугодныхъ игуменовъ и старцевъ, которыя также слѣдуетъ принимать во вниманіе при уложеніи постановленій собора.

Іосафъ, прямо не коснулся вопроса о монастырскихъ имѣніяхъ, но вѣроятно, пользуясь вліяніемъ Сильвестра, успѣлъ настоять на томъ, чтобы этотъ вопросъ вторично былъ разсмотрѣнъ на соборѣ. 11-го мая (101 гл.) царь Иванъ Васильевичъ вмѣстѣ съ митрополитомъ и всѣмъ соборомъ постановили: разрѣшить впредь покупать духовнымъ лицамъ имѣнія только съ особаго царскаго разрѣшенія, всѣ неправильно записанныя или за долги отнятыя имѣнія возвратитъ

¹⁾ Стогл. 415 (Каванск. изд.).

прежнимъ владѣльцамъ и, наконецъ, отмѣнить всѣ милостыни, назначенныя церквамъ въ малолѣтство государя.

Другой вопросъ, который обращалъ на себя вниманіе всѣхъ лучшихъ людей того времени, былъ вопросъ о духовномъ судѣ и о способѣ прекращенія всѣхъ беспорядковъ и неурядицъ, которыми онъ тогда отличался. До Стоглава судомъ завѣдывали владычніе намѣстники, бояре, дьяки и, такъ называемые, десятильники. Какъ видно, многіе вооружались противъ этихъ десятильниковъ, и соборъ не отмѣнилъ ихъ только потому, что они существовали при св. митрополитахъ Петрѣ, Алексіѣ и др., но все-таки онъ призналъ необходимымъ присутствіе на судѣ выборныхъ поповскихъ старостъ и десятскихъ, которые должны были наблюдать за поведеніемъ десятильниковъ и въ случаѣ злоупотребленій доносить владыкѣ. Они также должны были заботиться о правильной доставкѣ святительскихъ дани и пошлинъ и вообще каждый въ своемъ округѣ наблюдать за церковнымъ благочиніемъ и за исполненіемъ обязанностей духовенства. Относительно суда святительскихъ бояръ Стоглавъ постановилъ, чтобы и на ихъ судѣ сидѣли старосты поповскіе, пятидесятскіе и десятскіе вмѣстѣ съ земскими судьями; судные списки должны были представляться святителямъ, которые и чинили окончательный приговоръ.

Іоаннъ въ своихъ вопросахъ обратилъ вниманіе на безнравственность чернаго и бѣлаго духовенства, на полнѣйшее непониманіе ими своихъ обязанностей, на безграмотность ставленниковъ и т. п. Соборъ издалъ правила о собраніяхъ священниковъ для совѣщаній о церковныхъ дѣлахъ, поручилъ поповскимъ старостамъ и десятскимъ смотрѣть за нравственностью священниковъ, присутствовать въ ихъ совѣщаніяхъ, и руководить ими.

Какъ ни низокъ былъ уровень образованія въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, но и при тогдашнихъ самыхъ умѣренныхъ требованіяхъ бросалось въ глаза крайнее невѣжество людей, избранныхъ быть нравственными и религиозными руководителями народа. Священники необходимы были для народа, а грамотныхъ людей взять было негдѣ; малограмотные ставленники говорятъ: „мы де учимся у своихъ отцевъ или мастеровъ, а индѣ намъ учиться негдѣ; сколько отцы наши и мастера умѣютъ потому и насъ учать“; а учителя отцы и мастера, замѣчаетъ Стоглавъ, и сами мало знаютъ, потому что учиться имъ негдѣ. Прежде въ Москвѣ и въ Новгородѣ много училищъ было и потому тогда грамотѣ и писати и лѣти и чести гораздыхъ

много было, пѣвцы и четцы славны были по всей землѣ и доднесь (25 гл.). При такомъ бѣдственномъ положеніи соборъ не выдумалъ лучшей мѣры, какъ приказать во всѣхъ градахъ выбрать добрыхъ священниковъ и діаконѡвъ, грамотѣ чести и писати гораздыхъ, и въ ихъ домахъ открыть училища. Въ училищахъ должны были учить псалмопѣнію, чтенію налойному и пѣнію, и канарханію по церковному чину; учителя должны были учить всему тому, что сами умѣютъ, по данному имъ отъ Бога таланту, ничтоже скрывающе. Уча, нужно было имѣть въ виду, чтобы ученики впредь не только сами могли заниматься, но и другихъ пользоваться и учить всему полезному. Особенное вниманіе обращаетъ Стоглавъ, чтобы ученики воспитывались въ строгой нравственности (26 гл.).

Рѣшивъ такимъ образомъ вопросъ о первоначальномъ образованіи, отцы Стоглава совѣтъ не коснулись вопроса о просвѣщеніи въ приимѣненіи къ высшему духовенству. А какъ необходимо было оно видно изъ самого Стоглава. Лучшіе представители русской церкви не считали противозаконнымъ основываться на апокрифическихъ сказаніяхъ, подложныхъ правилахъ и невѣрныхъ выдержкахъ изъ Св. Писанія, произвольно ихъ толковать и т. п.; они же узаконили подъ страхомъ анаемы такіе обряды и обычаи, какъ двуперстное сложеніе, сугубая аллилуія, небритіе браны и усовъ и другіе имъ подобныя. Напрасно стали бы мы оправдывать въ этихъ прегрѣшеніяхъ Стоглава митрополита Макарія. Онъ былъ человекъ своего времени, воспитавшійся при такихъ условіяхъ, при которыхъ возможно было появленіе пѣлаго ряда замѣчательныхъ людей, впадавшихъ въ такія же, какъ и онъ, ошибки по недостатку надлежащаго образованія. Самъ Макарій чувствовалъ свою несостоятельность въ этомъ отношеніи; въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ пишетъ: „если гдѣ написано ложное и отреченное слово, и мы того не возмогохомъ исправить и отставить, о томъ отъ Господа Бога прошу прощенія“. Какъ шатки были у него убѣжденія относительно нѣкоторыхъ узаконенныхъ имъ обычаевъ видно изъ того, что въ Четвяхъ Минеяхъ онъ помѣстилъ „преніе философа Никифора Панагіота съ Азимитомъ“, въ которомъ доказывается правильность троеперстія, указъ о трегубой аллилуія и т. п.

Соборъ обратилъ однако вниманіе на неправильную переписку книгъ св. писанія. Это можно объяснить вліяніемъ сочиненій Максима Грека, усерднымъ чтеніемъ которыхъ былъ, какъ мы видѣли, Макарій. Максимъ оставилъ множество сочиненій, въ которыхъ доказывалъ необходимость и важность исправленія книгъ. Самъ Ма-

каріи, усердно занимаясь собраніемъ и пересмотромъ рукописей, на практикѣ могъ познакомиться съ неудобствами, происходящими отъ неправильной переписки и отъ недостатка хорошихъ переписчиковъ. Стоглавъ, рассмотрѣвъ этотъ вопросъ, какъ и Максимъ Грекъ, главною причиною неисправности книгъ считалъ малограмотность писцовъ и великое небреженіе о церковныхъ книгахъ со стороны слушателей и пастырей церкви; вслѣдствіе этого соборъ установилъ родъ духовной цензуры, поручивъ ее поповскимъ старостамъ и десятскимъ; они должны были осматривать всѣ священныя и церковныя книги и, найдя неправильныя, съ описками, исправлять такія соборнѣ, по лучшимъ спискамъ; писцамъ же велѣно писать только съ добрыхъ переводовъ и продавать рукописи послѣ пересмотра ихъ священниками, которые приглашались имѣть въ этомъ дѣлѣ особенное тщаніе, чтобы „совершить и исправить, елика ихъ сила, за то имъ отъ Бога награда, отъ царя честь, отъ собора благословеніе и отъ всего народа благодареніе“ (гл. 27, 28).

Но самая главная заслуга Стоглава и преимущественно Макарія въ этомъ отношеніи—въ открытіи первой въ Московской Руси типографіи. Она была специально открыта для печатанія „священныхъ книгъ по исправленнымъ образцамъ. Въ послѣсловіи апостола 1564 г. сказано: „повелѣ составити — дѣло печатныхъ книгъ ко очищенію и ко исправленію ненаучныхъ и неискусныхъ въ разумѣ книгописцевъ“¹⁾. Первые типографщики Іоаннъ Федоровъ и Петръ Мстиславецъ пользовались покровительствомъ митрополита Макарія и, только благодаря ему, могли заниматься своимъ дѣломъ, несмотря на всеобщее негодование противъ типографіи, поддерживаемое и распространяемое ненаучными и неискусными въ разумѣ грамотѣями-переписчиками и разными суевѣрами и фанатиками.

Установивъ правила для переписчиковъ книгъ, Стоглавъ не могъ не обратить вниманія и на иконопись. Макарій былъ самъ иконописецъ, и потому крайне любопытны тѣ требованія, какія онъ предъявляетъ людямъ, жагающимъ заниматься этимъ искусствомъ. Иконописцы должны быть людьми благочестивыми, кроткими, воздержными, паче же всего цѣломудренными; за поведеніемъ ихъ и жизнью должны наблюдать духовные отцы подъ надзоромъ епископовъ, которые лучшихъ по искусству и жизни представляютъ царю; всѣхъ же вообще иконописцевъ слѣдуетъ почитать паче простыхъ чловѣкъ. Затѣмъ

¹⁾ Филаретъ, Обз. дух. лит., стр. 141.

слѣдуютъ наставленія, какъ должны писать иконописцы, „по образу и по подобію и существу, смотря на образцы древнихъ живописцевъ, какъ Греки живописцы писали и Андрей Рублевъ, а отъ своего смысленія и по своимъ догадкамъ божества не описывать“.

Наравнѣ съ неправильными переводами и подлинниками ревнители православія не могли переносить распространенія въ обществѣ, такъ называемыхъ, отреченныхъ книгъ, подъ которыми разумѣлись не апокрифы, сплошь и рядомъ и ими самими не отличаемыя отъ каноническихъ книгъ, но книги, составлявшія почти всю тогдашнюю свѣтскую литературу. Стоглавъ постановилъ: „по всѣмъ городамъ царю свою царскую грозу и заповѣдь учинить, чтобы христіане еретическихъ, богомерзкихъ книгъ у себя не держали и не читали, а которые учнутъ держать и честь, имъ быть отъ царя въ великой опалѣ и въ наказаніи, а отъ святителей въ отлученіи и проклятій“.

Къ еретическимъ и богомерзкимъ книгамъ Стоглавъ относитъ: Рафли (ράφλιον), астрологическое сочиненіе, въ которомъ говорилось о вліяніи звѣздъ на жизнь человѣка, Шестокрыль — астрологическія таблицы Эммануила Бенъ Іакова, Аристотелевы врата (secreta secretorum de vehimine, de sanitatis conservacione, de phisionomia)—сборникъ свѣдѣній по астрологій, медицинѣ и физиономикѣ, Острономій, Зодій (сказаніе о двюнадесяти зодіакальныхъ знакахъ), Альманахъ-календарь съ предсказаніями и примѣтами, Звѣздочетье — предсказанія по планетамъ, Воронографъ—гаданіе по голосамъ птицъ и „инны составы и мудрости и коби (гаданія по примѣтамъ) бѣсовскія, которыя прелести отъ Бога отлучаютъ“.

Если выспнимъ, грамотнымъ слоямъ общества духъ времени, представителями котораго являлись отцы собора, запрещалъ чтеніе единственныхъ тогда книгъ свѣтскаго содержанія, то естественно было ожидать, что онъ не оставитъ безъ вниманія и народныхъ увеселеній, тѣмъ болѣе, что къ нимъ примѣшивалось тогда множество суевѣрныхъ обычаевъ и языческихъ обрядовъ. Отцы собора вооружаются противъ обычая сходиться на Троицкую субботу съ скоморохами и гудцами на кладбищахъ и проводить тамъ время въ попойкѣ, пляскѣ и пѣсняхъ. Запрещены пляски и игрища наканунѣ Иванова дня, Рождества и Крещенія, въ великій четвергъ, въ первый понедѣльникъ послѣ Петрова поста, когда ходили въ роцу и тамъ устраивали „бѣсовскія потѣхи“. Исходя изъ того исключительнаго взгляда на предметы, который принадлежитъ къ характеристическимъ при-

знакамъ современной имъ эпохи, отцы собора вмѣстѣ съ языческими увеселеніями запретили всѣ мірскія забавы, какъ напримѣръ, шахматы, вернь, гусли, сопѣли, всякое гудѣніе, поворища, переряживаніе, въюнецъ (хороводы), кормленіе и храненіе медвѣдей и другихъ животныхъ ради глумленій и т. п.

Уже изъ этого весьма неполнаго обзора дѣятельности Стоглава можно видѣть, что именно по мнѣнію Макарія и другихъ отцевъ собора могло вывести Московскую Русь XVI вѣка изъ той безурядицы и неурядицы, въ которомъ она находилась. „Въ коейжде странѣ“, говоритъ Стоглавъ, „законы и чины не приходятъ другъ ко другу, но своего обычая кійждо законъ держить; мы же православніи, законъ истинный отъ Бога приѣмше, разныхъ странъ беззаконіи осквернихомся, обычая злая отъ нихъ приѣмше, и сего ради казнить насъ Богъ за таковыя преступленія“ (39 гл.). Нужно было отказаться отъ всѣхъ новыхъ злыхъ обычаевъ, нужно было вернуться къ той счастливой старинѣ, когда строго соблюдались древнія апостольскія правила и постановленія, когда служили по книгамъ правильнымъ, книгъ отреченныхъ не читали, и когда поэтому христіанскіе обычаи и законы не шатались и не были порушены.

Чтобы водворить опять на Руси эту идеальную старину соборъ издалъ цѣлый рядъ постановленій, въ формѣ запрещеній, причемъ незаконность запрещаемого выводилась изъ Св. Писанія, правилъ св. апостолъ и отецъ, разныхъ уставовъ и т. п. Такого рода доказательства были исполнѣ въ духѣ своего времени и только они одни имѣли обязательную силу для всѣхъ. Точно также и тѣ преобразования, которыя соборъ счелъ нужнымъ произвести въ сферѣ духовной администраціи и суда, онъ вездѣ подтверждаетъ каноническими законами.

Путь, который избралъ Стоглавъ для проведенія въ общество своихъ постановленій, отличается истиннымъ христіанскимъ характеромъ и дѣлаетъ большую честь его составителямъ. На первомъ планѣ поставлены духовныя средства, увѣщанія и убѣжденія; наказаніе большей частью ограничивается церковною эпитиміей, и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ предоставляется царю, его „царской запоевѣди и грозѣ“.

Изъ всѣхъ членовъ собора, какъ видно, только одинъ Макарій ревностно старался приводить въ исполненіе его постановленія. Имъ лично отправлено было въ разныя мѣста множество грамотъ и посланій съ поясненіемъ и толкованіемъ новыхъ постановленій. Изъ

такихъ грамотъ сохранились слѣдующія: 1) грамота въ Симоновъ монастырь архимандриту Алексію, въ которой Макарій вкратцѣ упоминаетъ о разныхъ постановленіяхъ собора, приглашаетъ молиться объ устроеніи земскомъ, тишинѣ и здравіи государя, и проситъ, чтобы все, что въ грамотѣ писано, „потщалися духовне и тѣлеснѣ исправити елика ваша сила“. Къ грамотѣ приложены 44, 50, 51, 52, 75, 76, 67, 68, 31 и царскихъ вопросовъ 68-я главы. 2) Грамота къ архіепископу Новгородскому Серапіону, въ которой говорится про „праздничное“, тиунскія алтыны, о духовномъ судѣ, запрещается приводить поповъ къ полю и къ крестному цѣлованію, о ставленникахъ и т. п. 3) Грамота къ бѣлому духовенству во Владиміръ и 4) Наказная грамота къ бѣлому духовенству въ Каргополь; въ послѣдникъ двухъ приводятся выдержки изъ Стоглава, имѣющія отношенія къ бѣлому духовенству, какъ, напримѣръ, о поповскихъ старостахъ, судѣ, ставленникахъ и т. п. Для возбужденія большей ревности у епископовъ къ исполненію постановленій собора, царь и митрополитъ въ 1554 г. говорили „о прежнемъ соборномъ уложеніи, о многоразличныхъ дѣлахъ и чинѣхъ церковныхъ, которыя дѣла исправились и которыя еще не исправились; и царь государь богомольцамъ своимъ говорилъ, чтобы Богъ далъ впередъ и прочія дѣла исправлены были“. О томъ же разсуждали и въ 1555 году ¹⁾.

Типографія, открытая Макаріемъ для распространенія исправленныхъ книгъ, пользуясь его покровительствомъ, занималась своимъ дѣломъ до его смерти, когда, лишившись своего защитника, была разрушена нафанатизированнымъ народомъ, и типографчики должны были бѣжать за границу. Послѣ смерти Макарія была нарушена и столь энергично защищаемая имъ неприкосновенность церковныхъ имѣній. Въ 1573 году запрещено было записывать вотчины за большими монастырями, а въ 1580 и всѣ монастыри лишились права получать имѣнія по завѣщаніямъ.

Въ продолженіи 150 лѣтъ послѣ Стоглаваго собора, всѣ іерархи русской церкви пользовались и руководились его постановленіями. Соборъ 1667 года наложилъ анаѹему на Стоглавъ за его извѣстныя ошибки, „зане той Макарій митрополитъ и иже съ нимъ мудрствовали невѣжествомъ своимъ безразсудно, якоже восхотѣша, сами собой, не согласяся съ греческими и древними славянскими харатейными книгами, ниже съ вселенскими святѣйшими патріархами о томъ совѣ-

¹⁾ Никон. Лѣт. VI, 231.

товаша⁴. Но эта анаема не помѣшала патриарху Адриану руководиться Стоглавомъ при составленіи въ 1700 году новаго уложенія ¹⁾ и хотя Стоглавъ, согласно постановленію 1667 года, считался „якоже не бысть“ въ продолженіи весьма долгаго времени и даже вслѣдствіе ложныхъ опасеній не издавался, но въ настоящее время, благодаря безпристрастнымъ его изслѣдованіямъ, онъ занялъ должное мѣсто въ исторіи Русской церкви, и всѣми признаны заслуги его составителей.

Въ одно время съ уложеніемъ Стоглава, Макарію и другимъ представителямъ русскаго духовенства пришлось бороться съ послѣдними проявленіями того религіознаго броженія, которое такъ волновало русскую церковь въ XV столѣтіи. Ересь жидовствующихъ, несмотря на страшный разгромъ, не прекратилась: тайныхъ ея сторонниковъ оставалось довольно много, особенно среди бояръ и монашествующаго духовенства. Въ разсматриваемое время главное гнѣздо ереси было среди бѣлоозерскихъ (заволжскихъ) отшельниковъ, откуда вышли почти всѣ тогдашніе главные еретики.

Нѣкоторые утверждаютъ, что ересь 1554 года явилась подъ вліяніемъ западно-европейской реформаціи. Уже Курбскій видѣлъ въ ней „лютерскую лесь“, и дѣйствительно въ этой ереси замѣшаны какіе-то иноземцы — аптекаръ Матвей Литвинъ и Андрей Хотяевъ, латынникъ. Если и допустить вліяніе западно-европейской реформаціи, то только въ томъ смыслѣ, что, благодаря ей, замѣтно стало нѣкоторое обновленіе ереси, которая однако возникла самобытно на русской почвѣ и развилась преимущественно изъ ученія жидовствующихъ.

Ересь обнаружилась слѣдующимъ образомъ: нѣкто Матвей Семёновичъ Башкинъ сталъ часто ходить къ благовѣщенскому священнику Симеону и давать ему разныя „недоумѣнные“ вопросы. Симеонъ посѣщилъ доложить объ этомъ царю, но Іоаннъ на его доносъ не обратилъ никакого вниманія. Въ Москвѣ появилось множество неодобрительныхъ толковъ о Башкинѣ, и Симеонъ принужденъ былъ обратиться съ докладомъ о немъ къ митрополиту Макарію ²⁾; тогда велѣно было схватить Башкина и начать надъ нимъ розыскъ. Сначала Башкинъ не хотѣлъ давать показаній, но потомъ усмирился и по приказанію митрополита „своею рукою исписа и свое еретичество и

¹⁾ Макарій, Ист. Р. Ц. VI, 246.

²⁾ Соловьевъ, VII, 133.

свои единомышленники⁴. Главная его вина заключалась въ томъ, что онъ все Св. Писаніе называлъ баснословіемъ и совершенно произвольно толковалъ Апостолъ и Евангеліе. Въ числѣ своихъ единомышленниковъ, кромѣ вышеупомянутыхъ иноземцевъ, Башкинъ назвалъ Заволжскихъ старцевъ, которые „утверждали его въ его злобѣ“, и бывшего Троицкаго игумена Артемія, любимца Сильвестра. Митрополитъ усердно принялся за это дѣло и, какъ говоритъ Курбскій¹⁾, „повелѣлъ вездѣ имать еретиковъ, хотяще истязати ихъ о расколѣхъ ихъ, и гдѣ елико аще обрѣтено ихъ, вездѣ имано и провожено до мѣста главнаго Московскаго, паче же отъ пустынь Заволжскихъ“. Соборъ былъ созванъ въ 1554 году и началъ свое дѣло изслѣдованіемъ вины товарищей Башкина, которые не сознавались въ ереси. На соборѣ была прочитана книга Іосифа Волоцкаго противъ еретиковъ, „Свѣтло православія“, какъ ее называлъ митрополитъ и другіе чины собора. Но не могъ перенести такого торжества Іосифлянъ единственный епископъ, не принадлежавшій къ ихъ партіи, Кассіанъ Рязанскій. Онъ подалъ голосъ за осужденныхъ и сталъ порицать книгу Іосифа, утверждая, что въ ней находятся невѣрные свидѣтельства; но, какъ и слѣдовало ожидать, не имѣлъ успѣха. Онъ скоро долженъ былъ оставить епископію, и о его смерти сложилась легенда, что будто бы онъ за свое дерзновеніе лишился руки и умеръ въ страшныхъ мученіяхъ—у него повернулась назадъ голова²⁾. Башкинъ былъ осужденъ на заточеніе въ Іосифовъ монастырь, а сообщники его, кромѣ Артемія, были отданы подъ монастырскій присмотръ, „да не сѣють злобы своея роду человѣческому“³⁾.

Привлеченный къ отвѣтственности по показанію Башкина, Артемій обвинялся въ томъ, что хулилъ книгу Іосифову, хвалилъ нѣмецкую вѣру, не считалъ еретиками Курицина, Рукаваго и др., и т. п. На соборѣ онъ осмѣливался защищать предъ митрополитомъ Башкина, и за всѣ свои вины былъ осужденъ на заточеніе въ Соловецкій монастырь. По этому случаю митрополитъ Макарій отправилъ въ Соловецкій монастырь грамоту⁴⁾, въ которой сначала упоминаетъ о соборѣ противъ Артемія и Башкина, о винахъ ихъ, затѣмъ предписываетъ Артемія держать въ „молчальной келіи“, ни съ кѣмъ ему не

¹⁾ Св. кн. Курбскаго, 177.

²⁾ Костомаровъ, Ист. Мон. I, 458.

³⁾ Макарій, Ист. Р. Ц. VI, 268.

⁴⁾ Акт. Эвсп. I, № 239.

бесѣдовать, ни посланіе писать, ниже принимать отъ кого. За нимъ долженъ надзирать пресвитеръ и испытывать, когда онъ будетъ казаться, истинно ли его покаяніе. Запрещалось давать ему какія либо книги кромѣ молитвенныхъ, и игумену поручалось надзирать даже за сторожемъ и священникомъ, которые будутъ входить съ нимъ въ сношенія, дабы онъ не увлекъ ихъ своими еретическими разговорами. Дозволить причаститься ему можно было только передъ смертію.

На этомъ же соборѣ 1554 г. разсматривалось дѣло дьяка Висковатаго. Мы видѣли, какое вниманіе на иконопись обратилъ Стоглавый соборъ. Въ концѣ 1553 г. на одномъ изъ соборныхъ засѣданій царь полюбознѣствовалъ узнать, какъ исполняются постановленія Стоглава, въ частности же относительно иконописи. Когда Макарій отвѣчалъ, что для надзора за иконописью назначено четыре старость-иконниковъ, поднялся дьякъ Висковатый и сталъ заявлять сомнѣніе, слѣдуетъ ли изображать на иконахъ Бога Отца и безплотныя силы. Митрополитъ отвѣтилъ, что рисуютъ Бога Отца по пророческимъ видѣніямъ и древнимъ подлинникамъ, и предостерегалъ Висковатаго, чтобы онъ зная свои дѣла и, мудрствуя противъ еретиковъ, не попалъ самъ въ еретики. Но, несмотря на это предостереженіе, черезъ нѣсколько недѣль Висковатый снова и уже письменно сталъ заявлять свои мнѣнія. Онъ писалъ, что послѣ пожара 1547 г., когда погорѣли храмы и иконы, государь послалъ за иконами въ Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ и другіе города. Въ Благовѣщенскомъ соборѣ, гдѣ былъ протопопъ Сильвестръ, новгородскіе и псковскіе живописцы списывали подъ его наблюденіемъ и руководствомъ новые образа, и въ нихъ Висковатаго поразило то, что они были писаны „безъ свидѣтельства, на разные образцы, не согласно со стариной“; Сильвестра онъ обвинялъ въ единомысліи съ Артеміемъ и въ новыхъ его иконахъ видѣлъ еретическія мудрствованія. Такъ наприимѣръ, изображеніе Сына Божія при сотвореніи міра въ видѣ Ангела онъ объяснялъ тѣмъ, что здѣсь проводится мнѣніе Башкина о неравенствѣ лицъ пресвятой Троицы ¹⁾.

Сильвестръ оправдывался предъ Макаріемъ и просилъ разсмотрѣть это дѣло на соборѣ. Макарій согласился и на соборѣ 1554 г. были разобраны по порядку всѣ недоумѣнія Висковатаго, и на каждое митрополитъ давалъ обстоятельный отвѣтъ. Главнымъ образомъ Ви-

¹⁾ *Бостомаровъ*, Ист. Мон. I, 449; *Соловьевъ*, VII, 132; *Филаретъ*, 141; *Макарій*, VI, 265.

сковатаго смущало то, что на иконахъ писали пророческія видѣнія, невидимыя и безплотныя силы, человѣко-образныя изображенія до бродѣтелей и пороковъ и т. п. Разрѣшая недоумѣнія, митрополитъ указывалъ внутренній смыслъ изображеній на иконахъ и древніе подлинники, съ которыхъ они списывались. Разсмотрѣвъ дѣло, соборъ сначала отлучилъ отъ церкви Висковатаго, но когда онъ покался, ограничилъ наказаніе трехлѣтней эпитиміей— „за то, что о св. иконахъ сомнѣніе имѣлъ и вопилъ, возмущалъ народъ, православныхъ христіанъ, въ соблазнъ и въ поношеніе многимъ“. Относительно же новыхъ иконъ постановлено, что такъ какъ на 7 Вселенскомъ и другихъ соборахъ новымъ иконамъ запрещенія нѣтъ, то нѣтъ основанія и теперь ихъ запрещать. Кромѣ того, Висковатому поставлено на видъ 64-е правило Трульскаго собора: „не подобаетъ предъ людьми простымъ людямъ учительнаго слова подвигнуть или учить, самъ себѣ учительскій утворяя, но внимати отъ Господа преданному чину“.

Изъ всего этого дѣла видно, что Висковатаго главнымъ образомъ обвинили за то, что онъ судилъ о предметахъ религіозныхъ, рассуждалъ тамъ, гдѣ требовалось безпрекословное повиновеніе духовенству. Естественно, что духовенству такое вмѣшательство не могло нравиться, и если Висковатый отдѣлялся такъ легко, то, по всей вѣроятности, только благодаря тому, что онъ игралъ важную роль въ партіи противниковъ Сильвестра и Адашева, къ которой принадлежала и большая часть членовъ собора.

Черезъ годъ послѣ осужденія Башкина и Артемія соборъ рассматривалъ дѣло новыхъ еретиковъ—Феодосія Косаго и другихъ Вѣлозерскихъ старцевъ. Ученіе Косаго сходно съ ученіемъ Башкина и служитъ какъ бы его продолженіемъ. Косой прямо отрицалъ все то, что составляетъ сущность христіанства, основывая однако свое отрицаніе, подобно своимъ предшественникамъ, на почвѣ самого же христіанства. Опровергая Новый Завѣтъ, онъ, какъ и жидовствующіе, ссылался на книги ветхозавѣтныя, преданія церковныя пытался опровергать писаніями св. отцевъ и наоборотъ. Косой возставалъ противъ высшаго духовенства, монастырей и т. п. Вообще его ученіе, насколько оно извѣстно изъ сочиненій Зиновія Отенскаго, было дальнѣйшимъ развитіемъ ереси жидовствующихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ ея словомъ. Соборные акты дѣла Косаго не сохранились и потому нельзя опредѣлить участіе въ немъ Макарія. Извѣстно

только, что еще до окончанія дѣла Θεодосіи со своими товарищами бѣжалъ въ Литву.

Такъ кончилось при Макаріи это замѣчательное движеніе въ русской церкви, начавшееся въ 15-мъ столѣтіи и такъ упорно державшееся, несмотря на всевозможныя строгія преслѣдованія со стороны противниковъ. Къ чести Макаріи нужно замѣтить, что несмотря на свои Іосифлянскія убѣжденія, онъ не строго придерживался рекомендуемыхъ Іосифомъ правилъ противъ еретиковъ, въ родѣ, напримеръ, слѣдующаго: „невѣрующихъ во святую Троицу повелѣваемъ мечемъ посѣкти и богатство ихъ на расхищеніе предать; повелѣваемъ мучить ихъ казнями лютыми, наравнѣ съ ворами и разбойниками“. Напротивъ, наказанія, налагаемыя Макаріемъ на еретиковъ, можно назвать даже снисходительными, особенно если обратимъ вниманіе на время, въ которое онъ жилъ и дѣйствовалъ.

VII.

Въ 1552 году Макаріей сдѣлалъ драгоцѣнный вкладъ въ свой митрополичій Успенскій соборъ: вновь пересмотрѣнный и значительно дополненный списокъ Четви Миней. Въ то же время другой экземпляръ своего труда онъ поднесъ царю Ивану Васильевичу. Такимъ образомъ было кончено это знаменитое дѣло Макаріи, котораго одного достаточно, чтобы сдѣлать его имя славнымъ въ лѣтописяхъ русской исторіи и литературы.

Миней Четви (μῆναι — мѣсяцъ, четви—отъ читать) представляютъ, какъ видно изъ заглавія, мѣсячныя чтенія, для православныхъ христіанъ приличныя. Это громаднѣйшій сборникъ разнаго рода сочиненій, состоящій изъ 12 книгъ, въ которыхъ заключается не менѣе 27,057 страницъ или 13,528 большихъ листовъ.

Макарьевскія великія Миней Четви были первымъ сборникомъ такого объема и такого содержанія въ русской литературѣ. Сохранилось нѣсколько миней XV вѣка, но они все имѣютъ характеръ мѣстный и отличаются весьма небольшимъ объемомъ ¹⁾. Въ сборникахъ разныхъ сочиненій, переводныхъ и оригинальныхъ, преобладающимъ элементомъ были церковно-поучительныя произведенія, слова и поученія на церковные праздники, похвальные слова, въ честь святыхъ и только изрѣдка житія ихъ. Чаще всего въ нихъ попадаются слова

¹⁾ Некрасовъ, Зарожд. Націон. Лит., 12.

Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Аѳанасія Александрійскаго, Прокла Константинопольскаго и другихъ, а изъ славянскихъ проповѣди Климентя Величскаго и Григорія Цамблака. Такого рода сборники, какъ кажется, и послужили первообразомъ Четвѣй Миней Макарія. Но онъ поставилъ себѣ задачу гораздо шире прежнихъ составителей сборниковъ и сообразно господствующему направленію общества, выразившемуся въ стремленіи къ централизаціи, задался цѣлью собрать всѣ книги, какія только были въ русской землѣ. Макарій началъ свою работу въ 1529 году и, какъ онъ говоритъ, „писалъ и собиралъ эти святыя книги въ одно мѣсто многимъ имѣніемъ и многими различными писарями, не щадя серебра и всякихъ почестей; особенно много трудовъ и подвиговъ подъялъ отъ исправленій иностранныхъ и древнихъ рѣченій, переводя ихъ на русскую рѣчь, и сколько намъ Богъ даровалъ уразумѣть, столько и смогъ я исправить“¹⁾.

Всѣ главнѣйшія сочиненія, вошедшія въ составъ Макарьевскихъ Четвѣй Миней, можно раздѣлить на слѣдующія группы:

1) Книги священнаго писанія и толкованія на нихъ: 4 Евангелія, всѣ апостольскія Посланія и Дѣянія, изъ ветхозавѣтныхъ семь историческихъ, четыре учительныхъ, Псалтырь въ троякомъ видѣ—съ толкованіями Аѳанасія, Брунона и Феодорита и шестнадцать пророческихъ книгъ.

2) Патерики: 1) Синайскій или лимонарь—житія святыхъ синайскихъ, палестинскихъ и египетскихъ; 2) Іерусалимскій—отцевъ іерусалимскихъ; 3) азбучный, въ которомъ житія помѣщены по алфавиту; 4) Египетскій—египетскихъ черноризцевъ; 5) Скитскій—житія святыхъ отецъ горы Синайской; 6) Печерскій—житія кіево-печерскихъ святыхъ; 7) патерики св. Ефрема Сирина, Григорія Двоеслова, папы Римскаго и др.

3) Прологи или синаксари, пополненные словами на праздники, заимствованными изъ торжественниковъ.

4) Разныя сочиненія отцевъ церкви и святыхъ, русскихъ и греческихъ, какъ, напримѣръ, Златоуструй—бесѣды Златоуста на книгу Бытія, Маргаритъ и Великій Златоустъ—сборники съ избранными его сочиненіями и поученіями, Катехизическія поученія (оглашенія) Кирилла Іерусалимскаго, Лѣствица Іоанна, Книга о постничествѣ, Шестодневъ и другія сочиненія Василія Великаго, книга о небесной

¹⁾ Миней Четвѣй—Введеніе.

іерархіи Діонисія Ареопагита, Небеса Іоанна Дамаскина, книга его о восьми частяхъ рѣчи, книга Меодія епископа Патарскаго, Слова и сочиненія Григорія Богослова, Ефрема Сирина, Григорія Антиохійскаго, Нектарія патріарха и многихъ другихъ, сочиненія Григорія Памблака, Посланія Θεодосія Печерскаго, Слово Кирилла Туровскаго, Посланія митрополитовъ Кипріяна, Фотія, Іоны, Просвѣтитель и Уставъ Іосифа Волоколамскаго и др.

5) Сочиненія, не принадлежащія святымъ, но пользовавшіяся уваженіемъ и распространеніемъ на Руси: Пчела, Златая Цѣль (нравственныя наставленія о молитвѣ, милостынѣ, постѣ и разныхъ добродѣтеляхъ), книга Іосифа Флавія Еврейна, Великая книга Никонская (сочиненія Никона Черногорца), сочиненія Іоанна экзарха Болгарскаго, Толкованіе о священныхъ вещахъ, Главныи Василия царя греческаго къ сыну, слова Космы Пресвитера, книга Космы Индикоплова и др.

6) Путевыя записки, на примѣръ, Странникъ игумена Данила, притчи, небольшіе разказы, посланія и грамоты русскихъ князей, митрополитовъ, епископовъ, Кормчая книга, монашескіе уставы, акты и множество другихъ матеріаловъ.

7) Старыя и новыя редакціи русскихъ житій, составленныя большей частію спеціально для труда Макарія.

Уже изъ этого весьма неполнаго перечня сочиненій, входящихъ въ составъ Четій Минеи, можемъ заключить, какія усилія долженъ былъ употреблять Макарій, чтобъ собрать всю эту, можно сказать, бібліотеку. Однако задача, которую онъ себѣ поставилъ — „собрать всѣ святыя книги, какія обрѣтаются въ русской землѣ“, не была имъ вполне выполнена. Въ Четіяхъ Минеяхъ нѣтъ нѣкоторыхъ книгъ св. Писанія, многихъ сочиненій русскихъ писателей, но это объясняется тѣмъ, что, собирая книги, Макарій имѣлъ въ виду и другую цѣль — „великую душевную пользу читателей“, то-есть нравственное ихъ назиданіе и потому естественно старался прежде всего отыскать сочиненія, соответствующія этой цѣли. Вотъ почему изъ книгъ св. Писанія онъ помѣстилъ преимущественно тѣ, къ которымъ могъ найти толкованія. Наконецъ, нужно обратить вниманіе и на то обстоятельство, что дѣло Макарія не ограничивалась только однимъ собираніемъ книгъ. Онъ долженъ былъ ихъ внимательно читать, слѣдить, чтобъ гдѣ-нибудь не попалось „ложное или отреченное слово“, или самому не ошибиться „отъ неразумія своего“, отчего могъ бы быть соблазнъ для читателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ

въ виду ясность и удобопонятность изложенія и долженъ былъ, какъ онъ самъ говоритъ въ введеніи, исправлять иностранныя (по всей вѣроятности болгарскія и сербскія) и древнія рѣченія, перевода ихъ на русскую рѣчь.

Такимъ образомъ вполне естественно, что при такомъ обширномъ трудѣ Макарій могъ упустить изъ виду многія сочиненія, кромѣ того многія могли быть ему совсѣмъ неизвѣстны. Но, не смотря и на отсутствіе нѣкоторыхъ сочиненій, трудъ Макарія имѣетъ громадное значеніе въ русской литературѣ, такъ какъ безъ него множество замѣчательныхъ русскихъ сочиненій остались бы намъ неизвѣстны, особенно же это можно сказать относительно древне-русскихъ житій святыхъ.

Но еще больше заслуга Макарія для русской литературы въ томъ, что онъ своими Четьми Минеями представилъ намъ яркую картину тогдашней русской образованности. Въ нихъ помѣщена вся сумма знаній тогдашняго образованнаго человѣка, энциклопедія всѣхъ извѣстныхъ ему наукъ. По нимъ мы можемъ судить, какъ не широкъ былъ его умственный горизонтъ, какъ велика была, вслѣдствіе цѣлаго ряда неблагоприятныхъ историческихъ условий, его отсталость въ образованіи. Почти наканунѣ своего появленія въ качествѣ дѣятельнаго фактора среди европейскихъ народовъ, общество все еще не могло покончить съ своимъ средними вѣками. Все еще тяготѣло надъ нимъ церковно-византійское преданіе, выразившееся въ немъ какъ въ національной и религіозной исключительности, такъ и въ чисто-схоластической системѣ знаній. Религіозное направленіе проникало всю его умственную дѣятельность, и только одно оно имѣло мѣсто въ тогдашней наукѣ и литературѣ. Библія, творенія отцевъ церкви, преимущественно Василія Великаго и Дамаскина, книги въ родѣ сочиненія Космы Индикоплова, множество отдѣльныхъ статей и разказовъ о великихъ невѣроятныхъ явленіяхъ природы—вотъ и весь матеріалъ для знаній, который приобрѣталъ образованный тогдашній человѣкъ объ окружающей его природѣ. Путевыя записки въ родѣ Странника Даниила и т. п. давали ему свѣдѣнія по географіи, а съ исторіей онъ знакомился по библейскимъ разказамъ, хронографамъ, хроникамъ и всякаго рода житіямъ святыхъ. Эти послѣднія были больше всего распространены въ массѣ и для тогдашняго общества отчасти замѣняли и нынѣшнюю беллетристику.

Изъ житій святыхъ больше всего возбуждали интересъ, какъ и слѣдовало ожидать, житія русскихъ святыхъ. На нихъ преимуще-

ственно и обратилъ вниманіе Макарій при составленіи своихъ Четій Минеи. Большую часть остальныхъ входящихъ въ ихъ составъ сочиненій Макарій находилъ готовыми, и ему нужно было только заняться исправленіемъ и перепиской ихъ, но не то было съ житіями русскихъ святыхъ. Онъ долженъ былъ заботиться объ исправленіи старыхъ редакцій житій, составленіи новыхъ, и вообще дѣятельность его въ этомъ отношеніи столь важна, что цѣлый современный ему періодъ въ русской агіографіи можно назвать Макарьевскимъ. Для того, чтобъ лучше понять все его значеніе въ этой отрасли русской литературы, мы постараемся дать краткій историческій очеркъ ея развитія.

Съ первыхъ же временъ принятія христіанства на Руси стали распространяться переводы житій греческихъ святыхъ (прологи, патерики и т. п.); скоро они сдѣлались любимымъ чтеніемъ грамотныхъ людей и проникли даже въ простой народъ. Благодаря имъ, высокіе нравственные идеалы христіанскаго подвижничества замѣнили прежніе идеалы физической силы—богатырей; въ народномъ воображеніи составилъ цѣлый новый міръ, міръ образовъ, сдѣлавшихся вскорѣ до того излюбленными, что они вошли въ область народнаго творчества. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ обществѣ естественно явилось желаніе осуществить новые идеалы, и избранные люди пошли по стопамъ греческихъ угодниковъ. Явились рускіе иноки, отшельники, пустынники, схимники, столпники, которые личнымъ примѣромъ еще болѣе вдохновляли народныя массы; служа предметомъ народнаго почитанія, они вызывали цѣлыя сказанія о себѣ и своихъ подвигахъ, которыя передавались или устно, по преданію, или записывались грамотными поклонниками святаго. Простодушные сказатели относились съ искренней вѣрой ко всему, что только ходило въ народѣ о подвигахъ святыхъ, и безъ всякой критики записывали вымыслы народной фантазіи; ихъ сказанія отличаются крайней простотой изложенія, и если въ нихъ замѣчается вліяніе византійскихъ житій, то только въ нѣкоторыхъ пріемахъ, которые, какъ въ эпосѣ, дѣлаются постоянными въ житіяхъ, напримѣръ, при разказѣ о событіяхъ, происходившихъ со святымъ во время его дѣтства. Но скоро такого рода житія перестали удовлетворять людей, развившихъ свой вкусъ подъ вліяніемъ искусственной книжной литературы. Явилась потребность переработать эти сказанія, подвергнуть ихъ критикѣ и все несогласное съ прямой цѣлю—нравственнымъ назиданіемъ читателей, выбросить, прибавивъ гдѣ нужно книжныя разсужденія, и все изложить витіеватымъ язы-

комъ тогдашнихъ книжниковъ. Такого рода характеръ приобретаютъ житія въ XIV и XV вѣкахъ. Съ XV вѣка, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ наплыва новыхъ, по преимуществу юго-славянскихъ образцовъ, а также появившихся въ Россіи Сербовъ и Волгарь—слагательный способъ составленія житій окончательно вырабатывается. Препятствія простота замѣняется искусственными литературными приемами, прежній главный и единственный источникъ, народное преданіе, замѣняется другими, личность слагателя, прежде неизвѣстная, выступаетъ на первый планъ, и само житіе иногда является только поводомъ автору выставить на видъ свое краснорѣчіе, которое заключалось большей частью въ напыщенности и растянутости, „плетеніи словесъ“, какъ удачно называли его сами слагатели. Съ этого же времени ко всякому житію, вмѣсто прежней краткой молитвы, стали присоединять похвальныя слова въ честь святаго и описанія чудесъ, совершавшихся по его кончинѣ въ разныя времена. Въ этотъ періодъ русской агіо-біографіи болѣе всего составили житія Сербы Кипріянь и Пахомій Логофеть и русскій Епифаній. Благодаря имъ появилось множество житій святыхъ и угодниковъ Божіихъ, преимущественно новгородскихъ и московскихъ.

Слѣдующій періодъ русской агіобіографіи, начавшійся съ XVI столѣтія, по главному дѣйствующему въ немъ лицу, называется Макарьевскимъ. Характеристическая его черта—проявленіе и въ этой области русской литературы сознанія единства Русской земли. До временъ Макарія каждая область заботилась только о своихъ мѣстныхъ святыхъ, ихъ преимущественно почитала и имъ поклонялась, такъ что, напримѣръ, Новгородскіе святые не признавались таковыми въ Москвѣ, и наоборотъ ¹⁾. Иногда даже въ житіяхъ святыхъ попадались разныя политическія тенденціи, какъ, напримѣръ, въ житіяхъ Зосимы и Савватія, Варлаама Хутынского и другихъ ²⁾. Естественно, что при новомъ порядкѣ вещей, который возникъ въ Московскомъ царствѣ, такое

¹⁾ Въ одной древней рукописи говорится: Псковъ и Великій Новгородъ блажить Варлаама и Михаила юродиваго Христа ради, Смоленскъ блажить князя Теодора, Московское же царство блажить Петра, Алексѣя и Иону и Максима и нѣхъ множество. Ростовъ блажить Леонтія и Игнатія, Исаію, Вассіана и Ефрема: Вологда бо блажить преподобнаго Дмитрія и нѣхъ тамо сущія многія. Мы Устюжане тебѣ, Прокопіе, сѣверная страна по Двинѣ рѣцѣ, Вага—Георгія и т. д. (*Щаповъ*, Ист. оч. нар. мір. Ж. М. Н. Пр. 1861, 1).

²⁾ *Буславъ*, Ист. Оч. р. нар. повѣ. и иск. II, 269.

положеніе дѣлъ не могло продолжаться, и первый постарался уничтожить эту дисгармонію съ общимъ порядкомъ Макаріи. При составленіи Четвѣр Миней онъ, какъ мы уже говорили, преимущественно обращалъ вниманіе на отдѣлъ русской агіобіографіи, и благодаря своей энергической дѣятельности, далъ ей возможность достигнуть такого развитія, какого она ни до него, ни послѣ не имѣла.

Составляя свой сборникъ, Макаріи образовалъ около себя цѣлый кружокъ людей, которые работали для его дѣла. Однихъ онъ привлекалъ къ себѣ, не щадя золота, серебра и многихъ почестей, а другіе работали, также какъ и онъ, изъ любви къ дѣлу. Такимъ образомъ составилось цѣлое литературное общество, одни члены котораго рылись въ монастырскихъ бібліотекахъ, вездѣ старались найти нужный имъ матеріалъ, другіе переписывали разныя редакціи житій, третьи уже составляли новыя житія, или передѣлывали старыя сообразно требованіямъ времени. Такое общество—явленіе единственное въ то время въ Московской Руси. Самъ Макаріи былъ въ этомъ обществѣ не только предсѣвателемъ и редакторомъ, но и ревностнымъ сотрудникомъ. Распредѣляя работы и исправляя доставленныя редакціи, онъ и самъ, какъ говорить одинъ изъ его помощниковъ, Илья, любилъ „день и ночь, яко пчелы сладость отовсюду приносить, поискати святыхъ житія. Мнози отъ святыхъ забвенію предани быша, сихъ убо святитель водъ спудомъ не скрываетъ, но на свѣщницѣ добродѣтели возлагаетъ“. Но главной его заботой, какъ мы уже говорили, было исправленіе доставленныхъ ему редакцій житій со стороны слога. Въ этомъ отношеніи онъ былъ сторонникомъ своего учителя, преподобнаго Пафнутія, который, какъ сказано въ его біографіи, не любилъ слушать тѣхъ, которые говорили не отъ писанія, то-есть, не церковно-славянскимъ языкомъ¹⁾. Всѣ житія въ Макарьевскихъ Четвѣрахъ Миней писаны почти исключительно церковно-славянскимъ языкомъ, не смотря на то, что сохранилось много первичныхъ редакцій этихъ житій, писанныхъ языкомъ, довольно близко подходящимъ къ народному и разговорному. Весьма вѣроятно, что этой своей передѣлкой житія обязаны Макарію, который кромѣ того отъ себя внесъ въ простыя и безискусственныя первыя редакціи неизбѣжную тогда витіеватость изложенія. Однако, не смотря на всѣ старанія Макаріи, въ житіяхъ его попадаются иногда призываки сербскаго правописанія, результатъ вліянія сербскихъ слагателей, и нѣкоторыя особенности мѣстнаго нов-

¹⁾ Некрасовъ, Зародк. нац. лит., 37.

городскаго говора ¹⁾, что весьма естественно, такъ какъ большая часть житій собрана имъ въ Новгородѣ при помощи сотрудниковъ-Новгородцевъ.

Кто же были лица, составлявшія кружокъ Макарія? Лѣтописи и житія сохранили нѣсколько ихъ именъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ знаменитый дьякъ Дмитрій Герасимовъ, прозванный Толмачемъ. Его служебная дѣятельность относится къ временамъ Іоанна III, когда онъ явился среди тѣхъ новыхъ людей, которые, не будучи знатнаго происхожденія и не пользуясь внѣшнимъ почетомъ, были первыми дѣльцами въ государствѣ. Онъ хорошо зналъ латинскій языкъ, былъ въ разныхъ странахъ Европы и вообще принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ русскихъ людей своего времени, о чемъ единогласно свидѣтельствуютъ Герберштейнъ и Ювій, бывшіе въ тѣсныя съ нимъ сношеніяхъ. Герасимовъ принадлежалъ къ числу ревностнѣйшихъ борцовъ противъ жидовствующихъ ²⁾ и послѣдніе годы своей жизни провелъ въ Новгородѣ при Макаріѣ. „Въ старости маститѣ“, говоритъ лѣтописецъ, „раввунн своему отъ всея души послуживше, рѣченному архіепископу Макарію и ветхая понови и пополни во истинну мѣру, наткану и потрясу“. Въ 1532 г. онъ, по порученію Макарія, перевелъ съ латинскаго толковую Псалтырь Брунона, епископа Вюрцбургскаго, въ которой помѣщены были толкованія Іеронима, Августина, Григорія, Кассіодора, Беды и самого Брунона ³⁾. Въ предисловіи Дмитрій посвящаетъ свой трудъ Макарію и говоритъ о трудности перевода священныхъ книгъ „во инъ языкъ“, о древнихъ переводчикахъ Библіи и т. п.

Другой сотрудникъ Макарія былъ прибывшій въ 1537 г. въ Новгородъ по государеву дѣлу, для набора ратныхъ людей, боярскій сынъ Василій Михайловичъ Тучковъ. Макарій, узнавъ, что онъ „издѣтска навькъ вельми божественнаго писанія“, постарался привлечь его къ своему дѣлу и поручилъ передѣлать житіе и чудеса св. Михаила Саллоса, жившаго на Клопскѣ. Прежнее житіе, какъ говоритъ лѣтописецъ, было написано неискусно и просто, ибо тогда „человѣцы въ Новгородѣ еще быша не вельми искусни божественнаго Писанія“ ⁴⁾.

¹⁾ Напримѣръ, употребленіе *ц* вмѣсто *ч*—«величающе», о вмѣсто *е*, и *вм.* ѿ—напримѣръ, «при святѣйшомъ митрополити, во гради, на мѣсти» и пр. (*Некрасовъ*, Зар. н. р. лит. 22, 163).

²⁾ *Филаретъ*, Ист. цер., 81.

³⁾ Полн. С. Р. Лѣт. VI, 309; *Крамзинъ*, VIII. Прил. 14—98.

⁴⁾ Полн. Собр. Лѣт. VI, 301.

Тучковъ передѣлалъ его и привелъ въ восхищеніе многихъ современниковъ. Его изложеніемъ восхищается и лѣтописецъ, который говоритъ: „аще кто прочтетъ, самъ узритъ, како ветхая понови и кольми чудно изложи“. Вмѣстѣ съ тѣмъ лѣтописца удивляетъ и то рѣдкое тогда явленіе, что Тучковъ, „отъ многоцѣнныхъ царскія палаты храбрый воинъ и всегда во царскихъ домахъ живый и мягкая нося и подружіе законно имѣя и вмѣстѣ съ тѣмъ селика разумія отъ Господа сподобися“. Но въ дѣйствительности Тучковъ только разукрасилъ множествомъ риторическихъ прибавленій древнюю редакцію, даже во многихъ случаяхъ сократилъ ее, сдѣлалъ нѣсколько измѣненій и даже искаженій фактовъ. Житію Тучковъ предпослалъ витіеватое предисловіе, въ которомъ онъ представляетъ очеркъ искупленія рода человѣческаго, начиная отъ Адама; закончилъ же житіе послѣсловіемъ, гдѣ онъ выставляетъ на видъ свое знакомство съ книгой „о Тройскомъ плѣненіи“ и приводитъ имена Омира, Ахиллеса и Еркула. Новая редакція Тучкова не понравилась, какъ вѣдается, Макарію, потому что въ Четвѣхъ Минеехъ онъ рядомъ съ ней помѣстилъ и старую.

Однимъ изъ ближайшихъ и постоянныхъ сотрудниковъ Макарія былъ неоднократно уже упоминаемый нами іеромонахъ его домовоі церкви Ильи. Макарій поручилъ ему написать житіе Георгія, мученика Болгарскаго. Основаніемъ для составленія житія послужили рассказы двухъ аеонскихъ монаховъ, Прохора и Митрофана, зашедшихъ въ Новгородъ и гостепріимно принятыхъ Макаріемъ. Онъ ихъ спрашивалъ, въ какомъ положеніи находятся въ Болгаріи христіане, велика ли нужда имъ отъ поганыхъ Сарацинъ. Инокіи рассказывали всѣ бѣдствія, которыя терпятъ христіане отъ невѣрныхъ, и между прочимъ рассказали о мученіяхъ св. Георгія. „Владыка восхитилъ ихъ слова точно пишу сладкую и повелѣлъ мнѣ описать подвиги мученика,“ говоритъ Илья. Естественно, что ни Макарій, ни Илья не могли вполне полагаться на слова монаховъ, и Илья писалъ, какъ онъ самъ говоритъ, надѣясь на молитвы великомученика Георгія и архіепископа Макарія; дѣйствительно, житіе, составленное Ильей, во многомъ несогласно съ болгарскимъ житіемъ, что можно объяснить тѣмъ, что сами аеонскіе монахи знали о Георгіѣ только по слухамъ.

По переѣздѣ въ Москву, Макарій не оставилъ своихъ прежнихъ занятій, но продолжалъ ихъ еще съ большей энергіей. Сдѣлавшись митрополитомъ всея Россіи, онъ прежде всего поспѣшилъ привести въ исполненіе свою завѣтную мысль—сдѣлать общую канонизацію

всѣхъ русскихъ мѣстныхъ святыхъ. Въ своей окружной грамотѣ ¹⁾, писанной по этому поводу, онъ говоритъ, что многіе святые почитаются только въ мѣстностяхъ, гдѣ подвизались и покоятся по смерти, а всей остальной Россіи остаются неизвѣстными: „Господь прославилъ ихъ многими различными чудесы и знаменіи и не бѣ имъ доднесь соборнаго нѣнія.“ Онъ обратился къ Іоанну и успѣлъ вызвать въ немъ сильное сочувствіе къ своему дѣлу. По повелѣнію царя, въ 1547 году былъ созванъ соборъ, на которомъ двѣнадцать святыхъ определено было объявить всероссійскими, а девяти установить только мѣстное почитаніе. Вліяніе Макарія на соборъ выразилось въ томъ, что почти ²/₃ изъ двѣнадцати общихъ святыхъ внесены по его собственному желанію: пять святыхъ новгородскихъ, Пафнутіи Боровскій, Александръ Невскій и митрополитъ Іона. Для того, чтобы внести въ списокъ требовались необходимыя для канонизаціи біографическія данныя, а такъ какъ въ то время они имѣлись не о всѣхъ святыхъ, то дѣло собора 1547 года нельзя было считать конченнымъ съ его прекращеніемъ. Вотъ почему Іоаннъ, безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ Макарія, въ концѣ собора обратился ко всѣмъ присутствующимъ съ просьбою собирать свѣдѣнія о новыхъ чудотворцахъ и представить ихъ на слѣдующій соборъ, который и состоялся въ 1549 году. На немъ было утверждено почитаніе новыхъ двадцати трехъ святыхъ, въ томъ числѣ шести новгородскихъ, двухъ сербскихъ и трехъ литовскихъ.

Житія многихъ изъ вновь канонизованныхъ святыхъ не были еще составлены, а нѣкоторыя надо было передѣлать, слѣдствіемъ чего явилась новая усиленная дѣятельность Макарія. Еще раньше этихъ соборовъ онъ поручилъ Саввѣ, епископу Крутицкому, постриженнику Іосифа Волоцкаго, написать его житіе, которое и помѣстилъ въ Четвяхъ Минеяхъ, несмотря на то, что Іосифъ тогда еще не былъ признанъ святымъ. Тогда же онъ поручилъ другому постриженнику Іосифа, старцу Фотію, составить службу Іосифу и благословилъ его въ кельи „по ней молитвовати и до празднованія соборнаго уложенія“. Еще въ 1540 г., по порученію митрополита, инокъ Макарій написалъ житіе преп. Макарія Калязинскаго, который былъ канонизованъ въ 1547 г.; точно также раньше канонизаціи въ 1545 г. Макарій поручилъ игумену Иродіону Свирскому составить житіе преподобнаго

¹⁾ Акт. Эксп. 1, 113.

Александра Свирскаго, скончавшагося только за двадцать лѣтъ передъ этимъ, въ 1533 году.

Въ 1547 году, послѣ перваго собора, по порученію Макарія, были написаны житія Александра Невскаго и митрополита Іоны. Первое житіе написалъ Михайлъ, инокъ Владимірскаго монастыря, въ которомъ хранились мощи Александра Невскаго; онъ былъ на соборѣ 1547 года и тутъ, по всей вѣроятности, получилъ отъ Макарія порученіе составить это житіе. Произведеніе Михайла не что иное, какъ панегирикъ въ формѣ похвальнаго слова; такой же характеръ имѣютъ и вновь составленныя, по порученію Макарія, житія Іоны Московскаго, Никона и Павла Обнорскаго. Въ 50-хъ годахъ инокъ Іосафъ, по порученію Макарія, составилъ житіе Степана Махрицкаго, инокъ Маркелъ Безбородный — житіе Саввы Сторожевскаго, „Макарію умолену бывши отцы обители оныя (Фросевской) и добре о семъ подвигнуся и мене убогаго понудившу списати“. Около того же времени были составлены два послѣднія житія, внесенныя Макаріемъ въ его Четвы Миней: житіе преп. Евфросина и житіе князя Всеволода Псковскаго, составленныя извѣстнымъ пресвитеромъ Василиемъ, ревностнымъ защитникомъ сугубой аллилуйи. Съ этого времени Макарій хотя и кончилъ составленіе Четвъ Миней, но все-таки съ неменьшею ревностью продолжалъ заботиться о дальнѣйшемъ развитіи литературы житій. Тотъ же Василій составилъ, по его порученію, житія Саввы Крыпецкаго, Никиты, Нифонта епископа Новгородскаго, и Исидора Юрьевскаго. Въ 1553 г., по порученію Макарія, составлено житіе Данила Переяславскаго, а въ 1560 г. онъ повелѣлъ игумену Варлааму Махрицкому и епископу Іосафу Вологодскому явиться справки на мѣстѣ въ Авженскомъ монастырѣ о чудесахъ преподобныхъ Григорія и Кассіана Авженскихъ (Авнежскихъ). Когда порученіе имъ было исполнено, Макарій постановилъ на соборѣ праздновать обимъ новымъ чудотворцамъ.

Литературное движеніе, вызванное Макаріемъ, результатомъ котораго было появленіе при немъ шестидесяти новыхъ житій, продолжалось долгое время и послѣ его смерти. Можно сказать даже, что житія святыхъ и похвальныя имъ слова стали почти исключительнымъ родомъ сочиненій въ русской литературѣ конца шестнадцатаго и начала семнадцатаго столѣтій. Не остался безъ подражанія и примѣръ Макарія, какъ составителя Четвъ Миней. Въ 1646—1654 гг. составлены Миней Четвъ священникомъ Милутинымъ, а въ 1684 — 1689 г. св. Дмитріемъ Ростовскимъ.

Дѣятельность Макарія на пользу русской агіобіографіи не осталась безслѣдною для его современниковъ. Сохранилась рукопись, въ которой описаны послѣдніе дни жизни Макарія ¹⁾ — обыкновенный тогдашній приемъ заготовленія матеріаловъ для будущаго составителя полнаго житія. Если житіе и не было составлено, и Макарій не былъ канонизованъ, то только благодаря послѣдующимъ смутнымъ событіямъ, отвлекшимъ вниманіе общества отъ его прежнихъ мирныхъ дѣя- телей.

Въ послѣдніе годы своей жизни Макарій преимущественно занимался Степенной Книгой. Степенная Книга — это лѣтописный сборникъ, составленный на основаніи древнихъ лѣтописей, но съ тѣмъ отличіемъ отъ нихъ, что связь между описываемыми въ ней событіями не хронологическая, а генеалогическая по степенямъ, или по княженіямъ. Мѣсто прежнихъ обозначеній лѣтъ здѣсь занимаютъ названія князей, причемъ видно желаніе провести черезъ весь сборникъ новую идею о престолонаслѣдованіи: за княженіемъ отца идетъ повѣствованіе о княженіи сына, затѣмъ внука, правнука и т. д. Всѣхъ степеней считается семнадцать, и разказъ доведенъ до Іоанна Грознаго. Первымъ составителемъ Степенной Книги, согласно мнѣнію Гатищева, считается митрополитъ Кипріанъ, но, какъ говоритъ высокопреосвященный Макарій ²⁾, только за догадку можно принять мысль, что Кипріанъ составилъ Степенную Книгу въ ея кратчайшемъ видѣ, или положилъ ей начало; тѣмъ же видомъ и составомъ, въ какомъ она сохранилась, она главнымъ образомъ обязана митрополиту Макарію.

Участіе Макарія въ составленіи Степенной Книги было такого же рода, какъ и въ составленіи Четій Миней. Онъ поручалъ составлять статьи для нея разнымъ способнымъ къ тому людямъ, руководилъ ихъ работой и, по всей вѣроятности, придавалъ ей окончательный видъ. Почти въ каждой изъ такихъ статей говорится, что она составлена „благословеніемъ и повелѣніемъ митрополита Макарія всея Русіи“.

Отличительный характеръ Степенной Книги тотъ, что всѣ церковныя и гражданскія историческія событія изложены въ ней съ религиозной точки зрѣнія, вслѣдствіе чего повѣствованія о князьяхъ и по содержанію и по формѣ очень похожи на житія святыхъ, помѣщенные въ Четвяхъ Минеяхъ. Но нельзя однако сказать, что Ма-

¹⁾ Ключевскій, Древн. ж. св., 223.

²⁾ Ист. Р. Цер. V 192

каріи не чувствовалъ никакого различія между житіями Четіи Миней и Степенной Книжки; напрімѣръ, изъ того уже обстоятельства, что для Степенной Книжки онъ счелъ нужнымъ составить новыя редакціи житій, уже помѣщенныхъ въ Четіяхъ Минейхъ, видно, что онъ хоть и слабо, но все-таки сознавалъ эту разницу. Такъ, если сравнимъ житіа Александра Невскаго, помѣщенные въ Четіяхъ Минейхъ и въ Степенной Книгѣ, то замѣтимъ, что въ послѣдней нѣтъ столько вѣтвистостей, нѣтъ риторическаго похвальнаго слова, нѣтъ подробнаго перечня чудесъ, вообще преобладаетъ біографическій разказъ, и дѣятельность великаго князя изображается въ связи съ другими историческими явленіями его времени. Это замѣчаетъ самъ составитель, который относительно чудесъ говоритъ: „сія же различная чудеса доводно писана быша въ торжественнѣмъ словеси его, въ сей же повѣсти сокращено прочихъ ради дѣяній“. Такимъ же характеромъ отличаются помѣщенные въ Степенной Книжки житіа св. Владиміра, Ольги, Бориса и Глѣба, митрополита Іоны, Алексія и другихъ.

Между ними самое значительное по размѣру житіе св. Владиміра. Кромѣ того оно отличается отъ прочихъ житій многословіемъ и растянутостью, состоитъ изъ 72-хъ большихъ главъ, въ которыхъ повѣствуется не только о Владимірѣ, но и о началѣ Руси и первыхъ русскихъ князьяхъ. Здѣсь въ первый разъ родъ Рюрика выводится изъ Пруссіи и родоначальникъ его именуется братомъ Августа—сказаніе, возникшее въ видѣ подтвержденія идеи, что Москва есть третій Римъ, и Московскій великій князь преемникъ Византійскихъ и Римскихъ императоровъ. Послѣ житія Владиміра слѣдуетъ, какъ бы его продолженіе, житіе Бориса и Глѣба, составленное по Іакову и Нестору. Изъ другихъ житій замѣчательно житіе князя Всеволода Псковскаго, при составленіи котораго авторъ пользовался полною редакціей, помѣщенной въ Четіяхъ Минейхъ; онъ, какъ и авторъ житія Александра Невскаго, изъ многочисленныхъ чудесъ Всеволода упоминаетъ только объ одномъ, а о прочихъ говоритъ, что „въ иной книзѣ, въ житіи его, обратиши“.

Кромѣ всѣхъ вышеуказанныхъ житій, въ Степенную Книжку при Макаріи внесено было еще житіе Данила Переяславскаго; объ остальныхъ же житіяхъ, помѣщенныхъ въ Степенной Книгѣ, можно предполагать, что они внесены туда или до Макарія, или послѣ него.

Какъ въ составленіи Четіи Миней, такъ въ Степенной Книгѣ Макаріи являлся только главнымъ руководителемъ, но отъ него осталось, какъ мы видѣли, и много собственныхъ сочиненій. Хотя они и часть ссхviii, отд. 2.

по качеству, и по количеству уступаютъ произведеніямъ современныхъ Макарію писателей—Максима Грека, кн. Курбскаго, Іоанна IV, Зиновія Отенскаго, но все-таки не лишены литературнаго значенія.

Предлагаемъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ сохранившихся сочиненій Макарія.

1526 г. Посланіе къ великому князю Василию объ учрежденіи общежитія (Доп. Ист. Ак. 1—22).

1528 г. Уставная грамота Духовному монастырю (Ак. Ист. 1—339).

1534 г. Грамота въ Ветскую Патрину (Доп. Ист. Ак. 1—27).

1539 г. Повольная грамота митр. Іосафу на всякое великое дѣло (Ак. Эк. 1 — 134).

1542 г. Уставная грамота о пошринахъ съ сельскихъ церквей Николаевского Пѣснонскаго монастыря (Ак. Эк. № 197).

1547 г. Слово по поводу бракосочетанія великаго князя (Доп. Ист. Ак. № 40).

1547 г. Окружная грамота въ Вологду и Бѣлоозеро объ установленіи празднованія новымъ русскимъ святымъ (Ак. Эк. № 213).

1547 г. Окружное посланіе о милостивѣ Святогорскимъ старцамъ (Ист. Ак. 545).

1550 г. Рѣчь во Владимірѣ къ воеводамъ (Ник. лѣт. VII—67).

1550 г. Отвѣтъ отъ божественнаго писанія царю Ивану Васильевичу (Лѣт. Тѣх. V — III — 126).

1551 г. Слово по случаю заложения Свѣязска (Ник. лѣт. VII — 73),

1551 г. Грамота о постановленіяхъ Стоглава во Владимірѣ къ бѣлому духовенству.

1551 г. Грамота Суздальскому Дмитріеву монастырю на владѣніе деревней Мжарамъ и на подсудность крестьянъ игумену (Вост. Ок. Рум. М. 79).

1551 г. Уставная грамота о постановленіяхъ Стоглаваго собора (Времен. Моск. Ист. Общ. XIV).

1552 г. Посланіе въ Свѣязскъ къ войску (Ак. Ист. 287).

1552 г. Посланіе къ царю Ивану Васильевичу объ укрѣпленіи на брань (Ак. Ист. 290).

1552 г. Посланіе къ царю Ивану Васильевичу въ Казань (Полн. С. Р. Л. VI — 208).

1553 г. Слово при встрѣчѣ Великаго Князя въ Москвѣ (Ник. Л. V—193).

1553 г. Посланіе въ Соловецкій монастырь о заточеніи Троицкаго игумена Артемія (А. Эксп. № 239).

1554 г. Грамота въ Симоновъ монастырь о постановленіяхъ Стоглава (Стогл. Казанск. изд. 258).

1554 г. Грамота Новгородскому арх. Серапіону (Стогл. Каз. изд. 420).

1557 г. Грамота въ Новгородъ объ отправленіи молебствія по случаю голода (Д. А. И. 366).

1558 г. Грамота въ Каргополь къ бѣлому духовенству о постановленіяхъ Стоглава (Прав. Соб. 1863 — 1).

1558 г. Посланіе къ архіеп. Новгородскому Пямену о священноинокъ Юрьева монастыря Аврааміи, служившемъ литургію безъ эпитрахили (Аврааміи отлучить на годъ, а архимандрита который не донесъ о его проступкѣ архіепископу, простить); о священникѣ, не кончившемъ литургіи по причинѣ припадка (если выдоровитъ, именовъ Макарій, пусть служитъ по прежнему — животою и смертыю владѣеть Богъ, если же нѣтъ, назначить другаго на его мѣсто): (Ант. Эксп. 1 — № 253).

1563 г. Духовная грамота (А. И. 1—328).

Кромѣ того Макарію приписываютъ Коричную книгу — собраніе всѣхъ каноническихъ статей, въ томъ числѣ и такихъ, которыя только казались каноническими, Великую книгу правила келейнаго и путнаго, Дѣянія Собора противъ Ванькина и Поученіе о молитвѣ ¹⁾, но предпослѣднее сочиненіе есть только соборное дѣло, скрѣпленное рукою митрополита; а послѣднее — выписки изъ Стоглава.

Большую часть сочиненій Макарія мы подробно излагали въ соответственныхъ мѣстахъ при обзорѣни политической и церковной его дѣятельности; теперь же займемся ихъ литературной оцѣнкой.

Если отбросить всѣ грамоты и посланія, въ которыхъ заключаются церковно-административныя распоряженія, то собственно литературныхъ произведеній Макарія останется: одно поученіе, три рѣчи, четыре посланія и одна грамота.

Однѣ сохранившееся церковное поученіе Макарія не даетъ однако права утверждать, что онъ по примѣру большинства своихъ современниковъ не любилъ заниматься этой отраслью духовной литературы. Напротивъ, лѣтописцы единогласно утверждаютъ, что Макарій постоянно говорилъ къ народу „многими повѣстми“, и что изъ устъ его лились рѣчи медоточнаго ученія. Въ лѣтописи упоминается, напримѣръ, что при рукоположеніи Феодосія въ игумены онъ произнесъ поученіе о томъ еже достойтъ игуменамъ—пребывать въ постѣ и въ молитвахъ и во бдѣніяхъ и во всякихъ добродѣтеляхъ и поученіе имѣти о своемъ спасенномъ стадѣ, елико Богъ дастъ ²⁾. Сохранившееся волюнѣ поученіе Макарія сказано имъ при бракосочетаніи царя. Въ немъ прежде всего насъ поражаетъ естественный стройный порядокъ изложенія; поученіе раздѣляется на три строго опредѣленныя части: въ первой ораторъ говоритъ объ обязанностяхъ обще-христіанскихъ, во второй—царскихъ, въ третьей собственно семейныхъ. Затѣмъ слѣдуетъ заключеніе, въ которомъ Макарій въ духѣ

¹⁾ *Филаретъ*. Обз. р. д. лит. 132.

²⁾ *Сов. Врем.* 372.

своего времени общаетъ новобрачной четѣ за соблюденіе всѣхъ этихъ обязанностей всякаго рода благополучіе, небесное и земное. Кромѣ плана это поученіе отличается простотою слога и удобопонятностью изложенія: ораторъ, какъ видно, преимущественно обращалъ вниманіе на духъ и мысль своего сочиненія, а не на форму, благодаря чему у него не замѣтно никакой условной торжественности которую такъ страдаютъ другіе современные ему писатели. Вообще простой и естественный способъ выраженія выгодно отличаетъ Макарія отъ другихъ современныхъ ему ораторовъ, у которыхъ часто можно встрѣтить одинъ только наборъ словъ и трескучихъ фразъ безъ всякаго смысла. Неудивительно, что, по свидѣтельству лѣтописца, всѣ слушатели Макарія удивлялись его способности говорить всею удобопонятно.

Такимъ же характеромъ отличаются и рѣчи Макарія—сказанныя во Владимірѣ воеводамъ, въ Москвѣ по случаю заложенія Свѣзска и при встрѣчѣ великаго князя. Простота и безыскусственность ихъ до того поразительны, что заставляютъ предполагать отсутствіе предварительной ихъ подготовки. Особенно это можно сказать относительно рѣчи, произнесенной по случаю заложенія Свѣзска, которая собственно, какъ мы видѣли, состоитъ только изъ двухъ мыслей. Рѣчь, произнесенная во Владимірѣ— о вредѣ мѣстничества, хотя по разиѣру и больше, во все таки не уступаетъ первой въ безыскусственности. Наконецъ, третья рѣчь, сказанная Макаріемъ при встрѣчѣ государя послѣ взятія Казани, проникнута вся глубокимъ патриотическимъ чувствомъ, сознаниемъ всей важности для Россіи только что оконченнаго дѣла. Здѣсь уже являются довольно длинные періоды, искусственныя сравненія Іоанна съ Константиномъ, Владиміромъ, Дмитріемъ Донскимъ и Александромъ Невскимъ, при чемъ ораторъ подвиги его ставитъ выше ихъ дѣлъ; рѣчь свою Макарій закончилъ эффектнымъ приемомъ, вполне соотвѣтствовавшимъ торжественности обстановки и произведшимъ на слушателей весьма сильное впечатлѣніе. На поклонъ царя онъ отвѣтилъ поклономъ до земли, при чемъ произнесъ слѣдующія слова; „чѣмъ возможемъ мы возблагодарить Бога за оказанныя имъ тебѣ великія милости, какъ не словами: велий еси Господи, и чудна дѣла твоя, ни едино же слово довольно къ похваленію чудесъ твоихъ! А тебя царь, какъ мы отблагодаримъ и какія принесемъ похвалы? Ты избавилъ насъ отъ нашествія варваровъ, разорилъ ихъ жилища, освободилъ отъ рабства нашихъ плѣнныхъ братьевъ; вмѣстѣ съ ними мы восклицаемъ къ тебѣ: радуйся и весе-

лись, благочестивый царь! Здравствуй, государь, со своею царицей и сыномъ, со всѣми боярами и воинствомъ въ царственномъ градѣ Москвѣ, на всѣхъ твоихъ царствахъ и на богодарованномъ Казанскомъ царствѣ въ сей годъ и послѣдующій, въ родъ и родъ, на многая лѣта! И тебѣ, царю, за всѣ твои труды со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣми православными христіанами челомъ бую". Нужно замѣтить, что рѣчь эта не могла быть приготовлена раньше, потому что она служила отвѣтомъ на слова Іоанна; вообще эта рѣчь показываетъ въ Макаріѣ человека вполне владѣющаго даромъ слова и умѣющаго пользоваться обстоятельствами для того, чтобы усилить впечатлѣніе своихъ словъ.

Совершенно иной характеръ носятъ посланія Макарія: въ нихъ онъ вполне подчинялся вліянію своего времени, и потому всѣ недостатки современныхъ сочиненій такого рода имѣютъ въ нихъ мѣсто.

Посланія были тогда преобладающей формой литературы: съ ними обращались къ разнымъ лицамъ или сословіямъ, когда желали исправить чьи либо недостатки, или изобличить заблужденія. Чаще всего писались посланія къ князьямъ; въ нихъ давались разнаго рода совѣты по поводу важныхъ событій, одобрялись, или порицались княжескія дѣйствія, или испрашивалось дозволеніе на какія нибудь нововведенія. Такое содержаніе имѣютъ и всѣ посланія Макарія, изъ которыхъ замѣчательнѣйшія посланія его къ Іоанну—два по поводу Казанскихъ событій, а одно по поводу вопроса о церковныхъ имѣніяхъ и посланіе въ Свияжскъ ко всему войску и народу.

Изъ нихъ ниже всѣхъ другихъ по изложенію и содержанію посланіе къ царю въ Муромъ: оно отличается искусственностью, витіеватостью, многорѣчиемъ, одна и та же мысль нѣсколько разъ повторяется только въ равной формѣ. Но, несмотря на всѣ эти недостатки, и въ немъ попадаются хорошія мѣста, къ которымъ нельзя не причислить всѣ смѣлыя обращенія Макарія къ царю, приглашающія его удерживаться отъ грѣховъ. Въ этомъ посланіи, какъ и въ прочихъ, мы замѣчаемъ множество историческихъ примѣровъ, взятыхъ изъ отечественной исторіи. Изъ другихъ писателей такое обиліе примѣровъ встрѣчается только у знаменитаго Вассіана Ростовскаго, особенно въ посланіи его къ Іоанну III, въ которомъ онъ примѣрами Игоря, Владиміра, Мономаха, Донскаго и др. побуждаетъ великаго князя сражаться съ Татарами. Вообще посланія Макарія и въ другихъ отношеніяхъ напоминаютъ посланія Вассіана и весьма вѣроятно предположить, что

Вассіанъ былъ любимый ученикъ Пафнютія Боровскаго, изъ монастыря котораго вышелъ Макарій.

Второе посланіе къ Иоанну по случаю ваятія Казани короче перваго и почти все состоитъ изъ постоянныхъ напоминаній мужаться и твердо продолжать начатое дѣло. Въ этомъ посланіи, какъ и въ первомъ, довольно часто попадаются повторенія и мѣстами замѣчается растянutosть, но въ цѣломъ оно стройнѣе перваго и отличается глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, которое возвышаетъ автора до истиннаго краснорѣчія, особенно въ концѣ посланія.

Отвѣтъ Макарія царю о недвижимыхъ вещехъ, вѣданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, мы уже подробно разбирали; здѣсь остается только замѣтить, что содержаніе въ немъ не всегда соотвѣтствуетъ формѣ и цѣлыя большія фразы повторяются по два и по три раза.

Обширнѣе всѣхъ другихъ посланій Макарія, грамота его въ Свіязскъ къ войску и народу, въ которой онъ увѣщаетъ ихъ исправить свое поведеніе и, подобно всѣмъ другимъ древне-русскимъ книжникамъ, въ постигшихъ ихъ болѣзняхъ видитъ наказаніе за ихъ грѣхи. Несмотря на свой объемъ, посланіе отличается послѣдовательностью хода мыслей, сравнительной простотой выраженій и силой, которою проникнуты всѣ обличенія и угрозы святителя.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о Духовной Макарія, которая писана имъ за три мѣсяца до смерти, въ сентябрѣ 1563 года. Эта „духовная грамота“ составлена по образцу грамотъ его предшественниковъ и болѣе всего сходна съ грамотой митр. Кипріяна ¹⁾. Въ ней Макарій упоминаетъ сначала о своей старости и различныхъ болѣзняхъ, побудившихъ его написать это завѣщаніе; затѣмъ говоритъ объ исповѣданіи вѣры, которое написалъ, когда рукополагался во святители, замѣчаетъ, что былъ поставленъ въ митролиты противъ своей воли, неоднократно по причинѣ многихъ скорбей хотѣлъ отказать отъ архіерейства, но былъ удерживаемъ великимъ княземъ, святителями и соборомъ. Въ концѣ грамоты онъ обращается ко всему духовенству, великому князю, боярамъ, дѣтямъ боярскимъ, дьякамъ и всѣмъ православнымъ, христіанамъ съ ихъ женами и дѣтьми, просить у нихъ и самъ имъ пренодаетъ благословеніе и прощеніе.

¹⁾ Макарій, V, 190.

АРХАИЧЕСКІЯ ФОРМЫ СЕМЕЙНОЙ ОРГАНИЗАЦІИ У КAVKAZ-СКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

Въ послѣднее время точное изученіе быта народовъ, находящихся на низшихъ ступеняхъ развитія, привело къ убѣжденію, что такъ называемая патриархальная семья далеко не можетъ быть признана первичною формою семейной организаціи. Открыты были болѣе архаическія формы ¹⁾). Подробное изученіе этихъ формъ у различныхъ народовъ необходимо въ настоящее время, такъ какъ безъ него немислимо пониманіе генезиса семейнаго строя вообще. Въ этомъ отношеніи русскіе ученые могутъ сдѣлать очень много для науки, такъ какъ въ ихъ распоряженіи находится богатый матеріалъ, недоступный въ большинствѣ случаевъ для иностранныхъ ученыхъ. Я говорю здѣсь о правѣ инородцевъ, живущихъ въ предѣлахъ обширной Россійской имперіи. Тутъ мы знакомимся съ самыми разнообразными архаическими формами семьи. У нѣкоторыхъ изъ инородческихъ племенъ эти древнія семейныя формы еще пользуются полнымъ признаніемъ, еще не замѣнены болѣе новыми, между тѣмъ какъ у другихъ онѣ отжили уже свой вѣкъ и уступили мѣсто семейному строю новѣйшей формациі, такъ что въ правѣ этихъ племенъ мы можемъ указать только на слѣды и остатки ихъ существованія. Но и эти остатки въ высшей степени важны для науки, и они должны быть тщательно собраны и систематизированы.

¹⁾ См. мою статью «Къ ученію объ организаціи семьи и рода въ первобытныхъ обществахъ» въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, апрѣль и іюль 1881 г.

Въ настоящемъ очеркѣ мы задались цѣлью, познакомиться съ остатками архаической семейной и родовой организаціи у инородческихъ племенъ, населяющихъ Кавказъ.

Начнемъ съ общаго замѣчанія, что тотъ семейный и родовой строй, съ которымъ мы встрѣчаемся въ настоящее время у кавказскихъ горцевъ, принадлежитъ уже къ позднѣйшимъ формаціямъ права: только тамъ и сямъ попадаются остатки прежнихъ формъ. А именно, въ семейной и родовой организаціи горскихъ племенъ начало агнатства имѣетъ несомнѣнное преимущество надъ началомъ когнатства, что, какъ доказано новѣйшими изслѣдованіями, составляетъ отличный признакъ семейнаго права позднѣйшихъ формацій. Но, въ правѣ нѣкоторыхъ племенъ сохранились указанія на то, что нѣкогда было иначе, что въ древности начало когнатства было организаціоннымъ принципомъ семейнаго строя. Наконецъ, и тамъ, гдѣ агнаты получили перевѣсъ надъ когнатами, сія послѣдніе не были окончательно вытѣснены первыми и семейная организація никогда не уподоблялась той, которая извѣстна подъ названіемъ римской патриархальной семьи.

Обратимся прежде всего къ даннымъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что въ глубокой древности ребенокъ принадлежалъ исключительно къ роду своей матери. Въ этомъ отношеніи въ особенности важно одно преданіе, сохранившееся у Ингушей и указывающее на то, что нѣкогда у этого племени ребенокъ до такой степени считался всецѣло принадлежащимъ къ роду своей матери, что онъ долженъ былъ въ случаѣ, если его отецъ убивалъ его дядю—брата его матери, отомстить за дядю кровавою местию и убить отца. Далѣе, изъ того же преданія мы можемъ убѣдиться, что роды и племена вели свое происхожденіе иногда не отъ мужчинъ—родоначальниковъ, а отъ женщинъ—родоначальницъ. Вотъ это преданіе: одинъ изъ древнихъ ингушевскихъ героев Чопа, сынъ Барота, находился въ связи съ лѣсной женщиной ¹⁾. „А что, Чопа, спросила его однажды

¹⁾ Ингуши вѣрятъ, что въ лѣсахъ живетъ особая порода лѣсныхъ людей. Лѣсные мужчины покрыты волосами и имѣютъ страшный видъ, лѣсныя же женщины отличаются чрезвычайной красотой, но по характеру онѣ такъ же злы и коварны. Это преданіе объ особой породѣ людей по всей вѣроятности имѣетъ основаніемъ существованіе въ древности въ лѣсной части занимаемой Ингушами территоріи какого нибудь племени, различнаго съ Ингушами по происхожденію и обычаямъ, но потому съ ними сближагося.

лѣсная женщина, ты испугаешься, если къ тебѣ придетъ ночью какое нибудь чудовище?" „Настолько не испугаюсь, отвѣчалъ Чопа, что не потеряюсь и сумѣю защитить себя, кто бы ни напалъ на меня". Въ такомъ случаѣ, замѣтила лѣсная женщина, я оставляю тебя сегодня одного въ лѣсу, и ты долженъ будешь показать твою храбрость, такъ какъ въ полночь къ тебѣ придетъ лѣсной человѣкъ". Чопа сѣлъ въ лѣсу одинъ. Вдругъ съ вихремъ появляется чудовище; оно освѣщается огнемъ и подходитъ къ Чопѣ. Чопа сдѣлалъ въ него выстрѣлъ. „Я братъ той женщины, съ которой ты живешь", простонало чудовище, „напрасно ты въ меня выстрѣлил!" Съ этими словами чудовище исчезло. При свиданіи Чопа разказалъ лѣсной женщинѣ все случившееся. Она, хотя и упрекала Чопу въ убійствѣ брата, но тѣмъ не менѣе продолжала съ нимъ связь. У нихъ родился сынъ. Когда онъ сталъ подростать, то Чопа сталъ опасаться отомщенія отъ него за убитаго дядю. Онъ долженъ былъ прекратить свою многолѣтнюю связь съ лѣсной женщиной и даже боялся ходить въ лѣсъ ¹⁾. Не смотря на всѣ эти предосторожности, Чопа встрѣтилъ однажды своего сына въ ущельи Аршту, не добжая аула Бултума. Между отцемъ и сыномъ произошла драка, и Чопа былъ раненъ и ограбленъ сыномъ своимъ, который отомстилъ такимъ образомъ за своего дядю. Чопу взяли жители аула Бултумъ. Чопа умиралъ, онъ завѣщалъ, чтобы въ комнатѣ, гдѣ онъ будетъ лежать мертвый, никого не было. Такъ и сдѣлали. Но одна женщина изъ любопытства осталась въ комнатѣ съ трупомъ. Въ полночь комната вдругъ освѣтилась, и явилась лѣсная женщина съ дочерьюми оплакивать Чопу. Къ разсвѣту лѣсная женщина говоритъ своимъ дочерямъ, что она чувствуетъ запахъ человѣческій. „Кто слышитъ нашъ разговоръ, сказала лѣсная женщина, да не удовлетворятся души его потомства". Произнеся это заклатіе лѣсная женщина исчезла съ дочерьюми. Отъ той женщины (то-есть, отъ той, которая подглядѣла появленіе лѣсной женщины) произошли Орштохойцы (Карабулаки). Известно, что они самый безпокойный народъ и ничѣмъ не удовлетворяются (Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горахъ. Выпускъ VIII. Статя Чаха Ахріева „Ингуши", стр. 27—29). Изъ числа юридическихъ обычаевъ, указывающихъ на преобладаніе въ древности начала материнскаго родства, самымъ харак-

¹⁾ Изъ того, что Чопа боялся ходить въ лѣсъ, видно, что сынъ его шлѣ въ лѣсу при племени своей матери.

теристическимъ является обычай, опредѣляющій порядокъ передачи сословныхъ правъ у Кабардинцевъ и вообще у всѣхъ Адиге (Черкесовъ). Этотъ обычай свидѣтельствуешь такъ же, что въ древности семья группировалась вообще не около мужчинъ, а около женщинъ. А именно, у низшихъ (то-есть, зависимыхъ) сословій сословныя права передаются не отцемъ, а матерью. Мало того, даже мужу иногда сословныя права сообщаются женою. Такъ, мужчина унауть, то-есть рабъ, по достиженіи совершеннолѣтія можетъ требовать отъ владѣльца жену изъ сословія логанапутовъ или пшатлей ¹⁾, и владѣлецъ долженъ ему ее купить, послѣ чего какъ мужъ, такъ и прижитыя съ логанапуткой дѣти получаютъ права логанапутовъ. Унаутки по обычаю не могли выходить замужъ, но имъ могло быть дозволено со стороны господина вступать во временныя связи съ Унаутами, Логанапутами и даже со свободными, при чемъ всѣ дѣти, рожденныя отъ такой связи дѣлались Унаутами. Однимъ словомъ, относительно причисленія дѣтей къ тому или другому сословію у Адиге господствовало правило, по которому рожденный отъ холопа и свободной женщины считался свободнымъ, а рожденный отъ свободного мужчины и холопки—холопомъ. Что касается высшихъ сословій, то здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ же правиломъ, хотя оно нѣсколько и видоизмѣнено: дѣти князя и женщины не княжескаго происхожденія не получали сословныхъ правъ своего отца, не становились князьями. Впрочемъ, они не причислялись и къ сословію своей матери, а составляли особое сословіе, называвшееся тума (Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Выпускъ I. Горская гѣтопись, стр. 24. Дубровинъ, Исторія войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ. Томъ I, книга 1, стр. 210). Подобное опредѣленіе принадлежности къ тому или другому сословію происхожденіемъ по женской линіи неоспоримо указываетъ на то, что утробное родство было у Адиге основой семейной и родовой организаціи еще не особенно давно, а именно въ тотъ сравнительно уже поздній періодъ ихъ исторіи, когда слагались сословія. Далѣе, на преобладаніе нѣкогда у нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ той формы рода, которая основана на счетѣ родства по женской линіи, указываютъ такъ же постановленія нѣкоторыхъ адатовъ о кровавой мести. Такъ, по адатамъ Кумикской плоскости, если братъ убьетъ брата, то, если убійца съ убитымъ братья отъ разныхъ

¹⁾ Логанапуты или пшатели составляютъ зависимое сословіе, но не находятся въ составѣ рабства.

матерей, а у убитаго есть братъ отъ одной матери, сему послѣднему принадлежить право мести и выкупа (Сборн. свѣдѣн. о кавказс. горцахъ, вып. VI. Адаты Кумикской плоскости, стр. 5). Значеніе утробнаго родства здѣсь очевидно: братья отъ разныхъ матерей разсматриваются въ данномъ случаѣ какъ чужеродны. Еще болѣе проявляется значеніе утробнаго родства въ положеніяхъ адата Гамринскаго магола, по которымъ мужъ, убившій свою жену, становится канлы (то-есть подпадаетъ мести) своимъ дѣтей и родственниковъ своей жены (Сборникъ свѣдѣн. о кавказ. горц. Вып. VIII, Адаты южно-дагестанскихъ обществъ, стр. 53). Здѣсь дѣти известной женщины виѣстѣ съ родичами ея противопоставляются мужу этой женщины, своему отцу, какъ чужеродцу. Равнымъ образомъ только тѣмъ, что въ древности ребенокъ исключительно принадлежалъ къ родуматери и мужинѣ наследовали не его дѣти, а племянники, то-есть дѣти его сестры, можетъ быть объяснено положеніе обычнаго права Ингушей, по которому дядя обязанъ племяннику своему, — сыну сестры, а не брата, достигшему 16 или 17-лѣтняго возраста, сдѣлать баргъ, то-есть почетную плату, состоящую въ подаркѣ хорошей лошади, стоящей не менѣе 30 р. Подарокъ этотъ обязателенъ до такой степени, что взрослый и нетѣрпѣливый племянникъ, долго не получающій подарка, можетъ отнять у своего дяди означенный баргъ силою (Сборн. свѣдѣн. о Кавказ. горц. Вып. IX статья: „Ингуши“, стр. 102). Далѣе, на преобладаніе въ древности утробнаго родства указываетъ такъ же обычай Осетинъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни совѣтоваться съ братьями своей матери. Правда, Гудыръ Шанзевъ, авторъ статьи (Сбор. свѣдѣн. о Кавказ. горц. Вып. VII, статья: „Изъ осетинскихъ народн. сказаній“, стр. 25), изъ которой мы почерпнули настоящее свѣдѣніе, объясняетъ, что совѣтуются съ братьями матери потому, что сн послѣдніе, не имѣя по обычному осетинскому праву наследственныхъ правъ относительно своихъ племянниковъ, могутъ дать наиболѣе безкорыстные совѣты, но изъ словъ его не видно, толкуется ли такъ занимающій насъ обычай самими Осетинами, или это просто соображеніе автора, случайно пришедшее ему въ голову. Но, еслибы даже сами Осетины толковали такъ этотъ обычай, то это нисколько не подрывало бы нашего предположенія, что сей послѣдній есть не что иное какъ переживаніе, сохранившееся отъ того времени, когда брату матери принадлежало въ семьѣ то мѣсто, которое занимаетъ теперь отецъ. Вѣдь хорошо извѣстно, что народъ рѣдко правильно толкуетъ смыслъ такъ-называемыхъ переживаній, а переживаніе, о ко-

торомъ идетъ рѣчь, относится къ семейному строю, давно уже не существующему у осетинскаго народа, такъ какъ въ настоящее время происхождение по мужской линіи признается единственнымъ и исключительнымъ основаніемъ для опредѣленія принадлежности къ тому или другому роду. Родство по женской линіи теперь не имѣетъ между Осетинами почти никакого юридическаго значенія: по повѣстіямъ Осетинъ родственникъ въ 100 степени, носящій одно со мною фамильное имя, ближе мнѣ чѣмъ братъ моей матери (Naxthausen, Transkaukasia, Band II, p. 26). Въ виду этого не удивительно, что современные Осетины придали указанному выше обычаю иной смыслъ чѣмъ тотъ, который онъ имѣлъ въ древности. Загѣмъ, доказательствомъ нашего мнѣнія о преобладаніи въ древности у кавказскихъ горцевъ материнскаго начала въ родствѣ можетъ служить обычай Черкесовъ, приводимый Лаппинскимъ (см. изложеніе его сочиненія „Die Bergvölker des Caucasus“ въ Запискахъ импер. русск. географ. общества 1863 г. книга I, бібліографія, стр. 42), по которому жена никогда не родитъ въ домѣ своего мужа, а отправляется въ домъ своей матери или престарѣлой родственницы. Смыслъ этого обычая, по нашему мнѣнію, тотъ, что дѣти первоначально и принадлежали къ роду, въ домѣ котораго они до сихъ поръ рождаются своими матерями. На это, какъ мы полагаемъ, указываетъ такъ же одинъ обычай чеченцевъ, передаваемый Дубровинимъ (Исторія войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ, томъ I, книга 1, стр. 439). Дубровинъ говоритъ, что въ Чечнѣ имя дается ребенку слѣдующимъ образомъ. Почетныя и знакомыя женщины собираются съ утра въ комнатѣ матери ребенка, и начинается такъ-называемый женскій пиръ. Имя младенцу даютъ сами, какое имъ вздумается, и часто одного и того же ребенка отецъ называетъ однимъ, а мать другимъ именемъ. Это по нашему мнѣнію свидѣтельствуетъ о томъ, что въ древности право давать имя дѣтямъ принадлежало роду матери, и право это по справедливому замѣчанію Моргана (Ancient society p. 65) принадлежитъ къ важнѣйшимъ родовымъ правамъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ росло значеніе патернитета, такое же право получилъ и отецъ съ своимъ родомъ. Вотъ почему до сихъ поръ въ Чечнѣ одного и того же ребенка мать зоветъ однимъ, а отецъ другимъ именемъ. Наконецъ укажемъ на то, что въ обычаяхъ Кавказскихъ горцевъ сохранились даже слѣды такъ-называемаго групповаго родства. Такъ въ Кабардѣ существуетъ до сихъ поръ одинаковое обращеніе къ отцу и къ старикамъ „дада“ (Сборн. свидѣн. о Кавказскихъ горцахъ. Выпускъ VII,

статья: „Кабардинская старина“, стр. 110). Это свидѣтельствуетъ о томъ, что нѣкогда, въ глубокой древности, отношенія отца къ сыну ни чѣмъ не разнились отъ отношеній къ сему послѣднему остальныхъ взрослыхъ мужчинъ племени. Вообще въ обычаяхъ сохранились указанія на то, что въ древности принадлежность извѣстнаго лица къ извѣстной общественной группѣ, къ извѣстному племени, опредѣлялась тѣмъ, находилось ли оно въ какихъ нибудь отношеніяхъ къ женщинамъ этой группы, этого племени, или нѣтъ. При семъ былъ безразличенъ самый характеръ этихъ отношеній: будутъ ли то отношенія происхожденія, воспитанія или брака. Такъ, у Чеченцевъ и у Черкесовъ ребенокъ, вскормленный чужою грудью, признаетъ на всегда вскормившую его женщину матерью, а дѣтей ея своими братьями и сестрами. Здѣсь вскармлиеніе и воспитаніе замѣняютъ происхожденіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сіе послѣднее замѣняется бракомъ. А именно, въ Чечнѣ вольноотпущенные рабы не оставляли своего господина, а поселившись вблизи отъ него старались жениться на одной изъ его дочерей или родственницъ, чтобы чрезъ то сдѣлаться членами его семейства или фамиліи (Дубровинъ, Исторія войны и владычества Русск. на Кавказѣ, томъ I, книга I, 453). Все это ведетъ свое начало отъ того времени, когда общественные союзы группировались около женщинъ, и когда внутри этихъ общественныхъ группъ понятіе родства еще не вполне индивидуализировалось ¹⁾.

Въ предшествовавшемъ изложеніи мы собрали находящіяся въ преданіяхъ и правѣ кавказскихъ горцевъ слѣды того древняго семейнаго и родового строя, главной основой котораго служило такъ-называемой утробное родство. Современная семейная и родовая организація горскихъ племенъ покоится на иномъ основаніи; въ ней, какъ мы замѣтили выше, начало агнатства преобладаетъ надъ началомъ когнатства. Но, въ то же время, въ большинствѣ Кавказскихъ обычныхъ правъ, за исключеніемъ, собственно говоря, только осетинскаго, утробное родство не утратило окончательно своего значенія. Напротивъ того, родичи по матери пользуются родовыми правами и отправляютъ родовыя обязанности рядомъ съ родичами по отцу; хотя и не всегда въ равной съ ними степени.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи интересно было бы рассмотреть здѣсь институтъ аталычества. Но институтъ этотъ слишкомъ сложный, такъ что ему необходимо посвятить особую статью.

Познакомимся теперь ближе съ этимъ участіемъ когнатовъ въ родовыхъ правахъ и обязанностяхъ.

Что касается права кровавой мести, то право это большинствомъ адатовъ признается за родственниками вообще, при чемъ не дѣлается различія между агнатами и когнатами. Въ обычномъ правѣ племенъ, населяющихъ Кумыкскую плоскость, прямо говорится, что кровомщеніе принадлежитъ какъ родичамъ со стороны отца, такъ и родичамъ со стороны матери, хотя первенство по кровомщенію и дается отцовской сторонѣ (Сборн. свѣдѣн. о кавказскихъ горцахъ. Вып. VI, Адаты жителей Кумыкской плоскости, стр. 6). Далѣе, обязанность помогать родичу при платежѣ выкуповъ, взысканій и денежныхъ пеней возлагается адатами какъ на агнатовъ такъ и на когнатовъ. По общимъ адатамъ даргинскихъ обществъ, если на посполненіе взыскаія не хватитъ имущества обвиненнаго, то остатокъ возлагается на его родственниковъ. Для этого назначаются сорокъ ближайшихъ родственниковъ обоюго пола, по двадцати со стороны отца и со стороны матери обвиненнаго (Сборн. свѣдѣній о кавказ. горц. Вып. VII. Адаты даргинскихъ обществъ стр. 11—12). Значить, здѣсь родичи по матери отвѣтствуютъ въ равной степени съ родичами по отцу. То же самое правило повторяется и въ мѣстныхъ даргинскихъ адатахъ съ нѣкоторыми видоизмѣненіями ¹⁾, не касающимися, впрочемъ, сущности дѣла, заключающейся въ равной степени отвѣтственности обоихъ родственныхъ цикловъ. Только адаты Урахлинскаго (Хюрклинскаго) общества налагаютъ на оба рода отвѣтственность не въ равной степени. Въ этомъ адатѣ сказано: если имущества всѣхъ родственниковъ, состоящихъ въ опредѣленной степени родства, окажется недостаточнымъ, то для платежа остатка назначаются слѣдующіе родственники—3 со стороны отца и 2 со стороны матери, изъ которыхъ четыре улачиваютъ падающее на несостоятельнаго взысканіе въ пользу истца, а пятый вноситъ причитающіеся штрафы (Сборн. свѣд. о кавказск. горцахъ, вып. VII, Адаты даргинскихъ обществъ, стр. 84). Впрочемъ, адаты этотъ, какъ противорѣчащій не только общему адату, но и большинству мѣстныхъ, очевидно болѣе поздняго происхожденія: на немъ от-

¹⁾ Видоизмѣненія эти состоятъ въ томъ, что сперва призываются къ отвѣту лица тѣхъ степеней родства, въ которыхъ пому сульманскому закону запрещенъ бракъ, или же родители, братья и сестры, а потомъ уже остальные родственники въ равномъ числѣ съ отцовской и материнской стороны (Сборн. свѣд. о кавказ. горц. Вып. VII. Адаты даргинскихъ обществъ, стр. 46, 60, 72 и 112).

разилось наступившее съ теченіемъ времени ослабленіе связи отдѣльнаго лица съ материнскимъ родомъ. Меньшее значеніе имѣеть материнская родня въ дѣлѣ помощи родичу въ качествѣ соприсажниковъ. По общему алату даргинскихъ обществъ, обязанность эта лежитъ исключительно на родичахъ по мужской линіи (Сборн. свѣдѣній о кавказск. горцахъ, вып. VII, Алаты даргинскихъ обществъ, стр. 9), во въ мѣстныхъ алатахъ призываются въ соприсажники и родственники по женской линіи. Такъ, по алату акушинскаго общества могутъ быть допущены съ согласія противной стороны и родственники по матери. Другіе мѣстные алаты допущеніе родственниковъ по матери ставятъ въ зависимость отъ числа соприсажниковъ. А именно, если во какому нибудь дѣлу требуется большое число соприсажниковъ, свыше извѣстнаго опредѣленнаго алатомъ числа, то къ присягѣ допускается и родня по женской линіи. Такъ, по алату мушинскаго общества родственники по матери призываются въ соприсажники, если необходимо выставить 12 или болѣе соприсажниковъ (Сборн. свѣд. о кавказск. горцахъ, вып. VII, Даргинскіе алаты, стр. 60), а по алатамъ уралинскаго (хюркилинскаго) и цудахарскаго обществъ, если требуется присяга съ 40 родственниками-соприсажниками (Сборн. свѣд. о Кавказск. горцахъ, вып. VII, Даргинскіе алаты, стр. 84 и 111). При этомъ неизрѣннымъ условіемъ допущенія материнской родни является то, чтобы мать не была уроженкой другаго аула. Это послѣднее правило обязано своимъ происхожденіемъ новому территориальному началу, весьма сильно повліявшему на всю общественную организацію горскихъ племенъ.

Такимъ образомъ, и въ настоящее время утробное родство у горскихъ племенъ не утратило своего значенія. Дѣти, считаясь по преимуществу принадлежащими къ роду своего отца, не утратили однакожъ родовыхъ правъ въ родѣ своей матери. Съ этимъ явленіемъ, какъ учить новая историческая школа, мы встрѣчаемся въ исторіи всѣхъ первобытныхъ обществъ. Да оно и не могло быть иначе, такъ какъ были на лицо слишкомъ сильныя мотивы для сохраненія связи съ материнскимъ родомъ. А именно, какъ извѣстно, чѣмъ болѣе обширное родство имѣлъ первобытный человѣкъ, тѣмъ обезпеченнѣе была его жизнь и его имущество, такъ какъ при отсутствіи государственной власти гарантіей правъ являлась исключительно защита со стороны родичей. Слѣдовательно, въ первобытныхъ обществахъ должна была высказываться тенденція не къ ограниченію, но, напротивъ того, къ расширенію родственнаго цикла. Поэтому и послѣ призна-

нія агнатическаго родства когнатическое родство не могло утратить свое значеніе ¹⁾. Кромѣ того сохраненію значенія утробнаго родства способствовали еще одинъ весьма вѣскій мотивъ. Заплата со стороны родичей по женской линіи не только увеличивала безопасность первобытнаго человѣка отъ внѣшняго врага-чужеродца, но и обезпечивала его права отъ нарушенія со стороны его родичей-агнатовъ. Родичи по матери зорко наблюдали за тѣмъ, чтобы отецъ и его родичи не злоупотребляли своей властью надъ ребенкомъ. Такъ, по адату акунанскаго общества (Сборн. свѣд. о кавказск. горахъ, даргинскіе адаты, стр. 35) отецъ, убившій сына, становится канли родичей матери.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ горскихъ племенъ характеръ семейныхъ властей не представлялъ и не представляетъ тѣхъ чертъ, съ которыми мы встречаемся въ такъ называемыхъ патриархально-организованныхъ обществахъ. Ни мужъ, ни отецъ у большинства горцевъ не имѣли и не имѣютъ права жизни и смерти. Жену защищала ея родъ, дѣтей — родъ ихъ матери. Я не хочу этимъ сказать, чтобы не было исключеній. Такъ, по южно-дагестанскимъ адатамъ отецъ за убійство дѣтей не отвѣтствуетъ, такъ какъ по этимъ адатамъ только онъ имѣетъ право на месть и выкупъ за дѣтей (Сборн. свѣд. о кавказск. горахъ, вып. VIII. Адаты южно-дагестанскихъ обществъ, стр. 7, 22, 34, 49, 52 и 59). Но эти исключенія ничего не доказываютъ, такъ-какъ южно-дагестанскіе адаты принадлежатъ несомнѣнно новѣйшей формации права и носятъ отпечатокъ постороннихъ вліяній. Кромѣ того, въ этихъ адатахъ безнаказанность отца за убійство дочери или сына является слѣдствіемъ не отеческой, а родительской власти вообще, такъ какъ въ южномъ Дагестанѣ и мать; убившая своихъ дѣтей, никѣмъ не преслѣдуется (Сборн. свѣд. о кавказск. горахъ, вып. VIII, стр. 65).

Вотъ основныя черты семейной и родовой организациі кавказскихъ племенъ въ прошломъ и настоящемъ, насколько мы можемъ познакомиться съ ними по собраннымъ доселѣ матеріаламъ. Намъ кажется, что приведенныхъ нами данныхъ достаточно для доказательства того, что у горцевъ въ доисторическое время понятіе род-

¹⁾ И въ дѣйствительности, утрата утробнымъ родствомъ всякаго юридическаго значенія является исключеніемъ въ исторіи первобытныхъ обществъ, объясняющимся дѣйствіемъ особыхъ, не общихъ всему человѣчеству, причинъ.

ства покоилось исключительно на происхожденіи по женской линіи, и что впоследствии, не смотря на то, что агнатическое начало было признано и сдѣлалось основой всей семейной и родовой организаціи, утробное родство не утратило своего значенія. Вотъ результаты, къ которымъ привело насъ наше изслѣдованіе.

Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ отвѣтить теперь же на нѣкоторыя замѣчанія, которыя могутъ быть намъ сдѣланы. Намъ могутъ замѣтить, что тѣ начала, на которыя мы указали въ настоящемъ очеркѣ, могли первоначально составлять особенность права одного изъ безчисленныхъ племенъ, населяющихъ Кавказъ, и потомъ быть заимствованы у этого племени другими племенами. По нашему мнѣнію, нельзя предположить, чтобы подобное заимствованіе имѣло мѣсто. Всякому, кому извѣстно, до какой степени обособились не только отдѣльныя кавказскія племена, часто принадлежащія къ различнымъ расамъ человѣческаго рода, но даже роды одного и того же племени, подобное предположеніе не можетъ не показаться лишеннымъ всякаго основанія. А потому, если мы у большинства кавказскихъ племенъ встрѣчаемся со слѣдами преобладанія материнскаго начала въ родѣ, то это можетъ быть объяснено только тѣмъ, что такова была организація большинства первобытныхъ человѣческихъ обществъ. Затѣмъ, намъ могутъ поставить на видъ, что если въ наукѣ уже установлено, что преобладаніе родства по женской линіи въ ранній періодъ исторіи есть явленіе, общее всему человѣчеству, то приведеніе новыхъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ, фактовъ и данныхъ изъ быта племенъ, право которыхъ мало еще изслѣдовано, лишено въ извѣстной степени живаго интереса ¹⁾. На это мы можемъ возразить, во первыхъ, что, несмотря на то, что извѣстныя положенія уже установлены наукой, все-таки желательно для ихъ вѣщаго пониманія и большаго обоснованія собраніе все большаго и большаго числа относящихся къ нимъ данныхъ, а во вторыхъ, что многія изъ указанныхъ нами изъ быта горскихъ племенъ данныхъ въ высшей степени характеристичны и не встрѣчаются въ такомъ видѣ въ правѣ другихъ народовъ. Мы укажемъ здѣсь только нѣсколько примѣровъ. Такъ, въ правѣ большинства первобытныхъ народовъ ребенокъ принадлежитъ исключительно роду своей матери, но нигдѣ онъ не является столь чуждымъ своему отцу, какъ въ приведенномъ нами выше ин-

¹⁾ Не смотря на странность подобнаго замѣчанія, оно все-таки нерѣдко дѣлается учеными критиками.

гушевскомъ преданіи о томъ. Нигдѣ, далѣе, такъ опредѣленно не высказывается обязанность сына отомстить отцу за убійство матери какъ въ положеніяхъ адата Гамринскаго магала. Наконецъ, нигдѣ защита ребенка родичами его матери противъ покушеній на его жизнь со стороны отца не нашла себѣ такого полного выраженія какъ въ акушанскомъ адатѣ, по которому отецъ, убившій сына, становится канлы родичей матери. Вотъ почему мы сочли весьма полезнымъ собрать и изложить въ извѣстной системѣ свѣдѣнія объ архаическихъ формахъ семейной и родовой организаціи у кавказскихъ горцевъ.

В. Семельскій.

ДАВИДЪ САСУНСКІЙ.

(Армянскій народный эпосъ).

Предлагая вниманію ученыхъ одинъ изъ памятниковъ народной армянской литературы въ русскомъ переводѣ, считаемъ не лишнимъ сказать по поводу этого нѣсколько словъ.

Древняя армянская литература (историческая), въ особенности въ той своей части, которой она касается исторіи народовъ передней Азіи, вполне заслуженно пользуется вниманіемъ ученой Европы. Увеличивающееся съ каждымъ годомъ число переводовъ, монографій и другихъ изслѣдованій, появляющихся почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ, достаточно указываетъ на ея важное значеніе для науки вообще, не говоря уже о специальныхъ каѳедрахъ армянскаго языка и литературы въ Вѣнскомъ университетѣ и въ Парижской *École des langues orientales vivantes*, существующихъ съ давнихъ поръ.

Между тѣмъ какъ, съ одной стороны, замѣчается такое ревностное изученіе памятниковъ древней армянской литературы, съ другой—въ совершенной неизвѣстности находится литература народная. Богатая прекрасными сказками, пѣснями и всякаго рода эпическими преданіями и космогоническими сказаніями, народная армянская литература представляетъ обширное поле для любопытныхъ изслѣдованій. Важное значеніе народныхъ сказокъ и пѣсенъ, какъ обильнаго матеріала для исторіи литературы, филологіи и этнографіи, давно признано и утверждено въ наукѣ; сравнительное же изученіе армянскихъ эпическихъ преданій съ таковыми же преданіями другихъ индо-европей-

скихъ народовъ, представляющими съ первыми много весьма сходнаго и общаго, могло бы пролить не мало свѣта на малоизслѣдованную ¹⁾ область древнѣйшихъ вѣрованій Армянъ.

Причина такого невниманія ученыхъ европейскихъ армянистовъ къ народной армянской литературѣ заключается въ малочисленности изданныхъ сборниковъ и въ той трудности, которую представляетъ эта литература въ отношеніи языка: памятники ея записаны на областныхъ нарѣчіяхъ, рѣзко отличающихся отъ изучаемаго европейскими учеными языка древне-литературнаго. Первое затрудненіе теперь въ извѣстной мѣрѣ устранено: за послѣднія пять-десять лѣтъ собрано и издано нѣсколько интересныхъ сборниковъ пѣсенъ, сказокъ, преданій, легендъ и т. п. Что же касается втораго, то-есть, языка, то не смотря на нѣкоторые удачные опыты ²⁾ по этому предмету, изученіи народнаго языка армянскаго оставляетъ желать еще многого.

Содержаніемъ предлагаемаго эпическаго разказа служатъ событія, упоминаемыя въ древнѣйшей армянской исторіи; но эти событія такъ разукрашены эпическими и мифологическими подробностями, что разказъ отъ этого совершенно теряетъ характеръ историческаго повѣствованія, походя скорѣе на былинку въ прозѣ или героическую поэму, какъ мы и будемъ его называть въ нашемъ предисловіи.

Начало этой поэмы очень сходно съ упоминаемымъ въ IV-й книгѣ Царствъ и у Іосифа Флавія преданіемъ о бѣгствѣ сыновей Ассирійскаго царя Сеннахирима въ Арменію, за 700 лѣтъ до Р. Х. Вотъ это мѣсто изъ IV-й книги Царствъ (гл. XIX, 37): „И бысть ему [Сеннахириму] кланяющуся въ храмѣ Мессераха бога своего, и Адрамеlechъ и Сарасаръ сыновья его убиша его мечемъ. Сами же бѣжаша въ землю Араратску (то-есть, Арменію). И воцарися Асорданъ сынъ его вмѣсто его“.

Болѣе подробно объ этомъ событіи передаетъ Іосифъ Флавій, заним-

¹⁾ Первый, на сколько мнѣ извѣстно, опытъ по этому предмету сдѣланъ Н. О. Эминимъ въ его брошюрѣ «Очеркъ религіи и вѣрованій языческихъ Армянъ», вышедшей въ 1864 году.

²⁾ Образцовое изслѣдованіе тифлискаго нарѣчія сдѣлано покойнымъ Юріемъ Ахвердовымъ въ изданномъ имъ (въ 1852 г.) сборникѣ пѣсенъ пѣвца Саятъ-Новя. По его матеріаламъ профессоръ Берлинскаго университета Петерманъ издалъ въ 1867 г. довольно разработанную грамматику тифлискаго нарѣчія: «*Ueber den Dialect der Armenien von Tiflis*». Кроме того, профессоръ Паткановъ издаетъ «Матеріалы для изученія армянскихъ нарѣчій». Пока имъ представлены обзорнія только двухъ нарѣчій—ново-нахичеванскаго и мушскаго.

ствуя свой разказъ у халдейскаго историка Бероза. „Сеннахиримъ“, говорятъ онъ,—„по возвращеніи своемъ изъ Египта, нашелъ, что число его войска уменьшилось сто-восьмидесятью-пятью тысячами человекъ вслѣдствіе заразы, посланной Богомъ въ первую ночь послѣ того, какъ войска его начали сильно приступать къ Іерусалиму, подъ предводительствомъ Рапсакеса. Онъ такъ былъ этимъ пораженъ, что, боясь лишиться и остальнаго войска, поспѣшно удалился въ столицу своего царства Нинивію, гдѣ, немного спустя, Адрамелекъ и Селенаръ (въ нашей поэмѣ—Абамеликъ и Санасаръ), самые старшіе изъ его сыновей, убили его въ храмѣ бога Арава. Народъ приведенный въ ужасъ этимъ поступкомъ, изгналъ ихъ. Тѣ убѣжали въ Арменію, и Асорданъ, младшій изъ сыновей Сеннахирима, ему наслѣдовалъ“¹⁾).

Объ этомъ событіи, хотя и вкратцѣ, упоминаютъ и армянскіе историки—Моисей Хоренскій, Іоаннъ Каоликосъ, Тома Арцруни и друг. По словамъ перваго, Адрамелекъ и Санасаръ, прибывъ въ Арменію, нашли убѣжище у Армянскаго царя Скайорді, который поселилъ ихъ на югъ и юго-западъ отъ Ванскаго озера, назначивъ имъ особыя владѣнія²⁾).

Такъ передаютъ этотъ любопытный разказъ письменные памятники. Его разительное сходство съ нашею поэмой, какъ увидитъ читатель, даетъ поводъ къ предположенію, что послѣдняя, по крайней мѣрѣ въ основѣ своей, заимствована изъ названныхъ источниковъ. Можно допустить и то, что поэма сложилась и составилаь независимо отъ книжнаго вліянія,—только по преданію народа, сохранившаго въ памяти разказъ о приходѣ въ Арменію ассирійскихъ царевичей.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно лишь одно, что основная, первоначальная редакція нашей поэмы относится ко временамъ древнимъ: она, повидимому, восходитъ къ первымъ вѣкамъ христіанства, когда съ особенною энергіей совершался въ народной фантазіи переходъ отъ мифовъ древнѣйшаго періода къ эпосу собственно историческому. Это особенно ясно изъ смѣшенія въ поэмѣ многихъ мифическихъ и языческихъ элементовъ съ возрѣніями христіанскими. Но живя въ устахъ народа въ теченіе вѣковъ, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, древнѣйшая редакція поэмы естественно должна была подвергаться многимъ измѣненіямъ и наслоеніямъ. Она обогатилась новыми чертами, новыми подробностями и даже цѣлыми эпи-

¹⁾ Іосифъ Флавій (армянск. переводъ), Древн. Ист. Іудеевъ, кн. X, гл. 1 и 2.

²⁾ Моисей Хоренскій, кн. I, гл. 23.

зодами изъ современности различныхъ поколѣній, не говоря уже о многихъ странныхъ анахронизмахъ, которыми полна наша поэма. Такъ, вмѣсто Іудей и Іерусалима, мы видимъ Арменію и монастырь св. Предтечи, вмѣсто Сеннахирима VII вѣка до нашей эры—какого-то халифа Багдадскаго, вмѣсто языческой обстановки—названія и обычаи христіанскіе (Богородица, св. Сергій, праздникъ Вознесенія и т. п.) и магометанскіе (эмиръ, шаріать, халифъ, и т. п.)¹⁾.

Итакъ, начало нашей поэмы, какъ было выше замѣчено, весьма сходно съ подобнымъ же разказомъ Іосифа Флавія и IV-й книги Царствъ. Но въ поэмѣ важно не это сходство и даже не сказаніе объ ассирійскихъ царевичахъ, занимающее въ добавокъ только первыя двѣ главы поэмы (всѣхъ 10). Болѣе интереса представляютъ въ ней подвиги героя ея, Давида, переданные въ чудныхъ поэтическихъ картинахъ и прекраснымъ эпическимъ складомъ рѣчи. При этомъ любопытно то, что Давидъ, сынъ одного изъ ассирійскихъ царевичей VII вѣка до Р. Х., является не только христіаниномъ, но и кровнымъ Армяниномъ, и вся жизнь и обстановка, среди которой онъ вращается, ничего ассирійскаго не напоминаетъ. Такимъ образомъ онъ является любимымъ народнымъ героемъ, которому ванскіе и мушскіе Армяне приписываютъ чудеса храбрости: онъ сражается противъ поганыхъ Дэвовъ, борется съ чудовищами и очищаетъ страну отъ хищниковъ.

Рядомъ съ богатырскою личностью Давида, и даже въ связи съ нею, особеннаго вниманія заслуживаетъ мифологическій элементъ въ поэмѣ. Элементъ этотъ могъ войти въ нее или отъ перенесенія народомъ нѣкоторыхъ качествъ своихъ прежнихъ боговъ на любимыхъ имъ героевъ, или наоборотъ—божество, хотя и приняло нѣкоторыя черты богатыря, но еще не совсѣмъ утратило свои чисто-мифическіе свойства. Такъ, въ Давидѣ, благочестивомъ христіанинѣ и могучемъ богатырѣ, обладающемъ необъятною физическою силою, нельзя не замѣтить остатковъ древнѣйшей мифической примѣси къ позднѣйшимъ чертамъ героическаго типа христіанской эпохи; въ сынѣ же его, Мхерѣ, мы видимъ явленіе обратное: мифическія свойства божества преобладаютъ въ немъ надъ богатырскими; онъ скорѣе богъ, чѣмъ богатырь. Къ тому же слѣдуетъ упомянуть о близкомъ сродствѣ имени его (Мхеръ) съ именемъ бога-Солнца, Мхр'а. Можно даже

¹⁾ Съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія на замѣчательную точность и вѣрность встрѣчаемыхъ въ поэмѣ мѣстныхъ географическихъ пунктовъ и ихъ названій.

предположить, что Мхеръ—это воплощеніе мнѣческихъ представленій о горныхъ силахъ, преданіе о которыхъ армянскій эпосъ сохранилъ въ титаническомъ образѣ Мхера, заключеннаго именно въ горѣ, ибо, какъ передаетъ наша поэма, — „земля его не держитъ, и ноги его уходятъ въ землю“ (гл. X). Замѣтимъ мимоходомъ, что Мхеръ, какъ увидитъ читатель, во многомъ напоминаетъ Святогора русскихъ былинъ, какъ Давидъ нашей поэмы—Илью Муромца.

Кромѣ названныхъ двухъ лицъ, поэма представляетъ цѣлый рядъ другихъ богатырей, надѣленныхъ то необыкновенно сильнымъ, зычнымъ голосомъ, то очаровательнымъ даромъ пѣсни, то наконецъ, представляющихъ изъ себя не виданныхъ безобразныхъ чудовищъ съ нависшими до груди бровями и губами, коротыя мечутъ землю. Любопытенъ типъ женщины-паленицы въ лицѣ Хандудъ-Ханумъ, являющейся, рядомъ съ богатырскими подвигами, нѣжно любящее сердце вѣрной супруги, которая не захотѣла пережить мужа своего, Давида и себя лишила жизни.

Не будемъ вдаваться въ подробный разборъ личностей этихъ богатырей, какъ и всего содержанія поэмы: это повело бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ лишь, что поэма довольно вѣрно отражаетъ въ себѣ, рядомъ съ христіанскими воззрѣніями, древнѣйшія вѣрованія Армянъ, ихъ бытъ, нравы и обычаи. Въ замѣчательно простой и безхитростной обстановкѣ представлена въ ней, въ особенности, сельская жизнь, среди которой росъ герой поэмы, Давидъ. Кромѣ того, каждая страница поэмы запечатлѣна храбростію и благочестіемъ этого героя, его великодушіемъ къ побѣжденнымъ и состраданіемъ къ бѣднымъ, а безыскусственная простота рѣчи и спокойный эпическій тонъ разказа, изрѣдка прерываемый лирическими порывами, придаютъ поэмѣ особенную красоту и прелесть.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

I.

Силень и могучъ халифъ Багдадскій ¹⁾. Онъ собираетъ войско и идетъ на нашего св. Предтечу ²⁾: сильно тѣснить нашъ ³⁾ народъ и уводить съ собою много плѣнныхъ. (Между плѣнными) была дѣвушка изъ себя прекрасная: Багдадскій халифъ беретъ эту дѣву себѣ (въ жены). Проходитъ нѣкоторое время — она родитъ двухъ сыновей: одному даютъ имя Абамеликъ, а другому—Санасаръ.

Отецъ дѣтей—язычникъ, а мать—поклонница креста ⁴⁾: вѣдь халифъ увелъ ее изъ среды нашего ⁵⁾ народа.

Халифъ этотъ еще разъ собралъ войско и пошелъ на нашъ народъ. На этотъ разъ—преклоняюсь передъ твоими святыми чудесами, о Предтеча Святой, — уже нашъ народъ сильно стѣснилъ его; и въ этой тѣснотѣ халифъ воззвалъ къ своему идолу и сказалъ: „О, великій богъ, упаси ты меня отъ этого народа, и когда я вернусь (домой) живъ и здоровъ, обоихъ моихъ сыновей принесу тебѣ въ жертву!“

Ихъ мать (въ Багдадѣ) заснула и увидѣла сонъ. Ей привидѣлось, будто у нея (въ рукахъ) два свѣтильника; передъ тѣмъ, какъ имъ потухнуть, они еще разъ вспыхнули и издали (яркій) свѣтъ. Утромъ, когда она проснулась, разказала свой сонъ сыновьямъ своимъ. Она сказала: „Въ эту ночь явился ко мнѣ во снѣ св. Предтеча и сказалъ, что отецъ вашъ попалъ въ большую бѣду и васъ обѣщаль (принести) въ жертву идоламъ своимъ; когда онъ вернется—васъ заколаетъ. Подумайте о своей участи!“

Оба брата призвали своего Бога, взяли запасъ на дорогу, насыпали денегъ въ суму и пустились въ путь-дорогу. Шли, долго плутали и пришли въ чужезадельную страну. Пришли и остановились въ узкой долинкѣ. Видать—течетъ рѣка; а тамъ протекаетъ потокъ: онъ прорѣзываетъ эту рѣку полосой до середины ея, потомъ сливается съ рѣкою и течетъ дальше по ея теченію.

Санасаръ сказалъ Абамелику: Кто найдетъ ключъ (начало) этого потока и построитъ себѣ жилище надъ нимъ — того и родъ будетъ также могучъ ⁶⁾.

Встали оба брата и пошли вверхъ (по теченію) потока. Пошли и нашли на его начало. Вода этого ключа—какъ бы (течетъ) изъ трубочки; течетъ и совсѣмъ перерѣзываетъ подъ нимъ находящійся потокъ и потомъ уже сливается съ потокомъ ⁷⁾. Остановились они у этого ключа и положили основаніе своему замку.

Санасаръ ходилъ на охоту, а Абамеликъ работалъ надъ замкомъ. Въ этихъ мѣстахъ не было (тогда) жилья.

Дней десять-двадцать они работали надъ этимъ жилищемъ. Пришелъ разъ Абамеликъ, видитъ — Санасаръ, утомившись, задремалъ: бросилъ онъ дичину еще въ крови—такъ, не жареную — и заснулъ. Крѣпко запечалился онъ, при видѣ участи брата и сказалъ: „Встань, братецъ, уйдемъ (отсюда); доколѣ же мы будемъ оставаться тутъ и ѣсть мясо безъ соли? Ежели бы далъ Богъ (счастье), онъ далъ бы намъ въ хоромахъ нашего отца“.

Братя сѣли (на коней) и поѣхали къ правителю Арзрома. Приѣхавъ оба брата, пошли къ этому мужу, отвѣсили по поклону и стали передъ (нимъ).

Страшные и могучіе были мужи оба брата.

Сидящему въ Арзромѣ ⁹⁾ эмиру они крѣпко пришлись по нраву; онъ спросилъ объ ихъ родѣ, племени и сказалъ: „Что вы за люди?“ Санасаръ сказалъ: „Мы сыновья Багдадскаго халифа“.

Эмиръ этотъ сказалъ: „Ой, ой, ой!“ и стряхнулъ свой воротъ, какъ бы по дальше отъ нихъ. — „Мы ихъ покойниковъ бѣжимъ, а тутъ встрѣчаемъ ихъ живыми! Приютить васъ не можемъ; ступайте, куда хотите!“

Санасаръ сказалъ Абамелику: „Братецъ, мы вѣдь убѣжали отъ нашего отца; зачѣмъ же мы носимъ его имя? Съ этихъ поръ, куда бы мы ни пошли, кто насъ ни спрашивалъ бы, скажемъ: у насъ никого нѣтъ—ни отца, ни матери, ни жилища, ни родины! Авось люди приютятъ насъ“.

Отсюда они поѣхали къ Карсскому эмиру. Тотъ тоже далъ такой отвѣтъ этимъ молодцамъ. Они повернули назадъ и поѣхали на этотъ разъ къ царю Капуткоха. Капуткохскій царь увидѣлъ этихъ молодцевъ и сильно полюбилъ ихъ. Абамеликъ отвѣсилъ поклонъ (царю) и сталъ передъ (нимъ): это больно понравилось царю. Онъ спросилъ ихъ: „Дѣти (мой), откуда вы, чтѣ у васъ есть, чего нѣтъ?“ ¹¹⁾

„Мы никого не имѣемъ—ни отца, ни матери—ровно никого!“

Санасаръ сдѣлался чебукчи ⁸⁾, а Абамеликъ—хайвачи ⁸⁾. Такъ они жили нѣкое время.

Разъ Санасаръ сказалъ Абамелику: „Мы не мало потрудились, а нашъ замокъ остается такъ и не достроеннымъ. На утро“, сказалъ онъ,—„ни ты не вари кофе (царю), ни я не подамъ ему чубука; давай завтра не явися передъ лицо (царя)“.

Царь Капуткохскій ¹⁰⁾ проснулся. (Видитъ)—нѣтъ ни того, ни другаго. Онъ вызвалъ этихъ молодцевъ, подозвалъ къ себѣ и сказалъ: „Дѣти (мой), вѣдь я напередъ спросилъ васъ: есть ли у васъ кто, есть ли у васъ мать, отецъ?—и вы мнѣ рассказали, что—у хали нѣтъ никого. Зачѣмъ вы такъ опечалены?“

Сказали: „Много лѣтъ здравствуй, государь! И въ правду, у насъ нѣтъ ни отца, ни матери. Если скроемъ (это) отъ тебя, отъ Бога не скроемъ. Мы немного поработали надъ замкомъ, потомъ бросили его и ушли. Такой-де ключъ есть тамъ“. И рассказали ему все сполна (какъ было).

Защемило сердце у царя при этомъ; онъ сказалъ: „Дѣти (мои), ежели такъ — на утро я вамъ дамъ нѣсколько дворовъ: ступайте, кончайте вашъ замокъ“.

Царь этотъ всталъ, отпустилъ имъ сорокъ дворовъ. И какой народъ-то! У каждого по ослу да по веретену (и только).

Они встали на утро, навьючили свой скарбъ и оба брата (съ ними) поѣхали къ замку своему. Поѣхали и стали у своего ключа и своего порога.

Савасаръ сказалъ Абамелику: „Замокъ ли этотъ строить намъ прежде, или избы — бѣдному люду?“

Абамеликъ сказалъ: „Напередъ построимъ имъ избы, а потомъ — нашъ замокъ: эти бѣдныя не могутъ оставаться на солнцѣ“.

И начали съ избы.

Абамеликъ былъ такъ силенъ, что въ день рылъ (мѣсто) для десяти избы и ставилъ по десятку избы; другой (братъ) лѣсъ таскалъ, а отдѣлкой занимались они оба. Въ четыре дня оба брата вдвоемъ построили сорокъ избы совсѣмъ готовыхъ. Послѣ того принялись за постройку замка и привели его къ концу. Они были такъ могучи, что къ каменному столбу приставили каменный же столбъ, подставили подставку, и замокъ былъ готовъ.

Абамеликъ взявъ поѣхалъ къ своему царю Капуткохскому и сказалъ: „Мы — твои дѣти; построили мы и завершили нашъ замокъ: пришли къ тебѣ и просимъ тебя прійдти и дать имя нашему замку“.

Этотъ царь Капуткохскій обласкалъ, любовно принялъ Абамелика и сказалъ: Добро, что вы меня не забыли!“

И взявъ выдалъ дочь свою за Абамелика и сдѣлалъ его своимъ приближеннымъ. Послѣ свадьбы собрались въ замокъ самъ царь и молодые; дядя Торосъ ¹²⁾ тоже присталъ къ нимъ. Сѣли (на коней) и поѣхали. Абамеликъ поѣхалъ впереди (всѣхъ); доѣхали до замка. Тутъ царь (вдругъ) повернулъ своего коня, чтобъ ѣхать назадъ, и сказалъ: Вы уже дали имя своему замку, и нарочно позвали меня, чтобъ испытать“.

Абамеликъ сказалъ: „Много лѣтъ здравствуй, государь! Повѣрь, что мы этому замку имени еще не давали; знаемъ лишь то, что построили и завершили замокъ“.

„Ну, хорошо! какъ вы имени не давали, а къ каменному столбу каменный же столбъ приставили, — то пусть его имя будетъ Сансунъ ¹³⁾ или Сасунъ“.

Здѣсь они остались малое время, поженили и дядю Тороса, и сего остался тутъ же, а царь вернулся во свояси.

Абамеликъ былъ мужъ сильно-могучій: начиная съ окрестностей Черной горы и вершины Цепмака, отъ верхней стороны Мушской (равнины) до пояса Сехансара и равнины Чапахчура ¹⁴⁾, всѣмъ этимъ онъ завладѣлъ, окруживъ эту мѣстность стѣной. И поставилъ четверо воротъ: постоянно бывало запретъ свои ворота, садеть на своего коня и давай ловить кого ни попало—демоновъ, звѣрей. Разъ даже онъ хватилъ, прошелъ до Мѣсра ¹⁵⁾ и Мѣсромъ тоже завладѣлъ. Пошелъ онъ ночью и легъ съ женою правителя Мѣсра: она отъ него понесла, и родился мальчикъ. А царь Мѣсра узналъ, чтъ мальчикъ этотъ отъ Абамелика—и мальчика звали Абамеликомъ—за это дали ему имя Мѣсрамеликъ. Абамеликъ же убилъ царя Мѣсра, взялъ (себѣ) его жену, остался въ Мѣсрѣ и сталъ царемъ.

Этотъ пока останется здѣсь.

II.

Санасаръ жилъ въ Сасунѣ. Отцовскіе идолы не даютъ ему покоя; потому взялъ собрался къ своему отцу и матери и поѣхалъ въ Багдадъ. Отецъ его сидѣлъ у окна, видитъ—идетъ сынъ его Санасаръ: узналъ его и сказалъ: „О, великъ ты Богъ мой ¹⁶⁾! Какъ ты привлекъ сюда свою жертву! Должно быть скоро и другую ¹⁷⁾ приведешь силою“.

Мать—а она была поклонница креста—начала плакать и обливаться слезами по дѣтямъ своимъ. Отецъ взялъ вострый мечъ, вышелъ, подозвалъ (сына) и сказалъ: „Пойдемъ, сынъ (мой), поклонись великому богу; я хочу тебя принести ему въ жертву.“

Сынъ сказалъ: „Батюшка! Твой великій богъ—зѣло чудесный богъ: даже по ночамъ не давалъ намъ покоя; должно быть скоро и другую свою жертву силою привести“.

Отецъ взялъ съ собою сына, и оба вошли въ кумирню. Сынъ тотъ залъ отцу: „Батюшка, вѣдь ты знаешь, что мы ушли (изъ дому) еще ребятишками: мы не знали силы твоего бога. Ну-ка ты прежде наклонись, да поклонись богу твоему; я посмотрю, какъ ты сдѣлаешь, и самъ сдѣлаю то же“.

Отецъ сказалъ: „Вотъ такъ, сынъ (мой)“,—и нагнувшись поклонился.

Сынъ сказалъ: „Батюшка, что за чудесный богъ—твой богъ!“

Когда ты нагнулся, въ глазахъ у меня потемнѣло, и я не замѣтилъ — какъ это ты сдѣлалъ?“ (Онъ не успѣлъ въ первый разъ ударить: пуговицы кафтана не растегнулись).

Сказалъ: „Тятя, тятя, поклонись-ка еще разъ, посмотрю, какъ это ты дѣлаешь, чтобъ и мнѣ сдѣлать то же“.

Когда же во второй разъ нагнулся отецъ, сынъ воскликнулъ: „Хлѣбъ да вино—живъ Господь!“—хватилъ булавою и на семь аршинъ въ землю вогналъ отца своего, халифа. Взялъ булаву и бросился на идоловъ и давай ихъ разбивать, — всѣхъ перебилъ, взялъ набралъ себѣ серебро въ полу кафтана, принесъ, отдалъ матери и сказалъ: „Матушка, вотъ тебѣ на украшеніе!“

Мать пала ницъ, поклонилась ему и сказала: „Благодарю тебя, Творецъ неба и земли; хорошо, что ты избавилъ насъ отъ рукъ этого жестокаго человѣка!“

Она взяла, женила Санасара и посадила на престолъ вмѣсто отца. Этотъ останется тутъ ¹⁸⁾.

Вернемся къ Абамелику.

III.

Абамеликъ, что сидѣлъ въ Мѣсрѣ, оставилъ своего сына (отъ Мѣрской царицы) Мѣсрамелика вмѣсто себя (царствовать), а самъ пріѣхалъ въ Сасунъ.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, и у него родилось нѣсколько дѣтей: одному онъ далъ имя Чѣнчхапокрийъ, старшему сыну далъ имя Цѣранвэги, другому—Цѣновъ-Ованъ, третьему—Хоръ-Гусанъ ¹⁹⁾, а самому младшему—Давидъ.

Между этими сыновьями Чѣнчхапокрийъ и Цѣранвэги омазались ни на что годными. За то у Цѣновъ-Ована былъ такой голосъ, что онъ, высушивъ на солнцѣ семь буйволовыхъ шкуръ, обвертывался ими, чтобы не треснуть, и тогда только принимался кричать. Всѣхъ искусіе былъ, а о силѣ его языкомъ не передать!

Прожилъ нѣкое время и состарился Абамеликъ. Какъ-то разъ сидитъ онъ себѣ, призадумался и говоритъ самъ съ собою: „Кругомъ (всѣ) стали мнѣ врагами; и кто по смерти моей будетъ пещись о моихъ дѣтяхъ? Ежели кто и будетъ—это Мѣсрамеликъ. Кромѣ него, никто другой не справится съ моими врагами“.

Взялъ да поѣхалъ къ Мѣсрамелику ²⁰⁾. Онъ ужъ тогда былъ старъ.

Сказалъ: „Мѣсрамеликъ, сынъ (мой), вѣдь и ты кровь моя: ежели

я прежде умру, то дѣтей своихъ я поручаю тебѣ (ты ихъ береги); ежели же ты прежде умрешь — пусть дѣти твои будутъ поручены мнѣ: я буду ихъ беречь”.

Вернулся назадъ и остался жить въ замкѣ. Насталъ день смерти, (я) померъ.

Пріѣхалъ Мѣсрамеликъ, забралъ его дѣтей и увезъ ихъ съ собою: онъ не забылъ отцовскаго наказа.

Семь лѣтъ Сасунъ былъ въ печали по смерти Абамелика. Разъ крестьяне съ дядей Торосомъ сѣли пировать, вина попивать. Крестьяне сказали: „Дядя Торосъ, молодцы наши состарѣлись, а красныя дѣвницы — старухами стали. Ежели ты думаешь, что нашимъ семилѣтнимъ плачемъ Абамеликъ оживетъ, еще семь лѣтъ мы готовы (плакать по немъ)”.

Дядя Торосъ далъ позволеніе своимъ крестьянамъ и сказалъ: „Завсвѣтайте вашихъ молодцевъ и дѣвушекъ; плачемъ ни чему не пособишь”.

И снова они сѣли пировать, вино попивать. Дядя Торосъ взялъ чашу въ руку, и стоитъ: онъ призадумался—ни пьетъ, ни выпускаетъ изъ рукъ (чаши). Сынъ Тороса закричалъ отцу съ улицы и сказалъ: „Тата, вѣдь это шальные Сасунцы! (Того и гляди), сейчасъ тебѣ обидное слово скажутъ. Или выпей, или оставь—уйдемъ!”

Отецъ обратился къ сыну и сказалъ: „Ахъ ты, собачій сынъ! Мнѣ тутъ сидѣть пировать, (а) Мѣсрамелику пріѣйти да забрать нашихъ ребятишекъ? Ему мучить да терзать дѣтей Абамеликовыхъ,—а мнѣ тутъ сидѣть да пировать? Вишь, срамъ какой? Хлѣбъ да вино—живъ Господь!—не выпью другой чаши, возьму да поѣду къ своимъ ребятишкамъ.

Дядя Торосъ ударилъ ²¹⁾ изъ Сасуна и поѣхалъ въ Мѣсръ. Похудовался онъ съ Мѣсрамеликомъ, и они сѣли. Онъ сказалъ: „Ну, пойдѣмъ мы съ тобою на судъ ²²⁾ божій! Правда, ты и Абамеликъ другъ съ другомъ условились, но (вѣдь не даромъ сказано): ежели продаютъ плѣнника, то онъ долженъ достаться хозяину” ²³⁾.

Встали и пошли на судъ: дѣти достались дядѣ Торосу.

Абамеликъ сильно боится этихъ ребятишекъ. Онъ сказалъ дядѣ Торосу: „Поди, пропусти этихъ ребятишекъ подъ мой мечъ, а тамъ возьми ихъ съ собою да ступай!”

Дядя Торосъ пришелъ и разказалъ молодцамъ. Цѣранвѣгі сказалъ: „Давайте, пройдемте подъ его мечъ и уйдемте! Остальные двое сказали то же самое.

Но Давидъ сказалъ: „Коли убить, такъ пусть сегодня же насъ убьютъ; тогда люди скажутъ: онъ ребенка убилъ! Подъ его мечъ я не пройду. Это онъ дѣлаетъ, чтобъ я не поднялъ на него меча, когда выросту!“

Дядя Торось изъ страха собралъ ихъ, чтобы взять превести подъ мечъ. Давидъ заупрямился, сталъ и не идетъ подъ мечъ. Дядя Торось схватилъ Давида за воротъ и пихнулъ, чтобы тотъ прошелъ подъ мечъ. Давидъ не прошелъ подъ мечъ, онъ пошелъ мимо него и задѣлъ большимъ пальцемъ (ноги) за камень: занесерился огонь оттуда. Сильно перепугался Мѣсрамеликъ, когда увидалъ это. Онъ сказалъ: „Этотъ еще такъ малъ, а какой (страшный), что же будетъ, когда онъ выростетъ! Ежели приключится со мною бѣда какая, то отъ него“.

Дядя Торось взялъ дѣтей и пріѣхалъ въ Сасунъ. Цѣранвэггъ онъ поставилъ въ замкѣ на мѣсто отца, а Давида, что былъ моложе всѣхъ приставилъ къ телятамъ.

IV

Ухъ, какой былъ Давидъ! Какъ хватить телятъ дубиной, (такъ ихъ всѣхъ) да еще сорокъ теленушекъ съ ними съ ногъ собьютъ. Разъ онъ погналъ телятъ на вершину горы. Видитъ — пастушекъ бранить своихъ телятъ. Давидъ сказалъ: „Ты, молодецъ, меня что ли бранишь? погоди, доберусь я (до тебя), да такъ хвачу дубиной, что ай, ай!“

Тотъ сказалъ Давиду: „Умереть мнѣ за твою за головушку ²⁴⁾! Вѣдь я тоже пастухъ изъ деревни батюшки твоего, а это—крестьянскія телята“.

Давидъ сказалъ: „А, коли такъ, паси и моихъ телятъ. Я не знаю времени, когда ихъ на дворъ загнать. Когда настанетъ время—скажи мнѣ, я ихъ поведу“.

Въ этотъ день погналъ Давидъ телятъ во время и пришелъ въ деревню. Обрадовался дядя Торось и сказалъ: „Сынъ (мой), всегда будь такъ точенъ, всякій день во время иди и возвращайся!“

Давидъ сказалъ: „Дядюшка, это не моя догадка; брата я себѣ нанялъ; каждый день онъ будетъ стережъ моихъ телятъ. Теперь мнѣ легко будетъ справиться съ ними“.

Какъ-то разъ товарищъ его запоздалъ. Давидъ крѣпко осерчалъ. Оказалось — у нихъ въ деревнѣ служили обѣдно: малый-то былъ

тамъ,—вотъ почему и замѣшкался. (Наконецъ) пришелъ. Давидъ ему сказалъ: „Какъ-то ты сегодня уйдешь отъ моихъ рукъ?“

Малый сказалъ: „Давидъ, умереть мнѣ за твою за головушку! Изъ-за гнѣва твоего я не выстоялъ (въ церкви) и даже ни одной ложки не отвѣдалъ праздничной похлебки ²⁵⁾, погналъ телятъ и пришелъ. Вотъ почему немного замѣшкался“.

Давидъ сказалъ: „Ты подожди здѣсь, я пойду принесу тебѣ объѣдать“.

Положилъ дубину на плечо и пошелъ. Приходить въ деревню, видятъ—всѣ повывставили кашу на гумно, а попы пришли и благословляютъ. Пошелъ Давидъ, продѣлъ дубину въ ручку четырехручнаго мѣднаго котла и полнехонекъ, какъ онъ былъ, взялъ положилъ себѣ на плечо. Дивились тѣ попы и крестьяне, что стояли тутъ; а одинъ закричалъ: „Да вѣдь онъ унесъ котелъ!“

Попъ вскричалъ: „Ради Бога молчи! Вѣдь онъ изъ шальныхъ Сасунцевъ: (того и гляди) вернется да бока намъ помнетъ. Пусть нелегкій его беретъ, провались онъ съ нимъ!“

И взялъ Давидъ котелъ полный каши и пришелъ къ своему товарищу. А товарищъ сидитъ себѣ да плачетъ.

„Э, э!“ сказалъ Давидъ,—„знаю объ чемъ ты плачешь: кашу-то я тебѣ принесъ, а масло и соль забылъ, — вотъ о чемъ ты плачешь! На, ѣшь теперь кашу, а вечеромъ—соль и масло на нее!“

Малый сказалъ: „Давидъ, умереть мнѣ за твою за головушку! На что мнѣ масло и соль? Пришли сорокъ разбойниковъ — дэвовъ ²⁶⁾, ударили на нашихъ телятъ и угнали ихъ“.

Давидъ сказалъ: „Ты останься тутъ, да стереги этихъ телятъ, а я пойду тѣхъ приведу“.

И пошелъ за телятами. Пошелъ онъ по ихъ слѣдамъ, пришелъ къ входу одной пещеры и сталъ. Давидъ тутъ закричалъ такимъ голосомъ, что ужасъ напалъ на тѣхъ дэвовъ,—(словно) бѣсы засустились, когда голосъ Христа раздавался въ аду. Когда услышалъ атаманъ тѣхъ разбойниковъ, сказалъ:

„Видно это — Давидъ, сынъ Абамелива. Идите, пріймите его съ почетомъ, чтобъ онъ насъ не убилъ“.

Вышли они по одиночкѣ, а Давидъ угрожалъ каждому дубиной, и (такъ) снесъ сорокъ головъ, (одни) труны остались (на мѣстѣ). Онъ отрѣзалъ у всѣхъ сорока уши и пошелъ спряталъ подъ камень—недалеко отъ пещеры.

Давидъ оставилъ дубину у входа, самъ же вошелъ въ пещеру.

Видить—стоитъ одна куча золота, другая—серебра,—(словомъ) добро и богатство всего свѣта! Съ тѣхъ поръ какъ его отецъ умеръ, они грабили и (все) складывали въ эту пещеру. Онъ отворилъ одну дверь—а тамъ стоитъ на привязи жеребчикъ. Призадумался Давидъ и говоритъ про себя: „Дядюшка, все это добро тебѣ, мнѣ же этотъ звѣрь: дашь—хорошо, не дашь—и тебѣ къ нимъ дорога!“ А потомъ самъ себѣ отвѣчаетъ: „Дитя (мое), и добро тебѣ, и звѣрь тебѣ; что мнѣ (съ ними) дѣлать?“

Оглянулся, видитъ—на кострѣ стоитъ мѣдный котелъ о сорока ручкахъ и въ немъ—(свои) сорокъ теленушекъ. Просунулъ дубину черезъ ручки и поднялъ. Воду вылилъ, а ножки телятъ положилъ (въ котелъ), взялъ на плечо и пошелъ къ товарищу.

Взяли—погнали они остальныхъ телятъ и вернулись въ деревню. Давидъ призвалъ хозяевъ телятъ и сказалъ: „Ежели хоть на палецъ обсчитаете моего братца, бѣда будетъ вамъ! Продайте этотъ котелъ, пусть онъ пойдетъ за вашихъ телятъ“.

А самъ отдѣлилъ своихъ телятъ (отъ крестьянскихъ), пришелъ въ полдень домой и сказалъ дядѣ Торосу: „Возьми скорѣе муловъ двадцать и поѣдемъ, добра привеземъ (столько), что и тебѣ хватитъ и (дѣтямъ твоимъ) до седьмага колѣна! Долго ли мнѣ быть пастухомъ?“

И взяли муловъ да поѣхали. Подѣхали къ пещерѣ; дядя Торосъ видитъ—дѣвы растянулись у входа въ пещеру и всѣ они раздулись, словно холмъ Похъ. Дядя Торосъ отъ страха отвязалъ своего мула отъ прочихъ и давай бѣжать (назадъ).

Давидъ сказалъ: „Разоритель ты! Я не убѣжалъ отъ нихъ живыхъ, чего же бѣжать отъ нихъ мертвыхъ? Сказалъ: ежели не вѣришь, вернись назадъ да загляни подъ большой камень: уши всѣхъ я туда сложилъ“.

Дядя Торосъ посмотрѣлъ, вернулся, взялъ муловъ и вошелъ въ пещеру. Собрали все, что было, и стянули въ тюкъ. Давидъ сказалъ: „Дядюшка Торосъ, все это добро — тебѣ, мнѣ же — этотъ звѣрь: дашь — хорошо, не дашь — и тебѣ къ нимъ дорога“.

Тотъ сказалъ: „Дитя (мое), и добро тебѣ, и звѣрь тебѣ; что мнѣ съ ними дѣлать?“

Давидъ получилъ согласіе дяди, сѣлъ на жеребчика и прищиприваетъ его да скачетъ то туда, то сюда. Нѣтъ, то не (простой) жеребчикъ: о проворствѣ его язычокъ не расскажешь!

Такъ съ добромъ и казной вернулись они въ Сасунъ.

Давидъ досталъ себѣ прекраснаго сокола и, развѣзжая по пашнямъ, охотился. Телятъ онъ уже оставилъ. Разъ (на охотѣ) онъ наткнулся на пашню бѣдняка. А у того семья изъ семи душъ и семь бороздъ просу (засѣяно): четыре (борозды) онъ растопталъ, осталось три. Кто-то пришелъ съ вѣстью къ бѣдному старичку и говоритъ „Да ты пропасть! Скорѣе ступай на свою пашню: къ ночи онъ (пожалуй) разорить и остальные три борозды!“

Старикъ всталъ спозаранку и пока помолился и пошелъ, видитъ — пашня разорена. Глядь, ѣдетъ Давидъ на жеребчикѣ съ соколомъ въ рукѣ. Тутъ старикъ проклялъ Давида и сказалъ: „Да ты развѣ все не боишься Бога? Силу свою на моемъ просѣ испытываешь? У меня, семь душъ и семь бороздъ проса: четыре ты растопталъ, осталось три. Ежели ты храбръ, поди возврати себѣ вотчину свою, что отъ вершины Цѣрмака тянется до пояса Сехансара: ее захватилъ Мѣсрамеликъ и пользуется ею! Поди вонъ то возврати себѣ! Что ты силу свою на мнѣ испытываешь?“

Давидъ сказалъ: „Старина, не кляни меня! На тебѣ горсть золота, прокамливайся!“

И тутъ же убилъ сокола.

Давидъ (вернулся домой и) сказалъ: „Дядюшка Торось, поди доставай мнѣ булаву и лукъ моего отца: я ѣду воевать! Вотчину мою чужье заѣдаютъ, а вы мнѣ ничего не скажете“.

Всталъ дядя Торось, пошелъ къ Цѣренвэгі и потребовалъ (отъ имени Давида) булаву и лукъ его отца. Цѣранвэгі не далъ. (Давидъ) вторично послалъ къ нему и (велѣлъ) сказать: „Дашь — хорошо, не дашь — прійду отдѣлаю тебя (такъ, что) голова (твоя) отлетитъ прочь, останется одно тѣло“.

Струхнулъ Цѣранвэгі и отдалъ отцовскіе булаву и лукъ, а дядя Торось принесъ ихъ Давиду. Давидъ заснулъ и видитъ въ ту ночь сонъ ²⁷⁾.

Взялъ онъ (на другой день) сорокъ тѣлокъ и пошелъ на Святой Високій Маратукъ ²⁸⁾, закололъ тѣлокъ и выкупался въ ихъ крови; затѣмъ упалъ ницъ и долго плакалъ и молилъ Бога, (до тѣхъ поръ, пока) Богъ не низпослалъ ему Святое Знаменіе ²⁹⁾ и гребешокъ. И по сіе время это Св. Знаменіе находится тамъ, въ Гавар'ѣ, въ домѣ Зорк'а. Давидъ поцѣловалъ Св. Знаменіе и положилъ его за правую пазуху, а гребешокъ — за лѣвую пазуху.

V.

Услышалъ тотъ Мёсрамеликъ, что сынъ Абамелика (Давидъ) возмужалъ, что собирается и идетъ на него войной. Съ его стороны поднялся Холбаші́ ³⁰⁾, ваялъ войско свое и пошелъ на Маратукъ противъ Давида. Видитъ — бабы на дорогѣ стоятъ; онъ имъ сказалъ: „Пойте себѣ да пляшите, пока я вернусь“.

Тѣ сказали: „Что же намъ пѣть и плясать: да вѣдь мы не знаемъ, о чемъ пѣть?“

Холбаші́ имъ пропѣлъ:

- Призёмистыя бабы (пустъ) на жерновѣ мелють,
- Высокія бабы — верблюдовъ новьючатъ!
- Нашъ Холбаші́ пошелъ по дѣлу въ Сасунъ:
- Онъ приведетъ дюжихъ упряжныхъ воловъ,
- Онъ приведетъ красныхъ дойныхъ коровъ,
- Весной приготовимъ себѣ вдоволь масла и чортана ³¹⁾.

Холбаші́ видитъ — бабы начали себѣ это пѣть и плясать. Самъ онъ собралъ войска (свои), пошелъ и засѣлъ на дворницѣ Маратукскомъ.

Дочь-то Маратукскаго попа (частенько) заглядывалась на Давида; да и этотъ не былъ къ ней равнодушенъ. Приходитъ попова дочка съ извѣстіемъ къ Давиду и говоритъ: „Давидъ, умереть мнѣ за твою за головушку! Встань, посмотри, сколько войска привалило во дворце — видимо-невидимо“.

Сказала это попова дочка, вышла со двора да и заперла снаружи всѣ) ворота. Воспрянулъ Давидъ и воскликнулъ: „О, хлѣбъ да вино — живъ Господь!“ — и давай рубить головы у ратныхъ людей; всѣхъ перерубилъ, (такъ что) тѣла полетѣли за ограду, а головы остались на дворницѣ. Давидъ схватилъ и холбаші́, вырвалъ у него зубы и вколотилъ ихъ ему въ лобъ; а копьё его свернулъ (въ дугу), словно ошейникъ собачій, надѣлъ ему на шею и сказалъ: „Ну (теперь), ступай и доложи (обо всемъ) Мёсрамелику! Ежели у него еще осталось народу, пусть ихъ собираетъ, пока я прижду“.

Холбаші́ въ другой разъ встрѣтился съ тѣми бабами; а онѣ поютъ себѣ да приплясываютъ. Одна изъ бабъ затянула:

- Холбаші́, милый холбаша!
- Откуда ты пошелъ — что волкъ лютый,
- Оттуда ты пришелъ — что песь гончій:
- Кошье твое — на шеѣ, словно ошейникъ собачій,

•Ротъ у тебя разинуть, словно окно широкое;
 •Изо рта у тебя пѣна валить, словно изъ мѣху молоко кислое ³²⁾;
 •И на рту-то у тебя мухъ — цѣлый караванъ!»

Холваші пропѣлъ:

•Ахъ ты безстыдница непотребная!
 •Я думалъ — Сасунъ — чистое поле,
 •А не думалъ (тамъ) — одни камни да ущелье;
 •(Что) дѣти поворожденныя — настоящіе бѣсы,
 •(Что) ихъ стрѣла — что бревна на масляной;
 •Какъ пустать — (такъ) ротъ разинешь, словно окно широкое.
 •Молодцы, что были со мною, всѣ легли въ Хараманъ ³³⁾;
 •Весной, какъ придеть вода, много добра (даровъ) принесеть съ собою:
 •Тогда-то вы себѣ приготовите вдоволь масла и чортава!»

На этотъ разъ поднялся Давидъ, снарядился и поѣхалъ на Мѣсрамелика. Приѣхалъ, видитъ — собралась рать великая и засѣла у пояса Сехансара ³⁴⁾.

Давидъ сказалъ: „Даю зарокъ не выходить на бой, пока подъ зелено-краснымъ шатромъ не поѣмъ я семь дней пилава изъ рису!“

И погналъ оттуда Давидъ (коня), поѣхалъ и внезапно явился съ заката, — явился и сталъ противъ шатра.

Когда рать замѣтила того всадника, на нее напелъ великій страхъ. Меликъ спросилъ: „Что ты за человѣкъ?“

Давидъ сказалъ: „Я сынъ западнаго царя; приѣхалъ къ вамъ на подмогу“.

Меликъ разбилъ (для него) палатку. Семь дней они ѣли вмѣстѣ. На восьмой Давидъ взялъ сѣлъ на своего коня, проѣхался раза два и сказалъ: „Ну, выходи: я приѣхалъ воевать съ тобою! Долго ли тебѣ ѣсть мое отцовское добро?“

Бой начался.

Давидъ воскликнулъ: „Хлѣбъ да вино живѣ Господь!“

Дошелъ слухъ до дяди Тороса о ихъ борьбѣ. Онъ вырвалъ (съ корнемъ) тополь, положилъ себѣ на плечо и идетъ. Самъ сталъ поверхъ долины, а тѣ бьются въ долину: если кто на побѣгъ побѣжить и вскарабкается на верхъ, Давидъ закричитъ: „Дядюшка Торосъ ты ихъ гони въ долину, а я съ ними управлюсь!“

Войско стало роптать: „Нужно де вамъ обоимъ только состязаться; кто одолѣетъ, того и будетъ побѣда“.

Одинъ (изъ братьевъ) говоритъ: „Ты сядь—я ударю (булавой)!“
 Другой говоритъ: „Нѣтъ, (сиди) ты!“

По уговору пришлось сидѣть Давиду, (какъ) младшему брату.

Давидъ надвинулъ щитъ на голову, взялъ подъ щитъ Св. Знаменіе и сѣлъ. Мѣсрамеликъ отъѣхалъ на разстояніе трехчасоваго пути, поспѣшно вернулся и ударилъ булавою, приговаривая: „Ты еси земля—въ землю обратися!“

Давидъ сказалъ: „Исповѣдую (и) вѣрую въ высокое Маратукское Св. Знаменіе! Я словно подъ зелено-краснымъ шатромъ ѣмъ плавань изъ рису!“

Такъ три раза Мѣсрамеликъ проѣхался, ударялъ булавою, приговаривая: „Ты еси земля—въ землю обратися!“

А Давидъ трижды повторилъ: „Исповѣдую (и) вѣрую въ высокое Маратукское Св. Знаменіе!“

Теперь пришла очередь сидѣть Мѣсрамелику. Мѣсрамеликъ заупрямился, сталъ и не хочетъ садиться. Войско стало корить его. (Тогда) онъ пришелъ, взялъ надвинулъ щитъ на голову и сѣлъ. Мать Мѣсрамелика начала укорять Давида и сказала: „Давидъ, умереть мнѣ за твою за головушку! Развѣ не братъ онъ тебѣ? Не бей его, пожалѣй!“

Сказалъ Давидъ: „Ахъ ты, безстыдница этакая! Пока онъ ударялъ (меня), что же ты не говорила (ему): развѣ не братъ онъ тебѣ“? Ну, пусть будетъ (по твоему)! Одинъ ударъ я уступаю бога ради, другой—ради тебя, но послѣдній ³⁶⁾ мой ударъ я ужъ нанесу: или умреть, или живъ останется“.

Проѣхался Давидъ взадъ и впередъ, хватилъ булавою и на семь аршинъ въ землю вогналъ Мѣсрамелика. И пошелъ, захватилъ Мѣсрѣ и сѣлъ на царскій престолъ.

Этотъ здѣсь останется.

VI

У Кахизванскаго эмира ³⁶⁾ есть дочь. Има ея — Ханлудъ-Ханумъ ³⁷⁾. Она узнала объ удалствѣ Давида, наградила ашука и сказала (ему): „Ступай, воспой Давиду красоту мою! Авось онъ пріѣдетъ сюда, и мы полюбимъ другъ друга“.

Ашухъ взялъ да пошелъ въ Сасунъ: думалъ онъ—Давидъ въ Сасунѣ. Пришелъ и вступилъ въ замокъ Цѣранвэгі: онъ думалъ—тамъ сидитъ Давидъ. Сѣлъ и началъ воспѣвать Цѣранвэгі. Цѣранвэгі

вскричалъ: „Эй, вы, подите, поколите его и прогоните вонъ! Онъ пришелъ обманомъ увести моего брата“. Поколотили ашуха, потащали его въ долину и выбросили на дорогу.

Вечеромъ пастухи на своихъ волахъ возвращаются въ деревню. У одного волъ заортачился—пастухъ слетѣлъ съ него. Поискали и нашли ашуха. Ашухъ плакалъ и молилъ пастуховъ, и спросилъ: „Который (изъ братьевъ) живетъ въ этомъ замѣѣ?“

Пастухи сказали: „Тутъ—Пѣранвэгі, Давидъ же тамъ, въ Мѣсрѣ“.

Взялъ ашухъ далъ пастухамъ червонецъ. Пастухи собрали ему куски его (разбитаго) тамбура ³⁸) и показали ему дорогу. Ашухъ направился къ Мѣсру. Пошелъ и воспѣлъ Давиду красоту Хандудъ. Давидъ богато одарилъ того ашуха и сказалъ: „Ты ступай, я приѣду!“

Ашухъ пришелъ и разказалъ (обо всемъ) Хандудъ-Ханумъ ³⁹). А Давидъ выѣхалъ изъ Мѣсра и прямо прибылъ въ Сасунъ. Изъ Сасуна онъ поѣхалъ къ Пѣцмакской вершинѣ. Видитъ—на дорогѣ стоитъ плугъ ⁴⁰). Отвязалъ воловъ, (самъ) схватился за цѣпь и сѣлъ на коня: отсюда потянетъ плугъ—снесетъ внизъ. Такъ, съ вершины Чернаго Сара ⁴¹) отъ стремглавъ спустился къ водопроводу деревни Марниъ.

Приѣхалъ, смотреть—отвязался буйволъ ⁴²), вышелъ на средину дороги и оставилъ тамъ (свой) пометъ. Посмотрѣлъ Давидъ на этотъ пометъ и сказалъ: „Ежели приключится со мною бѣда какая, то отъ того, кто оставилъ этотъ пометъ, не случится,—отъ него же (не случится)“.

Видитъ—вышелъ изъ лужи буйволъ. Давидъ, какъ ничего подобнаго не видалъ еще, поднялъ и сталъ, чтобъ ударить буйвола. Съ противной стороны пришелъ пастухъ и сталъ бранить буйвола. Давидъ подумалъ, что его ругаютъ, и сказалъ: „Молодецъ, чтó я тебѣ сдѣлалъ, что меня ругаешь?“

Пастухъ сказалъ: „Кто же тебя, братецъ? Вѣдь ты Сасунскій шальной—свѣта не видалъ! Я говорю съ своимъ буйволомъ“.

Давидъ сказалъ: „Молодецъ, чего же сердиться: стыдно, что ли, что я ничего подобнаго еще не видалъ? А много ли такихъ въ вашей землѣ?“

Пастухъ сказалъ: „Пойдемъ, я тебѣ покажу!“

Пошли въ Авзутское поле, а тамъ запрягли (крестьяне) буйволовъ и погоняютъ. Приѣхалъ Давидъ, видитъ—буйволы, высунувъ отъ жара языки, тащутъ плугъ. Жалко ихъ стало Давиду: онъ расчрегъ буйволовъ и погналъ ихъ въ прудъ. Пахарь принялся клясть его.

Сказалъ (ему) Давидъ: „Ты пахарь, не вляни меня: дай (только) мнѣ въ руки цѣпь отъ этого плуга“.

Схватился онъ за цѣпь и ну—тянуть. Пахарь сталъ на плугъ, и Давидъ девять бороздъ запахалъ плугомъ. Пастухъ сказалъ Давиду:

„Это не твоя умѣлость; слѣзай-ка съ коня и тогда потяни, посмотримъ—твоя ли это умѣлость или коня твоего!“

Давидъ слѣзъ (съ коня) и еще девять бороздъ запахалъ одинъ.

На это пахарь ему сказалъ: „Давидъ, голубчикъ, уже полдень поди, пообѣдай—а тамъ ступай себѣ!“

Давидъ сказалъ: „Нѣтъ, я уйду: пусть дѣтки ваши обѣдаютъ! (Если) я примусь ѣсть, имъ ничего не останется“.

Ну, сѣли. Когда подали обѣдъ — что ни было хлѣба, скомкалъ Давидъ, разомъ очистилъ горшки и проглотилъ.

Пастухъ сказалъ: „Эй, вы, спасайтесь скорѣе: пожалуй онъ и насъ съѣстъ“.

Давидъ сказалъ: „Конечно, братецъ, кто тянетъ плугъ, тому хлѣбъ нуженъ. Какъ же иначе?“

И поднялся оттуда и прямо поѣхалъ къ Хандудъ-Ханумъ.

VII.

Пріѣхалъ Давидъ къ воротамъ замка Хандудъ-Ханумъ, туда, гдѣ останавливаются всѣ сватья. И онъ—туда. Видить—кто-то стоитъ у воротъ съ булавой въ рукѣ.

Давидъ спросилъ его: „Эй молодець, какъ тебя зовутъ?“

Сказалъ: „Меня зовутъ Горгизъ“.

Давидъ сказалъ: „Горгизъ, я—Давидъ! Когда женюсь на Хандудъ-Ханумъ, ты будешь моимъ кумомъ“.

Потомъ сказалъ: „Кумъ Горгизъ, кто тамъ въ домѣ?“

Сказалъ: „Пришли сватья отъ великановъ. Шибикона Хорасанскаго и Гамзы Лорійскаго“.

Сказалъ: „Возьми моего коня и приважи!“

Тотъ повелъ его и привязалъ.

Давидъ спросилъ: „Что это за булаву дали тебѣ въ руки? Покажи-ка!“

Взялъ изъ его рукъ булаву и метнулъ, и по сихъ поръ еще она летитъ.....

Потомъ сказалъ: „Кумъ Горгизъ, взойдемъ, будемъ пировать, вино попивать!“

(Они вошли). Давидъ сѣлъ: онъ утомился и голоденъ; а тѣ сватья подаютъ Давиду вина чарку за чаркой. Давидъ потерялъ терпѣніе: схватилъ жбанъ съ виномъ и осушилъ его единымъ духомъ, приговаривая: „Да скажите же: на здорье!“

Вино ошабурило Давида. Когда онъ сдѣлался такимъ, и голова его отъ вина стала наклоняться къ землѣ, тѣ сватья обнажаютъ мечи, чтобъ ударить его. И какъ только онъ подыметъ голову, тѣ прячутъ мечи подъ себя. Когда же снова они ввязались за свое, кумъ Горгиэзъ закричалъ: „Давидъ, куманекъ, тутъ—внастунъ, а не врастунъ!“ ⁴³).

Услышавъ это, Давидъ сказалъ: „Ну-ка, стой крѣпко у дверей!“

Тутъ же сватья встали и бросились бѣжать. Каждый отвѣсилъ по оплеухѣ Горгиэзу и убѣжалъ. Теперь Давидъ обратился къ Горгиэзу ⁴⁴) и спросилъ: „Гдѣ бы видѣться съ Хандудъ-Ханумъ?“

Горгиэзъ сказалъ: „Въ царскомъ саду: нынче пятница — (она будетъ тамъ). Передъ нею пойдутъ двадцать невольницъ, за нею — двадцать же. Сегодня пойдѣмъ туда и увидимъ (ее)“.

Давидъ и Горгиэзъ пошли, прислонились къ оградѣ сада и стали (ждать). Прошли невольницы одна за другою. Явилась и Хандудъ-Ханумъ. Давидъ схватилъ рукой Хандудъ-Ханумъ за шею и трижды поцѣловалъ ее. Ханумъ — ни слова. Онъ—давай еще разъ. Хандудъ-Ханумъ схватила Давида за воротъ и хватъ его объ стѣну: кровь брызнула у него изъ носу ⁴⁵). Осерчалъ Давидъ и пошелъ оттуда къ своему Св. Знаменію и коню, чтобы сѣсть на него. И сказалъ: „Кумъ Горгиэзъ, выведи моего коня: я разорю этотъ городъ“.

Горгиэзъ сталъ умолять его: „Прошу тебя, отложи это до утра, (теперь) темно. На разсвѣтѣ встань, разорай и поѣзжай себѣ!“

Лежитъ Давидъ въ постели и отъ досады заснуть не можетъ: „Скоро ли разсвѣтетъ“, — (думаетъ онъ), — „чтобы мнѣ встать, разорить этотъ городъ и убраться!“

Хандудъ-Ханумъ (все еще) прогуливается по саду. Пришла хромая невольница и сказала: „Не веселая будетъ твоя прогулка! Вотъ сейчасъ Давидъ разоритъ городъ твоего отца и уѣдетъ“.

Прибрали свою скатерть ⁴⁶) и вернулись. Они пошли прямо къ замку, (гдѣ остановился Давидъ), и стали стучаться въ ворота, чтобъ имъ отперли.

Давидъ сказалъ: „Ого, ого! Какой же тутъ наглый народъ: не дождутся утра; говорятъ: теперь же встань, разори (городъ) и уѣзжай!“

Всталъ Горгивъ, посмотрѣлъ, и вернувшись, сказалъ: „То бабы, не мужчины“.

Отперли ворота.

Хандудъ пришла къ Давиду, Хандудъ сказала: „Давидъ, ты разъ поцѣловалъ меня за пройденный тобою путь, другой разъ — за себя, третій — Бога ради. За чтò же былъ лишній поцѣлуй? Ты молодчина своего отца, я — (молодица) своего! Сказано: „Возьми жену и Ездина, чтобы сынъ вышелъ въ дадушку!“⁴⁷⁾ Подумаешь, ты мнѣ принесть головы великановъ Шибикана Хорасанскаго и Гамзы Лорійскаго, что лишній разъ цѣлуешь меня!

На этотъ разъ Давидъ смягчился и сказалъ: „Ежели такъ, съ разсвѣтомъ я отправлюсь и доставлю тебѣ ихъ головы“.

Потомъ прибавилъ: „Но вотъ я поѣхалъ. Случись, что они переселятъ меня, они убьютъ меня. Бога твоего ради приди искать мой трупъ: на правой рукѣ у меня родимое пятнышко — крестъ. Ты узнаешь меня по немъ, возьми (мой трупъ), отнеси и похорони!“

И Давидъ собрался и пустился въ путь-дорогу. Замѣтили великаны, что ѣдетъ всадникъ, и пылъ изъ (копытъ) коня къ небу летить. Сказали: „Этотъ всадникъ на бой ѣдетъ сюда. Не извѣстно — изъ роду ли онъ Сѣрго?“⁴⁸⁾

Они громко позвали его и спросили: „Эй, молодѣцъ, что ты за человекъ, и откуда ѣдешь? Не вѣдаемъ, — знаешь ли ты Хандудъ-Ханумъ, и не можешь ли передать ей вотъ этотъ перстень?“

Давидъ сказалъ: „Вѣстимо знаю. Но я приѣхалъ затѣмъ, чтобы отвезти ваши головы царевнѣ Хандудъ. Я не за перстнемъ приѣхалъ“.

У Шибикана Хорасанскаго брови такъ нависли, что доходили до груди; а онъ вилой привязалъ ихъ къ спинѣ (своей). А у того великана, у Гамзы Лорійскаго, нижняя губа тянулась по землѣ и мела землю.

И начали биться-рубиться Давидъ и тѣ великаны булавами и лукъами цѣлый день до вечера. Давидъ воззвалъ: „Исповѣдую (и) вѣрую въ высокое Маратуское Св. Знаменіе! Иисусе Сыне, помоги мнѣ!“ Хватилъ и отсѣкъ (мечемъ) обоимъ головы⁴⁹⁾. Онъ связалъ ихъ вудри, и словно хурджинъ⁵⁰⁾, привязалъ въ торовахъ къ коню. А являки великановъ высунулись изъ ртовъ и бороздятъ землю, точно плугъ какой. Давидъ везетъ ихъ головы и уже проѣхалъ половину дороги, видитъ — летитъ на встрѣчу всадникъ межъ небомъ и землей и кричитъ ему: „Го...! берегись! (Не думаешь ли ты), что встрѣтился съ великанами Шибиканомъ Хорасанскимъ и Гамзой Лорійскимъ?“

(Всадникъ заѣхалъ въ тылъ Давиду и хватилъ было его булавой: Давидъ увернулся подъ сѣдло, булава попала въ стремя, и (оторвавъ его), вогнала въ землю. Давидъ вывернулся изъ подъ сѣдла, закричалъ: „О, хлѣбъ да вино—живъ Господь!“,—и занесъ было булаву надъ головой (всадника) сопротивника; тотъ наклонился, и рассыпались кудри по лицу. Давидъ посмотрѣлъ и узналъ: то была Хандудъ-Ханумъ. Она переодѣлась и пріѣхала на встрѣчу Давиду⁵¹).

Давидъ сказалъ: „Ахъ ты безстыдница! Такъ и хочется хватить тебя булавой и сквозь землю провалить: это уже второй разъ ты срамишь меня!“

Взяли да поѣхали вмѣстѣ въ городъ Хандудъ-Ханумъ. Пріѣхали и сошли (съ коней). Тутъ повзвали отца Хандудъ-Ханумъ, а Давидъ ему и говоритъ: „Не выдашь ли ты дочь свою за меня?“

Отецъ сказалъ: „Не выдамъ. Ежели возьмешь ее и останешься тутъ (жить), выдамъ; ежели уѣдешь, не выдамъ! Да какъ же! У меня враговъ много. Они разорятъ мой городъ“.

Давидъ сказалъ: „Возьму ее и останусь здѣсь, не увезу ея“.

Тогда взяли, выдали ее, сыграли свадьбу и семь дней семь ночей пировали.

VIII.

Время проходило незамѣтно, и когда исполнилось девять мѣсяцевъ, девять дней и девять часовъ, Богъ далъ имъ сына.

Давидъ сказалъ Хандудъ-Ханумъ: „Ежели мальчикъ этотъ отъ меня, на немъ долженъ быть знакъ: проявится въ немъ сила великая“.

Взяли спеленали мальчика и въ замѣнъ свивальника обвязали его цѣпью отъ плуга. Когда мальчикъ заплакалъ и повернулся въ колыбели, обмотанная вокругъ него цѣпь разлетѣлась въ кусочки.

Послали Давиду вѣсточку: „Мальчикъ хоть куда! Онъ разорвалъ цѣпь. Только одна рука у него съ изъянцемъ: она закрыта, и никто не можетъ ее раскрыть“.

Пришелъ Давидъ, сѣлъ и сталъ гладить руку мальчику и открылъ ее. Видитъ — въ рукѣ комокъ (сгустившейся) крови. Сказалъ: „Ай, ай...! (Весь) свѣтъ превратилъ въ каплю крови и держитъ у себя въ рукѣ! Если онъ живъ останется, дивныя будутъ отъ него дѣла“.

Взяли окрестили мальчика и назвали его Мхер'омъ.

Прошло нѣкоторое время. Мальчикъ выросъ. Давидъ оставилъ мальчика въ Кахиванѣ у (его) дѣда и бабушки, взялъ Хандудъ-Ханумъ и поѣхалъ въ Сасунъ.

Хлатцы узнали о пріѣздѣ Давида. Они собрали войско, вывели противъ него валъ, устроили изъ телегъ защиту и начали бой.

Хандудъ-Ханумъ какъ ударить древкомъ своего копья, такъ и снесетъ весь валъ, и телеги полетятъ на разстояніе двухчасоваго пути. А Давидъ шелъ себѣ впередъ и крошилъ войско. Обратился (къ нимъ) Давидъ: „Хлатцы ⁵³⁾), что вы за безстыдный народъ! Воюете противъ женщинъ. Дайте отвезу жену свою въ Сасунъ, и тогда уже я пріѣду и будемъ биться“.

Тѣ не повѣрили.

„Если такъ“, сказали они,—„клянись Св. Знаменіемъ, что у тебя за пазухой,—и мы повѣримъ!“

Давидъ ударилъ рукою о гребешокъ; онъ думалъ, что клянется гребешкомъ,—но рука попала на Св. Знаменіе. А сила Св. Знаменія въ томъ и была, чтобы не клясться имъ.

Давидъ взялъ Хандудъ-Ханумъ и увезъ въ Сасунскій замокъ. Тутъ (только) онъ засунулъ руку за пазуху (думая тамъ найдти гребешокъ), видитъ—въ ту пазуху попало Св. Знаменіе, и что имъ онъ поклонился.

Сказалъ: „Теперь мое дѣло—дрянь: поѣду ли, не поѣду ли, все плохо! А мнѣ все-таки надо ѣхать“.

Хватилъ да пріѣхалъ на бой. Хлатцы сильно стѣснили его. Его конь завязъ въ камышахъ Чѣхура ⁵³⁾), въ болотѣ. Кое-какъ онъ выбрался изъ болота и пріѣхалъ къ водамъ Лохура ⁵⁴⁾.

Еще при своей жизни, когда Абамеликъ былъ въ домѣ Ибрахима-агъ ⁵⁵⁾), онъ силою пробрался къ его женѣ. Ее звали Шимшимъ-Ханумъ. Отъ Абамелика она родила дѣвочку,—и та была отъ ихъ племени ⁵⁶⁾),—очень талантливую. Вотъ эта дѣвица и взяла лукъ да стрѣлу и пошла—притаилась у обвалившагося берега (рѣчи).

Когда купался Давидъ въ водахъ Лохура, дѣвица та тайкомъ пустила стрѣлу Давиду въ спину. Давидъ сталъ на ноги и закричалъ; голосъ его дошелъ до Сасуна. Собрались Цѣновъ-Ованъ, Хоръ-Гусанъ, дядя Торосъ, Чѣнчапокрикъ и Цѣранвэгі. Цѣновъ-Ованъ далъ откликъ изъ Сасуна: „Давидъ, мы ѣдемъ!“.

И поѣхали на выручку Давида. Давидъ еще въ водѣ услышалъ голосъ своего брата. Они пріѣхали къ рѣкѣ и нашли Давида. Давидъ сказалъ: „Цѣновъ-Ованъ, (знать) отъ нашего оклика она въ ужасѣ такъ и остолбѣнѣла. Подите, поищите ее!“

Поискали и нашли дѣвицу съ голубыми глазами. Давидъ скватилъ ее за одну ногу, наступилъ на другую, рванулъ, разорвалъ ее на двое и махнулъ подъ гору въ деревню, и деревню ту назвалъ Чивтисъ-Чапкисъ⁵⁷⁾. Эта деревня, что у устьевъ Чѣхура, и по сихъ поръ называется Чапкисъ.

Братья взяли Давида и поѣхали въ Сасунъ. Четыре дня спустя, Давидъ умеръ. И стали братья его сѣтовать по немъ. Они пошли къ Хандудъ, чтобъ утѣшать ее, и пожелали ей многого здравія. А Хандудъ-Ханумъ сказала: „Охъ, охъ! Видно, послѣ Давида быть мнѣ у нихъ посмѣшищемъ“.

Чѣнчхапокригъ⁵⁸⁾ сказалъ: „Хандудъ-Ханумъ, не плачь, не плачь!“ „Давидъ померъ, (но) моя голова (еще) цѣла“.

Хандудъ-Ханумъ поднялась на вершину башни и бросилась оттуда внизъ. И ударилась она головой о камень, и голова ея пробила камень.

Въ (долбленное) головой мѣсто Сасунцы сыплютъ полъ-шника⁵⁹⁾ проса и толкутъ, какъ въ ступкѣ. До сихъ поръ видны тамъ слѣды ея семи костей; а ступка та и понынѣ стоитъ тамъ передъ замкомъ.

IX.

Собрались братья Давида и пришли къ Хандудъ-Ханумъ. Они ошупали ея груди,—тамъ молоко; вѣрно, у нея ребенокъ былъ. И стали совѣтываться другъ съ другомъ, говоря: „Ежели она родила дитя, оно должно быть тамъ (въ Кахизванѣ)“.

Взяли да поѣхали въ Кахизванъ⁶⁰⁾ и сказали тамошнему нахѣстнику: „Отъ нашего брата и невѣстки здѣсь есть дитя: гдѣ оно?“

Тотъ сказалъ: „Нѣтъ ничего“.

Они сказали: „У насъ есть примѣта: въ грудяхъ нашей невѣстки было молоко“.

Тотъ сказалъ: „Отъ нея была дочь, да она померла“.

Они сказали: „У насъ и для покойниковъ есть свой знакъ; нашъ годовалый⁶¹⁾ (покойникъ) бываетъ въ одинъ шагъ, двухгодовалый — въ два шага, и такъ дальше“.

Взяли пошли на кладбище и не нашли ни одной могилы по своему шагу.

Цѣновъ-Овапъ сказалъ: „Ну, давайте обтягивать меня шкурами: я хочу кричать!“

А для Мхера устроили погребъ подъ землю, заключили его туда и приставили стражу къ нему.

Обтянули Цэновъ-Ована шкурами, и онъ закричалъ; Мхеръ узналъ его голосъ и хотѣлъ выйти; но бабушка ему сказала: „Это не голосъ твоихъ“⁶³): то шумъ ребятишекъ и бой барабановъ“.

Когда Мхеръ въ третій разъ услышалъ тотъ же голосъ, ударилъ, разбилъ дверь и вышелъ вонъ. Дверь разбила дверь: отъ удара ноги — первая дверь ударилась о вторую, вторая о третью, и такъ разбилъ онъ всѣ семь дверей и вышелъ вонъ. Видитъ, тутъ его дяди, а отца нѣтъ. Спросилъ дядей. (Тѣ въ отвѣтъ), что Хлатцы убили его отца. Онъ заплакалъ и упалъ лицомъ къ землѣ. Когда онъ упалъ на земь, дяди бросились къ нему, и какъ ни старались, не могли перевернуть его.

А слезы Мхера прорыли землю и потекли словно потокъ. Когда исполнилось три дня, Мхеръ перевернулся. Онъ (тогда же) вскочилъ на отцовскаго коня, поѣхалъ въ Хлатъ и поставилъ его верхъ дномъ. И по сихъ поръ еще разоряетъ.....

И взомелъ онъ на вершину Немрута⁶³). Глядь—(что-то) дымится, и дымъ все усиливается. Смотрить—осталась (жива) только одна старушка. Онъ схватилъ ее за ноги (согнувъ два дерева), привязалъ ея ноги къ деревьямъ и спустилъ. Такъ-то убилъ ее! (Съ тѣхъ поръ) и дыму⁶⁴) Хлатскаго не стало видно.

Отсюда онъ позволилъ дядямъ вернуться по своимъ мѣстамъ; а самъ поѣхалъ на холмъ Госпъ⁶⁴). Говорятъ, и по сіе время онъ тамъ, и теперь еще показывается его конь, и до сего времени моча его коня течетъ изъ скалы.

Х.

Въ ночь на Вознесенье открывается дверь въ пещеру Мхера. Но ему не велѣно выходить: земля его не держитъ, ноги его уходятъ въ землю.

Разъ въ ночь на Вознесенье пастухъ видитъ—открывается дверь Мхера. Пастухъ входитъ внутрь. Мхеръ его спрашиваетъ: „Чѣмъ вы живете на свѣтѣ?“ А тотъ отвѣчаетъ: „Умомъ.“

На это Мхеръ говоритъ: „(Посмотримъ), что у васъ за умъ? Ну, возьми торбу у того коня и надѣнь ему на шею!“

Пастухъ какъ ни бился, не могъ поднять. Подвелъ коня къ торбѣ, открылъ торбу, надѣлъ ее коню на голову, перекинулъ бичевку черезъ шею; конь поднялъ голову, а пастухъ повелъ его на мѣсто,

привязалъ и сказалъ: „Таковъ нашъ умъ, вотъ чѣмъ мы живемъ на свѣтѣ!“

Потомъ пастухъ спросилъ: „Мхеръ, когда ты выйдешь изъ этого мѣста?“

А тотъ сказалъ: „Когда пшеница будетъ со сливу, а ячмень съ шиповникомъ, тогда только велѣно мнѣ выйти изъ этого мѣста“.

Съ неба упало три яблока: одно—сказателю, одно—слушателю и одно—всему свѣту.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) По смыслу разказа и по времени, въ которое происходило это событіе, здѣсь нужно предполагать Нинивію, столицу Ассирійскаго царства, точно также, какъ и вмѣсто Арабскаго халифа, нужно принять Ассирійскаго царя Сеннахирима. Анахронизмъ, какъ видитъ читатель, довольно крупный: жившій почти до 800 лѣтъ до Р. X. царь переименованъ въ Арабскаго халифа, который могъ жить въ Багдадѣ не ранѣе VIII в. по Р. X., такъ какъ, только въ 755 г. халифы перенесли свою столицу въ Багдадъ.

2) Рѣчь идетъ о знаменитомъ монастырѣ св. Предтечи, построенномъ въ IV вѣкѣ Гргоріемъ Просвѣтителемъ на горѣ Каркѣ, у берега рѣки Евфрата, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояли капища языческихъ боговъ. Ежегодно въ извѣстные мѣсяцы стекаются сюда отовсюду благочестивые Армяне на поклоненіе мощамъ св. Предтечи. Между ними много бываетъ пѣвцовъ (ашуховъ) и атлетовъ, которые послѣ долгаго (иногда въ нѣсколько лѣтъ) поста и молитвъ, вымаливаютъ себѣ это способность пѣть, это силу и отвагу. Вообще св. Предтеча въ глазахъ народа считается покровителемъ искусствъ.

3) То-есть, Армянь.

4) Употребительное между Армянами выраженіе вмѣсто словъ «христианнѣ» и «христианка».

5) То-есть, изъ Арменіи.

6) То-есть, какъ и этотъ потокъ.

7) Это мѣсто кажется мнѣ нѣсколько темнымъ. Не искажено ли оно?

8) Первоначальное названіе этого города — Θεοδοσιопολъ. Онъ основанъ греческимъ волеводцемъ Анатоліемъ въ 412 г. по Р. X. и названъ такъ въ честь императора Θεодосіа II. Отнятый въ послѣдствіи у Грековъ Иконійскими султанами, онъ сталъ называться «Арси-Ромъ», что значитъ — страна или «земля Грековъ». Городъ этотъ именуется Армянами «Каринъ» — по имени древней армянской области, въ которой онъ находится (объ этомъ см. у Ичичиана, въ его Армянск. Археологіи, т. I, стр. 13).

9) «Чубукчи» означаетъ лицо, которое подаетъ чубукъ, «хайвачи» — лицо, подающее хайву=кофе.

10) На юго-западъ отъ Ванскаго озера находится большая гора, носящая названіе «Капутъ-кохъ» — отъ синяго цвѣта горы («Каутъ-кохъ» означаетъ «синее ребро»). Надо полагать, что одно время тутъ было особое княжество или царство Капуткохское, пріютившее долго странствовавшихъ ассирійскихъ царевичей. Быть можетъ, преданіе въ лицѣ Капуткохскаго царя сохранило память объ армянскомъ князѣ Скаіорді, у котораго, какъ было замѣчено, и наши убъжище царевичи.

12) Тутъ въ первый разъ мы встрѣчаемъ это имя. Поэма начинается говорить о немъ, какъ о лицѣ уже знакомомъ. По видимому, дядя Торосъ—братъ Капуткохскаго царя.

13) Слово въ переводѣ означаетъ «столбъ къ столбу». Этимъ объясняется будто происхожденіе имени округа Засунъ, находящагося въ древней армянской области Ахцниетъ, на югъ отъ г. Муша. Жители этого округа, благодаря гористой и недоступной мѣстности, до сихъ поръ сохранили свою независимость, не платя дани и не зная надъ собою чужой власти. Это—своего рода Зейтуны. Жаль только, что они потеряли свой національный армянскій языкъ, твердо однако сохранивъ христіанскую религію!

14) Упомянутыя здѣсь названія мѣстностей существуютъ и по нынѣ, и находятся въ древней Туруберанской и Ахцниевской областяхъ, въ телерешней Мушской области.

15) «Мѣсръ» Армяне называютъ теперь Египеть. Но тутъ вѣроятнѣе предположить Моссулъ, который находится на юго-востокъ отъ Сасуна, на берегу р. Тигра, недалеко отъ развалинъ древней Нинивы.

16) Подстрочный переводъ армянскаго текста таковъ: «Пусть умру за тебя, великій Богъ!»

17) То-есть, «и другаго брата—Абамелика».

18) Здѣсь прерывается нить разказа о Санасарѣ. Въ остальной части поэмы о немъ болѣе ни слова не упоминается. Что стало съ нимъ или съ его дѣтьми въ Багдадѣ—неизвѣстно.

19) Всѣ эти имена поэтическія, данныя лицамъ въ виду тѣхъ или другихъ ихъ качествъ. Такъ, одинъ изъ братьевъ названъ «Цэновъ-Ованъ», что означаетъ «Зычный Иванъ», другой — «Хоръ Гусавъ, что въ переводѣ значитъ «Добрый (хорошій) Пѣвецъ». Имена же первыхъ двухъ братьевъ Давида—«Чѣнхапокрикъ» (=Воробушекъ) и Цѣранвагъ (=Трусика Вагъ) даны имъ, вѣроятно, въ насмѣшку, за ихъ слабость или трусость. Невольно вспоминаешь Добрыню, Алешу Поповича и др., окружавшихъ главнаго богатыря Илью Муромца, какъ его соратники. Надо полагать, что, какъ и русскія былинны, удѣлявшія не мало прекрасныхъ страницъ описанію удал и мощи помощниковъ Ильи Муромца (названныхъ богатырей), и армянскія поэмы, воспѣвая подвиги Давида, не обходятъ молчаніемъ такихъ богатырей, какъ «Зычный Иванъ» или «Добрый Пѣвецъ», или дядя Торосъ. Это предположеніе о существованіи отдѣльныхъ поэмъ (или главъ въ поэмѣ), посвященныхъ подвигамъ только что названныхъ богатырей, подтверждается отчасти тѣмъ, что мы не разъ приходилось слышать о нѣсколькихъ вариантахъ настоящей

поэмы, въ которыхъ, какъ мнѣ передавали, и Зычный Иванъ, и Добрый Пѣвецъ играютъ не заурядную роль.

20) То-есть, въ г. Моссуль.

21) Характерное выраженіе, намѣренно сохраненное мною въ переводѣ.

22) По видимому, «Судъ Божій» слѣдуетъ здѣсь понимать «жребій», которымъ рѣшались тяжбы, хотя нѣсколько ниже слово «судъ» передается техническимъ выраженіемъ магометанскаго судилища—«Шаріатъ».

23) То-есть, если продаютъ плѣнника, то родственникамъ его преимущественно передъ другими предоставляется право выкупить его изъ плѣна.

24) Обыкновенно форма клятвы. Слово въ слово ее можно передать такъ: «Пусть умру я за голову твою и жизнь!»

25) У Армянъ, не смотря на то, что они приняли христіанство еще въ IV вѣкѣ, сохранилось однако много языческихъ обрядовъ и обычаевъ, конечно—потерявшихъ теперь свой первоначальный языческой смыслъ. Къ числу ихъ относится и жертвоприношеніе. Приносить въ жертву барашка, овцу, нередко и корову—вещь самая обыкновенная во всякомъ армянскомъ городѣ или деревнѣ. Давъ наканунѣ жертвоприношенія животному, предназначенному для жертвы, освященной священникомъ соли, закалываютъ его, и содравъ шкуру, варятъ мясо (безъ соли) въ большихъ котлахъ, послѣ чего берутъ посуду и разносятъ по домамъ. Вотъ о такой праздничной похлебкѣ и говоритъ здѣсь пастухъ. По армянски эта похлебка называется «матахъ», что означаетъ «жертва».

26) Изъ мифологіи восточныхъ народовъ видно, что *дэвъ* (персидск. *даэва*, санскр. *дэва*) былъ существо невидимое, духъ, который у древнихъ Индусовъ является добрымъ, а въ ученіи Зороастра—злымъ. На религиозныя вѣрованія Армянъ имѣло сильное вліяніе ученіе Зороастра, вслѣдствіе чего *дэвъ* еще въ древнѣйшихъ армянскихъ преданіяхъ представляется злымъ духомъ, демономъ, борющимся противъ всего добраго. Но въ послѣдующія эпохи это представленіе о злыхъ духахъ—*дэвахъ* очень измѣнилось, что явствуетъ изъ цѣлой серіи народныхъ сказокъ. Въ этихъ сказкахъ изъ невидимаго духа *дэвъ* становится чудовищемъ, нередко снабженнымъ нѣсколькими головами (въ одной интересной сказкѣ *дэвъ* выводится съ сорока головахъ). Онъ живетъ въ подземномъ царствѣ, въ царствѣ Ахримана, иногда въ пещерахъ высокихъ горъ и въ чашахъ дремучихъ лѣсовъ. Онъ постоянно является обладателемъ неисчерпаемыхъ богатствъ—золота, серебра, драгоценныхъ камней, похитителемъ прекрасныхъ дочерей царскихъ. Въ его садахъ, у источника *живой воды*, растутъ *моложавая яблоня* и *арбузы*. Въ его волшебныхъ замкахъ обитаютъ *чудесныя огненные птицы* и *огненные кони* и *буфалои*, въ мигъ облетающіе всю вселенную. И все это представляется захваченнымъ, унесеннымъ у царей и богатырей, которые въ свою очередь стараются истребить злыхъ *дэвовъ* и возвратить себѣ свое добро.

27) Жаль, что въ поэмѣ не передано описаніе сна!

28) Маратуль—это монастырь, построенный на горѣ того же названія, въ Сасунскомъ округѣ.

29) По всей вѣроятности, Св. Знаменіе есть крестъ.

30) Турецкое названіе военачальника указываетъ на подновленіе и позднѣйшія вставки въ поэмѣ.

31) Чортанъ—это продѣвленное и высушенное кислое молоко, употребляемое на востокѣ въ пищу зимою.

32) Въ Арменіи, какъ и вообще на востокѣ, бьютъ масло и изъ кислаго молока (нѣчто вроде простокваша), отъ чего вся посуда бываетъ полна пѣны. Это и дало поводъ къ сравненію.

33) Названіе одной долины не далеко отъ города Муша.

34) Названіе горы. Слово въ слово значить «столовидная гора», отъ сходства вершины горы со столомъ.

35) По уговору, Давиду нужно было ударять три раза, сколько и Мѣсра-мелику.

36) Въ нашей поэмѣ нерѣдко смѣшиваются понятія «царь» и «эмиръ». Это происходитъ отъ неяснаго представленія народа о власти, видѣвшаго во всякомъ высшемъ сановникѣ непременно царя. И то сказать: вѣдь арабскіе эмиры дѣйствительно мало чѣмъ отличались отъ царей.

37) Женское имя и состоитъ изъ двухъ словъ: Хандудъ и Ханумъ (=госпожа).

38) Струнный музыкальный инструментъ, нѣчто въ родѣ гитары.

39) Въ этомъ мѣстѣ поэмы пропускъ: не достаетъ пѣсень ашуха, въ которыхъ онъ воспѣлъ красоту царевны Хандудъ - Ханумъ и тѣмъ очаровалъ богатыря Давида. Даже чувствуется какая-то спѣшность въ разказѣ, рѣзко отличающемся отъ ровнаго, спокойнаго тона предшествующихъ страницъ.

40) На востокѣ, въ странѣ богатой черноземомъ, для полевыхъ работъ обыкновенно употребляютъ не соху, а такъ называемый Армавами «гутанъ»—нѣчто въ родѣ большаго плуга. Онъ состоитъ изъ чрезвычайно толстой желѣзной полосы, приделанной къ оси о двухъ колесахъ — одной большой, другой маленькой. Его тянутъ отъ 5 до 10 паръ воловъ, а иногда и буйволовъ. Теперь только можно повять, какою необъятною силой обладалъ Давидъ, бороздя такими громадными плугами. Невольно вспоминаешь прекрасное мѣсто изъ русской былины о встрѣчѣ богатыря Вольги съ ратаемъ:

«Подъѣхалъ оратай оратаешко
 «На своей кобылкѣ соловенькой....
 «Ко этой ко сошкѣ подхаживалъ,
 «Этую сошку попихивалъ:
 «Какъ улетѣла та сошка къ подъ-облонамъ,
 «Пѣла сошка о смру землю....

(Рыбниковъ, I, 18, 2, 1).

41) «Черный Саръ», то-есть, черная гора, иначе называемая Мумскою горой, у подошвы которой находится деревня Марникъ.

42) Давидъ тутъ не видитъ буйвола, а только его пометъ.

43) Здѣсь игра словъ: переводъ ихъ таковъ: «тутъ мѣсто опасное, а не Иверія; «то-есть, ты не думай, что находишься въ Иверіи; нѣтъ, ты въ опасной странѣ.

44) Горгиязъ — имя грузинское, еще разъ указывающее на подновленіе поэмы.

45) Видно Давидъ поступилъ противъ обычая, поцѣловавъ царевну четыре раза.

46) Въ скатерти были различныя явства на ужинѣ Хандудъ-Ханумъ.

47) Старая пословица, которую Хандудъ-Ханумъ намекаетъ Давиду оскободить ее отъ двухъ страшныхъ великановъ, надобдавшихъ ей своими неоступными предложеніями; тогда только она согласится выйдти за него за мужъ.

48) Серго — уменьшительное отъ Саргисъ (=Сергій). Этимъ именемъ Бурды называютъ перѣдко христіанъ, какъ бы потомковъ Св. Сергія, весьма популярнаго между Армянами Вана и Муша.

49) Это мѣсто напоминаетъ любопытное описаніе борьбы Алеши Поповича съ Тутариномъ Змѣвичемъ, происходившей на палицахъ, на копьяхъ и саблѣхъ и продолжавшейся очень долго. Какъ и въ нашей поэмѣ, Алеша отрубилъ Тутарину «буйну голову» и повезъ ее къ князю Владимиру.

50) «Хурджинъ» — оѣдельная сума.

51) Эпизодъ этотъ очень сходенъ съ русскою былинной о встрѣчѣ Дуная Ивановича съ богатыремъ-великаномъ. Только побѣдивъ его, Дунай узнаетъ, что это — женщина-королевишна, и она предлагаетъ себя ему въ жены. Обрадованный Дунай везетъ ее съ собою въ Кіевъ. — Если всмотрѣться ближе въ эту былинку, то мы найдемъ въ ней и другія любопытныя мѣста, также сходныя съ заключеніемъ нашей поэмы. Извѣстно, что, вскорѣ послѣ женитьбы, Дунай Ивановичъ затѣялъ споръ съ женою своею, Днѣпррой: кто лучше стрѣляетъ изъ лука, онъ или она? Трагическая смерть Дуная и жены его, переданная въ русской былинѣ, какъ читатель увидитъ ниже, — та же, что и несчастный конецъ Давида, убитаго стрѣлой, и Хандудъ-Ханумъ, бросившей себя съ отчаянія съ башни. У тѣхъ и у другихъ рождается сынъ, «будущій богатырь, какъ говоритъ русская былина, которому не будетъ сопротивника»; и тотъ и другой богатырь представлены окруженными золотомъ и серебромъ. (*Рыбниковъ*, I, 182—197; II, 44; III, 96—103).

52) Городъ Хлатъ (по турецки Ахлатъ) находится на сѣверо-западномъ берегу Ванскаго озера. Онъ славился въ древности своимъ великолѣпіемъ, своими высокими стѣнами и крѣпостью. Послѣ Армянъ городомъ этимъ владѣли сначала Арабы, потомъ Турки. Вражда жителей города Хлата къ Давиду объясняется тѣмъ ущербомъ, который наносилъ имъ отецъ Давида, Абамеликъ. Теперь Хлатцы вымещаютъ свою досаду на Давидъ, противъ котораго и ведутъ они войну.

53) Чѣхуръ — болота у истоковъ рѣки Кара-су (она же — рѣка Муша) притока Евфрата.

54) Небольшая рѣчка, впадающая въ Ванское озеро, неподалеку отъ города Хлата.

55) Кто это былъ Ибрахимъ-Агъ, точно также, какъ и жена его, Шимшимъ-Ханумъ, сказать въ точности не могу. Вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ мелкихъ князей, съ которыми Абамелику пришлось въ началѣ вести войну, и владѣнія которыхъ онъ присоединилъ къ своимъ. Самое имя — «Ибрахимъ-Агъ», какъ происхожденія турецкаго, указываетъ на позднѣйшія вставки и измѣненія въ поэмѣ.

56) То-есть, магометанка.

57) Въ переводѣ это слово означаетъ «будъ разодрана и разбросана!»

58) Чѣнчапокрикъ утѣшаетъ Ханудъ-Ханумъ, обѣщая защитить ее отъ всякихъ обидъ.

59) «Шникъ» — мѣстная мѣра сыпучихъ тѣлъ, равняющаяся четыремъ русскимъ мѣрамъ.

60) Кахизванъ—это недавно завоеванный у Турціи городокъ Кагизманъ, въ сорока верстахъ отъ Карса.

61) То-есть, могила годовалаго покойника.

62) Твоихъ—твоихъ родственниковъ.

63) Большая гора, лежащая на с.-з. отъ Ванскаго озера, недалеко отъ г. Хлата. Объ этой горѣ существуетъ много любопытныхъ преданій. Между прочимъ разказываютъ, что на ней похоронилъ Немврода (или Бала) родоначальникъ Армянъ Хайкъ, убивъ его въ великомъ сраженіи. Самая гора съ этихъ поръ стала называться «Невродъ» или «Немрудъ».

64) Дымъ, какъ признакъ жилья.

65) Тоспъ—одинъ изъ округовъ древней Веспурганской области, съ главнымъ городомъ Ванъ.

РЕЛИГИОЗНЫЕ СИМВОЛЫ ДРЕВНИХЪ ВАВИЛОНЯНЪ.

Le caillou de Michaux, камни Hawkas и Bit-Ada.

Въ 1800 г. французскій ботаникъ Мишо (Michaux) нашелъ въ развалинахъ какого то дворца на берегу Тигра, на сутки пути къ югу отъ Багдада, черный базальтовый камень, неправильной, продолговатой формы, вышиною 0,48 метра ($\frac{3}{4}$ аршина) и толщиною 0,32 (вершковъ около 7 или 8) ¹⁾; на верхней его оконечности изображены были различные символическіе знаки, а на двухъ боковыхъ сторонахъ была вырѣзана клинообразная надпись. Привезенный въ Парижъ, этотъ камень, и по настоящее время, хранится въ Cabinet des Médailles подъ № 702. Въ 1802 г. извѣстный французскій археологъ Millin издалъ рисунки, съ него снятыя въ большомъ масштабѣ ²⁾; Münter помѣстилъ объясненіе символическихъ знаковъ въ своемъ изданіи: *Religion der Babylonier* ³⁾; надпись воспроизведена въ W. A. I., I 70 ⁴⁾ и переводы надписи сдѣланы Оппертомъ въ 1856 г., Фоксъ-Талботомъ въ 1861 г., Оппертомъ и Менаномъ въ 1877 г. ⁵⁾.

¹⁾ In den Ruinen eines Palastes, die nach Silvestre de Sacy's Vermuthung Tak Kesra, «das Gewölbe des Chosru» sind. См. Münter, *Relig. der Babylon.* 1827, in 4°, p. 1.

²⁾ *Monum. ant. inéd.* I, 58.

³⁾ P. 102, pl. III. v. s.

⁴⁾ *West. Asia cuneiform inscriptions.*

⁵⁾ Напечатаны въ изд. *Bull. Archéol. de l'Athén. Franç.*, въ *Trans. of the Roy. Asiat. Soc.* XVIII; 54, *Docum. jurid. de l'Assyr. et de la Chaldée* pp. 85—125, и *S. Birch. Records of the Past*, IX, 92.

Такіе же два камня изъ чернаго базальта, съ надписями на нихъ и символическими знаками, хранятся въ Британскомъ музеѣ; рисунки, съ нихъ снятыя, изданы въ фотографіяхъ, Thompson, Brit. Mus. part. III, vol. III, № 529—536, и воспроизведены графически въ W. A. I., III pl. 45; подписи помѣщены въ томъ же изданіи W. A. I., III pl. 41 и 43, а переводы надписей Опперта и Менана въ Documents juridiques de l'Assyrie et de la Chaldée и въ Records of the Past, въ IX части ¹⁾).

Съ 1800 г. ассириологія далеко подвинулась впередъ и настало, повидимому, удобное время для пересмотра изслѣдованій Мюнтера и Миллена о символическихъ знакахъ, изображенныхъ на подобныхъ памятникахъ. Повторять здѣсь въ подробности мнѣнія двухъ упомянутыхъ ученыхъ было бы совершенно излишнимъ трудомъ; любопытствующій прочтеть ихъ предположенія въ указанныхъ выше изданіяхъ. Millin считалъ камень Michaux за издѣліе Персовъ, собаку, на немъ изображенную, за грифона и т. д., его видимо стѣсняла невозможность ознакомиться съ содержаніемъ имѣющейся на камнѣ надписи. Münter, исправивъ ошибочныя гипотезы своего друга и корреспондента, посредствомъ остроумныхъ сближеній достигъ нѣкоторыхъ результатовъ, подтвердившихся при послѣдующихъ открытіяхъ; но самъ сознавалъ недостатки своего изслѣдованія ²⁾).

Изъ прочитанныхъ надписей мы узнаемъ, что три памятника, нами указанные, относятся ко времени Вавилонскаго царя Мардук-идин-акхи (1110 л. до Р. X.) и составляли акты поземельнаго владѣнія: первый, называемый археологами le saillon de Michaux, касается земли, отданной въ приданое за дочерью; другой — обмежеванія земли, принадлежащей дому Ада, Бит-Ада; третій — продажи земли, и по имени участвующаго въ договорѣ, называется contract of Hankas ³⁾). Надписи оканчиваются заклинаніями такого рода: если это станетъ оспаривать права владѣнія или предпринимать что либо,

¹⁾ Базальтомъ считаютъ все три камня — издатели Rec. of the Past и Doc. jurid. de l'Assyrg., другіе ученые ихъ считали за мраморъ, chaux carbonatée bituminifère и т. д.

²⁾ Ich habe nur die ersten Grundlinien gezogen. Möge meine Arbeit dazu dienen, Andre zur Fortsetzung derselben zu erregen! Relig. der Babyl. p. 134.

³⁾ Камни, нами описываемые, имѣютъ вѣншіи видъ обыкновеннаго крупнаго булыжника. По мнѣнію Ленормана, они служили межевыми признаками, Essai de Comment. des Fragm. Cosmogon. de Bérose изд. 1871 p. 228. У насъ, въ межевыя ямы владутся угли, и также камни счетомъ, но безъ надписей и знаковъ.

клоняющееся къ нарушенію владѣнія, того да покарають „великіе боги, которые упомянуты, * которыхъ имена призываются въ этой таблицѣ (Michaux, Hankas)^а, или — „которые обозначены, изображены на этой таблицѣ, которыхъ имена здѣсь упоминаются (Bit-Ada)^а 1). Въ началѣ заклинаній призывается основная, верховная триада божествъ, ея три имени вписаны сразу, въ одну строчку; за тѣмъ, упоминаются другіе великіе боги и богини, имя каждаго божества отдѣльно, съ прибавленіемъ присвоенныхъ ему эпитетовъ. Призываемыя божества, ихъ имена или идеограммы, расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

<i>Hankas.</i>	<i>Michaux.</i>	<i>Bit-Ada.</i>
<i>Триада.</i>	<i>Триада.</i>	<i>Триада.</i>
Anu.	Anu.	Anu.
Bel.	El.	Bel.
Nea.	Nea.	Nea.
The Great Goddess		
<i>Остальные боги:</i>		
{ Sin.	Marduk.	Marduk.
{ Samas.	{ Samas.	Nebo.
{ Istar.	{ Sin.	Bin.
Marduk.	{ Istar.	{ Sin.
{ Ninip.	{ Ninip.	{ Samas.
{ Gula.	{ Gula.	{ Istar.
Bin.	Bin.	{ Gula.
Serah.	Serah.	{ Ninip.
Nabu.	Nabu.	Nergal.
<hr/>	<hr/>	Zamal.
Всего 3+9=12.	Всего 4+9=13.	Turda.
		Iskhara.
		Malik.
		<hr/>
		Всего 3+13=16.

Верхняя оконечность каждаго изъ трехъ описываемыхъ нами памятниковъ тщательно скруглена, въ видѣ небеснаго свода; она образуетъ сегментъ шара, сегментъ, котораго наружный край составляетъ правильный кругъ на камняхъ Hankas и Bit-Ada, и кругъ, неправильно усѣченный надписью съ одной стороны — на камнѣ Michaux. Внутри означеннаго сегмента или круга, на вершинѣ каждаго камня изображены символическіе знаки, воспроизведенные ниже въ прилагаемыхъ при семь рисункахъ (Табл. I—V).

¹⁾ На камнѣ Bit-Ada повторяется три раза: The gods who are inscribed on this tablet, all those whose name is commemorated herein; the gods that are on this stone, whose name is commemorated; whose image is on this table, and whose name is invoked. Records of the Past p. 100 и 101.

Наиболѣе крупный и замѣтный знакъ на камнѣ Бит-Ада составляетъ змѣй, котораго хвостъ начинается на окраинѣ круга или мента, а голова и жало проникаютъ въ середину круга (табл. фиг. 1-я). Если признать, что изображенія на камнѣ дѣйствительно обозначаютъ различныя божества, упоминаемыя въ надписи, то змѣя какъ символъ, наиболѣе значительный, слѣдуетъ отнести къ одному, верховному божеству Вавилонянъ, олицетворяющему собою первединицу, первобытную монаду, понятіе, хорошо извѣстное ассирійцамъ¹⁾. Рядомъ, вслѣдъ за головою и шею змѣя, какъ бы на хребтѣ, изображенъ первоначальный дуализмъ, развивающійся изъ первобытнаго единства. Эта идея обыкновенно въ мифологіи олицетворяется двумя верховными божествами, мужскимъ и женскимъ; здѣсь обозначена двумя жертвенниками или престолами, равными по формѣ и величинѣ, на которые возложены два головные убора, шлема или двѣ короны, тиары, украшенныя каждая семью парами роговъ буйвола (фиг. 2 и 3). Изображенія сдѣланы en face. О формѣ и значеніи подобныхъ головныхъ уборовъ и украшающихъ ихъ роговъ, мы уже имѣли случай распространяться въ другомъ мѣстѣ. На таб. II и V (фиг. 28 и 48) изображены въ профиль подобныя тиары въ болѣе отчетливомъ рисункѣ.

У хвоста змѣя установлены, по той же линіи, еще три престола, украшенные съ передней стороны символическими животными (фиг. 7, 8 и 9). На престолахъ, одной формы и величины, помѣщены три символическіе знака, а именно: на первый копье, вверхъ обращенное остриемъ; на второй — нѣчто въ родѣ змѣя или дракона, выступающаго изъ середины престола; на третій — лежащая стрѣла, оконечность стрѣлы или молніеносный перунъ²⁾. Начинаясь у хвоста главной фигуры змѣя, означенныя три престола заканчиваютъ собою весь первый нижній рядъ символическихъ знаковъ, окружающій верхнюю часть камня, и съ другой стороны примыкаютъ къ головѣ и шеѣ того же змѣя. Группируясь, такимъ образомъ, около главнаго символа таблицъ

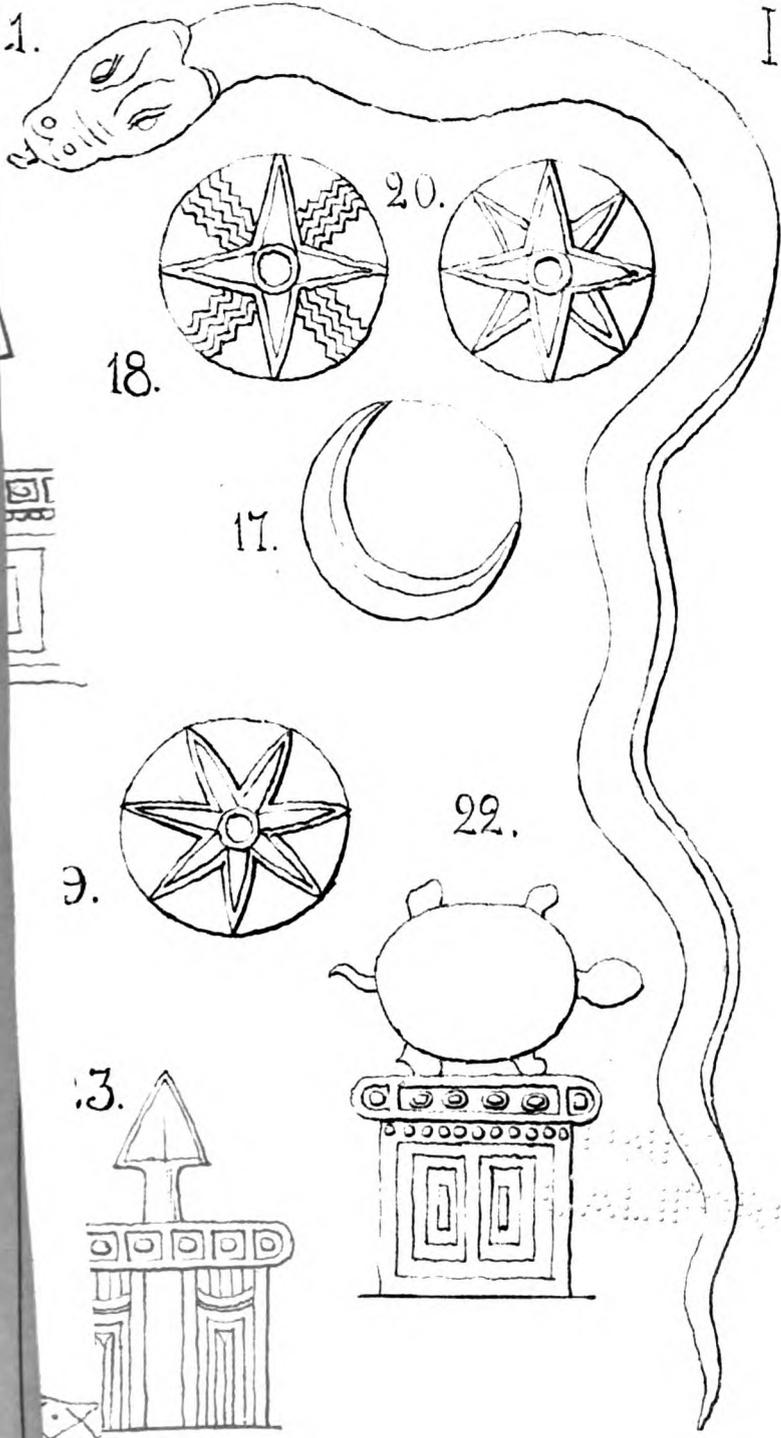
¹⁾ Смитъ (Smith), Роулинсонъ, Ленорманъ, Масперо. Менавъ въ своемъ *Syllabaire* (*Mém. présentés par divers savants à l'Acad. des Inscript. etc.*, 1-ге vol. t. VII, 1873 г. 2 part. p. 348) приводитъ идеограмму этого божества и поясняетъ: «le Dieu un, dans tous les cas, on ne saurait dire «le dieu unique».

²⁾ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1880 года. Сент., статья: Малтаія и Бланъ.

³⁾ A sort of arrow-head. *Records of the Past*, IX, 93.

1.

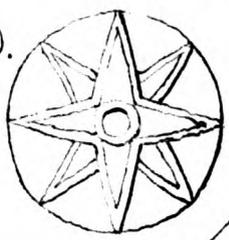
I.

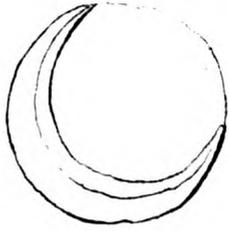
18.

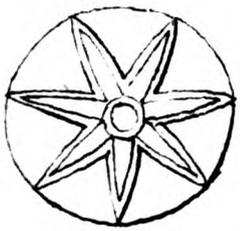
20.

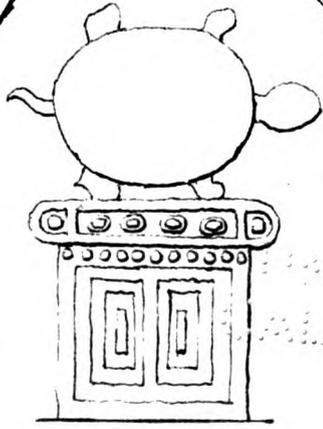
17.

9.

22.

13.

основной монады, престолы намъ представляютъ: справа отъ нея—символическую пару, слѣва—символическую триаду. Въ самомъ центрѣ сегмента или круга помѣщено астральное проявленіе той же триады, въ видѣ мѣсяца и двухъ планетъ или, правдоподобнѣе, въ видѣ мѣсяца, солнца и звѣзды (фиг. 17, 18 и 19).

Въ нижнемъ ряду, у внѣшнихъ краинъ круга, между двумя престолами и тремя престолами, изображены еще три знака: 1) собака (фиг. 4), 2) жезлъ или скипетръ съ раздвоенною вершиною, украшенною какою-то птицею, можетъ быть изъ породы голубей (фиг. 5), и 3) стрѣла или дротикъ, обращенный или обращенная внизъ концемъ (жаломъ) (фиг. 6), и наконецъ между центральными тремя планетами и нижнимъ рядомъ символическихъ знаковъ, имѣется надъ послѣдними второй рядъ, заключающій семь символовъ, второстепеннаго значенія, судя по ихъ величинѣ. Они изображаютъ: 1) скорпіона (фиг. 10), 2) птицу крупной породы (фиг. 11), 3) лампу (фиг. 12), 4) ручную булаву (фиг. 13), 5) перуны божества Бина или Бел-Меродаха (фиг. 14), 6) нѣчто въ родѣ подковы (фиг. 15) и 7) раздвоенный скипетръ, или вершину жезла, котораго два рога оканчиваются головами злыхъ и хищныхъ звѣрей (фиг. 16). Упомянутые здѣсь семь малыхъ символическихъ знаковъ изображены на нашихъ рисункахъ, каждый знакъ на томъ самомъ мѣстѣ, которое онъ занимаетъ въ подлинникѣ надъ болѣе крупными, ему соответствующими знаками нижняго ряда.

Всего имѣется символическихъ знаковъ на камнѣ Бит-Ада: 1, 2, 3×3 , $7 = 19$. Такое же число знаковъ имѣется и на другихъ двухъ камняхъ, но въ иномъ расположеніи или распредѣленіи и съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, которыя будутъ указаны ниже.

Первый вопросъ, который представляется при объясненіи перечисленныхъ нами символическихъ знаковъ, заключается въ томъ: дѣйствительно ли они обозначаютъ божества древнихъ Вавилонянъ, какъ мы предположили выше, или нѣчто иное? Въ пользу теософическаго ихъ значенія свидѣтельствуютъ изображенные между ними престолы и тиары, составляющіе и на болѣе крупныхъ барельефахъ Ассиріи атрибуты божествъ; и за тѣмъ, самое выраженіе надписи: боги, которые изображены, вписаны или вырѣзаны (inscribed) на этой таблицѣ, всѣ тѣ боги, которыхъ имена въ ней упоминаются (commemorated). Такія выраженія указываютъ на два способа обозначенія божествъ, примененные на самомъ памятникѣ, на двѣ формы invocacii божества.

ства: 1) обозначеніе божества знакомъ, его начертаніе или вписаніе на таблицѣ и 2) помяновеніе его имени въ надписи.

Символы, вырѣзанные на камнѣ Бит-Ада, не могли изображать знаковъ зодіака, ни обозначать мѣсяцевъ въ году или дней недѣли, потому, что своимъ числомъ значительно превосходятъ и тѣ, и другіе. Правда, число дней недѣли 7, приложенное къ числу мѣсяцевъ 12, составляетъ общую сумму 19, соответствующую числу символическихъ знаковъ; судя по послѣднимъ изслѣдованіямъ, Ассиріянамъ и Халдеямъ отъ глубокой древности извѣстно было распредѣленіе времени на 12 мѣсяцевъ, на 7 дней недѣли и даже седьмой день отдохновенія, освященный ¹⁾; но цѣли не было никакой обозначать на подобныхъ памятникахъ, знаками, дни и мѣсяцы. Г. Lenormant усматриваетъ на камнѣ Місбахъ четыре символа, соответствующіе, по его мнѣнію, знакамъ зодіака ²⁾; отсутствіе прочихъ восьми знаковъ доказываетъ, однако же, что и таблица Місбахъ не имѣла зодіакальнаго значенія. Символическіе знаки на изучаемыхъ нами трехъ камняхъ могли обозначать различныя планеты и созвѣздія, разбросанныя по небесному своду, указывая ихъ расположеніе на небѣ въ данный моментъ, составляя, такимъ образомъ, таблицу астрономическую или астрологическую; а какъ дѣленія зодіака опредѣлялись созвѣздіями, то въ таблицу могли случайно попасть и нѣкоторыя изъ созвѣздій зодіака. Такое предположеніе повидимому подтверждаетъ и форма полированного сегмента шара, на которомъ знаки расположены, напоминающая небесный сводъ, и замѣчаемыя на вершинѣ сегмента изображенія солнца и луны; но планеты и созвѣздія представлялись древнему язычнику какъ силы, одаренныя жизнію и волею, какъ самостоятельныя божества, или проявленія и воплощенія божествъ, и въ такомъ случаѣ, отвѣтъ на предложенный вопросъ сводится, въ сущности, къ одному и тому же результату: по всей вѣроятности, символическіе знаки изображали божества, упоминаемыя въ надписяхъ, а божества, по воззрѣніямъ язычниковъ, олицетворяли отвлеченныя идеи и стихійныя начала и, въ то же время, астральныя проявленія тѣхъ же понятій. Для полнаго выясненія этого вопроса, слѣдуетъ

¹⁾ *Ménant*, Syllab. II, 366; *Lenormant*, Orig. de l'Hist. 243; *Sayce*, Babylonian literature p. 54, 55.

²⁾ *Comment. de Bérose* v. a., p. 228. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что 12 знаковъ зодіака + 7 планетъ составляютъ общее число 19, совпадающее также съ числомъ символическихъ знаковъ.

попытать приурочить имена надписей къ соответствующимъ имъ символическимъ знакамъ, опредѣливъ характеръ каждаго божества, упомянутого въ надписи и изображеннаго знакомъ.

Число символовъ на каждомъ камнѣ не соответствуетъ числу именъ, упоминаемыхъ въ его надписи ¹⁾. Здѣсь мы встрѣчаемъ то же явленіе, какое указано было нами въ статьѣ, упомянутой выше, о символахъ Малтаин и Бавіана: надписи на памятникахъ скульптурныхъ не вполне примѣнимы къ объясненію символическихъ изображеній, имѣющихся на тѣхъ же памятникахъ. Это явленіе, повторяющееся весьма часто въ исторіи искусствъ, убѣждаетъ, что изслѣдователь въ области археологіи долженъ идти самостоятельнымъ путемъ, руководствуясь приемами своей науки, не стѣсняясь надписями, не столько ожидая отъ нихъ разъясненія, сколько ихъ поясняя и дополняя своими изысканіями. Онъ не можетъ, однако же, вовсе не принять во вниманіе надписей и не искать въ нихъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ указаній и подтвержденій для своихъ доводовъ и соображеній. Доколѣ надпись не разобрана, археологъ чувствуетъ шаткость почвы подъ собою, какъ было выше указано относительно извѣстнаго французскаго изслѣдователя древнихъ памятниковъ—Millin. Надпись неожиданно можетъ опровергнуть всѣ доводы незнакомаго съ нею археолога. Когда надпись прочтена, легко разъяснить причину ея противорѣчій съ доводами археологіи.

Если сравнимъ имена божествъ во всѣхъ трехъ надписяхъ ²⁾, то окажется, что 12 именъ, упоминаемыхъ на камнѣ Nankas, повторяются и въ двухъ другихъ надписяхъ съ слѣдующими ограниченіями: въ надписи Michaux, вмѣсто Bel, стоитъ новое имя — El, и прибавлена къ основной триадѣ великая богиня (the Great Goddess), безъ упоминанія ея имени; въ надписи Bit-Ada пропущено божество

¹⁾ Именъ на камнѣ Nankas 12, Michaux 13, Bit-Ada 16, а символ. знаковъ на каждомъ камнѣ по 19.

²⁾ Мы полагаемся, въ этомъ случаѣ, вполне на чтеніе гг. ассириологовъ и притомъ столь опытныхъ ученыхъ, каковы—Оппертъ, Менанъ, Фоксъ-Тальботъ, Лезорманъ, Бирчъ, Сайсъ. Разборъ и чтеніе именъ боговъ и вообще собственныхъ именъ обратили на себя прежде всего вниманіе ассириологовъ, и послужили основаніемъ, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, къ разъясненію фонетическаго произношенія различныхъ группъ клинообразныхъ знаковъ. Надо полагать, что ассириологи не ошибаются, передавая намъ звуки, которыми произносились имена ассирійскихъ божествъ, встрѣчающіяся въ надписяхъ, или ошибаются незначительно. Подробности по этому предмету см. въ концѣ, прилож.

Serah и прибавлено 5 новыхъ именъ—Nergal, Zamal, Turda, Iskbara, и Malik. Такимъ образомъ, независимо отъ пропуска имени Serah, прибавляя къ 12 божествамъ надписи Nankas два лишнія имени на камнѣ Michaux и 5 новыхъ на камнѣ Bit-Ada, получимъ общую сумму 19, равную числу символическихъ знаковъ. Предоставляемъ читателю самому обсудить, случайное ли это совпаденіе, или сличеніе трехъ памятниковъ однородныхъ и одного времени привело насъ дѣйствительно къ открытію 19-ти основныхъ божествъ ассирійскаго или халдейскаго пантеона, соответствующихъ символическимъ числамъ 1, 2, 3×3 , 7.

Символическія числа имѣли, начиная отъ глубокой древности, великое значеніе въ космогоническихъ и теософическихъ системахъ Ассиріи и Вавилона. Въ одномъ изъ новѣйшихъ своихъ изданій ¹⁾ Lepoignant, объясняя, что ученіе о таинственномъ значеніи чиселъ изъ Халдеи перешло къ Римлянамъ и позднѣе удерживалось, отчасти, даже въ средніе вѣка, напоминаетъ, по этому случаю, совѣтъ, данный Горациемъ римской красавицѣ, которую воспѣваетъ: „*pes Babylonios temptaris numeros*“ ²⁾, и добавляетъ, что г. Rassam въ недавнее время, посѣтивъ развалины Ассиріи и Вавилона, привезъ отсюда въ Лондонъ много глиняныхъ таблицъ, покрытыхъ мистическими числами, съ объясненіемъ ихъ значенія. Эти таблицы еще не изданы.

Относительно порядка перечисленія боговъ въ надписяхъ слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя группы именъ встрѣчаются нераздѣльно на каждомъ изъ трехъ памятниковъ царствованія Мардук-идинахи: кромѣ основной триады, особо обозначенной въ началѣ каждой надписи — Anu, Bel, Nea или Anu, El, Nea, упоминается постоянно нераздѣляемая другая триада — Sin, Samas, Istar, а также два божества, нераздѣльныя, мужское и женское — Ninip, Gula или Gula, Ninip. Остальныя имена—Magduk, Nebo, Bin, произвольно вставлены или въ началѣ надписи, или въ концѣ, или въ ея серединѣ, и новыя пять именъ, добавленныя на камнѣ Бит-Ада, приурочены къ концу надписи.

Упоминаемыя въ надписяхъ имена божествъ (хотя и не всѣ) намъ уже знакомы по изслѣдованіямъ о символическихъ знакахъ Бавіана,

¹⁾ Les origines de l'Histoire d'après la Bible et les traditions des peuples orientaux, in 8°, 1880 г., p. 284.

²⁾ Od. I, 11, v. 2.

которымъ посвятили мы, какъ уже сказано выше, особую статью ¹⁾). Знаки и надписи, вырѣзанные на скалахъ Бавіана, въ окрестностяхъ Ниневіи, ассирійскимъ царемъ Сеннахерибомъ за 700 лѣтъ до Р. Х., имѣютъ непосредственную связь съ тремя памятниками Халдеи, нами изучаемыми: вавилонскій царь Мардукидинахи ²⁾ или Мардукнадинасаръ ³⁾, къ царствованію котораго относятся послѣдніе, тотъ самый завоеватель, который поименованъ въ надписяхъ Бавіана: за 418 лѣтъ до Сеннахериба, онъ увезъ изъ Ассиріи статуи боговъ Вина и Салы; Сеннахерибъ, послѣ удачнаго похода на Вавилонъ, возвратилъ въ ассирійскіе храмы плѣнныхъ боговъ, и въ память своего подвига велѣлъ вырѣзать на скалахъ Бавіана изображенія означенныхъ боговъ во весь ростъ и надписи, нами упомянутыя. Такимъ образомъ, мы имѣемъ памятники эпиграфическіе и скульптурные двухъ различныхъ эпохъ, раздѣленныхъ промежуткомъ времени въ 400 лѣтъ и двухъ различныхъ мѣстностей, постоянно враждовавшихъ между собою, сѣверной области Тигра, Ассиріи, и южной ея окраины, Халдеи. Тѣмъ болѣе любопытно сличеніе этихъ памятниковъ ⁴⁾. Сходство упоминаемыхъ въ нихъ именъ божествъ доказываетъ близкое сродство религіи Ассиріянъ и жителей Халдеи. То и другое племя поклонялось однимъ божествамъ.

Надписи Naпkas и Bit-Ada вырѣзаны болѣе древнимъ шрифтомъ, опредѣляемымъ идеограммою, поставленною передъ именемъ каждаго божества; надпись же Michaux болѣе позднимъ шрифтомъ, опредѣляемымъ иною формою той же идеограммы ⁵⁾. Начертаніе буквъ

¹⁾ Журн. Мин. Народн. Просв. 1880 г. сент.

²⁾ По чтенію Ленормана.

³⁾ По чтенію г. Менана.

⁴⁾ Въ надписи Мишо упоминается невѣста, за которою выдаютъ приданое, называемая Dur-Sargukinait, то-есть уроженка или жительница города Дур-Саргуккина. Хорсабадъ, основанный Саргономъ близъ Ниневіи въ VIII в. до Р. Х., носилъ это имя. Отсюда заключаемъ, что камень Michaux относится къ эпохѣ, болѣе поздней, нежели у насъ показанная. Mais tout cela n'était qu'une fantasmagorie, замѣчаетъ Lenormant въ своемъ Comment. des Fragm. Cosmog. de Bégoze, изд. 1871 г., стр. 15, note 1, и весьма подробно объясняетъ, что былъ другой царь Sargukin, Саргонъ древній (2000 л. до Р. Х.), котораго имя принявъ при восшествіи на престолъ основатель Хорсабада, и другой городъ Dur-Sargukin въ Халдеи, между городами Ur, Uruk и Larsam, въ которомъ вѣроятно и родилась невѣста, упоминаемая въ рядной записи.

⁵⁾ Ménaut, Syllabaire I часть 1869 г., p. 10, sq.; Millin, Mon. ant. inéd. I, p. 58 и W. A. J. I pl. 70, III, pl. 41 и 43.

въ этой послѣдней надписи весьма сходно съ надписью Бавіана и вообще съ шрифтомъ, употребительнымъ въ Ассиріи въ царствованіе Саргонидовъ, хотя такое сходство и нельзя признать совершеннымъ тождествомъ. Въ теченіи 20-ти вѣковъ, въ продолженіи которыхъ употреблялись влинообразныя письма — ихъ начертаніе не разъ видоизмѣнялось, а потому, для разбора надписей требуется нѣкоторый навыкъ и знаніе, такъ сказать, ассирійской палеографіи. Форма письменъ видоизмѣняется и по времени, къ которому относятся различныя надписи, и по мѣстности, въ которой онѣ найдены. Сличеніе надписи Мичаухъ съ двумя другими изучаемыми нами памятниками той же эпохи свидѣтельствуетъ, что въ одно и то же время были въ употребленіи даже два шрифта, одинъ болѣе архаической формы, преимущественно встрѣчающійся на древнѣйшихъ памятникахъ, и другой болѣе новый ¹⁾.

Менѣе сходства замѣчаемъ въ символическихъ знакахъ той и другой мѣстности, Бавіана и окрестностей Вавилона. На памятникахъ Мардукидинахи и въ Бавіанѣ мы узнаемъ вездѣ однообразное очертаніе мѣсяца ☽. Тіары на скалахъ Малтаин и Бавіана нѣаго образца: круглыя, высокія, съ плоскимъ дномъ (цилиндрической формы, см. табл. V, фиг. 48); на юридическихъ документахъ Халдеи у нихъ дно, скругленное въ видѣ шлема (конусообразныя, сличи табл. II, фиг. 28; III, фиг. 39 и 43); тѣ и другія украшены рогами буйвола. Въ то же время, мы усматриваемъ на камняхъ Мичаухъ, Нанкас и Bit-Ada многіе знаки, не встрѣчающіеся на скалахъ Бавіана, и притомъ, характера болѣе злобнаго или демоническаго: стрѣлы, скорпіоны, змѣи, чудовища. Не слѣдуетъ забывать, что мы перешагнули за 400 лѣтъ въ глубь исторіи, спустились по теченію Тигра къ дру-

¹⁾ Въ Британскомъ музеѣ имѣется еще четвертый камень, безъ символическихъ знаковъ, найденный въ курганѣ Za'aleh, и на которомъ написанъ договоръ, заключенный въ 1-й годъ царствованія Мардукидинахи. Земля Бит-Ада обмежевана въ 10-й годъ того же царствованія. Имя царя упоминается только на этихъ двухъ камняхъ; на камняхъ Нанкас и Мичаухъ не упоминается. Но, свидѣтелемъ по договору Za'aleh показанъ: Tab-azar-Marduk сынъ Ina-e-Sagga tu-irbu, секретарь (а Scribe), тотъ самый женихъ, за котораго выдана замужъ Dur-Sargyukinait камня Мичаухъ. Сыновья Zikar-Ea, губернатора (Governor of the provinces) упоминаются на камняхъ Za'aleh, Bit-Ada и Нанкас, Marduk-nasir на камняхъ Bit-Ada и Нанкас. Отсюда заключаемъ, что всѣ 4 камня принадлежать къ одной эпохѣ.

гому племени, вступили на почву великой блудницы Вавилона. Иные символы ожидаютъ нашего объясненія.

Прежде, нежели приступить къ толкованію каждаго знака въ отдѣльности, сошлемся еще разъ на приведенную нами статью о скульптурахъ Малтаи и Бавіана, чтобы не повторять всего въ ней изложеннаго, относительно важнаго значенія, какое имѣеть греко-римская мифологія и символика для разъясненія ассирійской и халдейской. Мы намѣрены держаться той же сравнительной методы изслѣдованія. Сходство преданій греко-римскихъ и азіійскихъ намъ представляется несомнѣнно доказаннымъ, отъ чего бы оно ни происходило: отъ того ли, что Греки изъ глубины Азіи заимствовали свою религію, или отъ того, что обряды и вѣрованія всѣхъ языческихъ народовъ древняго міра произошли изъ одного общаго источника, и сходство понятій поддерживалось постоянными сношеніями между народами, еще недостаточно выясненными современною намъ наукою. Какъ бы то ни было, но греко-римскія преданія намъ разъясняютъ такія темныя стороны въ религиозныхъ вѣрованіяхъ Ассиріи и Халдеи, которыхъ разгадку не находимъ ни въ надписяхъ клинообразныхъ, ни въ многочисленныхъ обломкахъ, открытыхъ въ Ниневіи, литературныхъ твореній изъ бібліотеки Ассурбанипала и Сеннахериба.

Ни на одномъ изъ указанныхъ нами трехъ памятниковъ эпохи Мардукидиахи мы не встрѣчаемъ ассирійскаго крылатаго диска, ни имени Ассура, того божества, къ которому относится упомянутый символъ; его по видимому замѣняетъ змѣй (фиг. 1), составляющій на памятникахъ Халдеи символъ первенствующій, обозначающій, по всей вѣроятности, вавилонское божество Ел, Илу. Это божество, подобно Ассуру, соотвѣтствовало греческому добродушному и счастливому Урану, небесному, древнему, основному, невидимому и въ принципѣ неизобразимому богу ¹⁾; но, съ такимъ ли добродушнымъ характеромъ оно представлялось Вавилонянамъ, какъ и Грекамъ? Почему ему служить символомъ изворотливый и злой змѣй?

¹⁾ *Ménant*, Syllabaire II, p. 337, 338. Ilu, «le Grand Dieu de la Chaldée», le premier des Dieux; Assur, «le Dieu Bon», cette divinité paraît se confondre avec la précédente et représenter le même principe (ср. *Botta*, Pavés, pl. 16, 18 и pl. 7, 22).

Ilu «der Gott» κατ' ἐξοχήν, der Eine und der Gute, die Quelle aller Dinge, er hatte kein Tempel; Греки его часто смѣшиваютъ съ Кроносомъ. *Lenormant*, Die Magie und Wahrsagekunst der Chaldäer, немецк. издан. v. Verfass. autoris. bedeut. verbess. und vermehrt. 1878 г. in 8° pp. 111—113.

На камнѣ Бит-Ада змѣй ползеть по окраннымъ круга, и затѣмъ, приподымая свою шею, проникаетъ головою до самаго центра круга и символическихъ знаковъ, въ него вписанныхъ, какъ будто бы всѣ силы, изображаемыя другими знаками, онъ несетъ на своемъ хребтѣ. На другихъ двухъ памятникахъ змѣй имѣетъ иное начертаніе (фиг. 21): его хвостъ начинается между столбцами надписи, въ символическаго круга; змѣй ползетъ по ребру камня, на которомъ вырѣзана надпись, и головою также проникаетъ въ центръ верхняго круга и символическихъ знаковъ, какъ вѣчто постороннее, рѣдившееся въ цикла боговъ, но въ послѣдствіи послужившее для всѣхъ центромъ происхожденія и зарожденія.

Это было то существо, которое Библія называетъ самымъ хитрымъ изъ всѣхъ животныхъ полевыхъ ¹⁾, та сила, которая впервые прельстила великій Вавилонъ и увлекла его въ безконечныя извилины и кривыя пути языческой теософіи. Она замѣнила собою, въ сознаниіи людей, образъ первобытнаго Небеснаго Бога и ввела Его поклонниковъ въ заблужденіе, заградивъ собою Его чистый ликъ и ставъ на Его мѣсто. Проявляясь какою либо стороною своего бытія въ каждомъ изъ послѣдующихъ своихъ воплощеній, эта сила выражается по преимуществу во второмъ ея фазисѣ, соответствующемъ греческому Кровосу, божеству грубому, кровожадному и криводушному *ἄχολομήτης*, и во второмъ лицѣ основной верховной триады ассирійскихъ божествъ, въ божествѣ Хеа, имя котораго ассиріологи сближаютъ съ арабскимъ *hiya*, что значитъ змѣй и жизнь, и которому посвященъ тотъ же символъ — змѣй или драконъ ²⁾. Тотъ же символъ, наконецъ, и въ индійской основной триадѣ посвященъ второму ея лицу, жестокому Сивѣ, истребителю (*the destructor*) и красуется въ его рукахъ ³⁾. Та же сила Нѣа, Аус, Оаннес, даровала Вавилонянамъ знаніе или познанія, науку, ту суетную мудрость, которою они гордились, установила ихъ законы, на защиту добра и въ наказаніе зла ⁴⁾. Можетъ быть, тотъ же символъ

¹⁾ Или самымъ голымъ, ускользающимъ изъ рукъ, слячи: харум, хрумим, хейрумим. Въ подлинникѣ употреблено выраженіе: *ни кол хаіае ха садех*, изъ всѣхъ существъ, существующихъ или живущихъ на поляхъ. Быт. II, 25; III, 1 и 7.

²⁾ Араб. *hiyah*, ассир. *havvi* змѣй, Ленорманъ производитъ отъ корня *hāyah*, жить. *Orig. de l'Hist.* изд. 1860 г. p. 106.

³⁾ Такъ напримѣръ у колоссальной Тримурти въ храмѣ Элеванты. *Langlès*, *Mon. anc. et mod. de l'Hindostan*, II pl. 73.

⁴⁾ *Lenormant*, *Magie der Chaldäer*, измѣненное изданіе 1878 г. p. 376 sq.

обозначалъ первобытную бездну, изъ которой все возникло и произошло, первобытную пустоту (nihil), пространство (the primaeval Abyss, ассир. Арзи, theom Библии).

Ассириологи давно обратили вниманіе на сходство съ повѣствованіями Библии нѣкоторыхъ преданій Вавилона. Искушеніе въ раю, пишетъ Н. Rawlinson, это было своего рода откровеніе, откровеніе символовъ языческой религіи ¹⁾; но, при подобныхъ сближеніяхъ преданій библейскихъ и языческихъ, требуется большая осмотрительность. Едва-ли даже возможно допустить примѣненіе языческихъ сказаній къ какому бы то ни было толкованію темныхъ и для насъ непонятныхъ мѣстъ изъ книги Бытія. На языческіе мѣмы (вымыслы) слѣдуетъ смотрѣть, какъ на искаженіе прямого, древняго, истиннаго преданія: искаженіе, иногда бессознательное, вслѣдствіе непониманія или забыванія, когда преданіе слагалось въ устахъ народныхъ массъ; иногда же и сознательное, когда жрецы въ миѣческой образъ облакали собственныя философы и догадки, или истину скрывали подъ видомъ иносказанія, чтобы сдѣлать ее недоступною и непонятною для людей, непосвященныхъ въ ихъ тайны и нечистыхъ. Язычники очень хорошо сознавали эту особенность миѣческихъ преданій, и такое сознаніе ясно выражено въ Теогоніяхъ Гезіода, въ ихъ началѣ (ст. 26—28), въ той рѣчи, которую поэтъ влагаетъ въ уста Музы, обращенной къ пастухамъ Геликона:

Ποιμένες ἄγραυλοι...

Гдѣмъ ψεῦδεα πολλὰ λέγειν ἐτύμοισιν ὁμοῖα,

Гдѣмъ δ', εὖτ' ἐθέλωμεν, ἀληθεία μυθήσασθαι.

Слушайте, пастухи полевые...

Знаемъ говорить много мы лживаго, на правду похожаго,

Знаемъ, если же мы захотимъ, рассказать также истину ²⁾.

¹⁾ Révélation divine, cette révélation était celle de l'idolatrie; приводя эти слова, Lenormant отъ себя добавляетъ, что никакіе факты, до сего времени обнаруженные, не подтверждаютъ и не опровергаютъ мнѣнія Роулинсона. Orig. de l'Hist. 1880 г. р. 105 sq. Покойн. G. Smith узнавалъ сцену искушенія на печати вавилонской (pierre gravée), на которой изображены дерево, мужчина, женщина и змѣя. По мнѣнію г. Менана, нѣтъ въ виду достаточныхъ оснований, чтобы сцену, изображенную на камнѣ, съ достовѣрностью относить къ библейскому преданію. La Biblioth. du palais de Ninive, изд. 1880 р. 127. Противъ доводовъ Менана выступилъ, однако же, Ward въ *American Orient. Soc. Proceed*, 1880 г., см. *Athénée Oriental, Rev. Critique* № 1, Avril 1881, р. 37.

²⁾ Еще менѣе примѣнима къ толкованію Библии гипотеза о какомъ либо заимствованіи Евреями преданій, во время плѣненія Вавилонскаго, у народа имъ чуждаго и ненавистнаго (Псал. 136). Даже ученые, придерживающіеся крайняго

Ассириологи считаютъ Вавилонъ за великое смѣшеніе языковъ и племень или расъ, *παράμικτος ὄχλος* ¹⁾. Господствующими племенами, въ этомъ весьма пестромъ населеніи, были Сумиры (Sumiri, Sinear), семитическаго происхожденія, и Аккады (Akkadi, Kaldi, Haldi, Халдеи, Kardi, Kasdim, Gordyaei, Кардухи, нынѣшніе Курды языка и происхожденія туранскаго ²⁾. Предполагаютъ, что первые отъ послѣд-

скептицизма, относительно древности еврейской Торы, какъ напримѣръ Wellhausen, допускающіе разчлененіе (*Zerstückelung*) ея неудобно раздробляемаго текста, и тѣ вынуждены признать, что первыя главы кн. Быт. принадлежать къ эпохѣ, предшествовавшей не только ассирійскому и вавилонскому разгромамъ, но времени дарей и пророковъ (*Der Stoff von Iehov. Eloh. ist durchaus vorprophetisch; Genes. cap. 1, 2, 3, ... wir befinden uns hier in dem Zaubergarten der Vorstellungen des echten Alterthums, der frische antike Erdgeruch weht uns entgegen* и т. д. Сравни. Wellh. *Gesch. Israels*, изд. 1878 г., I, 371, 347, также pp. 9, 14, и друг.).

Lenormant объясняетъ сходство преданій тѣмъ обстоятельствомъ, что подобныя сказанія составляли общее достояніе всего человѣчества до эпохи раздѣленія и разсвѣнія народовъ, и потому сохранились въ воспоминаніяхъ всѣхъ племенъ. *Anfänge der Cultur*, нѣмец. изд. II, p. 55.

¹⁾ Aeschyl. *Pers.* 51 etc. См. Lenormant, *Magie und Wahrsagek. der Chald.* p. 306 sqq.

²⁾ Ménant, *Syllabaire* II, 374. На обоихъ языкахъ, семитическомъ и туранскомъ, намъ сохранились клинообразныя надписи. Въ своемъ *Syllabaire*, изд. 1873 г., г. Ménant различаетъ: *l'assyrien* и *l'accadien* (*casdeen, proto-chaldéen*), см. *Appendice* p. 417. Въ позднѣйшихъ своихъ изданіяхъ, согласно съ мнѣніемъ Опперта, аккадійскій языкъ онъ называетъ: *Sumérien*, см. *La Biblioth. du palais de Ninive*, 1880 г. pp. 37 и 38; но далеко не все ассириологи раздѣляютъ это послѣднее мнѣніе, см. Saussure, *Assyrian Grammar*, 2-е изд. 1876 г. *Preface* и *Syllabary* № 316 слова: *acada, burbur* (*barbar*), *saki, highland*; Lenormant, *Magie und Wahrsagek. der Chald.*, нѣмец. изд. 1878 г., pp. 259, 341, 379; *Athénée Orient.*, *Rev. Crit.* Avril 1881 г. p. 17, *documents bilingues, exercice grammatical accadien*. Въ своемъ *Essai de Comment. des Fragm. Cosmog. de Bérose*, г. Lenormant, ссылаясь на таблицу Лувра, на которой имѣется надпись «*sa dippi Akkad, extrait des tables d'Akkad*», прибавляетъ: *Hinks avait bien fait de donner le nom d'«accadien» à l'idiome ouralo-finois*, p. 50. Вообще въ передней Азій, по изслѣдованіямъ ассириологовъ, господствовали три человѣческія расы: *Семиты*, потомки Сима, къ которымъ причисляютъ евреевъ, арамеевъ, ассириянъ; *Хамиты*, къ которымъ относятъ племя угро-финское (татарское, тюркское, монгольское), или туранское, какъ его иногда называютъ, и *Лафетиды*, племя арійское. Библия, которую ассириологи превозносятъ за ея изумительную точность историческую, этнографическую и географическую, считаетъ потомками Хама Кушитовъ (*Cos-saei*) и имъ родственныхъ Канаанитовъ; отъ Хама, по словамъ кн. Быт. X, 6, 8 и 10, родилса Кушъ, отъ Куша Нимродъ, начало его царства — Вавель, Эрехъ, Аккады и Халне въ землѣ Сinearъ. Ленорманъ призналъ Аккадовъ

нихъ заимствовали свои письмена (клинообразныя), свою образованность, многія имена божествъ и многіе религиозные обряды. Въ самыхъ древнихъ письменныхъ памятникахъ, открытыхъ на почвѣ Вавилона и Халдеи, замѣтно уже господство семитическаго языка (ассирійскаго, языка Сумировъ); а между тѣмъ, и въ позднія времена ассирійской монархіи, при Саргонидлахъ, языкъ туранскій (языкъ Аккадовъ) продолжали изучать, какъ языкъ священный, классическій, можетъ быть уже въ то время вымершій (мертвый). Въ развалинахъ Ниневіи найдены словари и тексты аккадійскіе съ переводами на ассирійскій языкъ ¹⁾.

Ассирійское *ilu* (еврейск. арамея., елах, араб. Аллах) означало на языкѣ Сумировъ вообще божество—Богъ или верховный богъ, и въ аккадійскомъ языкѣ этому термину соотвѣствовало слово *an*, *ana*, *apu*, *apuv*, *apar*; но бога Илу Аккады именовали *Pa*, или *Дингир*, *Дингира* ²⁾. Названіе города Вавилона пишется въ клинообразныхъ надписяхъ *Ba-bi-lu*, *Ba-bi-i-lu*, *Bab-ilu* и въ послѣднемъ случаѣ означаетъ: ворота, судилище, престолъ божества (или бога Илу) и переводится на аккадійскомъ языкѣ—*Ka-Dingira* ³⁾. Извѣстно, однако-же, и другое значеніе, придаваемое названію города Вавилона, *Бабел*, книгою Бытія (XI, 9), именно, его производство отъ корня *bal*, *балал*, смѣшивать (смѣшеніе языковъ), франц. *babel*, *babiller*, наше—бол-тать, и трудно рѣшить которая этимологія древнѣе ⁴⁾.

Такимъ образомъ, имя бога Илу выражало отвлеченное понятіе

Кушитами, *gase de Cham*, *gameau de Kousch* (*Essai de Comm. de Bérose* p. 43): но потомъ измѣнилъ свое мнѣніе: его гипотезу о ихъ происхожденіи отъ потомковъ Каина, удалившихъ, какими-то невѣдомыми путями, послѣ всемірнаго потопа—мы рѣшительно не понимаемъ.

¹⁾ *Ménant*, Syllab. II 430 и 432; *Lenormant*, *Magie* 306 sq., 343.

²⁾ *Turc—tengri*, *mongol—tagri*, *Norris*, *Assyr. diction.* I 249; *Lenormant*, *Bérose* 289. *Din-ki-га* можно перевести «Богъ основатель земли» *ib.* p. 553. *Ménant*, Syllab. II 337.

³⁾ См. *Ménant* Syllab. I p. 118, II 337 и 377. Жюветеръ переводитъ еврейск. *Bab-Bel* «*der Palast Bels*», *Relig. d. Babyl.* p. 94. Правильнѣе была бы этимологія *Bab-El* «*der Palast Gottes*».

⁴⁾ *Ленорманъ* объясняетъ орфографію, древнѣйшую, имени Вавилона *DIN-TIR-KI* «*la ville de la racine des langues*»; идеограмму *Borsippa*, той части г. Вавилона, въ которой по преданію, была воздвигнута башня языковъ: «*balbutier, parole, confusion des langues*», и прибавляетъ—«*de tels jeux de mots étymologiques étaient tout à fait dans le goût babylonien*». *Ess. de Comment. des fragm. cosmogon. de Bérose* p. 349 и 350.

божества, божество вообще или божество по преимуществу; и Вавилонъ, посвященный означенному божеству, считался его обителемъ, его престоломъ; но, въ Вавилонѣ же это божество, какъ указываетъ присвоенный ему символъ—змѣй, приняло весьма опредѣленные признаки второй ступени развитія языческаго богопочтанія, соответствующей греческому злбному Кроносу. Въ послѣднемъ указанномъ смыслѣ понималъ и Münter наиболѣе крупный символическій знакъ на камнѣ Michaux; онъ пишетъ: „это ядовитый змѣй, съ широкою и плоскою головою, изъ самой крупной породы ¹⁾“. Созвѣздію Дракона „dem Drachen, dem Haupte der Constellationen“, по его мнѣнію, соответствуетъ Кроносъ и планета Сатурнъ, которой весь Востокъ поклонялся подъ названіемъ Кеван или Кіуун. Это была зловѣщая планета; Кевану поклонялись не изъ любви, но изъ за страха, какъ Тифону въ Египтѣ ²⁾.

Замѣтивъ также всеобщность указаннаго выше обоготворенія змѣя на Востокѣ, J. Fergusson посвятилъ особую монографію изслѣдованію этого предмета, которую приложилъ къ роскошному изданію рисунковъ, снятыхъ съ буддистическихъ топъ или ступъ Амравати и Санчи ³⁾ Fergusson старается доказать, что повсюду, гдѣ встрѣчается офіолатрія, поклоненіе змѣю, вездѣ этотъ культъ былъ соединенъ и съ поклоненіемъ райскому дереву, носящему плоды, а также съ поклоненіемъ огню и съ ужасными кровопролитіями, съ человѣческими жертвоприношеніями, съ умерщвленіемъ даже младенцевъ. Отвратительные обряды этого культа, который Fergusson связываетъ съ поклоненіемъ гробамъ, умершимъ, прародителямъ и подземнымъ богамъ, въ различныхъ странахъ весьма долго, тайно или явно, упорно держались; въ другихъ постепенно исчезали, но символъ змѣя и его обоготвореніе оставались, какъ признаки участія народа нѣкогда въ обрядахъ того же гнуснаго суевѣрія. Такой культъ, по мнѣнію автора, возникъ впервые въ болотистыхъ низовьяхъ Евфрата, среди племенъ туравскаго происхожденія, и распространился изъ этой мѣстности по всей

¹⁾ Es ist eine giftige Schlange mit einem breiten und platten Kopf, eine Riesenschlange. Rellig. d. Babylon. p. 103.

²⁾ Er war aber unheilbringend; daher die Gestalt einer giftigen Schlange unter der er abgebildet ist. ib. p. 104.

³⁾ Tree and Serpent Worship: or illustrations of Mythology and Art in India from the sculptures of the Buddhist topes at Sanchi and Amravati etc. 1868 г. in-f pl. Слнч. ст. по тому же пред. въ журн. *The Indian Antiquary* vol. IV, № 38, январь 1875 г. p. 5.

поверхности земнаго шара, во всѣ стороны, какъ бы лучами изъ одного общаго центра ¹⁾). Признавая, что основатель буддизма въ Индїи, Сакья-Муни, былъ коренной аріецъ и что его ученіе вовсе не похоже на изувѣрства фанатическихъ поклонниковъ огненнаго культа, г. Fergusson, тѣмъ не менѣе, усмотрѣвъ на буддистическихъ топакахъ, въ скульптурныхъ ихъ украшенїяхъ, поклоненіе змѣю, священное дерево и храмъ огню, признаетъ ступы, эти величавые памятники Индїи, которымъ прототипомъ служитъ незатѣйливый земляной курганъ (tumulus), за символы коренной религіи туранскихъ племенъ. Онъ полагаетъ, что первые поселенцы Индїи (аборигены) были туранскаго происхожденія и составили впоследствии низшіе слои населенія, при вторженїи въ Индїю Арійцевъ, которымъ они подчинились. Буддизмъ г. Fergusson считаетъ не реформою браманизма, но реакціею въ пользу древней религіи аборигеновъ и низшихъ слоевъ народныхъ массъ ²⁾).

Г. Lenormant оспариваетъ крайности этой теорїи ³⁾, ссылаясь на мнѣніе Макса Мюллера ⁴⁾; но признаетъ, что во всѣхъ извѣстныхъ намъ мѣологіяхъ змѣи обозначалъ: то—начало зла ⁵⁾, то—начало добра, иногда же оба начала вмѣстѣ ⁶⁾. Указывая на смѣшеніе понятїй: Ouranos, Pos, Cronos у греческихъ писателей и ссылаясь на Ферекида и Санхонїатона, Ленорманъ напоминаетъ титана Офіона ⁷⁾: Оφίων считался царемъ титановъ (Lycophr. 1192) и по схоластику означалъ Зевса или же царя, царствовавшаго до Сатурна (до Кроноса, слѣдовательно Урана); ему сопоставляется Евринома, Ἐυρωβόμη (изобрѣтательница закона), бывшая повелительницею Олимпа также до воцаренія Кроноса и Реи ⁸⁾. Уранъ или Офіонъ

¹⁾ I would feel inclined to say that it came (the origin of serpent worship) in the mud of the Lower Euphrates, among a people of Touranian origin. Serpent Worship p. 3.

²⁾ Tree and Serpent Worship p. 62 и 221.

³⁾ О монографіи Фергюссона онъ отзывался: plus d'érudition et d'ingéniosité que de critique. Orig. del' Hist. 1880 г. p. 99 sqq.

⁴⁾ There is an Aryan, a Semitic, a Turanian, an African serpent; ихъ связь, какъ одно преданіе, as one traditional chain, Мюллеръ отвергаетъ. Orig. de l' Hist. I. c.

⁵⁾ Nous voyons dans toutes les mythologies un serpent gigantesque personnifier la puissance nocturne, hostile, le mauvais principe, les ténèbres matérielles et le mal moral. Orig. de l' Hist. I. c.

⁶⁾ У однихъ Персовъ—исключительно зло, ib.

⁷⁾ Ophion un synonyme d' Ouranos. Lenormant arig. de l' Hist. pp. 542, 563 sq.

⁸⁾ Apollon. Rhod. I, 503.

(змѣнный) соотвѣтствовалъ Зевсу, какъ верховный богъ, начало всего и всякаго бытія ¹⁾.

Въ другомъ своемъ сочиненіи, специально посвященномъ изученію религіозныхъ преданій Халдеевъ, ихъ магіи и науки гаданій, а также въ мелкихъ своихъ твореніяхъ, собранныхъ впоследствии въ одинъ общій сборникъ подъ заглавіемъ „Начатки Культуры“ ²⁾ г. Ленорманъ предупреждаетъ противъ увлеченій вообще теоріями расъ, которыми, по его словамъ, много злоупотребляли за послѣднія двадцать лѣтъ, въ особенности аріанисты, то-есть, изслѣдователи въ области исторіи, пытавшіеся возвысить значеніе арійскаго племени, индо-европейской расы, или объяснять имена и преданія всѣхъ народовъ изъ быта индусовъ, ихъ священныя книги и языка санскритскаго ³⁾; г. Ленорманъ столько же порицаетъ свой собственный *ultrachaldaeismus*, отрекаясь отъ него и исправляя свои прежнія недоразумѣнія, сколько порицаетъ *ultrasemitismus* своего ученаго собрата Halevi, отчасти и г. Ренана ⁴⁾. Упомянутый ученый, столь извѣстный своею „Исторіею Востока“, признаетъ взаимное воздѣйствіе Халдеевъ и Семитовъ другъ на друга; Вавилонъ считаетъ за центръ культуры, но его вліяніе на сосѣднюю Арамею и народы Палестины не называетъ заимствованіемъ или подражаніемъ (*Assimilation*); религія Вавилона, по его мнѣнію, была результатомъ общей, совмѣстной умственной работы различныхъ племенъ, сосредоточенныхъ въ этомъ пунктѣ (*ein Mischproduct*), а религіи Сиріи и побережія Средиземнаго моря, онъ полагаетъ, были родственными религіи Вавилона, но не тождественными (*vielmehr Schwestern derselben*). Тотъ же широкій взглядъ слѣдовало бы примѣнить и къ другимъ странамъ древняго міра, избѣгая всякой односторонности, что не исключаетъ, однако же, гипотезы о происхожденіи расколовъ въ первобытной религіи, общей всему человѣчеству,

¹⁾ Ὀφίς имѣло одно значеніе съ словомъ δράκων, Hesiod. Theog. 322, 825, иногда же отличалось отъ него по смыслу: οφίς собственно означало змѣю; δράκων—чудовище, составленное изъ частей тѣла змѣи и другихъ животныхъ.

²⁾ Въ обоихъ случаяхъ мы пользовались новѣйшими, нѣмецкими изданіями, пересмотрѣнными, значительно дополненными и исправленными авторомъ, autorisirt vom Verfasser, revidirt und verbessert: «Die Anfänge der Cultur» 1875 г. II, p. 84 sqq и «Die Magie und Wahrsagekunst der Chaldäer» 1878 г. pp. 143—149.

³⁾ Die Theorie der Rassen ist in Anwendung auf die Geschichte seit zwanzig Jahren ausserordentlich gemissbraucht worden, besonders von Arianisten. Anfänge der Cultur II p. 83.

⁴⁾ Ich ging vor Allem zu weit. Magie d. Chaldäer p. 143, 141.

а за тѣмъ и перваго раздѣленія и разсѣянія племень, именно, на почвѣ Вавилона и Халден.

Змѣй, по своей растянutoй фигурѣ и по своему положенію, между другими символическими знаками на камняхъ Michaux, Hankas и Bit-Ada могъ бы изображать видимый въ небѣ, между созвѣздіями и планетами, такъ называемый млечный путь, *via lactea*; но мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, которыя подтверждали бы правдоподобіе такого предположенія.

Два престола рядомъ, (или два жертвенника, *agae, altaria*), украшенные каждый божественною тиарою (фиг. 2 и 3), изображенные на камнѣ Bit-Ada, повторяются и на камняхъ Hankas и Michaux ¹⁾. Различіе въ ихъ изображеніи въ томъ только и заключается, что на камнѣ Bit-Ada помѣщено на каждой тиарѣ по семи паръ роговъ, число вѣроятно указывающее на великое, первенствующее значеніе двухъ божествъ, подразумеваемыхъ подъ этими символами, такъ какъ число семь считалось особенно священнымъ; или указывало оно на астральное значеніе тѣхъ же божествъ, напоминая семь планетъ небесныхъ, которыя эти два божества въ себѣ заключали, или которыя изъ себя породили; а на камняхъ Hankas и Michaux показаны 4 и 5 паръ: четыре на одной тиарѣ, вѣроятно для означенія женскаго божества, и пять на другой, для означенія мужскаго—четыре и нечеть. Оба числа вмѣстѣ составляютъ 9, число, заключающее въ себѣ три триады ²⁾.

Къ этимъ двумъ, послѣ змѣя, первенствующимъ символамъ естественно отнести два имени, упоминаемыя въ надписяхъ нераздѣльно, *Ninip* и *Gula*. Въ первомъ имени мы встрѣчаемся съ однимъ изъ тѣхъ затрудненій, которыя ассиріологамъ еще не удалось побороть. Озна-

¹⁾ Тиары, убранныя рогами буйвола не только служили символамъ божества, какъ въ данномъ здѣсь случаѣ, или украшеніемъ изображеній боговъ и гениевъ на рельефахъ, онѣ въ дѣйствительности надвѣвались на голову идола въ его храмѣ. Ассурбанипалъ пожертвовалъ для двухъ идоловъ въ храмы Вавилона: *age qarni sirati, age biluti, simat iluti* «les tiaras aux cornes élevées; les tiaras de domination, insignes de la divinité». W. A. I. II 38, 2 col 2, *Lenormant, Bérose* p. 445, 446.

²⁾ Мюнтеру неизвѣстны были ассирійскіе рельефы, открытые въ Ниневии гораздо позднѣе; онъ не видалъ изображенныхъ на нихъ рогатыхъ племени или тиаръ у боговъ и гениевъ; поэтому, описываемые нами два символа на камнѣ Мисо для него были вовсе не понятны; онъ ихъ уподоблялъ каменнымъ конусамъ посвященнымъ Венерѣ или другимъ божествамъ. *Relig. d. Babyl.* p. 113, 4.

ченное имя, весьма часто попадающееся въ ассирійскихъ текстахъ, нигдѣ еще не нашли переданнымъ въ транскрипціи фонетической; какъ оно произносилось, съ достовѣрностью не извѣстно. Оно обозначается двумя группами знаковъ, изъ которыхъ первая составляетъ идеограмму, соответствующую понятію „вѣстительница“ и можетъ быть: „вѣстительнѣ, владѣнка“, произносимую (фонетически), при обыкновеннымъ чтеніи, звуками NIN ¹⁾; вторая группа составляетъ, по всей вѣроятности, фонетическое окончаніе, имени божества, или какъ выражаются ассиріологи, фонетическое опредѣленіе, дополненіе идеограммы (complément phonétique) но группа принадлежитъ, сама по себѣ, въ числу знаковъ полифоновъ и произносится иногда IP, иногда DAR ²⁾. Намъ неизвѣстно, замѣчаетъ г. Ленорманъ въ своемъ Comment. de Bérose ³⁾, ни одного божества ассирійскаго или вавилонскаго, котораго имя оканчивалось бы на ip; а на dar имѣемъ имя, хорошо знакомое миеологамъ, упоминаемое въ Библии—Адаръ или Адаръ Самданъ. Позднѣе г. Ленорманъ приискалъ аккадійское названіе для того же божества—Nin-daga ⁴⁾. Выписавъ имена божествъ, перечисляемыя на камняхъ Мардукидинакки, изъ переводовъ Опперта и Менана, напечатанныхъ въ Records of the Past, мы удержали произношеніе означенныхъ ученыхъ; англійскіе ассиріологи, въ другихъ переводахъ, напечатанныхъ въ томъ же изданіи, придерживаются чтенія—Адаръ, которому впредь и мы будемъ слѣдовать, какъ болѣе вѣроятному ⁵⁾.

Адаръ (Ninip, аккад. Nin-daga) означаетъ на еврейскомъ языкѣ огонь, отъ корня хадар или адар, блестятъ, горѣтъ ⁶⁾, и собою представляетъ второй фазисъ вѣрованій, второе воплощеніе первобытнаго божества Илу, соответствующее греческому Кроносу (Сатурну), сыну Урана и его преемнику. На камнѣ Michaux, Адаръ (Ninip) именуется

¹⁾ *Ménant*, syllabaire I 218, II 176, 182.

²⁾ Въ послѣднемъ случаѣ означаетъ: «родъ, génération, race». *Ménant*, Syllab. I, 188 № 72.

³⁾ p. 107.

⁴⁾ *Die Magie* etc. p 57 и 152 sqq.

⁵⁾ Opperet и Ménant, впрочемъ, сами измѣнили свое мнѣніе: *La lecture Ninip n'est pas conforme aux règles de l'orthographe assyrienne et doit être rejetée.... M. Opperet propose la lecture «Adar», que M. Lenormant accepte. Ménant*, Syllab. II 342.

⁶⁾ Идеограмма этого божества иногда пишется и произносится Bag. *Ménant*, Syllab. II, 542 Аккад. bag значить также огонь. *Norris*. I, 216.

въ надписи сыномъ бога El (Ил, Урана), упомянутого въ той же надписи въ числѣ боговъ основной триады ¹⁾.

По своему характеру Адаръ (Ninip) нѣсколько отличается отъ греческаго Кроноса, и въ ассирийскомъ пантеонѣ является по преимуществу воеителемъ, богатыремъ, защитникомъ боговъ или верховнаго бога, любителемъ охоты ²⁾. Въ такомъ смыслѣ его признаки сливаются съ другимъ божествомъ — богомъ Ниргал (Марсомъ), отъ котораго его даже трудно отличать. Его считаютъ ассирийскимъ Геркулесомъ, которому Raoul-Rochette посвящалъ известную монографію ³⁾, соединяющимъ въ себѣ качества Сатурна (Кроноса), Марса и Геркулеса. Подобно Геркулесу, онъ имѣлъ солярное значеніе и въ астральномъ мірѣ представлялъ одно изъ многочисленныхъ проявленій или перерожденій солнца, именно: солнце юга, знойное, палающее солнце ⁴⁾; но специально ему посвящена была планета Сатурна ⁵⁾, въ астрономическихъ таблицахъ называемая *lubat kaivanu*, звѣзда Кевана, или *lulim kaivan* ⁶⁾. Какъ и въ Греціи къ Сатурну (Кроносу), такъ вѣроятно и въ Халдеѣ къ Адару относились нѣкоторые похоронные обряды ⁷⁾. Къ эпохѣ воцаренія того же божества, Кроноса, Адара, язычники повидимому относили первое установленіе землевладѣнія, и возлагали на него заботы объ охранѣ земель и междъ ⁸⁾.

¹⁾ Въ нашемъ сказочномъ, мифическомъ мірѣ на оборотъ: змѣй считается символомъ пламени — Змѣй Горыничъ (Горыничъ отъ горю, горѣть).

²⁾ C'est le Dieu terrible, le Seigneur des braves, le destructeur des ennemis. *Ménant*, Syllab. II, 343. The hero of the gods, монолитъ въ Брит. муз. перев. Saucе'a, Rec. of the Past. I, p. 9, § 3. Mächtiger Kämpfe des Mulge (des Bels) *Lenormant*, Magie etc. p. 12 sqq. L'ancien des dieux, maître suprême, qui chevauche sur les nuages; онъ славится своими охотами, dieu chasseur; aucun dieu n'était plus constamment et généralement adoré que Adar, surtout par les Assyriens; ему посвящено было мѣсто, онъ именуется *sar parzalli*—roi de fer. *Lenormant*, Comment. de Bérose, p. 110 — 112.

³⁾ *Mém. de l'Acad. des Inscript.*, nouv. serie, 1848 г. XVII, 2 part.

⁴⁾ *Lenormant*, Magie, p. 137, 138.

⁵⁾ Какъ ея властитель, онъ именовался the high ruler of the Southern Sun. монолитъ Брит. муз. перев. Saucе'a въ Rec. of the Past I, p. 9 § 9.

⁶⁾ *lubat kaivanu*, c'est «Saturne»; dans tous les cas, c'est l'étoile de NIN-IP. *Ménant*, Syllab. II, 353 и 355. Сличи выше мѣние Мюнтера о распространеніи въ Азіи поклоненія божеству Кеван, Клуун (Кроносу).

⁷⁾ *R. Rochette*, *Mém sur l'Her. assyri.* l. c. v. s. Какъ и греческаго Кроноса, признаки Адара смѣшивались съ атрибутами подземнаго божества Аду (Hades, Pluto). *Lenormant*, Comment. de Bérose, p. 112.

⁸⁾ May Ninip (Adar), son of the Zenith, son of El the sublime, take away his lands, funds, and limits. Rec. of the Past, Michaux, Hankas IX 96, 1.06.

Богиню Gula обыкновенно считаютъ женою или спутницею Солнца, женскимъ началомъ, соответствующимъ солнцу, the female power of the sun ¹⁾, слѣдовательно луннымъ началомъ, и смѣшиваютъ съ божествами Anunit и Nana. На трехъ камняхъ Мардукдинакки, Гула величается женою Адара (the wife of Ninip). Ея имя, аккадійское, означаетъ „Великая“ ²⁾. Въ надписяхъ Michaux, Hankas и Bit-Ada, она именуется матерью, кормилицею, великою госпожею, великою царицею, великою женою Адара, она завѣдываетъ отравами и ядами, какъ Геката греческая или Артемида ³⁾. По всей вѣроятности, она воспроизводитъ тотъ рядъ представлений, который выразился въ градаци греческихъ женскихъ божествъ: Рея (Кибела, великая мать боговъ), Деметра (богиня великихъ мистерій) и ея дочь Персефона (Проверпина, повелительница преисподней, Аида).

Адара, съ прибавкою часто встрѣчаемаго эпитета—царь, Malik ⁴⁾ и его женскую спутницу — Gula, Anunit, Nana, узнаютъ въ именахъ Адраммелек, Аниммелек, обоготворяемыхъ жителями Сиппары (Sépharvaïm, 4 Царств. XVII, 31), и которые означали, по всей вѣроятности, солнце и луну, день и ночь, начало животворящее и пассивное, воспринимающее ⁵⁾. Въ данномъ случаѣ, на трехъ юридическихъ документахъ Халдеи, нами изучаемыхъ, Адаръ и Гула обозначали несомнѣнно родоначальника всѣхъ боговъ Кроноса (Сатурна) и великую мать боговъ Рею (Кабелу), не имѣя астральнаго или солярнаго значенія, такъ какъ солнце и луна изображены на тѣхъ же памятникахъ отдѣльными знаками.

Первый дуализмъ въ религиозныхъ вѣрованіяхъ, первое раздвоеніе понятія: божество, повидимому, появляется съ признаніемъ за истину идеи о вѣчномъ существованіи матеріи, теоріи, которой и въ наше время придерживаются нѣкоторые естествоиспытатели ⁶⁾. Сопоставле-

¹⁾ F. Rawlinson, The five gr. monarch. v. I, p. 161. Hist. of Herodot. I, p. 498.

²⁾ Gu-la, littéralement «la Grande», A-nu-ni-tav, *Ménant*, Syllab. II, 346. *Lenormant*, Comment. de Bérose pp. 97, 103, отождествляетъ три имени: Gula, Anunit, Malkit (царица) и сравниваетъ эту богиню съ греч. Гекатою („Артемисъ Геката“), богинею волшебства.

³⁾ Records of the Past. IX, 96, 100, 107.

⁴⁾ *Lenormant*, Comment. de Bérose. p. 112.

⁵⁾ *Rawlinson* l. c. v. s. Впрочемъ, форма Anammelek означаетъ мужское божество и вѣроятно же соответствуетъ божеству — Anu, Ana.

⁶⁾ Les chaldéens disent que la nature du monde (la matière) est éternelle etc. *Diod. Sic.* II, 30, 31; *Lenormant*, Orig. de l'Hist. p. 589.

не единому, первобытному, незримому божеству—другаго существа или другаго бытія, имъ не созданнаго, но только имъ оплодотворяемаго, и столь же вѣчнаго, впервые породило многобожіе. Въмѣсто одного Бога, всеобъемлющаго, изъ котораго все пріостекло, являются два божества, равноправныя, мужское и женское. Второе божество названо великою матерью боговъ, и то же понятіе, понятіе материн вѣчной, пассивной, оплодотворяемой, все изъ себя порождающей, болѣе или менѣе олицетворяется всѣми другими женскими божествами языческаго пантеона. Матеріализмъ, котораго начала нельзя не узнать въ этомъ ученіи, вездѣ, гдѣ бы ни проявился, развиваетъ самыя грубыя и низкія страсти въ народахъ; независимо отъ сего, указанный здѣсь первый религіозный расколъ долженъ былъ произвести потрясающее дѣйствіе на человѣчество и возбудить великую смуту, кровавыя раздоры: нѣкоторые изслѣдователи относятъ къ этому моменту раздѣленіе и разсѣяніе народовъ. Оттого мужскія божества, обозначающія второй фазисъ вѣрованій въ языческой теогоніи, значительны, по преимуществу, характеромъ грознымъ, бурнымъ, иногда снѣннымъ и кровожаднымъ, таковы: Кроносъ (Сатурнъ), Нептунъ (Посейдонъ, Хеа), Марсъ, индійскій Сива и т. д., а женскія божества, соответствующія той же степени развитія религіозныхъ вѣрованій, отличаются характеромъ мрачнымъ, таинственнымъ и хтоническимъ, таковы указанные выше—Рея (Кибела), Деметра, великая огня мистерій, и ея дочь Персефона, Артемида, ассирійскія Malkit, Iula, Anunit.

Три камня царя Мардукидинакки, которымъ посвятили мы это изслѣдованіе, намъ представляютъ мифологическіе памятники, въ высшей степени любопытные въ томъ отношеніи, что были предназначены, какъ документы юридическіе, къ обращенію въ обыденной жизни и требовали лишь освященія ихъ религіозными символами и молитвенными формулами; а потому, надо полагать, въ начертанныхъ на нихъ символическихъ знакахъ, они намъ передаютъ общепринятую систему вѣрованій, общеустановившуюся въ эпоху ихъ изготовленія, основные догматы Халдеевъ, народныя вѣрованія, общезвѣстныя въ то время и въ символахъ общепонятныхъ, не отвлеченныя теософемы какаго либо отдѣльнаго мыслителя и не мечтанія отдѣльныхъ личностей, каковыми во многихъ случаяхъ мы должны признать свѣдѣнія о той-же религіи, сообщаемыя поздними греческими писателями и въ особенности учеными Александрійской школы. Излагаемыя послѣдними различныя системы языческой теософіи и космогоніи, конечно, могутъ служить намъ по-

собіемъ до нѣкоторой степени, при разъясненіи символовъ Вос не измѣняютъ и не отрицаютъ, однако же, фактовъ, о кото свидѣтельствуютъ подлинныя памятники болѣе древней эпохи, которые должно быть обращено, по преимуществу, вниманіе дователя.

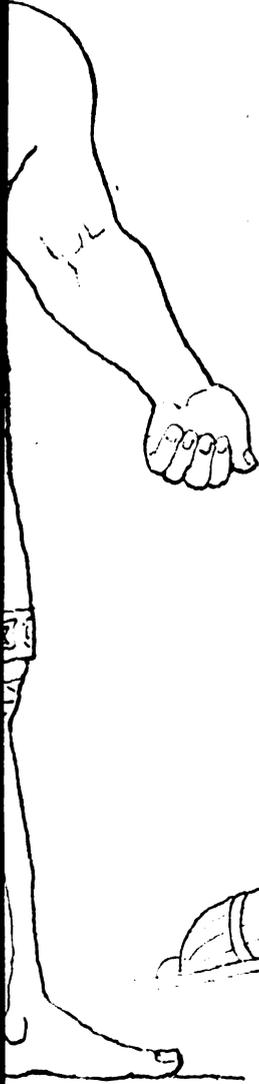
Повторимъ. Въ трехъ символахъ, нами указанныхъ, мы увидимъ во 1-хъ, основное божество Ел, Илу, небснаго бога, Урана Гр но съ атрибутами и характеромъ слѣдующей ступени развитія признаками понятій, присвоенныхъ культу хитроумнаго Кроноса во 2-хъ, божества Адара и Гулу, соотвѣтствующихъ собственно чesкимъ Кроносу и Реи, фазису, означающему первое раздвоеніе, первый дуализмъ, первыя послѣдствія того обмана, который ввергнулъ змѣй примитивное чesовѣчество.

Къ тремъ престоламъ, показаннымъ на камнѣ Bit-Ada, украинъ тремя символическими животными (фиг. 7, 8 и 9), мы до разумѣется, отнести триаду, упоминаемую въ надписи—Anu, Bel, Такой порядокъ именованія, вмѣсто обычнаго—Anu, Nea, Bel, чается не рѣдко.

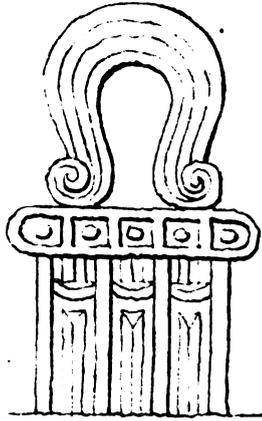
Основная триада составляла третій фазисъ религиозныхъ вѣр язичества, и божества, къ ней принадлежація, совмѣщали въ признаки предыдущихъ двухъ ступеней развитія; даже по числу жествъ, триада соотвѣтствуетъ двумъ предыдущимъ градамъ вмѣстѣ взятымъ, и такимъ образомъ служитъ какъ будто бы преніемъ, развитіемъ, болѣе точнымъ опредѣленіемъ, специфика понятій, выразившихся въ первыхъ двухъ степеняхъ религіознаго развитія. Для объясненія нашей мысли, и въ то же время для икованія символовъ, изображенныхъ на трехъ упомянутыхъ нами столахъ, слѣдуетъ указать на другой памятникъ скульптуры, найденный въ Куянджикѣ, въ развалинахъ дворцовъ древней Ниневы, находящейся въ настоящее время въ Британскомъ музеѣ (Thompson фотографія №№ 452 и 453; см. рис. прил. ниже табл. II фиг. 27, 28).

На мраморномъ барельефѣ Куянджика мы видимъ три божества. Первое съ непокрытою головою, изображаетъ мужчину, держащаго въ рукахъ такое же копье, какое водружено на первомъ изъ трехъ столовъ, изваянныхъ на камнѣ Бит-Ада (фиг. 7 и 26). Выраженіе лица этого перваго бога отличается замѣчательнымъ спокойствіемъ. Мы полагаемъ, онъ изображаетъ намъ первый фазисъ, первыи элементъ вѣрованій, добродушнаго Урана. Въ ассирійской и халде-

23.

24.

II.

25.

миеологіи ему соотвѣтствовало основное божество Ел, Илу или Ассуръ, а въ триадѣ древній Ану, котораго имя въ сущности означаетъ то же понятіе. Ану, Анув, Агиву составляетъ status emphaticus отъ корня Ап, который на аккадійскомъ языкѣ значитъ— „божество“, какъ Ел, Ил на языкѣ Сумировъ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что идеограмма, означающая боговъ, произносилась ап и имѣла значеніе „богъ, божество“.

Въ другомъ мѣстѣ мы имѣли случай указать, что и въ имени главнаго, господствующаго божества Ваала или Бел, Зевса, повторяется та же градація представленій, какая выражена въ основной триадѣ Ассиріанъ и Халдеевъ ¹⁾; одна изъ формъ этого имени соотвѣтствуетъ первому фазису вѣрованій, именно: древній Нимвродъ, Бел-Нипрут, великій охотникъ. Копье означаетъ промыселъ звѣролова. Вѣроятно, то же божество встрѣчается и на иныхъ ассирійскихъ памятникахъ, въ мощной фигурѣ съ непокрытою головою (въ ознаменованіе изображаемаго имъ примитивнаго народнаго быта, не знавшаго покрывки, ни покрывала) и съ пойманнымъ львомъ въ рукахъ, котораго онъ душитъ ²⁾.

Всѣ три божества, представленныя на рельефѣ Куюнджика, участвуютъ въ какой-то борьбѣ, они шествуютъ, идутъ противъ какого-то незримаго непріятели. Можетъ быть, барельефъ изображаетъ столь извѣстную титаномахію. И при такой обстановкѣ многозначительно невозмутимое спокойствіе, запечатлѣнное во всей фигурѣ божества Илу, Ану или Бел-Нипрут, въ выраженіи его лица и въ положеніи его копья, покой, весьма удачно изображающій счастливый, золотой вѣкъ Урана.

Второе божество составляетъ прямую противоположность первому. Въ немъ сохранилось человѣческаго только грудь и руки. Голова у него львиная, съ развергнутою пастью, напоминающею намъ значеніе и божества аккадійскаго Нса, и греческаго χαῖος (отъ χαίω, разверзать пасть, звать). Если сравнимъ рельефъ съ многочисленными скульп-

¹⁾ Статья Малтаія и Бавіанъ, v. s.

²⁾ Ленорманъ и Менавъ считаютъ эту фигуру за Адара, Syllab. II, 343, Bégoe, p. 110. Выше было уже указано, что признаки Илу, Ану, Адара отчасти сливаются. Бел-Нипрут соотвѣтствовалъ тѣмъ же божествамъ, какъ богъ-звѣроловъ, божество первобытное, древнее, отжившее, удалившееся отъ дѣлъ и жизни въ вѣсто отхожденія (гробницу) и въ преисподнюю. И въ греческой миеологіи сличаются также признаки: Урана и Кроноса, Зевса Кроноса и Гадеса (Аида); Зевсъ Χρόνιος, Σεράπης это—Hades (Аидъ, Ану, Pluto).

турами Ниневія, изображающими царскія охоты, то убѣдимся, что у божества уродливаго, нами описываемаго, голова львицы, а не льва; но тѣло, обнаженное до пояса, мужины, а не женщины. Вмѣсто ногъ, у него когти хищной птицы, руки подняты для нападенія и вооружены кинжаломъ и булавою; вся фигура представляетъ собою воплощеніе смуты, борьбы, вражды и злобы (фиг. 27). Невозможно было придумать болѣе удачнаго олицетворенія для передачи отвлеченнаго понятія о второмъ фазисѣ вѣрованій, для олицетворенія этого культа, погрузившаго человѣчество въ пучины разъединенія, вражды, мрачныхъ суевѣрій, кровавыхъ человѣческихъ жертвоприношеній, иступленнаго разврата и грубаго матеріализма.

Какъ будто бы для выясненія намъ характера этого страннаго божества, въ Куянджикѣ сохранился другой барельефъ, изображающій то же существо въ видѣ триады (табл. III фиг. 29), сгруппированной изъ трехъ совершенно тождественныхъ фигуръ, весьма оригинально сопоставленныхъ, выражающихъ готовность чудовища не только вести борьбу противъ внѣшняго врага, но даже противъ самаго себя, не только пожирать другихъ, но даже собственныя внутренности, со всѣми воевать, обращаясь на право и на лѣво, противъ всѣхъ попадающихся и встрѣчныхъ ¹⁾).

Третье божество изображено также въ положеніи и въ моментъ борьбы; но, во всей его фигурѣ и въ выраженіи лица замѣтна благородная энергія и царское величіе. Голова увѣнчана тиарою древняго образца, усвоенною божествамъ, украшенною тремя парами роговъ, числомъ, означающимъ, что это божество вмѣщаетъ въ себѣ оба предыдущія, всю триаду. Его руки въ какомъ то напряженіи, выражающемъ такое движеніе, какъ будто бы онъ бросаетъ, мечетъ что-либо обѣими руками, что либо невидимое—вѣроятно перуны, не изображенные на рельефѣ и которые были прежде обозначены, можетъ быть, красною краскою или металлическою придѣлкою, исчезнушею съ рельефа (фиг. 28). Последнее описанное нами божество, божество первенствующее, царствующее, какъ показываетъ его тиара, соответствуетъ греческому громовержцу Зевсу, Ζεὺς ἐριγύδοτος, вавилонскому Бел или Бел-Мардукъ, и собою олицетворяетъ третій фазисъ языческихъ вѣрованій, какъ и вся триада, взятая въ совокупности, которую онъ въ себѣ вмѣщаетъ.

Для болѣе яснаго истолкованія значенія третьей ступени рели-

¹⁾ Thompson, Brit. Mus. №№ 451 и 454.

гіозныхъ вѣрованій, приведемъ еще слѣдующее мнѣніе, высказываемое впрочемъ, только въ видѣ гипотезы, предположенія, болѣе или менѣе правдоподобнаго: первобытный монотеизмъ, постепенно ослабѣвая, перешелъ вѣроятно въ полный индиферентизмъ; божество, въ глазахъ своихъ поклонниковъ, лишилось своей живительной силы или, какъ выражались язычники, оказалось оскоплено ¹⁾. Противодѣйствіемъ столь пагубному направленію является энергическій и кровавый культъ Кроноса. Къ этой второй ступени развитія, по всей вѣроятности, относятся: крайній матеріализмъ, обоготвореніе матеріи и животныхъ, зооморфизмъ божества, самыя грубыя суевѣрія, колдовство и вызываніе мертвыхъ, человѣческія жертвоприношенія и вкушеніе крови жертвы, крови младенцевъ, крайняя вообще жестокость и нетерпимость. Явились рядомъ два божества: одно добродушное, но безсильное; другое грозное, ужасное. Третій фазисъ культа былъ реакціею, направленною противъ послѣдняго божества, протестомъ противъ изстуженнаго его культа, въ пользу древняго небснаго бога: но третій, новый культъ не въ состояніи былъ отрѣшиться отъ всѣхъ суевѣрій, навѣянныхъ вторымъ фазисомъ; онъ составлялъ попытку согласовать обѣ предыдущія системы вѣрованій, а потому воспринялъ ихъ въ себя и частью удерживалъ ихъ символы и преданія. Къ третьему фазису вѣроятно относятся: антропоморфизмъ божествъ, можетъ быть начатки пластическаго искусства, скульптуры и живописи, теософскія и космогическія системы, изъ которыхъ впослѣдствіи развилась философія, какъ наука, и вообще культъ разума, царство Зевса мыслителя, *μητις Ζεὺς*, который и составлялъ новое, третье видоизмѣненіе понятія божества, въ сущности божество, вмѣщающее въ себѣ предыдущія два божества, его породившія. Трѣмъ основнымъ божествамъ была сопоставлена матерія, вѣчная и не измѣняемая, какъ божество женское, оплодотворяемое силою первобытнаго разума (его сестра и жена); но потомъ, каждому изъ трехъ признанныхъ боговъ сопоставлено соотвѣтствующее ему женское божество; затѣмъ, обоготворены астральныя проявленія тѣхъ же силъ, стихійныя ихъ проявленія, различныя стороны ихъ дѣятельности, ихъ качества и т. д. до безконечнаго. Какъ только допущена была вѣчность матеріи, изъ этого сопоставленія двухъ существъ, какъ перваго начала всякаго бытія, съ неумолимою логикою истекали, безчисленными ручьями, всѣ извилины миеологическаго ла-

¹⁾ Мифъ о Кроносѣ, оскотившемъ Урана: Гезіодъ, *Θεογον.*, ст. 154—197.

биринта, въ которомъ такъ легко запутаться и растеряться, не имѣя въ рукахъ путеводной нити. Во всемъ здѣсь указанномъ блужданіи человѣческаго разума виновнымъ былъ искуситель, змѣй, главное божество Вавилонянъ.

Сличая символы, изображенные на трехъ престолахъ камня Бит-Ада, съ упомянутымъ барельефомъ Куюнджика, мы узнаемъ на первомъ престолѣ копье спокойнаго, невозмутимаго, счастливаго Зевса архаическаго, звѣролова Бел-Нипрут, котораго поклонники были разединены, разсѣяны, къ концу его царствованія, и разбросаны по всей землѣ (нирад или ниферад по еврейски означаетъ — разсѣяніе). На третьемъ престолѣ узнаемъ перуиъ Зевса атмосферическаго, Зевса громовержца, божества Бел или Меродах, Бел-Мардук; символъ, выступающій изъ втораго престола, требуетъ болѣе подробнаго изученія.

Второй фазисъ вѣрованій, запечатлѣнный характеромъ дуализма, распадается на двѣ стороны: огненную и влажную, культъ огня и культъ воды. Первому соотвѣтствуетъ по преимуществу второе лицо исторической триады — Кроносъ, Адаръ (въ триадѣ: Илу, Адаръ, Белъ); другое направленіе олицетворяется вторымъ лицомъ космической триады, божествомъ Хеа, Посейдономъ или Нептуномъ (триады: Ану, Хеа, Белъ). Первая же указанная нами сторона, огненное или солнечное начало, по преимуществу выражается въ мужскихъ божествахъ; вторая, водное или лунное начало въ божествахъ женскихъ. Вѣроятно, позднѣе признаки огненнаго культа преимущественно сосредоточились на воспоминаніяхъ о первой ступени развитія вѣрованій (смѣщеніе Илу и Адара, Урана и Кроноса), а второй фазисъ вѣрованій былъ запечатлѣнъ по преимуществу характеромъ водянаго культа.

Божеству Хеа, какъ представителю втораго фазиса были присвоены и змѣй, драконъ, символъ огненнаго культа, и рыбы — символъ водянаго. Какъ представителю огненнаго культа ему было посвящено созвѣздіе дракона, Киммат ¹⁾, а не божеству Кеван или Адар, какъ полагалъ Мюнтеръ; послѣднему принадлежитъ планета Сатурнъ (звѣзда Кевана), самая отдаленная отъ солнца, центра

¹⁾ Nu-Kimmut, le dieu de la constellation du Serpent, W. A. I., II pl. 58, 54; G. Rawlinson, The five great monarch I, 154; *Ménant*, Syllab. II, 340, *Le-normant*, Comment. de Bérose 129, *Magie* p. 28.

жизни, живущая на послѣднемъ, огненномъ, седьмомъ небѣ ¹⁾. Проявляясь въ символѣ змѣя, второе лицо триады, Хеа, въ то же время, изображается и лично самъ въ видѣ рыбы. Его узнаютъ на барельефахъ Ассиріи, по описаніямъ довольно поздняго писателя, Бероза (жившаго, какъ полагаютъ, въ III вѣкѣ до Р. Х.), въ томъ чудовищѣ, которое составлено изъ человѣческой головы съ шапкою (митрою) въ видѣ рыбьей головы, изъ туловища, крытаго рыбьею чешуею въ видѣ плаща съ рыбьимъ хвостомъ, и съ ногами человѣка, иногда же изображаемаго въ видѣ получеловѣка, полурыбы. Хеа живетъ въ безднѣ, вѣроятно въ океанѣ, окружающемъ землю, въ пучинѣ водной. По сказаніямъ Бероза, въ описанномъ выше ви́шнемъ видѣ, Хеа, Оаннес, разумная рыба, выходилъ изъ Эритрейскаго моря (Персидскаго залива) и сообщалъ Вавилонянамъ знанія, науки, учреждая въ то же время ихъ законы ²⁾. Въ тройственномъ имени господствующаго божества Ваала (Бел-Нипрут, Бел-Даган, Бел-Мардук), второе имя означаетъ также божество рыбу (даг — рыба), и при современномъ состояніи науки трудно опредѣлить, кого именно изъ двухъ божествъ: Хеа или Дагона, изображаютъ барельефы Ассиріи въ фигурахъ, нами выше указанныхъ, въ божествѣ, покрытомъ чешуею рыбы, и въ полу-человѣкѣ, полу-рыбѣ. По всей вѣроятности признаки и значеніе обоихъ божествъ сливались; на рельефахъ попадаются даже двѣ фигуры рядомъ, совершенно схожія по формѣ и величинѣ, божества полу-человѣка, полу-рыбы (Хеа и Дагонъ вмѣстѣ) ³⁾. Рыбы, по своей способности къ быстрому размноженію, служатъ символомъ плодородія, и Дагонъ, которому онѣ посвящены, считался божествомъ оплодотворенія; вѣроятно тоже качество приписывалось и божеству Хеа, такъ какъ влага одно изъ условій плодородія. Этою стороною, какъ сила оплодотворяющая, онъ совпадаетъ съ Марсомъ, Аресомъ (ἄρρη) и другими божествами, спеціально предстоящими жатвѣ, свадьбамъ и родамъ. Хеа, какъ законодатель, наставникъ, олицетворяетъ въ то же время божественный разумъ, и въ этомъ отношеніи имѣетъ сходство съ Гермесомъ, Nabu, пророкомъ, истолкователемъ воли боговъ ⁴⁾. Въ ассирійской мифологіи Хеа считается

¹⁾ *Lenormant, Bérose*, p. 373.

²⁾ *Lenormant, Bérose*, p. 6, 10, 11.

³⁾ *Lenormant, Bérose*, p. 67, 68; *Lajard, Culte de Mithra*, pl. 72 № 1 и 2. *Münter, Relig. d. Babyl.* pl. II, fig. 18.

⁴⁾ *Lenormant, Bérose*, p. 114, 115.

сыномъ бога Ану, Белъ сыномъ божества Хеа. Белъ (его аккадійское имя—Мул-ге) является не болѣе, какъ исполнителемъ повелѣній своего отца Хеа (и деміургомъ), и постоянно прибѣгаетъ къ его совѣтамъ¹⁾.

Изъ середины втораго престола, изображеннаго на камнѣ Бит-Ада, выступаетъ гладкій стволъ, нѣчто въ родѣ змѣйнаго туловища или туловища пиявицы, оканчивающійся головою змѣя или дракона съ большими глазами и внизъ опущенными длинными ушами. Голова этого чудовища обломана на камнѣ Мичаух, но тѣло ясно видно у его основанія на поверхности престола, и покрыто чешуями²⁾.

Драконъ, символъ божества Хеа, выступающій изъ середины престола или жертвенника, въ томъ видѣ, въ какомъ изображенъ на камнѣ Бит-Ада, имѣетъ сходство съ подобнымъ же изображеніемъ, вырѣзаннымъ на скалахъ Бавіана, съ тою только разницею, что въ скульптурахъ царя Сеннахериба змѣиное туловище, выступающее изъ середины престола, скорѣе напоминаетъ коническую подставку, чѣмъ змѣиное туловище и заканчивается головою овна, барана, съ круглыми, внизъ загибающимися рогами, символомъ, посвященнымъ Аресу³⁾. Выше мы указали на нѣкоторое сходство греческаго Ареса и асси-

¹⁾ Какъ божество великой бездны, представитель втораго этажа вѣрваній, Хеа имѣетъ нѣкоторое сходство и съ предшествующими ему божествами: Илу, Адаръ, Ану. Въ своемъ изданіи «Essai de Comment. des Fragm. Cosmog. de Bêrose» 1871 г. Lepontant постоянно смѣшиваетъ бога Хеа и бога Ану, отчего происходятъ масса несообразностей въ выводахъ почтеннаго автора. Это снѣшеніе, повидному, основывалось преимущественно на созвучіи имени Ану и названія у Бероза божества — рыбы Оаннес. Повиднѣе г. Lepontant прискалъ болѣе правильную этимологію для объясненія транскрипцій: Бероза Oannes Гелладія Oēs, Гигина Euabanes, именно—аккадійское имя этого божества Ea-khar, что значитъ Ea-рыба, и исправилъ свои прежнія недоразумѣнія, объясняя это божество, эпитетами: die göttliche Weisheit, man möchte fast sagen das Wort, das All durchdringt, belebt und lenkt, Beherrscher des Meeres etc. Anfänge d. Cultur. II, p. 94, 96, Magie d. Chald., pp. 123 и 167, p. 5 note 5 и прил. I, 376.

²⁾ Мюнтеръ, не имѣвъ случая сличить обломанной фигуры съ ея повтореніями на другихъ памятникахъ, и судя по ея основанію, принялъ ее за стволъ дерева изъ породы пальмовыхъ: Etwas wie ein Baumstamm. Relig. d. Babyl., p. 112.

³⁾ По крайней мѣрѣ, судя по рисункамъ, изданнымъ г. Лайардомъ Niniveh and Babylon изд. 1853 г., I, 212. Напротивъ, при самомъ внимательномъ изученіи фотографій, снятыхъ съ камня Бит-Ада, мы не усмотрѣли на послѣднемъ ничего похожего на голову барана; уши, висяція позади головы дракона не похожи на рога, и сходятся съ ушами другихъ животныхъ, изображенныхъ на томъ же камнѣ и на камняхъ Hankas и Michaux.

рійскаго Хеа, какъ божествъ, олицетворяющихъ, между прочимъ, мужескую производительную силу природы, силу оплодотворяющую; то же сходство, но не тождество, усматривается и въ присвоенныхъ имъ символахъ. Не отрицая, что змѣй или драконъ, посвященный божеству Хеа, принадлежитъ къ символамъ огненнаго культа, мы не находимъ, однако же, въ этомъ божествѣ того характера враждебнаго, злаго и боеваго, которымъ отличаются Адаръ (Кроносъ) и Ниргаль (Аресъ, Марсъ); напротивъ, его просвѣтительная, законодательная, умиротворяющая дѣятельность, его высокій разумъ, переносятъ насъ въ совершенно иную область представлений ¹⁾.

Руководствуясь изложенными здѣсь соображеніями, мы узнаемъ въ указанномъ выше барельефѣ Куянджика упомянутую уже нами историческую триаду: Илу, Адар, Бел (Урана, Кроноса и Зевса); историческою мы ее называемъ потому, что божества, ее составляющія, проявлялись, жили и царствовали одинъ послѣ другаго въ исторической послѣдовательности. На камнѣ Бит-Ада изображено другое проявленіе тѣхъ же силъ, триада космическая: Ану, Хеа, Бел, соответствующая греческимъ Аиду, Посейдону и Зевсу (Плутону, Нептуну и Юпитеру); космическою ее называемъ потому, что божества, ее составляющія, при своемъ воцареніи, раздѣлили и распредѣлили между собою вселенную: древній Ану поселился въ преисподней и подземномъ царствѣ гробовъ; Бел управлялъ атмосферическими явленіями и движеніями небесныхъ свѣтилъ надъ землею; Хеа получилъ въ удѣлъ обитель всѣхъ людей и животныхъ—поверхность земную и окружающую ее водную пучину ²⁾.

Въ третьемъ фазисѣ вѣрованій, такимъ образомъ, господствуютъ три божества, составляющія одно; или же царствуетъ одно божество, новое, проявившееся третьимъ по порядку и распадающееся на три формы представлений; эти три формы представлений составляли основную триаду—Ану, Хеа, Бел, повторяющую прежнюю историческую триаду—Илу, Адар, Бел, и выражаемую также въ трехъ именахъ

¹⁾ Неа именуется: le Seigneur de l'intelligence, Salmanu, le sauveur. Еще въ 1873 г. Ménapant читалъ его имя Nisruk, хотя и сознавалъ, что это чтеніе весьма сомнительное. См. Syllab. II, 341, 183 и 236. Lenormant въ издан. 1871 г. Compt. de Bégoze, придерживался того же чтенія.

²⁾ Идеограмма, изображающая его имя ВІТ, и фонетически произнесенное аккадійское его имя Еа, имѣютъ значеніе: домъ, обитель.

главнаго царствующаго божества, Бел или Ваала, въ именахъ—Бел-Нипрут, Бел-Даган, Бел-Мардук ¹⁾. Ленорманъ относитъ къ царствованію Саргона древняго (за 2000 л. до Р. Х.). приведеніе въ правильную систему—миеологіи аккадовъ и сумиравъ, и установленіе основныхъ догматовъ ихъ религіи. Жрецы города Сиппары ²⁾, по порученію Саргона, пытались согласовать значеніе различныхъ божествъ, уже обоготворяемыхъ и признанныхъ въ разныхъ городахъ его царства, согласовать также значеніе каждаго божества съ различными астральными, атмосферическими, стихійными, психическими явленіями и привести въ одну общую, правильную систему вѣроученія и мѣн, установившіеся въ различныхъ мѣстностяхъ ихъ отечества. Последствіемъ этой работы былъ обширный трактатъ, многочисленныя отрывки изъ котораго дошли до насъ и найдены въ Ниневійской бібліотекѣ Ассурбанипала ³⁾. Г. Lenormant замѣчаетъ, что божество Плу появляется довольно поздно; въ древнѣйшихъ памятникахъ его постоянно замѣняетъ Ану, живущій еще на небѣ, а не въ преисподней: еще позднѣе выдѣляется Ассуръ ⁴⁾. Бел (Вааль, Бахал), означая въ переводѣ властелинъ, владыко, le Seigneur, въ началѣ вѣ-

¹⁾ По поводу рельефа Куянджика, мы выше упоминали о титаномачіи. Оговоримся: хотя у позднихъ писателей и встрѣчаются намеки на существованіе подобнаго мѣна въ Вавилонѣ (Zervan, Titan, Japetoste Моисея Хоррен.), но подлинными памятниками Ассиріи и Халдеи это обстоятельство еще не подтверждено. Ассирійскіе боги имѣли другаго врага, съ которымъ часто на рельефахъ ведутъ борьбу (мѣн, послужившій, можетъ быть, основаніемъ для греческой передѣлки въ титаномачію). Это были демоны тьмы, не переносившіе свѣта дневнаго, чуждовица, составленные изъ различныхъ частей тѣла человѣка и животныхъ. Ихъ произвела, по показанію Бероза, женщина, по имени Оморока; далѣе Берозъ продолжаетъ: «ее называютъ Халдеи Thavatth, что значитъ по гречески—море, ее отождествляютъ также съ луною». Оморока въ ассирійской транскрипціи составить: Umuguk, мать города Uruk, Эрехъ Вавилон, гдѣ было главное кладбище Вавилона, слѣдовательно она — царица преисподней *Lenormant*, *Comm. de Bérose*, pp. 12, 85.

²⁾ Города книгъ; такъ называлась восточная часть города, въ западной части котораго, именуемой Agané, находилась резиденція Саргона древняго. *Lenormant*, *Anfänge der Cultur*. II, p. 78; *Magie d. Chald.*, p. 111 и 134.

³⁾ *Lenormant*, *Magie v. s.*

⁴⁾ Anu, le dieu primordial analogue à l'Ouranos des Grecs. *Orig. d. l'Hist.*, p. 242. Ilu (Assur) se dégage tardivement, ib p. 525 sq. *Magie der Chaldäer*, p. 113. Anu als Himmel, zeit und Welt, греч. Aeon, римск. Saeculum, Varuna, Uranos «Vater der Götter», alle Eigenschaften die man später für Ilu in Anspruch nahm. *Magie*, p. 141, 142.

ражалъ то же понятіе, что и предыдущія три божества, но потомъ, съ нимъ отождествляется Мардукъ, составлявшій особое представленіе и весьма второстепенное божество атмосферическое, и новое божество Бел-Мардукъ дѣлается главнымъ и господствующимъ божествомъ Вавилона.

Приводимъ эти указанія, какъ гипотезы, не доказанныя еще во всѣхъ пунктахъ. Жрецы Сиппары, конечно, не могли и не рѣшились бы измѣнить народныхъ вѣрованій; а если бы посягнули на такое святотатство, имъ не послѣдовалъ бы народъ. Убѣжденія не могутъ быть навязываемы простымъ распоряженіемъ власти. Если корпораціи жрецовъ удалось привести въ правильную систему божества и именъ различныхъ городовъ, то матеріалъ для такого согласованія долженъ былъ заключаться въ самой сущности преданій и религиозныхъ повѣрій. Сходство по значенію вокабулъ: илу, ану, ассур, бел, багал, выражающихъ общее, неопредѣленное понятіе „богъ, владыка“, при ихъ произвольномъ употребленіи въ письменныхъ памятникахъ, крайне затрудняетъ изысканіе и разъясненіе — которое изъ указанныхъ именъ божества ранѣе заслужило почести всеобщаго народнаго поклоненія. Гораздо правдоподобнѣе можемъ дѣлать выводы, по этому предмету, изъ дошедшихъ до насъ символическихъ знаковъ и мѣовъ (разказовъ) язычества, нежели изъ частаго или не частаго употребленія того или другаго имени въ памятникахъ данной эпохи. Въ изложенныхъ здѣсь фактахъ для насъ особенно любопытно то указаніе, что за 2000 л. до Р. Х. уже была предпринята работа по научному, систематическому изложенію вѣрованій и мѣовъ. Работа систематизированія, согласованія и вообще опредѣленія значенія и свойства различныхъ божествъ, ихъ взаимныхъ отношеній, ихъ вліянія и проявленій въ мірѣ видимомъ, по всей вѣроятности, продолжалась и послѣ Саргона. По свидѣтельству Плинія и Страбона еще въ I вѣкѣ послѣ Рождества Христова существовали коллегии жрецовъ, пользовавшіяся извѣстностью по своей учености, въ городахъ Эрехъ (Орхое) и Борсиппа, въ Вавилонѣ и Сиппарѣ (Sippara); они составляли самостоятельныя, независимыя другъ отъ друга школы вѣроученія, и ихъ мнѣнія по различнымъ вопросамъ догматики не всегда совпадали ¹⁾.

¹⁾ Plin. Hist. Natur. VI, 26; Strabo XVI, 1, § 6; *Münter*, Rel. d. Babylon., p. 92; *Lenormant*, Anfänge d. Cultur. II, p. 74. Намъ Приходится въ настоящемъ изслѣдованіи всего чаще ссылаться на изданія г. Денормана. Причина тому

Символическія животныя, которыми украшены съ передней стороны престолы на камнѣ Бит-Ада, изображаютъ: первое (фиг. 7), у престола божества Ану, дракона, котораго змѣнный хвостъ исчезаетъ позади престола, тѣло льва, голова фантастическаго животнаго, украшенная двумя рогами и съ длинными вниз опущенными ушами. Третье животное (фиг. 9), у престола божества Бел, изображаетъ такого же дракона, но съ пастью, дышащею пламенемъ, что составляетъ указаніе на перуны Зевса атмосферическаго. Второе животное (фиг. 8), украшающее престолъ божества Хеа, походитъ на быка, съ копытами на переднихъ ногахъ; задняя половина его туловища скрыта за престоломъ. По искривленію роговъ, по туловищу, покрытому мѣхомъ, по ногѣ приподнятой и согнутой, какъ будто бы готовой дать прыжокъ, иные изслѣдователи считаютъ эту фигуру за козла ¹⁾. Козель и быкъ, и баранъ, котораго голова изображена на скалахъ Бавіана, въ языческой символикѣ обозначали животную производительную силу самца, понятіе, равно примѣнимое къ божеству Хеа (Посейдону, Нептуну) и къ Аресу (Марсу).

На камнѣ Миснаух мы видимъ тѣ же три престола, съ тѣми же символами, на нихъ возложенными, и съ тѣми же животными, съ тою только разницею, что изображены они въ слѣдующемъ порядкѣ: въ нижнемъ ряду, поступая, какъ и на камнѣ Бит-Ада, на встрѣчу изображенныхъ фигуръ и животныхъ, 1) престолъ и животное Ану, 2) престолъ и огнедышащій драконъ божества Бел; въ верхнемъ ряду надъ ними—3) два престола съ тиарами Адара и Гулы и 4) престолъ Хеа съ его быкомъ или козломъ и змѣемъ, отъ котораго видно ясно только начало туловища, исходящаго изъ престола, но голова обло-

весьма понятна: въ большинствѣ случаевъ съ его мѣткими согласуются показанія и другихъ ассиріологовъ; едва ли не болѣе другихъ, онъ издавъ изслѣдованій, специально посвященныхъ изученію вѣрованій Ассирій и Халдеи; въ его изданіяхъ находимъ массу цитатъ, указаній на первые источники, которыя не всегда мы считали необходимымъ повторять, довольствуясь ссылкой на его труды. Независимо отъ сего, работы этого ученаго для насъ особенно драгоценны потому, что г. Ленорманъ, какъ самъ поясняетъ (Magie, p. 263), специально занимался изученіемъ языка Ахкадовъ, столь важнаго для разумнѣя религиозныхъ преданій древней Халдеи.

¹⁾ A winged goat kneeling. Rec. of the Past, IX, 93. Но крмльевъ у него не имѣется. Es hat die Bildung eines Ziegenbocks, der ovīs στραφικέρως; Millin vergleicht unsern Bock mit den Tragelaphen der Griechen und mit dem Persischen Bahram. Münster, Relig. d. Babyl., p. 112, 113.

мана. Порядокъ означенія триады соотвѣтствуетъ здѣсь надписямъ: Ану, Бел, Хеа.

На камнѣ Нанкас изображены тѣ же пять престоловъ, но въ обратномъ порядкѣ: поступаая не на встрѣчу животныхъ, а по направленію головы животныхъ, узнаемъ престолы—Ану, Бел, Адар, Гула, Хеа. Престолъ Хеа здѣсь изображенъ безъ символическаго животнаго (фиг. 22), и на немъ, вмѣсто змѣя, показана черепаха. Черепаха въ греко-римской символикѣ была посвящена Гермесу (Меркурію), изображалась даже крылатою, какъ на кругломъ жертвенникѣ Лувра ¹⁾. Можетъ быть, означенная амфибія (отъ греч. *ἀμφίβιος*, двухжизненный) была посвящена Меркурію, какъ божеству надземному, живущему на Олимпѣ и въ то же время подземному, сходящему въ Аидъ, какъ водитель умершихъ въ преисподню. Крылатая черепаха означала его тройственный видъ, его присутствіе въ воздухѣ, на землѣ и въ водахъ подъ землею. Символь на камнѣ Нанкас намекаетъ на сродство понятій Хеа и Меркурія, о которомъ уже мы упоминали. Животное, способное жить одновременно на сушѣ и въ водѣ указываетъ нештунической характеръ божества Хеа.

На камнѣ Мисаух изображенъ еще шестой престолъ (табл. II, фиг. 24), безъ животнаго, украшенный знакомъ въ видѣ подковы. На томъ же камнѣ, въ надписи, къ основной триадѣ присоединена „Великая Богиня“, the Great Goddess, по всей вѣроятности спутница господствующаго божества Бел, женское существо, ему соотвѣтствующее по имени и значенію, Белтисъ или Белит, къ которой и относимъ указанный нами шестой престолъ и знакъ, на немъ изображенный. Престолъ, ей присвоенный, и титуль, эпитеть—„Великая“, указываютъ на ея значеніе, равное божествамъ символической діады и символической триады, имѣющимъ такіе же престолы; а символическій знакъ, помѣщенный надъ престоломъ, напоминаетъ головной уборъ богини Изиды или Атхоръ (Hâthor) на египетскихъ памятникахъ, воспроизводившій природные волосы женщины (какъ символъ природы рождающей), разчесанные на обѣ стороны лица (какъ символъ дуализма) и съ концами, завитыми въ локоны по плечамъ, или той же формы парикъ, *afnet ent Hathor* (wig of Hâthor). Красивый образецъ упомянутой прически, часто встрѣчаемой въ скульптурахъ Египта, можемъ указать на каменной баркѣ, хранящейся въ Британскомъ музеѣ; парикъ богини образуетъ нѣчто въ родѣ носоваго украшенія

¹⁾ *Millin, Mytholog. Gallerie, вѣмец издан. 1848 г. pl. XXIX, 87 f.*

у барки ¹⁾. Тотъ же символъ, въ видѣ подковы или парика, означающій богиню Белтисъ, повторяется и на камняхъ Napkas и Bit-Ada (табл. I, фиг. 15), но безъ престола, въ числѣ символическихъ знаковъ болѣе мелкихъ, втораго ряда ²⁾.

Тотъ же знакъ напоминаетъ и верхнее украшеніе, почти всегда прилагаемое къ ассирійскому крылатому диску, изображающему основное божество Ассура, съ тою только разницею, что надъ дискомъ этотъ орнаментъ болѣе разогнутъ (табл. III, фиг. 30, 38, 45); иногда изъ-подъ него выбѣгають два конца головной повязки, тесьмы, *отѣмл.* Ассуръ изображался на скульптурахъ Ассиріи въ видѣ диска, круга, кольца (символъ вѣчности, не имѣющей ни конца, ни начала, основная монада); надъ дискомъ покоится упомянутый головной уборъ, парикъ или повязка (символъ женственности, материи, дуализма); къ тремъ сторонамъ диска обыкновенно примыкають, направляясь въ три разныя стороны, тремя лучами, покрытыя перьями два крыла и хвостъ птицы (Зевесова орла, *ἀγτός*, означающіе символическую триаду), изъ диска весьма часто выступаетъ бюстъ самаго божества, увѣнчанный тѣаромъ, образующій въ вертикальномъ своемъ положеніи, съ хвостомъ птицы, съ которымъ сливается, и съ горизонтальными двумя крылами—крестообразное начертаніе ³⁾. То же символическое значеніе имѣла идеограмма божества AN: вертикальный клинъ означалъ монаду, двойной горизонтальный клинъ—дуализмъ, оба вмѣстѣ триаду, и крестообразное ихъ начертаніе выражало понятіе всеобъемлющаго.

Какъ имя основнаго, царствующаго божества Bel, Bilu, означало „владыка, повелитель“, такъ имя его спутницы, соответствующаго ему женскаго проявленія—Belit, Bilta (у греческихъ и римскихъ писателей Beltis, Baaltis), переводится: „госпожа, повелительница“; *bilutiya*—„моя госпожа“, общій эпитетъ всякаго женскаго божества. Вааль, Бел, какъ божество господствующее, царствующее, вмѣщаль въ себѣ

¹⁾ См. прил. рис. табл. II, фиг. 25 и *Thompson*, Brit. Mus. photographia № 208, Block granite statue of Mutemua, mother of Amenophis III, in a boat with ends in shape of the goddess Athor. Karnak, 1380 г. до Р. X.

²⁾ Мюнтеръ справедливо замѣчаетъ: *Dass es aber kein Hufeisen ist, lehrt de Augenschein*; и почти отгадывая истинное значеніе разсматриваемаго нами символа, называетъ его *der Schleier der Natur, wie der, der Isis bei den Aegyptern, ein Schleier des Verborgenen. Relig. d. Babyl. p. 111.*

³⁾ Изображеніе этой символической фигуры см. въ рисункахъ, приложен. къ ст. «Малтаія и Бавіанъ», фиг. 9 и 10; *Bawlinson*, The five gr. Monarch. II, 232 и д. уг.

понятіе основнаго божества Ел, Илу ¹⁾). Точно также его спутница Белтисъ по преимуществу олицетворяла собою основное женское божество, природу раждающую, матерію вѣчную и неизмѣняемую. Оба вѣстѣя, они соотвѣтствовали: Зевсу и Герѣ, Кроносу и Реѣ, Урану и Гайѣ (небу и матери землѣ). Поэтому, на камнѣ Мисаух, на которомъ упоминается въ надписи богиня, вслѣдъ за именами основной триады, имя Бел замѣнено въ триадѣ болѣе общимъ, ему соотвѣтствующимъ, именемъ божества—Ел; и на томъ же камнѣ символу богини присвоенъ престоль, слѣдовательно, ей придается болѣе значенія, ея понятіе и представленіе выдвигаются впередъ, усиливаются. Не забудемъ, что въ надписи рѣчь касается приданаго, выдаваемого за невѣстою, и совершенія брака. Усиленное выраженіе значенія богини Белтисъ (принципа женственности и брачнаго начала), на такомъ памятникѣ—весьма умѣстно и прилично.

Начало женственности, понятіе женской производительной силы природы, сосредоточиваясь по преимуществу на богинѣ Белтисъ, за тѣмъ раздвѣивается въ ассирійской мифологіи на два существа, Istar и Bilita, заключающія: 1) понятіе матери раждающей и кормящей, супруги вѣчно-юной (Belit, Bahalath, Гера, Юнона), и 2) понятіе любви, чувственнаго наслажденія (Istar, Hashtereth, Астартя, Афродита, Венера). Та же богиня Белтисъ распадается, наконецъ, и на триаду—Anat, Davkina и Bilita. Аната, которой имя съ женскимъ окончаніемъ ath, ah, соотвѣтствуетъ божеству An, Anu, Ана, по всей вѣроятности была тождественная или схожая съ богинями Allat, персид. Anahita, Anahita, египет. Neith, и въ позднемъ перерожденіи превратилась въ греческ. Athene (ассир. Sala, Tala). Въ мифологіи Ассиріяны и Халдеевъ она была богинею гробовъ и преисподней, именовалась на языкѣ Аккадовъ: Nin-ki-gal, „Госпожа земли великой“ или страны великой, страны, изъ которой нѣтъ возврата; Nin-gis-zida „госпожа волшебнаго жезла“, жезла заклинаній, и служитъ обычной спутницею бога Ану. Ея перерожденіями слѣдуетъ считать созвучную ей по имени богиню Anunit или Gula и богиню Tala (θάλασσα), Sala, Шала, изображенную на скалахъ Бавіана близъ Ниневіи ²⁾). Къ той же богинѣ Anat относятся эпитеты Um-Uruk (Ομόρωχα), мать города Эреха

¹⁾ Выше было указано смѣшеніе въ томъ же смыслѣ понятій: Оеіона (Урана) и Зевса.

²⁾ Lenormant, Magie p. 12, 60, 116, Bérose 331; Ménant, Syllab. II, 344 sqq.

(Ἐρεχθῆ), города гробовъ, или Belit-Uruk, госпожа города Эреха ¹⁾. Davkina или Dam-ki-na, не имѣя на языкѣ Сумировъ особаго названія, удерживала въ ассирійскихъ текстахъ свое аккадійское имя, которое переводится: la dame Terre, Δη-μήτηρ или Δη-μάτηρ, мать земля, Ceres, у Римлянъ; какъ и Деметра или Церера, она служитъ обычно спутницею Посейдону (Нептуну, богу Хеа). Аккадійское имя богини Belit было Nin-gal или Nin-gelal „Госпожа великая“, the Great Goddess надписи Michaux ²⁾.

Въ примѣрѣ, какъ удобно въ миѳологіи Ассиріянъ и Халдеевъ одно божество замѣнялось другимъ, въ различныхъ серіяхъ мужскихъ или женскихъ божествъ, приведемъ извѣстную миѳическую таблицу Британскаго музея, въ которой объясняется значеніе слова dil-bat (Δελεφάτ греч. писат.), обозначающаго планету Венеру: при восхожденіи солнца, сказано въ таблицѣ, это AN Istar kakkabi, богиня Иштар между звѣздами; при захожденіи солнца—AN Belit ilui, богиня Белитъ между богами или повелительница, царица боговъ ³⁾. Имя Istar заключало въ себѣ такое же общее, неопредѣленное понятіе божества, женскаго начала, олицетворенія природы, какое имѣло имя Билты „госпожа“, какое, по всей вѣроятности, имѣли первоначально имена и богини Anat, Anunit (Gula), производныя отъ An, Anu (богъ); во множественномъ числѣ слово istarati весьма часто обозначаетъ „богини“ вообще: ilui au istarati, „боги и богини“ ⁴⁾, ilâni au istarâti asibuti Assur, „боги и богини, обитающіе Ассирію“ ⁵⁾. На каменныхъ Нанкас и Bit-Ada мы усматриваемъ слѣдующую триаду женскихъ божествъ: Anunit или Gula въ нижнемъ ряду, какъ богиня преисподней, повелительница нижней гемисферы земнаго или небеснаго шара, она сопутствуетъ Адару (Кроносу); Belit помѣщена во второмъ ряду, въ срединной полосѣ символическихъ знаковъ, какъ представительница земли, обители и жилища смертныхъ, замѣняющая въ этомъ случаѣ Давкину, обычную спутницу бога Хеа; Istar показана въ астральномъ

¹⁾ Lenormant, Bérose, p. 85.

²⁾ Lenormant, Bérose p. 459, Ménant, Syllab. II, p. 345.

³⁾ W. A. I. III, 53, № 2, II. 36, 37; Ménant, Syllab. II, 353; II. 30—35 той же таблицы въ нѣмец. изд. Magie Ленормана переведены такимъ образомъ: Der weibliche Stern ist der Venus stern, weibl. bei Sonnenuntergang, männlich bei Sonnenaufgang; bei Aufgang sein Name ist die Göttin von Agané (Anunit), bei Untergang—von Erech (Anat). p. 117.

⁴⁾ Ménant, Syllab. II, p. 346.

⁵⁾ Lenormant, Comm. d. [Bérese, 118.

міръ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ и солнцемъ, на вершинѣ или въ центрѣ верхней гемисферы (сегмента). На камнѣ Michaux усматриваемъ иное положеніе—четыре престола помѣщены рядомъ, принадлежащіе божествамъ: Belit, Héa, Adar и Gula; подъ ними находятся два престола Ану и Ваала. Такимъ образомъ, символы женскихъ божествъ, престолы Билты и Гулы, съ символомъ Иштары надъ ними, образуютъ идеальный треугольникъ \triangle ; тогда какъ символы четырехъ боговъ образуютъ квадратъ \square , двѣ геометрическія фигуры, служащія основаніемъ всякой видимой пластической формы.

На самой вершинѣ идеальной гемисферы, то-есть, въ центрѣ сегмента, заключающаго символическіе знаки, на камняхъ Hankas и Bit-Ada, усматриваемъ изображенія мѣсяца, солнца и звѣзды, къ которымъ относимъ упоминаемую въ надписяхъ триаду: Sin, Samas, Istar (фиг. 17, 18, 19). На камнѣ Michaux изображеніе полумѣсяца обломано, но другія два свѣтила весьма ясно обозначены. Имя Sin или Sinu означало на языкѣ Сумировъ мѣсяць, какъ свидѣлствуютъ многочисленныя ассирійскіе тексты и поздніе греческіе писатели, а на языкѣ Аккадовъ произносилось: Is, Esseb или, какъ полагаетъ г. Lenormant, Aki, Epi-zuna ¹⁾. Въ гимнѣ, посвященномъ мѣсяцу, какъ божеству, онъ именуется: „biluv или bel, владыка, управляющій всѣми богами, которые живутъ на небѣ и на землѣ; единый величавый, abu—отець, AN pannaг—богъ сіяющій, божество доброе (dhabu), божество великое, ilu Sinu, владыка города Урѣ, царствующій въ храмѣ, наполненномъ истуканами (bit samulli, евр. самел); распредѣлитель царскихъ вѣнцовъ; его власть (sarut или sarutav) выше всякой другой, царствуй надъ богами и т. д.“ ²⁾. Въ надписяхъ на трехъ камняхъ Мардукидинакки онъ называется: „сіяющій, живущій, кружащійся въ небѣ“; онъ насылаетъ проказу и дикихъ звѣрей, блуждающихъ по ночамъ за стѣнами города ³⁾. Мѣсяць въ астральномъ мірѣ считался старшимъ изъ боговъ, и въ этомъ отношеніи соотвѣтствовалъ древнему Ану. Въ триадѣ Sin, Samas, Istar, богиня любви представляетъ второй фазисъ вѣрованій, а солнце (Samas), жизненный центръ, третій фазисъ и господствующаго, царствующаго бога Бел. Въ ассирійскихъ текстахъ весьма часто встрѣчается иная триада—Sin, Samas, Bin, и въ такомъ случаѣ солнце (Samas), какъ огненное начало, замѣщаетъ

¹⁾ Sayce, Syllabary № 384 и Lenormant, Magie, p. 119.

²⁾ Brit. Mus. K. 2861. Sayce, Assyr. Grammar, 2-е изд. 1876 г. p. 124.

³⁾ Rec. of the Past. IX, 96, 100, 106.

собою Ану; Sin, какъ лунное начало, представляетъ второй фазисъ вѣрованій и Bin, какъ божество атмосферическое, соотвѣтствуетъ Меродаху, божеству Бел-Мардук. Половое значеніе мѣсяца или луны вообще колеблется ¹⁾. Идеограмма Sin читается на аккадійскомъ языкѣ Is ²⁾, и по созвучію напоминаетъ египетскую Isis и вавилонскую Istar. Въ гіероглифическомъ письмѣ древняго Египта мѣсяць обозначается рогами, обращенными внизъ; если продлить оконечности роговъ, образуется символъ, намъ знакомый, богини Beltis (Isis).

Имя Samas на семитическихъ языкахъ означаетъ солнце (еврейск. шемеш); символическое изображеніе этого свѣтила на камняхъ Napkas, Bit-Ada и Michaux (фиг. 18) распадается на три части: 1) кольцо, дискъ или кругъ, символъ теллурической, эмблема планеты, вообще всякаго тѣла небеснаго, а можетъ быть и символъ вѣчности; 2) крестообразный знакъ, вписанный въ означенный дискъ или кругъ и 3) изливающіяся изъ общаго центра двухъ предыдущихъ фигуръ, на четыре стороны, лучи свѣта. Крестообразный знакъ составленъ изъ четырехъ отроговъ, четырехъ клиньевъ, исходящихъ изъ одного центра, обращенныхъ на четыре противоположныя стороны, острыми своими концами по направленію къ периферіи диска. Означенный знакъ напоминаетъ подобный же, изображенный на скалахъ Бавіана ³⁾, съ тою только разницею, что въ Бавіанѣ отрочи расширяются, удаляясь отъ центра, по направленію къ периферіи, образуя нѣчто въ родѣ нашихъ орденскихъ знаковъ, а malteser cross, по выраженію Англичанъ. Въ справочномъ лексиконѣ, найденномъ въ библиотекѣ Ассурбанипала, то-есть, на глиняной таблицѣ, составляющей отрывокъ изъ лексикона, усматриваемъ любопытную идеограмму, довольно точно воспроизводящую ту же фигуру (табл. III, фиг. 31). Идеограмма объяснена на аккадійскомъ языкѣ словомъ—susru, и на ассирійскомъ словами: AN Anuv, то-есть богъ Ану ⁴⁾. Въ словарѣ (Syllabary), приложенномъ къ ассирійской грамматикѣ г. Sayce ⁵⁾, встрѣчаемъ подобную же идеограмму, нѣсколько иначе изображаемую (табл. III, фиг. 32).

Ея объясненіе читаемъ на аккадійскомъ языкѣ — susru, на асси-

¹⁾ Иногда Sin: im Verhältniss zu Sonne galt für weiblich, *Lenormant*, *Magie d. Chald.*, 141.

²⁾ *Ménant*, *Syllab.* I, 192, № 99.

³⁾ См. рисунки, приложенные къ ст. Малтаія и Бавіанъ, фиг. 1, VII.

⁴⁾ W. A. I. II, 48, Obv. l. 30, *Ménant*, *Syllab.* II, p. 339.

⁵⁾ *Assyrian Grammar and Reading Book*, with full *Syllabary*. 2-е изд. 1876 г. p. 3, № 10.

рийскомъ—ussusu, на англійскомъ—destruction (surname of Anu), разрушение, эпитетъ бога Ану.

Во второй идеограммѣ, въ четырехъ центральныхъ клиньяхъ, ассириологи несомнѣнно узнаютъ обычное іероглифическое начертаніе круга, диска, сферы ¹⁾; отъ этого центрального диска исходятъ четыре луча, въ противоположныя стороны, расширяющіеся по мѣрѣ удаленія отъ центра; въ такомъ видѣ вторая идеограмма ближе подходитъ, нежели первая, къ начертанію того же знака въ скульптурѣ. того символа, который напоминаетъ наши орденскіе знаки. Какъ на любопытный примѣръ употребленія этой эмблемы въ скульптурѣ, укажемъ портретъ ассирійскаго царя Samsi-Bin или Samsi-Vul, сына Салманасарова, жившаго за 824 года до Р. Х., нынѣ сохраняемый въ Британскомъ музеѣ ²⁾.

Отдѣльные знаки, составляющіе указанныя нами двѣ идеограммы, элементы идеограммы, обозначаютъ: mutu, умирать, но также samu, небо и belu, владыка; kissat, множество; matsu, страна; sargu, царь; samu, небо и tuhamtu, бездна; belu, ену, владыка или царь, и также samu или ену, небо ³⁾. Въ крестообразномъ ихъ расположеніи на четыре стороны, узнаемъ столь часто попадающееся въ ассирійскихъ надписяхъ выраженіе: sag kibrativ arbaiv, царь, владыка всѣхъ четырехъ странъ свѣта ⁴⁾.

Изъ вышесказаннаго выводимъ слѣдующія заключенія: крестообразный знакъ, изображаемый двумя указанными нами идеограммами, и въ кругу изображенный на камняхъ Мардукидинахи, а также на скалахъ Бавіана, и безъ круга на груди царя Samsi-Bin, составляетъ символъ божества Ану; но, его объясненіе словами „sargu, ussusu, разрушеніе, destruction“, хотя и соотвѣтствуетъ божеству смерти, гробовъ и преисподней, принадлежитъ, однакоже, къ болѣе позднему времени, а не къ первоначальному представленію о божествѣ. Идеограммы и символъ, нами разсматриваемые, выражаютъ то понятіе о божествѣ Ану, которое ему соотвѣтствовало въ моментъ его царствованія на небѣ, когда не сходилъ онъ еще въ преиспод-

¹⁾ Такъ пишется въ клинообразныхъ надписяхъ солнце ut, страна ki, irsit, городъ, и т. д.

²⁾ Табл. рис. III, фиг. 30 в Brit. Mus. *Thompson*, part. III, vol. I, Nimrud, фотографія № 354.

³⁾ *Sayce*, Syllabary, v. S. №№ 7, 509, 510, 427, 1 и 96. Знакъ belu означаетъ также AN Bel, знакъ kissat AN Marduk. *Ménant*, Syllab. II, 339, №№ 4 и 6.

⁴⁾ *Lenormant*, *Bérose* pp. 27, 323 W. A. I. I, 2, 5; 3, 11 etc.

нюю. Они выражаютъ понятія: царь небесный, повелитель безграничнаго пространства (великой бездны) и всего видимаго міра (всѣхъ четырехъ странъ свѣта), источникъ всякаго бытія, все создавшій, не волюю своею, но своими эманациями, какъ бы лучистыми изліяніями во всѣ стороны ¹⁾).

Крестообразный знакъ божества Ану, вписанный въ кругъ, означаетъ видимое, астральное воплощеніе той же силы—великое свѣтло дня, источникъ и центръ жизни (а не разрушенія). Лучи свѣта, изливающіеся изъ внутреннихъ угловъ крестообразнаго знака, изображены съ помощью волнистыхъ линій, въ которыхъ египтологи безъ затрудненія узнаютъ гіероглифъ: еп, вода. Тѣмъ же способомъ обозначались: изливающееся душистое масло изъ сосудовъ, на памятникахъ Египта, и рѣки, ключи, моря—на рельефахъ Ассиріи, вообще всякая влага и жидкость. Распространеніе свѣта и теплоты Вавилоняне видно объясняли, какъ и мы, волнообразными движеніями свѣтоносной теплопроводной влаги, воздуха, эфира.

Обсуждая крестообразный символъ, встрѣчаемый на памятникахъ Ассиріи, мы должны указать на ту своеобразную форму, которую онъ принялъ въ Египтѣ: его нижній конецъ удлинняется, принимая съ перекладною видъ греческаго Таб; верхній конецъ скругленъ въ видѣ ручки (табл. III, фиг. 33), и при такомъ начертаніи означенный священный знакъ влагается въ руку всякаго божества, въ скульптурахъ и живописи, какъ неотъемлемый знакъ его высokaго сана; въ гіероглифическомъ письмѣ онъ означаетъ слово: анх, жизнь (а не разрушеніе). Letronne и Raoul Rochette посвятили нѣсколько монографій объясненію указываемаго нами загадочнаго символа ²⁾. Г. Мюн-

¹⁾ Та же идеограмма въ начертаніи, болѣе упрощенномъ и сокращенномъ, составленномъ изъ двухъ каиньевъ, крестообразно расположенныхъ, означала то же основное божество во второмъ «азисѣ» его проявленія, бога Адара (Кроноса), а въ удвоеніи (reduplicatio) бога Бел-Мардукъ; обращенная головкою къ низу она обозначала бога Ану въ третьемъ «азисѣ», сошедшаго уже въ Преподнюю; см. надпись Ассурбанипала W. A. I. I, 27 и *Ménant*, Syllab. II, 339, 342. Слово ususu (destruction) переводятъ также fondation и производятъ отъ корня ашаш, по еврейск. крѣпнуть, крѣпить, основывать и блестять, горѣть; отсюда производ. еш огонь, ош, ушаія, ушоохи основаніе, прочныя основанія, Ездра яв. I, гл. 4, 12; 5, 16; 6, 3.

²⁾ *Revue Archéologique* II v. 1845 г., 2 part. 665 и *Mém. de l'Acad. des Inscript.* XVII v. 1848 г., 2 part.

теръ приложилъ въ своемъ изданіи „Die Religion der Babylonier“¹⁾ рисунокъ отпечатка съ вавилонскаго цилиндра, на которомъ изображены: знакъ, весьма похожій, по своей формѣ, на египетскій анх и надъ нимъ мелкой породы птица, вѣроятно голубь; знакъ, здѣсь упоминаемый, свидѣтельствуеетъ, что и въ Халдеѣ былъ извѣстенъ египетскій символъ. Что же касается до индійской свастики, то мы никакъ не рѣшаемся ее причислить къ тому же разряду символовъ. Такъ называемая „свастика“ изображала, по всей вѣроятности, во многихъ случаяхъ, въ грубомъ, примитивномъ, и символическомъ начертаніи—птицу: верхняя перекладина—голову и клювъ птицы, вертикальная черта—ея тѣло; нижняя горизонтальная черта—ея хвостъ, правое колѣно—внизъ опущенное крыло птицы, лѣвое колѣно—вверхъ поднятое другое крыло. Съ такимъ расположеніемъ крыльевъ, летящая птица (всего чаще орелъ) изображается въ скульптурахъ Ассиріи, Египта и Индіи. Упомянутый знакъ (свастика) выставлялся въ началѣ письма или надписи, для указанія того направленія, по которому слѣдуетъ читать прилагаемыя строки, того направленія, по которому летитъ мысль, запечатлѣнная въ начертанныхъ буквахъ; и въ концѣ надписи или письма тотъ же знакъ помѣщался въ обратномъ направленіи для указанія, что рѣчь, мысль и письмо или надпись окончены. А какъ письмо начиналось обыкновенно или заканчивалось привѣтствіемъ: свасти баван, нѣчто въ родѣ нашего „здравствуй или прощай, господинъ; будь здоровъ; счастья вамъ, vale“, отсюда и знакъ получилъ свое названіе²⁾.

Въ надписяхъ на камняхъ Michaux, Hankas и Bit-Ada, солнце, Samas, именуется: „широкій, великій судія неба и земли“, вѣроятно потому, что свѣтъ открываетъ правду, какъ судья, и солнце разгоняетъ мракъ и совершаемыя во мракѣ преступленія³⁾.

Этимологія имени Istar еще не объяснена. Не подлежитъ сомнѣнію, что его созвучіе съ именами и словами: Astarta, Astrea, aster,

¹⁾ Pl. I, fig. 14; также Fundgruben des Orients I, pl. 3, fig. 7 и 11. См. рис., прилож. ниже: табл. III, фиг. 34.

²⁾ Проф. Коссовичъ въ своемъ глоссаріѣ къ издан. «Охотникъ и Голубь» объясняетъ: свасти (су-асти) несклон., благосостояніе, счастье; бават, вѣроятно сокращ. изъ багават, господинъ, вы, употребляемое при вѣзливомъ обращеніи ко 2-му лицу. Срав. Indian Antiquary, 1876 г., V т. pp. 55, 176, 136, 205, 209; VI т. 78, sq. 88, 138; VII, 63; VIII, 27, 277; и символы Jaina, ib. II, 134.

³⁾ May Samas, the Judge of heaven and earth, fly before him, that he change into darkness the light of the day. Кам. Hankas. Rec. of the Past, IX, 96, 100, 106.

ἀστὴρ, звѣзда, не случайное. Представленіе объ ассирійской Istar, какъ уже сказано выше, сливалось съ признаками богини Belit или Милитты (Μιλίττα, имя послѣдней г. Lepomant производитъ отъ ассир. Mulidit, génératrice), соотвѣтствующей греческой Герѣ (Юновѣ). Ея представленіе распалось на два образа: 1) Istar Arbail, богиня города Арбелль, богиня войны, Bellona или Istar Sa Arba-ilu, и 2) Istar Sa Ninua, Иштара города Ниневія, богиня любви ¹⁾. Еврейское ея имя, Хаштерее, Хаштарот, г. Lepomant сличаетъ ²⁾ съ корнемъ Хаш, составляющимъ въ надписяхъ финикійскую транскрипцію ассир. assat „женщина (la dame, la femme)“, и съ еврейскимъ иша, аша „женщина“, соотвѣтствующимъ арамейск. аса, ата; съ именемъ также Ati, богини города Adiabene, которое пишется по сирійски хаэн, хати и съ показаніемъ Гезихія: Ἄδα ὑπὸ Βαβυλωνίων ἢ Ἦρα (Ада у Вавилонянъ это Гера). Bit-Ada, по этимъ соображеніямъ и сближеніямъ, означало бы въ переводѣ домъ Геры или Венеры, домъ, поставленный подъ ея покровительство, или храмъ Геры (Венеры). Добавимъ, что тому же звуку, которымъ начинаются финикійское (еврейское) имя богини и корень хаш, соотвѣтствуетъ буква Ἀυῖν, которая въ древнемъ финикійскомъ алфавитѣ изображалась въ видѣ круга, кружка, планетарнаго диска, иногда съ точкою въ серединѣ, и своею формою обозначала глазъ (еврейск. haïn) или небесное тѣло, планету, звѣзду первой величины. Иштара, Венера, по всей вѣроятности, какъ звѣзда самая яркая, самая красивая въ небѣ, служила единоличнымъ олицетвореніемъ всего сонма планетъ и созвѣздій, всего міра астральнаго (Astrea, Venus Urania), и триада Sin, Samas, Istar воспроизводили тотъ рядъ представленій, на который намекаютъ выраженія Библии: „поклонялись солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ и всему воинству небесному“. Символь, присвоенный богинѣ на камнѣ Bit-Ada, изображень въ видѣ семиконечной звѣзды, вписанной въ планетарный кругъ или дискъ. Семь отроговъ или лучей обозначали, что это божество вмѣщаетъ въ себѣ понятіе всѣхъ семи крупныхъ небесныхъ свѣтилъ, планетъ, олицетворяетъ весь ихъ сонмъ. И съ такимъ же числомъ лучей изображена звѣзда въ кругу надъ тиарой богини Istar на скалахъ Малтаи ³⁾. На камняхъ Hankas и Michaux,

¹⁾ Богиня Istar насылаетъ и тяжкія болѣзни. Кам. Hankas, надпись, Rec. " the Past. IX, 106.

²⁾ Comment. de Bérose, p. 120 и 118.

³⁾ Place, Ninive et l'Assyrie, III, pl. 45.

въ кругу вписана восьмиконечная звѣзда, символъ болѣе общій, менѣе опредѣленный ¹⁾).

Такимъ образомъ, безъ особыхъ затрудненій, какъ намъ кажется, мы объяснили первые десять символическихъ знаковъ, изображенныхъ на трехъ изучаемыхъ нами памятникахъ Халдеи. Въ нижнемъ ихъ ряду, у окраинъ круга или сегмента, на камнѣ Bit-Ada, между престолами еще изображены: собака, стрѣла и раздвоенный жезлъ съ птицею на его вершинѣ (табл. I, 4, 5 и 6). Собаку узнаемъ по ея головѣ весьма ясно, и натурально воспроизведенной ²⁾, и по характеристическому хвосту, загнутому спиралью на камняхъ Hankas и Michaux; на камнѣ Бит-Ада хвостъ у животнаго подобранъ между ногами. Зоркій стражъ ночи изображенъ съ поднятою къверху мордою какъ онъ воетъ при видѣ своей госпожи Гулы, Ануниты, Артемиды, луны. Означенный символъ относимъ къ божеству Небо, Меркурію, Гермесу, который въ такомъ же видѣ, или въ видѣ человѣческой фигуры съ собачьею головою, изображался на египетскихъ памятникахъ подъ именемъ Апибуса, Аперт, и олицетворялъ водителя умершихъ въ преисподнюю, Гермеса *ψυχοπομπός*. Созвучный съ египет. Аперт и греск. Anubis, Небо, Набу (еврейск. Наби) въ переводѣ значить пророкъ, провозвѣстникъ воли боговъ, ихъ герольдъ или глашатай; его звѣзда, Sirius по объясненію Мюнтера (*das Hundsgestirn*), служить провозвѣстникомъ восхода солнца; у Египтянъ она назвалась Sothis ³⁾.

Метательное копьѣ, дротикъ, изображенное на камняхъ Hankas и Bit-Ada, воспроизведено на камнѣ Michaux, если вѣрить рисункамъ Мюнтера и Millin, въ видѣ стрѣлы пернатой, съ перьями въ началѣ древка. И дротикъ и стрѣла указывали на одно и то же понятіе—на божество войны; но положеніе смертоноснаго оружія, обращеннаго оконечностью, остриемъ, жаломъ — къ низу, мы полагаемъ, означало женское божество. Между именами, упоминаемыми въ надписи Бит-Ада, находимъ имя божества Iskhara; въ заклинаніяхъ къ ней обра-

¹⁾ По крайней мѣрѣ судя по рисункамъ W. A. I., Мюнтера и Миллена. На еотографіяхъ Thompson'a очень трудно опредѣлить и разобрать число лучей. См. рис. табл. I, фиг. 20.

²⁾ Münter: *Mein Gipsabguss lässt aber keinen Zweifel übrig. Es ist ein Hundskopf. Relig. d. Babyl.*, p. 108.

³⁾ Münter, *Relig. d. Babyl.*, p. 109. Sulpa usu, le messenger du soleil levant, l'étoile de Nebo «Mercure», *Ménant, Syllab. II*, p. 352.

щаются съ слѣдующею мольбою: „да не услышитъ она его (нарушителя владѣнія) въ день битвы, богиня древнихъ обычаевъ“ ¹⁾.

Жезлъ съ раздвоенною вершиною выражаетъ дуализмъ, лунное начало, женственность, силу раждающую. Подобную эмблему усматриваемъ на тіарѣ богини, изображенной въ скульптурахъ Богас-Кевн на скалахъ къ югу отъ Синопа, и на тіарахъ у женщинъ ея свиты ²⁾. Колонны съ раздвоенною вершиною составляютъ характеристическую особенность храма Венеры Паеосской, изображаемаго на монетахъ Кипра, вмѣстѣ съ голубями, служащими символомъ той же богини любви и той же силы раждающей, женственной природы ³⁾. Упомянутый жезлъ съ раздвоенною вершиною и сидящею на немъ птицею (по всей вѣроятности голубь), Münter сличаетъ съ эмблемою, нами воспроизведенною (фиг. 34) съ его же рисунка, повидимому выражавшею и въ Вавилонѣ, какъ и въ Египтѣ, понятіе жизни анх. Въ надписяхъ на камняхъ Nanкас и Michaux упоминается божество Serah, или Si-rab, Ширах, имя котораго имѣетъ сходство съ именемъ богини Шеруха или Шеруія (женское начало, сопоставляемое основному божеству Ассуру) и съ корнемъ еврейск. верах, ассир. zū, зерно. Это имя (Сирах) въ надписяхъ оканчивается знакомъ, передающимъ понятія женственности, луннаго начала, раздвоенія, и приносимымъ гах ⁴⁾; схожая фигура, приносимая гах, составляетъ идеограмму „женщина“. Божество Serah, или Nirba, считается богомъ жатвы и плодородія ⁵⁾; къ нему относятся заклинанія: „чтобы Serah задушилъ его первороднаго (Nанкас); Serah да истребитъ его первенца, да измучитъ онъ его тѣло и да скуетъ его ноги цѣлями (Michaux), то-есть привелъ бы ноги въ неподвижность, лишилъ бы жизни. На камнѣ Michaux, кромѣ того, въ началѣ надписи упоминается, что женихъ Tab-asar-Marduk, принимая приданное своей невѣсты, составилъ (написалъ) этотъ документъ въ память принятаго дара и совершившейся воли великихъ боговъ и бога Serah (то-есть

¹⁾ May Iskhara, the goddess of the ancient customs, not hear him in the battles. Rec. of the Past IX, 101.

²⁾ См. рис. прилож. къ статьѣ Малтаія и Вавіанъ, фиг. 20 и *Tezier, Descript. de l'Asie Mineure I, pl. 78 sqq.*

³⁾ Мюнтеръ указываетъ на это сходство символовъ и ссылается на монеты г. Аскалона, временъ Тиберія и Домиціана. *Relig. d. Babyl., p. 117.*

⁴⁾ Сл. Ménant Syllab. I, 212 и 228, №№ 155 и 269, II, 234, №№ 266 и 269.

⁵⁾ *Lenormant, Bérose, p. 126.* Его атрибутъ серпъ, *Magie, p. 45, 46.*

совершившагося брака). Изъ этихъ выраженій заключаемъ, что *Segah*, мужское божество, предстоялъ жизни, браку и родамъ.

Означенные три знака, собака, стрѣла и раздвоенный жезлъ съ голубемъ, сооставленные вмѣстѣ на камняхъ *Haukas* и *Bit-Ada*, въ одну группу, передаютъ то представленіе, которое составило себѣ язычество объ основномъ, всеобъемлющемъ божествѣ, мировомъ духѣ: предвѣчный разумъ (Гермесъ, Небо), жизни подателъ (*Segah*) и разрушитель (божество войны *Iskharag*). На камнѣ *Michaux* эта триада разрознена: символъ Гермеса или Небо помѣщенъ на лѣво отъ престола, у престола *Beltis* и *Hea* (олицетворяющаго вѣчный разумъ); символъ *Segah* на право отъ нихъ у престола *Адара* и *Гулы* (олицетворяющихъ первый дуализмъ), и стрѣла *Исхары* въ нижнемъ ряду символическихъ знаковъ у престола съ копьемъ *Бел-Нирут* и съ оконечностью стрѣлы или перуномъ бога *Бел-Мардук*.

Послѣднія два имени, какъ уже было нами объяснено выше, иногда замѣняютъ имена: *Ану* и *Бел*, двухъ божествъ основной триады, которымъ собственно и принадлежатъ два престола, здѣсь упомянутые—съ оконечностью копья и съ оконечностью стрѣлы (перуномъ); но, имя *Мардук*, *Бел-Мардук*, *Маруду*, обозначаетъ въ то же время особое божество, сливающееся съ общимъ понятіемъ божества *Бел*, трехъ-именнаго *Ваала*, и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльно поклоняемое и соответствующее *Зевсу* атмосферическому, а въ астральномъ мірѣ — планетѣ *Юпитера*. Его символомъ считаемъ ту птицу крупной породы, которая изображена на всѣхъ трехъ камняхъ, подлежащихъ нашему изслѣдованію (*Haukas*, *Michaux* и *Bit-Ada*), и въ которой узнаемъ *Зевсова* орла, символъ воздушнаго вѣянія, атмосферы, неба, облаковъ, бури и быстро летающихъ молній (фиг. 11). При самомъ старательномъ изученіи фотографій и изданныхъ рисунковъ (вѣроятно и подлинныхъ памятниковъ) весьма трудно опредѣлить съ точностью породу изображенной птицы. Насколько насъ поражаетъ въ скульптурахъ *Ассиріи* натурализмъ, жизненность и естественность, или, какъ нынѣ выражаются, реальность изображаемыхъ четвероногихъ, въ особенности льва и львицы, настолько же изумляетъ неумѣлость *ассирійскихъ* художниковъ въ изображеніи пернатыхъ¹⁾. Въ этой особенноти стили легко убѣдиться сличеніемъ

¹⁾ То же недоуміе относительно породы птицы встрѣчаетъ и *Мюнтеръ*. *Relig. d. Babyl.*, p. 116 sq

орла или коршуна, изображеннаго на памятникахъ Мардукадинахн, съ изображеніемъ той же хищной птицы, тяжелой и мясистой, съ загнутымъ клювомъ и широко-разставленными когтями, сопровождающей на лету ассирійскія войска на скульптурахъ Ниневии, и служащей несомнѣнно символомъ божества, имъ повровительствующаго въ битвахъ ¹⁾. *Marduk* именуется въ надписяхъ царемъ неба и земли, владыкою вѣчности безконечной и безпредѣльной ²⁾.

Изъ остальныхъ пяти символическихъ знаковъ, изображенныхъ на тѣхъ же юридическихъ документахъ землеуладѣнія, узнаемъ перуны атмосферическаго божества *Vin* или *Rimmon*, *Rammanu*, составленные изъ двухъ волнистыхъ или ломанныхъ линій, исходящихъ изъ одного общаго короткаго стержня, рукояти или корня (фиг. 14). *Millin* считалъ эту фигуру за изображеніе двухъ рѣкъ, сливающихся въ одно устье (какъ, напримѣръ, Тигръ и Евфратъ); *Мюнтеръ* — за двухглавую змѣю ³⁾. Значеніе этого символа, какъ изображенія молніеносныхъ перуновъ, опредѣляется подобными же изображеніями на многихъ вавилонскихъ геммахъ, цилиндрахъ и на барельефахъ Ниневии ⁴⁾. *Мюнтеръ* уже былъ знакомъ съ подобными изображеніями на цилиндрахъ и сравнивалъ ихъ съ пифагорейскимъ Υ (Υ Ψ λ \omicron ν). Божество *Vin*, котораго имя нѣкоторые ассиріологи читаютъ *Vul*, *Rimmon*, *Rammanu* (аккад. *Im* и *Mer-mer*), соответствуетъ греческому Гефесту (Вулкану). Въ ассирійской мифологіи его признаки имѣютъ сходство съ признаками божества Бел-Мардукъ. Римонъ также божество атмосферическое и владѣетъ громами и перунами, какъ Мардукъ ⁵⁾. Онъ именуется сыномъ бога Ану, верховный стражъ неба и земли, онъ насылаетъ бурю съ дождемъ и наводненія ⁶⁾. Въ грече-

¹⁾ *Thompson*, Brit. Mus. Assyr. antiqu.. Part III, vol. I, Nimrud, photograph. № 386, 388, 395 и 399.

²⁾ *Records of the Past*, IX, pp. 96, 100, 106. Г. Ленорманъ переводитъ аккадійское имя этого божества *Amar-Utuk* — блескъ солнца, сіяніе солнца, *Orig. de l'Hist.*, p. 255. *Ménant* приводитъ его эпитеты: *le Maître des oracles*, *l'étoile «Jupiter»*, *bibbu—l'étoile du chat*, *lubat guttav* (?), можетъ быть — богъ звѣзды, звѣзды солнца), *pidnu sa same—le sillon du soleil*, и его имена—*Mustarilu* (коп. Арабы называютъ также планету Юпитера), *Kit*, *Gudibir* и т. д. *Syllab.*, p. 339, 353 и 351.

³⁾ *Misgeburten der Schlangen. Relig. d. Babyl.*, p. 126 sq.

⁴⁾ См. рис. прилож. къ ст. *Maltaia* и *Bavianъ* *eng.* 17, 18, 22.

⁵⁾ *Ménant*, *Syllab.* II, p. 342; *Sayce Gram. Syllab.* № 415. *Lenormant*, *Magie* 190. Ему посвященъ свинецъ; олово—богу Ану. *Comm. de Bérose* 96.

⁶⁾ *Rec. of. the Past*, IX, 96, 100, 107.

ской миеологii, онъ удалился изъ атмосферы, и соотвѣтствуетъ бо-
гѣ Зевсу подземному, сокрылся въ горныя пещеры, гдѣ работаетъ
и только выдѣлываетъ перуны — для Олимпійца. Въ первой книгѣ
Илиады онъ самъ разказываетъ, какъ вздумалъ было вмѣшиваться въ
дѣла олимпійскаго Зевса, и какъ тотъ его схватилъ за ногу и вы-
швырнулъ изъ Олимпа (съ неба, изъ атмосферы); онъ полетѣлъ, къ-
лишъ день летѣлъ, и еле живой упалъ на островъ Лемносъ, гдѣ его
приняли къ себѣ люди Сикитійскіе. Съ той поры, хромымъ, но добрымъ
и веселымъ, онъ служитъ увеселеніемъ (посмѣшищемъ) и для прочихъ
боговъ ¹⁾. Его идеограмма означаетъ: dhabu—добрый, gabu — очень,
и выражаетъ понятія: вѣтеръ, воздухъ, дождь, буря, дыханіе, небо,
point cardinal, и приставляется къ названіямъ четырехъ странъ свѣта,
именовавшихся — erlu, сѣверъ, si-di, югъ, satra, востокъ, martu, за-
падъ ²⁾.

Воздушное электричество обозначено на изучаемыхъ нами памят-
никахъ двумя способами: 1) въ видѣ двухъ ломанныхъ полосъ, на-
поминающихъ обычаи нашихъ современныхъ художниковъ изображать
то же атмосферическое явленіе—зигзагомъ; и 2) въ видѣ оконечности
стрѣлы, похожей на ископаемыя стрѣлы каменнаго вѣка—фулгуриты.
Первый символъ относимъ къ божеству второстепенному Бину; вто-
рой, покоящійся на престолѣ, къ основному божеству Белу (ф. 9 и 14).

Соперникомъ въ любви Гефеста, является на Олимпѣ величавый
Аресъ (Марсъ), богъ войны. Ему соотвѣтствуетъ ассирійское имя
Nirgalu — левъ, и въ небѣ кровавая звѣзда simut, nibe anu ³⁾, пла-
нета Марса. Мы замѣтили уже ранѣе сродство этого божества съ
Адаромъ (Сатурномъ); въ надписи Bit-Ada, къ нему относится эпи-
тетъ: божество оружія и стрѣлъ; и въ той же надписи упоминается
другое божество войны — Zamal, именуемый „царь битвы“. Изъ сим-
волическихъ знаковъ, изображенныхъ на трехъ камняхъ, нами изу-
чаемыхъ, первому божеству (Nirgalu) мы приписываемъ скорпіона,
symbolum mortis, какъ его называетъ Мюнтеръ ⁴⁾, а второму (Za-
mal)—вырѣзанную на камняхъ Hankas и Bit-Ada боевую булаву (фиг.

¹⁾ Илиада I, 590 sq.

²⁾ *Ménant* Syllab. II, 358.

³⁾ Le dieu de Chuta (II Rois, XVII, 30), le Dieu des Lions, du bien, l'étoile rouge «Марс». *Ménant*, Syll. 343, 354. Le Dieu de la mort *Lenormant*, Orig. de l'Hist., p. 257.

⁴⁾ *Relig. d. Babyl.*, p. 116.

10 и 13). Подобная же булава весьма часто изображается, на ассирийскихъ скульптурахъ въ рукахъ боговъ и царей, вѣроятно, какъ знакъ ихъ царственнаго сана; а жало скорпіона скорѣе соотвѣтствуетъ оружію и стрѣламъ бога Nirgalu: такимъ образомъ, избранные символы совпадаютъ съ эпитетами, присвоенными божествамъ въ надписи, въ которой Zamal именуется царемъ, а Nirgal богомъ оружія. На кругломъ жертвенникѣ Лувра ¹⁾, скорпіонъ, какъ знакъ зодіакальный, сопоставленъ съ волчицею Марса и за нимъ слѣдуетъ стрѣлецъ и собака Дианы. У Римлянъ богу войны былъ посвященъ мартъ мѣсяць ²⁾. У Ассирянъ, по розысканіямъ г. Lepoignant ³⁾, мѣсяць Арахшамна (октябрь-ноябрь) соотвѣтствовалъ знаку скорпіона и былъ посвященъ богу Мардукъ; слѣдующій мѣсяць Кисиливъ (ноябрь-декабрь)—знаку стрѣлы или стрѣльца и посвященъ Ниргалу (Марсу): но, почтенному ученому мы должны вѣрить на слово, не находя у него доказательствъ. Достоверно только то, что наши знаки зодіака, заимствованные у Римлянъ, почти всѣ встрѣчаются, отдѣльными фигурами, и на цилиндрахъ Вавилона; но къ которому мѣсяцу и къ которому созвѣдію каждый изъ нихъ относится, едва ли съ точностью опредѣлено.

Въ числѣ божествъ, упоминаетъ въ надписи Bit-Ada—Turda, хранитель идоловъ великихъ боговъ; ему же препоручаются и выходныя двери у частныхъ жилищъ во время ночи ⁴⁾. Къ ночному стражу кладовыхъ и дверей всего приличнѣе отнести восемнадцатый символическій знакъ, вырѣзанный на камняхъ Michaux, Hankas и Bit-Ada, въ которомъ, по свидѣтельству Мюнтера, г. Гезениусъ совершенно вѣрно и справедливо узналъ изображеніе древней лампы, свѣточа ночи, употреблявшейся, какъ нашъ фонарь, для осмотра кладовыхъ, подземныхъ сокровищницъ, тезавровъ и тому подобныхъ складовъ ⁵⁾. Zamal и Turda малозвѣстныя божества. Мы не знаемъ съ достоверностью, какое соотношеніе имѣетъ божество Турда съ богами Ungal-Turda (царь—Турда) Lougal-Turda и Saturda. О послѣднемъ разка-

¹⁾ Clagac, Mus. de Louvre, pl. 171.

²⁾ Въ нѣмецк. 3-мъ изд. Millin, Mythol. Galler., 1848 г., на томъ же памятникѣ Лувра, скорпіонъ отнесенъ къ ноябрю, стрѣлецъ къ декабрю, какъ и въ нашихъ календаряхъ, pl. 29. fig. 89, 1, m.

³⁾ Orig. d. l'Hist., изд. 1880 г., p. 144.

⁴⁾ May Turda, the Keeper of the images of the great gods, walking in the right ways of the gods, besiege his door during the night. Rec. of the Past IX, 101.

⁵⁾ Relig. d. Babyl., p. 119; см. рис. табл. I, фиг. 12.

зываютъ, что во время его стражи ночной, онъ укралъ у Ваала его царскія одежды, корону, *imšimī* (?), и хотѣлъ воцариться. Этотъ великій грѣхъ Сатурна былъ обнаруженъ другими богами, онъ же съ отчаянія превратился въ *Zu*, птицу бури ¹⁾.

Остается послѣднее божество, упоминаемое въ надписяхъ, *Malik*, и послѣдній символическій знакъ, изображенный на камняхъ *Nankas* и *Bit-Ada* (фиг. 16). Онъ представляетъ раздвоенную вершину жезла, жезла глашатая или накого либо посоха. Верхня часть жезла, древка, образуетъ какъ бы хвостъ фигуры, направленный къ низу; отъ него къ верху выдвигаются два рога или отрога, увѣнчанные по концамъ головами двухъ злыхъ звѣрей съ раскрытою пастью, взирающихъ въ противоположныя стороны, двухъ львовъ, драконовъ или иныхъ фантастическихъ чудовищъ. Тройственность въ изображеніи фигуры (состоящей изъ хвоста и двухъ отроговъ), по всей вѣроятности, обозначена не безъ цѣли. Такая тройственность частей и самый способъ ихъ расположенія напоминаютъ архангелскую форму посоха, кадуцея Гермеса (Меркурія), воспроизведенную на рисункахъ, приложенныхъ къ нашимъ изслѣдованіямъ о символахъ на скалахъ Бавіана ²⁾. Имя *Malik*, на семитическихъ языкахъ, означаетъ царя или царствующаго, какъ и другія имена божествъ, производныя отъ того же корня—*Молохъ*, *Милькомъ*, *Мелкартъ* и т. д., имѣющія болѣе или менѣе близкое отношеніе къ основному божеству, единому, первобытному, общезвѣстному и всеобъемлющему, или къ его внѣшнему проявленію въ природѣ—солнцу (*Hercules, Saturnus et Sol*). Такого, между прочимъ, божество — тройственный Гермесъ, *Ἑρμῆς Τριπρόσωτος*, по всей вѣроятности олицетворявшее предвѣчный разумъ. Если послѣдній символическій знакъ отнести къ этому божеству, то въ таблицахъ *Nankas* и *Bit-Ada* понятіе Гермеса (Меркурія) распадается на два представленія: 1) Гермеса подземнаго, *ψουερπιός*, египетскаго *Anubis* и 2) Гермеса небеснаго, олимпійскаго, египетскаго *Thot*. Къ первому, водителю душъ умершихъ въ иреисподнюю, ведущему и представляющему ихъ къ загробному страшному суду, относится, какъ и въ Египтѣ, символъ—собака или шакалъ, выше нами упомянутый и указанный; ко второму, богу разума и науки, покровителю книгъ, се-

¹⁾ *Ménant*, La Biblioth. du palais de Ninive, p. 137, 138. *Lenormant*, Orig. de l'Hist. 117; *Magie*. 127.

²⁾ *Ж. М. Н. Пр.* 1860 г. сент. выг. 14, также *Millin*, *Mythol. Gall.* немецк. 3 изд. № 30.

кретарю боговъ, исполнителю и провозгласителю ихъ воли, слѣдуетъ отнести изучаемый нами символъ — раздвоенный жезлъ, скипетръ, или кадуцей, образующій при его начертаніи тройственную фигуру, если считать стержень жезла (хвостъ къ низу) и два отрога.

На камнѣ Мисаух послѣдняго указаннаго символическаго знака — жезла или кадуцея, не имѣется; не имѣется и другаго знака, обозначающаго на камняхъ Нанкав и Вит-Ада божество Запал — ручной булавы. Эти два знака, на камнѣ Мисаух, замѣнены головами двухъ фантастическихъ животныхъ, чудовищъ ¹⁾, какъ будто бы жезлъ божества Малік раздвоился и изъ двухъ его отроговъ образовались два самостоятельные символа, обозначающіе на камнѣ Мисаух два отдѣльные божества: цари битвы Запал и цари Малік.

Голова первого чудовища (табл. IV, фиг. 46) изображаетъ голову и клювъ птицы, орла, ястреба или пѣтуха, совершенно похожую на изображение, въ барельефахъ Ассиріи, того божества крылатого, съ тѣломъ челоуѣка и съ орлиною головою, которое ассиріологи долго считали за божество Нисрохъ, упоминаемое въ Библии ²⁾. Подобное изображение имѣется у насъ въ С.-Петербургѣ, между ассирійскими барельефами Эрмитажа, и въ Британскомъ музеѣ (фотографія Thompson'a Brit. Mus. № 355) съ большою надписью на барельефѣ (standard inscription). Перья, стоящія дыбомъ на хребтѣ чудовища, какъ перья или щетина у птицъ и животныхъ раздраженныхъ, и клювъ хищной птицы, указываютъ на божество битвы, на геній бури и борьбы.

Голову другаго чудовища (фиг. 47) съ раскрытою пастью, судя по формѣ ушей, едва ли можно считать львиною, какъ полагаютъ Мюнтеръ. Скорѣе слѣдуетъ ее признавать повтореніемъ въ другомъ

¹⁾ Мюнтеръ ихъ считаетъ за рыбы, *Relig. d. Babyl.*, p. 121, №№ 9, 10, но съ рыбами они не имѣютъ ни малѣйшаго сходства.

²⁾ *Nisruk; des monuments figurés le représentent avec une tête d'aigle sur un corps d'homme, et quelquefois avec 4 ailes déployées. Mémoires Syllab. II, p. 341. Le génie à corps d'homme, muni de 2 grandes ailes et d'une tête de persoptère, dans lequel on a cru pendant quelque temps reconnaître la figure du dieu Nisruk, en vertu d'une fausse interprétation de son nom, qui en faisait un dieu oiseau. Lenormant. Comm. de Bérose, p. 135. Имя Nisruk производили отъ ниср орель. Не подлежитъ сомнѣнію существованіе такого божества у Ассирійцевъ, такъ какъ оно указано въ Библии; но его имени въ ассирійскихъ текстахъ еще не нашли. Г. Lenormant называетъ генія à tête de persoptère Natgi, Nattigi «Destructeur» ib., p. 137.*

видѣ символа Алубиса: Такимъ образомъ символъ Гермеса снова раздвоился и на камнѣ Мисаухъ усматриваемъ цѣлую триаду воспроизводящую одно и тоже божество, а именно: 1) Гермеса, соответствующаго первому фазису вѣровацій, изображеннаго въ видѣ молчаливаго или воющаго стража ночи, возвѣщающаго смерть, божество подземное, *Amibis* или *Nebo, Nabu*; 2) Гермеса втораго фазиса, Гермеса борьбы, царя битвы, войсковаго глашатая, герольда — *xiruf*, представляющаго, которое повидимому сливается съ понятіемъ о божествѣ *Zamal* и 3) Гермеса атмосферическаго или астральнаго, провозвѣстника воли боговъ, пророка, къ которому относимъ имя *Malik* и изображение чудовища съ раскрытою пастью, какъ будто бы говорящее, возвѣщающее что либо тайное и загадочное ¹⁾. Въ надписяхъ *Nebo* именуется „верховный стражъ, исполнитель воли боговъ“, онъ охраняетъ грани, даруетъ счастье или насылаетъ разореніе ²⁾.

Престолы, изображенные на трехъ памятникахъ эпохи Мардук-идинакха, нами описанныхъ, не отличаются значительно одинъ отъ другаго, по своей формѣ. Кубъ составляетъ ихъ основаніе; на него возложена подушка, для сидѣнія или для помѣщенія регалій и священныхъ предметовъ, служащихъ символами божествамъ. Передняя сторона куба, обращенная къ зрителю, у пяти престоловъ на камнѣ Бит-Ада, украшена орнаментомъ прямолинейнымъ, состоящимъ изъ пяти прямоугольниковъ, вписанныхъ одинъ въ другой. На камнѣ *Naikas* каждый изъ изображенныхъ престоловъ убранъ двумя прямоугольниками, съ филеичатою рѣзбою въ родѣ нанихъ комнатныхъ дверей или шкаповъ (фиг. 22). На камнѣ Митро, судя по рисункамъ Мюнтера и Миллипа, у престоловъ Ану и Белъ, въ нижнемъ ряду символическихъ знаковъ, двѣ полосы съ филеичатою рѣзбою служатъ убранствомъ; у верхнихъ четырехъ престоловъ надъ ними—

¹⁾ Г. Mépant указываетъ на смѣшеніе признаковъ божества *Nebo* и бога *Bin*, бога атмосферы и бури; аккад. имя *Mergar* объясняется въ асир. табличкахъ идеограммами *Bin* и *Nebo*: W. A. I. II, pl. 48, 35 и pl. 60, 37. Syllab. p. 342.

²⁾ Имя *Nabu* производятъ отъ *nabi*, пророкъ, и *nabah* *latravit*, *Latrator Anubis*, *Münter*, *Rel. d. Babyl.* 109. *May Nabu*, the supreme Watcher, the supreme Minister, the holy minister of the gods, strike him with misfortune and ruin, and blast his happiness, overthrow the surface, circumference and limits of his properties. *May Malik*, the great Master of Heaven, *Gara-anna*, whilst he sins, cause him to be slain in the act. *Records of the Past* IX, 96, 100, 101, 107. Въ эти качества призывали къ греч. Гермесу.

по три такія же полосы (фиг. 23 и 24). Цѣль прибавленія указанныхъ нами орнаментовъ, полагаемъ, чисто эстетическая: имѣлось въ виду горизонтальными и вертикальными полосами придать разнообразіе плоской и гладкой поверхности куба. Такой орнаментъ отличается весьма примитивнымъ характеромъ, едва ли имѣлъ какое либо символическое значеніе, напоминаетъ извѣстное украшеніе изъ вертикальныхъ и горизонтальныхъ полосъ на саркофагѣ Микерина, погибшемъ въ волнахъ у Гибралтара, отъ котораго сохранились только рисунки ¹⁾, и подобную же систему украшеній, не скульптурную, но живописную, можно видѣть въ Импер. Эрмитажѣ, на деревянномъ саркофагѣ Аты (Atau), туда перенесенномъ въ недавнее время изъ Академіи Наукъ ²⁾.

Кромѣ престоловъ, сгруппированныхъ въ одно мѣсто, около основнаго символическаго знака, змѣя, и триады астральной, помѣщенной на вершинѣ каждаго камня, въ центрѣ образуемаго ею сегмента шара, остальные знаки разбросаны довольно произвольно по поверхности того же сегмента. На к. Bit-Ada изображены:

Въ нижнемъ ряду — симв. Anu, Hea, Bel и змѣя; за тѣмъ, въ томъ же ряду — симв. Adar, Gula, и триада Nebo, Serah, Ishara. Во второмъ ряду надъ ними семь символическихъ знаковъ — Nirgal, Marduk, Turda, Zamal, Bin, Beltis и Malik.

Въ центрѣ сегмента — Sin, Samas, Istar.

На камнѣ Napkas видимъ иное расположеніе (поступая не на встрѣчу, но по направленію фигуръ):

Въ нижнемъ ряду, на передней сторонѣ камня — симв. Adar, Gula, Hea, Zamal, Marduk и потомъ змѣя.

Въ томъ же ряду съ боковъ и по задней сторонѣ камня — симв. Anu, Bel, триада Nebo, Ishara, Serah и Bin.

Во второмъ ряду подъ ними — симв. боговъ Malik, Nirgal, Beltis и Turda.

Въ центрѣ круга — Sin, Samas, Istar.

На камнѣ Michaux: Въ нижнемъ ряду, начиная отъ змѣя — симв. Anu, Bel, Bin, Ishara.

Во второмъ ряду — симв. Gula, Adar, Hea, Beltis, триада Nebo, Malik, Zamal, знаки Marduk, Serah, Nirgal и надъ ними Turda.

Въ центрѣ сегмента — Sin, Samas, Istar.

¹⁾ Прахова, Зодч. древн. Египта, 1880 г., pl. I, fig. 1 и 1a.

²⁾ Lib'ein, Die Aegypt. Denkm. in St.-Petersburg. Upsala. 1878 г., p. 44, № 66.

На камнѣ Бит-Ада, между символическими знаками помѣщены мелкія надписи: онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ знакамъ, и касаются условій второстепенныхъ договора, которыя почему либо не могли быть включены въ его текстъ, на четырехъ его столбцахъ по бокамъ камня.

Слѣчать указанныя нами 19 божествъ съ цикломъ олимпійскихъ боговъ было бы не умѣстно, уже потому, что ихъ число превышаетъ число, опредѣленное для этого цикла. Очевидно, что при выборѣ божествъ для нашихъ символическихъ таблицъ, приняты были иныя основанія, нежели въ выборѣ 12-ти властвующихъ на Олимпѣ. Впрочемъ, и въ греческомъ пантеонѣ многія божества не вошли въ составъ Олимпійскаго цикла, таковы напримѣръ: подземныя божества Гадесъ и Персефона; Гебе, Эосъ, Гелиосъ; Панъ и столь прославленный Дионисъ-Вакхъ. Ассириологи также указываютъ на циклъ 12 великихъ божествъ въ Ассиріи и Халдеѣ, не соответствующій, однако же, Олимпійскому и составленный изъ монады, триады, семи планетъ и богини Балтисъ. На трехъ памятникахъ Халден, нами изучаемыхъ, къ этому циклу присоединены другія божества и принята въ основаніе иная система перечисленія. Что же касается до совпаденія числа 19 божествъ, обозначенныхъ на символическихъ таблицахъ Мардук-идли-акхи, съ общей суммою дней недѣли и мѣсяцевъ въ году, семи планетъ и знаковъ зодіака, то слѣдуетъ замѣтить, что даже у народовъ новаго времени сохранилось воспоминаніе о распредѣленіи дней недѣли въ соответствіи съ семью небесными свѣтилми, извѣстными древнему міру; и такое распредѣленіе, легко можетъ быть, намъ досталось, какъ наслѣдіе отъ древней Халден, прославленной своими астрономическими и календарными вычисленіями ¹⁾. По показанію г. Менана, зодіакъ, именуемый „путемъ солнца“, as-ru, у Ассиріянъ былъ раздѣленъ на 12 частей; раздѣленіе основано на измѣненіяхъ и видахъ луны; каждой изъ 12-ти частей соответствовало одно изъ созвѣздій, посвященныхъ великимъ богамъ. Такимъ образомъ дни соответствовали планетамъ, а знаки зодіака — созвѣздіямъ. Но имена этихъ созвѣздій недостаточно еще выяснены и представляютъ значительныя затрудненія при ихъ чтеніи ²⁾. При такомъ положеніи

¹⁾ Дни, по всей вѣроятности, были посвящены: Солнцу (Sonntag, Sunday), Луны (Lundi, Montag, Monday), Марсу (Mardi, Martis dies), Меркурію (Mercredi, p. Mercurii), Юпитеру (Jeudi, Jovis dies, Donnerstag), Венерѣ (Vendredi, Veneris dies) и Сатурну (англійск. Saturday, Saturni dies).

²⁾ *Ménad*, Syllab. II, 355

дѣла, едва ли возможно безошибочно опредѣлить, въ настоящее время, соотношенія мѣсяцевъ и дней съ божествами Халдеевъ и знаками ихъ зодіака ¹⁾.

Изъ свѣдѣній, нами изложенныхъ, о религіозныхъ мірованіяхъ древнихъ Вавилонянъ, усматривается, что ихъ божества не имѣли характера столь опредѣленнаго, обособленнаго, индивидуальнаго, каковой поздне присвоенъ былъ каждому божеству греческаго пантеона. Божества Халдеи часто выражаютъ общія понятія: богъ, владѣя, царь, богиня, природа; одно божество нередко замѣняетъ другое, ихъ признаки часто сливаются. Въ трехъ символическихъ таблицахъ, нами описанныхъ, мы не замѣчаемъ столь же строго-систематически, такъ сказать, симметрически выработанной теософемы, какую указали, въ другомъ нашемъ изслѣдованіи, изображенную на стѣлахъ Ваніана близъ Ниневіи; на таблицахъ Мардукиднакхи символическіе знаки разбросаны произвольно, безъ опредѣленнаго порядка. Тѣмъ не менѣе, между ними замѣчаемъ группы, повторяющіяся на каждомъ изъ трехъ памятниковъ, и въ нихъ узнаемъ довольно точно установленныя понятія и представленія. Группы составлены преимущественно изъ триадъ и повторяютъ, съ незначительными отступленіями, одни и тѣ же основныя. Приведемъ въ короткихъ словахъ перечень этихъ триадъ; такое перечисленіе намъ послужитъ, въ то же время, выводомъ изъ предъидущихъ изысканій, *résumé*. На символическихъ таблицахъ Мардукиднакхи мы усматриваемъ:

1. Осложное божество Вавилонянъ, первобытную монаду, богъ Илу, съ характеромъ злаго и лстиваго божества — змѣя. Этотъ символическій знакъ бросается въ глаза по своему значенію и своей величинѣ; около него группируются остальные.

2. Діаду, Адара и Гулу, олицетворяющихъ первобытныя дуализмы. Замѣчательно, что символами этой основной пары избраны короны, вѣнцы, тиары владычества, *age bititi*; и дѣйствительно, не только на территоріи Вавилона и Ассиріи, но во всей западной Азіи мы замѣчаемъ господство кроваваго и развратнаго культа Бурноса и Ревъ, съ его мистеріями, волшебствами, и повлеченіемъ подвешенныхъ богамъ. Здѣсь родина и царство этого фанатическаго, жеступленнаго

¹⁾ Указаніе знаковъ зодіака, именъ мѣсяцевъ и боговъ, которымъ, полагають, были посвящены и тѣ и другіе, помѣщено въ *Leportant, Orig. de l'Hist. изд. 1880 г. р. 140 sqq.* Менавъ (Syllab. II, 368) приложилъ къ своему изданію списокъ мѣсяцевъ и ихъ монограммы.

культы: основное, полузабытое божество Илу принимает отчасти тотъ же характеръ, змѣйный образъ, и тѣмъ же характеромъ запечатлѣно, какъ мы знаемъ изъ исторіи, господствующее божество Бел или Вааль, въ которомъ Греки узнаютъ, по всѣмъ признакамъ, своего Зевса, но котораго иногда считаютъ и за Кроноса.

Далѣе мы видимъ:

3. Основную космическую триаду, царствующую, составленную изъ божествъ: Ану, Хеа, Бел, раздѣлившихъ между собою власть надъ вселенною, и къ нимъ присоединено—

4. Основное женское божество, природа рождающая, именуемое: Белгисъ, великая мать боговъ. Далѣе—

5. Соответствующую тѣмъ же силамъ астральную триаду, Sin, Samas, Istar, солнце, мѣсяцъ и звѣздный миръ.

6. Триаду, такъ сказать идеальную, абстрактное понятіе о божествѣ: предѣльный разумъ, жизнь и разрушеніе—Nebo, Serah, Iskhara.

И въ остальныхъ шести символическихъ знакахъ мы узнаемъ опять же триады:

7. Bin, Nirgalu и Marduk.

и 8. Turda, Zamal, Malik.

Bin, или Vul, въ указанной здѣсь триадѣ соответствуетъ первому фазису вѣрованій, божеству первобытному, удалившемуся въ преисподнюю, въ зѣвотный мракъ, божеству подземному, какъ и въ Греціи Вулканъ, богъ вечерній, богъ огненной стихіи, ковачь металла, обитающій въ кратерѣ Этны, составляющій, въ сущности, перерожденіе Ада, и его замѣняющій на греческомъ Олимпѣ. Тому же фазису вѣрованій соответствуютъ, въ предыдущихъ указанныхъ нами триадахъ, божества: Ану (Аидъ); Sin, мѣсяцъ, свѣтило ночи; Nebo (Анубис) и его собака, и то же понятіе намъ напоминаетъ свѣточъ ночи, лампа хранителя спротивъ Турды, показаннаго въ послѣдней триадѣ.

Второму фазису вѣрованій соответствуютъ въ тѣхъ же триадахъ: Хеа, представитель водянаго культа; Istar, олицетвореніе начала женственности; Nirgalu, Iskhara, Zamal олицетворяющіе принципъ борьбы и смуты.

Къ третьему фазису, къ царственному поколѣнію боговъ, относимъ Samas, солнце, видимое проявленіе этой силы; жизнедателя Serah и божества—Bel, Marduk и Malik.

При томъ же выборѣ и расположеніи символическихъ знаковъ проявляются иныя триады, такъ сказать, параллельныя или перекрестныя, повторяющія тѣ же основныя понятія; изъ нихъ мы уже

указывали: триаду историческую — Шу, Adar, Bel; триаду женскихъ божествъ — Anat (Gula), Belit, Istar; триаду Гермеса — Nebo, Zamall, Malik; укажемъ еще триаду борьбы — Nirgalu, Iskhara, Zama; и триаду господства — Bel, Marduk, Malik.

Едва ли самая цвѣтистая фантазія въ состояніи была бы отыскать въ знакахъ непонятныхъ, изваянныхъ на камнѣ безъ объяснительнаго текста, и повидимому разбросанныхъ въ безпорядкѣ, столь стройную систему понятій и представленій, какую мы указали, если бы эти понятія не заключались дѣйствительно въ изображенныхъ символическихъ знакахъ, если бы художникъ, при самомъ ихъ начертаніи, не вложилъ въ нихъ опредѣленнаго смысла и не позаботился самъ о томъ, чтобы каждый изучающій его твореніе и размышляющій могъ, по разнымъ примѣтамъ, восстановить тотъ рядъ представленій, который художникъ имѣлъ въ виду. Значеніе и выборъ символическихъ знаковъ на изучаемыхъ нами трехъ памятникахъ, по всей вѣроятности, не составляли плода минутнаго вдохновенія и каприза; художникъ, изобразившій знаки на камнѣ, рѣзчикъ, харапш¹⁾, отнесся довольно свободно къ ихъ выбору, безъ затрудненія замѣняя одинъ символическій знакъ другимъ и видоизмѣняя ихъ взаимныя положенія, въ различныхъ памятникахъ, смотря по надобности, для выраженія и усиленія того или другаго абстрактнаго понятія и даже отъѣна представленій. Такое отношеніе художника къ имѣющемуся подъ рукою матеріалу нельзя объяснить иначе, какъ предположивъ существованіе обширнаго запаса символовъ, цѣлаго лексикона условныхъ знаковъ, давно употребительныхъ, общепринятыхъ, общеизвѣстныхъ по ихъ смыслу, и которые составляли результатъ продолжительныхъ умственныхъ спекуляцій, многолѣтнихъ, вѣковыхъ соображеній, со стороны ученыхъ жреческихъ корпорацій, надъ народными вѣрованіями и преданіями. Художникъ, передавшій намъ на камняхъ Мардук-идинахи, идеи и преданія древней Халдеи, повидимому хорошо владѣлъ этою іероглифическою азбукою, этимъ, такъ сказать, образнымъ, фигурнымъ языкомъ пластики.

Въ заключеніе считаемъ обязанностью просить извиненія у благосклоннаго читателя, если онъ имѣлъ терпѣніе прослѣдить до конца

¹⁾ Такъ, по свидѣтельству Библии, именовался въ то время первоклассный художникъ, «мудрый сердцемъ, какъ-лебъ», ему обыкновенно приписывала умные рѣзать узоры на золотѣ, серебрѣ, на мѣди и на стали или желѣзѣ, на камнѣ и на деревѣ. Исх. 35, 35; 36, 1; I; Reg. 7, 14.

наше изслѣдованіе, извиненія въ томъ, что потратили мы столько труда, и похитили у самаго читателя столько драгоценнаго времени, на объясненіе и по возможности точное опредѣленіе смысла какихъ-то знаковъ или значковъ, изображенныхъ на камняхъ, брошенныхъ, и валяющихся въ поляхъ, откуда они доставлены въ музеи Европы пытливыми путешественниками, охотниками до всякаго куріоза. Намъ представлялось это изслѣдованіе весьма важнымъ, и вотъ по какимъ причинамъ:

Въ исторіи искусствъ, наукъ, весьма занимательной, излагающей въ исторической послѣдовательности постепенное развитіе художественной пластической формы у всѣхъ народовъ земнаго шара, развитіе, поражающее своею стройностью и правильностью, излагающей и различныя приемы, употреблявшіеся великими художниками для выраженія абстрактныхъ идей, психической жизни своего народа и современниковъ, всего пережитоваго и передуманнаго; а также и въ археологіи, какъ наукѣ о памятникахъ, о ихъ значеніи, о содержаніи имѣющихся на нихъ изображеній, невозможно разсудительно толковать о какомъ бы то ни было художественномъ произведеніи, не понимая его вполне; невозможно, напримѣръ, объяснять картину или барельефъ, не зная и не понимая всего на нихъ изображеннаго. Если художникъ изобразилъ на картинѣ или рельефѣ какую либо фигуру, надо же знать, съ какою цѣлью онъ ее изобразилъ, какой смыслъ она имѣетъ; иначе изслѣдователь или излагатель науки будетъ толковать о томъ, чего самъ не понимаетъ.

Проникая въ глубь вѣковъ, приближаясь къ источникамъ и началамъ искусства, мы встрѣчаемъ на весьма многихъ барельефахъ Ассиріи символическіе знаки, подобные тѣмъ, объясненію которыхъ мы посвятили настоящее изслѣдованіе. Въ ассирійской скульптурѣ подобные знаки попадаются чаще, нежели на барельефахъ греческихъ и римскихъ. Пониманіе ассирійской скульптуры было бы не полно, если бы не былъ найденъ ключъ къ истолкованію этихъ второстепенныхъ, придаточныхъ эмблемъ и знаковъ. Мы полагали возможнымъ отыскать ключъ къ объясненію такихъ символовъ, избравъ двѣ или три таблицы, на которыхъ наиболѣе ихъ изображено, для внимательнаго ихъ изученія и изслѣдованія. На сколько успѣли мы приблизиться къ предназначенной себѣ цѣли, предоставляемъ судить читателю.

Объясненіе символическихъ знаковъ на трехъ памятникахъ эпохи Мардукидинахи насъ ознакомило съ весьма любопытными данными,

касающимися религіозныхъ вѣрованій народовъ, обитавшихъ Ассирію и Халдею, имѣющими, въ то же время, прямое отношеніе и къ вѣрованіямъ древнихъ Грековъ и Римлянъ, и вообще къ вѣрованіямъ всѣхъ народовъ древняго языческаго міра. Подобныя изслѣдованія, мы полагаемъ, не бесполезны и для объясненія символическихъ знаковъ, часто встрѣчаемыхъ на вавилонскихъ цилиндрахъ, печатяхъ и геммахъ, и на многочисленныхъ памятникахъ классическаго искусства, и даже для нумизмата, при объясненіи необъятнаго числа, иногда крайне замысловатыхъ эмблемъ и знаковъ, попадающихся на древнихъ монетахъ и медаляхъ ¹⁾).

Въ развитіе основной нашей мысли и въ видѣ опыта примѣненія на дѣлѣ результатовъ нашего изслѣдованія, приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ той же области памятниковъ, изъ обломковъ, найденныхъ въ долинѣ Тигра и Евфрата.

Въ Британскомъ музеѣ, въ отдѣленіи ассирійскихъ памятниковъ, хранится плоскій камень, темнаго цвѣта, съ надписью, относящаяся къ древнѣйшимъ царямъ Халдеи, съ изображеніемъ знакомыхъ намъ трехъ престоловъ, съ тѣми же символическими животными передъ ними и съ тѣми же на нихъ символическими знаками: копьемъ Ану, оконечностью стрѣлы или перуномъ Ваала, со змѣемъ божества Хеа и присвоеннымъ ему быкомъ или козломъ. Работа—довольно отчетливая, но въ стилѣ нѣсколько болѣе архаическомъ, нежели на памятникахъ эпохи Мардукидинахи. Этотъ любопытный образецъ рѣзнаго искусства Халдеевъ свидѣтельствуетъ, что тѣ же самые символы были въ употребленіи за долго до эпохи Мардукидинахи, и что въ ихъ изображеніи не допускалось значительныхъ перемѣнъ ²⁾).

Въ томъ же изданіи гг. Опперта и Менана, на которое мы уже имѣли случай сослаться: *Documents juridiques de l'Assyrie et de la Chaldée* (изд. 1877 г. gr. 8°, p. 129), напечатанъ рисунокъ, снятый съ бѣлой каменной плиты, найденной покойнымъ G. Smith'омъ на берегу Тигра, напротивъ Багдада, и привезенной имъ въ Англію. Из-

¹⁾ Разумѣется, было бы крайне неумѣстно примѣнять тѣ же основанія къ объясненію звѣрей и чудовищъ, изображенныхъ на стѣнахъ Дмитровскаго собора въ г. Владимірѣ и готическихъ церквей Германіи, а также въ миниатюрахъ средневѣковыхъ манускриптовъ, хотя и въ нихъ, можетъ быть, отразились отдаленные отголоски и воспоминанія о преданіяхъ и символахъ древней Халдеи.

²⁾ *Thompson, Brit. Mus. photograph № 573. Three stones, with inscriptions relating to the early Chaldaean kings. Muzeyer.* Безъ означенія года.

дателя называютъ плиту: *Stèle de Bagdad, Inscription de Marduk-habal-idin*. Время царствованія этого властителя трудно опредѣлить; плита имѣетъ $1\frac{1}{2}$ аршина вышины; на одной ея сторонѣ, въ трехъ горизонтальныхъ полосахъ, изображены различныя символическія знаки, на оборотѣ помѣщена надпись. Плита сильно повреждена и рисунокъ, съ нея снятый, исполненъ весьма неудовлетворительно. Это обстоятельство крайне затрудняетъ точное опредѣленіе всѣхъ изображенныхъ фигуръ и полное ихъ объясненіе. Ошибки, при такихъ данныхъ, въ толкованіи, почти неизбежны. Въ нижней полосѣ, въ основаніи всѣхъ изображеній, лежитъ змѣя, имѣющая сходство съ символомъ бога Илу, вырѣзанномъ на камнѣ *Bit-Ada*, но въ стилѣ, болѣе архаическомъ, и съ двумя рогами на головѣ. Это божество, конечно, легло въ основу новой религіозной системы, въ ту отдаленную эпоху умственного броженія, о которой мы упоминали, и было причиною перваго раздвоенія вѣрованій; такое его значеніе и выражено двумя его рогами. На его хребтѣ узнаемъ быка съ поднятою ногою, символъ божества Хеа, и на спинѣ животнаго — присвоеннаго тому же божеству змѣя или дракона; но престола нѣтъ между быкомъ и дракономъ бога Хеа. Престолы придають болѣе изящества и законченности символическимъ группамъ; но, видно, не всегда употреблялись. Позади этого символа стоитъ грозный сфинксъ или крылатый левъ, съ разверзнутою пастью. Мы различаемъ, такимъ образомъ, первую триаду, которую составляютъ: *Illinos, Aos* и неизвѣстное намъ божество, сфинксъ.

Во второй полосѣ узнаемъ животное съ двумя рогами божества *Auu* или *Бел-Нипрут*, съ его же копьемъ на спинѣ; но безъ престола, котораго не показано и при символѣ бога Хеа. Далѣе лежитъ четвероногое, котораго породу невозможно опредѣлить; на его спинѣ изображены перуны *Бина* или бога *Бел-Мардук*, *Зевса* атмосферическаго, въ видѣ двухъ извилистыхъ или ломанныхъ полосъ. Далѣе птица на подставѣ; подстава обломана, вѣроятно была раздвоенная, и воспроизводила символъ божества *Сирах*. Такимъ образомъ усматриваемъ вторую триаду, *Auu, Serah, Bel* (или *Bin*), позади которой изображенъ совершенно новый для насъ символъ — высокая пирамида уступами, которой вершина проникаетъ въ третью, верхнюю полосу символическихъ знаковъ. На послѣдней, верхней полосѣ, изображена триада *Гермеса*: собака божества *Небо* съ хвостомъ, загнутымъ спирально, и два чудовища камня *Michaux*, изображающія божества *Малик* и *Замал*. Выше надъ ихъ головами: *Син, Самас, Иштар*. По-

слѣднюю изображаетъ восьмиконечная звѣзда, вписанная въ кругъ; бога Sin—обычный полумѣсяцъ; а бога Samas—крестообразный знакъ въ кругъ и лучи свѣта, изливающіеся на четыре стороны. Рядомъ видимъ пятую триаду: на вершинѣ пирамиды фигуру, весьма неопредѣленную и поперченную, которую легко можно принять за орла, символъ бога Мардукъ, именуемаго по показанію г. Менана (Syllab. I. c. v. s.) „le Maître des oracles“. Извѣстно, что на вершинѣ Вавилонской пирамиды помѣщалась часовня съ оракуломъ божества ¹⁾, а у подножія пирамиды пещера (antre), внутренній храмъ или мѣсто упокоенія (покой, комната, гробница бога Вѣлос). Около предполагаемаго орла видимъ весьма ясно: лампу Турды и скорпіона бога Ниргалу. Такимъ образомъ, пятую триаду составляютъ Turda, Nirgalu, Marduk. На верхней полосѣ изображены три триады; всего же съ нижними полосами мы насчитали 15 символическихъ знаковъ, крогѣ пирамиды. Отыскать остальные четыре, недостающіе противъ числа, показаннаго на камняхъ Hankas, Bit-Ada и Michaux, можемъ слѣдующимъ способомъ: въ серединѣ нижняго уступа пирамиды замѣта высокая узкая входная дверь, обозначающая вѣроятно внутренній храмъ (гротъ или пещеру), устроенный въ этомъ мѣстѣ; у его вхои видимъ нѣчто въ родѣ лежащаго животнаго съ двумя рогами, это первый изъ 4-хъ символовъ, которые разыскиваемъ. Другой мы можемъ приобрѣсти, если станемъ считать за два отдѣльные знака неопредѣленное въ той же средней полосѣ лежащее четвероногое и перуны изображенные на его спинѣ; но такое раздѣленіе едва-ли возможно допустить по аналогіи съ другими фигурами, изображенными на той же таблицѣ. Третій символъ, вѣроятно, занималъ мѣсто у головы змія въ нижней полосѣ; но до такой степени обломанъ, что его фигуру невозможно опредѣлить. Четвертый символъ составляетъ упомянутая нами пирамида.

Знаменитая башня языковъ, седьмое чудо въ свѣтѣ, величавый памятникъ Borsirra (Birs-Nimrud) именуется въ надписяхъ: Bit-Zida „обитель“ или „храмъ правой руки“ ²⁾. Lepormant сопоставляетъ съ этимъ выраженіемъ цилиндръ, на которомъ изображена пирамида уступами, а на ея вершинѣ колоссальная рука; кругомъ — изображенія

¹⁾ Herodot., I, 181, sqq.

²⁾ Inscr. d. l. Comp. des Indes, W. A. I. I, 54 и 55, C. III, l. 36—56. Lepormant, Bérose, p. 377. Zida ibid. p. 367.

семи божествъ, поклоняющихся этому великому основному божеству ¹⁾. Ниже будетъ объяснено, что великая мать боговъ Beltis именовалась: *idu gabi* „сильная, властная рука“. Массивная пирамида уступами, мы полагаемъ, служила символомъ богини, символомъ материнъ вѣчной и неподвижной, какъ тотъ кубъ, изъ котораго составлены уступы пирамиды, и который позднѣе служилъ символомъ Реи (Кибелы), ея сѣдалищемъ.

Имя того древняго царя, который началъ воздвигать Вавилонскую пирамиду (онъ ее оставилъ недоконченною, бури и дожди разрушили ея вершину), уже было позабыто Навуходоносоромъ и его ближайшими предшественниками ²⁾. На ея вершинѣ, какъ уже сказано, позднѣе была устроена часовня съ оракуломъ, посвященная богу Бел-Мардук или богу Небо. Какъ божества пророчества они замѣняли другъ друга. Нижній уступъ пирамиды, окрашенный, судя по изслѣдованіямъ г. Роулисона, черною краскою ³⁾, съ его пещерою (*Temin Ani* „хр. божества или хр. бога Ану“) былъ посвященъ подземнымъ божествамъ, изображалъ необъятное царство смерти, царство богини Анаты (*Anu-rit, Gula*), символомъ которой и можно считать животное съ двумя рогами, лежащее у входа въ пирамиду. Изображенный подъ послѣднимъ указаннымъ символомъ и подъ изображеніемъ пирамиды, въ нижней полосѣ символическихъ знаковъ, свирѣпый колоссальный сфинксъ или крылатый левъ, вполне соотвѣтствуетъ характеру божества Адыра, къ которому мы рѣшаемся его отнести. Обломанный знакъ у головы змѣя могъ представлять стрѣлу Исхары. Правильно опредѣленными мы считаемъ знаки, весьма похожіе по начертанію на символы, изображенные на памятникахъ Мардукидинахи: 1) божества Илу, 2) Хеа, 3) Ану, у подножія пирамиды, съ копьемъ,

¹⁾ *Lajard, Culte de Mithra pl. XXVII, № 5. Lenormant, Béroze, p. 381.*

²⁾ Надп. Навуход. W. A. I, I, 51, 1. *Lenormant*, исправляя невѣрное чтеніе этой надписи, напечатанное въ своемъ *Manuel d'Hist. anc. de l'Orient*, и чтеніе г. Опшера, признаетъ однакоже правильнымъ переводъ: *ultu yum rikut inpatu, inde a diebus diluvii derelinquerant (templum memoriale Borsipporum)*. *Béroze, p. 351.*

³⁾ *Journ. Roy. Asiat. Soc. XVIII, p. 1 — 31.* Цвѣта окраски или обшивки семи уступовъ пирамиды г. *Lenormant* опредѣляетъ по найденнымъ обломкамъ въ слѣдующемъ порядкѣ, соответствующемъ днямъ недѣли, начиная сверху: золотой (*Sol*), серебряный (*Lun.*), красный (*Mart*), голубой (*Mercur.*), пурпуровый (*Jovis*), бѣлый (*Vener.*), черный (*Saturn.*). *Lenormant, Béroze, p. 369, 377, 378. Sp. Dicn. Cassius 38, 19, Herod. I, 98, G. Rawlinson, Hist. of Herod. I, 242.*

4) Bin, 5) Сирах, 6) Небо, 7) Малик, 8) Замал, 9) Син, полумѣсяцъ, 10) Самас, 11) Istar, 12) Турды, 13) Ниргалу; два новыя символа— 14) пирамиду уступами относимъ къ богинѣ Beltis, и 15) крылатого сфинкса—къ богу Adar. Подъ сомнѣніемъ, по неясности изображеній, считаемъ: 16) орла божества Magduk на вершинѣ пирамиды и 17) животное съ двумя рогами богини Anat (Gula) у ея подножія, при входѣ въ пещеру. Мѣсто для 18-го символа, Исхары, мы указали у головы змѣя; 19-й символъ, бога Bel, мы затрудняемся указать.

На мраморномъ барельефѣ, хранящемся въ Британскомъ музеѣ, изображенъ упомянутый нами выше портретъ ассирійскаго царя Самсибина, сына Салманасара (824 г. до Р. X.), на груди царя крестообразный знакъ, символъ основнаго божества Ану, а надъ портретомъ царя изображены пять символическихъ знаковъ: 1) круглая тиара съ тремя парами роговъ, agu biluti, тиара господства, которую относимъ къ царствующему божеству Bel; 2) крылатый дискъ Ассура, 3) полумѣсяцъ божества Sin, 4) перуны бога Бина или Рамману и 5) восьмиконечная звѣзда, вписанная въ кругъ ¹⁾. Послѣдній знакъ мы отнесли бы къ богинѣ Istar, если бы насъ не удерживали нижеслѣдующія соображенія. По числу знаковъ, надо полагать, что на барельефѣ изображены двѣ триады, иногда упоминаемыя въ надписяхъ: Assur, Anu, Bel, и триада—Sin, Samas, Bin. Восьмиконечная звѣзда, вписанная въ кругъ, имѣетъ много сходства съ символомъ солнца (Samas), состоящимъ изъ крестообразнаго знака, вписаннаго въ кругъ, съ крестообразнымъ же на немъ изображеніемъ лучей, изливающихся на четыре стороны; а потому, мы полагаемъ, что первый изъ двухъ указанныхъ нами символическихъ знаковъ замѣнялъ второй и обозначалъ, смотря по надобности и по расположенію другихъ знаковъ, то божество солнца (Samas), то богиню Istar, звѣзда которой, по строгому смыслу преданій, вѣроятно была семиконечная, какъ на к. Bit-Ada. Восьмиконечную звѣзду на портретѣ Самсибина мы считаемъ за символъ солнца, Samas.

Въ Британскомъ же музеѣ хранится другой мраморный барельефъ съ портретомъ ассирійскаго царя Ассурназирпала (884 г. до Р. X.), найденный въ развалинахъ сѣверо-западнаго дворца Ниневія, съ жертвенникомъ или каменною курильницею передъ нимъ ²⁾. Надъ головою

¹⁾ *Thompson, Brit. Mus. еотограѣія № 354, Marble tablet of Samsivul son of Salmaneser, S. E. Palace of Nimrud, и наши рис. табл. III, фиг. 30.*

²⁾ *Thompson, Brit. Mus. еотограѣія № 353; Marble altar and tablet of Assurnazirpal. N. W. Palace of Nimrud. Ср. наши рис., таб. III, фиг. 35—42.*

царя изображены тѣ же пять символическихъ знаковъ, какъ и на предыдущемъ указанномъ рельефѣ; а на груди царя, на ожерелии, въ видѣ орденскихъ знаковъ, помѣщены еще три символа: 1) крестообразный знакъ божества Ану, 3) такой же крестообразный знакъ, но вписанный въ кругъ, въ которомъ узнаемъ символъ солнца (бога Samas), точно такъ же изображенный, какъ и на скалахъ Бавіана, безъ изливающихся лучей въ видѣ ломанныхъ линий, и съ другой стороны отъ Ану, 3-й символъ, подковообразный, богини Beltis.

Въ данномъ здѣсь примѣрѣ мы видимъ два вида крестообразнаго символа, сопоставленные рядомъ: одинъ вписанный въ кругъ планетарномъ, а другой безъ круга. Признавая первый изъ нихъ за символъ солнца, а второй за символъ Ану, мы не затрудняемся отнести восьмиконечное сіяніе, изображенное въ планетарномъ же кругу, между символическими знаками верхняго ряда, къ богинѣ Istar, и такимъ образомъ получаемъ тѣ же двѣ триады, какія изображены на таблицѣ Самсибина: основную, составленную изъ боговъ Assur, Anu, Bel, астральную—Sin, Samas, Bin, и съ добавленіемъ къ нимъ діады—Beltis, Istar.

Въ томъ же Британскомъ музеѣ, наконецъ, имѣется третій барельефъ, на каменной плитѣ, изображающій Салманасара II, отца Самсибина (859 л. до Р. X.), но сильно вывѣтрившійся и поврежденный ¹⁾. Надъ головою царя помѣщены тѣ же пять символическихъ знаковъ, что и на предыдущихъ барельефахъ, но въ иномъ порядкѣ: самый верхній знакъ составляетъ символъ Ассура, за нимъ слѣдуютъ восьмиконечная звѣзда богини Istar, тиара божества Bel, полумѣсяцъ бога Sin, перуны Бина и на груди царя символы божествъ Anu, Samas, Belit.

Крылатый дискъ Ассура, на таблицахъ Ассурназирпала и Самсибина составленъ изъ трехъ частей: 1) кольца, въ которое вписана розетка о восьми лепесткахъ, 2) раздвоенной надъ нимъ тесьмы или повязки и 3) двухъ рядовъ перьевъ, окружающихъ дискъ съ трехъ сторонъ въ видѣ полукруга. Надъ портретомъ Салманасара тотъ же символъ удержалъ болѣе древнюю форму: перья распространяются отъ центральнаго диска въ разныя стороны тремя лучами, въ видѣ двухъ крыльевъ и хвоста птицы. Тиара Ваала, тиара господства, agu biluti, представлена надъ портретами Ассурназирпала и Самсибина

¹⁾ Thompson, Brit. Mus. Monographs № 421. Limestone tablet of Shalmaneser II. From Kirk. См. табл. III, фиг. 43, 44 и 45.

en face, надъ портретомъ Салманасара въ профиль. На портретѣ Салманасара, перуны Бина обращены своими двумя вѣтвями къ низу и расположены подъ символомъ Зевеса (Bel), какъ будто указывая на средство этихъ двухъ администраторовъ атмосферы. Рядомъ съ символомъ божества Bin, видѣются слѣды еще одного символическаго знака, но до такой степени разрушеннаго, что нѣтъ никакой возможности сообразить и даже приблизительно опредѣлить, какую онъ имѣлъ форму. Если этотъ знакъ дѣйствительно существовалъ, то къ поименованнымъ нами двумъ триадамъ: Assur, Anu, Bel и Sin, Samas, Bin, была присоединена еще третья триада, составленная изъ богинь Beltis, Istar и божества, которое въ настоящее время невозможно указать. На томъ же портретѣ, на груди царя, между знаками Anu и Beltis, изображенъ, какъ и на таблицѣ Ассурназирпала, символъ бога Samas; на груди Салманасара этотъ знакъ имѣетъ восемь вѣтвей: такимъ образомъ, мы видимъ на одномъ и томъ же памятникѣ два восьмиконечныя сіянія, или двѣ звѣзды, вписанныя въ планетарный кругъ. Одинъ изъ этихъ символовъ, нижній, на груди царя, относимъ къ богу Samas, другой верхній къ богинѣ Istar kakkabi; указываемъ на этотъ примѣръ въ подтвержденіе нашего предположенія, высказаннаго выше, что восьмиконечная звѣзда въ кругу могла обозначать, при различной обстановкѣ, и то, и другое божество.

Три послѣдніе приведенные нами примѣра свидѣтельствуютъ, что символическіе знаки, нами изучаемые, не только изображались на различныхъ памятникахъ эпиграфики и скульптуры, какъ символы, но также носились на одеждѣ, при торжественномъ облаченіи, въ видѣ нашихъ орденскихъ и тому подобныхъ знаковъ, имѣя значеніе амулетовъ, талисмановъ, или какъ insignia fidei.

Различныя указанія нами сочетанія подтверждаютъ предположеніе, ранѣе сдѣланное, о давнемъ существованіи разнообразныхъ подобныхъ символическихъ группъ, основанныхъ на какихъ-либо древнихъ религіозныхъ обрядахъ, преданіяхъ или молитвенныхъ ритуалахъ; изъ нихъ, по всей вѣроятности, сравнительно только весьма немногія дошли до насъ.

Мы сочли бы крайнею забывчивостью съ нашей стороны, если бы подъ конецъ не упомянули о портретѣ царя Мардукидивахи, имя котораго намъ приходилось столь часто помянуть, и если бы не помѣстили снимка съ него въ числѣ нашихъ рисунковъ (табл. V, фиг. 48). Онъ осыпалъ своими милостями, какъ объяснено въ надписяхъ, жениха Таб-асап-Мардука, того, который начерталъ или ве-

дѣлъ изготовить надпись камня Michaux, и многіе изъ участвующихъ во всѣхъ трехъ договорахъ принадлежали къ двору того же властителя; едва ли не всѣ три участка земли составляли плоды его щедротъ, которыхъ межеваніе описано на указанныхъ нами трехъ памятникахъ. Портретъ самаго царя изображенъ на лицевой сторонѣ камня Nankas, во весь ростъ, и довольно точно воспроизведенъ въ изданіи Томкинса: *Studies on the times of Abraham*. Мардукидинахки на портретѣ облеченъ въ богатую одежду, покрытую узорами; опоясанъ широкимъ кушакомъ; на его головѣ цилиндрическая тиара, украшенная перьями на вершинѣ, съ вышитыми на ней розетками и символическими животными. Онъ держитъ въ одной рукѣ лукъ, въ другой двѣ стрѣлы. Типъ его лица рѣзко отличается отъ общаго типа ассирійскихъ царей и вообще отъ типа азіата, семита (сличи упомянутый выше портретъ Самсибиа фиг. 30), и скорѣе приближается, какъ намъ кажется, по чертамъ и выраженію, къ типу великоруса. Если замѣнить его тиару высокою мѣховою шапкою, можно было бы принять портретъ за изображеніе какого-либо древняго московскаго боярина или современнаго намъ, здороваго, коренастаго русскаго торговца съ береговъ Волги, Оки или Москвы рѣки. Смѣемъ надѣяться, что насъ не станутъ обвинять, за послѣднее сравненіе, въ ультрахалдеизмъ, въ желаніи доказать, что древніе Рощъ (Rus) и Мосохъ (Muskov) были нашими предками и родственниками Аккадовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Объ именахъ ассирійскихъ и вавилонскихъ божествъ.

Въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за апрѣль 1881 года напечатана статья *К. П. Патканова* подъ заглавіемъ «Вавилонскія надписи», въ которой нашъ почтенный ориенталистъ проводитъ, между прочимъ, слѣдующую мысль (стр. 248): чтеніе собственныхъ именъ ассириологами едва ли можно признавать вѣрнымъ, такъ какъ одинъ и тотъ же знакъ въ клинообразныхъ иероглифахъ имѣетъ, весьма часто, три или четыре различныя значенія и произношенія. Такъ, напримѣръ: группа, произносимая *mat*, страна, можетъ быть читаема также — *kur*, *pal*, *pat*, *zat*, и имѣетъ, кромѣ того, идеографическое значеніе—рука, взять, идти. Если бы мы пожелали, продолжаетъ г. Паткановъ, написать клинообразными знаками имя города Нарвы, состоящее изъ двухъ

словъ Нар-ва, то оказалось бы, что слогъ nar можно читать lup, lul, lip, ran, gar, и слогъ va можно произносить pa.

Замѣчаніе, сдѣланное многоуважаемымъ профессоромъ, совершенно справедливо въ отношеніи къ малоизвѣстнымъ именамъ армянскихъ царей и божествъ, упоминаемымъ въ вавилонскихъ надписяхъ, о которыхъ онъ пишетъ. Ассириологи сами въ этомъ сознаются, не достигнувъ по настоящее время до свободного и безошибочнаго чтенія этихъ надписей, не зная даже, на какомъ языкѣ говорили племена, обитавшія древнюю Армению и начертавшія надписи на ея скалахъ. Сдѣланное замѣчаніе справедливо и въ отношеніи къ нѣкоторымъ именамъ ассирійскихъ и вавилонскихъ царей, городовъ и частныхъ лицъ, встрѣчающимся въ надписяхъ, найденныхъ въ развалинахъ Ассиріи и Халдеи; но, полагаясь, его не слѣдуетъ распространять на всѣ имена, попадающіяся въ надписяхъ, и на имена главныхъ ассирійскихъ божествъ, преимущественно насъ занимающія, имена, хорошо знакомыя ассириологамъ изъ многочисленныхъ параллельныхъ текстовъ, по ихъ транскрипціи различными способами и съ различною орфографіею, а также по указаніямъ Библии, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ греческими и римскими писателями, и изъ многихъ другихъ источниковъ, хотя нельзя отрицать, что и при чтеніи извѣстѣйшихъ именъ ассирійскаго и халдейскаго пантеона иногда возникаютъ такія же затрудненія и недоумѣнія, какъ и при чтеніи извѣстѣйшихъ твореній древнихъ поэтовъ, напримѣръ, Вергилія и Гомера, и даже ихъ именъ.

Ассириологи не разъ выражали сожалѣніе, что, не смотря на замѣчательные успѣхи, ими уже сдѣланные въ разборѣ надписей, ихъ переводы встрѣчаютъ недобрыя, вовсе не заслуженное. Лучшимъ средствомъ противоудѣйствовать этому прискорбному явленію можетъ служить указаніе самаго способа разбора, дешифровки или анализа клинообразныхъ письменъ, ими примѣняемаго на дѣлѣ. Въ текстѣ нашего изслѣдованія мы уже имѣли случай объяснить, какимъ образомъ разрѣшаютъ специалисты по этой части встрѣчаемыя ими затрудненія при чтеніи; это указаніе мы сдѣлали по поводу вопроса о произношеніи имени бога Адар или Нинип. Полагаемъ не бесполезнымъ приложить къ нашему труду подробный разборъ именъ и другихъ божествъ, упоминаемыхъ въ томъ же текстѣ, провѣривъ ихъ чтеніе по изданнымъ syllabariis и словарямъ, не скрывая отъ читателя тѣхъ именъ, которыхъ чтеніе слѣдуетъ считать сомнительнымъ, и тѣхъ затрудненій, какія встрѣтили мы лично, въ этомъ дѣлѣ, по нашей неопытности.

Предварительно напомнимъ, что ассирійское письмо — syllabическое, что изъ гласныхъ въ немъ попадаются звуки a, i, u, дифтонги довольно рѣдко, а существованіе особыхъ звуковъ для означенія знаковъ e (= i), o (= u) подвержено сомнѣнію. Каждый знакъ, или группа клиньевъ, можетъ имѣть значеніе идеограммы или фонетическое значеніе; и каждый знакъ въ самомъ его начертаніи весьма часто видоизмѣняется, вслѣдствіе упрощенія его фигуры, сокращенія, или вслѣдствіе замѣны его составныхъ частей другими, съ ними сходными. Вообще ассириологи различаютъ: 1) *письмо иератическое*, въ которомъ первоначальный іероглифъ, грубое и примитивное изображеніе какого либо предмета или изображеніе условнаго знака, воспроизведены прямыми линіями, чертами; 2) *архаическое письмо*, попадающееся на древѣйшихъ

памятникахъ, въ которомъ начертаніе того же знака сдѣлано скоронисью и не чертами, но клиньями (coins), и 3) *письмо новѣйшее* (moderne), болѣе упрощенное.

Въ прилагаемыхъ при семъ двухъ таблицахъ (IV и V) мы перепечатали, клинообразными знаками, имена божествъ, вырѣзанныя на тѣхъ трехъ памятникахъ эпохи Мардукидинакхи, которымъ посвятили наше изслѣдованіе, и для болѣе легкаго обзора, размѣстили имена въ томъ порядкѣ, подъ тѣми же цифрами (арабскими числами), какъ и въ объясненіи ихъ значенія, излагаемомъ ниже. Сличеніе именъ на камняхъ Nankas и Bit-Ada указываетъ различныя способы начертанія одной и той же идеограммы или того же знака, допускаемые въ архаическомъ письмѣ; а сравненіе съ именами, вырѣзанными на камнѣ Michaux, даетъ намъ понятіе о транскрипціи, начертаніи того же знака, и въ новѣйшемъ письмѣ болѣе упрощенномъ, которымъ составлена, между прочимъ, и надпись Сенвахериба, упомянутая въ нашемъ изслѣдованіи, вырѣзанная на скалахъ Бавіана, близъ Ниневіи ¹⁾.

Имени každо божества всегда предшествуетъ звѣзда, на к. Michaux замѣняемая болѣе упрощеннымъ крестообразнымъ начертаніемъ того же знака. Эта идеограмма произносится ilu, что значитъ «богъ» на ассирійскомъ языкѣ, когда предшествуетъ имени божества (ilat, когда обозначаетъ «богиню»); въ другихъ случаяхъ, въ серединѣ и составѣ словъ, произносится an, какъ напримѣръ, въ 19 строкѣ нашей таблицы (V, 19) въ словахъ: gara anpa. Ménant, Syllabaire Assyrien I, p. 186 № 56.

Обратимся къ именамъ боговъ:

1. *Ел, Илу*. Это имя на к. Michaux написано двумя знаками; въ Rec. of the Past оно переведено однимъ словомъ—Ел, а въ Docum. jurid. de l'Assyr. (p. 90, с. III, l. 9) двумя словами: Bel-kit; ilu Bel-kit, deus Bel. Спрашивается, которому же чтенію слѣдовать? Обыкновенное начертаніе перваго знака, произносимаго il, воспроизведено въ нашей таблицѣ (V) подъ римскою цифрою I (Ménant, Syllab. I 186, № 42); на к. Michaux пропущены въ этомъ знакѣ двѣ верхнія черты ²⁾: оттого знакъ получилъ нѣкоторое сходство съ идеограммою Bel (Ménant, Syllab. II, 339), изображенною на той же нашей табл. подъ рим. цифр. II; отъ этого же пропуска, вѣроятно, происходитъ различное чтеніе я произношеніе переводчиковъ ³⁾. Точнѣе группа il воспроизведена на томъ же к. Michaux, ниже, въ имени «Великой Богини» (табл. IV, 5). Относительно втораго знака того же имени «Илу», слѣдуетъ имѣть въ виду, что ассиріологи различаютъ три отдѣльныя группы, произносимыя и или yu, e или bit, и kit, имѣющія, однако же, несомнѣнное сходство въ архаическомъ и новѣйшемъ письмѣ; онѣ изображены въ различныхъ начертаніяхъ новѣйшаго письма (formes modernes) на нашей таблицѣ V, подъ рим. цифр. III (Kit), IV (e или bit) и V (и или yu) ⁴⁾.

¹⁾ Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. Сент. 1880 г., табл. 2-я.

²⁾ Судя по транскрипціи въ W. A. I. I, 70 и у Millin, Mon. ant. inéd. I, 58.

³⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что въ Rec. of Past перепечатанъ тотъ самый переводъ, который помѣщенъ и въ Docum. Jurid., но пересмотрѣнный закономъ г. Оппертомъ предварительно его напечатанія въ англ. изданіи (revised, in some essential points, for the Records of the Past, by D-r. Oppert. vol. IX, p. 89).

⁴⁾ Ménant, Syllab. I 182 № 13, 196 № 14, и 210 № 134; Sayce, Assyri. Gram. 2-е изд. 1876 г. Syllabary №№ 142, 225 и 226.

Гг. Oppert и Ménant, въ Docum. Jurid. de l'Assyг. читаютъ второй знакъ перваго имени на к. Michaux (табл. IV, 1) Kit; архаическій знакъ во второмъ имени на к. Hankas и Bit-Ada, составленный изъ 4 вертикальныхъ клиньевъ и 3 поперечныхъ чертъ (табл. IV, 3), читаютъ также Kit, ilu Bel-kit, deus Bel, и тотъ же знакъ въ третьемъ имени на всѣхъ трехъ памятникахъ (табл. IV, 4) читаютъ—e, ilu Ea, deus Ea. Тотъ же знакъ Kit имѣетъ сходство и съ группою lu (табл. V, подъ рим. цифр. XIV), и состоитъ, какъ и сей послѣдній знакъ, изъ креста, вписаннаго въ квадратъ, но передній лѣвый клинъ перенесенъ на правую сторону и нижняя черта квадрата выпала при сокращеніи¹⁾. Такимъ образомъ, первое имя на камнѣ Michaux можно читать: il-u, il-lu, El-kit или Bel-kit. Kit, по объясненію г. Lenormant (Comm. de Bérose, p. 553) означало на языкѣ Аккадовъ *mir*, le monde: El-kit можно переводить «Богъ вселенной», Bel-kit «Князь міра сего»; но проще было бы и правильнѣе, какъ намъ кажется, чтеніе фонетическое Ilu, Il-lu²⁾.

2. *Ану*. Имя этого божества обозначается двумя знаками, имѣющими фонетическое значеніе, которые произносятся A-ну, и не представляетъ такихъ затрудненій, какъ предыдущее имя. На камнѣ Bit-Ada употребленъ, для означенія того же божества (табл. IV, 2), одинъ второй знакъ—ну, составляющій идеограмму божества, означающій также понятіе *идолъ*, *image*, *Salam*. Въ надписи Бавіана (vide supra l. с, таблица 2-я подъ рим. цифр. II) прибавленъ къ двумъ первымъ знакамъ третій, произносимый обыкновенно um или uv; въ надписи стоятъ A—ну—uv, слѣдуетъ читать Anuv. Ménant, Syllab. I, 180 sqq. №№ 1, 55 и 51.

3. *Бел* или *Билу*. Это имя составлено изъ двухъ звуковъ: первый произносится ep, in и составляетъ идеограмму божества Bel, выражающую также общее понятіе «владыка», *bel*, *seigneur*, *le chef* (Ménant, Syllab. I, 188 № 58, II, 339 № 4 и 395). Новѣйшее, значительно упрощенное и сокращенное начертаніе того же знака, попадающееся и на скалахъ Бавіана (l. с. III), воспроизведено на нашей табл. V подъ рим. цифр. II. О второмъ знакѣ мы уже достаточно распространялись выше, и его произносимъ e, u, uv, bit и kit. Kit, какъ уже сказано,¹⁾ переводится: «*миръ*», и тотъ же знакъ означалъ бездну, *abîme* (Ménant, Syllab. l. с. № 134). Оба знака вмѣстѣ, по мнѣнію гг. Oppert и Ménant, слѣдуетъ читать Bel-kit (In-kit по показанію г. Lenormant, Comm. de Bérose 98) «Царь міра»; но можно также прочесть Bil-u, и это чтеніе намъ кажется менѣе замисловатымъ и болѣе правильнымъ.

4. *Хеа*. Имя божества Ea или Héa составлено изъ послѣдняго упомянутого нами знака, произносимаго e, he, u, uv, kit, bit и фонетическаго окончанія—a. Оба знака читаются вмѣстѣ: Ea, быть можетъ, слѣдовало ихъ произносить U-a (греч. Ἄος латин. Aus, Оannes. Euhanes), или Yu-a. Избранный для выраженія этихъ звуковъ знакъ bit (домъ, обитель) соответствовалъ понятію того же бога, какъ божества, господствующаго надъ землею и морями, обителемъ людей

¹⁾ Ménant, Syllab. I, 184, № 40.

²⁾ Вѣроятно, Оппертъ не безъ основанія исправилъ въ переводѣ Rec. of the Past имя Bel-kit на имя El; по основаніи, имъ принятыхъ во вниманіе, не объяснено въ англійскомъ изданіи.

и звѣрей; произносимый kit, этотъ знакъ приличенъ тому же богу, какъ божеству великой бездны (v. s.). Другія идеограммы того же божества приведены у Менава, Syllab. II p. 340.

5. «*Великая Богиня*». Упоминаніе о ней, помѣщенное на к. Nanкас, пропущено въ R. of the Past, вѣроятно по ошибкѣ. Ея имя на этомъ памятникѣ составлено изъ двухъ знаковъ (табл. IV, 5): первый произносится pin, повторяется ниже, въ той же надписи, въ имени Адара (Nin-dara табл. IV, 10), и какъ идеограмма означаетъ вообще женщину, assat, la femme (женщину и жену, woman, wife, по объясненію Сайса), и царицу, belit, souveraine (Ménant, Syllab. I, 218 № 189, II pp. 344 и 345). Повидимому этотъ знакъ—составной изъ двухъ группъ: 1-я произносится rak, sal, femme, а 2-я составляетъ идеограмму «*богиня*»: belit (Ménant, Syllab. I, 228, № 269, II, pp. 345 и 359); для сличенія мы помѣстили отдѣльно оба послѣдніе упомянутые знака (assat и belit), въ различныхъ употребительныхъ начертаніяхъ, на табл. V подъ рим. цифр. VI и VII. Можетъ быть, этотъ же знакъ, первый въ имени «*Великая Богиня*», произносимый pin, составленъ изъ сокращенія въ скорописи другихъ двухъ знаковъ: assat gabat, «*жена великая*», которыхъ начертаніе, встрѣчающееся въ другихъ надписяхъ, также нами помѣщено на табл. V подъ рим. цифр. IX (Ménant, Syllab. II, 345). Еще болѣе сложное начертаніе таинственнаго имени той же богини помѣщено на табл. V подъ рим. цифр. X и читается Assat-idu-gabu «*Баба-сильная-нога*» (Ménant, l. c. pp. 345 и 398) или «*большая, сильная рука, власть* (еврейск. іад)». Второй знакъ того же имени на к. Nanкас читается mah, на ассир. языкѣ siru, élevé, suprême (Ménant, Syllab. I 214, № 157) Въ Docum. jurid. de l'Assyr. et de la Chaldée это мѣсто надписи переведено словами: ilat Nin-mah, Dea Magna. Тѣми же словами гг. Оппертъ и Менавъ передаютъ оба знака, соответствующіе тому же божеству, изображенные на к. Michaux (табл. IV, 5). Начертаніе слога mah, однакоже, въ послѣднемъ случаѣ мало походитъ на соответствующую группу камня Nanкас, и ближе подходит къ начертанію идеограммы «*Илу*» (v. s. табл. V, 1). Можетъ быть, это мѣсто надписи Michaux слѣдуетъ читать: Assat gabat Ilu или hirat gabat Ilu, «*Великая супруга бога Илу*». Наиболѣе употребительное въ новѣйшемъ письмѣ начертаніе группы mah, для сличенія, мы помѣстили въ табл. V подъ рим. цифр. VIII (Ménant, Syllab. № 157 v. s.).

6. См. Для обозначенія этого божества употреблена на всѣхъ трехъ камняхъ и въ Бавіанѣ присвоенная ему идеограмма, означающая также свѣтило ночи, луну, и число 30, произносимая при обыкновенномъ чтеніи, фонетически, is и sin. Въ значеніи этой идеограммы не встрѣчается никакого сомнѣнія (Ménant, Syllab. I 192 №№ 99, 220 № 208, II 341 и 352).

7. *Самас*. Для обозначенія великаго свѣтила дня, употреблена идеограмма, присвоенная солнцу, какъ планетѣ и какъ божеству, обозначающая, въ то же время, и демъ вообще, uush, произносимая при чтеніи (фонетическое значеніе знака): ut или utuk, utuki. Эти послѣдніе звуки обозначали солнце на языкѣ Аккадмовъ; на ассирійскомъ языкѣ (аз. Суміровъ) оно называлось: Samas. Сообщаемыя нами свѣдѣнія извлечены изъ справочныхъ лексиконовъ, то-есть, глиняныхъ таблицъ, сохранившихся въ Ниневійской библіотекѣ, устраиваю-

щихъ всякое сомнѣніе по этому предмету. На нашей табл. V подъ рим. цифрою XI помѣщены различныя начертанія той же идеограммы, указывающія постепенный переходъ отъ первоначальнаго іероглифа, изображающаго дискъ солнца, къ позднимъ начертаніямъ того же знака въ письменахъ. *Ménant, Syllab. I, 192, № 107; II, 341 и 352.*

8. Имя богини *Иштар* на всѣхъ трехъ памятникахъ и въ Бавіанѣ написано фонетически и состоитъ изъ двухъ группъ: *Is-tar*. Звукъ *is* обозначался двумя способами: тѣмъ знакомъ, который здѣсь употребленъ въ имени *Istar* и другимъ, выше нами указаннымъ, при объясненіи идеограммы мѣсяца (табл. IV, 6). *Ménant, Syllab. I, 192, №№ 98, 99 и 236 № 380.*

9. Объ имени *Мардук* или *Марудук* мы выше пояснили, въ текстѣ нашего изслѣдованія. Оно составлено на всѣхъ трехъ памятникахъ нами изучаемыхъ, и въ Бавіанѣ, изъ двухъ идеограммъ, которыя г. *Leopomant* читаетъ: *Amartuk* (*Orig. de l'Hist.*, p. 255). Фонетическое значеніе первой, въ составѣ другихъ словъ, соответствуетъ звуку *sur*, *цур*; вторая произносится *ut* (v. s. *Samas*). *Ménant, Syllab. I, 226 № 254 и 192 № 107.* Двѣ группы, употребительныя для выраженія звука *mar* (*chemin*, путь), мы помѣстили въ табл. V подъ рим. цифр. XVIII (*Ménant*, l. c. 214, № 172). Можетъ быть девятое имя слѣд. читать *Marutuk*, *Maruduk*, выраженіе, кот. переводится: путь солнца.

10. *Адар* (Нин-ни). Объ этомъ имени мы также довольно распространялись. Оно составлено изъ идеограммы *Nin* (v. s.) и фонетическаго окончанія имени божества (*complément phonétique*) *dar*. Табл. IV, 10 указываетъ разнообразныя способы начертанія этого послѣдняго знака; мы присоединяемъ къ тому и новѣйшее его изображеніе (*forme moderne*) на нашей табл. V подъ рим. цифр. XII. *Ménant, Syllab. I, 200, № 57.*

11. *Гула*. Имя этого божества написано фонетически двумя знаками, произносимыми: *Ga-la*. *Ménant, Syllab. I, 180 sq., №№ 9 и 38.* Сличеніе на всѣхъ трехъ памятникахъ того и другаго знака, и знака *dar* въ предъидущемъ имени укажетъ, какое равнообразіе придавалось въ надписяхъ начертанію одной и той же по значенію группы.

12. Для обозначенія божества *Бин* или *Риммон*, *Рамману*, употреблена обычная его идеограмма, на камняхъ *Hankas* и *Bit-Ada* въ архаической формѣ ея начертанія, на к. *Michaux* и въ Бавіанѣ ея форма новѣйшая. Фонетическое значеніе этой идеограммы выражается въ звукахъ: *im*, *iv*. *Ménant, Syllab. I, 186 № 50 и II, 342.*

13. Имя бога *Сирах* составлено изъ двухъ знаковъ; первый произносится *se* или *si*, также имѣетъ значеніе «зерно» и «счастіе» (*bonheur, blé*), второй произносится *rah*. *Ménant, Syllab. I, 192 № 93 и 226 № 266.*

14. *Небо*. Для обозначенія его имени употреблена архаическая идеограмма; ея новѣйшую форму начертанія мы помѣстили на табл. V подъ рим. цифр. XIII; она произносилась *ak* (*Ménant, Syllab. I, 184 № 35*). На к. *Hankas* къ указанной идеограммѣ прибавленъ знакъ и или *bit* (v. s.); гг. *Oppert* и *Ménant* въ *Docum. Jurid.* его переводятъ словомъ *Sukkallu, sacer Deorum: ilu Nabu sukkallu siru, deus Nabu sacer Deorum supremus*. Таково значенія въ

Syllabaire г. Менава я не нашелъ; полагаю слѣдуетъ читать: ilu Nabu-u siru, deus Nabu supremus.

15. *Ниргал*. Идеограмма этого божества встрѣчается въ другихъ надписяхъ и въ транскрипціи фонетической nig-gal (*Ménant*, Syllab. II, 343). можетъ быть составлять скорописное сокращеніе двухъ послѣднихъ упомянутыхъ знаковъ (nig. gal), показанныхъ на нашей табл. V подъ рим. цифр. XV.

16. *Замал*. Это имя составлено изъ двухъ знаковъ, произносимыхъ Zamal (*Ménant*, Syllab. I, 182 № 17 и 214 № 163). На табл. V подъ рим. цифр. XVI помѣщаемъ наиболее употребительную форму начертанія знака mal. На знамѣ Bit-Ada пропущены два перекрестные клина; такое же отступленіе отъ нормъ (или недосмотръ) могъ себѣ позволить рѣзчикъ и при начертаніи имени бога Илу (v. s.).

17. *Турда*. Два знака, изображенные на нашей табл. V подъ № 17, Опертъ и Менавъ въ Docum. Jurid. читаютъ: Turda, Sukkalu; ilu Turda (bir можетъ быть var или rar) Sukkallu, deus Turda, intelligentia... Первый знакъ произносится var или rar и имѣетъ значеніе: nakar, se révolter; второй произносится rih, luh и имѣетъ значеніе—roi, sukkalu (*Ménant*, Syllab. I, 194 sqq., №№ 7 и 267). Въ томъ же изданіи Docum. jurid. de l'Assyr. et de la Chald. помѣщена весьма поздняя надпись, въ которой нѣсколько разъ упоминается: an Par-luh (вѣроятно Par-sukkal); это имя гг. Oppert и Ménant переводятъ—Turda.

18. *Исгара*. Это имя составлено изъ трехъ знаковъ: первый знакъ is уже объясненъ выше подъ № 8; второй произносится ha и третій ga (*Ménant*, Syllab. I, 182 sq., №№ 20 и 80), по крайней мѣрѣ, такъ надо полагать, основываясь на транскрипціи архаическихъ письменъ новымъ клинообразнымъ шрифтомъ, сдѣланной Г. Раудинономъ въ W. A. I., и на переводахъ гг. Опперта и Менава. Знакъ ha изображаетъ рыбу пил; въ табл. V подъ рим. цифр. XVII мы помѣстили болѣе правильное начертаніе того же архаическаго знака и его транскрипцію въ новѣйшемъ письмѣ (forme moderne).

19. *Малик*. Для объясненія послѣдняго имени на к. Bit-Ada, мы помѣстили въ табл. V подъ № 19 всю 30-ую строку столбца IV надписи съ ея транскрипціею латинскими буквами, сдѣланною въ Docum. jurid. de l'Assyr. et de la Chaldée. Одна и та же идеограмма gabu (gal) означаетъ имя божества Malik и слово «великій», magnus; она показана на той же табл. V подъ рим. цифр. IX, X и XV. Идеограмма belu, dominus, уже встрѣчалась намъ въ имени божества Bel на томъ же памятникѣ (табл. IV, 3). Слова gaga appa, выраженіе, попадающееся и въ другихъ надписяхъ, гг. Оппертъ и Менавъ затрудняются перевести; они переводятъ ilu Malik belu gabu gaga appa словомъ: deus Malik dominus magnus coeli (?) «Malik, le grand maître, gaga appa»...и то же недоумѣніе повторяется въ англійскомъ переводѣ.

Въ окончательномъ выводѣ приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: въ большинствѣ, имена боговъ обозначены, въ изучаемыхъ нами надписяхъ, фонетически, знаками, хорошо извѣстными, имѣющими то же фонетическое значеніе въ безчисленныхъ случаяхъ, въ которыхъ они употреблены на другихъ памятникахъ ассирійской и халдейской письменности; тамъ, гдѣ употреблена какая либо идеограмма (allophone), какъ напримѣръ, въ именахъ: №№ 7 Utuk,

10 Nin-dara, 12 Im, 14 Ak, 15 Nir-gal, 17 Pap-zukkal (Ungal Тѣ-
жаемый ея звукъ означаетъ имя того же бога, какъ оно произ-
язкъ Аккадовъ. Собственно говоря, встрѣчаются во всѣхъ 19 именъ
3 случая недоразумѣній (въ именахъ: Илу, «Великая богиня» и Зс-
саются преимущественно способа начертанія знака, то-есть, воп-
графики и палеографіи; такъ, и при разборѣ древнихъ греческихъ
иногда возникаетъ недоумѣніе, считать ли данный на памятн-
букву А, Δ или за букву Λ. При чтеніи выписанныхъ именъ и вы-
трехъ надписей, нами разбираемыхъ, наиболѣе затруднило ассирій-
ченіе словъ: ga-ga appa; англійскіе и французскіе ученые, издавшіе
піи и переводы надписей, отказались объяснить это выраженіе, встрѣ-
впрочемъ, и на другихъ памятникахъ, и только предполагають, что
заключается какое либо указаніе на небеса—appa.

II.

**Списокъ прилагаемыхъ рисунковъ, съ показаніемъ,
заимствованы.**

Табл. I, фиг. 1—19. Символическіе знаки, вырѣзанные на камнѣ
Thompson, Brit. Mus., фотографіи №№ 533—536.

20, 21. Змѣя и звѣзда, изображенныя на камняхъ Нанкас и
Thompson, фотогр. №№ 529—532 и Münter, Relig. der Babylon., pl. I.

22. Черепаха к. Нанкас, *Thompson, фотогр. v. s.*

23. Символъ бога Ану на к. *Michaux, Münter, v. s.*

Табл. II, фиг. 24. Символъ богини Beltis, изображ. на к. *Michaux,
ter, l. c. v. s.*

25. Afnet ent Hathor, парикъ богини Атхор, носовое украшеніе к
барки. *Brit. Mus. Thompson, фотогр. № 208.*

26, 27, 28. Мраморный барельефъ, найденный въ Куюнджикѣ. *Вг
Thompson, фотографіи №№ 452 и 453.*

Табл. III, фиг. 29. Другой барельефъ, найденный тамъ же. *Вг
Thompson, фотографіа № 451.*

30. Портретъ ассирійскаго царя Самси-Бана (824 г. до Р. X.). *Тѣ
Brit. Mus. фотографіа № 354.*

31. Идеограмма бога Ану. *West. Asia cuneif. inscr. II, 48 obv.,*

32. Та же идеограмма. *Sayce, Assyr. Grammar. 2-е изд. 1876 г.
bary, № 10.*

33. Гіероглифъ анх (жизнь).

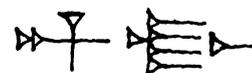
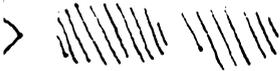
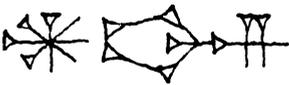
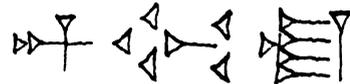
34. Тотъ же гіероглифъ въ видѣ подставы съ птицею на немъ, из-
на вавилонскомъ цилиндрѣ. *Münter, Relig. der Babylonier, pl. I, fig. I.*

35—42. Символическіе знаки, изображенныя на портретѣ царя А-
зирпала (884 г. до Р. X.). *Thompson, Brit. Mus., фотогр. № 353.*

BIT ADA.

MICHAUX.

IV.

43—45. Символическіе знаки, изображ. на портретѣ царя Салманасара II, отла Самси-Бина. *Thompson*, Brit. Mus., фотогр. № 421.

Табл. IV, фиг. 46, 47. Два чудовища, изображен. на к. Michaux. *Münter*, *Relig. der Babylonier*, pl. III.

Табл. V, фиг. 48. Портретъ вавилонскаго царя Мардукдинахи (1110 г. до Р. X.), вырѣзанный на камнѣ Napkas. *Thompson*, Brit. Mus., фотографія № 529.

В. III.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Римская сатира и Ювеналъ. Литературно-критическое изслѣдованіе Д. И. Нагуевскаго. Митава, 1879.

Изученіе классической литературы, судя по означенной книгѣ г. Нагуевскаго, подвигается у насъ довольно медленно. Не трудно убѣдиться въ этомъ, сравнивъ ее съ тѣми скромными трудами, какіе стали появляться въ русской ученой литературѣ уже лѣтъ тридцать тому назадъ, въ отвѣтъ на тѣ самыя вопросы, которыми задался и нашъ авторъ. Правда, то были небольшія и безпритязательныя статьи, посильная дань ихъ авторовъ русской наукѣ, съ цѣлю пополнить ея вопіющіе пробѣлы, а объемистая книга г. Нагуевскаго заключаетъ въ себѣ 464 страницы. Чтò же, однако, изъ этого? Полнота, какъ извѣстно, не всегда признакъ здоровья, а въ ученыхъ трудахъ, кромѣ того, она иногда только кажущаяся, призрачная.

Вполнѣ раздѣляя съ Ювеналомъ убѣжденіе въ томъ, что не слѣдуетъ „periturae rarisere chartae“, г. Нагуевскій, какъ мы увидимъ, внесъ въ свою книгу очень много лишняго. Не говоря уже о необычно крупномъ шрифтѣ, внушительный на первый взглядъ объемъ разсматриваемой книги сократился бы до весьма скромныхъ размѣровъ, если бы авторъ выключилъ изъ нея длинныя и часто вовсе не идущія къ дѣлу выписки изъ древнихъ и новыхъ писателей, въ которыхъ г. Нагуевскій обыкновенно относится пассивно, безъ надлежащей критики и безъ всякихъ слѣдовъ научной самостоятельности.

Къ такому лишнему и не идущему къ дѣлу баласту слѣдуетъ отнести и начало разсматриваемой книги, цѣлыя три первыя ея главы.

въ которыхъ авторъ распространяется о фесценнинахъ, экзодіяхъ, ателланахъ и проч. Все это попало сюда по какому-то странному недоразумѣнію, такъ какъ принадлежитъ исторіи римской комедіи, а не сатиры, которой авторъ посвятилъ свое изслѣдованіе. Древняя *satura* составляла, какъ извѣстно, одинъ изъ первобытныхъ видовъ этой комедіи. Это сатира драматическая, не имѣвшая ничего общаго, кромѣ названія, съ тою сатирою, которая была создана Луциліемъ, а затѣмъ окончательно развита Гораціемъ и Ювеналомъ. Потому я могъ бы оставить въ покоѣ означенныя главы, если бы онѣ не представляли такъ много странностей, указаніемъ на которыя я обязанъ оправдать рѣзкость моего отзыва о диссертациі г. Нагуевского ¹⁾.

Исторію начала римской комедіи онъ излагаетъ очень смутно, основываясь на извѣстномъ свидѣтельствѣ Тита Ливія (VII, 2), который ясно говоритъ, что пляска этрусскихъ актеровъ, приглашенныхъ Римлянами въ концѣ IV-го вѣка отъ основанія города, во время моровой язвы, не сопровождалась ни діалогомъ, ни пѣніемъ (*sine saturne ullo*), а г. Нагуевскій заявляетъ (стр. 18) о какихъ-то стихахъ, которымъ недоставало только правильнаго размѣра. Неизвѣстно только, какіе это были стихи—этрусскіе или латинскіе. Напрасно авторъ не занялся рѣшеніемъ этой мудреной задачи. Онъ оставляетъ своего читателя въ недоумѣніи на счетъ и многого другаго. Затѣмъ, напримѣръ, Римляне пригласили плясуну въ время моровой язвы, и почему изъ Этруріи? Какимъ образомъ ихъ танцы могли служить однимъ изъ средствъ умилостивленія боговъ (*inter alia coelestis irae placamina*)? Г. Нагуевскій на эти весьма существенные вопросы ничего не отвѣчаетъ и прямо переходитъ (стр. 21) къ фесценнинамъ (*versus fescennini*). О происхожденіи этого темнаго названія Фестъ

¹⁾ Тѣмъ болѣе, что самъ авторъ нѣсколько иначе смотритъ на значеніе помянутаго отдѣла своей книги. «Въ трехъ первыхъ главахъ (говоритъ онъ, въ концѣ 9-й стр. своего предисловія) я старался представить характеръ и развитіе римской сатиры, а также коснуться тѣхъ вопросовъ, которые *до сихъ поръ* считались спорными или мало затронутыми. Такъ, говоря о возникновеніи сатирической поэзіи у Римлянъ, я имѣлъ въ виду выяснитъ происхожденіе и значеніе фесценнинъ и указать на ихъ связь съ древнею сатурою, первоначальное развитіе которой изложено на основаніи *обстоятельнаго* толкованія извѣстнаго мѣста Ливія. Затѣмъ я занялся рѣшеніемъ спорнаго со времени Казобона вопроса о родствѣ римской сатиры съ греческою сатирическою драмою, причѣмъ имѣлось въ виду выяснитъ значеніе слова *satura*, происхожденіе котораго имѣеть на мой взглядъ (?) много общаго съ древними сатурналиями».

въ своемъ лексиконѣ говорить неопредѣленно. Изъ словъ его видно только, что въ древности оно производилось или отъ города *Fescennia* (*Fescennium*) или отъ *fascinum*. Г. Нагуевскій отвергаетъ первое изъ этихъ производствъ на томъ основаніи, что фесценнины не могли быть приурочены къ какой нибудь опредѣленной мѣстности. Мы также не ратуемъ за это производство, хотя и не находимъ аргументацію автора достаточно основательною, такъ какъ въ ея силу слѣдовало бы отвергнуть и несомнѣнное происхожденіе названія ателланъ отъ города *Atella*. Затѣмъ нашъ авторъ, увлеченный весьма шаткимъ авторитетомъ Клотца, заявляетъ, что слова *Fescennia* и *fascinum* одного корня, что *fescenninus* есть видоизмѣненіе не существующаго прилагательнаго *fascininus*, и что, слѣдовательно, выраженіе *versus fescenninus* первоначально означало волшебную формулу (стр. 2-я). Такихъ корнесловныхъ аргументацій и фокусовъ, не оставившихъ по себѣ никакого слѣда въ наукѣ, можно встрѣтить множество, но не слѣдуетъ придавать имъ вѣры, особенно когда дѣло объясняется умѣе и проще. Самъ же авторъ, на стр. 20-й, приводитъ *locus classicus* изъ Горация (*Epist.* II, 1, 139), гдѣ такъ ясно говорится о характерѣ и происхожденіи фесценнинъ, этихъ шуточныхъ и насмѣшливыхъ импровизацій, которыми перекидывались между собою во время деревенскихъ праздниковъ „*agricolae prisci*.“

Затѣмъ все, что авторъ во второй главѣ своей книги говоритъ о древней сатурѣ, въ высшей степени неясно и сбивчиво. На какомъ, напримѣръ, основаніи, приведи на стр. 29 и 30-й слова Вергилія и Тибулла, изъ которыхъ видно только то, что деревенскіе праздники сопровождались не только фесценнинами, но также пѣснями и танцами, авторъ приходитъ къ слѣдующему неожиданному заключенію: „Такъ совершился переходъ фесценнинъ въ древнюю сатуру“. Затѣмъ ему понадобились Вергилій и Тибуллъ, которые ничего не говорятъ объ этомъ переходѣ, когда уже на стр. 19-й приведено свидѣтельство Тита Ливія (VII, 2), можно сказать, единственное свидѣтельство по рѣшаемому г. Нагуевскимъ вопросу? Онъ, правда, возвращается потомъ къ этому свидѣтельству, но передаетъ его сбивчиво, хотя и многословно, и безъ надлежащаго пониманія дѣла, не давая себѣ отчета о тѣхъ ступеняхъ въ развитіи первобытнаго сценическаго искусства, которыя намѣтилъ римскій историкъ. Первая изъ нихъ— это появленіе въ Римѣ этрусскихъ лицедѣевъ, ихъ безсловная, торжественная пляска, которая совершалась подъ звуки флейты и очевидно имѣла религиозный характеръ. Далѣе выступаетъ римская

(а не сельская) молодежь съ пародіей (такъ нужно понимать выраженіе *Livii imitari*) на эту пляску и присоединяетъ къ ней шутки (*ioculatio*), напоминавшія собою фесценнины, и соотвѣтствовавшую этому тексту миміку. Затѣмъ, вмѣсто прежнихъ дилеттантовъ являются гистріоны., т.-е. актеры, которые исключительно посвящаютъ себя сценическому искусству и тѣмъ содѣйствуютъ дальнѣйшему его развитію.

Вотъ при какихъ условіяхъ возникла въ Римѣ и усвоила себѣ опредѣленныя формы драматическая сатура, передъ самымъ появленіемъ въ началѣ VI-го вѣка Ливія Андроника, который считается родоначальникомъ римской литературной драмы. Г. Нагуевскій, къ сожалѣнію, не подвергъ приведенныя изъ Тита Ливія подробности сколько нибудь отчетливому анализу, а на нѣкоторыя изъ нихъ даже не обратилъ никакого вниманія, хотя и отвелъ въ своей книги вопросу о сатурѣ чуть не сорокъ страницъ. Мы еще возвратимся къ нимъ, а теперь, слѣдуя за авторомъ, остановимся на концѣ второй главы, гдѣ онъ повелъ рѣчь объ ателланахъ, заимствованныхъ Римлянами „у Кампанскихъ Самнитовъ“ (почему-же не у Осковъ?) и объ экзодіяхъ. Снова недоумѣваемъ, почему все это вошло въ исторію римской сатиры. По всей вѣроятности, мы и ограничились бы этимъ замѣчаніемъ, если бы конецъ второй главы не представлялъ новыхъ указаній на недостаточное пониманіе авторомъ не только указаннаго свидѣтельства Тита Ливія о первобытной римской драмѣ, но и другихъ разсматриваемыхъ здѣсь латинскихъ текстовъ. Это непониманіе происходитъ, между прочимъ, какъ мы увидимъ, и отъ малаго знакомства автора съ данными римской литературной исторіи.

Въ доказательство справедливости и непреувеличенности всего, только что сказаннаго, остановимся съ надлежащимъ вниманіемъ на 36-й страницѣ разсматриваемой книги. Дѣло идетъ о томъ же свидѣтельствѣ Тита Ливія, или, говоря точнѣе, о слѣдующихъ его словахъ: *«iuentus histrionibus fabellarum actu relicto ipsa inter se more antiquo ridicula intexta versibus iactitare coepit, quae exodia postea appellata consertaque fabellis potissimum atellanis sunt»*. Въ разъясненіе этихъ словъ г. Нагуевскій заявляетъ слѣдующее: „Къ этой народной комедіи (то-есть, къ ателланамъ) примкнула теперь древняя сатура, измѣнивъ свое первоначальное названіе на *exodia*. Послѣднія сохранили веселый и шутливый характеръ, свойственный національнымъ римскимъ фарсамъ, и почти всегда присоединялись къ ателла-
часть ссхviii, отд. 2.

намъ; въ этомъ значеніи и Ювеналъ употребилъ выраженіе: «*exodium atellanae*».

Прежде всего замѣчу, что едва ли въ приведенномъ мѣстѣ изъ Тита Ливія рѣчь идетъ о сатурѣ, такъ какъ выраженіе его «*ridicula intexta versibus*» совершенно соотвѣтствуетъ словамъ (въ той же главѣ § 6) «*inconditis iocularia versibus*», и такія грубыя стихотворныя шутки онъ сравниваетъ вслѣдъ за тѣмъ съ фесценнинами, а не съ сатуромъ. Потому не слѣдовало бы говорить о томъ, что она примкнула къ ателланамъ. Впрочемъ, тутъ еще большой ошибки нѣтъ, такъ какъ, въ литературномъ отношеніи, сатура едва ли далеко ушла отъ фесценнинъ и другихъ тому подобныхъ фарсовъ. Гораздо менѣе позволительно утверждать, что экзодіи почти всегда присоединялись къ ателланамъ. У Ливія не то. Онъ говоритъ, что экзодіи впоследствии (*postea*) слились (*conserta*) съ ателланами, то-есть, послѣднія усвоили себѣ весь комическій и смѣхотворный элементъ экзодій. *Conserta sunt* буквально значить, что экзодіи какъ бы вплелись въ ателланы и Вейсенбориъ въ своемъ комментарий къ Титу Ливію совершенно правильно передаетъ это выраженіе словомъ *verwebt*. Непониманіе настоящаго смысла словъ Ливія повело за собою и непониманіе Ювенала. Выраженіе его «*exodium atellanae*» г. Нагуевскій, какъ видно изъ послѣдующаго, принялъ въ смыслъ присоединеннаго къ ателланѣ, или разыграннаго вслѣдъ за нею на сценѣ экзодія, между тѣмъ какъ оно совершенно тождественно съ выраженіемъ Светонія (Тіб. 34) «*atellanicum exodium*» и обозначаетъ состоящій изъ ателланы экзодій. По всему видно, что авторъ не уяснилъ себѣ характера экзодій и значенія ихъ среди другихъ пьесъ римскаго репертуара.

Подъ *exodia*, какъ видно изъ самой этимологіи этого латинизированнаго слова (греческаго корня) Римляне вообще разумѣли всякіе сценическіе фарсы, которые, для развлеченія зрителей, давались подъ конецъ спектакля, вслѣдъ за пьесами, оставлявшими по себѣ болѣе или менѣе тяжелое впечатлѣніе. Это нашъ дивертисементъ или то, что Нѣмцы называютъ *Nachspiel*. Слѣдовательно, *exodium* не есть специальное названіе для обозначенія извѣстнаго рода пьесъ, а общее, подъ которымъ могли разумѣться всякіе фарсы, и, между прочимъ, ателланы, но, конечно, не тѣ, которыя появились на римской сценѣ во второй половинѣ VII вѣка, благодаря Помпонію изъ Болоньи (*Bononiensis*) и Новію. То были литературныя ателланы, которыя авторы ихъ старались возвысить на степень римской національной комедіи (*fabula togata*). Рядомъ съ ними продолжали, однако, суще-

ствовать и старинные осские фарсы. Даже во время имперіи они продолжали смѣшивать невзыскательную публику не только въ Римѣ, гдѣ давались въ концѣ спектакля, но и въ другихъ мѣстностяхъ Италіи, по небольшимъ городамъ и селамъ. Вотъ это-то и были ателланскія экзодіи, то-есть, незатѣйливыя и безсвязныя импровизаціи съ осскими типами Буккона, Доссена, Паппуса и пр., видоизмѣнявшимися согласно мѣстнымъ условіямъ. Такой деревенскій спектакль очень живо и изящно описываетъ Ювеналъ въ III-й своей сатирѣ (ст. 173). Театръ, по всей вѣроятности, временный, а не постоянный, устроенъ изъ дерна (*herbosum theatrum*), на которомъ расположились зрители, причѣмъ деревенскій мальчуганъ, сидя на колѣняхъ у своей матери, жметъ къ ней, испугавшись блѣдной и страшной маски съ широко разинутымъ ртомъ. Тутъ, очевидно, какъ и въ VI-й сатирѣ у Ювенала (ст. 71), рѣчь идетъ объ *exodium atellanae*, на что указываетъ упоминаніе страшной маски, одной изъ тѣхъ, какія (въ родѣ Мандука, Писона, Мани, Ламин и пр.) составляли обыкновенную принадлежность осскихъ зрѣлищъ. Кромѣ того, изъ указаннаго мѣста видно, что въ вѣкъ Ювенала слова экзодій и ателлана употреблялись безразлично. Можно также думать, что на маленькихъ сценахъ экзодіи не были заключительными пьесами.

Но цѣлый рядъ недоразумѣній, вызванныхъ неправильнымъ пониманіемъ разсматриваемаго вопроса, еще не конченъ. На той же 36-й страницѣ (въ концѣ), вслѣдъ за выписанными выше словами, нашъ авторъ дѣлаетъ слѣдующій странный и непонятный упрекъ схолиасту за его примѣчаніе къ 175 стиху III-й сатиры Ювенала: „Схолиастъ его поэтому (то-есть, какъ видно изъ предшествующихъ словъ г. Наглевскаго, потому, что экзодіи почти всегда присоединялись къ ателланамъ) несправедливо замѣчаетъ, что *«exodiarus apud veteres in fine ludorum intrabat, quia (quod) ridiculus foret, ut quicquid lacrimarum atque tristitiae conlexissent ex tragicis affectibus, huiusce spectaculi risu detergeret»*, такъ какъ характеръ ателланъ не былъ печальный, но веселый и колкій. Ошибка стариннаго комментатора произошла, по всей вѣроятности, отъ того, что онъ не понялъ происхожденія ателланъ, а потому и экзодіямъ приписалъ характеръ, свойственный греческой сатирической драмѣ“.

Съ изумленіемъ останавливаемся на этомъ наборѣ словъ. Чего не понялъ схолиастъ? Да вѣдь онъ ни слова не говоритъ объ ателланахъ, а совершенно ясно заявляетъ лишь о томъ, что на сцену въ концѣ спектакля выходилъ экзодіарій, для того, чтобы развлечь

зрителей, находившихся подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, какое могла оставить въ нихъ трагедія. Затѣмъ, вопреки заявленію г. Нагуевского, схолиастъ ни слова не говоритъ также и о греческой сатирической драмѣ, да еслибы онъ и сопоставилъ ее съ экзодіями, то имѣлъ бы на это право въ томъ отношеніи, что какъ та, такъ и другіе давались на сценѣ «in fine ludorum». Наконецъ, схолиастъ говоритъ не объ экзодіяхъ, а объ exodiaribus, на что г. Нагуевскій также не обратилъ надлежащаго вниманія. Конечно, каждый актеръ, участвовавшій въ этихъ пьесахъ, имѣлъ право на такое названіе, но это слово имѣло и болѣе специальное значеніе. Экзодіи хотя и были безхитростные фарсы, но въ представленіи ихъ все-таки участвовало нѣсколько лицъ. Наконецъ, и это показалось лишнимъ. На сцену въ концѣ трагедіи, а можетъ быть также во время ея антрактовъ, началъ выходить одинъ актеръ съ тѣмъ, чтобы своими обыкновенно циническими остротами и жестами смѣшить невзыскательную публику. Вотъ такіе-то актеры и назывались у Римлянъ экзодіаріями. Для наглядности этого объясненія, замѣчу, что съ нѣкотораго времени такіе экзодіаріи появились и на русской сценѣ, въ лицѣ Вейнберга и пр.

Для того, чтобы выйдти наконецъ изъ того невообразимаго хаоса, въ который г. Нагуевскій погрузилъ своихъ читателей, считаю великимъ передатъ въ нѣсколькихъ словахъ точный смыслъ того мѣста въ исторіи Тита Ливія, которое произвело всю эту путаницу. Римскій историкъ повѣствуетъ, что по введеніи Ливіемъ Андроникомъ искусственной драмы, римская молодежь, предоставивъ ее актерамъ, сама, согласно съ древнимъ обычаемъ (и какъ бы въ оппозицію иноземцамъ), начала по прежнему перекидываться на сценѣ стихотворными шутками или фарсами, которые потомъ названы были экзодіями и слились преимущественно съ ателланами, преимущественно потому, что комическій элементъ древнихъ народныхъ фарсовъ могъ, кромѣ ателланъ, отразиться и на другихъ видахъ первобытной римской комедіи, получившихъ впоследствии литературное развитіе, напримѣръ, на мимахъ и проч.

Третья глава одна изъ самыхъ печальныхъ въ книгѣ г. Нагуевского. Здѣсь онъ снова придирается къ слову *satura* и на цѣлыхъ тридцати страницахъ толкуетъ о его происхожденіи и значеніи.

На основаніи древнихъ свидѣтельствъ, давно уже установилось въ наукѣ мнѣніе, что этимъ словомъ первоначально обозначалось жертвенное блюдо (*lanx*), на которомъ приносили въ даръ Церера

такъ-называемыя первинки (*primitiae frugum*), то-есть, первые по времени плоды, которые производила итальянская почва. Впослѣдствіи (когда именно—трудно сказать, но, во всякомъ случаѣ уже во время Энія) разсматриваемое слово получило болѣе обширное значеніе и, какъ бы въ воспоминаніе разнообразнаго и пестраго содержанія древней драматической сатиры, стало употребляться вообще для обозначенія смѣси изъ разныхъ предметовъ. Все это ясно видно изъ слѣдующаго опредѣленія, какое даетъ слову *satura* Фестъ въ своемъ лексиконѣ: «*Satura est cibi genus ex variis rebus conditum, ut est lex multis aliis conserta legibus. Quidam dicunt esse genus carminis, ubi de multis rebus disputatur*». Для насъ собственно имѣетъ интересъ конецъ этого свидѣтельства, гдѣ древній грамматикъ опредѣляетъ литературное значеніе слова *satura*. Дѣйствительно, согласно показаніямъ и другихъ латинскихъ авторовъ, оно употреблялось въ смыслѣ собранія или сборника разнородныхъ стихотворныхъ произведеній. Теперь окончательно не можетъ быть въ этомъ никакого сомнѣнія, благодаря новому и очень вѣскому довазательству, составляющему одно изъ послѣднихъ приобрѣтеній науки. Но объ этомъ послѣ, а теперь замѣчу, что свое изслѣдованіе о значеніи и происхожденіи слова *satura* г. Нагуевскій, въ сожалѣнію, началъ не съ Феста, а съ выписокъ изъ другихъ грамматиковъ и разныхъ схолиастовъ, которые, по своему обыкновенію, и въ данномъ случаѣ наговорили много недѣльностей, сопоставляя означенное слово съ *saturitas*, *saturus* и т. д. ¹⁾.

Г. Нагуевскій не согласенъ съ приведеннымъ объясненіемъ Феста, а увлекшись весьма сомнительнымъ авторитетомъ одного нѣмецкаго ученаго, настойчиво заявляетъ, что слово *satura* имѣетъ непосредственную, какъ лингвистическую, такъ и реальную связь съ *Saturnus* и *Saturnalia*. Послѣ разныхъ многословныхъ и весьма страннаго свой-

¹⁾ Окончивъ свои выписки, г. Нагуевскій на стр. 55-й самодовольно замѣчаетъ, что всѣ эти свидѣтельства *до сихъ поръ* оставались разбросанными. Какой шагъ впередъ, какая заслуга для науки, подумаетъ умиленный, но неопытный читатель. Опытный же читатель хорошо знаетъ, что такая ученость добывается очень легко. Дѣйствительно, если бы г. Нагуевскому, для отысканія древнихъ извѣстій о сатурѣ, пришлось перерыть сборники Пучча или Линдемана, гдѣ помѣщены дошедшія до нашего времени произведенія римскихъ грамматиковъ, то, конечно, такой трудъ былъ бы очень хлопотливъ. Въ этомъ, однако, не настояло никакой нужды, такъ какъ всѣ подобныя извѣстія уже давно собраны въ любомъ пространномъ латинскомъ лексиконѣ, напримѣръ, у Форчеллини.

ства доказательствъ справедливости этого мнѣнія, онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію (стр. 66): „И такъ, древнія сатуры были игры, устраиваемыя (?) римскими юношами въ честь Сатурна на праздникъ Сатурналій“.

Этому оригинальному выводу предшествуетъ цѣлая корнесловная оргія. Передъ глазами читателя такъ и мелькаютъ *sa, sa, sat* и производныя отъ нихъ: *satura, saturos, satis, satum, satur, saturnus, saturnalia* и еще что то такое. Словомъ, авторъ вступаетъ въ темныя филологическія дебри, плутаетъ въ нихъ безконечно, потерявъ дорогу, поминутно спотыкается о разные пни и корни, и наконецъ погибаетъ, по милости какого то Петермана. Это и есть тотъ нѣмецъ, который такъ жестоко подшутилъ надъ г. Нагуевскимъ. Если бы онъ обнаружилъ при этомъ хотя какое нибудь знакомство съ результатами сравнительнаго языковѣданія, то критика могла бы ограничиться замѣчаніемъ, что вся эта лингвистическая роскошь неумѣстна въ текстѣ историко-литературнаго изслѣдованія. Выходитъ, однако, что весь этотъ хаосъ словъ и звуковъ заимствованъ нашимъ авторомъ безъ всякаго раздумья изъ разныхъ старинныхъ книгъ и книжекъ, почтенные авторы которыхъ, конечно, не могли еще усвоить себѣ приемы новѣйшей лингвистики. И печальный результатъ всей этой ученой суматохи, какъ уже замѣчено, тотъ, что сатура получила свое названіе отъ Сатурна и составляла необходимую принадлежность того культа, которымъ Римляне чествовали этого бога! Для оправданія этого взгляда, г. Нагуевскому, то-есть, г. Петерману, потребовалось приурочить сатурналіи къ тѣмъ сельскимъ праздникамъ, которые, по словамъ Горация „*agricolae prisca*“ справляли „*condita post frumenta*“, а Сатурна причислить къ сельскимъ божествамъ, покровителямъ посѣвовъ и жатвы. Таково, по мнѣнію г. Нагуевского, главное его значеніе въ римской мѣологии. Едва ли слѣдуетъ долго останавливаться на доказательствахъ или, вѣрнѣе, на изворотахъ г. Нагуевского въ пользу защищаемаго имъ мнѣнія о непосредственной связи сатуры съ сатурналіями и о томъ, что это былъ сельскій праздникъ, который будто бы справлялся Римлянами вслѣдъ за уборомъ жатвы. Позволю себѣ только одно скромное замѣчаніе. Сатурналіи, какъ вѣдѣстно, праздновались въ декабрь, о чемъ заявляетъ и нашъ авторъ на стр. 62. Выходитъ, стало быть, что жатва собиралась зимою. Не слишкомъ ли это поздно, или, если угодно, не слишкомъ ли это рано для Италіи? А все Петерманъ!

Начиная съ IV главы нашъ авторъ изъ темной области пред-

положеній и гаданій выходитъ на историческій просторъ, гдѣ дышется свободнѣе, гдѣ подъ ногами уже не трясина, а болѣе или менѣе твердая почва. Большею частію недостаточныя и сбивчивыя указанія латинскихъ и греческихъ авторовъ на разныя стороны римской литературной древности могутъ быть здѣсь болѣе или менѣе удобно провѣрены оставшимся отъ нея матеріаломъ. Ученый его изслѣдователь дѣлается независимѣе отъ неумѣлыхъ грамматиковъ и схоластовъ и разомъ получаетъ надъ ними значительный перевѣсъ, благодаря болѣе выработаннымъ приемамъ современной науки, которая въ періодъ классической древности была еще только въ зародкѣ. Затѣмъ, надлежащая филологическая подготовка, внимательное изученіе древнихъ текстовъ и критическій тактъ, съ которымъ необходимо относиться къ вызванной ими огромной массѣ новыхъ изслѣдованій, умѣнье отличить въ послѣднихъ золото отъ мишуры и отъ безобразной лигатуры—вотъ тѣ условія, которыя необходимы для успѣшности историко-литературной работы изъ области классической филологіи. Только такимъ путемъ пріобрѣтается въ то же время самостоятельное отношеніе къ ней новыхъ тружениковъ. Впрочемъ, однимъ прилежаніемъ тутъ не возьмешь, такъ какъ нужна значительная даровитость для того, чтобы успѣшно осмотрѣться въ обширной литературѣ избраннаго для изслѣдованія вопроса и не увлекаться разными желѣностями, какихъ въ наукѣ накопилось не меньше, чѣмъ правильныхъ выводовъ и здравыхъ взглядовъ.

Посмотримъ теперь, на сколько г. Нагуевскій удовлетворяетъ этимъ условіямъ въ тѣхъ отдѣлахъ своего „литературно-критическаго“ изслѣдованія, гдѣ одинъ за другимъ постепенно проходятъ передъ глазами читателя: Эній, Луцилій и Варронъ Реатинскій, затѣмъ Горацій и Персій и наконецъ Ювеналь, которому посвящены шесть главъ (отъ VI до XI включительно). Въ первомъ изъ названныхъ отдѣловъ невольно выдаются въ глаза, съ одной стороны, упорныя усилія представить Энія родоначальникомъ римской сатиры, а съ другой самимъ же авторомъ приводимыя соображенія и факты, которыми не только ослабляются, но и въ конецъ уничтожаются эти усилія.

Для того, чтобы обставить вопросъ объ Энії, какъ сатирикѣ, возможно лучшимъ образомъ, авторъ на цѣлыхъ пяти страницахъ выписываетъ отрывки изъ разныхъ его произведеній, и затѣмъ на стр. 79 дѣлаетъ выводъ, изъ котораго видно, что между этими отрывками нѣтъ ни одного сатирическаго. Зачѣмъ же было выписывать? затѣмъ было заявлять о томъ, что Эніева сатира по своему

содержанію не отличалась отъ сатиры Луцилія (стр. 73), и не только по содержанію, но и по характеру (стр. 85)? И такое заявленіе повторяется авторомъ нѣсколько разъ. Мало того, онъ ставитъ Луцилія въ зависимость отъ Эвнія, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ (*ibid.*): „Существеннаго различія въ содержаніи и характерѣ сатирическихъ произведеній упомянутыхъ авторовъ не могло быть уже потому, что Луцилій, какъ непосредственный преемникъ Эвнія на сатирическомъ поприщѣ, естественно долженъ былъ близко познакомиться съ его произведеніями и, само собою, подчиниться въ значительной степени ихъ вліянію“. Тамъ же г. Нагуевскій заявляетъ, что „у древнихъ писателей и въ существующихъ отрывкахъ мы нигдѣ не находимъ указанія на то, чтобы Луцилій внесъ новыя начала касательно содержанія и изложенія сатиры“ (?). Какъ же, однако, съ этими категорическими, хотя и въ высшей степени странными заявленіями вяжутся другіе, совершенно противоположные имъ выводы нашего автора, который уже на 45 стр. заявилъ, что Луцилій преобразовалъ Римскую сатиру по своему, а на стр. 98-й, добавляетъ, что онъ ввелъ въ нее „личный элементъ“. Шутка! Какое же можетъ быть при этихъ условіяхъ тождество между упомянутыми писателями? Очевидно, было бы очень наивно пуститься по разсматриваемому вопросу въ дальнѣйшую полемику съ авторомъ, который на одной страницѣ говоритъ одно, а на другой—другое. Мы бы, по всей вѣроятности, и ограничились приведенными замѣчаніями, если бы не нашли нужнымъ еще разъ указать, по поводу этого вопроса, на небрежное и неумѣлое отношеніе г. Нагуевскаго къ древнимъ текстамъ. Дѣло идетъ о Квинтиліанѣ. Въ извѣстномъ всякому филологу мѣстѣ своего руководства къ ораторскому искусству (*Institut. orat.* X, I, 93) этотъ замѣчательный, можно сказать, гениальный критикъ приводитъ хотя небольшую, но обильную внутреннимъ содержаніемъ, и потому драгоценную замѣтку о разныхъ представителяхъ римской сатиры. Первымъ на этомъ поприщѣ, говоритъ Квинтиліанъ, приобрѣлъ себѣ почетъ и славу (*primus insignem laudem adeptus*) Луцилій и продолжаетъ имѣть такихъ цѣнителей, которые ставятъ его не только выше другихъ сатириковъ, но и вообще выше всѣхъ другихъ римскихъ поэтовъ. Затѣмъ, воздавъ должное таланту, эрудиціи и направленію Луцилія, Квинтиліанъ заявляетъ, что, не раздѣляя, относительно этого писателя, увлеченія своихъ современниковъ, самъ онъ главнымъ (превосходнымъ) римскимъ сатирикомъ считаетъ Горація. Далѣе, упоминая съ похвалою о Персіи и сдѣлавъ сочувственный, хотя и темный намекъ

на Ювенала и Сульпицію, римскій критикъ нарушаетъ хронологическій порядокъ и заканчиваетъ свою рѣчь указаніемъ на автора такъ называемой Менипповой сатиры, замѣчательнаго римскаго полигистора Варрона Реатинскаго, знаменитаго современника и сторонника Помпея.

Повторяю, что эта замѣтка Квинтиліана, при всей своей краткости, должна имѣть и имѣеть большое значеніе въ глазахъ каждаго изслѣдователя исторіи римской сатиры. Не странно ли же, что г. Нагуевскій приводитъ (на стр. 93) почему-то только вовсе не идущій къ дѣлу конецъ этой замѣтки, гдѣ рѣчь о Варронѣ, не обративъ вниманія на все остальное? Но еще удивительнѣе тотъ неожиданный выводъ, который онъ дѣлаетъ изъ выписанныхъ имъ словъ Квинтиліана, утверждая (*ibid.*), что въ нихъ рѣчь идетъ объ Эннii, и что „Квинтиліанъ отличаетъ въ упомянутомъ мѣстѣ сатиру Эннii отъ Луциліевой не по содержанію и характеру, но единственно на основаніи внѣшней формы“. Да вѣдь въ выписанномъ авторомъ текстѣ ни слова не говорится о Луциліи, а объ Эннii Квинтиліанъ, какъ мы видѣли, вовсе не упоминаетъ въ своемъ перечнѣ римскихъ сатириковъ? Какое же тутъ можетъ быть сопоставленіе этихъ писателей?

Всѣгда за отрывкомъ изъ Квинтиліана, нашъ авторъ приводитъ ¹⁾ весьма замѣчательное и очень ясное свидѣтельство Діомеда о римской сатирѣ, котораго онъ также не понялъ. Вотъ точный смыслъ этого свидѣтельства: Теперь, говоритъ Діомедъ, сатирою называются у Римлянъ злословные стихи (*carmen maledictum*), какіе слагаются въ духѣ древней (греческой) комедіи, для порицанія людскихъ пороковъ, и какіе писали Луцилій, Горацій и Персій, а встарину (*olim*) сатирою назывались разнообразныя стихотворныя произведенія, какія писали Пакувій и Энній (то-есть, не злословныя, не обличительныя, словомъ, не сатирическія). Для того, чтобы видѣть, на какія невообразимыя мысли навели г. Нагуевскаго эти слова Діомеда, нужно раскрыть 95 страницу разсматриваемой книги. Въмѣсто всякихъ возраженій, ограничусь этимъ указаніемъ на прямой ихъ смыслъ.

Итакъ, Квинтиліанъ вовсе умалчиваетъ объ Эннii, какъ сатирикѣ, и въ этомъ совершенно сходится съ Гораціемъ, который, какъ извѣстно, изобрѣтателемъ (*inventor*) сатиры называетъ Луцилія (*Sat. I, X, 48*). И Горацій, и Квинтиліанъ, конечно, хорошо знали

¹⁾ Въ старинной редакціи Пуча, которая теперь оставлена. Въмѣсто «*non apud Graecos*», Кейль читаетъ «*nunc quidem*».

исторію своей отечественной литературы. Притомъ, второй изъ нихъ, какъ также извѣстно, былъ большимъ почитателемъ Эннія, а первый очень не жаловалъ Луцилія и, несмотря на то, не задумался связать съ его именемъ начало римской сатиры. Какъ же все это случилось? Дѣло объясняется очень просто тѣмъ, что Энній, не говоря уже о Пакувіи, никогда не писалъ сатиръ. Это, впрочемъ, видно и изъ приведеннаго свидѣтельства Диомеда, гдѣ Энній и Пакувій ясно и рѣзко отдѣляются отъ Луцилія, Горація и Персія. До сихъ поръ еще господствующее въ наукѣ мнѣніе о двухъ первыхъ изъ названныхъ писателей, какъ о сатирикахъ, очевидно основано на простомъ недоразумѣніи. Оно основано на неточныхъ и неправильно понятыхъ показаніяхъ Порфиріона и Доната, изъ которыхъ одинъ въ своихъ замѣткахъ къ Горацію (Sat. I, 10, 47), а другой къ Теренцію (Phormio, II, 2, 25) говорятъ то о четырехъ, то о шести книгахъ сатиръ, написанныхъ будто бы Энніемъ. Свидѣтельства о Пакувіи, какъ сатирикѣ, еще болѣе ничтожны. Въ русской литературѣ уже лѣтъ десять тому назадъ было не только высказано, но и подробно развито предположеніе о томъ, что названіемъ *satura* Энній озаглавилъ сборникъ разнообразныхъ своихъ стихотворныхъ произведеній, памятуя древній смыслъ этого слова, какъ опредѣлилъ его Фестъ въ своемъ лексиконѣ. При этомъ была выражена надежда, что ученый ареопагъ не замедлитъ разжаловать Эннія, вмѣстѣ съ Пакувіемъ, изъ ранга сатириковъ¹⁾. Эта надежда сбылась даже раньше, чѣмъ можно было ожидать. Вотъ, напримѣръ, что, по поводу этого вопроса, мимоходомъ и безъ всякой дальнѣйшей аргументаціи, говоритъ Тейфель въ своей исторіи римской литературы (ч. I, стр. 127): „Ferner gab Ennius *satura* heraus in dem Sinne einer Sammlung vermischter Gedichte in verschiedenen Maassen“. Очень жаль, что г. Нагуевскій не ознакомился съ этимъ новымъ взглядомъ на Эннія. Это ознакомленіе было для него не только обязательно, но и необходимо, потому что при этомъ условіи рассматриваемая книга явилась бы хотя въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ въ болѣе приличномъ видѣ.

Страницы, посвященные г. Нагуевскимъ Варрону Реатинскому, очень слабы. Это не болѣе, какъ небрежныя и случайныя выписки изъ добросовѣстной и почтенной монографіи г. Помяловскаго о знаменитомъ

¹⁾ Въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, въ январской книгѣ за 1870 годъ. См. критическую статью по поводу книги г. Помяловскаго «Маркъ Теренцій Варронъ Реатинскій».

римскомъ полигисторѣ. Относительно его замѣчательной личности читатель этихъ страницъ оставляется въ полномъ невѣдѣніи, какъ будто это былъ какой-нибудь заурядный писатель. Въ числѣ множества другихъ существенныхъ подробностей не уяснены вопросы о томъ, что такое Мениппова сатира, можно ли прослѣдить вліяніе Гадарскаго философа на Варрона и т. д. Не приведено также изъ него ни одного отрывка, что особенно странно послѣ цѣлага ряда безцѣльныхъ выписокъ изъ Энія, которымъ нашъ авторъ удѣлил такъ много мѣста въ началѣ разсматриваемой главы. Все это, однако, не помѣшало ему распространиться (стр. 106) о различіи мениппей отъ сатиры Энія и Луцилія и заключить свое изслѣдованіе о Варронѣ докторальнымъ заявленіемъ, что все значеніе мениппей въ римской литературѣ основывалось исключительно на томъ, что онѣ представляли собою богатый лексическій и метрическій матеріалъ. Выходитъ такимъ образомъ, если успокоиться на изслѣдованіи г. Нагуевскаго, что Варронъ былъ какой-то ничтожный писатель, а Эній великій сатирикъ! Ну, и пусть будетъ такъ.

Въ самомъ началѣ пятой главы, посвященной Горацію и Персію, нашъ отечественный Квинтиліанъ, на подобіе древняго своего собрата, начерталъ въ общихъ чертахъ слѣдующую характеристику римскихъ сатириковъ: „Тогда какъ Луцилій нападаетъ, Персій говоритъ съ гнѣвомъ, принявъ роль стоика, Ювеналь негодуетъ на всѣхъ и каждого, Горацій не становится нигдѣ на точку моралиста, но шутитъ и смѣется“ (?).

Нельзя не остановиться на этихъ удивительныхъ словахъ, такъ какъ они, вмѣстѣ съ пояснительными къ нимъ дополненіями, бьютъ въ глаза и выставляютъ въ яркомъ свѣтѣ полное отсутствіе въ нашемъ авторѣ малѣйшихъ слѣдовъ критическаго анализа.

Представленная г. Нагуевскимъ характеристика Луцилія очевидно неполна, такъ какъ онъ не только нападалъ на своихъ современниковъ, но и трактовалъ въ своей сатирѣ о разныхъ другихъ, казалось бы, не подходящихъ къ ней предметахъ, напримѣръ, объ ореографіи. Но оставимъ въ покоѣ Луцилія, о которомъ уже была рѣчь, и перейдемъ къ Персію, который „говоритъ съ гнѣвомъ“, между тѣмъ какъ Ювеналь „негодуетъ“. Какое тонкое различеніе! Изъ словъ „принявъ роль стоика“ можно бы заключить, что гнѣвъ Персія самъ по себѣ, а негодованіе Ювенала также само по себѣ, но самъ авторъ не даетъ намъ права придти къ такому заключенію, потому что на стр. 122-й дополняетъ характеристику Персія слѣдующими достопа-

матвными словами: „онъ нападаетъ вмѣстѣ и на народъ и на знатныхъ, со всѣхъ срываетъ маску и обличаетъ гнусность современныхъ нравовъ“. Очевидно, тутъ дѣло идетъ не о стоическомъ гнѣвѣ (то-есть не о теоретическомъ), а о гражданскомъ, какимъ былъ проникнуть и хвалился Ювеналъ, какъ это видно изъ знаменитаго его выраженія „facit indignatio versum“. Мнѣніе г. Нагуевского о Персіи очень оригинально. До сихъ поръ всѣ понимающіе дѣло ученые считали его самымъ безобиднымъ сатирикомъ, не имѣвшимъ почти ничего общаго съ современнымъ ему міромъ и пребывавшимъ въ абстрактной области идеаловъ, навѣянныхъ ему тою философскою школою, которой онъ былъ такимъ жаркимъ сторонникомъ. Можно было ожидать, что г. Нагуевскій не признаетъ справедливости такого воззрѣнія и поддержитъ столь категорически высказанное имъ противоположное мнѣніе о литературной личности Персіи. Выходитъ, однако, не такъ. На стр. 122 нашъ авторъ совершенно неожиданно заявляетъ, что Персіи „изображаетъ не столько истинную картину своего вѣка, сколько вообще свойства человѣческой природы“, а въ примѣчаніи къ этой тирадѣ приводитъ изъ моей книги „Сатиры Персіи“ слѣдующія слова: „если поэтъ и обращается иногда для подтвержденія своей доктрины къ явленіямъ жизни, то рисуетъ не римскую національность, какою она являлась въ его время, а жизнь всесвѣтную и всевременную“. Вспоминаемъ прежнее заявленіе автора на ту же тему и съ недоумѣніемъ спрашиваемъ: какія же тутъ нападки, срыванія масокъ и обличенія гнусности современныхъ нравовъ? Какого же, наконецъ, мнѣнія держится нашъ авторъ о сатирахъ Персіи? Вотъ чтò значитъ механическое выписываніе изъ чужихъ книгъ, слѣды котораго, въ сожалѣнію, такъ часто замѣчаются въ разсматриваемомъ „литературно-критическомъ изслѣдованіи“.

Съ позволенія автора, измѣняю тотъ порядокъ, въ которомъ онъ почему-то разставилъ римскихъ сатириковъ, и перехожу къ Горацию. Онъ, какъ мы видѣли, по словамъ г. Нагуевского „не становится нигдѣ на точку моралиста, но шутитъ и смѣется“. Это связано въ началѣ 109-й страницы, а въ концѣ ея дальнѣйшая характеристика Горация принимаетъ такой оборотъ: „Онъ кротко укоряетъ и осмѣиваетъ глупыхъ и непостоянныхъ, недовольныхъ своею судьбою, суетныхъ и тщеславныхъ, скупыхъ до грязности и корыстолюбивыхъ, расточительныхъ, роскошныхъ и обжорливыхъ, сладострастныхъ, несправедливыхъ и зложелательныхъ, льстивыхъ, боязливыхъ и подозрительныхъ, преступныхъ, наконецъ, всѣхъ, преданныхъ какому бы то

ни было роду слабостей и пороков⁴. Да развѣ это не моралистъ? Развѣ не моралистъ тотъ писатель, который (чтобы ограничиться хотя однимъ особенно яркимъ примѣромъ) въ своей знаменитой VI сатирѣ (I книги) высказалъ такія высокія чувства, говоря о своемъ отцѣ? ¹⁾ Девизъ Горация дѣйствительно былъ „*ridendo dicere verum*“, вмѣсто Ювеналовой „*indignatio*“, онъ дѣйствительно ввелъ въ свою сатиру другой элементъ, а именно насмѣшку или смѣхъ, но развѣ моралистъ не можетъ, подобно нашему Гоголю, пользоваться этимъ элементомъ? Развѣ смѣхъ лишаетъ мораль ея силы? Развѣ онъ не можетъ проливаться сквозь „невидимыя міру слезы?“ Развѣ ошибается Гораций, говоря:

„Шутка часто сильнѣе разитъ, чѣмъ суровое слово“?

Пусть подумаетъ объ этомъ г. Нагуевскій, теоретическія воззрѣнія котораго также, какъ видно, не отличаются особенною силою, а мы, между тѣмъ, обратимъ вниманіе на другія диковины, которыя поразили насъ въ трактатѣ его о Горациѣ. Вотъ, напримѣръ, извѣстіе о томъ (стр. 112), что онъ „въ нѣкоторомъ отношеніи пожертвовалъ плавностію и величественностію героическаго размѣра, стараясь придать ему характеръ повседневной разговорной рѣчи“. Это заявленіе не мало удивитъ всякаго, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ характеромъ твореній Горация, да и самъ авторъ на слѣдующей же страницѣ говоритъ, что „этотъ поэтъ посвящалъ много времени, труда и усидчивости на отдѣлку своихъ произведеній“. Дѣйствительно, никто изъ римскихъ поэтовъ не заботился столько о внѣшнемъ изяществѣ своей рѣчи, объ этой, какъ онъ выражается, *limae cura*. Въ силу этого культа изящнаго Гораций, какъ извѣстно, постоянно указывалъ Римлянамъ на греческую литературу какъ на достойный подражанія образецъ, и постоянно ратовалъ противъ своихъ предшественниковъ въ поэзіи, у которыхъ онъ не находилъ этого, столь необходимаго въ его глазахъ литературнаго элемента, всецѣло входившаго въ его эстетическую теорію. Какимъ же образомъ такой поэтъ (да и не такой, а какой угодно) могъ бы намѣренно жертвовать плавностію своей рѣчи? И откуда онъ, г. Нагуевскій, позаимствовалъ такую парадоксальную премудрость? Оказывается, что онъ позаимствовалъ ее у какого-то Раппольта, но и тутъ перепуталъ, такъ какъ этотъ ученый говоритъ вовсе не о плавности героическаго размѣра, а объ *elegantia*. Впрочемъ, и

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ въ моей книгѣ «Гораций и его время». Стр. 24 и слѣд.

Раппольтъ не очень умно утверждаетъ, будто сатирики очень часто съ намѣреніемъ пишутъ не изящные стихи для того, чтобы порицаемые въ нихъ люди видѣли, что дѣло главнымъ образомъ идетъ объ ихъ исправленіи (ut.... qui reprehenduntur agnoscant, nihil ea scriptione quaeri praeter ipsorum emendationem). А г. Нагуевскій предпосылаетъ этой наивной латинской цитатѣ слѣдующее замѣчаніе: „Весьма удачно по этому поводу замѣчаетъ Раппольтъ“ и пр. В первыхъ, не по этому поводу, а, во-вторыхъ, весьма неудачно.

На той же 113-й страницѣ мы отмѣтимъ еще одну фразу г. Нагуевского, которая мало того что противорѣчитъ только что разсмотрѣннымъ его заявленіямъ, но и сама по себѣ отличается весьма печальнымъ недомыслиемъ, а именно: „Венузійскій поэтъ избѣгалъ всякихъ шероховатостей, свойственныхъ стихамъ Эннія, Луцилія и Варрона“. Это все равно, какъ если бы кто сказалъ: Пушкинъ избѣгалъ всякихъ шероховатостей, свойственныхъ стихамъ Державина, Сумарокова и Княжнина. Нужно было хотя немного подумать о томъ, могли ли всѣ эти поэты, какъ латинскіе, такъ и русскіе, избѣгнуть литературныхъ шероховатостей. У Горация ихъ мало, не только потому, что онъ очень заботился о внѣшности своихъ стиховъ, но и потому, что стихотворная рѣчь достигла въ его время бѣльшаго развитія, чѣмъ при его предшественникахъ. На томъ же основаніи не только у Пушкина, но и у любого теперешняго римоплета меньше шероховатостей, чѣмъ у Державина, то-есть, не потому меньше, что теперешній римоплетъ избѣгаетъ ихъ, а Державинъ не избѣгалъ, а по причинамъ отъ послѣдняго не зависѣвшимъ.

Но довольно о Горациѣ, довольно не потому, что нечего болѣе сказать по поводу взглядовъ на него, заявленныхъ г. Нагуевскимъ, а потому, что ломать копья можно только съ человѣкомъ вооруженнымъ. Какъ-то совѣстно и скучно нападать на безоружнаго противника, какимъ очевидно является нашъ авторъ. Опровергать или оспаривать критикъ можетъ только убѣжденія, несогласныя съ его собственнымъ взглядомъ, а какія убѣжденія могутъ быть у автора, который пассивно относится ко всему печатному и почти постоянно сопоставляетъ противоположныя мнѣнія, недоумѣвая, которому изъ нихъ слѣдовать?

На этомъ основаніи я не считаю нужнымъ подробно останавливаться также на всѣхъ показаніяхъ г. Нагуевского о Ювеналѣ, который, какъ мы видѣли, „негодуетъ на всѣхъ и каждого“. Эта характеристика также находится въ полномъ противорѣчій какъ съ научными данными, такъ и съ другими заявленіями самого же автора. Возьмемъ для при-

мѣра IV сатиру Ювенала, гдѣ онъ такъ живо описываетъ засѣданіе сенаторовъ, которыхъ Домиціанъ вызвалъ въ свою Альбанскую виллу, для рѣшенія вопроса о томъ, что дѣлать съ огромнымъ ромбомъ, пойманнымъ и принесеннымъ ему въ даръ бѣднымъ Пиценскимъ рыбакомъ. Между ними поэтъ называетъ Пегаса, прибавляя, что это былъ „честный человѣкъ и строгій блюститель закона“, а вслѣдъ затѣмъ называетъ „пріятнаго, добродушнаго и краснорѣчиваго Криспа“. Г. Нагуевскому извѣстны эти факты (стр. 244), но онъ не обратилъ на нихъ надлежащаго вниманія. Съ приведеннымъ заявленіемъ въ тѣсной связи находится и другой его отзывъ о Ювеналѣ, на стр. 200, а именно: „нигдѣ онъ не рисуется хорошей стороны современнаго (ему?) вѣка или лица“. Это также не совсѣмъ вѣрно и въ разсматриваемомъ трудѣ можно указать не на одну страницу, гдѣ говорится иное. Вотъ, напримѣръ, характеристика XI сатиры, представленная нашимъ авторомъ на стр. 335: „По своему тону и характеру она весьма близко подходитъ къ сатирическимъ произведеніямъ Горация. Въ ней поэтъ является въ свѣтломъ, праздничномъ настроеніи духа“ и проч.

Вообще по книгѣ г. Нагуевского очень трудно уяснить себѣ нравственную личность Ювенала. Возьмемъ, для примѣра, вопросъ о политическихъ его убѣжденіяхъ. Нашъ авторъ нѣсколько разъ касается этого вопроса, но рѣшаетъ его то такъ, то иначе, смотря по тому, какая передъ нимъ лежитъ книга. Вотъ, что онъ заявляетъ на 420 стр., ссылаясь при этомъ на Видаля: „По своимъ политическимъ убѣжденіямъ Ювеналъ, подобно Тациту (?), принадлежитъ къ приверженцамъ республики“. Вслѣдъ затѣмъ римскій сатирикъ называется демократомъ. А на слѣдующей страницѣ, ссылаясь на Марта, авторъ пишетъ, что хотя Ювеналъ и республиканецъ по убѣжденію, но „подобно Персію (?), Тациту, Плинію Младшему и другимъ лучшимъ людямъ того времени, не требуетъ возстановленія прежнихъ формъ правленія. Онъ преслѣдуетъ не имперію, но ея безнравственныхъ правителей и воцареніе „лучшаго“ изъ римскихъ императоровъ (то-есть Траяна) привѣтствуетъ столь же радостно, какъ и минувшія времена царей и трибуновъ“. Какой же это республиканецъ и кто же, наконецъ, Ювеналъ? Для того, чтобы выйти изъ этой дилеммы, необходимо слѣдовало разъяснить, что мирило съ монархіей человѣка, пережившаго ужасное время Домиціана. Нашъ авторъ, который внесъ въ свою книгу такъ много лишняго, не счелъ нужными такихъ разъясненій. Очень также жаль, что въ разсматриваемой части

своего труда онъ поддался вліянію французскихъ ученыхъ, которые, какъ извѣстно, при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, очень часто имѣютъ въ виду не столько науку, сколько политику. При этомъ они очень развязно и храбро уничтожаютъ прямой и ясный смыслъ даже такихъ свидѣтельствъ, которыя положительно мѣшаютъ господству ихъ излюбленныхъ идей. Такъ, напримѣръ, поступилъ и Гастонъ Буассье съ извѣстнымъ мѣстомъ въ X-й сатирѣ (ст. 77), гдѣ Ювеналь, по поводу волненія, вызваннаго казнію Сеяна, нисколько не становясь на его сторону, съ презрѣніемъ отзывается о народной массѣ, которая обнаружила при этомъ такое малодушіе. Оно выразилось въ томъ, что толпа, изъ страха передъ Тиберіемъ, наругалась надъ трупомъ недавняго своего любимца, Сеяна, стащила съ пьедестала его статую и проч. При описаніи всего этого, сатирикъ вставляетъ въ свои рѣчи слѣдующія слова: „Этотъ народъ уже давно сложилъ съ себя государственное бремя, съ тѣхъ поръ, какъ мы, на выборахъ, никому больше не продаемъ нашихъ голосовъ“. Это значитъ: съ тѣхъ поръ, какъ окончилась республика и началась монархія, причемъ о республикѣ Ювеналь очевидно отзывается здѣсь не съ особеннымъ сочувствіемъ. Это не нравится Гастону Буассье; ему бы хотѣлось, чтобы Ювеналь бранилъ монархію, а не тотъ режимъ, который усвоила себѣ Франція, и который стоящая теперь во главѣ ея партія считаетъ исключительно „правовымъ“ и спасительнымъ для человечества. Понадобилось ослабить прямой и ясный смыслъ Ювеналовой рѣчи, и вотъ французскій ученый, впрочемъ, одинъ изъ весьма замѣчательныхъ дѣятелей по классической филологіи, усматриваетъ въ приведенныхъ словахъ внезапный переходъ отъ одной мысли къ другой (хотя этого на дѣлѣ вовсе нѣтъ) и притомъ подъ вліяніемъ страха „за спокойствіе своихъ старческихъ лѣтъ“, который будто бы внезапно обухалъ поэта въ то время, когда онъ писалъ свою X сатиру. Казнь Сеяна Гастону Буассье понадобилось, безъ всякаго достаточнаго основанія, выставить едва ли не самымъ кровавымъ и вопіющимъ дѣломъ римскаго цезаризма, и подъ вліяніемъ своего оппортунистскаго пафоса онъ пишетъ: „Ничто болѣе открыто не обличало новаго порядка, ничто естественнѣе не могло перенести мысль въ древнее время республики. Казалось, будто Ювеналь, изображая всю пошлость настоящаго, вспомнить нѣкогда знаменитое прошлое. Дѣйствительно, воспоминаніе республики уже у него въ сердцѣ, имя ея уже на устахъ: „все измѣнилось, говоритъ онъ, съ тѣхъ поръ, какъ“..... Но здѣсь смѣлость его оставляетъ; быть можетъ, онъ увидѣлъ гдѣ либо

проходящимъ центуріона цезаря. Онъ оканчиваетъ: „все измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ мы не продаемъ болѣе своихъ голосовъ“. И вотъ, республика осмѣяна, въ то время, какъ намъ казалось несомнѣннымъ услышать ея похвалу“.

Очень понятно или, вѣрнѣе, очень обычно, что Французъ, согласно съ временнымъ настроеніемъ своей отечественной интеллигенціи, или даже просто въ угоду господствующей политической партіи, дѣлаетъ такія непопозволительныя натяжки безъ всякаго къ тому научнаго повода, но съ какой стати мы-то будемъ переносить подобные приемы въ нашу молодую науку? А между тѣмъ г. Нагуевскій, которому „печатный каждый листъ быть кажется святымъ“, въ своемъ примѣчаніи къ 414 страницѣ находитъ приведенное французское объясненіе правдоподобнымъ и остроумнымъ. Мало того; оно внушило ему (ibid.) слѣдующія загадочныя соображенія: „эти неожиданныя переходы (у Ювенала) отъ одной мысли къ другой, эти недосказанныя слова встрѣчаются очень рѣдко, и въ первыхъ книгахъ сатиры они вовсе незамѣтны (?); кое гдѣ они мелькаютъ только въ послѣднихъ, написанныхъ въ преклонные годы: ихъ озаряетъ какая то нравственная и философская мораль, болѣе спокойная и сдержанная, чѣмъ пламенное негодованіе юношескихъ лѣтъ. Изрѣдка только это негодованіе появляется съ прежнею силою и болѣе всего скрывается въ тѣхъ недосказанныхъ мысляхъ, въ тѣхъ полусловахъ и неожиданныхъ переходахъ, которые скорѣе должно назвать нѣмымъ протестомъ противъ всего тогдашняго строя, порывомъ гнѣва, сдерживаемымъ обстоятельствомъ, словомъ правды, замирающимъ на устахъ подъ гнетомъ воспоминанія о прошломъ горѣ, даже невольнымъ опасеніемъ за спокойствіе своихъ старческихъ лѣтъ, чѣмъ доказательствомъ компрометирующимъ честность и безупречность убѣжденій сатирика“. У меня вѣтъ подъ рукою вступительной лекціи о Ювеналѣ Гастона Буассье, изъ которой нашъ авторъ позаимствовалъ всѣ эти фразы о неожиданныхъ переходахъ и недосказанныхъ словахъ въ произведеніяхъ римскаго сатирика. Полагаю, однако, что у французскаго писателя все это изложено нѣсколько иначе, такъ какъ, при всей своей предназначенности, на которую мы только что указали, онъ хорошо владѣетъ и мыслью, и словомъ. Дѣйствительно, недосказанныя слова, слова правды, замирающія на устахъ и проч., все это признаки волненія, подъ гнетомъ котораго находится писатель, а оно свойственно молодымъ, или, по крайней мѣрѣ, бодрымъ годамъ въ гораздо болѣе вѣрѣ, чѣмъ старческому возрасту. Кромѣ того, оно находится

въ тѣсной связи съ тѣми условіями, среди которыхъ приходится жить человѣку. Переходя отъ этихъ общихъ положеній къ вопросу о Ювеналѣ, мы должны припомнить, что первыя его сатиры писаны при Домиціанѣ, „этой язвѣ человѣческаго рода“, какъ онъ его называетъ, а послѣднія при Траянѣ, и притомъ въ старости. Вотъ почему, по словамъ самого же автора, ихъ озаараетъ спокойная и сдержанная мораль. На какомъ же основаніи онъ, вопреки исторической правдѣ и логикѣ, утверждаетъ, что означенные признаки, т.-е. внезапные переходы, умолчанія и проч. составляютъ характеръ послѣднихъ сатиръ Ювенала? Если гдѣ искать этихъ признаковъ, то именно въ первой его сатирѣ, гдѣ больше всего слѣдовъ происходящей отъ волненія прерывистой рѣчи. Да и какой могъ быть у Ювенала поводъ опасаться за спокойствіе своихъ старческихъ лѣтъ въ царствованіе того кесаря, котораго, какъ мы уже видѣли, онъ считалъ наиболѣе надежнымъ и единственнымъ въ свое время покровителемъ литературы? Очевидно, здѣсь двойное, а, можетъ быть, и тройное недоразумѣніе, такъ какъ авторъ противорѣчитъ самому себѣ, даннымъ науки и, по всей вѣроятности, тому ученому, котораго онъ на этотъ разъ избралъ своимъ менторомъ. Въ результатѣ же всѣхъ этихъ недоразумѣній и противорѣчій вышла невообразимая путаница.

Мы видѣли, что г. Нагуевскій называетъ Ювенала демократомъ (стр. 420). А выше сказано, на стр. 274: „поэтъ, какъ справедливо замѣчаетъ Мартѣ, не выказываетъ себя врагомъ патриціата“ и почти вслѣдъ затѣмъ: „Ювеналь не имѣетъ въ виду поносить тогдашнюю знать, подъ влияніемъ сословной ненависти низшаго класса“.

Снова приходится повторить нашъ прежній вопросъ: кто же былъ Ювеналь, по своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ? Уже изъ простаго сопоставленія тѣхъ разногласныхъ мнѣній о его личности, которыя имѣются въ наукѣ и изъ которыхъ для каждаго можно подыскать подтвержденіе въ произведеніяхъ римскаго сатирика, ясно видно, что онъ ни демократъ, ни аристократъ, ни республиканецъ, ни монархистъ. Онъ чурался всякаго политическихъ партій, или, лучше сказать, въ каждой изъ нихъ цѣнилъ все хорошее и ненавидѣлъ все дурное. Дѣйствительно, Ювеналь и Тацитъ, съ которыми онъ имѣетъ такъ много общаго, не гнули своихъ убѣжденій въ какую-нибудь одну сторону, не насилывали ихъ въ угоду той или другой теоріи, а, какъ и слѣдуетъ людямъ честнымъ и трезвымъ, глядѣли на жизнь прямо и объективно. При этомъ они не руководились личными воз-

дѣлѣніями и предвзятыми тенденціями, такъ часто имѣющими эгоистическую подкладку, служащими тѣмъ конькомъ, на которомъ удобнѣе всего быстро вѣхъ въ люди. На первомъ планѣ они ставили государственное благо и народную пользу. Вотъ въ чему, помимо всякихъ теорій и клячекъ, стремились они всѣми силами своей высокой души, глубоко ощуществуя всему, что, по убѣжденію ихъ, было для Рима своевременно и благотворно, и не разбирая изъ какого лагера могло выйти для него это добро. Такіе люди вездѣ желанны, особенно въ смутное время. Притомъ это были не только честные, но и очень умные люди, глубокіе знатоки человѣческаго сердца и историческаго фатума, который давилъ ихъ несчастную родину. Республиканцами они быть не могли, потому что хорошо понимали невозможность для Рима возврата въ минувшему, тѣмъ болѣе, что она была не политическая, а нравственная. Для восстановленія республики не только не было надлежащей почвы, но и средствъ для ея воздѣливанія. Нужно было для этого поднять въ народѣ нравственный уровень, низменность котораго и была главною причиною исчезновенія прежняго политическаго строя, а этотъ уровень въ вѣкъ Ювенала и Тацита былъ таковъ, что даже послѣднее время республики, сравнительно съ нимъ, могло казаться чуть не золотымъ вѣкомъ. При такихъ печальныхъ условіяхъ новые Катилины и Клодіи, Суллы и Марии повторились бы въ усовершенствованномъ видѣ, и республиканскій деспотизмъ, не уступая автократному, легко могъ изъ единоличнаго превратиться въ многоличный. Къ тому же Траянъ хотя на время помиралъ этихъ писателей съ монархіей и они хорошо понимали, что такой человѣкъ, живи онъ при прежнихъ порядкахъ, могъ сдѣлать для народа меньше добра, потому что, не пользуясь полною властію, встрѣтилъ бы больше препятствій для исполненія своихъ благихъ намѣреній. Съ другой стороны, однако, и на Траяна они не могли не смотрѣть, какъ на счастливую случайность, и не могли питать особеннаго сочувствія къ той монархіи, подъ тяжелымъ гнетомъ которой сложились ихъ первыя политическія убѣжденія. Вотъ трагизмъ того нравственнаго положенія, въ которомъ находились Ювеналь и Тацитъ, вотъ откуда тотъ мрачный колоритъ, который такъ часто проявляется въ ихъ твореніяхъ.

Для того, чтобы, какъ говорится, отвести душу, Ювеналу оставалось переноситься мыслию къ той первобытной порѣ, когда римскіе нравы еще не носили на себѣ слѣдовъ испорченности и отличались сабинскою простотою. Мечты Ювенала, увлекавшія его въ эту сча-

стливую Аркадію, конечно, не имѣли практическаго значенія. Римъ не могъ возвратиться къ этой сѣдой старинѣ, потому что въ жизни государства, какъ и въ жизни человѣка, одинъ возрастъ смѣняется другой безповоротно. Можетъ быть, Ювеналъ и самъ понималъ неосуществимость своихъ *ria desideria*, но обстоятельства сложились такъ, что его идеалъ не могъ осуществиться не только въ будущемъ (не даромъ онъ съ горечью говоритъ въ первой своей сатирѣ: „*eadem facient cupientque minores*“), но и въ ближайшемъ прошедшемъ, которое подготовило страшный вѣкъ Домиціана. Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, что Ювенала можно обвинять въ отсутствіи идеала, какъ это дѣлаетъ нашъ авторъ на страницѣ 204. Писатель, который такъ строго относится къ своему вѣку во имя чести и правды, который такъ искренно скорбитъ объ упадкѣ нравовъ и рисуетъ ихъ не въ общихъ и отвлеченныхъ отъ вѣка чертахъ, а грозно указываетъ на нарушителей того нравственнаго закона, который онъ считалъ нормальнымъ и для всякаго обязательнымъ, очевидно не заслуживаетъ такого укора. Идеалъ Ювенала, хотя бы онъ и сомнѣвался въ возможности его осуществленія, какъ уже выше замѣчено, государственное и народное благо. Вотъ за что онъ ратовалъ всю свою жизнь. Уклоненіе отъ этого идеала онъ горячо и настойчиво преслѣдовалъ въ своихъ сатирахъ, и трудно понять, почему нашъ авторъ въ нападкахъ Ювенала, напримѣръ, на адвоката Кретика за то, что онъ появлялся среди народа „въ прозрачной одеждѣ“ или на матрону Мевію, которая съ копьемъ въ рукѣ выходила на арену амфитеатра, для боя съ дикими звѣрами, усматриваетъ узкій взглядъ поэта на общественный строй римской жизни (стр. 205). Отчего такія проявленія этой жизни не должны были казаться честному и умному человѣку безобразными даже въ вѣкъ Римской имперіи? Они были чужды Риму въ періоды его болѣе или менѣе самостоятельнаго развитія, и вотъ почему Ювеналъ не любилъ слѣдовъ посторонняго вліянія на свою родину не только со стороны Азии, но и Греціи, что особенно ярко выразилось въ его знаменитой III сатирѣ. Не любовь Ювенала къ эллинизму, казалось бы, съ обычной нашей точки зрѣнія, должна была вызвать противъ него громы и перуны новой науки, а между тѣмъ она, и притомъ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, напримѣръ, въ лицѣ Момзена, въ этомъ случаѣ не расходится въ своихъ взглядахъ съ римскимъ поэтомъ. Она также признаетъ, что греческая культура, которой римская жизнь была обязана своимъ развитіемъ, внесла въ нее, между прочимъ, не мало и дурнаго в

много способствовала порчѣ римскихъ нравовъ. Вообще чувство честнаго, умнаго и цѣльнаго человѣка, какимъ несомнѣнно является въ своихъ произведеніяхъ римскій сатирикъ, подсказало ему много тако-го, что для его времени было вѣрно и разумно.

Для того, чтобы покончить съ очеркомъ нравственной личности Ювенала, которая такъ смутно обрисована въ книгѣ г. Нагуевского, прибавимъ еще нѣсколько словъ. Выше замѣчено, что римскій сатирикъ, въ силу своего нравственнаго склада, не могъ прикннуть ни къ одной изъ существовавшихъ въ его время политическихъ партій. Можетъ быть, ради большей точности, слѣдуетъ замѣтить, что онъ самъ составлялъ себою партію, которая, вслѣдствіе разныхъ историческихъ условій, никогда не была въ Римѣ, къ его горю, сильной, и тѣмъ дальше, тѣмъ болѣе утрачивала въ его интеллигентныхъ сферахъ своихъ приверженцевъ. Это та партія, которая въ настоящее время зовется національною и въ періоды культурной жизни народовъ вездѣ является результатомъ ихъ нормальнаго политическаго и общественнаго развитія; это именно та партія, для которой жизнь выше навѣянной извнѣ теоріи, а народныя интересы выше личныхъ и нерѣдко себялюбивыхъ вождедвій. Повторяю, что эта партія постоянно имѣла въ Римѣ слишкомъ мало сторонниковъ, что и было одною изъ главныхъ причинъ его паденія.

Возвращаясь къ г. Нагуевскому, замѣчу, что длинный его трактатъ о Ювеналѣ написанъ довольно гладко и живо, и не лишень литературныхъ достоинствъ, но это легко объясняется тѣмъ, что упомянутый трактатъ составленъ по французскимъ книгамъ, которыми, какъ мы уже видѣли, нашъ авторъ не всегда пользовался съ надлежащею осторожностію. Изъ нихъ онъ, конечно, заимствовалъ и нелѣпую фразу на стр. 197: „Вѣкъ Августа исчезъ въ кровавомъ заревѣ деспотизма“ (?). Почтенныя, во всякомъ случаѣ, имена Видала, Буассье, Марта, Ниаара и проч. на каждой страницѣ упомятаго трактата бросаются въ глаза читателю, съ длинными изъ нихъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ выписками, болшею частію излишними и совершенно неумѣстными. Мозаичность работы, составляющая, впрочемъ, главный характеръ всѣхъ вообще отдѣловъ разсматриваемой книги, принимаетъ здѣсь еще не виданные у насъ размѣры. Чисто механическія выписки изъ чужихъ книгъ, нерѣдко лишенная логической связи, противорѣчивыя и взаимно себя исключаютія, почти постоянно не даютъ читателю никакой возможности составить себѣ сколько нибудь опредѣленное понятіе о содержаніи и смыслѣ этой

„историко-критической“ мозаики. Это какой то необычайный, пестрый паркетъ, неумѣло и безъ всякой системы сложенный изъ разноцвѣтныхъ заграничныхъ мраморовъ далеко не одинаковаго достоинства и калибра.

Рядомъ съ безконечными выписками изъ разныхъ авторовъ и простыми на нихъ ссылками, причѣмъ послѣднія, какъ мы имѣемъ основаніе думать, вообще не заслуживаютъ въ книгѣ г. Нагуевскаго особеннаго довѣрія, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ помянутаго отдѣла выписаны, безъ всякой надобности, въ подлинникѣ чуть не цѣликомъ всѣ сатиры Ювенала, и тутъ же, въ верхнихъ столбцахъ, онѣ являются въ русской оболочкѣ. Я уже не разъ имѣлъ случай и поводъ указывать на неправильное отношеніе нашего автора къ латинскимъ текстамъ, точный смыслъ которыхъ очевидно ему недоступенъ. То же самое, въ сожалѣнію, приходится повторить и теперь. Впрочемъ, г. Нагуевскій видимо уклоняется отъ переводовъ изъ Ювенала и предпочитаетъ имъ простой и не всегда умѣлый пересказъ. Что же касается до перевода, обозначеннаго кавычками, то и здѣсь онъ мѣстами поражаетъ своей странностію, не говоря уже о томъ, что въ немъ очень часто не хватаетъ не только колоритъ, но и мысль Ювеналовой рѣчи. Въ доказательство справедливости этого отзыва, приведу нѣсколько примѣровъ. Такъ на стр. 359, по мнѣнію автора, смыслъ Ювеналовыхъ словъ (Sat, I, 148): „eadem facient superiorentque minores“ тотъ, что „при всеобщемъ господствѣ пороковъ, трудно будетъ и молодому человеку удержать себя въ границахъ скромной и честной жизни“. На стр. 241 слова сатирика (IV, 31) „Purpureus magni scuttra palatii“ (такъ, полагаю, слѣдуетъ писать, а не Palatii), которыми онъ честитъ Криспина, г. Нагуевскій переводитъ: „одѣтый въ пурпуръ шутъ высокаго палатинскаго холма“. Во-первыхъ, можно ли назвать ничтожный по величинѣ Палатинскій холмъ высокимъ, въ особенности же могъ ли такъ назвать его итальянскій поэтъ, передъ глазами котораго отъ юности его висѣлись Аппенины и Альпы? Затѣмъ слово palatium, положимъ, могло быть употреблено Ювеналомъ въ смыслѣ Палатинъ или палатинскій холмъ, но оно имѣетъ свое специальное значеніе, а именно дворецъ. Потому точный смыслъ приведеннаго латинскаго текста нужно передать словами: „одѣтый въ пурпуръ шутъ высочайшаго двора“ или просто „придворный шутъ“. Въ VIII, сатирѣ, тамъ, гдѣ Ювеналь, въ укоръ патриціямъ, распространяется о доблестяхъ людей, принадлежавшихъ къ нисшимъ классамъ рим-

скаго общества, встрѣчаются, между прочимъ (ст. 61), слѣдующія слова:

«Hic petit Euphraten iuvenis domitique Batavi
Custodes aquilas, armis industrius: at tu
Nil nisi Caeropides truncoque simillimus Hermae.
Nullo quippe alio vincis discrimine, quam quod
Illi marmoreum caput est, tua vivit imago.»

А вотъ ихъ русскій переводъ, принадлежащій г. Нагуевскому: „Вотъ не знатнаго рода юноша, устремляющійся къ берегамъ Евфрата, юноша, который въ воинственномъ увлеченіи становится подъ знамена орловъ, охраняющихъ укрощенныхъ Батавовъ. А ты, только потомокъ Кеароса, унодобляющійся глупому изображенію Гермеса; вся разница въ томъ, что у Гермеса голова изъ мрамора, ты же представляешь изъ себя живую статую“. По этому переводу выходитъ, что юноша въ одно и то же время устремлялся и къ берегамъ Евфрата (для охраны римскихъ границъ отъ Пароянъ) и къ Батавамъ, т. е. въ нинѣшнюю Голландію. Исполнить это на дѣлѣ было, конечно, очень мудро. Притомъ, съ какой стати было Римлянамъ охранять Батавовъ? Самъ же авторъ въ примѣчаніи къ означенному мѣсту объясняетъ, что она, вмѣстѣ съ Пароянами, принадлежали къ числу заклятыхъ враговъ римскаго народа. У Ювенала, совершенно наоборотъ, говорится о томъ, что искусившійся (опытный) въ военномъ дѣлѣ юноша (а не „въ воинственномъ увлеченіи“) стремится къ Евфрату и (или) къ сторожевымъ орламъ „custodes aquilae“ (а не „подъ знамена орловъ“, что не имѣетъ смысла) укрощенныхъ Батавовъ. Выходитъ, что эти орлы, то есть, легіоны, охраняли Римлянъ отъ Батавовъ. Затѣмъ, при передачѣ словъ „truncoque simillimus Негтае“, въ которыхъ сатирикъ такъ зло надѣвается надъ римскими аристократами, г. Нагуевскій очевидно смѣшалъ статую Гермеса, то-есть, Меркурія, съ гермами и совершенно безъ всякаго повода обозвалъ его дуракомъ. А между тѣмъ, о гермахъ и о значеніи ихъ въ исторіи древняго искусства уже давно была рѣчь въ нашей литературѣ ¹⁾. Это были, какъ извѣстно, мраморные бюсты, а иногда и просто головы, постаменты которыхъ, также каменные, а иногда, можетъ быть, и деревянные, какъ это можно заключить изъ разсматриваемаго мѣста, имѣли четырехгранную форму и обыкновенно служивались въ низу. Въ глубокой древности, какъ видно изъ самаго на-

¹⁾ Проппен, т. I, стр. 7.

званія, такимъ образомъ дѣйствительно Греки могли изображать Гермеса, но въ историческое время подъ гермами разумѣлись вообще изображенія, усвоившія себѣ означенную форму. Часто это были головы бородатаго Бахуса, Фавновъ, разныхъ философовъ и т. д. Иногда это были двойныя, двуликія головы, въ родѣ Янусовыхъ. Таковъ, напримѣръ, извѣстный гермъ Капитолійскаго музея.

Замѣтимъ еще, что г. Нагуевскій обильно пользовался существующими у насъ переводами Ювенала и выписываетъ изъ нихъ цѣлыя страницы, хотя весьма рѣдко поясняетъ при этомъ, что онъ ихъ „придерживался“. Впрочемъ, въ другихъ своихъ трудахъ, посвященныхъ Ювеналу, которые почти цѣлкомъ вошли въ рассматриваемую книгу, нашъ авторъ и этого не дѣлалъ, а ограничивался замѣчаніемъ, что его переводы тождественны съ прежними на томъ основаніи, что онъ совершенно согласенъ съ взглядами своихъ предшественниковъ на римскаго сатирика.

Наконецъ, въ заключеніе вопроса о качествахъ тѣхъ переводовъ, которыми г. Нагуевскій украсилъ свою книгу, укажу на стр. 342, гдѣ выраженіе „instrumentum vocale“ онъ передаетъ словами „подвижная машина“. Мы бы охотно приняли эта за простую описку, но нѣтъ, на стр. 406 опять рѣжетъ глаза несчастная „подвижная машина“.

Трактатъ свой о Ювеналѣ авторъ заканчиваетъ главою „особенности Ювеналова языка и слога“, которая своимъ содержаніемъ далеко не соответствуетъ атому многообещающему заглавію. Здѣсь же, вопреки ему, прибавлено нѣсколько совершенно ничтожныхъ словъ о метриѣ Ювенала. Уже московскій профессоръ Э. Е. Коршъ въ своей весьма дѣльной рецензіи на рассматриваемое „литературно-критическое“ изслѣдованіе ¹⁾, которую онъ заключилъ не очень лестнымъ для автора припоминаніемъ отвѣта халифа Омара на вопросъ, какъ поступить съ александрійской библіотекой, заявилъ, что X глава составлена г. Нагуевскимъ очень неумѣло и небрежно. Рецензентъ, между прочимъ, совершенно справедливо упрекаетъ его въ томъ, что онъ вовсе не обратилъ здѣсь вниманія на столь извѣстныя и столь цѣнныя въ ученomъ мѣрѣ труды Луціана Мюллера по части римской метрики, въ которыхъ рѣчь идетъ и о Ювеналѣ. Съ своей стороны, замѣчу, что на стр. 433 г. Нагуевскій къ особенностямъ Ювеналова слога относитъ, между прочимъ: interrogatio, exclamatio,

¹⁾ Въ журналѣ *Критическое обозрѣніе* за 1880 годъ, №№ 11 и 12.

sermocinatio, allocutio, sententiae и пр. Подумаешь, что эти риторическія фигуры, какъ называетъ ихъ авторъ (и къ чему онѣ выписаны, очевидно, изъ какой нибудь старинной книги, полатыня?), у другихъ римскихъ писателей вовсе не встрѣчаются.

Мы не остановимся на послѣднихъ двухъ главахъ разсматриваемой книги, такъ какъ первая изъ нихъ: „Главнѣйшія положенія новѣйшей критики Ювеналовыхъ сатиръ“ составляетъ не болѣе, какъ перепечатку уже прежде издавннй статьи, а второй, озаглавленной словами: „Полузабытыя имена римскихъ сатириковъ“, вѣроятно и самъ авторъ не придаетъ особеннаго значенія. Предлагаемая рецензія и безъ того приняла слишкомъ большіе размѣры, да и сказаннаго, полагаю, вполне достаточно для того, чтобы опредѣлить настоящее значеніе составленной г. Нагуевскимъ монографіи о римской сатирѣ.

Обращаясь отъ содержанія къ изложенію этой книги, напомнимъ, что уже выше мы обратили должное вниманіе на гладкость языка въ центральномъ, такъ сказать, ея отдѣлѣ, то-есть, въ главахъ, посвященныхъ собственно Ювеналу. Впрочемъ, и съ этой стороны книга нашего автора далеко небезупречна. Иначе и быть не можетъ. Ясность, правильность и округленность языка и вообще изложенія обуславливаются такими же качествами, присущими мысли писателя, то-есть, его даровитостію. Для уснѣшности ученаго труда, однако, и этого мало, такъ какъ означенныя качества находятся здѣсь кромѣ того въ полной зависимости отъ основательнаго и всесторонняго изученія излагаемаго вопроса. Нужно, чтобы онъ былъ автору по силамъ. При этомъ невольно припоминаются слѣдующія умныя слова Горация:

Sumite materiam vestris, qui scribitis, aequam
Viribus, et versate diu, quid ferre recusent,
Quid valeant humeri. Cui lecta potenter erit res,
Nec facundia deseret hunc, nec lucidus ordo.

Изъ всей предлагаемой рецензіи видно, что языкъ и вообще изложеніе г. Нагуевского не отвѣчаетъ и не можетъ отвѣчать означеннымъ требованіямъ даже на тѣхъ страницахъ его книги, которыя написаны подъ явнымъ вліяніемъ французскаго красноречія. Къ приведеннымъ уже примѣрамъ рѣзкихъ ея недостатковъ, въ разсматриваемомъ отношеніи, прибавимъ нѣсколько новыхъ. Такъ на стр. 219 авторъ долженъ былъ имѣть въ виду не „изчезновеніе древнихъ римскихъ фамилій“, а вырожденіе ихъ. На стр. 223 „выведенныя

имъ (Ювеналомъ) лица все глубже и глубже повергаются въ пучину порока". Темно, да и не вѣрно, потому что тутъ же приводятся слова сатирика: „*omne in praecipiti vitium stetit*". На стр. 283-й и въ другихъ мѣстахъ Цицеронъ постоянно и очень неудачно называется „новичкомъ". Развѣ этимъ словомъ точно обозначается тотъ смыслъ, который Римляне придавали выраженію „*novus putus*"? Еще неудачнѣе (ibid.) Перонъ называется кучеромъ. Отчего бы не употребить автору, по крайней мѣрѣ, слово возница? На стр. 346 являютя „маленькіе вѣночки", а вслѣдъ за ними (стр. 347) „осиротѣлые старики", какихъ Ювеналь, конечно, не могъ имѣть въ виду. Не развѣ встрѣчаемое у него выраженіе „*orbis senes*" означаетъ бездѣтныхъ стариковъ и вообще не имѣющихъ прямыхъ наслѣдниковъ. За такими „*orbis*" обыкновенно ухаживали искатели наслѣдствъ. Римъ былъ наполненъ такими пройдохами, и Ювеналь не развѣ бичуетъ ихъ къ своимъ сатирахъ.

Подводя итоги всего вышесказаннаго, замѣтимъ еще разъ, что неравномѣрность въ распредѣленіи матеріала, почти постоянно неправильное отношеніе къ латинскимъ текстамъ, плохое знакомство съ исторіей римской литературы, полная зависимость отъ чуждаго, кля бы и ничтожнаго авторитета, механическое выписываніе изъ чужихъ книгъ и происходящая отсюда мозаичность работы, при полномъ отсутствіи самостоятельности и критики, неточности и неправильности въ языкѣ и въ изложеніи — таковы рѣзкіе недостатки русской монографіи о римской сатирѣ. Уже упомянутый московскій критикъ обратилъ вниманіе на то, что она механически и небрежно сшита изъ прежнихъ трудовъ г. Нагуевского на ту же тему, и при этомъ справедливо замѣтилъ, что, вмѣсто непосредственнаго изученія излагаемыхъ вопросовъ, онъ напрасно вздумалъ щегольнуть своею начитанностію въ новой литературѣ. Дѣйствительно, все это много повредило ученому достоинству разматриваемаго труда.

Далеко не такъ смотритъ на него самъ авторъ. Онъ вполне убѣжденъ въ томъ, что книга его составляетъ весьма цѣнный вкладъ не только въ русскую, но и въ общеевропейскую науку. Изъ разсмотрѣнному „литературно-критическому изслѣдованію"; заявляетъ онъ на 7-й стр. своего предисловія, побудило его „отсутствіе въ новѣйшей ученой литературѣ труда, имѣющаго исключительную цѣлью обстоятельное, послѣдовательное изслѣдованіе развитія и характера римской сатиры съ самаго ея возникновенія до эпохи упадка", а немного выше (ibid.) говорится, что эта же самая причина, задолго

до него, г. Нагуевскаго, побудила „лучшихъ издателей и изслѣдователей Ювенала прилагать къ своимъ трудамъ объ этомъ писателѣ обстоятельныя очерки, относящіяся вообще къ характеру и развитію римской сатиры“. Выходить такимъ образомъ, что г. Нагуевскій лучше лучшихъ изслѣдователей Ювенала и вообще римской сатиры. Дѣйствительно до него, г. Нагуевскаго, по словамъ предисловія (стр. 6), существовалъ дѣльный „рядъ спорныхъ, нерѣшенныхъ вопросовъ, одинаково относящихся къ древнѣйшему и позднѣйшему періоду сатирической поэзіи“ и „между новѣйшими изслѣдованіями“ по этому предмету нѣтъ ни одного, въ которомъ онъ былъ бы разработанъ съ надлежащею полнотою (стр. 8).

Мнѣ уже не въ первый разъ приходится указывать на такія странныя и безцеремонныя притязанія нашихъ изслѣдователей римской литературы, нисколько не оправдываемыя ихъ трудами. При слабомъ нашемъ съ нею знакомствѣ, подобныя заявленія, принятія на вѣру, какъ это уже и случалось, легко могутъ вводить въ заблужденіе людей неопытныхъ. Вотъ причина, которая заставила меня отнестись къ книгѣ г. Нагуевскаго съ должнымъ вниманіемъ и съ надлежащею откровенностію. Другая причина та, что эта книга появилась какъ диссертация на ученую степень доктора римской словесности.

Н. Благовѣщенскій.

Н. В. Крушевскій. Къ вопросу о гунѣ. Изслѣдованіе в области старо-славянскаго вокализма. Варшава. 1881.

Изслѣдованіе, заглавіе котораго сейчасъ выписано, представляетъ примѣненіе результатовъ, добытыхъ Ф. Де-Соссюромъ въ его „Memoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes“ (Leipsick, 1879), къ старо-славянскому языку. Результатъ этотъ состоитъ въ дальнѣйшемъ развитіи открытія Остгофа (Osthoff) и Бругмана (Brugman), упростившаго вопросъ о такъ-называемомъ „первоначальномъ а“; это открытіе привело Де-Соссюра къ выясненію аrio-европейскаго вокализма. По мнѣнію Де-Соссюра, 1) всякій аrio-европейскій корень заключаетъ въ себѣ гласный звукъ а; 2) за гласнымъ а можетъ слѣдовать или обыкновенный согласный звукъ, или же звукъ (согласный или гласный), способный образовать слогъ (coefficient sonatique), каковы: i , u , n , m , r (l), A , Q (=nl.); 3) коренной гла-

ный *a* можетъ исчезать; 4) коренной гласный *a*, можетъ замѣняться *a*. Полная форма $a_2 +$ согласная, служащая замѣною *a*, въ свою очередь сокращается черезъ исчезновеніе звука *a*.

Примѣняя этотъ законъ къ старо-славянскому языку, г. Крушевскій указываетъ, что первая полная аrio-европейская форма $a_1 +$ гл. (r) имѣетъ въ старо-славянскомъ языкѣ первое соотвѣтствіе $\epsilon p, \epsilon l$ (передъ гласною), p, m (передъ согласною), второе соотвѣтствіе $p, l, \epsilon p, m$ (передъ гласною), p, l, p, m (передъ согласною), что 2-я полная форма $a_2 +$ гл. (ч) имѣетъ соотвѣтствіе op, ol (передъ гласною), pa, la (передъ согласною), и что сокращенная форма r_0 равняется старо-славянскимъ $p, l, \epsilon p, \epsilon l$ (передъ гласною), p, m, p, m (передъ согласною).

Въ соединеніи того же первоначальнаго *a* съ *n* (*m*), первой полной аrio-европейской формѣ $a_1 n$ ($a_1 m$) соотвѣтствуетъ въ старо-славянскомъ языкѣ сначала ϵm (ϵm) (передъ гласною и *j*), а затѣмъ (то-есть, второе соотвѣтствіе) ϵm (ϵm) (передъ гласною) и m (передъ согласною); второй полной формѣ $a_2 n$ ($a_2 m$) соотвѣтствуютъ въ старо-славянскомъ языкѣ om (передъ гласною), m (передъ согласною), а сокращенной формѣ n_0 (m_0) соотвѣтствуютъ ϵm (ϵm) (передъ гласною), и m (передъ согласною).

Въ соединеніи того же первоначальнаго *a* съ *u* (*y*) является первая полная аrio-европейская форма $a_1 u$, которая имѣетъ въ славянскомъ языкѣ первое соотвѣтствіе ϵv (передъ гласною), и второе соотвѣтствіе ϵv (ϵv) (передъ гласною) и u (передъ согласною); затѣмъ вторая полная аrio-европейская форма $a_2 u$ имѣетъ своимъ славянскимъ соотвѣтствіемъ ov (передъ гласною), ou (передъ согласною), и наконецъ, сокращенной формѣ u соотвѣтствуетъ въ старо-славянскомъ языкѣ $\epsilon v, \epsilon v, v$ (передъ гласною), или v (передъ согласною).

То же *a*, въ соединеніи съ *i*, даетъ первую полную аrio-европейскую форму $a_1 i$, которой соотвѣтствуетъ старо-славянское ϵj (передъ гласною), и (передъ согласною),—вторую форму $a_2 i$, которой соотвѣтствуетъ старо-славянское oj (передъ гласною), n (передъ согласною)—и сокращенную *i*, которой соотвѣтствуетъ въ старо-славянскомъ языкѣ j (передъ гласною), v (передъ согласною).

Наконецъ, то же *a* безъ соединенія съ другимъ звукомъ въ первой полной формѣ равняется старо-славянскому ϵ , и во второй полной формѣ равняется v ; сокращенная его форма не опредѣлена.

Какое же значеніе можетъ имѣть раскрытіе этого индо-европей-

скаго закона въ старо-славянскомъ языкѣ? Авторъ разсматриваемаго изслѣдованія не разъясняетъ этого вопроса въ своемъ изложеніи. Онъ ограничился лишь однимъ механическимъ подведеніемъ примѣровъ подъ естественныя категоріи, указанныя въ вышеупомянутомъ старо-славянскомъ соотвѣтствіи аrio-европейскому сочетанію а+ согласная или гласная, и только въ 8-мъ положеніи, приложенномъ въ числѣ другихъ въ концѣ изслѣдованія, упомянулъ о значеніи указаннаго закона въ старо-славянскомъ языкѣ въ слѣдующихъ словахъ: „На первой ступени языкъ пользуется коррелятивными отношеніями для болѣе мелкихъ внутреннихъ различій, а именно—для различій слов, принадлежащихъ одной матеріальной семьѣ (мръя—сърмръть—моръ), или одной формальной семьѣ (бросить—забрасывать, кончить—заканчивать). На второй ступени языкъ пользуется коррелятивными отношеніями для болѣе широкихъ внутреннихъ различій, а именно — для различій уже не отдѣльных слов, а цѣлыхъ семействъ слов (днь — диво—дѣва). То-есть, эти отношенія становятся однимъ изъ источниковъ, откуда происходятъ новыя корни“ (стр. 108).

Вообще говоря, изслѣдованіе это представляетъ механическій подборъ фактовъ, безъ надлежащаго филологическаго ихъ изслѣдованія; къ объясненію явленій старо-славянскаго языка не примѣненъ даже самый родственный ему языкъ литовскій, который помогъ бы истолковать собранныя примѣры по отношенію къ эпохѣ лето-славянской. Предпосланныя изслѣдованію вступительныя замѣчанія о принадлежности науки лингвистики къ наукамъ „естественнымъ“, а не „историческимъ“, также не представляютъ ничего новаго. Достоинство этихъ замѣчаній состоитъ лишь въ томъ, что онѣ изложены въ строгой логической послѣдовательности.

В. К.

КОММЕРЧЕСКІЯ ОТДѢЛЕНІЯ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ ¹⁾.

Мы намѣреваемся сказать здѣсь нѣсколько словъ о коммерческихъ отдѣленіяхъ, которыя, будучи поставлены надлежащимъ образомъ, давали бы возможность получить хорошее коммерческое образованіе, столь необходимое въ настоящую пору развитія отечественной промышленности (или по крайней мѣрѣ стремленія къ этому) и тѣсно связанной съ нею торговли. Если такъ усиленно заботятся о всестороннемъ распространеніи разныхъ техническихъ знаній, для того, чтобы приготовить свѣдущихъ дѣятелей для всѣхъ ступеней промышленнаго (техническаго) производства, то не ясно ли, что подобное же вниманіе должно быть обращено и на распространеніе здравыхъ понятій въ лицахъ, готовящихъ себя къ торговой дѣятельности.

Въ настоящей статьѣ я постараюсь изложить вкратцѣ положеніе коммерческаго образованія въ Россіи сравнительно съ другими государствами, а главнымъ образомъ указать на то, что по моему мнѣнію необходимо для выполненія коммерческими отдѣленіями ихъ прелаго назначенія.

Обращаясь къ прошлому означенныхъ отдѣленій, нельзя прежде всего не обратить вниманія на повсемѣстную въ нихъ малочисленность учениковъ, да и то въ большинствѣ случаевъ малоспособныхъ (исключенія какъ по количеству, такъ и по качеству весьма рѣдки),

¹⁾ Предоставляемъ автору этой статьи возможность высказать его замѣчанія, не принимая на себя ответственности за нихъ.—*Ред.*

когда, казалось бы, слѣдовало ожидать обратнаго при современномъ развитіи торговли. По моему мнѣнію происходитъ это, съ одной стороны, отъ безусловнаго стремленія общества къ высшему образованию, особенно техническому, причемъ забывается, что у насъ пока еще потребность въ лицахъ съ высшимъ техническимъ образованіемъ имѣетъ свои границы, за предѣлами которыхъ участь техниковъ является необезпеченною, вслѣдствіе невозможности примѣнить приобретенныя позванія; а также еще и отъ установившагося у насъ неправильнаго взгляда на торговую дѣятельность, какъ на предосудительную и недостойную благовоспитаннаго и порядочнаго человѣка, и при томъ вовсе не нуждающуюся въ предварительной къ ней подготовкѣ. Вотъ почему и на коммерческія отдѣленія смотрятъ у насъ какъ на учрежденія для убѣжища неспособныхъ учениковъ, а не какъ на учрежденія, вызванныя потребностію самой жизни. Общество къ сожалѣнію при этомъ забываетъ или какъ будто не хочетъ знать, что если не будетъ свѣдущихъ бухгалтеровъ, конторщиковъ, вообще завѣдующихъ хозяйственною стороною промышленныхъ предпріятій, то никакіе ученые техники не принесутъ пользы. Только при взаимодѣйствіи тѣхъ и другихъ возможенъ успѣхъ предпріятія: одна дѣятельность дополняетъ другую, одна безъ другой безсильна. Если таково значеніе коммерческаго образованія въ промышленности, то тѣмъ паче въ торговлѣ. Съ другой стороны главная причина малочисленности учениковъ лежитъ въ организаціи самихъ коммерческихъ отдѣленій, между прочимъ въ томъ, что они не предоставляютъ тѣхъ правъ и отличій, какими пользуются всѣ самостоятельныя коммерческія училища, и которыя весьма цѣнны для торговаго люда, особенно званіе личнаго почетнаго гражданина. Кромѣ того нужно принять въ расчетъ неудовлетворительную постановку специальныхъ предметовъ и даже самаго названія нѣкоторыхъ; такъ на примѣръ, что за учебный предметъ — письмоводство, которое изучается два года въ V и VI классахъ? Другой специальный предметъ — книговодство, и этимъ ограничивается все. Стоять ли же тратить два года, чтобы научиться только писать письма, да вести книги? Такъ думаютъ многіе, и пожалуй отчасти основательно. Но отъ школы требуется другое. Гдѣ же въ ней необходимыя уроки торговой мудрости? гдѣ коммерческое образованіе? неужели оно исчерпывается умѣньемъ писать торговые письма, да вести книги? Положимъ, письмоводство играетъ видную роль въ торговлѣ, такъ какъ коммерсанты постоянно сносятся между собою при помощи писемъ. Но содержаніе

ихъ такъ просто, что не требуетъ никакихъ особыхъ тонкостей въ изложеніи, и всякій развитой, знакомый съ сущностію торговли человѣкъ съумѣетъ ясно и коротко изложить въ письмѣ суть дѣла. Не забудемъ, что существуютъ на иностранныхъ языкахъ сборники торговыхъ писемъ, которыми можно пользоваться для ознакомленія съ коммерческою корреспонденціею, дѣйствительно принявшею въ торговыхъ государствахъ Европы нѣкоторыя своеобразныя формы, но, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ преподавателей, нѣтъ никакого основанія возводить ее въ особый самостоятельный классный предметъ и придавать ей большую важность. Кромѣ письмоводства и книговодства въ учебныхъ планахъ упоминаются еще спеціальныя предметы: коммерческая экономія въ связи съ вычисленіями и коммерческая географія, но въ аттестатахъ ученика, какъ мѣсячныхъ, такъ и выпускныхъ, о нихъ не упоминается. Первый изъ означенныхъ предметовъ сливается съ письмоводствомъ, а второй—съ общей географіею. Нужно также замѣтить, что программа коммерческой экономіи неудовлетворительна, ибо она только указываетъ на тѣ вопросы изъ политической экономіи, которые вызываютъ разные расчеты, часто встрѣчающіеся въ торговой практикѣ, почему конечно и начинается прямо вопросомъ о деньгахъ. Замѣнить же собою политическую экономію она, очевидно, не можетъ, такъ какъ она не касается многихъ важнѣйшихъ ея вопросовъ, лежащихъ въ основѣ торговой и промышленной дѣятельности (капиталь). А между тѣмъ во всѣхъ просвѣщенныхъ торговыхъ государствахъ въ настоящее время стараются построить эту дѣятельность на началахъ, указываемыхъ политической экономіею. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлано въ Германіи, гдѣ стараются науку о народномъ хозяйствѣ вывести за предѣлы школы; Листу, какъ выражается онъ самъ, удалось „пересадить политическую экономію съ профессорской каѳедры, изъ кабинета ученаго и сановника въ конторы фабриканта, оптоваго торговца, судохозяина, капиталиста и банкира, въ канцеляріи всѣхъ чиновниковъ и адвокатовъ, въ усадьбу помѣщика, въ собраніе земскихъ чиновъ и сдѣлать ее общимъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей“. Въ Германіи общество проникается все болѣе и болѣе убѣжденіемъ въ важности политической экономіи для торговли и промышленности, и въ великихъ общеобразовательныхъ ея средствахъ. То ли же самое видимъ у насъ? Что касается программъ коммерческой географіи, то и она составлена не много лучше, такъ какъ независимо отъ ея расплывчивости и излишнихъ мѣстъ, заключаетъ въ

себѣ вопросы, къ ней не относящіеся и ничего общаго съ ней не имѣющіе. Таковъ весь 1-й §, большая часть 2-го §, и послѣдній вопросъ 23 §.

Чтобы устранить указанные недостатки коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ и привлечь къ нимъ учениковъ, слѣдовало бы предоставить имъ права коммерческихъ училищъ (которыя переполнены учениками) и ввести въ преподаваніе тѣ же спеціальныя предметы, что и въ помянутыхъ училищахъ, какъ то: 1) Бухгалтерію въ примѣненіи ея ко всѣмъ видамъ торговли и промышленности, проходя ея по двойной системѣ, какъ господствующей; но при этомъ слѣдуетъ ознакомить учениковъ и съ новою русскою или тройною системою счетоводства, какъ послѣднимъ словомъ въ развитіи искусства бухгалтеріи и какъ системою, хотя еще очень рѣдко, но тѣмъ не менѣе практикуемою въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Poleмика между защитниками старой и новой системъ не пришла еще ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, но все-таки нужно дать понятіе ученикамъ о новомъ способѣ счетоводства. 2) Коммерческія вычисленія, 3) Политическую экономію, 4) Законовѣдѣніе въ общемъ очеркѣ, подробнѣе же гражданское и особенно торговое право и судопроизводство (X и XI т. ч. 2), 5) Исторію торговли, 6) Коммерческую географію, 7) Технологию и 8) Товаровѣдѣніе¹⁾. Кромѣ исчисленныхъ предметовъ, по моему мнѣнію, не бесполезно бы было ввести преподаваніе краткаго курса сельскаго хозяйства съ примѣненіемъ къ нему счетоводства, такъ какъ легко можетъ случиться, что лицамъ, кончившимъ курсъ коммерческаго отдѣленія, придется быть счетоводами и управляющими въ небольшихъ имѣніяхъ; это доставитъ имъ лишнее поприще дѣятельности. Лица, кончающія курсъ въ Петровской Земледѣльческой академіи, ищутъ болѣе широкой дѣятельности въ большихъ хозяйствахъ, или посвящаютъ свои труды ученымъ занятіямъ по различнымъ многозначительнымъ и важнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства; такъ что помянутая академія нисколько не исключаетъ, мнѣ кажется, полезности распространенія существенныхъ элементарныхъ познаній агрономіи въ

¹⁾ Въ непродолжительномъ времени мною будутъ напечатаны предполагаемыя программы спеціальныхъ предметовъ (кромѣ конечно технологии и товаровѣдѣнія, какъ составляющихъ спеціальность технологовъ), при чемъ сдѣлано и распределеніе по классамъ и числу часовъ. Кромѣ того будутъ проготовлены и вопросы для устнаго экзамена по бухгалтеріи.

лицахъ, кончающихъ курсъ въ коммерческихъ отдѣленіяхъ, особенно въ виду предполагаемаго распространенія тѣхъ же знаній въ сельскихъ школахъ. А то можетъ случиться, что работники будутъ имѣть хорошія свѣдѣнія о хозяйствѣ, а управляющій никакихъ. Но понятно, что сельское хозяйство должно играть въ курсѣ второстепенную роль, такъ какъ главная цѣль коммерческихъ отдѣленій—готовить образованныхъ коммерсантовъ. Для вполне успѣшнаго прохожденія какъ общихъ, такъ и специальныхъ предметовъ необходимо курсъ сдѣлать 7-лѣтній, что дастъ еще возможность лучше изучить французскій и нѣмецкій языки, а также ввести съ V класса и англійскій. Всѣ эти языки, на ряду съ коммерческими предметами, имѣютъ громадную важность. При этомъ въ V классѣ несомнѣнно должно уничтожить уроки рисованія, какъ совершенно не нужные, отнимающіе даромъ дорогое время, и отдать употребляемые на нихъ три часа коммерческой географіи, которую вполне умѣстно и съ успѣхомъ можно изучить въ этомъ классѣ, когда свѣжа еще въ памяти учениковъ общая географія (нынѣшнихъ 2 часа, положенныхъ въ VI классѣ на коммерческую географію—мало). Здѣсь же можно въ положенные два часа на коммерческую математику очень успѣшно кончить весь элементарный курсъ геометріи, обративъ вниманіе главнымъ образомъ на практическія задачи (см. Задачникъ геометріи Воронова), при чемъ во второе полугодіе можно даже одинъ часъ отдѣлать и присоединить его къ коммерческимъ предметамъ. Такимъ образомъ въ VI классѣ освобождаются 4 часа (2 коммерческой географіи и 2 коммерческой математики), могущіе съ большею пользою быть употребленными на специальные предметы. Въ этомъ же классѣ должно кончить всѣ общіе предметы, между которыми, по моему мнѣнію, химіи слѣдуетъ отвести болѣе мѣста, чѣмъ это сдѣлано теперь, такъ какъ она имѣетъ весьма широкое примѣненіе въ торговлѣ (дрогисты и др.) и многихъ производствахъ. Седьмой же классъ, по моему мнѣнію, долженъ быть весь посвященъ изученію специальныхъ предметовъ и иностранныхъ языковъ, между которыми англійскій должно сдѣлать обязательнымъ, а французскій и нѣмецкій по выбору, что облегчитъ переходъ учениковъ изъ основнаго отдѣленія реальныхъ училищъ и классическихъ гимназій, гдѣ дозволяется изучать одинъ изъ новыхъ языковъ. Впрочемъ, желающіе могутъ заниматься всѣми тремя языками. Независимо отъ измѣненія и дополненія учебныхъ предметовъ и ихъ программъ, необходимо придать иной характеръ экзамену бухгалтеріи, который въ настоящую пору поставленъ неудовлетворительно, почему и не даетъ возможности экзамене-

націонной комиссіи провѣрить степень знанія и пониманія ученикомъ существа бухгалтеріи. По моему мнѣнію, совершенно невѣрно думать, что если въ бухгалтеріи видную роль играетъ письмоводство, то и экзаменъ такого важнаго предмета долженъ быть непременно письменный. Въ этой письменности есть много механическаго, формальнаго, нисколько не выражающаго знанія и степени пониманія ученикомъ своего дѣла. Таково писаніе инвентаря, заведеніе специальныхъ книгъ и первоначальное разнесеніе по нимъ цѣнностей, чего никакъ нельзя избѣгнуть на экзаменѣ, но на что уходитъ не мало времени и бесполезно развлекается вниманіе, какъ ни малъ инвентарь. Въ годичныхъ класныхъ занятіяхъ есть и другія письменныя механическія работы (ордерная, срочная и друг. книги), которыя, конечно, на экзаменѣ избѣгаются. При маломъ инвентарѣ, при затраченномъ уже непроизводительно времени на механическое письмо. число сдѣлокъ дается очень незначительное, и при томъ онѣ весьма просты для пониманія и рѣшаются сравнительно легко. Никакихъ задаваемыхъ въ класное время комиссіонныхъ и другихъ сложныхъ сдѣлокъ, на которыхъ ученикъ могъ бы показать свое ясное пониманіе сути бухгалтерской, на экзаменѣ предлагать невозможно, а то пришлось бы тратить времени еще гораздо болѣе тщательнаго. А потому учитель главнѣйшимъ образомъ судить объ ученикѣ по его годичнымъ работамъ и иногда, вполне справедливо, ставить удовлетворительную отмѣтку на экзаменѣ ученику, работа котораго, повидимому, и не совсѣмъ того заслуживаетъ за ея неоконченность или нѣкоторую спутанность, не смотря на простоту сдѣлокъ, происшедшія отъ того, что ученикъ торопился писать, или боялся не перепутать массу данныхъ. Спрашивается: за что же томится ученикъ 8 и даже 10 часовъ ¹⁾? Экзаменаціонная же комиссія тутъ все-таки не причемъ: ей не на чемъ основать свои сужденія, свою оцѣнку ученика, такъ какъ она отъ него самого ничего не слышитъ. При этомъ не мѣшаетъ имѣть въ виду, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ, комиссія состоитъ не изъ специалистовъ, а изъ людей, незнакомыхъ съ своеобразными требованіями бухгалтеріи, какъ учебнаго предмета, вслѣдствіе чего иногда могутъ возникать недоразумѣнія и значительныя разногласія. — Изъ всѣхъ учебныхъ предметовъ, не только общихъ, но и специальныхъ,

¹⁾ Экзаменъ бываетъ два, а иногда три дня и каждый по крайней мѣрѣ отъ 3-хъ до 4-хъ часовъ подрядъ.

бухгалтерія есть единственный, который имѣетъ въ виду прямое и непосредственное его примѣненіе на практикѣ, развѣ только съ нѣкоторыми вышними, мелкими уклоненіями противъ школьныхъ образцовъ. А потому все преподаваніе должно быть приурочено къ означенному характеру бухгалтеріи и не должно создавать положеній невозможныхъ на практикѣ. Между тѣмъ письменные экзамены какъ разъ и создаютъ такое положеніе. Спрашивается, когда бухгалтеру приходится къ теченію нѣсколькихъ часовъ продѣлать весь годичный кругъ счетоводства, отъ самаго момента возникновенія до окончательнаго заключенія? Конечно, никогда,—на экзаменѣ же все это дѣлается. Не говоря уже о практической несообразности такой работы, она и съ учебной точки зрѣнія равносильна тому, еслибъ кто-нибудь предложилъ на письменныхъ экзаменахъ алгебры или геометріи рѣшить задачи на весь полный курсъ этихъ предметовъ, — послѣднее даже, пожалуй, еще нѣгло бы болѣе смысла, чѣмъ первое. По изложеннымъ причинамъ мнѣ кажется, что гораздо лучше и цѣлесообразнѣе будетъ, если, взамѣнъ письменныхъ экзаменовъ по бухгалтеріи, устроить устные испытанія, во время которыхъ каждый ученикъ обязанъ представить всѣ свои годичныя работы, какъ веденныя со всѣмъ классомъ вообще, такъ и задачи, рѣшаемыя отдѣльно каждымъ. Того же можно требовать и отъ постороннихъ экзаменующихся. Въ случаѣ же какого-либо сомнѣнія въ представленныхъ ими работахъ, имъ можетъ быть предложено и письменное испытаніе, состоящее однако только въ одномъ годичномъ заключеніи книгъ, и то начиная съ журнала, переходя потомъ прямо къ главной книгѣ. Для этого заранѣе должны быть приготовлены примѣры на всѣ предшествовавшія работы. На устномъ же испытаніи можно предлагать примѣрно слѣдующіе вопросы:

1) Привести образецъ комиссіонной сдѣлки (говарной или фондовой или вексельной) съ самаго начала ея возникновенія до окончательнаго погашенія, объяснивъ подробно всѣ сопровождающіе ее документы и способы записей во всѣхъ подлежащихъ книгахъ, съ указаніемъ ихъ формы.¹

2) Объяснить послѣдовательно весь ходъ и цѣль мѣсячнаго заключенія книгъ, указавъ при этомъ отличіе одиночной отъ двойной системы, а въ сей послѣдней, — систему мѣсячнаго журнала отъ дневнаго.

3) Годичное заключеніе всѣхъ книгъ и главной въ особенности, съ указаніемъ признаковъ вѣрности счетоводства.

4) Разные вопросы объ инвентарѣ и заведеніи счетоводства. О балансахъ.

5) Примѣры вексельныхъ учетныхъ операций съ разнесеніемъ по книгамъ и формы послѣднихъ.

6) Примѣры сдѣлокъ на разные процентныя бумаги и т. д., разные вопросы, зависящіе отъ умѣнья и находчивости преподавателя.

Толково знающій и понимающій свое дѣло ученикъ всѣ эти вопросы изложить ясно, послѣдовательно, употребивъ на все сравнительно очень мало времени. Тогда и экзаменационной комиссiи будетъ что послушать и изъ чего вывести заключеніе объ успѣхахъ ученика. Если же почему-либо будетъ признано необходимымъ сохранить существующіе письменные экзамены, то, по крайней мѣрѣ, кромѣ ихъ должно устроить и устные, какъ могущіе устранить разные недоразумѣнія экзаменационной комиссiи.

Но ученье-ученьемъ. Успѣхъ же знаній, большее ихъ развитіе и закрѣпленіе въ памяти ученика пріобрѣтается еще и чтеніемъ соотвѣтствующихъ сочиненій. Въ коммерческихъ же предметахъ я признаю чтеніе однимъ изъ весьма важныхъ и необходимыхъ способовъ выяснить ученику многія весьма важныя и полезныя для него экономическія истины. Но гдѣ же взять подходящія книги? Въ частныхъ библіотекахъ ихъ нѣтъ; въ Публичную ученикамъ не всегда разрѣшенъ входъ, да и не удобно: тратится много времени напрасно на ходьбу, книгъ съ собою на домъ, какъ извѣстно, оттуда брать нельзя, а между тѣмъ необходимую книгу слѣдовало бы имѣть всегда у себя подъ рукою. А потому, чтобы помочь ученикамъ въ этомъ полезномъ для нихъ дѣлѣ, считаю самымъ лучшимъ устроить при училищахъ, конечно не сразу, а постепенно, учебныя спеціальныя библіотеки. Тогда учитель можетъ задавать ученикамъ чтеніе тѣхъ или другихъ подходящихъ книгъ, затѣмъ и письменныя работы на прочитанное, или просто въ классѣ предложить ученику разказать и объяснить, что онъ читалъ и какъ понимаетъ прочитанное, а затѣмъ обратиться съ соотвѣтствующими вопросами ко всему классу, — такъ что работа одного дѣлается общимъ достояніемъ. Подобныя работы всегда будутъ интересовать учениковъ и принесутъ большую пользу, въ чемъ мнѣ пришлось самому убѣдиться. Но, къ сожалѣнію, подобныя чтенія приходилось мнѣ устраивать очень рѣдко, съ одной стороны за недостаткомъ времени, съ другой вслѣдствіе трудности найти подходящія книги.

Таковы желаемыя измѣненія въ спеціальныхъ курсахъ коммерче-

скихъ отдѣленій. Вообще, ужь если создавать эти отдѣленія, то такія, чтобы вызывать къ нимъ довѣріе общества, вселить въ немъ вѣру въ ихъ цѣлесообразность, дать юношамъ на ряду съ общимъ образованіемъ, всестороннее, правильное, коммерческое образованіе, такъ необходимое въ настоящее время, могущее быть дѣйствительно прочною руководящею нитью будущей промышленной и торговой ихъ дѣятельности. Кончая курсъ лѣтъ 18 или 19, юноша, при солидной подготовкѣ, послѣ нѣкоторой практики, сдѣлается вполне знающимъ и разумнымъ дѣтелемъ. Только лица, получившія коммерческое образованіе могутъ внести въ торговлю и промышленность правильныя начала, духъ предпримчивости и энергіи и вытѣснить ту рутину, невѣжество и даже недобросовѣстность, какія, къ сожалѣнію, нерѣдко встрѣчаются почти на всѣхъ ступеняхъ нашей внутренней торговли, размѣры которой доходятъ до громадной цифры двухъ миллиардовъ рублей, и которая, благодаря огромности разстояній и крайней разбросанности торгово-промышленныхъ пунктовъ, ведется весьма оживленно и дѣлательно, какъ сравнительно съ внѣшней торговлей, такъ и относительно общей производительности страны. Русскому торговцу очень много дѣла и ему, для выполненія своей задачи, требуется усилій гораздо болѣе, чѣмъ за границею, вслѣдствіе сложности и разнообразія условій нашей внутренней торговли. Внѣшняя же наша торговля, имѣя пассивный характеръ, еще до сихъ поръ находится почти исключительно въ рукахъ иностранцевъ. Только въ дѣятельности Русскаго общества мореходства и торговли и недавно возникшаго Общества Добровольнаго Флота проглядываютъ серьезныя попытки къ активной внѣшней торговлѣ. Русскіе коммерсанты по преимуществу занимаются внутреннею торговлею, размѣры которой, какъ сказано выше, громадны, а между тѣмъ коммерческія знанія у насъ очень не развиты. Посему давно пора нашихъ торговыхъ дѣтелей вывести изъ той школы, въ которой они выросли до сихъ поръ, а именно: — лавокъ. Эта школа въ большинствѣ случаевъ не что иное, какъ школа тяжкаго физическаго гнета, гдѣ все ученье построено на слѣдующихъ правилахъ: обмѣрить, обвѣсить, запросить чуть не впятеро, и вообще обмануть не только покупателя, но и хозяина, — отсюда и недовѣріе послѣдняго къ своимъ прикащикамъ и нерѣдко обогащеніе послѣднихъ на счетъ перваго, затѣмъ банкротство со всѣми его печальными послѣдствіями для торговли. Кромѣ того порождается недовѣріе покупателя къ торговцамъ, весьма вредное для обѣихъ сторонъ. Торговли по преисъ-

курантамъ у насъ еще, можно сказать, не существуетъ. Не безъ причины же сложилась среди торговцевъ поговорка: „не обманешь не продашь“, какъ разъ свидѣтельствующая объ изворотливости и смѣливости нашего купца — качествахъ, восполняющихъ собою недостатокъ или даже отсутствіе коммерческаго образованія. Есть и еще поговорка: „не побожиться — не продать“, тоже свидѣтельствующая о сомнительныхъ качествахъ нашего торговца. Но пора же наконецъ заставить забыть не очень лестные отзывы о русскомъ купечествѣ иностранныхъ путешественниковъ еще XVI столѣтія, изображающихъ его неблагонадежнымъ, и плутоватымъ. „Если, говоритъ Герберштейнъ, „русскимъ купцамъ давалось какое либо обѣщаніе по торговому дѣлу, то они помнили это очень хорошо и весьма строго настаивали на исполненіи его. Сами же никогда не сдерживали своего слова и пускали въ ходъ разнаго рода плутни, лишь бы какънибудь надуть другихъ“. А вотъ что говоритъ Олеарій: „они запрашиваютъ 10 и 12 талеровъ за товаръ, а потомъ отдаютъ за полъ-гульдена и дѣлается это въ видахъ того, что неопытный покупатель дастъ пожалуй 30 и 40 талеровъ за вещь, стоящую не болѣе 10. Въ дѣлахъ торговли отецъ не довѣряетъ сыну, сынъ — отцу“. И ~~еще~~ еще, прислушиваясь къ разговорамъ торговцевъ, нерѣдко приходится услышать, какъ они хвастаются между собою, кому изъ нихъ удалось наиболѣе, какъ говорится, надуть кого либо. Съ большимъ пренебреженіемъ отзываются они о людяхъ, своей специальности, получившихъ образованіе. Есть еще очень много коммерсантовъ, которые положительно находятъ коммерческое образованіе совершенно лишнимъ. Въ конторѣ, магазинѣ и т. п., по ихъ мнѣнію, еще лучше можно научиться торговлѣ, такъ какъ ученикъ дѣлается практичѣе. Но они не понимаютъ, или забываютъ, что такое ученіе односторонне. Не говоря уже о томъ, что подобный ученикъ лишенъ весьма важнаго — это теоретическихъ основъ, онъ, будучи поставленъ къ другому, незнакому дѣлу, является опять ученикомъ. Особенно это сказывается въ самой важной дѣятельности, бухгалтерской. Навыкнувъ къ фабричному счетоводству, онъ является въ банковомъ дѣлѣ невѣждою и наоборотъ. Юноша же, получившій хорошее коммерческое образованіе, всегда и во всякомъ дѣлѣ сумѣетъ стать на правильный путь, такъ какъ онъ теоретически свѣдущій человекъ. Развѣ все равно адвокат самоучка, вышедшій изъ школы разныхъ судебныхъ канцелярій, или адвокатъ, получившій высшее юридическое образованіе? Совершенно то же и въ торговой дѣятельности.

Лучшимъ средствомъ поставить торговлю на правильныя и честныя начала—это возможно большее распространеніе коммерческаго образованія, удобнѣйшими проводниками котораго и могутъ быть коммерческія отдѣленія. Я не говорю конечно о весьма важномъ значеніи хорошихъ коммерческихъ законовъ, но какъ ни будь хороши послѣдніе, а если не будетъ торговаго образованія, процвѣтанія торговли нечего ждать. Коммерческія постановленія сами по себѣ никогда еще не способствовали умноженію капиталовъ, лежащихъ въ основѣ всякаго торговаго и промышленнаго предпріятія. Уже императоръ Петръ Великій придавалъ важность коммерческому образованію, что мы видимъ въ его интересныхъ собственноручныхъ замѣткахъ, писанныхъ въ 1723 г. для коммерцъ-коллегіи, гдѣ между прочимъ читаемъ: „Надо..... и отправлять молодыхъ купеческихъ сыновей за границу или въ Ревель и Ригу дабы они изучали тамъ торговлю“ и т. д.... Пора, значитъ, убѣдиться въ высокомъ значеніи торговли для жизни народовъ, а потому и весьма ощутительна потребность въ заведеніяхъ, которыя снабжали бы молодаго купца всѣми необходимыми свѣдѣніями, состоящими въ связи съ торговлею. Коммерческія знанія—это личный капиталъ, сообщающій торговлѣ правильный ходъ, предохраняющій отъ ошибокъ и рискованныхъ предпріятій. Для купца важно знать и провѣрять всѣ условія, влияющія на сбытъ его товара, ему необходимо слѣдить за всѣми улучшеніями, за биржей, даже за политическимъ состояніемъ страны. Въ Европѣ еще въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія сознавалась необходимость торговаго образованія. Начало же устройства соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеній было положено основаніемъ въ Гамбургѣ въ 1768 году, стараніями прусскаго коммерціи совѣтника Вурмба—коммерческой академіи. Въ ней преподавались слѣдующія науки: новая исторія, при чемъ преимущественно обращалось вниманіе на исторію торговли, коммерческая ариметика и геометрія, торговая географія, коммерческая корреспонденція, бухгалтерія, товаровѣдѣніе, технологія, теорія и практика вексельныхъ курсовъ, вексельное и торговое права. Кромѣ того читались лекціи о почтовомъ, извозномъ и мореходномъ дѣлахъ, о мѣрахъ и вѣсахъ, торговыхъ обычаяхъ, пошлинахъ, податяхъ и т. д.; наконецъ, преподавались языки англійскій, французскій, итальянскій, испанскій и голландскій. Изъ этого перечня видно, какъ много требовалось отъ образованнаго торговца еще въ половинѣ минувшаго столѣтія. Что же послѣ этого сказать о требованіяхъ при современномъ состояніи торговли? И дѣйстви-

тельно, теперь всѣ торговыя страны Европы имѣютъ достаточное число коммерческихъ училищъ. Торговцы и промышленники сознаютъ тамъ необходимость усвоить себѣ достаточный запасъ полезныхъ свѣдѣній и потому гдѣ правительственныхъ учебныхъ заведеній недостаточно, они сами открываютъ школы, въ которыхъ на ряду съ общимъ образованіемъ развиваются разныя спеціальныя техническія (и торговыя) знанія. Справедливо замѣчаетъ Редентъ, авторъ многихъ сочиненій (на нѣмецкомъ языкѣ) по разнымъ хозяйственнымъ вопросамъ: „Для того, чтобы съ достоинствомъ подвизаться на коммерческомъ поприщѣ, теперь недостаточно уже умѣть разбирать товары по ихъ хорошимъ и дурнымъ качествамъ, усвоить себѣ искусство простаго счета и бухгалтеріи, знать источники, откуда получаютъ обычнымъ путемъ товары, или мѣста, куда они доставляются. Современный торговецъ не только обязанъ знать таможенные уставы и что лежатъ въ основаніи ихъ въ разныхъ странахъ, также монеты, мѣры, всѣхъ и вексельные уставы; онъ долженъ сверхъ того изучить физическую и политическую географію всѣхъ частей свѣта, существующія въ нихъ произведенія, разныя средства сообщенія, сущность мануфактурнаго производства, словомъ и теорію и практику торговли въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Вести съ успѣхомъ торговлю въ настоящее время можно только въ связи съ основательными познаніями“. Интересно прослѣдить постепенное распространеніе коммерческихъ учебныхъ заведеній въ Европѣ. Такъ въ теченіе нашего столѣтія устроено много такихъ школъ по образцу существовавшей въ прошломъ вѣкѣ единственной въ Европѣ Гамбургской академіи. Въ Пруссіи въ 1832 г. купцомъ Капруномъ основана коммерческая академія въ Данцигѣ, въ 1839 г. общественная коммерческая школа въ Наумбургѣ и недавно въ Бреславлѣ. По предложенію банкира Гаммера, купечество въ Лейпцигѣ открыло общественное коммерческое учебное заведеніе, пользующееся теперь отличною репутаціей и переполненное учащимися. Кромѣ того въ Саксоніи находятся еще общественныя коммерческія школы въ Дрезденѣ (1844); Хемницѣ (1849) и Фрейбергѣ (1850 г.), всѣ устроены по образцу Лейпцигской. Затѣмъ видимъ ихъ въ Ганноверѣ (1837), Мюнденѣ (1837 г.) и Целле (1855 г.). Въ Австріи купечество города Лайбаха основало коммерческую школу въ 1834 г.; кромѣ того коммерческое отдѣленіе основаннаго въ Вѣнѣ въ 1815 г. политехническаго института и меркантильный отдѣлъ морской академіи въ Триестѣ. Въ 1856 г. купечество въ Прагѣ открыло высшее коммерческое учебное заведеніе, а

въ слѣдующемъ году открылись такія же училища въ Вѣнѣ и Пештѣ. Съ октября 1853 г. открыта торговая школа въ Грацѣ. Въ остальной Германіи слѣдуетъ упомянуть еще о школахъ въ Брауншвейгѣ, Дессау и особенно во Франкфуртѣ на Майнѣ. Во Франціи товарищество купцовъ-банкировъ въ 1820 году основало въ Парижѣ высшую коммерческую школу, по образцу которой во многихъ департаментахъ учреждены подобныя же институты. Въ Нидерландахъ въ 1846 году основано въ Амстердамѣ высшее коммерческое заведеніе, а въ маленькой Бельгіи, почти не участвующей во всемирной торговлѣ, а обратившей всѣ свои силы на внутреннюю торговлю и промышленность, имѣется высшая школа торговли и промышленности въ Брюсселѣ и высшій коммерческій институтъ въ Антверпенѣ, сверхъ того еще нѣсколько другихъ школъ. Высшая коммерческая школа въ Генуѣ основана въ 1850 году, а коммерческая академія въ Копенгагенѣ въ 1843 году. Россія же съ ея огромнымъ пространствомъ и населеніемъ, 400-милліонною внѣшнею торговлею и превышающею 2 миллиарда рублей внутреннею, имѣла до сихъ поръ всего четыре коммерческихъ учебныхъ заведенія: въ Петербургѣ одно (съ 1880 возникло новое, но еще только съ младшими классами общаго курса), въ Москвѣ — два и одно въ Варшавѣ. Всѣ эти учебныя заведенія даютъ образованіе едва ли $\frac{1}{20}$ долѣ всего купечества, а за симъ остальная Россія лишена возможности получить коммерческое образованіе ¹⁾. Коммерческія отдѣленія призваны восполнить этотъ важный недостатокъ.

¹⁾ У насъ недостаетъ еще торговыхъ періодическихъ изданій и популярныхъ сочиненій по торговлѣ, которыя также на ряду со школами значительно способствуютъ развитію коммерческаго образованія. Въ Европѣ существуетъ и то и другое.

III. Колумбусъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТЧЕТЪ О ДВАДЦАТЬ—ЧЕТВЕРТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НА— ГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА ¹⁾.

На соисканіе наградъ графа Уварова въ настоящемъ году было представлено авторами тринадцать историческихъ сочиненій, въ томъ числѣ три рукописныя. Для разсмотрѣнія ихъ и для постановленія о нихъ приговора была назначена Академіей особая коммиссія, состоявшая, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ гг. академиковъ: Я. К. Грота, А. Θ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. А. Куника, В. П. Безобразова, И. В. Ягича и адъюнкта барона В. Р. Розена.

Приступивъ къ исполненію возложеннаго на нее порученія, коммиссія устранила изъ конкурса одно сочиненіе, такъ какъ оно оказалось сборникомъ необработанныхъ матеріаловъ и потому не соответствующимъ пункту 2-му § 5 Положенія объ Уваровскихъ наградахъ. Для остальныхъ сочиненій коммиссія избрала рецензентовъ частью изъ своей среды, частью изъ числа постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ сообщить ей подробные разборы конкурсныхъ произведеній къ назначенному для того сроку. По истеченіи этого срока, коммиссія признала необходимымъ три сочиненія отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса, за неполученіемъ рецензій отъ тѣхъ

¹⁾ Читанъ въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1881 года, непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ К. С. Веселовскимъ.

лицъ, которыя приняли на себя ихъ разсмотрѣніе. Затѣмъ, по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ конкурсныхъ сочиненій, комиссія назначила одному изъ нихъ большую премію (въ 1500 руб.) и двумъ меньшія преміи (въ 500 руб. каждая).

I.

Исторія Русской Церкви. Сочиненіе профессора Московской духовной академіи, доктора богословія *Евгенія Голубинскаго*. Томъ I. Періодъ первый, Кіевскій или до-монгольскій. М. 1880.

Авторъ этого сочиненія занимаетъ въ наукѣ весьма видное мѣсто такъ что всякій новый трудъ его обращаетъ на себя особое вниманіе. Его замѣчательное изслѣдованіе о первоучителяхъ славянскихъ, св. Кириллѣ и Меѳодіи, дало Академіи Наукъ въ 1869 году случай заявить справедливое уваженіе свое къ ученымъ заслугамъ автора назначеніемъ ему столь рѣдко присуждаемой большой Уваровской награды. Новое сочиненіе ученаго профессора возбуждаетъ въ каждомъ образованномъ читателѣ тѣмъ большее любопытство, что уже по обширности своего объема и по важности своего предмета оно представляется рѣдкимъ явленіемъ въ русской литературѣ.

Трудъ этотъ обнимаетъ собою церковную исторію Россіи до-монгольскаго времени и былъ принятъ Академіей на соисканіе Уваровскихъ наградъ на основаніи 3-го параграфа правилъ, въ которомъ самъ учредитель этихъ наградъ выразилъ желаніе, чтобы дѣйствіе ихъ простиралось и на сочиненія подобнаго рода. Всякому понятно, что, по причинѣ многихъ специальныхъ вопросовъ, изслѣдованію которыхъ посвященъ трудъ г. Голубинскаго, никто изъ членовъ Уваровской комиссіи не могъ считать себя въ правѣ явиться его специальнымъ судьей. Поэтому Академія, желая возможно строже и правильно исполнить возложенную на нее Уваровскими правилами обязанность оцѣнки этого сочиненія и въ этихъ видахъ положить въ основу своего приговора отзывъ о немъ вполне компетентнаго критика, обратилась въ совѣтъ Кіевской духовной академіи съ просьбою пригласить одного изъ профессоровъ этой академіи, по усмотрѣнію совѣта, къ подробному разсмотрѣнію книги г. Голубинскаго. Кіевская академія, съ обычною готовностью своею содѣйствовать дѣлу учености въ Россіи, избрала для этого своего заслуженнаго ординарнаго профессора И. И. Малышевскаго, какъ специалиста по исторіи Русской церкви.

О томъ, съ какимъ необыкновеннымъ усердіемъ и любовью къ своему предмету почтенный профессоръ исполнилъ принятую имъ на себя задачу, краснорѣчиво свидѣтельствуешь составленная имъ обширная рецензія, въ которой онъ подвергъ глубоко-ученой и всесторонней оцѣнкѣ главнѣйшія положенія и выводы автора. Очевидно, только важность сочиненія, выходящаго изъ ряда вонъ въ нашей литературѣ, одушевляла рецензента при составленіи имъ его замѣчательной критики, которая даетъ твердое основаніе для правильнаго сужденія о трудѣ г. Голубинскаго и будетъ напечатана въ полномъ видѣ при настоящемъ отчетѣ. Ссылаясь на самую рецензію, которая, по существу предмета, обнимаетъ собою весьма многіе и разнообразныя вопросы, мы можемъ нынѣ только привести подлинными словами критика высказанныя имъ заключенія:

„Исторія Русской церкви“ г. Голубинскаго—трудъ въ высшей степени усердный и добросовѣстный, въ полной мѣрѣ дающій ощущать искреннее желаніе автора принести, по мѣрѣ своихъ силъ, пользу русской церковной исторической наукѣ. Замѣчательная выдержанность этихъ качествъ на всемъ¹ теченіи труда и по отношенію ко всему, что въ немъ болѣе или менѣе важно, тѣмъ болѣе достойна уваженія, что она не разъ могла подпадать искушенію быть ослабленною подъ вліяніемъ постепенно слагавшагося въ историкѣ убѣжденія о невысокихъ качествахъ матеріала и предмета, надъ которыми онъ трудится, и отсюда чувства неудовлетворенности, достигаемой этимъ трудомъ обработки русской церковной исторіи, сравнительно съ предвосившимся мысли его идеаломъ такой исторіи. Это трудъ въ полномъ смыслѣ ученый, плодъ обширнаго и глубокаго знанія, основаннаго на самомъ тщательномъ и богатомъ по запасу научныхъ средствъ изученіи историческихъ матеріаловъ, въ кругъ которыхъ вошли: во-первыхъ, русскіе источники, первостепенные и второстепенные, главные и вспомогательные, печатные и рукописные (въ немаломъ числѣ авторомъ вновь издаваемые или переиздаваемые по новымъ спискамъ, съ учеными примѣчаніями къ нимъ), а затѣмъ — русскіе учено-литературные труды по обработкѣ матеріала и предмета, начиная съ имѣющихъ въ этомъ отношеніи первостепенное значеніе трудовъ академиковъ прошлаго и настоящаго времени до малозвѣстныхъ, но нерѣдко цѣнныхъ трудовъ изслѣдователей мѣстной исторіи, мѣстныхъ древностей; вовторыхъ, греческіе источники, и въ этой области греческіе классики, греческіе отцы и писатели и памятники древней христіанской церкви, затѣмъ, писатели и памятники византійскіе,

наконецъ ученые труды послѣ-византійскихъ или ново-греческихъ писателей и издателей памятниковъ. Необходимо признать, что еще никогда въ нашей церковно-исторической наукѣ не встрѣчалось такого широкаго примѣненія послѣднихъ группъ этого класса источниковъ и пособій, то-есть, византійскихъ и еще болѣе ново-греческихъ или послѣ-византійскихъ матеріаловъ, глубокимъ знаніемъ которыхъ авторъ много пользуется въ своей исторіи, особенно въ главахъ о церковномъ управленіи, богослуженіи, монашествѣ. Эта сторона ученаго аппарата въ „Исторіи Русской церкви“ г. Голубинскаго составляетъ одно изъ цѣннѣйшихъ приращеній въ области нашей церковно-исторической науки. Встрѣтыхъ — матеріалы, представляемые учебно-литературными работами юго и западно-славянскихъ ученыхъ, воспоминанные авторомъ изъ собственнаго изученія памятниковъ исторіи и литературы Славянъ. Авторъ, надлежаще пользуясь трудами перво-степеннаго значенія, какими были для него особенно труды Миллошича, не упускаетъ и другихъ, менѣе важныхъ или извѣстныхъ. Похвально въ частности вниманіе его къ трудамъ и изданіямъ лицо-русскихъ ученыхъ, какъ извѣстнымъ, такъ и менѣе извѣстнымъ. Вчетвертыхъ — латинскіе матеріалы, разумѣя здѣсь, послѣ латинскихъ классиковъ и писателей древней христіанской церкви, латинскія средне-вѣковыя лѣтописи и памятники и на латинскомъ языкѣ обработанные труды и изданія позднѣйшихъ западныхъ ученыхъ XVI, XVII, XVIII и XIX вѣковъ, относящіяся къ исторіи древней церкви христіанской, къ исторіи греко-византійской церкви, къ патрологіи, агіографіи, каноникѣ, литургикѣ, археологіи, лексикографіи, исторической географіи и топографіи и т. п. Съ особеннымъ вниманіемъ относясь къ трудамъ Бингама и Дюканжа, ученый авторъ не опускаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ поправлять и пополнять ихъ, какъ то часто дѣлаетъ онъ и относительно другихъ авторовъ и изданій, которыми пользуется. Впятыхъ — сочиненія и изданія новѣйшихъ западно-европейскихъ ученыхъ, французскихъ, италіанскихъ, преимущественно же нѣмецкихъ, служившія автору въ изслѣдованіяхъ его по предметамъ изъ вышеозначенныхъ областей знанія, особенно же по предметамъ археологіи, а здѣсь въ частности — исторіи церковной архитектуры. Списокъ приведенныхъ въ исторіи г. Голубинскаго авторовъ, сочиненій и изданій, относящихся къ группѣ латинскихъ матеріаловъ, а также сочиненій и изданій новѣйшихъ западно-европейскихъ ученыхъ, такой списокъ, съ присоединеніемъ къ нему заглавій самихъ сочиненій и изданій, могъ бы дать представленіе о не-

обыкновенно многосторонней начитанности историка. Авторъ видимо съ большимъ знаніемъ и разборчивостію запасался подходящимъ для него матеріаломъ, онъ съ добросовѣстностію оговаривается тамъ, гдѣ не самъ беретъ что-либо изъ того или другаго автора или издателя, и доселѣ никто изъ нашихъ писателей и изслѣдователей по русской церковной исторіи не запасался для своихъ трудовъ по ней такимъ обиліемъ матеріала изъ означенныхъ вспомогательныхъ областей его. Въ области вещественныхъ памятниковъ авторъ восполнилъ и оживилъ свои свѣдѣнія непосредственными наблюденіями въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, замѣчательныхъ въ историко-археологическомъ отношеніи, и на греко-славянскомъ юго-востокѣ, что выгодно отозвалось на топографическихъ и археологическихъ описаніяхъ исторіи г. Голубинскаго, и это опять одна изъ новыхъ выдающихся сторонъ учености въ его трудѣ, цѣнныхъ для церковно-исторической науки. Слѣдуетъ упомянуть также о наблюденіяхъ автора въ церковно-бытовой области, особенно греко-славянскаго юго-востока, съ пользою приложенныхъ имъ къ объясненію явленій прошлаго времени, даже очень давняго.

„Съ богатымъ запасомъ учености въ области историческаго матеріала въ трудѣ г. Голубинскаго соединяется сила критики, напряженія мысли въ обработкѣ матеріала, въ выработкѣ отсюда содержанія для его „Исторіи“. Тѣмъ и другимъ обуславливаются, какъ составляющія именно отличительныя черты и достоинства „Исторіи“, самостоятельность изслѣдованія и оригинальность во взглядахъ, мнѣніяхъ и сужденіяхъ, — черты, объясняемыя еще нѣкоторымъ своеобразіемъ въ усвоенныхъ имъ началахъ и приемахъ критики и ученой изслѣдовательности“.

Плодомъ такой самостоятельности и оригинальности были слѣдующіе, по мнѣнію г. рецензента, весьма важныя въ научномъ отношеніи результаты и приобрѣтенія:

а) „Установленіе новаго взгляда на прошлое древне-русской церковной жизни, представляющее—въ данномъ періодѣ и долго послѣ него весьма не высокую ступень развитія, и объясненіе этого факта именно отсутствіемъ настоящаго просвѣщенія, наконецъ—построеніе на этомъ основаніи всего плана „Исторіи Русской церкви“, выдержаннаго съ строгою послѣдовательностію.

б) „Освобожденіе церковно-историческаго матеріала до-монгольскаго періода отъ элементовъ легендарныхъ, сомнительныхъ, не подлин-

ныхъ, съ уясненіемъ ихъ происхожденія, характера и значенія въ смыслѣ дѣйствительно историческомъ.

в) „Живныя, положительныя или болѣе вѣроятныя и правдоподобныя рѣшенія многихъ вопросовъ или разъясненія сторонъ и явленій жизни церкви Русской до-монгольскаго (отчасти и послѣдующаго) времени. Изъ тѣхъ и другихъ, одни, основанныя на общезвѣстномъ матеріалѣ, обязаны преимущественно началамъ и приемамъ критики; другія, вмѣстѣ съ тѣмъ новымъ матеріаломъ, изысканнымъ или взятымъ изслѣдователемъ именно по требованію усвоенныхъ имъ приемовъ изслѣдованія (аналогія и обратныхъ заключеній отъ позднѣйшаго). Изъ первыхъ можно отмѣтить мнѣнія автора: по вопросу объ Аскольдѣ и Дирѣ и другихъ болѣе раннихъ сказаніяхъ о крещеніи Руссовъ, какими признаются азовско-таврическія; о христіанствѣ и варяго-христіанской общинѣ при Игорѣ и о самомъ Игорѣ, какъ внутреннемъ христіанинѣ; о крещеніи Ольги и Владиміра; о крещеніи Владиміромъ и послѣ него Русскаго народа; о попыткѣ Владиміра насадить просвѣщеніе въ Россіи; о Ярославѣ, какъ учредителѣ библиотеки и переводчикѣ; о словѣ Иларіона, какъ торжественной, не собственно церковной, а такъ-сказать, академической рѣчи; о началѣ Русской митрополіи въ видѣ автокефальной архіепископіи; о Грекахъ митрополитахъ и вообще о фактѣ нашей іерархической зависимости отъ Грековъ, какъ относительно счастливомъ для насъ, и о нашихъ попыткахъ освободиться отъ этой зависимости, и вообще о значеніи греко-византійскаго вліянія въ нашей исторіи; о соборныхъ клиросахъ, десятичникахъ, городскомъ и низшемъ духовенствѣ, и многія другія. Новыми мнѣніями, выводами и объясненіями особенно изобилуютъ главы о церковномъ управленіи, о богослуженіи и здѣсь о церковной архитектурѣ и богослуженіи общественномъ, наконецъ о монашествѣ. Самое крупное, истинно капитальное приобритеніе для науки составляютъ блистательныя изслѣдованія автора о церковномъ управленіи, церковной архитектурѣ и храмовомъ устройствѣ, изъ коихъ послѣднія превосходятъ все доселѣ извѣстное у насъ въ этой области церковно-историческихъ и церковно-археологическихъ изслѣдованій. Въ частности, относительно церковной архитектуры съ археологической точки зрѣнія слѣдуетъ замѣтить, что въ однихъ вопросахъ по этому предмету авторъ сводитъ воедино и значительно восполняетъ изслѣдованія другихъ (напримѣръ, въ вопросѣ объ иконописи); въ другихъ онъ полагаетъ даже начало этимъ изслѣдованіямъ.

„Къ достоинствамъ болѣе обыкновеннымъ, но также отличительнымъ, по степени проявленія ихъ въ „Исторіи“ г. Голубинскаго, должна быть отнесена полнота изслѣдованія и изображенія предметовъ и явленій. Объему его „Исторіи“ отвѣчаетъ обиліе содержанія. Обнимая все то, о чемъ обыкновенно говорится въ нашихъ церковныхъ исторіяхъ, сочиненіе его о многомъ сообщаетъ болѣе обильныя и полныя свѣдѣнія, чѣмъ какія сообщались доселѣ; многіе предметы и явленія онъ изображаетъ съ новыхъ сторонъ. Характеристическимъ достоинствомъ труда г. Голубинскаго представляются полнота въ подробностяхъ изслѣдованія и отчетливость въ изображеніи отгѣночныхъ и видовыхъ чертъ предмета. Авторъ имѣетъ обычай опредѣлять и объяснять всякую подробность библиографическую, географическую, топографическую, археологическую, лексическую, всякій юридическій, техническій, обрядовый терминъ, всякую по возможности частность во внѣшней обстановкѣ явленія и въ признакахъ описываемаго предмета. Изображая группы людей, учрежденія, установленія и обычаи, онъ старается выяснить и опредѣлить, въ какихъ видахъ и классахъ, въ какой мѣрѣ и степени развитія или распространенія существовало то, что онъ изображаетъ. Такъ онъ пытается различить классы духовенства относительно его образованія и обезпеченія, опредѣлить время и стоимость книгописанія и отсюда отчасти степень распространенія книгъ, точно обозначить различіе въ религіозномъ воспитаніи и пониманіи верхняго меньшинства и нижняго большинства, обозначить послѣдовательныя серіи въ строеніи церквей, начавшемся за пристуномъ къ крещенію народа и послѣ крещенія, обозначить по возможности всѣ видовыя отличія въ архитектурныхъ формахъ церковныхъ строеній, въ способахъ постройки, въ разныхъ частяхъ внутренняго устройства и убранства церквей, опредѣлить количественное отношеніе церквей, снабженныхъ богослужебными принадлежностями болѣе или менѣе великолѣпно, затѣмъ—болѣе или менѣе прилично, и наконецъ — бѣдно и скудно: количественное отношеніе монастырей ктиторскихъ къ монастырямъ самостоятельнымъ, свободнымъ, различія въ управленіи монастырей разныхъ классовъ, даже разнаго рода особенности въ принадлежностяхъ и способѣ ношенія одежды внѣбогослужебной и богослужебной, и такъ далѣе; словомъ, онъ стремится воспроизвести прошлую жизнь съ такими осязательными чертами въ ея складѣ, характерѣ и внѣшней обстановкѣ, какъ бы то была жизнь, движущаяся предъ нашими глазами. Здѣсь автору часто приходилось вступать въ область предположеній и въ-

роятностей. Но при широкой и сильной подкладкѣ для такихъ предположеній въ запасѣ знаній положительныхъ, при развитой наблюдениемъ сообразительности, такъ-сказать, вглядчивости въ описываемые предметы, эти предположенія представляются вообще удачными, счастливыми“.

Обращаясь отъ достоинствъ книги г. Голубинскаго къ тѣмъ сторонамъ этого труда, которыя, предъ судомъ критики, могутъ быть названы недостатками, рецензентъ выставляетъ слѣдующіе:

1) „Преобладаніе изслѣдовательности, обращаемой на отдѣльные вопросы исторіи, явленія и стороны жизни, надъ воспроизводительностію исторической жизни въ ея цѣлостномъ содержаніи. Но это — недостатокъ, неизбѣжный при нынѣшнемъ состояніи нашей церковно-исторической науки, какъ и вообще нашей русской исторіи. Онъ значительно выкупается обиліемъ обобщающихъ опредѣленій, выводовъ и характеристикъ, находящихся въ полномъ согласіи съ общимъ взглядомъ автора на нашу церковную исторію, на историческую жизнь нашей церкви.

2) „Увлечение историка критическимъ направленіемъ изслѣдовательности. Это увлечение сказалось въ слишкомъ рѣшительномъ, отчасти поспѣшномъ заподозрѣніи въ подлинности или достоинствѣ, какъ историческаго матеріала, такихъ свидѣтельствъ и памятниковъ, которые самою важностію своею, доселѣ признаваемою большинствомъ ученыхъ, вызывали бы на болѣе осторожное къ нимъ отношеніе, какъ-то, напримѣръ, лѣтописная повѣсть о крещеніи Владиміра, у которой отнято всякое историческое значеніе, или уставы Владиміра и Ярослава. Но критицизмъ автора именно потому, что онъ научилъ, общааетъ принести новую пользу наукѣ, направляя на новое выясненіе заподозриваемыхъ имъ свидѣтельствъ, памятниковъ и фактовъ. То же должно сказать и объ увлеченіяхъ автора въ примѣненіи одного изъ любимыхъ пріемовъ его изслѣдовательности—обратныхъ заключеній отъ позднѣйшаго къ прошлому: не всегда такіа заключенія удачны, хотя и выкупаются многими удачными.

3) „Нельзя не указать также на нѣкоторое преувеличеніе даже въ общемъ взглядѣ автора на церковную исторію и церковную жизнь древней Руси, въ частности Руси до-монгольскаго періода, взглядъ, формулированномъ слишкомъ рѣзко. Такъ, напримѣръ, говоря о нашемъ просвѣщеніи въ до-монгольскій періодъ, авторъ принимаетъ уровень его, умалая вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе событій, закрывшихъ для насъ дѣйствительное состояніе его и задержавшихъ дальнѣйшее дви-

женіе его, каково особенно монгольское нашествіе и порабощеніе. Въ связи съ нѣскольکو преувеличеннымъ сужденіемъ автора о невысокихъ качествахъ нашего прошлаго, въ частности прошлаго до-монгольскаго періода, находится не совсѣмъ основательное уклоненіе автора отъ попытокъ къ болѣе связному и живому изображенію нѣкоторыхъ предметовъ въ исторіи этого прошлаго. Такъ, въ исторіи оригинальной письменности, вслѣдствіе слишкомъ рѣшительнаго убѣжденія въ отсутствіи въ ней всякаго движенія, не сдѣлана попытка отыскать признаки этого движенія, что должно сказать также и о письменности переводной. Такъ, въ главѣ о состояніи вѣры, нравственности, религіозности, авторъ не сдѣлалъ попытки выяснить болѣе конкретныя черты религіозно-общественнаго воспитанія и развитія русскихъ христіанъ, выразившіяся въ нѣкоторыхъ лицахъ и типахъ представительныхъ и почетныхъ въ церковной и народной памяти.

„Если затѣмъ упомянуть о нѣкоторыхъ случайныхъ и частныхъ недосмотрахъ автора, какъ на примѣръ, въ каталогѣ митрополитовъ или въ описаніи обрядовъ и обычаевъ набожности до-монгольскихъ предковъ нашихъ, то этимъ и ограничится вся совокупность недостатковъ его труда, вообще несущественныхъ, относительно которыхъ остается сказать только, что одному всего сдѣлать нельзя, что наконецъ достоинство научныхъ трудовъ не въ полномъ овладѣніи истиною, никогда не достижимомъ, а въ усиленномъ изслѣдованіи ея и въ возможно большемъ приближеніи къ ней“.

Заканчивая свой приговоръ, г. Малышевскій заявляетъ, что трудъ г. Голубинскаго „по всей справедливости долженъ быть поставленъ на ряду съ самыми капитальными и наиболѣе уважаемыми трудами въ области русской церковной исторіографіи, каковы въ послѣднее время продолжающіе украшать ее труды ученаго архипастыря и академика, высокопреосвященнаго Макарія, послѣ котораго новый историкъ является дальнѣйшимъ, сильнымъ двигателемъ нашей церковно-исторической науки. Онъ обогащаетъ ее и вообще русскую историческую науку трудомъ, въ высшей степени усерднымъ и добросовѣстнымъ, истинно ученымъ, самостоятельнымъ и замѣчательно оригинальнымъ, обильно восполняющимъ доселѣ имѣвшіяся познанія въ области предмета, къ которому относится, и направляющимъ на новые пути къ его изслѣдованію. Трудъ этотъ — такой капитальный вкладъ въ науку, какіе, къ сожалѣнію, рѣдко ей удается получать“.

Въ виду этого, профессоръ Малышевскій признавалъ сочиненіе г. Голубинскаго вполне достойнымъ большой Уваровской награды.

Коммиссія единогласно согласилась съ такимъ заключеніемъ ученаго критика-специалиста, взвѣсивъ представленныя имъ доводи о достоинствахъ и недостаткахъ „Исторіи Русской церкви“ и принявъ при этомъ въ соображеніе еще и то, что г. Голубинскій за нее признанъ отъ Московской духовной академіи достойнымъ степени доктора богословія и утвержденъ въ этой степени опредѣленіемъ са. синода.

II.

Вторая Турецкая война въ царствованіе императрицы Екатерины II. 1787—1791 г.
Составилъ генеральнаго штаба полковникъ *А. Н. Петровъ*. Два тома.
С.-Пб. 1880.

Постановляя свой приговоръ объ этомъ сочиненіи, коммиссія основывалась на подробномъ его разборѣ, сообщенномъ ей членомъ-корреспондентомъ Академіи, генералъ-майоромъ Н. О. Дубровиннымъ, къ которому она обращалась съ просьбою рассмотреть трудъ г. Петрова, какъ къ такому ученому, которому собственныя изысканія въ области русской военной исторіи приобрѣли неотъемлемое право считаться компетентнымъ судьей въ этой области.

Въ своей рецензіи нашъ многоуважаемый сочленъ прежде всего останавливается на источникахъ, которыми пользовался авторъ, и на мнѣніяхъ его о нѣкоторыхъ лицахъ, участвовавшихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ и въ ходѣ политическихъ событій. Не придавая особаго значенія дѣятельности главнокомандовавшихъ въ Турецкой войнѣ 1787—1791 гг., князя Потемкина и графа Румянцова, авторъ признаетъ за Суворовымъ роль, на столько первенствующую, что называетъ эту войну „Суворовскою“, подобно тому, какъ первая Турецкая война известна подъ названіемъ „Румянцовой“. „Послѣдованіе въ 1783 г. присоединеніе Крыма къ Россіи“, говоритъ г. Петровъ, — „такъ ловко подготовленное и энергически совершенное все тѣмъ же Суворовымъ, окончательно побудило Порту начать новую войну съ Россіей за обладаніе Крымомъ“. Съ такимъ мнѣніемъ рецензентъ не находитъ возможнымъ согласиться и полагаетъ, что при болѣе обширномъ знакомствѣ даже съ одною печатною литературою, относящеюся до присоединенія Крыма къ Россіи, авторъ пришелъ бы къ инымъ заключеніямъ. Кромѣ первостепенныхъ дѣятелей на разсма-

триваемомъ поприщѣ, графа Н. Панина, гр. Румянцова, кн. Потемкина и Безбородка, были и другіе, каковы посланники Стахѣвъ и Булгаковъ, резидентъ Веселицкій, генералы кн. Прозоровскій, Бринкъ, Де-Бальмень и подъ конецъ—Суворовъ. Каждый отдѣльно и всѣ вмѣстѣ, они долго трудились надъ разрѣшеніемъ столь важнаго вопроса въ исторіи царствованія Екатерины II, и приписывать Суворову всю заслугу едва ли справедливо. Такое заключеніе автора рецензентъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что для выполненія своей задачи г. Петровъ счелъ достаточными матеріалы, находившіеся въ его распоряженіи.

Главною, и можно сказать—единственною своею задачею г. Петровъ считалъ описаніе военныхъ дѣйствій, и потому онъ мало касался политическаго хода событій; при этомъ источниками ему служили только дѣла военно-ученаго архива и немногіе документы, извлеченные изъ дѣлъ государственнаго архива въ Петербургѣ. Если и не ставить ему въ вину, что онъ не принялъ во вниманіе многихъ важныхъ документовъ, находящихся въ разныхъ архивахъ, не для всякаго доступныхъ, каковы, напримѣръ дѣла по управленію Потемкина, хранящіеся въ м. Рѣшетиловкѣ, Полтавской губерніи, въ имѣніи наслѣдниковъ Попова, тѣмъ не менѣе авторъ имѣлъ возможность пользоваться для своей работы болѣе полнымъ матеріаломъ, такъ какъ многіе изъ документовъ уже напечатаны; нѣкоторые печатные источники, служившіе автору, устарѣли и не имѣютъ того значенія, какое представляютъ документы, изданные въ послѣднее время.

Представляя подробный разборъ содержанія самой книги, г. Дубровинъ указываетъ на тѣ мѣста въ ней, гдѣ желательно было бы видѣть болѣе обстоятельное изложеніе предмета, и дополняетъ это изложеніе соображеніями и фактами, на основаніи изученія источниковъ, ускользнувшихъ отъ вниманія г. Петрова.

Въ заключеніе ученый рецензентъ заявляетъ, что цѣль, которую поставилъ себѣ авторъ, вообще имъ достигнута, и что съ изданіемъ „Исторіи второй Турецкой войны въ царствованіе императрицы Екатерины II“ военная литература „приобрѣла вполнѣ законченный, цѣльный и самостоятельный трудъ, особенно важный по описанію военныхъ дѣйствій. Значеніе этого труда увеличивается еще тѣмъ, что онъ, вмѣстѣ съ первымъ сочиненіемъ того же писателя „Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами съ 1769 по 1774 годъ“, представляетъ полную картину борьбы Россіи съ Турціей. Если въ

сочиненіи и встрѣчаются нѣкоторыя неточности или неправильныя оцѣнка событій, то это произошло отъ ограниченнаго пользованія печатными источниками, недовѣрія къ нимъ, а главное—отъ упущенія изъ виду матеріаловъ, хранящихся въ нѣкоторыхъ архивахъ.

„Каждому трудящемуся надъ изученіемъ отечественной исторіи говорить г. Дубровинъ,—„извѣстны тѣ затрудненія, часто непреодолимыя, которыя встрѣчаетъ онъ при собираніи необходимыхъ матеріаловъ въ особенности архивныхъ. Обвинять автора въ томъ, что онъ не воспользовался тѣмъ, къ чему не имѣлъ доступа, было бы болѣе чѣмъ странно. Онъ воспользовался вполне добросовѣстно всѣмъ матеріаломъ, хранящимся въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба, и изложилъ военныя дѣйствія подробно, обстоятельно и съ критическимъ отношеніемъ къ описываемымъ событіямъ. Не ограничиваясь однимъ описаніемъ военныхъ дѣйствій нашихъ войскъ въ Европѣ и Азіи, авторъ, для лучшаго освѣщенія событій, излагаетъ попутно дѣйствія Австрійцевъ и даетъ довольно обстоятельный очеркъ войны нашей со Швеціей, такъ какъ война эта, прямо или косвенно, оказывала вліяніе на дѣйствія наши на Балканскомъ полуостровѣ. Сочиненіе А. Н. Петрова, кромѣ своей цѣнности и законченности, заключаетъ въ себѣ очень много новыхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ не издаваемыхъ архивныхъ матеріаловъ, и во всякомъ случаѣ составляетъ цѣнный вкладъ какъ въ военную литературу, такъ и въ исторію царствованія императрицы Еватерини II-й“.

III.

Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ. Изданы Ю. Б. Иверсеномъ. С.-Пб. 1890.

При оцѣнкѣ этого сочиненія, комиссія имѣла въ виду разборъ его, составленный, по ея приглашенію, преподавателемъ исторіи медальернаго искусства въ Императорской Академіи Художествъ Д. И. Прозоровскимъ, авторомъ сочиненія: „О монетѣ и вѣсѣ въ Россіи до конца XVIII столѣтія“, увѣнчанаго въ 1866 году одною изъ Уваровскихъ наградъ. Рецензентъ призналъ почтенный трудъ г. Иверсена заслуживающимъ награжденія и опирался при этомъ на такихъ доводахъ, съ основательностію которыхъ комиссія не могла несогласиться.

Медали, выбитыя для русскихъ дѣятелей, доселѣ не были вполне приведены въ извѣстности; онѣ были извѣстны отрывочно, лишь по

экземплярамъ, случайно попавшимъ въ разные мицъ-кабинеты. Г. Иверсенъ является первымъ изыскателемъ этихъ медалей. Настоящій трудъ его — едва ли не единственный въ своемъ родѣ и вполне достоинъ уваженія какъ по объему, такъ и по старанію, съ какимъ онъ совершенъ. Надобно имѣть много терпѣнія, настойчивости и опытности, чтобы собрать такую массу предметовъ, значительное число которыхъ оставалось въ неизвѣстности и выведено на свѣтъ, благодаря знакомству собирателя съ дѣлами С.-Петербургскаго монетнаго двора, съ нумизматическою литературой и съ хранилищами, въ которыхъ многія медали находятся. Конечно, при всей обширности издаваемого нынѣ г. Иверсеномъ собранія частныхъ медалей, нельзя требовать отъ этого изданія безусловной полноты: кое-какія медали могли пропасть безслѣдно; но въ замѣнъ того отличаются полнотою частные подборы собранія: если для какого-нибудь лица было выбито нѣсколько медалей, то г. Иверсенъ старался отыскать ихъ всѣ. О каждомъ лицѣ, ознаменованномъ одною или нѣсколькими медалями, г. Иверсенъ сообщаетъ краткія біографическія свѣдѣнія, почерпнутыя изъ разныхъ источниковъ, а иногда и изъ устныхъ сообщеній. Біографіи и описанія медалей снабжены ссылками на источники и любопытными для нумизматовъ указаніями, хотя иногда и не относящимися къ дѣлу. Что касается до приложенныхъ къ изданію рисунковъ, то они исполнены подъ непосредственнымъ наблюденіемъ автора и вполне соотвѣтствуютъ требованіямъ отъ подобнаго рода изображеній. Все это дѣлаетъ трудъ г. Иверсена заслуживающимъ вниманія; въ немъ нумизматы получаютъ прекрасное руководство для познанія медалей, а русскимъ медальерамъ облегчены средства для историческаго изученія ихъ искусства. Такъ какъ имена лицъ, ознаменованныхъ медалями, расположены въ азбучномъ порядкѣ, неудобномъ для историческаго обзора, то желательно, чтобы изданіе завершилось хронологическимъ указателемъ медалей, по которому всякій нумизматъ и медальеръ могъ бы обзрѣвать медали въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ появленія.

Оцѣнивая по достоинству книгу г. Иверсена, имѣющую не малое значеніе въ русской литературѣ, рецензентъ не оставилъ безъ замѣчанія нѣкоторые болѣе крупныя недостатки ея. Прежде всего бросается въ глаза излишняя широта плана изданія, которое, по заглавію, посвящено медалямъ „русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ“. Но что такое русскій дѣятель и русскій человѣкъ въ общемъ политическомъ значеніи? Это — люди, дѣйствующіе въ интересахъ

Русскаго государства и входящія въ составъ русскаго населенія. Между тѣмъ въ книгу включены люди, не имѣвшіе отношенія къ Россіи, а только дѣйствовавшіе когда-то въ областяхъ, уже впоследствии присоединенныхъ къ Россіи. Таковы: Финляндецъ Альмавъ, умершій въ 1799 г., до присоединенія Финляндіи къ Русскому государству; пасторъ Боровскій, Прусакъ по рожденію и дѣятельности. Загусскій, умершій въ 1768 году, когда еще и мысли не было о присоединеніи Польши къ Россіи; Янъ Замойскій, умершій въ 1605 г.; Графъ Лубинскій, служившій Пруссіи и герцогству Варшавскому. Всѣ подобныя медали не были медалями русскихъ дѣятелей и русскихъ людей, но были медалями дѣятелей и людей шведскихъ, польскихъ и проч.; другими нумизматами онѣ вовсе не признаются за русскія, и совершенно правильно. Поводомъ къ другому замѣчанію рецензента служить включеніе въ книгу царицы Евдокіи Теодоровны единственно по тому случаю, что повѣривъ, безъ надлежащей критики, свидѣтельству Морери, онъ приписалъ этой царицѣ названіе Оттокезы, находящееся на одной медали, выбитой нюрнбергскимъ медальеромъ Вестнеромъ послѣ 1730 года. Книгѣ г. Иверсена нѣсколько вредятъ также нѣкоторыя неисправности корректуры.

Но указанные недостатки, по отзыву г. Прозоровскаго, нисколько не уменьшаютъ ни достоинства, ни значенія сочиненія г. Иверса, какъ важнаго вклада въ литературу русской нумизматики и необходимаго пособія для нумизматическихъ розысканій.

Независимо отъ присужденія Уваровскихъ премій за историческіе труды, предпріятыя и исполненныя авторами по собственному ихъ почину, Академія имѣла удовольствіе отличить особою поощрительною Уваровскою наградою (въ 500 р.) сочиненіе, служащее отвѣтомъ на одну изъ предложенныхъ ею задачъ.

Во всѣхъ странахъ Европы, богатыхъ древними хрониками и лѣтописями, лишь очень недавно приступлено къ строго-научному изслѣдованію этихъ историческихъ памятниковъ въ отношеніи ихъ содержанія и времени происхожденія. Въ самой Германіи, столь богатой критико-историческими трудами, только въ послѣднія десятилѣтія стали, съ несомнѣннымъ успѣхомъ, опредѣлять генеалогическое отношеніе между различными лѣтописями, съ цѣлью доисаться, какіе изъ этихъ источниковъ должны быть разсматриваемы какъ совершенно самостоятельныя, и какіе представляются въ большей или меньшей

степени компилятивными. На западѣ подобныя изслѣдованія въ нѣ-которомъ отношеніи облегчаются тѣмъ, что тамъ множество хроникъ сохранилось отчасти въ очень древнихъ спискахъ; между тѣмъ въ Россіи и Литвѣ, вслѣдствіе утраты многихъ древнихъ рукописей, разборъ позднѣйшихъ компилятивныхъ хроникъ очень затруднителенъ. Въ особенности это выказывалось въ отношеніи литовскихъ лѣтописей, изслѣдованіе которыхъ однако явилось неотложною необходимою.

Въ виду этого Академія, въ числѣ задачъ, предложенныхъ ею нѣсколько лѣтъ тому назадъ для желающихъ состязаться на получение поощрительныхъ наградъ графа Уварова, помѣстила и задачу объ изслѣдованіи состава западно-русскихъ или такъ-называемыхъ литовскихъ лѣтописей. При этомъ, чтобы не затруднить изслѣдователей объемомъ задачи, условія ея были ограничены, и соискателямъ преміи предоставлено ограничиться разсмотрѣніемъ лишь напечатанныхъ литовскихъ хроникъ.

Рѣшеніемъ этой задачи занялся преподаватель Николаевской Царскосельской мужской гимназій И. А. Тихомировъ, снискавшій себѣ извѣстность въ кругу историковъ разборомъ такъ-называемой Тверской лѣтописи. Въ минувшемъ году онъ представилъ Академіи рукописное сочиненіе свое, служащее отвѣтомъ на означенную тему. Это сочиненіе, по отзыву нашего сочлена, академика Куника, вообще соотвѣтствовало тѣмъ требованіямъ, которыя можно предъявлять къ изслѣдованіямъ подобнаго рода. Главный выводъ произведеннаго авторомъ сравнительнаго изученія литовскихъ лѣтописей состоялъ въ томъ, что эти памятники слѣдуетъ вообще раздѣлить на два класса, а именно на имѣющіе полную или краткую редакцію. Въ подтвержденіе этого различія изслѣдователь представилъ столько убѣдительныхъ доводовъ, что его трудъ уже и тогда могъ бы быть признанъ достойнымъ награды. Но такъ какъ, при пособіи наличныхъ печатныхъ лѣтописей, списки которыхъ относятся къ довольно позднему времени, было не возможно выдѣлить первоначальныя литовскія лѣтописи изъ компиляцій, а это было весьма желательно, то г. Тихомирову, не смотря на все достоинство его сочиненія, былъ присужденъ только почетный отзывъ, и самое сочиненіе возвращено автору, съ тѣмъ чтобы онъ имѣлъ возможность передѣлать его, и согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, вторично представить въ новомъ видѣ на соисканіе поощрительной преміи. При этомъ ему были сообщены нѣкоторыя изъ литовскихъ хроникъ, сохранившіяся въ видѣ особыхъ ру-

кописей, въ томъ предположеніи, что онѣ принесутъ ему немаловажную пользу при распознаніи древнихъ источниковъ въ изданныхъ матеріалахъ. Между тѣмъ внимательное сличеніе двухъ рукописей съ уже напечатанными источниками убѣдило, что онѣ не составляютъ третьей редакціи литовскихъ хроникъ, но что каждая изъ нихъ можетъ быть разсматриваема, какъ особый родъ краткой редакціи.

Со свойственною истинному ученому настойчивостью въ однажды предпринятомъ трудѣ г. Тихоміровъ во вторично представленной рукописи своего сочиненія переработалъ его согласно указаніямъ Академіи и дополнилъ новыми изслѣдованіями.

Присудивъ г. Тихомірову на этотъ разъ поощрительную премію, коммиссія имѣла въ виду отзывъ объ его трудѣ академика Кунива, которому было поручено ближайшее разсмотрѣніе этого сочиненія. Указавъ, что шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ не было извѣстно ни одной рукописной литовской хроники, и что съ того времени ихъ много открыто или въ видѣ самостоятельныхъ списковъ, или въ видѣ компиляцій, заключающихся въ хронографахъ, нашъ сочленъ замѣчаетъ, что хотя и нельзя надѣяться, чтобы въ этихъ компиляціяхъ оказались остатки древнѣйшихъ, для насъ утраченныхъ списковъ, однако необходимо, чтобы и онѣ были также изслѣдованы. Но на такое изслѣдованіе надо смотрѣть, какъ на особую задачу, за разрѣшеніе которой г. Тихоміровъ, конечно, не преминетъ взяться, когда это позволитъ ему время и обстоятельства.

Нѣкоторымъ покажется удивительнымъ, что Длугошъ († 1480 г.) при составленіи своей обширной хроники, пользовался литовскими лѣтописями — по видимому — не прямо. Слѣдуя программѣ задачи, г. Тихоміровъ сдѣлалъ сводъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ въ Бѣльскомъ и Длугошѣ, въ которыхъ рѣчь идетъ о Литовцахъ, на сколько эти мѣста шли къ дѣлу. Безъ сомнѣнія, было бы желательно, чтобы при этомъ, по возможности, было розыскано, откуда именно заимствовалъ Длугошъ свои свѣдѣнія о Литовцахъ. Но это значительно усложнило бы работу, такъ какъ бѣольшая часть литовскихъ извѣстій этого писателя составлена несомнѣнно или изъ польскихъ источниковъ, или изъ грамотъ и изъ прусскихъ хроникъ. Какъ бы то ни было, любители историческихъ изысканій, по отзыву г. Кунива, должны быть благодарны г. Тихомірову, за то, что онъ внесъ свѣтъ въ хаосъ мнѣній о возникновеніи и передѣлкахъ литовскихъ хроникъ. Это впрочемъ не значитъ, чтобы всѣ отдѣльныя сужденія автора могли устоять противъ всякихъ возраженій. Нѣкоторыхъ поразить, напримѣръ, что тамъ, гдѣ въ его ру-

кописи говорится о народныхъ преданіяхъ, онъ не вездѣ строго различаетъ ихъ отъ вымысловъ и соображеній лѣтописцевъ. Кромѣ того тамъ, гдѣ въ нѣсколькихъ спискахъ идетъ рѣчь объ одномъ и томъ же происшествіи или преданіи, онъ не придаетъ надлежащаго значенія различію въ употребленіи языка, и вопросъ о томъ, не лучше ли другихъ рукописей выражаетъ рукопись Красняскаго литовско-русскій типъ языка—остается еще не рѣшеннымъ. Но эти и подобныя замѣчанія, какъ свидѣтельствуешь г. Куникъ, не уменьшаютъ дѣйствительной заслуги г. Тихомірова, который разрѣшилъ предложенную Академіей задачу вообще согласно требованіямъ науки.

Оканчивая свой отчетъ, не можемъ, безъ чувства живѣйшей признательности, не заявить о томъ содѣйствіи, которое, въ дѣлѣ оцѣнки трудовъ, представляемыхъ на соисканіе наградъ графа Уварова, Академія постоянно встрѣчаетъ въ средѣ ученыхъ, не принадлежащихъ къ ея составу. Съ полною готовностью отзываясь на обращенія къ нимъ приглашенія рассмотреть то или другое изъ конкурсныхъ произведеній, многіе изъ нихъ сообщаютъ намъ обширныя и обстоятельныя рецензіи, по научному значенію своему не менѣе, а иногда и еще болѣе важныя, чѣмъ самыя сочиненія, разбираемыя въ этихъ статьяхъ. Рядъ такихъ рецензій, появившихся потомъ при издаваемыхъ нами ежегодныхъ отчетахъ объ Уваровскихъ конкурсахъ, не только содержитъ въ себѣ строго-научную и потому весьма цѣнную критику почти всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ произведеній русской исторической литературы, но и служитъ, самъ по себѣ, существеннымъ обогащеніемъ этой литературы, внося въ нее новыя данныя, изысканія и выводы.

Имѣвъ и въ настоящемъ году удовольствіе пользоваться подобнымъ содѣйствіемъ со стороны знатоковъ русской исторіи, Академія считаетъ своимъ долгомъ публично выразить искреннюю благодарность свою тѣмъ постороннимъ ученымъ, которые доставили ей рецензіи на сочиненія нынѣшняго конкурса. Четыремъ же изъ этихъ критиковъ, а именно И. И. Малышевскому, Н. Ѳ. Дубровину, Г. Д. Филимонову и Н. И. Краснову, она, въ изъявленіе своей признательности, присудила установленныя для того золотыя Уваровскія медали.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ СЕЛЬСКИХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ ЛУЖСКАГО УѢЗДА ВЪ 1881 ГОДУ.

Задача сельской школы. Подвижныя или временныя школы. Неудобство трехъ отдѣленій въ школѣ при одномъ учителѣ. Устройство училищнаго музея. Программа и приемы преподаванія въ сельской школѣ. Образцовые и пробныя уроки. Дисциплина и порядокъ школы. Физическіе опыты и бесѣды.

Съѣздъ учителей и учительницъ Лужскаго уѣзда, городскихъ и сельскихъ, подъ руководствомъ инспектора народныхъ училищъ В. А. Александрова, продолжался пять дней съ 22-го по 26-е августа, ежедневно отъ 10 часовъ утра до вечера. Собранныхъ было: учителей 18, учительницъ 19. На расходы съѣзда было назначено уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ 125 рублей изъ земскихъ суммъ на народное образованіе. Послѣ краткой молитвы о томъ, чтобы настоящій съѣздъ, какъ начало будущихъ ежегодныхъ съѣздовъ, дружно потрудился на пользу сельской школы, руководитель открылъ пренія о ея задачахъ. Указавъ на положеніе и матеріальныя средства сельскаго населенія, весьма незавидныя отъ недостатка сельско-хозяйственнаго образованія, онъ выяснилъ, что распространеніе посѣлениа въ народѣ возможно посредствомъ самостоятельнаго чтенія и наблюденія лучшихъ хозяевъ-крестьянъ и при устройствѣ въ уѣздѣ спеціального низшаго курса сельско-хозяйственнаго училища съ ремесленнымъ отдѣленіемъ. Но для того и другаго способа необходимо прежде всего усиленное распространеніе грамотности, то-есть умѣнья пользоваться книгою, и навыкъ къ наблюденію, необходимы начальныя сельскія училища и школы грамотности. Затѣмъ съѣзду пред-

ложенъ былъ вопросъ: какъ смотритъ народъ на школьное дѣло и чего требуетъ крестьянинъ отъ школы?

При рѣшеніи его возникли продолжительныя пренія. Учитель А. Малейнъ заявилъ, что „крестьянинъ дорожитъ школою, когда самъ лично ею заинтересованъ, когда школа и учитель находятся въ полнѣйшей связи съ обществомъ; такъ, напримѣръ, самъ Малейнъ во многихъ случаяхъ обращается къ родителямъ учащихся, къ сельскому сходу; такъ, желая переимѣнить время занятій въ воскресной школѣ съ утра на послѣобѣденное время, онъ заявилъ объ этомъ на сходѣ,—сходъ не нашелъ это удобнымъ, а оставилъ для занятій утро, отъ 7 часовъ до обѣдни; и учитель согласился. Крестьяне считаютъ, что все, чтó дѣлается въ школѣ, важно, необходимо, они вѣрятъ въ это и ждутъ отъ школы всего хорошаго. Школьники должны быть проводниками всего хорошаго, добраго; они должны вносить въ семейства свѣдѣнія, получаемыя ими въ школѣ. Школа выдаетъ для чтенія книги, научаеъ писать письма, прошенія, свидѣтельства, росписки, заводитъ домашнія приходо-расходныя книги и проч., и такимъ образомъ мало по малу вырабатываетъ свою задачу“. Учителемъ III-го класса Лужскаго городского училища А. Малининымъ было высказано слѣдующее мнѣніе: „Мы затрудняемся рѣшеніемъ вопроса, какія дѣли должна преслѣдовать школа. Вопросъ этотъ намъ показался однимъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ. Отчего? Отъ того, что мы неправильно взглянули на дѣло. Вопросъ этотъ мы хотѣли рѣшить при помощи мнѣній той среды, гдѣ находится школа. Мы хотѣли, чтобы крестьянинъ сказалъ намъ, чего онъ требуетъ отъ школы. Спрашивается, можно ли отъ человѣка, не понимающаго ни дѣли, ни значенія школы, требовать рѣшенія такихъ вопросовъ? Можно ли требовать отъ больнаго, ничего не понимающаго и не знающаго въ медицинѣ, а только страдающаго отъ боли, чтобы онъ сказалъ, какая у него болѣзнь и какое лекарство необходимо для поправленія его здоровья? Больной, не смотря на то, что ощущаетъ боль, по большей части затрудняется сказать, чтó у него болитъ. Точно также крестьянинъ: онъ чувствуетъ, что теперешняя школа не приноситъ ему надлежащей пользы, но отчего это происходитъ, онъ не въ состояніи рѣшить. Многие здѣсь высказали, что крестьянинъ видитъ въ школѣ только матеріальныя выгоды: получить льготу по воинской повинности, или же сдѣлаться волостнымъ писаремъ. Хотя такой взглядъ крестьянина и слишкомъ узкій, но совершенно правильный. Онъ и бѣльшаго потребовалъ бы отъ школы, еслибы зналъ,

что она въ состояніи дать это большее, помочь ему въ его жизни. Въ настоящее время школа слишкомъ далеко стоитъ отъ практической жизни; она выучиваетъ ученика читать и писать, но не даетъ ему никакихъ другихъ практическихъ знаній, не пріучаетъ его разумно относиться къ предметамъ и явленіямъ окружающей природы, извлекать пользу изъ того, что у него подъ руками. Происходить это оттого, что въ сельской школѣ не удѣлено времени для уроковъ естествознанія, въ ней нѣтъ ни книгъ, ни пособій, исключительно приспособленныхъ для этой цѣли. При объяснительномъ чтеніи въ школѣ знакомятъ ученика только съ названіемъ предмета, а не съ его сущностью. Несравненно полезнѣе было бы знакомить его съ предметами изъ окружающей его природы и съ мѣстными производствами. Изученіе этихъ предметовъ, хотя бы поверхностно, принесло бы несомнѣнную пользу въ практической жизни. Школѣ необходимо воспользоваться тѣмъ матеріаломъ, который скорѣе всего можетъ развить въ ученикахъ способности къ наблюденію. Наблюдательный человѣкъ не будетъ безучастно относиться къ предметамъ и явленіямъ окружающей природы. Онъ съ большою охотой приметъ за книгу, чтобы объяснить себѣ то, на что не находитъ отвѣта въ своей школьной подготовкѣ и при помощи одного личнаго наблюденія“.

Затѣмъ предсѣдателемъ сѣзда была предложена для обсужденія слѣдующая организція школьнаго дѣла въ уѣздѣ: въ настоящее время начальная сельская школа находится въ такомъ положеніи, что давно ждетъ помощи даже для исполненія своей скромной задачи—обученія безграмотнаго народа чтенію, письму и молитвамъ. Отъ недостатка средствъ происходитъ то, что мѣстами сельское населеніе вообще не можетъ обучать дѣтей грамотѣ, серьезный трудъ учителя весьма скудно оплачивается, школа часто должна довольствоваться тѣснымъ и неудобнымъ помещеніемъ въ душной избѣ, и обучившіеся въ ней должны оставаться безъ книгъ для чтенія. Можно встрѣтить цѣлыя селенія, гдѣ есть и грамотные, но нѣтъ ни одной книжки и ни лоскутка бумаги. Отсюда вытекаетъ необходимость вводить для первоначальнаго образованія такую школьную организцію, при которой было бы возможно ежегодно обучать какъ можно больше и дѣтей и взрослыхъ молитвамъ, чтенію, письму и счету. При этомъ обученіе грамотѣ взрослыхъ представляется одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ для распространенія грамотности: взрослый скорѣе пойметъ и грамоту и пользу отъ нея, и скорѣе окажется сильнымъ хо-

датаемъ за школьное дѣло на сельскихъ сходкахъ, и самъ лично при случаѣ научить другаго безграмотнаго. Слѣдовательно, въ уѣздѣ постепенно въ каждой волости должны, по мѣрѣ средствъ, устраиваться школы: постоянныя съ трехгодичнымъ курсомъ и временныя съ годичнымъ и съ вечерними и воскресными занятіями для взрослыхъ.

Прежде всего устраивается въ волости школа съ годичнымъ курсомъ обученія, слѣдовательно съ одной группой учащихся и съ вечерними и воскресными занятіями для взрослыхъ. Эта школа должна быть ввѣрена такому опытному, способному и усердному учителю, который въ 6 — 7 мѣсяцевъ можетъ обучить молитвамъ, чтенію, письму и счету дѣтей отъ 9 до 14 лѣтъ и желающихъ взрослыхъ того селенія, гдѣ находится школа, и ближайшихъ окрестныхъ деревень. Затѣмъ школа эта на слѣдующую зиму устраивается въ другомъ селеніи той же волости, верстъ на 5 далѣе отъ прежняго мѣста и черезъ 3—4 года возвращается на свое прежнее мѣсто. Знаніе молитвъ и вообще религіозно-нравственное направленіе учащихся можетъ provѣряться членомъ училищнаго совѣта совмѣстно съ приходскимъ священникомъ во время экзаменовъ; при болѣе близкомъ разстояніи школы отъ церкви было бы весьма желательно, чтобъ мѣстный священникъ могъ посѣщать, кромѣ постоянной школы въ своемъ приходѣ, и временную школу, хотя разъ въ недѣлю, для бесѣды съ учащимися. Каждая временная школа, особенно на первыхъ порахъ, для успѣха дѣла жертвуетъ при окончаніи курса каждому ученику по книгѣ для чтенія, чтобы онъ и дома могъ завѣяться чтеніемъ и вообще продолжать свое обученіе. Это небольшое пожертвованіе можетъ имѣть большое вліяніе на распространеніе грамотности; есть много такихъ бѣдныхъ сельскихъ обществъ, гдѣ родители не могутъ иногда употребить и 10 копѣекъ на покупку книги или бумаги. Въ болѣе населенномъ и центральномъ мѣстѣ волости должна быть устроена постоянная школа съ трехгодичнымъ курсомъ, въ которой дѣти могли бы не только научиться толковому чтенію, письму и ариметикѣ, но также приобрѣсти, съ помощью чтенія и наблюденія подъ руководствомъ учителя, болѣе пригодныя для жизни свѣдѣнія, а главное развить въ себѣ склонность и нѣкоторый навыкъ къ дальнѣйшимъ самостоятельнымъ занятіямъ. Чтобы постоянная школа могла съ успѣхомъ пройти въ 1½ года трехгодичный курсъ, въ ней должно быть не болѣе двухъ отдѣленій, если нельзя имѣть помощника учителя для младшаго отдѣленія, гдѣ

школьники-первогодки требуютъ болѣе наблюденія и помощи. Такъ какъ временная школа въ волости составляетъ особое младшее отдѣленіе для постоянной волостной школы, то число желающихъ поступить въ послѣднюю изъ отдаленныхъ мѣстъ естественно должно увеличиться; а потому при нѣкоторыхъ постоянныхъ школахъ необходимо устройство дѣтскихъ ночлежныхъ или школьныхъ пріютовъ съ такимъ недорогимъ приваркомъ, чтобы содержаніе мальчика обходилось не дороже чѣмъ дома; бѣдные же школьники и сироты должны пользоваться приваркомъ бесплатно. Эти школьные пріюты, оберегая дѣтей отъ стужи и мятели, особенно необходимы тамъ, гдѣ населеніе болѣе разбросано и бѣдно. Содержаніе такого пріюта можетъ обойдтись въ учебный годъ отъ 150 до 200 руб. По неизвѣстнѣ мѣстныхъ средствъ, такихъ пріютовъ почти нѣтъ въ уѣздѣ; вся надежда для ихъ устройства должна быть обращена на частныя лица и общества, которыя оказали бы большую услугу, еслибъ пожертвовали на устройство школьныхъ пріютовъ нужные капиталы.

Кромѣ постоянныхъ волостныхъ и сельскихъ временныхъ школъ, необходимы въ уѣздѣ двухклассныя училища съ пятилѣтнимъ курсомъ въ двухъ или трехъ болѣе населенныхъ центрахъ уѣзда. Во вторые классы этихъ училищъ могутъ поступать желающіе изъ окончившихъ курсъ въ постоянныхъ волостныхъ школахъ. Въ этихъ классахъ съ пользою могутъ быть сообщаемы ученикамъ практическія свѣдѣнія изъ естествовѣдѣнія, отечествовѣдѣнія (объ уѣздѣ и губерніи) и упражненія въ черченіи. Въ такихъ двухклассныхъ училищахъ, въ видахъ экономіи, можно устроить и сельско-хозяйственныя и ремесленныя отдѣленія; здѣсь еще болѣе чѣмъ въ волостныхъ школахъ необходима библиотека и собраніе наглядныхъ учебныхъ пособій.

Затѣмъ председателемъ съѣзда были выяснены и другія двѣ системы подвижной или временной школы по проектамъ гг. Бунакова и Студитскаго, статьи которыхъ объ этомъ предметѣ были прочитаны нѣкоторыми учителями и учительницами во время съѣзда, на дому.

Обсудивъ всѣ три системы подвижной школы, съѣздъ нашелъ болѣе удобнымъ и возможнымъ устройство временной школы по мысли председателя съ годичнымъ курсомъ и съ обязательными воскресными или вечерними занятіями для взрослыхъ, увеличивъ нѣсколько курсъ этой временной школы противъ курса младшаго отдѣленія постоянной школы, а именно: изученіемъ нумераціи и изображенія чиселъ любой величины и обученіемъ церковно-славянскому чтенію. Съѣздъ призналъ также необходимымъ, чтобы учебный годъ временной школы продол-

жался по крайней мѣрѣ съ 1-го сентября до 15-го мая, и чтобы у каждаго учителя непременно были для всѣхъ учениковъ Евангеліе на русскомъ и славянскомъ языкахъ, молитвословъ и Родное Слово годъ 1-й и 2-й, а для самого учителя—подвижная азбука Паульсона, ариометическій задачникъ Евтушевскаго и объясненіе молитвъ и заповѣдей Соколова; кромѣ того, для обученія взрослыхъ—нѣсколько экземпляровъ книги для чтенія Водовозова и Дѣтскаго Мира Ушинскаго.

Далѣе, на обсужденіе съѣзда было предложено слѣдующее:

Одною изъ главныхъ и общихъ причинъ неуспѣха сельской школы должно считать недостатокъ учебнаго времени и неаккуратное посѣщеніе школы учащимися; многія школы начинаютъ ученіе съ 15-го сентября и даже съ 1-го октября и оканчиваютъ къ 1-му или много 15-му апрѣля, не считая усиленнаго приготовленія къ экзаменамъ на льготу по воинской повинности, стало быть, занимаются всего 6—7 мѣсяцевъ въ годъ. Если же откинуть всѣ праздники, то останется всего 4 мѣсяца, то-есть, 120—130 дней. Увлеченіе учителей и учительницъ усиленнымъ приготовленіемъ учениковъ къ экзаменамъ на льготу по воинской повинности и желаніемъ показать скорѣе успѣхи школы изученіемъ въ ней грамматики и даже исторіи, окончательно отнимаетъ отъ школы ея дорогое время.

Второю общею причиною неудовлетворительности школы слѣдуетъ считать установившееся въ ней раздѣленіе класса на три отдѣленія: младшее (1-й годъ ученія), среднее (2-й годъ) и старшее (3-й годъ). Всѣ три отдѣленія поручаются одному учителю, что значительно увеличиваетъ трудность преподаванія и дѣлаетъ возможнымъ успѣхъ школьнаго дѣла только при болѣе способномъ учителѣ. Но такихъ учителей приходится одинъ на двадцать неспособныхъ, и потому естественно, что занятія съ тремя отдѣленіями, при недостаткѣ учебнаго времени, составляютъ главную причину безуспѣшности преподаванія, не смотря иногда на всѣ усилія учителя вести дѣло какъ слѣдуетъ. При неодинаковыхъ познаніи и развитіи учащихся каждаго отдѣленія, учитель по необходимости долженъ заниматься съ каждымъ отдѣленіемъ порознь, предоставляя другимъ двумъ отдѣленіямъ работать самостоятельно. Но самостоятельныя работы, заключающіяся въ чтеніи, письмѣ буквъ и цифръ и рѣшеніи задачъ, могутъ быть полезны при умѣнны взятыя за нихъ и при просмотрѣ и поправкѣ ихъ учителемъ, что физически для него невозможно. Кромѣ того, дѣти 7—9 лѣтъ при продолжительныхъ однообразныхъ рабо-

тахъ утомляются, начинаютъ разговаривать между собою, шалить, мѣшая другъ другу заниматься. Словомъ, самостоятельныя работы не могутъ привести къ той желаемой цѣли, какую ожидаетъ отъ нихъ педагогика, а между тѣмъ при трехъ отдѣленіяхъ въ школѣ онѣ неизбѣжны. Обыкновенно въ первое полугодіе учитель почти забываетъ и среднее и старшее отдѣленія для младшаго, гдѣ усиленно занимается съ вновь поступившими, чуть не малютками. Во второе полугодіе, въ виду приближенія экзаменовъ на выпускъ или вѣрнѣе на льготу по воинской повинности, въ виду скораго прибытія члена училищнаго совѣта и оцѣнки имъ школы по числу приготовленныхъ на льготу учениковъ, учитель усиленно занимается со старшимъ отдѣленіемъ и почти забываетъ младшее и среднее отдѣленія. При этомъ больше другихъ страдаетъ среднее отдѣленіе: въ первое полугодіе оно было забыто для младшаго, во второе для старшаго. При трехъ настоящихъ отдѣленіяхъ и при одномъ учителѣ школа не въ состояніи исполнить всю свою задачу какъ слѣдуетъ, то-есть, не только обучить грамотѣ, но развить въ учащихся охоту и умѣнье пользоваться книгою. Для найма отдѣльнаго учителя для младшаго отдѣленія или помощника у школы нѣтъ средствъ. А потому остается только устроить школу такъ, чтобы у ней были два отдѣленія при трехгодичномъ курсѣ, а это возможно лишь при условіи, чтобы въ три года курса одинъ разъ не было вовсе приѣма и выпуска учащихся: въ 1-й годъ, напимѣръ, будутъ среднее и старшее отдѣленія, во 2-й годъ будутъ только младшее и старшее, и въ 3-й—младшее и среднее, затѣмъ снова: среднее и старшее и т.д.

Послѣ довольно продолжительнаго обсужденія этого вопроса и тѣхъ случаевъ неудовольствія крестьянъ, какіе могутъ произойти въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и школахъ вслѣдствіе отказа въ приѣмѣ учащихся въ одномъ изъ трехъ учебныхъ годовъ, съѣздъ нашелъ возможнымъ вводить, по соглашенію съ крестьянами, съ наступающаго же учебнаго года, новую постановку школьнаго дѣла, то-есть, не принимать въ нѣкоторыхъ школахъ новыхъ учениковъ, не составляя младшаго отдѣленія, а оставаться только со среднимъ и старшимъ.

Лужскій уѣздный училищный совѣтъ вполне одобрилъ эту новую мѣру и постановилъ вводить ее постепенно во всѣхъ школахъ съ настоящаго учебнаго года.

Согласно постановленію училищнаго совѣта, объ устройствѣ при Лужскомъ городскомъ училищѣ музея, состоящаго изъ школьныхъ работъ и предметовъ сельскаго хозяйства, съѣздъ призналъ эту мѣру

весьма полезно какъ для учителей, такъ и для учащихся, и опредѣлилъ, что уѣздный училищный музей долженъ состоять изъ четырехъ отдѣловъ, а именно: 1) библіотека преимущественно изъ педагогическихъ и другихъ научнаго содержанія книгъ; 2) собраніе наглядныхъ учебныхъ пособій, картъ, картинъ, таблицъ, физическихъ приборовъ, инструментовъ, разныхъ коллекцій техническихъ производствъ и предметовъ естествовѣдѣнія и разныхъ классныхъ принадлежностей; 3) собраніе разныхъ работъ учительскихъ и ученическихъ, и 4) собраніе предметовъ всѣхъ производствъ мѣстнаго сельскаго хозяйства и промышленности.

Съѣзду были предложены на разсмотрѣніе составленныя инспекторомъ народныхъ училищъ программы и приемы преподаванія предметовъ, заключающіеся приблизительно въ слѣдующемъ:

Преподаваніе закона Божія имѣетъ цѣлью воспитать дѣтей въ христіанской благочестивой жизни, по закону православной церкви. Весь характеръ преподаванія долженъ быть направленъ именно къ этой воспитательной цѣли. Первымъ, самымъ естественнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ для развитія благочестія въ дѣтяхъ служитъ молитва. Но чтобы молитва имѣла истинно-религіозное и нравственно-воспитательное значеніе, она должна проникнуть въ сердце ребенка, а для этого нужно, чтобы молитва была ясно, сознательно понята ребенкомъ, и не только выучена, но и прочувствована; она должна состоять изъ такихъ прошеній, которыя доступны его возрасту, и изъ такихъ благодареній, которыхъ не можетъ не чувствовать его сердце. Иначе дитя будетъ знать молитвы, но не будетъ чувствовать ни расположенія, ни искренней потребности молиться. Каждой новой молитвѣ должна предшествовать бесѣда съ дѣтьми о содержаніи ея, такъ чтобы она выдѣлилась какъ результатъ этой бесѣды; она должна быть сказана по русски, а уже потомъ на церковно-славянскомъ языкѣ; учить ее дѣти должны въ классѣ со словъ законоучителя. По окончаніи урока, законоучитель читаетъ самъ эту молитву, чтобы показать дѣтямъ, какъ должно молиться; одни наставленія не научатъ этому.

Начальному обученію грамотѣ должны предшествовать приготовительныя занятія съ дѣтьми, съ цѣлью ознакомить ихъ съ школьною обстановкой и подготовить ихъ къ класснымъ занятіямъ съ учителемъ. На обязанности учителя въ этомъ дѣлѣ лежитъ: ознакомиться съ именами учениковъ и индивидуальными особенностями, имѣющими какое-либо отношеніе къ школьнымъ занятіямъ; приучить дѣтей къ

классной дисциплинѣ, къ внимательному выслушиванію вопросовъ учителя въ классной бесѣдѣ, къ даванію отвѣтовъ на эти вопросы, и къ разсматриванію предметовъ; заинтересовать учащихся образцовымъ чтеніемъ легкихъ и интересныхъ по своему содержанию разказовъ; объяснить въ бесѣдѣ прочитанный разказъ. Далѣе ведутся съ учениками бесѣды по поводу разсматриваемыхъ ими картинокъ, и чтеніе по картинкамъ; дѣлаются начальныя упражненія для развитія руки; предпринимаются экскурсіи съ цѣлью лучшаго и скорѣйшаго ознакомленія съ способностями и наклонностями дѣтей. Обучение грамотѣ производится по звуковому способу одновременно чтенію и письму; оно должно идти съ самаго перваго урока путемъ чтенія словъ и фразъ, а не изученіемъ отдѣльныхъ звуковъ гласныхъ или согласныхъ. Вообще для первоначальнаго чтенія, въ избѣжаніе продолжительныхъ объясненій, слѣдуетъ избѣгать незнакомыхъ и непонятныхъ словъ и выраженій и ограничиваться названіями предметовъ въ школьной и сельской окружающей жизни. Учителю весьма полезно заблаговременно сдѣлать тщательный подборъ словъ и выраженій, вполне доступныхъ для учениковъ при обученіи ихъ грамотѣ и удовлетворяющихъ требованіямъ постепеннаго изученія звуковъ рѣчи.

Съ изученіемъ всѣхъ звуковъ словъ и съ приобрѣтеніемъ уже въ котораго навыка въ механизмѣ и сознательности чтенія, объяснительное чтеніе въ школѣ начинается преслѣдовать новую цѣль — сообщеніе ученикамъ разнообразныхъ практическихъ свѣдѣній. Отсюда и самое чтеніе дѣлится по матеріалу читаемаго на два рода: чтеніе легкихъ, преимущественно поэтическихъ статей и чтеніе дѣловыхъ статей. Въ первомъ преобладаетъ самое чтеніе, сознательное и выразительное; во второмъ — бесѣды о предметѣ читаемаго. И то и другое въ сельской школѣ должно имѣть въ виду одну и ту же задачу: помочь ученикамъ приобрѣсти возможность пользоваться книгой, какъ средствомъ для самообразованія и развитіе въ нихъ охоту къ чтенію. Поэтому чтеніе дѣловыхъ статей должно прежде всего вести учащихся къ убѣжденію, что книга можетъ давать практическія свѣдѣнія и что разумное чтеніе необходимо для всякаго.

Только чтеніе со смысломъ или сознательное даетъ возможность ученику понимать и усваивать содержаніе читаемаго. Съ самыхъ первыхъ уроковъ обученія грамотѣ, когда чтеніе особенно затрудняетъ ученика, заставляя его напрягать все вниманіе на изученіе буквъ, на удачное произношеніе звуковъ и главное на сочетаніе звуковъ, и тогда необходимо при каждомъ словѣ вызывать въ умѣ ученика, при

помощи вопросовъ, представленіе предмета, обозначеннаго словомъ, и постепенно приучать его къ сознательному чтенію. Послѣ, когда ученикъ пріобрѣтетъ уже нѣкоторый навыкъ, можно значительно усилить дѣйствіе объяснительнаго чтенія и посредствомъ разбора читаемаго и наводящихъ вопросовъ доводить его до полнаго всесторонняго пониманія и усвоенія читаемаго какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ; но при этомъ не должно быть слишкомъ подробнаго разбора каждаго слова и каждой отдѣльной мысли читаемаго, а необходимо останавливаться на общей связи между ними. Особенно кратки должны быть разборы при объяснительномъ чтеніи въ первый годъ ученія: достаточно, если ученики на столько освоились съ содержаніемъ читаемаго, что могутъ пересказать его сначала въ короткихъ отвѣтахъ на вопросы учителя, а потомъ и безъ вопросовъ, болѣе или менѣе связною цѣлою рѣчью. Поэтому каждый урокъ объяснительнаго чтенія долженъ дѣлиться на четыре части: 1) предварительное ознакомленіе учениковъ со статьею въ общемъ ея очеркѣ, дѣлаемомъ учителемъ, посредствомъ чтенія или разказа; 2) разборъ статьи по частямъ; 3) повторительное и выразительное чтеніе, и 4) устная передача учениками прочитаннаго. Словомъ, ученики должны сначала обращать вниманіе на цѣлое, затѣмъ на части и наконецъ, снова возвращаться къ цѣлому. Прочитанные и объясненные такимъ образомъ короткіе разказы слѣдуетъ заучивать наизусть для развитія памяти и для упражненія въ произношеніи и писаніи наизусть.

При преподаваніи ариметики необходимо имѣть въ виду слѣдующія общія указанія опыта: встрѣчается не мало учащихся, которые не терпятъ ариметики, — такъ она имъ надобла, благодаря постояннымъ однообразнымъ упражненіямъ надъ числами, надъ рѣшеніемъ однообразныхъ и часто вовсе не интересныхъ задачъ. Такое отвращеніе къ ариметикѣ въ нѣкоторыхъ учащихся, конечно, прежде всего происходитъ отъ неумѣлости преподавателя, или отъ его личнаго отношенія къ этому предмету, или же отъ положенія самой школы. При трехъ отдѣленіяхъ большая часть учителей бываетъ рада ухватиться для поддержанія школьной дисциплины за численные примѣры задачника, за безконечное писаніе чиселъ и за рѣшеніе задачъ, чтобы дать работу ученикамъ на цѣлый часъ, пока самъ учитель займется съ другими, которые въ свою очередь только что избавились отъ такой же скучной работы и уже съ нетерпѣніемъ ждутъ живаго слова. Первые дѣтскія впечатлѣнія всегда бываютъ сильны и долговѣчны, — и потому занятія ариметикою слѣдуетъ вести умѣло

и съ большою осторожностью. Въ сельской школѣ обученіе это всегда должно идти путемъ рѣшенія задачъ, и вначалѣ необходимо избѣгать задачъ неинтересныхъ и непонятныхъ для дѣтей по своему содержанію, задачъ съ голыми цифрами, преобладавшими въ старыхъ школахъ при упражненіи въ первыхъ четырехъ дѣйствіяхъ арифметики. Интересная для ребенка задача скорѣе вызываетъ въ немъ усиліе къ ея рѣшенію, и потому учитель долженъ придумывать задачи изъ мѣстной сельской жизни, представляющей обиліемъ и вполне доступный понятіямъ крестьянскаго мальчика матеріалъ. Желательно, чтобы учителя занялись составленіемъ таковыхъ задачъ и представили бы свои труды слѣдующему съѣзду для повѣрки и оцѣнки ихъ общими силами и для составленія общаго мѣстнаго задачника. Приобрѣтеніе такого задачника было бы большимъ счастьемъ для малоопытныхъ учителей, въ виду положительныхъ требованій сельской школы—не терять много времени на опыты, ошибки и сомнѣнія во время преподаванія.

Начальная сельская школа должна дать учащимся знанія и навыки, необходимые для дальнѣйшаго ихъ обученія или саморазвитія; Отсюда является необходимость въ классной бесѣдѣ о предметахъ и явленіяхъ окружающей сельской жизни, наглядныхъ упражненій въ ихъ распознаваніи. Съ этою цѣлью производятся въ классѣ возможные и простые опыты, или же устраивается научная прогулка, экскурсія. Чтобы эти прогулки могли быть болѣе продолжительными, чѣмъ часть времени, класснымъ бесѣдамъ необходимо отводить послѣдніе часы занятій въ школѣ. Желательно, чтобы учителя и учительницы приготовили къ слѣдующему съѣзду матеріалы объ организаціи какъ классныхъ бесѣдъ, такъ и экскурсій. Особенно интересны свѣдѣнія о предметахъ, которые могутъ быть приобрѣтены школою для классныхъ бесѣдъ собственными средствами, то-есть самими учителями и учащимися изъ мѣстной жизни и окружающей природы, и какіе предметы и физическія явленія могутъ чаще всего встрѣчаться учащимся на экскурсіяхъ въ окружающей школу мѣстности, на разстояніи 5, 6 верстъ.

Занятія черченіемъ и рисованіемъ въ сельской школѣ могутъ принести много пользы, развивая въ дѣтяхъ навыкъ внимательно разглядывать и анализировать рисуемые предметы, не говоря уже о томъ, что эти занятія имѣютъ и воспитательное значеніе: они развиваютъ въ дѣтяхъ способность глазомѣра и нерѣдко доставляютъ имъ самое пріятное времяпровожденіе. Кромѣ того нѣкоторый навыкъ

въ черченіи и рисованіи всегда пригодится крестьянину въ его сельскохозяйственной и ремесленной жизни и въ случаѣ продолженія ученья въ высшихъ по курсу или въ техническихъ училищахъ. Но курсъ этотъ въ сельской школѣ долженъ быть упрощенъ и ограниченъ. Такъ, занятія ими, начинаясь упражненіями для развитія руки и глазомѣра, черченіемъ простыхъ фигуръ по транспаранту и клѣткамъ, должны окончатся черченіемъ плановъ и рисованіемъ безъ помощи сѣтки простыхъ предметовъ съ натуры.

Начальная сельская школа, имѣющая дѣло съ дѣтьми отъ 7 до 12 лѣтнаго возраста, обязана не только обучить ихъ чтенію, письму и ариметикѣ, но и заботиться о томъ, чтобы не повредить правильному воспитанію вѣранныхъ ей дѣтей, правильному развитію ихъ чувствъ и вообще ихъ здоровью. Для развитія въ дѣтяхъ религіозно-нравственнаго чувства школа должна воспользоваться обученіемъ ихъ закону Божію, какъ главнымъ предметомъ воспитательной ея части. Послѣ же закона Божія можетъ имѣть большое вліяніе въ воспитательную часть школы — пѣніе. При тѣхъ весьма усиленныхъ и однообразныхъ занятіяхъ, какими почти постоянно отличается сельская школа вслѣдствіе большаго недостатка времени, занятія пѣніемъ являются въ ней вполне спасительнымъ средствомъ. Пѣніе оживляетъ дѣтей и вмѣстѣ съ тѣмъ вліяетъ на развитіе въ нихъ слуха и голоса, чувства согласія и мѣры, содѣйствуетъ смягченію ихъ характера, уничтоженію грубыхъ инстинктовъ, столь свойственныхъ неразвитой средѣ. Но въ сельской школѣ при ея скудныхъ средствахъ и недостаткѣ времени, занятія пѣніемъ, къ сожалѣнію, не могутъ быть обширны; они не могутъ идти въ ущербъ другимъ занятіямъ. И потому приходится удѣлить на обученіе пѣнію только одинъ особый урокъ, съ тѣмъ чтобы, какъ сказано было выше, учитель ежедневно пользовался пѣніемъ при удобныхъ случаяхъ. Къ сожалѣнію, большая часть учителей и въ особенности учительницъ не могутъ обучать пѣнію, и потому необходимо назначить для такихъ школъ какъ временную мѣру, вмѣсто занятій пѣніемъ, особый урокъ хороваго чтенія.

Также весьма серьезное значеніе имѣютъ для сельской школы нѣкоторыя гимнастическія упражненія, особенно тамъ, гдѣ нѣтъ ни обученія ремесламъ, ни пѣнія, ни дѣтскихъ подвижныхъ игръ. Необходимо ввести ихъ, назначивъ для этого одинъ часъ въ недѣлю. Но нѣкоторые движенія руками и ногами могутъ быть исполняемы учениками и во время каждой урока въ теченіе 5 или 10 минутъ, или во

время перемиръ, если погода на столько дурна, что нельзя выпустить учениковъ на дворъ или на улицу побѣгать и заняться подвижными играми. Средства школы, недостатокъ времени, неудобные классные столы представляютъ часто серьезныя препятствія къ веденію въ школѣ гимнастическихъ упражненій въ болѣе широкомъ размѣрѣ. Вотъ почему, между прочимъ, и найдено необходимымъ, чтобы урокъ всѣхъ вообще предметовъ продолжался не болѣе $\frac{1}{4}$ часа, и чтобы послѣ каждаго урока $\frac{1}{4}$ часа употреблялись на отдыхъ въ видахъ устраненія вреднаго вліянія школы на здоровье и физическое развитіе дѣтей.

Планъ занятій школы составляется по задачѣ, которую школа преслѣдуетъ, къ чему она стремится, чего должна достигнуть; но зависитъ это и отъ другихъ условій, а именно: отъ времени, которымъ школа располагаетъ, отъ матеріальныхъ средствъ и отъ педагогическихъ соображеній. Времени у сельской школы весьма немного: въ 3 года курса всего 360 — 390 дней. Въ короткіе темные дни, а также вслѣдствіе плохого помѣщенія, недостаточности средствъ на освѣщеніе, нельзя начинать занятія рано утромъ и кончать ихъ поздно вечеромъ. Съ такимъ короткимъ курсомъ, съ такимъ значительнымъ числомъ учебныхъ часовъ, все-таки необходимо назначить возможно большее число часовъ въ день для того, чтобы успѣть пройти то, что надо. Самое большее число уроковъ 6; но для учениковъ 7—9 лѣтъ, при хорошемъ преподаваніи и распредѣленіи занятій, весьма утомительно проработать въ душной и тѣсной комнатѣ 6 часовъ, а потому необходимо впервыхъ, назначать для младшаго отдѣленія, для первогодковъ, только 30 уроковъ въ недѣлю или 5 уроковъ въ день отъ 9 до 3 часовъ, а для учениковъ средняго и старшаго отдѣленій по 36 уроковъ въ недѣлю, то-есть ежедневно отъ 9 до 4 часовъ; затѣмъ, чтобы каждый урокъ у тѣхъ и у другихъ продолжался не болѣе $\frac{3}{4}$ часа, и между ними промежутокъ для отдыха, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, и „порасправить косточки“, какъ говорятъ сами дѣти, не менѣе $\frac{1}{4}$ часа, а послѣ трехъ часовъ занятій — одинъ большой промежутокъ, не менѣе одного часа съ четвертью для обѣда и отдыха.

По недостатку матеріальныхъ средствъ, сельская школа можетъ имѣть для своихъ двухъ классовъ или отдѣленій только одного учителя. Отсюда вытекаетъ необходимость согласовать распредѣленіе занятій въ одномъ классѣ съ таковымъ же въ другомъ: занятія одного класса не должны мѣшать занятіямъ другаго, такъ какъ оба они на-

ходятся въ одной комнатѣ. Наконецъ, для составленія росписанія уроковъ необходимо имѣть въ виду и педагогическія соображенія, требующія, чтобы трудные предметы раздѣлялись между собою болѣе легкими и занимательными для дѣтей, съ промежуточными занятіями, какъ сказано было выше, пѣніемъ и гимнастикой.

По выслушаніи вышеизложенныхъ программы и приѣмовъ преподаванія въ сельской школѣ, составленныхъ инспекторомъ училищъ, съѣздъ пришелъ къ полному соглашенію по всѣмъ затронутымъ вопросамъ.

Въ продолженіе съѣзда дано было всего девять образцовыхъ и пробныхъ уроковъ. Уроки эти давались по собственному желанію 8-ю учителями по утрамъ ученикамъ городского училища 1-го, 2-го и 3-го курса, но при двухъ отдѣленіяхъ. Болѣе удовлетворяющими педагогическимъ требованіямъ и условіямъ сельской школы были признаны съѣздомъ слѣдующіе уроки по порядку ихъ достоинства: урокъ чтенія и письма учителя Верховскаго (изъ воспитанниковъ С.-Петербургской земской учительской семинаріи), отличавшійся особенно выдержкой школьной дисциплины; урокъ классной бесѣды учителя Малейна, имѣвшій цѣлью ознакомленіе учащихся съ занятіями въ школѣ; уроки: ариметики—учителя Кузьмы Иванова, бесѣды изъ грамматики — учителя Сидорова и пѣнія—учителя Кузьмина. Также весьма полезны были для съѣзда и уроки остальныхъ трехъ учителей: Яснецкаго—о словѣ и звукѣ, Петра Иванова — чтеніе дѣловой статьи „Стулъ и столъ“, и урокъ гимнастики Смородина; послѣдній— въ отрицательномъ отношеніи.

При обсужденіи вопроса о школьной жизни и о школьной дисциплинѣ председателемъ съѣзда выяснены были двѣ системы практикующіяся въ школахъ для поддержанія въ нихъ порядка: въ одной все основано и держится на страхѣ, въ другой—на любви и уваженіи къ учителю. Разумная дисциплина и порядокъ имѣютъ сильное вліяніе на дѣтей; правила школы должны исполняться дѣтьми, какъ законъ, нарушеніе котораго не должно проходить безъ взысканія. Для болѣе вѣрнаго достиженія этой цѣли учителямъ и учительницамъ предложено было разработать къ будущему съѣзду слѣдующіе вопросы: 1) какіе порядки и мѣры взысканія и поощренія принимались и принимаются учителями и учительницами? 2) какія необходимо и возможно установить правила для учащихся и учащихся съ цѣлью развитія школьной дисциплины и порядка? 3) какія мѣры взысканія съ учащихся возможны за нарушеніе правилъ школы? и 4) полезны

ли въ школьной жизни мѣры поощренія, и если полезны, то какія именно?

Предложеніе это было принято сочувственно съѣздомъ, который постановилъ къ будущему своему собранію доставить необходимые матеріалы по этимъ вопросамъ.

Послѣ вечернихъ занятій во все продолженіе съѣзда учитель 3-го класса городского училища А. Малининъ производилъ весьма удачно физическіе опыты, соединенные съ объяснительною бесѣдой — рядъ опытовъ надъ воздухомъ, съ воздушнымъ насосомъ, съ электрическою машиной и туманныя картины.

25-го августа посѣтилъ съѣздъ г. директоръ народныхъ училищъ С. Е. Рождественскій и весьма радушно отнесся къ съѣзду, высказавъ ему свои пожеланія успѣха и подавъ мысль о необходимости разработать вопросъ о подвижныхъ школахъ. Также посѣщали съѣздъ и члены уѣзднаго училищнаго совѣта и уѣздной управы.

26-го августа всѣ учителя и учительницы вмѣстѣ съ председателемъ съѣзда и учениками городского училища были въ соборѣ на панихидѣ по въ Божѣ почившемъ Государѣ Императорѣ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Вышнія спеціальныя учебныя заведенія.

Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой
Александріи въ 1880 году.

Въ институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи состояло къ 1-му января 1881 года слѣдующее число преподавателей: профессоровъ 4, доцентовъ 8, учителей 2. Сверхъ того при институтѣ состояли: управляющій институтскими имѣніями, помощникъ ученаго садовника и 2 лаборанта, а директоръ института читалъ земледѣльческую химію и завѣдывалъ земледѣльческою лабораторією. Вакантными были должности: профессора общей и аналитической химіи, доцента по каедрѣ строительнаго искусства, учителя рисованія и черченія и ученаго садовника; изъ нихъ должность учителя черченія и рисованія поручена одному изъ профессоровъ института.

Ходъ преподаванія и практическихъ занятій учащихся происходили въ слѣдующемъ видѣ: зоологія читалась для студентовъ 1-го курса въ объемѣ, опредѣленномъ программю, утвержденною совѣтомъ института; практическія занятія, происходившія въ теченіе мая, состояли въ ознакомленіи учащихся съ важнѣйшими представителями мѣстной фауны. Физиологія животныхъ читалась для 2-го курса сельско-хозяйственнаго отдѣленія по два часа въ теченіе всего года, причемъ преподаватель успѣлъ изложить только отдѣлы о питаніи, животномъ
часть ссхvii, отд. 4.

теплѣ и движеніи, вслѣдствіе недостаточности времени; по этой же причинѣ и по недостатку необходимыхъ приспособленій не могли быть производимы желательныя упражненія студентовъ въ физиологическихъ работахъ. Ботаника общая и физиологія растений преподавались на первомъ курсѣ: изложены были анатомія и общая морфологія, а также систематика и частная морфологія явнобратныхъ и физиологія растений; преподаваніе сопровождалось демонстраціями и опытами, а въ маѣ—экскурсіями для изученія мѣстной флоры. Минералогія (два часа на 1-мъ курсѣ) и геогнозія (два часа на 2-мъ курсѣ) читались безъ всякихъ измѣненій въ программахъ; практическія упражненія въ кристаллографіи и филографіи минераловъ производились учащимися самостоятельно въ теченіе всего учебнаго времени, въ концѣ же года—подъ руководствомъ профессора. Физика и метеорологія съ климатологіей излагались по 4 часа на 1-мъ курсѣ, причемъ, за недостаткомъ времени, не былъ оконченъ одинъ отдѣлъ физики—о гальанизмѣ; практическія занятія студентовъ не имѣли обязательнаго характера и состояли въ упражненіяхъ въ опредѣленіи удѣльнаго вѣса, въ употребленіи волюменометра, спектроскопа и салометра. По геодезій и нивелировкѣ, которыя преподавались два часа на 1-мъ курсѣ, практическія занятія студентовъ состояли въ групповыхъ упражненіяхъ въ простѣйшихъ геодезическихъ операціяхъ, которыя производились въ сентябрѣ и маѣ для сбора данныхъ, необходимыхъ для упражненія въ рисованіи и черченіи. По земледѣльческой механикѣ, преподаваемой 2 часа на 2-мъ курсѣ сельско-хозяйственнаго отдѣленія, практическія занятія состояли въ разборкѣ и складкѣ земледѣльческихъ орудій и машинъ и опредѣленіи ихъ сопротивленія посредствомъ динамометровъ, а также въ ознакомленіи съ дѣйствіемъ паровой машины, находящейся въ институтскихъ мастерскихъ. Общая химія читалась безъ измѣненій въ объемѣ и программахъ преподаванія, причемъ существеннымъ дополненіемъ курсовъ являлись самостоятельныя занятія студентовъ младшихъ двухъ курсовъ въ химической лабораторіи по качественному и количественному анализу. Преподаваніе земледѣльческой химіи сохранило прежній характеръ ученія о движеніи вещества въ связи съ химическими данными, важными для культуры растений и животныхъ; практическія занятія производились по плану, одобренному совѣтомъ; успѣшность занятій въ зависимости отъ сихъ условій признана удовлетворительною. Сельско-хозяйственная и лѣсная технологія читались на 3-мъ курсѣ совмѣстно для обоихъ отдѣленій; въ общемъ курсѣ изложены

были: технологія воды, строительныхъ и горючихъ матеріаловъ, въ спеціальныхъ курсахъ — важнѣйшія производства, имѣющія тѣсную связь съ сельскимъ хозяйствомъ или лѣсоводствомъ. Лекціи сопровождались особыми демонстраціями продуктовъ и способовъ ихъ изслѣдованія; въ концѣ же учебнаго года, подъ руководствомъ преподавателя, была произведена экскурсія въ институтское имѣніе для осмотра пивовареннаго завода и мельницы. Сельское строительное искусство преподавалось 4 часа въ 1-мъ и 2 — во 2-мъ полугодіи по одобреннымъ совѣтомъ программамъ; во второмъ полугодіи студенты упражнялись въ составленіи проектовъ различныхъ построекъ по даннымъ программамъ. Политическая экономія, статистика и законовѣдѣніе преподавались: первая—четыре часа на 2-мъ курсѣ, вторая—столько же часовъ на томъ же курсѣ, законовѣдѣніе—два часа на 3-мъ курсѣ, при чемъ прочтены были: изъ политической экономіи—производство, распредѣленіе и потребление; изъ статистики — теорія статистики, популяціонистика и экономика или хозяйственная статистика; изъ законовѣдѣнія — законы поземельной собственности, общія постановленія, направленныя къ развитію сельскаго хозяйства, и постановленія, относящіяся къ отдѣльнымъ видамъ послѣдняго. Въ теченіе года было произведено нѣсколько повторительныхъ бесѣдъ по политической экономіи и законовѣдѣнію. Русскій языкъ и словесность преподавались на всѣхъ трехъ курсахъ, причемъ объемъ и программы словесности не измѣнялись существенно; по русскому же языку признано полезнымъ значительно усилить практическія занятія на 3-мъ курсѣ, съ каковою цѣлію были назначены особые часы для упражненія студентовъ въ различнаго рода письменныхъ работахъ. По отзыву преподавателя, студенты занимались усердно этими работами и извлекли изъ нихъ несомнѣнную пользу. Нѣмецкій языкъ преподавался на всѣхъ трехъ курсахъ. Успѣхи въ этомъ языкѣ обусловливались не столько преподаваніемъ въ институтѣ, сколько предварительной подготовкой слушателей. Поэтому и цѣль преподаванія—подготовка студентовъ къ свободному пользованію нѣмецкой спеціальной литературою не достигалась въ желательной степени. Земледѣліе читалось для 2-го курса и сельско-хозяйственнаго отдѣленія 3-го курса безъ существенныхъ измѣненій въ программахъ предъидущаго года. Практическія занятія студентовъ состояли въ изученіи институтскаго хозяйства въ имѣніи Пожогѣ. Почвовѣдѣніе читалось для студентовъ 2-го курса по одобреннымъ въ прошломъ году программамъ. Практическія занятія 2-го курса происходили въ земледѣльческой лабо-

раторіи; въ теченіе всего учебнаго времени занимались 51 студентъ, въ томъ числѣ 19 студентовъ лѣснаго отдѣленія необязательно. Скотоводство, общее и частное, излагалось для студентовъ 2-го и 3-го курсовъ сельско-хозяйственнаго отдѣленія; въ 1880 году оказалось возможнымъ расширить въ курсѣ общаго скотоводства отдѣлъ о гигиенѣ. Сельско-хозяйственная экономія читалась на 3-мъ курсѣ для сельско-хозяйственнаго отдѣленія по одобренной программѣ. Лекціи по земледѣлю, скотоводству и сельско-хозяйственной экономіи сопровождались практическими занятіями студентовъ въ теченіе года и въ вакаціонное время. Такъ, студенты 2-го курса, подъ руководствомъ преподавателя, знакомились съ хозяйствомъ опытной фермы, для чего ими были производимы экскурсіи, въ коихъ изучались фермскій полевой инвентарь, культуры на поляхъ институтскихъ имѣній, инвентарь фермскаго скотоводства и помѣщенія для скота. По этимъ экскурсіямъ студентами представлялись весьма обстоятельные отчеты, найденные преподавателями вообще удовлетворительными. Тѣ же студенты, въ концѣ учебнаго года, занимались рѣшеніемъ письменныхъ задачъ по составленію кормовыхъ нормъ. Студенты 3-го курса въ теченіе всего года имѣли практическія занятія по частному скотоводству и сельско-хозяйственной экономіи, отчасти на фермѣ, главнымъ же образомъ въ аудиторіяхъ, зоотехническомъ кабинетѣ и земледѣльческой лабораторіи. Въ послѣдней они занимались анализомъ молока, причѣмъ преподаватель употребилъ особый, придуманный имъ для сей цѣли аппаратъ. Въ весеннемъ семестрѣ тѣ же студенты знакомились на опытной фермѣ съ двойною бухгалтеріей, съ устройствомъ птичника и овоскопированіемъ яицъ и производили экспертизу отдѣльныхъ штукъ изъ фермскаго скота по методу преподавателя. Экспертиза состояла въ балловой оцѣнкѣ самими студентами различныхъ качествъ скота, опредѣляющихъ его цѣнность, а именно: продуктивности, породистости, развитія и выдержки. Результаты всѣхъ этихъ занятій и отчеты по онымъ признаны преподавателемъ удовлетворительными. Въ первой половинѣ вакаціоннаго времени студенты 3-го курса изучали хозяйство имѣній Конской-Воли и Пожого въ видѣ экскурсій, совершенныхъ по окончаніи экзаменовъ. Въ этихъ экскурсіяхъ студенты, подъ руководствомъ преподавателя, рѣшали отдѣльныя задачи, имѣвшія цѣлю полное описаніе хозяйства Пожоскаго фольварка и всѣхъ отраслей этого хозяйства. Самостоятельныя рѣшенія данныхъ вопросовъ были провѣрены на мѣстѣ преподавателемъ. Тѣ же студенты упражнялись въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ статей

Консковольскаго хозяйства и вообще въ таксаціи всего имѣнія. Въ то же время студенты 3-го курса упражнялись на опытной фермѣ въ работахъ съ жатвенными машинами и различными орудіями для уборки сѣна. Студенты 2-го курса были освобождены отъ участія въ экскурсіяхъ, въ виду недостаточной ихъ подготовки къ самостоятельнымъ занятіямъ, главнѣе же по ихъ многочисленности и недостатку матеріальныхъ средствъ для успѣшнаго веденія подобныхъ занятій. Впрочемъ, имъ предложено было избрать, по указанію преподавателей, вопросы для занятій въ вакаціонное время въ мѣстахъ ихъ пребыванія. Анатомія животныхъ и ветеринарныя науки преподавались: первая—для 1-го курса, послѣднія—на 2-мъ и 3-мъ курсахъ сельскохозяйственнаго отдѣленія, и дополнялись надлежащими демонстраціями, осмотромъ больныхъ животныхъ и упражненіями въ секціяхъ. Лѣсоводство излагалось для лѣснаго отдѣленія: во 2-мъ курсѣ были пройдены лѣсоохраненіе и лѣсовозращеніе, въ 3-мъ — лѣсоупотребленіе, лѣсные законы, лѣсное счетоводство и лѣсная статистика; излагавшій эти предметы преподаватель прочиталъ энциклопедическій курсъ лѣсоводства для 3-го курса сельско-хозяйственнаго отдѣленія. Лѣсная таксація, по прежней программѣ и въ прежнемъ объемѣ, читалась: для 2-го курса лѣснаго отдѣленія—древозимѣреніе, для 3-го курса того же отдѣленія—лѣсоустройство и оцѣнка лѣсовъ съ лѣсной статистивой, а для сельско-хозяйственнаго отдѣленія — сокращенный курсъ лѣсной таксаціи. По лѣснымъ наукамъ успѣшности преподаванія препятствовали: многопредметность чтенія, отсутствіе ассистента, неимѣніе лѣсной дачи и ограниченіе средствъ института на учебныя пособія. По этимъ же причинамъ практическія занятія по лѣсоводству и лѣсной таксаціи ограничились ознакомленіемъ съ работами въ лѣсномъ питомникѣ, состоящемъ при институтѣ, и съ общими лѣсными операціями въ окрестныхъ лѣсныхъ дачахъ; въ концѣ же года студенты 3-го курса, по окончаніи экзаменовъ, произвели, подъ руководствомъ преподавателя, примѣрное устройство лѣснаго участка, выдѣленнаго институтомъ изъ мѣстной рощи для учебныхъ цѣлей; причемъ они, кромѣ межевыхъ работъ въ этомъ участкѣ, составили полный планъ устройства его. Затѣмъ, подъ руководствомъ обоихъ преподавателей лѣсныхъ наукъ, при участіи одного доцента, были произведены двѣ лѣсныя экскурсіи необязательнаго характера, въ коихъ участвовали 15 студентовъ. Одна изъ этихъ экскурсій состоялась въ казенныхъ дачахъ Люблинской губерніи, другая въ казенныхъ лѣсахъ Плоцкой губерніи. Студенты, участвовавшіе

въ этихъ экскурсіяхъ, несмотря на ограниченность имѣвшихся для совершенія ихъ средствъ, приобрѣли много поучительныхъ данныхъ для оцѣнки пріемовъ лѣснаго хозяйства, практикующихся въ Привислянскомъ краѣ. По лѣсной ботаникѣ, излагавшейся для 2-го курса лѣснаго отдѣленія послѣ общаго курса морфологіи и физиологіи лѣсныхъ деревьевъ и кустарниковъ, преподаватель изложилъ подробно и систематическое описаніе важныхъ въ лѣсоводствѣ деревьевъ и кустарниковъ, какъ мѣстныхъ, такъ и акклиматизированныхъ. Въ теченіе мая производились экскурсіи со студентами въ институтскомъ паркѣ, причѣмъ составлялись, по указаніямъ преподавателя, спеціальныя гербаріи. Лѣсная энтомологія, пчеловодство, шелководство и рыбоводство читались: первая — для 2-го курса лѣснаго отдѣленія, послѣднія три — на 3-мъ курсѣ того же отдѣленія. Практическія занятія по энтомологіи велись въ теченіе года въ особые часы отъ лекцій, по остальнымъ же предметамъ занятія имѣли демонстративный характеръ и производились въ институтскихъ пасѣкѣ и шелководнѣ.

Съ цѣлю усилить путемъ постоянного контроля надъ занятіями учащихся ихъ прилежаніе, поднять уровень приобретаемыхъ ими ~~знаній~~ до полного усвоенія курсовъ, и тѣмъ самымъ ослабить развивающуюся самоувѣренность полужнанія и предупредить случайность экзаменовъ, въ 1880 году введены были въ дѣйствіе нѣкоторыя измѣненія въ правилахъ контроля, установленныхъ въ 1876 году. Результаты этихъ новыхъ правилъ обнаружались въ слѣдующемъ: а) полугодичныя репетиціи были назначены для 1-го курса по ботаникѣ, физикѣ и механикѣ, и произведены въ теченіе трехъ дней, съ 3-го по 5-е декабря, для неявившихся (20% общаго числа) въ началѣ января. Участвовали всѣ студенты, кромѣ одного, больного, отвѣты въ общемъ были вполне удовлетворительны; изъ 90 студентовъ одинъ только былъ признанъ неудовлетворительнымъ по всѣмъ тремъ предметамъ, число же неудовлетворительныхъ отвѣтовъ (2) по отдѣльнымъ предметамъ было весьма ограниченное: по ботаникѣ 12, по физикѣ 18, по механикѣ 6; б) контрольныя сочиненія были также представлены студентами всѣхъ курсовъ, и въ общемъ оказались болѣе чѣмъ удовлетворительными. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій студентовъ 2-го и 3-го курсовъ удостоены были совѣтомъ денежной награды, другія же напечатаны въ Запискахъ института, какъ вполне солидные труды съ научнымъ значеніемъ; изъ остальныхъ можно было усмотрѣть болѣе серьезныя отношенія, за немногими исключеніями, къ преподаванію.

тому въ теченіе курса; в) по русскому языку всѣми студентами были представлены письменныя работы, признанныя въ общемъ удовлетворительными; г) по рисованію и черченію годовыя работы студентовъ были также удовлетворительны; д) отмѣтки, поставленныя преподавателями за занятія въ лабораторіяхъ по аналитической и земледѣльческой химіи, почвовѣдѣнію, по спеціальнымъ предметамъ — скотоводству, лѣсной таксаціи, лѣснымъ законамъ, строительному искусству, въ большинствѣ случаевъ были очень хороши. Выводъ годичнаго балла контроля, рѣшающаго вопросъ о допущеніи къ испытанію, далъ вполне утѣшительные результаты: ни одинъ студентъ не получилъ за учебный годъ отмѣтки въ общемъ выводѣ неудовлетворительной и лишавшей права приступить къ испытаніямъ; средній выводъ изъ контрольных отмѣтокъ былъ выше удовлетворительнаго.

Какъ послѣдствіе введенія правилъ для контроля надъ занятіями студентовъ, въ 1880 году изготовленъ былъ совѣтомъ института и утвержденъ начальствомъ округа проектъ новыхъ правилъ для переводныхъ и окончательныхъ испытаній. Существенныя измѣненія въ этомъ проектѣ сравнительно съ правилами 1876 года заключаются въ слѣдующемъ: а) въ новыхъ правилахъ введено недопущеніе къ экзаменамъ въ случаѣ недостаточно-усердныхъ занятій въ теченіе года; б) усилено значеніе работъ въ году, такъ какъ занятіямъ въ году и отмѣткѣ, поставленной за оныя, придано нормальное значеніе, рѣшающее вопросы о допущеніи къ испытаніямъ и переводамъ; в) оставленіе на другой годъ въ томъ же курсѣ сдѣлано условнымъ и поставлено въ зависимость отъ совѣта, а не признано нормальнымъ явленіемъ, зависящимъ отъ воли студента; г) для избѣжанія недоразумѣній при оцѣнкѣ отвѣтовъ на экзаменѣ, болѣе точно опредѣлена постановка экзаменаціоннаго балла и устранены письменные отвѣты въ спорныхъ случаяхъ; д) облегчено производство испытаній устраненіемъ присутствія всѣхъ членовъ совѣта на окончательныхъ испытаніяхъ, и признано достаточнымъ участіе въ этихъ испытаніяхъ одного или двухъ членовъ совѣта; е) введена пятибалльная система оцѣнки знаний; ж) повышены, сравнительно съ прежними, требованія по физикѣ, химіи, политической экономіи и законовѣдѣнію; з) сдѣлана попытка къ отличію болѣе достойныхъ поощренія студентовъ, хотя уставъ и стѣсняетъ примѣненіе весьма важнаго въ педагогическомъ отношеніи раздѣленія учащихся на болѣе или менѣе успѣшныхъ. Введеніе новыхъ правилъ отложено на одинъ учебный годъ.

Въ 1880 году не было представлено сочиненій на заданія по

лѣснымъ наукамъ темы. На 1882 годъ одобрены совѣтомъ для соисканія почетныхъ наградъ слѣдующія темы: по лѣсоводству—„О естественномъ возобновленіи высокоствольныхъ лѣсовъ“, по лѣсной таксаціи—„Составить проектъ устройства Рудзкой казенной лѣсной дачи“, по лѣсной ботаникѣ—„Значеніе въ лѣсномъ хозяйствѣ акклиматизированныхъ лѣсныхъ древесныхъ породъ“.

Въ 1880 году совѣтъ института имѣлъ 40 засѣданій, изъ коихъ два были употреблены на производство испытаній на званіе лѣсничаго, остальные же 38 имѣли предметомъ рѣшеніе многочисленныхъ и разнообразныхъ дѣлъ учебнаго характера, какъ текущихъ, такъ и особаго, въ видѣ мѣръ для улучшенія общаго хода учебной и ученой дѣятельности института. Въ 23 засѣданіяхъ участвовали, по приглашенію директора, кромѣ членовъ совѣта, и другіе преподаватели. Важнѣйшіе вопросы, обсуждавшіеся совѣтомъ, были слѣдующіе: По преподаванію отдѣльныхъ предметовъ: а) по поводу отгергій вакантной доцентуры сельскаго строительнаго искусства, директоромъ института предположено было замѣстить эту кафедру новымъ преподавателемъ сельско-хозяйственныхъ наукъ, именно сельско-хозяйственной экономіи, чѣмъ послѣднему предмету, въ виду его важности и спеціальнаго агрономическаго образованія, дано было бы особое значеніе и могъ бы быть расширенъ его курсъ, соединенный съ скотоводствомъ въ лицѣ одного изъ доцентовъ-спеціалистовъ; строительное же искусство въ прежнемъ его видѣ отмѣнить и не приглашать для него отдѣльнаго преподавателя; б) имѣя въ виду свободное время отъ лекцій и занятій по кафедрѣ строительнаго искусства, совѣтъ удовлетворилъ желаніямъ студентовъ слушать дополнительные лекціи по нѣкоторымъ предметамъ, и съ разрѣшенія начальства округа, введены, въ видѣ временной мѣры, такія лекціи по сельско-хозяйственной экономіи, сельскому строительному искусству, садоводству и огородничеству, эмбриологій, сельско-хозяйственной энтомологій и лѣсоводству для 3-го курса и съемкѣ теодолитомъ; в) по просьбѣ же студентовъ 3-го курса, совѣтъ, съ разрѣшенія окружнаго начальства, нашелъ возможнымъ уменьшить число лекцій по русскому языку съ 4 на 2, съ тѣмъ, чтобы въ это число входили и практическія занятія русскимъ языкомъ. По практическимъ занятіямъ учащихся. Практическія занятія въ химической лабораторіи, въ виду увеличивающагося числа практикантовъ, недостатка лаборантовъ (однакъ на 160 практикантовъ) и невозможности, вслѣдствіе установленной обязательности лекцій, продолжительныхъ занятій студентовъ въ ла-

бораторіи,—были предметомъ частаго обсужденія этого дѣла. Отказы завѣдывавшаго лабораторіею произвести возможныя и настоятельныя измѣненія въ порядкахъ лабораторіи вызвали даже жалобы студентовъ на стѣсненія въ занятіяхъ. По распоряженію начальства округа, жалобы эти были обсуждены совѣтомъ, который рѣшилъ допустить студентовъ къ занятіямъ и въ необязательные часы, произвести измѣненія въ дѣйствовавшемъ въ лабораторіи порядкѣ распредѣленія времени и числа часовъ занятій студентовъ и облегчить имъ доступъ въ лабораторію. Но изъ указанныхъ мѣръ только одна, именно облегченіе доступа въ лабораторію въ сверхобязательные часы, осуществилась въ 1880 году, остальные же отложены до 1881 года. Сверхъ сего, по просьбѣ же студентовъ, совѣтъ нашелъ возможнымъ отмѣнить стѣснительную для нихъ плату, за разбитую при занятіяхъ въ лабораторіи посуду. Практическія занятія по другимъ предметамъ были предметомъ обсужденія главнымъ образомъ при устройствѣ экскурсій студентовъ и правильныхъ занятій на опытной фермѣ. Въ виду недостатка средствъ для осуществленія вполнѣ правильныхъ и производительныхъ экскурсій, вопросъ объ экскурсіяхъ не получилъ окончательнаго разрѣшенія въ смыслѣ признанія ихъ необходимою составною частью институтскихъ курсовъ. Одобрены были совѣтомъ въ видѣ частнаго случая вакаціонныя экскурсіи студентовъ-лѣсоводовъ въ близлежащіе казенные лѣса; кромѣ того директоромъ института были разрѣшены экскурсіи въ теченіе учебнаго время въ праздничные дни въ Варшаву на конскую выставку и въ Варшавскую губернію для осмотра техническихъ заводовъ. Въ концѣ года, начальствомъ округа, по поводу просьбы студентовъ о возможности болѣе далекой экскурсіи, былъ одобренъ самый принципъ экскурсій для учащихся подъ руководствомъ преподавателя. По сельскому хозяйству совѣтъ рѣшилъ ввести очередныя дежурства студентовъ 3-го курса на опытной фермѣ, не придавая этимъ дежурствамъ обязательнаго характера. Одобрены также необязательныя занятія по механической обработкѣ почвъ. По почвовѣднію занятія признаны необязательными, по лѣсной энтомологіи перенесены на 3-й курсъ, по лѣсоводству назначено по одной недѣлѣ весной и осенью для упражненій 2-го курса. Контроль надъ посѣщеніемъ практическихъ занятій рѣшено предоставить преподавателямъ-руководителямъ. Вышеизложенныя и нѣкоторыя другія мѣропріятія совѣта института, очевидно, не могли имѣть характера прочныхъ организаціонныхъ мѣръ, въ виду ихъ случайности и даже несогласія съ дѣятельностію совѣта въ предше-

ствовавшіе годы. Поэтому, съ разрѣшенія начальства округа, совѣтъ приступилъ къ пересмотру устава института, какъ единственному способу для устраненія тѣхъ колебаній въ учебной жизни института, которыя утомляли дѣятельность совѣта безъ прямой пользы для дѣла и вызывались главнымъ образомъ нецѣлесообразной организаціей учебнаго строя. Особая коммиссія, въ составѣ директора, двухъ профессоровъ и одного доцента, рассмотрѣла составленный директоромъ проектъ положенія, объ институтѣ, и послѣ обсужденія оного и нѣкоторыхъ измѣненій согласно указаніямъ окружнаго начальства, внесла проектъ въ совѣтъ. Въ особыхъ четырехъ засѣданіяхъ совѣтомъ были обстоятельно рассмотрѣны и обсуждены всѣ проектируемыя измѣненія и окончательно одобрено новое положеніе, которому и данъ въ 1881 годъ дальнѣйшій ходъ. Общія положенія, которыя легли въ основу новаго проекта, имѣютъ въ виду сравнить положеніе института съ другими русскими высшими учебными заведеніями, именно увеличеніе продолжительности курса однимъ годомъ, увеличеніе числа преподавателей и личнаго состава и улучшеніе ихъ матеріальнаго положенія, расширеніе правъ и значенія совѣта, уменьшеніе многопредметности, предоставленіе окончившимъ курсъ института правъ государственной службы и возможности получать высшія ученые степени кандидата и магистра, увеличеніе средствъ института на учебно-вспомогательныя учрежденія и на пособія студентамъ.

Чины личнаго состава института и другія состоящія въ вѣдомствѣ его лица напечатали въ 1880 году слѣдующіе учебно-учебныя труды: профессоры: Антоновичъ напечаталъ въ IV томѣ Записокъ института актовую рѣчь „Къ вопросу о ростѣ сельскаго хозяйства послѣ 19-го февраля 1861-года“, Милевскій помѣстилъ въ томъ же изданіи отчетъ о практическихъ занятіяхъ студентовъ по почвовѣдѣнію въ 1879—1880 учебномъ году; доценты: Хлюдзискій напечаталъ отдѣльными изданіями: первые два выпуска книги „Организація сельско-хозяйственнаго промысла“ и брошюру „Ученіе о корленіи и заводскомъ искусствѣ, какъ моменты скотоводственнаго прогресса“, Краусскій помѣстилъ: въ Запискахъ института—„Краткій очеркъ положенія лѣснаго дѣла въ имперіи и въ царствѣ Польскомъ въ періодъ царствованія императора Александра II“, въ Лѣсномъ Журналѣ—статью „Краткій очеркъ настоящаго положенія лѣснаго дѣла въ царствѣ Польскомъ“ и въ мѣстномъ сельско-хозяйственномъ еженедѣльникѣ статью „O administracyi lesnej raądowej w Cesarstwie i wyradkach jej dzialalnosci“, Бердау напечаталъ въ Wiadomoschiach

Farmaceutycznych вѣсколько статей научнаго содержанія, между ними свой трудъ о спорыньѣ, Цихоцкій окончилъ печатаніе перевода сочиненія Горена „Prawa natury w zywieniu zwierzząt domowych“; лаборантъ Орловскій помѣстилъ въ IV-мъ томѣ Записокъ института метеорологическихъ наблюденія на станціи института за 1879 годъ; бухгалтеръ Петрушинскій напечаталъ въ Циркулярѣ по Варшавскому учебному округу дополнительный указатель къ этому циркуляру за 1878 и 1879 годы: преподаватели: земледѣльческой химіи Добровольскій, физиологіи животныхъ Карпинскій, почвовѣдѣнія Малевскій, физики Заіончевскій и анатоміи животныхъ Кратовскій приготовили для литографированія курсы своихъ лекцій; бывшіе студенты института Баскаковъ, Елагинъ и Любанскій помѣстили свои сочиненія въ IV-мъ томѣ Записокъ института, а бывший студентъ Гуртьевъ напечаталъ въ Запискахъ общества сельскаго хозяйства свой трудъ подъ заглавіемъ: „Овца, какъ молочное животное“.—Командированы были съ ученою цѣлю: доцентъ Кратовскій—для посѣщенія бывшей въ Варшавѣ выставки лошадей и образцовыхъ въ Привислянскомъ краѣ заводовъ лошадей и рогатаго скота, доцентъ Цихоцскій—въ Варшаву на выставку ткацкихъ издѣлій; доценты: Краубъ, Красускій, Бердау, Цихоцкій и Хлюдзинскій принимали участіе въ качествѣ руководителей научныхъ экскурсій со студентами института, совершенныхъ въ Закрочимское лѣсничество, Плоцкой губерніи, съ цѣлю обзорѣнія лѣсовъ, въ имѣнія Крочевъ (Плоцкой губерніи) и Юзефовъ (Варшавской губерніи) для осмотра заводовъ и культурныхъ лѣсныхъ участковъ, и въ Варшаву на выставку лошадей.

Институтъ имѣлъ въ 1880 году въ своемъ распоряженіи слѣдующія денежныя средства: а) суммъ государственнаго казначейства: оставалось отъ 1879 года 622 руб. 86 коп., въ 1880 году ассигновано было 79,378 руб. 83 коп., въ теченіе года израсходовано 47,493 руб. 86 коп.; затѣмъ къ началу 1881 года имѣлся остатокъ въ 2,207 руб. 83 коп.; б) суммы сбора за слушаніе лекцій: остатка отъ 1879 года было 4,919 руб. 14 коп., въ теченіе 1880 года поступило 9,090 руб. 35 коп., за то же время израсходовано 9,363 руб. 20 коп., къ концу 1880 года оставалось на лицо 4,646 руб. 29 к.; в) общихъ спеціальныхъ средствъ (остатки по имѣніямъ, опытной формѣ, садовымъ учрежденіямъ, аренднымъ и другимъ поступленіямъ института): отъ 1879 года оставалось 5,904 руб. 37 коп., въ 1880 г. поступило 22,100 руб. 70 коп., въ теченіе года израсходовано 24,092 руб. 37 коп., остатка къ 1881 году было 3,912 руб. 79 коп.

Главнѣйшіе расходы на счетъ сбора за слушаніе лекцій были слѣдующіе: на учебно-вспомогательныя учрежденія, въ дополненіе къ штатнымъ суммамъ, 4,066 руб. 96 коп., на изданіе и печатаніе Записокъ института и другихъ специальныхъ сочиненій 937 руб. 29 к.; на матеріаль для выдѣлки освѣтительнаго газа въ лабораторіяхъ 511 руб. 96 коп., на вознагражденіе за завѣдываніе опытною фермою 500 руб., на вознагражденіе сверхштатнаго лаборанта при земледѣльской лабораторіи 404 руб. 18 коп., на вознагражденіе двумъ сверхштатнымъ педелямъ 315 руб., на устройство студентской столовой 300 руб., на экскурсіи студентовъ по сельскому хозяйству и лѣсоводству 299 руб. 50 коп.

Движеніе студентовъ института въ теченіе года представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ первомъ полугодіи 1879—1880 академическаго года (въ 1-му января 1880 года) состояло студентовъ 182, во второмъ полугодіи принято 3, всего 185. Изъ нихъ выбыло въ теченіе перваго полугодія 45 (за окончаніемъ курса 31, по другимъ причинамъ 14). Къ началу 1880—1881 учебнаго года подали прошенія о приѣмъ 108 человекъ, изъ нихъ принято 105, но явилось въ дѣйствительности къ слушанію лекцій 84, въ томъ числѣ бывшихъ студентовъ 2, студентовъ и воспитанниковъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній 1, невыдержавшихъ испытанія зрѣлости 5, окончившихъ съ аттестатомъ курсъ реальныхъ училищъ по основному отдѣленію или выдержавшихъ въ нихъ испытаніе 63, окончившихъ курсъ Лозинскаго высшаго ремесленнаго училища 3, выдержавшихъ экзаменъ въ знаніи предметовъ гимназическаго курса безъ древнихъ языковъ 5, окончившій реальное училище по коммерческому отдѣленію 1. Въ теченіе перваго полугодія 1880—1881 учебнаго года выбыло по разнымъ причинамъ 13, и затѣмъ къ 1-му января 1881 года состояло на лицо 211 студентовъ, которые распредѣлились слѣдующимъ образомъ: а) по отдѣленіямъ и курсамъ: въ общемъ отдѣленіи 86 (въ 1-го курса), въ отдѣленіи сельскаго хозяйства 77 (во 2-мъ курсѣ 55, въ 3-мъ — 22), въ отдѣленіи лѣсоводства 48 (во 2-мъ курсѣ 26, въ 3-мъ—22); б) по сословіямъ: дворянъ потомственныхъ 125, дворянъ личныхъ 29, духовнаго званія 2, купческаго званія, мѣщанъ и городскихъ обывателей 40, крестьянъ и сельскихъ обывателей 13, иностранцевъ 2; в) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго вѣроисповѣданія 50, римско-католическаго 142, армяно-грегоріанскаго 1, евангелическаго 9, іудейскаго 9; г) по предварительному образованію: изъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній 8, изъ гим-

назій 38, изъ реальныхъ училищъ 150, изъ другихъ средне-учебныхъ заведеній и домашняго образованія 15; д) по мѣстамъ рожденія: уроженцевъ губерній Царства Польскаго 78 или 36,97%, общаго числа, уроженцевъ западнаго края 82 или 38,86%, уроженцевъ другихъ губерній 51 или 24.17%, то-есть изъ мѣстныхъ губерній почти 37%, изъ внутреннихъ 63%. Общее число студентовъ увеличилось въ 1880 году сравнительно съ предыдущимъ на 29 человекъ. Вольныхъ слушателей въ институтѣ не полагается по уставу. Казенныхъ стипендіатовъ въ институтѣ также не имѣется, но изъ частныхъ записей пользовались стипендіями шесть студентовъ, въ размѣрѣ отъ 50 р. до 300 р. влючительно. Сверхъ того два студента пользовались стипендіями на счетъ суммъ вольно-экономическаго общества и Кубанскаго казачьяго войска. Изъ числа студентовъ 3-го курса 31 студентъ, по выдержаніи установленнаго испытанія, удостоились аттестатовъ, изъ нихъ 15 сельско-хозяйственнаго отдѣленія и 16 отдѣленія лѣсоводства. Вмѣстѣ съ ними подвергался испытанію на должность старшаго лѣсничаго, бывший воспитанникъ сего института подлѣсничій Хонцинскій и выдержалъ его удовлетворительно. Для улучшенія матеріальнаго быта несостоятельныхъ студентовъ, институтомъ практиковались различнаго рода мѣры. Такъ: а) въ первомъ полугодіи были освобождены отъ взноса платы за слушаніе лекцій 10% общаго числа студентовъ, то-есть 17, во второмъ полугодіи — 21; б) для взноса полной платы выдано пособій: въ первомъ полугодіи 33 студентамъ на сумму 825 руб., во второмъ — 36 студентамъ на сумму 900 руб.; в) въ облегченіе взноса платы выданы денежные пособія въ первомъ полугодіи шести студентамъ на 95 руб.; г) выдавались профессорскія стипендіи, по 7 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ каждая; въ первомъ полугодіи выдано было ихъ 4, во второмъ число ихъ увеличилось еще на двѣ, по 90 руб.; д) предоставлялись студентамъ нѣкоторыя работы по учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ; такія работы были даваемы 24 студентамъ, на что израсходовано изъ средствъ института 360 руб. 95 коп.; е) вознагражденія за контрольныя сочиненія, написанныя студентами на избранныя темы съ цѣлю полученія пособій, выданы 18-ти студентамъ на 390 р.; ж) выдавались денежные пособія двоякаго рода: безвозвратныя и займообразныя; первыя выданы 54 студентамъ на сумму 1,144 руб., вторыя — 45 студентамъ на 636 руб.; з) больнымъ студентамъ оказываема была институтомъ помощь, которая состояла въ содержаніи студентскаго отдѣленія въ мѣстной больницѣ св. Карла, во взносъ

75 копѣчной посуточной платы за лечившихся въ той же больницѣ несостоятельныхъ студентовъ, въ уплатѣ за больныхъ, пользовавшихся спеціальными больницами въ Варшавѣ, и въ покупкѣ лекарствъ нѣсколькимъ студентамъ, лечившимся на дому; каковой расходъ составилъ 827 руб. 61 коп.; и) наиболѣе несостоятельнымъ студентамъ были даваемы бесплатныя помѣщенія: въ первомъ полугодіи 11 комнатъ въ двухъ зданіяхъ института, во второмъ — семь въ особомъ зданіи, которыми пользовались одновременно 26 студентовъ; и) въ концѣ ноября 1880 года открыта въ отдѣльномъ институтскомъ зданіи столовая для несостоятельныхъ студентовъ; ближайшее распоряженіе столовою и завѣдываніе всѣми ея дѣлами поручено самимъ студентамъ; плата за обѣдъ изъ двухъ блюдъ назначена умеренная, 20 коп. за обѣдъ; при столовой есть также чайная; по просьбѣ студентовъ, начальство института исходатайствовало у правленій четырехъ мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ льготныя проѣзды для несостоятельныхъ студентовъ по пониженной (за $\frac{1}{4}$ тарифной) цѣнѣ. Такии льготой пользовалось большинство студентовъ, отправлявшихся въ отпуска по разнымъ случаямъ. Независимо отъ сего, правленія тѣхъ же дорогъ выдавали, согласно прежде послѣдовавшимъ разрѣшеніямъ, бесплатныя билеты 2-го класса для студентовъ, отправлявшихся на экскурсіи съ учебными дѣлами.

Дѣятельность учебно-вспомогательныхъ учрежденій института въ 1880 году и состояніе ихъ къ 1881 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: Основная бібліотека заключала къ 1881 году 8,596 названій въ 13,464 томахъ на сумму 30,356 руб. Цифра эта, однако, не можетъ быть названа точною, такъ какъ составленіе новыхъ инвентарей, по недостатку личныхъ силъ бібліотеки, не окончено, такъ какъ вслѣдствіе полученія большаго числа новыхъ книгъ и увеличенія выдачъ, приведеніе въ полный порядокъ бібліотеки немислимо безъ пріостановки текущихъ дѣлъ и употребленія значительныхъ для института суммъ на увеличеніе силъ при бібліотекѣ. Въ профессорской читальнѣ получалось 146 періодическихъ изданій, изъ нихъ на русскомъ языкѣ 91, на нѣмецкомъ 32, на польскомъ 16, на французскомъ 6, на англійскомъ 1; спеціальныхъ изданій изъ общаго числа получалось 82. Въ виду неоднократныхъ заявленій о нѣкоторыхъ неудобствахъ при пользованіи матеріаломъ читальни, совѣтъ измѣнилъ порядокъ пользованія въ томъ смыслѣ, что всѣ періодическія изданія съ 1881 года будутъ поступать въ очередномъ порядкѣ непосредственно къ преподавателямъ института, не переходя черезъ

читальню. Студентская бібліотека съ читальней въ началѣ года находилась въ завѣдываніи одного изъ преподавателей института, въ концѣ же года передана въ непосредственное завѣдываніе двухъ избранныхъ студентовъ подъ наблюденіемъ того же преподавателя. Къ 1881 году въ ней находилось 627 изданій въ 1,156 томахъ на сумму 2,507 руб.; сверхъ того бібліотека получила, бесплатно или по пониженной цѣнѣ, 35 періодическихъ изданій. Инвентарь имущества химической лабораторіи составленъ въ 1880 году, но провѣрка его отложена до прибытія новаго профессора, назначеннаго уже въ 1881 г. Практическія занятія студентовъ происходили подъ ближайшимъ руководствомъ завѣдывавшаго временно лабораторіей лаборанта; практикантовъ было 161, именно: въ 1-мъ полугодіи работали 77 студентовъ 1-го курса и 35—2-го, во 2-мъ полугодіи — 49 студентовъ 2-го курса. Занятія состояли на 1-мъ курсѣ въ передѣлываніи реакцій на металлы и кислоты, на 2-мъ — въ качественномъ и количественномъ анализѣ. Самъ завѣдывавшій лабораторіею произвелъ нѣсколько изслѣдованій судебно-медицинскаго характера, и производилъ научныя изслѣдованія надъ продуктами замѣщенія бромистаго бромъ-этилена и полимерныхъ углеводородовъ, образующихся при дѣйствіи сѣрной кислоты на терпетинное масло. Въ земледѣльческой лабораторіи находилось имущества 813 названій 1,309 экземпляровъ на сумму 8,044 р. Въ лабораторіи въ первомъ полугодіи 13, и во второмъ 22 студента 3-го курса сельско-хозяйственнаго отдѣленія занимались изслѣдованіемъ различныхъ образцовъ почвъ, удобреній, кормовыхъ средствъ и растительныхъ и животныхъ продуктовъ. Студенты 2-го курса занимались по почвовѣдѣнію, при чемъ знакомились съ приемами механическаго анализа и способами изслѣдованія физическихъ свойствъ почвы. Второгодичные студенты (въ 1-мъ полугодіи 3, во 2-мъ — 10) занимались изслѣдованіями влагоемкости различныхъ почвъ при посредствѣ различныхъ приемовъ, съ цѣлю изученія условий, влияющихъ на результаты этихъ изслѣдованій. Профессоръ Малевскій занимался изслѣдованіемъ скорости вывѣтриванія сложныхъ кристаллическихъ горнокаменныхъ породъ въ различныхъ состояніяхъ измельченія, изслѣдованіемъ вліянія примѣси измельченныхъ силикатовъ на производительность различныхъ почвъ, и продолжалъ свои изслѣдованія надъ свойствами чернозема и продуктовъ разложенія травянистыхъ растений; преподаватель Добровольскій продолжалъ опыты съ вліаніемъ различныхъ химическихъ туковъ на составъ и свойства почвы; студентъ Бояновскій производилъ анализы гречневой золы, предна-

значенной для обработки костей по способу Ильенкова. Въ физическомъ кабинетѣ находилось различнаго имущества 329 названій на сумму 7,152 руб. Занятія студентовъ въ кабинетѣ имѣли необязательный характеръ и крайне-ограниченныя размѣры, вслѣдствіе недостатка приспособленій, помѣщенія и личныхъ силъ. Въ метеорологической обсерваторіи имѣлось разныхъ предметовъ на 429 руб. Студенты могли пользоваться обсерваторіей для ознакомленія съ приемами наблюденій, преподаватели же—справками о метеорологическихъ данныхъ для научныхъ цѣлей. Зоологическій кабинетъ содержалъ 1,000 названій 1,366 предметовъ стоимостью въ 2,484 руб. и служилъ для демонстрацій и практическихъ занятій по зоологій и дѣсной энтомологій. Кабинетъ этотъ, удовлетворяющій нуждамъ демонстративнымъ, требуетъ капитальныхъ затратъ для доставленія ему возможности быть хорошимъ пособіемъ для работъ студентовъ, не говоря уже о желательномъ его приспособленіи для биологическихъ и физиологическихъ изслѣдованій преподавателя. Въ ботаническомъ кабинетѣ имѣлось 4,254 предмета на 1,483 руб. Кромѣ демонстративныхъ цѣлей, кабинетъ служилъ для микроскопическихъ работъ студентовъ, которыхъ занималось до 40 человекъ и, по отзыву преподавателя, весьма усердно. Въ минералогическомъ кабинетѣ находилось разныхъ предметовъ 11,708 названій на 3,228 руб. По заявленію завѣдывающаго кабинетомъ профессора ощущается потребность въ приборахъ для демонстрацій на лекціяхъ и занятій студентовъ по опредѣленію физическихъ свойствъ минераловъ, каковыми инструментами кабинетъ доселѣ не располагаетъ. Кабинеты механической, геодезической и рисовальный заключали предметовъ: первый — 226 названій на сумму 8,925 руб., второй — 208 названій на 2,756 руб., послѣдній — 270 названій на 473 руб. Кабинеты нуждаются въ ремонтѣ большинства нужныхъ предметовъ, въ особенности же первые два. Въ технологическомъ кабинетѣ имѣлось 617 предметовъ на сумму 5,360 руб., но большинство этихъ предметовъ, по непригодности ихъ, должно быть исключено изъ списковъ. Въ земледѣльческомъ кабинетѣ находилось 1,289 предметовъ на 3,507 руб. Кабинетъ служилъ демонстративнымъ пособіемъ для лекцій растениеводства; практическихъ занятій въ немъ устроено быть не могло. Въ зоотехническомъ кабинетѣ состояло разныхъ предметовъ на 2,654 руб. Коллекція по строительному искусству состояли изъ 92 названій на 3,468 руб., но предметы, ихъ составляющіе, не употреблялись для учебныхъ цѣлей, такъ какъ они имѣютъ мало общаго съ читаемымъ въ институтѣ курсу.

сомъ строительнаго искусства. Въ лѣсномъ кабинетѣ было на лицо 1,264 предмета на 2,125 р. Кабинетъ, кромѣ демонстративныхъ цѣлей, служилъ для практическихъ занятій студентовъ по лѣсоразведенію, лѣсной таксаціи и проч. Въ лѣсномъ питомникѣ послѣдовали замѣтныя улучшения: проведена вода и назначенъ постоянный сторожъ, главныя дорожки усыпаны гравіемъ. Высѣяно было до 39-ти фунтовъ древесныхъ и кустарныхъ породъ. Въ первой половинѣ апрѣля былъ произведенъ посѣвъ самими студентами, подъ руководствомъ преподавателя; пересадка же воспитанныхъ въ 1878 и 1879 годахъ сѣянцевъ хвойныхъ и лиственныхъ породъ въ школу производилась отчасти студентами, отчасти же наемными рабочими подъ надзоромъ студентовъ и руководствомъ преподавателя. Содержаніе питомника обошлось въ 76 руб. 85 коп.; доходы его, независимо отъ учебныхъ цѣлей, выражаются какъ платой, поступившей за проданные экземпляры 16,098 штукъ однолѣтнихъ и 4,727 двухъ и трехлѣтнихъ породъ на сумму 128 руб. 59 коп., такъ и выданными изъ него для обсаживанія двухъ лѣсныхъ участковъ института сѣянцами и саженцами, коихъ было отпущено 22,541 штука стоимостью въ 78 руб. 80 коп. Участокъ на Горной Нивѣ, величиною 8 морговъ 90 прентовъ, потребовалъ на свое содержаніе 30 руб. Работы, производившіяся въ немъ частію студентами подъ руководствомъ преподавателя, частію же наемными рабочими, состояли въ слѣдующемъ: а) на охранномъ валу произведена посадка сосны и дуба, для образованія живой изгороди, а также бѣлой акаціи и дрена по сторонамъ срединной дороги; б) одна половина участка облѣсена посадкой отпущенныхъ изъ питомника саженцевъ и сѣянцевъ различныхъ породъ, смотря по почвѣ и мѣстоположенію, рядами, а на небольшомъ пространствѣ былъ сдѣланъ посѣвъ обыкновенной сосны въ борозды съ помощью сѣянки Титле; в) на второй половинѣ начаты работы по облѣсенію посадкой однолѣтнихъ сѣянцевъ и двухлѣтнихъ саженцевъ обыкновенной и австрійской сосны и бѣлой акаціи. Участокъ на Кемпѣ, выдѣленный въ 1880 году, въ размѣрѣ 20,43 десятинъ, изъ Кемпской рощи, былъ устроенъ, подъ руководствомъ двухъ преподавателей, студентами 3-го курса лѣснаго отдѣленія. Хозяйство на участкѣ началось съ осени: вся роща окопана на протяженіи почти 900 сажень ровомъ, на проѣздахъ устроены шлагбаумы; въ томъ кварталѣ, въ коемъ отведена очередная лѣсосѣвка, начато облѣсеніе, высадкою до 800 штукъ трехлѣтнихъ дубовыхъ саженцевъ, по сѣверной границѣ, въ видѣ опыта, высажены различныя древесныя породы. Осенью же началась

разработка очередной дѣлосѣвки, площадью въ 1,3 десятины, заготовлено было до 20 сажень дровъ. Кромѣ того одинъ изъ покупателей началъ заготовку подѣлочнаго матеріала въ видѣ дровянаго дѣла въ штукахъ, а также дособъ. Разработка дѣлосѣвки была почти окончена. Всѣ работы производились съ веденіемъ записей дежурными студентами, такъ что участокъ на Кемпѣ сразу принялъ учебно-практическое направленіе. Доходу отъ участка получено было 295 руб. 17 к., израсходовано 270 руб. 77¹/₂ коп. Въ ветеринарной клиникѣ и ветеринарномъ кабинетѣ находилось разныхъ предметовъ: въ первой 333 нумера на 538 руб., во второмъ 747 нумеровъ на 3,109 руб. За отсутствіемъ особаго зданія, дѣятельность этихъ учреждений ограничилась демонстраціями и учебными занятіями въ кабинетѣ и амбулаторнымъ леченіемъ животныхъ въ аптекѣ. Леченіе животныхъ, принадлежащихъ институту, производилось на мѣстѣ, лекарства заготавливались въ аптекѣ самимъ преподавателемъ. Въ теченіе года подвергалось леченію и осмотру 237 животныхъ, принадлежащихъ институту; изъ нихъ околѣло 55. Посторонними лицами приведено было въ клинику для осмотра и совѣта 28 лошадей и 38 штукъ рогатаго скота, всего слѣдовательно пользовалось 303 животныхъ. Операций на животныхъ произведено 14, секцій 10, при чемъ участвовали студенты института для приобрѣтенія навыка въ простѣйшихъ операціяхъ. Учрежденія по пчеловодству и шелководству заключали 149 предметовъ на 350 руб. Роевъ было 15, ульевъ 39. 1880 годъ для роевнн былъ плохимъ, для сбора меда среднимъ. Пасѣка дала 130 фунтовъ меда и 8¹/₂ фунтовъ воску. Изъ породъ шелкопрятокъ червей разводились тутовый, айлантовый и дубовый шелкопряды. Оба учрежденія имѣли главнымъ образомъ демонстративныя цѣли при преподаваніи теоретическихъ курсовъ. Въ садовыхъ учрежденіяхъ находилось растений: въ теплицахъ 2,330, въ оранжереѣ 2,390, въ ботаническомъ отдѣленіи 1,199, въ плодовомъ саду 2,077, въ питомникѣ 8,641, въ овощномъ саду 1,517, орудій и приборовъ 249 нумеровъ, всего 18,403 нумера на 2,776 руб. Въ теплицѣ, въ видахъ экономическихъ, закрыто отдѣленіе для разведенія ананасовъ и усилено рощеніе болѣе ходкихъ растений; чистаго дохода теплица дала 16 руб. 17 коп. Чистый доходъ отъ оранжереи былъ 6 руб. 46 коп. Ботаническій отдѣлъ преслѣдовалъ учебно-демонстративныя цѣли: въ немъ разводилось много видовъ и разновидностей, имѣющихъ по преимуществу сельско-хозяйственное значеніе; при отдѣлѣ состоялъ цвѣтникъ для разведенія красивыхъ растений и продажи. Доходу ботани-

чеській отдѣлъ далъ 27 руб. 78 коп. Плодовый садъ, при всемъ уходѣ, далъ плохой урожай, вслѣдствіе раннихъ и обильныхъ осеннихъ снѣговъ, сломавшихъ пять хорошихъ деревьевъ цѣликомъ, и у остальныхъ повредившихъ вѣтви, далѣе, вслѣдствіе сильныхъ морозовъ и особенно майскихъ утренниковъ, захватившихъ деревья въ цвѣту. Поэтому аренда плодоваго и части овощнаго сада дала только 205 руб. вмѣсто прошлогоднихъ 650 руб. Питомники плодовыхъ и декоративныхъ деревьевъ и кустарниковъ, вслѣдствіе устройства особеннаго обширнаго участка съ этою цѣлью, дали хорошіе результаты. Продажа доходила до болѣе 2,000 штукъ и дала 244 руб. 69 коп., несмотря на то, что зимними морозами и майскими утренниками истреблено было нѣсколько сотъ облагороженныхъ фруктовыхъ деревьевъ и значительное число декоративныхъ породъ. Овощной садъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ коммерческія цѣли. Доходъ его, благодаря заботливости правленія института, увеличился до 248 руб. 30 к., содержаніе обошлось въ 154 руб. 35 коп., чистый доходъ составилъ 83 руб. 95 коп., что слѣдуетъ признать незначительнымъ, въ виду того, что распродажа овощей обезпечена на мѣстѣ, въ самомъ институтѣ. Паркъ изъ всѣхъ садовыхъ учреждений былъ наименѣе производительнымъ: институтъ воспользовался только доходомъ отъ собраннаго сѣна, приблизительно 247 центнеровъ, на 360 руб., для поддержки же его въ порядкѣ и производства нѣкоторыхъ улучшеній понадобилось 324 руб. 10 коп. Важнѣйшею работою была очистка луговъ парка и ихъ обсмѣнвіе. Опытная ферма, по примѣру прежнихъ лѣтъ, служила лѣтомъ для ознакомленія студентовъ, какъ съ дѣйствіемъ усовершенствованныхъ орудій и машинъ, такъ и съ рациональнымъ уходомъ за разводимыми въ хозяйствѣ фермы животными и растениями. Въ 1880 году вновь приступлено фермою къ примѣненію, для удобренія полей, рыночныхъ туковъ. Такъ, были произведены сравнительные опыты удобренія клевера гипсомъ; къ сожалѣнію, трудно судить о результатахъ этихъ опытовъ, такъ какъ клеверъ былъ убранъ при неблагоприятной погодѣ. Другой тукъ, суперфосфатъ, примѣненный осенью для удобренія поля подъ озимую пшеницу, дастъ результаты лишь въ слѣдующемъ году. Кромѣ того, студенты имѣли случай наблюдать за дѣйствіемъ навозной жижи на ростъ травы на лугахъ фермы. Хотя лугъ въ 1880 году далъ сѣна вдвое менѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году, но нѣтъ сомнѣнія, что безъ поливки луга навозною жижею ферма получила бы сѣна съ луга еще менѣе. Изъ машинъ студенты ознакомились на фермѣ,

практически, съ работою жней-косилки Джонстона, съ работою конныхъ граблей Тигеръ и другими сложными орудіями. Кромѣ того, они имѣли возможность работать, подъ руководствомъ преподавателей земледѣльческой механики и земледѣлія, плугами различныхъ конструкций, изъ числа плуговъ, имѣющихся въ коллекціи фермы. По животноводству студенты, подъ руководствомъ преподавателей, изучали на фермѣ экстерьеръ животныхъ, ознакомились съ воспитаніемъ телятъ, кормленіемъ взрослого скота какъ зимою, такъ и осенью. Кромѣ того, ферма ежедневно во время полевыхъ работъ сообщала студентамъ наряды на работы, такъ что студенты имѣли возможность слѣдить за ходомъ всѣхъ работъ на фермѣ. Наконецъ, для студентовъ была постоянно открыта контора фермы, гдѣ они практически знакомились со счетоводствомъ фермы.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Со времени моего послѣдняго письма важнѣйшимъ событіемъ въ учебномъ мѣрѣ была раздача наградъ на конкурсѣ Парижскихъ и Версальскихъ лицеевъ. Торжество это происходило подъ предѣлательствомъ министра народнаго просвѣщенія. Онъ произнесъ рѣчь, въ которой коснулся, между прочимъ, вопроса о томъ, какъ будутъ организованы во Франціи реальныя училища на основаніи декрета 4-го августа нынѣшняго года. Въ программу ихъ входятъ общія свѣдѣнія, необходимыя для молодыхъ людей, намѣревающихся посвятить себя дѣятельности торговой, промышленной или земледѣльческой; на ряду съ изученіемъ относящихся сюда наукъ будутъ установлены и практическія занятія. Курсъ будетъ восьмилѣтній съ раздѣленіемъ его на три разряда: низшій (3 года), средній (3 года) и высшій (2 года). По окончаніи средняго изъ нихъ воспитаннику выдается дипломъ комиссіей, состоящей изъ инспектора академіи и шести членовъ, которыми должны быть преподаватели казенныхъ и частныхъ среднихъ учебныхъ заведеній; программа экзамена для получения этого диплома будетъ во всѣхъ подробностяхъ выработана высшимъ совѣтомъ народнаго просвѣщенія. При каждомъ реальномъ училищѣ учреждается комитетъ (comité de patronage) изъ мэра (предсѣдателя), директора училища и пяти членовъ, назначаемыхъ изъ среды болѣе или менѣе извѣстныхъ инженеровъ, коммерсантовъ, фабрикантовъ и сельскихъ хозяевъ. Нужно, конечно, озаботиться о томъ, чтобы для новыхъ училищъ устроены были приличныя и удобныя помѣщенія и правительство имѣетъ это въ виду, „по мѣрѣ того, замѣтилъ министръ, какъ будутъ дозволять финансовыя средства“.

Другое важное обстоятельство, на которое указалъ министръ въ своей рѣчи, это окончаніе работъ по устройству Сорбонны. Тѣ изъ вашихъ читателей, которые посѣщали Парижъ, вѣроятно не мало удивлялись, какъ тѣсно и неудобно размѣщены въ одномъ и томъ же зданіи три факультета — богословскій, филологическій и математическій и кромѣ того школа высшихъ наукъ. Рядомъ съ этимъ зданіемъ огороженъ огромный участокъ земли, на которомъ должна возвышаться новая Сорбонна; хотя работы, начатыя еще 26 лѣтъ тому назадъ, никогда не прерывались, но шли онѣ крайне медленно вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ. Въ послѣднее время казна ассигновала на нѣхъ 11 милліоновъ и почти столько же муниципальное управленіе Парижа. Теперь дѣло пойдетъ очень быстро и вскорѣ мы будемъ имѣть храмъ науки, вполне достойный этого названія.

Изъ официальныхъ распоряженій послѣдняго времени не лишнимъ считаю упомянуть о законѣ, касающемся учрежденія нормальной школы, въ которой будутъ приготовляться учительницы для женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній (colléges). Эти учебныя заведенія только что возникаютъ у насъ теперь и правительство ассигновало на нихъ 10 милліоновъ франковъ. Они назначены исключительно для приходящихъ, но въ случаѣ ходатайства муниципальных совѣтовъ могутъ быть устраиваемы при нихъ и пансіоны. До сихъ поръ женскихъ colléges не было у насъ почти вовсе, — находился одинъ въ Парижѣ и другой въ провинціи, да и тѣ существовали на частныя средства, безъ всякаго пособія со стороны казны. Правительство само намѣрено нынѣ заботиться о нихъ, но еще неизвѣстно, какъ будутъ они организованы и высшій совѣтъ народнаго просвѣщенія еще не выработалъ программы учебнаго ихъ курса.

Въ докладѣ, представленномъ палатѣ депутатовъ о бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенія на будущій годъ, содержится не мало интересныхъ свѣдѣній. Такъ, напримѣръ, мы видимъ изъ него, что рѣшено учредить въ Парижскомъ словесномъ факультетѣ новую кафедру — исторіи средневѣковой французской литературы; ассигновано 10,000 фр. на учрежденіе кафедры кельтической филологіи въ Collége de France, — мѣтра весьма полезная и на которой давно уже настаивали многіе компетентные ученые; рѣшено также значительно расширить помѣщеніе Школы для разбора хартій. Что касается среднихъ учебныхъ заведеній, то 600,000 фр. ассигновано на учрежденіе параллельныхъ отдѣленій въ лицеяхъ, классы коихъ слишкомъ переполнены. Комиссія палаты депутатовъ имѣетъ въ виду еще одно

Нововведеніе: до сихъ поръ пансіонеры, то-есть ученики, живущіе въ **коллегіумахъ**, — а надо замѣтить, что они составляютъ почти половину всей обучающейся молодежи — получали даромъ необходимыя для нихъ книги, которыя однако не составляли ихъ собственности; по окончаніи учебнаго года слѣдовало возвращать ихъ въ бібліотеки училищъ. Это порождало различныя неудобства: съ одной стороны молодые люди обращались очень небрежно съ книгами, съ другой — училищное начальство изъ экономіи пробавлялось иногда такими руководствами, которыя были изданы лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Палата предлагаетъ, чтобы отнынѣ пансіонеры сами приобрѣтали учебныя книги, а чтобы даромъ были выдаваемы онѣ лишь бѣднымъ ученикамъ, получающимъ стипендіи. Затѣмъ палата же депутатовъ обратила вниманіе на то, что бывшіе воспитанники Нормальной школы, занимающіе должности учителей въ лицезхъ, стараются обыкновенно какъ можно скорѣе покинуть эти учебныя заведенія и получить профессорскія катедры, и она высказала желаніе, чтобы служба ихъ въ лицезхъ продолжалась не менѣе десяти лѣтъ.

Нельзя не обратить вниманія на тотъ интересный фактъ, что изученіе литературы и исторіи классической древности, не ограничиваясь тѣснымъ кругомъ специалистовъ, все болѣе и болѣе распространяется у насъ въ массѣ публики. Однимъ изъ средствъ, чтобы поддержать въ ней это настроеніе, служатъ между прочимъ иллюстрированныя изданія серьезныхъ сочиненій. Къ числу ихъ принадлежитъ появившаяся недавно Исторія искусства въ древности (*Histoire de l'art dans l'antiquité*) г. Жоржа Перро, профессора Парижскаго словеснаго факультета. Этотъ почтенный ученый извѣстенъ тѣмъ, что ему принадлежитъ честь открытія Анкирскаго памятника, на которомъ изображенъ самый полный текстъ завѣщанія императора Августа; онъ долго путешествовалъ по Сиріи, Египту, посѣтилъ о. Критъ, а въ послѣднее время, кромѣ чтенія лекцій, занимался изданіемъ *Revue archéologique*. Трудъ, предпринятый имъ теперь, пополняетъ весьма существенный пробѣлъ въ нашей литературѣ и уже по первымъ выпускамъ можно убѣдиться, что онъ будетъ отличаться замѣчательными достоинствами. Г. Перро приступилъ къ нему въ сотрудничествѣ съ архитекторомъ, г. Шице, которому принадлежитъ отличное изслѣдованіе объ архитектурныхъ стиляхъ въ древней Греціи.

Другой археологъ, пользующійся не менѣе почетною репутаціей, Э. Рейе, профессоръ въ *Collège de France*, выступилъ съ подобнымъ

же изданіемъ, не столь обширнымъ, но болѣе роскошнымъ, и предназначеннымъ главнымъ образомъ для знатоковъ, а не для массы публики: я говорю объ его Памятникахъ древняго искусства (*Monuments de l'art antique*). Выходить оно ливрезонами, изъ которыхъ въ каждомъ помѣщается по 15 рисунковъ большаго формата съ объяснительнымъ къ нимъ текстомъ. Памятники, изображенные на нихъ, находятся или въ публичныхъ или частныхъ музеяхъ, одни принадлежатъ греческому и римскому искусству, а другіе искусству восточному; текстъ отличается вполне научнымъ содержаніемъ; самъ г. Рейе занимается преимущественно древнею Греціей, а все, что касается Египта, принялъ на себя г. Масперо.

Съ большимъ сочувствіемъ встрѣчено было также новое сочиненіе г. Франсуа Ленормана о греческихъ колоніяхъ въ южной Италіи (*La Grande Grèce, paysages et souvenirs*). Тутъ обнаружилось въ лучшемъ свѣтѣ и обширная эрудиція автора и замѣчательный его талантъ. Замѣчу кстати, что „Древняя исторія Востока“ г. Ленормана выходитъ теперь съ иллюстраціями; это ужъ десятое ея изданіе.

Одинъ изъ нашихъ молодыхъ эллинистовъ, г. Шарль Гро (*Charles Graux*), доцентъ Парижскаго словеснаго факультета и редакторъ *Revue critique*, былъ командированъ въ послѣднее время для обзрѣнія библиотекъ Даніи и Испаніи. Ему удалось при этомъ сдѣлать нѣсколько важныхъ открытій: такъ между прочимъ отыскалъ онъ манускриптъ Плутарха, болѣе полный и совершенный чѣмъ всѣ извѣстные до сихъ поръ. Результаты своихъ изслѣдованій изложилъ онъ въ двухъ диссертацияхъ на докторскую степень, изъ коихъ одна озаглавлена *De Plutarchi codice matritensi injuria neglecto*, а другая *Les origines du fond grec de l'Escorial*. Пользуясь манускриптомъ, о которомъ я упомянулъ сейчасъ, г. Гро занялъ въ настоящее время изданіемъ нѣсколькихъ „жизнеописаній“ Плутарха. Нѣкоторыя изъ нихъ уже появились и рѣзко отличаются своими достоинствами отъ изданій классическихъ авторовъ, предназначаемыхъ для нашихъ училищъ: эти послѣднія слишкомъ небрежны и очевидно имѣютъ въ виду лишь коммерческую цѣль. *Revue critique* жестоко и вполне основательно преслѣдуетъ ихъ.

Г. Буше-Леклеркъ, переводчикъ извѣстной исторіи Греціи Курциуса, приступилъ къ изданію своего обширнаго сочиненія *Histoire de la divination dans l'antiquité*. До сихъ поръ вышло три тома, а всѣхъ будетъ четыре.

Одна изъ писательницъ, занимающихъ видное положеніе въ Па-

рижскомъ обществѣ, г-жа Аданъ, извѣстная болѣе подъ псевдонимомъ Жюльеты Ламберъ и стоящая во главѣ редакціи *Nouvelle Revue*, вознамѣрилась познакомить нашу публику съ замѣчательнѣйшими изъ современныхъ греческихъ поэтовъ. Она не знаетъ греческаго языка, но буквальный переводъ изготовленъ былъ для нея г. Викеласомъ. Другой Грекъ, давно поселившійся во Франціи, г. Хассіотисъ издалъ книгу о народномъ просвѣщеніи въ Греціи отъ завоеванія Константинополя до настоящаго времени (*L' instruction publique chez les Grecs depuis la prise de Constantinople jusqu'à nos jours*). Это весьма почтенный трудъ: особенно любопытны тѣ его главы, которыя посвящены періоду порабощенія Грековъ Турками; тутъ собрано много свѣдѣній, которыя — можно сказать съ увѣренностью — для большинства читателей будутъ совершенно новыми.

Что касается изслѣдованій по части латинской филологіи, то въ этой области не могу указать ничего особеннаго за послѣднее время. Г. Констанъ издалъ диссертацию *De sermone Sallustiano*, не вполне исчерпывающую впрочемъ предметъ, а г. Бреалю принадлежитъ небольшой, но прекрасный трудъ: „*Les mots latins groupés d'après le sens et l'étymologie*“, составляющій отрывокъ изъ обширнаго Словаря латинской этимологіи (*Dictionnaire de l'étymologie latine*), которымъ этотъ ученый занятъ въ настоящее время и который будетъ напечатанъ на счетъ Парижскаго общества лингвистовъ.

Обращаясь къ произведеніямъ по отечественному языку и литературѣ я долженъ упомянуть объ очень серьезномъ изслѣдованіи г. Тюро (*Charles Thurot*): „*De la prononciation française depuis le commencement du XVI siècle, d'après le témoignage des grammairiens*“. Авторъ — профессоръ Нормальной школы и членъ Академіи надписей — считается однимъ изъ лучшихъ нашихъ этимологовъ. Предметъ, избранный имъ, мало занималъ до сихъ поръ нашихъ ученыхъ, хотя онъ вполне заслуживалъ бы этого. Г. Тюро извлекъ изъ подъ спуда множество давно забытыхъ сочиненій старинныхъ авторовъ, которые большею частью писали не для французской, а для иностранной публики; онъ сообщаетъ любопытныя подробности о томъ какую роль игралъ обычай въ нашемъ языкѣ. Вышедшій нынѣ первый томъ посвященъ исключительно произношенію гласныхъ. Все сочиненіе будетъ напечатано на сумму, ассигнованную правительствомъ.

Между чисто литературными новостями обращаютъ на себя вни-

маніе корреспонденція аббата Галіани и неизданные доселѣ мемуары Ламартина. Упомянутая корреспонденція проливаетъ любопытный свѣтъ на одного изъ интересныхъ дѣятелей конца прошлаго столѣтія. Галіани, какъ извѣстно, долгое время состоялъ Неаполитанскимъ посланникомъ въ Парижѣ и имѣлъ большой успѣхъ въ тогдашнихъ блестящихъ салонахъ; онъ одинаково хорошо писалъ по итальянски и по французски, ревностно занимался философіей, а также политической экономіей, по которой написалъ трактатъ, превознесенный до небесъ его друзьями. Отозванный на родину, велъ онъ переписку съ Даламберомъ, Гольбахомъ, г-жею Жофренъ, г-жею Элине, г-жею Некеръ, Спаромъ и др. Переписка эта была уже издана два раза, но очень небрежно, и только теперь, благодаря гг. Пере и Гастону Могрѣ, мы имѣемъ ее вполнѣ, безъ всякихъ пропусковъ, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя письма, неизвѣстныя до сихъ поръ, были заимствованы изъ С.-Петербургской публичной бібліотеки. Читатель найдетъ тутъ любопытныя подробности о сношеніяхъ съ французскими философами императрицы Екатерины, и не только ея самой, но также многихъ русскихъ вельможъ какъ напримѣръ, Воронцова, Шувалова и др. Пикантные анекдоты щедро разсыпаны во всей корреспонденціи. „Аббатъ Галіани, говорилъ о немъ Мармонтель, — одинъ изъ самыхъ изящныхъ арлекиновъ, какихъ когда либо производила Италия, но на плечахъ этого арлекина сидитъ голова Макіавелли“. Гг. Пере и Могрѣ предпослали изданной ими корреспонденціи аббата весьма обстоятельное предисловіе. Замѣчу здѣсь вкратчѣ, что книгопродавецъ Гарнье приготовляетъ образцовое по своей полнотѣ изданіе Ж. Ж. Руссо, надъ которымъ трудится въ настоящее время извѣстный критикъ г. Брюнетьеръ. Что касается мемуаровъ Ламартина, то этотъ авторъ еще при жизни своей говорилъ о себѣ очень много, но какъ то туманно, языкомъ поэзіи, и почти вовсе умалчивалъ о годахъ своей молодости. Именно ей и посвящена посмертная его книга: Ламартинъ рассказываетъ между прочимъ о томъ, какъ былъ онъ воспитанъ въ іезуитской школѣ и разказъ его — противъ обыкновенія — отличается замѣчательною трезвостью и сдержанностью.

Недавно сошелъ въ могилу одинъ изъ лучшихъ нашихъ ученыхъ, юристъ и историкъ, г. Шарль Жиро, занимавшій въ послѣднее время должность главнаго инспектора юридическихъ факультетовъ. При Наполеонѣ III онъ былъ два раза министромъ народнаго просвѣщенія. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ сочиненій о римскомъ правѣ и

о французскомъ средне-вѣковомъ правѣ, а также очерки литературы въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Послѣдній трудъ его „La magochale de Villars“ съ удовольствіемъ читался публикой. Умеръ также г. Поль С. Викторъ, литературный критикъ, задумавшій не за долго до своей кончины написать цѣлый рядъ этюдовъ о древнемъ и новомъ театрѣ подъ заглавіемъ „Двѣ маски“ (трагедія и комедія). Вышелъ только одинъ томъ, посвященный Эсхилу, въ которомъ много блестящихъ страницъ, но недостаточно серьезной эрудиціи. Закончу письмо свое извѣстіемъ, что Французская Академія присудила въ нынѣшнемъ году премію въ 20 т. фр., учрежденную Наполеономъ III и которая выдается чрезъ каждые два года, г. Низару за его извѣстную Исторію французской литературы.

Л. Л—ръ.

А. А. КОТЛЯРЕВСКИЙ

(некрологъ).

29-го сентября текущего года, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, скончался въ Пизѣ, въ Италіи, профессоръ славянскихъ нарѣчій въ университетѣ св. Владиміра Александръ Александровичъ Котляревскій.

Онъ былъ уроженецъ Малороссіи и питомецъ Московскаго университета, а всѣ ученыя степени отъ кандидатской до докторской получилъ въ университетѣ С.-Петербургскомъ. Слушатель Ф. И. Булаева и О. М. Бодянскаго въ срединѣ пятидесятихъ годовъ, Котляревскій началъ свою учено-литературную дѣятельность еще во время пребыванія своего въ Московскомъ университетѣ: уже тогда, подъ псевдонимомъ С-та, онъ печаталъ въ учено-литературномъ отдѣлѣ Московскихъ Вѣдомостей интересныя статьи о богатствахъ русскихъ былинъ и рецензіи на выходившія въ то время книги по части русской старины и народности. Потомъ его статьи такого же содержанія стали появляться (подъ псевдонимомъ Эксъ-С-та) въ Отечественныхъ Запискахъ начала 60-хъ годовъ, а еще позже (уже съ подписью полной фамиліи или подъ буквами А. К.) въ издаваемыхъ въ Воронежѣ Филологическихъ Запискахъ и въ періодическихъ изданіяхъ Московскаго археологическаго общества, котораго онъ былъ первымъ секретаремъ и въ то время дѣятельнымъ сотрудникомъ. Кромѣ того, въ концѣ 50-хъ же годовъ и первой половинѣ 60-хъ появлялись его статьи въ изданіи г. Тихонравова: Лѣтописи русской литературы, въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ

Основѣ и въ Бесѣдахъ Московскаго общества любителей русской словесности. Вообще Котляревскій особенно любилъ форму критико-библиографическихъ этюдовъ, и нерѣдко въ его статьяхъ такого рода появлялись результаты самостоятельныхъ его изысканій. Сперва область его ученыхъ работъ составляли преимущественно русская старина и народность, но затѣмъ, естественно увлекаемый необходимостью сравнительнаго изученія, онъ распространилъ свои занятія на весь кругъ славянской филологіи и археологіи. Критическими статьями своими Котляревскій скоро приобрѣлъ себѣ почетную извѣстность въ наукѣ, и вслѣдствіе того, Академія Наукъ стала приглашать его къ составленію рецензій на труды, представляемые на соисканіе Уваровскихъ премій; такимъ образомъ, по порученію Академіи Котляревскимъ разобраны были извѣстное сочиненіе А. Н. Аванасьева: „Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу“ и „Исторія русской жизни“ И. Е. Забѣлина. Впослѣдствіи Академія присоединила Котляревскаго къ числу своихъ членовъ-корреспондентовъ по отдѣленію русскаго языка и словесности.

Въ 1868 году Котляревскій издалъ свою магистерскую диссертацию „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“, прекрасное, тщательно обработанное изслѣдованіе, въ которомъ съ основательнымъ разборомъ источниковъ и строгостью выводовъ онъ сумѣлъ соединить живое, изящное изложеніе. Около того же времени онъ занялъ кафедру русскаго языка и словесности въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ и пробылъ до 1872 года. Принужденный оставить преподаваніе по болѣзни, онъ провелъ болѣе года за границей, по большей части въ Чехіи, а въ 1874 году возвратился къ профессурѣ, но уже въ Кіевскомъ университетѣ и на кафедру славянской филологіи. Защитивъ вскорѣ затѣмъ въ Петербургѣ свою докторскую диссертацию—объ обычномъ правѣ Поморскихъ Славянъ, онъ воспользовался своею преподавательскою дѣятельностью между прочимъ для того, чтобы возвратиться къ своимъ любимымъ критико-библиографическимъ трудамъ по предмету своей спеціальности. Послѣднее его сочиненіе, допечатанное только въ текущемъ году, принадлежитъ именно къ числу такихъ работъ: это — „Древняя русская письменность. Опытъ библиологическаго изложенія исторіи ея изученія“; сочиненіе это есть воспроизведеніе лекцій, читанныхъ Котляревскимъ въ 1877—1878 учебномъ году въ университетѣ св. Владиміра за отсутствіемъ профессора русской словесности. Къ сожалѣнію, трудъ этотъ остался не конченнымъ, но продолженіе его — этюдъ объ изученіи

русской народной словесности—уже было приготовлено авторомъ, который предполагалъ печатать его на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Высоко цѣнимый за свою ученую и преподавательскую дѣятельность, Котляревскій былъ избранъ въ Кіевѣ предсѣдателемъ состоящаго при тамошнемъ университетѣ историческаго общества Нестора лѣтописца и много содѣйствовалъ оживленію его ученыхъ занятій: въ I-й книгѣ Чтеній этого общества (К. 1879) помѣщено нѣсколько небольшихъ его изслѣдованій, а также нѣсколько замѣтокъ о явленіяхъ текущей исторической и археологической литературы и нѣсколько характеристикъ недавно скончавшихся русскихъ ученыхъ дѣятелей. Такія же характеристики трудовъ покойныхъ славистовъ В. И. Григоровича и О. М. Бодянскаго были сообщены Котляревскимъ въ выходившій въ Кіевѣ Славянскій Ежегодникъ 1877 и 1878 годовъ. Въ засѣданіи общества Нестора лѣтописца, состоявшемся уже послѣ кончины Котляревскаго, секретарь общества проф. Дашкевичъ произнесъ о немъ рѣчь, изъ которой мы и приводимъ отрывокъ, чтобъ охарактеризовать общее научное направленіе покойнаго: „Ученикъ Бодянскаго и Срезневскаго, Александръ Александровичъ пошелъ дальше ихъ въ области филологіи, потому что ему приходилось учиться въ то время, когда у насъ филологія, благодаря трудамъ указанныхъ ученыхъ, достигла извѣстной солидности. Въ 50-хъ годахъ обнаруживается въ филологіи направленіе — усвоить себѣ результаты изслѣдованій западныхъ ученыхъ и примѣнить ихъ къ разработкѣ славяновѣдѣнія. Александръ Александровичъ и былъ сторонникомъ этого направленія. Въ этомъ отношеніи изученіе сочиненія Гримма о нѣмецкой мифологіи дало толчокъ къ разностороннему изученію русской старины, сказокъ, пословицъ, и проч. Гриммъ служить не только образцомъ, но и прекрасною школой. Пройдя эту школу, Александръ Александровичъ сталъ на уровнѣ западной филологіи, чѣмъ онъ и отличается отъ своихъ предшественниковъ, и затѣмъ намѣтилъ новые пути изслѣдованія. Въ немъ не было ученаго буквоедства; напротивъ, онъ вездѣ находилъ матеріалъ для возбужденія живыхъ вопросовъ. Для него филологія была только необходимымъ научнымъ условіемъ возсозданія прошедшей жизни. Вооруженный основательнымъ филологическимъ знаніемъ, онъ указывалъ историкамъ ихъ ошибки, бывшія результатомъ недостаточной филологической подготовки; таково было его участіе въ норманскомъ вопросѣ. Обладая необыкновенно счастливою памятью, Александръ Алексан-

дровичъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладалъ и способностью возсозданія минувшей жизни по какимъ-нибудь вещественнымъ или не вещественнымъ ея остаткамъ“.

Котляревскій хотя и жилъ нѣкоторое время въ западно-славянскихъ земляхъ, но вообще не принадлежалъ къ числу славистовъ, которые основали свои званія на непосредственномъ, живомъ общеніи съ славянскимъ міромъ. Это, конечно, составляло нѣкоторый недостатокъ въ отношеніи къ предмету его изученій; но за то онъ отличался обширнымъ знакомствомъ съ литературой предмета и обстоятельную оцѣнку ея вносилъ въ свое преподаваніе. Это была невидная, черная работа, но очень полезная для его слушателей. Критическія же работы составляютъ — какъ сказано выше—и главный вкладъ его въ ученую литературу. Дѣятелей, которые посвящали бы себя преимущественно научной критикѣ, у насъ очень мало, и въ особенности съ этой точки зрѣнія прискорбна утрата такого дѣятеля, какимъ былъ Котляревскій.

СОЧИНЕНІЕ ЦИЦЕРОНА О ГОСУДАРСТВѢ ¹⁾.

VII.

Взгляды Цицерона на средства для развлеченія гражданъ въ минуты досуга. Драматическая поэзія и искусство. Нѣсколько словъ о судьбѣ греческой и римской комедій. Невозможность признать осужденіе Цицерономъ поэзія за принципиальное. Гладіаторскія игры. Возможное рѣшеніе вопроса объ отношеніи Цицерона къ этому роду зрѣлищъ. Музыка. Критика мнѣнія Аристиды Квинтиліана о взглядахъ на нее, высказанныхъ Цицерономъ въ *De republica*.

Говоря о нравахъ, какіе должны имѣть граждане дабы государство было счастливо, Цицеронъ не могъ не коснуться вліянія, которое имѣютъ на нихъ средства, избрѣтаемыя цивилизаціей для доставленія развлеченія гражданамъ въ минуты отдыха отъ трудовъ, тѣмъ болѣе, что философы, преимущественно служившіе ему образцами, Платонъ и Аристотель, относятся къ этому предмету съ большимъ вниманіемъ. Оцѣнка поэзія, музыки и общественныхъ зрѣлищъ должна была занять видное мѣсто въ произведеніи Цицерона, и слѣдуетъ сожалѣть, что мы не можемъ въ полнотѣ прослѣдить его взгляды на эти произведенія и вмѣстѣ съ тѣмъ подспорья цивилизаціи. Во всякомъ случаѣ мы, на сколько это возможно, отчасти по сохранившемуся въ нашемъ памятникѣ, отчасти по тому, что Цицеронъ говорилъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, постараемся опре-

¹⁾ Окончаніе. См. сентябрьскую и октябрьскую книжки *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

дѣлать, какъ онъ рѣшалъ важный вопросъ объ ихъ вліяніи на нравы. Начнемъ съ поэзіи.

Изъ всего, что было говорено въ сочиненіи *De republica* о поэзіи, до насъ дошли только небольшіе отрывки, изъ которыхъ, притомъ. одинъ ¹⁾ можетъ быть заподозрѣнъ въ принадлежности къ другому сочиненію Цицерона ²⁾. Но и изъ этихъ скудныхъ остатковъ, равно какъ и изъ другихъ сочиненій Цицерона, можно видѣть, что онъ былъ противъ поэзіи, если не въ принципѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ томъ ея видѣ, какъ она представлялась извѣстными ему греческими и римскими поэтами, и что мотивы, руководившіе имъ, были приблизительно тѣ же, которые заставили Платона осудить Гомера на изгнаніе ³⁾. Подобно Платону, упрекавшему поэтовъ за то, что они внушаютъ страхъ передъ смертію ⁴⁾, представляютъ героев нетерпѣливо переносящими страданія и подрываютъ уваженіе къ богамъ, изображая ихъ смѣющимися и подпавшими власти любви, возбуждаютъ злонравіе и гнѣвъ, — Цицеронъ говоритъ о поэтахъ: „они изображаютъ мужественнѣйшихъ людей плачущими, развѣиваютъ наши души ⁵⁾, выводятъ боговъ, воспламененныхъ гнѣвомъ и неистовствующихъ подъ вліяніемъ страсти, заставляютъ насъ скорѣть на ихъ войны, сраженія, раны, вѣчную вражду, раздоръ, несогласія, гибель, жалобы, плачь, увлеченія, достигающія полной неумѣренности, оболщенія, плѣнъ. связи съ людьми, и смертныхъ рожденныхъ безсмертными“ ⁶⁾. Далѣе, по его словамъ, поэты заставляютъ насъ соглашаться съ тѣми, „которые полагаютъ, что нѣтъ ничего лучше, желательнѣе, предпочтительнѣе, чѣмъ почести, власть и слава“ ⁷⁾; однимъ словомъ, они заглушаютъ въ насъ сѣмена добродѣтелей, отнимаютъ всѣ силы у доблести ⁸⁾, и опасность, представляемая ихъ произведеніями, усугубляется ихъ прелестью, застав-

¹⁾ *De rep.* IV, 9 fr. (*Aug. Civ. Dei*, II, 13).

²⁾ *Tuscul.*, III, 2.

³⁾ Платонъ не называетъ прямо Гомера; но по видимому такъ слѣдуетъ понимать его слова (*Полит.* III, 398). Такъ понималъ ихъ и Цицеронъ (*de rep.* IV, 5, *Nonius*, *fingeret*).

⁴⁾ *Plat.* *Полит.* III, 386, 387.

⁵⁾ *Tuscul.*, II, 11.

⁶⁾ *De nat. deor.* 1, 16.

⁷⁾ *Tuscul.*, III, 2.

⁸⁾ *Tuscul.*, II, 11.

ляущею не только читать, но и заучивать ихъ ¹⁾. Таковы тяжкія обвиненія, которыя Цицеронъ, слѣдуя Платону, направляетъ противъ поэзій вообще (при чемъ должно замѣтить, что, повидимому, онъ, какъ Аристотель въ своей Пятикѣ, имѣетъ въ виду прежде всего поэзію драматическую, что можно объяснить преимущественнымъ предъ другими родами развитіемъ ея до его времени ²⁾).

Если даже трагедія заслуживаетъ упрека въ развращающемъ вліяніи на нравы ³⁾, то еще больше слѣдуетъ порицать, по мнѣнію Цицерона, комедію, „которая любовь, эту виновницу безчестія и легкомыслія, считаетъ нужнымъ помѣстить въ собраніи боговъ“ ⁴⁾, „которая перестала бы существовать, если бы мы не одобряли этихъ гнусностей“ ⁵⁾. Поэтому достойны похвалы Римляне, которые, считая постыднымъ комическое и вообще сценическое искусство, опредѣлили не только лишать всѣхъ, занимающихся имъ, почестей, принадлежащихъ остальнымъ гражданамъ, но даже исключать ихъ изъ трибы ⁶⁾. Уже вышеуказанной причины достаточно для Цицерона, чтобы произнести тяжелый приговоръ надъ комедіей; но во сколько разъ большаго осужденія заслуживаетъ она, если, не довольствуясь распространеніемъ превратныхъ понятій о бogaхъ, о порокахъ и добродѣтеляхъ, осмѣливается еще касаться знаменитыхъ своими заслугами мужей! А между тѣмъ въ Греціи „было даже закономъ дозволено, чтобы въ комедіи говорилось что угодно, о комъ угодно“ ⁷⁾. И каковы же результаты этого? „Кого не задѣла комедія, или, лучше сказать, кого она не оскорбила? Кого она пощадила?“ ⁸⁾. Пусть бы еще она касалась только людей, принадлежащихъ къ партіи народной, людей злонамѣренныхъ, производящихъ раздоры въ государствѣ, какъ Клеона, Клеофонта, Гипербола, хотя и такіе граждане скорѣе должны

¹⁾ Tuscul., ibidem.

²⁾ Впрочемъ лирическую поэзію Цицеронъ также, по свидѣтельству Сенеки, не считаетъ достойною вниманія, вѣроятно по недостатку въ ней серьезности (Sen., Ep. XLIX).

³⁾ Вся вышеприведенная обвиненія поэзій Цицеронъ подтверждаетъ примѣрами изъ трагедій.

⁴⁾ Tuscul., IV, 32.

⁵⁾ Tuscul. ibidem.

⁶⁾ De rep. IV, 10, (Aug. Civ. Dei, II, 14). Платонъ не допускаетъ на комическую сцену свободныхъ гражданъ (Nómoi VII, 816).

⁷⁾ De rep. IV, 10, (Aug. Civ. Dei, II, 9).

⁸⁾ Ibidem.

подвергаться наказанію цензора, чѣмъ поэта; но оскорблять въ стихахъ Перикла, послѣ того, какъ онъ уже въ теченіи многихъ лѣтъ правилъ государствомъ и въ мирѣ и на войнѣ, — это было такъ же неприлично, какъ если бы Плавтъ или Нэвій захотѣли злословить Публія и Гнея Сципіоновъ, или Цецилій—Катона ¹⁾). Поэтому законъ XII таблицъ опредѣлили смертную казнь, „если кто-либо пропуститъ или сочинитъ стихотвореніе, которое должно причинить другому безславіе или позоръ“; и вообще Римляне не хотѣли, чтобы „кто-нибудь при жизни былъ хвалимъ или порицаемъ со сцены“ ²⁾). Цицеронъ въ высшей степени одобряетъ это, ибо „наша жизнь, по его словамъ, должна подлежать оцѣнкѣ и законному обсужденію магистратовъ, а не таланту поэтовъ, и мы не должны слышать поношенія иначе, какъ съ условіемъ, чтобы имѣть право отвѣчать и защищаться на судѣ“ ³⁾).

Въ виду словъ Цицерона объ ограниченіяхъ, постановленныхъ римскимъ законодательствомъ произволу драматическихъ писателей и исполнителей, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о различіи въ этомъ отношеніи между судьбами греческой и римской комедіи.

Въ Греціи и особенно въ Аѳинахъ такъ называемая древняя комедія долгое время какъ-бы замѣняла свободную печать: она затрогивала важнѣйшія государственныя дѣла и политическихъ дѣятелей, и насмѣшка ея не знала преградъ; не было столь знатнаго и вліятельнаго лица, которое могло-бы считать себя обезпеченнымъ отъ нея ⁴⁾). Извѣстно, какія чувства питалъ Периклъ къ Аспазіа, и, не

¹⁾ De rep. IV, 10, fr. S. Aug. Civ. Dei, II, 9.

²⁾ De rep. ibidem. Cp. Schoell, Legis reliquiae, VII.

³⁾ De rep. ibidem. Платонъ, допуская драматическую поэзію въ своихъ «Законахъ», требуетъ, чтобы трагедіи прежде представленія были разсматриваемы магистратами, въ виду того, чтобы въ нихъ не высказывались какія-либо противоположныя государственному строю мнѣнія (Νόμοι VII, 817), и назначаетъ строгое наказаніе за осмѣяніе гражданина (Νόμοι XII, 935).

⁴⁾ Характеристикѣ древней аттической комедіи представляетъ, между прочимъ Горацій.

Eupolis atque Cratinus Aristophanesque poetae
Atque alii, quorum comoedia prisca virorum est,
Si quis erat dignus describi, quod malus aut fur
Quod moëchus foret aut sicarius aut alioqui
Famosus, multa cum libertate notabant.

Hor. Sat. I, 4, vv. 1 sqq.

смотря на то, комическій писатель Кратинъ, можетъ быть, въ присутствіи самого Перикла, указывалъ на нее со сцены, какъ на „похотливую, непотребную женщину съ собачьимъ взоромъ“. Аристофанъ, не говоря уже о тѣхъ, весьма подчасъ грубыхъ, насмѣшкахъ, которыми онъ осыпалъ Сократа, не будучи въ состояніи отличить его ученія отъ ученія софистовъ, и по смерти Перикла не оставилъ памяти этого государственнаго человѣка въ покоѣ. Въ комедіи „Ахарниане“, поставленной впервые въ 425 году до Р. Х., онъ такъ объясняетъ начало Пелопонезской войны: „Нѣсколько молодыхъ гулякъ, слишкомъ много выпившихъ, украли Симету, мегарскую блудницу, послѣ того въ похотливомъ изступленіи увели они съ собой и двухъ гетеръ Аспазіи. Такимъ образомъ изъ-за трехъ непотребныхъ женщинъ вспыхнула въ Элладѣ война, потому что Олимпіецъ Периклъ, взбѣшенный этимъ, сталъ метать на Элладу громы и молніи“. Однако древняя аттическая комедія постепенно все болѣе и болѣе утрачивала свой политическій характеръ и свободу и переходила къ изображенію общечеловѣческихъ пороковъ и страстей. Такимъ образомъ выработались такъ называемыя средняя (переходная) и новая комедіи ¹⁾.

Въ Римѣ, заимствовавшемъ комедію изъ Греціи, благодаря закону децемвировъ, старавшихся оградить аристократію ²⁾, мы видимъ лишь весьма немногія попытки перенести на римскую почву греческую политическую комедію. Такъ можно указать Нэвія, который въ одной изъ своихъ комедій, написанной послѣ первой Пунической войны, рѣшился подвергнуть осмѣянію нѣкоторыхъ изъ самыхъ важныхъ лицъ въ Римѣ и даже побѣдителя Каррагена, Сципіона Африканскаго ³⁾. Нужно ли говорить, что такая смѣлость не прошла безна-

¹⁾ Характеристику средней и новой греческой комедіи см. у Meineke, *Hist. crit. comic. Graec.* pp. 272, sqq., 436, sqq. Эти два рода комедіи не были однако совершенно чужды политическимъ намекамъ и насмѣшкамъ. Примеры у Meineke, pp. 274, 436, sqq.

²⁾ Монтескье говоритъ по поводу этого закона: «La disposition, qui decouvre le mieux le dessein des décevirs, est la peine capitale, prononcée contre les auteurs des libelles et les poètes etc» (*Esprit des Lois*, VI, 15).

³⁾ Aul. Gell. VII, 8. Въ этой комедіи были слѣдующіе стихи:

Etiam qui res magnas manu saepe gessit gloriose,
Cuius facta nunc vigent, qui apud gentes solus
Praestat,—eum suus pater cum pallio uno ab amica abduxit.

Здѣсь же онъ задѣлъ также Метелловъ слѣдующими словами:

Fato Metelli Romae consules fiunt.

казанной? Если народъ римскій, у котораго авторитетъ весьма много значилъ, когда тотъ же Сципіонъ былъ привлеченъ къ суду законною властію, по одному слову его, напоминавшему о его заслугахъ, удался вмѣстѣ съ нимъ съ форума, оставивъ тамъ однихъ трибуновъ въ весьма неловкомъ положеніи ¹⁾, то и подавно за него должны были возстать всѣ вельможи. Нэвій былъ, по приказанію триумвировъ, заключенъ въ тюрьму, и, несмотря на требованія народныхъ трибуновъ, былъ освобожденъ не прежде, какъ написалъ двѣ комедіи — „Гариола“ и „Леонта“, въ которыхъ загладилъ всѣ насмѣшки, бывшія причиной его несчастія ²⁾. Ясно, что при такомъ положеніи дѣла комедія политическая, которая имѣла бы въ виду вопросы дня, волновавшіе народъ въ собраніяхъ, и дѣйствовала бы посредствомъ насмѣшки на политическихъ людей, не могла не только развиться, но и поддерживать свое существованіе: она зачахла, не успѣвъ окрѣпнуть, и римскіе комики должны были ограничиться копированіемъ бытовыхъ гражданскихъ комедій Менандра, Дифила и пр. Мало того, авторы, боясь за каждое вольное слово или намекъ если не смертнаго приговора, то, во всякомъ случаѣ, строгаго наказанія, дошли въ своей осторожности до того, что все, могущее напомнить Римъ, римскія названія мѣстностей, имена дѣйствующихъ лицъ, костюмы ³⁾, было надолго изгнано, и въ произведеніяхъ лучшихъ римскихъ комиковъ мы имѣемъ дѣло лишь съ Афинами, Эфесомъ, Сикіономъ, Эпидавромъ, Эпидамномъ и т. п. Впослѣдствіи, частію вслѣдствіе истощенія греческихъ сюжетовъ, частію вслѣдствіе послѣдовательной демократизаціи римскаго государственнаго строя ⁴⁾, комедія получила болѣе національный характеръ, стала изображать нравы не только гражданъ высшаго класса и жителей муниципій (*fabula tabernaria* и *Atellana*), но и римскаго высшаго общества, замѣнивъ въ костюмахъ греческій плащъ тогею; но политическій намекъ получилъ нѣкоторую свободу лишь во время Цицерона, когда среди всеобщаго насилія публичная

На чтѣ Метеллы отвѣтили:

Dabunt malum Metelli Naevio poetae (Ascon., Cicer. in Verr. I, 10).

¹⁾ Livius, XXXVIII, 51.

²⁾ Aul. Gell. III, 3.

³⁾ Дѣйствующія лица въ латинскихъ комедіяхъ, заимствованныхъ съ греческаго, были одѣты въ греческіе плащи (*pallium*), откуда этотъ родъ комедій назывался *fabula palliata*. Наоборотъ, національная римская комедія по національному римскому костюму называлась, *fabula togata*.

⁴⁾ *Patin*, Etudes sur la poésie latine, II pp. 302—304.

насмѣшка со сцены сдѣлалась сравнительно невиннымъ и мягкимъ средствомъ для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей ¹⁾).

Естественно было бы теперь задать вопросъ: была ли религія такъ же ограждена въ Римѣ отъ нападокъ комедіи, какъ достоинство гражданъ, и требовалъ ли Цицеронъ въ разсматриваемомъ нами памятникѣ такого огражденія. Въ виду ясныхъ свидѣтельствъ Тертуліана о неуваженіи римскихъ мимовъ къ богамъ ²⁾, и упрека Августина Цицерону за то, что онъ, защищая личность гражданъ отъ нападенія комедіи, не позаботился о защитѣ религіи ³⁾, приходится на этотъ вопросъ отвѣчать отрицательно.

До сихъ поръ мы старались, на основаніи остатковъ *De republica* и съ помощію другихъ сочиненій Цицерона, опредѣлить, какія возраженія были сдѣланы имъ противъ поэзіи вообще и драматической поэзіи и искусства въ частности. Мы видѣли, что Цицеронъ не скупится на тяжкія обвиненія ихъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что онъ какъ вообще, такъ и въ разсматриваемомъ нами памятникѣ, возставалъ противъ поэзіи въ принципѣ? Намъ кажется, что такое мнѣніе было бы даже нѣкотораго рода неуваженіемъ къ великому человѣку, котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя обвинить въ односторонности, который вездѣ умѣлъ ясно различить и хорошія, и дурныя стороны; а кто станетъ отрицать неотъемлемыя достоинства поэзіи и драматическаго искусства? Не вѣрнѣ ли поэтому думать, что Цицеронъ возставалъ только противъ недостатковъ большинства извѣстныхъ ему поэтическихъ произведеній, противъ злоупотребленій сцены, требовалъ ихъ исправленія, что будетъ весьма понятно, если мы вспомнимъ о характерѣ многихъ современныхъ ему сценическихъ

¹⁾ Такъ извѣстный писатель мимовъ Лаберій, принужденный Цезаремъ выступить на сцену и такимъ образомъ лишенный всадническаго званія, отомстилъ ему, вставивъ въ свою роль слова: *Porro, Quirites, libertatem perdimus.* (*Ribbeck, Sc. Rom. poëa. rel. II, 297.*)

²⁾ *Tertull. Apol. 14: Dispicite Lentulorum et Hostiliorum venustates, utrum mimos an deos vestros, in iocis et strophis rideatis: moechum Anubim et masculam Lunam, et Dianam flagellatam, et Jovis mortui testamentum recitatum, et tres Hercules famelicos irrisos.* Впрочемъ и въ древнѣйшихъ комедіяхъ боги иногда являютъ въ комическихъ положеніяхъ.

³⁾ *Itane tandem, Scipio, laudas hanc poetis Romanis negatam esse licentiam ut cuiquam opprobrium infligeret Romanorum, cum videas eos nulli deorum pepercesse vestrorum. Itane pluris tibi habenda visa est aestimatio vestrae curiae, quam Capitolii, imo Romae unius quam coeli totius...?* и т. д. (*Aug. Civ. Dei II, 12.*)

представленій ¹⁾. Постараемся насколько возможно доказать это. Во-первыхъ, почти во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Цицеронъ нападаетъ на поэзію, какъ на силу, способствующую разнузданію страстей и искаженію нравственныхъ понятій, такіе же упреки онъ дѣлаетъ и философіи ²⁾. Но нельзя же изъ этого заключить, чтобы Цицеронъ, назвавшій философію „изобрѣтеніемъ боговъ“ ³⁾, наукой „обильнѣе, прѣтущѣе, превосходнѣе которой ничто не дано жизни человѣческой“ ⁴⁾, возставалъ вообще противъ нея: онъ самъ рѣшительно отрицаетъ это ⁵⁾. Равнымъ образомъ, изъ упрековъ поэзіи нельзя выводить общаго отрицанія ея. Намъ кажется, что даже самыя ироническія названія, въ родѣ „славная истолковательница жизни“ ⁶⁾, придаются Цицерономъ поэзіи собственно для того, чтобы рѣзче противопоставить, чѣмъ должна быть истинная поэзія, подобно тому, какъ и философовъ онъ часто иронически называетъ „наставниками добродѣтели“ ⁷⁾, хотя бы они проповѣдовали совершенно противное нравственности. Что касается письма къ Марію, которое, какъ думаетъ Мозеръ, заключаетъ въ себѣ порицаніе всѣхъ римскихъ развлеченій, то, по нашему мнѣнію, это порицаніе не распространяется на комедію вообще: въ этомъ письмѣ заключается только дурной отзывъ о сценическомъ исполненіи одной комедіи ⁸⁾. Это все косвенныя доказательства; но есть мѣста, гдѣ Цицеронъ прямо высказываетъ сочувствіе поэзіи и въ частности комедіи, конечно, если образецъ того заслуживаетъ. Какими похвалами, напримѣръ, превозноситъ онъ остроуміе Плавта, не только не видя въ немъ ничего „безстыднаго“, но называя его „изящнымъ, учтивымъ, замысловатымъ, пріятнымъ“, ставя его на

¹⁾ Такъ Катонъ долженъ былъ выйти изъ театра во время праздника богини Флоры, ибо народъ при немъ не смѣлъ требовать исполненія нескромныхъ шарсовъ, обыкновенно заключающихъ торжество (Villem., 237).

²⁾ См. Tuscul. II, 12, IV, 33, de nat. deor. I, 16 etc.

³⁾ Tuscul. I, 26.

⁴⁾ De leg. I, 22.

⁵⁾ Tuscul. II, 2, III, 3.

⁶⁾ Tuscul. IV, 32.

⁷⁾ Tuscul. II, 12, IV 33, etc.

⁸⁾ Ad fam. VII, 1: Omnino si quaeris, ludi apparatusissimi, sed non tuistomachi: coniecturam enim facio de meo. Nam primum honoris causa in scaenam redierant ii quos ego honoris causa de scaena deesse arbitrabar. Deliciae vero tuae, noster Aesopus, eius modi fuit ut ei desinere per omnes homines liceat. Is jurare quum coepisset, vox eum defecit illo loco etc.

ряду съ философами Сократовой школы ¹⁾). Какое уваженіе къ поэзіи высказываетъ Цицеронъ въ защитѣ Архіи, на какой высокой пьедесталъ ставить онъ призваніе поэта, какого почтенія требуетъ къ нему! „Итакъ“, говоритъ онъ, „да будетъ священно предъ вами, человѣколюбивѣйшими людьми, это имя поэта, которое никогда не оскорбила ни одна варварская страна. Скалы и пустыни отвѣтствуютъ его голосу; часто лютые звѣри смягчаются его пѣніемъ и останавливаются: неужели же мы не тронемся голосомъ поэтовъ?“ ²⁾ Конечно, нельзя принимать за совершенно искреннее все, что здѣсь говоритъ Цицеронъ, какъ защитникъ обвиняемаго; но похвала во всякомъ случаѣ остается значительною. Да развѣ и самъ Цицеронъ не пробовалъ свои силы въ поэтическомъ творествѣ ³⁾, развѣ не цитуетъ онъ зачастую поэтовъ ⁴⁾, развѣ не считаетъ, наконецъ, изученіе національныхъ поэтическихъ произведеній необходимымъ для того, чтобы имѣть право на званіе образованнаго человѣка? ⁵⁾. Все это должно убѣдить насъ, что Цицеронъ далеко не съ такимъ враждебнымъ чувствомъ смотрѣлъ на поэзію, какъ можно предположить съ перваго взгляда. Но признавъ, что Цицеронъ не былъ въ принципѣ противъ поэзіи и въ частности противъ драматическаго искусства, только бы они оставались вѣрны своимъ дѣламъ и идеаламъ, можемъ ли мы быть увѣрены, что и въ сочиненіи „О государствѣ“ Цицеронъ отступалъ отъ одностороннихъ обвиненій противъ этого искусства, замолвилъ слово въ его пользу? Все, какъ сохранившіеся отрывки изъ IV книги, такъ и характеръ самыхъ собесѣдниковъ, изъ которыхъ Сципіонъ и въ особенности Лелій были друзьями Теренція и по слухамъ, упоминаемымъ самимъ поэтомъ ⁶⁾ и Цицерономъ ⁷⁾ и, можетъ быть, не совсѣмъ неосновательнымъ, участниками въ сочиненіи его ко-

¹⁾ De off. I, 29, 104.

²⁾ Pro Archia, VIII.

³⁾ См. напримѣръ переводы изъ «Фатіомеца», Арата, Иліады и Одиссеи Гомера. (Ed. Clotz, vol. III, pars IV).

⁴⁾ Напримѣръ Теренція Tuscul. III, 27, 65, De fin I, 1, 3, De invent. I, 19, 27, De nat. deor. II, 23, 60, De off. I 42, 150; Плавта—De or. II, 10, 39, De invent. I, 50, 95. Ad Herenn. II, 23, 35; De div. I, 31, 65. и пр. Эвнія,—De rep. I, 2, Tuscul. IV, 23, 52, De legg. II, 27, 68, De n. d. II, 18, 49. Orat. 45, 152 и пр.

⁵⁾ De fin. I, 2.

⁶⁾ Terent. Adelphi. prolog. vv. 15—21.

⁷⁾ Ad Att. VII, 3.

медій, заставляетъ предполагать, что, послѣ произнесенія однимъ изъ собесѣдниковъ рѣчи противъ поэзіи и драматическаго искусства, другой изъ нихъ, и всего вѣроятнѣе Лелій, излагалъ свое мнѣніе о хорошихъ сторонахъ ихъ, говоря, между прочимъ, что комедія есть подражаніе жизни, зеркало нравовъ, образъ истины¹⁾, что, если Римляне считали нужнымъ вычеркивать актеровъ изъ списка гражданъ, то у другихъ народовъ, напримѣръ у Грековъ, трудъ актеръ не считается столь позорнымъ, и что многіе извѣстные люди, какъ ораторъ Эскинъ и Аристодемъ, бывшій неоднократно посломъ отъ Аѳинянъ, въ молодости были трагическими актерами²⁾.

Разсматривая ученіе Цицерона о вліяніи общественныхъ развлеченій на нравы гражданъ, нельзя пройти молчаніемъ гладіаторскія игры, которыя, какъ извѣстно, имѣли огромное значеніе въ Римѣ. Здѣсь намъ предстоитъ отвѣтить на два вопроса: во-первыхъ, какъ смотрѣлъ Цицеронъ на гладіаторскія игры, и, во-вторыхъ, какъ выражался онъ о нихъ въ „De republica“. Первый вопросъ, повидимому, не представляетъ трудностей. Такой просвѣщенный мыслитель, какъ Цицеронъ, державшійся возвышенныхъ взглядовъ на природу человѣка, не могъ сочувствовать варварскому обычаю убивать для потѣхи себѣ подобныхъ: въ упомянутомъ письмѣ къ Марію (а въ письмахъ мы можемъ больше всего разчитывать найти искреннее выраженіе его взглядовъ) онъ прямо, хотя сдержанно, заявляетъ свое неодобреніе этому роду развлеченій, на этотъ разъ уже, повидимому, осуждая его не за отклоненіе отъ нормальнаго, не за злоупотребленіе, а въ принципѣ. Изъ этого письма мы узнаемъ, что, по взгляду Цицерона, какъ бы роскошно ни было обставлено такое зрѣлище, образованные люди не могутъ испытывать удовольствія, видя, какъ „слабый человѣкъ растерзывается сильнымъ звѣремъ, или прекрасный звѣрь пронзается охотничьимъ копьемъ“³⁾. Труднѣе рѣшить, какіе взгляды на тотъ же предметъ высказывалъ Цицеронъ въ занимающемъ насъ произведеніи. Зная его убѣжденія о безнравственности и неестественности развлеченія, въ жертву которому приносится человѣческая жизнь, можно предположить, что гладіаторскія сраженія подвергались здѣсь еще болѣе рѣзкому осужденію; но съ другой стороны должно принять во вниманіе, что Цицерону въ такомъ случаѣ

¹⁾ De rep. IV 11 (Donat. de comed.).

²⁾ De rep. IV, 11 (Aug. Civ. Dei II, 10).

³⁾ Ad fam. VII, 1.

пришлось бы отступить отъ постояннаго приѣма — брать за образецъ факты римской государственной жизни, пришлось бы возстать противъ обычая, вѣками укоренившагося въ Римѣ, получившаго почти государственное значеніе и, повидимому, не возмущавшаго даже наиболѣе просвѣщенныхъ Римлянъ. Необходимо помнить, что Римляне, особенно въ сравненіи съ Греками, даже во время Цицерона, когда нравы значительно смягчились, представляются все-таки не истинно цивилизованной націей, но одаренными въ высшей степени способностію подражанія и, благодаря этой способности, усвоившими плоды чужеземной цивилизаціи, при чемъ однако она не проникла ихъ нравственное существо, не смягчила въ замѣтной степени ихъ природу. Народъ военный по преимуществу, Римляне любили зрѣлище скомандованныхъ плѣнныхъ: они служили украшеніемъ триумфовъ. Умерщвление этихъ плѣнныхъ на играхъ, дававшихся побѣдителями, было какъ-бы нагляднымъ, символическимъ выраженіемъ торжества Рима надъ врагами, много говорило чувству патриотизма, воздымало національную гордость, которою, можетъ быть, ни одинъ народъ не превосходилъ Римлянъ, и это заглушало въ нихъ угрызения совѣсти. Разъ введенъ былъ этотъ обычай и Римляне привыкли къ нему, можно было и не ограничиваться уже одними плѣнными. Народъ, привыкнувъ къ жестокой потѣхѣ, не довольствовался случайными зрѣлищами при триумфахъ; ему хотѣлось чего нибудь болѣе постояннаго, и вотъ изъ множества рабовъ выбираются сильные и ловкіе люди, устраиваются гладиаторскія школы, которыя снабжаютъ римскій циркъ бойцами, обезпечиваютъ ему постоянное изобиліе мяса и крови. Могъ ли Цицеронъ возстать противъ этого, временемъ освященнаго и государствомъ признаннаго обычая, который искоренить удалось лишь христіанству, и то послѣ продолжительной и упорной борьбы съ языческими традиціями? Могъ ли, наконецъ, Сципіонъ Эмилианъ, главное лице діалога, взять на себя порицаніе кровавыхъ зрѣлищъ, когда извѣстно, что его предокъ, Сципіонъ Африканскій Старшій, самъ, по взятіи Карфагена, далъ въ этомъ городѣ блестящія гладиаторскія игры, къ участію въ которыхъ были допущены только свободные люди и въ которыхъ пали даже два иберійскихъ князька, братья, спорившіе за престолъ и вступившіе между собою въ бой съ разрѣшенія Сципіона¹⁾? Какъ выйдти изъ этого недоумѣнія? При всемъ желаніи, мы не можемъ представить опредѣленнаго отвѣта; по если

¹⁾ Villem., p. 245.

позволено будетъ намъ высказать свое личное предположеніе, то въ сочиненіи Цицерона были вѣроятно высказаны противоположныя мнѣнія о гладиаторскихъ играхъ, указаны дурныя и хорошія стороны этого обычая; жестокости и несправедливости кровавыхъ зрѣлищъ могла быть противопоставлена польза, которую они приносятъ, причая гражданъ къ виду крови и смерти и способствуя укрѣпленію ихъ нервовъ, подготавливая юношей къ военному дѣлу и не давая пожилымъ людямъ совершенно отставать отъ него.

Наконецъ, въ числѣ предметовъ, такъ или иначе вліяющихъ на нравы гражданъ, Цицеронъ долженъ былъ подвергнуть одѣлкѣ и музыку, которая, несомнѣнно, на жителей южныхъ странъ, по самому свойству ихъ природы, имѣетъ гораздо большее вліяніе, чѣмъ на насъ. Извѣстно, какимъ значеніемъ пользовалась она въ Греціи; въ Римѣ ея значеніе хотя было много меньше, все-таки оставалось велико, и Цицеронъ не могъ обойти вопроса о ней. При томъ, уже примѣръ Платона и Аристотеля, отводившихъ въ своихъ сочиненіяхъ мѣсто разсмотрѣнію вліянія музыки на развитіе человѣка и ея значенія въ воспитаніи ¹⁾, долженъ былъ заставить и его сказать свое мнѣніе объ этомъ предметѣ. До насъ не дошло ничего изъ того, что говорилось относительно музыки въ *De republica*. Единственнымъ источникомъ, по которому мы знакомимся со взглядами Цицерона на нее, какъ они высказывались въ этомъ сочиненіи, служитъ трактатъ о музыкѣ Аристиды Квинтиліана ²⁾. Изъ этого трактата мы узнаемъ не только, что Цицеронъ подвергалъ здѣсь вопросъ о музыкѣ обсужденію, но и то, какъ приблизительно онъ рѣшалъ его: Аристидъ говоритъ, что Цицеронъ произносилъ строгій приговоръ надъ музыкой, приписывая ей вредное вліяніе на нравы. Если это такъ, то слѣдуетъ признать, что Цицеронъ въ данномъ случаѣ становился противъ Платона и Аристотеля, считавшихъ музыку однимъ изъ сильныхъ и притомъ благотворныхъ средствъ вліять на характеръ людей, если только выборъ мелодій сдѣланъ удачно, и расходившихся между собою лишь въ мелочахъ (въ выборѣ мелодій и инструментовъ) ³⁾. Хотя не подлежитъ сомнѣнію,

¹⁾ Plat. Πολιτεία, III, 398, 399; Aristot. Πολιτ. VIII, 5, 6, 7. Здѣсь они говорятъ о музыкѣ въ тѣсномъ смыслѣ.

²⁾ Aristides Quintilianus, de musica, l. II, p. 69—71, ed. Meibom (in fragm. De republ. IV, 12).

³⁾ Plat. Πολιτ. III, 398, 399. Arist. Πολιτ. VIII, 6, 7. О значеніи музыки для государства см. также Cic., de legibus, III, 14: quod Platoni nostro placet, qui musicorum cantibus ait mutatis mutari civitatum status.

въ виду яснаго свидѣтельства Аристидѣ Квинтиліана, что въ De republica музыка подвергалась осужденію, но позволительно сомнѣваться, на сколько мы должны видѣть здѣсь искреннее убѣжденіе самого Цицерона. Уже Аристидѣ Квинтиліанъ обратилъ на это вниманіе и сдѣлалъ попытку объяснить противорѣчіе, которое бросается въ глаза, если сравнить взгляды на музыку, высказанные Цицерономъ здѣсь, съ тою хвалою, которую онъ воздаетъ ей въ своей рѣчи за Россія ¹⁾. Аристидѣ не соглашается признать, что Цицеронъ говорилъ одобрително о музыкѣ въ указанной рѣчи только какъ адвокатъ „въ виду предположенной цѣли“ ²⁾, и старается устранить противорѣчіе, принимая сказанное объ этомъ искусствѣ въ De republica за убѣжденіе не Цицерона, а лица, въ уста котораго была вложена рѣчь о немъ, подобно тому, какъ порицаніе краснорѣчія въ V-й книгѣ принадлежитъ не самому автору: если и можно, по мнѣнію Квинтиліана, видѣть здѣсь отголосокъ личныхъ взглядовъ Цицерона, то только въ осужденіи злоупотребленій музыкою и ораторскимъ искусствомъ ³⁾. Однако, хотя трудно понять, почему Цицеронъ въ вопросѣ о музыкѣ шелъ противъ всѣхъ своихъ обычныхъ авторитетовъ, не только противъ Платона и Аристотеля, но даже Полибія, который въ своей исторіи высказывается за музыку, „если только она дѣйствительно музыка“ ⁴⁾, и возражаетъ Эфрору, который говоритъ, что „музыка введена ради обмана и какъ бы обморочиванія“ ⁵⁾, хотя естественно было бы ожидать отъ такого приверженца всякаго знанія, какъ Цицеронъ, скорѣе защиты, чѣмъ порицанія музыки, мы не рѣшимся безусловно пристать къ мнѣнію Квинтиліана, ибо, впер-

¹⁾ Οὐ γὰρ ἔγωγ' ἂν φαίην ἕκείνη τὰ τοιαῦτα εἰρησθαι: πῶς γὰρ ἂν τις αὐτὸν ἰσχυρίζαιτο μουσικὴν λοιδορεῖν τε καὶ ὡς φαύλην εὐθύνειν τέχνην, ἀρμονῶν τε καὶ ῥυθμῶν ἀρετὰς τε καὶ κακίας διορίζουσαν, ἄνδρα ὅς γε τῆνικαῦτα ῥυθμοῖς μόνοις καὶ τοῦτοις ἀγεῖναι καὶ φαύλοις ἐπιδεικνύμενον Ῥώσκιον τὸν ὀρχηστῆν οὕτω σφόδρα ἐξεπλήττετο, ὥστε φάσκειν αὐτὸν προνοία θεῶν ἐς ἀνθρώπους παρελθεῖν. (Arist. Quint. De mus. I, II, De rep. IV, 12). Этого мѣста въ рѣчи за Россія въ настоящее время не находится; но у Макробія есть вѣчто подобное: *Histriones non inter turpes habitos Cicero testimonio est, quem nullus ignorat Roscio et Aesopo histrionicibus tam familiariter usum. Nam illam orationem quis est, qui non legerit, in qua populum Romanum obiurgat, quod Roscio gestum agente tumultaverit* (Macr. Saturn. II).

²⁾ Προκειμένης ἔνεκεν προφάσεως. (Arist. Quint. ibidem).

³⁾ Arist. Quint. ibidem.

⁴⁾ Πολυβ. Ἱστορ. IV, 20.

⁵⁾ Ibidem.

выхъ, очень можетъ быть, что Цицеронъ и здѣсь, какъ часто въ другихъ мѣстахъ, приносилъ свои личныя убѣжденія въ жертву государственнымъ интересамъ и, чтобы обезпечить государство отъ вреднаго вліянія музыки дурнаго тона, рѣшался изгнать ее совсѣмъ; вовторыхъ, еслибы дѣйствительно Цицеронъ вложилъ въ уста кого либо изъ участниковъ діалога слова, противоположныя своимъ взглядамъ, то онъ слѣлалъ бы это не иначе, какъ съ цѣлью отбѣнать рѣзче свое мнѣніе, которое было бы выражено другимъ. Но ничего подобнаго нѣтъ (ибо если бы было, Квинтилианъ упомянулъ бы объ этомъ), и потому мы должны признать, что мысли о музыкѣ, высказанныя въ De republica, представляютъ убѣжденіе самого автора. Во всякомъ случаѣ, мы не осмѣливаемся претендовать на несомнѣнное рѣшеніе этого вопроса, въ виду недостатка данныхъ.

VIII.

Мнѣніе Цицерона о недостаткѣ въ государственныхъ людяхъ, какъ главной причинѣ паденія республиканскаго строя, и степень исторической вѣрности этого мнѣнія. Душевыя свойства, требуемая Цицерономъ отъ правителя государства. Главнѣйшія обязанности правителя. Характеръ ученія Цицерона объ этомъ предметѣ. Взгляды Цицерона на судебную, законодательную и административную власть правителя (въ связи съ римскою государственною практикою) по соч. De republica и De legibus. Очеркъ римскаго государственнаго устройства Плилія, какъ средство замѣнить, по всей вѣроятности, утраченную Цицероному характеристику значенія и круга дѣятельности, которая должна принадлежать сенату и народному собранію. Взгляды Цицерона на научную подготовку правителя и отношеніе ихъ ко взглядамъ на этотъ предметъ Платона. Вопросъ о значеніи краснорѣчія для государственнаго челоѣка и вѣроятное его разрѣшеніе. Ученіе Цицерона о смутахъ въ государствѣ и объ отношеніи къ нимъ правителя.

Мы познакомились, на сколько это было возможно при настоящемъ состояніи памятника, съ ученіемъ Цицерона о томъ, каковы должны быть нравы гражданъ и какія средства должно употреблять государство для ихъ улучшенія. Но, по мнѣнію Цицерона, для благополучнаго состоянія государства недостаточно еще однихъ добрыхъ нравовъ; необходимо также, чтобы во главѣ государственныхъ дѣлъ стояли достойные люди: только тогда государство можетъ разчитывать на прочное и славное существованіе. Если мы посмотримъ на исторію Рима, то увидимъ, что „ни мужи, если бы общество не было такъ организовано въ нравственномъ отношеніи, ни нравы, если бы

во главѣ его не стояли такіе мужи, не могли бы ни основать, ни сохранять такъ долго столь великаго, столь справедливо и на столь обширномъ пространствѣ владычествующаго государства“¹⁾. Если мы затѣмъ обратимъ взоры къ послѣднимъ временамъ римской республики, къ эпохѣ Цицерона, и спросимъ о причинахъ всеобщаго паденія, разложенія во всѣхъ частяхъ государственнаго организма, то, по мнѣнію Цицерона, должно будетъ отвѣтить, что онѣ заключались главнымъ образомъ въ забвеніи прежнихъ нравовъ, которыхъ въ это время уже „не только не уважали, но даже и не знали“²⁾, и въ недостатокъ мужей, способныхъ руководить государствомъ: „сами нравы погибли вслѣдствіе бѣдности въ мужахъ“³⁾.

Мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе дѣйствительныхъ причинъ паденія римской республики: это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ предмета. Укажемъ только главныя изъ нихъ. Прежде всего должно обратить вниманіе на расширеніе территоріи, не сопровождавшееся соотвѣтственнымъ измѣненіемъ въ государственномъ устройствѣ. Римъ, сдѣлавшись *orbis*, упорно сохранялъ то устройство, которое имѣлъ когда былъ *urbis*. Его консулы до конца республики были муниципальными магистратами; власть ихъ съ теченіемъ времени даже съузилась: они почти утратили военное значеніе, такъ какъ войны въ провинціи велись провинціальными магистратами, а внутри Италіи уже не было непокоренныхъ народовъ. Сенатъ также во все время оставался вѣренъ древнему муниципальному характеру, ибо какъ прежде, когда въ сенатъ вступали только представители старинныхъ городскихъ родовъ, патриціи,⁴⁾ такъ и послѣ, по допущеніи въ него плебеевъ⁵⁾, консулы избирали членами его лишь лично имъ извѣстныхъ гражданъ, слѣдовательно жителей города Рима. Когда, по учрежденіи цензуры (310), *lex Ovinia* возложилъ на обязанность цензоровъ составленіе списка сенаторовъ и исключительное право на сенаторскія мѣста получили лица, занимавшія государственныя должности⁶⁾, сенатъ остался по прежнему городскимъ совѣтомъ: онъ былъ чуждъ представительнаго элемента;

1) De rep. V, 1.

2) De rep. V, 1.

3) De rep. *ibidem*.

4) Liv. II, 1.

5) Festus, v. *conscripti*.

6) Liv. XXII, 49.

въ немъ не было депутатовъ отъ подвластныхъ Риму областей. Наконецъ, народное собраніе оставалось постоянно сходкой римскихъ городскихъ обывателей: не говоря уже о жителяхъ провинцій, которые не имѣли права участвовать въ немъ, даже римскіе граждане, жившіе въ муниципіяхъ Италіи, почти не могли реализовать своего права на участіе въ собраніи, будучи лишены возможности часто являться въ Римъ. Такимъ образомъ старинное республиканское устройство оказывалось неудовлетворительнымъ въ виду новыхъ потребностей государства; необходимы были коренныя преобразованія, которыя бы сплотили римскія провинціи съ Италіей въ одно крѣпкое государственное тѣло. Старое правительство не въ силахъ было сдѣлать этого, должно было пасть и уступить мѣсто новой силѣ, которая и не замедлила явиться: республика смѣнилась имперіей. — Другія причины паденія республиканскихъ учреждений и нравовъ были экономическія: распространеніе рабства въ Италіи, и, какъ слѣдствіе этого, уменьшеніе количества мелкихъ землевладѣльцевъ и развитіе пролетаріата, скопленіе въ рукахъ немногихъ богатствъ, повлечшее роскошь ¹⁾, которая въ свою очередь требовала все новыхъ средствъ для удовлетворенія, и заставляла самихъ магистратовъ на судъ и управленіе провинціями смотрѣть, какъ на доходныя статьи.

Цицеронъ, конечно, не могъ съ ясностію видѣть всѣхъ этихъ причинъ, не видѣлъ того, что въ самихъ римскихъ республиканскихъ учрежденіяхъ скрывались зародыши разложенія. Живя среди самыхъ событій, ему трудно было рассмотреть ихъ связь, какъ трудно составить понятіе объ общемъ видѣ зданія, стоя слишкомъ близко къ нему. Поэтому онъ принимаетъ за коренныя причины паденія республики явленія, бывшія сами по себѣ уже слѣдствіемъ совместнаго дѣйствія многихъ причинъ. Но до известной степени Цицеронъ правъ: указанные имъ явленія, упадокъ нравственности и недостатокъ въ государственныхъ людяхъ, были, если не первой причиной, то однимъ изъ важныхъ обстоятельствъ, способствовавшихъ ускоренію хода событій, приведшихъ республиканскій строй къ паденію.

Въ виду сказаннаго понятно, почему Цицеронъ обращаетъ такое вниманіе на вопросы о нравахъ гражданъ, о достоинствахъ, которыхъ должно требовать отъ представителей власти, и объ ихъ обязан-

¹⁾ Этому, какъ мы уже замѣчали, много способствовало также сближеніе съ націями, высшими въ культурномъ отношеніи, у которыхъ Римляне заимствовали преимущественно вышшіе вещественные продукты ихъ цивилизаціи.

нотахъ: не говоря уже о томъ, что безъ этого въ его политическомъ сочиненіи былъ бы большой пробѣлъ, онъ не могъ отказаться отъ желанія повліять на соотечественниковъ по возможности яркимъ изображеніемъ древнихъ римскихъ доблестей. Съ первымъ вопросомъ мы уже знакомы. Теперь перейдемъ ко второму, то-есть, изложимъ по Цицерону, каковъ долженъ быть правитель въ государствѣ.

Вопросъ этотъ разрѣшался въ концѣ II-й и въ V-й книгѣ De republica, при чемъ во II-й содержались общія указанія на душевныя свойства, которыми долженъ обладать правитель государства, а въ V-й подробно излагались обязанности его и указывались средства, какіе онъ долженъ употреблять для ихъ выполненія. Но, къ сожалѣнію, изъ всего, чтò говорилъ Цицеронъ о наилучшемъ правителѣ, до насъ дошло лишь нѣсколько отрывковъ, и то въ большинствѣ случаевъ собранныхъ у древнихъ грамматиковъ и отцовъ церкви, такъ что при настоящемъ состояніи памятника едва можно намѣтить главнѣйшіе пункты, которыхъ касался Цицеронъ въ разсужденіи объ этомъ предметѣ.

Несомнѣнно, что главное свойство, требуемое Цицерономъ отъ человѣка, стоящаго во главѣ государства, есть благоразуміе ¹⁾, которое, по его мнѣнію, какъ и по мнѣнію Платона, заключается въ томъ, чтобы разумъ торжествовалъ надъ низшими способностями души, управлялъ ими, подобно тому, какъ погонщикъ слона, „сидя на дикомъ и огромномъ животномъ, укрощаетъ и направляетъ его, куда хочетъ“ ²⁾; ибо, какъ мы знаемъ, „существо и природа души состоитъ изъ двухъ частей; одна часть представляется склонностями, appetitus, которыя называются по-гречески *ὄρμαι* и которыя влекутъ человѣка туда и сюда, другая—разумомъ, который указываетъ и поясняетъ, чтò должно дѣлать и чего должно избѣгать; такимъ образомъ выходитъ, что разумъ начальствуетъ, а страсти повинуются“ ³⁾; разумъ „обуздываетъ и укрощаетъ не одну страсть и притомъ не легко покоряемую“ ⁴⁾, такъ какъ „есть три душевныя расположенія, влекуція стремительно человѣка ко всякимъ злодѣяніямъ, это — гнѣвъ, жадность и похоть; гнѣвъ жаждетъ мщенія, жадность —

¹⁾ De rep. II, 40.

²⁾ De rep. II, 46.

³⁾ De off. I, 28, 101.

⁴⁾ De rep. II, 40.

богатствѣ, похоть — удовольствій“¹⁾); кромѣ того, сюда должно отнести еще четвертое — „душевное безпокойство, которое располагаетъ къ печали и грусти и само доставляетъ себѣ пищу для тревоги“²⁾). Несомнѣнно, весьма трудно бороться со всѣми этими душевными склонностями; немногимъ удастся это³⁾, и великъ подвигъ человѣка, который побѣждаетъ ихъ; подвигъ Геркулеса долженъ блѣднѣть передъ нимъ⁴⁾.

Если для всякаго человѣка необходимо умѣнье управлять своими страстями, то особенно нужно это для правителя государства, ибо, во первыхъ, у людей, стоящихъ во главѣ государственныхъ дѣлъ, возбуждаются большія душевныя движенія, нежели у ведущихъ частную жизнь⁵⁾; во вторыхъ, страсти, овладѣвая духомъ людей, облеченныхъ властью, влекутъ гораздо болѣе гибельныя послѣдствія, чѣмъ страсти частныхъ людей. Если, напримѣръ, душею правителя овладѣетъ гнѣвъ, „который питается кровью, который доходитъ до такой крайности въ ярости, что едва удовлетворяется жестокой гибелью людей“⁶⁾, онъ совершаетъ злодѣянія, невозможныя для частнаго человѣка: „проливаетъ кровь, ниспровергаетъ города, уничтожаетъ народы, опустошаетъ провинціи“⁷⁾.

Изъ правильнаго сочетанія главныхъ способностей души, подчиненія низшихъ склонностей разуму, Цицеронъ, вѣроятно, выводилъ всѣ остальные добродѣтели, которыя необходимо имѣть каждому и тѣмъ болѣе правителю. Такъ справедливость находится въ тѣсной связи съ преобладаніемъ разума, съ торжествомъ его надъ другими способностями, ибо справедливость и законъ суть не что иное, какъ

¹⁾ De rep. II, 41 (Lact. Inst. div. VI, 19).

²⁾ De rep. II, 41 (Nonius, anxitudo).

³⁾ De rep. II, 40.

⁴⁾ «Побѣждающій льва», говоритъ Лактанцій, повторилъ, хотя, по всей вѣроятности, не буквально, слова Цицерона, «не долженъ считаться мужественнѣе того, кто побѣждаетъ жестокость и звѣря въ немъ самомъ заключеннаго, гнѣвливости, или убившій самыхъ хищныхъ птицъ — мужественнѣе обуздывающаго самыя ненасытныя страсти, или побѣждающій воинственную амазонку — мужественнѣе побѣждающаго похоть, врага скромности и доброй славы, или извергающій навозъ изъ стойла — мужественнѣе извергающаго пороки изъ своего сердца» (Lact. Inst. I, 9).

⁵⁾ De off. I, 23, 73.

⁶⁾ De rep. II, 41 (Nonius exsultare).

⁷⁾ De rep. II, 41 (Lact. De ira Dei, V).

„правый разумъ“, данный человеку природою и „выражающійся въ повелѣніяхъ и запрещеніяхъ“¹⁾; равнымъ образомъ мужество обусловливается тѣмъ же гармоническимъ сочетаніемъ душевныхъ способностей, ибо оно состоитъ изъ низшей склонности, гнѣва, подчиненнаго требованіямъ разума, такъ что „мужественнымъ можетъ быть названъ лишь человекъ воздержный, умѣренный и справедливый“²⁾. Изъ такого опредѣленія мужества само собою слѣдуетъ, что правитель не долженъ быть ни слишкомъ преданъ войнѣ, ни слишкомъ враждебенъ къ ней; въ этомъ отношеніи онъ долженъ, по мнѣнію Цицерона, стараться сочетать въ себѣ способности двухъ славныхъ мужей Рима: М. Марцелла, который отличался воинственностью, и Кв. Максима, извѣстнаго своею осмотрительностью³⁾. Къ этому должно присоединяться трудолюбіе, безъ котораго правитель не можетъ удовлетворять потребностямъ государства⁴⁾. Таковы должны быть нравственные качества человека, котораго Цицеронъ могъ бы признать достойнымъ стоять во главѣ государства, на сколько можно уловить по жалкимъ остаткамъ того, что онъ заставлялъ говорить по поводу этого вопроса Циціона и другихъ участниковъ діалога.

Помимо природныхъ умственныхъ и нравственныхъ достоинствъ, такое трудное дѣло, какъ управленіе государствомъ, неминуемо должно требовать извѣстной специальной подготовки, достигаемой частію путемъ теоретическаго образованія, частію путемъ практической дѣятельности на государственномъ поприщѣ. Но такъ какъ характеръ этой подготовки обусловливается обязанностями правителя то мы сперва и обратимъ вниманіе на то, въ чемъ состоятъ эти обязанности. Первая и основная обязанность правителя, заключающая въ себѣ всѣ остальные,—постоянно имѣть въ виду благо государства. Мы знаемъ, что при отсутствіи этого условія государство не можетъ существовать, ибо оно не будетъ тогда *res publica*, и поэтому, „какъ кормчему служить цѣлью благополучное плаваніе, врачу здоровье, полководцу побѣда, такъ правителю государства—счастливая

¹⁾ De legg. I, 12, 33.

²⁾ De rep. II, 41 (Lact. Inst. I, 9). Платонъ, какъ мы упоминали выше, также ставитъ гнѣвъ не въ противорѣчій съ разумомъ, а въ подчиненіи ему.

³⁾ De rep. V, 8 (Nonius, p. 337).

⁴⁾ De rep. V, 7 (Nonius, p. 233).

жизнь граждан" ¹⁾). Отсюда вытекает обязанность заботиться о крѣпости государства, его богатствѣ, славѣ и добродѣтели ²⁾). Но при этомъ должно замѣтить, что рѣшеніе вопроса, что въ извѣстныхъ случаяхъ полезно и вредно для государства, Цицеронъ предоставляетъ лишь правителю; онъ долженъ постоянно имѣть въ виду болѣе пользу народа чѣмъ его желанія ³⁾). Это, безъ сомнѣнія, совершенно послѣдовательно со стороны Цицерона, который вообще былъ противъ дѣятельнаго участія народа въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ доускалъ это участіе, какъ мы знаемъ, только потому, что этого трудно было избѣжать безъ опасности для прочности республиканскаго строя ⁴⁾. и требовалъ, чтобы оно, во всякомъ случаѣ, простиралось лишь на столько, чтобы ограждать свободу отъ чрезмѣрно властолюбивыхъ стремленій правительства: для народа онъ считалъ нужною невласть, не значеніе, какъ для магистратовъ и сената, а лишь свободу.

Указавъ общія цѣли, къ которымъ долженъ стремиться правитель, посмотримъ, какія частныя обязанности налагаетъ на него Цицеронъ, какія средства даетъ ему для достиженія блага государства. При этомъ, какъ уже неоднократно было замѣчено въ другихъ случаяхъ, мы не должны ждать чего-нибудь оригинальнаго: какъ вся политическая система Цицерона, такъ и ученіе объ обязанностяхъ и объемѣ власти магистратовъ есть не что иное, какъ идеализація дѣятельности, представляемой римскою исторіей, и поэтому страдаетъ тѣми же недостатками, какіе мы видимъ въ римской конституціи, и изъ которыхъ главный—отсутствіе точнаго раздѣленія различныхъ функций государственной власти. Какъ мы уже имѣли случай говорить, римскимъ магистратамъ принадлежала власть законодательная, исполнительная и судебная; подобнымъ же образомъ и по Цицерону существенныя обязанности магистрата въ сферѣ гражданскаго управленія суть: изданіе законовъ, примѣненіе ихъ, наблюденіе за ихъ исполненіемъ и опредѣленіе, что должно считать достояніемъ каждаго ⁵⁾); все это, вмѣстѣ вѣятое, исчерпываетъ три указанныхъ функции государственной власти.

Обращаясь къ вопросу въ какой мѣрѣ и въ силу какихъ соображеній Цицеронъ считалъ нужнымъ предоставить правителю каждыя

¹⁾ De rep. V, 6 (ad Att. VIII, 11).

²⁾ De rep. ibidem.

³⁾ De rep. V, 6 (August., epist. ad Nect. CXIV).

⁴⁾ De rep. II, 33, IV, 8 (Priscian. XV, 4).

⁵⁾ De off. I, 34, 124; De republ. V, 2.

отрасль государственной власти, мы можемъ лишь сказать навѣрное, что этотъ вопросъ дѣйствительно разсматривался въ V-й книгѣ *De republica* (что доказывается сохранившимися до насъ остатками ея), что, для доказательства своего мнѣнія о необходимости для правителя вѣдать всѣ роды государственныхъ дѣлъ, Цицеронъ пользовался свидѣтельствами исторіи какъ другихъ народовъ, такъ преимущественно римскаго.

Изложеніе своихъ взглядовъ на объемъ и характеръ дѣятельности верховнаго правителя Цицеронъ начинаетъ съ судебной власти, влагая, вѣроятно, свои слова въ уста Манилія ¹⁾. Обращаясь къ древности и восходя постепенно къ позднѣйшимъ временамъ, онъ доказываетъ, что во всѣ времена одною изъ главнѣйшихъ обязанностей царей было толкованіе справедливости, разрѣшеніе судебныхъ процессовъ, возникавшихъ между частными гражданами: такъ было въ Греціи, такъ было и въ Римѣ, особенно при Нумѣ, который всецѣло посвящалъ себя дѣламъ внутренняго управленія, между тѣмъ какъ другіе цари въ значительной степени отвлекались отъ нихъ войнами ²⁾. Дальнѣйшихъ разсужденій Цицерона о судебной власти правителя не сохранилось; но такъ какъ вѣроятнымъ кажется предположеніе, что онъ подтвержденіе своихъ взглядовъ на юрисдикцію искалъ главнымъ образомъ въ римской исторіи, то мы считаемъ нелишнимъ сдѣлать краткій очеркъ организаціи ея въ Римѣ, до времени, къ которому приуроченъ діалогъ *De republica*.

Въ царскій періодъ въ рукахъ царей сосредоточивалось гражданское и уголовное судопроизводство, на что указываютъ уже слова Цицерона, по которымъ въ Греціи и Римѣ всѣ тяжбы разбирались царями. Однако, народъ постепенно пріобрѣталъ себѣ долю участія въ судѣ: уже при царяхъ мы видимъ существованіе провокаціи къ народу, чему доказательствомъ служитъ процессъ Горація при Тулліи Гостилии. Но изъ этого же случая видно, что провокація не была еще узаконеннымъ правомъ народа, что отъ царя зависѣло разрѣшить осужденному провоцировать къ народу, или нѣтъ. По изгнаніи царей провокація сдѣлалась неотъемлемымъ правомъ римскаго гражданина. Съ этихъ поръ уголовные процессы переходятъ въ руки народнаго собранія (центуриатныхъ комицій, трибутныхъ, *concilia plebis*), или, въ исключительныхъ случаяхъ, въ руки особыхъ

¹⁾ Такъ думаетъ, напримѣръ, Мозеръ, *De rep.* V, 2, п. 1

²⁾ *De rep.* V, 2.

квесторовъ, родъ присяжныхъ, избираемыхъ народомъ ¹⁾. Но при этомъ право суда и наказанія смертію оставалось все-таки, кромѣ отцовъ семействъ надъ своими дѣтьми и супругами (въ послѣднемъ случаѣ съ участіемъ совѣта родственниковъ ²⁾), у магистратовъ съ *imperium* омъ—относительно не-гражданъ и воиновъ ³⁾, и у диктаторовъ—относительно всѣхъ гражданъ и не-гражданъ ⁴⁾. Кромѣ того, уголовные процессы, колы скоро дѣло шло о преступленіяхъ не противъ государства, но противъ жизни и имущества гражданъ, а также процессы по обвиненію провинціаловъ и союзниковъ въ измѣнѣ или отпадении, велись иногда и въ сенатѣ ⁵⁾. Наконецъ, въ 149 году до Р. Х. были учреждены постоянныя комиссіи (*quaestiones perpetuae*), вѣдавшія важнѣйшіе роды уголовныхъ преступленій ⁶⁾, послѣ чего уголовная юрисдикція сосредоточилась преимущественно въ ихъ рукахъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ Римѣ магистратамъ сперва консуламъ, а потомъ преторамъ (съ 306 г. до Р. Хр.) ⁷⁾, принадлежала собственно гражданская юрисдикція; при чемъ должно замѣтить, что ни консулы, ни преторы не руководили лично процессами, а лишь опредѣляли формулу, по которой долженъ былъ быть веденъ процессъ, и назначали судей, которые уже производили слѣствие и постановляли приговоръ ⁸⁾. Судьи эти назначались по имуществу изъ среды сенаторовъ ⁹⁾, такъ что сенатъ, не имѣвшій собственно гражданской юрисдикціи, могъ косвенно вліять на нее. Это продолжалось до Тиберія Гракха, который предоставилъ мѣста судей въ гражданскихъ процессахъ исключительно всадникамъ ¹⁰⁾. Такова въ общихъ чертахъ исторія римской юрисдикціи до времени Сципіона.

Мы не рѣшимся утверждать, что Цицеронъ подробно излагалъ въ „*De republica*“ свои взгляды на организацію судебной власти, и даже склонны скорѣе думать, что этотъ вопросъ подвергался изслѣдованію

¹⁾ *Quaestores parricidii*, Villemain, p. 296.

²⁾ Villems, *Le droit publ. Rom.* 72; cf. *Tac. Ann.* XIII, 32

³⁾ Villems, p. 329.

⁴⁾ Villems. *ibidem*, cf. 181, Villemain, p. 296.

⁵⁾ Polyb. VI, 13; Villems, 213; Villemain, 301.

⁶⁾ Cic. *Brut.* 27, 106. Villems, 330.

⁷⁾ Villems, 340.

⁸⁾ *Ibidem*.

⁹⁾ Polyb. VI, 17; Villems, 119; Villemain, 301.

¹⁰⁾ Villems, *ibidem*.

лишь на столько, на сколько онъ стоитъ въ связи съ вопросомъ о правителѣ, что здѣсь Цицеронъ говорилъ больше о томъ, какъ долженъ правитель относиться къ своимъ судебнымъ обязанностямъ, что было бы весьма умѣстно въ виду плачевнаго состоянія римскихъ судилищъ во время Цицерона, на которое онъ такъ часто жаловался. Но если, не будучи въ состояніи познакомиться съ тѣмъ, что говорилъ Цицеронъ объ организаціи юрисдикціи, мы пожелаемъ, по крайней мѣрѣ, узнать, какую организацію ея онъ считалъ наиболее удобною для того государства, которое изобразилъ въ *De republica*, то въ въ этомъ случаѣ намъ поможетъ его сочиненіе „О законахъ“, изъ котораго мы можемъ усмотрѣть, что взгляды Цицерона на устройство судопроизводства ничѣмъ не разнились отъ того, что представляла римская дѣйствительность. Подобно тому, что мы на самомъ дѣлѣ видимъ въ Римѣ, Цицеронъ требуетъ, чтобы каждый магистратъ имѣлъ судебную власть ¹⁾, чтобы въ уголовныхъ дѣлахъ высшее значеніе принадлежало народному собранію, къ которому обвиняемый долженъ имѣть право провоцировать ²⁾, но чтобы это правило имѣло значеніе лишь въ мирное время: отъ суда полководца въ военное время не должно быть provocacіи ³⁾. Область гражданскаго судопроизводства также организуется Цицерономъ сообразно съ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ Римѣ: разбирательство гражданскихъ тяжбъ или назначеніе для нихъ судей, равно какъ наблюденіе за правильнымъ приѣмленіемъ гражданскаго права, поручается имъ претору ⁴⁾.

Законодательную власть Цицеронъ не только не представляетъ рѣзко отдѣленною отъ судебной, но, повидимому, ставитъ въ тѣсную связь съ нею. Онъ отнюдь не видитъ опасности въ соединеніи въ одномъ лицѣ этихъ двухъ отраслей правленія — напротивъ, считаетъ это необходимымъ, согласнымъ съ понятіемъ о верховной власти. Такъ, онъ хвалитъ Нуму, который, не ограничиваясь разбирательствомъ процессовъ, возникшихъ между гражданами, выразилъ свою заботливость о государствѣ также въ изданіи законовъ. Законодательство, наравнѣ съ юрисдикціей, есть существенная обязанность правителя ⁵⁾.

¹⁾ De leg. III, 3.

²⁾ De leg. III, 6.

³⁾ De leg., ibidem.

⁴⁾ De leg. III, 2.

⁵⁾ De rep. V, 2.

Безъ сомнѣнія, разсужденіе о томъ, въ какомъ объемѣ должна принадлежать законодательная власть правителю государства, какъ долженъ онъ смотрѣть на эту важную отрасль своей дѣятельности, какой характеръ должны имѣть законы имъ издаваемые, занимало не послѣднее мѣсто въ V книгѣ De republica. Но для насъ рѣшеніе этихъ вопросовъ осталось бы совершенно неизвѣстнымъ, если бы нѣкоторый свѣтъ на нихъ не проливали немногія мѣста въ сочиненіи De legibus, которыя, вмѣстѣ съ небольшими отрывками текста De republica, сохранившимися въ ватиканскомъ палимнестѣ, представляютъ возможность дать какой либо, хотя далеко не обстоятельный и не подробный, отвѣтъ на эти вопросы.

Что касается объема законодательной власти верховнаго правителя, то, судя по тому, что мы имѣемъ въ De legibus, Цицеронъ и здѣсь шелъ объ руку съ практикой римскаго государства. Какъ въ Римѣ верховный магистратъ не могъ издавать законовъ по своему усмотрѣнію, но ему принадлежала лишь инициатива, право входить въ сенатъ и народное собраніе съ предложеніемъ законовъ ¹⁾, такъ и Цицеронъ требовалъ, повидимому, для правителя лишь права предлагать законы сенату и народному собранію ²⁾. Касательно отношенія законодателя къ своимъ обязанностямъ и характера, какой должны имѣть самые законы, должно замѣтить, что De republica не представляетъ ни одного отрывка, который бы указывалъ на этотъ вопросъ. Лишь одно мѣсто въ De legibus, гдѣ Цицеронъ говоритъ о магистратахъ, опредѣляетъ хотя отчасти направленіе, въ которомъ онъ рѣшался. Изъ этого мѣста мы видимъ, что Цицеронъ понималъ, къ какимъ вреднымъ послѣдствіямъ можетъ повести законодателя вражда или дружба, и поэтому требовалъ, чтобы законы не касались никогда отдѣльныхъ гражданъ, не были привилегіями ³⁾.

Въ сферѣ собственно администраціи дѣятельность правителя должна, по мнѣнію Цицерона, выражаться въ заботахъ о внѣшней безопасности ⁴⁾, внутреннемъ благоустройствѣ государства, и о нравственности гражданъ. Поэтому онъ долженъ пешичь о правильной организаціи собственности и семейства, прочности родитель-

¹⁾ Vellems, 213.

²⁾ De leg. III, 4, 10.

³⁾ De leg. III, 4, 11.

⁴⁾ Ср. De rep. III, 23, (Isid. Orig. XVIII, 1, Nonius, De numero et casu); De offic. I, 22, 23. См. выше гл. IV.

скихъ и супружескихъ отношеній, установленныхъ законами, о святости домашнего очага и проч. ¹⁾). Наконецъ, правитель обязанъ заботиться не только о карѣ, но и предупрежденіи преступленій, о распространеніи добродѣтели въ обществѣ. Этого онъ можетъ достигать особенно посредствомъ развитія общественнаго мнѣнія и внушенія гражданамъ уваженія къ нему: въ такомъ случаѣ граждане сами будутъ стараться избѣгать безславія и позора, ибо въ правильно организованномъ государствѣ „люди не столько боятся наказанія, установленнаго законами, сколько чувства чести, которое природа дала человѣку, какъ бы какой-то страхъ передъ справедливымъ порицаніемъ“ ²⁾).

При такомъ характерѣ дѣятельности правителя, при такой заботливости о вѣреннѣхъ его попеченію интересахъ каждый изъ гражданъ будетъ пользоваться общими и своими частными выгодами, и поэтому мы имѣемъ право сказать, по мнѣнію Цицерона, что „нельзя жить счастливо безъ хорошаго государственнаго строя, и ничего нѣтъ счастливѣе хорошо устроеннаго гражданскаго общества“ ³⁾).

Неестественно предполагать, чтобы, разсуждая объ организациіи правительственной власти, Цицеронъ не обратилъ вниманія на сенатъ и народное собраніе. Впервыхъ, не сказать ничего о мѣстѣ, какое долженъ занимать сенатъ въ государствѣ, не представить болѣе или менѣе подробнаго очерка его компетентности, объема его значенія, было бы непослѣдовательно со стороны Цицерона, стремившагося поставить сенатъ въ центрѣ, вокругъ котораго должны группироваться, отъ котораго должны получать власть и силу всѣ другіе политическіе органы, и старавшагося возстановить авторитетъ сената въ томъ размѣрѣ, какой онъ имѣлъ въ древности ⁴⁾). Вовторыхъ должно замѣтить, что самыя права и обязанности правителя не могутъ быть ясно выставлены, если не будетъ обозначено, какимъ ограниченіямъ они подлежатъ со стороны другихъ органовъ государственной власти. Поэтому можно съ увѣренностію сказать, что вопросъ о степени и характерѣ участія въ правленіи сената и народнаго собранія съ большею или меньшею полнотою былъ разсматриваемъ въ V-й книгѣ. Но до насъ не дошло ни одного отрывка, ничего, что могло бы указать хоть приблизительно направленіе, въ которомъ онъ былъ разрѣшаемъ, ничего, что могло

¹⁾ De rep. V, 5.

²⁾ De rep. V, 4.

³⁾ De rep. V, 5.

⁴⁾ De leg. agr., 1, 9, 27.

бы намекнуть на отношенія сената и народнаго собранія къ верховному магистрату, правителю государства. Въ виду этого мы не рѣшаемся дѣлать никакихъ предположеній; скажемъ только, что если здѣсь Цицеронъ шель по слѣдамъ римской дѣйствительности и вводилъ ее на степень поступата, то утраченная характеристика сената и народнаго собранія можетъ быть замѣщена хотя отчасти тѣмъ, что мы видимъ въ сочиненіи Полибія, который, говоря о смѣшанной формѣ правленія въ Римѣ, указываетъ средства, находящіяся въ рукахъ каждаго изъ правительственныхъ органовъ для обузданія незаконныхъ стремленій другихъ, и опредѣляетъ объектъ власти консуловъ, сената и народнаго собранія ¹⁾.

Какъ мы замѣтили уже выше, Цицеронъ, говоря о правителѣ государства, не могъ не коснуться вопроса о научной подготовкѣ, необходимой для успѣшнаго выполненія сложныхъ и разнообразныхъ государственныхъ обязанностей. Какъ важность и интересъ предмета, такъ и примѣръ Платона, подробно излагавшаго въ *Politeia* свои взгляды на научныя занятія людей, готовящихся стать во главѣ государства, должны были побудить Цицерона къ этому. И дѣйствительно, мы видимъ, что онъ не оставилъ этотъ вопросъ безъ разсмотрѣнія. Но рѣшеніе его совершенно иное, чѣмъ у Платона. Причина различія лежитъ въ несходствѣ взглядовъ Цицерона и Платона на политику. Платонъ отвергалъ политику, какъ искусство; въ его глазахъ она — наука и наука болѣе умозрительная, нежели опытная ²⁾; потому и занятія людей, предназначаемыхъ, на основаніи ихъ способностей, къ правленію, должны, по его мнѣнію, состоять главнымъ образомъ въ философіи, ибо хорошее управленіе государствомъ возможно только при познаніи истины, а познаніе истины приобретается не иначе, какъ чрезъ созерцаніе вещей въ себѣ, что достигается только въ философіи ³⁾. Цицеронъ смотритъ на политику и обязанности правителя исключительно съ практической точки зрѣнія, сравниваетъ дѣятельность его съ дѣятельностію управляющаго имѣніемъ или эконома ⁴⁾. Поэтому, хотя онъ считаетъ нужнымъ для правителя философское образованіе, но только въ такихъ размѣрахъ, на сколько это можетъ быть полезно ему для его дѣятельности, для лучшаго

¹⁾ Полубъ *Истор.* VI.

²⁾ Plat. *Полит.* p. 259.

³⁾ Plat. *Политεία.* V, 476—480.

⁴⁾ De rep. V, 3.

выполненія государственныхъ обязанностей и пониманія вещей, съ которыми ему приходится имѣть дѣло; такъ, напримѣръ, знаніе общихъ основъ права можетъ быть полезно ему для уразумѣнія положительнаго законодательства ¹⁾. Однимъ словомъ, философія можетъ служить для правителя такимъ же подспорьемъ, какъ астрономія для корабля, или естественныя науки для медика, но не должна отнимать у него слишкомъ много времени и вниманія, чтобы это не оказалось вреднымъ для государственныхъ дѣлъ.

Разсматривая вопросъ о научной подготовкѣ, необходимой для человѣка, стоящаго во главѣ государства, Цицеронъ не могъ пройти молчаніемъ отношенія его къ краснорѣчію. Какъ практика политической жизни Рима, гдѣ государственная дѣятельность стояла въ самой тѣсной связи съ краснорѣчіемъ, такъ и характеръ участниковъ діалога изъ которыхъ большинство (Сципіонъ, Лелій, Филъ, Сцевола, Рутілій) отличались въ свое время, какъ ораторы, должны были побудить Цицерона, говоря о государственномъ человѣкѣ, остановить свое вниманіе на ораторскомъ искусствѣ, насколько оно касается государственныхъ дѣлъ. Поэтому мы не соглашаемся съ Озанномъ и Мозеромъ признать за ошибку указаніе Нонія, что заимствованный изъ *De republica* отрывокъ, относящійся къ разсужденію объ ораторскомъ искусствѣ, принадлежитъ къ V-й книгѣ. Названные ученые говорятъ, что о краснорѣчии и его значеніи въ политикѣ Цицеронъ долженъ былъ разсуждать въ IV-й книгѣ, вмѣстѣ съ разсмотрѣніемъ вліянія на нравы музыки, поэзіи, театра и т. п., но мы предпочитаемъ, вмѣстѣ съ А. Ман, отнести разсужденіе о краснорѣчии къ V-й книгѣ, полагая, какъ уже было сказано, что всего естественнѣе было Цицерону говорить о немъ при изображеніи наилучшаго правителя государства.

Нѣсколько словъ, сохранныхъ древними писателями, показываютъ, что Сципіонъ въ діалогѣ порицалъ ораторовъ, воспроизводя противъ нихъ, повидимому, обвиненія Платона. „Такъ какъ, говорилъ онъ между прочимъ, ничто въ государствѣ не должно быть столь неподкупнымъ, какъ голосованіе (въ собраніяхъ) и подача мнѣній (въ судѣ), то я не понимаю, почему тотъ, кто подкупалъ ихъ деньгами, достоинъ наказанія, а кто краснорѣчіемъ, тотъ достигаетъ даже славы. На мой взглядъ, по крайней мѣрѣ, подкупающій судью рѣчью дѣлаетъ большее зло, нежели подкупающій его денежнымъ вознагражде-

¹⁾ De rep. ibidem.

ніемъ, ибо подкупить деньгами благоразумнаго человѣка никто не можетъ, силою же слова можетъ¹⁾. Вѣроятно, Цицеронъ подкрѣплялъ свое мнѣніе примѣрами, взятыми изъ римской исторіи, изъ дѣятельности демократическихъ ораторовъ, плебейскихъ трибуновъ; быть можетъ, онъ указывалъ на Тиберіа Гракка, рѣчи котораго онъ слышалъ, вліяніе котораго на народъ видѣлъ своими глазами, противъ котораго не разъ говорилъ самъ. Онъ требовалъ, чтобы государственный человѣкъ избѣгалъ многословія²⁾, и, какъ на примѣръ для подражанія, указывалъ на Менелая Спартанскаго, обладавшаго, по его словамъ, способностію говорить кратко и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно³⁾.

Мы не думаемъ однако, чтобы Цицеронъ ограничился односторонними упреками тому искусству, которому самъ служилъ. Хотя ни видимъ, что одинъ изъ слушателей, Мумій, встрѣтилъ рѣзкіе упрёки Цицерона противъ краснорѣчія съ видимымъ удовольствіемъ⁴⁾, но самъ Цицеронъ объясняетъ это тѣмъ, что Мумій слишкомъ невидѣлъ ораторовъ⁵⁾. Притомъ, если вѣрно наше предположеніе, что Цицеронъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія о краснорѣчій, указывалъ на несогласія въ государствѣ, которыя произошли благодаря демократическимъ ораторамъ, то одобреніе, встрѣченное имъ со стороны Муміа, дѣлается еще понятнѣе, ибо извѣстно, что Мумій былъ яростнымъ врагомъ демократіи⁶⁾. Поэтому мы склонны думать, что кто-нибудь другой изъ собесѣдниковъ бралъ на себя защиту ораторскаго искусства, старался оправдать его, говоря о несправедливости принципиальнаго осужденія его за злоупотребленія имъ въ частныхъ случаяхъ, и мятежнымъ ораторамъ, указаннымъ Цицерономъ, противопоставлялъ великихъ государственныхъ людей, оказавшихъ своимъ краснорѣчіемъ важныя услуги государству. Наше предположеніе кажется довольно вѣроятнымъ въ виду свидѣтельства одного древняго комментарія къ сочиненію Цицерона *De inventione*, гдѣ между прочимъ, говорится: „Цицеронъ въ своей „Политикѣ“ говоритъ, что правитель государства долженъ быть великимъ и ученымъ мужемъ, такъ чтобы онъ былъ мудръ, справедливъ, умѣренъ и краснорѣчивъ

¹⁾ De rep. V, 9 fr. (Amm. Marcel, Hist. XXX, 4).

²⁾ De rep. V, 9. (Sen. ap. Aul. Gell. XII, 2).

³⁾ De rep. ibidem.

⁴⁾ De rep. V, 9. (Non. imbutus).

⁵⁾ De rep. ibidem.

⁶⁾ De rep. III, 24, 25.

чтобы онъ могъ въ легкомъ потокѣ краснорѣчія раскрывать тайны своего ума для руководства народу“.

Наконецъ, излагая обязанности правителя государства, Цицеронъ естественно долженъ былъ подвергнуть разсмотрѣнію вопросъ, какъ долженъ онъ относиться къ несогласіямъ и смутамъ, которыя могутъ возникнуть между различными элементами государственнаго организма. Что Цицеронъ дѣйствительно говорилъ объ этомъ предметѣ, можно съ увѣренностію сказать уже въ виду его обѣщанія изложить подробно свое мнѣніе о государственныхъ переворотахъ ¹⁾; если скудные отрывки, относящіеся къ VI-й книгѣ разсматриваемаго нами сочиненія, не даютъ возможности прослѣдить сколько нибудь полно взгляды его на этотъ вопросъ, то, по крайней мѣрѣ, указываютъ, что Цицеронъ отводилъ ему значительное мѣсто въ своемъ сочиненіи, излагалъ, какъ причины смуть въ государствѣ, такъ и то, какъ долженъ относиться къ нимъ правитель.

Хотя при томъ государственномъ строѣ, какой рекомендовалъ Цицеронъ въ своемъ сочиненіи, по его мнѣнію, не легко могутъ происходить перемѣны ²⁾, но все-таки онѣ возможны, если не потому, чтобы были вызываемы несправедливымъ распредѣленіемъ правъ и обязанностей между различными частями государственнаго тѣла, то, можетъ быть, вслѣдствіе личныхъ свойствъ нѣкоторыхъ людей, склонности ихъ къ смутамъ, которая, соединяясь съ нѣкоторымъ значеніемъ и властью, можетъ повести къ серьезнымъ затрудненіямъ въ государствѣ. „Жестокія властительницы надъ мыслями, страсти, предъявляютъ безконечныя требованія и притязанія, и, не будучи въ состояніи достигнуть полнаго удовлетворенія и насыщенія, побуждаютъ тѣхъ, которыхъ воспламенили своими приманками, ко всякому преступленію“ ³⁾. Поэтому необходимо каждому гражданину прежде всего бороться со своими страстями. Если же силъ для борьбы не хватитъ и человекъ, подобно Г. Гракху ⁴⁾, приметъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ, одержимый такими страстями, то

¹⁾ De rep. I, 42.

²⁾ De rep. I, 42, 45.

³⁾ De rep. VI, 1 (Non. expleri).

⁴⁾ Что здѣсь Цицеронъ говорилъ о Гая Гракхѣ, можно предположить потому, что этимъ же примѣромъ пользуется Плутархъ, доказывая, что никто не долженъ приступать къ государственнымъ дѣламъ съ духомъ, возмущеннымъ страстями (adu. C. Segonii ad De rep. VI, 1, apud Moserum. p. 458).

печальный исходъ можетъ быть предотвращенъ лишь вмѣшательствомъ въ дѣло верховной правительственной власти, которая должна быть всегда готова оказывать противодействие подобнымъ опаснымъ для государства людямъ и смутамъ, ими затѣваемымъ ¹⁾). Это, несомнѣнно, одна изъ главныхъ обязанностей правителя, ибо, по мнѣнію Цицерона, основаніе политической мудрости заключается въ знаніи причинъ и хода государственныхъ переворотовъ, съ дѣлью подать руку помощи государству въ трудную минуту ²⁾). Самое основное достоинство, требуемое отъ правителя, указываетъ на то, что онъ обязанъ смотрѣть впередъ ³⁾ „на пути и уклоненія государства“ ⁴⁾ и охранять его спокойствіе. Какими средствами долженъ достигать правитель умиротворенія враждующихъ сторонъ, мы не можемъ отвѣтить по Цицерону; но мы знаемъ, что не менѣе существенно—интересамъ и требованіямъ которой стороны онъ долженъ отдавать предпочтеніе. Какъ всегда, Цицеронъ является защитникомъ оптиматовъ; какъ въ организаціи народнаго собранія онъ требуетъ, чтобы сила не принадлежала большинству ⁵⁾, такъ и здѣсь, въ рѣшеніи гражданскихъ распрій, въ виду того, что „благонамѣренные люди имѣютъ больше цѣны, нежели многіе“ ⁶⁾, онъ считаетъ должнымъ „взвѣшивать, а не считать гражданъ“. Причина понятна: справедливость требуетъ, чтобы большее вліаніе при рѣшеніи общественныхъ вопросовъ имѣлъ тотъ, „кто больше заинтересованъ въ наилучшемъ состояніи государства“ ⁷⁾.

¹⁾ De rep. VI, 1, (Non. comparare).

²⁾ De rep. II, 25.

³⁾ De rep. VI, 1, (Non. prudentia).

⁴⁾ De rep. II, 25.

⁵⁾ De rep. II, 22.

⁶⁾ De rep. VI, 1 (Non. de doctrina indag.).

⁷⁾ De rep. II, 22.

IX.

Вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ частной и политической жизни. Исторія этого вопроса до Цицерона. Доводы противниковъ государственной дѣятельности и опроверженіе ихъ Цицерономъ. Честь и сознание принесенной согражданамъ пользы, какъ награда государственнаго дѣателя. Религиозныя убѣжденія Цицерона, каковы они были на самомъ дѣлѣ и какъ выразились въ *De republica*. Ученіе его объ организаціи государства въ религиозномъ отношеніи (по *De legibus*). «Сновидѣніе Сципіона». Сравненіе его въ литературномъ отношеніи съ разказомъ Платона о Памелійцѣ Эрѣ. Цѣль включенія Цицерономъ этого эпизода въ сочиненіе *De republica*. Высшая награда за службу отечеству въ связи съ ученіемъ о безсмертіи души. Заключение.

Изложивъ по Цицерону обязанности государственнаго дѣателя, посмотримъ теперь, какой награды можетъ онъ ожидать за свои заботы объ отечествѣ, за труды, которые ему приходится переносить, и слѣдуетъ ли благоразумному человѣку стремиться къ этой тяжелой дѣятельности. Этотъ вопросъ, повидимому, серьезно интересовалъ Цицерона, что можно объяснить тѣмъ практическимъ значеніемъ, какое онъ имѣлъ въ Римѣ въ его время, когда, какъ мы говорили выше, люди, не одержимые особеннымъ честолюбіемъ, въ виду опасностей, съ которыми была соединена политическая дѣятельность въ послѣдніе дни республики, охотно удалялись отъ нея, и правило эпикурейской философіи, предписывавшее мудрецу не принимать участія въ государственныхъ дѣлахъ, находило все болѣе и болѣе многочисленныхъ послѣдователей. Цицеронъ, писавшій свое сочиненіе отчасти, какъ можно думать, съ цѣлью пробудить интересъ къ политическимъ вопросамъ, заставить общество страхнуть свою апатію, отрѣшиться отъ безучастнаго отношенія къ судьбѣ отечества, не могъ не стараться объ искорененіи такого взгляда на государственную дѣятельность. Разсужденіемъ объ этомъ вопросѣ начинается сочиненіе *De republica* ¹⁾; къ нему же Цицеронъ возвращается снова въ III-й книгѣ ²⁾ и, повидимому, въ V-й ³⁾; наконецъ, въ VI-й книгѣ, въ заключительныхъ главахъ трактата, опять мы слышимъ изъ устъ Сципіона призывъ на службу отечеству всѣхъ

¹⁾ *De rep.* I, 1—7.

²⁾ *De rep.* III, 3 и 28 (*Lact. inst. div.* V, 18, 22).

³⁾ *De rep.* V, 7 (*S. August. Civ. Dei*, V, 13).

истинно любящихъ его и обѣщаніе высочайшей награды за подвиги на пользу родины ¹⁾).

Въ виду того значенія, какое самъ Цицеронъ придаетъ вопросу о сравнительномъ достоинствѣ политической и частной жизни, мы рассмотримъ его по возможности подробно.

Этотъ вопросъ не разъ подвергался обсужденію въ древнемъ мірѣ еще до Цицерона, и былъ разрѣшаемъ въ различныхъ направленіяхъ. Мы знаемъ уже, какъ смотрѣли на государственную дѣятельность эпикурейцы; пифагорейцы въ этомъ были согласны съ ними ²⁾).

Платонъ, отдавая въ принципѣ предпочтеніе жизни, чуждой заботѣ о политическихъ дѣлахъ, однако находить нужнымъ, чтобы мудрые люди, философы, принимали участіе въ правленіи государствомъ ³⁾, хотя бы уже для того, чтобы не быть въ подчиненіи у худшихъ ⁴⁾. Впрочемъ, они не должны домогаться власти; имъ слѣдуетъ только тогда возлагать на себя правительственныя заботы, когда ихъ приглашаютъ къ этому, ибо не кормчій просить матросовъ повиноваться ему, а они сами должны сознавать выгоду его начальства; не врачъ ищетъ больного, а больной просить врача о помощи ⁵⁾. А такъ какъ этого трудно достигъ при настоящемъ состояніи человѣческихъ обществъ и „такъ какъ нельзя совершить ничего полезнаго для государства при безуміи толпы“, то, пока философъ не найдетъ для себя идеальнаго государства, онъ, смотря, какъ исполняются беззаконія другими, радуется, если самъ остается чистымъ отъ неправды и дѣлъ незаконныхъ, и, „проводя такимъ образомъ здѣшнюю жизнь, съ прекрасною надеждою, весело и кротко ожидаетъ своего конца“ ⁶⁾. Такимъ образомъ, Платонъ въ окончательномъ выводѣ пришелъ къ осужденію политической жизни для мудреца.

Аристотель въ VII-й книгѣ своей „Политики“ также касается этого вопроса, рассматриваетъ различные доводы за дѣятельную и недѣятельную жизнь вообще и отдаетъ преимущество первой. При

¹⁾ De rep. VI, 9, 21.

²⁾ Villemain, notes, l. I, 1.

³⁾ Это можно видѣть уже изъ того, что онъ душу человѣка, прежде бышаго правителемъ государства, заставляетъ предпочесть пражнему своему жребію жребію частнаго человѣка, спокойно и безвѣстно проводящаго жизнь. (Полит. X, 620).

⁴⁾ Полит., I, 347.

⁵⁾ Полит. VI, 489.

⁶⁾ Полит. VI, 496.

этомъ должно замѣтить, что его взглядъ на дѣятельную жизнь отличается большою широтою, чѣмъ взглядъ Цицерона. „Если счастье“, говоритъ онъ, „вообще слѣдуетъ полагать въ хорошей дѣятельности, то практическая жизнь, конечно, лучше, какъ для цѣлаго государства, такъ и для cadaго человѣка въ отдѣльности. Но практическая жизнь не есть необходимо жизнь для другихъ, какъ думаютъ нѣкоторые, и не однѣ только тѣ мысли практичны, содержаніе коихъ составляютъ положительные результаты, вытекающіе изъ того или другаго дѣйствія, но гораздо болѣе тѣ возрѣнія и мысли, которыя совершенны сами по себѣ и служатъ цѣлью для самихъ себя. Такъ какъ успѣхъ дѣла состоитъ въ достиженіи цѣли, то обсужденіе цѣли есть уже дѣятельность. На этомъ основаніи и въ практической сферѣ дѣятелями преимущественно мы называемъ тѣхъ, которые являются архитекторами практическихъ дѣлъ въ области мышленія ⁽¹⁾). Такимъ образомъ Аристотель, отдавая преимущество жизни практической, не чуждающейся государственныхъ заботъ, понимаетъ ее не только въ смыслѣ непосредственнаго участія въ правленіи, но и въ смыслѣ научной разработки политическихъ вопросовъ, ставя послѣдній видъ ея даже выше перваго.

Цицеронъ въ основномъ взглядѣ сходится съ Аристотелемъ, подобно ему отдавая предпочтеніе жизни, посвященной политической дѣятельности, передъ жизнью, свободной отъ государственныхъ заботъ, но, какъ мы уже указывали, отличается отъ него въ пониманіи дѣятельной жизни, разумѣя подъ нею исключительно участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ разсматриваетъ вопросъ этотъ съ большою полнотою, чѣмъ Платонъ и Аристотель, приводитъ возраженія, которыя дѣлаются противъ политической жизни, опровергаетъ ихъ и противопоставляетъ имъ свои доводы въ пользу ея. Всѣхъ противниковъ мнѣнія о необходимости для благоразумнаго человѣка принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ, можно раздѣлить на два разряда: одни стараются доказать, что благоразумный человѣкъ долженъ удалиться отъ политической дѣятельности вообще; другіе говорятъ, что онъ долженъ помогать государству только въ затруднительныхъ случаяхъ. Первые, осуждающіе политическую дѣятельность въ принципѣ, указываютъ, во первыхъ, на труды, сопряженные съ нею; во вторыхъ, на опасности, которымъ подвергается политическій

¹⁾ Arist. Пол.т. VII, 3, 5.

дѣятель; въ третьихъ, на неблагодарность согражданъ, бывшую причиною несчастій многихъ славныхъ людей¹⁾; въ четвертыхъ, на трудность бороться съ неистовствами черни и противодѣйствиємъ злонамѣренныхъ людей²⁾. Но ни одинъ изъ этихъ доводовъ не кажется Цицерону убѣдительнымъ, ибо труды присущи и менѣе важнымъ занятіямъ, опасности не могутъ устрашить мужественнаго человѣка, который будетъ даже доволенъ, если представится случай пожертвовать жизнью за отечество, вмѣсто того, чтобы подвергнуться медленному умиранію отъ старости³⁾. Третій доводъ, указаніе на неблагодарность соотечественниковъ, обыкновенно считаютъ самымъ непопулярнымъ, и дѣйствительно, исторія и Греція, и Рима представляютъ много фактовъ, доказывающихъ его основательность: въ Греціи Милтиадъ, побѣдитель Персовъ, умираетъ въ Аѳинской тюрьмѣ, Фемистоклъ долженъ бѣжать изъ спасеннаго имъ отечества въ землю изъ же побѣжденныхъ варваровъ; въ Римѣ Камиллъ, Сервилій Агамъ, Сципионъ Назика, Папирій Ленасъ, Опимій, Метеллъ, Марій, наконецъ самъ Цицеронъ—краснорѣчивые примѣры неблагодарности народа къ его руководителямъ и охранителямъ⁴⁾. Но если сами противники политической жизни не боятся переплывать моря, побуждаемые страстью къ научнымъ занятіямъ⁵⁾, то можно ли оставаться передъ всѣми этими невыгодами и опасностями, которыя съ лихвою вознаграждаются сознаніемъ пользы, оказанной отечеству⁶⁾? Что касается, наконецъ, четвертаго довода противъ политической жизни, то онъ, по мнѣнію Цицерона, менѣе чѣмъ какой-либо другой можетъ быть признанъ основательнымъ: безразсудство черни и происки злонамѣренныхъ людей, которыя противники государственной дѣятельности считаютъ за достаточное основаніе для благоразумнаго человѣка удалиться отъ общественныхъ дѣлъ, напротивъ, должны особенно побуждать его принимать въ нихъ живое участіе: не можетъ быть причины, которая была бы болѣе способна заставить мушкетера приняться за политическую дѣятельность, какъ нежеланіе быть въ повиновеніи у безчестныхъ людей и позволить имъ терзать государство⁷⁾.

¹⁾ De rep. I, 3.

²⁾ De rep. I, 5.

³⁾ De rep. I, 3, cf. Tuscul. I, 47; Pro Sest. 21, De finn. II, 30.

⁴⁾ De rep. I, 3.

⁵⁾ De rep. I; ib. in fine.

⁶⁾ De rep. I, 4.

⁷⁾ De rep., ibidem.

Такъ опровергаются доводы тѣхъ, которые осуждаютъ политическую жизнь въ принципѣ. Не можетъ согласиться Цицеронъ и со взглядомъ, занимающимъ средину между безусловнымъ одобреніемъ и порицаніемъ государственной дѣятельности и признающимъ ея необходимость для благоразумнаго человѣка лишь въ экстренныхъ случаяхъ ¹⁾; ибо, вопервыхъ, по его мнѣнію, чтобы быть въ состояніи помочь государству въ минуту бѣдствія, необходимо имѣть известную власть, силу, а этого нельзя достигнуть иначе, какъ посредствомъ продолжительнаго служенія государству ²⁾; во вторыхъ, невозможно, не умѣя управлять государствомъ въ спокойное время, быть въ силахъ управлять имъ при смутахъ ³⁾.

Изложивъ возраженія, дѣлаемыя противъ политической дѣятельности, и опроверженіе ихъ Цицерономъ, укажемъ основанія, которыя приводятъ оныя въ защиту своего мнѣнія о необходимости для благоразумнаго человѣка принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ.

Къ дѣятельности на политическомъ поприщѣ насъ должно побуждать прежде всего сознаніе пользы, которую мы можемъ принести государству. Достаточно вспомнить подвиги римскихъ патріотовъ, чтобы понять, какой опасности оно подвергалось бы безъ ихъ помощи: если бы мужественные и мудрые люди стали удаляться отъ службы, то Камиллъ не освободилъ бы Италію отъ нашествія Галловъ, Дуилий, Авлъ Атилій не избавили бы ее отъ страха предъ Каррагеномъ, два Сципіона не потушили бы начавшійся пожаръ второй Пунической войны своею кровью и т. п. ⁴⁾. Еще лучше мы поймемъ пользу, приносимую государству участіемъ въ правленіи мудрыхъ людей, если обратимся къ трудамъ законодателей: добродѣтели гражданъ, по мнѣнію Цицерона, составляютъ прямой результатъ мудраго законодательства, вслѣдствіе чего дѣятельность законодателей должна быть поставлена даже выше дѣятельности философовъ по количеству пользы, которую они приносятъ государству ⁵⁾.

Но одного сознанія пользы, которую можно принести государству, часто бываетъ недостаточно, чтобы заставить насъ отказаться отъ

¹⁾ De rep. I, 6.

²⁾ De rep. I, ibidem.

³⁾ De rep., ibidem.

⁴⁾ De rep. I, 1.

⁵⁾ De rep. I, 2. Не слѣдуетъ однако думать, чтобы Цицеронъ первую причину добродѣтели видѣлъ въ законодательствѣ. Здѣсь онъ говоритъ лишь о заслугахъ законодателей относительно поддержанія ея въ обществѣ.

удобствъ частной жизни и подвергнуть себя опасностямъ и тревоженіямъ политической дѣятельности. Поэтому Цицеронъ старается доказать, что, хотя бы наши желанія и стремились къ спокойной жизни, вдали отъ государственныхъ заботъ, мы не можемъ позволить себѣ этого, ибо отечество, родившее и воспитавшее насъ, доставляющее намъ всевозможныя жизненныя удобства, имѣетъ право въ свою очередь требовать отъ насъ въ вознагражденіе большей части нашихъ способностей, оставляя намъ въ собственное пользованіе лишь то, что окажется излишнимъ для него ¹⁾.

Наконецъ, къ службѣ отечеству должна побуждать насъ сама добродѣтель, ибо существенная черта ея есть дѣятельность, примѣненіе самой себя къ дѣлу; а не можетъ быть лучшаго примѣненія ея, какъ въ управленіи государствомъ ²⁾.

Что касается награды за усердную службу отечеству, то она, по мнѣнію Цицерона, заключается прежде всего въ славѣ. Добродѣтель стремится къ ней ³⁾; ради ея совершаются многіе подвиги ⁴⁾. Воздавать мужамъ, заслуженнымъ предъ государствомъ, и особенно правителю его, славу и почетъ — прямая обязанность гражданъ; неисполненіе ея можетъ даже повлечь гибель государства ⁵⁾. Но сама добродѣтель не должна требовать себѣ признанія съ особенною настойчивостью ⁶⁾: главная награда доблестнаго человѣка за труды и опасности и вѣрное утѣшеніе для него въ случаѣ неблагодарности народа или зависти массы, или ненависти сильныхъ, есть сознаніе своего достоинства. Это сладкое чувство должно быть для него выше всѣхъ земныхъ благъ: богатства, власти и т. п. ⁷⁾.

Кромѣ этого, есть еще высшая награда для людей добродѣтельныхъ и посвящающихъ себя служенію государству; но мы скажемъ о ней подробнѣе нѣсколько ниже, ибо это находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о религіи, къ которому мы и переходимъ.

Какovy были религіозныя убѣжденія Цицерона, достаточно извѣстно. Вся его философія, какъ справедливо замѣчаетъ Виллемъ ⁸⁾, была

¹⁾ De rep. I, 4.

²⁾ De rep. I, 2.

³⁾ De rep. III, 28 (Lact. inst. div. V, 8).

⁴⁾ De rep. V, 7, (Aug. Civ. Del. V, 13).

⁵⁾ De rep. V, 7 (Petr. Pictov. ep. ad calumn).

⁶⁾ De rep. III, 28 (Lact. inst. div. V, 18).

⁷⁾ De rep. III, 28 (Lact. inst. div. V, 22).

⁸⁾ Villemain, p. 341.

лишь искуснымъ и продолжительнымъ осмыслиемъ языческаго политизма. Поэтому не представлялось бы никакого затрудненія, если бы намъ нужно было только изложить подлинныя взгляды Цицерона на религію его отечества. Но сдѣлавъ это, мы врядъ ли могли бы сказать, что имѣемъ вѣрное представленіе о томъ, какъ рѣшался вопросъ о религіи въ *De republica*. Стоить только сравнить противоположныя мнѣнія, которыя Цицеронъ высказываетъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій объ ауспиціяхъ, этомъ важнѣйшемъ въ римскомъ государственномъ быту религіозномъ установленіи, чтобы понять, что въ вопросѣ о религіи, какъ и во многихъ другихъ, необходимо различать Цицерона-философа и Цицерона-государственнаго человѣка. Онъ смотрѣлъ на религію, какъ вообще римскіе политики, съ утилитарной точки зрѣнія, видѣлъ въ ней одно изъ могущественнѣйшихъ орудій въ рукахъ государства, лучшее средство для поддержания благоустройства и нравственности гражданъ ¹⁾. Поэтому онъ позволялъ себѣ обнаруживать скептицизмъ къ отечественной религіи и даже издѣваться надъ многими нежѣпостями ея, съ которыми не могъ примириться его просвѣщенный умъ ²⁾, но только тогда, когда разсуждалъ о религіи отвлеченно, безъ отношенія къ государству, и притомъ былъ увѣренъ, что его не услышитъ народъ ³⁾. Какъ только ему приходилось говорить о ней въ связи съ политикою, онъ не допускалъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно ея, считалъ необходимымъ сохранять въ чистотѣ отечественныя вѣрованія ⁴⁾, говоря, что никакой авторитетъ не заставитъ его отказаться отъ преданности имъ ⁵⁾, называлъ право авгуровъ „величайшимъ и превосходнѣйшимъ по тому значенію, какое оно имѣетъ для государства“ ⁶⁾, негодовалъ на небрежное отношеніе къ религіознымъ установленіямъ предковъ ⁷⁾ и требовалъ строгихъ наказаній для ихъ нарушителей ⁸⁾.

Не трудно теперь угадать, котораго изъ указанныхъ нами двухъ

¹⁾ *De legg.* II, 7, 16; 12, 30 sq.

²⁾ См. напр. *De divin.* II, 33, 71.

³⁾ *De nat. deor.* III, 2.

⁴⁾ *De divin.* II, 33, 70.

⁵⁾ *De nat. deor.* III, 2.

⁶⁾ *De legg.* II, 12, 31.

⁷⁾ *Pro Sestio*, 7, 16 sq.

⁸⁾ *De legg.* II, 8, 21; *De divin.* II, 33, 71.

направленій долженъ былъ держаться Цицеронъ въ сочиненіи, посвященномъ имъ вопросу о наилучшей организаціи государства. Ясно, что онъ не могъ здѣсь повторять своихъ насмѣшекъ надъ религіей, напротивъ, старался возратить ей прежнее значеніе, прежнее вліаніе на умы.

Остатки того, что говорилъ Цицеронъ о религіи въ VI-й книгѣ *De republica*, такъ ничтожны, что содержатъ лишь слабое указаніе на частные вопросы, которыхъ онъ касался. Такъ мы видимъ, что Цицеронъ говорилъ о брачныхъ союзахъ ¹⁾, жертвоприношеніяхъ ²⁾, погребальныхъ обрядахъ, но мы не могли бы уяснить себѣ его взгляды, если бы намъ не помогало и въ этомъ случаѣ, какъ часто прежде, сочиненіе *De legibus*. На основаніи его, мы имѣемъ право съ увѣренностію сказать, что Цицеронъ слѣдовалъ почти во всемъ, даже въ мелочахъ, тому, что было выработано въ религіозной области римской исторіей, сохранялъ почти безъ измѣненій древнія постановленія, ограждавшія чистоту религіи и поддерживавшія ея связь съ государствомъ. Такъ (въ *De legibus*) онъ признаетъ многобожіе, но запрещаетъ поклоненіе богамъ, не признаннымъ государствомъ ³⁾, сохраняетъ авгуровъ, весталокъ, фламинновъ, феціаловъ, *sacra gentilia* и проч. ⁴⁾.

Цицеронъ не могъ вовсе отказаться отъ желанія хотя отчасти высказать свои завѣтныя религіозныя убѣжденія. Онъ былъ слишкомъ ревностнымъ ученикомъ греческихъ философовъ и въ особенности Платона, чтобы, говоря о религіи, пройти молчаніемъ важные вопросы о міровомъ строѣ, о цѣли человеческой жизни, о судьбѣ человека послѣ смерти. Взгляды свои на эти вопросы онъ изложилъ въ концѣ сочиненія *De republica*, придавъ имъ форму разказа Сципіона о снѣ, видѣнномъ имъ въ Африкѣ, въ домѣ нумидійскаго царя Масиниссы, въ бытность его военнымъ трибуномъ въ войска М. Манлія ⁵⁾. Такимъ образомъ, это разсужденіе представляетъ какъ бы отдѣльное, законченное цѣлое и было извѣстно во многихъ латинскихъ и греческихъ спискахъ задолго до открытія остатковъ *De republica* подъ именемъ *Somnium Scipionis*.

¹⁾ *De rep.* VI, 2 (*Non. firmiter.*).

²⁾ *De rep.*, *ibidem* (*Non. Samium.*).

³⁾ *De legg.* II, 8, 19.

⁴⁾ *De legg.* II, 8, 19—9, 21.

⁵⁾ *De rep.* VI, 5.

Что касается литературной формы, которую придалъ Цицеронъ своему разсужденію о загробной жизни, то она, несомнѣнно, заимствована имъ у Платона, который, какъ извѣстно, въ X-й книгѣ своей *Πολιτεία* приводитъ разказъ о нѣкоемъ Памфілійцѣ Эрѣ, убитомъ въ сраженіи, ожившемъ чрезъ двадцать два дня уже на кострѣ и повѣдавшемъ тайны посмертнаго существованія. Но слѣдуетъ замѣтить, что, не смотря на подражательность, литературный приѣмъ, употребленный Цицерономъ, долженъ быть поставленъ выше Платонова въ художественномъ отношеніи: во первыхъ, вымыселъ Цицерона о сновидѣніи Сципіона отличается гораздо большею естественностію и правдоподобіемъ, какъ было замѣчено уже древними писателями ¹⁾; во вторыхъ, форма сновидѣнія была особенно подходящей для выраженія представленій о загробной жизни, въ истинѣ которыхъ самъ Цицеронъ не могъ быть совершенно убѣжденъ. Наконецъ, нельзя не одобрить, что взгляды на будущую жизнь вложены въ уста Сципіона: не говоря уже о томъ, что Сципіонъ былъ ученикомъ Грековъ въ философіи и, по всей вѣроятности, держался приблизительно такихъ же мнѣній объ этихъ вопросахъ, какъ самъ Цицеронъ, должно признать, что слова Сципіона о загробной жизни, произносимыя имъ почти въ ту минуту, когда онъ самъ стоялъ на порогѣ вѣчности, когда рука убійцы готовилась поразить его, способны были производить особенно сильное впечатлѣніе на читателей того времени, въ памяти которыхъ были свѣжи и слава, и печальный конецъ этого великаго мужа.

Вліяніе Платона на *Somnium Scipionis* не ограничивается одной вѣншей стороной, литературной формой. Самыя воззрѣнія на міровой строй ²⁾ и загробное существованіе человѣка ³⁾, во многомъ напоминаютъ Платона, а въ одномъ мѣстѣ, въ доказательствѣ безсмертія души, Цицеронъ даже почти буквально переводитъ его ⁴⁾. Однако, между Цицерономъ и Платономъ въ данномъ случаѣ есть важное различіе, котораго нельзя пройти молчаніемъ: разказъ объ Эрѣ Памфілійцѣ, приводимый Платономъ въ концѣ сочиненія *Πολιτεία*

¹⁾ См. Favonius Eulogius (Comm. ad Somn. Scip. въ фрагм. De rep. V, 3, изд. Клотца и Мозера.

²⁾ De rep. VI, 16, 17, 18 (ed. Klotz) cf. Plat. Полит. X, 616—617.

³⁾ De rep. VI, 13, 15, 26, (ed. Klotz). cf. Plat. Полит. X, 614—621.

⁴⁾ De rep. VI, 24, 25, 26 (ed. Klotz). Сличеніе этого доказательства Цицерона съ соответственнымъ мѣстомъ у Платона, въ Федръ, предложено Мозеромъ, Excurs. ad. l. VI de rep. p. 537 sqq.

имѣть, повидимому, между прочимъ, цѣлью доказать превосходство частной жизни предъ общественною ¹⁾; наоборотъ, Цицеронъ несомнѣнно желалъ общаваемъ награды на небесахъ еще болѣе побудить всѣхъ добродѣтельныхъ людей посвящать свои силы на служеніе отечеству.

Somnium Scipionis можетъ служить прекраснымъ примѣромъ того, что можетъ сдѣлать умъ человѣческой, одушевленный желаніемъ высится до созерцанія вѣчныхъ истинъ, и чего онъ не въ силахъ достигнуть или достигаетъ только посредствомъ тысячелѣтней преемственной работы поколѣній. Устанавливая безсмертіе души, Цицеронъ долженъ прибѣгать къ натянутымъ, запутаннымъ доказательствамъ, пытается объяснить физическими законами то, что, будучи лишено матеріи, не можетъ быть подчинено ея законамъ. Картина міроваго строя, нарисованная Цицерономъ сообразно съ ученіемъ Пифагорейцевъ и Платона, также далеко не величественна сравнительно съ видомъ вселенной, какъ она представляется намъ при современномъ состояніи науки. Со времени Цицерона умъ человѣческой сдѣлалъ много на широкомъ поприщѣ изученія природы: вмѣсто гадательныхъ предположеній, мы обладаемъ несомнѣнными данными, говорящими намъ о величій Творца краснорѣчивѣе самыхъ смѣлыхъ поэтическихъ представленій древности. Но мы все-таки должны отдать должную дань удивленія древнимъ геніямъ, съумѣвшимъ, при крайней бѣдности естественно-научныхъ познаній, достигъ, по крайней мѣрѣ, до предчувствія тѣхъ великихъ истинъ, которыя кажутся намъ теперь несомнѣнными, благодаря божественному откровенію и послѣдовательной работѣ вѣковъ. Оцѣнивая заслуги великихъ философовъ древности, мы не должны забывать о томъ, что пройдутъ еще вѣка, — и многое теперь непонятное, даже для высшихъ умовъ, сдѣлается яснымъ для массы, что многое, кажущееся теперь несомнѣннымъ, будетъ признано ложнымъ. Самые заблужденія имѣютъ свою цѣль: путемъ ряда ошибокъ рано или поздно человѣчество приходитъ къ истинѣ. Наконецъ, уже одно то, что греческіе философы, а затѣмъ и Цицеронъ, безъ помощи Откровенія, пришли къ идеѣ безсмертія человѣка, должно обезпечить за ними наше удивленіе.

Мы не будемъ приводить подробно содержаніе „Сновидѣнія Циціона“, такъ какъ многое въ немъ не имѣетъ отношенія къ полити-

¹⁾ Plat. Полит. X, 620.

чекимъ взглядомъ Цицерона. Остановимся только на томъ, что непосредственно касается ученія его о государствѣ.

Проклъ называетъ *Somnium Scipionis* сокращеніемъ всего сочиненія *De republica*, подобно тому какъ разказъ Платона о Памфидійцѣ Эрѣ стоитъ въ такомъ же отношеніи къ его *Πολιτεία* ¹⁾. Мы съ своей стороны не рѣшимся придавать такое значеніе этому прекрасному эпизоду, но нельзя не признать, что онъ можетъ быть названъ краснорѣчивымъ выраженіемъ цѣли, руководившей Цицерономъ въ его трудѣ: здѣсь, въ концѣ сочиненія, Цицеронъ еще разъ повторяетъ своимъ согражданамъ призывъ на службу родинѣ, обѣщаетъ имъ высшую награду, какой только можетъ желать человекъ. Что это именно составляло главную его цѣль, можно заключить уже изъ того, какъ, если вѣрить Макробію ²⁾, этотъ эпизодъ былъ связанъ съ остальнымъ содержаніемъ. Лелій жаловался, что Сципіону Назикѣ, убійцѣ Тиберія Гракка, не было поставлено статуи. На это Сципіонъ возражалъ, что доблесть уже въ сознаніи своихъ подвиговъ имѣетъ достаточную награду; при томъ, у нея есть другая награда, болѣе прочная, чѣмъ свинцовыя статуи, лучше сохраняющая свѣжесть, чѣмъ лавровыя вѣнки. Чтобы показать, въ чемъ заключается эта награда, Сципіонъ и передавалъ что онъ слышалъ объ этомъ отъ своего отца и Сципіона Старшаго, являвшихся ему въ сновидѣніи.

Выше мы видѣли, что Цицеронъ, отъ лица Сципіона, призывая всѣхъ добродѣтельныхъ людей на службу отечеству, указывалъ на награду, которой они могутъ достигнуть въ этой жизни, именно—славу; теперь онъ берется показать, что эта награда еще слишкомъ мала сравнительно съ другою, которую человекъ можетъ получить послѣ смерти. Не говоря уже о томъ, что часто земная слава не соответствуетъ подвигамъ и за заслуги отечеству приходится испытывать не только равнодушіе, но и непріязнь согражданъ, она, какъ бы ни была велика, не можетъ представлять достаточнаго вознагражденія за всѣ труды и опасности, съ которыми неразлучна государственная дѣятельность. Въ самомъ дѣлѣ, пространство, на которое слава распространяется, ничтожно сравнительно съ вселенной; предѣлъ ея распространенія не равенъ даже землѣ, ибо сама земля обитаема только

¹⁾ Moser, *De rep.* VI, 6, p. 403.

²⁾ Maerob., *Somn. Scip.* I, 4.

отчасти, при чемъ заселенныя мѣста раздѣлены между собою естественными преградами, отстоятъ далеко другъ отъ друга и, притомъ, часто не находятся даже на одной плоскости ¹⁾. Если мы обратимъ вниманіе на время, въ продолженіе котораго можно разчитывать на сохраненіе славы въ памяти потомства, то и здѣсь не представится ничего утѣшительнаго: періодически повторяющіеся потоны и уничтоженія земли жаромъ дѣлаютъ невозможною не только вѣчную, но и продолжительную славу ²⁾. Развѣ можно признать за продолжительное то, что обыкновенно считаютъ такимъ? Когда дѣло идетъ о сравненіи съ вѣчностію, то какъ ничтожны покажутся самые долгіе періоды времени, которые мы опредѣляемъ количествомъ солнечныхъ годовъ! Не промежутокъ времени, требуемый для того, чтобы солнце возвратилось въ извѣстную точку ³⁾, должно считатьъ годомъ по періодъ, въ продолженіи котораго всѣ небесныя тѣла придуть въ прежнее положеніе; а насколько великъ такой годъ, можно судить изъ того, что отъ смерти Ромула до времени, когда происходитъ діалогъ, не прошло еще, по мнѣнію Сципіона, и $\frac{1}{20}$ его доли ⁴⁾. Можно ли удовлетвориться такой славой, которая не продолжается одного года ⁵⁾ и на такое пространство ⁶⁾? Очевидно, еслибы остановиться на этомъ вознагражденіи, то оно не соотвѣтствовало бы подвигамъ. Поэтому Сципіонъ совѣтуетъ презирать земное, человѣческое, и обращать взоръ къ небесному, тамъ ожидать себѣ награды ⁷⁾: „Всѣмъ, которые заботились о сохраненіи отечества, подавали ему помощь, возвеличили его, опредѣлено извѣстное мѣсто на небѣ, гдѣ они, блаженные, наслаждаются вѣчнымъ существованіемъ; ибо ничего нѣтъ пріятнѣе для верховнаго Бога, который правитъ этимъ міромъ, по крайней мѣрѣ

¹⁾ De rep. VI, 20 (ed. Klotz). Какъ примѣръ странъ, до которыхъ слава не можетъ достигъ по ихъ отдаленности, Цицеронъ указываетъ Кавказъ и область Ганга. Это очень естественно, въ виду затруднительности сообщеній и малонаселенности земнаго шара въ древности.

²⁾ De rep. VI, 21 (Klotz).

³⁾ Съ точки зрѣнія древнихъ, полагавшихъ, что солнце движется вокругъ земли.

⁴⁾ Представленіе объ этомъ солнечномъ годѣ заимствовано Цицерономъ у Платона: "Ὁ γὰρ τέλειος ἀριθμὸς χρόνου τὸν τέλειον ἐνιαυτὸν πληροῖ τότε, ὅταν ἀπασῶν τῶν ὀκτώπερίοδων τὰ πρὸς ἄλληλα συμπερανθῆντα τάχη σὺν κεφαλῇ τῇ τοῦ ταύτου κύκλῳ (Tim. XI).

⁵⁾ De rep. VI, 22, (ed. Klotz).

⁶⁾ De rep. VI, 20, (ed. Klotz).

⁷⁾ De rep. VI, 19, (ed. Klotz).

изъ того, что происходитъ на землѣ, какъ собранія и сообщества людей, соединенныхъ правомъ, которыя называются государствами. Ихъ правители и охранители, отправившись отсюда (съ неба), возвращаются сюда же¹⁾.

Ясно, что для того, чтобы принять это ученіе, необходимо признать безсмертіе души. Поэтому Цицеронъ долженъ былъ постараться доказать это. При этомъ должно замѣтить, что онъ признаетъ души не безсмертными, а вѣчными, слѣдуя въ этомъ отношеніи Платону, и считая ихъ частичками божественной субстанции, разлитой въ небесныхъ тѣлахъ. Свое мнѣніе о вѣчности души Цицеронъ доказываетъ слѣдующимъ, должно сознаться, довольно ухищреннымъ способомъ, опираясь на то, что душа по отношенію къ тѣлу играетъ ту-же роль, какую Богъ занимаетъ относительно міра: она живетъ, чувствуетъ, помнитъ, предвидитъ, управляетъ тѣломъ и приводитъ въ движеніе его, подобно тому, какъ Богъ сообщаетъ движеніе міру; поэтому человѣкъ по своей внутренней природѣ можетъ быть названъ божествомъ, а слѣдовательно, какъ Богъ вѣченъ, такъ же вѣчною должна быть признана и душа человѣка²⁾. Но это еще требуетъ разъясненія, и Сципионъ даетъ новое подтвержденіе своему ученію, представляя духъ человѣческій, какъ нѣчто первоначальное, не имѣющее себѣ причины: душа приводитъ въ движеніе тѣло, сама не нуждаясь въ дѣйствіи внѣшнихъ причинъ для своего движенія, „движется вслѣдствіе своего собственнаго внутренняго движенія“³⁾; а то, что движется само по себѣ и приводитъ въ движеніе другія существа, никогда не перестаетъ двигаться, такъ какъ никогда не оставляетъ себя, и, слѣдовательно, никогда не начинается и не перестаетъ существовать; иначе послѣдовало бы прекращеніе движенія во всей природѣ, вслѣдствіе уничтоженія его первоначальной причины⁴⁾. И такъ, душа, какъ субстанція, въ себѣ заключающая причину собственнаго движенія и дающая движеніе тѣлу, должна быть признана вѣчною, то-есть, не имѣющей ни начала, ни конца существованія⁵⁾. Понятно, что такой выводъ безсмертія души возможенъ только при пантеистическомъ воззрѣніи на нее, какъ на частицу божества.

¹⁾ De rep. VI, 13, (ed. Klotz).

²⁾ De rep. VI, 24 (ed. Klotz).

³⁾ De rep. VI, 26, (ed. Klotz).

⁴⁾ De rep. VI, 25 (ed. Klotz).

⁵⁾ De rep. VI, 26 (ed. Klotz).

Раздѣляя мнѣніе Платона о безсмертіи душъ, Цицеронъ не признаетъ вслѣдъ за нимъ переселенія ихъ. По Платону каждая душа послѣ 1000 лѣтъ страданія или блаженства возвращается на землю въ томъ видѣ, какой сама избрала ¹⁾. Цицеронъ, повидимому, признаетъ лишь одно земное существованіе, продолжительность котораго опредѣлена Богомъ, сократить которое произвольно никто не въ правѣ. Онъ смотритъ на земную жизнь, какъ на испытаніе, отъ котораго никто не можетъ отказаться ²⁾. Единственно, что могутъ и должны дѣлать люди при жизни, это—стараться облегчить себѣ доступъ на небо по смерти ³⁾. Что касается состоянія души по кончинѣ, то оно различно для душъ людей добродѣтельныхъ и порочныхъ: души порочныхъ, преданныхъ страстямъ, посвящающихъ свою жизнь служенію удовольствіямъ, достигаютъ блаженнаго состоянія лишь послѣ долгаго скитанія надъ землею ⁴⁾, тогда какъ души добродѣтельныхъ возносятся на небо непосредственно по смерти. При этомъ высшая обязанность добродѣтели — забота о государствѣ ⁵⁾.

Разказомъ о снѣ Сципіона заканчивается сочиненіе Цицерона „О государствѣ“.

Мы не разъ уже говорили, что произведеніе Цицерона не имѣетъ ни новизны и оригинальности взглядовъ, которыя мы видимъ у Платона, ни обширности ученаго изслѣдованія, какая поражаетъ насъ въ Аристотелѣ; оно не только мало новаго вноситъ для разрѣшенія политическихъ проблемъ, но зачастую, въ виду оправданія римской старины, доходитъ до отрицанія признанныхъ всѣми законовъ естественнаго развитія государства. Это безспорно ставить его въ научномъ отношеніи ниже трудовъ греческихъ философовъ, предшественниковъ Цицерона. Но за то оно имѣетъ и свое достоинство, котораго почти нѣтъ въ трудѣ Аристотеля и которое лишь въ слабой степени принадлежитъ произведенію Платона. Это — ярко проглядывающая въ немъ любовь Цицерона къ родинѣ, желаніе помочь ей въ

¹⁾ Plat. Πολιτεία, X, 615 sqq.

²⁾ De rep. VI, 15 (ed. Klotz).

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ De rep. VI, 26. Подобнымъ образомъ у Платона въ Федонѣ: Ἡ τοιαύτη ψυχὴ... περὶ τὰ μνήματα τε καὶ τοὺς τάφους κολιδομένη и т. д. Въ разказѣ объ Эрѣ Памонійцѣ, какъ мы видѣли, души послѣ 1000 лѣтъ страданія или блаженства возвращаются на землю.

⁵⁾ De rep., ibidem.

трудную пору, отдалить отъ нея страшную минуту переворота, который онъ предчувствовалъ.

О степени искренности патриотизма Цицерона мы и должны сказать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ разстанемся съ его сочиненіемъ, въ виду замѣчаемаго на первый взглядъ несоотвѣтствія политическихъ убѣжденій Цицерона, какъ они выразились въ *De republica*, съ нѣкоторыми фактами въ его практической дѣятельности на государственномъ поприщѣ.

Дѣйствительно, если мы обратимся къ эпохѣ, непосредственно слѣдующей за возвращеніемъ Цицерона изъ изгнанія, эпохѣ, къ которой относится и его сочиненіе „О государствѣ“, то мы будемъ неприятно поражены отношеніями Цицерона, на котораго мы привыкли смотрѣть, какъ на истаго республиканца, къ тремъ виднымъ дѣятелямъ того времени. Мы увидимъ, что, вскорѣ послѣ возвращенія изъ изгнанія, Цицеронъ добивается назначенія Помпея *сигатор* *аннопае* на пять лѣтъ, хлопочетъ о дарованіи ему чрезвычайной власти и неограниченнаго кредита въ государственномъ эрарин; немного спустя, по предложенію Цицерона, за успѣхи оружія Цезаря въ Галліи назначается общественное молебствіе ¹⁾, а въ слѣдующемъ году онъ выхлопатываетъ въ сенатѣ жалованье войску Цезаря и право этому полководцу имѣть десять легатовъ ²⁾; благодаря своему краснорѣчію, Цицеронъ не разъ склоняетъ большинство сенаторовъ на сторону триумвировъ и такимъ образомъ способствуетъ нѣкоторой легализаціи ихъ власти ³⁾; наконецъ, по желанію Помпея, онъ мирится, по крайней мѣрѣ, виѣшнимъ образомъ, съ своимъ личнымъ врагомъ Крассомъ ⁴⁾, беретъ на себя защиту Габинія ⁵⁾, котораго прежде самъ называлъ „разрушителемъ государства, предателемъ римскаго достоинства ⁶⁾, торгашемъ провинціями“ ⁷⁾.

Безъ сомнѣнія, это время темнымъ пятномъ лежитъ на политической дѣятельности Цицерона. Но имѣемъ ли мы право, на основаніи приведенныхъ и могущихъ быть указанными еще въ большемъ

¹⁾ *De prov. cons.* XI, 26.

²⁾ *Ibidem.*

³⁾ *Boissier, Cic. et ses amis*, p. 232.

⁴⁾ *Ad fam.* I, 9.

⁵⁾ *Pro Rab. Postum.* VI, 19.

⁶⁾ *Pro Sext.* VII, 15.

⁷⁾ *Post. red. in sen.* IV, 10.

количествѣ фактовъ, утверждать, что Цицеронъ въ эту пору былъ преданъ дѣлу триумвировъ, желалъ въ своихъ личныхъ интересахъ установленія новаго порядка вещей? Мы рѣшаемся отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Правда, самъ Цицеронъ высказываетъ подобную мысль въ одномъ письмѣ къ Аттиву, говоря: „Оставимъ въ сторонѣ честь, справедливость и прекрасныя нравственныя истины! Такъ какъ тѣ, у которыхъ нѣтъ силы, не хотятъ насъ любить, постараемся заставить любить себя тѣхъ, у которыхъ въ рукахъ сосредоточено все могущество“¹⁾; но горькая иронія надъ самимъ собою и надъ окружающимъ проглядываетъ въ этихъ словахъ и возбуждаетъ въ душѣ читателя не презрѣніе, а состраданіе къ несчастіямъ, которыя долженъ былъ вынести Цицеронъ, чтобы рѣшиться такъ жестоко вѣдѣваться надъ самимъ собою.

Мы видимъ изъ другихъ писемъ Цицерона и его дѣйствій, какія нравственныя муки выносилъ онъ, какой внутренней разладъ съ самимъ собою терзалъ его въ эту пору: онъ то старается оправдать себя въ своихъ глазахъ и глазахъ согражданъ, говоря, что уврѣненъ въ пользѣ для республики власти триумвировъ и съ полнымъ совѣніемъ правоты отказывается отъ прежнихъ убѣжденій²⁾, то жалуется на судьбу, поставившую его въ безысходное положеніе³⁾, то, наконецъ, выведенный изъ себя нравственными страданіями, страиваетъ на минуту позорное игло и раздражается рѣзкими протестами противъ триумвировъ, нападая на ихъ друзей и защищая враговъ⁴⁾.

Въ виду этихъ примѣровъ, указывающихъ на душевное состояніе Цицерона въ періодъ сближенія его съ триумвирами, въ виду, наконецъ, характера его предъидущей и послѣдующей дѣятельности, мы, считаемъ несправедливыми слишкомъ рѣзкія нападки на него: недостатокъ твердости характера, желаніе найти поддержку противъ сильныхъ противниковъ, симпатія къ Помпею⁵⁾, по крайней мѣрѣ, по вѣншности державшему сторону сената, и, можетъ быть, неполное пониманіе его политики, наконецъ, примѣръ большинства сенаторовъ—вотъ, по нашему мнѣнію, истинныя причины непостоянства,

¹⁾ Ad Att. IV, 5.

²⁾ Ep. ad Lent., ad fam. I, 9, 21.

³⁾ Ad Att. IV, 6.

⁴⁾ Boissier, p. 233.

⁵⁾ См. напримѣръ ad Att. VIII, 15, 2.

замѣчаемаго въ политическомъ поведеніи Цицерона въ эпоху перваго триумвирата.

Эта эпоха была поворотнымъ моментомъ въ его дѣятельности. Со времени разрыва Помпея съ Цезаремъ, когда рѣзко обозначились монархическія стремленія послѣдняго, Цицеронъ, послѣ нѣкотораго колебанія ¹⁾, рѣшительно становится на сторону сената и республиканскаго строя ²⁾ и неуклонно держится этого направленія до конца жизни.

Въ виду этого мы рѣшаемся положительно утверждать, что *De republica* есть искреннее выраженіе того, что Цицеронъ считалъ необходимымъ для государства, и вызвано желаніемъ помочь отечеству избѣжать страшной опасности, приближеніе которой онъ чувствовалъ. Скажемъ даже болѣе, направленіе этого сочиненія, сожалѣніе о прошедшемъ, стремленіе возратить его, не только не находится въ противорѣчій съ характеромъ политической дѣятельности Цицерона, но рѣшительно объясняется ею. Цицеронъ—человѣкъ, котораго судьба помѣстила въ эпоху великой борьбы, въ эпоху столкновенія различныхъ элементовъ государства, подвергавшагося броженію, въ эпоху перехода государства въ новую фазу существованія, не надѣливъ его тѣми свойствами, которыми необходимо обладать, чтобы имѣть успѣхъ въ революціонное время. Мы видѣли, какъ дорого приходилось расплачиваться Цицерону за это несоотвѣтствіе его природы съ временемъ, въ которое онъ жилъ. Отсюда особенно понятно, почему онъ, говоря о наилучшемъ государственномъ строѣ, старался отвратить свои взоры отъ тяготившаго его настоящаго, перенестись въ далекое прошлое, когда можно было сочетать высшія, по его мнѣнію, блага въ жизни, свободу, достоинство и досугъ.

¹⁾ См. напр. ер. ad Marium (ad fam. VII, 3, 2).

²⁾ Цезарь старался привлечь Цицерона на свою сторону или, по крайней мѣрѣ, убѣдить его не принимать участія въ борьбѣ (ad. Att. X, 8).

Въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ Ж. Мин. Нар. Пр., въ статьѣ: Сочиненіе Цицерона „О государствѣ“, вклялись слѣдующія опечатки:

<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
Стран. 42), стр. 13—14: отголоскомъ мнѣ- ній нужень былъ человѣкъ,	выразителемъ мнѣній человѣка,
> 423, стр. 7 снизу: consensus	consensus
> 431, прим. 10, стр. 1: болѣе совершенное	совершенно иное
> 445, стр. 20: неосуществимая въ небольшомъ госу- дарствѣ	неосуществимая или осуществи- мая хотя отчасти только въ не- большомъ государствѣ
> 459, стр. 1: варваровъ,	народовъ,
> 459, > 8—9: процессовъ. Есте- ственно	процессовъ доказываютъ это. Естественно
> 463, > 1: историческомъ	теоретическомъ
> 480, > 21—22: исторіи тѣхъ взгля- довъ	исторіи, тѣ взгляды
> 508, > 10: С. Кассіемъ,	Сп. Кассіемъ,
> 511, > 3: цензуры,	претурны
> 530, 11—12 снизу: ни для союзниковъ, ни для богатыхъ	не для союзниковъ,..... но ни богатыхъ
> 548, прим. 2: De off.	De off. I, 34, 122.
> 553, стр. 20: какихъ добродѣте- ляхъ	какихъ еще добродѣтеляхъ

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій*.

Изданіе восьмое, дополненное согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія.

СЪ РИСУНКАМИ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 25 коп.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, книжный магазинъ *Фену и К^о*.

„СОЛНЫШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками. Составилъ *А. РАДОНЕЖСКІЙ*. Изданіе съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и въѣкласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

Съ требованіями просятъ обращаться: въ Москвѣ, въ книжный магазинъ наслѣдниковъ Салаевыхъ. Въ С.-Петербургѣ,—въ книжный магазинъ *Фену и К^о*.

Адресъ издателя: Шпалерная ул., д. № 6, кв. 9.

ВЪСНЕСЕНАГО КИТАЯ
О ПОДПИСКѢ НА 1882 ГОДЪ

НА
„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЪ РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Съ 1-го января 1881 г. журналъ „Всемирная Иллюстрація“ вступаетъ въ XIV годъ (то-есть томы XXVII и XXVIII) своего существованія. Известность, приобретаемая этимъ журналомъ, избавляетъ насъ отъ труда подробно распространяться о его достоинствахъ. Онъ будетъ выходить такъ же аккуратно, какъ и въ прошлые годы, еженедѣльно (то-есть 52 номера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большаго двойнаго листа самой лучшей бумаги, и каждый номеръ будетъ входить въ себя 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена полезными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

По случаю предстоящей въ 1882 г. Коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ, особенное вниманіе Редакціи будетъ обращено на изготовленіе цѣлой серіи рисунковъ, относящихся къ этому высокочестивому празднику.

Кромѣ того къ „Всемирной Иллюстраціи“ 1882 г. будетъ приложено бесплатно отдѣльный роскошный „Альбомъ Всероссійской Промышленно-Художественной выставки“, имѣющей состояться въ будущемъ году въ Москвѣ. Въ альбомѣ этомъ будетъ заключаться множество рисунковъ, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ замѣчательныхъ произведеній выставки.

Цѣна годовому изданію „Всемирной Иллюстраціи“ на 1882 г.

Безъ дост. въ С.-Петербургѣ 13 р. — к.

Безъ доставки въ Москвѣ 14 „

Съ дост. въ С.-Петербургѣ 14 „ 50

Съ перес. въ другіе города. 16 „

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ»

представляет полнѣйшее сообщеніе, во всемъ изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологию, промышленность, морское и военное искусства, и пр. и пр. однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ въ картинахъ.

Главная задача „Всемирной Иллюстраціи“ — изображеніе, въ картинахъ и текстѣ, современнаго состоянія и событий во всемъ сферѣ политической и общественной жизни.

Каждый годъ «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ» представляетъ собой

ДВА РОСКОШНЫЕ АЛЬБОМА

каждый до 500 печатныхъ страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

изъ янтарнаго каленкора, съ золотыми тиснен. по рис. художника К. Брожа. Цѣна покрышки для переплета на каждый томъ безъ пересылки 1 р. 75 к., съ пер. 2 Р. 50 к.

Цѣна первыхъ 24 томовъ «Всемирной Иллюстраціи»

1869 г. (томы I и II) 10 руб. безъ перес.; въ англ. каленкоровомъ перепл. 14 р. 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), и 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X) — по 8 р. безъ пересылки каждый годъ. Въ англ. тиснен. золотомъ, переплетахъ, каждый годъ стоитъ по 12 р. безъ пересылки. 1874 (т. XI и XII), 1875 (т. XIII и XIV), 1876 (т. XV и XVI), 1877 г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложеній), 1878 г. (т. XIX и XX) (безъ приложеній), 1879 г. (т. XXI и XXII) и 1880 г. (т. XXIII и XIV) — по 9 р. безъ перес., кажд. годъ. Въ переплетахъ безъ перес. по 13 р.

На пересылку каждаго года слѣдуетъ прилагать 3 р. с.

Главная контора Редакціи „Всемирной Иллюстраціи“ въ С.-Петербургѣ, Больш. Садовая ул., № 16.

Для удобства своихъ подписчиковъ, Контора Германа Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и иностранныя журналы и газеты.

О подпискѣ на 1882 годъ

НА

„ОГОНЕКЪ“, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Политики, Литературы, Общественной жизни, Наукъ и
Искусствъ.

52 номера въ годъ.

ПРОГРАММА „ОГОНЬКА“:

1. Еженедѣльный политическій обзоръ.
2. Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, драматическія произведенія, юмористическіе очерки, оригинальные и переводы. (съ рисунками къ нимъ).
3. Историческіе очерки, бытовыя картины изъ жизни древнихъ народовъ (съ рисунками къ нимъ).
4. Записки, мемуары, жизнеописанія великихъ людей и общественныхъ дѣятелей (съ портретами).
5. Систематическій обзоръ (съ рисунками, по надобности) замѣчательныхъ явленій въ области всѣхъ наукъ: Естествознанія, Археологій, Географіи, Медицины, Механики и т. д., и искусствъ: Скульптуры, Живописи, Архитектуры, Музыки и т. д. Библиографія и замѣчательные процессы (безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній).
6. Хроника общественной жизни.
7. Хроника наукъ, искусствъ и литературы.
8. Смѣсь, анекдоты, афоризмы, загадки, шахматы, шашки и проч.
9. Почтовый ящикъ; отвѣты редакціи.
10. Тиражи выигрышей 1-го и 2-го внутреннихъ займовъ.
11. Частныя объявленія.

Громадный успѣхъ „ОГОНЬКА“ въ первые три года изданія, дѣлаетъ лишними всякія пышныя общанія. Успѣху этому „ОГОНЕКЪ“ обязанъ: 1) Объемомъ своимъ онъ равенъ большому

литературнымъ журналамъ, но дешевле ихъ вчетверо. 2) Въ немъ принимаютъ участіе лучшія литературныя и художественныя силы.

Въ «ОГОНЬКЪ» 1881 года были помѣщены произведенія, между прочимъ слѣдующихъ писателей: В. Г. Авѣенко, В. Корниевскаго (псевд.). Г. Лешина, А. Н. Майкова, А. Н. Островскаго, А. А. Потѣхина, Гр. Е. А. Салиаса, Н. И. Случевскаго, и др.

Въ 1882 г. будутъ помѣщены въ первыхъ нумерахъ слѣдующія произведенія: «Прославились», комедія въ 4-хъ дѣйств. Н. Соловьева, «Графъ Морицъ Самсонскій», вст. ром. въ 5-ти част. Н. Кукольника. «Родственный визитъ», повѣсть Н. Морскаго и произведенія другихъ извѣстныхъ писателей: гр. Салиаса, А. Майкова, К. Полонскаго.

Въ 1882 году, при дополненной программѣ, въ «ОГОНЬКЪ» будутъ помѣщаться также еженедѣльные политическіе обзоры, хроника общественной жизни, шахматныя, шашечныя и другія задачи, загадки и проч. и проч.

Къ журналу „Огонекъ“ 1882 г. будутъ приложены, бесплатно:

Двѣ большія, роскошныя олеографическія преміи:

1) **ПОРТРЕТЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРИНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ОГОДОРОВНЫ** (въ pendant къ портрету Государя Императора Александра III, данному, какъ премія, въ 1881 году).

2) **„ЧЕТЫРЬ ВЕЛИКІЙ ДОПРАШИВАЕТЪ ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ ВЪ ПЕТЕРГОФЪ“**, картина профессора Ге.

Преміи эти, во избѣжаніе порчи ихъ въ дорогѣ, будутъ разосланы гг. подписчикамъ въ прочной картонной трубкѣ.

Годовая цѣна „Огонька“ съ преміями: безъ доставки 4 р., съ дост. въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россіи 6 руб.

Подписка принимается въ конторѣ издателя журнала „ОГОНЕКЪ“, Германа Гоппе, въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая улица, д. Коровина, № 16.

ПОДПИСКЪ НА 1882 ГОДЪ НА
„МОДНЫЙ СВѢТЪ“
ИЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДАМЪ.

(Самый полный и дешевый модный и семейный иллюстриро-
ванный журналъ въ Россіи) и отъ издателя М. А. Бунина

Съ 1-го января 1882 года „Модный Свѣтъ“ начнетъ XV
годъ своего существованія и будетъ издаваться съ предѣло-
сторонъ издателя заботливостію о наружныхъ и внутреннихъ его
достоинствахъ.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ въ 1882 году будетъ выходить также
ВЪ ТРЕХЪ ИЗДАНІЯХЪ

въ количествѣ 48 нумеровъ въ годъ, съ 24-ми картин-
ными приложениями новѣйшихъ парижскихъ модъ
и будетъ заключать въ себѣ въ теченіе года:

Болѣе 3,000 рисунковъ модныхъ платьевъ, костюмовъ, пардессо,
напѣто, рукодѣлій и проч., въ текстѣ.

Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки
бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Раскраш. рисунки канвов., тамбур. и друг. работъ. Рисунки
въ русск. вкусѣ.

Болѣе 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.

24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.

24 (или 12 для I изданія) модныхъ раскрашен. парижскихъ карти-
нокъ для II изданія, исполненныя лучшими иностран. художниками.

36 раскрашенныхъ модныхъ парижскихъ картинъ, исполнен-
ныхъ лучшими иностран. художниками, для III изданія.

Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.

Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго вре-
мени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы
и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетонъ, стихотворенія,
анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

„Хорошій тонъ“ или совѣты и указанія на всѣ случаи общественной жизни женщины.

Разныя отдѣльныя безплатныя приложения и „Почтовый ящикъ“ съ самыми разнообразными и полезными совѣтами.

Кромѣ разныхъ отдѣльныхъ приложений, къ „Модному Свѣту“ 1882 года будутъ приложены, безплатно,

ИЗЯЩНАЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРЕМІЯ, КАРТИНА:

„ВЕНЕЦІАНКА“

Премія эта, по своему художественному исполненію, могутъ служить украшеніемъ всякой гостинной и будутъ разсланы гг. подписчикамъ въ прочной упаковке, во избежаніе порчи въ дорогѣ.

Цвѣтаголовой изданію „МОДНАГО СВѢТА“ на 1882 г.:

I изданію, съ 12 раскрашенн. парижск. картинками и со всѣми приложениями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—4 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—5 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи—6 р. 50 коп.

II изданію, съ 24 раскрашенн. парижск. картинками и со всѣми приложениями: въ С.-Петербургѣ безъ достав.—5 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи—7 руб. 50 коп.

III изданію, съ 36 раскрашенн. парижск. картинками и со всѣми приложениями: въ С.-Петербургѣ безъ достав.—7 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—8 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи—9 р. 50 коп.

Главная контора Редакціи „Моднаго Свѣта“ находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коробина, № 16.

Съ 1882 года Редакція „Моднаго Свѣта“ открыла, для своихъ годовыхъ подписчиковъ конкурсъ на дамскія ручныя работы, съ десятью денежными преміями суммою на 500 рублей. Подробности смотрите въ №№ „Мод. Св.“ 1880 года.

Въ магазинахъ Н. ФЕНУ и К^о (въ Петербургѣ) и Н. КАРБАСНИКОВА (въ Москвѣ)
Моховая, д. Коха) продаются слѣдующія

НОВЫЯ КНИГИ:

1) И. МИХАЙЛОВЪ. Краткая Отечественная Географія съ 19 картами и 4 планами важнѣйшихъ городовъ въ текстѣ и съ приложеніемъ большой карты Европейской Россіи въ концѣ книги. Ц. 60 коп. Руководство для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, для городскихъ училищъ и другихъ низшихъ школъ.

2) Н. БУНАКОВЪ. Двадцать большихъ стѣнныхъ таблицъ для обученія грамотѣ безъ книгъ. Классное пособие для народныхъ школъ, содержащее матеріалъ для чтенія и письма съ постепенно возрастающимъ числомъ буквъ и для начальныхъ упражненій въ правописаніи. Ц. 5 р.

3) Н. БУНАКОВЪ. Русская подвижная школа: а) Значеніе и программа подвижной школы съ указаніемъ пособій. б) Руководство для учителя къ стѣннымъ таблицамъ «Обученіе грамотѣ безъ книгъ», вновь составленнымъ Н. Бунаковымъ. в) Подробное распредѣленіе занятій подвижной школы по всѣмъ предметамъ обученія. Ц. 40 коп.

4) Н. БУНАКОВЪ. «Азбука и уроки чтенія и письма». Новое изданіе, совершенно переработанное, снабженное большимъ количествомъ рисунковъ, оригиналами для рисованія по клѣткамъ, прописями и разнообразнымъ матеріаломъ для самостоятельныхъ работъ. Ц. 25 к.

5) Н. БУНАКОВЪ. «Первинка», книжка для чтенія послѣ азбуки, съ большимъ количествомъ картинокъ и разнообразнымъ матеріаломъ для самостоятельныхъ работъ. Ц. 15 к.

6) Н. БУНАКОВЪ. Обученіе грамотѣ по звуковому способу, въ связи съ предметными уроками и съ начальными упражненіями въ родномъ языкѣ и правописаніи. Руководство для учителя, приспособленное къ новому изданію «Азбуки» и къ «Книжкѣ-Первинкѣ». 10-е издан. Ц. 25 к.

7) Н. БУНАКОВЪ. «Въ школѣ и Дома». 1-й и 2-й кругъ. Новое изданіе, совершенно переработанное и снабженное большимъ количествомъ рисунковъ. Курсъ втораго года обученія въ народной школѣ. Ц. 35 к.

Въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ отпечатано роскошное всенародное изданіе подъ заглавіемъ: „Вѣчная память въ Божѣ почившему Государю, Царю Освободителю Александру II, съ портретомъ покойнаго Императора, исполненнымъ по послѣдней фотографіи придворныхъ фотографовъ Левицкаго и сына въ С.-Петербургѣ — художникомъ граверемъ И. И. Матюшинымъ и съ роскошной виньеткой, вокругъ портрета, изображающей сословія Россіи, молящіяся за Царя Благодѣтеля и украшенной царскими регаліями и эмблемами съ девизомъ: „съ нами Богъ“. Виньетка эта исполнена придворнымъ Его Императорскаго Величества, художникомъ профессоромъ А. О. Шарлемань. Подъ портретомъ текстъ. Изданіе это допущено въ начальныя народныя училища министерствомъ народнаго просвѣщенія. Согласно обнародованному въ номерѣ 78 „Правительственнаго Вѣстника“ объявленію, главный складъ этого изданія, желая дать возможность всѣмъ вѣрноподаннымъ сохранить дорогую для нихъ память о царѣ-мученикѣ, назначилъ, съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи, по шести копѣекъ за экземпляръ, при чемъ можно выписывать не менѣе ста экземпляровъ, которые высылаются цѣнной, застрахованной по почтѣ посылкой и, такимъ образомъ не рискуютъ подвергнуться порчѣ или уtratѣ. Безденежныя требованія, откуда бы онѣ не поступали, ни въ какомъ случаѣ не удовлетворяются, равно какъ и требованія менѣе ста экземпляровъ.

Часть выручки отъ продажи этого изданія предназначена на Памятникъ покойному Императору, другая часть на дѣло благотворенія. Съ требованіями слѣдуетъ обращаться, со вложеніемъ по шести руб. за каждую сотню экземпляровъ по слѣдующему адресу: Завѣдующему главнымъ складомъ всенароднаго изданія въ память въ Божѣ почившаго Государя Императора Александра II, А. фонъ Беземану, по Фонтанкѣ № 125, кв. № 15, въ С.-Петербургѣ.

1-го НОЯБРЯ вышла и разослана подписчикамъ XI-я,
НОЯБРЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. О приѣмѣ подписки на „Русскую Старину“ изд. 1882 г. [тринадцатый годъ изданія].—II. Главныя черты моей жизни. Записки генераль-адъютанта, Павла Алексѣевича Тучкова, (рог. 1803 г. † 1864 г.).—III. Русское общество при взошествіи на престолъ Николая Павловича, донесенія М. М. Фока—А. X. Бенкендорфу, 1826 г. (Окончаніе).—IV. Война Россіи съ Турціей въ 1828—1829 гг.: переписка императора Николая съ гр. Дибичемъ, 1829 г. май—юль.—V. Миниментій Борисовъ, архіепископъ Херсонскій и Тавричскій, въ письмахъ къ наставнику и руководителю его въ дѣствѣ, священнику Вас. Климентову, 1822—1855 гг. Сообщ. В. А. Кольдаковъ.—VI. Записки декабриста Михаила Александровича Бестужева, 1800—1871 гг.: Главы I—XXIV: Въ Читѣ и въ Петровскѣ.—Наши учителя и руководители.—Друзья и союзники.—Техническіе, научные и литературные труды братьевъ Бестужевыхъ.—Воспоминаніе о Рылѣвѣ.—Селенгичскіе и его обитатели.—Жизнь на поселеніи.—Смерть Николая Бестужева, 1800—1855 гг.—VII. Императоръ Александръ I и его время: 1. Объ отмѣнѣ жестокоостей въ обращеніи съ солдатами, 1804 г.—2. Сперанскій.—3. Война 1812 г.: кн. Яшвилъ.—кн. Кутузовъ.—гр. Аракчеевъ.—4. Донесенія высшей полиціи о состояніи умовъ.—VIII. Библиографическій листокъ.

Приложенія: I. Записки воспитателя великаго князя Павла Петровича, Семена Андреевича Порошина, 1764—1766 гг.—II. Портретъ профессора С.-Петербургской духовной академіи, писателя по вопросамъ о духовенствѣ, Дмитрія Ивановича Ростиславова [† 1877 г.]. Гравировалъ художникъ Г. И. Грачевъ, ученикъ академика Сѣрякова.

(Продолженіе Записокъ о духовенствѣ, соч. ДМ. ИВ. РОСТИСЛАВОВА будетъ помѣщено въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г.).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882-Й ГОДЪ:

„Русская Старина“—будетъ выходить въ будущемъ 1882-мъ году (тринадцатый годъ изданія)—ежемесячно, каждое первое число. Цѣна за двѣнадцать книгъ, четыре тома, съ гравированными портретами, съ пересылкою—ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая, д. Вагнера, № 12, возлѣ Публичной бібліотеки, въ книж-

номъ магазинѣ Мамонтова. Въ Москвѣ — на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова, въ магазинѣ Мамонтова.

Гг. иногородные обращаются исключительно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „РУССКАЯ СТАРИНА“, на Большую Подъяческую, домъ № 7.

Въ редакціи и ея конторахъ можно получить: „Русскую Старину“ изданія 1870 г. (третье изданіе), 1876 г. (второе изданіе), 1877 г., 1878 г., 1879 г.; 1880 г. (второе изданіе), а также можно получить изд. 1881 года съ двѣнадцать книгъ — съ портретами достопамятныхъ русскихъ дѣятелей.

Цѣна важдаго изъ этихъ годовъ восемь руб. съ пересылкою.

Подписавшіеся на „Русскую Старину“ 1882 г. по 1-ое ноября текущаго года могутъ получить: — „Альбомъ русскихъ дѣятелей въ портретахъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ“ — съ біографическими о нихъ свѣдѣніями. — Цѣна альбома для подписчиковъ „Русской Старины“ одинъ рубль.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. И. Семевоскій.

100000

ОТДѢЛЪ КЛАСИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Сочиненіе Цицерона „О государствѣ“ (De
republica). (Окончаніе). С. Вѣхова.

Редакторъ Е. Секустиновъ.

(Вышла 1-го ноября).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключатъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогичи и наукъ, критики и библиографичи, и современную лѣтонисъ учебнаго дѣла у насъ и заграничей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются **исключительно** въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки **двѣнадцать рублей**, съ доставкою въ С.-Петербургъ **двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкою въ другіе города **тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ** (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрести въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки журнала—по **пятидесяти копѣекъ** за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАВРЬ.

1881.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАДАШЕВА.

Катерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами.

1881.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Большая Коммиссія А. Г. Бриенера.

Риторическіе этюды И. Луньяка.

Нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ. . . И. Боуэна-де Куртене.

Критика и библиографія:

Космологія (общепонятное изложеніе) А. Д. Путяты.
Часть I. Системы міра. Книга 1-я: геометрическія и динамическія отношенія небесныхъ тѣлъ. А. Н. Савича.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 29-й.

О двухъ греческихъ путешественникахъ XV и XVIII вѣковъ Г. Дестуяиса.

Pismowstwo a spisowarje delnjo lužiskih Serbow wot (1548) 1574—1880. Zebérat K. A. Ieńc. . . . В. Качановскаго.

Митрополитъ Давидъ и его сочиненія. Изслѣдованіе Василія Жмакина В. Качановскаго.

Преподаваніе закона Божія въ германскихъ школахъ С. Лубимова.

Годичное засѣданіе Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при Московскомъ университетѣ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: высшія учебныя заведенія.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХVШ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

1881.

Средняя Подольская, д. № 1.
2288.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

9. (29-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи въ гор. Поневѣжѣ, Ковенской губерніи, шестикласснаго реального училища.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ городѣ Поневѣжѣ, Ковенской губерніи, шестикласснаго реального училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія, объ учрежденіи въ городѣ Поневѣжѣ, Ковенской губерніи, шестикласснаго реального училища, мнѣніемъ положилъ:

1) Предоставить министру народнаго просвѣщенія открыть въ городѣ Поневѣжѣ, съ 1-го іюля 1882 года, шестиклассное реальное, съ однимъ основнымъ отдѣленіемъ, училище, съ тѣмъ, чтобы въ 1882 году были открыты два низшіе класса сего училища и, затѣмъ, прибавлялось каждый годъ по одному слѣдующему классу.

2) На содержаніе упомянутаго училища вносить въ подлежащія финансовыя смѣты министерства народнаго просвѣщенія слѣдующія

суммы: въ 1882 году — 5285 р.; въ 1883 году — 11630 р.; въ 1884 году — 13750 р.; въ 1885 году — 16907 р. 50 к.; въ 1886 году — 20502 р. 50 к. и начиная съ 1887 года—по двадцати двѣ тысячи рублей ежегодно. При этомъ въ доходныя смѣты названнаго министерства заносить пособіемъ государственному казначейству, на содержаніе того же училища, по 1,000 р. въ годъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго на это училище мѣстнымъ дворянствомъ;

и 3) Могущіе образоваться отъ штатныхъ суммъ Поневѣжскаго реальнаго училища остатки раздѣлять на двѣ части: одну, пропорціональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую—оставлять въ распоряженіи училища.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

10. (22-го сентября 1881 г.). О преобразованіи Нарвской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Нарвской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, о преобразованіи Нарвской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію, мнѣніемъ положилъ:

1) Существующую въ городѣ Нарвѣ шестиклассную мужскую прогимназію, съ начала учебнаго 1881—1882 года, преобразовать въ полную гимназію.

2) Въ дополненіе къ имѣющимся въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія пожертвованнымъ суммамъ на содержаніе VII и VIII классовъ этой гимназіи въ 1881 и 1882 годахъ отпустить изъ казны въ текущемъ году, на счетъ остатковъ по дѣйствующей смѣтѣ названнаго министерства, одну тысячу четыреста восемьдесятъ

рублей и внести въ смѣту того же министерства на 1882 годъ три тысячи восемьсотъ тридцать рублей.

3) Начиная съ 1883 года, вносить въ расходныя смѣты министерства народнаго просвѣщенія на содержаніе Нарвской гимназіи по двадцати шести тысячъ семисотъ рублей ежегодно, показывая по доходнымъ смѣтамъ того же министерства пособіемъ государственному казначейству на содержаніе упомянутой гимназіи: а) по 4,000 руб. въ годъ, жертвуемыхъ на этотъ предметъ мѣстнымъ городскимъ обществомъ; б) по 615 руб. въ годъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго почетнымъ попечителемъ гимназіи Ганомъ, и в) по 600 руб. въ годъ изъ специальныхъ средствъ гимназіи, собственно на вознагражденіе законоучителей иновѣрныхъ исповѣданій;

и 4) Могущіе быть отъ штатныхъ суммъ Нарвской гимназіи остатки раздѣлять на двѣ части: одну, пропорціональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую — оставлять въ распоряженіи мѣстнаго городского общества и гимназіи, для употребленія на нужды сего заведенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

11. (22-го сентября 1881 г.). О преобразованіи Ростовской на Дону четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Ростовской на Дону четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михайлъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, о преобразованіи Ростовской на Дону четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ, мнѣніемъ полжилъ:

1) Существующую въ городѣ Ростовѣ на Дону четырехклассную

мужскую прогимназію, съ начала учебнаго 1881—1882 года, преобразовать въ шестиклассный составъ.

2) Въ дополненіе къ имѣющимся въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія пожертвованнымъ суммамъ на содержаніе V и VI классовъ этой прогимназіи въ 1881 и 1882 годахъ отпустить изъ казны, по смѣтѣ названнаго министерства на 1882 годъ, одну тысячу сто два рубля пятьдесятъ копѣекъ.

3) Начиная съ 1883 года, вносить въ смѣты министерства народнаго просвѣщенія полную сумму, потребную на содержаніе всѣхъ шести классовъ упомянутой прогимназіи, именно по двадцати три тысячи пятисотъ восьмидесяти пяти рублей ежегодно, а жертвуемые мѣстнымъ городскимъ обществомъ 3,000 руб. въ годъ показывать, по доходнымъ смѣтамъ того же министерства, пособіемъ государственному казначейству на содержаніе прогимназіи.

4) Могушіе быть остатки отъ штатныхъ суммъ Ростовской на Дону прогимназіи раздѣлять на двѣ части: одну, пропорціональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую—оставлять въ распоряженіи городского общества. для употребленія на нужды прогимназіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

12. (6-го октября 1881 г.). Объ учрежденіи въ гор. Гольдингенѣ женскаго шестикласснаго училища.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ городѣ Гольдингенѣ женскаго шестикласснаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михайлаъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, объ учрежденіи въ гор. Гольдингенѣ женскаго шестикласснаго училища, мнѣніемъ положилъ:

1) Въ память двадцатипятилѣтія славнаго царствованія въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича, утвердить въ гор. Гольдингенѣ (Курляндской губерніи), согласно ходатайству мѣстнаго

городскаго общества и на средства его, городское дѣвичье шестиклассное училище, на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ существуетъ Рижское городское женское шестиклассное училище.

2) Инспектору Гольдингенскаго училища предоставить VI классъ по должности и VI разрядъ по шитью на мундирѣ.

3) Инспектору, главной надзирательницѣ, учительницамъ и надзирательницѣ, производить пенсіи и единовременныя пособія: первому — изъ суммъ государственнаго казначейства, на основаніяхъ, установленныхъ для служащихъ въ мужскихъ гимназіяхъ, а остальнымъ — изъ состоящаго въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія пенсіоннаго капитала для домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ, по такимъ же правиламъ, какія соблюдаются въ отношеніи къ служащимъ въ женскихъ гимназіяхъ министерства, и съ производствомъ установленныхъ вычетовъ съ упомянутыхъ выше лицъ на пополненіе подлежащихъ пенсіонныхъ источниковъ; и

4) Предоставить министру народнаго просвѣщенія утвердить штатъ Гольдингенскаго училища и примѣнить къ сему послѣднему уставъ Рижскаго городскаго женскаго шестикласснаго училища, съ тѣми въ немъ измѣненіями, кои указаны въ настоящемъ постановленіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

13. (12-го октября 1881 г). О принятіи пожертвованія, сдѣланнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Водениковымъ.

По всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія о пожертвованіи С.-Петербургскимъ 1-й гильдіи купцомъ, потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Водениковымъ дома, участка земли около десятины и капитала въ количествѣ 42000 руб., для двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Глѣбовѣ, Рыбинскаго уѣзда Ярославской губерніи, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ разрѣшить согласно ходатайству жертвователя:

1. Присвоить названному училищу наименованіе „училища Александра Дмитріевича Воденикова“, по фамиліи жертвователя.

2. Предоставить ему пожизненно званіе почетнаго блюстителя этого училища, съ переходомъ сего званія по смерти Воденикова на его племянника, С.-Петербургскаго 2-й гильдіи купца Николая Баландина.

3. Для попеченія о благосостояніи училища и содѣйствіи къ наибольшему его процвѣтанію, учредить при училищѣ совѣтъ, подъ предѣтельствомъ почетнаго блюстителя, изъ трехъ лицъ, по избранію мѣстнаго общества изъ членовъ его, но преимущественно такихъ, которые сами получили образованіе въ этомъ училищѣ; и

4. Въ случаѣ возвышенія положенныхъ окладовъ жалованья въ двухклассныхъ сельскихъ правительственныхъ училищахъ, таковое возвышеніе окладовъ по Глѣбовскому училищу отнести на счетъ казны

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, вслѣдствіе представленія по министерству народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, во 2-й день текущаго Октября, на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, за труды ихъ по народному образованію, серебряными медалями съ надписью „за усердіе“ на Александровской лентѣ для ношенія на груди: коллежскихъ регистраторовъ: учителя Касимовскаго женскаго приходскаго училища Ниводима Кипари сова, учителя Троицкаго народнаго училища, Бахмутскаго уѣзда, Петра Буркацкаго и завѣдывающаго Ганчештскимъ двухкласснымъ народнымъ училищемъ Ивана Яцимирскаго; не имѣющихъ чиновъ: учителя Лъзечскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Боровичскаго уѣзда, Новгородской губерніи, сына коллежскаго регистратора Алексѣя Иванова, учителя мужскаго училища въ г. Александровскѣ, личнаго почетнаго гражданина Василя Кубышкина, учителей приходскихъ училищъ: Тюменскаго Вознесенскаго Мелетія Чернавина, Сорокскаго Владиміра Пригоряна, Аккерманскаго — Василя Колтара, Папушойскаго Эмануила Васильева и Росскаго, Волковскаго уѣзда, Андрея Лобовича; завѣдывающихъ двухклассными училищами: Чучуленскимъ народнымъ Георгія Бусуека, Камратскимъ народнымъ Афанасія Дмитрова и Чимишлійскимъ Ивана Иременко, старшаго учителя Кѣлецкаго однокласнаго перваго мужскаго начальнаго и воскресно-ремесленнаго училищъ Карла Крайчевскаго, перваго учителя двухкласснаго Ложинскаго городского начальнаго мужскаго и воскресно-ремесленнаго училищъ Осипа Вериго, учителей однокласныхъ городскихъ начальныхъ и воскресно-ремесленныхъ училищъ: Млавскаго мужскаго, Плоцкой губерніи, Врентія Руссо и Липновскаго

перваго общаго, Плоцкой губерніи, Романа Кусмѣрковскаго, учителей народныхъ училищъ: Кангазскаго Василя Ольшевскаго, Чинмаварутскаго—Ивана Кирмиджи, Скулянскаго—Ивана Бельбенко, Вайсальскаго — Георгія Димова, Курчійскаго—Ивана Барциковскаго, Кайраклійскаго—Григорія Евсеѣва, Тузорскаго Ивана Опри, Малечскаго, Пружанскаго уѣзда, Григорія Ганкевича, Тевельскаго, Пружанскаго уѣзда, Владиміра Богушевскаго, Дорогичинскаго, Бѣльскаго уѣзда, Якова Зелъко, Болотскаго, Кобринскаго уѣзда, Якова Чистякова, Вородевичскаго, Кобринскаго уѣзда, Исидора Рожановича, Грушевскаго, Кобринскаго уѣзда, Николая Троицкаго, Зіоловскаго, Кобринскаго уѣзда, Петра Алчсова, Городецкаго, Кобринскаго уѣзда, Игнатія Макаревича, Головчицкаго, Кобринскаго уѣзда, Антона Бѣдко, Опольскаго, Кобринскаго уѣзда, Ивана Гумилевскаго, Люшевскаго, Слонимскаго уѣзда, Дмитрія Хмѣльницкаго, Жировицкаго, Слонимскаго уѣзда, Парамона Житкевича, Бытенскаго, Слонимскаго уѣзда, Матвѣя Троспольскаго и Голынскаго, Гродненскаго уѣзда, Варооломея Дудича, учителей сельскихъ начальныхъ народныхъ училищъ: Сябуровскаго, Мещовскаго уѣзда, Петра Кольцова, Кругловскаго, Данковскаго уѣзда, Платона Тодорскаго, Тепловскаго, Данковскаго уѣзда, Василя Покровскаго, Щуровскаго, Зарайскаго уѣзда, Арсенія Блючарева, Нижнезалегощинскаго, Новосильскаго уѣзда, Герасима Глѣбова, Шшевскаго, Новосильскаго уѣзда, Андрея Рождественскаго, Кириковскаго, Новосильскаго уѣзда, Ивана Руднева, Спасскаго, Новосильскаго уѣзда, Дмитрія Успенскаго, Голунскаго, Новосильскаго уѣзда, Ивана Виноградова, Березовскаго, Новосильскаго уѣзда, Михаила Казанскаго, Моховскаго, Новосильскаго уѣзда, Алексѣя Архангельскаго, Сергіевскаго, Богородицкаго уѣзда, Василя Честова, Барятинскаго, Богородицкаго уѣзда, Антона Шишкина, Троицкаго на Филиной Зулицѣ, Чернскаго уѣзда, Капитона Никольскаго, Владимірскаго, Ефремовскаго уѣзда, Михаила Архангельскаго, Сторожевскаго, Ефремовскаго уѣзда, Василя Глаголева, Глѣбовскаго, Ефремовскаго уѣзда, Петра Глаголева, Залѣскаго, Ефремовскаго уѣзда, Ивана Дагаева, Плоскаго, Ефремовскаго уѣзда, Василя Казанскаго, Соляковскаго, Ефремовскаго уѣзда, Тимофѣя Краснобаева, Сторожевскаго, Ефремовскаго уѣзда, Михаила Кудрявцева, Ступинскаго, Ефремовскаго уѣзда, Владиміра Куркинскаго, Остриковскаго, Ефремовскаго уѣзда, Ивана Лебедева, Сергіевскаго, Ефремовскаго уѣзда, Петра Пятницкаго, Куркинскаго, Ефремовскаго уѣзда, Ивана Сахарова, Заморайскаго, Ефремовскаго

уѣзда, Сергѣя Сахарова, Лавровскаго, Ефремовскаго уѣзда, Дмитрія Соболева, Тормасовскаго, Ефремовскаго уѣзда, Василя Сытина, Буреломовскаго, Ефремовскаго уѣзда, Ивана Филиппова, Шиповскаго, Ефремовскаго уѣзда, Ивана Прозорова, Хавскаго, Веневского уѣзда, Алексѣя Лебедева, и Дубиковскаго, Одоевскаго уѣзда, Ивана Никольскаго, учителя Пушкарскаго Слободскаго начальнаго народнаго училища въ г. Каширѣ Александра Дубова, Оршимовскаго однокласнаго гминнаго начальнаго общаго училища, Плоцкой губерніи, Ивана Крисицкаго, учителя Паньшинскаго сельскаго училища, Сызранскаго уѣзда, Николая Миронова, и бывшаго учителя Путускаго городского однокласнаго начальнаго мужскаго и воскресно-ремесленнаго училищъ Петра Фрасункевича.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

4. (20-го октября 1881 г.). Правила о стипендіи доктора медицины Александра Павловича Станкевича.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи сто руб. заключающагося въ облигаціяхъ III восточнаго займа и образовавшагося изъ добровольныхъ пожертвованій, учреждается при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра одна стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 12-го октября 1881 года, именуется „стипендія доктора медицины Александра Павловича Станкевича“.

§ 2. Проценты съ сего капитала, въ количествѣ 105 руб., назначаются на содержаніе стипендіата.

§ 3. Стипендіатомъ доктора медицины Станкевича можетъ быть только студентъ медицинскаго факультета.

§ 4. Въ стипендіаты могутъ быть зачисляемы преимущественно бѣдные студенты изъ рода Александра Павловича Станкевича, а за неимѣніемъ таковыхъ стипендія предоставляется преимущественно воспитаннику одной изъ гимназій Подольской губерніи.

§ 5. Выборъ и зачисленіе стипендіата предоставляется совѣту университета Св. Владиміра.

§ 6. Стипендіаты Александра Павловича Станкевича обязаны подвергаться установленнымъ испытаніямъ въ теченіи всего времени бытности своей въ университетѣ.

Стипендіатъ, невыдержавшій испытанія, а равно неодобрительно аттестованный въ поведеніи, лишается стипендіи.

5. (8-го ноября 1881 г.). Правила о стипендіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ, учрежденныхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ 20,000 рублей, завѣщаннаго титулярнымъ совѣтникомъ Плотниковымъ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія.)

1) Изъ процентовъ съ капитала въ 20,000 рублей, заключающагося въ государственномъ непрерывно-доходномъ билетѣ, учреждаются при Московскомъ университетѣ двѣ стипендіи, а равно и единовременныя пособія, которыя, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 25-го іюля 1879 года, именуются „стипендіи и пособія титулярнаго совѣтника Николая Плотникова“.

2) Размѣръ стипендіи триста рублей въ годъ.

3) Стипендіи назначаются отличнымъ по успѣхамъ и поведенію недостаточнаго состоянія студентамъ, безъ различія факультетовъ.

4) Стипендіи, по представленіямъ факультетовъ, назначаются совѣтомъ университета.

5) Стипендіатъ, не перешедшій на слѣдующій курсъ, а равно замѣченный въ чемъ либо предосудительномъ, лишается стипендіи.

6) Изъ процентовъ съ завѣщаннаго капитала двѣсти рублей ежегодно перечисляются въ спеціальныя средства университета за слушаніе лекцій четырьмя бѣднѣйшими студентами, по назначенію правленія университета.

7) Свободные остатки отъ процентовъ съ завѣщаннаго капитала могутъ быть обрацаемы правленіемъ университета на уплату за слушаніе лекцій недостаточными студентами.

IV. ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА

(12-го сентября 1881 г.) (№ 8.) Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владислава ~~Демидковъ~~ вновь деканомъ юридическаго факультета сего университета на три года съ 3-го августа 1881 года.

Доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ гражданскаго права Загурскій — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ римскаго права, со 2-го апрѣля 1881 года.

Директоръ Коломенской прогимназіи, статскій совѣтникъ Миротворцевъ — директоромъ Нижегородской гимназіи, съ 25-го августа 1881 года.

Инспекторъ Виленской гимназіи, статскій совѣтникъ Шовальскій — директоромъ Вятской гимназіи, съ 10-го августа 1881 года.

Инспекторъ Уфимской гимназіи, статскій совѣтникъ Лопатинскій — директоромъ Троицкой гимназіи, съ 14-го августа 1881 года.

Инспекторъ Кишиневской прогимназіи, статскій совѣтникъ Зозулинъ — директоромъ Екатеринославской гимназіи, съ 14-го августа 1881 года.

Инспекторъ Одесской первой прогимназіи, надворный совѣтникъ Гасиль — директоромъ Ананьевской гимназіи, съ 5-го сентября 1881 года.

Инспекторъ Елисаветградской прогимназіи, преобразованной изъ четырехклассной въ шестиклассную, коллежскій совѣтникъ Балыкъ — директоромъ сей прогимназіи, съ 1-го іюля 1881 года.

Инспекторъ Владимірской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Буслаевъ — директоромъ Коломенской прогимназіи, съ 25-го августа 1881 года.

Исправляющій должность директора Мозырской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Смородскій — директоромъ Гомельской прогимназіи, съ 28-го августа 1881 года.

Директоръ Ананьевской гимназіи, статскій совѣтникъ Дьяконовъ — директоромъ народныхъ училищъ Таврической губерніи, съ 14-го августа 1881 года.

Почетный смотритель Ефремовскаго уѣзднаго училища Яблочковъ — директоромъ народныхъ училищъ Тульской губерніи, съ увольненіемъ отъ настоящей должности, съ 25-го августа 1881 года.

Тайный совѣтникъ Ивановъ, дѣйствительные статскіе совѣтники: Зигель и Тиленъ, предсѣдатель Смоленскаго общества взаимнаго кредита Гернъ, отставной поручикъ Пятницкій и Смоленскій купецъ Рубцовъ — членами попечительства Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища, на три года.

Врачъ Невядомскій, почетные граждане: Борисовъ, Полушинъ и Гарелинъ, вущы: Новиковъ, Гандуринъ, Витовъ, Фо-

кинъ, Дербеневъ и Бурылинъ — членами попечительства Иваново-Вознесенскаго реального училища, на три года.

Назначается: Инспекторъ народныхъ училищъ Казанской губерніи, коллежскій ассесоръ Поповъ — исправляющимъ должность директора Благовѣщенской учительской семинаріи, съ 4-го сентября 1881 года.

Перемѣщаются: директоръ Екатеринославской гимназіи, статскій совѣтникъ Алаевъ — директоромъ Бердянской гимназіи, съ 14-го августа 1881 года.

Директоръ Гомельской прогимназіи, статскій совѣтникъ Трофимовъ — директоромъ Мозырской прогимназіи, съ 28-го августа 1881 года.

Опредѣляется вновь на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ, съ утвержденіемъ директоромъ Кишиневской гимназіи, съ 29-го августа 1881 года.

Оставляются на службѣ на пять лѣтъ: директоръ Императорской Казанской первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Крелленбергъ, съ 17-го августа 1881 года.

Директоръ Архангельской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пилацкій, съ 17-го августа 1881 года.

Директоръ Ковенской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Θεоктистовъ, съ 1-го сентября 1881 года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: учителю Курской гимназіи, коллежскому ассесору Брезовару — на двѣнадцать дней.

Библиотекарю Императорской Публичной Библіотеки, дѣйствительному статскому совѣтнику Вальтеру, по болѣзни, на двѣ недѣли.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дьяковъ — на двѣ недѣли, въ губерніи Привислянскаго края.

Правитель дѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Савваитовъ и директоръ Одесскаго коммерческаго училища, коллежскій совѣтникъ, Ждановскій — на двадцать восемь дней, первый — въ Московскую губернію, и послѣдній, по болѣзни, въ С.-Петербургъ.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ Бибииковъ — на двадцать девять дней, въ С.-Петербургскую и Псковскую губерніи.

Директоръ Елабужскаго реального училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кубли — на два мѣсяца, по болѣзни, въ городъ Казань.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Чубиновъ — на три мѣсяца въ разныя губерніи.

За границу: доцентъ Императорскаго Московскаго университета Ковалевскій — на десять дней.

Библіотекаръ Императорской публичной бібліотеки, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кеппенъ — на пятнадцать дней.

Инспекторъ Курской гимназіи, статскій совѣтникъ Удовиченко — на двадцать одинъ день.

Библіотекаръ Императорской публичной бібліотеки, статскій совѣтникъ Боинель — на двадцать три дня.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій ассесоръ Бартеневъ и классная дама Люблинской женской гимназіи Нарбутъ — на два мѣсяца; послѣдняя по болѣзни.

Врачъ Глуховской прогимназіи Липинскій — на четыре мѣсяца по болѣзни.

Отчисляются отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленные къ сему министерству: губернский секретарь баронъ Фитингофъ-Шель — по случаю перехода на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, съ 1-го мая 1881 года, и дѣйствительный статскій совѣтникъ Барановскій — согласно прошенію, съ 28-го августа 1881 года.

Увольняются: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Муромцевъ, согласно прошенію, отъ должности проректора сего университета, съ 24-го августа 1881 года.

Директоръ Шавельской гимназіи, статскій совѣтникъ Изюмовъ — за выслугою срока, отъ службы, съ 17-го августа 1881 года, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Директоръ народныхъ училищъ Таврической губерніи, статскій совѣтникъ Соичъ — согласно прошенію, отъ сей должности, съ 14-го августа 1881 года.

Директоръ народныхъ училищъ Оренбургской губерніи, статскій совѣтникъ Распоповъ — согласно прошенію, отъ службы, по болѣзни.

Начальникъ Ломжинской учебной дирекціи, надворный совѣтникъ Стронинъ — согласно прошенію, отъ службы, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный, съ 4-го сентября 1881 года.

Дозволяется: бывшему директору народныхъ училищъ Нижегородской губерніи, статскому совѣтнику Овсянникову — носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному попечителю Вольскаго реальнаго училища, купцу Котеневу — за пожертвованіе на сіе училище.

С.-Петербургскому первой гильдіи купцу Григорьеву и крестьянину Юковской волости Баранову — за пожертвованія ихъ въ пользу Подпорожскаго однокласнаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Лодейнопольскаго уѣзда, Олопецкой губерніи.

Попечителю Саранскаго мужскаго приходскаго училища Калагину — за усердную и полезную дѣятельность на пользу народнаго образованія.

Исключается изъ списковъ умершій: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управлявшимъ министерствомъ, постановлена: а) „модели геометрическихъ тѣлъ“, составленныя П. К. Криницынымъ и б) „коллекцію стекляннхъ и деревяннхъ полированныхъ кристаллографическихъ формъ“, изготовленнхъ въ мастерской П. К. Криницына, подъ руководствомъ профессора минералогіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ барона Ф. Ф. Розена, включить въ число учебнхъ пособій, допущеннхъ къ употребленію въ учебнхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданіе „Дѣтскій отдыхъ“. Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей. 1881 г. № 1—8. Цѣна годовому изданію 6 р., особенно рекомендовать для среднихъ учебнхъ заведеній мужскихъ

и женскихъ, городскихъ училищъ и вачальныхъ народныхъ школъ, а равно включить его въ каталогъ изданій, допущенныхъ для народныхъ училищъ.

— Книгу „Собраніе примѣровъ, формулъ и задачъ изъ буквѣннаго вычисленія и алгебры“. Сочиненіе Мейера Гирша. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе 7-е. Въ трехъ отдѣленіяхъ. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 1 р., включить въ каталогъ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Образцы новой русской словесности“, примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Пушкинскій періодъ (до Го голя, включительно). Собралъ А. Цвѣтковъ. III отдѣлъ. С.-Петербургъ, 1881 г. Цѣна 2 р. 50 к.,—допустить въ видѣ учебнаго пособия при чтеніи и разборѣ литературныхъ образцовъ.

— Книгу „Русская народная поэзія. Сборникъ сказокъ, былинъ, историческихъ и бытовыхъ пѣсень, обрядовъ, пословицъ, загадокъ и друг.“ Пособіе при изученіи русской словесности. Составилъ В. Воскресенскій (преподаватель С.-Петербургской 3-й военной гимназій). Изданіе журнала „Семья и школа“. С.-Петербургъ 1881 г. Цѣна 1 р. 20 коп.,—допустить какъ учебное пособіе внѣ классаго употребленія при изученіи исторіи русской словесности въ гимназіяхъ.

— Согласно съ заключеніемъ учебнаго комитета при святѣйшимъ Синодѣ книгу: „Священная Исторія Новаго Завѣта“ въ объемѣ гимназическаго курса. Протоіерея Петра Смирнова. Москва. 1879 г. Цѣна 40 коп.,—признать въ числѣ учебныхъ руководствъ по закону Божію, для среднихъ учебныхъ заведеній.

VI. ОПРЕДѢЛЕНА ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіемъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. управлявшимъ министерствомъ, постановленно: книгу „Сборникъ ариметическихъ задачъ“ для умственнаго и письменнаго счисленія, составленъ для городскихъ и сельскихъ школъ учителямъ Переспѣшнымъ. Москва 1881 г. ст. 247 in 8. Цѣна 35 к.,—допустить въ учительскія бібліотеки городскихъ и сельскихъ школъ.

— Книги. 1) „Бережь и трудъ“. Краткое руководство политической экономіи (по Блоку). Н. А. Тизенгаузена. С.-Петербургъ.

1881 г. Цѣна 40 к., — допустить въ библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ, городскихъ училищъ, и учительскихъ семинарій; 2) „Бесѣды о русскомъ лѣсѣ“. 2-я серія. Чернолѣсье. Составилъ Дмитрій Кайгородовъ. С.-Петербургъ. 1881 г. Цѣна 1 р., — допустить для библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ, городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій, а равно признать и весьма пригодною для выдачи въ награду ученикамъ; 3) „Сборникъ военныхъ разсказовъ“. 1877—1878 г. Часть II-я. Изданіе Кн. В. П. Мещерскаго. С.-Петербургъ. 1881 г., 4) брошюры: „Шить до два—не видать добра“. Разсказъ изъ крестьянскаго быта. Соч. Погожевой. Москва. 1881 г. Цѣна 10 к., — допустить въ библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ. 5) „О дѣлахъ житейскихъ“, разказы стараго учителя. С.-Петербургъ. 1881 г. Цѣна 1 р. 25 к., — допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ и въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ, учительскихъ семинарій и учительскихъ институтовъ.

— Изданіе: 1) „Нотное пѣніе литургіи Св. Іоанна Златоустаго“, съ приложеніемъ начальныхъ правилъ нотнаго пѣнія и азбуки, составленное А. Вишневымъ (три тетради для дисканта, альты и баса). Изданіе 3-е Каллистратова. Кіевъ. 1869 г. и 2) „Два народныхъ гимна“, „Коль славенъ нашъ Господь!“ „Боже Царя храни!“, — одобрить для начальныхъ народныхъ школъ, городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Первые разказы изъ естественной исторіи“ для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народныхъ школъ. Германа Вагнера. Перев. Вас. Висковатова. Кн. 1-я. Пятое дополненное изданіе. Кн. 2-я. Третье дополненное изданіе. С.-Пб. 1880 г. цѣна 1-й книжки 1 руб., въ новомъ ея изданіи одобрить для ученическихъ библіотекъ начальныхъ училищъ.

— Книгу: „Собраніе ариѳметическихъ задачъ“. Составлено Александромъ Вороновымъ. Часть I, (дѣляя числа) 3-е изданіе цѣна 35 к. С.-Петербургъ. 1881 г., — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия къ употребленію въ приготовительномъ и низшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также въ городскихъ училищахъ и народныхъ школахъ.

ОФИЦАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 12-й, день сего октября, Высочайше соизволилъ на учрежденіе, согласно ходатайству Рильской городской думы, на проценты съ пожертвованнаго ею капитала въ двѣ тысячи триста пятьдесятъ руб., при мѣстныхъ городскомъ и приходскихъ училищахъ стипендій, въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 15-й день текущаго октября Высочайше соизволилъ на постановку въ начальномъ народномъ училищѣ въ слоб. Марковѣ, Лебединскаго уѣзда, Харьковской губерніи, портрета мѣстнаго землевладѣльца, коллежскаго секретаря Василія Добросельскаго, во вниманіе къ пожертвованіямъ его въ пользу названнаго училища.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 15 день сего октября Высочайше соизволилъ на замѣну установленныхъ для учениковъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ кепи фуражками того же цвѣта, съ тѣми же околышами и выпушками, какъ и нынѣшнее кепи, съ употребленіемъ того же знака, какой установленъ на кепи для отличія одного учебнаго заведенія отъ другаго, и съ тѣмъ, чтобы въ зимнее время такую фуражку дозволялось носить подбитою ватою, а въ лѣтнее время съ бѣлымъ чехломъ.

— Согласно ходатайству тайнаго совѣтника Галахова, г. министр народнаго просвѣщенія изъявилъ согласіе на сохраненіе и за 18-мъ, изданіемъ составленной имъ тождественной съ прежними изданіями, „Русской Христоматіи“ одобренія ученаго комитета какъ полезное учебное пособіе для средне-учебныхъ заведеній.

— Определеніемъ попечительскаго совѣта Московскаго учебнаго округа, утвержденнымъ г. министромъ, постановлено книгу: „Сборникъ примѣровъ и связанныхъ статей для перевода съ русскаго языка на латинскій. Составилъ для среднихъ (прим. III и IV) классовъ гимназій примѣнительно къ грамматикѣ Эллента-Зейфферта, К. Бродскій. Москва, 1881 г.—допустить, въ видѣ пособія, при преподаваніи древнихъ языковъ въ среднихъ классахъ гимназій.

-- Вслѣдствіе представленій начальства Варшавскаго учебнаго

округа, г. министр народнаго просвѣщенія утвердилъ, съ огражденіемъ правъ третьихъ лицъ, пожертвованія въ пользу существующаго въ г. Плоцкѣ училища „Талмудъ-Тора“: 1) Блимы Идессы Држималовой, по акту отъ 4—16 февраля 1879 г., ежегоднаго взноса по 100 р., и 2) Кивы Шлямовича Копа, по акту 1—18 мая текущаго года, таковаго же взноса по 50 руб.

— Господинъ управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищъ министра утвердилъ: сдѣланное попечителемъ Одесскаго учебнаго округа распоряженіе объ открытіи, съ начала 1881—1882 учебнаго года, параллельныхъ отдѣленій при IV, V и VI классахъ Кишиневской гимназіи и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ увеличить для содержанія сихъ параллелей плату за ученіе въ названной гимназіи, — въ приготовительныхъ классахъ до тридцати руб. и въ первыхъ трехъ классахъ до пятидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика; сдѣланное управлявшимъ Оренбургскимъ учебнымъ округомъ распоряженіе объ открытіи, съ начала 1881—1882 учебнаго года, параллельныхъ отдѣленій при II, III и IV классахъ Пермскаго Александровскаго реальнаго училища, съ отнесеніемъ расхода по содержанію сихъ параллелей на спеціальныя средства названнаго училища; сдѣланное Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ распоряженіе объ открытіи, съ начала 1881—1882 учебнаго года, параллельнаго отдѣленія при I классѣ Ташкентской гимназіи, съ отнесеніемъ расхода по содержанію сей параллели, въ количествѣ двухъ тысячъ двухсотъ шестидесяти-пяти руб., на спеціальныя средства названнаго учебнаго заведенія.

— Г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ открыть, съ начала 1881—1882 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при III классѣ Воронежскаго реальнаго училища съ отнесеніемъ расхода по содержанію сей параллели, въ количествѣ одной тысячи девятисотъ тридцати руб.; на спеціальныя средства названнаго реальнаго училища.

— Г. министр народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: открыть, съ начала 1881—1882 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при II классѣ Полтавскаго реальнаго училища, съ отнесеніемъ расхода по содержанію сей параллели на спеціальныя средства училища; взимать, съ начала 1881—1882 учебнаго года, плату за ученіе въ Новочеркасской гимназіи: въ приготовительномъ классѣ по десяти руб. и въ остальныхъ классахъ по четырнадцать руб. съ каждаго ученика,

и также открыть, съ того же времени, параллельное отдѣленіе при приготовительномъ классѣ, съ отвесеніемъ сего расхода на сборъ за ученіе въ означенной гимназіи; открыть параллельное отдѣленіе при II классѣ. Слудкой гимназіи; съ начала 1881—1882 учебнаго года, съ платою по сорока руб. въ годъ съ каждаго ученика, и съ отвесеніемъ расхода по содержанію означенной параллели на спеціальныя средства гимназіи.

— Господи́нъ министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Рылской прогимназіи размѣръ платы за ученіе въ названной прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ по пятнадцати руб. и въ остальныхъ по двадцати-пяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

БОЛЬШАЯ КОММИССІЯ ¹⁾.

Внѣшній ходъ занятій Собранія.

Мы уже замѣтили, что правительство императрицы Екатерины, созывая Коммиссію, сдѣлало ошибку, не составивъ предварительно подробной программы занятій. Такимъ образомъ была возможна частая въ нихъ перемяна. Наказы апрѣля и іюля 1768 года явились довольно поздно, послѣ того, какъ работа продолжалась уже нѣсколько мѣсяцевъ, и въ это время не повели къ опредѣленнымъ результатамъ.

Самый трудъ составленія законовъ не могъ собственно быть возложенъ на общее собраніе, въ которомъ участвовали столь многочисленные и разнокалиберные элементы. Тутъ развѣ могли быть выслушаны просьбы и желанія, могли быть подвергнуты обсужденію кое-какіе готовые проекты законовъ. Самая же редакція послѣднихъ, кодификація въ тѣсномъ смыслѣ, должна была быть предоставлена спеціальнымъ коммиссіямъ, учрежденнымъ при такъ называемой Большой Коммиссіи.

Укажемъ на систему этихъ спеціальныхъ коммиссій, которыя могутъ быть раздѣлены на два разряда. Нѣкоторымъ образомъ общее значеніе канцелярій, состоявшихъ при большомъ собраніи, имѣли: 1) дирекціонная коммиссія; 2) экспедиціонная коммиссія; 3) коммиссія для разбора депутатскихъ наказовъ.

Дирекціонная коммиссія должна была вообще руководить ходомъ

¹⁾ Окончаніе. См. сентябрьскую и октябрьскую книжки Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

всего дѣла; ей было вѣнено въ обязанность составлять, смотря по потребности, прочія частныя комиссіи, наблюдать за работами сихъ послѣднихъ, смотрѣть, согласны ли оконченныя этими комиссіями части законовъ съ Большимъ Наказомъ и пр.

Экспедиціонная комиссія наблюдала за тѣмъ, чтобы труды прочихъ комиссій изложены были „по правиламъ языка и слога“, слѣдовательно работа ея заключалась главнымъ образомъ въ редакціи. Она не могла переимѣнять сущности дѣла, но если замѣчала противорѣчія въ представленныхъ ей положеніяхъ какой-либо частной комиссіи, даже и самой дирекціонной, то обязана была имъ о томъ сообщить.

Комиссія о разборѣ депутатскихъ наказовъ или комиссія сводовъ должна была разобрать наказы и проекты по ихъ содержанію и, сдѣлавъ изъ нихъ выписки, представить полному собранію ¹⁾.

Всѣ эти три комиссіи оказались необходимыми тотчасъ же послѣ открытія собранія. Онѣ были учреждены 14-го, 20-го и 27-го августа 1767 года.

Изъ специальныхъ комиссій, въ числѣ 16, на которыя былъ возложенъ настоящій трудъ кодификаціи, только четыре были учреждены въ продолженіе первыхъ мѣсяцевъ, то-есть, во время пребыванія Собранія въ Москвѣ, а именно: 1) комиссія о разборѣ родовъ государственныхъ жителей (11-го сентября 1767 г.), 2) о юстиціи (24-го сентября 1767 г.), 3) о имѣніяхъ вообще (9-го октября 1767 г.), 4) о среднемъ родѣ людей (18-го октября 1767 г.) ²⁾.

Затѣмъ 20-го марта 1768 г. была учреждена: 5) комиссія о полиціи. Немногимъ позже явилось вмѣстѣ со вторымъ дополненіемъ къ Большому Наказу „Начертаніе о приведеніи къ окончанію комиссіи о составленіи проекта Новаго Уложенія“ (8-го апрѣля 1768 г.). Очевидно, оно имѣло слѣдствіемъ учрежденіе цѣлаго ряда специальныхъ комиссій, а именно слѣдующихъ: 6) о городахъ (10-го апрѣля 1768 г.), 7) для остереженія противорѣчій между воинскими и гражданскими законами (29-го апрѣля 1768 г.), 8) о размноженіи народа,

¹⁾ Сб. И. О. IV, 43—44.

²⁾ О занятіяхъ комиссіи о юстиціи мы встрѣчаемъ немногія свѣдѣнія въ журналѣ Гадебуша, который, равно какъ и депутатъ города Риги, состоялъ ея членомъ. И въ комиссіи объ имѣніяхъ участвовалъ Гадебушъ; онъ для нея составилъ проектъ, см. статью г. Берггольца въ журналѣ *Baltische Monatsschrift* V, 141—151.

земледѣлія, домостроительства и пр. (13-го мая 1768 г.), 9) о образѣ сборовъ и образѣ расходовъ (13-го мая 1768 г.) 10) о рудополаніи, растеніи и сбереженіи лѣсовъ и о торговлѣ вообще (21-го мая 1768 г.), 11) духовно-гражданская (27-го мая 1768 г.), 12) о училищахъ и призрѣніи требующихъ (27-го мая 1768 г.), 13) о почтахъ и гостиницахъ (3-го іюня 1768 г.), 14) о разныхъ установленіяхъ, касающихся до лицъ (5-го іюня 1768 г.), 15) о обязательствахъ (13-го іюня 1768 г.).—Наковецъ, уже въ послѣднее время существованія Большой Комиссіи, а именно 22-го сентября 1768 г., была учреждена комиссія объ общемъ правѣ.

Нельзя не удивляться тому, что между членами специальныхъ комиссій мы почти вовсе не встрѣчаемъ такихъ депутатовъ отъ правительственныхъ мѣстъ, которые по роду своей службы особенно годились бы для участія въ занятіяхъ соотвѣствующихъ ихъ специальности. Такъ напримѣръ, въ комиссіи „о рудополаніи“ мы не встрѣчаемъ депутата отъ берг-коллегии, ассесора Роде; депутата камеръ-коллегии Мельгунова не было въ комиссіи о сборахъ и расходахъ, депутатъ отъ синода не участвуетъ въ духовно-гражданской комиссіи и т. п.

О занятіяхъ всѣхъ этихъ комиссій мы пока почти ничего не знаемъ. Лишь въ видѣ исключенія сохранился и былъ напечатанъ весьма важный документъ, относящійся къ занятіямъ комиссіи о школахъ ¹⁾.

Въ какой степени горко Екатерина слѣдила за ходомъ всѣхъ дѣлъ, видно изъ слѣдующаго довольно любопытнаго эпизода. Въ то время, когда были учреждены нѣкоторыя частныя комиссіи, именно 26-го апрѣля 1768 года, императрица обратилась къ маршалу собранія, Бибикову, съ слѣдующею собственноручною запискою: „Александръ Ильичъ, получила я вчерашній день отъ васъ черезъ князя Щербатова списокъ кандидатовъ по балламъ для военной комиссіи“ (очевидно, тутъ говорится о комиссіи „для остереженія противорѣчій между воинскими и гражданскими законами“). „Необходимо нужно, чтобъ одинъ изъ гражданскихъ депутатовъ котораго нибудь порта нашего въ сію комиссію вошелъ, а еще лучше или архангелогородскій или кронштадтскій, если они еще не умѣнены. Итакъ, отдавъ на вашъ выборъ кого изберете,

¹⁾ Напечатанъ г. Соловьевымъ въ его статьѣ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1861 г. окт. 338—339.

остаюсь къ вамъ доброжелательна" ¹⁾). Желаніе императрицы было исполнено въ точности. Бябиковъ предложилъ въ члены означенной комиссіи кронштадтскаго депутата, купца Рыбникова ²⁾).

Вообще Екатерина входила во всё частности затѣяннаго ея предпріятія, какъ видно, между прочимъ, и изъ черноваго списка обряда комиссіи, писаннаго гр. Козицкимъ и исправленнаго ею ³⁾, изъ черновыхъ собственноручныхъ отрывковъ ея, изъ обряда управления комиссіи и пр. ⁴⁾. Постоянно она старалась направлять ходъ занятій, давала совѣты маршалу собранія, заботилась о дополненіи обряда управления комиссіею, придумывала разныя средства для избѣжанія „остановки и конфузій“ и пр. ⁵⁾.

Веденію дневныхъ записокъ Екатерина придавала особенное значеніе въ той мысли, „чтобы будущія времена имѣли вѣрную записку сего важнаго производства (то-есть дѣйствій комиссіи) и судить могли о умоначертаніи сего вѣка и найти могли тѣ правила, кои имъ въ наставленіе служить будутъ и отъ коихъ много зависить твердость нашего нынѣшняго зданія, которое менѣе бы насъ обременяло, если бы мы не были лишены подобныхъ прошедшихъ вѣковъ записокъ или извѣстій; и того для надлежитъ стараться, чтобы записки были какъ возможно вѣрнѣе и яснѣе“ ⁶⁾.

Екатерина предвидѣла нѣкоторыя затрудненія при руководствѣ преніями собранія. Можно было ожидать, что не всѣ депутаты будутъ избѣгать случаевъ какихъ бы то ни было столеновеній. Поэтому императрица старалась усилить авторитетъ предсѣдателя слѣдующимъ образомъ, какъ сказано въ заключеніи наказа, даннаго ею директору дневныхъ записокъ: „Мы за нужное находимъ здѣсь изъяснить для чего маршалу, генераль-прокурору и директору дневной записки въ Обрядѣ предписано сидѣть за однимъ столомъ. Мы предвидѣли тогда еще, что въ комиссіи будутъ такія нечаянныя произшествія, для коихъ никакъ не можно предписать правила, и для того велѣли мы сидѣть тремъ вмѣстѣ, дабы маршалъ, какъ человекъ явно дѣйствующій, имѣлъ бы близъ себя людей съ кѣмъ совѣтывать и чрезъ то

¹⁾ Сб. И. О. X, 285.

²⁾ *Русскій Вѣстникъ* 1861, декабрь, приложение, стр. 73.

³⁾ Сб. И. О. X, 222 и слѣд.

⁴⁾ Сб. И. О. X, 230 и слѣд.

⁵⁾ Сб. И. О. X, 297 и слѣд.

Сб. И. О. IV, 46.

получилъ бы онъ приличный родъ помощи, въ чемъ всѣмъ троицъ, мы надежны, что нужды не имѣемъ предписывать обхождение дружеское и чистосердечное, дабы довести порученное великое дѣло до благополучнаго конца“¹⁾).

Въ послѣдствіи оказалось, что такихъ „нечаянныхъ произшествій“ было немного. Собраніе держало себя хорошо; неприятностей почти вовсе не было. Все, что мы знаемъ на этотъ счетъ, заключается въ слѣдующемъ.

По случаю преній о наказѣ Каргопольскихъ крестьянъ, Верейскіи депутатъ отъ дворянства Степановъ позволилъ себѣ замѣтить, что „крестьяне Каргопольскаго уѣзда лѣнны и утягощены, утороплены (?) и упорны“. Ни со стороны депутата Каргопольскихъ крестьянъ, Бѣлкина, ни со стороны маршала собранія, Бибикова, не было сдѣлано замѣчанія по этому поводу. За то графъ Гр. Орловъ замѣтилъ, что Верейскій депутатъ допустилъ два противорѣчія: во первыхъ назвалъ крестьянъ Каргопольскаго уѣзда лѣнными и утягощенными, чего вмѣстѣ быть не можетъ, и во вторыхъ уторопленными и упорными, каковыя свойства также одно съ другимъ не согласуются. Къ сему графъ Орловъ прибавилъ, что подобныя названія, относящіяся ко всѣмъ вообще крестьянамъ, не должны быть употребляемы при обсужденіи дѣла, и онъ полагаетъ, что выраженія сіи, обращенныя въ порицаніе всѣхъ крестьянъ, были помѣщены по ошибкѣ писца, а не по волѣ депутата. Можетъ быть, онъ хотѣлъ сказать, что только нѣкоторая часть крестьянъ имѣютъ означенные недостатки, ибо между всякаго рода людьми есть хорошіе и дурные и проч.²⁾

Серьезнѣе былъ слѣдующій случай. Въ засѣданіи 28-го августа 1767 г. депутатъ отъ крестьянъ Елецкой провинціи, Давыдовъ, сообщилъ нѣкоторыя данныя о положеніи этого края. Депутатъ отъ дворянъ Обоянскаго уѣзда М. Глазовъ тутъ же замѣтилъ, что въ слѣдующемъ засѣданіи намѣренъ сдѣлать нѣкоторое возраженіе. О томъ, что происходило въ этомъ засѣданіи (31-го августа) въ протоколѣ разсказано слѣдующее: „Хотя сіе возраженіе (Глазова) состоитъ изъ 28 большихъ страницъ, однако трудно найти въ немъ единый порядочный періодъ; вездѣ мысли спутаны и темны, каждое почти выраженіе неприлично; но сіи недостатки кажутся нечувствительны предъ прочими непристойностями, которыми избы-

¹⁾ Сб. И. О. IV, 47.

²⁾ Сб. И. О. IV, 77 и 79.

точествуеть оное сочиненіе. Депутатъ Обоянскій бранить безъ малѣйшаго смягченія депутата Елецкаго, развратное ему приписываетъ мнѣніе, поносить всѣхъ черносошныхъ крестьянъ; наконецъ, отдалаясь отъ своего предлога (предмета), ругаетъ Каргопольскій наказъ, и говоритъ, что надлежитъ его сжечь, а депутата Каргопольскаго отъ черносошныхъ крестьянъ, который, истину всему предпочесть, доказалъ, что въ послѣднемъ чинѣ можно думать благородно, желаетъ онъ лишить депутатскаго знака и всѣхъ депутатскихъ выгодъ. Конечно, такому странному возраженію свойственно было произвестъ смѣхъ, соблазнъ и негодованіе, что и совершилось; но маршалъ остановилъ чтеніе на 9 страницъ, зане въ собраніи надлежащее благочиніе могло бы совсѣмъ быть нарушено“. За симъ маршалъ, объявивъ, что такія оскорбительныя заявленія противны XV статьѣ Обряда, предписывающей, чтобы депутата, который другаго въ собраніи обидитъ, наказывать пенею или исключеніемъ на время или вовсе,—потребовалъ мнѣнія собранія, что съ депутатомъ отъ Обоянскаго дворянства учинить слѣдуетъ.

Тутъ же нѣкоторые депутаты сдѣлали предложеніе вовсе исключить Глазова изъ числа депутатовъ; однако пренія по этому вопросу не были приведены къ окончанію; рѣшеніе было отложено.

Когда чтеніе разныхъ мнѣній по другимъ вопросамъ было окончено, то нѣсколько депутатовъ — между ними были люди знатные и извѣстные — подошли къ маршалу и объяснили ему, что такъ какъ депутатъ Обоянскій погрѣшилъ еще въ первый разъ, то и поступить съ нимъ слѣдующимъ образомъ: 1) чтобы онъ просилъ у обиженныхъ при всемъ собраніи прощенія, 2) для воздержанія впредь отъ такого поступка, выскать съ него 5 руб., которые и отослать въ надлежащее мѣсто; поданный же имъ голосъ отдать ему обратно; ибо, при совокупили депутаты, „наказаніе сіе происходитъ изъ самаго естества его вины“. Кто-то замѣтилъ: „чѣмъ снисходительнѣе будемъ мы судить нашихъ товарищей, тѣмъ угоднѣе это будетъ Ея Императорскому Величеству“. Другой депутатъ сказалъ, что когда поданный депутатомъ голосъ отдается ему обратно, „то и сіе онъ долженъ считать не малымъ для себя стыдомъ“. Наконецъ приступили къ баллотированію: 105 голосовъ были за исключеніе Глазова, 323 голоса за меньшее наказаніе въ видѣ вышеупомянутаго предложенія.

Нѣсколько дней спустя, въ засѣданіи 6-го сентября, маршалъ вызвалъ М. Глазова и предложилъ ему выслушать опредѣленіе, составленное особою комиссіею по случаю поданнаго имъ возраженія.

Определение это гласило: „Коммиссія о сочиненіи проекта Новаго Уложенія, выслушавъ большую часть возраженія депутата Обоянскаго отъ дворянства М. Глазова на голосъ депутата Елецкаго отъ однопалатнаго М. Давыдова, разсудила, что сіе возраженіе, извѣстными словами и брабью преисполненное, нарушаетъ всё, обществомъ принятыя, правила благочинія и справедливости, ибо не токмо въ ономъ сказано, что депутатъ Давыдовъ имѣетъ гордыню, что онъ мыслить превратно; но и то безъ малѣйшей причины упомянуто, что всѣмъ черносочиннымъ депутатамъ почаще надлежитъ вынимать изъ кармановъ зеркало, по которому вразумляемся, будто ихъ поведеніе до сего времени не безпорочно; наконецъ депутатъ Обоянскій отъ дворянства осмѣливается предписывать строжайшія наказанія, когда онъ судить не имѣетъ права; Каргопольскій наказъ предастъ огню; тогожъ уѣзда депутата (котораго безпристрастный поступокъ выщей похвалы достоинъ) желаетъ лишитъ депутатскаго знака и всѣхъ депутатскихъ выгодъ. Уважая всё сіи обстоятельства и слѣдуя 15-му пункту Обряда (слѣдуетъ содержаніе этого параграфа) коммиссія о сочиненіи проекта Новаго Уложенія опредѣлила: возвратитъ съ выговоромъ депутату Обоянскому отъ дворянства М. Глазову вышепомянутое его возраженіе, взять съ него пять руб. пени, которые въ надлежащее отослать мѣсто, да при всемъ собраніи проситъ ему у обиженныхъ прощеніе“.

За симъ было возвращено Глазову его возраженіе съ выговоромъ. Потомъ онъ просилъ у обиженныхъ прощеніе, которое маршалъ точными его словами громко повторилъ, и наконецъ, положилъ на налои пять руб. пени ¹⁾.

Въ какой мѣрѣ Екатерина слѣдила за всѣмъ этимъ, видно изъ ея письма въ Бибикову: „Ежели Г.. не покорится, и сдѣлаютъ приговоръ объ исключеніи его, то не забудьте послѣдній пунктъ Обряда, ежели чуть складно онаго употребить способъ найдете, — да будетъ ему стыдно, и всѣхъ неудовольствіе на себѣ да понесетъ“ ²⁾.

¹⁾ Сб. И. О. IV, 109—113, 131.

²⁾ См. записки Бибикова, 54. Тамъ же, стр. 43, ссылка на заключеніе обряда, гдѣ между прочимъ сказано: «Не можемъ думать, чтобъ нашелося единый, который бы не предпочиталъ важное въ своемъ предмѣтѣ намѣреніе своевольнымъ какимъ ни есть выдумкамъ или гордости и упрямству страстей, а ежели, паче чаянія изъ сихъ источниковъ сему обряду какая будетъ помѣха, то чрезъ сіе объявляемъ: да будетъ ему стыдно и всей коммиссіи неудовольствіе на себѣ да понесетъ».

Изъ писемъ Екатерины къ Бибикову мы узнаемъ еще о двухъ столкновенияхъ въ собраніи. Въ одной запискѣ сказано: „Если депутатъ Д... въ явномъ порокѣ, то онъ не можетъ остаться въ комиссіи, но должно его отослать въ команду, гдѣ онъ вѣдомъ, въ суду. Но если сторожа слушаются по глупости депутата, во истину, онъ не можетъ осужденъ быть, а за неосторожный его поступокъ присовѣтуйте сдать депутатство, ибо онъ оное во зло употребилъ“ и т. д. Въ другой запискѣ: „Какъ я не знаю наказа Башкирскихъ сосѣдовъ, точно содержать ли то, что Башкирскій депутатъ писалъ къ своему народу, то не могу сказать, солгалъ ли онъ или нѣтъ: естъли же онъ не солгалъ ни на сосѣдніе наказы, ни на губернаторскія представленія, то онъ невиненъ“ и проч. ¹⁾.

Объ этихъ эпизодахъ мы ничего не узнаемъ изъ изданія г. Полѣнова. Тамъ не говорится и о происшествіи, о которомъ упоминаетъ Гадебушъ: будто одного изъ депутатовъ застали въ собраніи въ нетрезвомъ видѣ, о чемъ самъ маршалъ удостоверился ²⁾.

О не совсѣмъ удовлетворительномъ образѣ дѣйствій депутатовъ изъ протоколовъ, изданныхъ г. Полѣновымъ, мы узнаемъ еще слѣдующее. Въ засѣданіи 13-го августа „было примѣчено, что нѣкоторые депутаты отъ дворянства вставали съ мѣстъ и оборачивались лицомъ къ своимъ лавкамъ, довольно громко и весьма много разговаривали“ ³⁾.

Въ засѣданіи 30-го октября депутатъ отъ города Вологды Андрей Блазновъ представилъ примѣчаніе, въ которомъ онъ, между прочимъ, замѣтилъ, будто крестьяне, забывъ страхъ Божій и государственные законы, торгуютъ какъ сущіе купцы и нагло чинятъ подрывъ коммерціи, и купцамъ уже до того дошло, что, оставя свое купечество, они принуждены уѣзжать въ другія страны.

Маршалъ объявилъ, что онъ считаетъ послѣднее замѣчаніе Блазнова неприличнымъ; ибо представляя, что нѣкоторымъ купцамъ происходитъ вредъ, онъ не можетъ сдѣлать такого заключенія обо всѣхъ купцахъ; равнымъ образомъ нието не замѣчалъ и такого вреда, чтобы купцы отъ него, оставя свое отечество, уѣзжали въ другія страны; ибо учрежденныя правительства, коимъ поручено имѣть надъ тѣмъ смотрѣніи, конечно не могутъ этого допустить. Поэтому, на вопросъ маршала и опредѣлено собраніемъ единогласно возвратить депутату

¹⁾ Зап. Бибикова, 53 и 55.

²⁾ Baltische Monatschrift, V, 150.

³⁾ Сб. И. О. IV, 67.

Блазнову пригнѣчаніе его съ выговоромъ, дабы впредь отъ такихъ выраженій онъ остерегался ¹⁾).

Отъ депутатовъ требовалось регулярное посѣщеніе засѣданій. Въ обрядѣ было предписано строго наблюдать за этимъ. Тѣ, которые не присутствовали въ продолженіе цѣлой недѣли безъ уважительной причины, подвергались пени ²⁾).

Мы не знаемъ, взимаемъ ли былъ штрафъ за непосѣщеніе засѣданій депутатами. Можно думать, что составъ комиссіи не всегда былъ полнымъ. Всѣхъ депутатовъ было 564; между тѣмъ изъ баллотировки, происходившей по поводу эпизода съ Глазовымъ видно, что въ засѣданіи 31-го августа присутствовало только 428 ³⁾). Депутаты подвергались неприятностямъ, когда приходили слишкомъ поздно. Въ концѣ засѣданія 15-го ноября маршалъ объявилъ, что изъ читанной въ тотъ день дневной записки видно, что нѣкоторые господа депутаты поздно пріѣзжаютъ въ собраніе; но записка о засѣданіи третьяго дня показываетъ ихъ гораздо болѣе. Маршалъ прочелъ имена ихъ и въ заключеніе сказалъ, что по силѣ даннаго комиссіи обряда, онъ ставитъ себѣ въ обязанность въ такихъ случаяхъ напоминать, и потому просить тѣхъ господъ депутатовъ, которые приходили послѣ открытія собранія, ѣздить въ надлежащее время; а извѣстно всѣмъ, что въ 10 часовъ засѣданіе комиссіи открывается. 13-го ноября опоздали приходомъ 16 депутатовъ, 14-го ноября трое и т. п. ⁴⁾).

Вообще, предположеніе англійскаго посланника, что засѣданія большой комиссіи будутъ „шумными“ (tumultuous), оказалось лишненнымъ всякаго основанія. Порядокъ не нарушался.

Что же касается хода преній, то, какъ кажется, можно обвинить и депутатовъ и маршала. Обнаруживалась вообще замѣчательная неопытность. Пренія не велись систематически: въ одномъ и томъ же засѣданіи верѣдко были затрогиваемы разные предметы; часто дѣлались замѣчанія или подавались мнѣнія, относившіяся не къ очереднымъ вопросамъ; и тутъ, какъ въ отношеніи дисциплины, Бибииковъ не всегда считалъ себя въ правѣ дѣйствовать рѣшительно своею властью, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго.

Уже въ засѣданіи 16-го октября онъ напомнилъ, что нѣкто

¹⁾ Сб. И. О. VIII, 185.

²⁾ Сб. И. О. IV, 48

³⁾ Сб. И. О. IV, 113.

⁴⁾ Сб. И. О. VII, 284.

рые депутаты, при чтеніи подаваемыхъ голосовъ и возраженій, не вслушавшись въ содержаніе читаемаго, подаютъ совершенно не подлежащія къ тому мнѣнія, и тѣмъ производятъ лишь путаницу ¹⁾. Въ засѣданіи 2-го ноября, по окончаніи чтенія разныхъ мнѣній по вопросамъ о правахъ купечества, маршалъ замѣтилъ, что, несмотря на его прежнія напоминанія, депутатъ отъ города Тары Бѣкишевъ, въ поданномъ голосѣ, представляетъ о укрѣпленіи принимающихъ христіанскій законъ идолопоклонниковъ, магометанъ, также и о подкидышахъ, чтобы оны вѣчно принадлежали тѣмъ, къмъ приняты и воспитаны будутъ. На вопросъ маршала, какъ поступить, онъ получилъ отъ присутствовавшихъ отвѣтъ, чтобы отдать тотъ голосъ Бѣкишеву обратно ²⁾.

Въ Большой Комиссіи говорили весьма мало, а читали много. Читался въ каждомъ засѣданіи протоколъ предыдущаго засѣданія, затѣмъ цѣлыя главы изъ Большаго Наказа ³⁾, перечни законовъ, относившихся къ тому предмету, который былъ на очереди, указы депутатскіе, мнѣнія ихъ и возраженія. Лишь въ видѣ исключенія депутаты дѣлали свои замѣчанія устно.

Преобладаніе письменнаго изложенія было, какъ кажется, важнымъ затрудненіемъ, препятствовавшимъ достиженію цѣли. Пренія по какому-либо вопросу такимъ образомъ не могли быть оканчиваемы въ одномъ и томъ же засѣданіи. Часто пререканія между двумя, тремя депутатами тянулись весьма долго, возобновляясь въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго примѣра:

Въ засѣданіи 12-го октября 1767 года депутатъ отъ города Уфы, Подъячевъ, прочиталъ мнѣніе, въ которомъ говорилось о необходимости ограничить торговлю крестьянъ. Не раньше какъ въ засѣданіи 24-го октября ему возражалъ депутатъ отъ сибирскихъ казаковъ, Анцыферовъ. Затѣмъ въ засѣданіи 2-го ноября Анцыферову возражалъ депутатъ отъ города Тобольска, Медвѣдевъ, а въ засѣданіи 12-го ноября Анцыферовъ прочиталъ мнѣніе, въ которомъ старался опровергнуть мнѣнія, высказанныя Медвѣдевымъ. Это мнѣніе обнимало 18 пунктовъ и было изложено крайне подробно; имѣло оно характеръ демонстраціи цѣлаго сословія инородцевъ противъ купече-

¹⁾ Сб. И. О. VIII, 130.

²⁾ Сб. И. О. VIII, 212.

³⁾ Въ самомъ наказѣ мы встрѣчаемъ предписаніе, чтобы онъ былъ прочитываемъ по крайней мѣрѣ по одному разу ежемѣсячно.

ства, такъ какъ къ нему присоединились многіе Татары, Черемисы, Башкиры, Мещерыки, Чуваши, Телтары и проч. ¹⁾).

Въ какой мѣрѣ недоставало точно опредѣленной программы очередныхъ занятій, видно изъ слѣдующихъ данныхъ.

Въ октябрѣ обсуждались законы о купечествѣ. Вдругъ были прочитаны заявленія депутатовъ лифляндскаго и эстляндскаго дворянства, относившіяся къ правамъ и привилегіямъ этихъ провинцій. Маршалъ предложилъ: не будетъ ли признано за нужное заняться ими по окончаніи законовъ о купечествѣ и собраніе изъявило согласіе ²⁾. Дѣйствительно, въ засѣданіи 20-го ноября началось чтеніе этихъ законовъ; значить, пренія о правахъ купечества могли считаться оконченными, хотя они не привели къ опредѣленному результату. Мы видимъ однако, что и въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи 22-го ноября собраніе должно было опять выслушать нѣсколько мнѣній, относившихся къ законамъ о купечествѣ, то-есть вексельному праву, пробѣ серебряныхъ товаровъ и т. п., и только въ концѣ этого засѣданія оно возвратилось къ правамъ и привилегіямъ Лифляндіи и Эстляндіи ³⁾).

Открывая засѣданіе 26-го ноября, маршалъ объявилъ, что такъ какъ теперь обсуждаются эстляндскія и лифляндскія привилегіи, то и не слѣдуетъ болѣе подавать голосовъ на законы о купечествѣ.

Несмотря на это заявленіе маршала, въ этомъ засѣданіи не говорилось вовсе о Прибалтійскомъ краѣ, а слушались только мнѣнія о купечествѣ. Только въ засѣданіи 27-го ноября начались настоящіе пренія о правахъ Эстляндіи и Лифляндіи, что, впрочемъ, не мѣшало собранію еще даже въ декабрѣ возвращаться къ законамъ о купечествѣ.

Ни дирекціонная коммиссія, которая должна была направлять занятія собранія, ни маршалъ Вибиковъ, ни генераль-прокуроръ Вяземскій, ни директоръ составленія дневныхъ записокъ Андрей Шуваловъ не были въ состояніи руководить собраніемъ надлежащимъ образомъ, стараясь о сбереженіи времени и достиженіи цѣли.

Даже вопросъ о томъ, что вообще могло быть предметомъ обсужденія въ собраніи и что нѣтъ, оставался какъ-то нерѣшеннымъ, не

¹⁾ Сб. И. О. VIII, 98, 156, 204, 245

²⁾ Сб. И. О. IV, 221.

³⁾ Сб. И. О. VIII, 321—331

яснымъ, спорнымъ, какъ видно, между прочимъ изъ слѣдующихъ данныхъ.

Въ обрядѣ выбора было сказано (§ 27), что „въ представленія о общихъ нуждахъ не должно вносить никакихъ партикулярныхъ дѣлъ, кои всегда судебными мѣстами разобраны быть должны“. Несмотря на это, въ разныхъ засѣданіяхъ обсуждался вопросъ о мѣрѣ виновности Саратовскаго полиціймейстера, потому что въ депутатскомъ наказѣ саратовскихъ черносошныхъ крестьянъ были помѣщены жалобы на этого чиновника. Тутъ было сказано, что полиціймейстеръ Иванъ Милоховъ употребляетъ отъ крестьянъ сотскихъ и десятскихъ, мимо военныхъ, къ содержанію въ полиціи карауловъ и для домашнихъ своихъ работъ и проч. За Милохова заступился депутатъ отъ керенскаго дворянства Гаврила Ломоносовъ, стараясь доказать законность и цѣлесообразность его дѣйствій. Но въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи читался наказъ отъ пахотныхъ солдатъ города Саратова и тутъ также жаловались на Милохова, который наряжаетъ ихъ въ караулы какъ по городу, такъ и при своей квартирѣ и т. д. ¹⁾

Очевидно, все это должно было быть разобрано судебными мѣстами. Если часто повторялись бы подобныя пренія, то Большая Комиссія легко могла бы превратиться въ какое-то судебное мѣсто. Однако при другомъ подобномъ случаѣ маршалъ сумѣлъ отстранить такія пренія.

Въ засѣданіи 7-го ноября депутатъ города Сямбирска отъ пахотныхъ солдатъ Ефимъ Нетуракинъ просилъ защитить его отъ напрасно нанесенной ему короннымъ повѣреннымъ Петромъ Хлѣбнищевымъ обиды. По предложенію маршала, собраніе опредѣлило: означенное представленіе отослать въ правительствующій сенатъ, чрезъ генераль-прокурора, для исходатайствованія просителю удовлетворенія по законамъ ²⁾. Не странно ли однако, что маршалъ въ данномъ случаѣ счелъ нужнымъ предоставить собранію рѣшеніе вопроса о томъ, что нужно сдѣлать съ этимъ представленіемъ Нетуракина, которое не подлежало обсужденію собранія?

Программа занятій комиссіи оказалась тѣмъ болѣе обширною, чѣмъ менѣе она была опредѣлена въ точности. Вотъ, напримѣръ, случай, доказывающій это:

Въ то время, когда собраніе было занято чтеніемъ и обсужденіемъ

¹⁾ Сб. И. О. IV, 113, 123, 132.

²⁾ Сб. И. О. VIII, 228.

законовъ о купечествѣ, въ засѣданіи 19-го ноября 1767 года депутатъ отъ перемышльскаго и воротынскаго дворянства, Левъ Нарышкинъ, прочиталъ весьма подробное мнѣніе о страшной смертности въ народѣ, особенно же въ крестьянскомъ сословіи. Онъ требовалъ самыхъ энергическихъ мѣръ противъ повальныхъ болѣзней, умноженіе числа лаварей, повивальныхъ бабокъ, учрежденіе аптекъ и проч. Это заявленіе заставило депутата Уфимскаго уѣзда отъ смоленскаго шляхетства Егора Тихановскаго сообщить собранію о двухъ средствахъ для леченія болѣзни отъ сильныхъ морозовъ: состояли они въ оржаномъ квашенномъ растворѣ и ржаной мукѣ, размѣшанной въ студеной водѣ. Собраніе опредѣлило послать это мнѣніе въ медицинскую коллегію для дальнѣйшаго распоряженія. Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ Льву Нарышкину довольно ловко и очень подробно возражалъ депутатъ отъ медицинской коллегіи баронъ Ашъ, и представилъ объ этомъ же предметѣ обстоятельное мнѣніе еще другой депутатъ, старавшійся играть роль посредника между Нарышкинымъ и барономъ Ашемъ ¹⁾.

При столь широкихъ размѣрахъ программы, при недостаткѣ проекта законовъ, нельзя удивляться, что настоящая цѣль совзанія комиссіи не была достигнута: новое уложеніе не состоялось. За то другая цѣль, имѣвшаяся въ виду императрицею, — собрать свѣдѣнія о состояніи всего государства — было разрѣшено успѣшно.

Уже выше было указано на мнѣніе А. И. Бибикова, что „предпріятіе было рановременно и умы большей части депутатовъ не были еще къ сему приготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столь важному дѣлу“.

Этотъ отзывъ едва ли можетъ считаться справедливымъ. Уже число тѣхъ членовъ Большой Комиссіи, которые участвовали въ преніяхъ и тѣмъ самымъ свидѣтельствовали о нѣкоторой способности къ участию въ этомъ дѣлѣ, оказывается довольно значителънымъ. Изъ числа 564 депутатовъ 202 подавали мнѣнія, дѣлали возраженія, замѣчанія ²⁾. Такое процентное отношеніе намъ кажется удовлетворительнымъ.

Разумѣется, степень умственного развитія, познаній и образованія была неравномѣрна. Между депутатами мы встрѣчаемъ людей, при-

¹⁾ Сб. И. О. VIII, 302, 321, 352.

²⁾ Г. Бланкъ въ *Р. Вѣстн.* 1876 г. 121, стр. 566; см. тамъ болѣе подробное изложеніе этого вопроса.

надлежавшихъ въ лучшему обществу, какъ напримѣръ, Щербатова, отличавшагося необычайно богатою эрудиціею, но также и людей, которые были знакомы лишь съ нуждами своей родины въ тѣсномъ смыслѣ и не имѣли никакого понятія о задачахъ законодателя въ болѣе широкомъ смыслѣ. Возгѣ замѣчательныхъ ученыхъ, каковы напримѣръ, академикъ Гергардъ Фридрихъ Миллеръ и Гадебунгъ, ни видимъ Вашкировъ и Самоѣдовъ, которые большею частью едва ли были въ состояніи дать себѣ отчетъ объ отвѣтственности лежащей на членахъ собранія. Разумѣется, нельзя сравнить способности Бибинова, Вяземскаго, Петра Панина и проч. съ ограниченнымъ умственнымъ горизонтомъ того или другаго депутата отъ пахатныхъ солдатъ или отъ какихъ нибудь сибирскихъ казаковъ.

Уже то обстоятельство, что почти всѣ ораторы часто ссылались на Большой Наказъ Екатерины, какъ намъ кажется, служить доказательствомъ, что не только люди высшихъ классовъ общества, но и простолюдины были въ состояніи вникнуть въ духъ этого замѣчательнаго сочиненія и заимствовать отсюда кое какія средства для усиленія аргументаціи при поддержаніи своихъ интересовъ. Нѣкоторые параграфы Большаго Наказа особенно часто служили цитатами при защищеніи нѣкоторыхъ сословныхъ правъ и преимуществъ. Такъ напримѣръ, § 360: „Дворянство есть нарицаніе въ чести различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены“ очень часто встрѣчается въ мнѣніяхъ, поданныхъ дворянскими депутатами. Купцы любили ссылаться на § 317: „Торговля оттуда удаляется, гдѣ ей дѣлаютъ притѣсненіе, и водворяется тамо, гдѣ ея спокойствія не нарушаютъ“. Очевидно Наказъ, находившійся въ рукахъ каждаго депутата, читался много и не безъ пользы. Нѣкоторыя мнѣнія, поданныя депутатами различныхъ сословій, заключаютъ въ себѣ много мыслей, высказанныхъ Екатериною. Тутъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, мысль о соотвѣтствіи климата и почвы страны съ историческимъ развитіемъ, нравами и обычаями народа, далѣе указанія на этнографическія и культурно-историческія данныя разныхъ вѣковъ; весьма часто говорится объ исторіи дворянства, объ исторіи торговли, о кротости и гуманности, о благѣ народа, о всеобщемъ матеріальномъ благосостояніи совершенно въ духѣ Наказа, и такого рода возрѣнія встрѣчаются не только въ рѣчахъ знатныхъ лицъ, но и въ мнѣніяхъ купцовъ, крестьянъ или казаковъ. Екатерина, какъ писательница, могла быть довольна дѣйствіемъ, произведеннымъ ея сочиненіемъ. Большой

Наказъ, какъ видно изъ множества ссылокъ на него во время преній, былъ популярнымъ трудомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова ¹⁾.

И между крестьянами были люди опытные, разсуждавшіе мѣтко и правильно. Разумѣется, иногда высказывались и довольно наивныя мысли. Когда, по случаю преній о депутатскомъ Наказѣ Каргопольскихъ крестьянъ, былъ затронутъ вопросъ объ ограниченіи ловли звѣрей въ извѣстное время года, депутатъ отъ чернососныхъ крестьянъ Архангелогородской провинціи Чупровъ замѣтилъ, что „если доvolu дозволить во всякое время, то звѣрей и птицъ не убавится, а если запретить, то не прибавится, потому, что уменьшеніе и умноженіе состоитъ во власти Всемогущаго Бога“ ²⁾. Но тотъ же самый Чупровъ въ другихъ случаяхъ говорилъ дѣльно и благо разумно и нѣсколько разъ участвовалъ въ преніяхъ по разнымъ вопросамъ. Его замѣчанія о необходимости дозволенія крестьянамъ участвовать въ дѣлахъ торговли могутъ быть названы мѣткими и вѣскими. Даже Чуваши, Мордвины, Татары и прочіе инородцы представляли нѣсколько разъ обстоятельныя мнѣнія по разнымъ вопросамъ тогда, когда шла рѣчь о ихъ краѣ, о ихъ мѣстныхъ нуждахъ. Иногда такіе скромные элементы въ собраніи дѣлали довольно важныя предложенія общаго свойства. Такъ, напримѣръ, депутатъ отъ казаковъ Хоперской крѣпости, Андрей Алейниковъ, предложилъ замѣнить денежное взысканіе за безчестіе, какъ непристойное для всего государства, тѣлеснымъ наказаніемъ для всѣхъ сословій безъ изыятія, „не смотря ни на какое достоинство“. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ, чтобы съ гражданина, употребляющаго непристойную брань, брать пени по рублю на содержаніе богадѣленъ, кто же будетъ не въ состояніи заплатить этой суммы, того наказывать плетью, хотя бы въ нарушеніи сего правила изобличенъ былъ и дворянинъ, то и ему не дѣлать въ томъ никакого послабленія; даже и въ шуткахъ ругательную

¹⁾ Въ одномъ случаѣ ссылка на Наказъ оказывается, какъ намъ кажется, не совсѣмъ удачною. Депутатъ Обоинскаго дворянства, М. Глазовъ, отстаивая весьма упорно права столбоваго дворянства и предлагая, чтобы никто не дворянинъ не былъ производимъ въ оберъ-офицерскіе чины, сослался на § 245 Наказа: «Хотите ли предупредить преступления? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми». Трудно понять, какова была связь между этимъ параграфомъ и предложеніемъ Глазова. См. Сб. И. О. IV 212.

²⁾ Сб. И. О. IV, 77.

брань не употреблять, ибо отъ сего происходятъ многія дурныя слѣдствія ¹⁾.

Значительно выдавались нѣкоторые малороссійскіе депутаты. Въ мнѣніяхъ ихъ замѣтна даже риторика, процвѣтавшая въ этомъ краѣ со времени учрежденія Кіевской академіи. Особенно краснорѣчиво говорилъ депутатъ Гадацкаго, Миргородскаго и Полтавскаго полковъ отъ шляхетства Николай Мотонисъ объ ужасахъ войны и о блаженствѣ мира ²⁾.

Примѣрами особеннаго пафоса могутъ служить, между прочимъ, рѣчь депутата отъ Бахмутскаго и Самарскаго гусарскихъ полковъ Михайла Топковича объ ужасахъ одиночной продажи крестьянъ ³⁾, мнѣніе депутата серебро-плавильнаго Барнаульскаго завода Ивана Карышева противъ участія крестьянъ въ дѣлахъ торговли ⁴⁾; рѣчь маіора фонъ-Блумена въ защиту правъ и привилегій Остзейскаго края и нѣкоторыя прекрасныя рѣчи князя Шербатова, который безспорно занималъ первое мѣсто между всѣми депутатами и своимъ образованіемъ, и своими способностями, и энергіею своего характера.

Что касается до общаго впечатлѣнія, производимаго собраніемъ на очевидцевъ, то мы имѣемъ любопытный разказъ современнаго дипломата. Англійскій посланникъ Каскартъ присутствовалъ въ одномъ засѣданіи въ августѣ 1768 года и сообщилъ англійскому министру слѣдующее:

„Графъ Шуваловъ, стоящій во главѣ комиссіи депутатовъ для составленія проекта новаго уложенія, сообщилъ мнѣ, что вчера должно было произойти общее собраніе и что подлѣ той галлерей, откуда императрица иногда наблюдаетъ за ихъ дѣйствіями, есть еще другая галлерей, куда онъ прикажетъ, чтобы впустили меня вмѣстѣ съ лицами, которыхъ бы я пожелалъ пригласить съ собой. Предложеніе это было слишкомъ заманчиво для того, чтобы отъ него отказаться“.

„Комната эта также, какъ и всѣ комнаты, занятія комитетомъ, расположены въ зимнемъ дворцѣ, который въ настоящую минуту переносится въ тѣхъ видахъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ немъ поселится Ея Императорское Величество. Въ настоящую минуту могу только сказать, что то, что я изъ него видѣлъ, по мнѣнію моему, не

¹⁾ Сб. И. О. VIII, 122.

²⁾ Сб. И. О. IV, 167—170.

³⁾ Сб. И. О. VIII, 244.

⁴⁾ Сб. И. О. VIII, 274—282.

уступает ни по размѣру, ни по великолѣпію плану, составленному Иниго Джонсомъ для Уайтголя (Whitehall), съ которымъ онъ имѣетъ также соотношеніе касательно своего счастливаго положенія на берегу прекрасной рѣки, могущей по справедливости сравниться съ Темзой, будучи такъ широка, что по ней свободно ходятъ суда значительной величины. Во дворцѣ этомъ есть комната, которую я видѣлъ только черезъ окно, но мнѣ говорили объ ней, что она такъ же велика, какъ зала въ Вестминстерѣ. Насъ ввели въ галерею, расположенную надъ комнатой, гдѣ происходило засѣданіе, и отдѣленную отъ нея рѣшеткой. Въ эту минуту засѣданіе еще не начиналось, знакомыя мнѣ лица были по большей части военные, одѣтые въ мундиры и украшенные знаками различныхъ орденовъ; чиновники по большей части состояли изъ офицеровъ, а прислуга, какъ мнѣ сказали, была набрана между унтеръ-офицерами. Представители различныхъ частей этой огромной Имперіи столь многочисленны, что нѣтъ возможности перечислить въ дешнѣ ихъ имена и костюмы; списокъ этотъ составилъ бы цѣлую пѣсню героической поэмы.

„Комната казалась до того наполненной, а различныя группы были до того заняты разговоромъ, что невозможно было смотрѣть на собраніе, не вспомнивъ о пчелиномъ ульѣ. Тронъ императрицы занимаетъ одну часть комнаты; на противоположномъ концѣ и по обѣимъ сторонамъ разставлены скамейки, какъ въ нашей палатѣ депутатовъ (House of Commons), на лѣво отъ трона поставленъ столъ; у верхняго конца его стулъ для предсѣдателя комиссіи, а въ сторонѣ два другихъ стула, одинъ для предсѣдателя, руководящаго ходомъ дѣла, а другой для генераль-прокурора, который засѣдаетъ въ качествѣ члена, назначеннаго со стороны императрицы и имѣетъ право дѣлать заявленія отъ ея имени, въ случаѣ, если бы были нарушены основные законы.

„Члены размѣщены по губерніямъ, при чемъ изъ каждаго уѣзда выбранъ дворянинъ, купецъ или ремесленникъ и свободный крестьянинъ, и такъ какъ мѣста занумерованы, то они и садятся въ такомъ порядкѣ. Духовенство имѣетъ лишь одного представителя, архіепископа, который одинъ только помѣщается на право отъ трона. При открытіи засѣданія всѣ заняли свои мѣста, послѣ чего воцарилась полнѣйшая тишина, и самое напряженное вниманіе, продолжавшееся до часа, когда засѣданіе было прервано. «Cedant arma togae» составляетъ правило, не признаваемое этимъ собраніемъ; въ немъ не было ни одвога чернаго платья, вообще ни одного, похожаго на обыкновенный костюмъ юриста. Предсѣдатель, генераль-лейтенантъ, весьма

воинственной наружности и кавалеръ ордена Бѣлаго Ордѣ, не имѣлъ ни мѣшка ни посоха, но вставая для того чтобъ говорить, онъ бралъ въ руки булаву, называемую маршальскимъ жезломъ, и обращался къ собранію съ громкою, явственною и методичною рѣчью: онъ сказалъ имъ, какъ мнѣ передавали, что такъ какъ на предъидущемъ засѣданіи былъ возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы за всѣми лицами, достигнувшими офицерскаго чина, было признано дворянство, основанія къ чему были изложены письменно, а въ настоящее засѣданіе было подано противоположное тому мнѣніе, вмѣстѣ съ изложеніемъ его причинъ, прочитанныхъ собранію, то онъ обязанъ рѣшить этотъ вопросъ большинствомъ голосовъ посредствомъ баллотировки, во время которой одинъ чиновникъ прочиталъ вслухъ часть инструкціи императрицы, которую повелѣно перечитывать вполнѣ ежемѣсячно, для того чтобъ тверже сохранить ее въ памяти каждаго изъ членовъ; весь томъ немного больше обрада управленія палаты лордовъ. По перечисленіи голосовъ оказалось, что согласныхъ 242, а несогласныхъ, къ удивленію моему, 213.

„Мнѣ говорили, что часто вопросы не проходятъ, часто голоса раздѣляются на самыя мелкія партіи, и что одинъ членъ (по имени Урсинусъ, профессоръ изъ Лифляндіи) не соглашается почти ни на одно предложеніе; нѣсколькимъ лицамъ былъ данъ отпускъ, другимъ отставка и взамѣнъ ихъ объявлено избраніе новыхъ членовъ, послѣ чего предводитель закрылъ засѣданіе“.

Затѣмъ слѣдуетъ весьма любопытное замѣчаніе англійскаго посланника: „Все это установленіе представляется мнѣ чѣмъ-то въ родѣ подмоштовъ, которые безъ сомнѣнія будутъ разбросаны, какъ ненужныя дѣла, тотчасъ по окончаніи императрицей всего великаго зданія. Она составила проектъ новаго уложенія законовъ на собственныхъ основаніяхъ, но въ смыслѣ вполнѣ соответствующемъ съ дѣйствительными интересами и характеромъ всѣхъ ея подданныхъ и пр.“¹⁾

Дѣло въ томъ, что, какъ мы уже знаемъ, императрица не составила предварительно проекта новаго уложенія и что несуществованіе таковаго проекта служило важнымъ препятствіемъ успѣха всего предпріятія.

Мы увидимъ въ послѣдней главѣ нашего очерка, какъ разнообразны были занятія Большой Коммиссіи, какъ часто, если такъ можно вы-

¹⁾ Сб. И. О. XII, 357—360.

разиться, мѣнялась система этихъ занятій, какъ всѣ пренія оставались фрагментомъ, не имѣли никакой законченности.

Очередь занятій и закрытіе собранія.

Въ манифестѣ отъ 14-го декабря 1766 года было сказано, что засѣданія Большой Коммиссіи начнутся чрезъ шесть мѣсяцевъ. Когда, лѣтомъ 1767 года, депутаты собрались въ Москвѣ въ достаточномъ числѣ (до 460 человекъ), то сенатъ донесъ о томъ императрицѣ, и вслѣдствіе сего 24-го іюля 1767 г. послѣдовалъ указъ объ открытіи Коммиссіи 30-го іюля.

Г. Полѣновъ сообщилъ весьма любопытныя подробности о церемоніи открытія собранія и о рѣчахъ, произнесенныхъ при этомъ случаѣ ¹⁾. Изъ документовъ, хранящихся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, мы узнаемъ, что рѣчь Голицына была сочинена самою императрицею ²⁾. На другой день, 31-го іюля, происходило первое засѣданіе, въ Грановитой палатѣ. Сиверсъ, губернаторъ Новгородскій сообщаетъ что къ сожалѣнію, собранію было предоставлено весьма неудобное помѣщеніе ³⁾. И о томъ, какъ былъ выбранъ маршалъ собранія весьма подробно разказано въ изданіи г-на Полѣнова.

Занятія начались чтеніемъ Большаго Наказа. Въ пятомъ засѣданіи происходили пренія о поднесеніи императрицѣ, въ знакъ благодарности, титула матери отечества и пр. Были сдѣланы на этотъ счетъ разныя предложенія. Узнавъ объ этихъ преніяхъ, Екатерина писала къ Бибикову: „Я имѣ вѣляла дѣлать разсмотрѣніе законовъ, а они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ“.

12-го августа происходилъ торжественный приѣмъ депутатовъ которые поднесли императрицѣ титулъ Великой, премудрой Матери Отечества; отвѣтная рѣчь Голицына на это предложеніе была сочинена также, какъ и рѣчь, сказанная имъ 31-го іюля, самою императрицею. Собственноручныя проекты и рѣчи Голицына и краткой рѣчи самой Екатерины нашлись между бумагами въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. ⁴⁾. Такіе торжественные случаи по-

¹⁾ См. Сб. И. О. IV, 34—39. См. также нѣкоторые данныя въ камеръ-сургерскомъ журналѣ 1767 г., стр. 273—276.

²⁾ Сб. И. О. X, 234—235.

³⁾ «In einer schlechten Wohnung gearbeitet». Blum I. 260.

⁴⁾ Сб. И. О. X, 226—227.

вторялись и въ то время существованія Большой Коммисіи, къ которому пока еще не относятся архивныя дѣла, изданныя Историческимъ Обществомъ; такъ, на примѣръ, въ ноябрѣ 1768 года депутаты поздравили императрицу съ выздоровленіемъ послѣ привитія оспы. Принимая депутатовъ, Екатерина замѣтила имъ, что она „ежедневно видитъ, съ какою ревностью и усердіемъ они трудятся въ порученномъ имъ дѣлѣ, и она смотритъ на ихъ труды какъ на полезнѣйшіе для всѣхъ и каждаго“ ¹⁾.

Дѣйствительно, императрица постоянно съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за ходомъ занятій Большой Коммисіи, какъ видно особенно изъ множества записокъ ея къ маршалу собранія. Въ октябрѣ 1767 года она послала ему журналы англійскаго парламента, которые могли служить образцомъ при составленіи дневныхъ записокъ Большой Коммисіи. Въ одной позднѣйшей запискѣ къ Бибикову сказано: „Бога для не спѣшите: оставить было на столѣ и взять время, ибо скажутъ, что вы ихъ приневоливаете“. Въ разныхъ запискахъ Екатерина направляла дѣятельность Бибикова и давала ему совѣты, какъ вести дѣла въ извѣстныхъ случаяхъ. Особенное участіе она принимала въ вопросѣ о привилегіяхъ Остзейскаго края ²⁾.

Избраніе маршала, учрежденія дирекціонной коммисіи и чтеніе Большаго Наказа были предметомъ занятій первыхъ семи засѣданій. Затѣмъ началось чтеніе и обсужденіе депутатскихъ наказовъ. Это занятіе продолжалось около трехъ недѣль, въ четырнадцать засѣданійхъ было рассмотрѣно около двѣнадцати депутатскихъ наказовъ однопорцевъ, пахатныхъ солдатъ и пр.

Нельзя не удивляться такому способу занятій Большой Коммисіи. Неужели сначала намѣревались просмотрѣть такимъ образомъ всѣ 564 наказа? Это потребовало бы по крайней мѣрѣ столько же засѣданій, то-есть продолжалось бы, безъ сомнѣнія, два или три года. При Большой Коммисіи существовала особая коммисія для разбора депутатскихъ наказовъ. Она могла бы заняться сводомъ и группировкою всѣхъ данныхъ, заключавшихся въ нихъ. Содержаніе ихъ, приведенное въ систему, скорѣе могло бы съ успѣхомъ сдѣлаться предметомъ обсужденія въ большомъ собраніи. Въ каждомъ почти депутатскомъ наказѣ было затронуто множество разнообразныхъ вопросовъ. При чтеніи и обсужденіи содержанія депутатскихъ наказовъ въ той очереди,

¹⁾ Сб. И. О. X, 305.

²⁾ Сб. И. О. X, 253, 270—74.

въ которой говорилось въ нихъ о всевозможныхъ предметахъ, едва ли можно было рассчитывать на какой бы то ни было результатъ. Такъ и вышло. Пренія о частныхъ вопросахъ наказовъ Каргопольскихъ, Саратовскихъ и прочихъ крестьянъ были полезны, интересны вообще, однако не могли повести къ опредѣленной цѣли, оставаясь такъ сказать бесцѣдною о земледѣліи и лѣсоводствѣ, о почтовыхъ учрежденіяхъ, объ отношеніи крестьянъ въ другимъ сословіямъ и пр. Такимъ путемъ нельзя было думать объ осуществленіи намѣренія составить проектъ новаго уложенія.

Еще въ то самое время, когда происходило чтеніе и обсужденіе нѣкоторыхъ наказовъ, продолжавшееся до 21-го сентября, началось уже въ засѣданіи 11-го сентября чтеніе законовъ о правахъ дворянства.

При этомъ собраніе дѣйствовало какъ-то болѣе систематически. Сначала читались всѣ законоположенія, относящіяся къ правамъ дворянства, начиная съ уложенія царя Алексѣя Михайловича по 12-е декабря 1766 года. Затѣмъ начались пренія. Обнаружилось существованіе двухъ партій. Происходила упорная борьба между лицами, отстаивавшими исключительное и преимущественное положеніе древнихъ своихъ родовъ, и тѣми, которые недавно были поставлены на одну степень или вовсе не принадлежавшими къ сословію дворянъ. Обсуждался вопросъ: считать ли дворянами тѣхъ, которые, на основаніи табели о рангахъ, дослужились до офицерскаго чина, хотя и поступили на службу изъ простаго званія, или дворянами призывать только одни древніе роды?

Чтеніе законовъ о дворянствѣ съ мнѣніями и возраженіями депутатовъ продолжалось до 2-го октября и заняло одиннадцать засѣданій. Нельзя отрицать, что эти пренія для правительства, какъ настоящаго законодателя, были въ высшей степени полезны и значительно содѣйствовали уясненію столь важнаго вопроса. Но все-таки и они какъ-то остались безъ окончателнаго результата. 2-го октября маршалъ Бибиковъ предложилъ собранію, чтобы всѣ прочитанные законы и мнѣнія отослать въ дирекціонную комиссію о разборѣ государственныхъ родовъ, которая и займется составленіемъ особаго объ этомъ предметѣ положенія.

Между тѣмъ уже прежде, въ засѣданіи 25-го сентября, значить въ то время, когда еще не было перваго обсужденія о правахъ дворянства, Большая Комиссія обратилась къ законамъ о купечествѣ. Чтенію ихъ, сопровождавшемуся многочисленными замѣчаніями, по

священо было 46 засѣданій. Много говорили при этомъ случаѣ купцы и крестьяне, но отчасти и дворяне. Купцы заботились объ ограниченіи права крестьянъ участвовать въ торговлѣ; крестьяне отстаивали свое право; дворяне также говорили въ пользу крестьянъ. Борьба была довольно оживленная. Далѣе обсуждался вопросъ о фабрикахъ, то-есть вопросъ о томъ, на сколько купцы должны были имѣть право содержать фабрики и покупать къ нимъ земли и крестьянъ и т. п. Купцы при своихъ притязаніяхъ ссылались на законы Петра Великаго, дворяне же старались доказать, что и эти законы, какъ и положенія Петра о новомъ дворянствѣ, могли имѣть лишь временное значеніе и пр. Разсужденія объ этихъ законахъ и о разныхъ вопросахъ, относящихся къ купечеству и торговлѣ, продолжались до 7-го декабря и также не повели къ опредѣленной цѣли.

Между тѣмъ уже въ октябрѣ со стороны лифляндскихъ и эстляндскихъ депутатовъ были сдѣланы заявленія, относящіяся къ правамъ и привилегіямъ этихъ провинцій. Маршалъ Бибииковъ предложилъ тогда же собранію отложить чтеніе этихъ привилегій и обсужденіе всего означеннаго вопроса до окончанія премій о купечествѣ. Но уже прежде, а именно 20-го ноября, началось обсужденіе вопроса о Прибалтійскомъ краѣ. Въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ были прочтаны лифляндскія и эстляндскія привилегіи, пренія были весьма оживленны. Нѣсколько голосовъ, поданныхъ депутатами на означенныя привилегіи, выразили мнѣніе, чтобы для этихъ областей были постановлены тѣ же законы, какъ и для прочихъ составныхъ частей государства. Депутаты Прибалтійскаго края отстаивали особенность послѣдняго. Эти пренія продолжались до 14-го декабря 1767 года.

Въ этотъ день маршалъ, заключая семьдесятъ седьмое засѣданіе, азалъ рѣчь, въ которой онъ объявилъ, что занятія Большой Комиссіи прерваны и что засѣданія будутъ вновь открыты въ С.-Петербургѣ 18-го февраля 1768 года ¹⁾).

Въ означенный день въ Зимнемъ дворцѣ было открыто 78-е засѣданіе Большой Комиссіи. Послѣ вступительной рѣчи маршала ²⁾ началось чтеніе законовъ, относящихся до юстиціи; къ нимъ же относились въ то время и положенія объ обязанностяхъ, предписываемыхъ христіанскою вѣрою и установленіями церкви. Занятія этимъ предметомъ продолжались съ 18-го февраля до 7-го іюля и занимали около

¹⁾ Сб. И. О. VII, 382.

²⁾ Сб. И. О. XIV, 1.

70 засѣданій. Только отчасти подробности этихъ преній сдѣлались извѣстными чрезъ изданіе г-на Полѣнова, доведенное лишь до 20-го марта (102 засѣданіе). О слѣдующихъ затѣмъ событіяхъ мы узнаемъ кое-что почти исключительно изъ предисловія къ IV тому Сборника Историческаго общества. Тутъ, между прочимъ рассказано о слѣдующемъ эпизодѣ:

Одно изъ мнѣній, поданныхъ по законамъ о юстиціи, коснулось вопроса о вѣрноподанныхъ крестьянахъ и о власти надъ ними помѣщиковъ. Этотъ предметъ возбудилъ въ комиссіи сильныя споры. Когда дошли до чтенія законовъ о бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянахъ, то многіе изъ депутатовъ, объясняя причины этого безпорядка, предложили вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣры къ его прекращенію. Депутатъ отъ Козловскаго дворянства Григорій Коробинъ (артиллеріи поручикъ), въ засѣданіи 5-го мая 1768 года, въ мнѣніи своемъ объяснилъ, что много есть такихъ помѣщиковъ, которые берутъ съ крестьянъ большія подати, чѣмъ бы слѣдовало; есть и такіе, которые, войдя въ значительныя долги, отдають людей своихъ для зарабатыванія денегъ на уплату однихъ процентовъ, и чрезъ то отлучають ихъ отъ земледѣлія; наконецъ, находятся и такіе, которые, увидѣвъ у крестьянина какое-либо небольшое, своимъ трудомъ добытое имущество, его отнимають. Всѣ эти случаи, говорилъ депутатъ Коробинъ, и бываютъ причиною, что крестьяне, желая избавиться отъ отягощенія, оставляють и свои дома, и помѣщика. Сославшись на статьи Большаго Наказа (261, 269, 270, 275, 276, 277 и 295), онъ признавалъ за нужное ограничить власть помѣщиковъ надъ имѣніемъ ихъ крестьянъ и силою закона оградить собственность сихъ послѣднихъ. Личное же управленіе помѣщиковъ надъ крестьянами, депутатъ Коробинъ полагалъ оставить въ прежнемъ положеніи. На это мнѣніе было подано болѣе 20 голосовъ, изъ которыхъ 18 были противъ мысли депутата Коробина, и только 3 за него. Большинство депутатовъ въ опроверженіяхъ своихъ, признавая эту мѣру вообще вредною для государства, подкрѣпляли возраженія свои тѣмъ, что считали совершенно невозможнымъ разъединить два права, тѣсно между собою связанныя, то-есть, оставить у помѣщиковъ власть надъ лицомъ и отнять ее надъ имуществомъ этого самаго лица. Одинъ изъ членовъ комиссіи, возражавшихъ на мнѣніе Коробина, депутатъ отъ дворянства Гороховецкаго уѣзда Александръ Протасовъ, между прочимъ, сказалъ, что если принять мнѣніе Коробина, „то не останется другаго способа, какъ сдѣлать

крестьянъ свободными, еслибъ на то монаршее было соизволеніе^а; но и въ такомъ случаѣ, по его мнѣнію, это надлежало сдѣлать исподволь.

Въ засѣданіи 10-го іюля 1768 года, маршалъ Бибииковъ объявилъ большому собранію, что изъ дирекціонной комиссіи присланъ проектъ оправахъ благородныхъ, составленный комиссіею о государственныхъ родахъ и дополненный замѣчаніями дирекціонной комиссіи. Этотъ проектъ былъ прочитанъ два раза. Затѣмъ начались пренія, послѣ того, какъ, по просьбѣ большинства депутатовъ, маршалъ Бибииковъ назначилъ одну недѣлю для зрѣлаго и всесторонняго обсуждения вопроса. Каждая статья прочитывалась отдѣльно и подвергалась многостороннимъ возраженіямъ.

Послѣ этого со стороны Лифляндскихъ и Эстляндскихъ, нѣкоторыхъ изъ Малороссійскихъ депутатовъ и депутатовъ Смоленской губерніи, были сдѣланы заявленія о сохраненіи древнихъ привилегій этихъ областей. Все это было выслушано въ собраніи комиссіи безъ возраженій. Но Екатерина неблагопріятно смотрѣла на подобныя заявленія, и чтобы положить имъ конецъ, маршалъ Бибииковъ, по ея повелѣнію, въ засѣданіи 9-го сентября 1768 года, обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой объяснилъ, что комиссіа о сочиненіи проекта новаго уложенія, на основаніи 15 ст. даннаго ей обряда, не должна ни въ чемъ другомъ упражняться, кромѣ того, для чего именно она учреждена, то-есть, въ сочиненіи сего проекта. Между тѣмъ, депутаты Лифляндскаго, Эстляндскаго и Финляндскаго, Малороссійскаго и Смоленскаго дворянства подали заявленія, чтобы жители этихъ провинцій оставлены были при ихъ особенныхъ привилегіяхъ и чрезъ то были изъяты изъ общихъ правъ русскихъ дворянъ. Но какъ комиссіа, за силою вышеприведенной статьи обряда, не можетъ входить въ разсмотрѣніе предмета, касающагося до правленія, а еще менѣе такого, который зависитъ единственно отъ монаршей власти, то на сему основаніи означенныя заявленія не могутъ быть не только внесены въ проектъ о правахъ благородныхъ, но даже приняты комиссіею; поэтому, присовокупилъ въ заключеніе Бибииковъ, и не остается ничего другаго сдѣлать, какъ торжественно возвратитъ помянутымъ депутатамъ поданныя ими заявленія, оставивъ только говоренныя ими на статьи проекта примѣчанія.

Въ сентябрѣ продолжались пренія о правахъ благородныхъ. Въ засѣданіи 7-го октября положено было, разсмотрѣнный въ большомъ собраніи проектъ о правахъ благородныхъ съ мнѣніями депутатовъ и ихъ преніями отослать въ дирекціонную комиссію.

9-го октября начали читать законы о помѣстьяхъ и вотчинахъ. Сюда вошли законы о наслѣдствѣ и о раздѣлѣ имѣній по частямъ, о выкупѣ движимаго и недвижимаго имѣнія и пр. Чтеніе этихъ законовъ продолжалось до 15-го октября. Замѣчаній на нихъ сдѣлано не много.

Наконецъ 18-го декабря 1768 года, маршалъ Бибииковъ объявилъ собранію о полученномъ комиссіею именномъ указѣ, въ которомъ императрица, объявляя, что, по случаю нарушенія мира, многіе изъ депутатовъ, принадлежащіе къ военному званію, должны отправиться къ занимаемымъ ими по службѣ мѣстамъ, повелѣвала: депутатовъ, которые, за выборомъ членовъ въ частныя комиссіи, остались въ большомъ собраніи, распустить до тѣхъ поръ, пока они вновь будутъ созваны; членамъ частныхъ комиссій остаться и продолжать свои занятія и на мѣсто членовъ этихъ комиссій, обязанныхъ отправиться къ своимъ мѣстамъ, выбрать другихъ изъ большаго собранія депутатовъ.

Такимъ образомъ, Большая Коммиссія о сочиненіи проекта новаго уложенія окончила свою дѣятельность и вновь уже не была созываема ¹⁾).

Предлогомъ для закрытія Большой Коммиссіи была Турецкая война. Спрашивается, на сколько можно вѣрить разказамъ нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, которые объясняли закрытіе собранія неудовольствіемъ императрицы?

Вопервыхъ, закрытіе собранія, какъ видно изъ указа, помѣщенного цѣликомъ въ запискахъ о жизни и службѣ Бибиикова ²⁾, было лишь временное или, по крайней мѣрѣ, считалось лишь временнымъ. Центръ тяжести законодательной работы, какъ мы знаемъ, находился не въ большомъ собраніи, а въ частныхъ комиссіяхъ. Эти частныя комиссіи, членовъ которыхъ было около ста человекъ, не только должны были оставаться въ полномъ составѣ, но даже въ указѣ о закрытіи Большой Коммиссіи было предписано: „для каждой частной комиссіи, сверхъ полного числа членовъ, выбрать еще изъ большаго собранія по три человека, дабы, если впредь въ которой-либо частной комиссіи сдѣлаютъ упалыя мѣста, тобъ оныя неотмѣнно заступлены

¹⁾ Сб. И. О. IV, стр. XX—XXVI.

²⁾ Стр. 28—30.

были; но и сихъ депутатовъ отпустить съ прочими, однако съ тѣмъ, чтобъ они немедленно явились, когда въ нихъ окажется надобность¹. Далѣе въ пятомъ пунктѣ предусмотрѣно было даже образование изъ частныхъ комиссій большаго собранія. „Естьли когда нужно будетъ собрать частныя комиссіи вмѣстѣ, то маршалъ сіе учинить, согласуясь напередъ о томъ съ генераломъ-прокуроромъ“.

Кастера, какъ мы видѣли, объяснялъ закрытіе собранія возбужденіемъ въ немъ вопроса объ отѣвѣ крѣпостнаго права. Однако, предложенія на этотъ счетъ Коробина и Протасова относятся къ маю 1768 года, а собраніе было закрыто не ранѣе какъ въ декабрѣ; по тѣмъ даннымъ, которымъ мы располагаемъ, нельзя считать вѣроятнымъ, чтобы въ продолженіе этого времени вновь происходили пренія по этому предмету.

Въ запискахъ Бибикова также затрогивается вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ томъ смыслѣ, будто сдѣланныя на этотъ счетъ предложенія обнаружили „увлеченіе“ и „вольнодуміе“ собранія, такъ что, оно становилось опаснымъ. Послѣднее впечатлѣніе усиливается еще слѣдующимъ замѣчаніемъ сочинителя указа о закрытіи собранія, сообщеннаго въ приложеніи къ запискамъ Бибикова. Тутъ сказано: „Должно быть исполнену благодарности, когда правителя государствъ, жертвуя обширными и благодѣтельными своими намѣреніями затруднительности обстоятельствъ, вкоренѣлымъ обыкновеніямъ и предрасудкамъ и медлительности, не только останавливаютъ исполненіе своихъ предположеній и подвергаютъ оныя всѣмъ случаямъ будущаго, но даже и сокрываютъ отъ современниковъ мысли свои, чтобъ не возбудить всѣ буйства страстей человѣческихъ къ истребленію того благотворнаго сѣмени, которое только единнымъ временемъ и счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ вкорениться и произрасти должно“¹).

Значить, сочинитель указа о закрытіи собранія—если только онъ въ самомъ дѣлѣ былъ авторомъ и этого замѣчанія, „сдѣланнаго къ указу“, какъ означено въ запискахъ о жизни и службѣ Бибикова,—указываетъ на какую-то заднюю мысль, которою руководствовало правительство при закрытіи собранія; умолчаніе настоящей причины оказывается необходимою мѣрою осторожности; иначе могли быть „возбуждены всѣ буйства страстей человѣческихъ“.

¹) Зап. Бибикова, 30.

Къ тому же изъ записокъ о жизни и службѣ Бибикова видно, что ему самому собраніе казалось опаснымъ и что онъ въ особомъ мнѣніи указывалъ на это обстоятельство. Вотъ что сказано на этотъ счетъ въ этомъ изданіи: „Вскорѣ императрица удостовѣрилась въ непобѣдимыхъ затрудненіяхъ, или справедливѣе сказать, въ неисполнительности ея великаго предпріятія, и убѣдилась въ истинѣ слѣдующаго предварительно даннаго Александромъ Ильичемъ мнѣнія: „что собраніе различнаго состоянія людей депутатовъ должно быть тожко съ тѣмъ, что хотя они всѣ вообще къ увеличенію государственнаго собранія, къ составленію благоразумныхъ законовъ и согласныхъ пользѣ каждаго состоянія способствовать будутъ, но въ самомъ существѣ, чтобъ не они составители законовъ были, но особливо выбранные изъ нихъ самихъ или изъ постороннихъ особъ и не столь во многомъ числѣ состоящее собраніе, и которое бы всѣ полагаемыя права и законы сообразовало съ предположенными ея величествомъ данными генеральными о законахъ правилами и со всеобщемъ, а не къ одной которой части клонящеюся пользою, а большое общество депутатовъ тому законоположительному собранію доскональныя свѣдѣнія о всемъ до нихъ касающемся преподавало; инако же когда все множество различнаго состоянія депутатовъ имѣть будутъ право законоположенія, то, кромѣ многихъ затрудненій, послѣдовать можетъ и то, что всякій изъ нихъ только пользу и выгоду своихъ собратій наблюдать и о томъ печися будутъ, не размышляя о вредѣ отъ того происходящемъ въ другихъ частяхъ и во всеобщей связи ¹⁾).

Мы не знаемъ когда была составлена эта „предварительная“ записка Бибикова. Можно считать вѣроятнымъ, что выраженіе „предварительно“ относится не ко времени до открытія, а скорѣе ко времени до закрытія собранія. Бибиковъ, въ качествѣ маршала, болѣе чѣмъ кто либо могъ убѣдиться въ затрудненіяхъ, которыя должно было встрѣтить предпріятіе вообще. Онъ поэтому могъ совѣтовать императрицѣ закрыть собраніе.

Мы видѣли, какъ Екатерина оказалась гораздо либеральнѣе многихъ лицъ, ее окружавшихъ. Доказательствомъ того служить уничтоженіе нѣкоторыхъ важныхъ частей Большаго Наказа. Весьма легко могло случиться, что лица, побудившія къ тому императрицу, содѣйствовали и закрытію собранія.

¹⁾ Записки Бибикова, 55—56.

О трудахъ частныхъ комиссій, остававшихся въ полномъ составѣ послѣ закрытія большаго собранія, мы знаемъ лишь слѣдующее. Въ теченіе пяти лѣтъ онѣ составили: 1) такъ называемые планы, то-есть заглавія проектовъ, и 2) небольшія части проектовъ въ видѣ опыта, именно по гражданскому праву, лишь нѣсколько главъ о правахъ семейственныхъ, которые остались однако безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Наконецъ указомъ 4-го декабря 1774 года были закрыты и частныя комиссіи; осталась одна канцеларія для справокъ ¹⁾).

Было бы несправедливо утверждать, что предпріятіе Екатерины оказалось вполне неудавшимся. Матеріалъ, собранный въ 1767 и 1768 годахъ, и группировка этого матеріала въ частныхъ комиссіяхъ послужили пособіемъ для законодательной дѣятельности слѣдующаго времени.

¹⁾ Памятникъ, I, 262.

А. Брикнеръ.

РИТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

III.

Рѣшеніе стазиса опредѣленія и примѣненіе его къ рѣчи Демосеена противъ Мидія.

Распредѣленіемъ всѣхъ могущихъ встрѣчаться случаевъ судебныхъ дѣлъ на категории теорія ораторскаго искусства не принесла бы особенной пользы изучающимъ ее, еслибъ она вмѣстѣ съ тѣмъ не давала указаній, какъ слѣдуетъ поступать при рѣшеніи каждой категории. Въ самый древній періодъ риторики, когда эти категории еще не были раздѣлены на выше изложенные стазисы, риторы представляли только общее изложеніе ораторскаго изобрѣтенія, какъ мы это встрѣчаемъ у Анаксимена и Аристотеля; однако съ появленіемъ теоріи стазисовъ ораторское изобрѣтеніе стало все больше и больше крожъ этихъ общихъ наставленій излагать правила относительно полнаго рѣшенія отдѣльныхъ стазисовъ. Изъ всѣхъ сохранившихся риторику подробнѣе и обстоятельнѣе изложено рѣшеніе каждого стазиса въ риторикѣ Гермогена ¹⁾: поэтому мы положимъ въ основу своего изслѣдованія ученіе этого ритора съ примѣчаніями его комментаторовъ, и потомъ укажемъ вкратцѣ на правила прочихъ техниковъ.

По единогласному мнѣнію древнихъ риторовъ, въ рѣчи противъ Мидія, служащей намъ пробнымъ камнемъ пригодности даннаго отдѣла риторики, Демосееномъ употребленъ стазисъ опредѣленія ²⁾:

¹⁾ На сколько Гермогенъ воспользовался при этомъ изложеніи работами своихъ предшественниковъ, рѣшить трудно.

²⁾ Мѣста изъ риторовъ, относящіяся сюда, мы приведемъ ниже.

весь вопросъ этой рѣчи заключается въ томъ, какъ назвать обиду, причиненную Мидіемъ оратору. И такъ, намъ необходимо прежде всего познакомиться съ тѣми источниками, изъ которыхъ можно почерпнуть матеріалы для рѣшенія стазиса опредѣленія. Источники эти носятъ въ риторикѣ названіе *καφάλαια*, *capita*, то-есть главные пункты, или *loci* (τόποι); послѣдній терминъ заимствованъ изъ логики. При изложеніи этихъ главныхъ пунктовъ всегда имѣются въ виду обѣ тяжущіяся стороны, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ предназначаются исключительно для обвинителя или обвиняемаго, а нѣкоторые общіе. Мы рѣдко поставлены въ столь благоприятное условіе, чтобъ имѣть подъ руками рѣчи обѣихъ сторонъ и примѣнять теорію къ дѣлому процессу; однако это неудобство устраняется тѣмъ, что ораторъ всегда имѣетъ въ виду способъ защиты своего противника, такъ что мы все-таки имѣемъ въ главныхъ чертахъ передъ собою полную картину ихъ борьбы¹⁾.

Главные пункты, приведенные Гермогеномъ (153, 12 сл.)²⁾ для рѣшенія стазиса опредѣленія, содержатъ въ себѣ всѣ главныя части ораторской рѣчи, за исключеніемъ приступа, который, впрочемъ, не всегда находится въ тѣсной связи съ даннымъ вопросомъ, и заключенія³⁾. Обвиняющій долженъ прежде всего изложить судьямъ сущность преступленія вмѣстѣ съ обстоятельствами, его сопровождавшими. Это изложеніе ничто иное, какъ разказъ, но оно имѣетъ въ теоріи рѣшенія стазисовъ особое названіе *πρόβολή*, то-есть предложеніе, приведеніе спорнаго дѣла, рѣшеніе котораго судьямъ предстоитъ (ср. *πρόβλημα*). Обвиняющій постарается уже здѣсь увеличить значеніе совершеннаго преступленія на основаніи тѣхъ же обстоятельствъ; однако онъ долженъ при этомъ соблюдать мѣру, потому что настаетъ

¹⁾ Главные пункты, которые обвинитель заимствуетъ отъ своего противника, чтобъ уже напередъ отвѣтить на нихъ (*πρόβησις*), приводятся обыкновенно, (если они не извѣстны изъ самаго дѣла), какъ разказъ, сообщенный оратору людьми, имѣющими съ противникомъ его сношеніе, (ср. рѣч. пр. Мид. § 24 *ἀρχαία*, § 36 *ἀπήγγελλε τοῖσιν τίς μισί*, § 208 *πέποιμαι*), или какъ предположеніе оратора, (ср. §§ 141, 160, 186, 191, 193).

²⁾ Комментаріи риторовъ къ этой части 4-й главы Гермогена помѣщены въ изданіи Вальца въ слѣдующихъ томахъ: Se, Sr и M: IV, 474 — 546; Sr: V, 149 — 159; Maxim. Planud.: *ibid.* 299 — 310; Anonym.: VII, 395 — 451; рѣшеніе спорныхъ вопросовъ, заключающихъ въ себѣ стазисъ опредѣленія, см. Sr VIII, 78 — 126.

³⁾ Мы не употребили здѣсь термина «эпilogъ», потому что онъ имѣетъ въ риторикѣ болѣе широкое значеніе, какъ мы увидимъ ниже.

щее увеличение (αὔξησις, amplificatio) послѣдуетъ уже послѣ доказательства.

На обвиненіе въ совершеніи преступленія послѣдовало съ противной стороны возраженіе. Мы показали уже въ первой главѣ, что при стазисѣ опредѣленія недостаетъ какого-нибудь характеристическаго признака, чтобъ совершенное преступленіе вполнѣ отвѣчало названію, прилагаемому къ нему обвинителемъ. Обвиняемый старается придать этому недостающему признаку самое важное значеніе, и подобно съ этимъ даетъ опредѣленіе преступленія, въ совершеніи котораго его обвиняютъ. Такъ напримѣръ, тотъ, кто, укравъ частныя деньги изъ святины, обвиняется въ святотатствѣ, будетъ утверждать, что святотатомъ можно назвать только того, кто укралъ храмовыя, а не частныя деньги. Это второй главный пунктъ, имѣющій названіе „опредѣленіе, ὄρος“¹⁾.

Обвиняемый поколебаль своимъ опредѣленіемъ слова противника; послѣдній старается стать крѣпко и для этой цѣли приводитъ свое опредѣленіе, ἀνθροπισμός, которое составляется на основаніи того, что было сдѣлано, и недостающему признаку не придаетъ никакого значенія. Въ данномъ примѣрѣ обвинитель скажетъ, что святотатство есть отчужденіе чего-нибудь изъ храма. Посредствомъ умозаключенія, σολλογισμός, обвиняющій покажетъ дальше, что отсутствіе или присутствіе этого обстоятельства, которому обвиняемый придаетъ такое значеніе, для самого опредѣленія безразлично, при чемъ имѣется особенно въ виду одинаковый результатъ преступнаго дѣянія. Потому та и другая сторона постарается, для подкрѣпленія своего опредѣленія, истолковать мысль законодателя, γυνώμη τοῦ νομοθέτου, въ благопріятномъ для себя смыслѣ. При этомъ риторы совѣтуютъ, если текстъ закона не говоритъ въ нашу пользу, не приводить его со-всѣмъ, а говорить только о намѣреніи законодателя.

Эти четыре пункта заключаютъ въ себѣ доказательство, и поэтому названы риторамі ἀποδεικτικὰ κεφάλαια; когда доказательство окончено, слѣдуетъ увеличеніе преступленія, для котораго служатъ два слѣдующіе главные пункта, названные αὔξητικὰ κεφάλαια, именно: значеніе преступленія, πηλικότης, и увеличеніе его посредствомъ

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ ставки могутъ встрѣчаться и какъ главные пункты, при чемъ или названіе стазиса употребляется и какъ названіе главнаго пункта, или для обозначенія послѣдняго употребляются прилагательныя: στοιχα-στικόν, ὀρικόν, ἀντιθετικόν, παραγραφικόν и т. д. (κεφάλαιον).

сравненія съ тѣмъ, что противъ него приводитъ обвиняемый, *πρός τ.* Оба эти главные пункта общіе обѣимъ сторонамъ: одна старается посредствомъ ихъ увеличить, а другая уменьшить степень виновности. Посредствомъ перваго пункта обрисовывается преступленіе яркими красками для того, чтобъ придать ему больше значенія и представить его въ болѣе страшномъ видѣ, при чемъ играютъ важную роль обстоятельства, при которыхъ оно было совершено. Здѣсь мы рассматриваемъ преступленіе само по себѣ, а во второмъ пунктѣ въ сравненіи его съ тѣмъ, что было противъ него возражено: обвинитель старается доказать, что преступленіе, какъ оно было совершено, то-есть, безъ того обстоятельства, котораго въ данномъ случаѣ недостаетъ для полноты опредѣленія, еще страшнѣе, чѣмъ такіе случаи, гдѣ преступленіе сопровождается этимъ обстоятельствомъ. Конечно, не всегда можно примѣнить этотъ главный пунктъ, или обвинитель долженъ при этомъ прибѣгнуть къ софизмамъ и натяжкамъ.

Кромѣ главныхъ пунктовъ, исчисленныхъ до сихъ поръ, можно иногда употребить какой-нибудь изъ четырехъ антитетическихъ стазисовъ, который въ такомъ случаѣ занимаетъ мѣсто главнаго пункта: обвиняемый можетъ, на примѣръ, сослаться на то, что пострадавшій заслужилъ, чтобъ съ нимъ было поступлено такимъ образомъ (*ἀντίκλημα*). Противъ этого послѣдуетъ со стороны обвинителя возраженіе, *μετάληψις*, что слѣдовало другимъ образомъ искать удовлетворенія, на примѣръ, судебнымъ порядкомъ, а не самому расправляться съ преступникомъ ¹⁾; противъ этого возраженія употребить обвиняемый какъ главный пунктъ свое возраженіе, *ἀντίληψις*, что онъ имѣлъ право поступить именно такъ, какъ онъ поступилъ.

Когда исчерпаны всѣ источники, служащіе для доказанія преступленія и увеличенія его значенія, обвиняющій нарисуетъ характеристику своего противника, *ποσότης*. Для этой цѣли онъ будетъ рассматривать его происхожденіе, образъ жизни, занятія, подвиги, вообще все, изъ чего онъ можетъ извлечь какую-нибудь черту для обрисованія личности подсудимаго. Матеріалы для этой характеристики, правда, не находятся въ связи съ даннымъ спорнымъ вопросомъ и

¹⁾ *Ἀντίθεσις* обозначаетъ у риторовъ вообще всякое возраженіе со стороны обвиняемаго, которое онъ противопоставляетъ обвиненію; съ другой стороны, все, что приводится обвинителемъ для опроверженія этого возраженія, имѣетъ общее названіе *μετάληψις*; ср. W IV, 358, 8: *αἰεὶ ἡ μετάληψις τοῦ δίκωντος ἐστίν.*

составляют отступление от него (*παρέκβασις*, *digressio* по обыкновенной терминологии), но они служат как нельзя лучше для пополнения доказательства: преступление является, такъ сказать, вытекающимъ изъ характера подсудимаго, или по крайней мѣрѣ не противорѣчающимъ ему. Этотъ пунктъ, излагающій прошлую жизнь обвиняемаго, занимаетъ, сравнительно съ прочими пунктами, большое мѣсто въ рѣчи обвинителя; послѣдній старается иногда сверхъ того начертать характеристику своего противника даже въ будущемъ на тотъ случай, если онъ избѣгнетъ наказанія въ настоящее время.

На послѣднемъ мѣстѣ Гермогенъ приводитъ намѣреніе или цѣль, *ὑπόθεσις*, съ которою преступное дѣяніе было совершено. Это тоже общій главный пунктъ, который слѣдовало помѣстить раньше характеристики, такъ какъ онъ находится въ тѣсной связи съ даннымъ преступленіемъ. Кроме того Гермогенъ говоритъ въ концѣ изложенія главныхъ пунктовъ еще объ общей характеристикѣ, *κοινὴ ποιοῦτος*, которая включаетъ въ себѣ общее мѣсто противъ цѣлой категоріи преступниковъ, къ которой обвиняемый принадлежит¹⁾. По мнѣнію Гермогена, высказанному въ другомъ мѣстѣ (148, 24), общая характеристика имѣетъ мѣсто въ эпилогѣ, хотя она разсматривается иногда тоже вмѣстѣ съ характеристикой подсудимаго. И она старается увеличить виновность преступника.

И такъ, сущность теоріи рѣшенія *стазиса* опредѣленія заключается, по ученію Гермогена, въ слѣдующемъ: матеріалы для перваго пункта (*προβολή*) доставляетъ обвинителю само дѣло; потомъ онъ, взявъ опредѣленіе своего противника (*ἄρος*), противопоставляетъ ему свое опредѣленіе (*ἀντιρροῦρος*); послѣднее онъ подкрѣпляетъ при помощи слѣдующихъ двухъ главныхъ пунктовъ, силлогизма и мысли законодателя; послѣ этого онъ увеличиваетъ, опять въ двухъ пунктахъ (*πληκτότης* и *πρός τι*), значеніе преступления. Потомъ онъ возьметъ возраженіе, на которое опирается обвиняемый (*ἀντιθέσις*), и лишаетъ противника этой опоры (*μετάληψις*). Характеристика подсудимаго, намѣреніе, обнаруженное имъ при совершеніи преступления, и общая характеристика составляютъ обвинителемъ на основаніи собранныхъ имъ данныхъ и имѣютъ цѣлью возбудить негодованіе судей противъ личности обвиняемаго.

¹⁾ При исчисленіи главныхъ пунктовъ въ началѣ этой главы (153, 16) Г. привелъ только *ποιοῦτος*, подразумевая повидимому подъ этимъ терминомъ и *π. ἰδία*, и *π. κοινὴ* или *καθολικὴ*; объ этомъ гл. п. ср. W IV, 412—429.

Пункты, изложенные до сихъ поръ, составляютъ, такъ сказать, оставъ рѣшенія стазиса опредѣленія, который при рѣшеніи каждаго отдѣльнаго случая обрабатывается и пополняется сообразно съ обстоятельствами дѣла; для послѣдней цѣли служатъ особенно примѣры¹⁾. Кромѣ вышеприведенныхъ пунктовъ могутъ встрѣчаться и другіе, напримѣръ догадка (*στοχαστικόν*, sc. *κεφάλαιον*) и возраженіе противъ вчинанія процесса (*παράγραφόν*); съ другой стороны, нѣкоторые изъ нихъ опускаются, какъ напримѣръ мысль законодателя, когда въ даннаго случая закона нѣтъ, и увеличеніе посредствомъ сравненія.

Гермогенъ, хотя и приводитъ при изложеніи главныхъ пунктовъ вездѣ примѣры для поясненія своей теоріи, все-таки самъ считаетъ эти примѣры только набросками, а не настоящимъ рѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ²⁾; послѣднимъ занимались усердно учителя краснорѣчія вездѣнѣйшихъ временъ, и Аѳинскій риторъ Сопатръ оставилъ богатое собраніе рѣшеній такихъ вопросовъ (см. l. l. 2—385). Изъ этого собранія мы заимствуемъ одинъ примѣръ (105—110), который своимъ содержаніемъ и рѣшеніемъ очень близко подходитъ къ рѣчи Демосфена противъ Мидія. Тема его составляетъ вариантъ примѣра, находящагося у Гермогена (155, 11), и заключается въ слѣдующемъ: изнасиловавшій дѣвицу долженъ по закону заплатить штрафъ въ тысячу драхмъ. Какой-то полководецъ, изнасиловавшій дочь своего товарища, готовъ заплатить закономъ назначенный штрафъ, но его подвергаютъ суду за совершеніе преступленія противъ государства. Для рѣшенія этой темы Сопатромъ употреблены слѣдующіе главные пункты³⁾: 1) И-

¹⁾ Что особенно стазисъ опредѣленія, который не очень богатъ своимъ содержаніемъ, распространяется при помощи примѣровъ, свидѣтельствуется *St N VIII, 84, 9: στενός ὁ ὅρος ἀπαταχού· καλόν ἔχει τὸ διὰ παραδείγματων πλεονέχει.* Ср. *ibid.* 115, 21 и 120, 3.

²⁾ Ср. *N* 170, 22.

³⁾ Главные пункты, употребляемые въ собраніи Сопатра для рѣшенія стазиса опредѣленія, вообще тѣ же самыя, какъ у Гермогена, но въ частности являются нѣкоторыя отступленія. Вопервыхъ, Сопатръ даетъ почти вездѣ полное рѣшеніе спорнаго вопроса съ приступомъ и заключеніемъ, при чемъ иногда бываетъ приведено даже нѣсколько способовъ приступа (*ibid.* 112, сл.). Вмѣсто термина *προβολή* онъ употребляетъ вездѣ въ томъ же значеніи *κατάστασις* (назначеніе обстоятельствъ; *προβολή* имѣетъ у него обыкновенное значеніе «приведеніе, предложеніе», напримѣръ, 82, 10, *προβολή ὄρου*). Кромѣ того онъ вездѣ опускаетъ характеристику подсудимаго; 110, 25 и 111, 7, онъ, правда, упоминаетъ о *ποιότητι*, но тамъ подъ этимъ словомъ подразумѣвается только характеръ говорящаго лица, сообразно съ которымъ слѣдуетъ сочинять рѣчи; и такъ, у Сопатра этотъ тер-

ложение обстоятельств (κατάστασις=προβολή). 2) Определѣние со стороны обвиняемаго (ὄφρα) и 3) со стороны обвинителя (ἀνθορισμός). 4) Силлогизмъ послѣдняго и 5) разъясненіе мысли законодателя (γνώμη νομοθέτου). 6) Увеличеніе значенія преступленія, ввятаго абсолютно (πηλικότης), и 7) увеличеніе посредствомъ сравненія (πρός τι). 8) Анти-тетическій главный пунктъ (σογγώμη, извиненіе), и 9) опроверженіе его (μετάληψις). 10) Заключеніе ¹⁾.

Изложеніе обстоятельствъ (1) начинается съ разказа о томъ, какъ обвиняемый былъ избранъ въ полководца, благодаря ходатайству обвинителя, который очень любилъ его и былъ убѣжденъ, что найдетъ въ немъ надежнаго товарища для веденія дѣлъ; привязанность его къ подсудимому дошла даже до того, что обвинитель открылъ ему доступъ въ свою семью; однако обвиняемый, дождавшись удобнаго случая, когда товарищъ устраивалъ нападеніе на городъ враговъ, злоупотребилъ этимъ довѣріемъ и обезчестилъ дочь обвинителя; онъ домогался должности полководца, какъ обвинитель полагаетъ, только для того, чтобъ имѣть возможность опозорить семью своего товарища.

На обвиненіе въ совершеніи преступленія противъ государства обвиняемый отвѣтилъ отрицательно: онъ не признаетъ себя винов-

нивъ повидимому обозначаетъ то, что риторы обыкновенно называютъ ἥθος (ἠθικοὶ λόγοι).

¹⁾ Изданіе Вальца изобилуетъ такою массою неточностей текста, что оно едва-ли можетъ найти себѣ соперника въ этомъ отношеніи. Многочисленныя небрежности этого рода дѣлаютъ текстъ раторовъ, представляющій безъ того много затрудненій, еще болѣе неудобопонятнымъ, и читающему приходится на каждомъ шагѣ поправлять отчасти опечатки, отчасти ошибки, вытекающія изъ недобросовѣстнаго отношенія издателя къ своей обязанности. Такъ въ данномъ мѣстѣ лучше предпринять, какъ мы полагаемъ, слѣдующія исправленія текста:

106,	2	вмѣсто ὀρίζομένου	читай	τοῦ ὀρίζομένου
»	14	» κατ'αὐτόν	»	εἰς ταῦτόν (ср. VII, 418, 10: εἰς ταῦτόν ἅπαντα συνίγει; ibid. 421, 6: εἰς ταῦτόν ἄγειν; ibid. 16; 422, 6; ibid. 14, 26 и 28).
107,	4	» κόρη	»	πόλι (чтеніе Париж. рукописи).
»	17	» τις	»	τι
108,	6	» λαβεῖν	»	λαβεῖν
»	26	» ἔνδον	»	δεινόν
109,	2	» μαχόμενον	»	λεγόμενον
»	25	» διατυπώσει	»	διατυπώσεις (constr. ἐπιλόγῃ δ. ἔχοντι).
»	27	» νόσον	»	νόμον
»	28	» καταφφίσηθε	»	ἀποφφίσηθε
110,	7	» μιᾶς	»	μηδεμιᾶς

нымъ въ совершеніи преступленія противъ государства, опираясь на то, что онъ не повредилъ ни городской стѣны, ни гавани или чегонибудь, принадлежащаго городу (въ чемъ и заключается, по его мнѣнію, преступленіе противъ государства), а только, изнасиловавъ дѣвицу, совершилъ преступленіе частнаго характера (2) и готовъ заплатить деньги согласно съ опредѣленіемъ закона. Обвинитель предлагается въ слѣдующемъ опровергнуть это опредѣленіе опредѣленіемъ съ своей стороны (3): „Ты совершилъ величайшее преступленіе противъ государства, такъ какъ обида, нанесенная полководцу, касается всего государства: если какое-нибудь предпріятіе полководца увѣчалось успѣхомъ, то этотъ успѣхъ принадлежитъ городу; точно также, если полководцу нанесено было оскорбленіе, то оно нанесено и городу; нѣтъ же только одной возможности совершить преступленіе противъ государства, такъ чтобы ты, не разрушивъ флота или стѣны городской, не могъ быть подвергнутъ отвѣтственности. Санъ полководца дается государствомъ и составляетъ почетную государственную должность: и такъ если кто-нибудь согрѣшитъ противъ него въ чемъ-нибудь, то онъ провиняется противъ самого государства“¹⁾.

Опредѣленіе свое обвинитель подтвердитъ сверхъ того еще селло-гизмомъ (4), доказывая, что нѣтъ никакой разницы причинить какой-нибудь вредъ государству, и обидѣть дочь полководца: если кто-нибудь потопилъ корабль, то онъ причиняетъ вредъ не только торговому, но и плывущимъ вмѣстѣ съ послѣднимъ, и этотъ одинъ дерзкій поступокъ захватываетъ всѣхъ: такъ и тотъ, кто изнасиловалъ дочь полководца, провинился не только противъ самого полководца, но и противъ всего государства. „Сообразно съ этимъ“, скажетъ обвинитель дальше, „и законодатель не говоритъ: „Если кто-нибудь дѣлаетъ то или другое, то онъ совершаетъ государственное преступленіе“, но, обозначивъ преступленіе вообще, предоставилъ суду рѣшить въ отдѣльныхъ случаяхъ причиненія вреда. Чтò же говорить законъ? „Если кто-нибудь совершилъ преступленіе противъ государства, то онъ отвѣтитъ за это народу“. Ты же провинился противъ важнѣйшаго и перваго члена государства, полководца, который для пользы государства подвергается опасности, и чрезъ котораго оно или одерживаетъ побѣду, или дѣлается подвластнымъ неприятелю“ (5).

Увеличивая значеніе преступленія (6), обвинитель покажетъ, что

¹⁾ Сопатръ говоритъ здѣсь еще о возбужденіи павоса, но эти строки, какъ неотносящіяся исключительно къ опредѣленію, мы опускаемъ.

ужасно нанести оскорбленіе полководцу, что ужасно для семьи подвергнуться такому насилію; люди для того предпринимаютъ войны, чтобъ никто изъ семьи не подвергся оскорбленію со стороны враговъ: а тутъ пришлось у домашняго очага потерпѣть такую обиду. Дальше онъ укажетъ на то, что цѣломудріе считается женщинами величайшимъ сокровищемъ; и такъ, если кто-нибудь лишилъ ихъ дѣвственности, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилъ для нихъ все. Потомъ слѣдуетъ второй способъ увеличенія, посредствомъ сравненія съ тѣмъ, что приводитъ обвиняемый (7). Полководецъ скажетъ, что преступленіе его товарища болѣе тяжко, чѣмъ сожженіе кораблей или разрушеніе городской стѣны: флотъ и городскую стѣну можно опять привести въ прежнее ихъ состояніе; потерянную невинность нельзя больше вернуть и пострадавшая будетъ несчастной на всю жизнь.

Обвиняемый воспользуется для своего извиненія антитезисомъ (8) и скажетъ, что онъ совершилъ преступленіе, увлекшись любовью къ дѣвицѣ (*ἀντίθεσις σοφροφρονική*). Этотъ пунктъ обвинитель опровергнетъ посредствомъ возраженія (*μετάληψις*), слѣдующимъ образомъ: „Ты долженъ былъ склонить отца къ согласію на бракъ съ его дочерью, а не дерзнуть совершить тайкомъ такую обиду“ (9).

Въ заключеніи (10) полководецъ скажетъ, что будетъ его одного довольно для веденія войны, что наказаніе обидчика поощритъ его для удачнаго исполненія общихъ дѣлъ государства; что ужасно, оставить преступленіе безъ наказанія. Потомъ послѣдуетъ живое изображеніе преступленія и указаніе на важное значеніе настоящаго приговора судей: оправданіе обвиняемаго поведетъ за собою потрясеніе всего государственнаго устройства и уваженія къ женской добродѣтели; полководецъ будетъ сравненъ съ каждымъ частнымъ лицомъ и судъ самъ повредитъ своей репутаціи. Если обвинитель не получитъ удовлетворенія, то это окажетъ удручающее вліяніе на него во время войны; съ другой стороны, побѣду надъ домашнимъ врагомъ онъ будетъ считать какъ бы вступленіемъ къ побѣдѣ надъ внѣшними врагами.

Приведенный нами примѣръ рѣшенія стазиса опредѣленія можетъ послужить образчикомъ дѣятельности риторовъ того времени, когда ораторское искусство, силою обстоятельствъ вытѣсненное съ форума, процвѣтало только въ школахъ и составляло предметъ упражненія для юныхъ умовъ. Уже тема, хотя и заимствованная отъ самаго компетентнаго представителя риторической техники, носитъ отпечатокъ невѣроятности. При рѣшеніи ея исчерпаны, правда, всѣ главные

пункты, принятыя Сопатромъ для рѣшенія стазиса опредѣленія, и такимъ образомъ требованія школы удовлетворены; однако самыя вѣскія изъ этихъ пунктовъ, именно тѣ, которые служатъ для аргументаціи, основаны на очевидныхъ софизмахъ. Вопервыхъ, обвинитель не дѣлаетъ никакого различія между полководцемъ какъ должностнымъ лицомъ, и какъ частнымъ человѣкомъ. Только то, что полководецъ совершаетъ при исполненіи своей государственной должности, имѣетъ отношеніе къ государству; прочія же его дѣла, въ томъ числѣ и семейныя, вовсе не касаются государства. И такъ мы видимъ, что опредѣленіе обвинителя является пустою, ничѣмъ немотивированною натяжкой. И слѣдующій затѣмъ силлогизмъ, долженствующій послужить для подкрѣпленія опредѣленія обвинителя, не выдерживаетъ критики. Сопатръ заключаетъ вотъ какъ:

Кто потопляетъ корабль, тотъ причиняетъ вредъ не только коричему, но и всѣмъ, находящимся на кораблѣ.

Полководецъ въ государствѣ есть то же самое, что кормчіи на кораблѣ. Слѣдовательно:

Кто обидѣлъ полководца (напримѣръ, тѣмъ, что изнасиловалъ его дочь), тотъ провинился не только противъ полководца, но и противъ всего государства.

Однако это заключеніе невѣрно; изъ этихъ двухъ посылокъ можно сдѣлать только слѣдующій выводъ: Кто нанесъ вредъ государству, тотъ провинился не только противъ полководца, но и противъ всѣхъ, находящихся въ государствѣ. И дѣйствительно, отъ того, что корабль пошелъ ко дну, весь его экипажъ пострадалъ, но отъ того, что дочь полководца лишена дѣвственности, государственные интересы нисколько не страдаютъ. То же самое надо сказать и относительно увеличенія посредствомъ сравненія: для общественной безопасности гораздо важнѣе цѣлость городской стѣны и флота, чѣмъ сохраненіе невинности одной дѣвицы. И такъ мы видимъ, что Сопатръ употребилъ шаткіе аргументы; ему только удалось представить, на основаніи обстоятельствъ, дѣяніе обвиняемаго болѣе тяжкимъ, но никакъ не государственнымъ преступленіемъ.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду только теорію Гермогена и греческихъ техниковъ, примыкающихъ къ нему; остается еще упомянуть о правилахъ латинскихъ риториковъ, которыхъ можно раздѣлить на двѣ группы: первая будетъ заключать въ себѣ риториковъ до появленія Гермогена, а вторая риториковъ послѣ него.

Къ первой группѣ принадлежитъ трое главныхъ представителей

латинской риторике: Корнифицій, Цицеронъ и Квинтилианъ. Главные пункты, употребляемые для рѣшенія опредѣленія, не обозначены ими такъ мѣтко и отчетливо, какъ это сдѣлалъ Гермогенъ; они еще не исчисляють ихъ подъ техническими названіями, а приводятъ только правила, въ которыхъ мы можемъ узнать нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ. Корнифицій (II, 17) ограничился всего тремя правилами: во-первыхъ, мы изложимъ, согласно съ пользою для нашего дѣла, значеніе названія, которое мы хотимъ приложить къ данному дѣянію; потомъ мы сопоставимъ съ этимъ опредѣленіемъ данное дѣяніе, и наконецъ, опровергнемъ опредѣленіе противника.

Обширнѣе и подробнѣе, чѣмъ Корнифицій, изложилъ рѣшеніе стазиса опредѣленія Цицеронъ въ первомъ періодѣ своей риторической дѣятельности (см. Со II, 53—56). Кромѣ вышеприведенныхъ трехъ правилъ у него можно найти и увеличеніе преступленія ¹⁾, и подкрѣпленіе опредѣленія аналогическими случаями ²⁾. Сверхъ того, онъ упоминаетъ еще о другихъ пунктахъ, о снисканіи снисхожденія и возраженіи противъ него, объ общихъ мѣстахъ, (встрѣчающихся въ общей характеристикѣ), но прибавляетъ, что они свойственны не только этому стазису, но и другимъ; наконецъ онъ говоритъ, что, смотря по обстоятельствамъ, можно употребить въ этомъ стазисѣ и индукцію (ibid. 56 fin.). Однако, въ сочиненіи De Oratore (II, 108 сл.) онъ смѣется надъ риторамъ, которые учатъ, что обѣ стороны должны привести ясное и краткое опредѣленіе спорнаго названія: не точное опредѣленіе, а только всестороннее изложеніе понятія рекомендуется имъ въ этомъ мѣстѣ. Наконецъ Partt. orat. 41 и 124 сл. онъ говоритъ о томъ и другомъ способѣ опредѣленія, а въ послѣднемъ мѣстѣ упоминаетъ между прочимъ и о мысли законодателя (124 fin.), и отступленіи (128 digredi a causa, которое чаще всего рисуетъ прошлую жизнь подсудимаго).

Квинтилианъ, хотя и распространяется черезчуръ обширно при изложеніи рѣшенія этого стазиса (VII, 3, 1—36), все-таки не приводитъ больше, чѣмъ Корнифицій (ср. тамъ же 19 сл.), то-есть, опредѣленіе говорящаго, опроверженіе опредѣленія противника, и при-мѣненіе собственнаго опредѣленія къ данному случаю. Что касается самой дефиниціи, то Квинтилианъ рекомендуетъ средній путь (ibid. 17),

¹⁾ См. 53 fin.: *communi loco confirmare, per quem atrocitas aut indignitas aut omnino culpa cum indignatione augeatur.*

²⁾ Ibid. 55 in.: *res similes, ex quibus adfirmetur nostra descriptio.*

при которомъ не дается строго-логическое опредѣленіе, а только излагается значеніе спорнаго названія; однако онъ допускаетъ, что и тонкое опредѣленіе иногда можетъ имѣть мѣсто (18 fn.).

Изъ риторовъ второй группы особенно выдаются Фортунаціанъ, Сульпицій Викторъ, Юлій Викторъ и Юлій Северіанъ. Послѣдній изъ нихъ (Нп 363) извлекаетъ свои правила, относящіяся къ рѣшенію стазиса опредѣленія, цѣликомъ изъ Со II, 53—56; первые же вообще придерживаются теоріи Гермогена, хотя въ частности есть нѣкоторыя отступленія отъ нея. Рѣшеніе спорнаго вопроса (*διαίρεσις τοῦ ζητήματος*) переведено ими буквально черезъ «*divisio quaestionis*» и греческіе термины *ἄριστος*, *ἀνθορισμός*, *συλλογισμός*, *γνώμη νομοδότης*, *κρηλικότης*, *πρός τι*, *ποιότης*, *γνώμη* и *κοινή ποιότης* соотвѣтствуютъ латинскимъ: *definitio* (*finis*), *contraria definitio*, *collectio*, *voluntas legislatoris*, *quantitas*, *comparatio* (или *maius*), *qualitas*, *voluntatis coniectura* и *qualitas conclusiva* (или *epilogica quaestio*). Первый главный пунктъ Гермогена (*προβολή*) не встрѣчается ни у одного изъ нихъ ¹⁾; точно также они не упоминаютъ объ антитетическомъ главномъ пунктѣ и тѣхъ, которые слѣдуютъ за нимъ; изъ прочихъ же главныхъ пунктовъ ни одинъ изъ риторовъ не исчисляетъ всѣхъ, а съ другой стороны, они сверхъ того приводятъ догадку. Во время полнаго упадка риторической техники этотъ отдѣлъ былъ опускаемъ совсѣмъ: такъ Марціанъ Капелла, Кассіодоръ, Исидоръ и Албинъ ограничились краткимъ объясненіемъ понятія стазиса опредѣленія.

Изложивъ всѣ источники, предназначенные теоріею для рѣшенія стазиса опредѣленія и показавъ примѣненіе ихъ на примѣрѣ, заимствованномъ изъ школьной рутинѣ, мы можемъ теперь приступить къ приложенію этой теоріи къ рѣчи Демосеена противъ Мидія. Мы уже выше указали на то, что теорія начертала только оставъ рѣшенія, и что въ рѣчи могутъ встрѣчаться, сообразно съ данными обстоятельствами, иногда такіе пункты, о которыхъ теорія не говорить, а съ другой стороны, нѣкоторые изъ предназначенныхъ источниковъ могутъ оказаться неприложенными: это вѣдь необходимо при каждомъ индивидуальномъ произведеніи ²⁾. Мы не будемъ предпола-

¹⁾ Если бы они признавали изложеніе дѣла тоже главнымъ пунктомъ, то они назвали бы его *propositio*, ср. Нп 392, 25; 393, 13 и 34 *propositio scripturae προβολή ῥητοῦ*.

²⁾ Ср. Н 165, 23 сл.: *τὴν ὁδὸν ἢ τέχνην δείκνυσσι τῆς διαίρεσεως, τῇ δὲ φύσει τοῦ πράγματος τὴν τέχνην προσακτέον κατὰ τὸ ἐγχεωρόν.*

лать никакого изложенія, по какому поводу и при каких обстоятельствах эта рѣчь была написана, а приступимъ къ риторическому разбору самой рѣчи.

Приступъ посвященъ изложенію перваго фазиса настоящаго процесса: Противъ Мидія была подана Демосееномъ народному собранію жалоба въ томъ, что онъ, нанеши побой оратору, исполнявшему должность хорега въ праздникъ Діониса, и притѣсняявши его во все время его хорегіи, провинился этимъ противъ праздника. Народъ призналъ тогда Мидія, несмотря на хлопоты его самого и его партіи, единогласно виновнымъ ¹⁾. Тогда многіе изъ Аѳинянъ уговаривали оратора довести дѣло до конца и предать Мидія суду. Желаніе ихъ ораторъ исполнилъ, сколько отъ него зависѣло; остальное—дѣло судей, которыхъ онъ проситъ, со вниманіемъ выслушать его рѣчь и доставить защиту не только потерпѣвшему, но и себѣ самимъ, потому что здѣсь дѣло идетъ о защитѣ общества противъ своеволія частныхъ лицъ. Въ заключеніе ораторъ велитъ прочесть два закона, на основаніи которыхъ позволялось подать жалобу народному собранію противъ нарушителей священнаго торжества во время праздника (§§ 1—12).

Этотъ приступъ не составляетъ, правда, никакого главнаго пункта стазиса, но онъ какъ нельзя лучше подготавливаетъ почву для предстоящаго рѣшенія вопроса. Тема рѣчи намѣчена въ общихъ чертахъ уже здѣсь: ораторъ старается придать нанесенной ему обидѣ общественное значеніе (§ 8) и видитъ въ настоящемъ дѣлѣ удобный случай подвергнуть Мидія наказанію и за обиды, нанесенныя имъ прочимъ Аѳинянамъ (§ 7). Мѣтко охарактеризованы оба противника: Мидій уже съ первыхъ словъ обрисованъ какъ человѣкъ дерзкій и нахальный; съ другой стороны, ораторъ рекомендуетъ себя какъ гражданина безкорыстнаго (§ 3), который отказывается отъ личной выгоды только для того, чтобъ лишить Мидія возможности обижать другихъ и такимъ образомъ гарантировать общественную безопасность. То обстоятельство, что народъ уже предварительно осудилъ Мидія, слу-

¹⁾ Жалоба этого рода называлась, какъ извѣстно, *проболѣ*. Осужденіе обвиняемаго считалось только предварительнымъ и народное собраніе не назначало никакого штрафа; пожелалъ ли обвинитель, чтобъ виновный былъ подвергнутъ наказанію, то дѣло должно было еще поступить на разсмотрѣніе обыкновеннаго суда; но обвинителю тоже предоставлялось покончить съ противникомъ полюбовною сдѣлкой. См. Schömann, De Comit. Ath., p. 209 sqq. и 227 sqq.

жить оратору краеугольнымъ камнемъ, на который можетъ опираться его аргументація ¹⁾.

Стъ § 13 начинается первый главный пунктъ стазиса, изложеніе предмета жалобы (проβολή, §§ 13—23) ²⁾. Демосеенъ разказываетъ, какъ онъ за два года до настоящаго процесса, когда у фили Пандіонійской не оказалось хорета, добровольно принялъ на себя обязанности послѣдняго. Однако этимъ онъ навлекъ на себя ярый гнѣвъ Мидія, который и сталъ вредить ему на каждомъ шагу. Ораторъ, не желая останавливаться на такихъ поступкахъ Мидія, которые въ глазахъ судей могли бы показаться недостаточно вѣскими, чтобы послужить поводомъ для судебного преслѣдованія ³⁾, приведетъ только самое важное: Мидій ворвался ночью въ домъ золотыхъ дѣлъ мастера, гдѣ попортилъ праздничную одежду, заказанную Демосеену для себя, и золотые вѣнки, сдѣланные для хора. Дальше онъ подкупилъ учителя хора Демосеена, подкупилъ архонта, который былъ распорядителемъ праздника, натравлялъ прочихъ хореговъ противъ оратора, терроризовалъ и подкупилъ судей, назначенныхъ для оцѣнки хоровъ и присужденія награды, и загородилъ хору Демосеена входъ на сцену. Всѣ эти дѣянія онъ увѣнчалъ тѣмъ, что нанесъ оратору побой и былъ причиною, что фили Пандіонійская не получила на-

¹⁾ И по опредѣленію схоластовъ къ этой рѣчи (въ IX томѣ изданія Дандорфа (Demosthenes ex recens. G. Dindorfi, Oxonii, MDCCCLI), который имъ ради краткости будемъ обозначать буквами Df), въ §§ 1—12 заключается пунктъ (проοίσιον), который распадается на три части: первая изъ нихъ (§§ 1—4) относится больше всего къ самому дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь (πραγματικόν), а вторая (§§ 5—7) имѣетъ цѣлью возбужденіе расположенія судей къ пострадавшему (παθητικόν), см. Df 531, 4; 536, 15 сл., 20; 537, 29. Эти двѣ части разобраны въ схоліяхъ съ тонкостью, доходящей до ригоризма. Третья часть (§§ 8—12) служитъ такъ сказать вступленіемъ или предварительною подготовкою къ самому доказательству, слѣдующему ниже, и поэтому названа прокатασκαυή (Df 538, 13); впрочемъ, этимъ то терминомъ она была обозначена уже Гермогеномъ (περί εὑρέε. Sp. II, 204, 4 и 205, 14). Конецъ § 12 (βούλομαι—φάνησεται), въ которомъ ораторъ намѣтилъ содержаніе непосредственно затѣмъ слѣдующаго изложенія подсуднаго дѣла, приводится риториками подъ техническими терминами прокатάστασις (W IV, 302, примѣч.), или проοίσιον καταστατικόν, ἐπαγγελία (Df 542, 4) или ἔφοδος (Ruf. Sp. I, 465, 13; W II, 546, 3 и VII, 721, 4).

²⁾ Что здѣсь именно начинается разработка стазиса, свидѣтельствуетъ самъ Гермогенъ l. l. 14: οὕτως ἐχώρησεν εἰς τὴν μελέτην τοῦ ὄρου.

³⁾ Ораторъ, не желая обвинять, все-таки обвиняетъ, употребивъ (§ 15) фигуру, названную παράλειψις или ἀποσιώπησις, ср. Sp. II, 431, 5 и 481, 3; *ibid.* II, 23, 17 и 142, 16; Df 545, 16.

грады. Кроме этихъ есть и другія обиды, нанесенныя оратору и мнѣгимъ изъ Афинягъ, которые вслѣдствіе разныхъ причинъ не могли получить удовлетвореніе. За все это требуетъ теперь ораторъ отъ судей наказанія Мидіа, чтобъ доставить законамъ государства удовлетвореніе. Для подтвержденія обвиненія ораторъ уже при изложеніи обвиненій сослался на судей какъ очевидцевъ того, что происходило на глазахъ народа и въ театрѣ (§ 18), и въ концѣ еще велитъ прочесть показаніе золотыхъ дѣлъ мастера (§ 22).

Изложеніе преступныхъ дѣяній Мидіа или „обвинительный актъ“ составленъ съ замѣчательною ловкостью. Въ массѣ преступленій, приписываемыхъ Мидію, мы должны строго различать факты отъ подозрѣній, ничѣмъ недоказанныхъ, но сгруппированныхъ вмѣстѣ съ фактами, чтобъ увеличить виновность Мидіа (ср. Df 543, 3 сл.). Порча одежды и вѣнковъ, напрасная затрата денегъ на иждивеніе хора, и оскорбленіе дѣйствіемъ могли дѣйствительно послужить основаніемъ процесса и Мидій по всей вѣроятности самъ признавалъ себя во всемъ этомъ виновнымъ (§ 25); но обвиненія въ подкупѣ учителя хора, судей и даже самого архонта, являются голословными пререканіями ¹⁾. Ораторъ, правда, ссылается на то, что судьи все это видѣли собственными глазами; однако едва ли можно повѣрить что этотъ всеобщій подкупъ происходилъ такъ публично ²⁾. Кроме того, ораторъ позволяетъ себѣ натяжки: что одежда, заказанная для хорега, считается „священною“ уже въ мастерской, гдѣ она была изготовлена (§ 16), преувеличено; точно также преувеличено, что Мидій натравлялъ прочихъ хореговъ противъ оратора; между хорегами, какъ вѣрно замѣтилъ схолиастъ Df 547, 6, и безъ того всегда существовало соревнованіе. Въ концѣ этой части (§ 23) ораторъ, обобщая

¹⁾ Глаголь διαβάλλειν, употребляемый риторамъ очень часто въ значеніи приводить упреки, ничѣмъ не мотивированные (ср. Df 549, 14; 630, 20), не понять Мейеромъ (M. H. E. Meier), который въ своемъ изданіи этой рѣчи (ср. Df 543, примѣч. 7) переводитъ его черезъ fallere.

²⁾ Новѣйшіе критики, не считая Демосфена способнымъ на такое ухищреніе, усматриваютъ въ концѣ этого отдѣла значительный пропускъ свидѣтельскихъ показаній; мы еще вернемся къ этому вопросу ниже.—Демосфенъ самъ отлично показывалъ въ другомъ мѣстѣ, что значить призывать въ свидѣтели самихъ судей: въ рѣчи противъ Ввота (XL, 53), сказано про послѣдняго слѣдующее: πολὺς γάρ, πολὺς καὶ τολμῆρός ἐστιν ἄνθρωπος, καὶ οὕτω χακοῦργος, ὥστε περὶ ὧν ἂν μὴ ἔχη μίρτορας παρασχεῖσθαι, ταῦτα φήσει ὑμᾶς εἰδέναι, ὃ ἄνδρες δικασταί, ὃ πάντες ποιοῦσιν οἱ μὴδῶν ὑγιᾶς λέγοντες. Съ этими словами и сл. ср. § 18 нашей рѣчи.

кромѣ своихъ обидъ изложить еще преступленія Мидія противъ прочихъ Аоянянъ, собственно не имѣющія къ данному процессу никакого отношенія, опять старается придать настоящему дѣлу общественное значеніе, чтобъ имѣть поводъ требовать суммарнаго наказанія Мидія ¹⁾).

Послѣ изложенія обвиненій, на Мидія внесенныхъ, ораторъ прежде всего отвѣчаетъ на отговорку Мидія (*παράγραφῃ*). По разказамъ, сообщеннымъ Демосеену, Мидій, протестуя противъ формы настоящаго процесса, затѣяннаго противъ него, утверждаетъ, что слѣдовало возбудить противъ него частные процессы (*δίκας ἰδίαις*), именно: за порчу одежды и золотыхъ вѣнковъ и за лишнюю затрату денегъ для хора слѣдовало обвинять его въ причиненіи убытка (*βλάβης*), а за побои, нанесенные оратору, въ оскорбленіи дѣйствіемъ (*ἔβρασε*), но никакъ не преслѣдовать его государственнымъ процессомъ (*δημόσιον κρίνειν* § 25). Ораторъ видитъ въ этой отговоркѣ только общепринятую попытку обвиняемыхъ уклониться отъ судебного преслѣдованія; онъ убѣжденъ, что еслибъ онъ сталъ преслѣдовать Мидія частнымъ процессомъ, послѣдній опять находилъ бы это неправильнымъ и видѣлъ бы въ приписываемыхъ ему дѣяніяхъ преступленія противъ государства ²⁾. Если Демосеенъ, имѣя по закону право возбуждать

¹⁾ Схолиасты тоже называютъ эту часть рѣчи *προβολή* или *κατάστασις*, и ованчиваютъ ее § 22 (Df 542, 8 и 548, 22); мы прибавили къ ней еще § 23, потому что онъ находится въ тѣсной связи съ нею, а слѣдующій главный пунктъ начинается, какъ и схолиа показываютъ (Df 549, 6), только съ § 24. Кроме схолиастовъ и риторовъ часто упоминаютъ объ этой части рѣчи какъ образцовомъ примѣрѣ главнаго пункта *προβολή*, см. Sg W IV, 488, 25 и 498, 7; VII, 408, 13; въ послѣднемъ мѣстѣ неизвѣстнымъ комментаторомъ даже утверждается, что самъ Демосеенъ назвалъ эту часть рѣчи *προβολή*, сказавъ въ § 19: *ἐφ' οὗ αὐτὸν προῦβαλόμην*. Едва ли надо прибавлять, что это — превратное толкованіе, такъ какъ эти слова не обозначаютъ «на основаніи чего я употребилъ противъ него *главный пунктъ* *προβολή*», а «*способъ процесса*, названный *προβολή*». (Впрочемъ объ этомъ объясненіи думалъ тоже Ss W IV, 487, 2 и за нимъ Максимъ Планудъ W V, 300, 25; ихъ мнѣнія придерживается и Фолькманъ 325). Ругъ (Sp. I, 466, 10), назвалъ эту часть просто разказомъ (*διήγησις*). О томъ, что былъ споръ между риторами, назвать ли эту часть рѣчи противъ Мидія *διήγησις*, или *κατάστασις*, или *προβολή*, свидѣтельствуетъ неизвѣстный авторъ (Sp. I, 440, 25); ср. Df 542, 10 сл.

²⁾ Предположеніе Демосеена — только риторическая фраза, но она употреблена очень ловко: выходитъ, что Мидій самъ призналъ бы за своими дѣяніями значеніе государственныхъ преступленій, еслибъ Демосеенъ возбудилъ противъ него частный процессъ; но облылось ли бы это предположеніе, и сталъ ли бы

противъ Мидіа и тотъ и другой процессъ, отказался отъ вознагражденія изъ частнаго дѣла въ пользу государства, то это никакъ не должно послужить ему въ ущербъ (§§ 24—28).

Хотя Демосеенъ возражаетъ противъ отговорки Мидіа, онъ все-таки въ сущности не опровергаетъ ея: онъ только допускаетъ, что онъ дѣйствительно имѣлъ право возбудить и частный процессъ противъ Мидіа, но что онъ самъ имѣлъ законное право преслѣдовать Мидіа за нанесенныя обиды государственными процессомъ, этого онъ не доказываетъ, и требуетъ только отъ противника доказать, что послѣдній не провинился противъ праздника. Изъ этого видно, что предварительное признаніе Мидіа виновнымъ въ томъ, что онъ провинился противъ праздника, служило Демосеену самою важною опорою для поддержки возбужденія государственнаго процесса противъ Мидіа ¹⁾. Къ вопросу о формѣ процесса за оскорбленіе дѣйствіемъ мы вернемся ниже.

Уже изъ отговорки Мидіа явствуетъ, какъ онъ опредѣлялъ обиды, нанесенныя имъ Демосеену; еще яснѣе это высказано въ слѣдующихъ §§, особенно въ § 31, гдѣ рядомъ съ опредѣленіемъ Мидіа (δρος), что было оскорблено только частное лицо (Ἀημοσθένης ὄβριστα), поставлено опредѣленіе оратора (ἀνθορισμός), гласящее, что Демосеенъ былъ оскорбленъ во время праздника не только какъ частное лицо, но и какъ хорегъ, слѣдовательно въ качествѣ представителя Аѳинскаго государства (§§ 29—31) ²⁾.

обвиненный самъ увеличивать свою виновность, это другой вопросъ. Ср. Df 550, 6 сл., гдѣ вмѣсто χορῆ слѣдуетъ читать ὄρφ.

¹⁾ По вѣрному опредѣленію схолиастовъ, съ § 24 начинаются доказательства (ἀγώνες), простирающіяся вмѣстѣ съ тѣмъ, что ниже въ прямое отношеніе къ дѣлу, до § 76 (см. Df 549, 6 и 575, 16). И они видятъ въ §§ 25 — 28 отводъ процесса (δρος παραγραφικός Df 549, 13, ἀντίθεσις, παραγραφικῆ δύναμις ἔχουσα ibid. 21, или ἀντίθεσις μεταληπτικῆ ibid. 28), введеніе къ которому заключается въ § 24 (ibid. 7). Относительно возраженія Демосеена (§ 26) они также вѣрно замѣтили, что здѣсь отводъ Мидіа (тоже μεταληψίς) не опровергается посредствомъ оправданія (ἀντιληψίς), какъ обыкновенно, а что ораторъ отвѣтилъ на него тоже посредствомъ возраженія (μετάληψίς), ср. Df 550, 4: ἐφάνη μεταληπτικῶν μεταληπτικῶς λοβόμενου; см. Df 549, 24; ibid. 28 сл. Апеннъ τεχ. ῥήт. (Sp. I, 369, 10) называетъ этотъ способъ опроверженія λύσις ἐκ τοῦ ἐναντίου καθ' ὑπόθεσιν. Что мы имѣемъ здѣсь главный пунктъ παραγραφικῶν, засвидѣтельствовано еще W IV 785, 8 и 15; VII, 1291, 24; ср. K 230.

²⁾ Разница между признаніемъ дѣяній Мидіа частными или государственными преступленіями громадная: въ первомъ случаѣ все наказаніе обошлось бы уплатою пострадавшему нѣсколькихъ тысячъ драхмъ; во второмъ же Мидіи рисковалъ быть присужденнымъ къ лишенію состоянія, гражданскихъ правъ и даже жизни.

И такъ мы узнали, что Мидій видѣлъ въ своихъ дѣяніяхъ только преступленія противъ частнаго лица, и поэтому полагалъ, что противъ него слѣдовало возбудить частный процессъ. На какомъ основаніи онъ считалъ оратора, исполнявшаго должность хорега, только частнымъ лицомъ, это изъ словъ Демосоена не видно; а между тѣмъ для аргументаціи это имѣетъ самое важное значеніе. Авторъ втораго введенія къ этой рѣчи (р. 512) говоритъ, что Демосоевъ, взявшій на себя хорегію добровольно, не былъ полноправнымъ хорегомъ. Хотя это объясненіе какъ нельзя лучше подходитъ къ понятію стависа опредѣленія, мы все-таки не можемъ принять его, за неимѣніемъ никакихъ положительныхъ данныхъ для его подтвержденія ¹⁾. Болѣе вѣроятнымъ намъ кажется мнѣніе схоластовъ къ этой рѣчи, объясняющихъ опредѣленіе Мидіа тѣмъ, что хорегъ вообще не пользовался тѣмъ авторитетомъ въ государствѣ, какъ архонты, которые были дѣйствительно представителями государства въ полномъ смыслѣ (см. Df 552, 8 и особенно 553, 2); и такъ, Демосоевъ позволилъ себѣ натяжку въ томъ, что онъ ставилъ хорега наравнѣ съ архонтами. Вѣроятность этого мнѣнія подтверждается и слѣдующимъ главнымъ пунктомъ ²⁾.

Опредѣленіе свое ораторъ подкрѣпляетъ посредствомъ слѣдующаго силогизма:

Для Демосоена, конечно, было важнѣе подвергнуть своего заклятаго врага этому жестокому наказанію, и поэтому онъ, отказавшись отъ денегъ, преслѣдуетъ его государственными процессомъ.

¹⁾ Только одно мѣсто въ схолияхъ (Df 547, 24) могло бы послужить подтвержденіемъ этого объясненія; однако и оно происходитъ изъ того же источника, какъ вышеприведенная замѣтка, остроумно придуманная завимъ-вибуръ риторомъ.

²⁾ Оба вышеприведенные главные пункта совершенно правильно были опредѣлены схолистами, см. Df 551, 2 и 552, 25 сл. Что касается до комментаторовъ Гермогена, то они не имѣли объ этой части данной рѣчи яснаго понятія. У оратора нѣтъ опредѣленія, которое показывало бы, что подразумевается подъ частнымъ, и что подъ государственнымъ преступленіемъ вообще; имъ приводится только опредѣленіе данного случая. Такой способъ изложенія не отвѣчалъ школьной рутинѣ раторовъ, и поэтому они сочли болѣе удобнымъ придерживаться, при изложеніи этого отдѣла рѣшенія даннаго стависа, собственныхъ примѣровъ. Сопатръ и съ нимъ неизвѣстный риторъ видятъ *δρος* и *ἀνδρισμός* въ той части рѣчи, которую мы выше правильнѣе приняли за отводъ процесса (W IV, 500, 4 сл.; VII, 417, 8); первый риторъ даже говоритъ (498, 10), что Демосоевъ здѣсь далъ общее опредѣленіе государственнаго преступленія (*τι τὸ πᾶσι ἀδικήσαι καθίστηται*)!

Кто наноситъ оскорбленіе тесмотету, архонту или вообще какому-нибудь должностному лицу, тотъ провиняется противъ государства и подвергается болѣе тяжкому наказанію, чѣмъ еслибъ онъ обидѣлъ частное лицо.

Мидій нанесъ оскорбленіе оратору какъ хорегу въ праздникъ Діониса.

Слѣдовательно: онъ долженъ быть наказанъ за государственное преступленіе.

Необходимость этого наказанія доказывается сверхъ того существованіемъ закона, касающагося преступленій, совершенныхъ во время праздника (§§ 32—35¹⁾.

При вышеприведенномъ силлогизмѣ ораторъ самъ составилъ болѣешую послыку индуктивнымъ путемъ; тѣмъ же путемъ попытается Мидій, какъ кто-то оратору сообщилъ, поколебать ее, и такимъ образомъ поддержать свое опредѣленіе и разрушить все зданіе силлогизма Демосеена. Съ этою цѣлью онъ собираетъ случаи, показывающіе, что многіе изъ нанесшихъ должностнымъ лицамъ оскорбленіе не подверглись наказанію, какъ на примѣръ, какой-то Полизелъ, прибывшій въ засѣданіи суда предсѣдателя, и другой, отколотившій ночью, при какомъ-то любовномъ приключеніи, тесмотета. Ораторъ, указавъ прежде всего, что Аѳиняне, оставляя такіа преступленія безъ наказанія, этимъ только поощряютъ другихъ къ совершенію преступленій въ ущербъ государства, разбираетъ эти два примѣра и пока-

¹⁾ Кроме схоластовъ, констатировавшихъ въ этомъ мѣстѣ рѣчи Демосеена силлогизмъ (Df 553, 3 сл.), и риторъ Аписиѣ упоминаетъ о немъ (Sp. I, 377, 20), но только не подъ названіемъ συλλογισμός, а ἐνθύμημα ἐπὶ παρακρίμενου. Это въ сущности не составляетъ никакой разницы, потому что ἐνθύμημα считается риториками тоже силлогизмомъ, см. Аристот. Рит. I, 2 (Sp. I, 9, 16): καὶ δ' ἐνθύμημα ῥητορικὸν συλλογισμὸν.

До сихъ поръ мы вездѣ соглашались съ опредѣленіемъ главныхъ пунктовъ, даннымъ схоластиками; здѣсь, при замѣткѣ къ §§ 34 мед. — 35, мы вынуждены первый разъ сдѣлать отъ нихъ отступленіе. Ораторъ, окончивъ силлогизмъ, упоминаетъ еще о законѣ, приведенномъ имъ уже выше (§ 10), противъ котораго Мидій провинился; цѣль приведенія этого закона — подрѣзнить имъ выводъ силлогизма. Однако схоласты преувеличили значеніе его, и видятъ въ этихъ строкахъ главный пунктъ стазиса, мысль законодателя (Df 554, 9 сл.; ibid., 18 и 22); ораторъ здѣсь даже ни однимъ словомъ не упоминаетъ о законодателѣ, а внушаетъ только судьямъ, что они должны руководиться существующими законами. Это ничто иное, какъ удобное заключеніе данной части (ἐπιλογικὸν κερφάλαιον); мысль законодателя мы встрѣтимъ ниже.

зываетъ громадную разницу между ними и настоящимъ случаемъ: тамъ нанесшіе оскорбленіе заслужили снисхожденіе, одинъ вслѣдствіе нетрезваго состоянія, любви и незнанія, а другой вслѣдствіе всмыслчивости; ни того, ни другаго не можетъ Мидій привести для своего извиненія. Тамъ потерпѣвшія оскорбленіе должностныя лица, получивъ денежное вознагражденіе, отказались отъ судебного преслѣдованія виновныхъ; Демосеенъ же ничего не получалъ и не думаетъ получить, а желаетъ только доставить удовлетвореніе государственнымъ интересамъ (§§ 36—41).

Хотя Демосеенъ сильно возражалъ противъ примѣровъ, приведенныхъ Мидіемъ, ему все-таки не удалось опровергнуть ихъ значеніе; особенно случай съ Полизеломъ, дѣло котораго даже не поступило въ судъ (§ 39), ясно показываетъ, что оскорбленіе государственнаго лица вовсе не имѣло неперемѣннымъ послѣдствіемъ государственный процессъ. При этомъ нельзя не обратить вниманія на слѣдующую уловку Демосеена: Мидій намѣревался сослаться на выше-приведенные примѣры только для того, чтобы показать неправильность опредѣленія Демосеена, считавшаго нанесенную ему обиду государственнымъ преступленіемъ; между тѣмъ Демосеенъ повернулъ дѣло такъ, какъ-будто Мидій хотѣлъ, на основаніи этихъ примѣровъ, снискать снисхожденіе (ср. § 36 *ib.*); и такъ, въ дѣйствительности Мидій вовсе не признаетъ себя виновнымъ, а по словамъ оратора онъ, сознавая свою виновность, хлопочетъ о снисхожденіи¹⁾.

Въ § 41 ораторъ показалъ, что Мидій не можетъ, какъ Полизелъ, извиняться порывомъ гнѣва или моментальнымъ увлеченіемъ, такъ какъ онъ обижаетъ оратора постоянно уже съ давнихъ поръ, но что онъ нанесъ оратору оскорбленіе съ прежде обдуманымъ намѣреніемъ. Послѣднія слова служатъ переходомъ къ слѣдующей части, въ которой ораторъ, на основаніи законовъ, относящихся къ

¹⁾ Ср. Df 555, 12 сл. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить разныя опредѣленія схолиастовъ и риторовъ, которые упоминаютъ объ этой части нашей рѣчи: въ дѣйствительности это только примѣры, приведенные Мидіемъ для подтвержденія его опредѣленія (*брос*), и ихъ опроверженіе тѣмъ, что показано на разницу между ними и даннымъ случаемъ (*λόγος παραδειγματικῶν ἢ διαφορᾶς* Sp. I, 375, 21; W IV, 529, 23 сл.), а по изложенію Демосеена мы имѣемъ здѣсь возраженіе на основаніи примѣровъ, имѣющее цѣлью снисканіе снисхожденія (*ἀντίθεσις συγγνωμοτική*) и опроверженіе его со стороны оратора (*λόγος*), ср. Df 555, 12 и 30; 556, 4). Асинъ (Sp. I, 360, 4 сл.) называлъ это возраженіе Мидія просто *ἀντίθεσις ἀπὸ παραδειγματικῶν*.

наказаніямъ за причиненіе убытка, убійство, неуплату судомъ назначенной пени и отчужденіе чего-нибудь силою, излагаетъ, что законы гораздо строже наказываютъ преступленіе, совершенное съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ и своевольно, чѣмъ проступки, сдѣланные нечаянно и невольно. Изъ этой строгости и того обстоятельства, что въ такихъ случаяхъ съ виновнаго взыскивается сверхъ наказанія за его преступленіе, еще штрафъ въ пользу казны, проглядываетъ мысль законодателя (γνώμη τοῦ νομοθέτου), усматривающаго во всемъ, что совершается насильственно, преступленіе противъ общества. Вслѣдствіе этого законъ, касающійся нанесенія оскорбленія дѣйствіемъ (νόμος ὄβρων), позволяетъ каждому желающему, хотя и постороннему, начать противъ обидчика государственный процессъ (γραφή ὄβρων), при которомъ штрафъ идетъ весь въ пользу государства, а потерпѣвшій долженъ довольствоваться только нравственнымъ удовлетвореніемъ. Этимъ закономъ, который ораторъ велитъ прочесть, даже рабъ защищенъ противъ оскорбленія дѣйствіемъ (§§ 42—50) ¹⁾.

При изложеніи мысли законодателя сдѣлана Демосееномъ подтасовка при законѣ о нанесеніи оскорбленія, какъ вѣрно замѣчено уже схолиастомъ Df 559, 8 и авторомъ втораго изложенія содержанія этой рѣчи (р. 513). Слово ὄβρος обозначало или обезпеченіе позорнымъ дѣйствіемъ (αἰσχρὰ συμβουσία), или оскорбленіе нанесеніемъ ударовъ; послѣдній случай считался преступленіемъ частнаго характера, а значеніе преступления противъ общества придавалось только обезпеченію когонибудь. Законъ, приведенный Демосееномъ, относится только къ первому случаю, и ораторъ совершилъ при его примѣненіи въ данномъ случаю злоупотребленіе ²⁾. Что Демосеенъ былъ способенъ

¹⁾ Риторическое значеніе этихъ §§ не вѣрно опредѣлено схолиастами; они видятъ въ нихъ опять снисхожденіе со стороны Мидія (ἐτέρᾳ συγγνωμικῇ ἀντιθέσει) и возраженіе оратора противъ него (λόγος), см. Df 556 (18, 21 и 26; 557, 1 сл., 18; 560, 31 сл.). По ихъ мнѣнію ораторъ доказываетъ, что Мидій не заслужилъ снисхожденія, такъ какъ онъ совершилъ преступленіе съ прежде обдуманнѣмъ намѣреніемъ. Однако эта мысль составляетъ только переходъ, а сущность слѣдующихъ затѣмъ §§ заключается въ разсмотрѣніи законовъ, на основаніи которыхъ ораторъ заключаетъ о мысли законодателя. Уже начало (§ 42 τοῦ νόμου ἡδὲ σκοπεῖν δεῖ) показываетъ, какой главный пунктъ слѣдуетъ; сама же мысль законодателя ясно высказана въ § 45 in.: πάντα, βασιλεὺς βασιλευμενός πρῶτος, κοινὰ ἀδικήματα καὶ κατὰ τῶν ἕξω τοῦ πράγματος ὄντων ἤγειτο νομοθέτης. Удачливѣе, чѣмъ схолиастами, опредѣлена эта часть рѣчи комментаторами Гермогена, см. W IV, 524, 8 и VII, 427, 25.

²⁾ Яснымъ доказательствомъ того, что вышеприведенный законъ относится

на продѣлку этого рода, показываетъ другой примѣръ, толкованіе словъ ἀφώμιος ἔστω въ рѣчи противъ Аристократа (XXIII, 90 сл.)¹⁾.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ ораторъ приступаетъ къ увеличенію значенія преступленія (αἰθέτης), совершеннаго Мидіемъ, говоря слѣдующее: „Еслибъ я потерпѣлъ обиду не какъ хорегъ, то въ такомъ случаѣ дѣяніе Мидія было бы только оскорбленіе дѣйствиємъ: теперь же можно его справедливо назвать даже нечестіемъ (ἀσεβεία)“²⁾. Въ доказательство своего положенія ораторъ велитъ прочесть изреченія оракуловъ Дельфійскаго и Додонскаго, данныя Аенніанамъ, при которыхъ онъ обращаетъ вниманіе на то, что хоры поставляются и вѣня надѣваются по особому приказанію боговъ. И такъ, кто наноситъ оскорбленіе кому нибудь изъ участвующихъ въ хорѣ или хореговъ, и при томъ во время представленія и въ святинѣ бога, тотъ поступаетъ безбожно (§§ 51—55).

Въ этихъ §§ заключается главный пунктъ πρὸς τὴν, увеличеніе преступленія посредствомъ сравненія его съ тѣмъ, чего, по мнѣнію противной стороны, не достааетъ для того, чтобъ преступленіе вполне отвѣчало прилагаемому къ нему обвинителемъ названію. Изъ дефиниціи Мидія (βροτός) и силлогизма оратора мы выше заключили, что, по мнѣнію Мидія, оскорбленіе Демосоена какъ хорегъ нельзя считать преступленіемъ противъ государства, потому что хорегъ нельзя считать представителемъ государства. Ораторъ доказываетъ посредствомъ этого главнаго пункта, что преступленіе, какъ оно въ

къ обезчещенію позорнымъ дѣйствиємъ, служить рѣчь Эскина противъ Тимарха, §§ 15—17, гдѣ онъ приведенъ въ настоящемъ его значеніи. Что же касается самого текста закона, находящагося въ той и другой рѣчи, то текстъ закона въ рѣчи противъ Мидія имѣетъ гораздо больше данныхъ, говорящихъ за его подлинность, чѣмъ текстъ рѣчи противъ Эскина: послѣдній повидимому подложный, потому что слово τῶν δούλων, которое тамъ должно стоять (ср. ibid. § 17), въ текстѣ отсутствуетъ; и начало закона не согласно совсѣмъ со словами оратора (§ 15). За то νόμος βροτός, находящійся въ нашей рѣчи (§ 47), гораздо больше соглашается съ тѣмъ, что приведено въ самой рѣчи Эскина, и поэтому весьма правдоподобно, что онъ подлинный. За его подлинность высказались Фѣмель, К. Ф. Германъ (ср. Df VI, 776), и другіе.

¹⁾ Предложеніе Аристократа въ пользу Харидема было сформулировано слѣдующимъ образомъ: ἐάν τις ἀποκτείνῃ Харιδῆμον, ἀφώμιος ἔστω. Авторъ его подразумѣвалъ при послѣднихъ словахъ: ἐπί κρίσει, то есть пусть будетъ убійца отведенъ въ судъ, а Демосоевъ: ἐπί θανάτῳ, то есть пусть будетъ безъ суда, прямо отведенъ на смерть. Ср. W IV, 274, 3 и над. второй рѣчи Э. В. Вебера, стр. 168 сл. и 313.

данномъ случаѣ было совершено, еще болѣе тяжко, чѣмъ въ томъ случаѣ, о которомъ говоритъ Мидій ¹⁾).

Мы уже выше, при изложеніи обвиненія (§ 16), видѣли усердіе Демосѳена выставить нанесенное ему оскорбленіе не только государственнымъ, но и религиознымъ преступленіемъ. Однако, и на это слѣдуетъ смотрѣть какъ на риторическую натяжку. Празднества, устраиваемыя въ честь Діониса, уже давно потеряли свое первоначальное значеніе религиозныхъ обрядовъ, и служили только для развлечения народа. Діонисъ самъ подвергался въ аттической комедіи грубѣйшимъ насмѣшкамъ, какъ напримѣръ, въ Лигушеахъ Аристофана, при представленіи его путешествія въ преисподнюю.

Увеличивъ такимъ образомъ значеніе преступленія въ отношеніи къ тому, что было Мидіемъ приведено противъ него, ораторъ увеличиваетъ въ слѣдующихъ §§ значеніе преступленія самого по себѣ (πῆλοότης), показывая, что оно небывалое, тяжкое, несправедливое и вредное своими послѣдствіями. Въ пяти примѣрахъ, относящихся тоже къ хорегіи, ораторъ выставляетъ на видъ, что хотя и существовало гораздо больше поводовъ къ совершенію подобнаго нарушенія праздника, все-таки никто не смѣлъ дерзнуть и не дерзнулъ на это преступленіе. На первомъ мѣстѣ ораторъ излагаетъ, что хотя законъ воспрещалъ иностранцу принимать личное участіе въ хорѣ, все-таки никакому хорегу не позволялось во время представленія ни донести на участвовавшего, ни отослать его на мѣста, назначенныя для зрителей, не хотѣлъ ли подвергнуться штрафу въ первомъ случаѣ въ пятьдесятъ, а во второмъ въ тысячу драхмъ (§§ 56—57). Изъ слѣдующихъ двухъ именныхъ примѣровъ видно, что никто изъ антихореговъ не осмѣлился наложить руку даже на лицо, лишенныхъ всѣхъ гражданскихъ правъ вслѣдствіе судебного приговора. Санніонъ, занимавшійся обученіемъ хоровъ въ трагедіи, былъ уличенъ въ уклоненіи отъ военной службы. Послѣ этого его все-таки нанялъ какой-то страстный хорегъ Θεозотидъ. Прочіе хорегі сначала угрожали, что они этому воспрепятствуютъ; но когда театръ наполнился, никто изъ

¹⁾ Вѣрное обозначеніе этой части рѣчи было дано Sr W IV, 481, 14 и Anonut. W. VII, 405, 5 (гдѣ стр. 7 вмѣсто ἀδίκημα слѣдуетъ читать ἀσέβεια). Схоласти тоже правильно опредѣлили данное мѣсто Df 561, 4, 12 и особенно 16, но они прибавили къ этому главному пункту еще слѣдующіе §§, въ чемъ мы съ ними расходимся. Все сюда относящееся будетъ нами подробнѣе изложено ниже.

нихъ не дерзнулъ протестовать, и Санніонъ все еще продолжаетъ обучать хоры. Точно также никто не осмѣлился удалить со сцены предводителя хора Аристиды, тоже осужденнаго вслѣдствіе подобнаго преступленія. Однакожь, въ томъ и другомъ случаѣ было бы устраненіе обоихъ для прочихъ хореговъ очень выгодно (§§ 58—61). Слѣдующіе за тѣмъ примѣры служатъ доказательствомъ, что граждане, пользовавшіеся вліяніемъ вслѣдствіе своей славы и богатства, никогда не позволяли себѣ наносить оскорбленіе хорегамъ, находившимся во враждебныхъ отношеніяхъ къ нимъ. Такъ, полководецъ Ификратъ никакъ не обидѣлъ своего заклятаго врага Діокла, въ бытность его хорегомъ, хотя тогда братъ Ификрата, Тисій, выступилъ соперникомъ Діокла. Точно также отнесся и полководецъ Хабрій къ хорегу Филострату, который раньше былъ его обвинителемъ въ оропейскомъ дѣлѣ (§§ 62—64). Въ заключеніе этой части еще обрисовывается преступленіе Мидіи живыми красками и развивается положеніе, что оно невиданное, неслыханное, отнимающее у гражданъ охоту добровольно принимать на себя хорегин. Мидій могъ, если желалъ оратора лишить награды, сдѣлать это законнымъ путемъ, то-есть самъ выступить антихорегомъ своей филы и перешеголять Демосеена; но и тогда нельзя было бы оскорблять оратора дѣйствіемъ (§§ 65—69).

Ораторъ предвидѣлъ, что противъ его увеличенія значенія преступленія можно будетъ возразить, что онъ преувеличиваетъ, такъ какъ въ сущности никакое несчаствіе не случилось (ср. § 71 *id.*). Чтобъ опровергнуть это возраженіе, онъ показываетъ на основаніи двухъ примѣровъ, что такіа дѣянія имѣли весьма печальныя послѣдствія, и если въ данномъ случаѣ ничего подобнаго не произошло, то это должно приписывать только умѣренности оратора, но никакъ не слѣдуетъ на основаніи этого обстоятельства уменьшать преступность дѣянія Мидіи. Кромѣ того ораторъ и здѣсь продолжаетъ увеличивать значеніе нанесенной ему обиды ¹⁾.

Первымъ примѣромъ служитъ приключеніе на островѣ Самосѣ, гдѣ борецъ Эвоннъ въ частномъ кружкѣ убилъ борца Софила вслѣдствіе того, что послѣдній нанесъ ему удары съ цѣлью оскорбить его. Точно также и Эвоннъ убилъ на пиру Баота только изъ-за одного удара. На послѣднемъ примѣрѣ ораторъ останавливается, показывая, что при

¹⁾ Какъ классическое мѣсто увеличенія преступленія на основаніи обстоятельствъ приводится древними особенно часто § 72; ср. примѣчанія, собранныя Диндорфомъ въ его Оксф. изд. Демосеена т. VI, стр. 790.

его оскорбленіи было гораздо больше побужденій къ подобной расправѣ; если онъ все-таки не поддался ихъ вліянію, то это никакъ не должно служить основой для защиты противника (§§ 70—76) ¹⁾.

Нельзя не обратить здѣсь вниманія на странный поворотъ, который дается ораторомъ тому обстоятельству, что не случилось ничего ужасающаго: мы ожидаемъ, что побой, нанесенные Демосфену, не имѣли для него никакого послѣдствія (напримѣръ, увѣчья, ссадинъ, ср. Df 571, 4); между тѣмъ ораторъ объ этомъ умалчиваетъ, а представляетъ на видъ только то, что онъ не увлекся и не убилъ Мидія. Однако, не смотря на то, что въ дѣйствительности удары не имѣли никакого послѣдствія для оратора, онъ все-таки требуетъ, чтобъ Мидій былъ подвергнутъ смертной казни (§ 70 in.) за то, что могло случиться.

Здѣсь собственно оканчивается дѣло: все, что составляетъ сущность настоящаго процесса и относится непосредственно къ спорному вопросу, подлежащему разсмотрѣнію судей, исчерпано ораторомъ, и онъ переходитъ теперь, послѣ краткаго введенія, къ начертанію характеристики Мидія, ποῖότης (§§ 77—135), основанной на цѣломъ рядѣ обидъ, нанесенныхъ Мидіемъ прежде всего оратору. Послѣдній уви-

¹⁾ И такъ, мы раздѣлили всю часть рѣчи, заключающую въ себѣ увеличеніе, слѣдующимъ образомъ: §§ 51—55 πρὸς τι; §§ 56—76 πηλικότης, который пунктъ распадается на двѣ части: а) §§ 56—69 изложеніе значенія преступленія и б) §§ 70—76 опроверженіе возраженія противъ него. Что именно въ этомъ порядкѣ слѣдуютъ здѣсь эти два главные пункта одинъ за другимъ, свидѣлствуютъ, кромѣ схолий (Df 570, 19), и Sg W VIII, 85, 5 сл. По опредѣленію схолиастовъ первый главный пунктъ обнимаетъ собою §§ 51—69 (Df 561, 4 и 12; 562, 10 и 29; 563, 1 и 3; 566, 9 и 11; 569, 22), а второй §§ 70—76 (570, 4; 575, 10); при этомъ они совсѣмъ вѣрно замѣтили, что онъ приведенъ ἐξ ἀντιθέσεω (570, 21). Однако среднюю часть увеличенія (§§ 56—69) вѣрнѣе будетъ присоединить къ второму главному пункту, πηλικότης: нельзя вѣдь сказать, что данное преступленіе болѣе тяжко, чѣмъ случаи, о которыхъ ораторъ упоминаетъ, потому что тамъ никакое преступленіе не было совершено, и слѣловательно, и сравнивать не съ чѣмъ. Опредѣленія комментаторовъ Гермогена очень обивчивы: начало перваго главнаго пункта (§ 51) приводится ими то подъ терминомъ πρὸς τι (см. выше), то подъ терминомъ πηλικότης (Sg и M W IV, 522, 27 и 524, 10 и 16; Anonum. W VII, 431, 8 и 433 26); въ примѣрѣ § 71 fin. они опять усматриваютъ главный пунктъ πρὸς τι (Ss W IV, 525, 4 сл.; Sg и M W IV, 529, 5); въ другомъ мѣстѣ они опять констатируютъ отсутствіе гл. п. πρὸς τι въ вашей рѣчи (Sg и M W IV, 530, 21 и 26); наконецъ, тѣ же комментаторы приводятъ и примѣръ изъ § 36 какъ образецъ гл. п. πρὸς τι (ibid. 529, 28). Эти противорѣчія объясняются тѣмъ, что эти объясненія заимствованы безъ всякой критики изъ разныхъ источниковъ.

далъ его первый разъ за нѣсколько дней до своего процесса съ опекунами. Мидій ворвался со своимъ братомъ Эрасилохомъ въ домъ оратора, и Эрасилохъ предложилъ послѣднему или принятіе на себя триэархіи, или обмѣнъ имущества. Все это затѣялъ самъ Мидій. Тогда же они, не ожидая окончательнаго рѣшенія оратора на счетъ ихъ предложенія, стали распоряжаться его имуществомъ и выломали двери комнату; передъ сестрою Демосеена, молодою дѣвицею, они провозносили мерзкія рѣчи и осыпали мать Демосеена и его самого бучей ругательствъ. Отъ веденія процесса съ опекунами они совсѣмъ отказались, считая себя владѣльцами имущества оратора ¹⁾. Демосеенъ надѣявшись, что онъ получитъ отъ опекуновъ все свое наследство, предпочелъ дать Мидію съ братомъ его двадцать минъ, за какую цѣну они отдали триэархію съ подряда. Потомъ ораторъ подалъ на Мидіа жалобу за злословіе; Мидій, не явившись, былъ осужденъ заочно; но онъ пропустилъ срокъ платежа штрафа; хотя оратору тогда позволилось вложить руку на имущество Мидіа, онъ все-таки предпочелъ начать противъ него процессъ за неисполненіе судебного приговора, который, хотя и назначенъ, до сихъ поръ не состоялся, благодаря интригамъ и уверткамъ Мидіа. (Показаніе свидѣтелей). (§§ 77—82).

Въ связи съ изложеніемъ притѣсненій оратора находится слѣдующій эпизодъ, рисующій остервененіе и коварство, съ которыми Мидій отомстилъ мировому посреднику Стратону, осудившему его заочно (§§ 83—94). Въ тотъ же день, когда уже поздно состоялось рѣшеніе посредника, Мидій пришелъ вечеромъ къ зданію архонтовъ и засталъ послѣднихъ и Стратона уходящими. Безуспѣшно попытавшись купомъ заставить ихъ отмѣнить рѣшеніе, онъ затѣялъ противъ Стратона слѣдующую уловку: подавъ жалобу на его рѣшеніе, онъ не скрѣпилъ клятвою, что доведетъ процессъ до конца; вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства Стратонъ, не придавая его жалобѣ никакого значенія, совсѣмъ забылъ о ней. Это именно было нужно Мидію: дождавшись послѣдняго дня отчетнаго срока посредниковъ, когда обыкновенно уже немногіе изъ нихъ являются, онъ хотя и не исполнилъ формальныхъ требованій при своей жалобѣ, обвинилъ Стратона заочно и добился лишенія его гражданскихъ правъ ²⁾. Распространяясь о

¹⁾ Этой части Демосеенъ не подтверждаетъ свидѣтельскими показаніями, сославшись только на то, что многіе изъ судей вѣроятно еще помнятъ объ этомъ (ср. § 80).

²⁾ Однако, что осужденіе Стратона съ формальной стороны было правильно,

жестокости Мидія, ораторъ показываетъ, какъ Мидій долженъ быть наказанъ за свое нахальство, который сдѣлалъ Стратона несчастнымъ за его заочное рѣшеніе, влекущее за собою наказаніе только въ тысячу драхмъ, изъ которыхъ Мидій до сихъ поръ ничего не заплатилъ. (Показаніе свидѣтелей и законъ о посредникахъ). Чтобы еще больше подѣйствовать на судей и уже впередъ устранить ихъ состраданіе къ Мидію, ораторъ велитъ представить предъ судей самого Стратона. Какъ Мидій не пожалѣлъ ни его, ни дѣтей его, такъ и судьи должны теперь отнестись къ Мидію (§§ 95—101).

Все вышеприведенное относится ко времени до хорегиі оратора; въ слѣдующемъ отдѣлѣ излагается, какъ жестоко Мидій преслѣдовалъ Демосеена впослѣдствіи (§§ 102—115). Послѣ краткаго введенія ораторъ разказываетъ, какъ Мидій нанялъ Эвктемона, который подалъ противъ Демосеена жалобу въ уклоненіи отъ военной службы, но самъ, отказавшись отъ этого процесса, засвидѣтельствовалъ его неосновательность. Второе нападеніе на оратора гораздо хуже перваго: когда Аристархъ обвинялся въ убійствѣ Никодема, Мидій сталъ сначала распространять слухи, что Демосеенъ совершилъ это убійство; но когда никто не хотѣлъ этому повѣрить, Мидій, отправившись къ родственникамъ убитаго Никодема, предлагалъ имъ деньги, если они стануть обвинять въ этомъ убійствѣ оратора. Кромѣ свидѣтельскихъ показаній Демосеенъ велитъ прочесть еще законъ, опредѣляющій наказаніе за подкупъ, и пользуется промежуткомъ, пока секретарь дѣлаетъ приготовленіе, для того, чтобы показать значеніе вышеприведенныхъ обвиненій; сверхъ того онъ разказываетъ, какъ Мидій считалъ его виновникомъ того, что случилось на островѣ Эвбеѣ въ ущербъ для Аеянъ, хотя все это было дѣломъ друга Мидія, эретрійскаго тиранна Плутарха, и дальше, какъ Мидій подалъ на оратора жалобу, когда послѣдній подвергся испытанію, будучи избранъ въ члены совѣта. Наконецъ, онъ сѣтуетъ на привилегіи богачей въ ущербъ бѣднякамъ. Послѣ прочтенія закона о подкупѣ ораторъ доказываетъ, что Мидій на дѣлѣ вовсе не считалъ его виновнымъ въ убійствѣ, потому что онъ не возсталъ противъ участія его въ разныхъ священнодѣйствіяхъ.

такъ какъ онъ не имѣлъ никакого права не являться, пока срокъ отчета не кончился, и что для этого не надо было никакого особаго позыва, видѣлъ уже Вестерманнъ (*Berichte d. Leipz. Academie*, I, стр. 455; ср. A. Schäfer, *Dem. u. s. Zeit*, II, стр. 87, примѣч. 3).

При этомъ дѣлѣ обнаружались подлость и вѣроломство Мидія къ другу его Аристарху (§§ 116—122). Когда попытки Мидія, обвинить Демосоена въ этомъ убійствѣ, не увѣнчались успѣхомъ, онъ сталъ открыто дѣйствовать противъ Аристарха, друга Демосоена. Въ собраніи совѣта онъ прямо назвалъ Аристарха убійцею, хотя наканунѣ былъ у него въ гостяхъ; на второй же день послѣ засѣданія совѣта онъ опять зашелъ къ Аристарху, и поклонялся, призывая гибель на себя, что онъ въ совѣтѣ ничего дурнаго противъ него не говорилъ. (Показаніе свидѣтелей).

Въ слѣдующихъ §§ (123—127), составляющихъ заключеніе изложенія обидъ, нанесенныхъ оратору, послѣдній старается придать этимъ обидамъ общественное значеніе. Примѣрное наказаніе обидчика, который, вмѣсто того, чтобы дать удовлетвореніе согласно съ законами, злоупотребляя своимъ богатствомъ, еще хуже преслѣдуетъ потерпѣвшаго, доставить защиту бѣднѣйшимъ гражданамъ. Не только одинъ ораторъ, а все общество было обижено всѣми этими дѣяніями Мидія, которія ораторъ резюмируетъ. Сообразно съ значеніемъ этихъ преступленій слѣдуетъ и назначить наказаніе.

Этимъ закончилось изложеніе преступныхъ дѣяній Мидія противъ оратора и противъ лицъ, пострадавшихъ изъ-за оратора; осталась еще масса преступленій Мидія противъ прочихъ Аѳинянъ, реестръ которыхъ Демосоевъ судьямъ читаетъ (§§ 128—130). Подъ конецъ онъ приводитъ еще одно преступленіе Мидія противъ цѣлаго класса гражданъ: Мидій отозвался публично о всадникахъ, отправившихся вмѣстѣ съ нимъ на Эвбею, что они вышли на срамъ для Аѳинъ. Ораторъ показываетъ, что это слѣдуетъ сказать про Мидія, и издѣвается надъ его изнѣженностью, обнаруженной при этой экспедиціи (§§ 131—135).

Если окинуть взглядомъ характеристику, начертанную Демосоевомъ, то мы должны сознаться, что онъ рѣшилъ свою задачу мастерски, собравъ такое громадное количество всякаго рода преступныхъ дѣяній, которыя дѣйствительно рисуютъ его противника подлѣйшимъ негодяемъ, опаснымъ для каждаго гражданина, имѣющимъ несчастіе съ нимъ имѣть дѣло. Насколько всѣ эти факты вѣрны, и насколько они изложены въ субъективномъ, предумышленно искаженномъ видѣ, рѣшить трудно, такъ какъ мы имѣемъ мало данныхъ для ихъ проверки. Съ другой стороны, ораторъ ловко пользуется случаемъ, очистить себя отъ разныхъ обвиненій и возбудить къ Стратону, давшему рѣшеніе въ его пользу, и Аристарху, принадлежав-

шему къ одной политической партіи съ ораторомъ, общее состраданіе ¹⁾).

Мидій, не будучи въ состояніи привести никакое обстоятельство для смягченія своей виновности, прибѣгнетъ къ другимъ, ботѣ внѣшнимъ средствамъ, не находящимся въ тѣсной связи съ настоящимъ дѣломъ, чтобъ при помощи ихъ заслужить снисхожденіе судей и та-

¹⁾ При риторическомъ опредѣленіи этой довольно значительной части рѣчи мы руководились только содержаніемъ ея и значеніемъ главнаго пункта ποιότης, который мы къ ней приложили. Схолиасты, бросивъ здѣсь продолжать примѣненіе главныхъ пунктовъ Гермогена, раздѣлили все, что слѣдуетъ послѣ § 76, по обыкновенной схемѣ анализа ораторскихъ рѣчей, и видятъ прежде всего въ § 77—125 отступленіе, παρέχασις (Df 575, 18; 581, 8 сл.; 613, 8), которое, согласно со способомъ его изложенія и мѣстомъ, которое оно занимаетъ, названо вторымъ или добавочнымъ разказомъ, παραδίγησις (Df 576, 24; о значеніи этого термина ср. Ruf. l. l. 466, 19 и W V, 390, 8 (VII, 730, 4)). Это отступленіе они подробно раздѣляли согласно съ его содержаніемъ, при чемъ они особенное вниманіе обратили на возбужденіе состраданія къ Стратону (ἐλέου κίνησις Df 590, 10), устраненіе состраданія къ Мидію (ἐλέου ἐκβολή Df 592, 17) и самозащиту оратора противъ обвиненія въ соучастіи въ убійствѣ Никодема, посредствомъ догадки (στοχασμός προχάσασκευαζόμενος Df 581, 19; 598, 8). У прочихъ риториковъ мы не встрѣчаемъ ничего, что не было бы намъ известно изъ схолиі (παρέχασις Sr W VIII, 85, 22; ἐλεος Arsin. l. l. 398, 10 и 405, 32 сл.; M W IV, 419, 20 сл. (гдѣ вместо ἐλεῖν читай ἐλεεῖν), VII, 336, 3 сл.; στοχασμός W IV, 459, 8 сл.; последнее мѣсто обработано Сонатромъ въ цѣлую рѣчь (W VIII, 42—50). Съ § 126 начинается у схолиастовъ эпилогъ (ἐπιλόγοι Df 613, 10). Въ первыхъ двухъ §§ они видятъ повтореніе (ἀνακεφαλαίωσις Df 613, 12) и увеличеніе (αὔξεισις ibid. 20) до сихъ поръ изложенныхъ оскорбленій. Въ этомъ нельзя не согласиться съ ними. Что за тѣмъ слѣдуетъ, то однако не вѣрно: съ § 128 они начинаютъ общую характеристику Мидіа (καθολική или κοινὴ ποιότης Df 614, 19 сл.; 615, 7 сл.). Однако при этомъ обнаруживается, что они неправильно истолковали значеніе этого термина. По словамъ Гермогена и его комментаторовъ, это характеристика дѣлага класса людей, къ которому обвиняемый принадлежитъ, другими словами, общее мѣсто (κοινὸς τόπος); между тѣмъ схолиасты принимаютъ этотъ терминъ совсѣмъ произвольно въ значеніи: какимъ оказался Мидій въ отношеніи къ государству (πολιτὸς παρὶ πάσαν γυγένηται τὴν πόλιν Μειδίας Df 614, 25 и 615, 12). При этомъ схолиасты вѣрно, хотя только мимоходомъ, замѣчаютъ, что частную характеристику Мидіа въ отношеніи къ оратору (πολιτὸς γ. Μ. παρὶ τὸν Δημόσθενην Df 615, 11), послѣдній уже выше нарисовалъ, указавъ на клятвопреступленіе, вѣроломство, суровость, неуживчивость и прочія дурныя качества Мидіа. И такъ, схолиасты все-таки, хотя мимоходомъ, констатировали въ §§ 77—127 характеристику Мидіа, какъ мы ее понимаемъ; что и слѣдующая часть до § 135 включительно, принадлежитъ къ ней, неподлежитъ сомнѣнію. Къ остальной части эпилога схолиастовъ мы вернемся ниже.

кимъ образомъ, если не совсѣмъ отклонить, то по крайней мѣрѣ ослабить опасность, которой его подвергнулъ настоящій процессъ. И такъ, чтобъ обозначить риторическимъ терминомъ способъ защиты Мидіа, онъ употребить, какъ главный пунктъ, послѣдній изъ анти-тетическихъ стависовъ, просьбу объ оказаніи снисхожденія (συνύμνη). Эту попытку Мидіа ораторъ старается уже заранѣе парализовать тѣмъ, что онъ исчисляеть все, что могло бы послужить противнику оплотомъ, и посредствомъ возраженія противъ каждаго отдѣльнаго пункта (μετάληψις) впередъ устраняеть снисхожденіе къ Мидію; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старается еще больше возбудить негодованіе судей противъ Мидіа. Этотъ главный пунктъ заключаетъ въ себѣ §§ 136—212.

Мидіи не можетъ ссылаться, какъ обыкновенно дѣлають подсудимые, на свою безпорочную жизнь: о его нахальныхъ и дерзкихъ поступкахъ знаютъ всѣ, но многіе изъ потерпѣвшихъ не хотятъ засвидѣтельствовать нанесенныя имъ обиды, изъ страха передъ его насилиемъ, энергіею и особенно богатствомъ; чтобы Мидіа преслѣдовать судебнымъ порядкомъ, у нихъ недостаетъ времени, опыта, ораторской способности и рѣшительности; въ виду этого теперь слѣдуетъ его наказать за всѣхъ, какъ общаго врага общества (§§ 136—142).

Какъ примѣръ того, что ни знатное происхожденіе, ни богатство, ни политическое вліяніе не можетъ спасти преступника отъ наказанія, ораторъ приводитъ Алкивіада, и сопоставляетъ его съ Мидіемъ. Алкивіадъ былъ знатнаго происхожденія по отцу и матери, самъ сражался за отечество, отличился въ состязаніяхъ въ Олимпіи, былъ премоходный полководецъ и ораторъ; а все-таки Аѳиняне наказали его изгнаніемъ, когда онъ, помимо другихъ менѣе важныхъ преступленій, изувѣчилъ статуи Гермеса. Одинаково провинился теперь Мидіи, уничтоживъ священные предметы, принадлежавшіе Демосоену; что касается его должности военачальника, его ораторской дѣятельности и происхожденія, то ни одно изъ этихъ обстоятельствъ не говоритъ въ его пользу. И такъ, если Алкивіаду, отличившемуся во всемъ прочемъ, не было оказано снисхожденіе, тѣмъ менѣе можно оказать его Мидію (§§ 143—150).

При сопоставленіи Мидіа съ Алкивіадомъ мы видимъ, что Демосоенъ не пренебрегаетъ никакимъ средствомъ, чтобъ выставить своего противника въ дурномъ свѣтѣ: на основаніи какой-то нелѣпой слетни олъ старается опозорить даже происхожденіе Мидіа, называя его под-

кидышель ¹⁾. Въ § 16 онъ разказывалъ, что Мидій пытался испортить священную одежду, но что не былъ въ состояніи всю ее истребить; здѣсь же, въ § 147, онъ, отождествивъ этотъ поступокъ съ изувѣченіемъ статуй Гермеса, уже говоритъ, какъ будто Мидій совсѣмъ уничтожилъ ее (τὸ ὅλως ἀφανίσαι τὰ ἱερά).

Къ самому вѣскому пункту, на основаніи котораго Мидій могъ надѣяться на оказаніе снисхожденія со стороны судей, мы приступаемъ теперь: это услуги, оказанныя имъ государству. Чтобы лишить противника этого, безъ сомнѣнія важнаго подспорья, ораторъ уменьшаетъ какъ можно больше значеніе этихъ услугъ, показывая:

1) что онѣ въ сущности ничтожны;

2) что, еслибъ онѣ и дѣйствительно были таковы, какими ихъ представляетъ Мидій, то это все-таки не даетъ права Мидію обижать гражданъ;

3) что онъ за нихъ уже получилъ награду (§§ 151—174).

ad 1) а) Мидій будетъ ссылаться на свои тріэархіи и литургіи. На это ораторъ замѣчаетъ, что онѣ больше на словахъ, чѣмъ въ дѣйствительности: Мидій всего одинъ разъ принялъ на себя тріэархію, и то еще въ то время, когда эта обязанность стала обходиться тріэархамъ почти даромъ, и поставилъ хоръ въ трагедіи. Демосеенъ пользуется весьма ловко случаемъ привести свои издержки для государства, сравнивая ихъ съ издержками противника и показывая, что хотя онъ гораздо моложе Мидія и имущество его похитили опекуны, онъ все-таки больше пожертвовалъ. Мидій же употребляетъ свое имущество скорѣе на свою роскошь, чѣмъ на нужды государства (§§ 151—159).

Субъективность оцѣнки услугъ, оказанныхъ Мидіемъ государству, видна здѣсь особенно изъ слѣдующаго обстоятельства. По мнѣнію оратора, за вторую литургію вовсе не слѣдуетъ Мидію благодарность, потому что онъ взялъ на себя эти издержки не добровольно, а вслѣдствіе того, что въ случаѣ отказа ему предстоялъ обмѣнъ имущества: при такихъ же обстоятельствахъ взялъ и ораторъ на себя первую тріэархію (ср. § 78); однако онъ, упоминая о ней (§ 154), и не думаетъ вслѣдствіе этого умалять ея значеніе ²⁾.

б) Мидій дальше будетъ снискивать снисхожденіе на основаніи того, что онъ подарилъ городу тріэру. Ораторъ, не будучи въ состояніи

¹⁾ Ср. Df 626, 4.

²⁾ Ср. Df 628, 26.

ничего сказать противъ самого подарка ¹⁾, возбуждаетъ подозрѣніе противъ побужденія къ пожертвованію: по его словамъ, Мидій жертвовалъ только вслѣдствіе трусости и изъ расчета, такимъ образомъ уклониться отъ военной службы. Мидій, не участвовавшій прежде никогда въ пожертвованіяхъ для города, не пожелалъ сдѣлать пожертвованіе и послѣдній разъ, хотя присутствовалъ въ засѣданіи совѣта, гдѣ происходило пожертвованіе: только когда послѣ извѣстія объ осадѣ аеинскихъ солдатъ въ Таминахъ на Эвбеѣ совѣтъ рѣшилъ, что и отрядъ всадниковъ, начальникомъ котораго состоялъ Мидій, долженъ отправиться на войну, тогда Мидій, рано явившись въ слѣдующее народное собраніе, сдѣлалъ тамъ пожертвованіе. Но когда потомъ отправленіе этого отряда конницы было отиѣнено собраніемъ, то Мидій послалъ на тріэру вмѣсто себя другого, а самъ остался дома; однакожь когда полководецъ Фокіонъ потребовалъ этотъ отрядъ для смѣны, то Мидій скорѣе отправился на свою тріэру, повинувъ своихъ всадниковъ. Не такъ поступили другіе жертвователи. Кромѣ того, онъ извлекъ изъ этого еще матеріальную пользу тѣмъ, что, отставши отъ экспедиціи, собиралъ колы, двери лагеря и скоть, и нагрузивъ дрова, отвезъ ихъ въ свои рудники. (Показаніе свидѣтелей). (§§ 160—168).

ad 2) Еслибъ и дѣйствительно всѣ тѣ услуги, которыя Мидій будетъ исчислять, были имъ оказаны городу, то онѣ все-таки не могли бы освободить его отъ наказанія за дерзкіе поступки. Такой привилегіи не дали Аеиняне и тѣмъ, которые оказали другія услуги государству, даже Гармодію и Аристокитону (§§ 169—170).

ad 3) Ораторъ доказываетъ, что Мидій уже получилъ награду за свои литургіи, и слѣдовательно, что за Аеинянами ничего не числится. Наградю, далеко превышающей его заслуги, ораторъ ставитъ разныя должности, которыя Мидій исправлялъ: такъ онъ былъ казначеемъ Парала, начальникомъ всадниковъ и исполнялъ разныя обязанности, относящіяся къ религіознымъ обрядамъ. При этомъ ораторъ пользуется случаемъ, чтобъ оклеветать дѣятельность Мидія при исполненіи имъ первыхъ двухъ должностей. Какъ казначей Парала онъ отнял у гражданъ города Кизика, аеинскихъ союзниковъ, больше чѣмъ пять талантовъ, и былъ такимъ образомъ причиною ихъ от-

¹⁾ Цѣнность этого подарка увеличивается еще тѣмъ, что казна Аеинянъ была въ это время до того пуста, что даже надо было приостановить судопроизводство, за неимѣніемъ денегъ для жалованья судьямъ. Ср. D XXXIX, 17 fin.

ложенія отъ Аэинянъ; какъ начальникъ конницы онъ издалъ такія распоряженія, отъ которыхъ онъ потомъ самъ отказался. При первой должности, хотя онъ получилъ на оснастку Парала двѣнадцать талантовъ, то священный корабль все-таки шелъ гораздо медленнѣе, чѣмъ всѣ частные, а при второй, онъ даже не былъ въ состояніи купить себѣ лошадь. (Показаніе свидѣтелей). (§§ 171—174).

Въ слѣдующихъ §§ ораторъ приводитъ судьямъ примѣры для руководства при подачѣ голосовъ, показывающіе, что преступникамъ судьи не оказываютъ снисхожденія. Всего здѣсь шесть примѣровъ, изъ которыхъ въ первыхъ трехъ приведены преступленія одной категории съ настоящимъ, а въ трехъ послѣднихъ другія преступленія. Для насъ особенно поучителенъ первый примѣръ: Теспиецъ Эвандръ выигралъ коммерческій процессъ въ два таланта противъ Карійца Мениппа, и не будучи въ состояніи получить удовлетвореніе, арестовалъ послѣдняго во время мистерій. Мениппъ обвинилъ его предъ народнымъ собраніемъ, которое и осудило его. Когда же потомъ это дѣло поступило на разсмотрѣніе судей, они своимъ приговоромъ заставили Эвандра отказаться отъ двухъ талантовъ, слѣдовавшихъ ему на основаніи судебного приговора, и сверхъ того, дать Мениппу вознагражденіе за потерю времени при этомъ процессѣ. Примѣръ этотъ служитъ доказательствомъ, что и послѣ предварительнаго осужденія народнымъ собраніемъ судъ все-таки могъ назначить сравнительно незначительную пеню, и не смотрѣлъ на преступленіе, совершенное во время праздника, непремѣнно такъ, какъ смотритъ на него Демосеенъ. Дальше ораторъ говоритъ о томъ, какъ отецъ бывшаго архонта Хариклида вытолкалъ изъ театра кого-то, желавшаго занять мѣсто во время праздника Вакха; тотъ подалъ на него жалобу народу, который и призналъ его виновнымъ. Однако это дѣло, за смертью обвиняемаго, не поступило на разсмотрѣніе суда ¹⁾. Третьимъ примѣромъ служитъ Ктесиклъ, который былъ признанъ виновнымъ въ народномъ собраніи и потомъ приговоренъ судомъ къ смертной казни за то, что онъ, будучи пьянъ, во время процессіи кнутомъ ударилъ своего врага. Этотъ примѣръ подобранъ удачнѣе всѣхъ; за то слѣдующіе три не имѣютъ никакого сходства съ даннымъ дѣломъ ²⁾. Въ первомъ изъ нихъ разказывается, что какой-то Цирръ

¹⁾ Этотъ примѣръ совсѣмъ лишній, потому что изъ него висколько не видно, какъ судьи наказали провинившагося ср. Df 640, 23 сл.

²⁾ Ср. Df 642, 9 и 27 сл.

былъ присужденъ къ смерти за то, что онъ, не заплативши казнь долга, занималъ должность судьи; бѣдность, вслѣдствіе которой онъ на это рѣшился, не послужила ему извиненіемъ. Дальше упоминается о Смикросѣ и Скитонѣ, которые были оштрафованы, каждый десятью талантами, за внесеніе противозаконныхъ законопроектовъ, и ни присутствіе дѣтей, ни друзей, ни родственниковъ не спасло ихъ. Точно также должны судьи поступить и съ Мидіемъ и показать, что передъ судомъ всѣ граждане равны (§§ 175—183).

Здѣсь ораторъ объявляетъ, что онъ, прежде чѣмъ закончить рѣчь, еще имѣетъ сказать нѣсколько не менѣе важныхъ пунктовъ. Цѣль того, что слѣдуетъ, та же, какъ и предъидущаго: устранить снисхожденіе къ Мидію. Хотя всѣ слѣдующіе пункты не имѣютъ такого вѣса, какъ предъидущіе, они все-таки могли бы послужить Мидію для облегченія наказанія. По своему существу эта часть представляетъ собою нѣсколько болѣе отрывочныхъ возраженій.

Гуманность и мягкій характеръ Аонянъ, этотъ общій источникъ смягченія наказанія виновныхъ, не долженъ быть причиною облегченія наказанія Мидію, потому что онъ не заслужилъ этого своими дерзкими и насильственными поступками. Ораторъ смотритъ на поступки людей какъ на складчину (§§ 184—185).

Состраданіе къ Мидію, которое могутъ въ судьяхъ возбудить его слезы и присутствіе его дѣтей на судѣ, Демосеенъ уже впередъ реализуетъ слѣдующимъ образомъ: по его мнѣнію, первое должно скорѣе повредить Мидію, такъ какъ изъ этого видно, что онъ можетъ быть смиреннымъ и кроткимъ, если захочетъ. То обстоятельство, что ораторъ, не имѣя дѣтей, не можетъ привести ихъ въ судъ, не должно быть ему въ ущербъ; противъ дѣтей на сторонѣ Мидія пусть судьи поставятъ на сторонѣ оратора законы и свою клятву, что они будутъ повиноваться имъ (§§ 186—188).

Виновность свою, доказанную рѣчью Демосеена, Мидій дальше постарается уменьшить на томъ основаніи, что Демосеенъ ораторъ, и что онъ приготовилъ рѣчь. Что касается перваго, то Демосеенъ признаетъ себя ораторомъ только въ томъ случаѣ, если подъ этимъ словомъ подразумѣвается скромный челоуѣкъ, дающій народу полезныя совѣты, но никакъ не въ томъ случаѣ, если этимъ обозначается дерзкій говорунъ, разбогатѣвшій на счетъ народа. Кромѣ того Демосеенъ считаетъ несправедливымъ, что Мидій съ одной стороны упрекаетъ его именемъ оратора, а съ другой, самъ желаетъ спастись при помощи ораторовъ, которые выступаютъ для его защиты. Относительно

второго пункта ораторъ отвѣчаетъ, что было бы въ высшей степени съ его стороны неблагоразумно, послѣ столькихъ обидъ не приготовить рѣчи, матеріалы для которой ему доставилъ самъ Мидій (§§ 189—192).

Намъ кажется, что ораторъ и здѣсь употребилъ хитрость. Подъ словами *ῥήτωρ* и *ἐσχημένα καὶ παρομοιωθέντα* Мидій едва ли подразумѣвалъ то, противъ чего ораторъ возражаетъ; онъ скорѣе хотѣлъ этимъ сказать, что Демосѳенъ какъ ораторъ по ремеслу (адвокатъ) знаетъ разныя уловки, чтобъ представить бѣлое чернымъ (*τὸν χρεῖστω λόγον ἦττω ποιεῖν*), и что онъ въ данномъ случаѣ воспользовался этимъ умѣніемъ при составленіи обвинительной рѣчи. Однимъ словомъ, Мидій хотѣлъ этимъ возбудить въ судьяхъ недовѣріе къ правдивости рѣчи Демосѳена; однако послѣдній повернулъ при своемъ возраженіи въ другую сторону.

И значеніе предварительнаго осужденія народнымъ собраніемъ Мидій будетъ уменьшать, какъ онъ это сдѣлалъ, когда это осужденіе состоялось; и теперь онъ будетъ утверждать, что его осудили люди, уклонившіеся отъ участія въ походѣ, члены хора и иностранцы. Этого пункта Демосѳенъ не опровергаетъ, а только пользуется имъ какъ матеріаломъ для возбужденія негодованія судей противъ Мидія. Указавши на контрастъ между угрозами и свирѣпыми, запугивающими взглядами, которые онъ тогда бросалъ на собраніе, и теперешними его слезами, показавши дальше, что Мидій, отозвавшійся съ одинаковымъ презрѣніемъ какъ о тѣхъ гражданахъ, которые съ нимъ отправились въ походъ, такъ и объ оставшихся дома, недостойнъ никакого снисхожденія, ораторъ свидѣтельствуемъ объ общей ненависти противъ Мидія: если послѣдній, даже будучи осужденъ, не отложилъ своего высокоумія и надменности, что же можно ожидать отъ него, если ему теперь удастся избѣжать наказанія? Болѣе удобнаго случая обуздать его не представится больше (§§ 193—201).

Въ слѣдующихъ трехъ §§ (202—204) ораторъ продолжаетъ возбуждать ненависть и негодованіе судей противъ Мидія. Доказательство недоброжелательства послѣдняго къ народу онъ видитъ въ томъ, что Мидій никогда не радуется вмѣстѣ съ народомъ, а выходитъ на ораторскую каеэдру только тогда, когда народъ былъ постигнутъ какимъ-нибудь несчастіемъ, чтобъ его упрекать въ бездѣятельности и ожиданіи денегъ отъ Мидія. Какъ онъ не имѣетъ состраданія съ народомъ въ тяжелое время, такъ и судьбы должны отнестись къ нему теперь.

Послѣднюю часть этого главнаго пункта Демосеенъ направилъ противъ защитниковъ Мидіа, раздѣливъ ихъ на двѣ категоріи: а) ораторовъ и б) богачей (§§ 205—212).

ad а) Чтобы уменьшить значеніе первыхъ, ораторъ утверждаетъ, что ихъ цѣль—не угодить Мидію, а нанести вредъ Демосеену изъ-за ихъ частной вражды къ нему. Изъ всѣхъ онъ особенно выдѣляетъ Эмбула, который, однако, присутствовавъ при предварительномъ осужденіи Мидіа, не защищалъ его, хотя послѣдній умолялъ его, а только теперь старается помѣшать оратору получить удовлетвореніе за понесенныя имъ обиды (§§ 205—207).

ad б) Ходатайство богачей за Мидіа парализуетъ ораторъ предположеніемъ, что еслибъ перемѣнилось государственное устройство и еслибъ богачи вмѣстѣ съ Мидіемъ взяли въ свои руки бразды правленія, они вовсе не обращали бы вниманія на просьбу какого-нибудь бѣдняка за его товарища; у нихъ ихъ добра нѣто не отнимаетъ; слѣдовательно, и они не должны препятствовать бѣднякамъ пользоваться единственнымъ ихъ добромъ, покровительствомъ закоповъ; если они считаютъ положеніе Мидіа, лишеннаго имущества, ужаснымъ, то пусть они дадутъ ему изъ своего добра (§§ 205—212) ¹⁾.

¹⁾ Схоластики повидимому причисляютъ §§ 136—142 еще къ общей характеристикѣ, потому что слѣдующая часть эпилога начинается у нихъ только съ § 143 (Df 622, 3). (Однако, что эти слова оратора направлены противъ защиты обвиняемаго при помощи ссылки на безпорочную жизнь, выдѣль тоже Каизеръ 238 fl.). Эта слѣдующая часть эпилога (§§ 143—174) имѣетъ цѣлью доказать, что Мидій не заслуживаетъ снисхожденія (μή ὄντα αἰεὶ οὐκ ἔστιν, *ibid.* 4; 626, 4; 627; 16). Дальше §§ 175—183 составляютъ заключеніе къ изложенію значенія преступленія (ἐπιλογος τῆς κηλικότητος, 639, 4). Однако ораторъ самъ въ § 183 fl. (μή τοῖνον—συγγνώμην ἔχετε) обозначилъ цѣль этой части. Содержание §§ 184—188 (643 г. 21; 644, 12) опять вѣрно обозначено словами ἐλέου ἐκβολή; въ §§ 189—192 заключается ἐπιλογική ἀντίθεσις (645, 16; 646, 15). Въ §§ 193—201 возстаиваетъ ораторъ весь народъ противъ Мидіа (647, 13); дальше §§ 202—204 направлены противъ ораторской дѣятельности послѣдняго, а §§ 205—212 противъ его защитниковъ (654, 16; 658, 1). При слѣдующихъ за тѣмъ §§ не обозначено ни ихъ риторическое значеніе, ни содержаніе.

Что касается комментаторовъ Гермогена, то они особенно часто цитуютъ три пункта изъ только что разобраннаго нами отдѣла, именно: какъ примѣръ образцовой характеристики противника на основаніи его происхожденія они приводятъ § 149 (W IV, 538, 30; VII, 448, 24), и характеристики его въ будущемъ § 199 (W IV 540, 16; VII, 448, 27), хотя риторическое значеніе этихъ §§ у Д. другое. Еще чаще они приводятъ § 160 какъ примѣръ того, что, когда намъ нельзя сказать ничего противъ самого факта, мы должны возбудить подозрѣ-

Этимъ окончено рѣшеніе спорнаго вопроса, и ораторъ переходитъ къ заключенію (§§ 213—227), содержащему въ себѣ обращеніе къ судьямъ. Ораторъ проситъ ихъ не отказать ему въ доставленіи удовлетворенія, для чего и припоминаетъ имъ, что Мидій уже предварительно осужденъ народомъ, что ихъ приговоръ не останется скрытымъ отъ общественнаго мнѣнія, что преступленіе Мидія имѣетъ общественный характеръ и поэтому наказаніемъ его гарантируется безопасность частнымъ лицамъ и поддерживается авторитетъ законовъ. Судьи обнаружили свое нерасположеніе къ Мидію шумомъ и свистомъ при появленіи послѣдняго въ театрѣ, поощряли оратора при предварительной жалобѣ въ народномъ собраніи: и такъ, пусть они и теперь, послѣ того, какъ Мидій былъ народнымъ собраніемъ признанъ виновнымъ и ораторъ доказалъ его виновность, назначатъ ему примѣрное наказаніе.

И такъ, мы рѣшили свою задачу и добились результатовъ, которыми вполнѣ подтверждается пригодность теоріи стазисовъ въ примѣненіи ея къ одному изъ самыхъ выдающихся памятниковъ судебного краснорѣчія древнихъ. Всѣ источники доказательствъ, которыми можно было воспользоваться въ данномъ случаѣ, исчерпаны ораторомъ ¹⁾ и подвергнуты тщательной обработкѣ, особенно при помощи примѣровъ, которыми рѣчь противъ Мидія изобилуетъ. Собранные матеріалы были раздѣлены ораторомъ на двѣ части: въ первой изъ нихъ онъ помѣстилъ все, что имѣетъ непосредственное отношеніе

ніе противъ повода къ нему (W IV, 114, 21; 166, 4; 543, 1; ср. 539, 17). Наконецъ, чаще всего они восхваляются тѣмъ, какъ ловко ораторъ сгумѣлъ въ § 188 противопоставить дѣтямъ на сторонѣ Мидія законы на своей сторонѣ (W IV, 416, 5; 419, 14; VII, 335, 19; 339, 7; II, 397, 22). Большая часть изъ этихъ цитатъ находится у риторовъ при изложеніи правилъ, относящихся къ эпилогу, изъ чего видно, что они видѣли въ этой части рѣчи эпилогъ.

¹⁾ Изъ главныхъ пунктовъ Гермогена остались непримѣненными только два: *ἀντίληψις* и *κοινή ποίησις*. Первымъ изъ нихъ нельзя было оратору воспользоваться, такъ какъ онъ принадлежитъ обвиняемому, который долженъ употребить его противъ пункта *μετάληψις* со стороны обвинителя; отъ общей характеристики, которая въ данномъ случаѣ должна была быть направлена противъ богачей, ораторъ отказался, не желая задѣть кого-нибудь изъ этой сильной политической партіи. Ср. § 208: *περὶ ὧν οὐδὲν ἄν εἴποιμι: πρὸς ὁμοῖς φλαύρον καὶ γὰρ ἄν μαινομένην*. Что же касается намѣренія обвиняемаго (*γνώμη*), то ораторъ не посвятилъ этому пункту никакого особаго отдѣла, но очень часто между прочимъ указывалъ на то, что Мидій преслѣдуетъ его постоянно. Ср. § 14 *ἐπηρεάζων με συνεχῶς*.

къ рѣшенію даннаго спорнаго вопроса, а вторая содержитъ въ себѣ то, что служитъ только вспомогательнымъ средствомъ къ достиженію обозначенной цѣли; по своему объему первая часть составляетъ вмѣстѣ съ приступомъ одну, а вторая вмѣстѣ съ заключеніемъ двѣ трети цѣлой рѣчи. Что же касается распредѣленія главныхъ пунктовъ на обыкновенныя главныя части ораторской рѣчи, то оно почти вѣрно сдѣлано схолиастами въ примѣчаніяхъ къ этой рѣчи; только къ разказу слѣдовало прибавить еще § 23, и къ отступленію §§ 126—135; въ обоихъ случаяхъ этой поправки требуетъ само содержаніе ¹⁾.

Уже въ началѣ этой главы нами было указано на то, какъ древніе риторы опредѣляли стазисъ рѣчи противъ Мидіи; теперь мы возвращаемся къ этому вопросу. Всѣ риторы, начиная съ Гермогена, и кончая Цеціемъ, видѣли въ этой рѣчи стазисъ опредѣленія, а именно видъ его *ἄρος κατὰ σύλληψιν* ²⁾. Съ древними соглашаются и новѣйшіе ученые, которые сочли нужнымъ упомянуть объ этомъ пунктѣ ³⁾.

¹⁾ И такъ, схема рѣчи противъ Мидіи будетъ слѣдующая:

- I. *προοίμια* (1—12).
- II. *διήγησις* (13—23).
- III. *ἀγῶνες* (24—76).
- IV. *παρέκβασις* (77—135).
- V. *ἐπίλογοι* (136—227).

При этомъ распредѣленіи пункты, увеличивающіе значеніе преступленія, причислены къ аргументаціи, что и Аристотель допускаетъ (*Rhet.* III, 13, Sp. I, 148, 10); что касается эпилога, то онъ можетъ показаться слишкомъ длиннымъ; однако терминъ *ἐπίλογος* имѣлъ у риторовъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ мы ему придаемъ; по изложенію Аристотеля (l. l. 161, 4) ораторъ старается въ эпилогѣ расположить слушателей благосклонно къ себѣ самому и враждебно къ противнику, приводитъ общее мѣсто для увеличенія или уменьшенія преступленія, возбуждаетъ аффекты и повторяетъ все изложенное. Первый и третій пункты составляютъ все содержаніе нашего эпилога.

²⁾ См. Н 155, 23; *περὶ εὐρέας*. 204, 8 и 205, 13; Ливан. (D p. 509) и авторъ втор. содерж. этой рѣчи (D p. 511 fin.; p. 512, med.; ср. p. 513 fin.); схол. къ этой рѣчи: Df 531, 1; 552, 28; 553, 12; ср. 554, 4 и 613, 14; коммент. Гермог. W IV. 201, 27; 309, 13 и 26; 556, 18; 558, 27; VIII, 108, 4; Tzetz. (*Anecdd. Oxon. Cramerii*, vol. IV, p. 67).—О значеніи вида *κατὰ σύλληψιν* см. гл. I.

³⁾ См. Spalding, *Dem. or. in Mid.* (Berol. 1794) p. 2; его примѣчаніе перепечатано въ своихъ изданіяхъ: Buttman (Dem. or. in Mid. Berol. 1823) p. 3 и Диндорфъ l. l. p. 752. И Вейль (*Les plaid. polit. de Dém.*, Paris, 1877) p. 94, соглашаясь съ мнѣніемъ риторовъ, говоритъ слѣдующее: On voit que les rhéteurs anciens n'ont pas tout à fait tort de dire que le débat roule sur la définition du délit.

исключая К. Ф. Германна ¹⁾). Мнѣніе послѣдняго мы разсмотримъ вмѣстѣ съ очень важнымъ вопросомъ. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ не было точно и ясно изложено, какъ собственно Мидій опредѣлялъ свой поступокъ, и какъ Демосоевъ называлъ его, и дальше, что находится въ связи съ опредѣленіемъ обѣихъ сторонъ, какую форму процесса Мидій считалъ правильною, и какимъ процессомъ его преслѣдовалъ ораторъ. Мнѣнія древнихъ распадаются на двѣ группы: одни утверждаютъ, что Мидій видѣлъ въ оскорбленіи, нанесенномъ имъ оратору, преступленіе частнаго характера (ἴδιον ἀδικημα), а Демосоевъ преступленіе противъ государства (δημόσιον ἄδ.); другіе же полагаютъ, что Мидій смотрѣлъ на свое дѣяніе какъ на оскорбленіе дѣйствіемъ (ἔβρα), между тѣмъ какъ ораторъ считалъ его нечестіемъ (ἀσέβεια); къ первой группѣ принадлежатъ, безъ сомнѣнія, и тѣ, которые противопоставляютъ оскорбленію государственное преступленіе, потому что изъ этого противопоставленія видно, что по ихъ мнѣнію Мидій считалъ свой поступокъ обидою частнаго характера ²⁾). Противъ этого опредѣленія риториковъ, между которыми на счетъ того, что въ рѣчи противъ Мидія употребленъ стазисъ опредѣленія, господствуетъ полное согласіе, возстаетъ, какъ мы выше указали, только одинъ Германнъ. По его словамъ, риторы видятъ, что первый изъ трехъ стазисовъ, догадка, не можетъ имѣть здѣсь мѣсто, такъ какъ Мидій не отрицаетъ факта нанесенія оскорбленія, перешли отъ догадки въ второму стазису, опредѣленію, и остановившись на томъ, что Демосоевъ ради увеличенія значенія преступленія обвиняетъ противника въ нечестіи и подъ названіемъ ἀσέβεια противопоставляетъ обиду ему нанесенную простому оскорбленію дѣйствіемъ

¹⁾ De probole apud Atticos, Gottingae, 1847, pp. 6 — 8, или см. Df VI, pp. 749—751.

²⁾ Къ первымъ принадлежитъ H 155, 24, авторъ втор. содерж. (D p. 511 fl. сл.), Сопатръ (W IV, 528, 17; 558, 22 и VIII 111, 15), Доксопатръ (W II, 87, 28 сл.; ср. Iul. Victor Hm 396, 19 и 26); вторую группу составляютъ Ливаній (I. l. p. 509), Аспляъ (I. l. 369, 9), Сиріанъ W IV, 556, 19, Аполунъ. W VII, 398, 17 сл. Схоласти въ примѣчаніяхъ къ этой рѣчи придерживаются то перваго, то втораго мнѣнія, смотря потому, отъ кого они заимствовали свои примѣчанія; однако первое опредѣленіе встрѣчается гораздо чаще, см. Df 549, 20; 552, 10; 613, 17 сл.;—552, 27, 553, 11, 614, 6.—Интересный примѣръ безтолковой компиляціи риториковъ мы встрѣчаемъ W VII 463, примѣч. 13 (Scholia min.): несмотря на то, что Sr и Ss придерживались одинъ того, а другой другаго опредѣленія, авторъ примѣчанія, взявъ замѣтку Sr (W IV, 558, 22), вставилъ въ нее замѣтку Ss (W IV, 556, 20), вовсе не заботясь о противорѣчіи ихъ содержанія.

(ὄβρις), констатировали въ рѣчи противъ Мидіа стазисъ опредѣленія; однако точно также можно было бы, по его словамъ, усмотрѣть въ томъ, что разказывается относительно предварительнаго осужденія Мидіа народомъ, или относительно его будущей попытки снискать снисхожденіе, третій стазисъ (qualitas); вообще, сущность рѣчи противъ Мидіа вовсе не заключается въ томъ, въ чемъ ее видятъ риторы, а ораторъ задался слѣдующею цѣлью: увеличить степень виновности Мидіа и лишить его впередъ всякой возможности защищаться.

Доводы, на которые опирается полемика Германна, представляютъ собою смѣсь правильныхъ взглядовъ и заблужденій. Впервые, уже въ началѣ своего разсужденія Германнъ невѣрно сообщаетъ, будто Ливаній, Гермогенъ и другіе риторы утверждаютъ, что въ данной рѣчи спорное названіе съ одной стороны опредѣляется какъ ἀσεβεια, а съ другой какъ ὄβρις. Мы уже выше показали, что дѣйствительно таково было мнѣніе Ливанія и нѣкоторыхъ другихъ раторовъ, но что Гермогенъ, и за нимъ много его послѣдователей, видѣли здѣсь опредѣленія: ἴδιον и δημόσιον ἀδικημα ¹⁾. Изъ этого слѣдуетъ, что полемика Германна можетъ быть принята только въ отношеніи къ Ливанію и тѣмъ, которые раздѣляли его взглядъ. Ихъ опредѣленіе дѣйствительно ошибочно, и Германнъ, опровергая его, совершенно правильно замѣтилъ, что хотя ораторъ употребляетъ выраженія ἀσεβεια и ἀσεβεῖν (§ 51 in. и 55 fin.), и даже говоритъ объ оскорбленіи самого бога (§§ 40; 61 fin.; 126; 227), онъ дѣлаетъ это только съ цѣлью увеличить ужасъ преступленія (augendae atrocitatis causa). Именно такъ было и нами на основаніи теоріи выше опредѣлено значеніе этой части рѣчи противъ Мидіа (§§ 51—55). И такъ, Германнъ борется противъ риторики, а на дѣлѣ высказываетъ то же самое, что уже давно передъ нимъ было высказано лучшими представителями ея ²⁾.

¹⁾ Н. I. I. говоритъ: φάσκοντες τοῦ Μειδίου ὄβριν εἶναι καὶ ἰδιωτικὸν ἀλλ' οὐ δημόσιον ἀδικημα τὸ περὶ τὴν ἑορτήν, συνάγει ἑκάτερα καὶ τὸ τῆς ὄβριως (=ἰδιωτικὸν ἀδ.) καὶ τὸ περὶ τὴν ἑορτήν ἀδικεῖν (=δημόσιον ἀδ.). При этомъ выраженіе τὸ περὶ τὴν ἑορτήν ἀδικεῖν обозначаетъ только нарушеніе праздничнаго спокойствія; между послѣднимъ преступленіемъ и ἀσεβεια (непочитаніе боговъ) большая разниа. Противопоставленіе опредѣленій ἀσεβεια и ὄβρις, правда, встречается одинъ разъ у Герм. (περὶ εὐρέс. р. 204, 17), но это очевидная интерполяция, приведенная безъ всякой связи только для объясненія, что подразумѣвается подъ словомъ νίχη. Ср. примѣч. Вейля I. I. р. 94, 6.

²⁾ Демосеентъ выражается въ этомъ отдѣлѣ рѣчи очень сдержано, изъ чего

Въ слѣдующемъ возраженіи Германнъ указываетъ на то, что не представлялось оратору никакой надобности хлопотать о томъ, чтобъ нанесенное ему оскорбленіе было опредѣлено какъ ἀσεβεία, а не какъ ὕβρις, потому что то и другое одинаково влекло за собою государственный процессъ, при которомъ наказаніе не было впередъ опредѣлено законами, а назначалось присяжными засѣдателями по ихъ усмотрѣнію (ἀγὼν τιμητός) ¹⁾. Указавъ, что ораторъ не обвинялъ Мидіа ἀσεβείας, мы должны отвѣтить на вопросъ: вѣрно ли мнѣніе, что всякое оскорбленіе имѣло послѣдствіемъ государственный процессъ? Мы считаемъ возможнымъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно, на основаніи слѣдующихъ соображеній. Наше объясненіе этого труднаго мѣста, основывающееся на словахъ оратора, имѣетъ передъ толкованіями другихъ то преимущество, что не надо прибѣгать къ обвиненію оратора въ нелогичности и запутанномъ изложеніи. Ср. Boeckh, Ueber die Zeitverhältnisse der Dem. Rede g. Meid. (Abhandl. d. Berlin. Akad. der Wissensch., 1818) p. 73 сл.; Meier u. Schömann, der att. Process, p. 173 сл.; Вейль l. l. pp. 124—126, примѣч. Въ рѣчи противъ Мидіа (§ 25) обвиняемый, протестуя противъ возбужденнаго противъ него государственнаго процесса, говоритъ: δίκας ἰδίαις προσήκε λαχεῖν... βλάβης... ὕβρεως, οὐχὶ δημοσίαις κρίνειν καὶ τίμημα ἐπάγειν ὃ τι χρὴ παθεῖν ἢ ἀποτίσαι ²⁾. Изъ этого мѣста видно, что дѣйствительно существовалъ процессъ δίκη ὕβρεως ἰδίαις, такъ какъ, съ одной стороны, Мидіа не могъ требовать чего-нибудь а priori невозможнаго, а съ другой—ораторъ прямо указалъ бы на не основательность требованія Мидіа.

видно, что онъ и не думалъ серьезно обвинять Мидіа ἀσεβείας: νῦν δὲ μοι δοκεῖ (τις) κἄν ἀσεβείαν εἰ καταγινώσκῃς, τὰ προσήκεα ποιεῖν, и подь конецъ: τοῦτον ἄλλο τι πλὴν ἀσεβεῖν φήσομεν; и на прочія сюда относящіяся мѣста надо смотрѣть какъ на риторическую натяжку. На заблужденіе Ливанія и прочіихъ особенно ясно указано Df 561, 17 (въ § 51 in.): τοῦτό τις μὴ νοήσας ὅτι αὐξήσεως εἰληπται ἔνεκεν, περὶ ἀσεβείας εἶναι τὴν κρίσιν ἀπεφώνησεν. Удивительно, какъ все это могло ускользнуть отъ вниманія Германа.

¹⁾ 'Ασεβεία считалась преступленіемъ противъ государства или государственной религіи и во время Демосеена разсматривалась не ареопагомъ, а судомъ присяжныхъ засѣдателей, какъ и прочія преступления противъ государства.

²⁾ Множественное число δίκας ἰδίαις употреблено не потому, что каждый изъ трехъ слѣдующихъ способовъ причиненія убытка долженъ былъ послужить поводомъ для одного частнаго процесса, а потому, что слѣдуютъ два частные процесса, βλάβης и ὕβρεως; точно также надо объяснять δίκας ἰδίαις и ἰδίῳν δίκῳν въ § 28.

Германнъ однако полагаетъ, что этотъ протестъ Мидія относится не къ настоящему процессу, а къ предварительному суду, которому ораторъ подвергъ Мидія. Это объясненіе невѣрно; послѣднія слова вышеприведеннаго мѣста, гдѣ говорится о назначеніи пени, служатъ яснымъ доказательствомъ, что Мидій не могъ имѣть въ виду при своемъ протестѣ *προβολή*, потому что тамъ не назначался никакой штрафъ обвиняемому. Въ § 26 ораторъ дѣйствительно противопоставляетъ частному процессу (*δικάζεσθαι*) обвиненіе въ народномъ собраніи (*προβαλέσθαι*), — что вѣроятно и заставило Германна такимъ образомъ объяснять вышеприведенное мѣсто ¹⁾, — но въ этомъ-то и заключается адвокатская хитрость Демосфена: желая выдвинуть на первый планъ предварительное осужденіе Мидія, на которое онъ смотритъ какъ на первый актъ настоящаго дѣла, онъ, вмѣсто того, чтобы здѣсь связать: *εἰ μὴ ἐγραφήμην*, въ противоположности къ *ἐδικάζομην*, употребилъ выраженіе: *εἰ μὴ προβαλόμην* ²⁾. Дальше, въ § 32 слѣдуетъ точно также въ словахъ *γραφὴν ὕβρεως καὶ δίκην κακῆγορίας ἰδίαν* послѣднее выраженіе относить и къ слову *γραφὴν*, какъ показываетъ начало этого періода: *ἀν ἰδιώτην ὄντα ὑβρίζῃ τις* ³⁾. Наконецъ въ § 28 ораторъ говоритъ, что по закону онъ имѣетъ право возбудить и частные процессы, и государственный за оскорбленіе (*καὶ δίκας ἰδίας καὶ γραφὴν ὕβρεως*; и здѣсь подъ *δίκαι ἰδίας* подразумѣвается *δ. βλάβης* и *δ. ὕβρεως*), въ противоположности къ *γραφὴν ὕβρεως* то-есть *δημοσία*, государственному процессу за нанесеніе оскорбленія. Оратору предстоялъ выборъ между частнымъ и государственнымъ процессомъ и онъ рѣшился на слѣдующее, какъ онъ самъ говоритъ: *τὴν ἐπὶ τῶν ἰδίων δίκων πλεονεξίαν ἀφεῖς τῇ πόλει παραχωρῶ τῆς τιμωρίας καὶ τοῦτον εἰλόμην τὸν ἀγῶνα, ἀφ' οὗ μηδὲν ἔστι λήμμα λαβεῖν ἐμοί*. И такъ, всѣ эти три мѣста свидѣтель-

¹⁾ Точно также понимали это мѣсто уже раньше Германна Бёккъ I. I. р. 6 med., и Мейеръ I. I. р. 173; ср. *Arsin*. I. I. 369, 9.

²⁾ *Δικάζεσθαι* въ противоположности къ *γράφεσθαι* встрѣчается часто, см. напримеръ D XXII, 26 сл.

³⁾ Такъ соединялъ уже Бёккъ эти термины (*Die Staatshaushaltung der Athener*, стр. 401, примѣч.). — Изъ этого мѣста видно, что *γραφὴν* употреблено здѣсь вмѣсто *δίκην*, такъ что *γραφὴν ὕβρεως ἰδία* = *δίκην ὕβρεως ἰδία*; ср. § 33: *ἐὰν δὲ ἰδιώτην πατάξῃς ἢ κακῶς εἴπῃς*), *ἰδία ὑπόδικος*, и *ibid. fin.* Название *γραφὴν ἰδία* встрѣчается только одинъ разъ въ законѣ нашей рѣчи § 47 (ср. *Westermann, de litis instrum., quae exstant in Dem. or. in Mid., p. 27*), и потомъ у *Sr W VIII, 222, 4 (Meier I. I. стр. 163, примѣч. 8)*.

ствуютъ, что за оскорбленіе можно было виновнаго преслѣдовать и частнымъ процессомъ ¹⁾).

И такъ, мы видѣли, что доводы Германна, не признавашаго въ рѣчи противъ Мидіа стазиса опредѣленія, можно съ успѣхомъ опровергнуть и что риторы правильнѣе понимали сущность данной рѣчи, чѣмъ ихъ изобличитель. Средоточіе этой рѣчи дѣйствительно составляетъ опредѣленіе преступленія ²⁾ и ораторомъ былъ, на основаніи его опредѣленія, затѣянъ противъ Мидіа государственный процессъ, *γραφή ὕβρεως*.

Въ только что рассмотрѣнномъ нами вопросѣ мы убѣдились, что теорія стазисовъ помогла намъ къ правильному опредѣленію постановки вопроса въ рѣчи противъ Мидіа; однако это не единственная польза, которую мы извлекаемъ изъ этой теоріи: кромѣ постановки вопроса она еще указываетъ, какъ мы видѣли выше, и способъ рѣшенія его, то-есть источники, изъ которыхъ слѣдуетъ черпать дока-

¹⁾ Что можно было преслѣдовать одно и то же преступленіе и частнымъ и государственнымъ процессомъ, яспѣе всего видно изъ известнаго мѣста рѣчи Дем. противъ Андротіона §§ 25 — 27; такъ существовала *δίκη* и *γραφή κλοπῆς, ἐπιτροπῆς* (ср. Meier, l. 1. стр. 164 и 168, 185 и 293). Мы, правда, не имѣемъ никакихъ другихъ данныхъ, которые можно было бы привести въ доказательство существованія *δίκη ὕβρεως*; изъ рѣчи противъ Конона (D LIV, § 1) мы узнаемъ, что обвиняющій, не желая преслѣдовать оскорбителя государственнымъ процессомъ (*γραφή ὕβρεως*), возбуждалъ противъ него частный процессъ за навесеніе побоевъ, который однако названъ *δίκη αἰχίας*; изъ этого можно было бы заключить, что и ораторъ въ нашей рѣчи имѣлъ въ виду послѣдній способъ частнаго процесса, когда говоритъ о частномъ процессѣ за оскорбленіе. Мнѣніе, что существовалъ процессъ *γραφή ὕβρεως* *idia ἀτιμίας*, высказалъ Мюкке (Mücke) въ своей диссертациі подъ заглавіемъ: *De iniuriarum actione ex iure attico gravissimā*. Gottingae, 1872. Намъ, къ сожалѣнію, не удалось видѣть это разсужденіе; Вейль упоминаетъ о немъ р. 94 примѣч. 1.

²⁾ Риторы видѣли здѣсь видъ стазиса опредѣленія *δρος* *κατά σύλληψιν*, потому что Демосенъ соединяетъ (*συλλαμβίνει*) обиду ему лично нанесенную съ оскорбленіемъ его какъ представителя государства, см. § 31: *οὐ γάρ εἰς Δημοσθένην ὄντα με ἡρέλαμε μόνον ταύτην τὴν ἡμέραν, ἀλλὰ καὶ εἰς χορηγὸν ὑμέτερον*. Однако такъ какъ ораторъ отказывается отъ своего права на наказаніе Мидіа въ пользу государства (ср. § 28 *fin.*) и старается доказать, что это не частное, а государственное преступленіе, то мы съ тѣмъ же правомъ могли бы видѣть въ рѣчи противъ Мидіа и другой видъ, *δρος ἀντονομάζων*. И такъ, разница этихъ двухъ видовъ исчезаетъ на практикѣ; точно также не оправдывается на практикѣ школьное правило риторовъ, что двойныя опредѣленія, къ которымъ они причисляютъ данную рѣчь, рѣшаются, что посредствомъ двойныхъ главныхъ пунктовъ.

зательства, и ихъ расположеніе въ рѣчи ¹⁾. Предпринятый нами анализъ рѣчи противъ Мидія на основаніи теоріи стазиса опредѣленія привелъ къ тому результату, что спорный вопросъ рѣшенъ ораторомъ превосходно; между тѣмъ мнѣнія новѣйшихъ цѣнителей этой рѣчи совсѣмъ другія, идущія въ разрѣзъ съ нашимъ выводомъ. Признавая мастерскую обработку нѣкоторыхъ частей ея, они оспариваютъ у нея значеніе художественнаго произведенія какъ цѣлаго, находя ее неконченною, неотшлифованною, изобилующею недостатками относительно изобрѣтенія, расположенія и изложенія.

Сигналомъ къ этому неблагоприятному отзыву послужила замѣтка, находящаяся у Фотія ²⁾, который приводитъ мнѣніе нѣкоторыхъ критиковъ, считавшихъ, на основаніи повтореній, рѣчи противъ Мидія и Эсихина только набросками, необработанными для изданія. Этого мнѣнія придерживались Тайлоръ и Шпальдингъ въ своихъ изданіяхъ этой рѣчи ³⁾. Дальше пошелъ Бёккъ ⁴⁾, который, кромѣ повтореній, приведенныхъ его предшественниками, открылъ здѣсь значительный пропускъ и указалъ на неясности содержанія и изложенія. Одновременно съ Бёккомъ открылъ тотъ же пропускъ и Буттманъ ⁵⁾, хотя опубликовалъ свое открытіе пять лѣтъ позже, чѣмъ Бёккъ; кромѣ того и онъ исчисляетъ незначительныя повторенія. Доказательства Бёкка перенялъ почти безъ перемѣны А. Шеферъ и помѣстилъ ихъ въ своемъ капитальномъ трудѣ ⁶⁾. Потомъ критики стали открывать

¹⁾ Изобрѣтеніе матеріаловъ для рѣшенія стазиса и расположеніе ихъ находятся въ тѣсной связи между собою, какъ указалъ Квинтиліанъ въ своемъ «Ораторскомъ наставленіи»; онъ изложилъ способы рѣшенія отдѣльныхъ стазисовъ въ отдѣлѣ, трактующемъ о расположеніи (ср. VII, прооет. 4); что однако, какъ само собою разумѣется, при расположеніи можно соображаться съ обстоятельствами и перемѣнять порядокъ, который даетъ теорія, ср. тамъ же, гл. I, 2.

²⁾ Bibl., p. 491 ed. Bekker: Καὶ ὁ κατὰ Μειδίου δὲ καὶ κατ' Αἰσχίνου λόγος αἰτίαν ἔσχε τὸ μὴ τὴν αὐτὴν κατὰ πάντα ἀρετὴν τῷ Δημοσθένειω συνδιασώσασθαι χαρακτῆρι. καὶ γὰρ ἐν τοῖς δυοῖν τούτοις λόγοις ἐκ διαλειμμάτων τινῶν ταῖς αὐταῖς ἐννοίαις ἐπιβαλλῶν ἀμιλλᾶσθαι δοκεῖ πρὸς ἑαυτὸν ὡσπερ ἀσκούμενος ἄλλ' οὐκ ἐπ' αὐτοῖς ἀγωνιζόμενος τοῖς ἔργοις· διὸ καὶ τινες ἔφησαν ἑκάτερον λόγον ἐν τύποις καταλειφθῆναι ἀλλὰ μὴ πρὸς ἔκδοσιν διαχεκάρθαι.

³⁾ Taylor, *Oratt. Demosth. etc.* T. III, p. 168 (Cantabrig. 1757); Spalding, l. I, p. XIX.

⁴⁾ L. I, pp. 72—77.

⁵⁾ L. I, Excursus II, pp. 121—123; (ср. p. IX, примѣч.).

⁶⁾ A. Schäfer, l. I., III Bd., 2-te Abth., Beilage III, S. 58—63.

недостатки другаго рода, касающіеся расположенія, и предпринимали перестановки въ текстѣ, какъ Шпенгель ¹⁾ и за нимъ Нитше ²⁾. До послѣдней крайности чудовищныхъ предположеній дошелъ голландскій филологъ фанъ-денъ-Эсъ ³⁾. По его комбинаціи, (которую мы приводимъ только ради куріоза, но никакъ не для того, чтобъ возражать противъ нея), рѣчь противъ Мидія въ томъ видѣ, какъ она до насъ дошла, вовсе не происходитъ отъ Демосеена; послѣдній написалъ кое-что, чтобъ этимъ когда-нибудь воспользоваться; послѣ его смерти жадные книгопродавцы нашли эти клочки и склеили ихъ въ одну рѣчь, стараясь, чтобъ она вышла побольше, чтобъ ее дороже сбыть. Такихъ кусковъ онъ насчиталъ всего четырнадцать.

Изъ недостатковъ, исчисленныхъ въ этихъ сочиненіяхъ, мы можемъ здѣсь говорить только о тѣхъ, которые относятся къ ораторскому изобрѣтенію и расположенію и, слѣдовательно, затрогиваютъ нашу тему. Прежде всего мы разсмотримъ повтореніе одной и той же аллегоріи или сравненія, которое, по всей вѣроятности, дало поводъ древнимъ, и за ними и новѣйшимъ критикамъ, считать эту рѣчь только наброскомъ ⁴⁾. Ораторъ, возбудивъ въ эпизодѣ со Стратономъ негодованіе судей противъ Мидія, оканчиваетъ § 100 общимъ изреченіемъ или сентенціею, гласящей, что тотъ, кто самъ безсердеченъ, не заслуживаетъ ни состраданія, ни снисхожденія; § 101 заключаетъ въ себѣ сравненіе человѣческой жизни со складчиною (*ἔρνος*), служащее для развитія и подкрѣпленія этой сентенціи; то же самое сравненіе, и при томъ почти тѣ же слова, встрѣчается въ §§ 184—185, гдѣ оно служитъ для доказательства положенія оратора, что мягкость Аѳинянъ не должна быть причиною смягченія наказанія Мидія. Это повтореніе, бросающееся каждому въ глаза уже при первомъ чтеніи рѣчи, заставило критиковъ позадуматься, и такъ какъ нельзя предположить, что Демосеенъ, извѣстный богатствомъ и разнообразіемъ ораторскаго изобрѣтенія, вдругъ умственно обѣднѣлъ до того, что не былъ въ состояніи придумать что-нибудь новое на одномъ изъ

¹⁾ Die Midiana des Dem., Philol., XVII Jahrg. (1861), pp. 606—613.

²⁾ G. Nitsche, De traiciendis partibus in Dem. oratt., Berol. 1863, pp. 73 sqq.

³⁾ Van den Es, Commentatio de Dem. Midiana, Traiecti ad Rhen. 1874.

⁴⁾ Фотій l. l. употребилъ множ. чис. τὰς αὐτὰς διανοίας, изъ чего можно было бы заключить, что критики имѣли въ виду больше повтореній, чѣмъ одно, на которое указалъ уже Тайлоръ; однако не слѣдуетъ забывать, что они говорятъ о двухъ рѣчахъ, и поэтому вѣтъ никакой необходимости предполагать, что они въ нашей рѣчи видѣли больше одного повторенія.

этихъ двухъ мѣстъ, то большинство критиковъ стало объяснять это повтореніе тѣмъ, что Демосоевъ, сочиняя данную рѣчь, помѣстилъ спорное сравненіе на томъ и другомъ мѣстѣ, однако съ тою цѣлью, чтобъ его при окончательной обработкѣ или при самомъ произнесеніи рѣчи употребить только на одномъ изъ нихъ, гдѣ окажется болѣе удобнымъ. Однако странно, что ораторъ, счумѣвъ расположить 225 параграфовъ своей рѣчи, очутился въ затрудненіи относительно одного сравненія, и оставилъ окончательное рѣшеніе этого пункта на другое время, чтобъ имѣть между тѣмъ возможность зрѣло его обдумать. Другіе критики нашли болѣе рациональный способъ рѣшенія этой загадки: по ихъ мнѣнію одно изъ этихъ двухъ мѣстъ возникло благодаря интерполяціи; но тутъ опять является вопросъ, которое мѣсто слѣдуетъ считать подлиннымъ, а которое подложнымъ? Отто Гауптъ ¹⁾ хотѣлъ выбросить §§ 184—192, Добри (Dobree) видѣлъ въ первомъ мѣстѣ интерполяцію ²⁾; мы считаемъ единственно правильнымъ мнѣніе англійскаго филолога; § 101 есть передѣлка §§ 184—185; кому-то показалось, что это сравненіе можно было уже здѣсь помѣстить и онъ прибавилъ его, сдѣлавъ въ немъ нѣкоторыя перемѣны, на поляхъ рукописи, откуда оно впоследствии попало въ текстъ ³⁾. Что мы имѣемъ на этомъ мѣстѣ интерполяцію, подтверждается слѣдующими соображеніями: по ученію риторовъ, сентенція считается очень хорошимъ окончаніемъ какого-нибудь отдѣла рѣчи; ею такъ сказать скрѣпляется, что было изложено въ частности. Такое употребленіе сентенцій встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ у Демосоева ⁴⁾; отчего же не окончить ему и этотъ отдѣлъ общимъ изреченіемъ, которое, будучи произнесено съ надлежащимъ пафосомъ, должно было гораздо сильнѣе подѣйствовать на судей, чѣмъ разбав-

¹⁾ Ueber die Midiana des Dem., Posen., 1857. Мы не имѣли случая видѣть это разсужденіе и поэтому намъ пришлось довольствоваться выпискою изъ диссертации Нитше, р. 68.

²⁾ Ср. Шпенгель, l. l. p. 608.

³⁾ Не надо приводить примѣры, что и лучшія рукописи не ушли этой участи; уважемъ только на повтореніе въ концѣ § 160: ἀνωθεν δὲ βραχὺς γὰρ ἔσθ' ὁ λόγος ὃν λέξω, κἀν ἀνωθεν ἀρχεσθαι δοχῆ. Это мѣсто приводитъ Шпальдингъ (l. l.) какъ второй примѣръ повторенія въ нашей рѣчи; ср. § 77, гдѣ тоже сказано: ἔσται δὲ περὶ αὐτῶν βραχὺς ὁ λόγος, κἀν ἀνωθεν ἀρχεσθαι δοχῶ. Однако первое мѣсто совсѣмъ отсутствуетъ въ Авгсбургской рукоп. А, изъ чего видно, что и его слѣдуетъ считать интерполяціею.

⁴⁾ Ср. нашу диссертацию: Observatt. rhet. in Dem. p. 8 med. и 10 in.

леніе этой мысли посредствомъ сравненія? На второмъ мѣстѣ совсѣмъ другое: тамъ это сравненіе является необходимымъ звеномъ рѣчи, такъ какъ въ этихъ §§ ораторъ только посредствомъ его доказываетъ, что Мидій не заслужилъ, чтобъ судьи отнеслись къ нему со снисхожденіемъ. Дальше: на второмъ мѣстѣ ораторъ излагаетъ, какую складчину онъ здѣсь подразумѣваетъ, между тѣмъ какъ на первомъ мѣстѣ фальсификаторъ это опустилъ: еслибъ оба мѣста происходили отъ самого оратора, то онъ помѣстилъ бы это объясненіе скорѣе на первомъ мѣстѣ, а на второмъ предполагалъ бы его извѣстнымъ. Наконецъ, само начало § 184 ясно показываетъ, что на этомъ мѣстѣ повторенія быть не можетъ, такъ какъ ораторъ общаетъ говорить о томъ, о чемъ онъ еще не говорилъ, и изложить это вкратцѣ. Изъ этого видно, что первый доводъ, на который опирается положеніе критиковъ, что рѣчь противъ Мидія неокончена, не имѣетъ основанія.

Самый важный пробѣлъ, который былъ открытъ Бѣккомъ и признанъ всѣми филологами, заключается въ значительномъ пропускѣ (Lacunae) одной трети цѣлой рѣчи, при чемъ этотъ недостатокъ еще увеличивается тѣмъ, что опущенъ самый важный отдѣлъ, который слѣдовало обработать тщательнѣе всего. Аргументація, которою поддерживается существованіе этого пропуска, заключается въ слѣдующемъ: Въ § 21 ораторъ даетъ раздѣленіе матеріаловъ своей рѣчи: во-первыхъ, онъ изложитъ обиды, нанесенныя ему лично, потомъ обиды, нанесенныя Мидіемъ Аѳинянамъ, и наконецъ, онъ разсмотритъ всю прочую жизнь Мидія, чтобъ доказать его виновность. Послѣ этого онъ велитъ прочесть свидѣтельство золотныхъ дѣлъ мастера. Когда послѣднее исполнено, ораторъ указываетъ на то, что онъ, какъ имъ было упомянуто уже въ началѣ рѣчи, имѣетъ возможность распространиться объ обидахъ, нанесенныхъ Мидіемъ и прочимъ Аѳинянамъ, но что онъ раньше опровергнетъ возраженія Мидія. Здѣсь, кажется, нѣтъ никакихъ затрудненій: ораторъ, изложивъ предметъ жалобы, даетъ планъ своей рѣчи и подтверждаетъ ту часть только что изложеннаго предмета жалобы, которая нуждалась, по его усмотрѣнію, въ подтвержденіи, свидѣтельскимъ показаніемъ; но, прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію задачи, планомъ обозначенной, онъ опровергаетъ возраженія противника. Совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ показалось это мѣсто критикамъ Демосоена. По ихъ мнѣнію, чтеніемъ свидѣтельскаго показанія золотныхъ дѣлъ мастера начинается первая и главная часть рѣчи, первый отдѣлъ изъ того, что ораторъ обѣщалъ въ § 21: ἐτελέγητο, ὅσα αὐτὸς ὕβρισθην.

Эта первая часть должна была заключать въ себѣ подтвержденіе свидѣтельскими показаніями всѣхъ пунктовъ, изложенныхъ въ разсказѣ и содержащихъ въ себѣ обвиненіе Мидіа. Послѣ перваго свидѣтельства должно слѣдовать второе, третье, и т. д., ораторъ долженъ еще послѣ каждаго документа резюмировать его содержаніе и опять велѣть секретарю прочитать слѣдующій документъ. Но такъ какъ всего этого здѣсь нѣтъ, то послѣ § 22 надо констатировать большой пропускъ. Подтвержденіе того, что послѣ перваго свидѣтельнаго показанія слѣдовалъ еще цѣлый рядъ подобныхъ документовъ, критики видятъ въ словахъ Демосоеена, съ которыми онъ обращается къ секретарю: Δέγε μοι τὴν τοῦ χρυσοῦρου πρῶτην λαβὼν μαρτυρίαν. Демосоеенъ употребилъ πρῶτην въ противоположности къ прочимъ свидѣтельствамъ, которыя за этимъ первымъ слѣдовали, но переписчиками были опущены, или ораторъ не успѣлъ собрать ихъ, когда составлялъ свою рѣчь, и отложилъ окончательную обработку этой части на другое время, или даже, можетъ быть, такъ поступилъ, какъ Цицеронъ въ процессѣ противъ Верреса (actio I). Что этотъ пропускъ былъ довольно почетныхъ размѣровъ, они заключаютъ на основаніи словъ оратора: ὄσπερ εἶπον ἐν ἀρχῇ τοῦ λόγου (§ 23), относящихся, по ихъ объясненію, къ § 19 fin.; въ нашей рѣчи промежутокъ между этими двумя мѣстами незначителенъ; но въ настоящей или предполагаемой рѣчи противъ Мидіа разстояніе ихъ другъ отъ друга было столь значительно, что § 19 дѣйствительно казался еще въ началѣ рѣчи. При этомъ нѣкоторые филологи даже старались угадать содержаніе этой опущенной части, относя къ ней данныя, встрѣчающіяся во второмъ изложеніи содержанія этой рѣчи, и вытекающія изъ небрежнаго и поверхностнаго изученія ея.

Всѣ эти гипотезы и соображенія оказываются неосновательными, если мы ихъ подвергнемъ надлежащему разсмотрѣнію, придерживаясь вышеизложенной теоріи и вдумываясь въ слова оратора. На основаніи теоріи мы выше опредѣлили настоящее значеніе этого мѣста, такъ часто терзаемаго критиками; мы видѣли, что оно заключаетъ въ себѣ изложеніе сущности дѣла, но что ораторъ, стараясь уже здѣсь увеличить виновность противника, сгруппировалъ факты съ подозрѣніями. То, на чемъ основывалась жалоба, поданная ораторомъ противъ Мидіа, достаточно засвидѣтельствовано: оскорбленіе было нанесено Демосоеену публично ¹⁾, неполученіе награды, находившееся вѣроятно въ зави-

¹⁾ Ср. Aeschin. contr. Ctes. § 52: τί γάρ δεῖ λέγειν... τὰ κατὰ Μειδίαν καὶ τοὺς κονδύλους, οὓς ἔλαβεν ἐν τῇ ὀρχήστρᾳ χορηγός ὢν.

симости отъ скандала, которому подвергся хорегъ, было тоже всѣмъ извѣстно, а порча одежды и золотыхъ вѣнковъ была подтверждена свидѣтельскимъ показаніемъ; ораторъ, правда, обвиняетъ Мидію тоже въ подкупѣ, но за это онъ не подаетъ противъ него жалобы (*δῶρον*), и поэтому не приводитъ свидѣтельскихъ показаній. Невѣрно истолковано слово *πρώτην*; противоположности здѣсь вовсе не составляютъ опущенныя свидѣтельства, а тѣ, которыя слѣдуютъ ниже (§§ 82, 93, 107, 121 и т. д.). Возраженіе Вуттманна, что нижеслѣдующія свидѣтельскія показанія не читаются секретаремъ, а что призываются сами свидѣтели, не имѣетъ никакого значенія; свидѣтельскія показанія и въ такихъ случаяхъ излагались письменно ¹⁾. Изъ этихъ свидѣтельствъ, находящихся на лицо при дѣлѣ, ораторъ велитъ первымъ взять показаніе золотыхъ дѣлъ мастера. Слова: *ἐν ἀρχῇ τοῦ λόγου* въ § 23 безъ всякаго основанія отнесены къ § 19, который, неизвѣстно почему, считается критиками началомъ рѣчи. Ораторъ здѣсь дѣйствительно имѣлъ въ виду начало своей рѣчи, гдѣ уже въ § 1 сказано: *ὄβριον, ἣ πρὸς ἅπαντας αἰεὶ χρηταί Μειδίας* и § 2: *δεινὰ πεπονθέναι νομίζοντες ἐμὲ καὶ δίκην ἅμα βουλόμενοι λαβεῖν ὧν ἐπὶ τῶν ἄλλων ἐτεθέοντο θρασὺν ὄντα καὶ βδελυρὸν καὶ οὐδὲ καθεκτόν ἔτι*; ср. § 7, Наконецъ, въ § 23 ораторъ упоминаетъ объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ Мидіемъ прочимъ Афинянамъ, не потому, что онъ кончилъ первый главный отдѣлъ и хочетъ перейти къ второму, а потому, что онъ здался цѣлью подвергнуть Мидію наказанію за всѣ его преступленія; здѣсь, при изложеніи обвиненій, онъ не можетъ ихъ, разумѣется, исчислять, и поэтому онъ по крайней мѣрѣ общаетъ сдѣлать это ниже. Что же касается распредѣленія, даннаго въ концѣ § 21, то первая его часть относится къ §§ 77—127, вторая къ §§ 128—135, а третья къ слѣдующимъ §§, гдѣ ораторъ, на основаніи нѣкоторыхъ чертъ, рисующихъ жизнь Мидіи, старается возбудить негодованіе судей противъ него. Эти черты, какъ мы видѣли, распространены въ этой части спорадически. Изъ всего изложеннаго видно, что и пропускъ существуетъ только въ воображеніи критиковъ, а не въ дѣйствительности.

Остается подъ конецъ сказать нѣсколько словъ о перестановкахъ въ этой рѣчи, сдѣланныхъ Шпенгелемъ и Нитше; первый хочетъ цѣлую часть, заключающую въ себѣ §§ 23—41, помѣстить послѣ § 127; такимъ образомъ то, что имѣетъ въ рѣчи самое важное значеніе, очутилось бы, какъ какой-то клинъ, между изложеніемъ характеристики

¹⁾ Ср. Meier u. Schömann, l. l. p. 675.

Мидія; и Нитше сдѣлалъ перестановку подобнаго рода, вставивъ послѣ § 170, §§ 143—150, которою какъ разъ то, что своимъ содержаніемъ связано, насильно расторгается. Этими двумя примѣрами мы ограничимся; они вдоволь показываютъ субъективность филологическихъ упражненій этого рода.

Итакъ, мы окончили предпринятое нами изслѣдованіе и пришли къ результату, ясно показывающему, что безъ знанія риторической техники оцѣнка памятниковъ древняго краснорѣчія является субъективною, неправильною и несправедливою. Рѣчь противъ Мидія представилась намъ съ точки зрѣнія теоріи ораторскаго искусства совершенно другою, чѣмъ какъ привыкли смотрѣть на нее новѣйшіе филологи. Это противорѣчіе заставило насъ подвергнуть мнѣнія, высказанныя критиками, подробному разсмотрѣнію, которое только подтвердило правильность риторической оцѣнки. Сознаніе, что мы такимъ образомъ принесли посильную лепту къ правильному пониманію этого литературнаго памятника, будетъ намъ достаточною наградою за труды, посвященные нами настоящему изслѣдованію.

И. Дуньявъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О «СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКѢ ИНДО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ».

Между предметами, читаемыми въ историко-филологическихъ факультетахъ русскихъ университетовъ, полагается по уставу 1863 года сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ. Кромѣ того, въ книгахъ и въ учено-литературныхъ журналахъ можно встрѣтить иногда этотъ терминъ. Между тѣмъ, вѣроятно, только немногіе изъ образованныхъ читателей имѣютъ вполне ясное понятіе о томъ, что такое слѣдуетъ понимать подъ этимъ названіемъ, тогда какъ предметъ другихъ наукъ, преподаваемыхъ въ университетахъ, понятенъ для большинства образованныхъ людей. Поэтому я считаю не лишнимъ, по мѣрѣ силъ и возможности, отвѣтить въ этой статьѣ на вопросъ: что такое—сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ?

Въ этомъ названіи соединены два понятія: „сравнительная грамматика“ и „индо-европейскіе языки“. Такимъ образомъ нашъ общій вопросъ распадается на два частные вопроса: 1) что такое сравнительная грамматика? 2) что такое индо-европейскіе языки?

Постараюсь прежде всего отвѣтить на первый вопросъ: что такое сравнительная грамматика?

Всѣмъ образованнымъ людямъ извѣстно, что существуетъ наука, называемая ботаникой, и что предметъ занятій этой науки состоитъ въ научномъ изслѣдованіи растений; затѣмъ—что существуетъ зоологія, занимающаяся научнымъ изслѣдованіемъ животныхъ; что наука, называемая астрономіей, занимается научнымъ изслѣдованіемъ небес-

ныхъ тѣлъ, и т. д. Вездѣ мы замѣчаемъ, съ одной стороны, известную сумму однородныхъ явленій, а съ другой — пытлиное, научное отношеніе человѣческаго ума къ этимъ явленіямъ.

Какъ растенія, животныя, небесныя тѣла и т. д., также точно и языки представляютъ собраніе однородныхъ явленій, и вслѣдствіе того, могутъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія. Наука, основывающаяся на идеальномъ, и надо сказать, никогда не осуществимомъ стремленіи человѣческаго ума узнать всё подробности, входящія подъ общую категорію слова человѣческаго или языка, называется или изслѣдованіемъ языковъ, наукой о языкѣ, языковѣдѣніемъ, языковѣдѣніемъ и т. п., или же лингвистикой (отъ латинскаго *lingua*, языкъ), глоттикою, глоттологіей (отъ греческаго γλῶσσα (*glōssa*) или γλῶττα (*glōtta*), языкъ, и λόγος (*lógos*), слово, рѣчь, — стало быть, глоттологія значитъ „рѣчь, наука о языкѣ“, какъ зоологія — „рѣчь, наука о животныхъ“, и т. д.

Относительно названій „лингвистика“, какъ наука о языкѣ, и „лингвистъ“, въ значеніи „изслѣдователя языка“, я долженъ замѣтить, что эти названія употребляются тоже для обозначенія пракческаго знанія многихъ языковъ. Съ этой точки зрѣнія, „лингвистъ“ есть человѣкъ, знающій практически много языковъ, то-есть, объявляющійся на нихъ безъ затрудненія. Такимъ знаменитымъ лингвистомъ, въ этомъ именно смыслѣ, былъ кардиналъ Меццофанти, подъ конецъ жизни говорившій исправно, по преданію, на 58 языкахъ. Никто, конечно, не въ правѣ навязывать другому свой собственный взглядъ на вещи, и тѣмъ болѣе никто не можетъ требовать отъ людей, употребляющихъ слово „лингвистъ“ въ только что упомянутомъ значеніи, чтобъ они въ угоду намъ отказались отъ своей привычки. Но какъ бы то ни было, понятія о „лингвистѣ“, какъ практическомъ знатокѣ и воспроизводителѣ языковъ, нельзя смѣшивать съ понятіемъ о „лингвистѣ“, какъ ихъ научномъ изслѣдователѣ. Если человѣкъ, способный подвергаться самымъ разнообразнымъ и самымъ интереснымъ болѣзнямъ, не есть вовсе изслѣдователь этихъ болѣзней или ученый медикъ, если человѣкъ, совершающій въ исправности всё физическія отправленія или функціи, не есть вовсе изслѣдователь этихъ функцій или физиологъ, если хороший исполнитель писанныхъ законовъ вовсе не есть ихъ изслѣдователь, если гениальный поэтъ далеко не тождественъ съ психологомъ, изслѣдующимъ процессъ поэтическаго творчества, — то и человѣка, совершающаго исправно языковой процессъ на всевозмож-

ные лады, нельзя вовсе считать научнымъ изслѣдователемъ языка или же языковъ. И даже часто случается, что люди, отличающіеся замѣчательными способностями къ практическому усвоенію чужихъ языковъ, оказываются совершенно неспособными относиться сознательно и научно къ явленіямъ хотя бы только отечественнаго языка; слѣдовательно, они не могли бы никогда сдѣлаться лингвистами въ теоретическомъ смыслѣ этого слова. Изъ этого однакожь не слѣдуетъ, что теоретическій изслѣдователь какого-нибудь языка или же группы языковъ долженъ пренебрегать ихъ практическимъ знаніемъ; напротивъ того, тѣмъ обширнѣе фактическія познанія по этой части, тѣмъ легче и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ можно работать въ нашей наукѣ. Вѣдь точно также для ботаника и для зоолога весьма желательно самое обстоятельное по возможности знакомство со всѣми видоизмѣненіями изслѣдуемыхъ ими существъ. И хотя природа языка и сложность и богатство представляемыхъ имъ фактовъ дѣлаютъ невозможнымъ для изслѣдователя языка такое знаніе своего предмета, какое доступно ботанику или же зоологу, тѣмъ не менѣе необходимо стремиться къ усвоенію по возможности большаго числа языковъ и къ самому основательному ихъ изученію. Во всякомъ случаѣ однако, даже практическое изученіе языковъ теоретическими лингвистами отличается отъ чисто практическаго ихъ изученія кардиналомъ Меццофанти и другими ему подобными тѣмъ, что первые изучаютъ факты языка вполне сознательно, а цѣль послѣднихъ состоитъ только въ совершенно безсознательномъ владѣніи тѣмъ или другимъ языкомъ при помощи врожденныхъ имъ чисто подражательныхъ способностей.

Съ другой стороны, если садовникъ, основательно ознакомленный съ самымъ громаднымъ количествомъ растений, или же содержатель и практическій знатокъ самаго богатаго звѣринца и акварія не могутъ еще претендовать на названіе ботаника или зоолога, то точно также невѣрно было бы называть лингвистомъ того, кто ограничивается болѣе или менѣе страдательнымъ, хотя бы даже самымъ обстоятельнымъ, знаніемъ однихъ только подробностей языка или же языковъ, или же однимъ только описаніемъ отдѣльныхъ частей языка, безъ всякой другой цѣли, какъ только именно это страдательное знаніе и описаніе подробностей. Есть, правда, ученые, которые сами себя считаютъ и даже другими признаются за изслѣдователей языка, и которые однакоже видятъ всю мудрость и конечную цѣль языковѣдствія, по части литературы -- въ составленіи описательныхъ грамматическихъ ссхviii, отд. 2.

тикъ, словарей и въ изданіи памятниковъ разныхъ языковъ, а по части знанія и преподавательской дѣятельности — въ ознакомленіи себя и другихъ только съ тѣмъ, что дается описательными грамматиками, словарями и изданіями памятниковъ, при чемъ де должно быть строжайше запрещено дѣлать какія бы то ни было болѣе широкія обобщенія и высказывать какія бы то ни было гипотезы. Обыкновенно къ подобнаго рода гонителямъ научной мысли вполнѣ примѣнима латинская пословица: *Arge non habet osorem, nisi ignorantem* (искусство, или же науку, преслѣдуютъ только люди, незнакомые съ нею). Ограничиваясь при изслѣдованіи явленій языка исключительно только описательною стороною, эти господа дѣлаютъ это вовсе не изъ какой-нибудь скромности, а напротивъ того, гордятся своею воздержанностью и „положительностью“. По моему же, здѣсь не чѣмъ гордиться. Видѣть конечную цѣль извѣстной науки въ одномъ только собираніи матеріала и отказывать себѣ во всѣхъ обобщеніяхъ и гипотезахъ — значитъ, не понимать вовсе, что такое наука вообще, а данная наука въ частности. И такъ, языковѣдніе, на сколько оно принадлежитъ къ числу наукъ, должно стремиться къ самымъ широкимъ обобщеніямъ, соблюдая, конечно, при этомъ всѣ условія точности и осмотрительности индуктивнаго метода.

Многими признается сравненіе за отличительный признакъ нашей науки, и поэтому они весьма охотно говорятъ о „сравнительномъ языковѣдніи“ или „сравнительномъ языкознаніи“ (*vergleichende Sprachwissenschaft*), о „сравнительномъ изслѣдованіи языка“ (*vesgleichende Sprachforschung*) или о „сравнительной филологіи“ (*philologie comparée, comparative philology*), или же наконецъ, о „сравнительной грамматикѣ“ (*vergleichende Grammatik, grammaire comparée*) и т. д.

Что касается перваго рода названія, „сравнительное языковѣдніе“ или т. п., то прилагательное „сравнительное“ является здѣсь совершенно лишнимъ. Ибо не только каждый научный выводъ, но даже самое простое сужденіе есть результатъ сравненія. Такъ напримѣръ, сужденіе „снѣгъ бѣлъ“ представляетъ результатъ сравненія цвѣта снѣга съ цвѣтомъ другихъ предметовъ. Произнося 1, 2, 3...., мы тѣмъ же самымъ сравниваемъ числовыя величины; а такъ какъ всѣ математическія величины являются результатомъ извѣстнаго сравненія, и такъ какъ все математическое мышленіе есть не что иное, какъ сравненіе своего рода, то прежде всего слѣдовало бы говорить не „математика“, а „сравнительная математика“. Роль же, котору

сравненіе играетъ въ языковѣдѣніи, оно исполняетъ и во всѣхъ индуктивныхъ наукахъ: только при помощи сравненія можно обобщать факты и пролагать дорогу примѣненію дедуктивнаго метода. Поэтому опредѣленіе „сравнительная“ равнымъ правомъ подходитъ къ словамъ: „географія“, „геологія“, „зоологія“, „ботаника“, „исторія“, „психологія“ и т. д., однимъ словомъ, съ этой точки зрѣнія всѣ науки сравнительны.

Но впрочемъ при „сравнительномъ языковѣдѣніи“ прилагательное „сравнительное“ имѣетъ историческое значеніе. Оно обязано своимъ происхожденіемъ новой школѣ, новому направленію въ языковѣдѣніи, сдѣлавшему громадныя открытія. Это направленіе выразилось въ сравненіи между собою нѣсколькихъ группъ языковъ родственныхъ, по преимуществу же въ сравненіи языковъ „индо-европейскихъ“ (въ началѣ текущаго столѣтія). Подобное же историческое значеніе имѣютъ названія „сравнительная анатомія“, „сравнительная географія“, „сравнительная миеологія“, „сравнительное правовѣдѣніе“ и т. д. Но все-таки это только одинъ моментъ въ исторіи науки, моментъ, когда сравненіе въ неизвѣстномъ до сихъ поръ съ научной точки зрѣнія направленіи привело къ громаднымъ и совершенно новымъ результатамъ.

Названіе „сравнительная филологія“, кромѣ лишняго прилагательнаго „сравнительная“ не точно еще и потому, что подѣ словомъ „филологія“ мы понимаемъ обыкновенно другую науку, объ отношеніи которой къ языковѣдѣнію будетъ сказано послѣ.

Наконецъ, примѣнять названіе „сравнительная грамматика“ къ языковѣдѣнію вообще значить брать „partem pro toto“ (часть вмѣсто цѣлаго), потому что сравнительная грамматика, или просто, грамматика является только одною частью языковѣдѣнія, которое задается не исключительно только грамматическими, но и другими вопросами. Прилагательное „сравнительная“ здѣсь точно также совершенно лишнее: каждая грамматика есть сравнительная, настоящая же научная грамматика извѣстнаго языка можетъ быть только одна, то-есть, съ одной стороны, индуктивная, а съ другой—историческая и сравнительная въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова.

И такъ, если науку часть которой составляетъ „сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ“, называть не по переходящимъ ея направленіямъ, не по извѣстнымъ, совершаемымъ въ ней научнымъ операціямъ, а по предмету изслѣдованія во всей его полнотѣ, то въ такомъ случаѣ, на подобіе „естествовѣдѣнія“ или

„естествознанія“, самое умѣстное названіе для науки, предметомъ которой служить языкъ, будетъ просто или „изслѣдованіе языка и рѣчи человѣческой вообще“, или „языковѣдѣніе“, или „языкознаніе“ и т. д. или „лингвистика“, „глоттологія“, „глоттика“, и т. п. Подобныя названія ничего не предрѣшаютъ, а указываютъ только на предметъ, изъ области котораго берутся научные вопросы. Впрочемъ, можно называть извѣстную науку, какъ кому угодно, и въ особенности можно величать ее „сравнительною“, лишь бы только знать, что сравненіе здѣсь не цѣль, а только одно изъ средствъ, и что оно есть не исключительная принадлежность языкознанія, а общее достояніе всѣхъ безъ исключенія наукъ.

Языковѣдѣніе распадается прежде всего на чистое и прикладное. Чистое занимается вопросами чисто лингвистическими, то-есть, оно изслѣдуетъ языки и на основаніи частныхъ изслѣдованій дѣлаетъ общіе выводы; прикладное же—примѣняетъ результаты чистаго языковѣдѣнія къ вопросамъ изъ области другихъ наукъ (мнеологии, этнографіи, этногеніи, до-исторической исторіи, исторіи культуры и т. д.).

Чистое языковѣдѣніе можно дѣлать на двѣ части: 1) положительную и 2) трансцендентальную. Положительное языковѣдѣніе ограничивается выводами изъ доступныхъ изслѣдованію фактовъ, трансцендентальное же—задается такими вопросами, которые лежатъ собственно за предѣлами доступной изслѣдованію дѣйствительности и могутъ быть рѣшены по преимуществу только умозрительно и съ помощью аналогическаго умозаключенія. Сюда принадлежитъ, между прочимъ, вопросъ о началѣ слова человѣческаго и т. п. Но, хотя сами вопросы трансцендентальны, то-есть, относятся къ фактамъ, которыхъ нельзя ни наблюдать, ни провѣрить, однако методъ долженъ быть положительный.

Нѣкоторые лингвисты исключаютъ совершенно изъ области лингвистики или языковѣдѣнія подобнаго рода вопросы и представляютъ ихъ всецѣло на рѣшеніе такъ-называемымъ философамъ языка, а эти послѣдніе, съ своей стороны, присвоиваютъ себѣ область, на которую ихъ положительныя знанія не даютъ имъ ни малѣйшаго права. По моему, философія языка безъ основательнаго знанія результатовъ положительнаго языковѣдѣнія не можетъ вовсе существовать какъ серьезная наука, а только какъ переливаніе изъ пустаго въ порожнее, или же какъ пріятное препровожденіе времени: точно также какъ натуръ-философъ безъ основательнаго знанія естествен-

ныхъ наукъ не можетъ вовсе считаться серьезнымъ ученымъ. Тѣмъ не менѣ нельзя отрицать, что, какъ въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности, такъ и въ языковѣдѣніи, существуетъ раздѣленіе труда, и что одни изъ лингвистовъ занимаютъ по преимуществу положительную часть своей науки, а другіе—по преимуществу частью трансцендентальною. Конечно, нѣтъ ничего невозможнаго соединить въ себѣ знанія философа съ основательнымъ знаніемъ положительнаго языковѣдѣнія.

Первую и вмѣстѣ съ тѣмъ основную и самую важную часть языковѣдѣнія составляетъ языковѣдѣніе положительное, распадающееся на два отдѣла: 1) грамматику и 2) систематику или классификацію языковъ. Грамматика есть всесторонній анализъ составныхъ частей человѣческаго языка или же языковъ; систематика же занимается упорядоченіемъ языковъ, какъ недѣлимыхъ цѣлыхъ, по ихъ отличительнымъ признакамъ и по ихъ генетическому, настоящему родству.

Основаніемъ всему языковѣдѣнію служитъ грамматика. Она въ свою очередь дѣлится на нѣсколько частей, сообразно съ природою разбираемаго языка. Такъ, на примѣръ, въ примѣненіи къ языкамъ „индо-европейскимъ“ она распадается на фонетику или науку о звукахъ, морфологию или науку о знаменательныхъ частяхъ слова въ ихъ взаимной связи, и наконецъ, синтаксисъ или науку о сочетаніи словъ въ предложеніяхъ и объ ихъ значеніи въ подобныхъ сочетаніяхъ. Но такое раздѣленіе примѣнимо не ко всѣмъ безъ исключенія языкамъ. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, слѣдуетъ остерегаться всего апіористическаго. Какъ остеология, то-есть, наука о костяхъ, возможна только при разсмотрѣніи тѣхъ животныхъ, у которыхъ есть кости, такъ изслѣдованіе законодательства и вообще законовѣдѣніе возможно при изслѣдованіи только тѣхъ народовъ, у которыхъ есть писанные законы, точно также, на примѣръ, наука о падежныхъ и личныхъ окончаніяхъ, какъ часть грамматики, возможна при разсмотрѣніи только тѣхъ языковъ, которымъ въ самомъ дѣлѣ свойственны падежныя и личныя окончанія. Отсюда видна вся несостоятельность тѣхъ общихъ, апіористическихъ или такъ-называемыхъ „философскихъ грамматикъ“, въ которыхъ есть мѣсто, на примѣръ, только для четырехъ падежей, ничуть ни меньше, ни больше, то-есть, для „*weg-fall*“, „*wess-fall*“, „*wem-fall*“ и „*wen-fall*“ („именительный“, „родительный“, „дательный“ и „винительный“),

не смотря на то, что во многихъ языкахъ нѣтъ вовсе никакого fall'a (падежа), а въ другихъ ихъ бываетъ даже нѣсколько десятковъ.

По довольно распространенному мнѣнію, глоттологія (лингвистика) или языковѣдѣніе смѣшивается съ филологіей. Для устранения этой неточности во взглядѣ на нашу науку, я позволю себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ о взаимномъ отношеніи языковѣдѣнія и филологіи. При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что, говоря объ отношеніяхъ отдѣльныхъ наукъ, можно имѣть въ виду только положительно данныя отдѣльныя науки, какъ упражненія челоѣческаго ума надъ суммой однородныхъ, тѣсно между собою связанныхъ и изъ поколѣнія въ поколѣніе передаваемыхъ фактовъ и понятій. Какъ науки должны бы раздѣляться „по своей идеѣ“—до насъ вовсе не касается. Можно себѣ, зашмура глаза, строить прекрасныя системы, распредѣляя науки по дивизіямъ, на знаменахъ которыхъ красуются: „Богъ“, „природа“, „человѣкъ“, и затѣмъ по полкамъ, основаніемъ которыхъ послужать разныя логическія категоріи: пространство, время, количество, качество и т. д., но все это не измѣнитъ существующихъ связей между науками.

Итакъ, филологія классическая есть изслѣдованіе душевной жизни обоихъ такъ-называемыхъ „классическихъ“ народовъ—Греческаго и Римскаго, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Точно то же германская филологія по отношенію къ Германскимъ народамъ, славянская по отношенію къ народамъ Славянскимъ, и т. д.

Мнѣніе, что можетъ существовать филологія только культурныхъ народовъ, есть научный предрассудокъ, основанный на научномъ аристократизмѣ, по которому только „благородные“ имѣютъ право на вниманіе науки. Правда, что въ самомъ дѣлѣ исторически развивались и процвѣтали до сихъ поръ только филологіи народовъ такъ называемыхъ „историческихъ“ или „культурныхъ“. Но въ новѣйшее время появилось стремленіе, общее впрочемъ всѣмъ наукамъ, не ограничиваться одними только аристократами, но обращать вниманіе на всѣхъ безъ исключенія людей. Кто изучаетъ „варваровъ“ или „первобытные народы“ во всѣхъ отношеніяхъ, языка, словесности (настоящей словесности), вѣрованій, обычаевъ, культуры и т. д., тотъ тоже филологъ, хотя и не величаетъ себя этимъ именемъ.

Итакъ, общая филологія есть, по идеѣ, изслѣдованіе душевной жизни всѣхъ безъ исключенія народовъ. Само собою разумѣется, что еще не нашелся челоѣкъ, который—выражаясь философски—могъ бы „осуществить“ собою хотя бы только приблизительно идею по-

добной общей филологіи. Задача изслѣдовать всѣ стороны душевной жизни хотя бы только одного народа, или много-много, одной группы народовъ такъ огромна, что ея хватить, пожалуй, на всю жизнь одного лица. Поэтому-то мы знаемъ о филологахъ классическихъ, занимающихся изученіемъ душевной жизни Римлянъ и Грековъ, затѣмъ о филологахъ германскихъ, славянскихъ, индійскихъ, арабскихъ и т. д., но о филологахъ, хотя бы только „индо-европейскихъ“ мы какъ-то до сихъ поръ не слыхали, и по всей вѣроятности, никогда слышать не будемъ. Правда, что тоже ни одинъ человѣкъ не былъ и не будетъ въ состояніи „осуществить“ собою идею общаго языковѣднія, какъ научнаго знанія всѣхъ языковъ и знакомства со всѣми результатами отдѣльныхъ изслѣдованій по части всѣхъ извѣстныхъ доселѣ группъ языковъ. Но, сосредоточиваясь на одной только сторонѣ проявленія душевной жизни человѣчества, то-есть, на языкѣ, можно гораздо болѣе расширить область своихъ изслѣдованій и заниматься съ успѣхомъ не только одною отраслью языковъ, въ родѣ языковъ „индо-европейскихъ“, но даже нѣсколькими подобными отраслями, и затѣмъ, на основаніи аналогическихъ заключеній объ общихъ свойствахъ всѣхъ языковъ, развить въ себѣ приблизительно вѣрное понятіе о языкѣ человѣческомъ вообще.

Итакъ, отношеніе филологіи и лингвистики можно выразить слѣдующимъ образомъ: Для филолога центромъ, около котораго группируются всѣ его занятія, являются одни и тѣ же носители всѣхъ проявленій душевной жизни, какъ-то: языка, вѣрованій, сказаній, письменности, культуры и т. д., или другими словами, одни и тѣ же народы; изслѣдованія же лингвиста связываются въ одно цѣлое однородностью той стороны проявленія душевной жизни разныхъ народовъ, которая называется языкомъ.

Впрочемъ, все это имѣетъ мѣсто только въ отвлеченіи. Въ дѣйствительности же возможно успѣшное соединеніе въ одномъ лицѣ самостоятельныхъ занятій по части, напримѣръ, классической или же славянской филологіи съ чисто лингвистическими изслѣдованіями въ области, напримѣръ, „индо-европейскихъ“ языковъ.

Видѣть, вмѣстѣ съ нѣкоторыми, различіе филологіи и лингвистики въ томъ, что первая есть наука историческая, а вторая—естественная, и затѣмъ ставить эти двѣ науки въ какія-то непріязненныя другъ другу отношенія, не имѣетъ, по моему, достаточнаго основанія, кромѣ личныхъ вкусовъ, предразсудковъ и произвольныхъ толкованій отдѣльными учеными воображаемыхъ задачъ той и другой

науки. Нѣкоторые лингвисты смотрятъ на этотъ вопросъ нѣсколько односторонне и считаютъ свою науку естественною въ томъ именно смыслѣ, какъ геологія или же біологія (представляющая соединеніе ботаники и зоологіи), то-есть, не только по методу, но и по самому предмету изслѣдованія: языковѣдніе изслѣдуетъ де живые „организмы“, языки, стало быть, оно въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ другихъ естественныхъ наукъ, занимающихся изслѣдованіемъ живыхъ организмовъ. Мнѣ же вопросъ о принадлежности языковѣднія къ естественнымъ наукамъ представляется слѣдующимъ образомъ: Методъ, которымъ пользуется настоящая научная лингвистика, таковъ же, какъ и методъ естественниковъ, методъ строгій, индуктивный,— стало быть, съ этой точки зрѣнія языковѣдніе есть наука естественная. Если же принять во вниманіе природу изслѣдуемаго предмета, то-есть, природу языка, какъ проявленія по преимуществу бессознательной психической дѣятельности человѣка, въ такомъ случаѣ нужно будетъ причислить языковѣдніе къ наукамъ исторически-психическимъ или „соціологическимъ“. Но впрочемъ языковѣдніе должно будетъ являться въ обоихъ отдѣлахъ науки только въ такомъ случаѣ, если вообще принимать подобное дуалистическое или двойственное дѣленіе наукъ. Если же отказаться отъ этого традиціоннаго дуализма, то въ такомъ случаѣ вопросъ, куда причислить языковѣдніе, окажется совершенно лишнимъ, ибо, во первыхъ въ такомъ случаѣ всѣ настоящія науки явятся естественными, такъ какъ онѣ занимаются изученіемъ природы въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, и если претендуютъ на настоящую научность, должны слѣдовать индуктивному и затѣмъ дедуктивному методу; во вторыхъ же, отдѣльныя науки составляютъ только части одной общей науки: онѣ не что иное, какъ задачи, взятія на себя отдѣльными группами труженниковъ, конечная цѣль которыхъ — узнать дѣйствительность во всѣхъ ея проявленіяхъ. Задача всѣхъ наукъ состоитъ въ очищеніи предмета изслѣдованія отъ всякихъ „случайностей“ и произвола и въ отысканіи „правильности“ и „законности“. Съ этой точки зрѣнія всѣ науки, занимающіяся сопоставленіемъ и обобщеніемъ подробностей, будутъ естественными, если выдвигаютъ на первый планъ крошущуюся въ явленіяхъ стройность и правильность; останавливаясь же на однихъ только случайностяхъ и частностяхъ, всѣ эти науки, суть науки „историческія“ (въ томъ смыслѣ, какъ этотъ эпитетъ прилагается къ вличкѣ такъ-называемой „всеобщей исторіи“). При такомъ взглядѣ на вещи, внѣ естественныхъ наукъ и матема-

тики нѣтъ мѣста для какой бы то ни было дѣйствительной науки. Тогда и филологія, и исторія, и политическая экономія и т. д., на сколько онѣ науки, должны быть непременно естественными. Филологія же и исторія, отказывающіяся отъ строго индуктивнаго метода естественныхъ наукъ и избѣгающія научныхъ обобщеній въ томъ смыслѣ, какъ они производятся въ естественныхъ наукахъ, могутъ быть собраніемъ весьма интересныхъ свѣдѣній и всемірно-историческихъ сплетенъ и вообще тѣмъ кому угодно, но никогда не будутъ наукою.

Такъ какъ языкъ представляетъ изслѣдованію только двѣ стороны: 1) акустическо-физиологическую и 2) психическую, то можно бы спросить: есть ли вообще основаніе создавать отдѣльную науку языковѣднія, и не есть ли это наука лишняя, являющаяся только случайнымъ сочетаніемъ или слѣпкомъ трехъ наукъ—акустики съ физиологіей и психологіей? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно указать прежде всего на тотъ фактъ, что языковѣдніе, какъ отдѣльная наука, существуетъ, что у него есть и своя собственная литература, есть и свои собственные специалисты. Кромѣ того, въ языковѣдніи есть въ самомъ дѣлѣ вопросы исключительно глоттологическіе или лингвистическіе, то-есть, вопросы, которыхъ никогда не касаются ни физиологъ, ни психологъ. Такъ напримѣръ, хотя дѣйствующія въ языкѣ „силы“, какъ то „привычка“, „стремленіе къ удобству“, „безсознательное обобщеніе или аперцепція“, „безсознательная абстракція“ и т. п., принадлежать всецѣло къ разряду силъ психическихъ, тѣмъ не менѣе способъ ихъ проявленія въ языкѣ совершенно своеобразенъ и таковъ, что онъ можетъ быть понятенъ единственно только для тѣхъ, кто посвятилъ себя специальному изученію языка. Въ акустическо-физиологической части языковѣдніе пользуется только выводами акустики и физиологіи, но все-таки соединяетъ ихъ такимъ образомъ, который совершенно чуждъ этимъ двумъ наукамъ. Это соединеніе результатовъ акустики и физиологіи для потребностей лингвистовъ дало начало особой наукѣ, „физиологіи звука“ или „антропофоникѣ“, какъ части языковѣднія. Подобнымъ образомъ то обстоятельство, что физиологія занимается только изслѣдованіемъ физическихъ и химическихъ процессовъ въ живомъ организмѣ, не уничтожаетъ еще этой науки (физиологіи) и не выводитъ ея на степень какого-то случайнаго конгломерата изъ вопросовъ, принадлежащихъ по настоящему химіи и физикѣ.

Только та наука можетъ быть названа истинною наукой, которая на каждомъ шагѣ соблюдаетъ въ своихъ выводахъ самую строгую и взыскательную точность и не пускается ни на какія фантазерства. Каждый научный человѣкъ, въ томъ числѣ и изслѣдователь языка, долженъ пронивнутъся убѣжденіемъ, что нѣтъ ни одного явленія, которому не было бы причины, которое не было бы обусловлено необходимостью, все равно—извѣстна ли намъ эта причина и понятна ли намъ въ данномъ случаѣ эта необходимость, или же нѣтъ. Все въ природѣ, а слѣдовательно, и въ языкѣ, „причинно“, „естественно“, „законно“, „раціонально“. Въ языкѣ нѣтъ никакого произвола. Высказываемый здѣсь взглядъ не есть мусульманскій фанатизмъ, гласящій: „дѣлай, что хочешь, увертывайся, сколько тебѣ угодно, а все-таки твой рокъ заставитъ тебя даже у полюсовъ умереть отъ жары, а на экваторѣ отъ холода“. Нѣтъ, тутъ только постоянное сдѣленіе обстоятельствъ, при тождественныхъ условіяхъ дающее всегда одинъ и тотъ же результатъ.

Если находящіяся въ нашихъ рукахъ научныя средства не позволяютъ намъ получить строго опредѣленный отвѣтъ на каждый изъ занимающихъ насъ вопросовъ, то это не должно насъ вовсе смущать. Вѣдь даже строжайшая и самая законченная изъ всѣхъ наука, наука, основанная на незыблемыхъ аксіомахъ, единственная вполне дедуктивная наука не на всѣ вопросы даетъ вполне опредѣленные отвѣты. Вѣдь квадратный корень изъ любой величины является не въ одномъ, но въ двухъ видахъ. Вѣдь, пользуясь бесконечно малыми и бесконечно великими величинами и соблюдая въ своихъ дѣйствіяхъ безукоризненную математическую строгость, мы все-таки можемъ доказать, что всѣ числа и всѣ вообще опредѣленные величины равны между собою. Вѣдь $1=0,9999\dots$. Вѣдь въ математикѣ же есть, напримеръ, хотя бы уравненія первой степени съ двумя неизвѣстными, для которыхъ получается по настоящему безчисленное множество отвѣтовъ, и только ограничивая отвѣты къ цѣлымъ числамъ, ограничивается то же число отвѣтовъ, и т. д. А нечего ужъ и говорить о высшей математикѣ, постоянно имѣющей дѣло съ бесконечными величинами. И въ языковѣдѣніи есть свои уравненія первой степени съ двумя и даже болѣе неизвѣстными. И въ языковѣдѣніи, даже въ опредѣленныхъ случаяхъ, на одинъ и тотъ же вопросъ могутъ быть по два, по три и болѣе отвѣта. Но мы все-таки твердо увѣрены, что эта неопредѣленность отвѣтовъ есть слѣдствіе только недостаточнаго знанія частныхъ условій.

Годность изслѣдованій лингвиста зависитъ, между прочимъ, отъ строгаго соблюденія условій географіи и хронологіи. Это значитъ, что каждый фактъ языка долженъ быть разсматриваемъ въ свойственной ему средѣ пространства и времени. Объяснять явленія извѣстнаго языка въ извѣстный періодъ его развитія законами другихъ періодовъ и другихъ языковъ—значитъ не обладать вовсе чутьемъ дѣйствительности, значитъ выставять себѣ рѣшительное свидѣтельство въ своей полной научной несостоятельности. Стало быть, никоимъ образомъ невозможно объяснять явленія, напримѣръ, русскаго языка „законами“, свойственными языку латинскому. Вѣдь это почти то же самое, какъ если бы кто сталъ серьезно утверждать, что на тѣлѣ какого-нибудь Нѣмца или Француза остались слѣды наказанія бамбукомъ какого-нибудь японскаго или китайскаго сановника.

Какъ научное стремленіе, языковѣдѣніе имѣетъ цѣлью изслѣдовать всѣ языки земнаго шара. Но къ сожалѣнію, языковъ насчитываютъ одни нѣсколько тысячъ, другіе—нѣсколько сотъ (о точности здѣсь и рѣчи быть не можетъ), и во всякомъ случаѣ ихъ столько, что даже съ собою ихъ частью не въ состояніи основательно ознакомиться человѣкъ самый способный и имѣющій возможность посвятить все свое время подобнымъ занятіямъ. Такимъ образомъ на практикѣ языковѣдѣніе выходитъ гораздо скромнѣе, нежели въ чисто отвлеченныхъ дефиниціяхъ. Необходимымъ является здѣсь раздѣленіе труда, спеціализація, въ силу которой отдѣльные ученые сосредоточиваютъ свое вниманіе только на нѣкоторыхъ группахъ языковъ, но при всемъ этомъ должны избранную ими частичку всего языковаго богатства разсматривать съ общей точки зрѣнія. Тогда ихъ спеціальность сохранить живучесть и общій интересъ.

Богѣ всѣхъ прочихъ группъ языковъ изслѣдованы группы, принадлежащія племенамъ и народамъ, пріобрѣтшимъ въ исторіи всемірное значеніе, то-есть, группы семитическая и индо-европейская. Преимущественно же поучительно изученіе этой послѣдней группы, такъ какъ на ней былъ выработанъ тотъ строгій методъ, которымъ теперь такъ справедливо можетъ гордиться языковѣдѣніе.

Изученіе исключительно языковъ индо-европейскихъ можетъ быть примѣненіемъ только положительнаго языковѣдѣнія къ этимъ языкамъ, то-есть, примѣненіемъ къ нимъ, съ одной стороны, грамматики, а съ другой—систематики или классификаціи, и то даже не всей, а

только классификаціи генетической или естественной классификаціи языковъ родственныхъ.

Примѣненіе грамматической части языковѣдѣнія къ языкамъ индо-европейскимъ и является именно сравнительною грамматикой индо-европейскихъ языковъ или просто грамматикой индо-европейскихъ языковъ.

Въ предшествующемъ я старался дать отвѣтъ на первый изъ вопросовъ, поставленныхъ въ началѣ этой статьи, и мнѣ остается еще отвѣтить на второй вопросъ: что такое языки индо-европейскіе? Но прежде чѣмъ отвѣтить спеціально на этотъ вопросъ, я считалъ нелишнимъ объяснить, что такое языки родственные.

Еслибъ всѣ языки происходили отъ одного, то-есть, были только различными видоизмѣненіями одного и того же первобытнаго языковаго матеріала, то въ такомъ случаѣ всѣ они были бы родственны между собою; въ такомъ случаѣ нечего было бы выдѣлять извѣстную группу языковъ родственниковъ и противопоставлять ее всѣмъ остальнымъ языкамъ. Но въ томъ-то и бѣда, что такихъ группъ языковъ родственниковъ такъ много, что, вслѣдствіе недостаточнаго знанія языковъ, даже неизвѣстно, сколько такихъ группъ, и что между отдельными группами нельзя усмотрѣть ни малѣйшаго родства. Это можно объяснять тѣмъ, что, когда у различныхъ племенъ создавался и окончательно слагался (формировался) строй языка, какъ уже дѣйствительнаго языка, эти племена не находились между собою ни въ какихъ сношеніяхъ и выработали (развили) свои языки совершенно независимо одинъ отъ другаго, или говоря иначе, что основные первобытные языки отдельныхъ племенъ произошли въ различныхъ мѣстахъ земнаго шара, безъ какого бы то ни было взаимнаго вліянія другъ на друга. Кажется даже, что нѣкоторые дикари до сихъ поръ не развили окончательно своего языка въ собственномъ смыслѣ этого слова и находятся еще теперь въ состояніи переходномъ отъ безъязычнаго состоянія къ появленію настоящаго языка.

Доискиваясь сходствъ и различій между языками не родственными, и вообще отыскивая характеристическія, всеобъемлющія особенности этихъ языковъ не родственниковъ, и на основаніи этихъ характеристическихъ особенностей опредѣляя взаимное отношеніе, ихъ (то-есть, не родственниковъ языковъ) мы даемъ начало морфологической или структурной классификаціи языковъ, которая во всякомъ случаѣ есть классификація искусственная, такъ какъ она не воспроизводитъ настоящаго постепеннаго развѣтвленія описываемыхъ предметовъ. За

то классификація въ области языковъ родственныхъ должна быть по мѣрѣ возможности классификаціею естественною, то-есть, она должна стремиться къ такому упорядоченію этихъ родственныхъ языковъ, которое было бы, такъ-сказать, только повтореніемъ дѣйствительно совершившагося процесса постепеннаго ихъ дѣленія или дифференцировки.

Языки родственные суть не что иное, какъ различныя видоизмѣненія одного и того же первобытнаго языка. Для объясненія этого выраженія я считаю нелишнимъ прибѣгнуть къ слѣдующему сравненію: Представимъ себѣ громадное пространство, покрытое сплошною массою одного и того же рода травы. Еслибъ условія почвы, климата и т. д. остались одни и тѣ же, еслибы вообще трава эта не подвергалась никакимъ постороннимъ вліяніямъ, она осталась бы на всегда не измѣненною, представляя впрочемъ на разныхъ мѣстахъ занимаемаго ею пространства извѣстное, чуть-чуть замѣтное разнообразіе формъ и свойствъ. Но допустимъ, что часть этой травы занесена какими-то судьбами въ другое, болѣе или менѣе отдаленное мѣсто, другая часть—опять въ другое мѣсто и т. д., и что эти новыя мѣстопребыванія разнятся отъ первобытной родины описываемой травы и представляютъ другія условія для ея жизни и развитія. Въ такомъ случаѣ родъ этой травы въ этихъ разныхъ мѣстахъ долженъ непременно измѣниться. Мало того; положимъ, что даже на первобытной родинѣ, гдѣ осталась извѣстная часть нашей травы, условія почвы и климата измѣнились; въ такомъ случаѣ даже тамъ видъ травы долженъ будетъ тоже измѣниться, то-есть, она явится современемъ въ новомъ видѣ. Такимъ образомъ отъ прежняго рода или вида травы ничего не останется, и онъ будетъ продолжать жить только въ своихъ разнообразныхъ потомкахъ, которые будутъ, правда, сходны какъ съ нимъ, такъ и между собою, но все-таки они будутъ не имъ самимъ, а только его разнообразными видоизмѣненіями.

Замѣнимъ теперь траву какимъ-нибудь первобытнымъ языкомъ, на примѣръ, тѣмъ языкомъ, на которомъ говорили предки всѣхъ Индо-Европейцевъ. Эти первобытные Индо-Европейцы или Аріевропейцы занимали извѣстное пространство, и вслѣдствіе сего, ихъ языкъ не могъ быть совершенно одинаковъ, но долженъ былъ представлять извѣстные, хотя даже и незначительные, діалектическіе отбѣнки или діалектическія видоизмѣненія. Извѣстныя обстоятельства, борьба за существованіе, историческія бури и т. п. унесли съ собою въ различныя страны извѣстную часть этихъ Индо-европейцевъ, которые для

насъ являются прежде всего носителями индо-Европейскихъ языковъ. При новыхъ условіяхъ жизни удалившіеся со своей родины Индо-Европейцы развили первобытные діалектическіе оттѣнки въ различные самостоятельные языки, которые являются, правда, прямымъ продолженіемъ первобытнаго языка и разнообразными его видоизмѣненіями, но ужь никакъ не могутъ быть съ нимъ отождествляемы. Но даже на родинѣ первобытнаго языка оставшаяся часть Индо-Европейцевъ не могла остаться неподвижною по отношенію къ своему языку. Здѣсь не нужно было даже никакихъ измѣненій въ условіяхъ почвы или климата, а достаточно было того обстоятельства, что непосредственно живою почвой для языка служили и служатъ его носители, то-есть, говорящіе на немъ люди, врожденныя органическія и психическія стремленія которыхъ должны были обусловить постоянныя видоизмѣненія свойственнаго имъ языка, и затѣмъ, его распаденіе на болѣе или менѣе другъ отъ друга отличающіеся нарѣчія и говоры. Такимъ образомъ отъ первобытнаго языка ничего не осталось, а остались только различные его отраженія или рефлексы въ его отдѣльныхъ потомкахъ или его отдѣльныхъ видоизмѣненіяхъ. Первобытный языкъ является, такъ-сказать, „общимъ знаменателемъ“ всѣхъ отъ него происшедшихъ. Поэтому нѣсколько наивно считать, напримѣръ, санскритъ источникомъ, изъ котораго происходятъ всѣ остальные языки индо-европейскіе: санскритъ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ такое же видоизмѣненіе первобытнаго языка, какимъ является, напримѣръ, языкъ литовскій или же любой изъ славянскихъ.

Такъ какъ при перерожденіи первобытнаго языка подвергался измѣненію прежде всего его звуковая сторона, и такъ какъ это перерожденіе происходило вездѣ на основаніи строгихъ и опредѣленныхъ законовъ, то и первымъ, необходимымъ признакомъ генетическаго родства извѣстной группы языковъ являются именно строго опредѣленные звуковыя соотвѣтствія. Пока подобныя, строго опредѣленные звуковыя соотвѣтствія не открыты, до тѣхъ поръ нельзя говорить о генетическомъ родствѣ языковъ, которое, можетъ быть, и существуетъ, но не для строгихъ и точныхъ изслѣдователей. Поэтому всѣ попытки доказать генетическое родство, напримѣръ, между языками аріо-европейскими (индо-европейскими) и семитическими, или же между языками аріо-европейскими и финско-тюркскими (туранскими) разбивались именно о невозможность найти подобныя строго опредѣ-

ленные звуковыя соотвѣтствія между сравниваемыми группами языковъ.

Прямьмъ послѣдствіемъ постоянныхъ звуковыхъ соотвѣтствій является возможность фонетическаго перевода съ одного языка на другой, ему родственнй, или возможность, каждое не заимствованное слово одного языка выразить въ звуковой формѣ другаго, сообразно съ открытыми и установленными звуковыми соотвѣтствіями, и не смотря на то, существуетъ ли данное слово въ этомъ другомъ языкѣ, или же нѣтъ. Если оно не существуетъ, то все-таки, еслибы существовало, оно должно бы явиться непремѣнно въ этомъ возсоздаваемомъ видѣ. При этомъ всѣ сравниваемыя слова слѣдуетъ прежде всего дѣлить на ихъ составныя знаменательныя (морфологическія) части или морфемы. Морфема представляетъ сумму звуковъ и вообще звуковыхъ свойствъ, съ которою связанъ извѣстный отгѣнокъ значенія, и которая въ этомъ отношеніи совершенно не дѣлима.

Возьмемъ, напримѣръ, русское слово семья, которому въ старославянскомъ соотвѣтствуетъ сѣмѣа или сѣмѣа (по старославянски оно значить „челядь“, какъ отчасти и по русски). Главною морфемой или „корнемъ“ этого слова будетъ сѣм. Теперь предстаетъ вопросъ: нѣтъ ли, напримѣръ, въ языкахъ литовскомъ и нѣмецкомъ словъ, родственныхъ по корню съ названнымъ русскимъ и старославянскимъ словомъ? Обратимся къ звуковымъ соотвѣтствіямъ: славянскому *с* (*s*) можетъ въ литовскомъ соотвѣтствовать или *с* (*s*), или *ш* (*š*). Въ первомъ случаѣ въ нѣмецкомъ будетъ тоже *з* (*c*), во второмъ же—*х*. Старославянскому *ь* (чередующемуся съ *и* (*i*) и съ *ѣ*) въ литовскомъ соотвѣтствуетъ *ai* (*aj*), чередующеся, смотря по формѣ, съ *ei* (*ej*) и съ *i*; въ нѣмецкомъ же—тоже *ai*, или *ei*, или *i* (причины этого разнообразія тоже опредѣлены, но чтобы не осложнять вопроса, оставимъ ихъ безъ вниманія). Наконецъ, старославянскому и вообще славянскому *м* въ языкахъ литовскомъ и нѣмецкомъ будетъ соотвѣтствовать тоже *м* (*m*). Пойдемъ теперь, нѣтъ ли въ литовскомъ и нѣмецкомъ словъ, родственныхъ по „корню“ слову сѣмѣа, и корень которыхъ начинался бы съ согласнаго, соотвѣтствующаго первому славянскому *с* (*s*). Это долженъ бы быть корень *zaim*, или *seim*, или *sīm*; а словъ съ подобныхъ корней и со значеніемъ, хоть сколько нибудь похожимъ на значеніе слова сѣмѣа, въ литовскомъ и нѣмецкомъ совершенно нѣтъ. Слѣдовательно, остается прибѣгнуть къ другому предположенію: нѣтъ ли въ литовскомъ и нѣмецкомъ словъ, корень которыхъ начинался бы въ литовскомъ съ *ш* (*š*), а въ нѣмец-

комъ съ *h*? Такія слова есть, а именно: литовское *szeim-yna* (челадь) и нѣмецкое *heim, da-heim, heim-ath* (родина), *heim-weh*, готское *haim-s* (деревня, село). Конечно, всѣ эти слова родственны только по корню, то-есть, по главной морфемѣ, сочетающейся съ разнообразными суффиксами или придаточными морфемами. Съ этимъ различіемъ суффиксовъ совпадаетъ и разнообразіе гласныхъ въ корнѣ: или *ai*, или *ei*, или *i*, въ старо-славянскомъ или *ъ*, или *и* (*i*) или *ь*.

Славянское *с* (*s*), въ тѣхъ случаяхъ, когда въ литовскомъ ему соотвѣтствуетъ *sz*, а въ нѣмецкомъ *h*, развило изъ первобытнаго *k*, сохранившагося въ латинскомъ и греческомъ въ видѣ *k*, а въ санскритѣ вообще давашаго *ç* (*s*). На этомъ основывается возможность фонетическаго перевода корней слѣдующихъ словъ славянскихъ на корни родственныхъ имъ по „корню“ словъ другихъ языковъ:

серд-це (съ уменьшительнымъ суффиксомъ) — литовск., *szirdis* (сердце), готское *hairtô*, нѣмецк. *herz* (сердце) (славянскому и литовскому *d*, сообразно съ его двоякимъ происхожденіемъ, соотвѣтствуетъ въ готскомъ или *d* или *t*, въ нѣмецкомъ же или *t*, или же *s* (*n*) или *s* (*c*).

дес-ять — литовск. *desz-imtis* — готск. *taih-un*, древне-верхне-нѣмецкое *zëhan*, нѣмецк. *zehn*, — санскр. *daça*.

сто, старо-слав. съто — литовск. *szimtas* — готск. *hund*, нѣмецк. *hundert* — санскрит. *çatam* — латинск. *centum* (*kentum*), греч. *hë-katón*.

весь (весь Божія), старо-слав. вьсь (дворъ, деревня) — литовск. *viesz* — въ *viesz-pats* (повелитель, то-есть, „владѣтель области“) — готск. *veih-s* (село, поле), нѣмецк. *weich-bild* (въ значеніи „территорія“) — санскр. *veç-as*, *veç-man* (домъ), *viç* (домъ, мѣстопробываніе), *viç-patis* (хозяинъ) — лат. *vīc-us* — греч. *oikos*.

порос-енокъ, старо-сл. прасѣ — литовск. *pàrszas* — древне-верхне-нѣмецк. *fagan*, нѣм. *ferk-el* — латинск. *porc-us*.

солома, старо-сл. слама — древне-верхне-нѣм. *halam*, нѣмецк. *haln* — латинск. *cultmus* (стебелекъ, солома) — греч. *kalamos* (тростникъ), *kalāmē* (стебелекъ, солома).

срамъ (вошедшее въ русскій изъ церковно-славянскаго), рядомъ съ соромъ — нѣмецк. *harm* (огорченія, скорби), *harm-los* (безобидный, спокойный) и т. д.

Изъ предшествующаго видно, что „фонетическій переводъ“ самъ по себѣ не можетъ служить одною изъ составныхъ частей метода изслѣдованія, такъ какъ возможность его является только результа-

томъ индуктивныхъ сопоставленій и выводовъ. Но фонетическимъ переводомъ можно отлично пользоваться какъ педагогическимъ средствомъ при ознакомленіи начинающихъ съ точными звуковыми соответствіями.

Сказавъ нѣсколько словъ объ аrioевропейскихъ или индо-европейскихъ языкахъ вообще, перехожу теперь къ исчисленію отдѣльныхъ семей этой отрасли, на сколько о нихъ сохранились слѣды въ памятникахъ, или на сколько онѣ извѣстны по изслѣдованію живыхъ говоровъ. Многіе изъ этихъ языковъ, вѣроятно, исчезли безслѣдно.

Народы и племена, говорящіе на аrioевропейскихъ или индо-европейскихъ языкахъ, нарѣчіяхъ и говорахъ, живутъ сплошнымъ населеніемъ въ Европѣ, Азій и Америкѣ—въ этой послѣдней, конечно, только со времени ея открытія Европейцами.

Въ Азій ¹⁾ встрѣчаемъ двѣ большія семьи этихъ языковъ: индійскую и персидскую или иранскую.

1. Древнѣйшимъ представителемъ семьи индійской является языкъ ведическій. Веды (Вѣды), то-есть, священныя книги Индусовъ, представляютъ собою вообще древнѣйшій памятникъ аrio европейской отрасли. Языкъ Ведъ (Вѣдъ), съ нѣкоторыми довольно значительными измѣненіями, и прежде всего съ устраненіемъ многихъ формъ, свойственныхъ древнѣйшему ведическому языку, служилъ впослѣдствіи общимъ литературнымъ языкомъ Индусовъ (Индійцевъ) подъ названіемъ санскрита. Слѣдовательно, настоящій санскритъ не есть вовсе языкъ народный, а только искусственный, священный, и вмѣстѣ съ тѣмъ, литературный языкъ, въ томъ болѣе или менѣе родѣ, какъ въ былое время старо-славянскій для—Славянъ, латинскій для западныхъ Европейцевъ—въ средніе вѣка, а в настоящее время италіанскій—для Италіанцевъ.

Впрочемъ слово санскритъ употребляется тоже для совмѣстнаго обозначенія какъ ведическаго языка, такъ и санскрита въ тѣсномъ смыслѣ. Только въ такомъ случаѣ различаютъ санскритъ ведическій и санскритъ классическій. Собственное же значеніе санскритскаго слова *sáms-kr-ta-* или *sams-kr-tá-* есть „сдѣлан-

¹⁾ При этомъ мы оставляемъ въ сторонѣ представителей славянской семьи въ русско-азиатскихъ владѣніяхъ.

ный", „оконченный“, „приготовленный“, „совершенный“, „правильно-образованный“, „классическій“.

Изученіе санскрита очень важно для изученія аrioевропейскихъ или индо-епропейскихъ языковъ вообще, какъ вслѣдствіе подробнаго и удачнаго его анализа, совершеннаго еще туземными грамматиками, такъ и по свойствамъ самого языка, а именно по прозрачности его строя и по сохраненію древняго состоянія. Однако же не слѣдуетъ забывать, что санскритъ есть только одинъ изъ членовъ общей аrioевропейской семьи, что онъ, по отношенію къ другимъ аrioевропейскимъ языкамъ, есть не первобытный языкъ, а только производный, хотя впрочемъ сохранившійся въ самыхъ древнихъ памятникахъ. Стало бытъ, изученіе санскрита не исчерпываетъ всего богатства вопросовъ, возбуждаемыхъ разсмотрѣніемъ всей аrioевропейской отрасли. Ограничиваясь подробнымъ историческимъ изученіемъ какой-нибудь другой семьи языковъ или же одного языка, напримѣръ, семьи славянской, германской, греческой и т. п., или же, напримѣръ, языка русскаго, литовскаго и т. п., можно, собственно говоря, отлично обойтись безъ знанія санскрита, хотя, съ другой стороны, никогда не помѣшаетъ усвоеніе себѣ отчетливаго знанія грамматической системы этого стариннаго языка. Но при всемъ этомъ слѣдуетъ избѣгать столь распространеннаго рабства передъ санскритомъ и не измѣрять явленій другихъ языковъ санскритскими категориями. И даже во всякомъ случаѣ лучше не прибѣгать къ „сравненіямъ съ санскритомъ“, нежели щеголять съ ними безъ точнаго и основательнаго знанія этого языка. Между тѣмъ въ каждой европейской литературѣ, въ томъ числѣ и въ русской, есть книжки, въ которыхъ наобумъ сравниваются санскритскія слова со словами любого языка, вопреки здравому смыслу и безъ всякаго научнаго основанія.

Кромѣ санскрита, древними литературными языками индійской семьи являются пракритъ и пали.

„Пракрить“ (prākṛta) значитъ „природный“, народный языкъ, въ противоположность санскриту какъ языку совершенному, классическому. Онъ извѣстенъ главнымъ образомъ изъ драмъ индійскихъ, въ которыхъ одни дѣйствующія лица говорятъ санскритомъ, другія же пракритомъ. Пракрить служитъ выразителемъ чувствъ и мыслей всѣхъ женщинъ, затѣмъ мужчинъ, не принадлежащихъ къ двумъ приплегированнымъ кастамъ—военной (kshatriya) и духовной (brāhmaṇa). Только vidūshaka (шутъ, скоморохъ), хотя и принадлежитъ къ духовной кастѣ, все же говоритъ въ драмахъ по пракритски, такъ какъ онъ яв-

ляется выразителемъ самаго „прозаическаго“, самаго „невозвышеннаго“ міровоззрѣнія, толкуя только о ѣдѣ, питѣ и увеселеніяхъ. Кроме того, всѣ хоры въ индійскихъ драмахъ поются по пракритски. Надо замѣтить, что „пракритъ“ не означаетъ какого-нибудь одного, однороднаго языка, а напротивъ того является общимъ обозначеніемъ нѣсколькихъ діалектическихъ отдѣлковъ „народнаго“ языка литературы.

Пâли (Pâli) является по преимуществу священнымъ языкомъ буддистовъ.

Главные діалектическіе отдѣлки живущихъ въ настоящее время нарѣчій и говоровъ Индійскаго племени распадаются на слѣдующія группы:

Гиндустани (Hindustani),

Бенгали (Bengali),

Кафиръ (Kafir)—на возвышенной плоскости Гиндукуша.

Цыганскіе говоры представляютъ тоже отпрыскъ индійской семьи языковъ. Такимъ образомъ, Цыгане являются ближайшими этнографическими родственниками восточныхъ Индійцевъ или Индусовъ.

Весьма замѣчательнъ языкъ поэтовъ (Kavi) на островѣ Явѣ (Java), такъ какъ съ матеріаломъ словъ индійскаго происхожденія въ немъ соединена форма языковъ дравидскихъ, не принадлежащихъ вовсе къ аrioевропейской отрасли, нѣчто въ родѣ кяхтинскаго китайскаго нарѣчія русскаго языка.

2. Въ иранской (эранской) или персидской семьѣ языковъ имѣются два древніе представителя:

1) языкъ древне-персидскій, сохранившійся въ клинообразныхъ надписяхъ царей изъ династїи Ахеменидовъ, съ Кира до Александра Великаго, и

2) языкъ древне-бактрійскій или зендъ, то-есть, языкъ священныхъ книгъ, приписываемыхъ Заратустрѣ или Зороастру, съ діалектическимъ отдѣлкомъ гат'а (gâthâ) (языкъ пѣсенъ).

Болѣе поздняго происхожденія слѣдующіе литературные языки эранской семьи: Гузварешъ (Huzvâresch) или Пэхлэви (Pehlevi) и Пазендъ (Pazend) или Парси (Parsi).

Въ настоящее время существуетъ ново-персидскій языкъ съ разными нарѣчіями и говорами.

Къ эранской же семьѣ причисляются языки Курдовъ, Афганцевъ, языкъ осетинскій и т. д.

Что же касается армянскаго или ормянскаго языка, то хотя

онъ тоже причисляется къ эрасской семьѣ, но скорѣе представляетъ особую семью аріевропейскихъ языковъ, близкую, правда, къ эрасской, но все-таки довольно рѣзко отъ нея отличающуюся.

Точно также, на сколько можно заключать по дошедшимъ до насъ памятникамъ, совершенно особую семью составляли аріевропейскіе языки Малой Азіи—ликійскій, фригійскій и т. п.

Главное мѣстопробываніе племенъ, говорящихъ на аріевропейскихъ языкахъ, — Европа. Здѣсь мы встрѣчаемъ слѣдующія главные семьи этой отрасли языковъ: греческую, албанскую, италійскую или романскую, кельтскую, германскую, литовскую и славянскую.

3. Греческая семья, древними представителями которой являются разные діалекты древне-греческаго или эллинскаго языка. Главные діалекты были слѣдующіе: дорическій, волическій, іоническій и аттический, изъ котораго впоследствии развился общій литературный языкъ всѣхъ Грековъ (*koine diálektos*). Всѣ эти діалектическія видоизмѣненія составляютъ группу греческую въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Ближайше родственными ей являются въ древнее время нарѣчія македонское, мессанійское (въ южной Италиі) и т. д.

Въ наше время существуетъ литературный ново-греческій языкъ и разнообразныя ново-греческіе народныя говоры.

4. Нѣкоторые причисляютъ къ Греческому племени и Албанцевъ или Арнаутовъ, но ихъ ближайшее родство съ Греками нѣсколько сомнительно. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это потомки древнихъ „Пелазговъ“. Какъ бы то ни было, албанскій языкъ и албанскіе говоры составляютъ въ области аріевропейской особую семью, отличную отъ греческой.

Что касается исчезнувшихъ языковъ „Даковъ“, „Фракійцевъ“ и т. д., то о нихъ трудно судить по скудости и запутанности матеріаловъ.

5. Италійская или романская семья, на сколько она отпечатлѣлась въ памятникахъ, представляетъ въ древнее время двѣ вѣтви:

умбрско-самнитскую, состоявшую изъ языка умбрскаго, вольскаго, осскаго и сабельскихъ говоровъ, и латинскую, то-есть, языкъ латинскій съ его народными говорами.

Принадлежность этрусскаго языка къ италійской семьѣ болѣе

чѣмъ сомнительна. Попытку Корсена (Corssen) доказать эту принадлежность слѣдуетъ считать не удавшеюся, точно также какъ и попытку одного изъ англійскихъ ученыхъ показать близкую связь языка этруссаго съ языками туранскими или финско-туркскими.

Послѣ паденія Римскаго государства языкъ латинскій продолжалъ существовать какъ литературный, но значительно измѣнился подъ вліяніемъ народныхъ говоровъ разныхъ странъ, населенныхъ „Романскимъ“ племенемъ. Это дало начало средне-латинскому языку, приживавшемуся въ письменности среднихъ вѣковъ, конечно, не въ однообразномъ видѣ, но въ различныхъ діалектическихъ оттѣнкахъ. Какъ въ направленіи географическомъ (діалектическомъ), такъ и въ хронологическомъ, этотъ языкъ подвергался постепенному перерожденію. Въ этомъ отношеніи можно различать два главные типа: болѣе древній (средне-латинскій) и болѣе поздній (ново-латинскій), употреблявшійся въ концѣ среднихъ вѣковъ и вытѣсненный черезъ востановленіе въ литературѣ, въ эпоху „возрожденія“, древняго настоящаго латинскаго языка.

Рядомъ съ литературнымъ языкомъ латинскимъ, видоизмѣняющимся съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ родственныхъ ему народныхъ говоровъ, жили сами эти народные говоры, сводившіеся къ нѣсколькимъ главнымъ типамъ. Нѣкоторые изъ этихъ народныхъ говоровъ дали начало особымъ литературнымъ языкамъ. Въ настоящее время мы встрѣчаемъ слѣдующія семь главныхъ группъ романскихъ языковъ, нарѣчій и говоровъ:

1) Группа италіанская, состоящая изъ значительнаго количества самыхъ разнообразныхъ говоровъ. Литературнымъ представителемъ этой группы является языкъ италіанскій, по которому однакожь никакъ нельзя заключать о характеристическихъ особенностяхъ большинства живыхъ народныхъ говоровъ италіанскихъ. Различіе между такъ-называемымъ италіанскимъ языкомъ, и на примѣръ, говоромъ миланскимъ или неаполитанскимъ гораздо больше, нежели между тѣмъ же италіанскимъ языкомъ и древнимъ языкомъ Римлянъ, то-есть, языкомъ латинскимъ. Это объясняется тремя причинами—діалектической, литературною и хронологическою.

Относительно первой причины, можно замѣтить, что въ то время, когда слагался теперешній литературный языкъ Италіанцевъ (то-есть, во времена Данта), существовали всѣ тѣ же діалектическіе оттѣнки италіанскихъ говоровъ, что и въ настоящее время; народнымъ же основаніемъ для литературнаго языка послужили говоры средней

Италіи, говоры Тосканы (Флоренціи и др.) и Романья (Рима), въ то время, какъ и теперь, являвшіеся рядомъ съ говорами Венеціанскаго края, самыми консервативными, то-есть, менѣе всего измѣнившимися отъ своего древняго состоянія, иначе, самыми близкими къ языку латинскому. Не подлежитъ сомнѣнію, что Генуэзецъ или же Сициліецъ XIII и XIV вѣковъ почти также мало понималъ, безъ особаго обученія, литературный италіанскій языкъ, какъ и его потомокъ въ настоящее время.

Само собою разумѣется, что Дантъ и другіи писатели, создавшіе литературный языкъ Италіи, при выборѣ тосканскаго нарѣчія руководствовались прежде всего его консервативностью и близостью къ языку латинскому. Мало того: даже выбравъ для литературныхъ цѣлей тосканское нарѣчіе, они все-таки не заимствовали его цѣлкомъ, но напротивъ того, устранили изъ него нѣкоторыя характеристическія особенности, съ цѣлью сблизить созданный такимъ образомъ новый литературный языкъ съ языкомъ латинскимъ. Такимъ образомъ въ литературный языкъ Италіи съ самаго начала вошли особенности не только одного изъ живыхъ италіанскихъ нарѣчій, но и особенности отлично извѣстнаго въ то время всѣмъ ученымъ и литераторамъ языка латинскаго. Это — вторая, литературная, причина великой близости языка италіанскаго и латинскаго и значительнаго различія между тѣмъ же италіанскимъ языкомъ и большинствомъ живыхъ италіанскихъ говоровъ. Подобное явленіе можно отмѣтить всегда, если извѣстный, вновь создающійся литературный языкъ не вырабатывается на родной почвѣ вполне самостоятельно, но имѣетъ родственныхъ ему, болѣе древнихъ предшественниковъ. Такъ, между прочимъ, сложился русскій литературный языкъ, представлявшій съ самаго начала собственно церковно-славянскій языкъ, видоизмѣненный подъ вліяніемъ одного изъ живыхъ русскихъ говоровъ или же группы говоровъ. Самъ же церковно-славянскій языкъ, какъ перерожденіе древняго старо-славянскаго, представляетъ, по отношенію къ этому послѣднему, болѣе или менѣе то же самое, что средневѣковый латинскій по отношенію къ древнему латинскому.

Наконецъ, хронологическая причина вышеупомянутаго явленія заключается въ томъ, что италіанскій литературный языкъ, разъ сложившись и окончательно установившись, дошелъ до насъ только съ незначительными измѣненіями, касающимися болѣе слова и построенія фразъ, нежели формъ, и какъ можно полагать, звуковъ, — между тѣмъ, какъ развивающіеся вполне „естественнымъ“ путемъ на-

родные говоры лишены этого предохранительнаго вліянія литературнаго воздѣйствія и измѣняются гораздо скорѣе.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что литературный италіанскій языкъ съ самаго начала своего появленія получилъ печать „искусственности“ и исключительнаго употребленія въ литературѣ, въ школахъ, въ администраціи и въ торжественныхъ случаяхъ. Въ обыденной жизни его, вѣроятно, никогда не употребляли, какъ и теперь не употребляютъ. Піемонтецъ говоритъ по піемонтски, Миланецъ по милански, Венеціанецъ по венеціански и т. д., а ничуть не по италіански. Въ Миланѣ даже такъ-называемые „высшіе слои“ общества употребляютъ въ обыкновенномъ разговорѣ мѣстный діалектъ. Только въ послѣднее время, вслѣдствіе унифицирующихъ стремленій, вслѣдствіе вліянія школы, обязательной военной службы и т. д., употребленіе общаго италіанскаго языка все болѣе и болѣе распространяется.

2) Въ италіанской группѣ слѣдуетъ отличать такъ-называемую ладинскую полосу (*zona ladina*). Эта—незначительная территория, распадающаяся на три изолированныя части: одну часть составляютъ Гриджьоны (*Grigionì*) или Гризоны въ Швейцаріи, другую — Ладины въ Тиролю, отдѣляющіе нѣмецкое населеніе отъ настоящаго италіанскаго, и наконецъ, Фурланы или Фриудяне (*Friulani, Furlans*) во Фриуль, то-есть, въ Италіи, съ городами Удине (*Udine*) и Чивидале (*Cividale*), и въ Австріи, гдѣ занимаютъ южную часть Горлицкаго графства (*Gorizia, Görz*), населеннаго въ остальномъ Славянами.

3) Третью группу романскихъ говоровъ составляетъ группа провансальская, названная такъ по литературному ея представителю, средневѣковому провансальскому языку трубадуровъ. Названіе же „провансальскаго“ языка — географическаго происхожденія (отъ французской провинціи *Provence*). Въ настоящее время нѣтъ одного провансальскаго литературнаго языка, но все-таки появляются книги на родственныхъ ему говорахъ, приспособленныхъ для литературнаго употребленія. Провансальскіе говоры занимаютъ югъ Франціи, стало быть, территорию, на которой господствующимъ литературнымъ языкомъ является языкъ французскій, да кромѣ того, съверо-востокъ Испаніи. Этимъ говорамъ въ ихъ совокупности присвоивается также названіе „*langue d'oc*“ (языкъ „ок“), гдѣ „ос“ есть утвердительное словечко, соответствующее французскому *oui* (такъ), и разившееся, какъ и это послѣднее, изъ латинскаго *hoc* (это). Упомянутое названіе рас-

пространено, какъ терминъ географическій, на старинную французскую провинцію Languedoc (Лангедокъ), на западъ отъ Прованса.

4) Четвертую группу романскихъ говоровъ представляетъ группа французская, литературнымъ представителемъ которой является языкъ французскій, принадлежащій къ самымъ распространеннымъ всемірнымъ языкамъ, и кромѣ Франціи, принятый официально-литературнымъ языкомъ въ Бельгіи, въ Люксембургѣ и отчасти въ Швейцаріи, и „дипломатическимъ“ — во всей Европѣ. Народные французскіе говоры разнятся между собою, вѣроятно, не меньше итальянскихъ.

Особую группу представляютъ говоры Валлоновъ (Wallons) въ сѣверо-восточной Франціи и въ Бельгіи.

5) Группа испанская господствуетъ въ настоящее время не столько въ Европѣ, сколько въ южной Америкѣ, точно также, какъ и

6) группа португальская.

7) Последнюю, выдающуюся группу романскихъ говоровъ составляетъ группа румынская (румынская) или дако-романская (молдаво-волошская). Говорящіе на говорахъ той группы живутъ прежде всего въ независимой Румыніи (Придунайскихъ княжествахъ), и затѣмъ, въ Австріи (въ Семиградскомъ, въ Венгріи и въ Буковинѣ), въ Россіи (въ Бессарабіи), въ восточной части княжества Сербскаго и въ теперешней Болгаріи. Особую немногочисленную вѣтвь Румуновъ составляютъ Джиндзары или Куцо-Влахи, разсѣянные по прежнимъ и теперешнимъ турецкимъ владѣніямъ и живущіе небольшою массою между Албанцами и Греками, какъ въ Турціи, такъ и въ Греціи.

8) На сколько можно судить по историческимъ преданіямъ, кельтская семья въ древнее время была гораздо болѣе распространена, нежели въ настоящее. Теперь она занимаетъ только французскую Бретань, Ирландію, Уэльсъ (Wales) и незначительную часть Шотландіи. Да и то о сплошномъ кельтскомъ населеніи можно говорить только относительно. Лишенные какъ политической, такъ и культурно-литературной независимости, Кельты примыкаютъ то къ Французамъ, то къ Англичанамъ, и вслѣдствіе того, съ одной стороны перемѣшаны съ французскими или же англійскими поселенцами, съ другой же — знаютъ сами или французскій, или англійскій господствующій языкъ. Многіе потомки прежнихъ Кельтовъ теперь уже не говорятъ по кельтски. Для нѣкоторыхъ усвоеніе себѣ высшей культуры равносильно отчужденію отъ прежней національности. Въ этомъ отноше-

ни и кельтскія земли представляют такое же зрѣлище, какъ земли литовскія (по крайней мѣрѣ отчасти), или земли славянскія, находящіяся во владѣннн племень романскихъ, германскихъ или мадьярскаго (Славяне въ Италіи, Лужичане, Поляки въ Силезіи, Словаки въ Венгріи и т. п.). Точно также такъ-называемые „инородцы“ въ Россіи, становясь людьми „культурными“, обыкновенно перестаютъ употреблять въ разговорѣ свой родной языкъ и пользуются для этой цѣли языкомъ русскимъ, хотя очень часто ихъ культурный уровень совершенно при этомъ не возвышается.

Вообще кельтская семья распадается на двѣ вѣтви, значительно другъ отъ друга отличающіяся:

1) Вѣтвь ирская или гаднелльская, къ которой принадлежатъ а) говоры ирскіе, въ Ирландіи, древнѣйшимъ литературнымъ представителемъ конкъ является языкъ древне-ирскій. Отъ этого языка имѣются памятники не раньше VIII столѣтія послѣ Р. X.

б) Другую группу вѣтви ирской составляютъ говоры гальскіе, въ Шотландіи.

2) Вѣтвь британскую или кимрійскую составляютъ:

а) языкъ древне-гальскій,

б) говоры уэльскіе (вельшскіе) или валлійскіе, въ Уэльсѣ (Wales),

в) говоры корнуэльскіе или языкъ корнуэльскій (корнійскій), существовавшій раньше въ юго-западной провинціи Англіи Корнуэль (Cornwall) и исчезнувшій (вымершій) окончательно около 1750 г.,

г) говоры бретанскіе или армориканскіе во французской Бретани. „Армориканскій“ значитъ „поморскій“, отъ аг-мог.

9) Самой распространенною между аrio-европейскими или индо-европейскими является семья германская. Изъ народовъ, создавшихъ независимыя государства, къ ней принадлежатъ Нѣмцы (въ настоящее время Германская имперія съ принадлежащими ей васальными государствами), Голландцы, Англичане, сѣверные Американцы, Датчане, Шведы и Норвежцы. Затѣмъ, въ Австріи Нѣмцы представляютъ еще теперь преобладающій элементъ, навязавшій свой языкъ, какъ языкъ школы и администраціи, другимъ національностямъ этого многоязычнаго государства. Наконецъ, сплошное населеніе, принадлежащее къ германской семьѣ, живетъ въ Бельгіи, въ нидерландскихъ (голландскихъ) и англійскихъ колоніяхъ, а

отдѣльными нѣмецкія поселенія находятся въ Италіи, въ Россіи, въ Турціи, и кажется, даже въ Испаніи.

Германская семья распадается на три главныя вѣтви:

1) Готскую. На языкахъ, принадлежащихъ къ этой вѣтви, говорили племена, извѣстныя въ исторіи среднихъ вѣковъ подъ названіемъ Готовъ или Готеовъ. Племена эти смѣшались съ племенами не германскаго происхожденія, лишившись при этомъ своего языка, такъ что эта вѣтвь германской семьи аrio-европейскихъ языковъ вымерла, какъ говорится, безъ потомковъ. Только одно изъ нарѣчій этого племени развилось въ свое время въ литературный языкъ, на которомъ написана Библия (собственно Новый Заветъ, Вулфилы или Улфилы (Vulfilas, Ulfilas) и нѣсколько другихъ менѣе значительныхъ памятниковъ.

Отъ языка Лонгобардовъ и нѣкоторыхъ другихъ племенъ германскихъ, извѣстныхъ изъ исторіи среднихъ вѣковъ, осталось слишкомъ мало памятниковъ (въ родѣ отрывочныхъ словъ и выраженій, записанныхъ лѣтописцами) для того, чтобы можно было опредѣлить ихъ ближайшую принадлежность. Отъ языка Вандаловъ, кажется, положительно ничего не осталось.

2) Другую, въ достаточной степени извѣстную вѣтвь германской семьи языковъ составляетъ вѣтвь нордійская (сѣверная) или скандинавская.

Древнѣйшимъ представителемъ этой вѣтви является языкъ древне-нордійскій или древне-сѣверный (altnordisch), то-есть, языкъ двухъ скандинавскихъ Эддъ (Edda's).

Затѣмъ, къ той же вѣтви принадлежатъ и въ настоящее время нарѣчія и говоры исландскіе, норвежско-датскіе (датско-норвежскіе) и шведскіе съ литературными языками исландскимъ, норвежскимъ, датскимъ и шведскимъ.

3) Третья вѣтвь германскихъ языковъ называется вѣтвью германскою по преимуществу или нѣмецкою (deutsch). Въ ней мы можемъ отличать двѣ обширныя группы: ниже-нѣмецкую (niederdeutsch, plattdeutsch) и выше-нѣмецкую (hochdeutsch). Названія эти заимствованы отъ того, что на первоначальной (исторически извѣстной) родинѣ Нѣмцевъ, Нѣмцы, говорящіе на „выше-нѣмецкомъ“ (hochdeutsch), занимаютъ южную, болѣе возвышенную и гористую часть территоріи, Нѣмцы же нарѣчій и говоровъ „ниже-нѣмецкихъ“ (niederdeutsch)—часть общей территоріи сѣверную, низменную, къ морю наклоненную.

Изъ древнихъ представителей ниже-нѣмецкой группы мы можемъ назвать сохранившіеся въ памятникахъ языка древне-саксонскій (altsächsisch), англо-саксонскій (angelsächsisch) и нѣкоторые другія видоизмѣненія древняго ниже-нѣмецкаго.

Выселившись въ Британію и смѣшавшись тамъ съ древними Бритами, кельтскаго происхожденія, древніе Англо-Саксонцы сохранили все-таки свой языкъ и навазали его прежнимъ туземцамъ. Покорившіе ихъ вполнѣ въслѣдствіи Французскіе Норманы или Нормандцы (принесли съ собою изъ Франціи французскій языкъ) подчинились культурному вліянію Англо-Саксонцевъ и усвоили себѣ ихъ языкъ. Хотя, вслѣдствіе французско-норманскаго вліянія, вошло въ англо-саксонскій языкъ очень много французскихъ словъ, оборотовъ и даже отдѣльных формъ, тѣмъ не менѣе этотъ языкъ сохранилъ вполнѣ свой германскій типъ и не пересталъ быть языкомъ англо-саксонскимъ, живущимъ въ разнообразныхъ говорахъ. Дальнѣйшее развитіе этихъ англо-саксонскихъ говоровъ въ Британіи дало новѣйшіе англійскіе говоры съ литературнымъ англійскимъ языкомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ государственнымъ языкомъ Великобританіи и Ирландіи, Восточной Индіи, разныхъ другихъ англійскихъ колоній, и наконецъ, Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Вообще англійскій языкъ принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ языкамъ земнаго шара.

Другимъ языкомъ литературно-государственнымъ, развившимся изъ говоровъ ниже-нѣмецкой группы, является языкъ голландскій или нидерландскій. Ближайше-родственные этому языку народные говоры (ниже-нѣмецкіе, niederdeutsch) принадлежатъ племенамъ, населяющимъ, кромѣ Голландіи, часть Бельгіи (Фламандцы), и затѣмъ, всю сѣверную Германію. Здѣсь особую группу составляютъ говоры Фризовъ или говоры фризскіе. Въ самой Германіи выработался въ новѣйшее время особый ниже-нѣмецкій литературный языкъ niederdeutsch, plattdeutsch), на которомъ писалъ, между прочимъ, знаменитый поэтъ Фрицъ Рейтеръ (Fritz Reuter).

Область, занимаемая племенами, говорящими на верхне-нѣмецкихъ (hochdeutsch) народныхъ говорахъ, значительно меньше той области, на которой господствуютъ языки, принадлежащіе къ группѣ ниже-нѣмецкой. Весьма разнообразныя народныя говоры верхне-нѣмецкіе живутъ въ настоящее время въ южной (большей) половинѣ Германской имперіи (включая сюда Эльзасъ), въ нѣмецкой части Швейцаріи, въ провинціяхъ Австріи, населенныхъ Германскимъ племенемъ, и наконецъ, въ тѣхъ мѣстахъ Россіи и Польши, гдѣ встрѣчается

сплошное нѣмецкое населеніе, но не исключительно, такъ какъ въ Россіи и Польшѣ живутъ тоже Нѣмцы, говорящіе на діалектахъ ниже-нѣмецкихъ (plattdeutsch).

Въ разные періоды жизни нѣмецкаго народа верхне-нѣмецкіе говоры давали начало различнымъ литературнымъ и литературно-государственнымъ языкамъ. Древнѣйшій видъ подобнаго литературнаго примѣненія верхне-нѣмецкихъ говоровъ представляетъ языкъ древне-верхне-нѣмецкій (althochdeutsch) въ нѣсколькихъ видоизмѣненіяхъ, употреблявшійся письменно съ VII по XII столѣтіе. Средній періодъ въ примѣненіи верхне-нѣмецкихъ говоровъ къ потребностямъ литературы представляетъ языкъ средне-верхне-нѣмецкій (mittelhochdeutsch), памятники котораго простираются съ XII по XIV столѣтіе. Главный памятникъ— „народный эпосъ“ о Нибелунгахъ (Der Nibelunge Nôt).

Совершенно независимо отъ средне-верхне-нѣмецкаго, во время реформациі, и главнымъ образомъ по почину Лютера, сложился новѣйшій видъ верхне-нѣмецкаго литературнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ государственнаго языка, языкъ новый верхне-нѣмецкій (neuhochdeutsch) или нѣмецкій въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Литеръ воспользовался по преимуществу языкомъ, употреблявшимся въ саксонскихъ канцеляріяхъ. Языкъ этотъ, съ незначительными измѣненіями, продолжаетъ существовать и въ настоящее время какъ языкъ литературы, школы, администраціи и, наконецъ, какъ разговорный языкъ такъ-называемыхъ образованныхъ классовъ во всей Германской имперіи (за исключеніемъ частички прежнихъ польскихъ владѣній, равно какъ Эльзаса и Лотарингіи), затѣмъ—въ Австріи, въ сколько она является германскою, въ нѣмецкихъ кантонахъ Швейцаріи, и наконецъ, въ Россіи (не говоря уже о нѣмецкихъ выселкахъ въ Америкѣ). Нелишне упомянуть, что въ Швейцаріи языкомъ военной команды въ пѣхотѣ и кавалеріи служитъ языкъ нѣмецкій, а въ артиллеріи—французскій.

Особое видоизмѣненіе нѣмецкаго языка представляетъ языкъ, или какъ нѣкоторые называютъ, „жаргонъ“, на которомъ говорятъ Евреи (отчасти) въ самой Германіи, затѣмъ въ Польшѣ, Россіи, Австріи и (отчасти) Румуніи.

8) Литовская семья принадлежитъ къ самымъ малочисленнымъ семьямъ аrio-европейской или индо-европейской отрасли. Рядомъ съ нею можно поставить въ этомъ отношеніи только Албанцевъ (са-

ныхъ малочисленныхъ) и затѣмъ теперешнихъ Кельтовъ (которыхъ нѣсколько болѣе, чѣмъ Литовцевъ съ Латышами).

Литовская семья вообще распадается на двѣ группы: 1) литовскую въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и 2) латышскую.

Одинъ изъ диалектовъ литовской семьи въ тѣсномъ смыслѣ сохранился только въ скудныхъ письменныхъ памятникахъ отъ XVI столѣтїа, но въ живомъ употребленїи пересталъ существовать, такъ какъ потомки говорившихъ на немъ овѣмечились, передавъ свое имя государству, создавшему въ новѣйшее время Германскую имперїю и стоящему во главѣ ея. Это языкъ—старо-прусскій или древне-прусскій (altpreussisch), то-есть, языкъ древнихъ Пруссовъ, частью истребленныхъ, частью же ассимилированныхъ Нѣмцами-крестоносцами, заимствовавшими отъ нихъ свое названїе, какъ названїе географическое, то-есть, названїе страны, въ которой жили древнїе Пруссаки-Литовцы.

Въ настоящее время Литовцы живутъ въ Восточной Пруссїи и, затѣмъ, по преимуществу въ Россїи и Царствѣ Польскомъ (то-есть, въ губерніяхъ Ковенской, въ части Виленской и Сувалкской). Литовскїе говоры распадаются на нѣсколько группъ. Самыя значительныя (хотя въ сущности весьма незначительныя) отличїя имѣются между „верхними“ Литовцами (Hochlitauer) или Литвинами и Жмудинами или Жемайтцами (Samagitier). Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что названїа „Жмудины“ и „Литвины“ (Литовцы) въ лингвистико-этнографическомъ смыслѣ далеко не совпадаютъ съ ихъ историческимъ значенїемъ и съ ихъ популярнымъ употребленїемъ въ настоящее время. Многіе называютъ „Жмудинами“ всѣхъ настоящихъ Литовцевъ, въ противоположность „Литвинамъ“, то-есть, людямъ не литовскаго, но славянскаго этнографическаго происхожденїа, живущимъ въ Литвѣ, или же въ противоположность „Литвинамъ“, какъ вообще жителямъ исторической Литвы безъ различїа ихъ происхожденїа. При такомъ взглядѣ вмѣсто названїа „литовскїй языкъ“ употребляютъ „языкъ жмудскїй“.

Литовскїй языкъ слѣдуетъ въ извѣстномъ смыслѣ считать языкомъ литературы, такъ какъ онъ служитъ органомъ особой письменности, состоящей не изъ однихъ такъ-называемыхъ произведенїй народнаго творчества, но и изъ сочиненїй индивидуальнаго характера. Въ прежнее время центръ литературной дѣятельности Литовцевъ былъ въ предѣлахъ Русскаго государства; теперь онъ перенесенъ въ Пруссїю, гдѣ даже основано въ Тильзитѣ (Tilsit) общество любителей литов-

скаго языка и словесности. Слѣдуетъ замѣтить, что между литературною дѣятельностью Литовцевъ въ Россіи и въ Пруссіи мало общаго. Ихъ раздѣляетъ, во первыхъ, принадлежность къ разнымъ государственнымъ особямъ, а во вторыхъ, религія: русско-польскіе Литовцы—католики, прусскіе же—лютеране.

Въ гораздо лучшихъ обстоятельствахъ живутъ Латыши. Племя, говорящее на латышскихъ говорахъ, изъ среды которыхъ выросъ литературный латышскій языкъ, живетъ въ губерніяхъ Курляндской, въ половинѣ Лифляндской и (въ незначительномъ количествѣ) въ Витебской. Латыши—по преимуществу протестанты, частію же православные.

Изъ живущихъ въ настоящее время аrio-европейскихъ языковъ литовскій языкъ сохранилъ древнѣйшее состояніе, какъ со стороны звуковъ, такъ и со стороны формъ. Въ этомъ отношеніи онъ немногимъ уступаетъ санскриту. Но изученіе литовскаго языка для чисто лингвистическихъ цѣлей гораздо важнѣе изученія санскрита, и именно потому, что санскритъ сохранился только въ письменныхъ памятникахъ, а литовскій языкъ живетъ до сихъ поръ въ устахъ народа; слѣдовательно, мы всегда можемъ провѣрить возникающія сомнѣнія и изучать этотъ языкъ во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ до мельчайшихъ тонкостей и подробностей. Литовскій языкъ мы можемъ непосредственно наблюдать и даже производить въ его области, относительно напримѣръ, его антропофонической (звуко-фізіологической) стороны, извѣстнаго рода опыты; между тѣмъ, имѣя дѣло съ санскритскими памятниками, мы, относительно нѣкоторыхъ весьма важныхъ особенностей свойственнаго имъ языка, обречены на вѣчное незнаніе.

9) Послѣднюю аrio-европейскую семью въ Европѣ (а теперь уже и въ Азіи, то-есть, въ Сибири) составляетъ самая славянская. Сначала представимъ ея чисто лингвистико-этнографическое дѣленіе, и затѣмъ скажемъ только нѣсколько словъ о литературныхъ, литературно-церковныхъ и литературно-государственныхъ языкахъ, выросшихъ на ея почвѣ.

Съ чисто-естественной (лингвистико-этнографической или диалектологической) точки зрѣнія, славянская семья распадается на слѣдующія вѣтви:

1) Вѣтьвь русская, самая обширная и многочисленная, распадается прежде всего на группу нарѣчій и говоровъ великорусскихъ или сѣвернорусскихъ, и затѣмъ, на группу нарѣчій и го-

воровъ малорусскихъ или южнорусскихъ. Великоруссы живутъ въ одной только Россіи, Европейской и Азіатской, Малоруссы же, кромѣ Россіи, населяютъ еще нѣкоторую часть территоріи Австро-Венгріи (часть Галиціи, Буковины и Венгріи).

Отъ великорусской группы въ обширномъ смыслѣ этого слова отдѣляется группа говоровъ бѣлорусскихъ (кривичскихъ), носители которыхъ, то-есть, говорящіе на нихъ люди, живутъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ Россіи (частью въ Смоленской, затѣмъ въ Витебской, Могилевской, Минской, Виленской и Гродненской).

Великорусская группа въ тѣсномъ смыслѣ (безъ бѣлорусской) распадается на двѣ главныя части: сѣверную, „окающую“, и южную, „акающую“, не говори о менѣе значительныхъ діалектическихъ оттѣнкахъ. Конечно, всѣ эти названія пока весьма относительныя, въ виду особенно малаго знакомства съ отличительными чертами отдѣльныхъ русскихъ говоровъ и съ ихъ географическимъ распредѣленіемъ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, нельзя установить рѣзкой границы между говорами бѣлорусскими и малорусскими, съ одной стороны, а съ другой стороны — между говорами малорусскими и великорусскими въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Недостатокъ данныхъ не позволяетъ рѣшить, на сколько вѣрно это мнѣніе. Теоретически въ немъ нѣтъ ничего невозможнаго.

Какъ въ области великорусской, такъ и въ области малорусской, можно отличить нѣсколько діалектическихъ оттѣнковъ. Но здѣсь эти оттѣнки не столь значительны, что и совпадаетъ съ меньшею распространенностью Малорусскаго племени.

2) Если и нѣтъ рѣзкой, опредѣленной границы между говорами великорусскими и малорусскими, то ужь во всякомъ случаѣ говоры польскіе своими характеристическими особенностями рѣзко отличаются отъ сосѣднихъ имъ говоровъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ.

По своимъ главнымъ, древнѣйшаго происхожденія характеристическимъ особенностямъ, польскіе говоры составляютъ одну группу съ говорами кашубскими, полабскими и лужицкими. Эти три только что названныя группы принадлежатъ Славянамъ, все болѣе ассимилируемымъ окружающимъ ихъ Нѣмецкимъ племенемъ.

Отъ полабскихъ (на Эльбѣ живущихъ) Славянъ не осталось теперь ни одного человѣка: послѣдній, говорившій по-полабски, умеръ въ прошломъ столѣтіи; потомки же прежнихъ Полабовъ или Полаблянъ совершенно онѣмечены. Кромѣ названія, единственнымъ слѣ-

домъ существованія когда-то Полабовъ служатъ скудные нисъменные памятники (писаніе Нѣмцами) и мѣстныя названія ихъ прежней территоріи, на сколько нивелирующая рука германизаторовъ не стерла ихъ съ лица земли, какъ это заранѣе, еще до полного оѣмеченія Польскаго племени, съ замѣчательнымъ вандализмомъ старается оидѣлать въ польской части великаго герцогства Познанскаго.

Кашубовъ весьма немного, и живутъ они неподалеку отъ Данцига. Прогрессъ нѣмеченія ихъ можно прослѣдить исторически.

Лужичане или Сорбы (Сербы) окружены со всѣхъ сторонъ Нѣмцами и тоже таятъ по нешюжку: численность ихъ постоянно уменьшается. Они живутъ еще въ Саксоніи (около Бауцена или Будшина) и въ Брандебургѣ (около Котбуса или Хотебужа) и распадаются на двѣ главныя части: Верхнихъ Лужичанъ (преимущественно въ Саксоніи) и Нижнихъ Лужичанъ (преимущественно въ Брандебургѣ).

Единственнымъ этнографически сильнымъ племенемъ этой группы является племя Польское, хотя и оно на своихъ западныхъ окраинахъ испытываетъ ту же участь, что его ближайшіе родичи, Кашубы и Лужичане, то-есть, или само постепенно нѣмечится, или же уступаетъ напору Нѣмцевъ, движущихся пока все болѣе и болѣе къ востоку. Это происходитъ главнымъ образомъ въ предѣлахъ Прусскаго королевства — въ восточной и западной Пруссіи, въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ, и наконецъ, въ Силезіи, — хотя и въ предѣлахъ Русскаго государства Нѣмецкое племя подвигается все болѣе на востокъ, вытѣсня Поляковъ и Литовцевъ изъ ихъ прежнихъ владѣній.

Кромѣ Пруссіи, Поляки живутъ сплошнымъ населеніемъ въ Австріи (въ австрійской Силезіи и въ Галиціи), въ Царствѣ Польскомъ (крош нѣкоторыхъ частей губерній Сувалкской, Сѣдлецкой и Люблинской), и затѣмъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ губерній Виленской и Гродненской. Перемѣшанные съ Литовцами, съ Бѣлоруссами и Малоруссами, Поляки живутъ вообще въ городахъ, въ мѣстечкахъ и деревняхъ западныхъ губерній Россіи, въ особенности же—въ губерніяхъ Волынской, Гродненской, Виленской, Ковенской и Минской.

Конечно, въ области польской группы славянскихъ говоровъ есть нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ видоизмѣненій или диалектическихъ отгѣнковъ; но теперешнее состояніе польской диалектологии не позволяетъ намъ сказать въ этомъ отношеніи ничего точнаго. Можно только отмѣтить отличіе говоровъ такъ-называемыхъ

„мазурскихъ“, силезскихъ (въ нѣсколькихъ видоизмѣненіяхъ), польско-карпатскихъ, курицкихъ и т. д.

3) Слѣдующая вѣтвь, чешско-словацкая или словацко-чешская, распадается на двѣ главныя группы: словацкую и чешско-моравскую. Словаки населяютъ сѣверо-западный уголь Венгріи, а Чехи или Чехо-Моравяне — славянскую часть Чехіи, Моравіи и неполюскую территорію австрійской Силезіи. Незначительные отпрыски Чешско-Моравскаго племени существуютъ также въ прусской Силезіи, не говоря уже о чешскихъ поселеніяхъ въ Россіи, напримѣръ, въ Волынской губерніи.

Диалектологія чешская довольно разработана, но все-таки не на столько, чтобы можно было съ точностью отдѣлить главныя группы чешско-моравскихъ говоровъ. Достаточно будетъ констатировать фактъ, что и здѣсь, какъ въ прочихъ областяхъ, встрѣчаемъ въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе значительное разнообразіе.

4) Вѣтвь сербо-хорватско-словинская отдѣлена отъ только что названной населеніемъ нѣмецкимъ и венгерскимъ. Она распадается на три главныя группы: сербо-хорватскую, словинскую и резьянскую.

Хотя людей, говорящихъ по-резьянски, весьма немного (около 3 ¹/₂ тысячъ), но тѣмъ не менѣе резьянскіе говоры довольно рѣзко отличаются какъ отъ говоровъ словинскихъ, такъ и отъ говоровъ сербо-хорватскихъ, для того, чтобы не смѣшивать ихъ ни съ тѣми, ни съ другими. Резьяне живутъ въ провинціи Удине (Udine) Итальянскаго королевства, на самой австрійской границѣ.

Нѣкоторые совершенно отдѣляютъ говоры словинскіе отъ сербо-хорватскихъ, и въ противоположность этимъ послѣднимъ, признаютъ ближайшее родство между говорами словинскими и болгарскими. По моему, болѣе общихъ чертъ можно замѣтить между говорами словинскими и сербо-хорватскими, нежели между словинскими и болгарскими. Извѣстенъ же фактъ, что есть группа собственно словинскихъ говоровъ, которую иные причисляютъ къ сербо-хорватскимъ, и которая во всякомъ случаѣ представляетъ нѣчто переходное отъ одной большой группы къ другой.

Населеніе, которому свойственны говоры словинскіе (крайно-словенскіе, „хорутанскіе“), занимаетъ всю Крайну, то-есть, провинцію Австріи со столицей Лайбахомъ (Laibach) или Люблянью (Ljubljana), за исключеніемъ лишь незначительной части территоріи на югъ, заселенной Нѣмцами-Кочеварами (Gottscheer); затѣмъ, оно

занимаетъ частичку Венгріи, южную часть Штиріи, южную полосу Хорутаніи или Каринтіи, двѣ трети Горницкаго графства (Götz) (то-есть, его сѣверную гористую часть, тогда какъ приморская равнина занята Фріулянами или Фурланами и Италіанцами), окрестности Триеста и сѣверную часть Истріи. Кромѣ того, въ Словинцамъ, съ лингвистическо-этнографической точки зрѣнія, слѣдуетъ причислить Хорватовъ „Кайкавцевъ“, живущихъ въ провинціи Хорватіи или Кроаціи и въ бывшихъ военныхъ поселеніяхъ (Граничары), то есть, именно тѣхъ Словинцевъ, которыхъ, какъ выше сказано, нѣкоторые причисляютъ къ Сербо-Хорватамъ.

Сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ въ области славянщины на столь незначительномъ пространствѣ нѣтъ такого значительнаго количества самыхъ разнообразныхъ діалектическихъ отгѣнковъ, какъ именно на территоріи, занимаемой Словинцами. Кромѣ многихъ другихъ діалектическихъ группъ мы можемъ отличать здѣсь двѣ главныя діалектическія полосы: сѣверо-западную (въ Каринтіи, въ сѣверной части славянскихъ владѣній Горницкаго графства и въ верхней, то-есть, сѣверо-западной Крайнѣ) и юго-восточную (отчасти въ Горницкомъ графствѣ, и затѣмъ, въ средней и нижней Крайнѣ, въ Штиріи и въ Венгріи).

Сербо-хорватская группа простирается въ южной Венгріи, въ части провинціи Хорватіи или Кроаціи, не занятой Словинцами „Кайкавцами“, въ южной части Истріи, въ Венгерскомъ побережьи (Littorale) со столицею Рѣкою (Ricka) или Фіуме (Fiume), на островахъ Адриатическаго моря, въ Далмаціи, въ Черногоріи, въ Босніи и Герцеговинѣ (вмѣстѣ съ бывшею турецкою Кроаціей), въ незначительной части сѣверо-западнаго угла нынѣшней Турціи, и наконецъ, въ независимомъ княжествѣ Сербскомъ. Кромѣ того, скорѣе къ Сербо-Хорватскому, чѣмъ къ Словинскому племени, слѣдуетъ причислить Славянъ, живущихъ въ Италіи въ провинціи Удине, на австрійской границѣ, на сѣверо-востокъ отъ Чивидале (Cividale) и на югъ отъ Резьи. Наконецъ, болѣе или менѣе значительныя сербо-хорватскія поселенія имѣются въ южной Италіи, въ бывшемъ Неаполитанскомъ королевствѣ, и въ Россіи.

Съ діалектологической точки зрѣнія Сербо-Хорваты распадаются прежде всего на двѣ части, на такъ-называемыхъ „Чакавцевъ“ и „Штокавцевъ“. Названія эти довольно куріознаго свойства: они заимствованы отъ вопросительныхъ мѣстоименій „ча“ и „што“ (что?),

употребляемыхъ этими Сербо-Хорватами ¹⁾). Между тѣмъ, хоть сколько нибудь научная классификація и общая характеристика известной группы нарѣчій и говоровъ не можетъ основываться на столь ничтожномъ свойствѣ, какъ употребленіе одного словечка, „ча?“ или „шта?“, тѣмъ болѣе что эти словечки со временемъ могутъ уступить мѣсто другимъ, и такимъ образомъ исчезнетъ совершенно главный будто бы признакъ отличія. Но подобныя названія могутъ быть употребляемы, какъ техническіе термины, лишь бы только помнить, что они условные знаки, съ которыми соединяется представленіе о суммѣ другихъ свойствъ, гораздо болѣе важныхъ, чѣмъ свойство, соединяемое въ умѣ съ названіями „што-кавцы, и „ча-кавцы“ путемъ чисто этимологическимъ. Въ данномъ случаѣ названія эти совпадаютъ приблизительно съ дѣйствительнымъ распаденіемъ Сербо-Хорватскаго племени на двѣ группы по главнымъ и существеннымъ отличнымъ чертамъ свойственныхъ имъ говоровъ. Все же таки могутъ быть „Штокавцы“ или „Шта-кавцы“ безъ „што?“ или „шта?“, и дѣйствительно, есть „Ча-кавцы“ безъ „ча“. Сюда принадлежатъ, между прочимъ, вышеупомянутые Славяне въ провинціи Удине, по главнымъ свойствамъ ихъ говоровъ подходящіе собственно подъ категорію „Ча-кавцевъ“, но все таки употребляющіе мѣстоименіе вопросительное не „ча?“, но „кай?“ или „кой?“ и, слѣдовательно, являющіеся, съ этой точки зрѣнія, не „Чакавцами“, а „Кайкавцами“ или „Койкавцами“. Съ этимъ названіемъ мы уже познакомились при обзорѣ Словенскаго племени и его подраздѣленій.

Кромѣ сѣверной Италіи, такъ-называемые „Чакавцы“ живутъ на островахъ Адриатическаго моря, а на материкѣ ихъ территорія обнимаетъ сербо-хорватскую часть Истріи, и затѣмъ, тянется узкою полосой по побережью Адриатическаго моря, за исключеніемъ однакожь южной части Далмаціи.

Всѣ остальные Сербо-Хорваты — „Штокавцы“. „Штокавскіе“ сербо-хорватскіе говоры распадаются, въ свою очередь, на три группы, юго-восточныхъ „Ије-кавцевъ“, сѣверо-восточныхъ „Е-кавцевъ“ (Э-кавцевъ) — главнымъ образомъ въ княжествѣ Сербскомъ, и западныхъ

¹⁾ На употребленіи подобнаго рода словечекъ основано въ области языковъ романскихъ различіе между «langue d'Oc» (провансальскій) и «langue d'Oïl» или «langue d'Oui» (французскій). Точно также известное намъ уже названіе «Кайкавцевъ» принадлежитъ къ той же категоріи.

„И-кавецъ“. Первые говорятъ, на примѣръ, ријека, бијели, другіе—река, бели, третьи же, наконецъ—рика, били (рѣка, бѣлий).

Конечно, всё эти дѣленія далеко не точны и не окончательны. Со временемъ классификація не только сербо-хорватскихъ, но и другихъ славянскихъ нарѣчій и говоровъ, должна будетъ быть построена на болѣе широкихъ и болѣе научныхъ основаніяхъ.

Въ заключеніе отдѣла о сербо-хорватскихъ говорахъ считавъ нужнымъ замѣтить, что это—терминъ искусственный, то-есть, выдуманный учеными, а не заимствованный изъ жизни. Названія „Сербо-Хорваты“ или „сербо-хорватскій языкъ“ мы не встрѣтимъ ни въ національныхъ литературахъ Сербовъ и Хорватовъ, ни въ политикѣ, ни въ исторіи, ни въ какой бы то ни было области, кромѣ филологическихъ и лингвистическихъ изслѣдованій и разсужденій. Первоначально существовали рядомъ два названія Сербы и Хорваты, какъ названія племенные. Затѣмъ, они были присвоены известнымъ провинціямъ или странамъ, Сербіи и Хорватіи, такъ что изъ нихъ вышли термины политическо-географическіе, не совпадающіе съ дѣйствительными этнографическими скодствами и различіями. Различіе вѣроисповѣданій способствовало распространенію названій „Хорваты“ и „Сербы“ за предѣлы географическіе. „Хорватами“ стали звать римскихъ католиковъ, „Сербамъ“ же—православныхъ того же племени. Какъ увидимъ вполнѣ, въ связи съ этимъ находится тоже отличеніе двухъ алфавитовъ и двухъ письменностей или литературъ, хорватской и сербской. Въ настоящее время географическое названіе „Хорватіи“ или „Кроаціи“ (Hrvatsko, Croatica) вовсе не совпадаетъ съ этнографическимъ распредѣленіемъ Славянскихъ племенъ, живущихъ въ этой провинціи: значительная часть ея населена не настоящими Хорватами, въ этнографическомъ смыслѣ этого слова, а Словинцами („Кайкавцами“), и даже столица Хорватіи, Загребъ, лежитъ въ ея словинской части.

5) Остается еще болгарская вѣтвь славянскихъ нарѣчій и говоровъ. Носители болгарскихъ говоровъ, то-есть, Болгарское племя или Болгаре населяютъ всю славянскую часть Балканскаго полуострова, за исключеніемъ сѣверо-западнаго угла, занятаго Сербо-Хорватами. Изъ неславянскихъ народностей Болгаре граничатъ съ сѣвера съ Румунами, съ востока и юга—съ Турками и Греками, съ запада—съ Албанцами или Арнаутами. Такимъ образомъ они живутъ въ полунезависимомъ княжествѣ Болгарскомъ, въ автономической Ру-

мели, въ княжествѣ Сербскомъ, въ Македоніи, въ Фессаліи, въ незначительномъ количествѣ въ Албаніи, и наконецъ, у устьевъ Дуная, какъ въ Румуніи, такъ и въ Россіи.

Кромѣ менѣе значительныхъ группъ, болгарская вѣтвь славянскихъ нарѣчій и говоровъ распадается на двѣ главныя группы: сѣверо-восточную или дунайско-балканскую и юго-западную или македонскую.

Кончивъ такимъ образомъ обзорѣніе славянскаго міра съ точки зрѣнія чисто діалектологической или племенной, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію литературныхъ языковъ, развившихся на этой почвѣ и служащихъ однимъ изъ главныхъ отличительныхъ признаковъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ или національностей.

Литературные языки могутъ быть нѣсколькихъ родовъ, сводящихся къ слѣдующимъ главнымъ категоріямъ:

1) Языки церковно-литературные и административно-литературные, служащіе письменнымъ органомъ или государства вообще, или же только администраціи въ извѣстной части государства. Въ первомъ случаѣ это будутъ языки государственно-литературные, во второмъ—административно-литературные. Такъ напримѣръ, въ Россіи государственно-литературнымъ является языкъ русскій, но напримѣръ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ рядомъ съ нимъ существуетъ языкъ нѣмецкій, какъ языкъ мѣстной администраціи.

Особый видъ государственнаго языка составляетъ языкъ дипломатическій, каковымъ для Россіи, напримѣръ, какъ и для всей вообще Европы, служитъ въ настоящее время языкъ французскій. Но такъ какъ ни одинъ изъ славянскихъ языковъ не употребляется въ дипломатическихъ международныхъ сношеніяхъ, то эта категорія не можетъ имѣть примѣненія въ области славянскихъ языковъ.

3) Третью общую категорію литературныхъ языковъ составляютъ языки литературные въ строгомъ смыслѣ этого слова, то-есть, языки, употребляемые въ письменности свѣтской и служащіе органомъ науки и изящной литературы того или другаго народа.

Чаще всего строго-литературное употребленіе совпадаетъ съ употребленіемъ церковнымъ и прежде всего административнымъ; но это далеко не всеобщее явленіе, и въ особенности въ славянской области мы должны постоянно помнить объ этихъ отличіяхъ.

Какіе же имѣются (или же имѣлись) у Славянъ церковно-литературные языки?

Первое мѣсто по своей важности и своеобразности занимаетъ здѣсь древній „церковно-славянскій“ или старо-славянскій языкъ. Въ памятникахъ его отразилось относительно самое древнее состояніе славянскихъ языковъ. Естественно, этотъ языкъ долженъ былъ имѣть какое-нибудь народное начало, то-есть, могъ произойти только путемъ примѣненія того или другаго народнаго говора или группы говоровъ къ извѣстнаго рода литературнымъ потребностямъ. Слѣдовательно, какая же изъ живущихъ въ настоящее время группа славянскихъ говоровъ находится въ ближайшей родственной связи съ древнимъ церковно-славянскимъ языкомъ? На этотъ вопросъ существуетъ нѣсколько отвѣтовъ, но между ними выдаются теперь только два: одни ищутъ начала старо-славянскому языку въ области болгарской группы, другіе же видятъ въ немъ одну изъ вѣтвей народнаго языка „Паннонскихъ“ Словенцевъ (Словеновъ, Славянъ), потомуки которыхъ лишились своей національности и смѣшались съ другими иноплеменными, не славянскими народностями. По моему, одно вѣрно, а именно то, что языкъ старо-славянскій принадлежитъ къ южно-славянскимъ языкамъ, не можетъ находиться въ ближайшемъ родствѣ съ сербо-хорватскимъ, и наконецъ, нѣкоторыми своими свойствами ближе всего подходитъ къ болгарскому; но дѣйствительные ближайшіе его родичи между существующими теперь группами южно-славянскихъ говоровъ пока не найдены, и вѣроятно, никогда не будутъ найдены.

Въ первоначальномъ своемъ видѣ старо-славянскій языкъ сохранился только въ древнѣйшихъ памятникахъ, да и то, какъ кажется, съ довольно значительными отступленіями. Связанный главнымъ образомъ съ православіемъ, онъ употреблялся именно у православныхъ Славянъ, то-есть, у Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ, да кромѣ того, у Румуновъ. Принаравливаясь къ живой рѣчи различныхъ славянскихъ племенъ, онъ въ своромъ времени распался на нѣсколько отѣнковъ, которые, все болѣе и болѣе увеличиваясь, дали начало особаннымъ церковно-славянскимъ языкамъ у Сербовъ, у Болгаръ и у Русскихъ. Но вслѣдствіе взаимнаго общенія и воздѣйствія однихъ православныхъ Славянъ на другихъ, связь между этими разными видоизмѣненіями церковно-славянскаго языка постоянно сохранялась и была причиной ихъ взаимнаго вліянія другъ на друга. А такъ какъ съ теченіемъ времени центръ православія перенесся съ Балканскаго по-

дуострова въ Россію, то, понятно, русское видоизмѣненіе церковно-славянскаго языка стало руководящимъ и для другихъ православныхъ Славянъ—Сербовъ и Болгарь. Что касается Румуновъ, то ихъ церковно-славянскій языкъ ближе всего подходитъ къ болгарскому видоизмѣненію, а будучи языкомъ совершенно чуждымъ, то-есть, находясь въ такомъ болѣе или менѣе отношеніи къ народному румунскому языку, въ какомъ церковный латинскій находится къ народному языку Чеховъ или Поляковъ, онъ не могъ подвергаться никакому вліянію румунскаго языка и сохранилъ приблизительно тотъ же видъ, въ какомъ онъ когда-то былъ заимствованъ Румунами. У Русскихъ, понимая подъ этимъ какъ Великоруссовъ, такъ и Малоруссовъ, церковно-славянскій языкъ, по крайней мѣрѣ въ произношеніи, представляетъ два разные оттѣнка, смотря по употребленію его духовенствомъ великорусскимъ, или малорусскимъ. Въ Россіи эти оттѣнки въ настоящее время болѣе или менѣе сглажены, но вѣдъ предѣловъ Русскаго государства, а именно у уніатовъ-Малоруссовъ Австрійской имперіи, существуетъ своеобразный церковно-славянскій языкъ, сходный съ языкомъ, употреблявшимся раньше у польскихъ уніатовъ. Этотъ языкъ значительно ближе къ народному языку Малоруссовъ, нежели церковно-славянскій языкъ Россіи—даже къ народному языку Великоруссовъ; мало того, въ произношеніи оба эти языка, уніатскій церковно-славянскій и народный малорусскій, почти тождественны.

При этомъ не лишне замѣтить, что въ основу теперешняго общерусскаго церковно-славянскаго языка легъ языкъ церковно-славянскій, употреблявшійся въ свое время прежде всего у Малоруссовъ. Изъ Константинополя и вообще изъ Византіи путь въ сѣверо-восточную Русь идетъ черезъ юго-западную Русь, населенную Малоруссами. Вообще, вслѣдствіе своего положенія, юго-западная Русь гораздо раньше сѣверо-восточной прислонила къ Европѣ, вліявшей на нее съ двухъ сторонъ, юго-западной (вліяніе византійское) и сѣверо-западной (вліяніе латино-польское). Многія основныя особенности общерусскаго церковно-славянскаго языка объясняются только тѣмъ, что центромъ церковнаго просвѣщенія на Руси былъ первоначально Кіевъ.

Древній церковно-славянскій или старо-славянскій языкъ сложился еще до окончательнаго раздѣленія церквей Восточной и Западной, и первоначально онъ предназначался, какъ общій церковный языкъ, для всѣхъ Славянъ-христіанъ, какому бы толку они ни принадле-

жали. По крайней мѣрѣ славянскіе апостолы Кириллъ и Меѳодій получили отъ папы разрѣшеніе пользоваться этимъ языкомъ для распространенія между Славянами римскаго католичества, то-есть, католичества съ папою во главѣ. И въ самомъ дѣлѣ нѣбуться слѣды употребленія славянскаго языка въ богослуженіи и у западныхъ Славянъ. Но сильная оппозиція со стороны епископовъ и вообще иноплеменнаго католическаго духовенства (въ особенности же нѣмецкаго) помѣшала окончателъному прिवитію у Славянъ-католиковъ богослуженія на народномъ языкѣ и вмѣсто него ввела почти повсемѣстно латинскій. Только весьма незначительная часть Хорватовъ-католиковъ, употребляющихъ такъ-называемую глаголическую азбуку, сохранила въ церковныхъ книгахъ языкъ славянскій, какъ и вообще Хорваты, по отношенію къ Риму, сохранили болѣе самостоятельности, чѣмъ, напримѣръ, Словинцы, Чехи и Поляки. Этотъ церковно-славянскій языкъ у Хорватовъ смѣшался со временемъ съ народнымъ хорватскимъ, такъ что въ настоящее время, кромѣ нѣкоторыхъ архаизмовъ, это — просто хорватскій языкъ. Территорія, на которой употребляется этотъ богослужебный хорватскій языкъ, все болѣе и болѣе суживается въ пользу языка латинскаго, такъ что, сколько мнѣ извѣстно, въ настоящее время хорватскіе священники служатъ обѣдню на хорватскомъ языкѣ только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Истріи и на островахъ Адриатическаго моря. Кромѣ того, изъ Славянъ, признающихъ главенство папы, одни только русскіе униаты (теперь существующіе только въ Австріи) пользуются славянскимъ богослужебнымъ языкомъ.

Конечно, рядомъ съ латинскимъ языкомъ, употребляемымъ для богослуженія, у всѣхъ Славянъ-католиковъ употребляются и ихъ народные языки для проповѣдей, молитвъ, церковныхъ пѣсней и вообще для тѣхъ областей церковной службы, въ которыхъ необходимо или дѣятельное участіе или по крайней мѣрѣ пониманіе языка со стороны вѣрныхъ.

Вполнѣ народнымъ языкомъ пользуются священники у Славянъ-протестантовъ, къ которымъ принадлежатъ большинство Лужицанъ, затѣмъ частичка Кашубовъ, Поляковъ (сплошнымъ населеніемъ въ восточной и западной Пруссіи и въ австрійской Силезіи, а спорадически въ разныхъ мѣстностяхъ), Чеховъ, Словаковъ и др. Одну изъ основъ протестантизма составляетъ, какъ извѣстно, употребленіе настоящаго народнаго языка, между тѣмъ какъ у православныхъ не говоря уже о церковно-славянскомъ языкѣ у Румунъ, и у самихъ

Славянъ церковно-славянскій языкъ только отчасти понатенъ народу. Извѣстно тоже, что начало новѣйшихъ литературныхъ языковъ Европы совпадаетъ съ возникновеніемъ эпохи возрожденія и реформациі.

У Славянъ-протестантовъ въ предѣлахъ Германской имперіи, какъ у Поляковъ, такъ и у Лужичанъ, до сихъ норъ держится въ молитвенникахъ и т. п. книгахъ употребленіе готическаго алфавита (швабаха), то-есть, видоизмѣненнаго въ средніе вѣка алфавита латинскаго. Употребленіе примаго латинскаго алфавита (антиквы) считается тамъ признакомъ католицизма.

Государственно-литературные языки у Славянъ встрѣчаются только при независимости государства, въ которомъ преобладаетъ одно изъ Славянскихъ племенъ. Такимъ прежде всего является языкъ русскій, сложившійся въ Московскомъ государствѣ на церковно-славянской подкладѣ. Но на сколько характеръ русскаго церковно-славянскаго языка обуславливается преимущественно тѣмъ, что извѣстное время центромъ церковнаго просвѣщенія на Руси былъ Кіевъ, на столько при формированіи государственнаго и административнаго языка Россіи взялъ перевѣсъ ея политическій центръ, то-есть, Москва. Освобожденію государственнаго языка отъ церковно-славянскихъ элементовъ значительно способствовали преобразованія Петра Великаго и его сподвижниковъ въ разныхъ отрасляхъ общественной и литературной дѣятельности. Не смотря на очищеніе русскаго письменнаго языка отъ церковно-славянизмовъ, въ немъ все-таки осталась извѣстная примѣсь церковно-славянскаго языка, и можно сказать, что теперешній русскій письменный языкъ, не только государственно-административный, но и литературный, по своему происхожденію и дальнѣйшему развитію является церковно-славянскимъ языкомъ, видоизмѣненнымъ подъ сильнымъ вліяніемъ языка народнаго.

Кромѣ русскаго языка, имѣются въ славянской области еще слѣдующіе языки государственнаго значенія: языкъ сербскій (въ княжествѣ Сербскомъ и въ Черногоріи) и (въ новѣйшее время) языкъ болгарскій (въ княжествѣ Болгарскомъ). Въ прежнее время существовали еще государственные славянскіе языки: польскій (въ Польшѣ), бѣлорусскій (въ великомъ княжествѣ Литовскомъ), хорватскій (въ независимой Хорватіи) и др.

Въ предѣлахъ Русскаго государства русскій языкъ одинъ изъ славянскихъ служитъ языкомъ школы и внутренней администраціи.

Въ Австріи, вслѣдствіе ея состава изъ различныхъ исторически

однородныхъ и въ извѣстной степени автономныхъ провинцій съ разнообразнымъ населеніемъ, для внутренней администраціи, по крайней мѣрѣ по основнымъ государственнымъ законамъ, равноправны всѣ языки, въ томъ числѣ и слѣдующіе славянскіе: польскій, малорусскій или русинскій, чешскій, словинскій и хорватскій. Въ дѣйствительности, равноправность этихъ языковъ осуществляется не въ одинаковой мѣрѣ. Такъ самыми широкими правами въ этомъ отношеніи пользуется языкъ польскій, рядомъ съ нѣмецкимъ имѣющій въ Галиціи перевѣсъ надъ русинскимъ или галицко-малорусскимъ, который однакожь признанъ и допущенъ какъ въ школахъ, такъ и въ администраціи. Затѣмъ идетъ чешскій языкъ въ Чехіи, уступающій все-таки въ школахъ и администраціи языку нѣмецкому. Подобнымъ образомъ въ Далмаціи и Истріи итальянскій языкъ, рядомъ съ нѣмецкимъ, отгѣсняетъ на второй планъ народный языкъ хорватскій. Не въ лучшія условія поставленъ, по отношенію къ нѣмецкому, языкъ словинскій, не только въ провинціяхъ, гдѣ рядомъ съ Словинцами живутъ другія народности, но даже въ Крайнѣ, почти исключительно населенной Словинцами. Въ маленькихъ провинціяхъ Австріи, со смѣшаннымъ населеніемъ, языки отдѣльных національностей ступеньваются передъ государственнымъ языкомъ—нѣмецкимъ. Такъ напримѣръ, въ Буковинѣ, гдѣ рядомъ съ Румынами живутъ Русины, затѣмъ въ австрійской Силезіи, населенной на половину Поляками, на половину Чехами, съ незначительною примѣсью Нѣмцевъ, въ Моравіи, гдѣ тоже языкъ чешскій отгѣсненъ на второй планъ нѣмецкимъ, и т. д. Равноправность всѣхъ языковъ Австрійской имперіи признается однако въ томъ, напримѣръ, смыслѣ, что надписи на присутственныхъ мѣстахъ, въ особенности же на почтаціяхъ почтоваго вѣдомства, поставлены на мѣстныхъ языкахъ данной провинціи. Такъ, въ Горницкомъ графствѣ на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ, рядомъ съ нѣмецкими, красуются тоже надписи на языкахъ итальянскомъ и словинскомъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ Австріи, какъ впрочемъ и въ другихъ государствахъ, администрація центральныхъ учреждений и администрація мѣстная, провинціальная—двѣ разныя вещи. Въ отношеніи равноправности языковъ, центральныя административныя учрежденія проявляютъ болѣе терпимости, нежели провинціальныя. Такъ напримѣръ, въ упомянутомъ уже Горницкомъ графствѣ со стороны центральныхъ государственныхъ властей словинскій языкъ испытываетъ гораздо меньшія ограниченія, нежели со стороны преобладающихъ, если не чис-

ломъ, то влияніемъ, въ этой провинціи Итальянцевъ (собственно Фурлановъ, усвоившихъ себѣ итальянскій литературный языкъ), стремящихся къ полному вытѣсненію словинскаго языка изъ officialнаго употребленія.

Въ венгерской половинѣ Австро-Венгерскаго государства условія нѣсколько другія. Тамъ исключительность и нетерпимость Мадыаръ не признаетъ правъ ни за какимъ другимъ языкомъ, кромѣ венгерскаго или мадыарскаго. Поэтому ни словацкій языкъ, ни сербскій, ни словинскій не приобрѣли себѣ до сихъ поръ въ Венгріи права гражданства въ административномъ мірѣ.

За то въ Хорватіи или Кроаціи, соединенной съ Венгріей на условіяхъ автономіи, языкъ хорватскій преобладаетъ въ администраціи, съ устраненіемъ, какъ нѣмецкаго, такъ и мадыарскаго, хотя, напри- мѣръ, надписи на почтовыхъ бланкахъ и тамъ исключительно мадыарскія или венгерскія. Языкъ хорватскій признанъ officialнымъ и во вновь присоединенныхъ провинціяхъ Босніи и Герцеговины.

Понятно, въ княжествѣ Сербскомъ и въ Черногоріи административнымъ и школьнымъ языкомъ служитъ языкъ сербскій.

Языкъ болгарскій играетъ роль административнаго и школьнаго языка не только въ княжествѣ Болгарскомъ, но, рядомъ съ греческимъ, и въ автономной Восточной Румелии.

Кромѣ того, въ Турціи, какъ прежде, такъ и теперь, въ мѣстностяхъ, населенныхъ Славянами, языками администраціи, кромѣ турецкаго, служатъ фактически тоже соотвѣтственные славянскіе языки: между Болгарами—болгарскій, между Сербами—сербскій.

Остальныя европейскія государства, владѣющія извѣстною частью Славянскаго племени, совершенно не обращаютъ вниманія на языки этихъ племенъ. Не говоря ужъ объ Италіи, гдѣ Славяне весьма немногочисленны и не имѣютъ никакихъ ни культурныхъ, ни литературныхъ преданій, — Пруссія не только не признаетъ правъ польскаго языка въ администраціи, но даже всѣми мѣрами старается мѣшать его употребленію для другихъ цѣлей. Нечего, стало быть, и упоминать о лужицкихъ языкахъ. Впрочемъ, въ прежнія времена, въ независимой Саксоніи верхне-лужицкій языкъ, хотя и не употреблялся въ администраціи, все же не испытывалъ гоненій.

Выше и нѣсколько разъ упоминалъ о языкѣ „сербскомъ“, отличномъ отъ „хорватскаго“, между тѣмъ какъ при обзорѣни Славянскихъ племенъ съ диалектологической или этнографической точки зрѣнія у

насть было только одно „Сербо-Хорватское“ племя. Спрашивается: откуда подобное различіе? чѣмъ оно обусловливается?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ исторія. Настоящіе Сербо-Хорваты, какъ теперь, такъ и раньше, составляли одно только племя. Но очень рано по историческимъ судьбамъ племя это было раздѣлено на двѣ части. Главнымъ виновникомъ этого раздѣленія оказалось вѣроисповѣданіе: одни подпали подъ власть папы, другіе же сдѣлались православными Восточной церкви, не говоря уже о такъ-называемыхъ „рenegатахъ“, принявшихъ впослѣдствіи магометанство. Съ различными вѣроисповѣданіями усвоены были и различные алфавиты: католиками — латинскій, православными — видоизмѣненный греческій или кирилловскій. То и другое должно было вызвать почти полное литературное отчужденіе и развитіе своеобразныхъ литературныхъ преданій. Сербо-Хорваты католики получили со временемъ названіе Хорватовъ, православные же были отождествлены съ Сербамъ. Какъ православные, Сербы подвергались вліянію православной церковной литературы, а носитель этой литературы, то-есть, церковно-славянскій языкъ, долженъ былъ вліять на языкъ сербскій, хотя, какъ мы видѣли, подвергался тоже сильному вліянію съ его стороны. До начала текущаго столѣтія сербскій церковно-славянскій языкъ примѣнялся, съ незначительными измѣненіями, и въ свѣтской литературѣ, на сколько она вообще существовала. Только въ нынѣшнемъ столѣтіи знаменитый Вукъ Стефановичъ Караджичъ, можно сказать, создалъ чисто народный литературный языкъ Сербовъ, отвергнувъ всякія церковно-литературныя преданія и ставъ исключительно на народную почву. Для этой цѣли онъ считалъ необходимымъ преобразовать вмѣстѣ съ тѣмъ алфавитъ, заимствовавъ внѣшнюю его форму у Русскихъ, но вполне самостоятельно примѣнивъ его къ обозначенію звуковъ роднаго языка. Это и было начало теперешнаго литературнаго сербскаго языка.

Въ этомъ новомъ видѣ онъ почти тождественъ съ языкомъ хорватскимъ, который, совершенно независимо отъ него, развивался у Сербо-Хорватовъ-католиковъ, и на которомъ писали всегда латинскими буквами. Въ XVI и XVII вв., во время процвѣтанія дубровницкой и вообще далматинской литературы, существовалъ особый видъ литературнаго „хорватскаго языка“, нѣсколько отличный отъ того, который сталъ господствующимъ съ переселеніемъ центра литературнаго движенія Хорватовъ на сѣверъ занимаемой ими территоріи. Теперешній хорватскій языкъ сложился окончательно въ текущемъ сто-

лѣтин, и какъ уже замѣчено, онъ почти тождественъ съ языкомъ сербскимъ. Съ легкой руки Наполеона I, создавшаго королевство Иллирское, языкъ хорватскій называли нѣкоторое время илирискимъ или илирскимъ.

Между литературными языками славянскими (то-есть, литературными въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) слѣдуетъ отличать языки литературные, употребляемые во всѣхъ отрасляхъ науки, изящной литературы и публицистики, и затѣмъ, языки болѣе ограниченаго круга, преимущественно народные, ограничивающіеся небогатою изящною литературой (беллетристикой) и публицистикой. Конечно, между этими двумя крайними категоріями есть переходныя звенья, и затѣмъ какъ та, такъ и другая главная категорія дѣлится на нѣсколько второстепенныхъ.

Первое мѣсто между литературными славянскими языками, по своей распространенности и всесторонности, занимаетъ въ настоящее время языкъ русскій (великорусскій). Но если принять во вниманіе прошлое литературное развитіе, то русскому языку не уступить языкъ польскій. Языками общаго литературнаго значенія являются тоже языки чешскій, хорватскій и сербскій.

Гораздо ограниченнѣе литературный кругъ языковъ словинскаго (словенскаго, крайнскаго), болгарскаго, словацкаго (у Словаковъ въ сѣверо-западной Венгріи) и верхне-лужицкаго, который, можно сказать, держится только искусственно и со смертью нѣсколькихъ любителей-патріотовъ совершенно прекратилъ бы свое существованіе.

Нижне-лужицкій языкъ тоже служить органомъ извѣстнаго рода литературы, состоящей изъ одной газеты для народа, изъ календаря и изъ нѣсколькихъ популярнхъ книжекъ. Вообще онъ въ этомъ отношеніи не многимъ выше кашубскаго литературнаго языка, „литература“ котораго зависитъ отъ дѣятельности одного челоука, Флоріана Ценовы (Florjan Cenova).

Въ Галиціи, рядомъ съ польскимъ языкомъ, литературную роль играетъ и языкъ русинскій или рутенскій. Но, большинство пишущихъ этимъ языкомъ стало не на чисто народную почву, и ихъ письменный языкъ представляетъ какую-то неудобоваримую смѣсь изъ церковно-славянскаго, русскаго (великорусскаго), польскаго, и наконецъ, галицко-малорусскаго. Смотра по симпатіямъ и привыч-

камъ писателей, преобладаетъ то тотъ, то другой элементъ. Этотъ же языкъ, съ различными видоизмѣненіями, въ употребленіи у Русиневъ Буковины и сѣверо-восточной Венгріи.

Слѣдующіе литературные языки славянскіе пользуются латинскимъ алфавитомъ: польскій, чешскій, словацкій, словинскій, „хорватскій“, оба лужицкіе и кашубскій. Видоизмѣненная же кириллица (алфавитъ русско-гражданскій) примѣняется къ языкамъ русскому, малорусскому (въ различныхъ его видоизмѣненіяхъ), сербскому и болгарскому. Кромѣ того, Болгаре и Галицкіе Русины употребляютъ то же церковную кириллицу, которая господствуетъ исключительно въ православной церковной письменности. Объ употребленіи глаголицы у нѣкоторыхъ Хорватовъ-католиковъ и объ употребленіи „швабака“ Славянами-протестантами въ Германской имперіи сказано выше.

Предназначая эту статью для русской публики, я столь пространно говорилъ объ языкахъ славянскихъ, какъ о самыхъ близкихъ изъ всѣхъ языковъ индо-европейскихъ или аrioевропейскихъ. Теперь вернемся къ обзорѣню аrioевропейскихъ языковъ вообще. И прежде всего представимъ географическое распредѣленіе этихъ языковъ въ древности и въ новѣйшее время.

Въ древности Аrioевропейцы занимали часть Азіи и большую часть Европы. Съ теченіемъ времени нѣкоторыя семьи аrioевропейскихъ языковъ или же отдѣльные члены семей исчезли. Такъ напримѣръ, исчезли языки аrioевропейскіе Малой Азіи (кромѣ греческихъ говоровъ), исчезли готскія нарѣчія, нѣкоторыя славянскія и т. д. Другіе опять лишились значительной части прежней своей территоріи. Сюда принадлежатъ Кельты и Литовцы. Третьи, наконецъ, все болѣе и болѣе разрастаются и пріобрѣтаютъ все новыя земли. Довольно упомянуть о громадномъ постепенномъ распространеніи нѣкоторыхъ членовъ семей романской и германской; между славянскими русскій языкъ принадлежитъ то же ко все болѣе и болѣе распространяющимся.

Открытіе Америки открыло Аrioевропейцамъ доступъ въ эту часть свѣта, куда они и хлынули, беспощадно истребляя болѣе или менѣе цивилизованныхъ туземцевъ (автохтоновъ).

Въ настоящее время въ Азіи по прежнему живутъ только двѣ семьи аrioевропейскихъ языковъ, то-есть, семьи индійская и иранская (эранская) или персидская (къ которой причисляемъ то же

Курдовъ, Афганцевъ, Осетиновъ и даже Армянъ). Эти двѣ семьи принадлежать къ семьямъ, если не суживающимся въ своихъ владѣнiяхъ, какъ Кельты или Литовцы, то по крайней мѣрѣ не увеличивающимся. Кромѣ того, въ Азiи живутъ Англичане и другiе Европейцы Аrioевропейскаго племени, какъ позднѣйшiе поселенцы (колонисты). Въ Сибири преобладаетъ теперь Славянское племя въ лицѣ Русскихъ.

Точно также поселенцами живутъ Европейцы Аrioевропейскаго племени въ Африкѣ и Австрали. Въ Африкѣ—главнымъ образомъ Англичане, Голландцы и Французы. Теперешнюю южно-африканскую войну ведутъ именно Англичане съ голландскими поселенцами.

Почти всю Америку населяютъ въ настоящее время отпрыски разныхъ европейскихъ народовъ Аrioевропейскаго племени. Прежнiе туземцы здѣсь остаются только въ ничтожномъ количествѣ. Въ Сѣверной Америкѣ преобладаетъ Германское племя, Англичане, въ Южной же (со включенiемъ Мексики) — племя Романское, Испанцы и Португальцы.

Наконецъ, почти вся Европа (со включенiемъ Кавказа) заселена народами, языки которыхъ принадлежать къ аrioевропейской отрасли. Народы и племена Европы, не принадлежащiе къ Аrioевропейцамъ, только слѣдующiе:

- Баски въ Испанiи и во Францiи (совершенно особаго племени),
- Венгерцы или Мадыары (Финскаго племени),
- Эсты, Финны (съ Лопарями) и другiя финскiя племена, живущiя въ Россiи,
- Турки, Татары и Чувашы,
- Кавказскiя племена, говорящiя на своеобразныхъ языкахъ.

Послѣ этого не лишнимъ будетъ, какъ полагаю, рассмотреть отдѣльныя европейскiя государства съ точки зрѣнiя ихъ одноплеменности или разноплеменности.

Въ этомъ отношенiи мы будемъ отличать:

1) государства совершенно чистыя, одноплеменныя, населенныя людьми одного только племени, понимая „одно племя“ въ томъ смыслѣ, какъ напримѣръ, племя Романское, Германское, Славянское и т. п.;

2) государства, въ которыхъ живутъ не аrioевропейскiя племена

или хотя бы только одно не аrioевропейское племя, но аrioевропейскій элементъ которыхъ однороденъ;

3) государства, населеніе которыхъ состоятъ изъ разноплеменныхъ Аrioевропейцевъ, но безъ примѣси не аrioевропейскаго элемента;

4) государства, въ составъ которыхъ входятъ какъ разноплеменные Аrioевропейцы, такъ и не аrioевропейскія племена.

При этомъ мы не станемъ обращать вниманіе на Цыганъ, по языку принадлежащихъ къ индійской семьѣ аrio-европейской отрасли. Не будемъ обращать на нихъ вниманія потому, что они до сихъ поръ являются кочевниками, которымъ чужда осѣдлая жизнь, хотя впрочемъ въ такихъ странахъ, какъ Венгрія или Румыніа, гдѣ Цыгане живутъ въ значительномъ количествѣ, и они могли бы быть принимаемы въ соображеніе.

Что касается Евреевъ, то хотя по своему происхожденію они принадлежатъ къ народамъ и племенамъ, говорящимъ на семитическихъ языкахъ, тѣмъ не менѣе въ Европѣ по языку они должны быть причислены къ отдѣльнымъ аrio-европейскимъ народамъ. Такъ на примѣръ, въ Англіи они говорятъ по англійски, во Франціи по французски, въ Италіи по италіянски, и т. д. Въ Германіи Евреи, не смотря на всякія „Judenhetzen“, — Нѣмцы. Точно также они Нѣмцы въ Польшѣ и въ Россіи, если говорятъ на такъ-называемомъ „жидовскомъ жаргонѣ“; если же они ассимилируются окружающею средѣ, усвоивая себѣ ея языкъ, они становятся Поляками, Русскими или т. п.

1) Итакъ, — оставляя въ сторонѣ маленькія государства въ родѣ республикъ Андоры, Сан-Марино и княжества Монако, — самыми однородными по составу населенія являются слѣдующія европейскія государства:

Португалія (племя Романское),

Голландія или Нидерланды (племя Германское) и

Данія съ Исландіей (племя Германское).

2) Затѣмъ, одно аrio-европейское племя живетъ рядомъ съ племенемъ не аrio-европейскимъ.

Въ Испаніи (племя Романское и Баски, — если не считать незначительныхъ нѣмецкихъ колоній), да кромѣ того, въ Швеціи и Норвегій (племя Германское и Финны).

3) Нѣсколько (два и болѣе) аrio-европейскихъ племенъ встрѣчаемъ:

въ Бельгiи и Люксембургѣ (племя Германское и Романское),
 въ Швейцарiи (точно также племя Германское и Романское),
 въ Черногорiи (племя Славянское и Албанское или Шкипетарское),
 въ Сербiи (племена Славянское, Романское и Албанское),
 въ Греции (племя Греческое, Албанское и Романское),
 въ Германiи (племя Германское, Славянское, Литовское и Романское),

въ Италии (племена Романское, Славянское, Албанское, Греческое и Германское въ весьма ограниченномъ количествѣ) и, наконецъ,
 въ Великобритании и Ирландiи (племя Германское и Кельтское).
 На Мальтѣ же преобладающимъ является племя, говорящее языкомъ семитическимъ, близкимъ арабскому.

Если Албанию считать фактически полунезависимымъ государствомъ, то она то же сюда подойдетъ. Въ ней встрѣчаемъ племена: Албанское, Славянское и Романское.

4) Остаются государства съ самымъ разнообразнымъ составомъ населенiя, то-есть, такiя, въ которыхъ встрѣчаются не только различныя племена аrio-европейскiя, но и не аrio-европейскiя. Таковы: Францiя, гдѣ рядомъ съ Романцами и Кельтами живутъ Баски; Румунiя, гдѣ рядомъ съ преобладающимъ романскимъ этнографическимъ элементомъ встрѣчаемъ Славянъ, Мадьяръ и, наконецъ, Турокъ съ Татарами;

Болгарiя, гдѣ встрѣчаемъ племена Славянское, Романское и Турецко-татарское;

Восточная Румелия, гдѣ живутъ тѣ же племена, да кромѣ того Греческое и Албанское.

Въ остальной Европейской Турции то же самое: преобладающими являются племена Греческое, Славянское и Албанское, но рядомъ съ ними живутъ тоже племена Романское и Турецкое.

Австро-Венгрия представляетъ почти въ одинаковой этнографической силѣ изъ аrio-европейскихъ племена Славянское, Германское и Романское, а изъ не аrio-европейскихъ племя Мадьярское или Венгерское. Съ Боснiей и Герцеговиной необходимо было захватить то же немножко Албанцевъ и Турокъ.

Самую неструю этнографическую картину въ Европѣ представляетъ Европейская Россiя, въ особенности, если причислить къ ней Кавказъ. Здѣсь живутъ самыя разнообразныя, какъ аrio-европейскiя, такъ и не аrio-европейскiя племена.

Преобладающее племя въ Россiи Славянское, представителями ко-
 частъ ссхviii, отд. 2.

тораго являются Русскіе (Великороссы съ Бѣлоруссами и Малороссы), Поляки, и затѣмъ, отдѣльныя поселенія Сербовъ, Болгаръ и Чеховъ.

Изъ другихъ аріо-европейскихъ племенъ мы встрѣчаемъ здѣсь сплошное населеніе Литовцевъ съ Латышами, Нѣмцевъ (Германцевъ съ Евреями, Румуновъ (Романцевъ) и, затѣмъ, изъ азіатскихъ аріо-европейскихъ племенъ: Армянъ, Осетиновъ и Курдовъ. Присоединивъ къ нимъ Цыганъ, принадлежащихъ по языку къ индійской семьѣ, мы должны будемъ констатировать фактъ, что въ одной Европейской Россіи (не считая Азіатской), живутъ сплошною массою представители всѣхъ, за исключеніемъ Кельтовъ и Албанцевъ, семействъ аріо-европейскихъ языковъ, съ которыми мы познакомились выше.

Изъ не аріо-европейскихъ племенъ въ значительномъ количествѣ въ Россіи являются племена, языки которыхъ принадлежатъ, урало-алтайской или финско-тюркской, иначе, туранской отрасли. Съ одной стороны, мы можемъ назвать Татаръ, Калмыковъ, Киргизовъ, Башкировъ, Чувашей и т. д., съ другой же—Эстонцевъ, Финновъ съ Лопарями, Зырянъ, Самоѣдовъ, Вогуловъ, Черемисъ, Мордву и т. д.

Наконецъ, на Кавказѣ можно отмѣтить много языковъ, не принадлежащихъ ни къ аріо-европейской, ни къ финско-тюркской отрасли.

Выше мы познакомились съ слѣдующими девятью главными семействами аріо-европейской или индо-европейской отрасли языковъ: индійскою, иранскою (иранскою) или персидскою, греческою, албанскою, италійскою или романскою, кельтскою, германскою, литовскою, и наконецъ, славянскою. Теперь спрашивается: нельзя ли между нѣкоторыми изъ этихъ семействъ признать ближайшаго родства въ противоположность всѣмъ остальнымъ?

На этотъ вопросъ давались разными учеными самыя разнообразныя отвѣты, одинаково неудовлетворительныя, и въ концѣ концовъ былъ высказанъ взглядъ, отрицающій правильность самой постановки вопроса.

Какъ бы то ни было, помимо всѣхъ измѣняющихся взглядовъ на этотъ предметъ, вѣрно то, что существуетъ болѣе близкая родственная связь, съ одной стороны, между языками семействъ индійской и иранской, съ другой же стороны—между языками семействъ литовской и славянской.

Существуетъ нѣсколько названій языковъ отрасли, поверхностное описаніе которой составляетъ, между прочимъ, предметъ этой статьи. Одни называютъ ихъ іафетическими, въ противоположность семитическимъ, другіе — арійскими, отъ Аріевъ или Арійцевъ, носителей ведическаго, и затѣмъ, санскритскаго языка. По этому же поводу нѣкоторые придаютъ всей отрасли названіе санскритской. Опять другіе, въ особенности Нѣмцы, постоянно употребляютъ названіе „языки индо-германскіе“, основываясь на томъ, что на крайнихъ предѣлахъ территоріи, заселенной племенами этой отрасли, живутъ-де съ востока Индійцы или Индусы, съ запада же „Германцы“. Кроме того существуютъ еще два названія той же отрасли: „языки индо-европейскіе“ и „языки аrio-европейскіе“. По моему, самымъ подходящимъ слѣдуетъ считать послѣднее названіе, „языки аrio-европейскіе“, какъ обнимающее собою все пространство, на которомъ жили эти племена въ древнѣйшее доступное для исторіи время. Названіе „Арійцы“ или „Арія“ примѣнимо одинаково къ обѣимъ главнымъ семьямъ этой отрасли, жившимъ въ то время, какъ и до сихъ поръ живущимъ въ Азій, то-есть, какъ къ Индійцамъ, такъ и къ Эранцамъ. Европа въ древнее время была населена по преимуществу племенами этой отрасли. Въ другихъ же частяхъ свѣта, и прежде всего въ Африкѣ, не было тогда вовсе Аrio-европейцевъ. Впрочемъ названіе не важно. Можно называть, какъ кому угодно, лишь бы понимать, въ чемъ дѣло.

Сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ должна представлять научное изслѣдованіе и описаніе языковъ индо-европейской или аrio-европейской отрасли въ ихъ взаимной связи.

И. Бодуэнъ де-Куртенеъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Космологія (общепонятное изложеніе) *А. Д. Пугачъ*. Часть I. Системы міра
Книга 1-я: геометрическія и динамическія отношенія небесныхъ тѣлъ.
С.-Петербургъ 1876—1880.

Болѣе тридцати пяти лѣтъ прошло съ того времени, какъ *А. фонъ Гумбольдтъ* мастерскою рукою представилъ, въ своемъ „*Восмосѣ*“, картину вселенной сообразно съ тѣмъ, что въ его время считалось или точно извѣстнымъ или вѣроятнымъ. Знаменитѣйшіе современные ученые охотно отвѣчали на вопросы, предлагаемые Гумбольдтомъ и доставляли ему свѣдѣнія, каждый по своей специальности; это облегчило трудъ автора и придало его книгѣ особенную занимательность.

Нынѣ физико-математическія науки расширились: нѣкоторые изъ господствовавшихъ мнѣній замѣнились предположеніями, заслужившими большаго довѣрія: открыты новые способы изслѣдованій, которые доставили болѣе основательности нашимъ понятіямъ о разныхъ явленіяхъ во внѣшнемъ мірѣ. Довольно упомянуть о спектральномъ анализѣ, чтобы напомнить о тѣхъ важныхъ приобрѣтеніяхъ, которыми обогатилась наука въ послѣднее время.

Изобразить всю совокупность современныхъ знаній о неорганической природѣ, отъ міра звѣздъ до молекулярнаго строенія матеріи, есть предметъ сочиненія, издаваемаго нашимъ ученымъ соотечественникомъ. Задача весьма обширная, сложная и трудная, затрогивающая разнообразныя науки; автору пришлось рѣшать ее самому, безъ особенной посторонней помощи, и онъ рѣшилъ ее на столько удовле-

говорительно, сколько допускали силы одного даровитаго писателя, обладающаго обширными свѣдѣніями.

Руководящимъ намѣреніемъ автора было писать не для специалистовъ, но вообще для образованныхъ читателей и потому онъ старался сдѣлать изложение сколь возможно понятнымъ, не позволяя себѣ однако отступать отъ научной строгости заключеній. Въ этомъ именно состояла великая трудность работы; на сколько успѣлъ авторъ достигнуть своей цѣли,—это лучше всего оцѣнить читатели по мѣрѣ той пользы, которую извлечутъ изъ чтенія книги.

Первый томъ вышелъ въ свѣтъ въ 1880 году; въ 1-мъ его отдѣлѣ разсматривается фигура земли и въ 1-й главѣ сообщаются предварительныя свѣдѣнія, нужныя для объясненія предмета. Авторъ вообще принялъ въ основаніе вѣрныя понятія; встрѣчаются однакожь нѣкоторыя выраженія, которыя едва ли можно одобрить; таковы напри- мѣръ слѣдующія: небо отражаетъ въ нашъ глазъ всѣ пункты земной поверхности; небо есть для насъ безконечно удаленная картинная сферическая поверхность; радиусъ небесной сферы не имѣетъ опредѣленной величины, но нельзя его предположить меньше нѣкоторой весьма большой величины, и т. п.—Автору слѣдовало бы проще и опредѣленнѣе сказать, что въ астрономіи подъ именемъ небесной сферы разумѣютъ геометрическое построеніе, которое служитъ для вычисленія угловъ искомымъ помощію данныхъ. Для этой цѣли употребляется это построеніе также въ другихъ наукахъ; радиусъ сферы произволенъ; будетъ ли онъ великъ или малъ, это все равно.

Во 2-й и 3-й главахъ разсматриваются геодезическія измѣренія и ихъ послѣдствія, основанныя на сравненія ихъ съ астрономическими наблюденіями и съ соображеніями, къ которымъ приводитъ аналитическая механика.

Земля совершаетъ въ каждыя сутки оборотъ около своей оси; механика показываетъ, что еслибы земля была жидкая масса, въ которой плотность частицъ, находящихся въ равныхъ отъ центра земли расстояніяхъ, была одинакова и возрастала по мѣрѣ приближенія къ центру, то поверхность земли представляла бы фигуру сфероида, близкаго къ шару и происходящаго отъ вращенія эллипса около его меньшей оси. Въ этомъ случаѣ отвѣсныя линіи располагались бы по нормалямъ къ эллипсоиду; но вслѣдствіе притяженій къ горамъ и разнообразнаго распредѣленія вещества внутри земной коры на равныхъ глубинахъ, фигура поверхности земли нѣсколько отстаетъ отъ фигуры эллипсоида, котораго поверхность выйдетъ въ иныхъ мѣстахъ

выше, въ другихъ ниже земной поверхности, и отвѣсныя линіи, всегда перпендикулярныя къ поверхности земли, уклоняются отъ нормалей къ эллипсоиду; эти послѣднія называетъ авторъ теоретическими нормалами.

Такия уклоненія обнаружены въ разныхъ странахъ; авторъ приводитъ любопытныя тому примѣры. Въ Австріи, Италіи, на Кавказѣ и другихъ гористыхъ странахъ упомянутыя уклоненія очевидно зависятъ отъ притяженій къ горами и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ достигаютъ до очень значительныхъ величинъ, какъ показали изслѣдованія генерала Стебницкаго объ отклоненіяхъ отвѣсныхъ линій притяженіемъ Кавказскихъ горъ ¹⁾). На равнинахъ замѣчены также уклоненія, которыя вообще не велики и происходятъ отъ неоднобразнаго распредѣленія плотности вещества въ земной корѣ. Средннее числомъ эти уклоненія въ Европейской Россіи составляютъ около 2", но въ иныхъ мѣстахъ выходятъ болѣе. г. Швейцерь нашелъ въ окрестности Москвы уклоненіе отвѣсной линіи, которое простирается до 8" и уничтожается въ 12 верстахъ къ югу отъ города; въ большемъ удаленіи къ югу снова появляется уклоненіе, но уже располагается въ противную сторону.

Направленіе силы тяжести въ каждомъ на землѣ мѣстѣ совпадаетъ съ направленіемъ отвѣсной линіи и выводится изъ астрономическихъ наблюденій, которыми опредѣляется географическая широта мѣста. Напряженность, съ которою дѣйствуетъ сила тяжести, возрастаетъ съ удаленіемъ отъ экватора и вычисляется изъ опытовъ надъ быстротою колебаній отвѣснаго маятника; для этого нужно опредѣлить число колебаній маятника въ извѣстный промежутокъ времени, угловыя величины его размаховъ, вліяніе сопротивленія воздуха на быстроту колебанія маятника и разстояніе центра качанія этого маятника отъ оси вращенія. Быстрота колебаній одного и того же маятника, при другихъ равныхъ обстоятельствахъ, пропорциональна квадратному корню изъ силы тяжести и это даетъ средство къ изслѣдованію силы тяжести въ различныхъ точкахъ на земной поверхности.

Авторъ обобщаетъ въ 4-й главѣ опыты, производившіяся въ XVII, XVIII и XIX столѣтіяхъ надъ колебаніями маятника въ разныхъ странахъ. Еслибы устройство земли было таково, какое принимаютъ математики, изыскивавшіе фигуру земли по теоріи тяготѣнія и зако-

¹⁾ Приложенія къ XVII тому *Записокъ* С.-Петербургской Академіи Наукъ 1870.

намъ механики, то можно было бы вычислить сжатіе земли изъ опытовъ, которые сдѣланы въ разныхъ удаленіяхъ отъ земного экватора надъ колебаніями маятника. Допуская предположенія знаменитыхъ математиковъ объ устройствѣ земли и основываясь на всей совокупности произведенныхъ по нынѣ градусныхъ измѣреній и опытовъ надъ колебаніями маятника, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Южная половина земли симметрична сѣверной ея половинѣ, то-есть той и другой соотвѣтствуетъ одинакое сжатіе. По опытамъ Фрейсене получается для южной половины земли сжатіе $\frac{1}{236,2}$, а по опытамъ Сабина выходитъ для сѣверной половины земли сжатіе $\frac{1}{232,3}$, то-есть почти то же самое.

2) Среднее общее сжатіе земли по опытамъ Борды, Біо, Кетера, Сабина, графа Э. П. Литке и другихъ оказывается близкимъ къ $\frac{1}{289}$ что мало отличается отъ сжатія земли $\frac{1}{296}$, выведеннаго изъ градусныхъ измѣреній.

Эти заключенія допускаютъ гипотезу о жидкости вещества, составляющаго землю, и о послѣдовательномъ возрастаніи плотности этого вещества съ приближеніемъ къ центру земли. До нѣкоторой степени можно это принять, но дѣйствительное устройство земли болѣе сложно и нѣсколько отличается отъ предполагаемаго, какъ это доказываютъ мѣстныя уклоненія въ направленіи и въ напряженности силы тяжести. Разногласія въ выводахъ сжатія земли по разнымъ градуснымъ измѣреніямъ и по опытамъ надъ колебаніями маятника могутъ происходить не отъ однихъ только погрѣшностей измѣреній и опытовъ, но также отъ несовпаденія дѣйствительности съ гипотезами объ устройствѣ земли. Поэтому едва ли справедливо мнѣніе автора, что только тѣ результаты опытовъ надъ колебаніями маятника должны быть признаны удовлетворительными, которые даютъ сжатіе земли близко согласующееся съ сжатіемъ, которое получается изъ градусныхъ измѣреній. Самъ авторъ упоминаетъ о мѣстныхъ уклоненіяхъ въ направленіи и величинѣ силы тяжести сравнительно съ тѣмъ, что слѣдуетъ изъ теоріи, допускающей эллипсоидальный видъ земли. Наблюденія и опыты Кетера заслуживаютъ по ихъ точности высокаго довѣрія, которое нисколько не поколебалось отъ того, что этими опытами обнаружались въ равныхъ точкахъ англійскаго градуснаго измѣренія такія мѣстныя уклоненія въ дѣйствіи силы тяжести, что разные сочетанія опытовъ надъ колебаніями маятника давали сжатіе емли, измѣнявшееся отъ $\frac{1}{229}$ до $\frac{1}{598}$. Подобныя явленія замѣчены

въ другихъ мѣстностяхъ, ихъ находили Сабинъ и французскіе ученые, тоже показываютъ опыты, произведенные въ Россіи между Торнео и Измаиломъ. Сомнительность опытовъ слѣдуетъ выводить изъ разсмотрѣнія средствъ, помощью которыхъ производились опыты, и обстоятельствъ, въ которыхъ опыты, были дѣлаемы; если опыты безупречны, то несогласіе ихъ съ предполагаемымъ результатомъ даетъ поводъ къ исправленію самаго предположенія.

Размѣры и общее сжатіе земли уже хорошо опредѣлены; нынѣ особенно занимательны подробныя изслѣдованія мѣстныхъ уклоненій въ различныхъ странахъ, такъ какъ этимъ путемъ приобрѣтаются свѣдѣнія объ устройствѣ земной коры.

Нѣкоторыя изъ неравенствъ въ движеніи луны зависятъ отъ эллипсоидальной фигуры земли, ихъ объяснилъ Лапласъ и онъ показалъ какимъ образомъ изъ наблюденій надъ положеніями луны можно вычислить сжатіе земли; найденное имъ сжатіе равно $\frac{1}{800}$ и мало отличается отъ средняго вывода изъ всѣхъ градусныхъ измѣреній. Число, полученное Лапласомъ, не зависитъ отъ мѣстныхъ на землѣ уклоненій въ дѣйствіи силы тяжести, это составляетъ важное достоинство результата. Мы высоко цѣнимъ заслуги великаго геометра, но не рѣздѣляемъ мнѣніе нашего автора, что изысканіе упомянутого луннаго неравенства есть наилучшій способъ опредѣлять сжатіе земли. Для рѣшенія разныхъ геодезическихъ задачъ выгодноѣ принимать то сжатіе земли, какое даютъ градусныя измѣренія.

II отдѣлъ книги содержитъ геометрической обзоръ различныхъ тѣлъ, находящихся въ нашей солнечной системѣ. Въ V главѣ говорится о шарообразной фигурѣ и величинѣ радіуса солнца, о пятнахъ, факелахъ и выступахъ (protuberances) на солнцѣ; свѣдѣнія о физическомъ устройствѣ солнца предполагаетъ авторъ изложить въ особой книгѣ.

Изъ наблюденій, произведенныхъ въ Парижѣ, Секи находилъ радіусъ солнечнаго диска, при одинаковыхъ разстояніяхъ солнца отъ земли, тѣмъ меньшимъ чѣмъ болѣе замѣчалось пятенъ и выступовъ на солнцѣ. Изслѣдованія другихъ астрономовъ не подтвердили заключеній Секи. Вообще очень затруднительно измѣрить поперечникъ солнечнаго диска съ точностію до дроби секунды; по весьма хорошимъ наблюденіямъ Гринвичскихъ астрономовъ съ 1836 по 1847 годъ, поперечникъ солнечнаго диска, при среднемъ разстояніи солнца отъ земли, содержитъ $32' 3''6$; Парижскіе астрономы даютъ нѣсколько

менше,— $32' 2''4$, а нѣмецкіе астрономы еще менше; и такъ остается сомнѣніе почти до секунды.

Далѣе авторъ упоминаетъ о попыткахъ опредѣлить разстояніе солнца отъ земли или найти горизонтальный параллаксъ солнца. Кеплеръ и Тихо-Браге полагали среднее разстояніе земли отъ солнца равнымъ 1,200 радіусамъ земнаго шара,—почти такъ, какъ принималъ Аристархъ въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х. Измѣряя разности склоненій планеты Марсъ и сосѣднихъ съ нею звѣздъ въ разныхъ странахъ во время противостояній планеты съ солнцемъ, астрономы XVIII вѣка убѣдились, что солнце отстоитъ отъ земли гораздо далѣе, нежели предполагали прежде, и что горизонтальный параллаксъ солнца не долженъ быть болѣе $10''$. Галлей предложилъ другое хорошее средство изыскивать параллаксъ солнца, а именно замѣчать для этого съ разныхъ на землѣ точекъ время внѣшнихъ и въ особенности время внутреннихъ прикосновеній темнаго диска планеты Венеры съ свѣтлыми краями диска солнца, тогда когда Венера кажущимся образомъ проходитъ черезъ солнце. Изъ многихъ такого рода наблюденій въ прохожденіи Венеры черезъ солнце въ 1761 и 1769 годахъ Энке вычислилъ средній горизонтальный параллаксъ солнца $8'',576$; это число близко согласовалось съ тѣмъ, которое Лапласъ находилъ изъ неравенствъ въ движеніи луны. Впослѣдствіи однакожь Ганзенъ и Леверрье, пользуясь новѣйшими наблюденіями, вывели изъ тѣхъ же неравенствъ нѣсколько болѣе большой параллаксъ солнца.

Наблюденія надъ положеніями Марса въ его противостояніе съ солнцемъ въ 1860 году даютъ параллаксъ около $8'',85$; почти то же ($8'',88$) слѣдуетъ изъ наблюденій надъ положеніями малой планеты Флора въ ея противустояніе въ 1873 году. Наконецъ, изъ прохожденія Венеры черезъ солнце въ 1874 г. вывели параллаксъ около $8'',84$. Принимаямая нынѣ средняя величина параллакса ($8'',85$) вѣроятно не содержитъ ошибки достигающей до $0'',1$.

Въ началѣ нашего вѣка Делаамбръ вычислилъ изъ многихъ наблюденій надъ затмѣніями спутниковъ Юпитера, что, въ среднемъ разстояніи солнца отъ земли, свѣтъ доходитъ до насъ отъ солнца въ $8' 13'',24$ средняго времени. Отсюда легко можно заключить о скорости распространенія свѣта; эту же скорость можно найти изъ наблюденій надъ годовою абераціею звѣздъ; изъ такихъ наблюденій англійскіе астрономы нашли нѣсколько меньшую скорость свѣта, нежели какая слѣдуетъ изъ вычисленій Делаамбра. Самое точное опре-

дѣленіе коэффициента годовой абераціи звѣздъ сдѣлано въ Пулковской обсерваторіи; по изслѣдованіямъ В. Струве этотъ коэффициентъ равенъ $20''{,}44$; вмѣсто числа Деламбра надобно принять $8'$, $17''{,}84$ средн. вр. Нашъ авторъ предпочитаетъ однакожь число Деламбра, полагая, что оно лучше согласуется съ новѣйшими опытами, которые производили Физо, Фуко и Корню около Парижа надъ скоростію распространенія свѣта отъ земныхъ источниковъ свѣта. Но результаты этихъ опытовъ болѣе между собою расходятся нежели опредѣленія В. Струве и Деламбра; нѣтъ никакого повода принимать, что изъ этихъ опытовъ вѣрнѣе получается скорость свѣта, нежели изъ астрономическихъ наблюденій.

Причину разногласія выводовъ скорости свѣта по различнымъ способамъ, авторъ объясняетъ тѣмъ, что величина коэффициента годовой абераціи можетъ быть различна для разныхъ звѣздъ. Нѣсколько разныхъ звѣздъ были наблюдаемы съ этою цѣлю; но никакой чувствительной разницы не оказалось. Мы не раздѣляемъ также мнѣніе автора, что всего рациональнѣе было бы изыскивать коэффициентъ абераціи изъ опредѣленій абераціи планетъ.

Въ VI-й главѣ сообщаются свѣдѣнія о фазисѣ и фигурѣ луны, затмѣніяхъ луны и солнца, пепельномъ свѣтѣ и горахъ на лунѣ, поступательномъ и вращательномъ движеніи луны, ея среднемъ горизонтальномъ параллаксѣ и т. д. Авторъ упоминаетъ предположеніе Ганзена о томъ, что общая фигура луны можетъ быть яйцеобразною, то-есть не много вытянутою въ направленіи къ землѣ, и что центръ тяжести луны не совпадаетъ съ геометрическимъ центромъ ея фигуры.

Видь, величина и движеніе большихъ планетъ составляютъ предметъ VII-й главы; въ ней встрѣчаемъ любопытныя свѣдѣнія, собранныя изъ сочиненій разныхъ астрономовъ,—сочиненій, которыя помѣщались въ ученыхъ журналахъ и въ академическихъ изданіяхъ. Между прочимъ говорится о томъ, что понынѣ остается сомнительнымъ: слѣдуетъ ли считать Меркурія планетою ближайшею къ солнцу? По мнѣнію Леверрье, неравенства въ движеніи Меркурія могутъ быть объяснены только предположеніемъ, что между Солнцемъ и Меркуріемъ находится либо одна планета, или нѣсколько промежуточныхъ планетъ. Неоднократно заявляли нѣкоторые наблюдатели, что имъ удавалось видѣть на дискѣ солнца неизвѣстную планету въ видѣ чернаго кружка, движущагося по диску солнца; но послѣдующія изысканія этой планеты были безуспѣшны.

Здѣсь замѣтимъ, что эпохи наибольшихъ уклоненій (элонгацій) Меркурія и Венеры отъ солнца не вполне совпадаютъ съ эпохами видимыхъ стояній этихъ планетъ (стр. 193).

Не малаго труда стоило автору собрать свѣдѣнія о фигурѣ, величинѣ и сжатіи планетъ, а также объ ихъ вращательныхъ движеніяхъ около оси. Въ 1800 и 1801 годахъ, въ то время, когда Меркурій представлялся въ видѣ серпа, удалось Шретеру замѣчать по временамъ притупленіе южнаго конца серпа. Это явленіе доказывало вращеніе Меркурія около оси и существованіе высокой горы на Меркуріѣ, которая задерживала лучи солнца; то же явленіе возобновлялось чрезъ нѣкоторые промежутки времени; изъ сличенія временъ возврата притупленія серпа Шретеръ вывелъ, что Меркурій обращается около своей оси въ $24^{\text{ч}} 5^{\text{м}} 30^{\text{с}}$ средняго времени. Подобное явленіе представляетъ также планета Венера; Шретеръ находилъ періодъ вращенія Венеры около ея оси равнымъ $23^{\text{ч}} 21^{\text{м}}$; изъ наблюденій римскаго астронома Вико получается нѣсколько болѣе, $23^{\text{ч}} 21^{\text{м}} 24^{\text{с}}$, что близко подходитъ къ тому, что выводилъ Д. Кассини изъ наблюденій надъ перемѣщеніями пятенъ на дискѣ Венеры.

Поверхность планеты Марсъ была нѣсколько разъ тщательно изслѣдована; въ особенности замѣчательны наблюденія, сдѣланныя послѣ противостоянія планеты съ солнцемъ въ 1873 году. Астрономы однако не пришли къ полному согласію о средней угловой величинѣ поперечника диска Марса; вѣроятно это зависѣло отъ того, что прежде полагали дискъ Марса круговымъ. Изъ Гринвичскихъ наблюденій, съ 1873 по 1850 годъ, Леверрье вычислилъ средній поперечникъ диска Марса равнымъ $11''$, 1 и то же слѣдуетъ изъ новѣйшихъ Парижскихъ наблюденій. Вращательное движеніе Марса хорошо опредѣлено помощію наблюденій надъ пятнами на дискѣ планеты и ихъ послѣдовательными перемѣщеніями; періодъ обращенія Марса около его оси составляетъ около $24^{\text{ч}} 37^{\text{м}} 22^{\text{с}}$.

Наблюденія не обнаружили съ достаточною степенью приближенія сжатія на Меркуріѣ ¹⁾ и Венерѣ. Точныя измѣренія разныхъ поперечниковъ диска Венеры возможны только въ ея прохожденія чрезъ солнце, въ которыя планета бываетъ въ однихъ и тѣхъ же, почти

¹⁾ Въ прохожденіе Меркурія черезъ солнце въ 1779 году Лаландъ видѣлъ Меркурія нѣсколько сплюснутымъ; Доосъ (Dawes) нашелъ сжатіе Меркурія около $\frac{1}{7}$ помощію микроскопическихъ измѣреній во время прохожденія планеты въ 1848 году; но Гиндъ (R. Hind) принимаетъ менше, около $\frac{1}{150}$.

противоположныхъ точкахъ ея орбиты; тогда положенія планеты оказываются неблагоприятными для изысканія сжатія, по причинѣ направленія оси вращенія Венеры относительно эклиптики.

Нашъ авторъ полагаетъ, что вопросъ о величинѣ сжатія на Марсѣ окончателно рѣшенъ и считаетъ это сжатіе равнымъ $\frac{1}{32}$. Въ подтвержденіе упоминается о наблюденіяхъ В. Гершеля и Араго, относящихся къ этому предмету, также о новѣйшихъ опредѣленіяхъ, но не сказано кѣмъ они сдѣланы. Микрометры, употреблявшіеся В. Гершелемъ и Араго, не на столько совершенны, чтобъ могли служить для точнаго изысканія сжатія на Марсѣ. Поэтому понынѣ остается въ своей силѣ заключеніе Бесселя, что сжатіе на Марсѣ не должно быть значительно и едва-ли можетъ быть изслѣдовано помощію наблюденій.

Сжатіе, положеніе оси, около которой вращается планета, и продолжительность каждаго оборота около оси, хорошо извѣстны для Юпитера и Сатурна; оборотъ Юпитера совершается въ $9^{\text{ч}} 55^{\text{м}}$, а Сатурна въ $10^{\text{ч}} 29^{\text{м}}$ средн. времени. Сжатіе на Юпитерѣ составляетъ около $\frac{1}{14}$, на Сатурнѣ около $\frac{1}{9}$.

Уранъ находится отъ земли столь уже далеко, что изъ наблюдений нельзя было вывести отчетливыхъ заключеній о фигурѣ и вращеніи этой планеты. В. Гершель полагалъ, что она довольно быстро вращается около своей оси; въ январѣ 1870 года г. Веффгамъ (W. Wiffham) видѣлъ въ свой сильный рефлекторъ два свѣтлыя пятнышка на дискѣ Урана, медленно передвигавшіяся съ востока на западъ; въ мартѣ 1872 года онъ снова замѣтилъ пятно, которое можно было видѣть въ теченіи $3\frac{1}{2}$ сутокъ. Изъ своихъ наблюденій Веффгамъ опредѣлилъ періодъ вращенія планеты Уранъ въ 12 часовъ.

В. Гершель находилъ дискъ Урана сплюснутымъ, Медлеръ выводилъ изъ своихъ наблюденій сжатіе Урана почти въ $\frac{1}{10}$; но все это не подтвердилось послѣдующими наблюденіями. О. В. Струве помощію точныхъ микроскопическихъ измѣреній доказалъ, что дискъ Урана есть кругъ. Изъ этого нельзя однако заключать о шаровой фигурѣ Урана; Араго обратилъ вниманіе на то, что ось вращенія Урана лежитъ почти въ плоскости эклиптики и что есть эпохи, въ которыя малая ось эллипсоида планеты направляется почти прямо къ землѣ; тогда сплюснутость Урана не можетъ быть съ земли замѣчаема.

Нептунъ гораздо далѣе отстоитъ отъ земли, нежели Уранъ; угловой радиусъ этой планеты, когда она наиблизе подходитъ къ землѣ,

содержитъ только около 2,6 секундъ; поэтому періодъ вращенія Нептуна около оси и сжатіе не могли быть опредѣлены помощію наблюденій.

Въ VIII-й главѣ содержится много занимательнаго о спутникахъ планетъ и кольцахъ Сатурна; читатели познакомятся съ остроумнымъ способомъ В. Гершеля обнаруживать вращательныя движенія спутниковъ Юпитера и Сатурна, а также колецъ Сатурна около ихъ осей. Знаменитый астрономъ открылъ несомнѣнно для 8-го спутника Сатурна (для Яфета), и весьма вѣроятно для всѣхъ спутниковъ Юпитера, періоды ихъ вращательныхъ движеній и равенство этихъ періодовъ съ соотвѣтствующими періодами поступательныхъ движеній спутниковъ около ихъ планеты.

Въ IX-й главѣ говорится о планетоидахъ или астероидахъ, то-есть многочисленной группѣ мелкихъ планетъ, обращающихся около солнца между Юпитеромъ и Марсомъ; для 165 этихъ планетъ показаны элементы ихъ орбитъ, какіе извѣстны были въ началѣ 1877 года; элементы заимствованы изъ *Annuaire pour l'année 1877, publié par le Bureau des longitudes*. Большинство мелкихъ планетъ среднимъ числомъ отстоитъ почти въ $2\frac{3}{4}$ раза далѣе отъ солнца, нежели земля; отъ большихъ планетъ онѣ отличаются сильнымъ разнообразіемъ эксцентриситетовъ и наклонностей ихъ орбитъ къ эклиптикѣ. Эксцентриситетъ орбиты Протогенія (145) выражается малою дробью 0,02, а эксцентриситетъ Эфры (132) простирается до 0,38. Наклонность орбиты планеты Мессалии къ эклиптикѣ не превышаетъ $0^{\circ}41'2$, а орбиты Паллады достигаетъ до $34^{\circ}41'5$; слѣдовательно, пути нѣкоторыхъ мелкихъ планетъ значительно выступаютъ за предѣлы зодіакальнаго пояса.

Эти планеты очень малы и сіяютъ отраженіемъ лучей солнца; замѣченныя Шретеромъ быстрыя перемѣны въ блескѣ Юноны и подобныя же перемѣны, усмотрѣнныя въ наше время въ блескѣ Ириды, объясняются присутствіемъ пятенъ на этихъ планетахъ и вращательными движеніями планетъ около ихъ осей.

Значительныя неравенства (пертурбаціи) въ движеніяхъ мелкихъ планетъ зависятъ отъ ихъ притяженій большими планетами и преимущественно Юпитеромъ. Для немногихъ изъ нихъ вычислены неравенства по абсолютнымъ способамъ и выражены аналитически для какаго ни есть времени, подобно тому, какъ это сдѣлано для большихъ планетъ. Эти способы непримѣнимы для большей части мелкихъ планетъ; неравенства такихъ планетъ вычисляются отдѣльно

для разныхъ, не слишкомъ большихъ промежутковъ времени, слѣдующихъ одинъ за другимъ, и при этомъ интегрируютъ дифференціальныя уравненія движенія планетъ помощію такъ называемыхъ механическихъ квадратуръ. Поэтому не изыскивались въковыя перемѣны элементовъ орбитъ этихъ планетъ, и намъ кажется, авторъ безъ ущерба для своей книги могъ бы не касаться вопроса о томъ, обеспечены ли мелкія планеты отъ взаимныхъ столкновеній.

Обширную X-ю главу авторъ посвящаетъ метеоритамъ, включая сюда огненные метеоры — болиды, аеролиты и вообще падающіе метеорные камни. Здѣсь приведено много фактовъ паденія этихъ тѣлъ, полета въ атмосферѣ, взрывовъ въ воздухѣ, состава ихъ и т. п. Въ объясненіи относящихся сюда явленій и въ терминологіи авторъ слѣдуетъ преимущественно г. Добре, директору минералогическаго отдѣла музея естественныхъ наукъ въ Парижѣ, и г. Менье.

Болиды усматривались иногда на весьма большихъ возвышеніяхъ надъ землею поверхностію. Основываясь на современномъ состояніи наукъ, говоритъ авторъ, нынѣ можно съ увѣренностію сказать, что высота земной атмосферы много превышаетъ предполагавшіеся прежде узкіе ея предѣлы 45 или 60 верстѣ. Сколько намъ извѣстно, эти предѣлы никогда не допускались какъ нѣчто несомнѣнное; ихъ вычисляли изъ продолжительности сумерокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ считали выводъ не представляющимъ даже грубаго приближенія; изъ другихъ основаній получалась гораздо большая высота атмосферы. Для изысканія астрономическихъ преломленій нѣкоторыми учеными предлагались такія гипотезы объ уменьшеніи плотности воздуха съ удаленіемъ отъ поверхности земли, что получалась малая высота атмосферы; но этой высотѣ не придавали дѣйствительнаго значенія и гипотезами пользовались только для удобства вычисленія преломленій отъ 0° до 85° зенитнаго разстоянія; вблизи горизонта выходили преломленія, несогласныя съ наблюденіями, и тѣмъ обнаруживалась несостоятельность гипотезъ. Есть другія теоріи астрономическаго преломленія, какъ напримѣръ теорія Лапласа, которыя принимаютъ неограниченную высоту атмосферы и лучше удовлетворяютъ астрономическимъ наблюденіямъ и извѣстнымъ физическимъ свойствамъ атмосферы. Не сомнѣвались также и прежде въ томъ, что плотности верхнихъ слоевъ воздуха большими удаленіями отъ земной поверхности уменьшаются медленнѣе, чѣмъ плотности нижнихъ слоевъ атмосферы.

Желѣзо встрѣчается въ метеоритахъ большею частію въ чисто металлическомъ видѣ и называется метеорнымъ желѣзомъ; оно не

попадается въ такомъ состояніи въ земныхъ горныхъ породахъ. Нашъ авторъ, слѣдуя г. Дебре, раздѣляетъ всѣ метеоры на четыре группы и описываетъ каждую изъ нихъ; затѣмъ онъ излагаетъ занимательнѣйшіе результаты изслѣдованій, относящихся къ метеоритамъ, и преимущественно руководствуется трудами гг. Дебре и Менье. Вѣроятнымъ оказывается, что разные метеорные камни составляли нѣкогда одно нераздѣльное тѣло; полное сходство строенія и состава различныхъ метеорныхъ камней одного типа и нѣкоторое сходство въ устройствѣ камней различныхъ типовъ, свидѣтельствуютъ въ пользу такого предположенія. Сравнительно съ земными тѣлами, метеориты болѣе сходны съ тѣми породами, которыя лежатъ очень глубоко внутри земли, нежели съ тѣми, какія встрѣчаются на земной поверхности. Особенно замѣчательно сходство нѣкоторыхъ метеоритовъ съ земными металлическими жилами; въ базальтахъ, лавахъ и другихъ эруптивныхъ породахъ попадается желѣзо, хотя въ маломъ количествѣ, но въ чисто металлическомъ видѣ, какъ въ метеорныхъ камняхъ.

Болиды и вообще метеориды вступаютъ въ земную атмосферу въ направленіи косвенномъ къ горизонту, даже иногда горизонтальномъ; отсюда можно заключить, что они движутся вокругъ земли по кривымъ линіямъ болѣе или менѣе растянутымъ. Нѣкоторые изъ метеоритовъ, достигая до своихъ перигеевъ, подходятъ очень близко къ землѣ и потому такъ сильно землею притягиваются, что вступаютъ въ земную атмосферу и иные изъ нихъ падаютъ на землю. Убѣдительнымъ также доказательствомъ движеній метеоритовъ около земли, а не вокругъ солнца, служитъ то, что въ эпохахъ падевія метеоритовъ не открыто никакой періодичности, и большее или меньшее изобиліе въ появленіи метеоритовъ въ теченіе нѣ котораго промежутка времени вовсе не зависитъ отъ временъ года.

Изъ прежнихъ предположеній о значеніи метеоритовъ особенно замѣчательно мнѣніе Хладни. Онъ представилъ первыя научныя основанія нашимъ понятіямъ о космическихъ метеорахъ и считалъ метеориты мелкими тѣлами, которыя движутся въ небесномъ пространствѣ по разнымъ направленіямъ. Если нѣкоторые изъ нихъ подойдутъ очень близко къ землѣ, то сильно ею притягиваются и могутъ упасть на землю въ видѣ болидовъ и вообще метеорныхъ камней. Есть геологи и астрономы, которые еще теперь полагаютъ мнѣніе Хладни наиболѣе вѣроятнымъ и не различаютъ метеориты отъ па-

дающихъ звѣздъ, что не согласно съ новѣйшими изслѣдованіями объ этихъ предметахъ.

Авторъ сообщаетъ въ XI-й главѣ подробныя свѣдѣнія о падающихъ звѣздахъ (*Sternschnuppe, étoiles filantes*). Въ безоблачныя ночи часто случается видѣть, какъ яркая искра внезапно показывается на небѣ, быстро пробѣгаетъ нѣкоторое пространство и потомъ исчезаетъ; иногда она оставляетъ за собою свѣтлый хвостъ, который очень скоро потухаетъ. Это явленіе называютъ падающею звѣздой.

Чтобы найти высоту, въ которой падающая звѣзда усматривалась надъ землею поверхностію, нѣсколько астрономовъ повѣряютъ свои часы и помѣщаются для наблюденій въ разныхъ точкахъ, отстоящихъ одна отъ другой на 20, 30 или болѣе верстъ. Въ каждой изъ этихъ точекъ наблюдатель записываетъ время, когда онъ увидѣлъ падающую звѣзду, опредѣляетъ положеніе ея сравнительно съ близкими къ ней неподвижными звѣздами и отмѣчаетъ это положеніе на звѣздной картѣ; то же дѣлается относительно мѣста исчезновенія падающей звѣзды. Впослѣдствіи сравниваютъ между собою наблюденія, произведенныя въ одну и ту же ночь на разныхъ точкахъ земной поверхности, и выбираютъ тѣ, которыя были сдѣланы въ этихъ точкахъ въ одинъ и тотъ же физическій моментъ и относятся къ одной и той же падающей звѣздѣ. Такъ какъ разныя точки, въ которыхъ помѣщались наблюдатели, были хорошо извѣстны по ихъ географическимъ положеніямъ, то можно опредѣлить разстояніе между ними и потомъ вычислить въ какихъ удаленіяхъ отъ земной поверхности усматривались падающія звѣзды.

Первыя удачныя наблюденія такого рода производили Брандесъ и Бенценбергеръ въ окрестностяхъ Геттингена въ 1798 году. Въ нашъ столѣтіи сдѣлано много подобныхъ наблюденій; пользуясь обширнымъ собраніемъ относящихся сюда изслѣдованій, Александръ Гершель (внукъ Вильяма Гершеля) напечаталъ въ 1863 году любопытную записку, въ которой показалъ, что среднее возвышеніе падающей звѣзды надъ поверхностію земли составляетъ около 106 верстъ въ моментъ ея появленія и около 80 верстъ въ моментъ исчезновенія. Почти никогда падающія звѣзды не проникали ниже слоя верхнихъ облаковъ. Скорости, съ которыми несутся падающія звѣзды, простираются, по изысканіямъ Брандеса, отъ 17-ти до 33-хъ въ одну секунду средняго времени; другія изслѣдованія показали большія скорости.

Хладни причислялъ болиды и падающія звѣзды къ тѣламъ одного

рода; нынѣ понятія о нихъ измѣнились и теперь относятъ въ одну группу съ падающими звѣздами только такъ называемые нѣмне болиды, то-есть тѣ, которые, будучи ослѣдственными, не сопровождались трескомъ и другими признаками взрыва. Вообще падающія звѣзды, по словамъ автора, различаются отъ болидовъ тѣмъ, что усматриваются преимущественно на большихъ высотахъ, и тѣмъ, что не содержатъ плотныхъ веществъ, но состоятъ изъ газовъ.

Давно замѣчено, что въ нѣкоторые въ году мѣсяцы и особенно въ нѣкоторые годы появляются падающія звѣзды въ гораздо большемъ изобиліи, нежели въ другое время. Въ эти эпохи онѣ видны въ такомъ множествѣ, что представляютъ какъ бы ливни, потоки или рои. Наибольше замѣчательны количествомъ падающихъ звѣздъ августовскій и ноябрьскій потоки; первый изъ нихъ усматривается въ ночь съ 10-го на 11-е августа новаго стиля и въ ближайшія къ ней ночи; второй, въ нѣкоторые годы болѣе обильный, но менѣе постоянный, появляется ночью съ 12-го на 13-е ноября новаго стиля и въ сосѣднія ночи.

Видимыя движенія падающихъ звѣздъ совершаются по дугамъ большихъ круговъ на небѣ; если мысленно продолжимъ кажущіеся пути двухъ падающихъ звѣздъ, то они встрѣтятся въ одной точкѣ. Многія наблюденія показали, что кажущіеся пути большей части падающихъ звѣздъ одного потока по ихъ продолженіи взаимно пересекаются въ одной точкѣ и какъ бы выходятъ изъ этой точки, которую называютъ точкою радіаціи. Въ августовскомъ потокѣ такая точка находится въ созвѣздіи Персея и потому падающія звѣзды августовскаго потока извѣстны подъ именемъ Персеидъ. Точка радіаціи ноябрьскаго потока расположена въ созвѣздіи Льва и соотвѣтствующія ей падающія звѣзды называютъ Леонидами. Впрочемъ, въ каждомъ потокѣ попадаютъ падающія звѣзды, которыхъ видимыя движенія направляются мимо точки радіаціи большей части падающихъ звѣздъ одного и того же потока; онѣ суть постороннія этому потоку.

Далеко не всѣ годы одинаково богаты падающими звѣздами; наибольшее изобиліе ихъ въ ноябрьскомъ потокѣ возвращается периодически черезъ $33\frac{1}{4}$ года; такъ напримѣръ, чрезвычайное множество падающихъ звѣздъ замѣчено было въ ноябрѣ 1799, 1833 и 1866 годовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось отсутствіе потока въ эпохи предшествующія около 12-ти лѣтъ времени наибольшаго изобилія падающихъ звѣздъ.

Обиліе августовскаго потока въ каждомъ августѣ мѣсяцѣ продол-
часть ссхviii, отд. 2.

жается въ теченіи 20 или 30 годовъ; прежде и послѣ того происходитъ оскудѣніе; промежутокъ между эпохами двухъ послѣдовательныхъ избытій содержитъ отъ 100 до 108 лѣтъ.

Все это наводитъ на мысль, что падающія звѣзды движутся около солнца. То, что кажущіеся пути падающихъ звѣздъ одного потока проходятъ чрезъ общую точку (радіаціи), доказываетъ параллельность орбитъ, по которымъ тѣла движутся въ пространствѣ. Совокупность орбитъ тѣлъ, принадлежащихъ одному потоку, составляетъ нѣчто въ родѣ кольцеобразнаго слоя, который всегда остается въ неизмѣнномъ положеніи и пересѣкаетъ годовой путь земли около солнца во одному и тому же направленію. Земля ежегодно достигаетъ до этого слоя въ то же самое время года, напримѣръ до ноябрьскаго потока около 11-го ноября новаго стила; такъ какъ падающія звѣзды ноябрьскаго потока совершаютъ свои обороты около солнца почти въ $33\frac{1}{4}$ года, то земля вступаетъ періодически чрезъ каждые $33\frac{1}{4}$ года въ ши окую полосу слоя, избытливую тѣлами, которыя являются какъ падающія звѣзды; въ другіе же годы земля около 11-го ноября встрѣчаетъ слои менѣ обширные и менѣ богатые, или даже очень бѣдные тѣлами такого рода. Нѣчто подобное представляетъ августовскій потокъ; разница только въ томъ, что онъ относится къ еще болѣе обширному слою и содержащіяся въ немъ тѣла описываютъ свои обороты около солнца въ промежутки времени гораздо большіе, чѣмъ въ ноябрьскомъ потокѣ. Поэтому земля, перешедши однажды чрезъ наиболѣе широкую полосу слоя въ августъ мѣсяцъ, можетъ нѣсколько лѣтъ сряду встрѣчать другія полосы того же слоя, менѣ пространныя, но все еще довольно богатныя мелкими космическими тѣлами. Такимъ образомъ удобно объясняются явленія, замѣченныя внимательными наблюдателями.

Кромѣ упомянутыхъ двухъ главнѣйшихъ потоковъ, найдены еще другіе, менѣ обильные падающими звѣздами; напримѣръ потокъ, который бываетъ около 20-го апрѣля, и потокъ, случающійся около 20-го декабря.

Г. Кювье-Гравье въ Парижѣ и г. Эррикъ въ Сѣверной Америкѣ многіе годы прилежно слѣдили за падающими звѣздами и нашли, что въ началѣ ночи, въ седьмомъ часу послѣ полудня, менѣ усматривается падающихъ звѣздъ, чѣмъ въ слѣдующіе часы ночи; число явленій болѣе и болѣе возрастаетъ съ приближеніемъ къ шести часамъ послѣ полуночи и становится въ шесть часовъ наибольшимъ; тогда оно бываетъ вдвое и даже въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе, чѣмъ въ шесть

часовъ вечера. Количество падающихъ звѣздъ въ тѣ же часы ночи неодинаково въ разные времена года: болѣе встрѣчаютъ падающихъ звѣздъ осенью, нежели весной, и притомъ болѣе на восточной сторонѣ неба, нежели на западной. Это зависитъ отъ расположенія слоевъ, въ которыхъ содержатся метеорныя тѣла, и отъ направленій, по которымъ эти тѣла движутся. Въ земную атмосферу большею частію вступаютъ падающія звѣзды близкія къ прямой линіи, которая во время ихъ появленій касалась къ орбитѣ земли; направленіе этой прямой линіи означается положеніемъ точки на небѣ, отстоящей къ западу на 90° отъ мѣста, въ которомъ находится солнце. Въ шесть часовъ утра эта точка достигаетъ наибольшей высоты надъ горизонтомъ наблюдателя, и тогда появляется болѣе падающихъ звѣздъ, нежели въ другое время.

Допустимъ, что падающія звѣзды подходятъ къ землѣ въ одинаковомъ количествѣ съ разныхъ сторонъ; въ теченіе одного часа болѣе встрѣтятся метеорныхъ тѣлъ въ то время, когда они движутся противно движенію земли и скорѣе успѣваютъ вступать въ атмосферу нежели когда движенія метеорныхъ тѣлъ и движеніе земли направляются въ одну сторону, такъ что эти тѣла подходятъ только вслѣдствіе разности скоростей метеорныхъ тѣлъ и земли. Первый случай бываетъ въ 6-ть часовъ утра и относится къ встрѣчнымъ тѣламъ; второй случай бываетъ въ 6-ть часовъ вечера и относится къ тѣламъ попутнымъ, то-есть движущимся въ одну сторону съ движеніемъ наблюдателя. Число появляющихся въ теченіе одного часа падающихъ звѣздъ около 6-ти часовъ утра должно содержаться къ числу ихъ въ такой же промежутокъ времени около 6-ти часовъ вечера, такъ какъ сумма скоростей падающей звѣзды и земли содержится къ разности этихъ скоростей. Отсюда, зная скорость движенія земли, можно вычислить среднюю скорость падающихъ звѣздъ; по изысканіямъ итальянскаго астронома г-на Скиапарелли и американскаго г-на Ньютона средняя скорость падающихъ звѣздъ почти въ 1,4 разъ превышаетъ среднюю скорость земли, а такъ какъ 1,4 почти есть $\sqrt{2}$, то, по теоріи тяготѣнія, должны быть орбиты падающихъ звѣздъ близкія къ параболамъ и среднія ихъ скорости таковы, какъ скорость кометы, которая описываетъ около солнца параболу и подходитъ очень близко къ землѣ.

При вступленіи падающихъ звѣздъ одного и того же потока въ земную атмосферу, направленіе ихъ движеній опредѣляется точкою радіаціи; мѣсто, занимаемое тогда падающими звѣздами, почти совпа-

даетъ съ извѣстнымъ мѣстомъ земли и скорость движенія падающихъ звѣздъ, время ихъ появленія была опредѣлена. Поэтому, основываясь на свойствахъ параболическаго движенія, можно вычислить параболическій путь Персидовъ, то-есть падающихъ звѣздъ Августовскаго потока. Дѣйствительно, изъ наблюдений, произведенныхъ въ августѣ мѣсяцѣ 1866 года, г. Скианарелли опредѣлялъ параболическіе элементы движенія Персидовъ; потому онъ напечатъ, что эти элементы мало различаются отъ элементовъ большой кометы, называемой 3-ю кометою 1862 года.

Этимъ не удовольствовался знаменитый итальянскій ученый: онъ замѣтилъ, что 3-я комета 1862 года описываетъ около солнца не параболу, но очень растяженный эллипсъ, и совершаетъ свой оборотъ въ теченіи болѣе ста лѣтъ. Изъ свѣдѣній, сохранившихся въ хроникахъ, начиная съ IX вѣка послѣ Р. Х., и изъ наблюдений, произведенныхъ въ новое время, г. Скианарелли являеть, что периодически являлись падающія звѣзды въ августѣ мѣсяцѣ въ изобиліи каждыи годъ, и это продолжалось въ опредѣленные промежутки времени; обнимавшіе отъ 20 до 30-ти лѣтъ. По мнѣнію г-на Скианарелли, столько лѣтъ длился переходъ скопища метеорныхъ тѣлъ, Персидовъ, черезъ ихъ перигелии или точки ближайшихъ разстояній отъ солнца.

Потомъ эта куча тѣлъ болѣе и болѣе удаляется отъ солнца и отъ земли, но по истеченіи около 108 годовъ снова возвращается въ прежнее свое положеніе, и тогда повторяются прежнія явленія. Этотъ періодъ 108 годовъ близокъ къ промежуткамъ времени, раздѣляющимъ эпохи, въ которыя Августовскій потокъ бываетъ въ болѣе изобильнымъ; оборотъ 3-й кометы 1862 года около солнца содержитъ также около 108 годовъ.

Такое согласіе времени оборота кометы съ упомянутымъ періодомъ и близкое согласіе всѣхъ элементовъ кометной орбиты съ элементами орбитъ падающихъ звѣздъ, Персидовъ, не есть только случайность. Г-нъ Скианарелли обнаружилъ подобныя явленія въ отношеніи падающихъ звѣздъ ноябрьскаго потока, Леонидовъ. Еще въ 1837 году Ольберсъ доказалъ 33-лѣтній періодъ возврата Ноябрьскаго потока къ наибольшему изобилію падающими звѣздами; въ этотъ самый періодъ ($33\frac{1}{4}$ годовъ) космическія тѣла, принадлежащія къ ноябрьскому потоку, совершаютъ свои обороты около солнца. По законамъ Кеплера можно вычислить большую полуось эллипса, которая соответствуетъ обороту, содержащему $33\frac{1}{4}$ года, а потомъ найти другіе элементы движеній этихъ тѣлъ. Наиболѣе точные элементы

Опредѣляя Деверрье и звороръ потомъ г. Петерсъ показали, что элементы орбиты падающихъ звѣздъ ноябрьскаго потока близко согласуются съ элементами кометы, открытой г. Темпелемъ въ началѣ 1866 года. Согласіе вышло еще болѣе послѣ того, какъ Александръ Гершель опредѣлилъ точку радіаціи Леонидовъ по наблюденіямъ въ 1866 году съ болѣею точностію, нежели прежде было извѣстно.

Нашли также, что падающія звѣзды потока, который бываетъ около 20-го апрѣля новаго стила, движутся по орбитамъ, сходнымъ съ орбитою первой кометы 1861 года, и что падающія звѣзды, являющіяся 10-го декабря, описываютъ эллипсы, которыхъ элементы не значительно различаются отъ элементовъ эллипса, по которому движется періодическая комета Биелы.

Столь замѣчательные факты привели къ заключеніямъ о томъ, что падающія звѣзды и кометы суть тѣла одного рода. Вѣроятно, комета есть скопленіе мельчайшихъ частицъ вещества малой плотности въ одну кучу; если такая куча достаточно велика, чтобъ могла быть усматриваема съ земли, то она представляется намъ въ видѣ кометы. Падающія звѣзды, можетъ быть, состоятъ изъ частицъ подобнаго же тонкаго вещества; но эти частицы разсыяны далеко одна отъ другихъ и не соединены въ отдѣльныя значительныя кучи; по ихъ малости онѣ для насъ непримѣтны, мы ихъ видимъ только тогда, когда онѣ вступаютъ въ земную атмосферу и тамъ воспламеняются.

Можно полагать, что въ разныхъ странахъ небесныхъ пространствъ находятся скопища мелкихъ тѣлъ, состоящихъ изъ тонкаго туманнаго вещества; тѣ изъ такихъ скопищъ, которыя не слишкомъ далеки отъ солнца, подчиняются тяготѣнію къ солнцу, входятъ въ нашу планетную систему и обращаются вокругъ солнца. Притяженіе ихъ болѣе сильными планетами можетъ способствовать къ растяженію ихъ путей и даже къ превращенію эллиптическихъ путей въ параболическіе. Когда земля встрѣчаетъ такое скопище, то отдѣльныя его газообразныя части проникаютъ въ нашу атмосферу и образуется потокъ падающихъ звѣздъ. Великая быстрота ихъ движенія производитъ внезапно сильное сжатіе воздуха, сопровождаемое такимъ развитіемъ теплоты, которое достаточно для воспламененія газообразнаго вещества, вступившаго въ воздухъ и способнаго къ горѣнію.

Намъ представляются тогда эти явленія въ видѣ падающихъ звѣздъ; быстро калѣющихся по небу и скоро потухающихъ, потому что горящаго вещества входитъ мало.

Такъ называемыя спорадическія падающія звѣзды суть туманныя частицы, которыя отдѣльно отъ другихъ приходятъ въ близкое состояніе отъ земли; можетъ быть, онѣ принадлежали прежде къ кометамъ, но были разсѣяны потомъ въ разныя стороны притяженіемъ планетъ.

Въ XII главѣ описаны кометы, разсматриваются ихъ орбиты, въ особенности орбиты періодическихъ кометъ, и упоминаются разныя явленія, которыя обнаружены наблюденіями относительно наружнаго вида кометъ и ихъ хвостовъ; приводятся также свѣдѣнія о раздѣленіи кометы Біелы на двѣ части и т. д. Согласно съ мнѣніемъ Лапласа, нашъ авторъ считаетъ кометы тѣлами пришлыми извнѣ въ нашу планетную систему; только немногія изъ нихъ, подвергаясь тяготѣнію къ солнцу и притяженіямъ къ планетамъ, сдѣлались членами этой системы. Авторъ не упустилъ изъ виду остроумныхъ изслѣдованій г. Скиапарелли объ аналогіи кометъ съ падающими звѣздами, и говоритъ о возможности раздробленія кометы на отдѣльныя, особыя части и превращенія въ метеорный потокъ.

XIII-я глава содержитъ все, что извѣстно о зодіакальномъ свѣтѣ. Такъ называютъ слабое сіяніе, второе наилучше замѣчается въ тропическихъ странахъ; его можно наблюдать также въ другихъ мѣстахъ, но менѣе отчетливо. Преимущественно виднѣнъ зодіакальный свѣтъ весной и осенью; его усматриваютъ по окончаніи вечернихъ сумерокъ на западѣ, около того мѣста, въ которомъ заходило солнце, или передъ началомъ утреннихъ сумерокъ, на востокѣ, вблизи того мѣста въ которомъ ожидается восхожденіе солнца.

Зодіакальный свѣтъ представляется въ видѣ трехсторонней пирамиды, или точнѣе въ видѣ половины чечевицы, которой основаніе находится на горизонтѣ; длина ея всегда бываетъ гораздо больше основанія. Угловое разстояніе зодіакальнаго свѣта отъ солнца выходитъ въ разное время не одинаковымъ: иногда оно содержитъ 40° , а иногда 90° и даже 100° ; ширина его измѣняется отъ 8° до 30° . Все это зависитъ отъ размѣровъ, фигуры зодіакальнаго свѣта и положенія относительно наблюдателя.

Вообще это сіяніе выходитъ весьма далеко за предѣлы земной атмосферы и ни въ какой связи не состоитъ съ землею; доказательствомъ справедливости такого заключенія служитъ то, что зодіакальный свѣтъ участвуетъ въ кажущемся суточномъ движеніи неба, подобно тому, какъ участвуютъ разныя небесныя свѣтила. Неизбѣжно также, чтобъ зодіакальный свѣтъ былъ принадлежностію солнечной атмосферы,

которая не может простирается на такія разстоянія отъ поверхности солнца, какія требовали бы огромныя размѣры зодіакальнаго свѣта. А. Гумбольдтъ и нѣкоторые другіе ученые приписывали явленіе зодіакальнаго свѣта туманному слою, окружающему солнце въ видѣ кольца. По мнѣнію новѣйшихъ физиковъ, солнце окружено большимъ чечевицеобразнымъ слоемъ, въ которомъ содержится великое множество очень мелкихъ тѣлъ, или разныхъ скопищъ тѣлъ, подобныхъ метеорнымъ тѣламъ. Такія тѣла, можетъ быть, движутся около солнца по разнообразно расположеннымъ орбитамъ, и отъ того происходятъ замѣчательныя съ земли измѣненія въ яркости, размѣрахъ и фигурѣ зодіакальнаго свѣта, какъ слѣдствія перемѣнъ въ положеніи наблюдателя относительно метеорныхъ тѣлъ. Эту гипотезу предложилъ Лапласъ; онъ полагаетъ, что солнце и всѣ планеты послѣдовательно образовались изъ одной общей, начальной туманной матеріи, которая нѣкогда выполняла сферондъ огромныхъ размѣровъ. Тѣ частицы этой матеріи, которыя не соединились съ солнцемъ и не вступили въ составъ планетъ, продолжаютъ обращаться около солнца и отражать падающіе на нихъ солнечные лучи, даютъ поводъ въ происхожденію зодіакальнаго свѣта.

Робертъ Майеръ въ 1848 году и Томсонъ въ 1861 году предполагали, что можно объяснить причину сохраненія высокой температуры солнца не прекращающимся паденіемъ на солнце множества метеорныхъ тѣлъ и развивающагося отъ этихъ паденій теплотю. Нашъ авторъ не считаетъ эту гипотезу удовлетворительною.

XIV-я глава, послѣдняя въ первомъ томѣ, заключаетъ общій перечень свѣдѣній о различныхъ тѣлахъ планетной системы, которыхъ массы вообще малы въ сравненіи съ массою солнца. Авторъ ованчиваетъ свое сочиненіе сужденіями о томъ, что пространство, занимаемое орбитами извѣстныхъ нынѣ планетъ, составляетъ малую часть того пространства, въ предѣлахъ котораго притягательное дѣйствіе нашего солнца пересиливаетъ притяженіе къ другимъ солнцамъ, то-есть къ такъ называемымъ неподвижнымъ звѣздамъ.

Первый томъ содержитъ 438 страницъ въ осьмушку большого формата. Далѣе слѣдуютъ примѣчанія и прибавленія къ тексту, которыя помѣщены на 265 страницахъ мелкаго шрифта и назначаются для разъясненій и дополненій того, что предложено въ текстѣ.

Въ примѣчаніяхъ читатели найдутъ много занимательнаго; изрѣдка встрѣчаются предметы не вполне точно изложенные. Такъ напримѣръ, на стр. 13-й примѣчаній авторъ говоритъ, что повторительные круги

въ практикѣ не оправдали возлагавшихся на нихъ надежды, и полагаютъ, что это происходитъ отъ недостаточнаго совершенства въ устройствѣ винтовъ, закрѣпляющихъ и освобождающихъ какъ трубы, такъ и самый лимбъ. Воиенбергеръ объяснилъ истинную причину невозможности опредѣлять углы помощію повторительныхъ круговъ съ такою точностію, какъ сперва ожидали; преимущественно обнаруживаются малыя постоянныя ошибки при измѣреніи высотъ повторительнымъ кругомъ, установленнымъ вертикально. Чтобы ось вращения алидаднаго круга могла обращаться внутри оси лимба, необходимъ просторъ, хотя весьма малый, между верхнею поверхностію первой оси и внутреннею поверхностію второй оси. Отъ того происходитъ нѣкоторая шаткость въ положеніи одного круга относительно другаго круга, и чрезъ то опредѣленіе угла дѣлается болѣе или менѣе ошибочнымъ.

На 42-й страницѣ примѣчаній сказано, что интегрированіе дифференціальнаго уравненія равновѣсія атмосферы показываетъ, что когда высота поднятія надъ поверхностію земли возрастаетъ въ арифметической прогрессіи, тогда плотность воздуха уменьшается въ прогрессіи геометрической. Этотъ результатъ не есть дѣйствительный фактъ, существующій въ природѣ, но представляетъ гипотетическое значеніе и соответствуетъ предположенію, которое допускаетъ въ слояхъ воздуха во всей атмосферѣ одну и ту же температуру; тогда какъ извѣстно, на большихъ высотахъ надъ поверхностію земли обыкновенно бываетъ воздухъ холоднѣе, чѣмъ внизу, при поверхности земли. Такое предположеніе принимаютъ для вычисленія высотъ горъ изъ барометрическихъ и термометрическихъ наблюденій, считая температуру воздуха равною среднему числу изъ температуръ, замѣченныхъ въ нижнемъ и верхнемъ мѣстахъ наблюденій; тогда не происходитъ значительной ошибки потому, что высота самыхъ большихъ горъ мала въ сравненіи съ высотой всей атмосферы. Но предположеніе оказывается неудовлетворительнымъ при вычисленіи астрономическихъ преломленій. Вообще нельзя найти интегральнаго уравненія, не опредѣливъ сперва зависимость температуры воздуха отъ возвышенія надъ поверхностію земли. Эта зависимость не найдена еще съ совершенною точностію и ее выражаютъ допуская вѣроятнѣйшія предположенія, какъ сдѣлалъ Ланласъ и послѣдующіе ученые; вообще выходитъ не такая зависимость, какую упоминаетъ авторъ.

Читатели встрѣтятъ въ примѣчаніяхъ любопытныя историческія

подробности и останутся довольны тою простотою и ясностію, съ которыми авторъ даетъ понятіе о нѣкоторыхъ сложныхъ явленіяхъ, какъ напримѣръ о поляризаціи лучей свѣта.

Озвачивая обзоръ перваго тома Космологіи г. Путяти, мы справедливымъ считаемъ сказать, что это сочиненіе займетъ весьма почетное мѣсто въ русской научной литературѣ; оно замѣчательно по изяществу изложенія и богатству разнообразныхъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ многихъ специальныхъ трактатовъ и научныхъ журналовъ. Намѣреніе автора было совершенно безкорыстное; не жаля ни труда, ни денежныхъ издержекъ, онъ напечаталъ свою книгу единственно съ цѣлю распространить полезныя знанія въ нашемъ отечествѣ. Будемъ надѣяться, что просвѣщенная русская публика поддержитъ автора въ его занятіяхъ и дастъ ему средства до конца довести сочиненіе, котораго изданный первый томъ заслуживаетъ колпаго одобренія.

А. Савиць.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 29. С.-Петербургъ, 1881.

Князь Безбородко принадлежитъ къ числу тѣхъ лицъ, исторія дѣятельности коихъ можетъ по справедливости считаться и исторіею ихъ времени. Относительно его замѣчаніе это имѣетъ силу не столько даже потому, чтобы обнаруживалъ онъ преобладающее вліяніе на событія, сколько по той причинѣ, что почти не было такого важнаго дѣла, въ которомъ не принималъ бы онъ виднаго участія. Все проходило чрезъ его руки и на всемъ оставлялъ онъ слѣды своего обширнаго ума и необыкновенныхъ способностей. Извѣстно, что первоначально опредѣленъ былъ онъ для принятія челобитенъ, подаваемыхъ на Высочайшее имя, но вскорѣ сдѣлался необходимъ для императрицы. Екатерина привлекла его къ самымъ разнообразнымъ трудамъ, онъ занялъ положеніе главнаго ея секретаря, докладчика ея по дѣламъ всѣхъ государственныхъ учрежденій. Администрація, юстиція, финансы, иностранная политика — все было одинаково ему доступно; не было такого вопроса, въ которомъ онъ не считалъ бы себя полнымъ хозяиномъ. Въ ряду совѣтниковъ великой государыни онъ отличается вполне оригинальною физиогноміею и не уступаетъ ни одному изъ тѣхъ, имя которыхъ запечатлѣлось, быть можетъ, нѣсколько болѣе чѣмъ его имя въ памяти потомства.

Мы хотимъ познакомить здѣсь нашихъ читателей съ появившимся недавно вторымъ (и послѣднимъ) томомъ біографіи князя Безбородко, оставленной г. Григоровичемъ. Этотъ томъ обнимаетъ періодъ времени отъ второй турецкой войны и отъ войны съ Швеціей до 1799 года. Здѣсь прежде всего останавливается наше вниманіе дѣятельность Безбородки какъ дипломата. Онъ и прежде много занимался иностранными дѣлами, но теперь выступилъ въ совершенно самостоятельной роли, какъ главный уполномоченный нашего правительства для заключенія мира съ Портой. Загѣтнмъ встать, что этотъ отдѣлъ не принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ въ книгѣ г. Григоровича. Почтенный авторъ не останавливается на общемъ ходѣ событій, не старается уяснить характеръ нашихъ международныхъ сношеній въ то время, для него на первомъ планѣ личность самого Безбородки, а потому если читатель и составитъ себѣ понятіе о томъ, какъ дѣйствовалъ Безбородко, то предъ нимъ нисколько не рисуется картина общаго положенія дѣлъ. По полученіи извѣстія о смерти Потемкина, Безбородко самъ вызвался ѣхать въ Яссы для переговоровъ, и въ письмѣ къ П. В. Завадовскому онъ откровенно высказалъ соображенія, руководившія имъ въ этомъ случаѣ: „когда сообразишь всѣ обстоятельства, то не станешь винить меня, будто я перемудрилъ при отправленіи моемъ сюда (то-есть въ Яссы) въ минуту, что получена была вѣсть о смерти всемогнутаго. Я, зная, что трудно было чаать добраго и скорого конца отъ негоціаторовъ или неискусныхъ, или ты знаешь какихъ, рѣшился оффирировать себя въ сію службу. Тутъ вся голова моя воспалилась двумя пунктами: первое, оказать услугу отечеству, и второе, особенно для себя, придать большую знать своей карьерѣ“. Явившись въ Яссы Безбородко обнаружилъ именно тѣ качества, которыя были какъ нельзя болѣе необходимы для успѣха возложеннаго на него порученія—необыкновенную ловкость и ничѣмъ не смущаемую настойчивость. Никто не думалъ отрицать, что онъ оказалъ огромныя услуги, хотя въ это же самое время уже развивалась противъ него сильная интрига. „Вы вполне справедливо говорите, писалъ Ростопчинъ графу С. Р. Воронцову, что графъ Безбородко покрылъ себя славой. Препятствія которыя онъ долженъ былъ преодолѣть, отсутствіе самыхъ необходимыхъ средствъ для переговоровъ съ Турками, извѣстныя свойства ихъ уполномоченныхъ, все было соединено, чтобъ выставить въ яркомъ свѣтѣ его великія дарованія. Чѣмъ болѣе я смотрю на его труды, тѣмъ болѣе удивляюсь его гению“. Частныя письма Безбо-

родки во время пребыванія его въ Яссахъ исполнены необыкновеннаго интереса. Не можемъ не привести здѣсь одно изъ нихъ, противящее яркій свѣтъ на то, какого рода порядки господствовали при Потемкинѣ въ областяхъ, занятыхъ нашими войсками.

Письмо это адресовано къ графу А. Р. Воронцову: „Ваше сіятельство знаетъ, говорилъ Безбородко, что я скорѣе привыкъ всякую вещь, какъ Стедингъ ¹⁾ на своего государя говаривалъ, видѣть въ розовомъ цвѣтѣ; сверхъ того знаетъ, что я много обязанъ покойнику, не скажу конечно лишняго, да притомъ и справедливость ему дамъ, что онъ былъ конечно рѣдкій и отличный человекъ, особливо на выдумки, лишь бы только онъ не на его исполненіи остались. Извините, что письмо мое будетъ очень разсѣянно, по мѣрѣ какъ это на мысль пришло, или могъ я на вѣрное свѣдѣть. Я начну съ путешествія моего. Сколько ни малъ урожай хлѣбный въ Малороссіи, особливо по причинѣ худаго умолота, столь напротивъ того Екатеринославская губернія и прошедшій, а еще болѣе нынѣшній годъ изобилуетъ хлѣбомъ. Нѣтъ мѣста, гдѣ бы рожь дороже 1 руб. 30 коп., а овесъ 60 коп. продавался. Всѣ житницы съ излишествомъ наполнены и бѣдные обыватели рады сживать съ рукъ свой хлѣбъ; да и охотно бы нашлись поставщики въ Крымъ, въ надеждѣ на фурахъ своихъ обратно взять оттуда соль, но о семъ, кажется, и не мыслить. Магазины по Бугу наполнены, а прочее доставленіе все на подрядахъ. Графиня Браницкая, Энгельгардъ, князь Сергій Голицынъ, графъ Вить и тому подобные, которые набрали еще множество прислужниковъ, деруть съ казны цѣны пребольшія. Напримѣръ, графиня (Браницкая) подрядилась поставить хлѣбъ въ Таврическіе магазины четверть по 7 р. 50 к. и имѣла уже на семь подрядѣ барыша до 180 тысячъ рублей, кромѣ что фуры ея на обратномъ пути должны были вывезти полный грузъ соли за обыкновенную тамъ цѣну, то есть за пудъ по 10 коп. Но симъ она не удовольствовалась: требовала, чтобы платежъ за все учиненъ былъ червонцами, полагая каждый по 3 рубля, когда они гораздо выше четырехъ рублей сюда изъ Варшавы приходятъ. Отъ сего вышла у нея ссора съ Поповымъ, а смертію княжюю (Потемкина) дѣло такъ и осталось. Теперь не трудно вамъ судить, отъ чего такое множество надо сюда переводить денегъ, да ихъ и нѣтъ здѣсь... Послѣ пропитанія войскъ скажу вамъ о землѣ (то-есть о Румыніи). Никто ее не узнаетъ, кто видѣлъ

¹⁾ Чрезвычайный посолъ Швеціи въ Петербургъ.

прежде. Столь раззорена, что без жалости ни на что взглянуть нельзя. Веселость народа здѣшняго превратилась въ уныніе; нѣтъ уже ни малѣйшей привязанности, которую можно сказать; она отпачалась къ Россіи противъ всехъ другихъ единоверныхъ народовъ, и они желаютъ, чтобъ поскорѣе только миръ съблудся. Дамы убралісь. Ланшаревъ и Селукискій правятъ десятичестки. Большая часть сберовъ на откупу за ними. Ланшаревъ одѣлалъ при смерти князя шестидную проказу. Покойникъ забралъ въ долгъ множество товаровъ, которыми дарилъ онъ Петербургскихъ дамъ и прочихъ, тысячу до двухъ сотъ рублей. Ланшаревъ вырвалъ у него ордеръ на свое имя собрать контрибуцію за не доставленный будто провіантъ для войскъ ордеръ сей подписанъ 4-го октября, а объявленъ 19-го того мѣсяца. Когда ея дружески совѣтовалъ удержаться съ исполненіемъ, то онъ мнѣ оказалъ, что сіе у нихъ съ покойникомъ положено: обратитъ на унылату помянутыхъ долговъ его. Я не знаю, остановится ли онъ; но мнѣ государыня пишетъ сверучно, чтобъ, лаская Греховъ и Моливанъ, и трактуя ихъ наравнѣ съ своими, не допускалъ я ни своихъ, ни чужихъ ихъ грабить. Сверхъ того мы теперь съ Турками трактуемъ объ облегченіяхъ, настаивая на уничтоженіи старыхъ счетовъ или увольненіи двухлѣтнемъ отъ дани: прилично ли намъ обременять ихъ контрибуціями?.. Всѣ болре почти изъ домовъ выгнаны; обиды и раззореніе жителямъ неслыханныя. Вся Молдавія въ благословитъ памяти умершаго, вида олустошеніе, всякое воображеніе превосходящее“...

Безбородко, какъ мы сказали, былъ одинъ изъ тѣхъ государственныхъ людей, безъ которыхъ не могло обойтись правительство. При дворѣ нерѣдко усиливались неблагоприятныя ему вліянія, возмущались люди, пытавшіеся отстранить его; иногда удавалось имъ даже поколебать расположеніе къ нему самой императрицы, но все это продолжалось не долго. Необходимый чейовѣкъ снова завоевывалъ позицію. Въ послѣдніе свои годы онъ успѣвалъ въ этомъ даже безъ особыхъ стараній съ своей стороны, ибо если въ значительной мѣрѣ обладалъ онъ честолюбіемъ, то не менѣе развито было въ немъ и сибаритство и онъ былъ далеко не прочь, удалившись отъ дѣлъ, вполне насладиться жизнью. Но е противникамъ его можно было повторить то самое, что, какъ мы видѣли сейчасъ, сказалъ онъ о Петемкинѣ, то-есть, что они были сильны не на видумки, лишь бы только онъ на ихъ исполненіи не оставался“. Какъ было лишиться совѣтовъ и указаній Безбородки съ его свѣтлымъ умомъ, обширною опыт-

ностью и громадным запасом всякаго рода свѣдѣній. По возвращеніи его изъ Яссы, онъ тотчасъ же убѣдился, что если „придалъ знать своей карьерѣ“, то съ другой стороны чуть не погубилъ ее. Другіе люди заняли его мѣсто; всѣ дѣла, которыя прежде принадлежали въ его канцеляріи, шли теперь чрезъ руки Зубова, который сдѣлался такимъ же мопущественнымъ совѣтникомъ императрицы, какимъ до него былъ Безбородко. Завадовскій писалъ графу Р. С. Воронцову: „Александра Андреевна роль превостыдная. Всякъ на его мѣстѣ, стязавъ дохода 150 тысячъ, удалился бы; но онъ еще пресмыкается въ чалвіи себѣ лучшаго, а наипаче корыстнаго, не имѣя духа на шагъ пристойный. Низкимъ терпѣніемъ и гибкостью многіе дождались своей погоды. Онъ послѣдуетъ сему правилу, развѣ вытолкать въ зашей. Безъ того не уклонится, чуждѣ бывъ нравственныхъ побужденій“. Самъ Безбородко тяготился своею ролью, какъ видно изъ его письма къ тому же Воронцову: „По заключеніи мира заняли оказывать нетерпѣливость, чтобъ я скорѣе ѣхалъ, и такимъ лестнымъ для меня образомъ, что сама государыня нѣсколько иссесть самихъ убѣдительныхъ мнѣ прислала и когда меня дорогою здоровье медлить принудило, неудовольствіе оказала. Я однако пожертвовалъ всѣмъ и прямымъ путемъ поспѣшилъ исполнить ея волю. Но что сдѣлалось? Нашелъ я идею изъ Зубова сдѣлать въ глазахъ публики дѣловаго человѣка. Хотѣли, чтобъ я съ нимъ по дѣламъ сносялся; намекали, чтобъ я съ нимъ о томъ и другомъ поговорилъ, то-есть, чтобъ я пошелъ къ нему. Но вы знаете, что я и къ покойнику не учащалъ, даже и тогда, когда обстоятельства насъ въ самое тѣсное согласіе привели. Вышло послѣ на повѣрву, что вся дрянъ, какъ-то сенатскіе доклады, частныя дѣла, словомъ связать, все неприятное, заботъ требующее и ни чести, ни славы за собою не влекущее, на меня ввздено, а на примѣръ дѣла польскія, которыя имѣютъ съ собою связанныя распоряженія по арміямъ, достались Зубову“. Но Безбородко не могъ не замѣтить, что въ важнѣйшихъ случаяхъ, когда требовался испытанный государственный умъ, императрица обращалась къ нему. Она колебалась сохранить за нимъ первенствующее мѣсто; но по силѣ вещей это мѣсто принадлежало все-таки ему. Чтобы разъяснить свои отношенія къ государынѣ онъ прямо возбудилъ вопросъ о своемъ выходѣ въ отставку и все тотчасъ же измѣнилось: до такой степени казалась невозможною мысль не пользоваться его совѣтами. Приводимъ здѣсь письмо, написанное имъ къ императрицѣ,—документъ весьма важный, между прочимъ потому, что Безбо-

родко бросаетъ здѣсь взглядъ на главнѣйшіе моменты своей плодотворной дѣятельности:

„Осмынадцать почти лѣтъ, продолжая службу мою при лицѣ вашего императорскаго величества, бывъ удостоенъ отличной вашей довѣренности, имѣвъ участіе въ исполненіи многихъ важныхъ и государству полезныхъ вашихъ намѣреній и получивъ толь отличные знаки монаршаго благоволенія, поставилъ я себѣ за правило идти путемъ правды и быть во всемъ предъ вами откровеннымъ. Въ совѣсти моей убѣжденъ я, что не сдѣлалъ ничего вреднаго службѣ вашей или предосудительнаго чести моей. Время открыло, да и болѣе еще откроетъ, что всякое на счетъ мой порицаніе было только клевета, завистью и злостью на меня воздвигнутая. Въ такомъ совѣсти моей спокойствіи осмѣливаюсь предстать предъ ваше величество съ чистосердечнымъ изразженіемъ настоящаго моего положенія. Послѣ мира со Швеціей возведенъ будучи вами на одну изъ первыхъ степеней, могъ я спокойно оставаться при лицѣ вашемъ, пользоваться довѣренностью вашей и трудами моими, подъ вашимъ руководствомъ продолжаемыми, споспѣшествовать дальнѣйшему исполненію вашихъ предположеній. Зная справедливость и щедроту вамъ сродная, былъ я несомнителенъ, что по заключеніи мира съ Портой и по совершеніи многоаго, что уже и тогда было предвидѣно, усердіе и труды мои не остались бы тщетны. Въ семъ положеніи застигла вѣсть о смерти фельдмаршала князя Потемкина. Въ минуту полученія ея, вѣдая, сколько заботы она принесетъ вашему величеству, и зная, что мирная съ Турками негодіація, въ самыхъ предлиминаріяхъ испорченная долговременнымъ срокомъ перемирія, новыми же по кубанскимъ дѣламъ затрудненіями въ замѣшательство приведенная, не токмо продлится, но и рушится легко могла, рѣшилъ я представить мою готовность отправиться въ Яссы для руководства мирными переговорами. Ни безпокойства труднаго пути, для здоровья моего вреднаго, ни неизбѣжность большихъ издержекъ, со званіемъ главнаго полномочнаго сопряженныхъ, ниже уваженіе, что, отлучаясь отъ двора, подвергаю себя жребію отсутствующихъ, кои часто терпятъ, не превозмогли надъ моимъ рвеніемъ угодить вамъ доставленіемъ отечеству мира, толико для него нужнаго. По пріѣздѣ моемъ нашеть я дѣло безъ начала и путеводства. Полномочные, имѣвшіе болѣе доброй воли, чѣмъ въ дѣламъ приобычки, ниже плана не сдѣлали, какъ трактовать. За нѣсколько дней до пріѣзда моего, получивъ указъ объ открытіи переговоровъ, вступили они съ однимъ ультиматумомъ въ

рукахъ. По двумъ первымъ и ничего не значущимъ ихъ конференціямъ можно было предвидѣть и медленность, и малую надежду успѣха. По прибытіи моемъ негоціація взяла иное теченіе; но подробности ея извѣстны вашему величеству и не одиѣнъ разъ осчастливленъ былъ я израженіями вашего удовольствія. Случались иногда въ теченіе дѣла сего критическія минуты, которыя предвѣщали возможность разрыва. Я и тутъ готовился, если бы только вамъ угодно было, остаться среди военныхъ дѣйствій, и раздѣляя съ другими всё опасности, способствовать имъ, по мѣрѣ усердія и смысла моихъ, и терпѣливо ждать времени къ совершенію возложеннаго на меня служенія. Сверхъ мирной негоціаціи, имѣлъ я отъ вашего величества порученіе по дѣламъ польскимъ, которыя при жизни князя Потемкина ведены были чрезъ мои руки. Много мнѣ стоило труда удерживать пылкость и неосновательность Поляковъ, ко мнѣ тогда прибывшихъ, покуда успѣлъ я одержать миръ, безъ котораго и помышлять о Польшѣ было нельзя. Наконецъ совершенъ сей миръ на томъ основаніи, какъ желали. Сверхъ прочнаго спокойствія, имъ установленнаго, пользы, отъ него проистекшія, ощутительны. Какъ присоединеніе подъ державу вашу Крыма, Тамани и части Кубани было слѣдствіе мира Кайнаржійскаго, такъ, по истинѣ, настоящее, гораздо важнѣйшее того приобрѣтеніе можетъ почестъся слѣдствіемъ Яскаго мира. По милостивому приему оконченной мною негоціаціи и по настоятельному образу повелѣній, отъ вашего величества ко мнѣ присланныхъ о послѣщеніи пріѣздомъ въ Петербургъ, имѣлъ я причину ласкать себя надеждой, что довѣренность ваша ко мнѣ не умалилась. По возвращеніи моемъ я и паче удостовѣрился, что подвигъ мой былъ вамъ угоденъ. Ваше величество желали, чтобъ я паки за дѣла принялся; требовали, чтобъ я былъ точно на томъ же основаніи, какъ и прежде, чтобы не обинуясь о всемъ представлялъ вамъ и сказывалъ откровенно мои мысли. Сему монаршему изреченію повиновался и по долгу подданнаго, и по долгу благодарности. Я ссылаюсь на все, что докладывалъ по разнымъ дѣламъ, въ томъ числѣ и на мнѣніе мое, поданное о пользѣ и необходимости приобрѣтенія Украйны и другихъ земель отъ Польши, какъ только первая къ тому удобность отерываться начала. Если мнѣ казалось, что мои представленія не въ томъ уже видѣ и дѣйствіи принимались, какъ прежде я былъ осчастливленъ, то служило мнѣ, по крайней мѣрѣ, утѣшеніемъ, что я исполнялъ мою предъ вами обязанность, и что дѣла, о коихъ я писалъ или говорилъ, производимыя въ исполненіе, прино-

силы свою пользу. Не могу однако скрыть предъ вашимъ величествомъ, пользуясь дозволеніемъ вашимъ быть предъ вами откровеннымъ, что вдругъ нашелся я въ сферѣ дѣлъ, толь тѣсно ограниченной, что я предаюсь на собственное ваше правосудіе: сходствуетъ ли она и съ степенью, отъ васъ мнѣ пожалованною, и съ довѣренностью, каковой я прежде удостоенъ былъ? А сіе и заставило меня отъ многихъ дѣлъ уклониться..... Всемиловитвѣйшая государыня, если служба моя вамъ негодна, и ежели, по несчастію, лишился я довѣренности вашей, которую вѣще заслужить послѣднимъ подвигомъ моимъ угодивъ, то, повинувъсь достоительно волѣ вашей, готовъ ото всего удалиться; но если я не навлекъ на себя такого неблаговоленія, то льщу себя, что личнымъ вашимъ заступленіемъ охраненъ буду отъ всякаго уничтоженія и, что будучи членомъ совѣта вашего и вторымъ въ иностранномъ департаментѣ, имѣя подъ начальствомъ моимъ департаментъ почтъ и нося при томъ на себѣ одинъ изъ знатныхъ чиновъ двора вашего, не буду я обязанъ принятіемъ прошеній и тому подобными дѣлами, которыми я ни службѣ вашей пользы, ни вамъ угодности сдѣлать не въ состояніи. Готовъ я впрочемъ всякое трудное и важное препорученіе ваше исправлять, не щадя ни трудовъ моихъ, ниже самого себя“.

Храповицкій говоритъ въ своемъ дневникѣ, что при чтеніи приведенной нами записки Безбородки, и „при писаніи отвѣта не сердились, но задумчивость была примѣтна“. Весьма можетъ быть, что Екатерина нѣсколько охладѣла къ своему довѣренному совѣтнику; другія лица стали между нимъ и ею; но это было чисто личное чувство, которому никогда не приносила она въ жертву государственныя соображенія. Снова возстановилъ Безбородко поколебленное свое вліяніе и до послѣднихъ дней императрицы неизмѣнно сохранилъ его. Все заставляло думать, что именно по этой причинѣ онъ и долженъ былъ ожидать ничего хорошаго для себя отъ ея преемника. Раstopчинъ развязываетъ, что онъ былъ крайне смущенъ въ роковой день 1-го ноября 1796 года. По словамъ его „графъ Безбородко болѣе 30-ти часовъ не выѣзжалъ изъ дворца и былъ въ отчаяніи; неизвѣстность судьбы, страхъ, что онъ подъ гнѣвомъ новаго государя, и живое воспоминаніе благодѣяній умирающей императрицы наполняли глаза его слезами, а сердце горестью и ужасомъ; раза два говорилъ онъ мнѣ умиленнымъ голосомъ, что надѣется на мою дружбу, что онъ старъ, боленъ, имѣетъ 250,000 руб. дохода и единой проситъ милости—быть отставленнымъ отъ службы безъ попра-

ленія". Но можно сказать, что съ первой же минуты императоръ Павелъ понялъ, какое огромное пріобрѣтеніе дѣлаетъ онъ въ лицѣ Безбородки съ его удивительною памятью и съ необычайнымъ знаніемъ дѣлъ. „Этотъ человекъ для меня даръ Божій“, сказалъ онъ Растопчину. Сохранилось извѣстіе, будто графъ Безбородко оказалъ важную услугу новому государю, бывъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ того, что завѣщаніе императрицы Екатерины не было приведено въ исполненіе; г. Григоровичъ довольно подробно останавливается на этомъ вопросѣ и склоняется въ пользу упомянутаго предположенія. Едва ли однако это повліяло бы значительно на судьбу Безбородки, ибо, кажется намъ, услугъ нельзя было придавать чрезвычайную важность: если императрица, при жизни своей, не успѣла обнародовать свою волю, то, по смерти ея, ни Безбородко и никто другой не могли бы, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, привести ее въ исполненіе. Гораздо правдоподобнѣе, что возвышеніемъ своимъ въ новое царствованіе Безбородко обязанъ былъ тѣмъ высокимъ достоинствамъ дѣловаго человека, которыя всегда выдвигали его на первый планъ. Почести посыпались на него такъ, что самъ онъ былъ смущаемъ и тревожимъ этимъ приливомъ счастья—и замѣчательно, что при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, когда такъ шатко было положеніе государственныхъ людей, Безбородко ни разу не испыталъ никакихъ невзгодъ.

Въ книгѣ г. Григоровича собрано много любопытнаго матеріала для характеристики Безбородки, какъ человека. Мы имѣемъ предъ собой, между прочимъ, различные отзывы его современниковъ. „Онъ былъ, выразился о немъ Карамзинъ въ 1825 году, хорошій министръ, если и не великій; такого теперь не имѣемъ. Вижу въ немъ умъ государственный, ревность, званіе Россіи, то, чего теперь не вижу. Жаль, что не было въ Безбородкѣ ни высокаго духа, ни чистой нравственности; заключимъ обыкновенною поговоркой—нѣтъ совершеннаго“. Сперанскій отозвался, что въ Россіи, въ XVIII-мъ столѣтіи, было только четыре генія: Меншиковъ, Потемкинъ, Суворовъ и Безбородко, но послѣдній „не имѣлъ характера“. Морковъ писалъ Воронцову: „Безъ сомнѣнія, князь Безбородко во многихъ отношеніяхъ составляетъ для всѣхъ утрату, но я не знаю, внушаетъ ли онъ кому-либо состраданіе“. Завадовскій говорилъ: „Народное тщеславіе и во всемъ прочемъ необычайное преуспѣяніе кололи завистливые глаза, по обыкновенному свойству людей, чтобъ злорѣчить другаго въ томъ, чего сами имѣть не можемъ. Безъ благоволенія фортуны и

часть ссхviii, отд. 2.

случаевъ благопріятствовавшихъ, никто не вошелъ въ первую званъ; но oprичъ сихъ, покойникъ (Безбородко) имѣлъ свою собственнoсть, ущедренную отъ природы, какъ-то умъ дѣловой и острое по нятіе. Непомѣрное любопытство стяжало ему обширное знаніе вещей, для государственнаго человѣка нужныхъ, которыя удерживалъ всегда присутственными мыслямъ память его преудивительная. Въ его головѣ трудно прибрать равную, чтобъ такъ же былъ прѣмгкій нравъ и незлобивое сердце, даже и противъ враждовавшихъ ему*. Наконецъ сохранился суровый приговоръ Раstopчина: „Россія будетъ имъ гордиться, но онъ ее не любилъ, яко сынъ любить мать“. Во всѣхъ этихъ отзывавъ есть общая черта — безусловное воскваленіе рѣдкихъ способностей Безбородки; всѣ, имѣвшіе случай приближаться къ нему или судящіе о немъ по его дѣятельности, согласны въ томъ, что это была чрезвычайно богато одаренная натура. Но достаточно ли этого, чтобы сдѣлаться первостепеннымъ государственнымъ человѣкомъ? Кромѣ ума и таланта, нуженъ для этого также сильный характеръ, но общій голосъ утверждалъ, что именно характера и недоставало князю Безбородкѣ. Подъ характеромъ понимаемъ мы, между прочимъ, способность всецѣло предаться тому или другому дѣлу, твердо отстаивать его, напрягать всѣ усилія, чтобы обезпечить его успѣхъ, но о Безбородкѣ можно сказать, что если почти во всемъ видно его участіе — и почти всегда участіе весьма полезное — то ни съ чѣмъ особенно не связалъ онъ своего имени. Этому мѣшала основная черта его характера — безпечность, даже лѣнность, чрезвычайная склонность къ житейскимъ выгодамъ и удобствамъ. Онъ сошелъ въ могилу вовсе не старымъ человѣкомъ, ему было только 51 годъ, но еще задолго до того, еще при жизни Екатерины, онъ тяготился своею дѣятельностью, какъ будто она совсѣмъ надломила его. „Всѣ чины — монета безъ внутренняго вѣса, говорилъ онъ; я пребываю безъ перемѣны въ моихъ прежнихъ желаніяхъ: отойти отъ большаго свѣта и водвориться въ деревнѣ, гдѣ я нѣсколько и мотовато соорудилъ себѣ пристанище на дни послѣдніе и послѣ смерти“. Въ царствованіе императора Павла, убѣждая Лопухина похлопотать, чтобы дозволено было ему удалиться отъ служебныхъ занятій, онъ писалъ: „Вы за меня легко поручиться можете, что я великій неохотникъ не только до интригъ, гдѣ много бываетъ безпокойства и заботы, но даже и до всѣхъ дѣлъ; слѣдовательно я не заслуживаю никакого сомнѣнія или подозрѣнія, и въ чужихъ краяхъ, и въ Россіи живучи, кромѣ своего здоровья, покоя и удовольствія, ни о чемъ не

намѣренъ помышлять“. Нельзя не вѣрить совершенной искренности такихъ заявленій со стороны Безбородки; онъ внесъ въ государственную службу обширный запасъ свѣдѣній и дарованій; служба взаимнѣ этого принесла ему большія почести и огромное состояніе и онъ спѣшилъ вдоволь, на просторѣ, насладиться ими, ибо едва ли не въ этомъ и видѣлъ онъ главную цѣль земнаго существованія. Безбородко былъ своего рода философъ, какихъ не мало встрѣчается въ XVIII-мъ вѣкѣ.

Роскошь его была изумительна,—онъ ничего не жалѣлъ для себя. Въ книгѣ г. Григоровича читатель найдетъ описаніе великолѣпныхъ его празднествъ, которыя приводили въ восторгъ его современниковъ. Извѣстно, что онъ далеко не отличался чистотою своихъ нравовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ развиты были въ немъ благородные утонченные вкусы, благодаря которымъ онъ имѣлъ право занять мѣсто на ряду съ наиболѣе просвѣщенными представителями окружавшаго его общества. Картинная его галерея, составляющая нынѣ одно изъ лучшихъ украшеній нашей Академіи художествъ, свидѣтельствуешь объ его благородной страсти къ живописи. „Испытавъ въ жизни моей, писалъ онъ къ графу Воронцову, всякаго рода мотовства, вдругъ очутился я охотникомъ къ картинамъ. Случай раззореній французскихъ благопріятствовалъ мнѣ достать нѣсколько штукъ, наипаче изъ школы Фламандской. Я получилъ три картины изъ коллекціи Орлеанскаго герцога, три изъ Шуазелевой и нѣсколько изъ другихъ. Дошли ко мнѣ также и весьма добрыя картины итальянскія. Словомъ, съ моимъ жаркимъ стараніемъ, съ помощью пріятелей и съ пособіемъ до ста тысячъ, издержанныхъ мною менѣе трехъ лѣтъ, составилъ я хорошую коллекцію, которая и числомъ, и качествомъ превзошла Строгановскую. Отъ сего вышелъ другой расходъ, что я долженъ былъ построить большую картинную галерею, въ которую жду еще нѣсколько картинъ изъ Варшавы и штуки четыре изъ Италіи....“. Прося Воронцова обратить вниманіе, не найдется ли въ Англіи что-нибудь пригодное для умноженія его галерей, Безбородко продолжаетъ: „Но я долженъ сказать, что имѣя Орлеанскаго Теньера, Мериса и Жерарда Доу, также и другихъ Фламандцевъ, и, можно сказать, рѣдкіе пейзажи, болѣе жаденъ на итальянскія, а изъ пейзажей развѣ бы Клода Лоррена, котораго у меня нѣтъ; но, напротивъ того, есть у меня Сальваторъ Роза, какаго и въ Эрмитажѣ нѣтъ и къ которому Строгановъ и профессора часто съ визитою пріѣзжаютъ“.

Другою страстью Безбородки была архитектура. Онъ задумалъ, между прочимъ, построить въ колоссальныхъ размѣрахъ домъ, кото-

рый представлялъ бы нѣчто необыкновенное если бы смерть не имѣла ему исполнить это намѣреніе. Онъ самъ говорилъ о немъ, что это зданіе „потомству покажетъ, что въ нашъ вѣкъ и въ нашей землѣ знали вкусъ“. Извѣстный художникъ Гваренги составилъ планъ этого дома,—начертилъ великолѣпныя гостиныя, залы, скульптурныя и картинную галлерей, нумизматическій кабинетъ, бібліотеку, театр: въ саду должны были находиться настоящія классическія руины въ греческомъ и римскомъ стилѣ. Впослѣдствіи почитатели Гваренги издали въ Миланѣ копии съ рисунковъ, сочиненныхъ имъ по этому поводу.

О двухъ греческихъ путешественникахъ XV и XVIII вѣковъ.

Καθαρός Λασκαρίς καὶ Βασίλειος Βατατζής δύο Ἑλλήνες περιηγηταί τοῦ 15^{ου} καὶ 18^{ου} αἰώνος ὑπο Σπυρ. Π. Λαμπρού (Кананъ Ласкари и Василій Ватацци, два греческіе путешественника XV и XVIII вѣковъ. Соч. С. Ламбра). Εν Αθην. 1881.

Греческій ученый Спиридонъ Ламбръ, извѣстный по изданію и объясненію византійскихъ текстовъ, помѣстилъ недавно въ греческомъ журналѣ Парнассъ статью о двухъ греческихъ путешественникахъ XV и XVIII вѣковъ, записки которыхъ до сихъ поръ не были извѣстны. Желая познакомить русскихъ читателей съ неизвѣстными до сихъ поръ текстами и съ предположеніями о нихъ г. Ламбра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вызвать нашихъ специалистовъ на дальнѣйшія разъясненія трудныхъ вопросовъ, мы рѣшились представить содержаніе его статьи съ нѣсколькими своими замѣтками, пользуясь для того отдѣльнымъ ея оттискомъ.

Греческая рукопись императорской Вѣнской бібліотеки, помѣщенная Hist. Gr. CXIII и писанная на бумагѣ въ XVI столѣтіи, содержитъ въ себѣ слѣдующій краткій текстъ, который г. Ламбръ переписалъ весною 1876 года и издалъ весь въ вышеприведенной статьѣ, подливъ подъ текстомъ ошибочныя написанія кодекса. Мы даемъ здѣсь весь переводъ упомянутаго текста.

Ласкари Канана ¹⁾.

„Я объѣхалъ много земель въ Европѣ и обошелъ все ея поморіе отъ Сѣвернаго Океана (ἀπὸ τοῦ ὑπερβορείου Ὠκεανοῦ). Здѣсь находится

¹⁾ Λασκάρεως τοῦ Καναοῦ. Начало текста: Ἐγὼ περιήλθον..., конецъ μὴ κατακολίζοντι.

Обширѣйшій заливъ, именуемый по гречески Уэнедскимъ (Ὀβενεδικός κόλπος), котораго обходъ имѣеть четыре тысячи миль; а поперечникъ его отъ сѣвернаго мыса (ἀκρωτηρίου), называемаго мысомъ Норвегій (ἄκρη τῆς Νορβηγίας), до его кута въ странѣ Пурсіи (Πουροσίας) имѣеть двѣ тысячи тѣхъ италіанскихъ миль, которыя заключаютъ въ себѣ по тысячѣ оргій (ὄργυιων) на милю, а нашихъ миль, что по семисотъ-пятидесяти оргій на милю, имѣеть онъ (поперечникъ) двѣ тысячи двѣсти-пятьдесятъ. Находятся же отъ него съ востока и съ запада [шестъ странъ] ¹⁾. И вопервыхъ, съ востока и въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ его находится страна Норвегій, имѣющая столичный городъ, именуемый Бергенъ Вагенъ (προκαθεζομένην πόλιν χαλουμένην Μπέργεν Βάγεν²⁾). Въ этомъ городѣ не чеканится монета ни золотая, ни серебряная, ни мѣдная, ни желѣзная, но живутъ отъ товаровъ, какъ покупающіе, такъ и продающіе ³⁾. Еще въ этомъ городѣ бываетъ день въ одинъ мѣсяць: съ двадцать-четвертаго іюня мѣсяца по двадцать-пятое іюля—все день, а ночи вовсе нѣтъ. Послѣ этой страны находится страна Суиціи (ἐπαρχία τῆς Σουήτζιας), имѣющая столицей Стокольмо (Στοκόλμω). Въ этомъ городѣ чеканится монета серебряная смѣшанная. Въ сихъ двухъ странахъ властвуетъ король Данскій (τοῦ ῥηγὸς τῆς Δανίας). Послѣ Суиціи находится страна Ливонія (τῆς Λιβονίας). Эта страна имѣеть столицу, которая именуется Ригой (Ῥήγα), и городъ Ривуде (Ῥήβυλε). Въ нихъ имѣеть власть архіепископъ и мірскую, и духовную. Въ странѣ же властвуетъ герцогъ великій магистръ бѣлыхъ одеждъ и чернаго креста (ἡ ἐπαρχία ἀρχεται ὑπὸ τοῦ δουχὸς μεγάλου κριστορος τῶν λευκῶν ἐνδυμάτων καὶ τοῦ μέλανος σταυροῦ). Послѣ этой страны и въ кутѣ залива находится страна Пурсіи (τῆς Πουροσίας); имѣеть столицу, именуемую Танцикомъ (Τάντζικ). Послѣ нея находится страна Савунія (Σθαβουνίας), имѣющая столицу, называемую Лупикомъ (Λουπήκ). Изъ этой страны происходятъ Зигіоты, что въ Пелопонисѣ (οἱ Ζυγίωται οἱ ἐν Πελοποννήσῳ): ибо тамъ находится весьма много селеній (χωρία), говорящихъ языкомъ Зигіотовъ. Послѣ этой страны находится страна Данія (τῆς Δανίας), которая Данія имѣеть

¹⁾ Слова, вставленные въ скобкахъ «ἐπαρχίας ἕξ» помѣщены здѣсь издателью, который заимствовалъ ихъ изъ послѣдующаго текста.

²⁾ Очевидно, Кананъ названіе бухты Waagen, у которой помѣщается городъ Бергенъ, присоединилъ къ имени города.

³⁾ Г. Ламбръ считаетъ это за невѣрное пониманіе и полагаетъ, что слова эти имѣють только ту истинную основу, что въ Норвегій чеканеніе монеты было исключительнымъ правомъ королей, но не городовъ (стр. 5).

городъ, именуемый Купанаве (Κοοπανάβε). Это и есть столица воров Даниі. Таковы тѣ шесть странъ, что вокругъ залива.

„Я доѣзжалъ и до острова Ихѳіофаговъ (Ἰχθυοφάγων)¹⁾, именуемаго обыкновенно Исландой (Ἰσλάντην), а у мудраго Птолемея, какъ мнѣ вѣжется, это есть Оула (ἢ Θούλη). Тамъ засталъ я день въ шесть мѣсяцевъ, отъ начала весны до осенняго поворота. Ибо я поѣхалъ изъ Инглиніи (Ἰγγληνίας) на сей островъ, и плаванія было тысяча миль, и задержанъ я былъ (ἐπιλημμέλῃσα) тамъ двадцать-четыре дня. И видалъ я мужей крѣпкихъ и сильныхъ, и пищей была имъ рыба, и хлѣбомъ—рыба, а напиткомъ—вода. Потомъ я опять вернулся назадъ въ Англитеру (Ἐγγλητέραν). А разстоянія (μλιασμός) отъ вышеупомянутаго города Бергена Вагена до Клузъ (τῶν Κλουζῶν) къ югу отъ Фландріи (Φλαντρίας) прямымъ путемъ три тысячи пятьсотъ миль, отъ Клузъ до Священнаго мыса (Ἱεροῦ ἄκρου) въ Порте Галле (τὸ Πόρτε Γάλλε) двѣ тысячи шестьдесятъ-четыре мили, или же вмѣстѣ пять тысячъ шестьсотъ-шестьдесятъ-четыре мили, не объѣзжая заливовъ (μὴ κατακολπίζοντι)²⁾“.

Г. Ламбръ, какъ мы уже сказали, помѣстилъ въ своей статьѣ весь текстъ Канана, найденный имъ въ Вѣнской библиотекѣ; однако онъ не считаетъ его трудомъ цѣльнымъ, сполна дошедшимъ до насъ, но скорѣе короткимъ отрывкомъ утраченнаго географическаго труда. Онъ считаетъ автора этого отрывка, Ласкари Канана, за одно и то же лицо, что и Иоаннъ Кананъ, авторъ извѣстнаго „Повѣствованія о происшедшей въ Константинополѣ войнѣ“³⁾, гдѣ описана осада этой столицы Амуратомъ, въ 1422 году, не удавшаяся этому султану вслѣдствіе мужественнаго противодѣйствія жителей. Къ такому отождествленію г. Ламбръ приведенъ сходствомъ смѣшаннаго, полудревняго, иудеянскаго языка, которымъ писаны оба упомянутыя сочиненія. Въ географическомъ отрывкѣ это лицо названо по личному имени Иоанномъ, а въ историческомъ повѣствованіи отъ втораго имени великаго рода Ласкари, котораго какой-либо членъ, вѣроятно—по свойству (по женской линіи), породился съ домою Канановъ. Если же можно считать Канана географическаго отрывка за одно и то же лицо съ Ка-

¹⁾ То-есть, рыбоѣдовъ.

²⁾ Этотъ текстъ помѣщенъ на стр. 2 и 3 статьи *г. Ламбра*.

³⁾ Въ томъ же томѣ Боннскаго изданія византійскихъ историковъ, гдѣ греческаго Георгія Франдзі и Монодія Иоанна Анагноста о взятіи Фессалоникъ, помѣщена и: Ἰωάννου τοῦ Κανανοῦ διήγησις περὶ τοῦ γερονότου πολέμου и т. д.

знаемъ историческаго повѣствованія, то лицо это приурочивается къ первой половинѣ XV в. Къ той же эпохѣ приводитъ г. Ламбра и разсмотрѣніе свѣдѣній Канана - географа объ отношеніи Норвегіи и Швеціи къ Даніи и о положеніи Риги и Данцига ¹⁾).

Остановимся на томъ мѣстѣ географическаго текста Канана, гдѣ онъ говоритъ о Сѣавуніи и Лупикѣ. Выше мы представили это мѣсто въ переводѣ. Теперь приведемъ его въ подлинныхъ выраженіяхъ Канана:

Μετ' αὐτὴν ἐστὶν ἡ ἐπαρχία τῆς Σθαβρονίας ἣτις ἔχει προκαθαζομένην πόλιν Δουπτήν ὀνομαζομένην. Ἀπ' αὐτῆς τῆς ἐπαρχίας ὑπάρχουσι οἱ Ζουγῶται οἱ ἐν τῇ Πελοποννήσῳ· ἐπεὶ ἐκεῖσε ὑπάρχουσι πλεῖστα χωρία ἅτινα διαλέγουται τὴν γλῶσσαν τῶν Ζουγῶτων. (Дальше о Даніи) ²⁾).

„Неясность и смутность замѣтна въ томъ, что сказано здѣсь о Сѣавуніи и Лупикѣ“, замѣчаетъ г. Ламбръ. — „Какая это страна Сѣавунія, и какой это городъ Лупикъ? Что это за проживающій тамъ народъ, который нашему путешественнику напоминаетъ Зигіотовъ Пелопониса, и кто же наконецъ эти послѣдніе?“ (стр. 6). Вотъ вопросы, которыми задается греческій ученый и которые старается разрѣшить.

„Самою подходящею мыслью будетъ“, продолжаетъ г. Ламбръ, — „что Лупикъ Канана есть германскій Любекъ, хотя тогда трудно объяснить отношеніе этого города къ Сѣавуніи. Допустивъ, что рѣчь идетъ о Любекѣ, быть можетъ, кто-нибудь сдѣлаетъ попытку предположить, что у Канана говорится о Славянахъ (Σλάβων), и таково приблизительно было мнѣніе германиста Хаупта въ Вѣнѣ, которому я показывалъ это мѣсто. Но согласно съ тѣмъ, что я прежде изложилъ въ Орѣ ³⁾, я думаю, что въ этихъ Зигіотахъ мы должны признать Цыганъ (τοὺς Ἀθιγγάνους), жившихъ въ Пелопонисѣ съ середины XIV вѣка. Что въ Пелопонисѣ жили Цыгане въ довольно большомъ количествѣ, это доказывается, какъ привиллегіями, выданными имъ венеціанскимъ намѣстникомъ Октавіаномъ Буономъ, и встрѣчающимся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пелопониса именемъ Гифтокастра (Γιφτόκαστρον), такъ и сочиненіемъ Мазари, въ которомъ приводятся вмѣстѣ съ дру-

¹⁾ Статя г. Ламбра., 4—6.

²⁾ Тамъ же, стр. 3 (строки 7—11). Смотри выше у насъ переводъ этого мѣста.

³⁾ Авторъ здѣсь ссылается на свою статью, помѣщенную въ греческомъ журналѣ *Ора* (Ὁρα), 5-го мая 1879 г.

гими шестью племенами, живущими въ Пелопонесѣ, и Египтяе (Αἰγύπτιοι) ¹⁾. Мы имѣемъ и другія свидѣтельства германскихъ путешественниковъ конца XV вѣка, нашедшихъ не мало Цыганъ, особенно у Меоны. Можетъ быть, кто-нибудь возразитъ, что имя Ζουγῶται не находится ни въ какомъ отношеніи къ Цыганамъ. Но въ сочиненіи кѣльнскаго патриція поклонника Арнольда фонъ-Харфа (Harff) 1496—1499 гг., находится по поводу Меоны слѣдующее мѣсто: „Здѣсь живетъ много бѣдныхъ обнаженныхъ людей въ крытыхъ тростникомъ хижинахъ, до трехъ сотъ семействъ, называемыхъ Suuginer, тѣхъ самыхъ, которыхъ мы называемъ язычниками изъ Египта, и которые кочуютъ въ нашихъ странахъ“ и проч. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что они происходятъ изъ какого-то города Гипы (Γύπη), недалеко отъ Меоны; и то же имя мы находимъ въ болѣе старинныхъ разказахъ германскихъ поклонниковъ Св. Гроба, посѣтившихъ в Грецію. И такъ, если имя Ζουγῶται не искажено въ дурно-написанной рукописи изъ Γουπίται, все же оно очень родственно съ именемъ Suuginer кѣльнскаго патриція, если мы древнюю сигму произнесемъ какъ зиту, согласно съ выговоромъ многихъ Германцевъ, и представимъ себѣ, что германскій путешественникъ замѣнилъ греческое окончаніе германскимъ. Это мнѣніе мое, что Зигіоты не суть Славяне (Σλάβοι), но кочующіе Цыгане (Ἀθίγγανοί) высказалъ я берлинскому профессору Ваттенбаху, одному изъ лучшихъ знатковъ мѣстной средневѣковой исторіи Германіи, и онъ написалъ мнѣ по этому случаю слѣдующее: „И я то же думаю, что это были Цыгане (Ἀθίγγανοί); но напрасно доискивался я какого-нибудь упоминанія о Цыганахъ въ хроникахъ тѣхъ германскихъ мѣстностей въ XV столѣтіи; это однако не значить, чтобы вовсе и не было такихъ селеній; возможно, что когда-нибудь и кочевали въ тѣхъ мѣстностяхъ толпы ихъ, о которыхъ нѣтъ упоминанія въ лѣтописцахъ“. Немногими моими строками²⁾, продолжаетъ г. Ламбръ,—я высказалъ только домыслы, и не предпринялъ положительнаго рѣшенія этого вопроса, который по неопредѣленности и смутности мѣста Кананова кажется мнѣ очень неудоборазрѣшимымъ. Я ожидалъ слышать мнѣніе лицъ, занимающихся у насъ ²⁾ исторіей... Я радъ, что могу приложить здѣсь мнѣніе по крайней мѣрѣ одного, г. Константина Саенъ, единственнаго, писавшаго

¹⁾ Ἐπιθῆμια Μάζαρι ἐν Ἄδου у Boissonade, Anecdota Graeca, томъ 3, стр. 174.

²⁾ Въ Грецію.

по этому предмету. По его мнѣнію, я заблуждаюсь, полагая, что Зигіоты суть Цыгане, между тѣмъ какъ они суть жители Зига (τοῦ Ζυγῶ) въ Мани или Маниаты (Майноты). Вотъ дословно, что говорить г. Сава: „Хотя Кананъ Ласкари, путешествовавшій по сѣверной Европѣ въ XV вѣкѣ, и кажется писателемъ легкимъ, но мы не можемъ предположить, что онъ былъ такъ простъ, чтобы принять языкъ Маниатовъ или Цаконовъ за тотъ языкъ, на которомъ говорили въ его время Германцы береговъ Балтійскаго моря, или жители Любка. Вѣроятно, что кто-нибудь изъ иноземныхъ феодаловъ, занимавшихъ нѣкоторое время маленькіе замки въ Лаконіи, нашелъ выгоднымъ поставить тамъ постой германскихъ воиновъ. Въ дѣйствительности одинъ изъ безыменныхъ бароновъ Лаконіи носить имя Ἀλαμάννος, свидѣтельствующее о его германскомъ происхожденіи: ему принадлежалъ замокъ святаго Иліи на Тайгетѣ. Въ 1423 году вдова этого Аламанна вышла замужъ вторымъ бракомъ за Адама Мельпичьяно, барона Миловъ (Μύλων), замка, стоящаго недалеко отъ Каламаты (Norf, Chroniques Gréco-Romanes, p. 472, XIII). Предположеніе же о германской колоніи въ Пелопонисѣ могло бы имѣть поддержку въ слѣдующихъ двухъ фактахъ, что и нынче въ Мани (Майнѣ) есть семейства съ именемъ Ντουδεσχίας (Tudesque), и что большое мѣстечко съ 342 жителями, принадлежащее къ дому Τροπαῖοι въ округѣ Гортинскомъ, называется Βρετερβοῦργον, а это имѣетъ германское происхожденіе“¹⁾.

„Этими замѣчаніями“, продолжаетъ г. Ламбръ, — „мы не подвинулись ощутительно въ разрѣшеніи занимающаго насъ вопроса. Только прибавился еще одинъ домысль, противъ котораго я скажу слѣдующее: Г. Сава приводитъ двѣ страны въ Пелопонисѣ, Мани (Майну) и Цаконію, какъ обозначаемыя хронографами названіемъ Зигъ (Ζυγός), и клонится къ мнѣнію, что Кананъ называетъ Зигіотами Маниатовъ (Майнотовъ). Мы же думаемъ, что это имя встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ полуострова, и что оно означаетъ не однѣ только опредѣленныя мѣстности, но вообще жителей Зиговъ (τῶν Ζυγῶν), то-есть, тѣхъ горъ, которыми отдѣляются воды (Wasserscheide) или иначе водораздѣловъ (τῶν στενῶν): такъ, что мы не можемъ положительно высказаться, что рѣчь идетъ о жителяхъ Мани (Майны). Не оспаривая вообще существованія какого-нибудь германскаго воинскаго поста въ

¹⁾ См. *Sathas*, Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge. T. I. Paris. 1880, p. XXII, n. 3. Прим. в. Ламбра.

Пелопонисѣ, я въ настоящемъ случаѣ считаю невѣроятнымъ сближеніе Зигіотовъ Канана съ Германцами вообще, по той причинѣ, что было бы странно, если бы византійскій путешественникъ, объѣхавшій хоть и не всю Германію, то по крайней мѣрѣ Пруссію, о которой положительно упоминаетъ передъ спорною Сѣавуніей, въ которой находится Лупикъ, не сказалъ бы ни слова о германскихъ переселенцахъ Пелопониса тотчасъ же послѣ упоминанія о Пруссіи. Если онъ желалъ просто упомянуть о томъ, что Зигіоты происхожденіемъ Германцы, то зачѣмъ онъ, чтобы сказать это, поджидалъ своего пріѣзда въ Лупикъ? Поэтому, если Зигіоты не Цыгане, то они еще того больше не Германцы ¹⁾. А вотъ что неоспоримо: это тогда будетъ разрѣшено, когда ясно и опредѣленно будетъ объяснено, что это за Сѣавунія и что это за Лупикъ, о которыхъ говоритъ Кананъ; и оттуда будетъ дознано, на какомъ это тамъ говорятъ языкѣ, знакомомъ путешественнику изъ Пелопониса. Дѣло идетъ рѣшительно о какомъ-то чужомъ языкѣ, а не о какомъ-либо говорѣ пелопонисскомъ. Если, напримѣръ, вышеприведенный Мазари не былъ знакомъ съ лаконскими говорами и привелъ особенные обороты и слова за цаконскія, которыхъ однако принадлежность къ этому говору отвергаютъ нинѣ люди, въ немъ свѣдущіе, то мы не можемъ предположить, чтобы этотъ говоръ могъ поразить слухъ Канана какъ какой-то говоръ ему чуждый, такъ какъ Кананъ не брезгалъ писать простымъ языкомъ, поступая и естественнѣе и совершенно иначе, чѣмъ пуристъ Мазари. И такъ, вопросъ о Сѣавуніи, Лупикѣ и языкѣ Зигіотовъ необходимо еще взвѣснить; и когда онъ будетъ рѣшенъ, то онъ обогатитъ насъ важнымъ извѣстіемъ по эволюціи Пелопониса въ XV столѣтіи. Въ настоящую же минуту пусть будетъ высказано и такое предположеніе: не разумѣетъ ли Кананъ подъ Сѣавуніей Эстонію, а подъ Лупикомъ рукописи не кроется ли въ искаженномъ видѣ названіе курляндскаго города Libau“.

Здѣсь останавливается г. Ламбръ въ той части своей статьи, гдѣ онъ разбираетъ текстъ Канана. Догадки двухъ греческихъ ученыхъ приведены нами сполна, въ надеждѣ вызвать замѣчанія вашихъ знатоковъ. Мы съ своей стороны позволимъ себѣ лишь двѣ замѣтки.

Упомянувъ города одинъ за другимъ, Кананъ почти описываетъ кругъ: Бергенъ, Стокхольмъ, Рига, Ревель, Данцигъ, Любекъ, Копен-

¹⁾ Дословно: то они гораздо меньше того суть Германцы.

хагенъ: поэтому, его Лупика, кажется намъ, не слѣдуетъ ни измѣнять, ни передвигать: это бесспорно—Любекъ.

Зигіотовъ не слѣдовало бы принимать за Цыганъ, и вотъ почему: Цыганъ Греки называютъ различно: Впервыхъ, Ἀθίγγανοι, Τζίγγανοι, чему соотвѣтствуетъ названіе турецкое, сербское, русское и нѣмецкое Zigeuner, которое Нѣмецъ-паломникъ XV вѣка и воспроизвелъ въ своемъ Suuginer: Харфъ видаль у Меоны, въ Греціи, дѣйствительно Цыганъ. Вовторыхъ, Греки называютъ Цыганъ еще и Γόφοι, а это есть усѣченное Αἰγύπτιοι; Египтянами, какъ извѣстно, называютъ Цыганъ и народы Романскіе. Втретьихъ, Греки называютъ Цыганъ еще, неизвѣстно мнѣ почему—Κατσιβέλοι. Поэтому, если бы Кананъ при видѣ поселянъ какихъ-то деревень близъ Любка, узналъ въ нихъ Цыганъ, подобныхъ видѣннымъ имъ въ Мореѣ, то онъ упомянулъ бы о нихъ подъ одною изъ этихъ общеупотребительныхъ формъ, а не придалъ бы Цыганамъ чисто греческаго имени Зигіотовъ. Итакъ, въ языкѣ означенныхъ окрестныхъ жителей Любка Кананъ призналъ не цыганскій языкъ.

Другой путешественникъ, о жизни и дѣятельности котораго сообщаетъ г. Ламбръ, по имени Василій Ватаци, родился въ 1694 году въ Фераціяхъ, недалеко отъ Константинополя. Отецъ его былъ священникомъ и экономомъ Великой церкви. Когда Василію было четырнадцать лѣтъ, онъ уже имѣлъ желаніе торговать и путешествовать: въ этомъ возрастѣ онъ уже пустился въ путь. „Съ молитвами“, пишетъ Ватаци,—„отправили меня родители мои въ страны арктическія, въ землю, говорю, православную, гдѣ сіяетъ церковь, и въ царственный градъ Московію“¹⁾. Эта поѣздка въ Россію и еще вторая туда же описаны Ватациемъ въ первой части его „Путешествія“. Много лѣтъ спустя предпринялъ онъ въ 1727 году и третье далекое странствіе, сперва по Азій, гдѣ посѣтилъ онъ Хиву, Бухару, Ирканію, Аральское море, Таврскія горы, Персію,—потомъ по Европѣ. Это третье странствіе описано во второй части.

Эти извѣстія о Ватаци почерпнуты г. Ламбромъ изъ упомянутаго „Путешествія“ Ватаци, найденнаго молодымъ ученымъ въ 1876 году между рукописями библиотеки Британскаго музея. Рукопись эта перешла сюда изъ Корфу вмѣстѣ съ библиотекой лорда Гильфорда. Она писана въ первой половинѣ прошлаго вѣка и отмѣчена Add. 10, 075.

¹⁾ См. статью г. Ламбра, стр. 9—11 (гдѣ приведены стихи Ватаци, въ которыхъ онъ разказываетъ свою жизнь).

Путешествіе заключаетъ въ себѣ 2,100 стиховъ, размѣра политическаго, съ римами. Въ одномъ мѣстѣ Ватаца, высказывая особенное удивленіе шаху Надиру, ссылается на сочиненную имъ „Исторію шаха Надара“, *Ἱστορία τοῦ σαχῆ τῆς Περσίας Νάδερ*. Извлеченіе изъ этой „Исторіи“ по памяти издано было Даніиломъ Филиппидомъ въ приложеніи къ его „Географіи Румыніи“, изданной въ Лейпцигѣ въ 1816 году. По извѣстію Филиппида, Василій Ватаца, знавшій языки греческій, латинскій, арабскій и персидскій и разные европейскіе языки, пробывъ долгое время въ Персіи, отправленъ былъ шахомъ Надиромъ посломъ въ Россію... ¹⁾. А изъ „Путешествія“ Ватаца узнаемъ, что этотъ шахъ довѣрилъ ему какое-то посольство въ Иранію, котораго цѣль держитъ онъ въ тайнѣ ²⁾. Г. Ламбръ хвалитъ наблюдательность автора „Путешествія“ и нѣкоторые эпизоды считаетъ достопримѣчательными; въ своей статьѣ приводитъ онъ изъ этого стихотворенія девять отрывковъ. Въ ожиданіи изданія всего „Путешествія“ Василя Ватаца, гдѣ описана и Московія, мы пока остановимся на одномъ только извѣстіи. Греческій путеописатель говоритъ о томъ, что онъ первый сдѣлалъ извѣстнымъ Европѣ Аральское море. Вотъ его слова:

„И послѣ этого недалеко, я говорю отъ Хивы дней черезъ шесть, семь пути, достигли мы до моря, котораго древніе не знали, и которое было совершенно неизвѣстно послѣдующимъ историкамъ. Говорю о морѣ Аральскомъ, къ которому приблизившись, я собственнымъ языкомъ моимъ отвѣдалъ его солоность: оно во всемъ совершенно похоже на море. Обходу его тридцать дней. Въ него текутъ обрѣвки Оксъ и Яксартъ, а не такъ, какъ полагали древніе, будто онѣ текутъ въ Каспійское море, какъ говорятъ они по незнанію. Аральское море отстоитъ отъ Каспійскаго даже на много дней пути. Это самое море Аральское, о которомъ я сказалъ, я первый сдѣлалъ извѣстнымъ въ Европѣ. И въ Лондонѣ съ благодарностью оно было принято тѣми учеными, которые занимаются географіей“ ³⁾.

Въ другомъ мѣстѣ, при описаніи Англій и Оксфордской академіи Ватаца пишетъ:

¹⁾ Φιλίππιδου, Παράρτημα γεωγραφικῆ τῆς Ροομουσίας, стр. 1—22, по смыслу *К. Сава*, *Νεοελλην. φιλολογία*, 619 и *П. Ламбра* стр. 10.

²⁾ Ст. *Ламбра*, стр. 10 и 12, гдѣ приведены стихи его—описаніе большого выезда шаха Надира.

³⁾ Не море, конечно, а извѣстіе о немъ; но мы держимся слога Ватаца. Ст. *г. Ламбра*, стр. 12 и 13, рукопись л. 33 а, какъ сказано на стр. 12 *г. Ламбра*.

„Я ей поднесъ начертанную мною карту, за которую меня очень поблагодарили всѣ тамошніе“¹⁾).

Г. Ламбръ сообщаетъ, что къ лондонскому списку „Путешествія“ Ватаци приплетенъ одинъ экземпляръ той карты, которую путешественникъ напечаталъ въ Лондонѣ въ 1732 году. Хорографическая часть карты занимаетъ середину листа, а на поляхъ находятся надписи и примѣчанія. Съ лѣвой стороны толкованія и замѣтки о странахъ и народахъ, помѣщенныхъ на картѣ, писанныя по гречески; съ правой — то же самое по латыни. На верху читается по гречески и по латыни слѣдующая надпись:

„Карта, посредствомъ которой дается видѣть любознательнымъ людямъ нѣкій участокъ Азіи, которато до сихъ поръ ни одному изъ путешественниковъ не удалось своими глазами видѣть и съ знаніемъ что-либо о немъ отчетливо сказать, вслѣдствіе (я думаю) многоразличныхъ опасностей и безчисленныхъ трудностей тамошняго путешествія. Нынѣ впервые въ печать изданная мною, Василиемъ Ватаци, сыномъ усопшаго великаго эконома Святой Христовой Великой въ Константинополѣ Церкви, такъ какъ круговоротъ дѣлъ человѣческихъ (а мои дѣла, такъ сказать, отъ этого же круговорота многообразно и неустанно вращаются) явилъ меня путешественникомъ, какъ и прежде по другимъ странамъ и народамъ, такъ и въ здѣсь начерченномъ Азіатскомъ краѣ въ 1727 году (и до 1730); а къ тому же не лишилъ меня (случая) содѣлаться нынѣ зрителемъ достопримой Великой Вреттанніи“²⁾. Кромѣ замѣтокъ и изображеній, на нижнемъ полѣ читается по гречески слѣдующее: „Въ Лондонѣ, въ Вреттаніи. Въ лѣто спасенія 1732, мѣсяца октоврія“. „Эта карта“, прибавляетъ г. Ламбръ, — „стала рѣдкостью: это, можетъ быть и единственный экземпляръ... Я искалъ эту карту въ Оксфордѣ, гдѣ она, по словамъ Ватаци, была поднесена, но тамъ не было экземпляра ея, по крайней мѣрѣ въ Бодлеевой библіотекѣ“.

Благодаря статьѣ греческаго ученаго мы могли познакомить русскихъ читателей съ извѣстіями Ватаци объ Аральскомъ морѣ. Сознавая себя въ чуждой намъ области знанія, мы не можемъ взять на себя трудъ сличенія этихъ извѣстій Ватаци съ другими извѣстіями современными. Мы здѣсь кратко повторимъ лишь нѣкоторые выводы

¹⁾ Ст. г. Ламбра, стр. 14.

²⁾ См. греческій текстъ этой надписи въ томъ видѣ, какъ онъ составленъ Ватациемъ въ статьѣ г. Ламбра, стр. 15.

относительно хода историческихъ свѣдѣній объ Аральскомъ морѣ, къ которымъ пришли знатоки. Разказы и слухи древнихъ и средневѣковыхъ писателей о какомъ-то морѣ, находившемся къ востоку отъ Каспія, считаются крайне неопредѣленными. Извѣстія объ особомъ морѣ, подъ названіемъ Ховарезмскаго, принимающемъ въ себя двѣ большія рѣки Аму-Дарью и Сырт-Дарью (подъ разными названіями) принадлежатъ восточнымъ писателямъ (до XIV в.) ¹⁾. Болѣе точныя описанія Россіи, и даже чертежи, составлены были русскимъ правительствомъ въ XVI в. и обновляемы были имъ въ 1627 и 1680 годахъ. Изданный по многимъ спискамъ текстъ Книги Большаго Чертежа заключаетъ въ себѣ Синее море со впадающими въ него съ востока рѣками Аму-Дарьей и Сыромъ, съ опредѣленіемъ длины и ширины этого моря и его разстоянія отъ Каспія и извѣстіемъ о солоности воды въ Синемъ морѣ ²⁾. Столь полныхъ свѣдѣній объ Аральскомъ морѣ до начала XVIII в. въ западной Европѣ не имѣлось. Въ это время сообщенныя Петромъ Великимъ свѣдѣнія Амстердамскому бургомистру Витзену, Нюрнбергскому картографу Гомману и Парижской академіи дали возможность обозначить отдѣльное существованіе Аральскаго моря, хотя и въ неправильномъ очеркѣ, на картахъ Делиля и Гоммана, Мааса (1735 г.) и Хааза (1744 г.) ³⁾.

Мы привели самыя общіе выводы о состояніи свѣдѣній объ Аральскомъ морѣ, опираясь на работы нѣкоторыхъ специалистовъ. Но для насъ остается еще нѣсколько вопросовъ, на которые обращаемъ вниманіе вообще знатоковъ Арало-Каспійскаго бассейна и его исторіи.

Спрашивается: въ самомъ ли дѣлѣ карта Ватаца, изданная имъ въ 1732 году, есть самая первая, или ее такою считалъ ее состави-

¹⁾ *Макшеева*, ст. «Аральское море» въ Геогр.-статист. Словарѣ Росс. Имп. П. Семенова, 1871; Р. Э. Лемца, Наши свѣдѣнія о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи, въ *Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по Общ. Геогр.* т. IV. С.-Пб. 1871, стр. 89 — 104. А. Б. Каульбарса, Низовья Аму-Дарьи, *Зап. Имп. Г. Общ. по Общ. Геогр.* т. IX, 1881, стр. 442—459.

²⁾ Книга Большому Чертежу, изд. 2-е. С.-Пб. 1838, Д. Языкова (сводное изданіе изданій 1773 и 1792 гг., см. предисл. Языковъ; Книга, глаголемая Большою Чертежъ, изд. Г. И. Спасскимъ. Москва, 1846. Издана по осьми рукописямъ, сличеннымъ между собою и съ печатными изданіями. См. предисловіе Спасскаго. О Синемъ морѣ см. у Языкова стр. 71—72, у Спасскаго стр. 72—73. и прил. 62; А. Макшеева, Географическія свѣдѣнія Книги Большаго Чертежа о Киргизскихъ степяхъ и Туркестанскомъ краѣ. Въ *Зап. Имп. Геогр. Общ. по отд. Этногр.* т. VI. С.-Пб. 1881, стр. 16—22.

³⁾ *Макшеевъ*, Аральское море — въ Словарѣ Семенова.

тель по незнанію? Но если и была издана какая-нибудь карта Аральскаго моря до 1732 года, то самое изданіе карты Ватаци на глазах у англійскихъ ученыхъ съ обозначеніемъ его притязанія на первенство доказываетъ, что съ ихъ стороны никакого спора не было тогда заявлено.

Другой вопросъ: Какимъ образомъ могъ Ватаци начертить свою карту? Какими данными могъ онъ руководствоваться? Разстояніе отъ Хивы до Аральскаго моря, которое, какъ мы видѣли, онъ опредѣляетъ въ своемъ „Путешествіи“ шестью-семью днями, зналъ онъ по личному опыту: судя по нынѣшнимъ картамъ, путь между Хивой и Аральскимъ моремъ нѣсколько длиннѣе; однако указаніе Ватаци, кажется, не много расходится съ дѣйствительностію ¹⁾. Солоность Аральскаго моря испыталъ онъ тоже самъ. Но какъ могъ онъ знать округность моря? Разъѣжая въ качествѣ купца или посланца шаха Надира, онъ не могъ имѣть надобности объѣхать кругомъ все Аральское море; а между тѣмъ обозначеніе его нельзя считать произвольнымъ: оно приблизительно вѣрно. Округности Аральскаго моря онъ даетъ 30 дней пути; помноживъ эту цифру на 30, то-есть, на число верстъ, равное путевому дню, получимъ 900 верстъ, а это немногимъ меньше, чѣмъ указаніе новыхъ картъ ²⁾. Поэтому съ вѣроятностію можно допустить, что онъ о 30 дняхъ пути освѣдомился изъ распросовъ, обращенныхъ къ мѣстнымъ жителямъ. О впаденіи двухъ большихъ рѣкъ въ это море, а не въ Каспійское, могъ онъ и самъ узнать, и отъ туземцевъ. Что это искомыя древнія рѣки Оксъ и Яксартъ, которыя обыкновенно направляемы были въ Каспій, было ему извѣстно изъ книгъ. Но какимъ образомъ былъ въ состояніи начертить карту моря путешественникъ-купецъ, хотя и много выдавшій, но не бывшій геодезистомъ? Какія данныя могъ онъ имѣть, чтобы положить ихъ въ основаніе своему чертежу? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ нужно сдѣлать нѣкоторыя розысканія: между прочимъ необходимо сличить изданную Ватациемъ карту Аральскаго моря съ картами Петровскими, если онѣ еще существуютъ, или съ тѣми европейскими картами, которые составлены по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Европѣ Петромъ Великимъ.

¹⁾ См. Подробный Атласъ Россійской Имперіи *Ильина*, 1871; карту областей Уральской и т. д.; см. также карту Хивинскаго Ханства и низовьевъ Аму-Дарьи приложенную къ вышеупомянутому сочиненію *А. В. Каульбарса*.

²⁾ См. вышеупомянутую карту въ Атласъ *Ильина*.

Гавріилъ. Дестунисъ.

Pismowstwo a spisowarjo delujo lužiskih Serbow wot (1548) 1574—1880. Zebrať K. A. Iěnc. (Časopis Matičy Serbskeje 1880. Letnik XXXIII, zešiwek II).

Wutworjenje našeje spisowneje rěče a jeje zblizenje z delnoserbskej. Spisal M. Hornik, 1880 (тамъ же).

Литература нижнихъ Лужичанъ вступила съ недавняго времени въ новый фазисъ своего развитія: мы имѣемъ въ виду учрежденіе гдѣ-то въ 1880 года ниже-лужицкаго отдѣла Сербской матицы, при содѣйствіи князя Альфонса Парчевскаго; въ отдѣлѣ этомъ принимаютъ дѣятельное участіе два почтенные уроженца Нижнихъ Лужицъ—священники Тешнаръ въ Недѣ и Рохъ въ Вѣтошовѣ. Учредитель отдѣла по происхожденію Полякъ. Жаль, что эту роль не принялъ на себя какой-нибудь русскій любитель славянства, въ виду близости лужицкихъ нарѣчій къ русскому языку. Считаю вполнѣ умѣстнымъ указать здѣсь черты этой близости: 1) лужицкія нарѣчія въ словообразованіи уравниваютъ собою признаки западной вѣтви славянскаго языка и собственно русскаго языка, восточной вѣтви; 2) грамматика ихъ представляетъ изумительное сходство съ церковно-славянскою, и дополняя ее обиліемъ древнихъ формъ, во многомъ облегчаетъ рѣшеніе трудной задачи о воссозданіи стараго единого славянскаго языка; 3) наконецъ, въ словарѣ, хотя эти нарѣчія и представляютъ наибольшее сходство съ языками западной вѣтви, въ отдѣльныхъ словахъ они сохранили слѣды ближайшаго сходства съ языками восточной вѣтви, преимущественно русскимъ и церковно-славянскимъ. Добровскій при своемъ дѣленіи славянскихъ нарѣчій на двѣ вѣтви—сѣверо-западную и юго-восточную привелъ одинадцать примѣтъ; но изъ этихъ одинадцати примѣтъ только третья и четвертая самыя главныя: это — неупотребленіе *d* передъ *l* (*saŕo*) и опущеніе *d* и *n* передъ *l* и *m*. Эти двѣ примѣты принялъ и П. І. Шафарикъ въ своей Народописи; ему принадлежитъ и распространеніе сейчасть высказаннаго смысла этихъ примѣтъ. Но тѣ же двѣ примѣты примѣнимы и въ лужицкимъ нарѣчіямъ. Относительно вставки плавной *l* для смягченія губной согласной лужицкія нарѣчія слѣдуютъ западной вѣтви славянскихъ нарѣчій: *zemja*; но въ старину лужицкій языкъ не чуждался вставочной *l*: въ грамотахъ встрѣчается имя селенія въ предѣлахъ племени Гломачей, на лѣвомъ берегу р. Лабы, въ окрестностяхъ Мишна „Doblin“¹⁾; затѣмъ въ нѣмецкихъ словахъ, перешед-

¹⁾ См. Славян. Древности Шафарика I, стр. 914.

шихъ въ лужицкую рѣчь, удерживается сочетаніе губныхъ съ плавною *l*: *grybljovat* (= *grübeln*), *korla* (= *Kuppel*) и друг. Максимовичъ, занимавшійся лужицкими нарѣчіями по отношенію къ русскому языку, приводитъ еще чисто-славянскій примѣръ (единичный) *gobl* вм. *gob* (воробей). Вторая примѣта русскаго языка — отпаденіе *d* и *m* передъ *l* — вполне выдерживается въ лужицкихъ нарѣчіяхъ въ окончаніи спрягаемыхъ причастій: верхне-лужиц. *šoŕ*, ниже-лужиц. *šeŕ*. Но кромѣ отрицательнаго сходства въ упомянутыхъ примѣтахъ, лишившихся нынѣ доказательной силы, лужицкое нарѣчіе имѣетъ существенное сходство съ русскимъ языкомъ въ вокализациі или сочетаніи коренныхъ и вставныхъ гласныхъ съ коренными согласными. Въ верхне-лужицкомъ, какъ и въ русскомъ, преобладаетъ широкая гласная *a* передъ узкою *e*. Глухіе звуки *z* и *z̄* переходятъ въ *o* и *e* въ верхне-лужицкомъ, какъ и въ русскомъ языкѣ, а въ ниже-лужицкомъ переходятъ безразлично во всѣ гласныя: *a*, *e*, *i*, *o*, *ò*, *u*.

Относительно согласныхъ звуковъ только одни лужицкія нарѣчія (въ особенности верхне-лужицкое) довольно значительно приближаются къ русской отчетливости въ чистотѣ различенія твердыхъ и мягкихъ. Не указывая всѣхъ сходныхъ чертъ, обращаю вниманія на одну еще черту — отсутствіе шипящаго *r*.

Образовавшееся ниже-лужицкое отдѣленіе Сербской матицы, какъ видно, будетъ дѣйствовать независимо отъ верхне-лужицкаго отдѣла. Какъ отразится это на верхне-лужицкой литературѣ — покажетъ время; Нижніе же Лужичане, безъ сомнѣнія, могутъ разчитывать на увеличеніе изданій на ихъ родномъ говорѣ. Эту надежду выражаетъ и авторъ первой изъ разсматриваемыхъ монографій г. Іенчъ; онъ указываетъ на тотъ печальный фактъ, какъ мало до сего времени сдѣлали Нижніе Лужичане на литературномъ поприщѣ (стр. 81).

Правда, они раньше начали писать своимъ роднымъ языкомъ, чѣмъ Верхніе Лужичане. Такъ, начало ниже-лужицкой народной письменности восходитъ ко времени реформациі. Еще въ 1548 году явился переводъ Новаго Завѣта Якубицы: *Nowy zakon Serpsky do serpskeye gessu pszinessony psches Miklawuscha Jakubicu*, на которомъ сказалося вліаніе чешское; рукопись эта хранится въ Берлинской императорской библіотекѣ. Одна часть этого памятника — Евангеліе отъ Марка, издано профессоромъ Лейпцигскаго университета Лескиеномъ въ *Archiv für Slavische Philologie* (I B., стр. 161—249) подъ заглавіемъ: „Das serbische Neue Testament von 1548“. Раньше того (1867) Лотце издалъ посланіе Іакова (In wendischer Uebersetzung

aus der Berliner Handschrift von Jahre 1548 zum ersten Male mitgetheilt von Hermann Lotze. Leipzig, in Commission bei F. A. Brockhaus). Первая печатная книга на ниже-лужицкомъ нарѣчїи известна отъ 1574 года. Къ этому году относится Катихизисъ Альбина Моллера (Der kleine Catechismus, das ist, die Heiligen Zehen Gebot Gottes der Glaube, das Vater unser, die Wort von Sacrament der Tauffe und des Altars, auch der Morgen und Abend Segen, das Bonedicite und Gratias, auch eine kurze Beichte nach dem Decalogo und etliche Fragstücken den Beichtigern nötig zu wissen, sampt dem Tauff und Traubüchlein, der christlichen Kirchen in Niederlausitz zu gutte, in Wendische Sprache verdolmetschet und publiciret worden. Durch Magistrum Albinum Mollerum Straupicensem, Pastorem et Astronomum Lusatiae inferioris. MDLXXIII).

Но это раннее возникновение ниже-лужицкой литературы съ родною рѣчью не способствовало развитію литературнаго ниже-лужицкаго языка. До сего времени въ литературномъ языкѣ Нижнихъ Лужичанъ существуетъ масса германизмовъ, легко замѣнимыхъ и замѣненныхъ уже Верхне-Лужичанами. Ниже-лужицкіе писатели прїняли правописаніе нѣмецкое, и при написанїи своихъ родныхъ словъ обнаружили большую неопытность, которая породила массу невѣрностей. Такое несовершенное правописаніе находимъ у упомянутыхъ уже Якубицы и Молера, у Тара, переводчика сокращеннаго Лютерова катихизиса ¹⁾ и др. Нѣсколько болѣе правильное правописаніе начинается со времени Фабриція, родомъ Нѣмца (+1741); но все еще отдѣльные писатели не подчинялись известнымъ установившимся правиламъ, а сообразовались со своими личными взглядами. Болѣе свойственное ниже-лужицкому языку правописаніе прїнялъ наконецъ Тешнеръ (родился въ 1829 г.) въ своихъ новѣйшихъ изданїяхъ. Изданіе отличается замѣчательною правильностью относительно ниже-лужицкаго языка.

¹⁾ Enchiridione Vandalicum, das ist, der Kleine Catechismus Lutheri, dabey teliche schöne nothwendige Gebet und Psalmen, Vermanung und Erinnerung für der Traue und Tauffe... Alles aus dem Deutschen in Wendische Sprache gebracht, sampt furhergehenden kurzen Unterricht, wie man recht Wendisch schreiben, lesen und aussprechen soll, durch Andream Tharaeum Muscoviensem Pfarrherrn zu Friedesdorf. Gedruckt zu Franckfurt an der Oder, bey Nickel Bolzen. Im Jahre 1610. Замѣчаніе объ этомъ памятникѣ сдѣлано профессоромъ Лескиномъ, въ статьѣ: Bemerkungen über den niederererbischen Dialect des Tharaeus, помѣщенной въ *Archiv für slavische Philologie*, 1876, II; I, стр. 126.

Представленный г. Іенчемъ перечень ниже-лужицкихъ книгъ съ нѣкоторыми замѣчаніями не свидѣтельствуетъ объ обиліи писательской дѣятельности самихъ Нижнихъ Лужичанъ; для нихъ работали ученые Нѣмцы, Поляки и Верхніе Лужичане, а частью и Русскіе, только бы поднять ихъ народное самосознаніе; сами же природные Нижне-Лужичане, напротивъ того, въ нашъ просвѣщенный ХІХ вѣкъ, работали въ пользу онѣмеченія своего народа. І. Іенчъ указываетъ слѣдующія три изданія, имѣвшія свою цѣль онѣмеченіе: 1) *Wie sollte man die Wenden ihre Sprache vergessen lassen?* (*Wochenblatt für die Lausitz und den Cottbuser Kreis von Fielitz*, 1811; 10 Stück, 81); 2) *Ob man die Wendische Sprache in der Niederlausitz wieder aufleben oder aussterben lassen sollte?* ¹⁾; 3) *Die Wendische Sprache in Bezug auf Staat, Kirch und Volksbildung* ²⁾. Только на одну личность у современныхъ Нижнихъ Лужичанъ можно указать, какъ на защитника ниже-лужицкой народности; это—Беткаръ (Böttcher), священникъ въ Котебузѣ. Для этой цѣли имъ написаны слѣдующіе труды: α) *Kirchliche Nothstände der Wenden* ³⁾, β) *Wendische Kirche und Schule* ⁴⁾, γ) *Aus der Wendischen Niederlausitz* ⁵⁾; δ) *Wendische Gemeinden und deutsche Prediger* ⁶⁾; ε) *Stimme einer evangelischen Geistlichen aus der Niederlausitz* ⁷⁾; η) *Der geistige Nothstand der Wenden in der Niederlausitz und Vorschläge zur Abhilfe dessalben* ⁸⁾.

При всей усердной дѣятельности Нижнихъ Лужичанъ, они никогда не могутъ достигъ желанной цѣли—процвѣтанія своей литературы; этому мѣшаетъ ихъ малочисленность. Это очень хорошо сознаютъ Верхніе Лужичане, и одинъ изъ важнѣйшихъ представителей послѣднихъ, М. Гурникъ, помѣстивъ вслѣдъ за упомянутою монографіей статью „*Wutworenje našeje spisowneje řeče a jeje zblizenje z delnjnserbskej*“, въ которой доказываетъ необходимость объединенія ниже-лужицкой письменности съ верхне-лужицкою. Объединеніе это, по его мнѣнію, можетъ быть достигнуто такимъ образомъ, если

¹⁾ См. *Neues Lausitzisches Magazin*, 1822, стр. 390—405.

²⁾ *Ibid.*, 1826 г. стр. 305—316.

³⁾ Beilage zu No 234 der *Neuen Preussischen (Kreuz) Zeitung*, Berlin, den 6 Octob. 1865.

⁴⁾ *Ibid.* 1867, № 57.

⁵⁾ *Niederlausitzer Zeitung*. Cottbus 1865, № 14—21.

⁶⁾ *Ibid.* 1866, № 82—84.

⁷⁾ *Ibid.*, 1867, № 44—46.

⁸⁾ *Cottbuser Tageblatt*, 1880, № 153—197.

Верхне-Лужицанинъ приметъ одну изъ различныхъ въ своемъ языкѣ формъ извѣстнаго слова, которая приближается къ ниже-лужицкой и отвѣчаетъ правиламъ языковѣдѣнія. Такъ, Гурникъ предлагаетъ въ верхне-лужицкомъ нарѣчїи принять окончаніе именъ существительныхъ средняго рода на мягкое *e*: *lěse*, *zbože* и глаголовъ на *nisc* (=нѣтъ); предлагаетъ писать: *hódač* вм. *hudač*, *měłki* вм. *nelki*, *gěs*, *gěbes* вм. *gүс*, *gүсeš* (согласно правописанію Смоляра), *gozum*, *gozumě* вм. *gozom*, *gozemě*, *zbytŋu* вм. *zbytŋqu* и т. п. (стр. 163). Затѣмъ, Нижніе Лужицане должны замѣнить нѣмецкія слова соответствующими словами верхне-лужицкими, славянскаго корня. Для болѣе вѣрнаго достиженія указанной цѣли, необходимо составленіе словаря словъ ниже-лужицкихъ, неизвѣстныхъ Верхне-Лужицанину, съ которыми просвѣтителі Нижнихъ Лужицанъ Верхне-Лужицане, получивъ мѣста священниковъ и учителей въ Нижнихъ Лужицахъ, могли бы справиться.

Это составляетъ задачу современныхъ верхне-лужицкихъ ученыхъ, въ достиженіи коей они не теряютъ надежды, имѣя примѣръ подобнаго сближенія Словенцевъ и Хорватовъ. Кромѣ того, задачу тѣхъ же ученыхъ, въ главѣ коихъ состоитъ М. Гурникъ, составляетъ—дать другимъ славянскимъ ученымъ вѣрное поватіе о своемъ литературномъ языкѣ и своемъ правописаніи. Гурникъ въ разсматриваемой статьѣ указываетъ на существовавшую разницу у составителей верхне-лужицкаго правописанія XIX вѣка. Лѣтъ сорокъ тому назадъ Смоляръ и Иорданъ издавали свои книги по произношенію своего роднаго мѣста. Послѣ того, какъ Иорданъ пересталъ писать по лужицки, Смоляръ сблизился съ молодымъ Пфулемъ и сообщалъ съ нимъ измѣненіе лужицкое правописаніе и книжный языкъ. Тогда-то явилось шепелявыя *g* и *d* (=dz) и иотація. Съ 1848 года верхне-лужицкая матица стала издавать книги съ этимъ правописаніемъ. Въ 1853 году это правописаніе было нѣсколько измѣнено І. Букомъ и М. Гурникомъ чрезъ устраненіе *j* послѣ *l*, въ виду массы іотъ въ лужицкомъ правописаніи. Съ 1854 года верхне-лужицкая матица продолжаетъ эту работу. Результатъ этой дѣятельности видѣнъ въ изслѣдованіи Пфуля: *Laut- und Formenlehre der oberlausitzischwendischen Sprache* (Bautzen, 1867 года). Гурникъ рекомендуетъ этотъ трудъ, но въ то же время дѣлаетъ замѣчаніе, что не вполне основательно внесеніе Пфулемъ двухъ начертаній смягченнаго *d*—*dz*(=dzj) и *dz*, такъ какъ оно не оправдывается языкомъ,—но все же онъ признаетъ это за фактъ въ современномъ верхне-лужицкомъ правописаніи. Далѣе, Пфуль пишетъ послѣ *z*, *s*, *dz*, *c*, согласно съ

старо-верхне-лужицкимъ правописаніемъ, *e* вмѣсто *y*. Нововведеніе это М. Гурникъ рекомендуетъ принять. Кромѣ того, Пфуль предлагаетъ принять нѣкоторыя формы, сближающія лужицкія нарѣчія съ церковно-славянскимъ языкомъ: α) для имен. пад. множ. ч. муж. р. принять окончаніе *owie* вмѣсто *ojo*; β), мѣстоименіе *tamоn* (= *tam von*) склонять *tama*, *tamo*, а не *tamno* (въ сред. р.), какъ бы отъ *tamnu*; γ), въ мѣстномъ падежѣ принять окончаніе *om* ниже-лужицкое, хотя въ верхне-лужицкомъ въ разныхъ мѣстностяхъ слышно смѣшеніе окончанія мѣстнаго падежа съ окончаніемъ падежа дательнаго *em*; δ), въ окончаніи нарѣчій, имѣющихъ форму мѣстнаго падежа, слѣдуетъ принять церковно-славянскую форму, то-есть, *се* (= *цѣ*) вмѣсто *су* (*цы*): *wysoce* и т. п.; ε), принять аористъ *praeteritum* отъ вспомогательнаго глагола быть *buch* вмѣсто народнаго *bosh* ¹⁾, и ζ), предлогъ *im* измѣнить на *wy* (*вы*), въ видахъ сближенія съ другими славянскими нарѣчіями. Нельзя не признать пользы отъ подобнаго сближенія съ старо-славянщиною, остатковъ коей вдоволь въ лужицкихъ нарѣчіяхъ. На первыхъ двѣ особенности, предлагаемыя Пфулемъ, М. Гурникъ особенно указываетъ и предлагаетъ другимъ славянскимъ

¹⁾ Лужицкія нарѣчія, принявъ въ праязыка общія черты, сохранили ихъ въ полной неприкосновенности, благодаря тому обстоятельству, что языкъ Лужичанъ не былъ подверженъ насилію писателей. Вотъ эти остатки старо-славянщины, отмѣченные Новиковымъ: 1) двойств. число въ лужицкихъ нарѣчіяхъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ сохранилось въ необыкновенной живости, въ первобытнотной чистотѣ, какой невидимъ даже въ памятникахъ старо-славянскихъ XI, XII вв.; 2) въ старо-слав. языкѣ дат. пад. двойств. ч. оканчивается на *ома*, вмѣсто *ама*, *сма*: въ Евангеліи 1164 г. читаемъ *племенома*, вмѣсто *племенема*, такая форма дѣйствительно существовала и сохранилась въ позднѣйшемъ памятникѣ—Апостолѣ XIV в.; 3) та особенность, что въ ниже-лужицкомъ нарѣчій винит. падежъ существ. одушевл. муж. рода сходенъ съ родит. п., какъ въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ, въ противоположность церковно-славянскому тожеству винит. п. съ именительнымъ во всѣхъ случаяхъ, нельзя признать, вмѣстѣ съ Новиковымъ, праязычною; напротивъ, древнѣе сходство имен. пад. съ винит.: винит. пад. *богъ*=*бог*+*а*м; конечная согласная *m* отпала, не успѣвъ перейти съ предыдущею гласною въ носовой звукъ; оставшаяся гласная ослабѣла въ *z*; 4) мѣстный падежъ сходенъ съ дательнымъ и творительнымъ, тогда какъ въ церковно-славянскомъ языкѣ сходенъ съ родительнымъ; 5) въ спряженіи глаголовъ самое важное преимущество ниже-лужицкаго нарѣчія состоитъ въ томъ, что въ сложныхъ временахъ причастіе спрягаемое принимаетъ окончаніе двойств. числа, а не вспомогательный глаголъ; въ церковно-славянскомъ языкѣ отыскиваются лишь слѣды этого явленія: въ Остромировомъ Евангеліи нѣтъ примѣровъ двойств. числа спрягаемыхъ спряженій, но изрѣдка попадаются они въ русской Лаврентьевскій лѣтописи: «аще ли быста вѣдалъ, то не быста пришла».

ученымъ обратить на нихъ вниманіе, въ особенности академику И. В. Ягичу, намѣревавшемуся издать словарь всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Онъ желаетъ, чтобъ измѣненіе въ лужицкомъ правописаніи и княжномъ языкѣ было принято нашимъ академикомъ, чтобы въ его трудѣ не была допущена ошибка Миклошича (когда онъ выпустилъ первое изданіе своей „Сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій“), условленная разностью правописанія у Лужичанъ. Но при всемъ благомъ намѣреніи лужицкихъ литераторовъ, имъ врядъ ли удастся отстоять свою народность отъ обдуманной германизациа. Много вредитъ этому славянскому племени его изолированное положеніе: оно представляетъ оазисъ среди массы германскаго населенія. Только значительная славянская сила въ состояніи поддержать лужицкую народность.

В. Качановскій.

Митрополитъ Даниилъ и его сочиненія. Исслѣдованіе *Василія Жмакина*. Москва 1881.

Давно уже русскіе ученые, какъ напримѣръ, И. Д. Бѣляевъ, С. М. Соловьевъ и высокопреосвященный Макарій, обратили вниманіе на сочиненія митрополита Даниила. Но до сего времени не появлялось подробнаго изслѣдованія объ этомъ писателѣ, не смотря на тотъ оригинальный характеръ, которымъ отличаются его произведенія. Его литературная дѣятельность была очень плодovitая и вызывалась потребностями современнаго ему общества: стоятъ вниманія часто встрѣчающіяся въ его сочиненіяхъ заявленія такого рода: „множицею и отъ многа времени стужаеши моему окаянству и просиши мнѣ грѣшнаго и худаго инока Даниила написать и послати тебѣ слово полезно къ благоученію Божію“ (стр. 275 изслѣдованія г. Жмакина), или: „множицею писахъ тебѣ“ (стр. 274). Довольно уже одного изъ этихъ указаній, чтобы признать, что его вліяніе на русскую среду было значительно. Но въ пользу этого вліянія говорятъ еще слѣдующія соображенія. Благодаря энергической дѣятельности митрополита Даниила, утвердились въ русскомъ обществѣ и церкви идеи его учителя Іосифа Волоцкаго. Идеи, которыя распространялъ Даниилъ, сильно отзываются въ важномъ памятникѣ древне-русской литературы „Домостроѣ“; сочиненія Даниила служатъ матеріаломъ для разъясненія этого памятника, а потому нельзя сомнѣваться, что авторомъ „Домостроя“ былъ священникъ Сильвестръ, владѣвшій пол-

нымъ спискомъ сочиненій Даниіла. Кромѣ того, дѣятельность Даниіла подготовила рѣшенія Стоглаваго собора въ смыслѣ господства идей Іосифа Волоцкаго и его послѣдователей; на немъ было признано вотчинное начало владѣнія монастырей и повторено рѣшеніе собора 1503 года о вдовыхъ священникахъ, берущихъ себѣ женшинъ для сожительства. Благодаря тому обстоятельству, что изъ среды послѣдователей Іосифа Волоцкаго являлись достойные преемники митрополита Даниіла (какъ напримѣръ, митрополитъ Макарій), почитаніе старины все больше и больше утверждалось въ Русской церкви, и даже полторасто лѣтъ спустя духовенство, воспитанное въ этихъ идеяхъ, стало въ оппозицію патріарху Никону, предположившему сдѣлать нововведенія и исправленія.

Съ цѣлью выяснитъ историческую личность и литературные труды митрополита Даниіла, г. Жмакинъ предпринялъ изслѣдованіе, въ которомъ и собралъ очень обширный матеріалъ для этой задачи. Но въ сожалѣнію должно сказать, что въ почтенномъ трудѣ изслѣдователя замѣчается нѣкоторая разбросанность матеріала и отсутствіе одной руководящей мысли, постепенное развитіе которой въ концѣ концовъ дало бы намъ цѣлостный образъ митрополита Даниіла, какъ историческаго дѣятеля и писателя. Попытаемся однако свести итоги этого ученаго труда.

Мы уже сказали, что Даниілъ является продолжателемъ-защитникомъ убѣжденій Іосифа Волоцкаго, служившаго представителемъ формальнаго направленія умственной жизни Русскаго народа въ концѣ XV вѣка, которое встрѣтило сильную оппозицію со стороны энергическаго представителя другаго направленія, на извѣстномъ основаніи называемаго критическимъ: это—школа Нила Сорскаго; послѣдній имѣлъ достойнаго преемника въ лицѣ Вассіана Косого Патрикѣева. Споръ между этими двумя направленіями былъ ожесточенный. Къ нему присоединилась ересь „жидовствующихъ“. Направленіе Нила Сорскаго и Вассіана Косого и ересь „жидовствующихъ“ представляютъ собою протестъ противъ недостатковъ современной (XV—XVI вѣка) русской церковной жизни; въ этомъ ихъ общая сходная черта; въ частности же они различны.

Воспитанникъ Волоколамскаго монастыря—особаго воспитательнаго учрежденія, основаннаго Іосифомъ Волоцкимъ (какъ свидѣтельствуютъ слѣдующія слова одного біографа Іосифа Волоцкаго: „многимъ у него юнымъ мнхамъ въ монастыри учащимся, не яко самъ безъ опасства живущимъ, но много соблюденіе и удержаніе имъ, непопущашеся бо

хоженіе тѣмъ идѣже хотящимъ, но присно назираніе движеніямъ ихъ учителямъ ихъ имѣти“) (стр. 117), митрополитъ Даниилъ вышелъ настоящимъ питомцемъ своего учителя, „Іосифляниномъ“. Послѣ того, какъ онъ былъ избранъ въ игумены Волоколамскаго монастыря, просвѣщеніе въ духѣ началъ Іосифа Волоцкаго продолжало здѣсь развиваться. Получившая свое начало еще при Іосифѣ, бібліотека этого монастыря продолжала быстро умножаться при игуменѣ Даниилѣ; во главѣ книжниковъ при Даниилѣ стоялъ Нилъ Полевъ; да кромѣ того, можно и слѣдуетъ упомянуть старца Фотія, имѣвшаго своихъ учениковъ по книжному дѣлу, и Θεодосія, одного изъ участниковъ на Стоглавомъ соборѣ.

Въ чемъ же состояло направленіе Іосифа Волоцкаго? Отвѣтъ на этотъ вопросъ намъ необходимъ для того, чтобъ удобнѣе было прослѣдить духъ сочиненій митрополита Даниила. Слѣдуетъ, потому, указать на связь его литературной дѣятельности съ выдающимся памятникомъ литературы предшествовавшей: это—„Просвѣтитель“ Іосифа Волоцкаго. Г. Жмакинъ склоненъ даже приписать митрополиту Даниилу участіе въ составленіи этого памятника; въ данномъ вопросѣ онъ исходитъ изъ высказаннаго М. О. Кояловичемъ мнѣнія такого рода, что въ „Просвѣтитель“ есть ясныя признаки его многосоставности и разнохарактерности, условенныя тѣмъ, что въ составленіи его принимали участіе главнѣйшіе члены Волоколамской общины¹⁾, а въ числѣ этихъ главнѣйшихъ членовъ не могъ не быть и инокъ Даниилъ; онъ усматриваетъ нѣкоторыя черты сходства въ построении и планѣ „Просвѣтителя“ Іосифа Волоцкаго и „Соборника“ Даниила (стр. 126). „Просвѣтитель“ Іосифа имѣлъ въ виду представить подтвержденіе того, что было на самомъ дѣлѣ въ Волоколамской общинѣ—именно: монастырскій уставъ Іосифа Волоцкаго видѣръялъ въ членовъ монастыря отрицаніе права личности, проявленія единичной воли; индивидуальныя особенности инока, воспитывавшагося по правиламъ этого устава, отходили на задній планъ, и вмѣсто нихъ выступали общность интересовъ и подчиненіе выработанному другимъ взгляду. Результатомъ дѣйствія этого устава на отдѣльныя личности было приниженіе даже сильныхъ характеровъ. Такое, выработанное предшественникомъ Даниила, направленіе слѣдуетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ дѣятельности этого послѣдняго писателя.

¹⁾ Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи С.-Пб. Духовной Академіи М. О. Кояловичемъ, 17-го февраля 1871 года.

Послѣ избранія Данила въ митрополиты (17-го декабря 1521 года), онъ является потворщикомъ всѣхъ дѣйствій великаго князя Ивана Васильевича III, пользовавшагося, при проведеніи своей государственной идеи, одобряемыми и не одобряемыми нравственностью средствами. Въ подобной политикѣ митрополита Данила отразилось вліяніе нравственныхъ воззрѣній его школы, въ системѣ коей были и такія, которыя не совсѣмъ гармонировали съ духомъ христіанской православной церкви и отзываются казуизмомъ: это—такъ-называемое Иосифомъ Волоцкимъ „богонаучное коварство“. Отъ казуистическихъ понятій о нѣкоторыхъ нравственныхъ дѣйствіяхъ не былъ свободенъ и Данилъ, который, наиримѣръ, считалъ дѣломъ высоконравственнымъ возбуждать вражду между порочными людьми и еретиками, когда тѣ и другіе живутъ въ согласіи между собою (стр. 131). Это казуистическое направленіе митрополита Данила проявилось въ его поступкѣ съ Сѣверскимъ княземъ Василиемъ Шемятичемъ, котораго онъ принялъ „на образъ Пречистые, да на чудотворцевъ, да на свою душу“, а затѣмъ не защитилъ отъ измѣнническаго поступка съ нимъ великаго князя. Поведеніе митрополита Данила въ данномъ случаѣ подорвало нравственный авторитетъ митрополита въ глазахъ людей, воспитанныхъ въ иныхъ нравственныхъ понятіяхъ. Подобнымъ же образомъ, въ допущеніи развода великаго князя Василя Ивановича съ женою Саломоніей Сабуровой, Данилъ съ точки зрѣнія своей школы не затруднился воспользоваться нравственно-религіознымъ средствомъ для достиженія чисто-политической цѣли, хотя и этотъ случай возбуждалъ сильное неудовольствіе въ современномъ русскомъ обществѣ; въ этомъ разводѣ оно видѣло преступленіе: одинъ изъ современныхъ событію лѣтописцевъ назвалъ второй бракъ князя прелюбодѣвіемъ (стр. 141; П. С. Р. Л. IV, 1-я Псковск. лѣт., стр. 295); разводъ этотъ осуждали Вассіанъ Косой, Максимъ Грекъ, Симеонъ Курбскій и др.; первый точно также называлъ великаго князя прелюбодѣмъ. Приверженцы старо-боярской партіи, продолжавшей еще существовать, видѣли въ дѣйствіи митрополита измѣну, нарушеніе священныхъ правилъ. Главные обличители княжескаго развода—Вассіанъ Косой и Максимъ Грекъ, остались вѣрными евангельскимъ началамъ; но въ то же время и митрополитъ Данилъ былъ правъ съ точки зрѣнія школы „Иосифлянъ“.

Митрополитъ Данилъ сумѣлъ воспользоваться нерасположеніемъ великаго князя къ Максиму Греку и Вассіану Косому, вызваннымъ ихъ оппозиціей разводу, съ цѣлью подорвать ихъ авторитетъ, и та-

кимъ образомъ упрочить свое вліяніе при дворѣ великаго князя и въ то же время отмстить имъ за нанесенныя ему оскорбленія. Эти оскорбленія были слишкомъ явственны, чтобы не подорвать авторитетъ митрополита Данила. Старый врагъ послѣдняго, Вассіанъ Косой, только для виду помирившійся съ установившимся абсолютизмомъ великаго князя Василя Ивановича, но вовсе ему не симпатизировавшій, нашель въ Максимѣ Грекѣ хорошаго помощника. Максимъ, вызванный по настоянію Вассіана для перевода греческихъ книгъ — собственно для того, чтобы ему было возможно свѣрить русскія Коричи съ греческими подлинниками Кормчей для рѣшенія вопроса о вотчинномъ владѣніи монастырей, — былъ посвященъ Вассіаномъ въ неурядицы современной ему политической жизни Россіи. Поборникъ греческаго элемента, съ полнымъ игнорированіемъ элемента славянскаго, Максимъ Грекъ, не сообразуясь съ русскимъ духомъ, вооружился противъ недостатковъ государственнаго управления тогдашней Россіи, и между прочимъ, противъ вотчиннаго владѣнія монастырей; греческія Кормчи свидѣтельствовали о владѣніи землею, виноградникомъ, но не селами; послѣднее оказывалось русскою прибавкою. Въ своихъ нападкахъ Максимъ доходилъ до того, что даже говорилъ и писалъ противъ тѣхъ „иже благочестивый санъ царскій растлѣвають всяческими своими неправдованіи и лихоиманіи и богомерзкими блуженіи, ихъ же ноги скорѣйши въ еже изливати крови по неправедному гнѣву своему и ярости звѣрской“ (стр. 157). Или въ другомъ своемъ сочиненіи онъ выражается такъ: „ты же треокаянна (душе), кровей убогихъ безщадно испиваючи лихвами и всякимъ дѣломъ неправеднымъ, и себѣ оттуду преобильно приготавлиающи вся твоя угодная, егда же и якоже хоцещи, во градѣхъ ѣздящи на конѣхъ благородныхъ со многими, овѣмъ убо послѣдующимъ, овѣмъ же напредъ воплемъ и бичію разбивающимъ срѣтаючи тя народы. Угодна ли творити мнѣхъ своими долгими молитвами и чернымъ симъ влѣсянымъ образомъ, Христу любящу милость паче жертвы и осужающа всякаго нищененавидца“ (стр. 163). Въ словахъ этихъ можно усматривать характеристику самого митрополита Данила.

Сначала, по своемъ пріѣздѣ въ Россію, Максимъ Грекъ работалъ при совѣтахъ митрополита Валаама и затѣмъ Данила; но враждебныя отношенія Вассіана къ митрополиту Даниилу заставили Максима прекратить всѣ совѣщанія съ нимъ по этому поводу, такъ какъ, по оскорбительному отзыву Вассіана, „они (митрополитъ и епископы) того не вѣдаютъ, а что они и знаютъ, имъ надобе пирь, и

села, и скакати и смѣяти съ воры* (стр. 164). Исходя затѣмъ изъ мнѣнія Вассіана, высказаннаго впоследствии письменно о славянскихъ переводахъ, что они „отъ діавола писаны, а не отъ Св. Духа.... а здѣшніе книги всѣ лживые... до Максима есмѣ по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили, ни молили, а нынѣ есмѣ Бога познали Максимомъ“ (стр. 164), Максимъ Грекъ принялъ слѣдующій несообразный методъ исправленія славянскихъ книгъ: не зная славянскаго и русскаго языка, Максимъ Грекъ переводилъ съ греческаго подлинника на языкъ латинскій, и затѣмъ два его толмача Димитрій Герасимовъ и Власій съ двумя писцами Михаиломъ Медоварцевымъ и Силуаномъ, инокомъ Троице-Сергіевской лавры, переводили съ латинскаго языка на славянскій. Естественно, что переводъ выходилъ невѣрный, такъ какъ толмачи могли подчасъ не понять его и перетолковать по своему, а Максимъ Грекъ не могъ провѣрить толмачей. Благодаря этому обстоятельству, въ исправленія Максима Грека вкрались новыя ошибки, близкія къ ереси. Такъ, выраженіе прежнихъ славянскихъ переводовъ „Христось възде на небеса и сѣде одесную Отца“ или „сѣдѣи одесную Отца“ онъ замѣнилъ словами: „сѣдѣвъ одесную Отца, сѣдѣвшаго одесную Отца“, а въ другомъ: мѣстѣ „сидѣлъ одесную Отца“ (стр. 179). Были и другія неточности перевода.

Подобныя этимъ ошибки, отрицаніе вотчиннаго владѣнія монастырей и оскорбительныя выходки противъ высшаго духовенства и противъ развода великаго князя, затѣмъ случайное свиданіе Максима съ турецкимъ посломъ Скендоромъ (греческаго происхожденія), враждебно настроеннымъ къ Россіи, и наконецъ, связь съ опальнымъ бояриномъ Иваномъ Берсень-Беклемишевымъ и дьякомъ Феодоромъ Жаренымъ условили паденіе Максима Грека, которому предшествовалъ его судъ на соборѣ 1525 года. Въ этомъ судѣ митрополиту Даніилу выпала самая выдающаяся роль, въ которой онъ тоже является вѣрнымъ слѣдователемъ своей школы; онъ назвалъ проповѣдь Максима Грека злымъ еретическимъ мудрованіемъ и хулою на всю Русскую церковь. „Ты Максимъ“, говорилъ митрополитъ Даніилъ, — „святія Божія соборныя и Апостольскія церкви и монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжаніе, и люди, и доходы, и села имѣють, а и въ вашихъ монастырѣхъ во Святой горѣ и въ иныхъ мѣстѣхъ въ вашей земли и у церквей и у монастырей села есть да и въ писаніихъ отеческихъ писано велѣно ихъ держати святымъ церквамъ и монастыремъ. Да ты же, Максимъ, святыхъ чудотворцовъ Петра, и Алексѣя и Іоны митрополитовъ всея Руси и препо-

добныхъ чудотворцевъ Сергія и Варлама, и Кирила, и Пафнутія, и Макарія украсиши и худиши, а говоришь такъ: занеже они держали города, и волости, и села, и люди, и судили, и пошланы, и оброки, и дани искали, и многое богатство имѣли, ино имъ нельзя быти чудотворцомъ“ (стр. 176).

Разсмотрѣніе обвинительныхъ пунктовъ противъ Максима Грека на этомъ соборѣ показываетъ, что обвиненія противъ него не выдумывались, а были въ извѣстной степени истинны. Максима сослали въ Волоколамскій монастырь. Въ выборѣ этого, а не другаго мѣста заточенія, участвовала воля митрополита Давиіла. Очувшись въ этомъ заточеніи, въ средѣ единомышленниковъ митрополита Давиіла, Максимъ открыто заявлялъ свою правоту въ подрывъ компетентности митрополита Давиіла и собора 1525 года. Поэтому-то на соборѣ 1531 г. митрополитъ Давиілъ укорялъ Максима Грека такъ: „Ты, Максимъ, самъ себя оправдываешь вездѣ и возносишь, и хвалишь и не сказываешь на себѣ ни единого грѣха и вины отъ чрева матери своея.... Хвалишися еллинскими и жидовскими мудрованіями, волшебными хитростями и чернокнижными волхвованіями, то все есть отвержено христіанскаго закона и житія, и не дѣло есть христіаномъ въ то себе вдати мудрованіе“ (стр. 184). Максима Грека стали обвинять въ волшебствѣ, въ томъ числѣ и митрополитъ Давиілъ. Но главное обвиненіе Максима Грека началось съ политическаго дѣла, съ его сношеній съ турецкимъ посломъ Скендеромъ. Это вполнѣ понятно, если примемъ во вниманіе, что заправитель собора, митрополитъ Давиілъ, отождествлялъ интересы мірскіе съ интересами церковными. Затѣмъ, Максима Грека обвиняли въ ереси, допущенной въ переводѣ слова о Пресвятой Богородицѣ Метафраста; въ переводѣ своемъ онъ допустилъ слѣдующее еретическое выраженіе, что Іосифъ Обручникъ „по совѣщанію іереевъ обручаетъ себя отроковицу, совокупленія же до обрученія бѣ“ (стр. 182). На этомъ судѣ митрополитъ Давиілъ явственно выступаетъ, какъ гордый, истинный человѣкъ: когда Максимъ Грекъ, утомленный своимъ тяжелымъ положеніемъ, повергся ницъ передъ соборомъ, прося помилованія, Давиілъ заявляетъ ему: „Достигоша тебе, окаянне, грѣси твои, о немъ же отрелся превести ми священную книгу блаженнаго Теодорита“ (стр. 191). Онъ не прощаетъ его, а ссылаетъ въ Тверской Отрочъ монастырь.

Оставался еще другой важный противникъ митрополита Давиіла—Вассіанъ Косой, извѣстный намъ уже своею оппозиціей противъ вот-

чиннаго владѣнія. Для оправданія своего мнѣнія объ этомъ предметѣ, Вассіанъ составилъ свою Кормчую по списку Фотія, въ которомъ не находилось статей, особенно благопріятствовавшихъ вотчиннымъ правамъ монастырей. Кромѣ того, Вассіанъ исключилъ изъ своей Кормчей слѣдующія высоко цѣнимыя защитниками монастырскихъ имѣній статьи: 1) подложное „слово св. отцовъ пятаго вселенскаго собора на обидящихъ св. Божія церкви“, 2) всѣ „градскіе законы“, данные Греческими императорами церквамъ, и 3) церковные уставы Русскихъ князей св. Владиміра Равноапостольнаго и Ярослава, — и въ замѣнъ ихъ внесъ статьи противъ вотчиннаго владѣнія монастырей, какъ: 1) „сказаніе старца Максима Св. горы къ старцу Вассіану о Св. горѣ жителства“ и 2) свой трудъ: „собраніе нѣкоего старца на воспоминаніе своего обѣщанія отъ Св. Писанія о отверженіи міра“. Между тѣмъ митрополитъ Даниилъ принималъ, что Кормчая должна быть не измѣнною. Онъ поэтому сталъ обвинять Вассіана въ развращеніи Кормчей и въ составленіи новаго сборника правилъ. Какъ въ судѣ надъ Максимомъ Грекомъ, такъ и въ судѣ надъ Вассіаномъ Косымъ (1531 г.) митрополитъ Даниилъ обнаружилъ свою личную злобу; онъ, на примѣръ, публично говоритъ, что Вассіанъ составилъ свою Кормчую по своему малоумію и всячески старается унизить его въ глазахъ всѣхъ присутствующихъ. Вассіана сослали въ Волоколамскій монастырь.

И такъ, благодаря содѣйствію великаго князя, митрополитъ Даниилъ одержалъ побѣду надъ своими противниками. Находясь на вершинѣ своего торжества, онъ, въ видахъ освященія идей Іосифа Волоцкаго, причислилъ 1-го мая 1531 г. преподобнаго Пафнутія Боровскаго, Іосифова учителя, къ лику святыхъ (стр. 236). Но это торжество Даниила не долго продолжалось: 2-го февраля 1539 г. (послѣ смерти Василя Ивановича) боярская партія съ Шуйскимъ во главѣ низложила его, заставивъ его дать отреченную грамоту. Митрополитъ Даниилъ сходитъ со сцены въ пору чрезмѣрнаго усиленія произвола боярской думы, отъ котораго ничего хорошаго нельзя было ожидать. Передъ самымъ своимъ низложеніемъ, въ январѣ мѣсяцѣ 1539 г., онъ разослалъ окружное посланіе „о смиреніи, и соединеніи, и согласіи, и о любви, и о соблюденіи православные вѣры и закона“, въ которомъ изображаетъ „вину лѣтъ сихъ и временъ“ и осуждаетъ „не согласія и пререканія, раздѣленія же и распрѣнія“ (стр. 244). Низложенный митрополитъ Даниилъ прожилъ еще до 1547 года.

Указанныя выше идеи разсматриваемаго писателя и его общественное положеніе должны были сказаться и въ его литературныхъ трудахъ. Услѣдить въ произведеніяхъ митрополита Данила современныя ему событія и состояніе общества — составляетъ существенную задачу изслѣдованія г. Жмакина. Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этой важной стороны дѣла, онъ даетъ свое дѣленіе сочиненій разсматриваемаго писателя на три группы, которое — замѣтитъ нужно — не вполне однако оправдывается. Къ I-й группѣ онъ относитъ тѣ слова Данила, „которыя были написаны имъ въ связи и противъ еретичества и современнаго либеральнаго направленія и вольнодумства“; къ II-й группѣ слѣдуетъ отнести все, касающееся общаго нравственнаго мировоззрѣнія митрополита Данила и нравственнаго состоянія современнаго ему русскаго общества; къ III-й группѣ — посланія, имѣющія частный характеръ (стр. 315 — 316). Кроме того, такъ какъ въ вѣкоторыхъ сочиненіяхъ очень часто все это смѣшивается, г. Жмакинъ нашелъ умѣстнымъ выдѣлить изъ cadaго такого сочиненія все то, что будетъ входить въ одну изъ трехъ принятыхъ группъ.

Къ I-й группѣ г. Жмакинъ отнесъ: а) V-е слово „Соборника“, имѣющее слѣдующее заглавіе: „о воплощеніи Господа нашего І. Христа, воистинну проповѣдаемъ того совершенна Бога и совершенна челоувѣка, а не яко зли еретицы нечестивно глаголють по воплощеніи Господу нашему І. Христу едино естество точію Божества имѣти“; оно составлено противъ ереси Вассіана Косого Патрикѣева „о воплощеніи І. Христа“; б) VII-е слово противъ догматическихъ заблужденій „жидовствующихъ“; в) VI-е слово тоже противъ „жидовствующихъ“ краткое; г) XI-е слово „о божіихъ судьбахъ и о младенцахъ умирающихъ; и яко бѣдно есть не исповѣдати помысли своя отцевъ духовныхъ“; поводъ къ составленію этого слова подало броженіе въ умахъ русскаго общества первой половины XVI в., условленное неисполненіемъ ожидаемой всѣми кончины міра въ 1492 г.: всѣ стали разсуждать, почему законы Божіи не дѣйствуютъ такъ, какъ гласятъ священныя книги; отвѣтъ на этотъ вопросъ общества митрополитъ Данилъ даетъ въ слѣдующемъ: „неподобаетъ намъ непостижимое, и недомыслимое, и неизслѣдованное Божіе естество и существо испытывать, также и о Божественныхъ Его судьбахъ“ (стр. 374). Съ цѣлью прекратить большую тайную пропаганду „жидовствующихъ“ въ средѣ православныхъ, послѣ пораженія первыхъ и въ видахъ охраненія послѣднихъ, были написаны митрополитомъ Да-

ніломъ поученія нравственнаго содержанія. Къ числу таковыхъ относятся: I-е слово „Соборника“, изъ котораго видна политика „жидовствующихъ“ и большая опасность отъ нихъ православнымъ; митрополитъ Даниилъ настаиваетъ на прекращеніи сношеній православныхъ съ „жидовствующими“; 5) VIII-е слово „яко подобаетъ къ властямъ послушанія имѣти и честь имъ воздавати, и еже на враги Божія“; на первый взглядъ, оно можетъ быть отнесено противъ вреднаго обычая отъѣзда не довольныхъ московскихъ бояръ въ Литву; очень вѣроятно, что митрополитъ Даниилъ и этотъ вредный обычай имѣлъ въ виду, но еще вѣроятнѣе—какъ полагаетъ г. Жмакинъ—что слово направлено противъ еретиковъ; слово это представляеть и мѣры противъ не исправимыхъ еретиковъ: „Осужаеми бываютъ татіе и разбойницы и прочіи злоторященіи челоувѣцы, приемяють же казнь поправшей и оплевавшей образъ земнаго царя, и аще убозніи, и прочіи казнь приемяють, множае паче хулащеніи Сына Божія и Бога и Пречистую Богородицу“ (стр. 410); въ преслѣдованіи еретиковъ долженъ принимать участіе всякій православный челоувѣкъ; воззрѣнія Даниила о преслѣдованіяхъ еретиковъ, сравнительно съ подобными воззрѣніями его учителя Іосифа Волоцкаго, являются болѣе гуманными; 7) III-е слово „яко восходя Господь на небеса владѣ апостоломъ два завѣта ветхій и новый, сія же приемше св. апостоли, тоже по нихъ церковніи пастыріе и учителя, иже вси Духомъ Божественнымъ поставляеми, ова убо оставиша, ова же узаконоположиша и предаша святой церкви, и сія же вся церковная преданія, писанная и не писанная, узаконенная намъ отъ св. апостолъ и богоносныхъ отецъ нашихъ непреложно подобаетъ соблюдать“, и IV-е—„яко прияхомъ преданія писаная и неписаная: и да знаменуемъ лице свое крестообразно, и еже на востокъ обращатися въ молитвахъ, и зрѣти же, сице же и покланятися“ имѣють своею задачею защиту священнаго преданія и всей церковно-обрядовой стороны русскаго православія; эти слова были вызваны особенностями религіозной жизни Русскаго народа, унаслѣдовавшаго отъ Грековъ обрядность, противъ которой явились нападки приверженцевъ противнаго направленія; IV-е слово имѣеть особенное значеніе: даже раскольники признають его святоотеческимъ твореніемъ.

Ко II-й группѣ сочиненій Даниила—по мнѣнію автора изслѣдованія—относятся: 1) XIII-е слово „о еже что міръ и яже въ міръ“; слово это имѣеть прямое и непосредственное отношеніе къ современному Даниилу понятію русскаго общества о нравственности и ду-

шевномъ спасеніи. Въ предшествовавшіе вѣка, начиная еще съ до-монгольскаго періода, и особенно въ періодъ монгольскій на Русь, утвердилось византійское аскетическое воззрѣніе на міръ, какъ на преходящій, мѣшающій душевному спасенію. Благодаря этому воззрѣнію, увеличилось число монастырей: съ XI по XIV в. возникло восемьдесятъ-восемь монастырей; въ XIV в. и первой половинѣ XV число ихъ увеличилось до 150; во второй половинѣ XV в. и началѣ XVI в. число монастырей увеличилось почти вдвое болѣе прежняго⁴⁾. Аскетическое воззрѣніе постоянно усиливалось, и наконецъ, дошло до такой крайности, что на бракъ смотрѣли съ преврѣніемъ; крайность эта отразилась на положеніи русской женщины въ монгольскій періодъ и была вовсе нежелательна; поэтому-то митрополитъ Даниилъ и вооружился противъ нея въ упомянутомъ слогѣ, хотя его убѣжденія были тоже аскетическаго характера, какъ свидѣлствуютъ слѣдующія его слова: „вся басни, вся паутина, вся дымъ и трава, и цвѣтъ травный, и снѣгъ и сонъ;... непечно есть и непостоянно ничтоже отъ сущихъ на земли и человекѣи, и вещи, и разумы, и словеса, и мысли, и дѣла ихъ, превращаетъ бо ся яко коло и яко стѣнь преходить“ (стр. 476).

Другая крайность, развившаяся въ современномъ митрополитѣ Даниилу русскомъ обществѣ, была страсть къ разводамъ. Причины къ разводу были различны и были неизбѣжны, при теремной жизни русской женщины—удаленіи ея отъ мужскаго сообщества до выхода замужъ. При такомъ порядкѣ вещей были злоупотребленія, недоразумѣнія, порождавшія семейную вражду, главную причину къ разводу. Противъ этого вреднаго обычая митрополитъ Даниилъ составилъ XIV-е, XV-е и XVI-е слова „Соборника“, общая идея которыхъ слѣдующая: „не подобаетъ мужу отъ жены, женѣ отъ мужа разлучатися разблудныя вины“ (такъ озаглавлено XIV-е слово). Въ этихъ трехъ словахъ митрополитъ Даниилъ вообще касается нравственной стороны жизни человекѣа.

Къ III-й группѣ отнесены г. Жмакинымъ всѣ посланія митрополита Даниила. Всѣ они подраздѣлены такъ: А) посланія, имѣющія главной темою ученіе о монашествѣ и о правилахъ монашеской жизни; сюда относятся: а) VI-е посланіе (по сборнику), адресованное одному влія-

⁴⁾ Древне-русскіе пустыни и пустынножителіи: *Правосл. Собесѣдн.* 1860 г. часть III.

тельному и богатому лицу, задумавшему постричься въ монашество; б) V-е посланіе, адресованное одному иноку, спрашивавшему митрополита, въ какомъ изъ трехъ видовъ монашеской жизни всего удобнѣе получить спасеніе; с) VII-е посланіе „о иноческомъ законѣ и правилѣ общаго житія“, написанное для монаховъ Волоколамскаго монастыря, когда Даниилъ былъ игуменомъ этого монастыря; d) посланіе въ Владимірскій Волосовъ Николаевскій монастырь „о благочиніи и крѣпости монастырскаго устава“, развивающее мысль предыдущаго посланія объ общежительности съ полнымъ отсутствіемъ личной собственности; е) XII-е посланіе „о цѣломудренномъ и благоговѣйномъ житіи“; f) посланіе князю Діонисію Звенигородскому (изъ рода литовскаго выходца Александра Звенигородскаго), иноку Волоколамскаго монастыря, писанное въ октябрѣ 1528 года и проповѣдующее смиреніе и повиненіе его монастыря.—В) посланія, проповѣдующія цѣломудренную чистоту; сюда относятся: а) XI-е посланіе „о цѣломудріи и чистотѣ“; б) XIII-е посланіе къ неизвѣстному лицу, въ которомъ Даниилъ рекомендуетъ средство противъ нравственной распущенности: с) посланіе „о блудныхъ помыслахъ“ (какъ его называютъ ученые), d) XIV-е посланіе „о духовномъ вниманіи, и трезвеніи и бжеженіи“; е) X-е посланіе „яко душевредно есть совокуплятися и бесѣдовать съ женами и съ мужи женовидными“.—С) посланія разнородныя; сюда относятся: а) IX-е посланіе „о страхѣ Божиємъ“; б) VIII-е посланіе „о страшномъ судѣ“; с) IV-е посланіе „о ничтожествѣ земныхъ благъ и скоротечности человѣческой жизни“; d) „о небрежномъ и лихоимственномъ житіи епископа“ (къ неизвѣстному епископу); е) коротенькое посланіе о томъ же; f) посланіе къ Дмитровскому князю Юрію Ивановичу, брату великаго князя Василія Ивановича, въ коемъ митрополитъ пишетъ, что въ понедѣльникъ, если въ этотъ день случится праздникъ Успенія Пресв. Богородицы, не должно быть поста; g) наказъ Сарскому епископу Досіею и архимандриту Симоновскаго монастыря Филоею для передачи князю Андрею Старицкому; въ немъ сдѣлано напоминаніе, чтобъ этотъ князь не измѣнялъ великому князю.

Кромѣ того, сохранился отрывокъ Кормчей митрополита Даниила; онъ же принималъ участіе въ составленіи сводной Кормчей первой половины XVI вѣка. Г. Жмакинъ дѣлаетъ очень вѣроятную догадку, что Кормчая митрополита Даниила послужила оригиналомъ для печатной Кормчей 1650 и 1653 годовъ.

Послѣ лишенія Московской митрополіи, Даниилъ написалъ „дупчасть ссхviii, отд. 2.“

ховную“, которую г. Жмакинъ предполагаетъ видѣть въ сходномъ съ извѣстными сочиненіями Даниіла сборникѣ, принадлежащемъ бібліотекѣ Московской духовной академіи.

Въ такой массѣ трудовъ не могъ не высказаться въ достаточной мѣрѣ взглядъ этого выдающагося въ древне-русской литературѣ писателя на устройство человѣческой жизни. Въ изслѣдованіи г. Жмакина онъ не вполне рельефно обрисованъ. Представитель формальнаго направленія, митрополитъ Даниілъ вовсе не былъ человѣкомъ отсталымъ, рутиннымъ; напротивъ, онъ является проводникомъ новизны для тогдашняго русскаго общества понятій въ жизни семейной, воспитаніи и относительно работъ (крестьянскаго сословія). Если сравнить эти убѣжденія его съ понятіями его противниковъ—Вассіана Косого и другихъ возстававшихъ противъ вотчиннаго владѣнія монастырей, то видимъ превосходство на сторонѣ Даниіла. Современные ему вольнодумцы не высказывали такихъ гуманныхъ и трезвыхъ понятій о крѣпостномъ сословіи, какія встрѣчаемъ у Даниіла. „Все есмь“, говоритъ онъ на примѣръ,—„создани рукою Божіею; и все плоть едина, и все въ единомъ дому еже подѣ небесемъ на вселеннѣй въ маловременнѣе семъ житіи вселени есмь отъ Господа Бога, и все единѣмъ Божественнымъ крещеніемъ крестихомся, и все равно кровію Христовою искуплены быхомъ, и все равно божественнымъ причащеніемъ причащаемся, и все плачемся къ Нему каждо насъ о грѣсѣхъ своихъ, и все милости отъ Него просимъ и въ сій вѣкъ и въ будущій... Все есмь въ рудѣ Господни, егоже обнищаетъ, а егоже хочетъ богатить, аще и здѣ на мало время попустилъ есть овому господствовать, овому же работати, но въ будущемъ нѣсть раба, ни свободна, каждо бо насъ на страшномъ судѣ Христовѣ по своимъ дѣломъ приметъ, или рабъ, или свободъ, или князь, или царь“ (стр. 516). Касаясь ненормальнаго положенія женщины въ древне-русскомъ обществѣ, какъ раба или только старшей между рабами, Даниілъ дѣлаетъ строгіе укоры жестокимъ мужьямъ: „Ты же грызеша ея (жену) непрестанно, якоже и ума изступити ей отъ твоего свѣрѣпства, престои тако твори, о человѣче!“ (стр. 519). Правда, онъ не вполне разстался съ аскетическими византійскими взглядами на женщину, какъ на соблазнъ для мужчины; на тему „о цѣломудріи мужчины“ митрополитъ Даниілъ писалъ: (необходимо) „не токмо не совокуплятися или бесѣдовати съ женами... но ниже взирати безстыдно на лица ихъ... отлучатися отъ бесѣды женскихъ и не взирати на дѣвицу;... преже всѣхъ подобаетъ намъ бѣгати бесѣды женскихъ... нелѣпо ти есть съ женами бесѣ-

довати и любити всяко бесѣды женскія“ (стр. 504—505). Но взглядъ Данила на бракъ выше взгляда другихъ древне-русскихъ писателей; онъ больше приближался къ пониманію нравственнаго значенія брака; въ основу взаимныхъ отношеній мужа и жены онъ полагаетъ взаимную любовь, но притомъ такъ, что мужъ всегда долженъ давать чувствовать себя въ случаѣ надобности: „Аще и страхъ подобаеъ наложить на нея (жену), но мѣрно, якоже подобаеъ, законно къ цѣломудрію, къ благопокоренію“ (стр. 509).

Но еще больше выдвигается личность митрополита Данила въ вопросѣ объ образованіи мальчиковъ и дѣвушекъ. Въ отличіе отъ древне-русскихъ моралистовъ, трактовавшихъ болѣе о томъ, какъ воспитывать и обучать дѣтей, чѣмъ чему учить, у митрополита Данила обращено вниманіе на содержаніе обученія. По его взгляду, ученіе и воспитаніе должно быть двухъ родовъ—религіозно-нравственное и житейское, съ предпочтеніемъ перваго. Въ XIII-мъ словѣ своемъ онъ обращается къ родителямъ: „О отцы, имѣйте попеченіе о чадѣхъ вашихъ, воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни всегда на благая дѣла спасительная: бояться Бога, и въ законѣ его поучатися день и ночь; о юнни, къ вамъ ми слово, возлюбите Христа Бога да животь вѣчный наслѣдуете“ (стр. 512). Образованіе должно начинаться съ обученія письму и чтенію по церковнымъ книгамъ, съ возможностью дальнѣйшаго развитія: „Любомудрствуйте, юнни, въ хитростехъ трудящеся елико по силѣ: или въ писательнемъ художествѣ или въ ученіи книжномъ; не отлучайтесь бесѣдъ духовныхъ, мужій боящихся Бога, наказанія спасительная, и повѣсти и притча услышите; много пользуютъ бесѣды духовныя: и очищаютъ тѣло, и просвѣщаютъ душу, точию подщитеса и слышати и творити душеполезная мало глаголюще, вѣщше же разумѣвающе“ (стр. 513). Данилъ предписываетъ родителямъ заботиться о нравственномъ воспитаніи дѣтей, и такимъ образомъ, предупреждать развитіе дурныхъ наклонностей: „Тѣмъ же, о отроци и дѣвици, возлюбите тихое и смиренное житіе въ цѣломудріи и чистотѣ, даже и въ семъ вѣцѣ велія радости насладитеса, въ будущемъ же животь вѣчный наслѣдите“ (ib.).

Имѣя въ виду эти воззрѣнія митрополита Данила, нельзя не признать его писателемъ просвѣщеннымъ. Только въ одномъ случаѣ митрополитъ Данилъ высказываетъ мысль болѣе чѣмъ странную: строгій охранитель нравственности въ обществѣ, которое въ его время большею частью погрязло въ развратѣ, видя всю бездну вреда отъ этого для цѣлаго народа, онъ, въ видахъ сохраненія цѣломудрія,

признавалъ цѣлесообразнымъ осклопеніе (стр. 645). Очевидно, митрополитъ Даниилъ имѣеть здѣсь въ виду одно душевное спасеніе, безъ отношенія къ росту народа и государства.

Трезвыя мысли были высказываемы митрополитомъ Данииломъ и относительно соціальной жизни современнаго ему русскаго общества. Поученія Даниила, по мнѣнію г. Жмакина (стр. 646), служатъ правдоподобными историческими комментаріями на очень многія стороны московскаго быта, въ особенности боярскаго сословія; Даниилъ грозно вооружается противъ паденія нравственности, причину чего онъ видитъ въ праздности древне-русскаго богатаго человѣка: „Кая тебѣ нужда есть“, говоритъ Даниилъ, — „который же тебѣ прибытокъ есть праздну всегда быти, или кая тебѣ похвала будетъ якоже прелагаю переходити отъ мѣста на мѣсто?“ И далѣе: „всегда наслажденія и уштінія... всегда праздность и безумная тасканія якоже нѣбяхъ мошенниковъ и оманниковъ дѣмонскимъ наученіемъ“ (стр. 543). Всѣ наставленія Даниила касательно праздности древне-русскаго богача сгруппированы въ изказаніи XVI-го слова: „Возлюби страданіе и трудъ и смиреніе...., лѣньность бо многихъ погуби тунеядѣніе.... вся извори: трезвитесь, подвизайтесь, никтоже буди тунеядецъ, никтоже буди праздень, праздность бо всѣмъ злымъ ходатайствена есть“ (стр. 544—545). Праздное коротаніе жизни сосредоточивалось въ изысканномъ удовольствіи животныхъ инстинктовъ: „кая убо сія еше не безсловесне убиточная и проторная творити, кая убо есть нужда многое и сладостное и раздирающая ястіе и питіе имѣти выше мѣры?“ (стр. 546); „вчера и днесь повари въ поварню стекаются, и сію украшаютъ, и свиты измѣняютъ, и рудѣ простирають, и листы укрѣпляютъ, и ножа острятъ, и дрова накладываютъ, и огонь вжигаютъ, и котлы наставляють, и сковрады и горьнци постовляютъ, къ насыщенію чрева пищу готовить и сими наслаждается и укрѣпляется тѣло и потомъ къ истлѣнію сводится. И колико тщаніе и подвиги имать пища и питіе, колико же сребра и злата на сіе исчезаетъ, и колики подвиги, и поты, и труды и болѣзни приемяють чревороботающіи“ (стр. 546—547). Въ другомъ мѣстѣ вотъ какъ Даниилъ рисуетъ отношенія мужскаго и женскаго пола на пиршествахъ и попойкахъ: „жены красны блудница, или ино лице женовидно краснѣющесе видѣвъ, и свѣтло и мягко тѣло обюхавъ и притекъ, объемъ, цѣлуеши, мызжеша и рукама осазаеша, и толико безстуденъ и безуменъ бывъ бѣсовскою любовію восхитився къ ней, аки бы ея внутрь себе вмѣстити, сице помрачаетъ сый; якоже отъ безсловесныхъ бывая, аки жребецъ нѣкій сластво

аростивый рзая и сластію распалаяся, ави огнемъ гора, яко вепрь къ свиніи своей похотствуя и употъвая, и пѣны испущая, сице и ты безсловеснымъ позавидѣвъ словесное естество въ безсловесное поработивъ. О человѣче! сице услаждаешься сластями и отъ разгорѣнія тѣла сластей мокроты испущая не престаеши, и не точію не престаеши, и исцѣлится требуеши, но и огонь во огню прилагаи не стыдишися!“ (стр. 549). У Даниіла находимъ и прекрасную характеристику древнерусскаго волокиты: „блудны юноши всегда велемудрствуютъ о красотѣ тѣлеснѣй, всегда украшаются вѣще женъ умываніи различными и натираніи хитрыми, и умъ ихъ всегда плаваетъ о ризахъ, о ожереліяхъ, о пугвицахъ, о иже подъ срачицею препоясаніи, о сапозехъ, о стриженіи главы, о повѣшеніи космъ, о намизаніи ока, о киваніи главѣ, о уставленіи перстѣ, о выставленіи ногъ и иная многая понужаются творити неполезная... Что бо непрелестно отъ нихъ? Цвѣтутъ лица ихъ и сіяютъ аки луча испущающе, уста же и гласъ, и усхлабленіи... и прелестнѣе, лѣпотнѣе женъ“ (стр. 577). И еще: „великій подвигъ твориши, угрожая блудницамъ: ризы измѣняеши, хоженіе уставляеши, сапоги вельми червлены и малы зѣло, якоже и ногамъ твоимъ велику нужу терѣти отъ тѣсноты согнетѣнія ихъ, сице блистаеши, сице скачеши, сице рыгаеши и рзаеши, уподобляся жребцу, благому же обычаю ни мало хоцещи навъкнуги“ (ib.).

Чрезмѣрная роскошь и соперничество одного боярина передъ другимъ требовали громадныхъ средствъ, которыхъ нерѣдко не хватало у этихъ безумныхъ мотовъ. Съ цѣлью прискаты нужныя средства, они давили своихъ крестьянъ, прибѣгали къ всевозможнымъ хитростямъ и обманамъ, о которыхъ митрополитъ Даниілъ такъ говоритъ: „И сихъ ради всѣхъ многихъ доходовъ व्यскуемъ и аще ти не достанетъ что, якоже обыкль еси отъ безумія твоего многа расхода имѣти, крадеши, насильствуеши, грабиши, ябедничествуеши, занимаеши и не имѣя чѣмъ отдати, бѣгаеши, запираешися, клятвопреступаеши, и иная безчисленная злая содѣваеши“ (стр. 583). И если имъ не удавалось получить подобныя доходы, они доходили до дѣйствительнаго сумасшествія: „доколѣ питаніе, доколѣ играніе и щалленіе, доколѣ дrochenіе и тунеядевіе, и отъ сего заимованіе, и паки и бабалы женѣ и дѣтемъ миганіе и слезы, самому и исчезновеніе и умаизступленіе!“ (ib.). Это же соперничество бояръ особенно сильно проявилось въ мѣстничествѣ, вредъ коего указываетъ митрополитъ Даниілъ: „Сія зависть высоту престоловъ жаляетъ, всѣхъ славу на себя влечетъ, всѣхъ честнѣйша любитъ быти, лукавства

стяжаваетъ, правды отвращается, ближняго злымъ радуется и веселится якоже о напастехъ и бѣдахъ ближнаго“ (стр. 588). Вредъ мѣстничества и боярскихъ интригъ прекрасно представленъ и въ окружномъ посланіи митрополита Даніила, данномъ имъ за одинъ мѣсяцъ до своего низложенія; въ этотъ памятникъ онъ заявляетъ, что онъ „хочетъ показать вину лѣтъ сихъ и временъ... несогласія и пререканія, раздѣленія же и распрѣнія, расколы же и раздоры, раздвоеніе же и раздѣленіе“ (стр. 589). Въ связи съ этимъ зломъ была древнерусская привычка къ пересудамъ, имѣвшимъ цѣлью повредить положенію своего ближняго; привычка эта осуждена митрополитомъ Даніиломъ въ IX-мъ и X-мъ словахъ „Соборника“. Весь общественный строй такъ сложился, что одинъ другаго ненавидѣлъ, желалъ зла и за пустяки готовъ былъ лишить жизни своего оскорбителя. Митрополитъ Даніиль пишетъ въ одномъ словѣ: „и мало нѣчто укорившаго ты или досадившаго въ велику напасть хочещи вверещи и смерти предати“ (стр. 607).

Судебное дѣло страдало злоупотребленіями судей, которые точно также нашли своего обличителя въ лицѣ митрополита Даніила. Вотъ чтò онъ пишетъ: „подобаетъ судіямъ праведнымъ быти и исполненнымъ страха Божія и премудрости, но и простоту же, и кротость, и смиреніе и благопреступное всѣмъ показати, праведную ярость на обидящая имѣти, себе же отмицати и своя славы и чести не искати, но о всемъ славу и честь Христу Богу въсылати; подобаетъ судити не мздой и посуломствомъ, но праведно благоугоднѣ“ (стр. 583—584).

Къ характеристикѣ современнаго митрополиту Даніилу свѣтскаго русскаго общества слѣдуетъ прибавить и характеристику монашества, мастерски изложенную тѣмъ же писателемъ во II-мъ словѣ „Соборника“: „Почто, братіе, гордимся, и возносимся и сами ея прельщаемъ, власти игуменства или епископства ищуще, страстни суще и немощни на таковыя величества въсходити. Что же ради сихъ и възскуемъ?—Ясти ли и пити многоразличная и драгая, сладостнѣйшая, или злата, или сребра, и многа богатства, и имѣнія собирати или веселитися, и прохладжати и возноситися, и щапити и пири съставляти, и созывати на обѣдъ славныхъ и богатыхъ и истощати всеу церковныя доходы тунеядцемъ, яже церкви и церковнымъ потреба бѣ, и страннымъ и нищимъ? Мы же сихъ презираемъ, и церковныя доходы съ славными и съ богатыми и съ тунеядцами изыдаемъ, гордостію и тщеславіемъ надымающесе, и къ настоящимъ вседушно прилежаще, и мнимся пастыри и учителя быти и истинно

слово Божіе правити и наставляти родъ человѣческой къ спасенію“ (стр. 620). Подобно боярамъ, монахи давали подвѣдомственныхъ крестьянъ, отдавали деньги въ ростъ, въ голодные годы повышали цѣну на хлѣбъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ и Максимъ Грекъ, и Даніилъ; послѣдній пишетъ въ посланіи къ монахамъ Владимірскаго Волосова монастыря: „у васъ не по обычаю общаго монастыря презвитеры и діаконы емлютъ по рукамъ милостыню, лихоимству радующеса“ (стр. 622), и къ монахамъ Волоколамскаго монастыря: „не по общему житію и преданію отецъ нашихъ и руководліе держимъ сребролюбія ради нашего.... иже на всякъ часъ прогнѣваемъ Господа чрезъ покой общаго монастыря особная вещи держащи, и продающе, и купующе, и росты на росты емлюще, и особно руководльствующе, сребро и злато копяще, не боящеса Бога“ (стр. 622—623).

Видимъ въ этомъ обществѣ и небрежное отношеніе къ исполненію христіанскаго долга. По свидѣтельству митрополита Даніила, многіе не причащались, скрывали свои грѣхи передъ духовниками и затѣмъ этимъ хвастались. Высшее общество было не вѣрующее, а низшее привыкло къ одному обряду. Поэтому-то Даніилъ въ одномъ изъ своихъ поученій говорить: „Братіе, внимаемъ себѣ, и очищаемъ свою совѣсть, и испытаимъ сами себе на всякъ часъ, не забвенно кающесе о грѣсѣхъ своихъ, не точію о дѣльныхъ и словесныхъ согрѣшеніяхъ, но и о помыслахъ..... исповѣдуимъ Богу и отцемъ духовнымъ согрѣшенія своя“ (стр. 642). Противъ скрыванія своихъ грѣховъ передъ исповѣдниками Даніилъ составилъ особое XI-ое слово „яко бѣдно есть не исповѣдати помыслы своя отцемъ духовнымъ“ (ibid.).

Какъ одинъ изъ лучшихъ представителей своего времени, Даніилъ сталъ обличителемъ современныхъ ему недостатковъ, и въ то же время мимоходомъ указывалъ, какъ должна быть устроена жизнь русскаго человѣка.

Соображая все вышензложенное, нельзя не признать митрополита Даніила писателемъ съ практическимъ направленіемъ, проповѣдникомъ-моралистомъ, а пожалуй и проповѣдникомъ-публицистомъ, какъ то признаетъ и г. Жмакинъ. Появленіе такого писателя въ русской литературѣ XVI в. есть явленіе естественнаго развитія общества. Русское общество породило его, какъ одновременно польское общество дало своихъ публицистовъ-писателей такъ-называемаго золотата вѣка польской литературы. Чрезвычайно интересно можетъ быть сравненіе этихъ двухъ лагерей, столь различныхъ съ точки зрѣ-

нія вѣроисповѣданія и историческаго развитія; изъ него уяснилось бы, что рѣзкой разницы въ развитіи этихъ двухъ славянскихъ народовъ въ сущности не было: общественное состояніе Россіи времени митрополита Данила и общественное состояніе Польши времени Збылитовскаго, Петра Сварги, Кохановскаго, Рея изъ Нагловицъ, Гурницкаго и другихъ представляютъ много сходныхъ чертъ, условленныхъ не взаимодѣйствіемъ, а необходимымъ ходомъ развитія каждаго изъ нихъ. Какъ въ Россіи, такъ и Польшѣ XVI в., пьянство, обжорство, роскошь, развратъ и лѣнь составляютъ принадлежность польскаго шляхтича. Андрей Збылитовскій въ идилліи „*Żywot szlachciska we si*“ говоритъ, что шляхта обращаетъ всѣ свои доходы на роскошь, на кушанья, вино, одежду, дворню, коней и дорогіе экипажи. У иного слугъ больше, чѣмъ крестьянъ, а иной и деревню заложить, только бы поставить къ обѣду сте блюдъ. Другой польскій писатель, Иванъ Кохановскій, въ своемъ *Satyra* такъ выражается о шляхтѣ: „Богатства я у васъ не вижу, между вами находится больше такихъ, которые разстались съ своими деревнями и отцовскую утварь дали жидамъ на храненіе. Что же за причина этой вашей нужды? роскошь, которая какъ море все пожираетъ; она никому не уступить и приводитъ къ нищетѣ; при дворѣ ея льстецы, а совѣтники ея — сводники; дворниковъ ей не нужно, такъ какъ кредиторы сами стерегутъ“. Или, вотъ какъ Рей изъ Нагловицъ въ своемъ „*Wizerunkъ żywota człowieka poczciwego*“ (кн. II, глава VI) описываетъ роскошь изысканныхъ кушаній: „Посмотри на эти различные соусы, которые называются „сапорами“, вѣрно, что „сапоры“, потому что обожравшійся ими сопить, какъ боровъ въ берлогѣ etc. Все блеститъ золотомъ—курица, орлы, зайцы; а подъ позолотою гниль; они были бы гораздо лучше и вкуснѣе, если бы ихъ прямо изъ горшка выложили на блюдо:... иной, какъ обожравшаяся собака едва добредеть до своей берлоги“. Противъ пьянства у Поляковъ XVI в. писалъ Осипъ Верещинскій; онъ издалъ 1585 г. „*Goŝciniec pewny pieromiernymъ moszygębomъ a obmierzłymъ wydmiukflomъ sviata tego*“; противъ разврата писалъ Мордженскій въ своемъ сочиненіи „*De republica emendanda*“.

Въ вышеизложенномъ мы воспользовались трудомъ г. Жмакина, чтобы при помощи его опредѣлить значеніе митрополита Данила въ исторіи русскаго просвѣщенія. Теперь взглянемъ на изслѣдованіе г. Жмакина со стороны его выполненія.

Трудъ этотъ—безспорно капиталный и представляетъ вкладъ въ

науку. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не сказать, что онъ черезчуръ объемистъ: это оттого, что въ немъ подробно передается все содержаніе сочиненій Даниіла и иногда попадаются ненужныя повторенія. Объемъ книги ввелъ автора даже въ нѣкоторыя противорѣчія. Такъ, на стр. 274 г. Жмакинъ склоненъ признать сочиненія митрополита Даниіла самостоятельными, оригинальными, когда говоритъ: „число сочиненій, какъ видно, весьма значительное, особенно, если взять во вниманіе бѣдность самостоятельной и оригинальной литературы до и послѣ времени митрополита Даниіла“, а нѣсколько ниже, на стр. 283, авторъ вообще отрицаетъ въ митрополитѣ Даниилѣ стремленіе къ критическому изслѣдованію и оригинальности: „всякая болѣе или менѣе свободная и независимая отъ установившихся временемъ авторитетовъ дѣятельность ума, обозначавшаяся въ то время названіемъ „мнѣнія“, Данииломъ безусловно отвергается. Онъ называетъ мнѣніе даже проклятымъ“. На стр. 291 авторъ также утверждаетъ, что въ капитальномъ произведеніи митрополита Даниіла „Соборникѣ“ нѣтъ авторской самостоятельности. Кромѣ того, по мнѣнію г. Жмакина, „въ отношеніи формы построеній своихъ сочиненій митрополитъ Даниилъ стоитъ ниже своего учителя Іосифа Волоцкаго; онъ при изложеніи свидѣтельствъ является списывателемъ ихъ, простымъ копистомъ, мысль котораго во время труда остается совершенно безслѣдной для дѣла“ (стр. 291); эта форма, по словамъ нашего автора (стр. 293), „вылилась сама и явилась такою именно, а не иною, будучи прямымъ, непосредственнымъ плодомъ древне-русской книжности и тѣхъ цѣлей и задачъ, которыя ставились и преслѣдовались ея дѣятелями“. И далѣе: „митрополитъ Даниилъ по формѣ своихъ сочиненій является типическимъ ученымъ богословомъ русской древности, богословомъ-начетчикомъ, на которомъ во всей полнотѣ отобразились требованія, какія выставляла для своихъ адептовъ, какъ непремѣнныя условія, древне-русская книжность“ (ibid.). А развѣ Іосифъ Волоцкій, учитель Даниіла, не имѣлъ вліянія на своего ученика? Вліяніе перваго на послѣдняго признано нашимъ авторомъ въ первой части его труда. И можно ли и Іосифу Волоцкому отказывать въ томъ, что онъ также является плодомъ древне-русской книжности? Если сочиненія митрополита Даниіла относительно формы стоятъ ниже сочиненій Іосифа Волоцкаго, то какой смыслъ имѣетъ слѣдующій отзывъ изслѣдователя: „въ отношеніи формы своихъ сочиненій митрополитъ Даниилъ пошелъ далѣе въ исторіи поступательнаго движенія церковнаго консерватизма и сдѣлалъ здѣсь шагъ впередъ сравни-

часть ссхviii, отд. 2. 14

тельно съ своимъ знаменитымъ учителемъ Іосифомъ Волоцкимъ. Избранная митрополитомъ Данииломъ литературная форма есть низшая и послѣдняя ступень въ области въ строгомъ смыслѣ литературныхъ произведеній, необходимо собою предполагающихъ извѣстную долю авторской самодѣятельности" (стр. 293—294).

Кромѣ противорѣчій, попадаются у г. Жмакина и повторенія, которыя произошли отъ недостаточной обработки собраннаго имъ матеріала. Такъ въ главѣ „форма сочиненій митрополита Даниила“ на стр. 288 онъ говоритъ: „по содержанію слова сборника не имѣютъ между собою ничего общаго, и каждое изъ нихъ представляетъ изъ себя совершенно самостоятельное цѣлое, какъ то находится и въ большей части словъ „Просвѣтителя“ (стр. 288); а на стр. 290 опять читаемъ; „между словами Даниловскаго сборника не существуетъ никакой связи. Каждое слово есть вполнѣ самостоятельное цѣлое“.

Нѣсколько выше я указалъ параллель между состояніемъ русскаго общества XVI в. и польскаго того же вѣка. Если причина деморализаціи русскаго общества кроется въ византійскомъ вліяніи, то какъ объяснить подобную же деморализацію въ польскомъ обществѣ, которое было изъято изъ вліянія Византіи и подверглось вліянію Рима? Но мало того: и все западно-европейское общество того времени было столь же развратное. Между тѣмъ г. Жмакинъ всю вину развращенія русскаго общества XVI в. сваливаетъ на дряхлую Византію. Проведеніе такого взгляда составляетъ существенный недостатокъ въ трудѣ г. Жмакина, напоминающій обычную точку зрѣнія нашихъ западниковъ. Но нашему автору, столь начитанному въ древне-русской литературѣ, слѣдовало бы имѣть болѣе самостоятельный взглядъ на нашу старину, а вмѣстѣ съ тѣмъ не забывать и того, что писатели, выступающіе съ обличеніями противъ пороковъ современнаго имъ общества, всегда склонны преувеличивать эти послѣдніе; слѣдовательно, отзывы обличителей, въ данномъ случаѣ—и самого Даниила, слѣдуетъ принимать не иначе какъ съ осторожностью и критикой.

Не смотря однако на указанные недостатки въ изслѣдованіи г. Жмакина, трудъ этотъ заслуживаетъ полнаго вниманія. Не многіе изъ писателей средняго періода нашей литературы обслѣдованы такъ обстоятельно, какъ митрополитъ Даниилъ въ сочиненіи г. Жмакина, и надобно желать, чтобъ авторъ какъ можно дѣятельнѣе продолжалъ свои работы, обѣщающія полезное приобрѣтеніе для отечественной науки.

Вл. Качановскій.

ПРЕПОДАВАНІЕ ЗАКОНА БОЖІЯ ВЪ ГЕРМАНСКИХЪ ШКОЛАХЪ.

Настоящій очеркъ касается предмета, мало извѣстнаго въ нашей литературѣ. Тѣмъ пріятнѣе сообщить объ немъ нѣкоторыя свѣдѣнія, особенно въ виду того, что система школьнаго религіознаго обученія въ Германіи представляетъ много новаго въ сравненіи съ нашею постановкою этого дѣла. Мы льстимъ себя надеждою, что потраченное нами время на настоящую, довольно кропотливую работу не пропадетъ даромъ. Источниками для всего здѣсь изложеннаго служили, кромѣ печатныхъ руководствъ и пособій, относящихся къ преподаванію закона Божія въ Германіи, личныя наши наблюденія.

Весьма замѣчательно, что при глубокой и широкой постановкѣ религіознаго обученія въ Германіи, тамъ существуетъ одно явленіе, которое есть какъ бы болѣзненный наростъ на крѣпкомъ организмѣ нѣмецкой школы,—разумѣемъ Confessionslose-Schulen, то-есть школы, въ которыхъ вовсе не преподается законъ Божій. Хотя ихъ очень немного (онѣ встрѣчаются только кое-гдѣ въ Пруссіи и Саксоніи, благодаря обилію въ ихъ населеніи социалистическаго элемента), тѣмъ не менѣе ихъ появленіе въ Германіи и мотивы къ нему заслуживаютъ вниманія. Собственное отечество этихъ школъ — Америка гдѣ по одному изъ основныхъ принциповъ конституціи не признается господствующей религіи и гдѣ каждому вѣроисповѣданію предоставляется обучать принадлежащихъ къ нему дѣтей закону Божию независимо отъ школы, вслѣдствіе чего тамъ и распространены воскресныя школы, преимущественно занимающіяся религіознымъ обученіемъ. Въ Германіи, не отличающейся американскою пестротой вѣроисповѣда-

ній, эти школы обязаны своимъ существованіемъ протестантскому субъективизму въ дѣлѣ вѣры и религіи, совершенно освобождаямъ: религиозную жизнь отъ какой бы то ни было принудительности, хотя этотъ же самый субъективизмъ, признавая личныя права въ самомъ широкомъ смыслѣ, ставитъ въ основаніе ихъ окрѣпшіи умъ и развитую волю и этимъ располагаетъ правительство, вмѣстѣ съ предоставленіемъ обществу религиозной свободы, къ заботамъ о его духовномъ просвѣщеніи и, въ данномъ случаѣ, о самой широкой и глубокой постановкѣ школьнаго религиознаго обученія. Лютеръ не предчувствовалъ этого и сильно ратовалъ, какъ показываютъ его жестокія филиппики, противъ равнодушнаго отношенія къ христіанству и противъ тѣхъ школъ, въ которыхъ не изучается Евангеліе ¹⁾. Тѣмъ не менѣе эти школы явились въ Германіи на почвѣ протестантизма. Современные защитники ихъ обыкновенно говорятъ, что тамъ, гдѣ дѣти принадлежатъ къ тремъ исповѣданіямъ: лютеранскому, католическому и іудейскому (а это въ Германіи почти повсемѣстно), для школы весьма затруднительно давать имъ соответствующее религиозное обученіе; тогда теряется, будто бы, и единство педагогической цѣли, и лучше всего предоставить каждому учиться своей религіи гдѣ онъ хочетъ и какъ онъ хочетъ. Безъ сомнѣнія, этимъ объясненіемъ старается только прикрыть неблаговидные, антирелигиозные принципы; на дѣлѣ же всегда возможно преподаваніе закона Божія для дѣтей двухъ и даже трехъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, безъ малѣйшаго нарушенія педагогическаго единства.

Обращаясь къ „благонамѣреннымъ“ нѣмецкимъ школамъ, видимъ между ними удивительное согласіе относительно метода и объема религиознаго обученія. Въ Германіи вообще неизвѣстно дѣленіе средняго и низшаго образованія на духовное и свѣтское. Хотя тамъ и существуютъ, кромѣ богословскихъ факультетовъ, богословскія семинаріи, какъ средне-учебныя заведенія, но относительно религиознаго обученія (за исключеніемъ еврейскаго языка, изучаемаго въ нихъ обязательно), равно какъ и всего вообще учебнаго курса, онѣ нисколько не отличаются отъ гражданскихъ гимназій ¹⁾: мало того, отъ нихъ

¹⁾ «Die Schulen in welchen nicht das lautere Evangelium gelehrt wird, sind Ewelsställe und Teufelsschulen die man in den Grund und Boden hinein verderben sollte».

²⁾ Мы имѣемъ при этомъ въ виду Виртембергскія богословскія семинаріи. Если онѣ еще и сохраняютъ свое имя, то главнымъ образомъ благодаря тому, что содержатся на суммы, образовавшіяся изъ прежнихъ церковныхъ имуществъ.

въ этомъ отношеніи почти не отстаютъ и народныя нѣмецкія школы;—отсюда является полная возможность представить преподаваніе закона Божія въ различныхъ нѣмецкихъ школахъ въ одномъ, общемъ нормальномъ планѣ.

Общій характеръ преподаванія закона Божія въ Германіи — библейскій; это есть по преимуществу библейское обученіе ¹⁾. Скучная относительно церковной вѣщности и обрядности, протестантская религиозная жизнь не создала тамъ, какъ у насъ, особеннаго школьнаго предмета, подъ именемъ: „изъясненія“ и исторіи богослуженія“. Вслѣдствіе однообразной простоты протестантскаго богослуженія ²⁾ нѣмецкимъ дѣтямъ и не нужно знакомиться съ нимъ въ школахъ; ознакомленіе его пріобрѣтается ими непосредственно, при первомъ же посѣщеніи церкви, и единственно, что они изъ этой области изучаютъ въ школахъ, это—духовно-нравственныя пѣсни ³⁾, употребляющіяся при богослуженіи. Но за то тѣмъ основательнѣе и солиднѣе изучается въ нѣмецкихъ школахъ священное писаніе съ его научной, внутренней и вѣшной (или буквальной) сторонъ. Собственно говоря, въ Германіи изученіе священнаго писанія только еще начинается въ школахъ; болѣе же подробно и обстоятельно оно изъясняется на церковной кафедрѣ въ обычномъ видѣ нѣмецкой проповѣди и въ ея особенной формѣ, извѣстной подъ именемъ библейскихъ часовъ (Bibelstunde). Такимъ образомъ протестантъ изучаетъ Библию въ дѣтствѣ, въ зрѣломъ и старческомъ возрастахъ, словомъ—всю свою жизнь. То же нужно сказать и относительно катихизиса, который изучается въ школахъ и изъясняется на церковной кафедрѣ, для дѣтей и взрослыхъ. Эта тѣсная вполне выработанная связь, существующая въ Германіи между школьнымъ религиознымъ обученіемъ и церковною проповѣдью, вполне заслуживаетъ вниманія, но изслѣдованіе ея не входитъ въ задачу настоящаго очерка.

При изложеніи нашего предмета, мы возьмемъ за норму нѣмецкую народную школу, имѣющую восьми-годовалый курсъ, а всѣ существующія разности, напримѣръ, въ десятилѣтнемъ гимназическомъ курсѣ, укажемъ отдѣльно.

Программа по закону Божію въ Германіи состоитъ изъ слѣдую-

¹⁾ Весьма часто оно обозначается такъ и въ программахъ, то-есть, подъ именемъ «Biblischer Unterricht».

²⁾ Его можно описать четырьмя словами: пѣніе (въ началѣ и въ концѣ богослуженія), молитва (два раза), Евангеліе и проповѣдь.

³⁾ Соотвѣтствующія нашимъ молитвамъ и пѣнопѣніямъ.

щихъ предметовъ: I. Изреченія священнаго писанія (Sprüche), духовно-нравственныя пѣсни (Lieder) и Катихизисъ; II. Библейская исторія ветхаго и новаго заветовъ; III. Чтеніе и изученіе священнаго писанія (Bibelkunde); IV. Исторія христіанской церкви; V. Приготовленіе къ конфирмаціи и VI (въ гимназіяхъ только) догматика (Christliche Glaubenslehre) и этика (Christliche Sittenlehre). На весь этотъ курсъ употребляется: въ народныхъ школахъ еженедѣльно по 4 часа (въ теченіи восьми лѣтъ), а въ гимназіяхъ и другихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ въ недѣлю (неодинаково въ различныхъ классахъ).

I. Изреченія священнаго писанія и духовно-нравственныя пѣсни. Они объясняются дѣтямъ въ школахъ и затѣмъ заучиваются ими наизусть на дому. Наибольшій интересъ для насъ имѣютъ, безъ сомнѣнія, первыя, то-есть, изреченія (тексты) священнаго писанія, ихъ подборъ и расположеніе. Въ первый годъ ихъ заучивается дѣтьми не болѣе тридцати; они не раздѣляются еще на группы, съ соотвѣствующими названіями, какъ это будетъ далѣе, во въ расположеніи ихъ проходитъ опредѣленная религиозно-нравственная нить, которую можно представить, приблизительно, въ слѣдующихъ чертахъ: Богъ есть творецъ (Дѣян. 17, 24) ¹⁾, всемогущій (Пс. 115, 3), отецъ всѣхъ людей (Еф. 3, 15), добрый и милосердый (Пс. 34, 9, 145, 4), Котораго человѣкъ не достоинъ (Быт. 32, 10), но Онъ возлюбилъ человѣка изначала (1 Иоан. 4, 19) и показалъ ему свое благоволеніе (Лук. 2, 14), чрезъ посланіе на землю Иисуса Христа для спасенія грѣшниковъ (1 Тимое. 1, 15), Который любитъ дѣтей и удостоитъ ихъ Царства Небеснаго (Марк. 10, 14) и пребудетъ со всѣми людьми до скончанія вѣка (Матѳ. 28, 20). Богъ знаетъ все и знаетъ любовь къ Нему Иисуса Христа (Иоан. 21, 17). Къ Нему мы должны обращаться съ молитвою (Матѳ. 7, 7), непрестанно думать о Немъ (Пс. 53, 7) и Онъ не оставитъ, но спасетъ насъ (Пс. 50, 15). Ему мы обязаны нашимъ пропитаніемъ (Второз. 8, 10) и спокойствіемъ, такъ какъ Онъ есть помощникъ всей нашей жизни (Пс. 4, 9). Нужно быть благочестивымъ предъ Богомъ (Пс. 5, 5), ибо Онъ это намъ заповѣдуетъ (Быт. 17, 1). Дѣтямъ Онъ заповѣдуетъ почтеніе въ родителямъ (Кол. 3, 20). Они должны удалаться отъ дурнаго сообщничества (Притч. 1, 10), ибо дурныя поступки противны Богу

¹⁾ Цитаты свящ. писанія, встрѣчающіеся въ настоящемъ трудѣ, приведены по лютеранскому изданію Библии.

(Быт. 39, 9) и виновный въ нихъ не достоинъ называться сыномъ Божиимъ (Лук. 15, 21). Люди поступаютъ съ нами такъ, какъ мы поступаемъ съ ними (Матѳ. 7, 12). Кто не трудится, тотъ не достоинъ пища (Матѳ. 7, 12); грѣшно воровать, лгать и поступать лживо съ ближними (Лев. 19, 11), завидовать и ненавидѣть ближнихъ. Эти пороки ведутъ къ несчастію (Іак. 3, 16), а счастье принадлежитъ только благочестивому и праведному (Пс. 37, 37), который удостоится благословенія въ Царствѣ Небесномъ (Матѳ. 25, 34). Такимъ образомъ въ этихъ изреченіяхъ дѣти получаютъ весьма полный и цѣльный матеріалъ для первоначальнаго знакомства съ словомъ Божиимъ,—и онъ усваивается ими тѣмъ болѣе отчетливо, что на репетиціяхъ имъ задаютъ обыкновенно вопросы по основной мысли каждаго изреченія ¹⁾).

Во второй годъ эти изреченія становятся значительно пространнѣе и уже раздѣляются на извѣстныя группы, каждая съ своимъ собственнымъ наименованіемъ. Одни изъ нихъ учатъ правой вѣрѣ (*Sprüche welche lehren recht glauben*), другіе — благочестію (*Sprüche welche lehren fromm leben*), третьи—терпѣнію (*Sprüche welche lehren geduldig leiden*) и наконецъ послѣднія—приготавливаютъ къ спокойной кончинѣ (*Sprüche welche lehren getrost sterben*). Всѣхъ изреченій подъ указанными наименованіями 136, и около 80 изъ нихъ относятся ко второму году, а остальные — къ третьему. Въ четвертый школьный годъ заучиваются наизусть изреченія, относящіяся къ катихизису и расположенныя по его шести главнымъ отдѣламъ. Часть ихъ—все ихъ число равняется 184—относится къ настоящему году, а другая часть—къ пятому; самый же катихизисъ изучается въ теченіи шестаго года. Этотъ приемъ предварительнаго изученія текстовъ катихизиса (прежде его системы) очень оригиналенъ. Но хотя онъ и представляетъ примѣненіе къ данному случаю общаго аналитическаго метода, составляющаго самую выдающуюся сторону современной нѣмецкой системы религіознаго обученія; нельзя сказать, чтобы примѣненіе его въ этомъ случаѣ было вполнѣ цѣлесообразно. Тексты, приводимые въ подтвержденіе катихизическихъ положеній, слишкомъ тѣсно соединены съ послѣдними, чтобы ихъ можно было изучать отдѣльно. Такимъ образомъ, всѣхъ изреченій Ветхаго и Новаго заветовъ, изучаемыхъ въ народныхъ и среднихъ нѣмецкихъ школахъ

¹⁾ Учитель напримѣръ, спрашиваетъ: какъ говорить слово Божіе о почтѣннѣ къ родителямъ? и ученикъ отвѣчаетъ наизусть соответствующее изреченіе.

въ теченіи пяти школьныхъ лѣтъ, около 350. Число очень значительное, особенно принимая во вниманіе объемъ нѣкоторыхъ изреченій (например, катихизическіе тексты въ 20 строкъ и болѣе, обыкновеннаго шрифта) и небольшой возрастъ дѣтей, опредѣляемый: въ 6 лѣтъ для поступленія въ народную школу и нѣсколько старше для гимназій. Сюда нужно прибавить еще упомянутыя нами духовно-нравственныя пѣсни или гимны (Lieder) употребляющіеся при богослуженіи. Гимны эти — произведенія протестантской церковной поэзіи и изложены въ стихахъ; они заучиваются дѣтьми наизусть въ теченіи семи школьныхъ лѣтъ, и можно себя представить, какая масса ихъ выучивается! Они принадлежатъ весьма уважаемымъ въ протестантскомъ мірѣ авторамъ, начиная отъ временъ реформаціи до настоящаго времени и создаются вновь и теперь.

II. Библейская исторія Ветхаго и Новаго завѣтовъ. Въ теченіи двухъ первыхъ лѣтъ она изучается въ видѣ избранныхъ библейскихъ разказовъ (при этомъ употребляются и картины), извлеченныхъ совместно изъ Ветхаго и Новаго завѣтовъ, ежегодно по 52 очерка, что составитъ въ теченіи двухъ лѣтъ 104 библейскихъ разказа. Для перваго года избираются болѣе простѣйшіе, такъ сказать описательные разказы, напримеръ, изъ Ветхаго завѣта: о твореніи, грѣхонпаденіи, братоубійствѣ и т. п.; изъ Новаго завѣта: рожденіе Спасителя, поклоненіе волхвовъ, бѣгство во Египетъ и т. под. Для втораго года указаны въ программѣ очерки, требующіе отъ ребенка большаго пониманія и сосредоточенности: изъ Ветхаго завѣта, напримеръ: призваніе Авраама, вѣра его и т. под.; изъ Новаго завѣта: бесѣда Господа съ Самарянкою, нагорная проповѣдь и т. под. Такимъ образомъ по этой методѣ дѣти знакомятся одновременно съ Ветхимъ и Новымъ завѣтами ¹⁾. Въ Виртембергскихъ гимназіяхъ изучается, кромѣ того, во второй годъ, непосредственно за вступительными географическими свѣдѣніями географія Виртембергскаго королевства и въ связи съ ней географія Палестины. Дѣлается это затѣмъ, чтобы развивая въ дѣтяхъ національное сознаніе посредствомъ роди-

¹⁾ Одновременно въ томъ смыслѣ, что за изученіемъ первой половины Ветхаго завѣта изучается первая половина Новаго, и затѣмъ, въ слѣдующій годъ, вторая половина Ветхаго и вторая половина Новаго завѣтовъ. Но по своему характеру курсы библейской исторіи перваго и втораго годовъ вполне отличны одинъ отъ другаго. Какъ увидимъ далѣе, библейская исторія изучается въ Германіи, постепенно усложняясь, три раза, не считая ея изученія по Библии.

новѣдѣнія, содѣйствовать развитію въ нихъ и религіознаго сознанія. Но рядъ тщательно намѣченныхъ, съ этою цѣлю, сравненій и параллелей между Виртембергомъ и Палестиной, содѣйствуя знакомству съ послѣднею, не остается безъ слѣда и для патріотическаго убѣжденія, что Виртембергъ — своего рода благословенная страна въ мірѣ ¹⁾. Мы не упомянули еще, что Палестина изучается при этомъ какъ со стороны ея библейскаго, такъ и современнаго состоянія. Пособіемъ служитъ ясно и довольно обширно составленный учебникъ, снабженный прекрасною цвѣтною картою Палестины и видомъ и планомъ современнаго Іерусалима, составляющими хорошую иллюстрацію къ изложеннымъ въ немъ свѣдѣніямъ.

Съ наступленіемъ третьяго года изученіе библейской исторіи, особенно заручившись географическимъ знакомствомъ съ Палестиною, пріобрѣтаетъ еще болѣе основательности. Дѣти знакомятся теперь съ исторіею въ полномъ смыслѣ этого слова, изучая ее въ видѣ про- странныхъ библейскихъ разказовъ, расположенныхъ въ послѣдовательной связи между собою, и при этомъ въ теченіе третьяго года изучается ими исключительно Ветхій завѣтъ, а въ теченіе четвертаго года исключительно Новый завѣтъ.

Четвертымъ годомъ и заканчивается изученіе (по разказамъ учителя и по учебнику) библейской исторіи и съ слѣдующаго, то-есть пятаго года начинается непосредственное ея изученіе по ея первоисточнику—священному писанію. Теперь мѣняются и преподаватели закона Божія. До сихъ поръ ими были обыкновенные учителя ²⁾; теперь, гдѣ только есть возможность, преподаютъ сами пасторы.

III. Чтеніе и объясненіе священнаго писанія (Bibelkunde). Въ началѣ пятаго года дѣтямъ даютъ въ первый разъ въ руки Библію и сообщаютъ порядокъ священныхъ книгъ ³⁾ Ветхаго и Новаго завѣта,

¹⁾ Есть даже сочиненіе для народа, въ которомъ эта мысль развивается очень обширно. «На свѣтѣ двѣ благословенныя страны, земля Ханаанская и Виртембергъ», такъ начинается народное изданіе исторіи Виртемберга (*Geschichte Württembergs neu erzählt für den Bürger und Landmann*).

²⁾ Что касается участія обыкновенныхъ учителей въ преподаваніи закона Божія въ Германіи, то оно объясняется ихъ солидною религіозною подготовкою, которою они обязаны высокому уровню религіознаго образованія въ нѣмецкихъ школахъ.

³⁾ Для лучшаго запамятованія порядка этихъ книгъ, названія ихъ изложены въ стихахъ,—пріемъ, практиковавшійся въ старину въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ относительно правилъ и исключеній латинской грамматики.

съ краткими, элементарными свѣдѣніями объ ихъ содержаніи. Въ этомъ же году начинается и чтеніе Библіи. Въ виду обширнаго ея содержанія и невозможности ознакомиться съ нимъ въ границахъ положеннаго времени, въ Германіи выработана весьма заманчивая система школьнаго чтенія и изученія Библіи, которая, знакомя съ главнѣйшими ея отдѣлами, въ то же время прокладываетъ путь въ сознаніи учащихся къ дальнѣйшему ознакомленію съ ея богатымъ и разнообразнымъ содержаніемъ во всѣхъ его подробностяхъ. Въ основаніи этой системы лежитъ двоякая точка зрѣнія на содержаніе Библіи, которое разсматривается съ его исторической и догматическо-нравственной сторонъ.

Въ виду этого намѣчаются выдающіеся библейскіе отдѣлы историческаго характера (или избранные историческіе отдѣлы, какъ ихъ принято называть въ нѣмецкихъ программахъ) изъ историческихъ книгъ ¹⁾ Вѣтхаго и Новаго завѣтовъ и выдающіеся отдѣлы догматическо-нравственнаго характера (или учительные отдѣлы по терминологіи нѣмецкихъ программъ) изъ историческихъ, учительныхъ и пророческихъ книгъ Вѣтхаго и Новаго завѣтовъ. Тѣ и другіе прочитываются и изъясняются дѣтямъ. По методу своего изученія первые отдѣлы составляютъ предметъ такъ называемаго послѣдовательнаго чтенія Библіи (*kursorisches Bibellesen*), а послѣдніе такъ какъ при изученіи ихъ имѣется въ виду уясненіе не исторической связи содержанія Библіи, а догматическо-нравственнаго смысла ея выдающихся мѣстъ) составляютъ предметъ такъ называемаго мѣстнаго чтенія Библіи (*statarisches Bibellesen*).

1. Послѣдовательное чтеніе Библіи (*kursorisches Bibellesen*) полагается въ теченіе пятаго и шестаго школьныхъ годовъ. Въ пятый годъ прочитываются главнѣйшіе отдѣлы историческаго характера изъ историческихъ книгъ ²⁾ Вѣтхаго Завѣта; въ шестой годъ такіе же отдѣлы изъ книгъ Новаго Завѣта. По предписанію евангелической консисторіи (обязательному для народныхъ школъ, находящихся въ ея вѣдѣніи, и соблюдаемому по возможности и въ гимназіяхъ), на послѣдовательное чтеніе библіи употребляется отъ 1¹/₂ до 2 часовъ

¹⁾ Къ историческимъ книгамъ Библіи протестанты причисляютъ также и тѣ, которыя называются по нашему православному дѣленію книгъ священнаго писанія—законоположительными.

²⁾ То-есть, законоположительныхъ и историческихъ книгъ, по нашему.

въ недѣлю (а въ народныхъ школахъ иногда значительно болѣе), и при этомъ положено ознакомиться, въ теченіе каждаго часа, съ тремя главами, прочитывая, приблизительно, по 30 стиховъ изъ каждой главы, что составитъ по 90 стиховъ въ часъ. Это чтеніе располагается непременно въ связи съ пройденными въ предшествующихъ двухъ классахъ послѣдовательными библейскими разказами. Порядокъ его таковъ: учитель заставляеть дѣтей повторить относящійся къ предстоящему чтенію библейскій разказъ и, указавъ имъ соотвѣтствующій послѣднему библейскій отдѣлъ ²⁾, прочитываетъ его самъ, или заставляеть дѣтей прочитывать его ясно и толково. Трудныя выраженія и непонятныя обороты рѣчи тщательно при этомъ объясняются. По прочтеніи такимъ образомъ извѣстнаго отдѣла, или нѣсколькихъ отдѣловъ, близкихъ между собою, сообщается въ общихъ словахъ ихъ содержаніе и выводится краткое религіозно-нравственное заключеніе. Вниманіе дѣтей при этомъ постоянно поддерживается перекрестными вопросами. Но главное правило, которое должно соблюдаться по предписанію евангелической консисторіи при послѣдовательномъ чтеніи Библии, состоитъ въ томъ, чтобы разумно-прочитанное божественное слово само, своимъ собственнымъ содержаніемъ и формою, дѣйствовало на душу дѣтей, и потому преподаватели должны по возможности удерживаться отъ обширныхъ толкованій и объясненій прочитаннаго. Вотъ для примѣра нѣсколько образцовъ этого рода:

²⁾ При этомъ употребляются всѣ мѣры, чтобы дѣтьми усвоивалась какъ нельзя болѣе отчетливо связь между библейскимъ разказомъ и его историческимъ — библейскимъ отдѣломъ. Вотъ что для этого, напримѣръ, дѣлается. По повтореніи разказа, положимъ о рожденіи Спасителя; учитель спрашиваетъ дѣтей откуда онъ заимствованъ. Незнакомые съ частными особенностями четырехъ Евангелій, дѣти отвѣчаютъ ему, что рожденіе Спасителя описывается у каждаго изъ четырехъ Евангелистовъ, и когда учитель сообщаетъ имъ, что оно описывается у одного только Ев. Луки, это, своего рода открытіе, производитъ на дѣтей неожиданное впечатлѣніе и полученное знаніе усвоивается ими отчетливо.

Годъ пятый.

Годъ шестой.

Историческіе образцы

изъ историческихъ книгъ:

Ветхаго Заѣта:

Сотвореніе міра. Рай (Быт. I, 2).
 Грѣхопаденіе (Быт. 3).
 Каинъ и Авель (Быт. 4. 1—16).
 Ной и потопъ (Быт. 6, 5—22, 7,
 11—24. 8, 41—8).
 Вавилонское столпотвореніе (Быт.
 11, 1—8).

Новаго заѣта:

Благовѣщеніе (Лук. I, 26—38).
 Рождество Іоанна Крестителя
 (Лук. 1, 57—80).
 Рождество Спасителя (Лук. 2,
 1—20).
 Срѣтеніе (Лук. 2, 22—40).
 Волхвы и бѣгство во Египетъ
 (Матѣ. 2).
 Отрокъ Іисусъ во храмѣ (Лук. 2,
 41—52).
 Вознесеніе (Дѣян. 1, 4—11).
 Сошествіе св. Духа (Дѣян. 2,
 1—21).
 Исцѣленіе хромого (Дѣян. 3,
 1—10).
 Ананія и Сапфира (Дѣян. 5,
 1—12).
 Св. Арх. Стефанъ (6, 8—15, 7,
 51—59) и проч.

Всѣхъ историческихъ образцовъ, прочитываемыхъ въ теченіе пя-
 таго и шестаго годовъ: изъ Ветхаго Заѣта — сорокъ шесть и изъ
 Новаго Заѣта—шестьдесятъ три. Но въ средне-учебныхъ заведеніяхъ
 и особенно въ народныхъ школахъ, имѣющихъ двухъ учителей за-
 кона Божія, кромѣ этихъ обязательныхъ (*obligatorisch*) отдѣловъ про-
 читываются дополнительные или необязательные (*facultativ*) отдѣлы:
 изъ нихъ можно указать, на примѣръ, на псалмы 104 и 8, прочитывае-
 мые одновременно съ разказомъ о сотвореніи міра, такъ какъ въ нихъ
 живописуется картина міроздавія, или, изъ Новаго Заѣта — Дѣяній
 7, 1—50, излагающіе рѣчь св. Арх. Стефана. Иногда, при остающемся
 времени, прочитываются и воскресные евангельскіе отдѣлы, но это
 не составляетъ особой необходимости, такъ какъ каждый лютера-
 нинъ имѣетъ предъ собою во время богослуженія книгу, съ изло-
 женіемъ воскресныхъ евангелій, и слышитъ въ церкви ихъ объясне-
 ніе въ обязательной проповѣди пастора. — Съ наступленіемъ сель-

мага года приобрѣтается знакомство съ научною стороною Священнаго Писанія, именно: изучаются свѣдѣнія о происхожденіи, времени и мѣстѣ написанія священныхъ книгъ, изучается ихъ характеръ и частное ихъ содержаніе; въ теченіе седьмага года — книгъ Ветхаго Завѣта, и въ теченіе восьмага года — Новаго Завѣта.

Въ руководство при этомъ употребляется пособие, подъ названіемъ: „Введеніе въ Священное Писаніе“ („Einleitung in die Heilige Schrift“), которымъ дѣти пользуются для домашняго приготовленія уроковъ и при классномъ чтеніи Библии. Законоучителями теперь являются исключительно пасторы: Начинающееся въ это же время такъ называемое:

2) Мѣстное чтеніе библии (Statarisches Bibellesen) имѣеть цѣлю, какъ мы уже сказали, уясненіе не исторической послѣдовательности библейскихъ событій (въ ихъ наглядности), а раскрытіе той внутренней религиозно-нравственной идеи, которая проходитъ чрезъ всѣ Ветхозавѣтныя и Новозавѣтныя писанія. Для этого теперь прочитываются и изъясняются упомянутые отдѣлы догматическо-нравственнаго характера, являющіеся какъ бы узлами, связующими обширное библейское содержаніе и рельефно обозначающіе его религиозно-нравственную идею: въ седьмой годъ—изъ Ветхаго Завѣта. При этомъ, конечно, повторяются и нѣкоторыя изъ прежде прочитанныхъ мѣстъ (при послѣдовательномъ чтеніи Библии), но съ соотвѣтствующей новой точки зрѣнія. Вотъ нѣсколько образцевъ этого рода.

Годъ седьмой.

Годъ восьмой.

Догматическо-нравственные
образцы изъ книгъ

Ветхаго Завѣта:

Новаго Завѣта:

Сотвореніе міра (Быт. 1, 2, 1—3).	(изъ Ев. Матѳея): Крещеніе и искушеніе Спасителя (3, 4).
Грѣхопаденіе (Быт. 2, 8 — 9, 15—17).	Нагорная проповѣдь (5—7).
Ной (Быт. 8, 20—9, 13).	Призваніе Ап. Матѳея (9) и проч.
Вавилонское столпотвореніе (Быт. 11,—19).	(изъ Ев. Марка): Благословеніе дѣтей (10).
Призваніе Авраама (Быт. 12).	Предсказаніе о разрушеніи Иерусалима и страшномъ судѣ (13)
Вѣра Авраама (Быт. 15).	и проч.
Жертвоприношеніе Исаака (Быт. 22).	(Изъ Ев. Луки): Три притчи: 0

Благословеніе Іакова и пророчество о лвъѣ отъ Іуды (Быт. 48, 49) и проч.

заблудшей овцѣ, потерянной волнотѣ и заблудшемъ сынѣ (15).

Притча о мудромъ домоправителѣ (16, 1—13) и проч.

(Изъ Ев. Іоанна): Вѣчное слово Божіе (1, 1—18).

Бесѣда съ Никодимомъ (3, 1—21) и проч.

(Изъ Дѣян. св. Апостоловъ). Проповѣдь Ап. Петра (2: 14—36).

Проповѣдь Ап. Павла въ Аѳонахъ (17, 14—36).

И т. д. — изъ соборныхъ посланій, посланій св. Ап. Павла и Апостолса.

Всѣхъ отдѣловъ, относящихся къ этому курсу и изучаемыхъ въ седьмой и восьмой школьные годы изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, приблизительно столько же, сколько было въ предшествовавшемъ, послѣдовательномъ чтеніи библии. Для лучшаго ознакомленія съ этимъ (мѣстнымъ) чтеніемъ Библии приводимъ въ русскомъ переводѣ нѣсколько отрывковъ изъ относящагося сюда матеріала, которымъ мы пользовались при составленіи настоящей статьи. Вотъ, напримѣръ, какъ объясняется дѣтямъ библейскій разказъ о Твореніи (Быт. 1, 2, 1—3) и въ частности ученіе о Богѣ Творцѣ:

„Богъ Творецъ (Быт. 1, 1—3 ср. съ 1 гл. Символа вѣры). Отсюда: міръ 1) не вѣченъ, а произошелъ во времени; но 2) не изъ Бога, какъ неизбежное истеченіе (эманация) Его существа, а отъ Бога, произведенный Его свободною волею, и именно 3) изъ ничего (ср. Ис. 33, 9: „потому что Онъ сказалъ“. „Духъ Божій ст. 2 и „Слово Божіе“ ст. 3. ср. Іоан. 1, 1—3 и Колос. 1, 16 съ 1 Корин. 8, 6)“. Или библейскій разказъ о сотвореніи человѣка, его составѣ, достоинствѣ и культурномъ призваніи:

„Сотвореніе человѣка. Человѣкъ — послѣднее и высшее твореніе на землѣ. Растенія Богъ произростилъ изъ земли, животныхъ Онъ произвелъ также изъ земли, давъ имъ особенное благословеніе — въ движеніи. Человѣка же Богъ образовалъ Самъ, и хотя также изъ земли, но особеннымъ образомъ и (Быт. 2, 7) далъ ему

свой Божественный духъ. Черезъ это человѣкъ является подобіемъ Божиимъ и предназначается къ господству надъ всѣми земными твореніями*.

„Составъ человѣка. Изъ земной матеріи и божественнаго духа сотворены тѣло и духъ человѣка. Составъ человѣка не троякій: тѣло, душа и духъ, но двоякій: тѣло и духъ, или тѣло и душа, потому что душа и духъ составляютъ единое въ человѣкѣ. Если же различать послѣдніе, то духъ обозначаетъ высшую духовную жизнь души, а душа—низшую, тѣлесную жизнь души (ангелъ имѣетъ собственно только духъ, а не душу, и есть поэтому духовное существо. Животное имѣетъ собственно только душу, а не духъ, и есть поэтому одушевленное существо. Человѣкъ же занимаетъ мѣсто въ срединѣ всѣхъ твореній—имѣетъ духъ и душу, то-есть высшую духовную и низшую тѣлесную жизнь души и есть такимъ образомъ душевный духъ — относительно ангеловъ, или духовная душа — относительно животныхъ)“.

„Достоинство человѣка. Человѣкъ—подобіе Божіе, которое заключается не только въ его совершенномъ тѣлесномъ составѣ, — это второстепенное, — также не только въ его господствѣ надъ животными,—все это есть только слѣдствіе другаго, высшаго подобія; главнымъ образомъ подобіе Божіе въ человѣкѣ заключается въ его высотѣ и достоинствѣ, въ томъ, что предъ всѣми прочими твореніями онъ одаренъ духовною жизнью, свободою волею (вмѣсто природнаго влеченія) съ яснымъ самосознаніемъ и познаніемъ Бога и совѣстью“.

Укажемъ также на нѣкоторыя объясненія, относящіяся къ Новозавѣтному тексту, въ особенности къ Нагорной проповѣди, и въ частности: къ 17—20 ст. 5 гл. Ев. отъ Маттея, которыя содержатъ изреченія Спасителя о ветхозавѣтномъ законѣ и Словѣ Божіемъ (какъ должны понимать ихъ христіане).

„Новымъ Завѣтомъ прекращается Ветхій, но ничто не признается въ немъ за не имѣющее значенія, или безразличное, и ничто въ немъ не разрушается. Хотя Христосъ есть и конецъ закона, но въ то же время Онъ есть его исполненіе, именно: 1) весь обрядовый законъ исполняется во Христѣ какъ пророчество и получаетъ свое исполненіе въ Его лицѣ и дѣлѣ какъ прообразъ въ образѣ; 2) всякій гражданскій законъ и все іудейски-національное въ законѣ получаютъ черезъ ученіе и заповѣди І. Христа свое выполненіе, какъ несовершенное въ совершенномъ, поэтому его внѣшняя форма уже не имѣетъ болѣе значенія, но его нравственное зерно остается и подкрѣпляется теперь

съ новой стороны (ср. законы о іудейскомъ бракѣ и милосердіи); 3) точно выраженный нравственный законъ, десять заповѣдей, уясняются и утверждаются Христомъ во всемъ ихъ объемѣ, какъ вѣчно и общеобязательныя.

Замѣчанія, составляющія содержание 17—20 ст., относятся не только къ ветхозавѣтному закону, но и ко всему библейскому содержанию.

Эти общіе пункты разъясняются далѣе подробно, при разборѣ слѣдующихъ стиховъ 5 гл. Евъ отъ Матѳея; но мы удерживаемся отъ изложенія этихъ объясненій и другихъ, относящихся къ Новозавѣтному тексту, полагая, что и приведенныхъ мѣстъ будетъ достаточно для того, чтобы уяснить занятія этого рода ¹⁾. Такъ какъ историческая послѣдовательность событій не имѣется уже болѣе въ виду, то нѣкоторыя повѣствованія при мѣстномъ чтеніи Библии вообще опускаются, напримѣръ исторія Каина и Авеля, имѣющая болѣе историко-нравственное значеніе, нежели уясняющая развитіе ветхозавѣтнаго союза Бога съ человѣкомъ. Но за то объясненія прочитаннаго становятся гораздо обширнѣе и полнѣе, нежели то было при послѣдовательномъ чтеніи Библии, имѣвшемъ въ виду усвоеніе библейскаго разказа, какъ онъ есть; для этого теперь пользуются, какъ мы видѣли, частными ссылками на параллельныя мѣста изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ; вообще, все направляется теперь къ тому, чтобы учащіеся уразумѣвали догматическо-нравственный смыслъ прочитаннаго, или знакомились съ духомъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ писаній, уясняя себѣ ихъ внутреннюю связь и то нравственное единство, которое проникаетъ собою исторію царства Божія въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ.

Что касается общаго характера описанныхъ обоихъ родовъ чтенія Библии, то послѣдовательное чтеніе Библии является аналитическимъ изученіемъ библейской исторіи. Съ нашей точки зрѣнія, въ виду предшествовавшего такому чтенію обстоятельнаго знакомства съ Библией, оно можетъ, конечно, показаться излишкомъ въ учебномъ отношеніи; но оно окупается приобретаемымъ знакомствомъ съ первоисточникомъ библейскихъ фактовъ, съ простымъ и величественнымъ

¹⁾ Объясненія выдающихся мѣстъ Ветхозавѣтнаго и Новозавѣтнаго текстовъ обыкновенно изданы въ Германіи пасторами-педагогами подъ заглавіемъ: «Наука о библии, для релігіознаго обученія и для чтенія Библии» («Bibelkunde zum Religionsunterricht und für Bibelleser») или подъ другимъ именемъ, и въ этомъ печатномъ видѣ служатъ для учениковъ руководствами.

разказомъ и языкомъ священнаго писанія, производящими на душу ребенка впечатлѣніе, которому принадлежитъ въ послѣдствіи рѣшающее вліяніе во всемъ его нравственномъ существѣ. То же нужно сказать и о мѣстномъ чтеніи Библии. Оно имѣетъ очень близкое отношеніе къ предшествовавшему ему изученію катихизиса, является аналитическимъ изученіемъ истинъ вѣры, данныхъ въ послѣднемъ синтетически; но осуществляетъ эту цѣль гораздо многостороннѣе, выводя истину божественнаго ученія изъ ихъ первоисточника и знакомя съ священными буквою и формами, въ которыя облечены послѣднія. Съ другой стороны, посредствомъ этихъ двухъ родовъ чтенія Библии достигается какъ нельзя лучше и объединеніе между познаніями историческо-библейскаго и догматическо-нравственнаго характера (особенно это осуществляется тогда, когда одни и тѣ же библейскіе отдѣлы встрѣчаются при обоихъ родахъ чтенія Библии и такимъ образомъ усваивается учащимися самое главнѣйшее и существенное въ библейскомъ содержаніи. Поэтому весьма понятно, что описанная система изученія Библии занимаетъ вполне заслуженно очень почетное мѣсто въ нѣмецкой программѣ школьнаго религіознаго обученія. Время происхожденія ея, сравнительно, не очень давнее: она выработана въ Германіи не ранѣе 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія, а до тѣхъ поръ школьное изученіе Библии производилось тамъ по тому же самому способу, по которому она изучается теперь у насъ въ духовныхъ семинаріяхъ, то-есть въ порядкѣ расположенія священныхъ книгъ послѣдовательно отъ книги Бытія до Апокалипсиса. Но такъ какъ было невозможно прочитать и объяснить всю Библию, то и случалось, что одними учениками изучалось Пятикнижіе Моисея, другими—слѣдующія за нимъ книги, третьи выходили изъ школы съ знаніемъ Пророковъ и т. д. Вновь выработанная система устранила всѣ недостатки прежняго метода: въ сравнительно короткое время она даетъ ученикамъ, такъ сказать, всю сущность библейскаго содержанія.

Съ своей стороны мы считаемъ долгомъ засвидѣтельствовать о необыкновенной полнотѣ и отчетливости библейскихъ знаній среди воспитанниковъ нѣмецкихъ школъ, которыя они вносятъ съ собою въ жизнь вмѣстѣ съ охотою и умѣніемъ пользоваться Библией.

Въ теченіе того же восьмага года, вслѣдъ за мѣстнымъ чтеніемъ Библии, или „изученіемъ исторіи царства Вожія“, какъ оно нерѣдко называется въ программахъ нѣмецкихъ гимназій, слѣдуетъ въ видѣ его продолженія, изученіе исторіи христіанской церкви. Въ народныхъ школахъ она изучается въ видѣ отрывковъ, помѣщен-

ныхъ въ христоматіи для чтенія и описывающихъ выдающіеся моменты протестантской и обще-церковной исторіи. Но законоучители при этомъ дѣлаютъ все возможное, чтобы изучаемыя событія не оставались въ сознаніи дѣтей изолированными отъ другихъ фактовъ церковной жизни, и по возможности группируютъ около нихъ описаніе послѣднихъ. Въ гимназіяхъ и соответствующихъ имъ мужскихъ и женскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, исторія христіанской церкви проходитъ во всемъ ея объемѣ, какъ и у насъ, только ей предшествуетъ изученіе исторіи реформаціи, въ видѣ отдѣльнаго предмета. Въ томъ же восьмомъ классѣ для учениковъ народной школы наступаетъ Приготовленіе къ конфирмаціи, которою и заключается курсъ. Являясь церковно-религиознымъ актомъ, удостоверяющимъ религиозную зрѣлость протестантскаго ребенка, конфирмація имѣетъ большое значеніе въ жизни протестантскихъ дѣтей, и приготовленіе къ ней не только не отдѣляется отъ школы, но составляетъ даже одинъ изъ главныхъ предметовъ школьнаго религиознаго обученія. Надъ всѣми вообще дѣтьми конфирмація совершается по достиженіи ими 14-лѣтняго возраста; но приготовленіе къ ней, заставляя учениковъ народной школы неизмѣнно на послѣднемъ году ихъ ученія, застаётъ учениковъ гимназій и другихъ средне-учебныхъ заведеній большею частію въ неодинаковыхъ классахъ, хотя и не ранѣе шестаго, такъ какъ конфирмаціонное обученіе предполагаетъ знакомство съ катехизисомъ, изучаемымъ въ этомъ классѣ. Приготовленіе къ конфирмаціи совершается такимъ образомъ: назначенные къ конфирмаціи дѣти собираются въ теченіе 10 недѣль внѣ учебныхъ часовъ въ школѣ, въ церкви или у пастора на квартирѣ и учатъ наизусть такъ называемую конфирмаціонную книгу, состоящую изъ 73 вопросовъ и отвѣтовъ, относящихся къ символу вѣры. Такъ какъ при этомъ обращается большое вниманіе на уясненіе смысла катехизическихъ положеній и на отчетливое знаніе относящихся къ нимъ текстовъ священнаго писанія, то съ педагогической стороны конфирмаціонное обученіе представляетъ объединеніе между первыми и послѣдними, словомъ, объединяетъ собою матеріалъ, остававшійся разрозненнымъ въ предшествующихъ занятіяхъ (въ 5 — 6 годахъ; см. таблицу въ концѣ статьи). Обыкновенно на это употребляется отъ 3-хъ до 4-хъ часовъ въ недѣлю. Самый актъ конфирмаціи состоитъ въ томъ, что „владѣющіе необходимыми школьными и религиозными званіями, носѣщавшіе прилежно школу и отличающіеся нравственнымъ поведеніемъ“ (по выраженію конфирмаціоннаго акта) въ праздничныхъ

одеждахъ являются въ назначенное время въ церковь, гдѣ они испытываются пасторомъ въ знаніи катихизиса, послѣ чего на обращенные къ нимъ съ его стороны вопросы даютъ обѣтъ (Verpflichtung) вѣрно пребывать въ усвоенномъ ими ученіи и неуклонно исполнять до самой своей смерти обязанности христіанина; затѣмъ подходят по одному къ алтарю и, колѣнопреклоненные, принимаютъ отъ пастора, произносящаго извѣстную молитву, благословеніе, съ возложеніемъ его руки. Въ заключеніе этого акта, извѣстнаго на протестантскомъ церковномъ языкѣ подъ именемъ „возобновленія обѣта крещенія“, дѣтамъ преподается въ первый разъ св. причащеніе ¹⁾. Конфирмацію обыкновенно заканчивается религіозное образованіе (и все вообще) нѣмецкой народной школы, но для воспитанниковъ гимназій оно продолжается еще два года. Именно, они изучаютъ: въ 9 классѣ Христіанское ученіе вѣры (Christliche Glaubenslehre) или Догматику и въ 10 классѣ Христіанское ученіе нравственности (Christliche Sittenlehre) или Этику. Та и другая науки являются отраслями спеціальнаго богословскаго знанія. Опредѣлить методъ ихъ преподаванія довольно трудно, потому что онъ вполнѣ зависитъ отъ личности того или другаго законоучителя, которымъ въ этомъ случаѣ предоставляется почти профессорская свобода. Печатныхъ руководствъ ученики не имѣютъ, а главнѣйшія положенія диктуются имъ и записываются ими. Вообще, означенные науки изучаются въ нѣмецкихъ гимназіяхъ въ томъ же объемѣ, какъ догматическое и нравственное богословіе въ спеціальныхъ классахъ нашихъ духовныхъ семинарій.

Для болѣе яснаго представленія германской программы по закону Божію прилагаемъ здѣсь составленную нами таблицу:

¹⁾ Иногда, вследствие значительной численности дѣтей, св. причащеніе преподается имъ послѣ конфирмаціи, въ ближайшее воскресенье, равно какъ и указанное нами испытаніе ихъ производится заблаговременно, до конфирмаціи.

Въ заключеніе настоящаго очерка позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько выводовъ. По своему общему характеру описанная сейчасъ система преподаванія закона Божія весьма приближается къ системѣ религіознаго образованія, принятой въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, именно въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ, но съ нѣкоторыми отличіями отъ нее; такъ, на примѣръ, въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ географія Палестины не изучается въ видѣ отдѣльнаго предмета: кромѣ того (о чемъ мы еще не упомянули) въ нѣмецкихъ гимназіяхъ существуетъ приватная кафедра еврейскаго языка для готовящихся къ богословскому факультету, которой въ настоящее время нѣтъ въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ. Въ смыслѣ общаго религіознаго образованія, однообразнаго для всѣхъ школъ, эта система составляетъ въ Германіи существенный элементъ и даже основу принятаго тамъ общаго образованія; съ другой стороны, она представляетъ весьма достаточную религіозную подготовку для богословскаго факультета (являющагося въ Германіи единственною формою спеціального богословскаго образованія). Естественныя слѣдствія этого: 1, высокій уровень религіознаго образованія въ германскомъ обществѣ, въ которомъ оно, такъ сказать, разлито по по всѣмъ его слоямъ; 2, то явленіе, что германскіе богословскіе факультеты (въ ученомъ и образовательномъ отношеніи стоящіе не ниже нашихъ духовныхъ академій) наполняются, наравнѣ съ воспитанниками упомянутыхъ выше богословскихъ семинарій, и воспитанниками гражданскихъ гимназій, принадлежащихъ къ различнымъ сословіямъ. Кромѣ того, когда послѣднимъ и не приходится продолжать свое богословское образованіе въ университетѣ, они тѣмъ не менѣе располагаютъ правомъ и знаніями къ преподаванію закона Божія въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ силу только своего гимназическаго образованія.

С. Любимовъ
діаконъ православной
придворной церкви въ
Штутгартѣ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ГОДИЧНОЕ ЗАСѢДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

15-го октября текущаго года, въ Москвѣ, въ зданіи Политехническаго музея, происходило годичное засѣданіе Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ. Засѣданіе было посвящено чтенію отчетовъ о дѣятельности Общества и его отдѣловъ въ минувшемъ году. Главнѣйшія черты этой дѣятельности заключаются въ слѣдующемъ:

Личный составъ Общества увеличился въ минувшемъ году 3 почетными членами, 12 непремѣнными, 14 дѣйствительными и 19 членами-сотрудниками. Три устроенные почти при самомъ началѣ Общества отдѣла — физики, антропологіи и этнографіи продолжали въ минувшемъ году по прежнему свои научныя занятія, и сверхъ того, къ нимъ присоединился еще четвертый, посвященный специально зоологіи; открытіе этого отдѣла естественно вызывается необходимостью систематизировать поступающія въ Общество работы по зоологіи; предсѣдателемъ новаго отдѣла избранъ профессоръ Московскаго университета А. П. Богдановъ. При отдѣлѣ прикладной физики, благодаря вновь избранному предсѣдателю профессору А. Т. Столѣтову, открыта физико-математическая коммиссія, имѣющая цѣлью слѣдить за успѣхами знаній въ области этой науки. Полезные труды состоящаго при физическомъ отдѣлѣ физико-механика В. Т. Рома-

ненко подали Обществу поводъ наградить его большою серебряною медалью.

Въ теченіе отчетнаго года Общества имѣло четыре публичныя засѣданія, въ которыхъ прочитано было десять различныхъ сообщеній, преимущественно по естествознанію. Печатаніе ученыхъ трудовъ Общества въ отчетномъ году продолжалось по прежнему: вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ XXXVII-го тома Извѣстій Общества съ шестью въ приложеніи, статьями специальныхъ изслѣдованій по зоологіи. Изданія Общества обращаютъ на себя вниманіе многихъ ученыхъ западной Европы, которые пользуются для своихъ работъ научнымъ матеріаломъ Извѣстій, не смотря на то, что эти послѣднія издаются на русскомъ языкѣ. Прямымъ послѣдствіемъ того, что Общество преобрѣтаетъ извѣстность въ Европѣ, служитъ увеличеніе его сношеній съ западно-европейскими учеными центрами и развитіе взаимнаго обмена изданій между западно-европейскими учрежденіями и Московскимъ обществомъ любителей естествознанія.

Научныя коллекціи Общества пополнились въ отчетномъ году новыми приобѣтеными, а именно: почетный членъ генераль Копыловскій пожертвовалъ интересную коллекцію минераловъ изъ Бульжипскаго района, профессоръ Д. Я. Самоквасовъ — собраніе череповъ изъ Кіевской губерніи, М. В. Малаховъ, г. Бастановъ и др. — различныя антропологическія и археологическія находки, сдѣланныя въ минувшемъ году при ихъ раскопкахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Въ отчетномъ году Общество имѣло своихъ представителей: профессора А. Г. Столѣтова — на всемірной выставкѣ электричества въ Парижѣ, и профессора Д. Н. Анучина — на пятомъ русскомъ археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ. Въ томъ же засѣданіи 15-го октября, въ коемъ прочитанъ былъ вышеизложенный отчетъ о дѣятельности Общества, г. Анучинъ представилъ свой докладъ о результатахъ Тифлискаго съѣзда по отношенію къ антропологии и первобытной исторіи Россіи. Не входя въ подробности этого сообщенія, замѣтимъ только: что, по словамъ г. Анучина, весьма оживленныя пренія по отношенію къ первобытной исторіи Россіи возбуждалъ на съѣздѣ вопросъ о національности древнихъ племенъ, населявшихъ наше отечество, — вопросъ часто поднимавшійся и прежде, но какъ и прежде не приведшій въ Тифлисѣ ни къ какому результату. Касательно антропологии интересно находеніе въ разныхъ мѣстахъ на Кавказѣ слѣдовъ каменнаго и бронзоваго періода и выводы, сдѣланныя изъ этихъ находженій. У западно-европейскихъ ученыхъ въ настоящее время господствуютъ на

счетъ послѣдовательности различныхъ періодовъ первобытной жизни человѣчества два мнѣнія: одни говорятъ, что сначала былъ каменный періодъ, который смѣнился бронзовымъ, а этотъ послѣдній желѣзнымъ; другіе предполагаютъ, что бронзовый и желѣзный періодъ господствовали одновременно, и что на югѣ, и преимущественно въ нынѣшней Греціи, существовали цѣлыя такъ-сказать фабрики, издѣлія которыхъ сбывались на сѣверъ. На Кавказѣ до сихъ поръ было отыскано мало вещей, характеризующихъ каменный періодъ. На Тифлискомъ сѣздѣ было высказано мнѣніе, поддержанное, между прочимъ, и знаменитымъ германскимъ ученымъ Вирховымъ, что Кавказъ по своему географическому положенію, по самому своему рельефу принадлежитъ къ странамъ съ болѣе позднею культурой, что онъ не могъ служить большою дорогою народовъ, и что въ его ущелья лишь съ теченіемъ времени осѣли разныя племена, тѣсными съ сѣвера и юга болѣе сильными народностями.

Поѣздка дѣйствительнаго члена Н. В. Насонова на Черное море и въ Архипелагъ, совершенное имъ въ текущемъ году по порученію Общества съ зоологическою цѣлью, также дала этому изслѣдователю поводъ сообщить въ засѣданіи 15-го октября главные общіе результаты своей научной экспедиціи. Г. Насоновъ занимался главнымъ образомъ изслѣдованіемъ морской фауны и при этомъ обратилъ преимущественное вниманіе на особый родъ губокъ, живущихъ полупаразитною жизнью на раковинахъ и прокладывающихъ ходы въ ихъ толщѣ. Этотъ видъ губокъ довольно распространенъ на разныхъ морскихъ побережьяхъ; въ Нортумберландѣ, на примѣръ, почти всѣ камни морскаго побережья просверлены имъ, а въ Сухумѣ даже большіе валуны пронизаны насквозь цѣлою сѣтью ходовъ. Это просверливаніе происходитъ одновременно химическимъ и механическимъ путемъ, и такимъ образомъ ничтожный паразитъ можетъ вредить прочности большихъ морскихъ сооружений.

Этимъ интереснымъ сообщеніемъ закончилось засѣданіе 15-го октября, еще разъ доказавшее, что извѣстное по своей энергической научной дѣятельности Общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи продолжаетъ ее съ полнымъ успѣхомъ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Новороссійскаго университета въ 1880 году: личный составъ преподавателей, вакантныя кафедры; награды за сочиненія на заданныя темы; ученые труды преподавателей и другихъ лицъ; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; командировки съ ученою цѣлію; учащіеся; учебно-вспомогательныя учрежденія.

Въ Новороссійскомъ университетѣ состояло къ концу 1880 года на лицо слѣдующее число штатныхъ преподавателей: на историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 6, доцентовъ 3; на физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 3, астрономъ-наблюдатель 1, лаборантовъ 4; на юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ 7, доцентовъ 2. Сверхъ того по штату университета положены не причисленные ни къ какому факультету: профессоръ православнаго богословія и четыре лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ. Общее число наличныхъ штатныхъ преподавателей было слѣдующее: 1 профессоръ православнаго богословія, ординарныхъ профессоровъ 24, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 8, астрономъ-наблюдатель 1, лекторовъ 3, лаборантовъ 4, всего 44 лица. Сверхштатныхъ преподавателей было 5: 1 ординарный профессоръ по кафедрѣ механики и 1 лаборанта. Сверхъ того по найму читали три сторонніе преподавателя: 2 на историко-филологическомъ факультетѣ и 1 на юридическомъ. Приватъ доцентовъ имѣлось два, по одному на историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ. Общее число:

преподавательских вакансій было: относительно временнаго штата 1 ординарнаго профессора, 8 экстраординарнаго, 2 доцента, 1 лектора, всего 12; въ сравненіи же съ постояннымъ штатомъ 4, ординарнаго профессора, 10 экстраординарнаго, 8 доцента, 1 лектора, всего 23. Незамѣщенными оставались слѣдующія каѳедры: философіи съ октября 1876 года, римской словесности съ 1877 года, сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ съ октября 1874 года, исторіи всеобщей литературы съ мая 1865 года, астрономической химіи съ марта 1879 года, энциклопедіи права съ октября 1872 года, международнаго права съ мая 1865 года и церковнаго законовѣднія съ іюня 1875 года.

Факультеты Новороссійскаго университета имѣли въ 1880 году за-сѣданій: историко-филологическій 19, физико-математическій 27, изъ коихъ 4 публичныхъ, а юридическій 16. По вакантнымъ каѳедрамъ поручено было преподаваніе; сравнительнаго языкознанія—профессору славянской филологіи Кочубинскому, исторіи философіи—доценту греческой словесности Воеводскому, энциклопедіи права—профессору гражданскаго судоустройства и судопроизводства Малинину, международнаго права—профессору полицейскаго права Шпилевскому, государственнаго права—профессору исторіи русскаго права Леонтовичу, церковнаго законовѣднія—профессору православнаго богословія Кудрявцеву, уголовнаго права—стороннему преподавателю, заслуженному профессору Богдановскому, физической географіи (въ 1-мъ полугодіи) профессору физики Шведову. Затѣмъ вовсе не читались лекціи по слѣдующимъ предметамъ: на историко-филологическомъ факультетѣ—исторіи всеобщей литературы, на физико-математическомъ—агрономической химіи, и на юридическомъ—исторіи славянскихъ законодательствъ. - Въ видахъ усиленія учебной дѣятельности студентовъ, историко-филологическій и юридическій факультеты требовали отъ нихъ, какъ и въ предшествующіе годы, обязательнаго представленія письменныхъ работъ на темы, выбранныя по соглашенію съ преподавателями и выполненныя подъ ихъ руководствомъ. Профессоры юридическаго факультета Леонтовичъ, Малининъ и Посниковъ, кромѣ чтенія лекцій, имѣли еще практическія занятія со студентами. Физико-математическій факультетъ удержалъ полугодичныя устныя контрольныя испытанія и постоянно велъ практическія занятія со студентами въ кабинетахъ и лабораторіяхъ.

За представленныя на заданнымъ факультетами темы сочиненія удостоены награды: золотою медалью—студентъ IV курса естественнаго

отдѣленія физико-математическаго факультета Я. Бардахъ за сочиненіе на тему: „Изучить производныя оптически-недѣятельной яблочной кислоты по сравненіи съ производными оптически-дѣятельной яблочной кислоты, и представить полное изложеніе вопроса объ оптически-изомерныхъ кислотахъ“; серебряными—студенты IV курса историко-филологическаго факультета Ник. Орловъ и Петръ Катаевъ за сочиненіе на тему „Очеркъ русскаго народнаго и историческаго орнамента“ а сочиненіе на ту же тему Ал. Вырлана удостоено похвальнаго отзыва.

Въ 1880 году профессоры, преподаватели и другія принадлежащія въдомству Новороссійскаго университета лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: профессоры: священникъ Кудрявцевъ произнесъ и напечаталъ нѣсколько словъ и рѣчей по разнымъ случаямъ церковно-общественной жизни Кочубинскій напечаталъ статьи: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія — „Исторія литературы Славянъ“, въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ—„Рукописи Григоровича. А. Викторова“ и „Книжныя мелочи“, въ Запискахъ Новороссійскаго университета „Правда жизни и правда творчества“, рѣчь, произнесенная въ университетѣ на Пушкинскомъ праздникѣ и издалъ литографированную „Раннюю исторію Славянъ“, Успенскій помѣстилъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью: „Цари Алексѣй II и Андроникъ Комнинъ“; Юргевичъ напечаталъ въ Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей двѣ статьи: „Псифисмъ древняго города Херсониса о назначеніи почестей Діофанту полководцу Меридата—Евпатора за покореніе Крыма“ и „Объясненія надписей царя воспорскаго Асандра и Аспурга“; Шведовъ помѣстилъ въ журналѣ С.-Петербургскаго химико-физическаго общества статьи: „Theorie mathématique des formes cometaires“ „Что такое градъ?“; Синдовъ напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей двѣ статьи: „Описаніе новыхъ и малоизслѣдованныхъ формъ раковинъ изъ третичныхъ образованій Новороссіи“ и „Описаніе нѣкоторыхъ видовъ мезозойскихъ окаменѣлостей изъ Симбирской и Саратовской губерній“; Лигинъ напечаталъ: „Публичная лекція о водомѣрахъ“ и русскій переводъ сочиненія Миколецкаго: „Задачи по начертательной геометріи“; Мечниковъ помѣстилъ: въ Zoologischer Anzeiger—„Ueber die intra—celluläre Verdannug der Coelentkraten“ и „Zur Lehre über Insectenkrankheiten“ и въ Запискахъ Новороссійскаго университета—отчетъ о заграничной командировкѣ. Ярошенко продолжалъ печатаніе въ Запискахъ Новороссійскаго университета курса

проективной геометріи; Леонтовичъ помѣстилъ статьи: въ протоколахъ юридическаго общества— „О значеніи древне-русскаго суда и розыска“ и въ Запискахъ Новороссійскаго университета— „Къ исторіи права русскихъ инородцевъ. Калмыцкое право“; Трачевскій, Кондаковъ, Сабининъ и Малининъ напечатали въ Запискахъ Новороссійскаго университета слѣдующія статьи: первый— „Нѣмецкій вопросъ во Франціи при Людовикѣ XVI“, съ приложеніемъ матеріаловъ извлеченныхъ изъ Парижскихъ архивовъ, второй— „Мозаики мечети Кахріе—Джамиса“, съ рисунками къ этой статьѣ, третій— „Дополненіе къ моей статьѣ, помѣщенной въ IX томѣ Математическаго Сборника, подъ заглавіемъ: „Къ мемуару Коши Sur l'integration des equations differentielles“, послѣдній— „Теорія гражданскаго права“ по поводу мнѣнія профессора Н. А. Дювернуа о книгѣ г. Палаузова“. Доценты: Воеводскій напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета „О занятіяхъ по критикѣ и миѳологіи гомеровскаго эпоса, съ дополнительными примѣчаніями: I. Миѳъ о повѣшеніи Иры и толкованіе Преллера. II. О нѣмецкой миѳологіи Якова Гримма, о „болѣзни языка“, Макса Мюллера, и о „теоріи заимствованій“, „Миѳъ о Клеоніи и Ватавѣ“; Спиро помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей статью: „Матеріалы для изученія образованія желчи“; Гамбаровъ напечаталъ: „Добровольная и безвозмездная дѣятельность въ чужомъ интересѣ“ (вып. II); Палаузовъ помѣстилъ въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права слѣдующія статьи: „О преданіи суду въ обвинительномъ процессѣ“, „Апелляціонное производство въ дѣлахъ уголовныхъ съ точки зрѣнія принципа непосредственности“, „Сообщеніе въ Одесскомъ юридическомъ обществѣ объ изданіи Гольцендорфа „Handbuch des deutschen Strafprocessrechts“ и „Очеркъ дѣятельности гражданскаго управленія по устройству юстиціи въ Болгаріи“; Лаборанты: Меликовъ напечаталъ: въ Запискахъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей— „О производныхъ акриловой кислоты“ и въ Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft— „Ueber die Oxyacrylsäure“, и „Ueber die Constitution der flüssigen Chlormilchsäure und Glycidsäure“, Amidomilchsäure“ и Ueber die Bildung α —und β —Chlormilchsäure“; Геричъ помѣстилъ въ журналѣ L' Electricité статью „Quelques modifications dans le thelephone de Bell“; Танатаръ напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей статью „О строеніи фумаровой и малеиновой кислотъ“. Магистръ Кононовичъ и стипендіатъ Бучинскій напечатали статьи: первый— „Вычисленіе орбиты двойной звѣзды γ Virginis“,

второй— „Объ общихъ чертахъ въ строеніи нервной системы кольчатыхъ червей и позвоночныхъ животныхъ“, объ статьи въ Запискахъ Новороссійскаго университета.—Публичныя лекціи читали обыкновенные профессора Вериго и Лигианъ: первый объ одесскихъ лиманахъ, второй—о водомѣрахъ.

Въ 1880 году Новороссійскимъ университетомъ утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) степени магистра кандидаты: Ө. Цомакіонъ—физики и Ш. Танатаръ—химіи; б) степени кандидата 31, въ томъ числѣ по факультетамъ: историко-филологическому 4, физико-математическому 14, юридическому 13; в) званія дѣйствительнаго студента: на историко-филологическомъ факультетѣ, 17, физико-математическомъ 14, юридическомъ 12, всего 43. Для приготовления къ профессорскому званію командированы были за границу магистраны: Волынцевичъ—по астрономіи, Слешинскій по чистой математикѣ и Гахманъ—по механикѣ; съ тою же цѣлю оставлены на два года при университетѣ кандидаты: Гріельскій—по международному праву и Елисафовъ—по химіи. Командированы были съ ученою цѣлю за границу—профессоры Шведовъ, Кочубинскій и Успенскій, внутри Россіи—доцентъ Перетятковичъ; а профессорамъ Петріеву и Трачевскому продолжены сроки ихъ заграничныхъ командировокъ съ ученою цѣлю.

Денежныя средства Новороссійскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныя суммы: оставалось отъ 1879 года 9,282 руб. 35 коп., по государственной росписи ассигновано изъ государственнаго казначейства на содержаніе университета въ 1880 году 222,475 руб. 35 коп., (на содержаніе личнаго состава 140,960 р. на учебныя пособия, хозяйственныя и другіе расходы 49,400 руб., на стипендіи и пособия студентамъ 18,000 руб., на пособіе обществу естествоиспытателей при университетѣ 2,500 руб., на приготовленіе молодыхъ людей къ профессорскому званію и научныя командировки 833 руб., на биологическую станцію въ Севастополь 1,503 руб.), въ теченіе года израсходовано 211,811 руб. 52 коп., затѣмъ къ 1-му января 1881 года имѣлось въ остаткѣ 10,593 руб. 83 коп.; б) сборъ платы со студентовъ за слушаніе лекцій: къ 1-му января 1880 года имѣлось на лицо 3.158 руб. 69¹/₂ коп., въ теченіе года поступило 5,180 руб., въ теченіе года израсходовано 8,139 руб., къ началу 1881 года въ остаткѣ было 198 руб. 80¹/₂ коп., главнѣйшіе расходы изъ этого источника были слѣдующіе: типографіи за напечатаніе Университетскихъ Записокъ и другія типографскія работы 2,285 руб., выдача въ

пособіе нѣкоторымъ служащимъ въ университетѣ 1,125 р. уплачено за выписанные для университета иностранные журналы и газеты 761 руб., уплачено за медали для награжденія студентовъ 514 руб., выдано въ вознагражденіе редактору Университетскихъ Записокъ 300 руб., за выписанные для университета русскіе журналы и газеты 523 руб., в) сборъ платы со студентовъ за матрикулы, оставалось отъ 1879 года 457 руб. 19¹/₂ коп., въ 1880 году израсходовано 300 руб., къ 1881 году оставалось на лицо 137 руб. 19¹/₈ коп. г) Пожертвованныя суммы: въ остаткѣ къ 1880 году имѣлось 137,817 руб. 75¹/₄ коп., въ 1880 году поступило 23,974 руб. 64 коп., въ теченіе года израсходовано на выдачу стипендій 6,111 руб. 34 коп., затѣмъ къ 1-му января 1881 года оставалось 155, 681 руб. 5¹/₄ коп.

Студентовъ къ 1-му января 1880 года состояло 346; въ 1880 году вновь поступило 85 (изъ гимназій 49, домашняго воспитанія по свидѣтельствамъ зрѣлости 4, изъ университетовъ 31, изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній 1); въ теченіе года выбыло 104 (до окончанія курса 30, по окончаніи курса 74): затѣмъ къ 1-му января 1881 года состояло на лицо 327. Эти 327 студентовъ распредѣлялись: а) по факультетамъ на историко-филологическомъ 71, на юридическомъ 114, на физико-математическомъ 142 (по отдѣленію математическихъ наукъ 57, по отдѣленію естественныхъ наукъ 85); б) по курсамъ: на первомъ курсѣ 77, на второмъ 77, на третьемъ 94, на четвертомъ 79 в) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 256, армянъ-григоріанъ 1, римско-католиковъ 14, лютеранъ 2, евреевъ и караимовъ 54; г) по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 76, духовнаго званія 147, почетныхъ гражданъ и купцовъ 29, мѣщанъ и разночинцевъ 38, крестьянъ 11, иностранно-подданныхъ 26; д) по предварительному образованію: гимназистовъ 137, семинаристовъ 140, изъ другихъ учебныхъ заведеній 50; е) по округамъ, въ предѣлахъ которыхъ находятся предварительныя учебныя заведенія: С.-Петербургскаго 9, Московскаго 7, Казанскаго 5, Оренбургскаго 2, Харьковскаго 31, Одесскаго 137, Кіевскаго 81, Варшавскаго 3, Дерптскаго 2. Изъ общаго числа студентовъ пользовались стипендіями 147, всего на сумму 28,573 руб. 29 коп., изъ нихъ 107 на счетъ суммъ государственнаго казначейства; 23 на проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ, 7 на суммы, высылаемыя разными учрежденіями и лицами, и 3 (славянскія стипендіи) на суммы, отпускавшіяся канцелярією попечителя Одесскаго учебнаго года. Независимо стипендій, студентамъ выданы были единовременныя пособія: изъ штатныхъ

суммъ—3-мъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 30 руб., на сумму 135 руб., изъ частныхъ суммъ—185, отъ 4 до 50 руб., на сумму 2,744 руб. Изъ числа университетскихъ стипендіатовъ 6 студентовъ были лишены стипендій.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Новороссійскаго университета къ концу 1880 года находились въ слѣдующемъ положеніи. Въ университетской библіотекѣ числилось книгъ 42,954 сочиненія 73,784 тома, періодическихъ изданій 749 названій 15,319 томовъ рукописей 129 названій 151 тетрадь, картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей 599 названій 645 номеровъ, всего въ библіотекѣ на 196,370 руб. Въ студентской библіотекѣ: книгъ 4,641 сочиненіе 7,505 томовъ періодическихъ изданій 109 названій 1,409 томовъ, рукописей, картъ, гравюръ, рисунковъ и плановъ 47 названій 57 листовъ, всего на сумму 5,804 руб. Въ астрономической обсерваторіи: книгъ и журналовъ 1 названіе 21 томъ на 302 руб., инструментовъ, моделей, подвижной утвари и другихъ принадлежностей 253 номера на сумму 15,690 руб. Въ кабинетѣ практической механики: книгъ 20 сочиненій на 128 руб., моделей, утвари и другихъ принадлежностей 281 номеръ на сумму 11,987 руб. Въ физическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и атласовъ 56 названій 132 экземпляра на 475 руб., инструментовъ, приборовъ, посуды и мебели 496 номеровъ на сумму 18,235 руб. Въ химической лабораторіи и кабинетѣ: химическихъ препаратовъ, реактивовъ и другихъ принадлежностей 1,480 номеровъ 1,744 экземпляра. Въ минералогическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: минераловъ, картъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей 867 номеровъ на сумму 12,884 руб. Въ кабинетѣ физической географіи: книгъ, атласовъ, картъ 74 названіе 90 экземпляровъ на 1,014 руб., инструментовъ 26 номеровъ 31 экземпляръ на 2,447 руб. Въ метеорологической обсерваторіи; книгъ и атласовъ 8 названій на 1,972 руб., инструментовъ и снарядовъ 34 номера 48 экземпляровъ на 2,206 руб. Въ кабинетѣ геологическомъ и палеонтологическомъ: книгъ и другихъ изданій на 2,030 руб., моделей, окаменѣлостей, горныхъ породъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей на 5,918 руб. Въ ботаническомъ кабинетѣ: книгъ 106 названій растений, инструментовъ, приборовъ, разной посуды, утвари и проч. 49,369 номеровъ 49,394 номера, всего въ кабинетѣ на 8,389 руб. Въ ботаническомъ саду: растений, кустарниковъ, травъ, утвари, и другихъ принадлежностей 926 номеровъ 1,402 экземпляра на 686 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и другихъ изданій

287 названій 684 тома, чучель, препаратовъ, инструментовъ и другихъ принадлежностей 3,781 всего въ кабинетъ на сумму 20; 689 руб. Въ зоологическомъ кабинетъ съ лабораторією: книгъ и другихъ изданій 91 названіе 116 томовъ, скелетовъ, препаратовъ, инструментовъ и проч. 655 нумеровъ, на сумму 7,868 руб. Въ физиологическомъ кабинетъ приборовъ, мебели, реактивовъ, препаратовъ и проч. 175 нумеровъ на 4,224 руб. Въ техническомъ кабинетъ съ лабораторіей: техническихъ издѣлій и принадлежностей химическихъ препаратовъ, реактивовъ и посуды 4,745 экземпляровъ на 9,546 руб. Въ агрономическомъ кабинетъ съ лабораторіей; книгъ 26 названій, приборовъ, посуды, инструментовъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей 623 номера 1,391 экземпляръ, всего въ кабинетъ на сумму 11,911 руб. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ: статуй, слѣпковъ, бюстовъ, фотографій, литографій и проч. 3,635 нумеровъ, 4,952 экземпляра на сумму 13,525 руб. Въ мницъ-кабинетъ, монетъ, моделей и утвари 3,973 номера 4,080 экземпляровъ на 2,014 руб.

Казанскій и Харьковскій ветеринарные институты въ 1880 году.

Въ Казанскомъ ветеринарномъ институтѣ и состоящей при немъ фельдшерской школѣ наличное число преподавателей было слѣдующее: въ институтѣ: а) штатныхъ: ординарныхъ профессоровъ 3 (въ числѣ ихъ директоръ института), экстраординарныхъ 1, доцентъ 1, ученый кузнецъ 1; б) сверхштатныхъ 12, для преподаванія слѣдующихъ предметовъ: богословія, физиологіи, сельскаго хозяйства, фармакологіи, физики, химіи органической и неорганической, химіи медицинской, ботаники, зоологіи съ сравнительною анатоміей, минералогіи, русскаго и нѣмецкаго языковъ; въ фельдшерской школѣ штатныхъ: 1 законоучитель и 1 учитель русскаго языка. Вакантною была должность прозектора при кафедрѣ зоотоміи.—Совѣтъ института имѣлъ въ теченіе года 30 засѣданій, на которыхъ постановлено, между прочимъ, слѣдующее: а) По утвержденіи начальствомъ Казанскаго учебнаго округа постановленія совѣта о распредѣленіи 20 тысячъ рублей, назначенныхъ на устройство и обзаведеніе кабинетовъ и лабораторій для вспомогательныхъ предметовъ, а также по рассмотрѣніи и утвержденіи совѣтомъ программы, представленной вновь приглашенными преподавателями, чтеніе вспомогательныхъ предметовъ ветеринарнаго курса открыто сначала года въ самомъ институтѣ; при-

чемъ, согласно ходатайству преподавателей физики и химіи, совѣтомъ института постановлено и начальствомъ округа разрѣшено пригласить, въ качествѣ сверхштатнаго лаборанта, въ помощь преподавателямъ означенныхъ предметовъ, особое лицо съ вознагражденіемъ по 500 р. въ годъ изъ штатной суммы по содержанію и пополненію вновь устраиваемыхъ кабинетовъ. б) Съ введеніемъ преподаванія вспомогательныхъ предметовъ ветеринарнаго курса въ самомъ институтѣ, занятія совѣта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и секретаря онаго значительно увеличились, а между тѣмъ секретарю не положено штатнаго содержанія; а потому совѣтъ постановилъ: ходатайствовать о вознагражденіи секретаря, какъ это имѣетъ мѣсто въ факультетахъ университетовъ, за усиленные труды по совѣту, въ размѣрѣ 300 руб. въ годъ изъ специальныхъ средствъ института, на что и послѣдовало, чрезъ начальство Казанскаго учебнаго округа, разрѣшеніе г. министра народнаго просвѣщенія. в) На основаніи дѣйствующаго положенія о ветеринарныхъ институтахъ, совѣтъ института не приступаетъ къ рѣшенію дѣлъ, если въ засѣданіи не находится на лицо по крайней мѣрѣ $\frac{2}{3}$ членовъ. Со введеніемъ преподаванія вспомогательныхъ предметовъ въ самомъ институтѣ, число членовъ совѣта увеличилось приглашенными для чтенія сихъ предметовъ профессорами Казанскаго университета; но при этомъ нерѣдко случалось, что засѣданія совѣта не могли быть открыты по неприбытію законнаго числа членовъ. Имѣя въ виду, что разсмотрѣніе нѣкоторыхъ дѣлъ и разрѣшеніе вопросовъ, особенно же по хозяйственной части, требуютъ неотложнаго ихъ разсмотрѣнія, совѣтъ, для устраниенія изъясненнаго неудобства, постановилъ: ходатайствовать объ открытіи особаго комитета для рѣшенія указанныхъ дѣлъ, но предварительно поручить особой комиссіи изъ членовъ совѣта составить проектъ правилъ, на основаніи которыхъ предполагается учредить хозяйственный комитетъ.—За представленныя на заданныя темы сочиненія удостоены награжденія медалями: золотыми—бывшіе студенты, нынѣ ветеринары Мих. Аристовъ и Ник. Киселевъ, серебряною—студентъ 3-го курса Фед. Готвальдъ. Сочиненіе Киселева обратило на себя особенное вниманіе какъ по знакомству автора съ литературою предмета сочиненія, такъ и еще болѣе по весьма интересному открытію въ научномъ отношеніи: авторъ впервые описываетъ у ленточныхъ глисть железистый органъ мужскаго полового аппарата, именно предстательную железу. На 1881 года предложена съ тою же цѣлію тема: „Строеніе новообразованія при такъ называемой жемчужной болѣзни рогатаго скота“. — Удостоены ученыхъ

степеней: магистра ветеринарныхъ наукъ—ветеринары Георг. Чуловскій и Григ. Гумилевскій, ветеринара — окончившіе въ 1880 году курсъ 42 студента. Преподаватели института издали въ 1880 году слѣдующіе труды: ординарный профессоръ Ланге напечаталъ въ *Zeitschrift für Thiermedizin und vergleichende Pathologie* статью: „Zur Kenntniss der Tuberculose“, ординарный профессоръ Догель напечаталъ двѣ статьи: въ *Archiv für Anatomie und Physiologie* — „Ueber den Einfluss der Musik auf den Blutkreislauf“ и въ *Pflügers Archiv für die gesammte Physiologie* — „Beiträge zur Lehre von der Arsenikwirkung auf den thierischen Organismus“; экстраординарный профессоръ Щербakovъ напечаталъ въ *Дневникѣ общества врачей при Казанскомъ университетѣ* двѣ статьи: „Къ вопросу объ образованіи щавелево-кислыхъ осадковъ сростковъ въ мочѣ человека“ и „Углекислота и азотная кислота, какъ показатели процесса окисленія органическихъ примѣсей почвы“; преподаватель, докторъ Жбиковскій напечаталъ статью „Объ одной стереометрической задачѣ и ея примѣчательномъ слѣдствіи“. Командированы были съ ученою цѣлью: за границу—профессоръ Стржедзинскій и по Россіи—профессоръ Зейфманъ; послѣднему сопутствовалъ въ поѣздѣ студентъ III курса Готвальдъ.—Денежныя средства института находились въ слѣдующемъ положеніи: штатныхъ суммъ оставалось къ концу 1879 года 4,955 р. 78 коп., въ 1880 году асигновано изъ государственнаго казначейства на содержаніе института 60,841 руб. (на содержаніе личнаго состава 28,941 руб., на хозяйственные расходы 28,900 руб., на стипендіи 3,000 руб.), въ теченіе года произведено расходовъ на 58,986 руб. 5 коп., затѣмъ къ 1-му января 1881 года имѣлось остатка 6,810 руб. 73 коп. Специальныхъ средствъ (сборъ за слушаніе лекцій, сборъ за леченіе животныхъ въ клиникахъ, сумма на устройство кабинетовъ и лабораторій по естественно-историческимъ предметамъ, партикулярныя суммы и залогі) оставалось къ 1880 году 11,401 руб. 69 коп., въ теченіе года поступило 6,837 руб. 18 коп., израсходовано 6,971 р. 87 коп., затѣмъ къ 1-му января 1881 г. имѣлось на лицо 11,267 р. Главнѣйшіе расходы изъ сбора за слушаніе лекцій слѣдующіе: на содержаніе инспекціи 1,035 руб., на пособія студентамъ 943 руб., на страхованіе имущества и другіе расходы 884 руб., на жалованье и плату 300 руб. Студентовъ состояло къ 1-му января 1880 года 185; въ теченіе года вновь поступило 32 (изъ бывшихъ студентовъ сего же института 11, изъ медико-хирургической академіи 1, изъ гимназій 18, изъ прогимназій 2); въ теченіе года вышло 56 (по окон-

ніи курса 43, до окончанія курса 13); затѣмъ къ 1-му января 1881 года осталось 161, которые распредѣлены были по курсамъ слѣдующимъ образомъ: въ 1-мъ курсѣ 34, во 2-мъ 36, въ 3-мъ 44, въ 4-мъ 41. Въ фельдшерской при институтѣ школѣ состояло къ 1-му января 1880 года 11 учениковъ; въ теченіе года вновь поступило 8, выбыло 4 (по окончаніи курса 1, до окончанія курса 3), затѣмъ къ 1-му января 1881 года оставалось 15 (въ 1-мъ классѣ 8, во 2-мъ 6, въ 3-мъ 1). Изъ числа студентовъ 15 пользовались казенными стипендіями, въ размѣрѣ по 200 руб. каждая; пособій выдано изъ сбора за слушаніе лекцій на 808 руб.; освобождено было отъ платы за лекціи 146, что составляетъ 67% общаго числа студентовъ; за половинную плату было 18. — Учебно-вспомогательныя учрежденія института, вслѣдствіе введенія преподаванія вспомогательныхъ предметовъ учебнаго курса въ самомъ институтѣ, увеличились числомъ: вновь образованы кабинеты: ботаническій, минералогическій, зоологическій, фармакологическій, физическій и для преподаванія химіи органической, неорганической, медицинской и аналитической. Состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій въ концѣ 1880 года и дѣятельность ихъ въ теченіе года представляются въ слѣдующемъ видѣ: Въ библіотекѣ числилось книгъ и періодическихъ изданій 2,117 названій 3,403 тома на сумму 8,147 руб.; въ физическомъ кабинетѣ разныхъ предметовъ 216 номеровъ на 2,465 руб.; въ химическомъ кабинетѣ—355 экземпляровъ на 2,218 руб.; въ фармакогностическомъ кабинетѣ — 1,023 номера на 4,029 руб.; въ минералогическомъ кабинетѣ — 98 экземпляровъ на 293 руб.; въ гербарѣ и ботаническомъ саду—42 номера на 474 руб.; въ физиологическомъ отдѣленіи анатомическаго театра—60 номеровъ на 1,076 руб.; въ патологическомъ отдѣленіи анатомическаго театра 469 экземпляровъ на 2,843 руб. Въ кабинетѣ этого отдѣленія происходили практическія занятія, заключавшіяся въ вскрытіяхъ студентами 4-го курса труповъ животныхъ и составленіи о томъ протоколовъ, матеріаломъ для чего были 54 экземпляра разныхъ животныхъ; студенты же 3-го курса занимались практически еженедѣльно 6 часовъ по патологической гистологіи. Въ кабинетѣ моделей домашнихъ животныхъ 127 номеровъ на 663 руб.; въ кузницѣ 204 экземпляра на 612 руб. Въ кузницѣ студенты 4-го курса и фельдшерскіе ученики практиковались въ выдѣлкѣ подковъ сначала изъ свинца, а потомъ изъ желѣза, и кромѣ того занимались расчисткой и подковываніемъ мертвыхъ копытъ. Въ сельско-техническомъ кабинетѣ 142 экземпляра на 964 р.; въ физиолого-химическомъ кабинетѣ 1,428 номеровъ на сумму 9,321

руб.; въ аптекъ 983 экземпляра на 2,711 руб. Въ аптекъ и фармакогностической лабораторіи, по примѣру прежнихъ лѣтъ, студенты 4-го курса упражнялись въ составленіи лекарствъ по рецептамъ и фармацевтическихъ препаратовъ. Нѣкоторые студенты 3-го курса занимались открытіемъ ядовъ въ различныхъ частяхъ тѣла отравленныхъ животныхъ. Въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и различнаго рода копытъ 113 номеровъ на 381 руб.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ 22 экземпляра на 63 руб.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ 480 номеровъ на 1,293 руб.; въ зоотомическомъ кабинетѣ 1,008 экземпляровъ на 3,574 руб. Въ кабинетѣ этомъ студенты по группамъ занимались приготовленіемъ и изученіемъ назначаемыхъ имъ препаратовъ мышечной, нервной и сосудистой системъ. По изготовленіи препаратовъ, студенты, въ назначенные особыми объявленіями дни, демонстрировали ихъ по группамъ, при чемъ результаты демонстрацій заносились завѣдующимъ кабинетомъ въ особо-заведенную для того книгу отмѣтокъ по занятіямъ практической зоотоміей. Для практическихъ занятій приобрѣтено было на 190 руб. различныхъ домашнихъ животныхъ и частей ихъ; тогда же употреблялись и трупы. Въ клиникѣ 958 номеровъ на сумму 5,706 руб. Въ клиникѣ въ назначенные на то ежедневно часы завѣдующій клинику профессоръ знакомилъ студентовъ 3-го и 4-го курсовъ съ методами распознаванія и леченія больныхъ животныхъ, состоявшихъ въ постоянной клиникѣ и представленныхъ въ оную какъ амбулаторныхъ. Для наблюденія за ходомъ болѣзни животныхъ въ стаціонарной клиникѣ студенты 2-го курса назначались кураторами; имъ же въ помощь даваемы были ученики фельдшерской школы, съ цѣлью приученія послѣднихъ къ правильному уходу за больными животными. Сверхъ того студенты 3-го и 4-го курсовъ исполняли ежедневно въ клиникѣ по очереди дежурства, примѣняя, подъ руководствомъ ассистентовъ, врачевныя мѣры, предложенныя завѣдующимъ клинику. Въ теченіе года въ клинику доставлено было животныхъ 735, въ этомъ числѣ поступило въ постоянныя клиники 103, представлено какъ амбулаторныхъ 611, было лечимо поликлинически 21; изъ общаго числа, больныхъ внутренними болѣзнями было 236, больныхъ наружными болѣзнями 499; изъ 103 животныхъ, пользовавшихся въ стаціонарной клиникѣ, выздоровѣло и получило облегченіе 86, пало 13, осталось на излеченіи въ 1881 году 4; болѣе важныхъ операцій произведено было 52.

Личный составъ преподавателей Харьковскаго ветеринарнаго института и состоящей при немъ фельдшерской школы къ концу

1880 года былъ слѣдующій; штатныхъ: ординарныхъ профессоровъ 3 (въ числѣ ихъ директоръ института), экстраординарныхъ 1, доцентовъ 3, прозекторъ зоотоміи 1, ученый кузнецъ 1; сверхштатныхъ, приглашенныхъ для преподаванія вспомогательныхъ предметовъ: 5 ординарныхъ профессоровъ, 1 экстраординарный и 1 приватъ-доцентъ. Въ фельдшерской школѣ состояли по штату: законоучитель и учитель русскаго языка. Совѣтъ института имѣлъ въ теченіе года 25 засѣданій, въ томъ числѣ три публичныхъ; изъ нихъ одно—для публичной защиты диссертациі и два—для выслушанія пробныхъ лекцій. Изъ обсуждавшихся въ совѣтѣ дѣлъ особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія: а) доцентъ Остапенко, указывая на затрудненія, встрѣчающіяся при замѣщеніи вакантныхъ профессорскихъ кафедръ, проистекающія вслѣдствіе недостатка лицъ, удовлетворяющихъ требуемымъ условіямъ, заявилъ о необходимости учрежденія при институтѣ правильной приватъ-доцентуры на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) при каждой кафедрѣ специальныхъ ветеринарныхъ предметовъ имѣть по одному приватъ-доценту; 2) состоя при извѣстной кафедрѣ, приватъ-доценты должны исполнять обязанности завѣдывающаго кабинетомъ или лаборанта; на нихъ же могло бы быть возложено чтеніе лекцій по одному изъ предметовъ ветеринарнаго курса, входящихъ въ составъ кафедры, и 3) приватъ-доценты, излагающіе какой-либо предметъ, должны быть полноправными членами совѣта, для того, чтобы каждый изъ предметовъ имѣлъ представителя въ совѣтѣ, могущаго вліять на рѣшенія его въ интересахъ преподаваемаго предмета. Совѣтъ постановилъ: назначить комиссію для подробной разработки этого предложенія. б) Попечитель Харьковскаго учебнаго округа предложилъ совѣту относительно учрежденія сверхштатной должности ассистента при кабинетѣ частной патологии и клиникѣ эпизоотическихъ болѣзней, безъ содержанія, но съ правами государственной службы. По выслушаніи сего предложенія, всѣ завѣдующіе кабинетами заявили, что было бы весьма желательнымъ ходатайствовать объ учрежденіи сверхштатныхъ должностей не только ассистентовъ клиникъ, но также лаборантовъ и прозекторовъ, съ служебными правами и преимуществами. Совѣтъ принялъ такое заявленіе и в) Профессоръ Гордѣнко, указывая на весьма важное значеніе ножныхъ болѣзней у рабочихъ домашнихъ животныхъ, а главнымъ образомъ у однокопытныхъ, цѣнность которыхъ преимущественно зависитъ отъ здороваго состоянія конечностей и копыта, и на то обстоятельство, что овка находится въ самомъ примитивномъ, небрежномъ состояніи,—

ходатайствовалъ объ учрежденіи при институтѣ доцентуры ножныхъ болѣзней и ковки, такъ какъ существующая нынѣ должность ученаго кузнеца не можетъ служить гарантіею, что теоретическое и практическое преподаваніе ковки и ножныхъ болѣзней будетъ всегда находиться въ умѣлыхъ и достойныхъ рукахъ, вполне соответствующихъ той высотѣ, какая необходима для авторитета высшаго спеціальнаго учрежденія. Совѣтъ постановилъ: ходатайствовать, чрезъ попечителя учебнаго округа, объ учрежденіи означенной доцентуры. г) Доцентъ Остаенко заявилъ, что въ виду связи между медициною человѣка и домашнихъ животныхъ, давно уже сознанной лучшими представителями обѣихъ этихъ отраслей медицины, желательно было бы, для успѣшнаго развитія человѣческой и ветеринарной медицины, предоставить ветеринарнымъ врачамъ право поступать на медицинскіе факультеты университетовъ. Совѣтъ постановилъ: назначить комиссію изъ членовъ совѣта и предложить ей представить свои соображенія. Для награжденія медалью предложена тема подъ заглавіемъ: „Симптоматологія и семіотика чумы рогатаго скота, съ рациональнымъ выводомъ терапевтическихъ показаній, причѣмъ непрѣмнымъ условіемъ удовлетворительнаго выполненія темы постановлено обнаруженіе въ сочиненіи самостоятельныхъ наблюденій и изслѣдованій автора. — Для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ и преимущественно всесторонняго изученія ковки лошадей и рогатаго скота оставленъ при институтѣ удостоенный степени ветеринарнаго врача съ отличіемъ А. Пушкаревъ. Командированъ былъ съ ученою цѣлію профессоръ Павловичъ для собранія свѣдѣній о состояніи конскихъ и овечьихъ заводовъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ; ему сопутствовалъ одинъ изъ лучшихъ студентовъ института. — Денежныя средства института находились въ слѣдующемъ положеніи: штатныхъ суммъ оставалось отъ 1879 года 4,629 руб. 31 коп., въ 1880 году отпущено изъ государственнаго казначейства 45,821 руб., въ теченіе года израсходовано 46,237 руб. 1 коп., затѣмъ къ 1-му января 1881 года осталось на лицо 4,213 руб. 30 коп. Сбора за слушаніе лекцій въ остаткѣ къ 1880 году было 669 руб. 23¹/₂ коп., въ 1880 году поступило 2,191 руб., израсходовано 2,058 руб. 92 коп., къ концу 1880 года имѣлось на лицо 801 руб. 31¹/₂ коп. Другихъ источниковъ оставалось отъ 1879 года 456 руб. 31¹/₂ коп., въ 1880 году получено 2,579 руб. 64 коп. израсходовано 2,579 руб. 64 коп., затѣмъ къ 1-му января 1881 года оставалось 456 руб. 31¹/₂ коп. — Учащихся было: въ институтѣ: отъ 1879 года оставалось 281, въ теченіе года часть ссхviii, отд. 4.

вновь поступило 79, въ теченіе года выбыло 94 (54 окончили курсъ съ степенью ветеринара остальные до окончанія курса), затѣмъ къ 1-му января 1881 года состояло на лицо 265 студентовъ; въ фельдшерской школѣ: къ 1880 году находилось 12 учениковъ, въ теченіе 1880 года вновь поступило 9, въ теченіе года выбыло 6 (5 окончили курсъ съ званіемъ ветеринарнаго фельдшера, 1 до окончанія курса), затѣмъ къ 1-му января 1881 года состояло 16 учениковъ. Изъ числа учащихся освобождены были отъ платы 119 студентовъ и 1 ученикъ: слушали лекціи за половинную плату 8 студентовъ; пособия выдали 3 студентамъ; въ стипендіи выдано студентамъ 2,841 руб. 97 коп. Учебно-вспомогательныя учрежденія института находились къ 1-му января 1881 года въ слѣдующемъ положеніи: въ библиотекѣ имѣлось книгъ и періодическихъ изданій 4,764 названія 3,272 тома на 14,178 руб.; въ физическомъ кабинетѣ разныхъ предметовъ 246 номеровъ на 3,725 руб.; въ химической лабораторіи 225 номеровъ на 1,745 руб.; въ фармакогностическомъ кабинетѣ 267 номеровъ на 204 руб.; въ минералогическомъ кабинетѣ 1,135 номеровъ на 858 руб.; въ гербаріи и ботаническомъ саду 6.000 номеровъ на 151 руб.; въ зоологическомъ собраніи 349 номеровъ на 2,070 руб.; въ двухъ отдѣленіяхъ музея анатомическаго театра 3,468 номеровъ на 5,459 руб.; въ кабинетѣ моделей различныхъ домашнихъ животныхъ 61 номеръ на 255 руб.; въ кузницѣ 64 номера на 402 руб.; въ сельско-техническомъ кабинетѣ 153 номера на 557 руб.; въ физиолого-химической лабораторіи 230 номеровъ на 1,014 руб.; въ аптекѣ 1,596 номеровъ на 2,993 руб.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго рода копытъ 84 номера на 96 руб.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ 40 номеровъ на 105 руб.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ 349 номеровъ на 2,070 руб.; въ зоотомическомъ кабинетѣ 1,920 номеровъ на 3,702 руб.; въ клиникѣ 126 номеровъ на 1,195 руб.— Движеніе больныхъ въ клиникѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ хирургической: поступило для леченія 144, выбыло столько же (выздоровѣло 128, получило облегченіе 8, признано неизлечимыми 7, пало 1), амбулаторныхъ больныхъ было 133; въ терапевтической стационарной: поступило для леченія 128, выбыло столько же (выздоровѣло 85, получило облегченіе 6, признано неизлечимыми 2, пало 35); амбулаторныхъ больныхъ было 51.

ОБЗОРЪ ЭПИГРАФИЧЕСКИХЪ ДОКУМЕНТОВЪ ПО ИСТОРИИ АТТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ.

Историко-филологическая наука лишена того могучаго средства контроля надъ выводами разума, которое въ другихъ наукахъ дается опытомъ. Но и въ ней, хотя случайно и лишь время отъ времени, является нѣчто, отчасти замѣняющее опытъ—именно открытіе новыхъ, прежде неизвѣстныхъ свидѣтельствъ. Такія открытія то неожиданнымъ образомъ подтверждаютъ самыя смѣлыя догадки дальновидныхъ изслѣдователей, то, очищая ниву науки отъ ложныхъ гипотезъ, вышедшихъ изъ неправильной оцѣнки и комбинаціи старыхъ свидѣтельствъ, готовятъ почву для новыхъ предположеній, болѣе надежныхъ. Таково же до извѣстной степени значеніе и открытій, сдѣланныхъ въ недавнее время въ области эпиграфическихъ источниковъ исторіи греческой драмы.

Эти источники драгоцѣнны для насъ не только потому, что, по времени происхожденія, они весьма близки, отчасти современны тѣмъ историческимъ фактамъ, о которыхъ свидѣлствуютъ, но еще и потому, что значительная часть ихъ, по самому способу происхожденія, имѣетъ тѣ неоспоримыя права на наше довѣріе, какія обыкновенно усваиваются официальнымъ документамъ. Только изъ официальныхъ документовъ могли быть извлечены тѣ извѣстія, съ какими здѣсь приходится имѣть дѣло; мало того, мы имѣемъ достаточно основаній предполагать, что и самыя извлеченія въ большинствѣ случаевъ имѣютъ официальный характеръ, что они были предприняты по волѣ аѣянскаго государства. Подобно множеству иныхъ официаль-

ныхъ извѣстій, и эти официальные историко-литературныя показанія касаются лишь чисто внѣшней стороны событій; но за то въ этой ограниченной области они, безъ всякаго сомнѣнiя, совершенно точны и достовѣрны. А что правильное, методическое объясненiе смысла историко-литературныхъ фактовъ невозможно, пока не опредѣлена точно ихъ внѣшняя обстановка—это едва ли нужно доказывать. Возможно ли напр. устанавливать преемственность литературныхъ идей и формъ, пока не существуетъ надежной историко-литературной хронологiи? Что касается въ частности до исторiи греческой литературы, то она, какъ извѣстно, до сихъ поръ находится въ такомъ положенiи, при которомъ никакъ нельзя пренебрегать какимъ бы то ни было приростомъ свѣдѣнiй, хотя бы и чисто внѣшняго характера. Само собою понятно, что такого рода свѣдѣнiя приобрѣтають особенную важность тогда, когда они касаются такихъ отраслей литературы, развитiе которыхъ находится въ особенно близкой зависимости отъ внѣшнихъ, постороннихъ литературъ условiй. Въ греческой поэтической литературѣ такую отрасль преимущественно предъ прочими была драма. Греческiя трагедiи и комедiи прежде всего и главнымъ образомъ назначались для исполненiя на театрѣ, и затѣмъ уже для чтенiя. Поэтому греческiй драматическiй поэтъ въ своемъ творчествѣ долженъ былъ принаровляться къ массѣ разнообразныхъ, время отъ времени измѣнявшихся условiй, которыми обставлено было допущенiе пьесъ на сцену и ихъ исполненiе. Свѣдѣнiя, сообщаемыя эпиграфическими памятниками, и касаются главнымъ образомъ этихъ условiй развитiя греческой драмы, а также ея хронологiи. Вслѣдствiе особенной обстановки драматическаго дѣла, греческiй драматургъ едва ли еще не болѣе, чѣмъ новые драматурги, долженъ былъ дорожить успѣхомъ перваго представленiя. Отсюда являлась необходимость принаровляться къ измѣнчивому, различными историческими причинами обусловленному настроенiю публики. Извѣстно, что цѣлый и весьма значительный отдѣлъ греческой драматической поэзи (древняя комедiя) почти также тѣсно связанъ былъ съ временными скоро переходящими интересами публики, какъ связана съ ними новѣйшая юмористическая и сатирическая періодическая пресса. Но и возвышенная трагедiя не пренебрегала возможностью оживлять вниманiе къ себѣ зрителей намеками на интересы ближайшей минуты.

Поэтому неудивительно, что уже древнiе національныя историки греческой литературы посвятили не мало трудовъ изслѣдованiю какъ другихъ сторонъ внѣшней исторiи драмы, такъ въ особенности ея хро-

нологіи. Нѣкоторые изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ этихъ трудовъ, и именно самые полные между ними и, очевидно, вѣрнѣе всего сохранившіе свой первоначальный видъ, обнаруживаютъ поразительное сходство и по содержанію и по формѣ съ нѣкоторыми изъ занимающихъ насъ эпиграфическихъ памятниковъ. Въ виду этого факта само собою возникаетъ предположеніе, что довольно обширный, а по своей точности и достовѣрности и самый цѣнный разрядъ литературныхъ показаній по исторіи греческой драмы ведетъ свое начало если не изъ тѣхъ самыхъ эпиграфическихъ памятниковъ, о которыхъ мы намѣрены говорить, то по крайней мѣрѣ изъ одного источника съ ними, то-есть изъ официальныхъ протоколовъ аѳинскихъ драматическихъ состязаній. А ргіогі возможно, конечно, и такое предположеніе, что, на основаніи официальныхъ протоколовъ, былъ сперва составленъ литературный трудъ, обнимавшій внѣшнюю исторію драмы, который впоследствии послужилъ источникомъ для эпиграфическаго памятника. Но и при этомъ предположеніи, столько же, сколько и при первомъ, должна показаться основательною надежда, что изученіе эпиграфическаго памятника дастъ намъ средства съ большею точностью, чѣмъ это было возможно до сихъ поръ, опредѣлить первоначальный составъ, форму и значеніе нѣкоторыхъ литературныхъ источниковъ исторіи греческой драмы.

Возможность существованія официальныхъ документовъ по исторіи такого неофициальнаго на нашъ взглядъ явленія, какъ драматическая поэзія, у Грековъ обуславливалась тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что у нихъ исполненіе драматическихъ произведеній было составною частью празднествъ, совершаемыхъ общиною или государствомъ въ честь своихъ боговъ. Произведенія драматической поэзіи, во времена ея процвѣтанія въ Аѳинахъ, ставились на сцену только въ праздники Діониса. Въ этомъ отношеніи первенствующее значеніе между такими праздниками приобрѣли городскія или великія Діонисія и Лизіи. Оба эти праздника совершались цѣлымъ Аѳинскимъ государствомъ; поэтому совершались на гораздо большія средства, съ большимъ блескомъ и великолѣпіемъ, чѣмъ сельскія Діонисія, совершавшіяся отдѣльными димами; понятно, что эти два праздника въ особенности должны были привлекать къ себѣ участіе какъ публики, такъ и драматическихъ поэтовъ, которые трудились надъ своими произведеніями, мечтая о побѣдѣ на представленіяхъ одного изъ этихъ двухъ праздниковъ: мы знаемъ еще относительно нѣкоторыхъ поэтовъ, сколько они одержали побѣдъ на городскихъ Діонисіяхъ и сколько

на Липнѣяхъ, но мы не имѣемъ ни одного извѣстія о побѣдахъ, одержанныхъ на сельскихъ Діонисіяхъ, или въ праздникъ Хитръ; если въ дошедшихъ до насъ показаніяхъ о первыхъ представленіяхъ трагедій и комедій называются не только годы первыхъ представленій, но и самые праздники, то такими праздниками всегда оказываются или городскія Діонисіи, или Липнѣи.

Какъ составная часть праздника, совершаемаго государствомъ, постановка драматическихъ произведеній, вмѣстѣ съ лирическими, находившимися въ томъ же положеніи, должна была подчиняться надзору официальныхъ лицъ, заведующихъ устройствомъ праздника. Архонтъ „давалъ хоръ“ драматическому поэту. При этомъ иногда, кажется, и не получивъ хора отъ архонта, поэтъ могъ добиться исполненія своей пьесы: такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ насъ древніе толкователи термина *ἐθελονταί* ¹⁾). Можно было бы полагать, что въ этомъ показаніи, порядки, существовавшіе въ самомъ началѣ развитія драматической поэзіи (Aristot. Poet. V, 1449, B.), по недоразумѣнію, переносятся на позднѣйшую эпоху. Но отъ такого предположенія насъ удерживаетъ то обстоятельство, что иногда ²⁾ въ древнихъ извѣстіяхъ о времени постановки пьесъ мы встрѣчаемъ такого рода замѣтки: такая-то пьеса поставлена въ такомъ-то году въ такой-то праздникъ *δημοσίᾳ*. Это *δημοσίᾳ* кажется намъ понятнымъ только при томъ предположеніи, что одновременно съ общественными, при помощи государства совершаемыми постановками пьесъ, существовали постановки частныя, „добровольныя“, то-есть такія, средства для которыхъ давались не обязанными къ тому хоригами, а самимъ поэтомъ или другими лицами, по доброй волѣ услуживавшими поэту. Но само собою разумѣется, что добровольныя постановки были явленіемъ сравнительно рѣдкимъ. Трудно себѣ представить, чтобы часто оказывались лица, изъ одной любви къ искусству, безъ общественнаго принужденія бравшія на себя значительные расходы по исполненію драматическихъ пьесъ. Кромѣ того, такъ какъ число дней каждаго праздника было ограничено и достаточно наполнено совершеніемъ религиозныхъ церемоній, исполненіемъ лирическихъ пьесъ и обяза-

¹⁾ Eustath. ad Hom. II. p. 800, 30 Rom. (изъ *Θαίᾳ* Діонисіа?) *ἐκαλοῦντο ἐὶ καὶ ἐθελονταὶ διδάσκαλοι, δραμάτων δηλαδὴ, ὅτε τις μὴ λαβὼν χορὸν μηδὲ χορηγόν, ἔχων ἑαυτῷ τὰ πάντα παρείχε.*

²⁾ Arg. Arist. Equ. II, *ἐδιδάχθη τὸ δράμα ἐπὶ Στρατοκλεους ἀρχοντος δημοσίᾳ εἰς Λήγαια, δι' αὐτοῦ τοῦ Ἀριστοφάνους.*

тельными „общественными“ драматическими представленіями, то не легко было найти и время для сколько нибудь значительнаго числа частныхъ, „добровольныхъ“, такъ сказать, сверхштатныхъ представленій. Во всякомъ случаѣ, если бы число такихъ представленій было и велико, подчиненіе драматической части праздника архонту достаточно выражалось въ томъ, что архонтъ могъ при случаѣ лишить драматическаго поэта общественной поддержки при исполненіи пьесъ.

На городскихъ Діонисіяхъ драматическія представленія, безъ сомнѣнія, подчинены были надзору архонта эпонима. Что первый архонтъ былъ верховнымъ распорядителемъ великихъ Діонисій, извѣстно теперь не только изъ литературныхъ свидѣтельствъ (Demosth. XXI, 13. Poll. VII; 89, ὁ δὲ ἄρχων διατίθειαι — Διονύσια καὶ Θαρρήλια μετὰ τῶν ἐπιμελητῶν), но и изъ подлинныхъ официальныхъ документовъ: см. Corp. inscr. Att. II, п. 420 и надпись въ Ἀθήναιον VII, стр. 480 сл. съ примѣчаніями Куманудиса. Къ сожалѣнію, въ этихъ документахъ воздается благодарность архонту, только какъ совершителю жертвы и торжественнаго шествія (πομπή) въ честь Діониса; о дионрамбическомъ и сценическомъ агоніахъ не упоминается ни однимъ словомъ. Это упущеніе, кажется намъ, слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что въ ту эпоху, къ которой относятся эти документы, если не всѣ функціи архонтской власти по отношенію къ агонической части праздника, то, по крайней мѣрѣ, самая значительная часть ихъ перешла къ агонοεету; поэтому и общественная благодарность за счастливое совершеніе агоніи лирическихъ и драматическихъ должна была воздаваться теперь и, какъ мы знаемъ ¹⁾, дѣйствительно воздавалась уже агонοεету, а не архонту.

Линейскія драматическія представленія, подобно другимъ частямъ Линейскаго празднованія, должны были подчиняться надзору архонта-царя. Poll. VIII, 90 ὁ δὲ βασιλεὺς μυστηρίων προέστειχε μετὰ τῶν ἐπιμελητῶν καὶ Δηναίων=Schol. ad Platon. Euthyphr. 2 A.

Когда драматическія произведенія, кромѣ Аѳинъ, начинаютъ исполняться и въ другихъ городахъ, то и тамъ это дѣло совершается подъ надзоромъ властей. См. Lüders. Die Dionysischen Künstler. 1873, стр.

¹⁾ См. эпиграфическія свидѣтельства, собранныя Келеромъ въ Mittheilungen des deutschen archaologischen Institutes in Athen, III Jahrgang (1878). стр. 233, особенно Corp. inscr. Att. II, 307: (ἐπεμελήθη) δὲ καὶ τῶν ἀγώνων τῶν τε Διονυσιακῶν καὶ τῶν ἄλλων καλῶς [καὶ φιλοτίμ]ως.

81, 143 и Foucart. De collegiis scenicorum artificum apud Graecos. 1873, стр. 54 сл.

Естественно, что исполненіе драматическихъ произведеній, какъ одно изъ дѣйствій общественнаго празднованія, не обходилось безъ помощи государства: эта помощь оказывалась такимъ образомъ, что покрытіе издержекъ по постановкѣ трагедій и комедій признавалось повинностью, возлагавшеюся на богатѣйшихъ гражданъ и частію метиковъ, сперва въ формѣ хоригіи, впослѣдствіи въ формѣ агоноеесіи. По весьма правдоподобнымъ соображеніямъ Келера (l. l. стр. 231 сл.), эта послѣдняя форма повинности установлена лишь съ 309 г. до Р. X. Поэтому приходится предполагать, что правило аттикистовъ, которые ποιεῖν ἄφωνα τραγῳδῶν οὐ φασὶ δεῖν λέγειν, ἀλλ' ἀγωνοθεταῖν (Bekkeri Anecdota, стр. 11, 18) было основано только на словопотребленіи писателей современныхъ столь низко цѣнимому аттиками Менандру или писателей еще болѣе позднихъ. Упомянутое объ агоноеетѣ для Діонисій въ поддѣльныхъ документахъ, вставленныхъ въ рѣчь Димосеена „о вѣнкѣ“ §§ 84 и 118, можно, конечно, объяснить произвольнымъ усвоеніемъ Димосеену времени учрежденій позднѣйшихъ ¹⁾ или неудачно привлеченной аналогіей Панаэтинейскаго праздника: см. *ibid.*, § 116. Не нужно однако упускать изъ виду и такого предположенія, кажущагося намъ вѣроятнымъ: званіе агоноеета для Діонисій, можетъ быть, существовало издавна, но только его роль до 309 г. была не финансовая, а чисто административная: это былъ одинъ изъ тѣхъ эпимелитовъ, о которыхъ говорятъ намъ (Poll. VIII, 89), какъ о помощникахъ перваго архонта въ устроеніи городскихъ Діонисій ²⁾. По всей вѣроятности, такіе же эпимелиты помогали архонту-царю завѣдывать Линейскимъ празднествомъ. Что агоноеетамъ принадлежалъ надзоръ за драматическими представленіями, можно заключить изъ Aristid. T. II, p. 523 Dind. χωρφοῖς μὲν καὶ τραγῳδοῖς καὶ τοῖς ἀναγκαίοις τοῦτοιοῖς ἀγωνισταῖς ἴσαι τε αὖ καὶ τοὺς ἀγωνοθετάς καὶ τοὺς θεατάς ἐπιχωροῦντας μικρὸν τι περὶ αὐτῶν

¹⁾ Cf. *Saupe*, Die Mysterieninschrift aus Andania (Abhandl. d. k. Gesellsch. d. Wissensch. zu Göttingen. VII, Bd. 1860, стр. 256).

²⁾ Вѣдь и въ періодъ полнаго развитія Діонисійской агоноеесіи это была лишь ἐπιμέλεια, а не ἀρχή. См. Köhler, Mitth. III, стр. 234. Въ тѣ времена, когда завѣдываніе агоніями выдѣлялось въ особую ἐπιμέλεια, архонтскіе эпимелиты завѣдуютъ уже только торжественнымъ шествіемъ. См. надпись въ 'Αθήν. VII, стр. 480 (строка 23 τοὺς τῆς πομπῆς ἐπιμελητάς) и С. I. A. II. n. 420, строка 24.

παρὰβῆναι καὶ πολλὰκις ἀφελόντες τὸ προσωπεῖον μεταβῆ τῆς Μούσης ἢν ὑποκρίνονται δημηγοροῦσι σεμνῶς· οὐ δ' ἡμῖν οὐδὲ τοσοῦτον μετέδωκας ἀναπνεῦσαι, καὶ ταῦτα ὧν οὐδεὶς, ἀλλ' ἀγαπᾷ σοι προσῆχον, εἰ καὶ ἐν οἰκέτου τάξει παρῆσθα τοῖς γιγνομένοις. Возможно, разумѣется, что риторъ II вѣка по Р. X. говоритъ объ агоноеетахъ, современныхъ древней комедіи, не на основаніи точныхъ свѣдѣній, а по догадкѣ; но такая догадка была возможна только въ томъ случаѣ, если въ тотъ періодъ агоноеесіи, о которомъ зналъ Аристидъ, обязанности агоноеета ¹⁾ состояли не въ томъ только, чтобы доставлять средства, или часть средствъ, для снаряженія діонисійскихъ агоневъ, а и въ распоряженіи этими агонами. Эта послѣдняя часть функцій агоноеесіи существовала, вѣроятно, и до 309 года, когда другая половина ихъ, финансовая, принадлежала хоригіи ²⁾. Поэтому-то, когда отмѣнено было нововведеніе 309 года, когда снова были введены хоригіи, одновременно существовали и хориги и агоноееты (Köhler, l. l. p. 241). Впрочемъ и въ періодъ, слѣдовавшій непосредственно за 309 г., номинально хоригіа существовала; только въ этотъ періодъ хоригомъ представляется не отдѣльный гражданинъ, а цѣлый народъ Аѳинскій (ὁ δῆμος ἐχορήγει), такъ что съ формальной точки зрѣнія агоноееть былъ именно только устройтеlemъ агона на средства, доставляемыя государствомъ: агоноееть замѣнилъ собою не хорига, на мѣсто котораго сталъ ὁ δῆμος, а архонтскаго эпимелита. Первоначальная административная, а не финансовая сущность обязанностей агоноеета сказывается еще и въ такомъ явленіи римской эпохи: званія агоноеета Діонисій и архонта соединяются въ одномъ лицѣ. (См. надпись въ 'Арχαιολογικῆ Ἐφημερίδα, 1862 г., стр. 222, стр. 2 сл.). Однако, при бѣдности казны, на практикѣ, конечно, могло выходить такъ, что большую долю средствъ на совершеніе праздниковъ все-таки давалъ агоноееть, во что бы то ни стало обязанный устроить агоны приличнымъ образомъ, такъ что отправленіе этой должности обращалось въ исполненіе довольно тяжелой повинности. Такое же соединеніе адми-

¹⁾ Меньше точно по такому же поводу, какъ у Аристида называется агоноееть, у Лукіана (Piscat. 33) называются ἀφλοθέται.

²⁾ Такъ что у Фукидида, въ рѣчи Клеона (III, 38, 4 αἰτίαι δ' ὕμεις καθῶς ἀγωνοδητοῦντες, οἵτινες εἰσώματα θεαταὶ μὲν τῶν λόγων γίνεσθαι, ἀχροαταὶ δὲ τῶν ἔργων), гдѣ, кажется, намекается именно на Діонисіиское празднество, на которое агоны мусическія соединялись со сценическими, ἀγωνοδητοῦντες, можетъ быть, есть vox prologia о власти, устрояющей агоны этого праздника.

нистративной стороны съ финансовой мы находимъ и въ агоноеесіи, существовавшей для праздника Θήρεια (С. I. А. II, п. 444 и 446).

По аналогіи гимническихъ и гиппическихъ состязаній, издавна соединявшихся у Грековъ съ религиозными празднествами, къ мусической и сценической частямъ Діонисовыхъ празднествъ также весьма рано примѣненъ былъ принципъ агона-состязанія. При этомъ составались не только поэтъ съ поэтомъ, но (по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ мусическихъ агонахъ) філа съ філой и (во времена существованія хоригіи) — хоригъ съ хоригомъ. Судьи состязаній выбирались подъ надзоромъ и при участіи государственныхъ властей. Филамъ или хоригамъ, одержавшимъ побѣды на состязаніяхъ, давались отъ государства извѣстные призы.

Однимъ словомъ, исполненіе драматическихъ и лирическихъ (а частію и чисто музыкальныхъ) произведеній на праздникахъ, совершаемыхъ государствомъ, имѣло значеніе довольно сложнаго, имѣвшего и свою финансовую сторону и затрогивавшаго интересы многихъ лицъ, оффиціального дѣйствія, которое, какъ всякое другое оффиціальное, требовало документальной отчетности. Такъ, напримѣръ, безъ сомнѣнія, въ оффиціальныя документы записывались не только расходы по изготовленію призовъ (ср. надпись Делосскихъ амфиктіоновъ у Boeckh's Staatshaushaltung der Athener II, стр. 95 и I, стр. 299: τριπόδες κλητήρια τοῖς χοροῖς καὶ τῷ ἐργασμένῳ μισθός и [χορ]ιγῆ τῶν τριπόδων, а также аѳинскую смѣту расходовъ у Rangabé, Antiquités helléniques, п. 961, на устройство наградъ кнеародамъ, авлодамъ, кнеаристамъ и авлитамъ). Когда совѣтъ пятисотъ выплачивалъ драматическимъ поэтамъ гонораръ за поставленные ими пьесы (Schol. Aristoph. Ran. 367), то, по всей вѣроятности, дѣло не обходилось безъ оффиціального удостовѣренія лица, распоряжавшагоса устройствомъ агона, о томъ, что извѣстный поэтъ участвовалъ въ извѣстномъ агонѣ, а самое исполненіе денежной выдачи, конечно, заносилось съ надлежащей обстоятельностью въ списокъ расходовъ, сдѣланныхъ совѣтомъ. Но въ особенноти архонты, которымъ принадлежало верховное завѣдываніе празднествами Діониса, должны были вести своего рода протоколы состязаній, какъ для того, чтобы имѣть возможность представить точный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ и для того, чтобы філы и отдѣльныя лица, тѣмъ или другимъ способомъ чередовавшіяся въ исполненіи хоригіи, имѣли оффиціальное свидѣтельство о томъ, что

извѣстная хоригія ими дѣйствительно была исполнена ¹⁾). Подобнаго рода записи необходимо должны были вести и власти отдѣльныхъ филъ: иначе слишкомъ затруднительно было бы опредѣлять, кто изъ филетовъ, по своему состоянiю обязанныхъ быть хоригами, исполнял эту обязанность и кто еще нѣтъ; а для того чтобы бремя хоригической повинности распредѣлялось сколько нибудь справедливо и равномерно, необходимо было знать не только то, что извѣстный гражданинъ былъ уже хоригомъ, но и то, какъ давно онъ исполнял эту повинность. Когда фила Πανδιονίς постановляла (Corp. inscr. att. II, n. 553=Corp. inscr. gr. I, n. 213) почтить записью на камнѣ своихъ хориговъ, одержавшихъ побѣды нѣсколько лѣтъ тому назадъ (ἀναγράφαι δὲ καὶ εἴ τις ἄλλος νενίκηκεν ἀπ' Εὐκλείδου ἀρχοντος πατρὶν ἢ ἀνδράσιν Διονύσια ἢ Θαρρήλια ἢ Προμήθια ἢ Ἰφαιστια), то, безъ сомнѣнiя, она имѣла въ своемъ распоряженiи архивные документы, по которымъ память о прошломъ легко и точно могла быть восстановлена. Въ этомъ постановленiи говорится только о побѣдителяхъ на извѣстнаго рода мусическихъ агонахъ; о побѣдахъ сценическихъ здѣсь не могло быть рѣчи уже потому, что сценическiя хоригiи никакого отношенiя къ филамъ не имѣли.

До сихъ поръ при разсужденiяхъ о хоригiяхъ общепринятымъ, сколько мы знаемъ, обычаемъ было все извѣстное о двоирамбическихъ хоригахъ *πρίμων* и *ἀνδρῶν*, связь которыхъ съ филами несомнѣнна, переносить и на всякихъ другихъ хориговъ, въ особенности на хориговъ сценическихъ. Ф. А. Вольфъ въ изслѣдованiи о литургiяхъ, предпосланномъ его изданiю Димосееновой рѣчи противъ Лептина (стр. XXXIX), зависимость отъ филъ вводилъ, какъ постоянный признакъ, въ самое опредѣленiе хоригiи: *Ac primum nomen χορηγοῦ et inde ducta, solenni Atticis sensu, propria sunt de eo, qui a tribu sua editus sumtum praebebat choris instruendis et adornandis.* Съ меньшей опредѣлительностью, но, очевидно, то же самое держали въ умѣ позднѣйшіе изслѣдователи греческихъ древностей: Беккъ (Staatsh. I, стр. 601: Die von den Stämmen gestellten Choregen wurden vom Archon den Dichtern zugetheilt и т. д. Ср. также стр. 598 сл.), К. Ф. Германнъ (Lehrb. d. griech. Antiquit. I⁵, конецъ 161-го §), Шеманнъ (Gr. Alterth. I³, стр. 488), говоря объ отношенiяхъ хориговъ къ филамъ, не дѣлаютъ различiя между хоригiями хоровъ двоирамбиче-

¹⁾ Ср. списокъ лицъ, бывшихъ въ годъ какого-то архонта литургами для агона εὐταξίας въ С. I. А. II, n. 172.

скихъ и драматическихъ; не дѣлаетъ этого и Келеръ (Mitth. der deutsch. arch. Inst. in Ath. III, стр. 230 сл.), разъяснившій нѣкоторыя другія стороны устройства хоригической повинности ¹⁾. Безъ всякихъ выраженій сомнѣнія говорятъ о зависимости драматическихъ хоригій отъ филъ историка греческой литературы; такъ напримѣръ у Бернгарди II, 2^a, стр. 96, читаемъ: *der jedesmal im Namen seines Stammes eintretende Chorege wetteiferte mit anderen wohlhabenden Männern, den Vertretern der übrigen Stämme, um die dramatischen und lyrischen Chöre der Männer und Knaben, den kunstvollen Verein von Poesie mit Gesang, Tanz und Musik nach vielfachen Uebungen im würdigsten Schmuck darzustellen und seinem Stamme den Sieg zuzuwenden.* (Ср. К. О. Müller's Gesch. d. griech. Literatur II³, стр. 41 и 74). Между тѣмъ, на сколько мы знаемъ, не существуетъ ни одного свидѣтельства, которое хоть что нибудь говорило бы въ пользу того мнѣнія, будто драматическій хоригъ дѣйствовалъ какъ представитель известной филы. Напротивъ, какъ нѣкоторые, давно уже извѣстные факты, такъ въ особенности недавно открытые эпиграфическіе документы исторіи аттической драмы весьма сильно говорятъ противъ такого мнѣнія. Прежде всего, полагая, что оно справедливо, слѣдовало бы ожидать соотвѣтствія между числомъ драматическихъ хоровъ и числомъ филъ, и Беккъ (С. I. Gr. I, стр. 352) разсуждалъ вполне послѣдовательно, когда онъ полагалъ, что на каждомъ драматическомъ афинскомъ агонѣ ставилось 5 тетралогій пятью трагиками и 5 комедій пятью комическими поэтами. Но съ тѣхъ поръ, какъ послѣ изслѣдованія Зауппе (Sauppe, Ueber die Wahl der Richter in den musischen Wettkämpfen an den Dionysien: Berichte über die Verhandlungen der k. sächsischen Gesellschaft der

¹⁾ Монографія Розенгранда (*H. Rosenkranz, De choregia et chorentarum vetero, Rostochii 1873*), какъ во всякъ другіихъ случаяхъ, ограничивается скуднымъ пересказомъ чужихъ мнѣній, не вводя въ изслѣдованіе ни одного новаго факта, ни одной свѣжей мысли, такъ и въ изложеніи занимающаго насъ вопроса (стр. 4, 6 сл.) оправляется отъ положенія: *choregiae omnis institutio in decem phylarum distributione est posita.* Нѣсколько оригинальныхъ сужденій о подробностяхъ устройства сценическихъ хоригій высказалъ Шмерль (*M. Schmerl, Quibus Atheniensium diebus festis fabulae in scaenae commissae sint. Vratisl. 1879*), но самую основу этого устройства и онъ, полагаясь на свидѣтельство, никакого отношенія къ сценическимъ хоригіямъ не имѣющее, опредѣляетъ (стр. 12) такъ: *chororum scaenicorum exornatio quae publica cura regebatur, ita distributa erat, ut quaeque φυλή, quae vocabatur, semel quotannis choragium susciperet (conf., ut uero exemplo defungar, Demosth. Mid. § 13).*

Wissenschaften zu Leipzig, VII т., стр. 16 сл.) сдѣлалось общепринятымъ положеніе, что въ V вѣкѣ каждый драматическій агонъ состоялъ изъ трехъ тетралогій и трехъ комедій, нельзя бы, кажется, по крайней мѣрѣ для V вѣка, не считать сомнительною связь драматическихъ хоригій съ филлами. А теперь, изъ недавно обнаруженныхъ фрагментовъ эпиграфическаго свода дидаскалій, мы знаемъ, что и въ IV вѣкѣ, когда на состязаніяхъ являлось по пяти комиковъ, ставившихъ каждый по одной комедіи, все-таки соотвѣтствія между числомъ хоригій и числомъ филъ не было, такъ какъ и въ это время на состязанія допускались по три трагика, ставившихъ каждый одинаковое число трагедій (около половины IV-го вѣка—по двѣ или по три трагедіи); соотвѣтствіе не возстановлялось и тѣмъ, что агонъ дополнялся еще исполненіемъ одной сатирической драмы и одной (трагической) или двухъ (трагической и комической) пьесъ стараго репертуара.

Далѣе: нельзя не придавать значенія тому обстоятельству, что опущеніе имени филлы составляетъ постоянный признакъ эпиграфическихъ отчетовъ о хоригіяхъ драматическихъ, точно также, какъ обозначеніе имени филлы составляетъ постоянный признакъ официальныхъ извѣстій о хоригіяхъ дионрамбическихъ. Давно уже извѣстно довольно значительное число такъ называемыхъ хоригическихъ надписей, и число это постоянно возрастаетъ вслѣдствіе новыхъ находокъ. Множество разъ въ этихъ надписяхъ встрѣчается соединеніе терминовъ *παίδων* или *ἀνδρῶν* съ именемъ филлы; но, насколько мы знаемъ, до сихъ поръ не найдено еще ни одной такой надписи, въ которой бы встрѣтились формулы *ἡ θεῖνα φυλὴ ἐνίκα τραγῳδῶν* или *ἡ θεῖνα φυλὴ ἐνίκα κωμῳδῶν*. Можетъ быть, это случайность, зависящая отъ того, что, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, не принято было устраивать хоригическіе памятники въ честь сценическихъ побѣдъ? Дѣйствительно, такихъ памятниковъ было, кажется, очень мало — и скоро мы попытаемся объяснить, почему ихъ было мало, — но все-таки они были. Мы знаемъ еще очень древнюю надпись сценическаго хорига, именно надпись въ честь побѣды, одержанной *Θεμιστοκλῶς* посредствомъ трагедій Фриниха. И что же? Имени филлы здѣсь не оказывается: *Θεμιστοκλῆς Φρεάρριος ἐχορήγει, Φρόνιχος ἐδίδασκεν, Ἀδείμαντος ἤρχεν*—такъ читается надпись въ Плутарховой биографіи *Θεμιστοκλέα* (гл. 5). Но не случайность ли и это? Тотъ же Плутархъ (v. *Aristid.* 1) сохранилъ намъ такую копію другой хоригической над-

писи: 'Αντιοχίς ἐνίκα, 'Αριστείδης ἐχορήγει, 'Αρχέστρατος ἐδίδασχε'), между тѣмъ, какъ копія Киріака (C. I. Gr. I, n. 211), сдѣланная, по-видимому, съ того же оригинала, даетъ только: 'Αριστείδης ἐχορήγει, 'Αρχέστρατος ἐδίδασχε: можетъ быть, и сообщаемая Плутархомъ копія съ надписи Θεμιστοκλα такъ же неполна, какъ неполна копія Киріака съ надписи Аристидеа? Признавая, что приведенныя до сихъ поръ соображенія и свидѣтельства еще не доказываютъ выставленнаго нами положенія, думаемъ однако, что и они отчасти послужатъ для него опорой, если мы сопоставимъ ихъ еще съ нѣкоторыми другими.

До насъ дошло нѣсколько надписей такихъ, въ которыхъ вѣстѣ говорится и о побѣдахъ мусическихъ и о побѣдахъ сценическихъ: отъ этихъ документовъ мы въ правѣ ожидать полнаго тождества формулъ въ обозначеніи результатовъ того и другаго агона, если только тождественна была сущность устройства самыхъ агоней. Ужъ Фр. Лео (въ журналѣ Rheinisches Museum für Philologie, XXXIII т. 1878 г., стр. 142 и сл.), издавая одну изъ такихъ надписей, былъ пораженъ тою ея особенностью, что въ ней, по-видимому, безъ достаточнаго основанія, обозначеніе филы, сдѣланное въ одномъ случаѣ, въ трехъ другихъ случаяхъ опущено. Вотъ эта надпись 2):

ον κῶμοι ἦσαν τ-	
[E]νοκλείδης ἐχορήγει	Πανδιον...
[M]άγνης ἐδίδασχε	Κλεσίвет...
τραγῳιδῶν	κῶμοιδῶ[v]
5 Περικλῆς Χολαρ:(γεὺς) ἐχορή:(γεῖ)	ΘΔ
Δισχύλος ἐ[δ]ίδασχε[v]
.	

Здѣсь мы имѣемъ четыре, такъ сказать, параграфа, относящіяся къ четыремъ побѣдамъ; хотя ни одинъ, можетъ быть, изъ этихъ па-

1) Относить эту надпись къ сценической побѣдѣ вѣтъ ни малѣйшаго основанія. Если бы Архестратъ былъ трагикомъ или комикомъ, то, вѣроятно, Панвѣтій зналъ бы его не по однимъ хорегическимъ памятникамъ; да едва-ли тогда Плутархъ (или Панвѣтій) и назвалъ бы Архестрата χορῶν διδάσκαλον. Въ эти времена χοροί именно противопоставляются трагедіи и комедіи. См. надпись въ 'Αθήν. VI, прилож. къ стр. 127 (она повторена также въ Addendis къ C. I. A. III и Кайселемъ въ Rhein. Mus. XXXIV): "Ἀρχων Διονυσόδωρος εὐχάρπου τέχνης | πάσης με κῶδος κωμικῆς τραγικῆς χορῶν | τὸν δεῖθ' ἄρα μιν τριπόδα θῆκε 'Ασκληπιῶ."

2) Мы даемъ ее по копіи, сообщенной Келеромъ въ Mittheil. d. deutsch. arch. Inst. in Ath. III, стр. 105. Дополненія принадлежатъ частію Лео, частію Келеру.

раграфовъ, кромѣ развѣ втораго, не сохранился вполнѣ. Фр. Лео однако совершенно вѣрно, узнавъ въ третьемъ параграфѣ имя фила Πανδίωνς ¹⁾, замѣтилъ, что ни въ одинъ изъ остальныхъ обозначеніе фила не можетъ быть вставлено. Первый параграфъ, какъ угадалъ Лео, относится къ комедіи: Μάγυςъ есть знаменитый древній комикъ; слѣдовательно въ этомъ параграфѣ недостаетъ заголовка κωμωιδῶν, который долженъ былъ находиться на другой плитѣ, присоединявшейся къ этой слѣва; но что сряду за словомъ κωμωιδῶν не могло слѣдовать обозначеніе фила, видно изъ четвертаго параграфа, гдѣ послѣ κωμωιδῶν] находятся такіа начертанія (ΩΔ, по копіи Лео, или ΘΔ, по копіи Келера), съ которыхъ не могло начинаться ни одно изъ именъ аттическихъ филъ, и что вообще между заголовкомъ параграфа и именемъ хорига не могло находиться никакихъ другихъ обозначеній, доказываетъ второй параграфъ, гдѣ къ заголовку τραγῳιδῶν непосредственно примыкаетъ имя хорига; съ другой стороны, на основаніи сохранившагося заключенія перваго параграфа, мы имѣемъ право утверждать, что ни въ заключеніи втораго, ни въ заключеніи четвертаго параграфовъ, послѣ именъ дидаскаловъ не находилось именъ филъ. Итакъ въ одномъ параграфѣ мы здѣсь имѣемъ обозначеніе фила, а въ трехъ другихъ такого обозначенія не оказывается. Чѣмъ объяснить такое различіе? Лео объяснялъ его случайностью, предполагая, что источниками для автора этого эпиграфическаго списка побѣдителей послужили хоригическія надписи, въ которыхъ-де всегда называются имена хориговъ, но не всегда имена филъ. Такимъ объясненіемъ можно было довольствоваться, пока не имѣлось данныхъ для другаго лучшаго. Но уже очень скоро послѣ изслѣдованія Лео сдѣлались извѣстными двѣ новыя надписи, которыя, очевидно, принадлежатъ къ тому же самому разряду, какъ только что приведенная, устроены по одному принципу съ нею, и которыя, какъ намъ кажется, не только дозволяютъ, но и заставляютъ установить закономѣрность явленія, которое ранѣе казалось случайнымъ и слѣдовательно, въ сущности необъяснимымъ. Изъ этихъ надписей, изданныхъ Келеромъ ²⁾, въ особенности важна слѣдующая:

¹⁾ Оно было узнано впрочемъ—что и неудивительно—уже Равгависомъ (Ravagabé, Antiquités Helléniques II, p. 720).

²⁾ Mittheil. III, стр. 107 и 109. Келеру принадлежатъ и всѣ дополненія, которыя мы далѣе будемъ приводить.

ΠΑΙ[Α]
 ΟΣΕΔ
 ΙΔΩΝ
 ΝΠΑΙΑΝΙΕ
 5 [Ν]ΕΚΡΑΤΗΣΕΔΙ
 ΟΚΡΙΤΗΣΜΓΝΝ
 ΠΑΔΚΑΙΟΥ
 ΙΠΠΟΘΩΝΤΙΣΠΑΙΔΩΝ
 ΑΡΙΣΤΑΡΧΟΣΔΕΚΕ: ΕΧΟΡΗ
 10 ΑΙΑΝΤΙΣΑΝΔΡΩΝ
 ΔΗΜΟΣΘΕΝΗΣΕΧΟΡΗΓΕΙ
 [Ω]ΜΩΙΑ
 ΗΓ

Важное значеніе этой надписи состоитъ прежде всего въ томъ, что она даетъ возможность, которую и воспользовался Келеръ ¹⁾, опредѣлить тотъ порядокъ, въ которомъ въ документахъ этого рода перечислялись различные виды агоневъ. Въ этой надписи, которую мы для краткости будемъ называть второю, за именемъ архонта (ἐπί Ἀρχαίου), стоящимъ въ 7-й строкѣ, слѣдуетъ, очевидно, начало списка побѣдъ, одержанныхъ на какомъ-то праздникѣ въ годъ этого архонта. Сопоставляя эту часть второй надписи съ данными перваго столбца первой, получаемъ такой рядъ агоневъ: Παίδων, ἀνδρῶν, χορωιδῶν, τραγῳιδῶν. Во второй надписи заголовку χορωιδῶν (стр. 12) предшествуетъ параграфъ (стр. 10 и 11), относящійся къ агону ἀνδρῶν и состоящій изъ двухъ строкъ, изъ которыхъ въ первой содержится имя фило и терминъ ἀνδρῶν, а во второй имя хориго и терминъ ἐχορήγει: отсюда само собою понятно, что во второмъ столбцѣ первой надписи слѣдуетъ дополнять—какъ уже и дополнилъ Келеръ—послѣ Πανδιονίς терминъ ἀνδρῶν и послѣ Κλεαίνετος—терминъ ἐχορήγει. Теперь мы получаемъ три образца формулы, посредствомъ которой въ этихъ надписяхъ приводилось имя фило: Ἰπποθωντίς παιδων, Αἰαντίς ἀνδρῶν, Πανδιονίς ἀνδρῶν: имя фило постоянно предшествуетъ имени агона и оба имени постоянно пишутся въ одну строку. Этимъ уже доказывается, что нельзя дополнять имени фило ни передъ словомъ χορωιδῶν (стоящимъ во второй надписи, стр. 12), ни послѣ него. Послѣднее можно доказать еще и иначе. Къ строкѣ 7-й долженъ при-

¹⁾ Mitth., III, стр. 105.

мыкать сверху параграфъ, относившійся къ послѣднему изъ агоневъ, совершенныхъ на какомъ-то праздникѣ въ годъ, предшествовавшій архонтству Алкея. Легко замѣтить, что этотъ параграфъ состоитъ изъ 4-хъ строкъ: въ 6-й былъ названъ актеръ [ὑπ]οκριτῆς Μονν[ίσκος], въ 5-й дидаскалъ, Пэаніецъ 4-й строки могъ быть только хоригомъ, для названія агона остается 3-я строка; что это былъ агонъ драматическій, видно изъ 6-й строки; что это не былъ агонъ κωμωιδῶν, видно (не говоря уже объ имени актера) изъ общаго порядка агоневъ: остается дополнить 3-ю строку такъ [τραγωιδῶν]. Судя по копіи Келера, за этимъ словомъ не слѣдовало въ той же строкѣ никакого другаго, не слѣдовало имени филоу; но и въ 4-й строкѣ самое краткое имя филоу и самое краткое собственное имя хорига не могли бы помѣститься предъ словами Παίανιε[ὺς ἐχορήγει]. Слѣдовательно, имени филоу вообще не было послѣ заголовка τραγωιδῶν; не было его, значить, и послѣ заголовка κωμωιδῶν. Предполагать, что имя филоу находилось во второй строкѣ, невозможно: противъ этого говорить аналогія формулы Ἰπποδωυτίς καίδων и аналогія перваго столбца первой надписи. Остается дополнить начало второй надписи такъ, какъ дополнилъ Келеръ:

[κωμωιδῶν]
 — — — Παί[ανιεὺς ἐχορήγει]
 — — — ος ἐδ[ίδασκεν].

Другая изъ новыхъ надписей, изданныхъ Келеромъ (третья по нашему счету), содержитъ лишь слѣдующія начертанія:

ΚΕΚΡΟΙ
 ΔΙΟΦΑΝ
 ΚΕΚΡΟΠΙΣ
 ΟΝΗΤΩΡ
 5. ΚΩΜΩΙΑ
 ΔΙΟΠΕΙ
 ΠΡΟΚΛΕ
 ΤΡΑΓΩΙΑ

Не смотря на поврежденность надписи, полное тождество ея устройства съ устройствомъ двухъ ранѣ приведенныхъ, очевидно. И здѣсь агону τραγωιδῶν предшествуетъ агонъ κωμωιδῶν; параграфъ, относящійся къ комедіи, и здѣсь состоитъ изъ трехъ строкъ ²⁾, также

²⁾ Почему въ этихъ надписяхъ не называются имена комическихъ актеровъ,

какъ изъ трехъ строкъ долженъ былъ состоять первый параграфъ первой надписи; этому трехстрочному параграфу въ третьей надписи предшествуютъ два параграфа, которые могутъ относиться только къ агонамъ *καίδων* и *ἀνδρών*; какъ въ первыхъ двухъ надписяхъ, такъ и здѣсь каждый такой параграфъ состоитъ изъ двухъ строкъ; какъ тамъ, такъ и здѣсь въ этихъ параграфахъ въ началѣ первой строки стоитъ имя фила; какъ тамъ, такъ и здѣсь въ параграфахъ, относящихся къ сценическимъ агонамъ, въ началѣ первой строки стоятъ не имя фила; а обозначеніе агона. При такомъ сходствѣ этой надписи съ двумя предыдущими, не только мало вѣроятно, но совершенно недозволительно было бы предположеніе, что обозначеніе фила, не найденное въ извѣстныхъ параграфахъ тѣхъ надписей, существовало въ соотвѣтствующихъ параграфахъ этой.—Тѣ соображенія по поводу трехъ приведенныхъ надписей, какія мы до сихъ поръ излагали, собственно говоря, неизбежно уже предполагаются тѣми дополненіями, которыя сдѣлалъ въ надписяхъ Келеръ и которыя въ нашей защитѣ, конечно, не нуждаются; тѣмъ не менѣе показать, что другія дополненія сверхъ сдѣланныхъ знаменитымъ эпиграфикомъ невозможны, намъ было необходимо потому, что самъ онъ, насколько мы знаемъ, не сдѣлалъ того вывода, какой, по нашему убѣжденію, изъ этихъ фактовъ прямо вытекаетъ, и потому еще, что этотъ выводъ противорѣчить мнѣніямъ весьма распространеннымъ и очень твердо укоренившимся. Выводъ же состоитъ въ слѣдующемъ: такъ какъ въ эпиграфическихъ документахъ, перечисляющихъ совмѣстно побѣдителей агоневъ диэирамбическихъ и агоневъ драматическихъ, постояннымъ признакомъ отчетовъ о первомъ видѣ агоневъ является усвоеніе побѣды прежде всего филѣ, и затѣмъ уже хоригу, а столь же постоянными признаками отчетовъ объ агонахъ втораго вида являются усвоеніе побѣды непосредственно хоригу, и отсутствіе обозначенія фила, то слѣдовательно хоригіи диэирамбическія находились въ извѣстномъ отношеніи къ филамъ, а хоригіи драматическія отношенія къ филамъ не имѣли.

Намъ кажется, что тотъ же самый выводъ могъ бы быть сдѣланъ независимо отъ приведенныхъ надписей и гораздо ранѣе ихъ открытія, если бы изслѣдователи, разсуждавшіе о хоригіяхъ, не забывали придавать надлежащее значеніе греческимъ частицамъ *μάν* и *δέ*. Мы по

хотя называются актеры трагическіе—объ этомъ мы надѣемся сказать въ другомъ мѣстѣ.

крайней мѣрѣ недоумѣваемъ, какимъ образомъ можно понимать это выраженіе оратора Исая (V, § 36): οὗτος τῇ μὲν φολῇ εἰς Διονύσια χορηγῆσας τέταρτος ἐγένετο, τραγῳδοῖς δὲ καὶ πορρικισταῖς ὅστας; ¹⁾, если не раздѣлять убѣжденія, что не всякая хоригія была хоригіей для филы (φολῇ), что было два рода хориговъ: одни ставились филами каждою изъ своей среды, другіе народомъ ἐξ Ἀθηναίων πάντων, и что хориги τραγῳδοῖς и πορρικισταῖς принадлежали къ этому второму роду. Доказать это относительно хориговъ для пиррихистовъ другими свидѣтельствами мы не можемъ, потому что упоминанія объ этой хоригіи крайне рѣдки и скудны; но тѣ, какія есть, по крайней мѣрѣ, не противорѣчатъ выставленному нами положенію; мы разумѣемъ Lys. or. XXI, §§ 1, 4 и надпись, изданную Rangabé Ant. hell. n. 987 и Beulé L' acropole d' Ath. II, стр. 315 ²⁾: ... πορρικισταῖς νικήσας, Ἀταρβος (?) Δυ(..ῆλει, Κ]ηφισό[δ]ω[ρος ἤρχεν]. Независимость же драматическихъ хоригій отъ филъ, кажется, должна быть ясна изъ того, чтò нами уже сказано, хотя мы и не исчерпали еще всѣхъ доказательствъ нашего положенія.

Не знаемъ, говорить ли въ пользу его тотъ фактъ, что и въ надписяхъ изъ временъ хоригіи „народа“ и агонөөесіи, при обозначеніяхъ побѣдъ сценическихъ, хотя уже не называются хориги филъ, но

¹⁾ Такъ читается въ рукописяхъ; только πορρικισταῖς (зм. πορρικηταῖς) есть поправка, найденная Paulmier и Bentley—поправка во всякомъ случаѣ необходимая; напротивъ, предложенное великимъ англійскимъ критикомъ и принятое у Scheibe, опущеніе союза δὲ нужно только для оспариваемой нами теоріи, которая безъ этого произвольнаго извращенія рукописнаго преданія не можетъ держаться.

²⁾ Чтенія Beulé, которымъ мы слѣдуемъ отчасти въ текстѣ, извѣстны намъ лишь изъ вторыхъ рукъ: изъ книги А. Моммзена Neortologie стр. 165 и изъ статьи К. Кейля Epigraphische Beiträge въ Mélanges Gréco-Romains. Tome II. Соединеніемъ формулы νικήσας съ обозначеніемъ агона эта надпись нѣсколько напоминаетъ другую, помѣщенную у Rang. подъ n. 986 (ср. Keil. l. 1.); но тамъ рѣчь идетъ объ агонѣ παιδων и имя филы имѣется на лицѣ .. Ἀριστοδήμου Επεταίων ἀνέθηκε νικήσας χορηγῶν κερροπίδι παιδων | и т. д. Чтенія, предложеннаго Rangabé въ надписи о пиррихистахъ: πορρικισταῖς νικήσας(ιν) нельзя оправдать, кажется, никакими аналогіями. Въ лагунѣ, которую Rangabé отыскалъ послѣ πορρικισταῖς находились—нужно думать—начальныя буквы слѣдующаго имени, такъ какъ имя Ἀταρβος во всякомъ случаѣ (Keil. l. 1.) нѣсколько сомнительно.—Упоминаніе о пиррихистахъ въ надписи у Rang. n. 960 (строки 22—24) ничего не даетъ для опредѣленія свойствъ пиррихистической хоригіи. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ для нашего мнѣнія могла бы служить надпись въ Ἀθῶν. II, стр. 481, если бы она была аттическая.

все еще называются самыя филы, а при обозначеніяхъ побѣдъ сценическихъ не называются и филы. Такъ, съ одной стороны мы имѣемъ надписи такого рода: С. I. Gr. I, n. 225. 'Ο δῆμος ἐχορήγει, Ποθάρατος ἤρχεν, | ἀγωνοθέτης Θρασυκλῆς Θρασύλλου Δεκελεύς, | Ἴπποθωνίης παιδων ἐνίκα и т. д., n. 226 ὁ δῆμος ἐχορήγει, Ποθάρατος ἤρχεν | ἀγωνοθέτης Θρασυκλῆς Θρασύλλου Δεκελεύς, | Πανδιονίης ἀνδρῶν ἐνίκα и т. д., 'Αθήν. VI, стр. 278 [ὁ δῆμος ἐχορήγει, ἤρ]χεν | [ἀγωνοθέτης ...] νομίδου, | Ἐρεχθίης ἀνδρῶν ἐνίκα и т. д. (ср. также Rang. n. 971, строка 10, 'Αθήν. V, стр. 330, Αρχαιολ. ἐφημ. 1862, стр. 169, nn. 170 и 171 в табл. 24, 2 и 3), а съ другой—Mitth. d. deutsch. arch. Inst. III, стр. 237= 'Αθήν. VI, 276, 376=Bull. de corr. Hellen. II, 392, 'Ο δῆμος ἐχορήγει ἐπὶ Ἀναξικράτους ἀρχοντος, | ἀγωνοθέ[της] Ξενοκλῆς Ξείνιδος Σφήττας, | ποιητῆς τραγῳ[δίας] Φανόστρατος Ἰρακλείδου Ἀλικαρνασσεύς, | ὑποκριτῆς τραγῳ[δίας...] ὦν Εὐανορίδου Κωδαθηναίου, | ποιητῆς κωμω[δίας] Φιλῆμων Δάμωνος Διομειεύς, | ὑποκριτῆς κωμω[δίας ...]πος Καλλίου Σουμειεύς. (Что надпись слѣдуетъ относить къ архонству Анаксиграта, а не Никократа, доказываетъ Келеръ, Mitth. I. I.). Не подлежащій сомнѣнію официальный характеръ этихъ документовъ не допускаетъ мысли о произвольномъ сокращеніи или совершенномъ опущеніи установленныхъ формулъ. Однако теперь мы не намѣрены пользоваться этого рода свидѣтельствами, такъ какъ, хотя нельзя доказать, нельзя однако и опровергнуть ни того мнѣнія, что во времена Анаксиграта (307 г. до Р. X.) какъ комедія, такъ и трагедія обходились уже безъ хора, ни того, что, коль скоро прекратили свое существованіе сценическіе хоры, должна была сама собою уничтожиться и всякая связь драматической хоригіи съ филлой, если только первоначально эта связь состояла въ томъ, что каждый хоръ набирался изъ членовъ одной опредѣленной филы.

Но кромѣ доказательствъ прямыхъ, есть признаки косвеннымъ образомъ подтверждающіе справедливость нашей мысли.

Бёккъ, въ изслѣдованіи: Vom Unterschiede der Attischen Lenäen, Anthesterien und ländlichen Dionysien, стр. 106 (A. Boeckh's Kleine Schriften, V, стр. 132) изъ того положенія, что «die Fremden [то-есть, метики]—stehen mit dem Gaue in keiner Beziehung, sondern nur mit dem Staate», доказывалъ невозможность отождествленія Линэй, на которыхъ хоригами могли быть и метики ¹⁾, съ „сельскими“ Діонисіями, которыя праздновались димами. Но, кажется, не только съ такимъ же,

¹⁾ См. Schol. Aristoph. Plut. 953 Duebn. (954 Dind.).

а еще съ бóльшимъ правомъ можно, отправляясь отъ того же положенія, доказывать, что не всѣ аттическія хоригіи были хоригіями филъ, что нѣкоторыя изъ нихъ отъ филъ были вполне независимы. Въ самомъ дѣлѣ, если метигъ находился еще въ кое-какой связи съ димомъ, какъ обыватель послѣдняго, то уже рѣшительно никакой связи не имѣлъ съ филою; поэтому, когда метики бывали хоригами (Согр. inser. Att. II, п. 86, строка 34), они никоимъ образомъ не могли являться выборными представителями филъ, а только слугами аѳинскаго народа. А что тѣ хоригіи, которыя метики исполняли для Линѣйскаго праздника, были именно хоригіи драматическія, это мы вскорѣ надѣмся, если не вполне доказать, то по крайней мѣрѣ сдѣлать очень вѣроятнымъ.

Изъ указаннаго нами существеннаго различія между хоригіями мусическими и хоригіями сценическими объясняется и тотъ фактъ, что когда хотѣли облегчить исполненіе первыхъ, то позволяли двумъ филамъ имѣть одного хорига ¹⁾, при чемъ, вѣроятно, двѣ филы вы-

¹⁾ Schol. Demosth. Leptin. p. 465, 27: «εἰ μῖς ἢ δύοιν φυλαῖν ἕνα χορηγόν» τοῦτο ὡς ἀσαφές δῆθεν ζητεῖται· καὶ ἐξηγήσαντό τινες, οἱ τοῖς Θαρρηλίοις δύοιν φυλαῖν εἰς μόνος καθίστατο χορηγός, τοῖς δὲ μεγάλοις Διονυσίοις — εἰς χορηγός ἐκάστης φυλῆς καθίστατο. Мысль, что указанное облегченіе допускалось только по отношенію къ празднику Θаргиліѣ, есть, можетъ быть, αὐτοσχεδίασμα неизвѣстныхъ намъ ἐξηγητῶν, единственнымъ источникомъ учености которыхъ въ данномъ случаѣ служило, вѣроятно, это мѣсто рѣчи Антифонта περὶ τοῦ χορευτοῦ (§ 11): ἐπειδὴ χορηγός κατεστάθη εἰς Θαρρήλια καὶ ἔλαχον Παντακλῆα διδάσκαλον καὶ Κεχροπίδα φυλὴν πρὸς τῇ ἑμαυτοῦ κτέ. Ср. С. I. Gr. p. 216 (Ἐρυθρίας Ἐρυθμάρχου | Κυδαθηναίους ἐχορήγει | Πανδιονίδι, Ἐρεχθίδι παίδων. п. 22 Σφ[....] | εὐφιλῆτο [... ἐχορήγει | Ἐρεχθίδι | Ἰπ[ποθωντίδι..], Mitth. d. deutsch. arch. Inst. in Ath. II, стр. 189 (надпись найдена у южнаго склона акрополя, между тѣмъ какъ мѣстомъ постановки Θаргиліѣскихъ треножниковъ было Πύθειον, Suid. s. Πύθειον) Χ[α]ρης Θεοχάρους Ἀγγελῆθεν χορηγῶν ἐ[ν]ίκα | Πανδιονίδι Ἀχαμαντίδι πα[ί]δων | и т. д., Ἀθῆν. I, стр. 169 (три камня, найденные на лѣвомъ берегу Илисса, на каждомъ изъ нихъ дважды написанная хоригическая надпись), 1: Φιλόμελος Φιλιππίδω | Πασιανεύς χορηγῶν | ἐνίκα Πανδιονίδι | Ἀχαμαντίδι παίδων | Ἀλέξιππος ἠύλε | Εὐκλῆς ἐδίδαξε, 2: Αἰσῖος Μνησιβούλο Σφῆρτιος | χορηγῶν ἐνίκα Ἀχαμαντίδι | Πανδιονίδι παίδων, Εὐκλῆς | ἐδίδαξε, Εὐδαμίσκος ἠύλε | Χίων ἤρχεν, 3: Γερώνυμος Λάχηςτος Ἐκάληθεν | χορηγῶν ἐνίκα Λεωντίδι Αἰγῆτιδι | παίδων, Εὐκλῆς ἐδίδαξε | Τιμοκράτης ἤρχεν.— Кажется, исключительно г. Куманудясу принадлежит предположеніе, высказанное имъ (Ἀθῆν. I, стр. 171), какъ нѣчто несомнѣнное, будто, когда двѣ филы выставляли одинъ хоръ, то каждая изъ нихъ все-таки имѣла своего особаго хорига. Но единственнымъ, сколько мы могли понять, основаніемъ для предположенія служить отсутствіе обозначенія архонта въ первой изъ трехъ послѣднихъ, только что приведенныхъ надписей. Г. Куманудясъ предполагаетъ, что каждыя

ставляли одинъ киклійскій хоръ; напротивъ, когда то же самое хотѣли сдѣлать для сценическихъ хоригій, никакого отношенія къ филамъ не имѣвшихъ, то бремя одной хоригіи распредѣляли между двумя хоригами (Aristot. ap. Schol. Ar. Ran. 404 Dueb., 406 Dind.).

Изъ различнаго отношенія къ филамъ различныхъ видовъ хоригіи легче всего объясняется и то, на первый взглядъ кажущееся страннымъ явленіе, что число извѣстныхъ намъ надписей хориговъ сценическихъ и пиррихистическихъ ¹⁾ такъ поразительно непропорціонально съ числомъ извѣстныхъ надписей хориговъ παιδων и ἀνδρῶν. Побѣда, одержанная хоригомъ-представителемъ филы, по древнему воззрѣнію, принадлежала не ему, а филѣ, ей принадлежалъ и побѣдный призъ-трепожникъ. (Ср. Dem. Mid. 5 τῆς φουλῆς ἀδικῶς ἀφαρθεθείσης τὸν τρίποδα ...). Въ сооруженіи приличныхъ постаментовъ для треножниковъ и устройствъ соотвѣтствующихъ случаю надписей заинтересовано было корпоративное честолюбіе филы, не удовлетворить которому хоригъ не могъ, не навлекая на себя обвиненія въ равнодушіи къ чести своей филы. Напротивъ, побѣды κωμωιδῶν, τραγῳδῶν, πυρρῆχιστῶν никакого отношенія къ филамъ не имѣли; только личное честолюбіе могло заставить хорига, сверхъ расходовъ по исполненію самой хоригіи, подвергать себя еще расходамъ по устройству памятника; внѣшняго принужденія къ этому не существовало. Понятно, что многіе хориги уклонялись отъ такого расхода, который не былъ незначителенъ, судя по тому, что и онъ фигурируетъ въ числѣ тѣхъ пожертвованій для общаго блага, которыя перечисляются въ XXI рѣчи Лисія (§ 2 ἀνδράσι χο-

изъ двухъ хориговъ, содержавшихъ совмѣстно одинъ хоръ, поставленный двумя филами, въ случаѣ побѣды устраивалъ свою особую побѣдную надпись, и имя архонта, обозначенное въ одной изъ нихъ, могло быть опускаемо въ другой. Но не говоря о невѣроятности этого послѣдняго соображенія, вся гипотеза почтеннаго греческаго эпиграфика противорѣчитъ тому изображенію дѣятельности хорига, какое мы имѣемъ въ рѣчи Антифонта περὶ τοῦ χορευτοῦ. Здѣсь (§§ 11—13) хоригу, принадлежащему къ филѣ Ἐρευθῆσις, но обязанному служить также и для Κεκροπίς, помогаютъ въ устройствѣ и снаряженіи хора два эксперта этого дѣла, назначенный филлоу Ἐρευθῆσις-Ἀμυνίας, ὃν αὐτοὶ οἱ φουλέται ἐψηφίσαντο συλλέγειν καὶ ἐπιπέλεσθαι τῆς φουλῆς ἑκάστοτε, и другой, точно такой же специалистъ, назначенный филлой Κεκροπίς, ὁπερ ἑκάστοτε εἶθεν ταύτην τὴν φουλὴν συλλέγειν. Объ особомъ хоригѣ филы Кекропидской не говорится ни слова.

¹⁾ По поводу приведенной выше надписи, упоминающей о пиррихистахъ, Кейль въ своемъ перечнѣ хоригическихъ надписей замѣчалъ: Diess das einzige Stück, worin ein Sieg mit Pyrrichisten erwähnt wird. Единственнымъ этогъ памятникъ, на сколько мы знаемъ, остается и до настоящаго времени.

ρηγῶν εἰς Διονύσια — — ἐνίκησα, καὶ ἀνῆλωσα σὺν τῇ τοῦ τρίποδος ἀναθέσει πεντακισχιλίας δραχμάς) ¹⁾.

Сказаннаго нами объ отношеніяхъ различныхъ видовъ хоригии къ филамъ, надѣмся, достаточно для того, чтобы доказать, что списки сценическихъ хориговъ могли быть ведены не властями филъ, а только властями государственными—архонтами.

Подлинныя архонтскія записи, конечно, не дошли до насъ, но содержаніе ихъ можетъ быть опредѣлено изъ содержанія эпиграфическихъ памятниковъ, которые, судя по всѣмъ признакамъ, вышли или прямо, или чрезъ весьма близкое посредство изъ тѣхъ подлинныхъ оффиціальныхъ документовъ и могутъ считаться извлеченіями изъ нихъ.

Между эпиграфическими извлеченіями изъ архонтскихъ записей, по богатству сообщаемаго историко-литературнаго матеріала, первое мѣсто занимаютъ памятники, характеризующіеся слѣдующими признаками:

1. Они представляютъ расположенный въ хронологическомъ порядкѣ сводъ свѣдѣній о драматическихъ состязаніяхъ за цѣлый рядъ годовъ. Сообщение о состязаніяхъ каждаго отдѣльнаго года начинается въ этихъ документахъ обозначеніемъ архонта-эпонима. Хронологическая точность показаній доходитъ до того, что, если въ какой-нибудь годъ драматическія состязанія почему нибудь не состоялись, то и это обозначается особенною формулою οὐκ ἐγένετο ²⁾.

¹⁾ То обстоятельство, что Эскинъ, говоря объ ответственности Діонисіи-скихъ судей (с. Stesiph. § 232 τοὺς μὲν κριτὰς τοὺς ἐκ Διονυσίων, εἰάν μὴ δικαίως τοὺς κυκλίους χοροὺς κρίνωσι, ζημιούτε, αὐτοὶ δέ ...), упоминаетъ только о двенадцатой части Діонисіискаго агона и совершенно умалчиваетъ о сценической, также вѣроятно, находится въ какой-нибудь связи съ различіемъ между хоригіями мусическими и драматическими, но въ чемъ именно состоитъ эта связь, мы не можемъ опредѣлить.

²⁾ Беккеръ (l. l. стр. 120) съ этою формулою сравниваетъ С. I. Gr. № 108 (Саламинскій декретъ изъ времени послѣ ОI. 134): Διονυσίων τῶν ἐν Σαλαμῖνι τραγῳδοῖς, ὅταν πρῶτον γένηται. Нужно замѣтить впрочемъ, что эта формула встрѣчается только въ той части эпиграфическихъ документовъ, которая касается состязаній 3-го и 2-го вѣковъ до Р. X. Въ 4-мъ вѣкѣ οὐκ ἐγένετο по отношенію къ Діонисіискому агону казалось еще чѣмъ-то немислимымъ. Demosth. IV, 35: τί δή ποτε, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, νομίσετε τὴν μὲν Παναθηναίων ἑορτὴν καὶ τὴν τῶν Διονυσίων αἰ τοῦ καθήκοντος χρόνου γίνεσθαι, ἂν τε δεινοὶ λάωσιν ἂν τε ἰδῶται οἱ τοῦτων ἑκατέρων ἐπιμελούμενοι. Здѣсь, при словѣ ἑορτή, ораторъ, очевидно, думалъ не о жертвоприношеніяхъ и торжественныхъ шествіяхъ, а о мусической и сценической части праздниковъ: только по отношенію къ этой части имѣлъ смыслъ

2. Если состязаніе состоялось, то перечисляются всѣ поэты, участвовавшіе въ немъ, а не одни только побѣдители ¹⁾, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ, о которыхъ мы будемъ еще говорить.

3. Порядокомъ, въ которомъ здѣсь перечисляются поэты, есть порядокъ достоинства, установленный приговоромъ судей состязанія.

4. При имени каждого поэта кратко ²⁾ называется пьеса или пьесы, которыя имъ на данномъ состязаніи были поставлены.

вопросъ: будутъ ли эпимелитами праздника знатоки дѣла или профаны. Заѣтъ схоластика къ Aristoph. Pac. 530, изъ которой можно было бы заключать, что уже въ V вѣкѣ, въ военное время, Діонисійскій агонъ отминаясь, есть, вѣроятно, просто αὐτοζυδαίωμα. Вѣдь известно, что бѣльшая часть комедій Аристофана и другихъ древнихъ комиковъ поставлена именно во время Пелопоннесской войны.

¹⁾ Этимъ устраняется возможность такихъ предположеній, какъ напримѣръ предположеніе Elmsley (Annotat. ad Euripid. Med. Argum. p. 72), будто показаніе о 92-хъ трагедіяхъ, поставленныхъ Еврипидомъ, гораздо ниже дѣйствительности, и произошло вслѣдствіе того, что въ дидаскаліи записывались только тетрологіи, заслужившія призъ, привозъ же было только три, изъ которыхъ на долю Еврипида часто не доставалось даже и послѣдняго. Дѣйствительно, какъ мы скоро увидимъ, существовала такой разрядъ памятниковъ, въ которомъ перечислялись не всѣ поэты, а только побѣдители, но тамъ, въ качествѣ побѣдителей для каждого вида составаній называется не по три, а только по одному поэту, а заглавія тетрологій или отдѣльныхъ пьесъ вовсе не называются.

²⁾ Известно, что и въ тѣхъ «Дидаскаліяхъ», которыми пользовались александрійскіе грамматикки, заглавія пьесъ имѣли самую краткую форму, не устранявшую возможности смѣшенія омонимныхъ драмъ. См. Aristoph. Pac. argum. 3: φέρεται ἐν ταῖς Διδασκαλίαις δις (add. Dind.) δεδιδαχώς Εἰρήνην ὀμονύμως (Dind., ὀμοίως add.) ὁ Ἀριστοφάνης· ἀδῆλον οὖν, φησὶν Ἐρατοσθένης, πότερον τὴν αὐτὴν ἀνεδίδαξεν ἢ ἑτέραν καθήκειν, ἣτις οὐ σίζεται. Κράτης μόντοι δύο οἶδε δράματα. Тамъ и въ дидаскалической заѣткѣ къ «Персамъ» Эсхила называется сатирическая драма Προμηθεὺς безъ всякаго опредѣленія, которое отличало бы ее отъ другихъ «Промеевъ», созданныхъ Эсхиломъ. Въ Schol. Aristoph. Ran. v. 67 οὐ γὰρ καὶ Διδασκαλία φέρουσι τελευτήσαντος Εὐριπίδου τὸν υἱὸν αὐτοῦ δεδιδαχέναι ὀμονύμως ἐν ἄσσει Ἰφιγένειαν τὴν ἐν Αὐλίδι, Ἀλκμαίωνα (такъ, вѣроятно, было написано въ оригиналѣ схоліи, хотя еще въ 1-мъ вѣкѣ до Р. X. форма заглавія Ἀλκμαίων, о которой см. Наука Trag. gr. fr. p. 302, употреблялась, какъ показывающа надпись, изданная въ Ἀθῆν. I, p. 5, l. 7; въ Венеціанской рукописи въ приведенномъ мѣстѣ схоліи написано Ἀλκμαίω διονα, почему Диндоръ предлагаетъ читать Ἀλκμαίωνα διὰ Κορίνθου; однако намъ кажется болѣе простымъ и вѣроятнымъ предположеніе, что Ἀλκμαίω διονα произошло изъ диттографіи среднихъ слоговъ Ἀλκμαίαωνα, Βάχχας, очевидно, мы имѣемъ неточную цитату изъ «Дидаскаліи»: такимъ выраженіемъ, какъ τελευτήσαντος Εὐριπίδου τὸν υἱὸν αὐτοῦ, конечно, не было въ «Дидаскаліяхъ». По тѣмъ же признакамъ и въ заѣткѣ argum.

5. При заглавіи каждой пьесы называется актеръ, игравшій въ ней главную роль.

6. Въ ковцѣ замѣтки о состязаніи данного года обозначается, какой актеръ былъ признанъ лучшимъ изъ всѣхъ протагонистовъ, участвовавшихъ въ состязаніи.

7. Въ этихъ памятникахъ сообщаются свѣдѣнія только о драматическихъ состязаніяхъ, но ничего не говорится о лирическихъ; при этомъ свѣдѣнія относительно драматическихъ состязаній представляютъ два отдѣльныхъ свода, соотвѣтственно двумъ видамъ драматическаго агона—трагическому и комическому.

Въ литературныхъ свидѣтельствахъ по исторіи греческой драмы источникъ свѣдѣній о времени постановки пьесъ, ихъ первоначальныхъ заглавіяхъ и призахъ, полученныхъ поэтами за извѣстную тра-

Soph. Oed. Col. τὸν ἐπὶ Κολωνῶν Οἰδίποδα ἐπὶ τετελευτηκῶτι τῷ πάππῳ Σοφοκλῆς ὁ υἱοῦς ἐδίδαξεν, υἱὸς ὢν Ἀριστῶνος мы должны видѣть неточную, распространенную позднѣйшими прибавками передачу дидакалическаго извѣстія: къ числу такихъ прибавокъ относятся, какъ опредѣленіе Πότνιεύς при заглавіи Γλαῦκος въ argum. Aesch. Pers., такъ и опредѣленія ἡ ἐν Αὐλίδι и ὁ ἐπὶ Κολωνῶν въ только что приведенныхъ свидѣтельствахъ. Если еще Аристотель въ своей «Піитикѣ» иногда обходится безъ точнаго разграниченія заглавій омонимныхъ трагедій, то тѣмъ менѣе мы въ правѣ ожидать полной опредѣленности въ этомъ отношеніи отъ оециальныхъ документовъ, которымъ историко-литературныя цѣли были чужды. Поэтому отсутствіе отличающаго опредѣленія, напримѣръ, при заглавіи Ἰφιγένεια Εὐρίπιδου въ эпиграфическомъ отчетѣ о состязаніяхъ 341 года (Mittheil. d. deutsch. arch. Inst. III, стр. 412—Ἀθήναϊον VI, стр. 476) ничего не говоритъ, конечно, противъ, но ничего не говоритъ и въ пользу мнѣнія В. Диндорфа, будто изъ двухъ «Ионгеній», дошедшихъ до насъ подъ именемъ Еврипида, на сцену поставлена была только одна—«Таврическая». Но странно, что тотъ же ученый, такъ часто напоминающій о свойственной дидакаліямъ неполнотѣ заглавій, основываетъ свое опредѣленіе времени постановки Соооклова «Эанта Докреваго», сколько можемъ понять, единственно на слѣдующемъ соображеніи (см. напримѣръ Sophocli. fr. p. 120 in Poet. scen. gr. ed. V; такова же, впрочемъ, была, кажется, мысль Бекка, С. I. Gr. I p. 350): такъ какъ дошедшая до насъ трагедія Αἴας имѣла въ дидакаліяхъ (см. Argum. Ai.) только это простое заглавіе безъ всякаго опредѣленія, то слѣдовательно эта трагедія была поставлена ранѣе другаго «Эанта», который, какъ позднѣйшій, уже нуждался въ отличеніи отъ своего болѣе древняго омонима и потому былъ названъ не просто Αἴας, а Αἴας Λοκρός. Мы полагаемъ, что это основаніе — не основаніе, такъ какъ оба «Эанта», каковы бы ни были ихъ хронологическія отношенія, въ дидакаліяхъ должны были называться одинаково—безъ всякихъ опредѣленій. Сложное заглавіе Αἴας Λοκρός явилось, вѣроятно, тогда же, когда и заглавіе Αἴας μακτιγοφόρος и по всей вѣроятности позже, чѣмъ Αἴαντος θάνατος.

гическую тетралогію или за известную комедію, обозначается заглавіемъ *Διδασκαλίαι*. Хотя, какъ мы увидимъ впоследствии, этотъ источникъ, которымъ пользовались древніе историки греческой литературы, и не представлялъ полного тождества съ тѣми эпиграфическими памятниками, отличительные признаки которыхъ только что указаны, несомнѣнно однако близкое сходство и сродство его съ послѣдними. Поэтому не было важной погрѣшностью со стороны Бекка то, что онъ удержалъ названіе „дидаскалій“ за тѣми эпиграфическими памятниками, о которыхъ мы теперь говоримъ и которыя Беккъ могъ изучать только по единственному въ его время известному фрагменту (*Corp. Inscr. Graec. № 231*). Прежде то же названіе употреблялось въ примѣненіи еще и къ нѣкоторымъ другимъ надписямъ *S. I. Gr. № 229, 230*); но Беккъ же, сколько намъ известно, первый доказалъ, что онѣ носятъ совершенно особый характеръ и ничего уже общаго съ дидаскаліями не имѣютъ.

Совершенно естественно, что, при крайней скудости матеріала, знаменитый эпиграфикъ впалъ въ нѣкоторыя ошибки при объясненіи подробностей содержанія единственной въ своемъ родѣ надписи, въ которой онъ призналъ дидаскалическій характеръ. Теперь эти ошибки легко могутъ быть исправлены при помощи цѣлаго ряда эпиграфическихъ фрагментовъ, изданныхъ въ послѣднее время известнымъ греческимъ эпиграфикомъ Куманудисомъ въ его *Ἀθήναιον* (VI, стр. 476 сл.) и нѣмецкимъ—Келеромъ (въ *Mittheil. d. deutsch. arch. Inst. in Athen.* III, стр. 112 сл. и стр. 257 сл.).

Въ своемъ устройствѣ эти новонайденные фрагменты представляютъ только то сколько нибудь существенное отличіе отъ Бекковской дидаскаліи, что въ нихъ полнѣе проведено разграниченіе свѣдѣній о трагодическихъ агонахъ отъ свѣдѣній объ агонахъ комодическихъ. Новые фрагменты принадлежатъ двумъ совершенно отдѣльнымъ одинъ отъ другаго памятникамъ, изъ которыхъ на одномъ начертана была краткая хроника трагедіи, а на другомъ—такая же комедіи. Это доказывается различною толщиною мраморныхъ плитъ, на которыхъ написаны были эти хроники: плита съ надписью о трагодическихъ агонахъ имѣетъ толщину въ 10 сантиметровъ (*Köhler l. l. p. 112*), всѣ плиты съ надписями о комодическихъ агонахъ имѣютъ толщину 20 сантиметровъ (*Id. ib. p. 118*). Ничего не сообщается издателемъ относительно свойствъ и размѣровъ того камня, на которомъ сдѣлана касающаяся комедіи надпись, изданная Келеромъ *ibid. p. 257*; но, судя по тому, что пред-

полагается имъ на стр. 258 ¹⁾, нужно думать, что и этотъ камень ничѣмъ ни отличается отъ другихъ, содержащихъ замѣтки о комедическихъ агонахъ. Между тѣмъ надпись (С. I. Gr. № 231), изданная Беккомъ по копіи Фурмона ²⁾, говоритъ вмѣстѣ и о трагедіи и о комедіи, только свѣдѣнія объ этихъ двухъ различныхъ видахъ драмы размѣщены въ этой надписи по различнымъ столбцамъ. Отсюда приходится заключить, что въ различныя времена такого рода памятники устраивались въ этомъ отношеніи различно; то (вѣроятно, въ древнѣйшее время) какъ въ Фурмонтовской надписи ³⁾, въ устройствѣ ихъ допускалась, такъ сказать, череполосность, то-есть свѣдѣнія о различныхъ видахъ сценическаго агона располагались на одномъ и томъ же памятникѣ только въ различныхъ столбцахъ, такъ что за столбцомъ, посвященнымъ хроникѣ трагедіи, слѣдовалъ столбецъ, наполненный свѣдѣніями о комедіи и т. д., — то показанія о различныхъ видахъ агона помѣщались на различныхъ, совершенно отдѣльныхъ одинъ отъ другаго памятникахъ.

Беккъ, опредѣляя свойства тѣхъ документовъ, которые онъ называлъ дидаскаліями и образчикъ которыхъ онъ видѣлъ въ Фурмонтовской надписи, выставилъ положеніе ⁴⁾, что дидаскаліи устраивались непосредственно послѣ того состязанія, къ которому онѣ относились. Это положеніе не оправдывается новонайденными дидаскалическими фрагментами. Самый древній изъ нихъ говоритъ о состязаніяхъ, бывшихъ въ 341 — 339 годахъ до Р. X., а написанъ этотъ

¹⁾ «Ich vermuthe, dass das vorstehende Fragment seinen Platz über dem Bruchstück c hatte in der Weise, dass die erste Columnne von e der Fortsetzung der zweiten Columnne des neu hinzugekommenen Fragmentes angehörte.

²⁾ Новая копія, сдѣланная Питтагисомъ и известная намъ по Rang. Ant. hell. n. 970, нисколько не помогаетъ пониманію памятника. Исправитѣ, очевидно, копія у Le Bas et Waddington, Attique, n. 507.

³⁾ Эту надпись пришлось бы относить къ очень позднимъ временамъ, если бы въ ней (столбецъ 2-й, стр. 10) въ самомъ дѣлѣ находилась показываемая копіей Питтагиса формула ἐπί ἀρχαῖος — —; но болѣе чѣмъ вѣроятно, что и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, греческій эпиграфикъ сообщаетъ не то, что онъ видѣлъ, а то, что онъ думалъ, списывая надпись: Фурмонъ и Le Bas-Waddington въ соответствующемъ мѣстѣ своихъ копій даютъ только начертанія ΕΠΙ ΑΡΧΗ.

⁴⁾ Corp. inscr. gr. I p. 350. Vetustissimae didascaliae ipsis iis temporibus publice confectae sunt, quibus ii docebant, quorum opera didascaliae commemorant. А p. 351 Беккъ не находитъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы надпись n. 231 vera illa et vetusta didascalía videretur.

фрагментъ, какъ по палеографическимъ основаніямъ полагаетъ Келлеръ (l. c. p. 114), лишь въ половинѣ III вѣка до Р. Х. Слѣдовательно здѣсь промежутокъ времени между совершеніемъ факта и записью о немъ на камнѣ равняется приблизительно столѣтію. Неточность Бёккова опредѣленія произошла отъ того, что онъ не различалъ дидаскалій въ смыслѣ архонтскихъ актовъ, относившихся къ извѣстнымъ состязаніямъ извѣстнаго года ¹⁾ и предназначавшихся, можетъ быть, для представленія къ отчету, а затѣмъ для сдачи въ архивъ, отъ дидаскалій въ смыслѣ надписей, которыя, находясь на памятникахъ, украшавшихъ окрестности театра Діонисова (см. Köhler l. c. p. 112), имѣли цѣлю увѣковѣченіе славнаго прошлаго аттической сцены. Первые, то-есть отдѣльныя записи относительно состязаній каждаго отдѣльнаго года, составлялись, безъ сомнѣнія, каждая сряду послѣ того состязанія, котораго касалась; вторыя, представлявшія сводъ извлеченій изъ первыхъ, могли составляться и — какъ мы теперь знаемъ — дѣйствительно составлялись гораздо позже тѣхъ событій, о которыхъ въ нихъ говорилось. Чтобы не давать повода къ недоразумѣніямъ, лучше, кажется, обозначить два эти вида записей различными названіями. Слово *didaschalia* въ единственномъ числѣ въ томъ смыслѣ, какой теперь мы можемъ принимать въ соображеніе, означаетъ отдѣльную замѣтку съ отдѣльнымъ исполненіи лирической или драматической пьесы: но то, что мы имѣемъ въ надписяхъ, представляетъ не такія отдѣльныя самостоятельныя замѣтки, а отрывки хронологически расположеннаго сборника замѣтокъ за цѣлый рядъ годовъ. Поэтому правильнѣе будетъ называть интересующія насъ надписи не просто дидаскаліями, а фрагментами эпиграфическаго свода дидаскалій.

¹⁾ Единственнымъ (но и то не аттическимъ) образчикомъ эпиграфической дидаскаліи, относящейся къ одному извѣстному году, могла бы, повидимому, считаться надпись, приведенная Людерсомъ (*Lüders, Die Dionysischen Künstler, Berl. 1873, p. 187 sq.*) подъ № 112. Съ дидаскаліями роднитъ ее то, что въ ней перечисляются не побѣдители только (*οἱ νεικηφόρες* *ibid.* № 109, *οἱ νικησάντες* № 110), какъ въ томъ разрядѣ эпиграфическихъ документовъ, о которыхъ мы тотчасъ будемъ говорить, а всѣ участники состязанія (*οἵ τε ὑγωνισάντο*, № 112, строка 8), какъ въ дидаскаліяхъ. Однако, намъ кажется, Фукаръ (*Foucart, De collegiis scaenicorum artificum apud Graecos p. 62*) совершенно правъ, когда полагаетъ, что на агонѣ, о которомъ идетъ рѣчь въ этой надписи, не было ни побѣжденныхъ, ни побѣдителей потому, что весь агонъ былъ совершенъ членами одной Діонисіейской художественной артели. А если это такъ, то понятно, что эта надпись только случайно получила одинъ изъ признаковъ дидаскаліи.

Второй разрядъ надписей, касающихся исторіи аттической драмы, отличается слѣдующими признаками:

- 1) Заключаящіяся въ этихъ надписяхъ замѣтки относятся къ цѣлому ряду годовъ и расположены, также какъ въ эпиграфическомъ сводѣ дидаскалій, хронологически, съ обозначеніемъ архонтовъ эпохъ.
- 2) Въ нихъ говорится не только о сценическихъ, но и о мусическихъ состязаніяхъ, бывавшихъ въ праздники Діониса.
- 3) Въ нихъ перечисляются не всѣ участники состязаній, а только побѣдители.
- 4) При этомъ, въ качествѣ побѣдителей называются не только поэты (и отчасти актеры), но также—и прежде всего—филы (по поводу мусическихъ состязаній) и хориги.
- 5) Заглавія произведеній, посредствомъ которыхъ побѣды были одержаны, не называются.

Малочисленные аттическіе фрагменты этого рода надписей частью приведены, частью указаны въ статьѣ Келера (l. l. стр. 105 сл.). Одинъ изъ нихъ найденъ на южномъ склонѣ акрополя, остальные на самомъ акрополѣ (Jd. ib, стр. 109, 104, 107, 110.). Что памятники, на которыхъ начертаны были эти надписи, поставлены были по волѣ государства, въ пользу этого предположенія говорить и свойство содержанія написей, не имѣющее исключительнаго отношенія къ одной какой нибудь филѣ, къ одному какому нибудь хоригу или дидаскалу.

По аналогіи съ древними хронологическими списками Олимпійскихъ и Писійскихъ побѣдителей, называвшимися 'Ολυμπιονίκαι и Πισιονίκαι, мы, для краткости, будемъ обозначать этотъ эпиграфическій хронологическій списокъ Діонисійскихъ побѣдителей греческимъ терминомъ Διονυσιονίκαι.

Самый интересный фрагментъ этого списка, именно тотъ, въ которомъ дидаскаломъ—побѣдителемъ на комодическомъ агонѣ называется Магнитъ (Μάγνης), а побѣдителями на трагодическомъ агонѣ хоригъ Периклъ и дидаскалъ Эсхиль, былъ давно уже изданъ, но до послѣдняго времени, когда Келеръ (l. l. стр. 105) сопоставилъ его съ другими однородными, подвергался превратнымъ толкованіямъ. По начертаніямъ эта надпись ¹⁾ относится приблизительно къ половинѣ IV вѣка до Р. X. На этомъ основаніи К. Кейль (Mél. gr.-rom. II, стр. 79), счелъ невозможнымъ признать упоминаемаго въ ней Перикла

¹⁾ Приведена выше, стр. 614.

за Перикла великаго, ни даже за сына этого Перикла, а полагають что тутъ упоминается потомокъ знаменитаго государственнаго чело-вѣка, жившій въ IV вѣкѣ; при этомъ приходилось, конечно, прибѣгать къ невѣроятному предположенію, что констелляція блистательнѣйшихъ именъ V вѣка появилась еще разъ почти въ томъ же видѣ и въ IV вѣкѣ, то-есть что кромѣ знаменитыхъ комика Магнита и трагика Эскила, которые въ V вѣкѣ были современниками другъ другу и оба современниками Перикла, въ IV вѣкѣ существовали другіе, неизвѣстные намъ комики Магнитъ и трагикъ Эскиль, которые опять были современниками другъ другу и имѣли современникомъ какого-то Перикла. Но теперь, когда извѣстно, что дидаскалическія надписи могутъ быть на цѣлое столѣтіе моложе тѣхъ официальныхъ актовъ, изъ которыхъ заимствовано ихъ содержаніе, нѣтъ никакого основанія удивляться тому, что и списокъ побѣдителей, составленный въ IV вѣкѣ касается фактовъ V вѣка, тѣмъ болѣе, что и другой фрагментъ (изданный Келеромъ l. l. стр. 107), перечисляющій побѣдителей V вѣка, какъ показываетъ его ороографія, составленъ не ранѣе половины IV вѣка. Такимъ образомъ устраняется единственное, какъ кажется, основаніе опасаться съ Фр. Лео (Rheinisches Museum XXXIII стр. 143), что эпиграфическое свидѣтельство о побѣдахъ Магнита и Эскила, есть древній фальсификатъ и, подобно Кокку (Comicum Graecorum fragmenta v. I p. 7), называть этотъ интересный эпиграфическій обломокъ *obscurum et dubiae fidei*.

Келеръ (l. l. p. 106, sq.), въ объясненіе этой надписи, повторяя отчасти высказанное уже Ф. Лео (Mus. 33, p. 144), строить такого рода комбинацію; „Эскиль умеръ въ 456 г.; за два года передъ тѣмъ, въ 458 г., онъ посредствомъ „Орестія“ одержалъ послѣднюю свою побѣду въ Аониахъ; но при этомъ агонѣ хоръ для Эскила, какъ мы знаемъ изъ сохранившейся [въ ѳлѳесскъ къ „Агамемнону“] дидаскаліи, снаряжалъ не Перикль, а Ксенокль. Поэтому агонь, упоминаемый въ надписи, долженъ падать на время до 458 года. Плутархъ (Pericl., 16), какъ я думаю, по Теопомпу, сообщаетъ, что Перикль въ продолженіе 40 лѣтъ принималъ участіе въ общественной жизни. Это показаніе можно объяснить себѣ только такъ, что въ преданіи, и при томъ, какъ показываетъ самая сущность дѣла, въ преданіи документальномъ, около 469 г. Перикль впервые назывался въ качествѣ ка-кого нибудь официального лица. Весною 467 г. Эскиль одержалъ побѣду посредствомъ „Семи противъ Фивъ“. Поэтому я предполагаю, что это-то и былъ тотъ агонь, въ которомъ Эскиль, имѣя хоригонъ

Перикла, состязался одновременно съ Магнитомъ, и что отсюда-то выведено показаніе, будто Периклъ, круглымъ счетомъ, 40 лѣтъ принималъ участіе въ общественной жизни. Если это предположеніе основательно, то отсюда слѣдуетъ, что въ Аѳинахъ въ 78 Олимпиаду комедія была уже официально признанною частью Діонисійскаго праздника⁴.

Въ этихъ соображеніяхъ, конечно, много произвольнаго. Показаніе Плутарха или Θεοπομπα могло быть основано на данныхъ, ничего общаго съ трагодическими хоригіями не имѣющихъ, а потому изъ него можно выводить (какъ это и дѣлалъ Лео I. I., стр. 144) то лишь заключеніе, что агонь, о которомъ повѣствуетъ наша надпись, происходилъ, по всей вѣроятности, не ранѣе 469 года. На основаніи того, что намъ сообщаютъ о жизни Эсхила, позволительно предполагать, что этотъ агонь состоялся не позже 459 года; но нѣтъ никакой необходимости приурочивать его непременно къ 467 г., такъ какъ мы лишены всякой возможности утверждать, что между 469 и 459 гг. Эсхиль не одержалъ никакой иной побѣды, кромѣ той, которую доставили ему „Семь противъ Θивъ“.

Разбираемый нами фрагментъ не составлялъ начала эпиграфическихъ „Διονυσιονῶναι“: это видно изъ того, что не на немъ начинается заглавіе памятника¹), но, по всей вѣроятности, онъ находился близко къ началу, такъ какъ Магнитъ былъ, кажется, вторымъ по времени изъ тѣхъ аттическихъ комиковъ, хронологія которыхъ могла быть установлена на основаніи документальныхъ данныхъ. Такъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ Аристотелевской „Ποιητικῆς“ (гл. 3, стр. 1448 г.), которыя, хотя, можетъ быть, и не принадлежать самому Аристотелю, во всякомъ случаѣ могли быть внесены въ его текстъ только интерполяторомъ весьма древнимъ и весьма знающимъ: τῆς μὲν γὰρ κομφῶδας οἱ Μεγαρεῖς [ἀντιποιοῦνται] οἱ τε ἐνταῦθα, ὡς ἐπὶ τῆς παρ' αὐτοῖς δημοκρατίας γενομένης, καὶ οἱ ἐκ Σικελίας, ἐκεῖθεν γὰρ ἦν Ἐπιχαρμὸς ὁ ποιητὴς πολλῶν πρότερος ὢν Χιωνίδου καὶ Μάγνητος. Въ недоледшемъ до насъ началѣ эпиграфическихъ „Διονυσιονῶναι“ означены были вѣроятно еще одна²) или нѣсколько побѣдъ Магнита и во всякомъ случаѣ одна или нѣсколько побѣдъ Χιονίδα. Побѣдою этого поэта

¹) Сверху нашего фрагмента сохранилось нѣсколько начертаній (ON ΚΩΜΟΙ ΗΣΑΝ Τ), составившихъ, конечно, продолженіе, а не начало заглавія.

²) По свидѣтельству Свиды, Магнитъ одержалъ двѣ побѣды, а по Анопу, de Comoed.—одинадцать.

начинался списокъ Діонисійскихъ побѣдителей-комиковъ. Ранѣе этого комика въ официальныхъ записяхъ не называлось никакого другаго: поэтому-то (а не потому, что онъ *omnium antiquissimus fuit quoniam et scriptae et artificiosius exultae fuerunt comediae* ¹⁾) Хіониду дается первое мѣсто между аттическими комиками въ приведенномъ мѣстѣ „Піитики“ и поэтому-то у Свиды (s. Χίωνιδης) мы читаемъ о Хіонидѣ: *ὄν καὶ λέγουσι πρωταγωνιστὴν γενέσθαι τῆς ἀρχαίας κωμῆδίας*. Здѣсь слово *πρωταγωνιστὴν*, намъ думается, употреблено вмѣсто *πρωτον ἀγωνιστὴν*, то-есть, по нашему мнѣнію, Хіонидъ, какъ предполагалъ, кажется, уже Мейнеке (*Hist. com.*, 36), былъ побѣдителемъ на первомъ правильно устроенномъ комодическомъ агонѣ въ Афинахъ, агонѣ официальномъ, а не агонѣ τῶν ἑθελούτων; такимъ образомъ только начиная съ Хіонида, аттическая комедія имѣла твердую, официальными записями засвидѣтельствованную хронологію. Начало официальныхъ комодическихъ агоновъ въ Атикѣ пришлось бы относить къ очень древнему времени, если бы нужно было довѣрять той части показанія Свиды (s. Χίωνιδης), по которой Χίωνιδης ἐδίδασκων ἔτεσιν ὀκτώ πρὸ τῶν Περικλῶν, и въ такомъ случаѣ пришлось бы предполагать въ спискѣ Діонисіониковъ существованіе весьма и весьма значительнаго промежутка между началомъ и той сохранившейся его частью, которая говоритъ о побѣдѣ Магнита: трудно представить себѣ, побѣдами какихъ комиковъ могъ бы быть наполненъ такой промежутокъ. Но уже Мейнеке (p. 27), справедливо отвергъ эту Свидовскую хронологію, которая прямо противорѣчитъ показанію „Піитики“, косвенно подтверждаемому и самимъ Свидой s. Μάγνιτος (ἐπιβάλλει δ' Ἐπιχάρμῳ νέος πρῶτος).

Такъ какъ часть списка, упоминающая о Магнитѣ и, очевидно, принадлежавшая почти къ самому началу списка, по опредѣленію Келера (стр. 106), должна быть написана не ранѣе половины IV вѣка, но не могла быть написана много позднѣе этого времени, а другая часть списка, перечисляющая побѣдителей на состязаніяхъ 422—1 годовъ, по убѣжденію того же эпитафника (стр. 108), написана также не ранѣе половины IV вѣка, то можно было бы съ вѣроятностію предполагать, что памятникъ со спискомъ побѣдителей поставленъ былъ по иниціативѣ Ликурга, того Ликурга, который съ такимъ уваженіемъ относился къ произведеніямъ драматической поэзіи и такъ много заботъ приложилъ къ устройству мусической части

¹⁾ Meinenke. *hist. com. gr.*, p. 28.

аттическихъ праздниковъ: достроилъ театръ Діонисовъ, поставилъ статуи Эсхила, Софокла и Еврипида, учредилъ каноническіе экземпляры произведеній этихъ трагиковъ, возобновилъ комодическій агонъ для праздника Хѳтрос, далъ уставъ состязаніямъ киклійскихъ хоровъ, совершавшимся въ Пирей въ честь Посидона (Ps. Plut. X oratt. vitt. p. 841 sq.). Однако такому предположенію ¹⁾ противорѣчитъ голословное ²⁾ и потому самому не допускающее возраженій утверженіе Келера, будто часть списка, трактующая о состязаніяхъ 1 половины IV вѣка и по начертаніямъ относится къ тому же времени. Если это такъ, то значить 1) памятникъ, содержащій на себѣ списокъ Діонисіониковъ, поставленъ былъ задолго прежде, чѣмъ Ликурзь сдѣлался государственнымъ казначеемъ; 2) на этотъ памятникъ занесены были сперва свѣдѣнія о самыхъ новыхъ, самыхъ послѣднихъ состязаніяхъ, а потомъ уже послѣ половины IV вѣка — добавленъ и отчетъ о состязаніяхъ V вѣка вмѣстѣ съ общимъ для всего списка заглавіемъ. Какъ ни мало вѣроятенъ этотъ второй выводъ, приходится принимать его до тѣхъ поръ, пока не будутъ опровергнуты палеографическія опредѣленія Келера.

Фрагментъ списка побѣдителей, изданный Келеромъ на стр. 109 дополняетъ наши свѣдѣнія о комодической хоригіи. На основаніи прежде извѣстныхъ данныхъ ³⁾ можно было полагать, что вскорѣ послѣ архонства Евклида ⁴⁾ совершенно отмѣнена была хоригія для комедій. Между тѣмъ нашъ эпиграфическій фрагментъ, какъ кажется, правильно относимый издателемъ ко времени около 370 г., все еще называетъ хориговъ не только для лирическихъ хоровъ и трагедій,

¹⁾ По которому время основанія памятника Діонисійскихъ побѣдителей пришлось бы относить, съ наибольшою вѣроятностью, къ періоду между Ol. 111, 3 и 113, 3. Ср. к. Curtius, въ Philol. 24, стр. 281.

²⁾ Стр. 109: Die Inschrift, die ich *nur ein Mal gesehen habe, schien mir damals* aus der ersten Hälfte des vierten Jahrhunderts zu stammen.

³⁾ Schol. Ar. Ran. 404 ἐπι — τοῦ Καλλίου τούτου (архонтъ 406—5 года) φησὶν Ἀριστοτέλης ὅτι σύνθεο ἔδοξε χορηγεῖν τὰ Διονύσια τοῖς τραγῳδοῖς καὶ κωμικοῖς. ὥστε ἴσως ἦν τις καὶ περὶ τὸν Αἰωναῖκὸν ἀγῶνα συστολή, χρόνῳ δ' ὕστερον οὐ πολλῶν τιμῶν καὶ καθάπαξ περιεῖλε Κινησίους τὰς χορηγίας. Cfr. Platon. π. διαφ. κωμ § 8 Bergk.

⁴⁾ Bernhardt Grundr. d. Griech. Liter. II, 2, 3, стр. 583. Das letzte Datum einer Liturgie fällt in Ol. 94, 2. Lysias or. 21, 4 ἐπι δὲ Εὐκλείδου ἀρχοντος κωμικοῖς χορηγῶν Κηριστόδωφ ἐνίκων. W. Dindorf, Poet. Sc. Gr. ed. V, Vit. Arist. p. 28 пользуется, какъ доказаннымъ, положеніемъ, что въ IV вѣкѣ не было хоригіи для комедій.

но и для комедіи. Такъ какъ въ этой надписи названъ одинъ хоригъ для комедіи, то отсюда слѣдуетъ заключить, что по отбѣнъ предложеннаго Книнисіей постановленія, уничтожавшаго комодическую хоригію, послѣдняя возстановлена была въ своемъ первоначальномъ видѣ, а не въ томъ, какой приданъ былъ ей въ архонство Калліи, когда бремя каждой отдѣльной хоригіи стали распредѣлять между двумя лицами. Такого дѣленія хоригіи не существовало и въ то время, къ которому относится V рѣчь Исэя: иначе ораторъ, говоря (§ 36) о неудачномъ исполненіи хоригіи противникомъ своего клиента, едва ли бы упустилъ случай замѣтить, что этотъ противникъ имѣлъ еще себѣ помощника въ дѣлѣ снаряженія хора.

Для точности выводовъ, какіе могли бы быть сдѣланы относительно исторіи драмы, изъ эпиграфическаго списка Діонисійскихъ побѣдителей, важно знать, къ какому изъ двухъ главныхъ сценическихъ праздниковъ аѳинскихъ относится каждый данный фрагментъ списка.

Келеръ (стр. 110) относитъ всѣ фрагменты къ городскимъ Діонисіямъ по слѣдующимъ основаніямъ: 1) высшимъ моментомъ праздника въ спискѣ является трагическій агонъ (то-есть говоря проще трагодическій агонъ называется на послѣднемъ мѣстѣ), между тѣмъ существованіе представленій новыхъ трагедій на Линэяхъ, по крайней мѣрѣ для V вѣка, не можетъ быть доказано; 2) въ фрагментѣ списка, относящемся, по содержанію, къ 422 г. (Köhler, стр. 107)¹⁾ побѣдителемъ въ комодическомъ агонѣ названъ какой то поэтъ, котораго имя оканчивалось на *ος*; а изъ *ὀπόθεος* къ Аристофановымъ „Осамъ“ мы знаемъ, что на Линэяхъ 422 года побѣда одержана была Филонидомъ; 3) сравнительно съ Діонисіями Линэи, по блеску празднованія и знаменитости, во всѣ времена стояли на второмъ планѣ.

Но первый изъ этихъ доводовъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если считать ошибочнымъ извѣстное, сохраненное Аѳинцевъ (V, р. 217 а) показаніе о времени первой побѣды трагика Агаѳона: *ὅτε—Ἀγάθων ἐνίκη, Πλάτων ἦν τσασαρεσχαίδεα ἐτῶν ὁ μὲν γὰρ ἐπὶ ἄρχοντος Εὐφρήμου στεφανοῦται Δηναίος, Πλάτων δὲ γεννᾶται ἐπὶ Ἀπολλοδώρου τοῦ μετ' Εὐθρόδημον ἄρχαντος*. Такого точнаго и имѣющаго въ себѣ всѣ признаки документальной достовѣрности свидѣтельства нельзя опровергать, какъ дѣлаютъ это между новыми изслѣдовате-

¹⁾ Приведенъ выше, стр. 616.

лями Мадвигъ ¹⁾ и одинъ изъ новѣйшихъ толкователей Платонова „Пира“, Реттигъ ²⁾, указаниемъ на иронически преувеличенный комплиментъ Платоновскаго Сократа Агаѳону (Sympr. 175 E): ἡ δὲ σὴ (σοφία) λαμπρά τε καὶ πολλὴν ἐπίδοσιν ἔχουσα, εἴ γε παρὰ σοῦ νέου ὄντος οὕτω σφόδρα ἐξέλαμψε καὶ ἐπιφανῆς ἐγένετο πρῶτην ἐν μάρτοσι τῶν Ἑλλήνων πλέον ἢ τρισμυρίασι. Реттигъ по поводу этого мѣста разсуждаетъ: Da durch unsere Stelle der Sieg des Agathon ins glänzendste Licht gestellt werden soll, so weist schon dieser Umstand darauf hin, dass der Sieg an den städtischen Dionysienerrungen wurde und nicht an den Lenäen. Noch bestimmter geht dies aber aus der Beziehung auf Anwesenheit von Fremden (Ἑλλήνων) in unserer Stelle hervor, welche durch die Stelle in Aristophanes Acharnern v. 504 ff. an den Lenäen geradezu ausgeschlossen werden“. Такимъ образомъ аргументація въ концѣ концовъ сводится къ свидѣтельству Аристофана объ отсутствіи иностранцевъ на Линэяхъ. Но намъ кажется, что вообще болѣе, чѣмъ должно, изслѣдователи придаютъ значенія этимъ словамъ комика (Acharn. 502 сл.):

οὐ γάρ με νῦν γε διαβαλεῖ Κλέων, ὅτι
ξένων παρόντων τὴν πόλιν κακῶς λέγω.
αὐτοὶ γάρ ἐσμεν οὐπὶ Δηναίῳ τ' ἀγῶν,
κοῦπω ξένοι πάρισιν· οὕτε γὰρ φόροι
ἤκουσιν οὐτ' ἐκ τῶν πόλεων οἱ ἑόρμαχοι·
ἀλλ' ἐσμεν αὐτοὶ (ἄστοι?) νῦν γε περιεπτισμένοι.
τοὺς γὰρ μετοίκους ἄγυρα τῶν ἀστῶν λέγω.

Выводя отсюда, что на Линэяхъ театръ былъ наполненъ только Аѳинянами, забываютъ, что Аристофанъ имѣетъ въ виду время войны, когда изъ иностранцевъ въ Аѳинахъ могли появляться только данники или союзники Аѳинскіе, да и тѣ могли приходить туда только моремъ: тогда, вѣроятно, трудно было на Линэйскомъ праздникѣ, во время неудобное для мореплаванія, увидѣть въ Аѳинахъ много иностранцевъ. Но нѣтъ никакого основанія полагать, что такъ же бывало и въ мирныя времена, когда сухопутныя границы Аттики не были заграждены враждебно настроенными сосѣдями. Если бы отсутствіе „Эллиновъ“ на Линэяхъ было такимъ зауряднымъ, неизбѣжно повто-

¹⁾ Kleine philol. Schriften, стр. 442. См. также Dindorf. Sophoclis perditarum fabularum fragmenta. Oxon. 1860, p. II. LII.

²⁾ Platons Symposion erklärt von Rettig. Halle 1876, стр. 88. Ср. стр. 63 и 365.

рящимся явленіемъ, которое само собою разумѣется, то Аристофану не нужно было бы такъ обстоятельно доказывать, что Линейсы публика, присутствующая при представленіи Ахарнцевъ, не заключаетъ въ себѣ иностранцевъ, тогда не было бы нужды въ этихъ словахъ: κοῖπω ξένοι—ξυμμαχοί ¹⁾). Разница между городскими Діонисіями и Линеями могла состоять въ томъ, что на первыхъ иностранцевъ присутствовало, вообще говоря, больше, чѣмъ на вторыхъ; но никакъ нельзя утверждать, что въ праздникъ Линей въ театрѣ не допускали никого кромѣ аттиковъ. Извѣстно ²⁾, что именно на Линеяхъ, въ противоположность городскимъ Діонисіямъ, метики могли быть и хоревтами и хоригами; поэтому темные и, можетъ быть, испорченные 507 — 8 стихи „Ахарнцевъ“ могутъ заключать въ себѣ только ту мысль, что для Аристофана οἱ μέτοικοι не суть ξένοι, а составляютъ необходимое дополненіе къ „гражданамъ“: но если Аристофанъ для своей пѣли считалъ возможнымъ не различать метиковъ отъ гражданъ, то не съ большимъ ли еще правомъ могъ Платонъ публику, состоящую изъ аттическихъ гражданъ и метиковъ, которые, хотя отчасти, были эллинскаго происхожденія, назвать Эллинами, хотя бы даже въ ней и не находилось такихъ Эллиновъ, которые не были бы жителями Аттики?

Несомнѣнное доказательство отсутствія трагодическаго агона на праздникъ Линей въ V вѣкѣ и началѣ IV-го, Келеръ (стр. 132 сл.) находитъ въ двухъ аеинскихъ декретахъ относительно наградъ, пожалованныхъ аеинскимъ народомъ нѣкоторымъ иностранцамъ, оказавшимъ выдающіяся услуги аеинскому государству (Corpus inscriptionum atticarum I, 59 и II, 10^a, стр. 397). Въ первомъ декретѣ (410 г.)—

¹⁾ Тѣ же слова довольно сильно говорятъ противъ фантастическаго предложенія Мюллеръ-Стрюбинга (Philologus, IV, Supplementband, стр. 46), будто въ Аеинахъ для комическихъ представленій на городскихъ Діонисіяхъ существовалъ законъ, запрещавшій осмиваніе аеинскаго государственнаго устройства. Этимъ запрещеніемъ косвенно какъ бы разрешалось κομφεῖν τῆν πόλιν καὶ τὸν δῆμον χαθ' ἑστέην на Линеяхъ. Но если бы Аристофанъ имѣлъ въ виду, какъ думаетъ М.-Стрюбингъ, такое запрещеніе, то для того чтобы показать, что въ данномъ случаѣ это запрещеніе не нарушается, совершенно достаточно было бы словъ οὐκ Ἀττικῶν τ' ἀγών и бессмысленно излишня была бы прибавка κοῖπω ξένοι—ξυμμαχοί; наоборотъ въ стт. 630 сл. была бы странная недомолвка, если бы Аристоф. (или Каллистратъ) обвинялся не за то, что онъ осмиваетъ народъ Аеинскій, а за то, что онъ дѣлаетъ это на Діонисіяхъ, а не на Линеяхъ.

²⁾ Ср. Die Acharner des Aristophanes. Griech. u. deutsch mit-Anmerkungen von W. Ribbeck., стр. 224.

говорить Келеръ—часть камня, содержащая формулу, которая должна имѣть рѣшающее въ нашемъ вопросѣ значеніе, почти совершенно обломана; однако-де пространственныя отношенія надписи, словопотребленіе и имѣющіяся аналогіи необходимо ведутъ къ такому дополненію (въ строкахъ 12—14): καὶ [ἀνατεῖν τὸν χήροχα τραγῳδῶν τῷ] ἀγῶνι ὧν ἐν[α]χα αὐτὸν ὁ δῆμος ἐστεφάνωσ[ε]. Во второмъ декретѣ (393 г.) сохранившіеся слѣды начертаній ведутъ къ такому будто бы дополненію: ὁ δὲ χ[ή]ρωξ ἀναγορευοσάτω ἐν τῷ θεάτρῳ[ι] ἔτ[α]ν ο[ἱ] τρα[γῳ]δοῖ ὧσι ὅτι ὁ δῆμος ὁ Ἀθη[να]ίων Εὐαγόρ[αν] στεφανοῖ ἀρατῆς ἐνεκεν): отсюда-де получается несомнѣнный выводъ, что до 393 г. на Ливэяхъ трагедіи не ставились; только при этомъ-де предположеніи можно себѣ объяснить то обстоятельство, что имя праздника, въ который должно совершиться провозглашеніе о наградѣ, въ этихъ декретахъ вовсе не называется. Такова аргументація Келера. На нашъ взглядъ она далеко недостаточна для доказательства того, что хочетъ доказать ученый эпиграфикъ. Положимъ, что въ этихъ декретахъ не обозначается праздникъ, въ который должно совершиться провозглашеніе, но точно также въ нихъ, какъ и во всѣхъ имъ подобныхъ, не означается годъ провозглашенія: какъ, не смотря на отсутствіе этого послѣдняго обозначенія, само собою было понятно, что провозглашеніе награды должно совершиться въ тотъ же самый годъ, когда состоялось постановленіе о дарованіи наградъ, точно также при отсутствіи обозначенія праздника, само собою должно было быть понятно, что имѣется въ виду ближайшій изъ двухъ праздниковъ, совершаемыхъ цѣлымъ народомъ афинскимъ и соединенныхъ съ трагодическими агоніями, то-есть, смотря по обстоятельствамъ, или городскія Діонисіи, или Ливэи. Еще болѣе разсужденія Келера теряютъ въ своей доказательности, если мы обратимъ вниманіе на то, что предложенное имъ въ первомъ декретѣ дополненіе [ἀνατεῖν τὸν χήροχα τραγῳδῶν τῷ] ἀγῶνι вовсе не есть необходимое и можетъ быть замѣнено другимъ, совершенно равнымъ ему по числу буквъ и одинаково подходящимъ по смыслу: [ἀνατεῖν Διονυσίων τραγῳδῶν τῷ] ἀγῶνι ¹⁾. Если бы

¹⁾ Διονυσίων въ занимающей насъ надписи дополнялъ уже Кирхгофъ. Διονύσια безъ опредѣленія въ смыслѣ Διονύσια τὰ ἐν ἄσσει или Δ. τὰ μεγάλια, какъ известно, очень обыкновенно. Въ С. I, А. II, 481, 63 Келеръ въ транскрипціи даетъ Διονυσίων [τῶν μεγάλ]ων τῷ χαίνῳ [ἀγῶνι], но съ начертаніями его копии и разгнѣрами обозначенной имъ лакуны, намъ кажется, согласнѣе было бы чтеніе Διονυσίων [τραγῳδ]ῶν τῷ χαίνῳ [ἀγῶνι]. Сравн. № 478 d. Διονυσίων τραγῳδῶν τῷ χαίνῳ ἀγῶνι.

Келеровскимъ дополненіемъ въ самомъ дѣлѣ исключалось существованіе линейскихъ трагодическихъ агоневъ въ V вѣкѣ, то мы считали бы это наше дополненіе необходимымъ, такъ какъ при немъ только мы оставались бы въ согласіи съ Аеннеевымъ свидѣтельствомъ о Линейской побѣдѣ Агаѳона, свидѣтельствомъ, которое могло быть перечеркнуто только изъ документовъ нисколько не менѣе достовѣрныхъ, чѣмъ какіе бы то ни было декреты. Вѣдь предположеніе Реттга (стр. 63), будто въ этомъ свидѣтельствѣ подробность *Δφραϊός* путемъ комбинаціи выведена изъ словъ Платона (*Symp.*, 223 c) ¹⁾ уже потому въ высшей степени невѣроятно и противно всякой методѣ, что въ данномъ мѣстѣ Аенней слѣдуетъ автору, который, самъ отличающійся рѣдкой хронологической и дидактической (см. *Athen.* 216 d. 218 bc) ученостью, враждебно относится къ Платону, уличаетъ философа въ пренебреженіи въ хронологіи, въ грубыхъ анахронизмахъ.—Итакъ, по нашему мнѣнію, положеніе, что въ V вѣкѣ трагодическій агонь былъ принадлежностію какъ Діонисіевскаго, такъ и Линейскаго празднества, стоитъ и послѣ разсужденій Келера, такъ же твердо, какъ стоялъ до нихъ ²⁾. Что касается до IV вѣка, то, если бы восстановленная Келеромъ формула декрета 393 года допускала то только толкованіе, какое даетъ ей этотъ ученый, пришлось бы признать, что около 393 года, можетъ быть въ связи съ другими ограниченіями пышности сценической части празднествъ, предложенными Кинесіей, былъ отмѣненъ существовавшій въ V вѣкѣ трагодическій агонь для Линей. Но и въ такомъ случаѣ мы имѣли бы право и почти обязанность предполагать, что вскорѣ послѣ 393 года, когда отмѣнены были другія стѣснительныя для драмы мѣры, восстановленъ былъ и этотъ

¹⁾ Хотя, разумѣется, и эти слова сами по себѣ кое-что говорятъ въ пользу предположенія Линейской побѣды Агаѳона. См. Boeckh, *Kl. Schr.* V, стр. 76*: «Es wird von Platon die Länge der Nächte ohne nähere Veranlassung hervorgehoben; welches nur durch eine sehr bedeutende Länge motivirt ist, wie im Winter-solstitium».

²⁾ Малочисленность и бѣдность свидѣтельствъ не дозволяютъ такихъ точныхъ и подробныхъ опредѣленій исторіи Линейскихъ состязаній, какія даетъ Scherzl (*Qu. Ath. d. f. fab. in sc. comm.* S., p. 47): *Lenaeis — primo cum neque Dionysia urbana neque comoediae publico usu recepta essent, singulae tragoediae, tum tetralogia inventa tantummodo comoediae et inde ab anno fere 420 demum praeter comoedias singulae tragoediae [in scaenam committabantur]*. Главнымъ основаніемъ къ возможно наибольшему ограниченію разгворъ Линейскихъ состязаній служить для г. Шмерля соображеніе (p. 10 sq.), что въ праздникъ Линей въ Аѳинахъ было еще слишкомъ холодно.

трагическій агонь. Однако, нѣтъ основанія принимать гипотезу Келера и съ этими ограниченіями, такъ какъ то толкованіе формулы декрета, на которомъ она основана, не есть единственно возможное. Эта гипотеза кажется намъ мало вѣроятною еще и по слѣдующему соображенію: Ифигенія Авлидская, Алкмеонъ и Вавханки Еврипида были поставлены послѣ смерти этого трагика, но, конечно, не много спустя послѣ нея, то-есть, по всей вѣроятности, ранѣе 393 г., или, что менѣе вѣроятно, вскорѣ послѣ этого года; между тѣмъ дидакалическая замѣтка объ этихъ пьесахъ (Schol. Ag. Ran., 67) заявляетъ, что онѣ поставлены были *ἐν ἄσται*: при извѣстной краткости дидакалическихъ формулъ, не странно ли было бы такое заявленіе, если бы, какъ это выходитъ по теоріи Келера—въ дидакаліяхъ до 393 года и непосредственно послѣ этого года вовсе не могло быть различія между трагедіями, поставленными *ἐν ἄσται*, и трагедіями, поставленными *Δηναίως*, такъ какъ исъ онѣ савились *ἐν ἄσται*? На „Паростскомъ мраморѣ“ (ср. 43), по несомнѣнному, кажется, дополненію Бека, приходится читать: *ἀφ' ὅθεν ὁ ποιητὴς [ἐφάνη] πρῶτος δὲ ἐδίδαξε* [δρ]ᾶμ[α ἐν ἄ]στ[αι]: положимъ, что это показаніе отчасти вымышленное (ср. Plut. Sol., 29), но могло ли бы оно быть вымышлено въ такой формѣ, если дидакаліи, относившіяся къ древнѣйшимъ временамъ исторіи аттической драмы, въ своей трагической части не представляли уже дѣленія на двѣ графы: *ἐν ἄσται* и *Δηναίως*?

До сихъ поръ мы разбирали первый изъ доводовъ, представленныхъ Келеромъ въ пользу мнѣнія, что всѣ фрагменты „Діонисіоновъ“ относятся къ городскимъ Діонисіямъ, а не къ Линэямъ.

Второй его доводъ, заимствованный изъ *ὁκόθως* къ „Осамъ“ Аристофана, если и не придавать никакой цѣны тѣмъ сомнѣніямъ, какія заявлялись противъ дошедшаго до насъ текста этой *ὁκόθως* (Cfr. Bergk. ar. Meinek. Com. gr. fr. v. II p. II p. 911.; Dindorf. Aristoph. vita in Poet. Seep. ed. V p. 28, F. Leo Mus. Rhen. vol. 33 p. 404), имѣеть слишкомъ частное значеніе: изъ того, что одинъ фрагментъ списка побѣдителей относится къ городскимъ Діонисіямъ, не слѣдуетъ еще, что и всѣ остальные фрагменты относятся къ тому же празднику.

Изъ того, что городскія Діонисія были болѣе знамениты, чѣмъ Линэи ¹⁾, также не слѣдуетъ, что на памятникѣ, поставленномъ по

¹⁾ Поэтому-то, вѣроятно, только Діонисія называетъ Исократъ ог. XII, § 168 *τις γὰρ οὐκ οἶδεν-ἢ τις οὐκ ἀγχιος τῶν τραγῳδοδιδασκάλων Διονυσίους τὰς Ἀδράστφ*

вогъ афинскаго государства, могли быть записаны только „городскія победы“; такой выводъ тѣмъ менѣе основателенъ, что для другаго разряда эпиграфическихъ документовъ, какъ мы увидимъ, съ вѣроятностью можно предполагать отношеніе не только къ городскимъ Діонисіямъ, но и къ Ливзіямъ.

Однако, отрицая доказательность доводовъ Келера, мы не отрицаемъ самаго его мнѣнія, такъ какъ эти слабые доводы могутъ быть замѣнены другими, болѣе сильными.

Уже Бергъ ¹⁾, для рѣшенія занимающаго насъ теперь вопроса, привлекалъ къ сравненію съ фрагментами „Діонисіониковъ“ текстъ Евигорова закона, вставленный въ рѣчь Димосеена противъ Мидія (§ 10), гдѣ Ливзіскіе агоны перечисляются въ такомъ порядкѣ: οἱ τραυφοὶ καὶ οἱ κωμφοὶ, а части праздника городскихъ Діонисій въ такомъ: οἱ παιδες καὶ ὁ κῆρος καὶ οἱ κωμφοὶ καὶ οἱ τραυφοὶ. Такъ какъ въ рабшраемыхъ нами надписяхъ постоянно οἱ κωμφοὶ навиваются прежде, чѣмъ οἱ τραυφοὶ, то Бергъ выводилъ отсюда, что эти надписи должны относиться къ городскимъ Діонисіямъ.

Подлинность Евигорова закона, какъ извѣстно, была оспариваема ²⁾. Но послѣ того, какъ эпиграфическія находки подтвердили подлинность, если не формы, то содержанія законовъ и декретовъ, вставленныхъ въ нѣкоторыя другія произведенія аттическихъ ораторовъ, нельзя уже заподозривать и подлинность Евигорова закона по тѣмъ слабымъ основаніямъ, которыя представлены были Вестерманомъ и достаточно, кажется намъ, опровергнуты Фукаромъ ³⁾.

Но если законъ и подлиненъ, то замѣчаемое въ немъ различіе въ порядкѣ перечисленія агоней Ливзіскихъ и „городскихъ“ не произошло ли вслѣдствіе случайной ошибки? Ни Бергъ, ни Келеръ не обращаютъ никакого вниманія на то, что въ законѣ, въ той его части, которая относится къ Ливзіямъ, вовсе не упоминаются агоны παιδωνъ и ἀνδρωνъ, между тѣмъ какъ въ „Діонисіоникахъ“ эти агоны постоянно предшествуютъ агонамъ κωμφῶν и τραυφῶν: повидимому, предполагается, что въ этой части закона есть пропускъ; но если въ этой

γυομένης ἐν Θῆβαις αὐτοφῶρας κτλ. Что до 339 г., когда рѣчь написана, происходили уже представленія трагедій на Ливзіяхъ—неоспоримо: еще OI 103, 1 Діонисій одержалъ победу въ трагическомъ агонѣ Ἀθηναίων (Diod. XV, 74, 1).

¹⁾ Rheinisches Museum, Bd. 34, стр. 331.

²⁾ Westermann. De litis instrumentis quae exstant in Demosthenis oratione in Midiam. Lips. 1844, p. 21.

³⁾ Revue de Philologie, Nouvelle série, t. I (1877), стр. 168—181.

части текстъ закона передавъ намъ такъ не точно, то можно ли надѣяться, что вполне безошибочно показаніе его о порядкѣ агоневъ комодическихъ и трагодическихъ, и не лучше ли вернуться къ положенію Заупе (Sauppe, Ueb. d. Wahl der Richter in den musischen Wettkämpfen an d- Dionysien. Ber. üb. d. Verhandl. d. sächs. Ge-sellsch. d. Wissensch. VII, стр. 19), по которому порядокъ этихъ послѣднихъ агоневъ былъ одинаковъ и для Линэй и для Діонисій? Однако, нужно ли предполагать такой значительный пропускъ въ текстѣ закона? Имѣемъ ли мы какое-нибудь право утверждать, что на Линейяхъ также происходили состязанія лирическихъ хоровъ, какъ и на городскихъ Діонисіяхъ? Мнѣ кажется—никакого. Но за то есть достаточное основаніе для противоположнаго утвержденія. Фила Пандіонисъ въ своемъ постановленіи о записяхъ побѣдоносныхъ лирическихъ хоригій (Corpus inscriptionum Atticarum II, n. 558) ἀναγράφαι δὲ καὶ εἰ τις ἄλλος νενίκηκεν ἀπ' Εὐκλείδου ἄρχοντος παισὶν ἢ ἀνδράσιν Διονύσια ἢ Θαργῆλια ἢ Προμηθία ἢ Ἠφαιστία, ἀναγράφειν δὲ καὶ τὸ λοιπὸν εἴαν τις τούτων τι νικήσῃ τὸς ἐπιμελητὰς ἐφ' ὧν νικήσῃ ни слова не говоритъ о Линейскомъ состязаніи. Предположеніе, что здѣсь подъ Διονύσια нужно разумѣть не только Διονύσια τὰ ἐν ἄστει, а и Δήνια, противорѣчило бы какъ официальному характеру документа, такъ и устройству присоединеннаго къ нему списка хориговъ, гдѣ имена Діонисійскихъ побѣдителей приводятся подъ рядъ, безъ всякихъ признаковъ дѣленія на два разряда, которое соотвѣтствовало бы двумъ „Діонисійскимъ“ празднествамъ. Итакъ, почему же въ постановленіи фила Пандіонисъ, гдѣ, казалось бы, мы должны имѣть полный перечень праздниковъ, для которыхъ поставлялись хоры παιδῶν и ἀνδρῶν, не упоминаются Линэй, и почему въ томъ мѣстѣ Евигорова закона ¹⁾, гдѣ

¹⁾ Если есть какой нибудь пропускъ въ переданномъ намъ текстѣ закона Евигора, то это можетъ быть только предполагаемый Бергомъ (Rhein. Mus. 34, стр. 331) пропускъ словъ καὶ οἱ ἄνδρες послѣ словъ καὶ οἱ παῖδες: происхожденіе пропуска легко объяснимо, и вся эта догадка имѣетъ для себя довольно твердую опору въ вышеприведенныхъ эпиграфическихъ текстахъ. Однако, при печальномъ состояніи нашихъ свѣдѣній о лирическихъ агонахъ, нельзя доказать невозможности и того предположенія Бека (Von den Zeitverhältnissen der Demosth. Rede gegen Meidias—Kleine Schriften, V, стр. 158), по которому слово κῆμος употреблено въ законѣ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употребляется терминъ ἄνδρες.—Состязанія παιδῶν и ἀνδρῶν для праздника Θαργῆλιῶν обозначены въ законѣ общимъ терминомъ ἀγῶν.—Фукаръ (l. c. p. 174) полагаетъ, что и та часть закона, которая касается городскихъ Діонисій имѣла первоначально такой видъ: καὶ τοῖς ἐν ἄστει Διονυσίοις ἢ πομπῇ καὶ οἱ παῖδες καὶ ὁ κῆμος <καὶ ὁ ἀγῶν>

рѣчь идетъ о Линаяхъ, вовсе не обозначаются состязанія παιδων и ἀνδρῶν? Намъ кажется, причина можетъ быть только одна, а именно

καὶ οἱ κωμφοῖ καὶ τραγῳδοῖ, и что подъ ὁ ἀγὼν разумѣлись состязанія παιδων и ἀνδρῶν. На нашъ взглядъ эта догадка совершенно невѣроятна. На Фаргиліяхъ, по всей вѣроятности, другихъ агоневъ, кромѣ соотязаній παιδων и ἀνδρῶν, не было, между тѣмъ какъ на Діонисіяхъ были еще агоны комодическіе и трагедическіе; поэтому обозначеніе ὁ ἀγὼν, совершенно достаточное, когда оно находится въ статьѣ закона, трактующей о Фаргиліяхъ, оказывается слишкомъ неопредѣленнымъ и недостаточнымъ, являясь въ статьѣ о Діонисіяхъ по соседству съ такими опредѣленными обозначеніями, какъ οἱ κωμφοῖ и οἱ τραγῳδοῖ. Въ своей догадкѣ знаменитый ученый приведенъ былъ тѣмъ соображеніемъ, что терминъ οἱ παιδες не можетъ обозначать и терминъ οἱ ἀνδρες не могъ бы означать въ Эвигоровомъ законѣ состязаній киклійскихъ хоровъ; а это свое соображеніе онъ обосновываетъ (стр. 175) такимъ образомъ: on ne trouve pas d'exemple des expressions παιδες, ἀνδρες, employées seules pour désigner les chœurs cycliques d'hommes ou d'enfants; elles ne prennent ce sens que construites avec un verbe, comme χορηγεῖν, νικᾶν παισὶ ou παιδων. Но рассуждать такимъ образомъ, намъ кажется, значитъ злоупотреблять случайнымъ признакомъ тѣхъ скудныхъ свидѣтельствъ, какія дошли до насъ относительно киклійскихъ состязаній. Выраженіе [ἔταν] οἱ παιδες [ῶαν] само по себѣ, конечно, очень странно, но, какъ техническій терминъ, оно: нисколько не страннѣе выраженія [ἔταν] οἱ κωμφοῖ καὶ οἱ τραγῳδοῖ [ῶαν]. Кромѣ того, по мнѣнію Фукара, пониманію οἱ παιδες въ смыслѣ киклійскаго хора препятствуетъ порядокъ словъ въ текстѣ закона: ὁ κῶμος долженъ де быть происходить предъ состязаніями хоровъ, но не могъ имѣть мѣста послѣ нихъ. Однако церемоніаль Діонисійскаго торжества такъ мало извѣстенъ намъ и значеніе слова κῶμος такъ широко, что едва ли мы можемъ рѣшать, какой порядокъ обрядовыхъ дѣйствій былъ возможенъ и какой вѣтъ. Фукаръ полагаетъ, что формулою οἱ παιδες обозначается особая, отличная отъ лирическихъ состязаній, часть праздника Діонисій: онъ ссылается (стр. 177) въ этомъ случаѣ на одно постановленіе ἐκκλησίας ἐκ Διονύσου (Cogr. inscr. Att. II, n. 420), въ концѣ котораго находится окруженный вѣнкомъ слова ἡ βουλὴ, ὁ δῆμος τοὺς παιδας τοὺς ἐλευθέρους καὶ τὸν διδάσκαλον αὐτῶν, и еще на нѣкоторые не аттическія надписи, по которымъ οἱ παιδες или οἱ ἐλευθέροι παιδες пѣли гимны въ честь вразднуемаго божества. Но мы не видимъ, почему бы аттическое свидѣтельство, которое одно имѣетъ доказательную силу, не могло быть отнесено къ киклійскимъ хорамъ παιδων, въ которыхъ и относилъ его Келеръ (C. I. Att. II, p. 203 quae in infimo lapide exsculpta est corona demonstrat etiam pueris chori cyclici cum magistro coronam datam fuisse). Собираніе хоровъ παιδων было сопряжено съ особенными затрудненіями, какъ видно изъ Antiph. π. τοῦ χορ. § 11, родители не охотно отпускали дѣтей изъ хоригама: не мудрено, что кромѣ другихъ и въ побужденія для родителей существовала еще и эта, дѣйствовавшая на ихъ тщеславіе: присужденіе хорамъ παιδων, сверхъ призовъ, раздававшихся Діонисійскими судьями, еще и вѣнка, жалуемаго государственной думой и народнымъ совѣщаніемъ.

та, что на Линяхъ, по крайней мѣрѣ, до начала четвертаго вѣка до Р. X. ¹⁾, не было состязаній ни παιδων, ни ἐνδρών ²⁾. А такъ какъ во фрагментахъ списковъ побѣдителей эти состязанія являются постоянной составной частью праздника, то слѣдовательно списки относятся къ городскимъ, а не къ Линейскимъ агонамъ ³⁾.

Устройство третьяго разряда эпиграфическихъ свидѣтельствъ по исторіи аттической драмы весьма просто: здѣсь называются одно за другимъ имена драматическихъ поэтовъ; позади каждаго имени ставится цифра. Куманудисъ первый высказалъ (въ журналѣ Φιλίστωρ I, стр. 331) догадку, что эти цифры суть цифры одержанныхъ побѣдъ; новыя находки, сдѣланныя въ этой области эпиграфики, и изслѣдованія Келера и Бергга вполне подтвердили эту догадку. Мы, для обозначенія этихъ статистическихъ таблицъ побѣдъ, одержанныхъ въ Афинахъ драматическими поэтами, будемъ пользоваться известнымъ

¹⁾ Изъ надписи въ Ἀρχαιολογικῆ ἐφημερίδι, περίοδος δευτέρα, ἐτος πρῶτον (1862), № 219 и табл. 34 (= Φιλίστωρ IV, стр. 33, № 4 и стр. 473) известно, что въ Македонской періодѣ и на Линяхъ исполнялись диенрамы, но какъ исполнялись, нужны ли были и тогда для этого хоры παιδων и ἐνδρών—мы не знаемъ.

²⁾ Не умѣемъ объяснить, почему Линя не называются въ сочиненіи Ἀθηναίων πολιτεία III, 4 (βαί δὲ καὶ ταῦτα διαδίκασεν, εἴ τις τὴν καθῆκον μὴ ἐπισχεύσει; ἢ κατοικησόμεναι τι δημόσιον· πρὸς δὲ τοῦτοις, χορηγοῖς διαδίκασαι εἰς Διονύσια καὶ Θερύλλια καὶ Παναθηναία καὶ Προμήθεια καὶ Ἠφαιστεια ὅσα ἐστὶ). Тѣмъ, что для Линей существовали только хоригія сценическія, а не мусическія, нельзя объяснить этого опущенія, такъ какъ и для первыхъ, не смотря на отличие ихъ отъ лирическихъ, допускалась ἐντροσία (Lys. XXIV, 9), которая не могла не дать поводовъ къ διαδικασίᾳ. Нельзя ли искать объясненія въ томъ 'обстоятельствѣ, что на Линяхъ хоригами или всегда, или по крайней части были женщины? Во всякомъ случаѣ, приведеннымъ мѣстомъ Πολιτείας нельзя подтвердить мысли объ отсутствіи въ V вѣкѣ на Линяхъ трагедическихъ агоней, не отрицая вѣстѣ съ тѣмъ существованія на томъ же праздникѣ агоней комедическихъ: а такое отрицаніе невозможно въ виду показаній о временахъ постановки Аристофановскихъ комедій.

³⁾ Если бы можно было полагаться на копию Питтакиаса и дополненія Равганваса, то слѣдовало бы думать, что надпись Rang. Ant. hell. n. 981 относится къ Линейскимъ агонамъ, такъ какъ въ ней называются только хориги и дидакамы, а не называются оялы, которые, по вышеизложеннымъ соображеніямъ, не могли имѣть отношенія къ Линейскому агону, состоявшему только изъ составной траφῶδων и χομφῶδων. Однако изъ копии у Le Bas-Waddington n. 479 очевидно, что это есть частная надпись хориговъ, принадлежавшихъ къ одной семьѣ; а опущеніе имени оялы въ частныхъ надписяхъ хориговъ не имѣетъ никакого значенія.

уже въ области источниковѣдѣнія исторіи греческой драмы заглавіемъ Νῆλαι Διονυσιακαί.

Большая часть эпиграфическихъ фрагментовъ этого рода найдена въ недавнее время и издана Куманудисомъ (Αθήναϊον VII стр. 80 сл. и стр. 291) и Келеромъ (Mittheilungen III стр. 242 сл. и V стр. 325)¹⁾.

Самые древніе отдѣлы этого списка побѣдъ, составленнаго не за разъ, а частями, въ разныя времена отъ половины III до начала II вѣка, Келеръ, по палеографическимъ основаніямъ относить къ III вѣку до Р. Х., слѣдовательно къ такому времени, для котораго мы должны предполагать уже существованіе литературныхъ изложеній фактовъ исторіи аттической драмы. Но если составители эпиграфическихъ Νῆλαι Διονυσιακῶν и воспользовались такого рода источниками, то эти послѣдніе, въ свою очередь, могли заимствовать обозначенія чиселъ побѣдъ только или изъ официальныхъ архонтскихъ записей или изъ эпиграфическаго свода дидаскалій; въ томъ и другомъ случаѣ Νῆλαι Διονυσιακαί, хотя посредственно, ведутъ свое начало изъ официальныхъ документовъ.

Издатели фрагментовъ списка побѣдъ, Куманудисъ и Келеръ, на основаніи впечатлѣнія, оставляемаго большинствомъ фрагментовъ, полагали, что въ списокъ перечислялись только побѣды комиковъ, но не трагиковъ. Куманудисъ предполагалъ еще, что кромѣ побѣдъ комическихъ поэтовъ обозначались также и числа побѣдъ комическихъ актеровъ. Неосновательность этого послѣдняго предположенія достаточно разъяснена Келеромъ (l. l. III стр. 253 сл.). Съ другой стороны, Бергву (Rheinisches Museum 34, стр. 237) первому удалось замѣтить, что нѣкоторые фрагменты принадлежатъ числу побѣдъ не комодическихъ, а трагодическихъ.

Одинъ изъ древнѣйшихъ фрагментовъ Νῆλαι Διονυσιακῶν (означенный буквою Δ у Куманудиса, № 9 у Келера) читается Келеромъ²⁾ такъ:

(Δι)σὺλό(ος...)
(Εο) ἄτης Ι

¹⁾ Для насъ копія Келера свѣрилъ съ подлинниками, отмѣчая всѣ самыя малѣйшія различія, В. К. Ершштедтъ. Нѣкоторыми сообщеніями, касающимися того же предмета, мы обязаны В. В. Латышеву.

²⁾ В. К. Ершштедтъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній относительно этого фрагмента, изъ которыхъ мы считаемъ умѣстнымъ сообщить здѣсь слѣдующія: «въ строка 2-й послѣ Ι другой цифры не было, въ стр. 5-й передъ Κ было, вѣроятно, Ο; въ стр. 6-й послѣ Ι было, повидимому еще одно Ι, если не больше».

(Πο)λοφράτμ(ων..)

ικτος Ι
 κλης ΔΓΙΙΙ
 τος Ι
 ις

Этотъ фрагментъ на первыхъ порахъ такъ мало былъ понятъ, что заставилъ Куманудиса сомнѣваться въ справедливости собственной догадки, что цифры, стоящія позади именъ, означаютъ числа побѣдъ. Подъ вліяніемъ того предубѣжденія, что встрѣчающіяся въ спискахъ имена суть имена или комическихъ поэтовъ или комическихъ актеровъ и не являя возможности указать на какогонибудь знаменитаго комическаго поэта или комическаго актера, имя котораго оканчивалось бы на κλης, Куманудисъ (Αθήναιον VII стр. 86) ставилъ такой вопросъ: если цифры указываютъ числа побѣдъ, то почему большія цифры - и въ числѣ ихъ самая большая изъ всѣхъ встрѣчающихся въ спискахъ (имѣется въ виду цифра 18 при имени κλης) стоятъ при именахъ менѣе знаменитыхъ? Бергкъ устранилъ это недоумѣніе, замѣтивъ, что цифра, стоящая послѣ имени... κλης, какъ разъ сходится съ однимъ изъ дошедшихъ до насъ показаній о числѣ побѣдъ великаго трагика Софокла. Этому поэту у Діодора XIII 103 приписывается именно 18 побѣдъ. У Свиды Софоклу дается 24 побѣды, но по довольно правдоподобной догадкѣ Бергка, это показаніе только видимому противорѣчитъ показанію Діодора: источникъ Свиды обозначалъ общее число побѣдъ, одержанныхъ Софокломъ, а источникъ Діодора отмѣтилъ только число побѣдъ, одержанныхъ на одномъ изъ двухъ главныхъ сценическихъ праздниковъ, и по всей вѣроятности—именно на томъ, который пользовался наибольшею славою, то-есть, на городскихъ Діонисіяхъ ¹⁾. Мы имѣемъ еще и третье показаніе о числѣ побѣдъ Софокла, въ біографіи, сохраненной—и, какъ извѣстно, весьма дурно сохраненной—Софокловскими рукописями; здѣсь трагикъ приписывается двадцать побѣдъ; но весьма возможно, что число x, есть извращеніе того же числа xδ', которое мы имѣемъ у Свиды.—Какъ бы то ни было, догадка Бергка, вносящая въ текстъ Νικῶν

¹⁾ Если Діодоръ пользовался въ этомъ случаѣ Аполлодоромъ, то нужно думать, онъ опустилъ или просмотрѣлъ часть показанія своего источника, такъ какъ Аполлодоръ имѣлъ обыкновеніе обозначать числа побѣдъ и городскихъ и Ливійскихъ. См. Diogen. L. VIII, 8, 90 (εὐδοξος) ποιητῆς κομφιδίας, νίκας ἑλὼν ἀστικὰς μὲν τρεῖς, Ἀθηναϊκὰς δὲ πέντε κατὰ φησιν Ἀπολλόδωρος ἐν χρονικοῖς.

Διονυσιακῶν имя трагика, достаточно оправдывается свидѣтельствомъ Діодора. Къ ней можно было бы, пожалуй, отнестись съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, если бы въ томъ же фрагментѣ, гдѣ мы находимъ загадочное ...κλῆς, не удалось указать именъ трагиковъ, близкихъ по времени, къ великому Софоклу. Но вѣдь дополнение (Δι)συχύλ(ος) въ 1-й строкѣ фрагмента такъ несомнѣнно, какъ только могутъ быть несомнѣнны эпиграфическія конъектуры. Также несомнѣнно и дополнение, сдѣланное уже первыми издателями въ 3-й строкѣ: (Πο)λυφράσμ(ων).— Πολυφράσμ(ων) есть имя трагическаго поэта, котораго историки литературы, кажется, совершенно произвольно называютъ Полифрадрономъ. Точно также, какъ разбираемый нами эпиграфическій фрагментъ, и наши рукописные источники называютъ трагика, сына Фринихова, Полифрасономъ. Въ ὑπόθεσις къ „Семи противъ Эвизъ“ со временъ Фрэнца печатали: τρίτος Πολυφράδμων Διχοργεία τετραλογία, но рукопись даетъ тамъ не Πολυφράδμων, а Πολυφράσμ(ων). У Свида въ біографіи трагика Фриниха (Φρόνιχος: Πολυφράδιανος ἢ Μινόρου οἱ δὲ Χοροκλέους Ἀθηναῖος τραγικός.. ἐνίκη ἐπὶ τῆς ξθ' ὀλυμπιάδος... καὶ παῖδα ἔσχε τραγικόν Πολυφράδμωνα) имена отца и сына Фриниха печатаются, такъ: Πολυφράδμωνος и Πολυφράδμωνα. Однако въ Лейденской рукописи лексикона Свида (по сличенію Бернгарди) и въ рукописи того же лексикона, принадлежащей Петербургской публичной библиотекѣ (по нашему собственному сличенію), хотя въ началѣ біографіи написано также Πολυφράδμωνος, въ концѣ оказывается чтеніе Πολυφρᾶσμωνα.

Послѣ того, какъ форма съ σ засвидѣтельствована эпиграфически (ср. еще Corp. inscr. gr. n. 7444^a, надпись на вазѣ Πολυφράσμων, Πολυφράσμων καλός), нѣтъ никакого основанія въ ὑπόθεσις къ трагедіи „Семь“¹⁾ и у Свида имя сына Фринихова Πολυφράσμ(ων) передѣлывать въ Πολυφράδμων: болѣе чѣмъ вѣроятно, что Νίκαи Διονυσιακαὶ приводятъ имя поэта въ той формѣ, въ какой оно записано было въ современныхъ поэту актахъ архонта; до какой степени точны въ этомъ отношеніи Νίκαи, можно судить по тому, что имя трагика Θεοδέκτα, происшедшаго изъ дорійскаго (Herodot. II, 178) города Φάσθλις, въ Νίκαи сохраняетъ свою дорическую форму Θεοδέκτας (см. фрагментъ, изданный Келеромъ въ Mittheil. V, p. 32), а не подвергается передѣлкѣ на аттическій ладъ (Θεοδέκτης), между тѣмъ какъ всѣ, кажется, наши

¹⁾ Гдѣ новѣйшій издатель трагедій Эсхила (A. Kirchhoff, Aeschyli tragoediae, Berol., 1880) возстановилъ уже чтеніе рукописи, не объясняя однако, почему онъ поправку Фрэнца считаетъ неуужною.

литературные источники приводят это имя въ формѣ Θεοδέκτης. — Не рѣшаемся сказать, слѣдуетъ ли переданную въ рукописяхъ (у Свиды и Павсанія X, 31, 4) форму имени отца Фриникова Πολοφράδμωνъ измѣнять въ болѣе соотвѣтствующую законамъ аттической фонетики (см. G. Meyer, Gr. Gram. § 281) Πολοφράσμωνъ: при извѣстномъ состояніи нашихъ свѣдѣній объ аттицизмѣ этой древней поры, намъ кажется, нельзя считать особенно страннымъ предположеніе, что форма имени, бывшая еще въ употребленіи во времена дѣда, перестала быть такою во времена внука. Однако все-таки вѣроятнѣе, что написаніе Πολοφράδμωνъ вмѣсто Πολοφράσμωνъ явилось такъ же случайно, какъ напримѣръ, во второстепенныхъ Эсхиловскихъ рукописяхъ (Rege, 417) написаніе ἀφραδμόνωκς вмѣсто сохраненнаго главною рукописью ἀφρασμόνωκς, то-есть подъ вліяніемъ или праздныхъ этимологическихъ мудрствованій, или образцовъ, представлявшихъ произведеніями неаттическими; ср. употребленіе словъ: ἀφραδμόων καχοφραδμοσύνη, καλοφραδμοσύνη, πολοφράδμων, ὑποφραδμοσύνη; φραδμοσύνη, φράδμων. Что позднѣйшій эллинизмъ, смѣшивавшій формы разныхъ нарѣчій и разныхъ временъ, склоненъ былъ снова оживить устарѣлое сочетаніе звуковъ δρ, можно заключать изъ того, что аттицисты считали долгомъ предостерегать противъ употребленія такихъ формъ, какъ ὀδμή вмѣсто ὀσμή (cf. Phrynich. p. 89, cum. not. Lobeck. и L. Dindorf. praef. ad Xen. Cyr. ed. Lips. IV, p. XVII).

Кромѣ имени Полифрасмона въ занимающемъ насъ фрагментѣ „Побѣдъ Діонисійскихъ“ можетъ быть, если не ошибаемся, съ достаточной вѣроятностью указано и еще одно имя трагическаго поэта. Въ 3-й строкѣ фрагмента Куманудисъ, стараясь, гдѣ только мало мальски возможно, вставлять имена комиковъ, читалъ: (Φίλ)ιππος. Но, какъ видно изъ копій Келера, на самой надписи нѣтъ ни малѣйшаго слѣда которойнибудь изъ этихъ трехъ буквъ (Φίλ), дополняемыхъ аеинскимъ ученымъ: вмѣсто нихъ могутъ быть вставлены какія угодно другія, только сумма ихъ, на сколько можно судить по копіи, конечно, далеко не совершенно точной, должна быть не менѣе и не болѣе трехъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ именъ трагиковъ только одно оканчивается на ιππος, и оно какъ разъ подходит къ указаннымъ требованіямъ: это имя есть Νόδιππος. Дошедшія до насъ свѣдѣнія о трагикѣ этого имени крайне скудны, но все-таки достаточны для того, чтобы опредѣлить, хотя приблизительно, время его жизни и узнать, настолько ли это древній поэтъ, что его имя могло быть названо между именами Эскила и Софокла. Единственное сви-

дѣтельство о Ноэппѣ находится у Аэинна ¹⁾, который знаетъ этого трагика по наслѣшкамъ комиковъ Ермиппа и Тилеклида, упоминавшихъ о Ноэппѣ въ комедіяхъ, поставленныхъ еще при жизни Перикла. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что Ноэппъ, во всякомъ случаѣ современникъ Софокла, одержалъ первую побѣду годомъ раньше Софокла, а въ такомъ случаѣ Нікаи и должны были назвать его строкою выше, чѣмъ Софокла.—Въ новѣйшее время пытались, правда, совершенно вычеркнуть имя Ноэппа изъ числа именъ трагиковъ. Wilamowitz-Möllendorf ²⁾ высказалъ дагадку, что Νόθιππος есть кличка, комическое извращеніе настоящаго имени Γυνήσιππος: этой кличкой комики хотѣли-де указать частію на незаконное будто бы происхожденіе Гнесиппа, частію на свойства его поэзіи, частію на что-то еще кромѣ этого. Трудно согласиться съ этимъ предположеніемъ, которое не можетъ дать твердаго, опредѣленнаго объясненія тѣмъ самымъ фактамъ, по поводу которыхъ оно придумано. Правда, что имя Νόθιππος неизвѣстно намъ изъ другихъ источниковъ ³⁾, кромѣ

¹⁾ VIII, 334, c. d. Νόθιππον δὲ τὸν τραγῳδιοποιὸν [ὄν] Ἐρμιππος ἐν τοῖς Μοῖραις φησίν·

εἰ δ' ἦν τὸ γένος τῶν ἀνθρώπων τῶν νῦν τοιόνδε μάχεσθαι
καὶ βατὶς αὐτῶν ἤγαίτ' ὀπτῆ μεγάλη καὶ πλευρὸν δεῖον,
τοὺς μὲν ἄρ' ἄλλους οἰκουρεῖν χρεῖν, πέμπειν δὲ Νόθιππον ἔν' ὄντα
εἰς γὰρ μόνος ὢν καταβρόχθισεν ἄν τὴν Πελοπόννησον ἅπασαν.

ὅτι δὲ οὗτος ἦν ὁ ποιητὴς σαφῶς παρίστανται Τηλεκλειδῆς ἐν Ἡσιόδοις.

²⁾ *Observationes criticae in comoediam graecam selectae*. Berol. 1870, pagg. 27 sq. «Versus primus [въ фрагментѣ Гермиппа] corruptus habetur, sed bene intellegitur, modo interpreteris: si tale hodiernum esset genus (quale v. c. Μαραθῶνομάχων) et hostes essent edulia, unus ad delendos Peloponnesios sufficeret Nothippus, nempe significat Gnesippum (oblique tangens fortasse originem eius, si eius Cleomachi filius erat, quem cinaedi puellam amasse narrat Strabo XIV 648.) sed ne γυνήσιψ quidem eo opus est, illa mirabilia facinora perficeret iam νόθος. quo convicio usus est Teleclides, acerbè poeticam Gnesippi perstringens virtutem; non enim eum genuinos edere partus, sed νεκτέριν' εὔρε μοιχοῖς αἰεῖματ' ἐκχαλεῖσθαι γυναῖκας: quae coniectura, quam per se satis commendari arbitror, sustentatur eo, quod praeter illos comicorum locos nihil de Nothippo iam veteribus constitisse videtur». Дагадку Wilamowitz-Möllendorfa одобряетъ Kock, *Comicorum atticorum fragmenta* v. I, p. 214 (Telecl. fr. 16), а вѣроятно—и Бергкъ, *желаншій* (Rhein. Mus. 34, стр. 296) въ разбираемомъ эпиграфическомъ фрагментѣ читать [Γυνήσι]ππος, если бы только пространственные отношенія надписи дозволяли такое дополненіе.

³⁾ Νόθ(ιππος) дополняетъ Еуманудисъ въ изданномъ имъ въ Ἀθήν. V, стр. 102 аэинскомъ постановленіи 330 г.—дополненіе, конечно, не надежное; однако и изъ копій Келера (Corp. inscr. Att. II, n 175^a p. 412) видно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ именъ, которые начинались съ Νσθ—.

указаннаго ²⁾, но вѣдь и имя Γνήσιππος не многимъ болѣе употребительно. Которое изъ двухъ имевъ пригоднѣе для того, чтобы служить обиднымъ прозвищемъ — это не легко рѣшить. Νόθιππος можетъ значить не болѣе какъ „вздвигнѣнный на лошака“ (ср. употребленіе прилагательнымъ λεόχιππος, μελάχιππος, αἰολόπιππος, λευκόπιππος и т. п.); труднѣе представить себѣ смыслъ имени Γνήσιππος, и если бы оно не встрѣчалось (Хер. Анаб. VII, 3, 38) несомнѣнно, какъ собственное имя, на нашъ взглядъ оно скорѣе могло бы быть принято за комическое извращеніе имени Νόθιππος, чѣмъ наоборотъ. Однако то, что сообщается намъ о Ноэиппѣ не представляетъ никакихъ оснований для отождествленія его съ Гнисиппомъ. Въ приведенномъ Аэинеемъ отрывкѣ Ермиппа Ноэиппъ осмѣивается за обжорство; въ комическихъ фрагментахъ, осмѣивающихъ Гнисиппа, послѣдній изображается: какъ приторно слащавый музыкантъ (Chionid. fr. 4 Коск., гдѣ Гнисиппъ называется вмѣстѣ съ дионирамбикомъ Клеоменомъ), какъ изобрѣтатель пѣсенъ, пригодныхъ для ночныхъ походовъ прелюбодѣевъ (Eurolid. fr. 139, гдѣ съ Гнисиппомъ сопоставляются лирики Стисихоръ, Алкманъ, Симонидъ), какъ прелюбодѣй (Teleclid. fr. 34), наконецъ, какъ бездарный трагикъ, вводящій въ трагедію напѣвы, приличные женщинамъ легкаго поведенія (Cratin. fr. 256. ср. fr. 15). Какая изъ этихъ характеристикъ даетъ намъ право считать Гнисиппа за одно лицо съ Ноэиппомъ, и если это послѣднее имя есть прозвище, то какое изъ указанныхъ свойствъ Гнисиппа могло быть обозначено такимъ прозвищемъ? Какъ бы то ни было, дополненіе (Γνήσι)ππος въ 9-мъ фрагментѣ Νιχῶν не допускается пространственными условіями, между тѣмъ какъ имя Νόθιππος, какъ нельзя лучше, подходитъ къ этимъ условіямъ, служить новымъ доводомъ въ пользу догадки Бергга о принадлежности 9-го фрагмента къ списку побѣдъ трагическихкихъ, а не комическихкихъ.

Берггъ относилъ къ числу фрагментовъ, перечисляющихъ побѣды трагиковъ, еще и тотъ, который у Куманудиса обозначенъ буквою Ε, а у Келера № 10. Но одного имени Δισχύλος, встрѣчающагося въ этой надписи, еще недостаточно для того, чтобы опредѣлять ея смыслъ, а другіе имѣющіеся тутъ остатки собственныхъ именъ (Κλεοδ-, Ἄριμνη-, Ἐπαρετ-, —ερον-, —ρι-) не даютъ никакой опоры для объясненія. Нужно еще замѣтить и то, что та часть надписи, на которой должны бы были находиться цифры, не сохранилась, такъ что, намъ

кажется, возможно еще сомнѣнiе, слѣдуетъ ли вообще считать этотъ фрагментъ фрагментомъ Νίχων Διφροσάχων.

За то никакимъ сомнѣнiямъ не подлежитъ принадлежность къ списку побѣдъ трагическихкихъ слѣдующаго найденнаго въ самое недавнее время (въ 1880 г.) эпиграфическаго фрагмента (Mittheil. V. стр. 324):

ας		
Καρχίνοϛ ΔΙ		
'Αστωδάμαϛ Γ(Π)Ι		
Θεοδέχταϛ ΓΙΙ		
'Αφρωτόϛ ΙΙ		
(ς)ΙΙ	Α	
	Φρ	
ΙΙ	Ορ	
	Δ	

Какъ ни сухи и бѣдны содержанiемъ эпиграфическiа Νίχα, однако они имѣютъ нѣкоторое значенiе для исторiи аттической драмы. Такъ, напримѣръ, благодаря этому новому источнику, восстанавливаются въ своихъ правахъ нѣкоторые драматическiе поэты, которыхъ существованiе было отвергаемо излишнимъ скептицизмомъ новыхъ ученыхъ. Мы пытались уже спасти трагика Ноэиппа отъ смѣшенiя съ Гнисиппомъ. Разсмотримъ еще два подобныхъ примѣра, не отмѣченныхъ издателями Νίχων.

Новые толкователи Аристофана всякими способами пытались устранить изъ числа комическихкихъ поэтовъ Ликиса (Λύκιϛ), упоминаемаго въ комедiи „Лягушки“, ст. 14. Фриче въ своемъ изданiи этой комедiи (1845 г.), объясняя указанный стихъ ея и приведя примѣчанiе схолиаста Λύκιϛ χωμφδίαϛ ποιητήϛ ὡϛ ψυχρόϛ χωμφδεῖται. λέγει δὲ αὐτόν καὶ Λύχον ὃν οὐδὲν φέρεται, разсуждалъ затѣмъ приблизительно такъ: комикъ, упоминаемый Аристофаномъ на ряду съ Фринихомъ и Амипсiей и поставившiй (какъ видно-де изъ словъ Аристофана εἴωθε ποιεῖν) не мало пьесъ, долженъ бы быть поэтомъ довольно знаменитымъ, не малое число его комедiй должно бы было дойти до временъ Александрийскихъ грамматиковъ; между тѣмъ схолиастъ не знаетъ ни одного произведенiя этого поэта и нигдѣ больше о такомъ поэтѣ не упоминается; чтобы устранить эту несообразность, нужно де придать тиху Аристофана такой видъ, при которомъ не пришлось бы думать

о поэтѣ Ликисѣ: *Nam ignorabilis iste comoediae poeta Δόκις sive Δόκος ferro et igni tollendus est*; поэтому ученый комментаторъ предлагалъ читать у Аристофана, вмѣсто Δόκις χάρειψίας, Δοκιοχαρειψίας. Чтобы вложить какойнибудь смыслъ въ эту столь легкую по вѣщности конъектуру, пришлось прибѣгнуть къ фантазiи: „*noster Lyciscus poterit Amipsiae comici famulus haud indoctus fuisse, cuius opera ille in scribendo similiter usus fuerit, atque Choerili Ecpphantides, Euripides Cephisophontis: dummodo ne in poetarum numero habeatur. Non minus speciose hic Lyciscus videri poterit histrio Amipsiae fuisse*“. Какъ (въ изданiи 1856 г.), принимая основную мысль Фриче и стараясь на мѣсто неизвѣстнаго Ликиса поставить поэта скольконибудь болѣе извѣстнаго, предложилъ догадку χάρπιλοχος χάρειψίας. Впослѣдствiи и Фриче (*Supplementum ad Aristophanem*, 1862 г.) принявъ эту догадку съ такимъ видоизмѣненiемъ: читая теперь у Аристофана καὶ Δόκος χάρειψίας, онъ предполагалъ, что Δόκος было комическимъ прозвищемъ для поэта, котораго настоящее имя было Χαίλοχος. Всѣ эти тонкiя и частiю совершенно фантастическiя догадки и поправки теперь оказываются ненужными: имя поэта, память о которомъ хотѣли истребить огнемъ и мечемъ, найдено на древнемъ мраморѣ, рядомъ съ именами другихъ побѣдоносныхъ комическихъ поэтовъ (фрагментъ 2-й у Келера, Δ у Куманудиса). Здѣсь ΔΥΚΙΣ называется между позднѣйшими представителями древней комедiи, но все-таки, по крайней мѣрѣ, двумя годами ранѣе Полизила, который находилъ еще нужнымъ осмѣивать Ипербола: слѣдовательно Ликисъ могъ ставить комедiи ранѣе, чѣмъ поставлены были „Лягушки“.

Нельзя, вѣжется намъ, не согласиться съ Мейнеке, когда онъ (*Fragm. Com. Gr. v. I, p. 499 и v. IV, p. 592*) въ изреченiи, приводимомъ въ сборникѣ Максима Исповѣдника подъ именемъ какого то Сократа: ὄταν ποθεῖν σε καὶ στέργειν λέγῃ γυνή; φοβοῦ παρ' αὐτῆς πλείον ὢν λέγει κακὰ видитъ комическiй фрагментъ, еще хорошо сохранившiй слѣды первоначальной стихотворной формы (ὄταν γυνή π. σ. х. ст. λέγῃ, | φ. π. α. πλείον' ὢν λ. х.). Не находя нигдѣ ни малѣйшаго намека на существованiе сомненнаго великому философу комика, Мейнеке относилъ этотъ фрагментъ къ комику Сосикрату. Теперь въ этомъ не оказывается надобности: въ спискахъ побѣдъ (фрагментъ Δ у Куманудиса, № 2 у Келера, строка 17) мы находимъ вполнѣ сохранившееся имя комика Сократа.

Принимая въ соображенiе доставляемыя намъ другими источни-

ками хронологическія данныя по исторіи аттической драмы, легко замѣтить, что порядокъ именъ въ эпиграфическихъ Νῆλαι Διονυσιαί есть порядокъ хронологическій и именно — какъ этого требуетъ самая сущность дѣла — порядокъ первыхъ побѣдъ, то-есть выше ставится въ спискѣ тотъ поэтъ, который раньше одержалъ побѣду. (Köhler, l. c. III, p. 255). Такъ какъ для нѣкоторыхъ поэтовъ наши литературные источники сообщаютъ даты первыхъ ихъ побѣдъ, то такимъ образомъ, при помощи новонайденныхъ списковъ, мы получаемъ возможность опредѣлять съ приблизительной точностью и хронологию другихъ поэтовъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыхъ имена стоятъ въ спискахъ не подалеку отъ именъ поэтовъ, которыхъ хронологія твердо установлена. При этомъ опять таки, какъ мы увидимъ впоследствии, нѣкоторыя извѣстія литературныхъ источниковъ, неправильно заподозрѣнныя изслѣдователями, въ спискахъ находятъ себѣ подтвержденіе. Во всякомъ случаѣ, эти списки даютъ для изложенія нѣкоторыхъ отдѣловъ исторіи аттической драмы хронологическую схему болѣе надежную, чѣмъ та, которую приходилось довольствоваться до сихъ поръ и которая, во многихъ своихъ частяхъ, основывалась на очень сомнительныхъ комбинаціяхъ темныхъ намековъ комиковъ и мало извѣстныхъ историческихъ фактовъ.

Къ сожалѣнію, полной точности выводовъ, получаемыхъ изъ вооткрытыхъ источниковъ, пренятствуетъ то же самое обстоятельство которое мѣшаетъ и вполнѣ успѣшному пользованію извѣстіями эпиграфическаго списка Διονυσιαί: не возможно съ полной несомнѣнностью опредѣлить, къ какому изъ Аѳинскихъ сценическихъ праздниковъ относятся показанія того или другаго фрагмента списка побѣдъ.

Что цифры, выставленныя въ этомъ спискѣ, не представляютъ итога побѣдъ, одержанныхъ на обоихъ главныхъ праздникахъ, а относятся каждая только къ одному празднику—это несомнѣнно доказали Келеръ и Бергъ сличеніемъ этихъ цифръ съ числами побѣдъ, сообщаемыми въ другихъ источникахъ; такъ Кратинъ старшій, по свидѣтельству Свида, одержалъ 9 побѣдъ, а въ спискахъ (№ 1 Кел., А. Кумануд.) ему дается 3 побѣды; Евполиду Свида даетъ 7 побѣдъ, списки (ibid.) 3 побѣды; Анаксандриду Свида 10, списки (5 и 6 Кел., В и Σ Кум.) 3, Антифану Свида 13, списки (ibid.) 8 Менандру Аполлоторъ у Геллія (XVII, 4) 8, списки (6 Кел., Σ Кум.) не болѣе 4-хъ побѣдъ. То же самое относительно побѣд трагиковъ мы находимъ во фрагментѣ (Mittheil. V, p. 324), найденномъ

послѣ того, какъ этотъ вопросъ былъ изслѣдованъ Келеромъ и Бергомъ. Здѣсь Астидаманту дается не болѣе 9 побѣдъ противъ 15, показываемыхъ у Свида, Θεοδεκτῷ 7 побѣдъ противъ 8, о которыхъ сообщаетъ эпиграмма ар. Steph. Byz. s. Φάσθλις. Инымъ представляется на первый взглядъ отношеніе между эпиграфическимъ и литературнымъ показаніями о побѣдахъ трагика Каркина. Эпиграфическій источникъ приписываетъ этому поэту 11 побѣдъ, между тѣмъ у Свида говорится о Каркинѣ ἐνίκησε δὲ ἄ. Но уже Келеръ (l. 1, p. 325) замѣтилъ, что у Свида цифру ἄ слѣдуетъ исправить въ ιά, такъ какъ невѣроятно, чтобы поэтъ, поставившій 160 пьесъ (число, показываемое тѣмъ же Свидай), то-есть участвовавшій по крайней мѣрѣ въ 40 состязаніяхъ, только однажды вышелъ съ состязанія побѣдителемъ. Къ этому доводу можемъ прибавить, что одна побѣда не соответствовала бы тому уваженію, какимъ пользовался Каркинъ, судя по вниманію, посвящаемому ему Аристотелемъ (Poet. c. 16, 17) и тому паэосу, съ которымъ Плутархъ говоритъ о фурорѣ, вызванномъ Каркиновой „Аеропой“¹⁾. Предположеніе, что число побѣдъ Каркина, показанное у Свида, относится къ одному сценическому празднику, а число, выставленное на эпиграфическомъ фрагментѣ, относится къ другому или представляетъ сумму побѣдъ, одержанныхъ на обоихъ праздникахъ, было бы слишкомъ невѣроятно, такъ какъ числа побѣдъ у Свида вообще оказываются болѣе чиселъ, находящихся въ эпиграфическихъ спискахъ, что можетъ быть объяснено только тѣмъ, что показанія лексикографа взяты изъ такого источника, въ которомъ сообщались общіе итоги чиселъ побѣдъ, одержанныхъ на обоихъ праздникахъ, а числа побѣдъ, выставленные въ эпиграфическихъ Νῆαι, относятся только къ одному какому нибудь празднику. Поэтому приходится предположить, что текстъ Свида поврежденъ опискою, что Каркинъ одержалъ всего 11 побѣдъ, и что всѣ эти побѣды были одержаны на одномъ праздникѣ.

Относительно одного фрагмента Νῆαὶν можно считать почти доказаннымъ отношеніе его къ агону городскихъ Діонисій.

¹⁾ Несообразность этихъ свидѣтельствъ съ числомъ побѣдъ Каркина, показаннымъ у Свида, приводила уже, кажется, въ недоумѣніе Бернгарди. См. Grundr. d. gr. Litter. II, 2, стр. 57 сл. (3 изд.): Karkinos—war um die hundertste od. und länger—thätig, wenn anders ihm Suidas mit Recht 160 Dramen beilegt; um so kläglicher kontrastirt mit dieser überschwänglichen Betriebsamkeit der Vermerk ἐνίκησε δὲ ἄ. Allein Plutarch, *de gloria Ath.* p. 443, e. erwähnt als einen glänzenden Moment, ὅτι Καρκίνος Ἀερόπῃ εὐμήρει.

Давно уже обнаружены (см. С. I. Gr. I, 230) находящiйся въ Римѣ фрагментъ списка побѣдъ драматическихъ поэтовъ. Устройство этой римской надписи совершенно иное, чѣмъ новооткрытыхъ фрагментовъ. Въ римской надписи для каждаго поэта называется вмѣстѣ и Νῆκαι ἀστικάι и Νῆκαι Δῆναίκαί, при чемъ обозначаются и заглавія пьесъ, доставившихъ побѣды и годы составанiя. Вѣроятно, этотъ списокъ побѣдъ былъ составленъ ἐξ ἀναγραφῶν παντοίων, подобно Паросской хроникѣ, для частнаго употребленiя, какъ пособіе при историко-литературныхъ занятiяхъ. Къ сожалѣнiю, надпись сохранилась такъ дурно, что въ подробностяхъ допускаетъ самыя разнообразныя толкованiя. Бергкѣ ¹⁾ читаетъ интересующую насъ часть этого памятника такимъ образомъ ἐπὶ Χίλωνος Μαινομένου, ἐπὶ . . .) Διονύσου γοναίς, ἐπὶ . . .) Ἀμπρακίωτιδι Γ ἐν ἄστει. ἐπὶ Φανοστράτου Ἐρευθεῖ, ἐπὶ . . .) Ὀδυσσεῖ, ἐπὶ Κηφισοδωρου . . .), ἐπὶ Ἀπολλοδώρου Ἀγροίχου ἢ Ἀναξίππου Δῆνακα. Здѣсь перечень побѣдъ какаго то комика разбитъ на два отдѣла; первый отдѣлъ оканчивается формулой Γ ἐν ἄστει, то-есть τρίτου (такъ объясняетъ Бергкѣ; но почему не истолковывать этого Γ, какъ τρίς, то-есть τρίς ἐνέκτης?) ἐν ἄστει, и именно 3 заглавія комедій предшествуютъ этой формулѣ; затѣмъ второй отдѣлъ содержитъ, какъ кажется, 7 заглавій и заключается обозначенiемъ другаго агона—Δῆνακα. Итакъ, поэтъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, одержалъ всего 10 побѣдъ: 3 ἐν ἄστει и 7 Δῆναίος. Судя по числу побѣдъ, это долженъ быть одинъ изъ выдающихся комиковъ; а такъ какъ общее число побѣдъ (10) тождественно съ числомъ побѣдъ, показываемыхъ Свидой для поэта средней комедiи Анаксандрида; такъ какъ времена перечисляемыхъ въ надписи побѣдъ (Ol. 103, 4; 99, 2; 101, 1; 101, 2; 103, 3; 107, 3), какъ нельзя лучше подходятъ къ хронологiи Анаксандрида; такъ какъ, не смотря на жалкое состоянiе нашихъ свѣдѣнiй о средней комедiи, мы все еще можемъ указать между известными намъ заглавіями комедій Анаксандрида нѣсколько заглавій, тождественныхъ съ приведенными въ этой надписи (Ὀδυσσεύς, Ἀμπρακίης, Ἀγροίκος), то Бергкѣ давно уже (въ своихъ Commentationes de reliquiis comoediae atticae antiquae) относилъ эту часть надписи къ Анаксандриду. Нельзя отрицать, что отдѣльные составные элементы этой комбинаціи, взаимно другъ друга подкрѣпляя, дѣлаютъ ее весьма вѣроятною. Въ афинскихъ эпиграфическихъ спискахъ побѣдъ Бергкѣ ²⁾ нашелъ новую опорѣ

¹⁾ Rheinisches Museum, 34, стр. 328, 3.

²⁾ Rheinisches Museum, 34, 328^a.

для своей догадки: здѣсь въ фрагментахъ 5+6 (Кел. = В+Σ Куман.) Анаксандриду дается 3 побѣды, то-есть: столько же, сколько и въ томъ отдѣлѣ римской надписи, который, по предположеніямъ Бергка, перечисляетъ „городскія“ побѣды Анаксандрида. Итакъ, если предположенія Бергка вѣрны (а они, по крайней мѣрѣ, очень вѣроятны), то, значитъ, эти фрагменты аонскаго списка принадлежатъ къ Νῆλαι ἀστικαί.

Въ вышеприведенномъ нами фрагментѣ, перечисляющемъ побѣды трагиковъ Каркина, Астидаманта, Θεοδεκτα и Афарея, послѣдному приписываются двѣ побѣды, а авторъ издаваемыхъ между сочиненіями Плутарха біографій X ораторовъ (Plut. Mor. p. 839) сообщаетъ намъ такой формуляръ поэтической дѣятельности Афарея: ἀρξάμενος ἀπὸ Λυσιστράτου διδάσκειν ἄχρι Σωσγένοῦς διδασκαλίᾳ ἀστικᾷ καθήκεν ἕξ καὶ δις ἐνίκησε διὰ Διομοσίου χαθῆς καὶ δι' ἑτέρων δύο Δηναϊκᾶς. Келеръ (Mittheil. V, стр. 325) понимаетъ это свидѣтельство такъ: Афарей всего на всего восемь разъ появлялся на трагодическихъ состязаніяхъ и одержалъ всего двѣ побѣды, обѣ на великихъ Діонисіяхъ. Отсюда же само собою слѣдуетъ, что занимающій насъ фрагментъ относится къ побѣдамъ „городскимъ“. Не отвергая возможности Келерова пониманія свидѣтельства автора біографіи, мы полагаемъ однако, что это свидѣтельство, столь неряшливо стилизованное, можетъ быть понятно иначе: можетъ быть, авторъ при словахъ καὶ δι' ἑτέρων ἑτέρας δύο Δηναϊκᾶς подразумевалъ ἐνίκησεν¹⁾. А если такое пониманіе возможно, то значитъ нельзя еще считать доказаннымъ, что фрагментъ Νῆλαι, приписывающій Афарею 2 побѣды, относится непременно къ состязаніямъ городскихъ Діонисій.

Но если бы это и было доказано, то этимъ далеко еще недостаточно было обосновано предположеніе Келера (Mittheil. III, стр. 255), что всѣ вообще фрагменты Νῆλαι относятся къ великимъ Діонисіямъ. Правда, что и противоположное предположеніе Бергка, по которому нѣкоторые фрагменты относятся къ городскимъ, а нѣкоторые къ Линейскимъ состязаніямъ, также еще не доказано. Главнымъ доводомъ для этого ученаго служить то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ фрагментахъ встрѣчаются имена поэтовъ, названныя уже въ другихъ фрагментахъ. Такой доводъ уже съ перваго взгляда кажется не особенно

¹⁾ Такого толкованія первоначально (Mittheil. III, стр. 255) держался и самъ Келеръ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, что выраженіе ἑτέρας δύο имѣетъ смыслъ только при этомъ старинномъ толкованіи.

сильнымъ, такъ какъ при немъ не принимается въ расчетъ омонимія. столь многое дѣлающая смутнымъ и шаткимъ въ нашихъ свѣдѣнiяхъ о греческихъ писателяхъ; еще слабѣе оказывается онъ въ приложенiи къ частнымъ случаямъ.

Фрагментъ 9-й (Кал.=Δ Куман.), приведенный нами выше и приписывающій, согласно съ Дюдоромъ, Софоклу 18 побѣдъ, по мнѣнiю Бергга, съ которымъ трудно въ этомъ случаѣ не согласиться, относится къ „городскимъ“ состязанiямъ. Въ этомъ фрагментѣ называется Эскилъ, Эскилъ же называется и въ фрагментѣ 10-мъ (=Е Куман.): слѣдовательно — заключаетъ Берггъ — послѣднiй фрагментъ долженъ относиться къ Ливнiямъ. Но выше мы уже замѣтили, что этотъ фрагментъ ничего не можетъ доказывать: только тогда имѣли бы мы право отождествлять Эскила, упоминаемаго въ этомъ фрагментѣ съ Эскиломъ 9 го фрагмента, если бы могли указать между современными Эскилу трагиками таковыхъ, которыхъ имена начинались бы съ Κλέσδ., — Ἄρσιμνῃ, — Ἐπαρῆς и т. д. А такъ какъ этой возможности мы не имѣемъ, то остается думать, что различные фрагменты упоминаютъ различныхъ Эскиловъ.

Другое подтвержденiе своей мысли Берггъ находитъ въ томъ обстоятельстве, что тотъ же Кратинъ, который упомянутъ въ 1-мъ фрагментѣ (= А Кумануд.), называется будто бы и въ 4-мъ (= Ε Кумануд.) фрагментѣ. Что Кратинъ, названный въ 1-мъ фрагментѣ, есть знаменитый поэтъ древней комедiи—это неоспоримо. Имена его предшествуютъ въ этомъ фрагментѣ имена Σενόφιλος, Τηλεκλειδης, Ἀριστομένης, а слѣдуютъ за нимъ Φερехράτης, Ἐριππος, Φρόνυκος, Μορτίλος, Εὐπολις: всѣ эти имена за исключенiемъ одного (Σενόφιλος), известны какъ имена поэтовъ древней комедiи. Но за то далеко не такъ ясно значенiе имени Κρατῖνος, восстанавлиаемаго Берггомъ въ 4-мъ фрагментѣ. Берггъ, при составленiи своего разсужденiя, имѣвшiй возможность пользоваться только изданiемъ Куманудиса, читаетъ эту, въ самомъ жалкомъ видѣ сохранившуюся надпись, такимъ образомъ:

(Χιωνι)δη(ς) ¹⁾,

.....ς Ι

(Μάγ)νης. Ι

.....ς Ι

... μος Ι

¹⁾ Куманудисъ въ этой строкѣ даетъ только Δ Ι

(Ἐκφρα)τίδης.
 (Κρατί)νος Γ I
 αἰθης Π
 (Κρά)της ΙΙΙ
 (Ἐρμ)πτος ΙΙ

Если бы эти чтения были на чемъ нибудь основаны, то мы имѣли бы въ этой надписи интересный документъ самаго древняго, начальнаго періода аттической комедіи; тогда позволительны были бы тѣ выводы, какіе Бергкъ дѣлаетъ изъ этого документа относительно времени учрежденія драматическихъ Линейскихъ агоневъ. Къ сожалѣнію, при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, приходится усумниться какъ въ этихъ чтенияхъ, такъ и въ этихъ слишкомъ далеко идущихъ выводахъ. То, что сохранилось въ надписи, даетъ слишкомъ ненадежную опору для возстановленія того, что утрачено; а послѣ изданія Келера эта опора сдѣлалась еще менѣе надежною. Для имени Χλωνίδης Бергкъ имѣлъ въ изданіи Куманудиса по крайней мѣрѣ полторы буквы, но Келерь, судя по его копіи, безъ всякихъ колебаній прочиталъ въ этомъ мѣстѣ не ΔΙ, а ΣΔΙ, то-есть цифру 11 и предъ нею конечную букву имени, букву Σ, которая, конечно, столько же говоритъ въ пользу чтения Χλωνίδης, сколько и въ пользу безконечнаго множества другихъ. Нѣсколько основательнѣе въ 7-й строкѣ предложенное Бергкомъ дополненіе (Κρατί)νος, такъ какъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ именъ драматическихъ поэтовъ только два оканчиваются на νος: имя комика Κρατίνος и имя трагика Καρχίνος. Но, какъ нельзя, при теперешнемъ состояніи надписи, утверждать, что въ ней не могъ быть названъ трагикъ, такъ и, принимая чтение Κρατίνος, мы не обязаны разумѣть подъ этимъ именемъ непременно того же комика, который названъ въ 1-мъ фрагментѣ: вѣдь кромѣ Кратина, поэта древней комедіи, намъ извѣстенъ еще другой Кратинъ, дѣйствовавшій на поприщѣ средней аттической комедіи. Къ этому послѣднему и относитъ показаніе 4-го фрагмента Келерь. Это объясненіе имѣетъ за себя по крайней мѣрѣ то, что ничѣмъ нельзя опровергнуть его ¹⁾; между тѣмъ какъ, при Бергковскомъ объясненіи

¹⁾ В. К. Ериштедтъ въ 1-й строкѣ 4-го фрагмента нашелъ Келерево чтение ΣΔΙ, во 2-й, гдѣ и Куманудисъ и Келерь даютъ только ΣΙ, онъ прочиталъ ΑΣΙ, а въ 4-й предъ буквой Σ, какъ онъ заявляетъ, есть остатокъ, кажется, буквы Ω. Такъ какъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ именъ драматиковъ на ω; оканчивается только имя поэта средней комедіи: Ἀραρώς, то здѣсь мы получаемъ нѣкоторый,

надписи, выходитъ та странность, что изъ всѣхъ комиковъ, называемыхъ вмѣстѣ съ Кратиномъ въ 1-мъ фрагментѣ, въ 4-мъ называется одинъ только Ермиппъ: при предположеніи Бергга, что послѣдній фрагментъ принадлежитъ къ списку Ливейскихъ побѣдъ, чѣмъ объяснить себѣ, что ни одному изъ остальныхъ современниковъ Кратина, перечисленныхъ въ спискѣ „городскихъ“ побѣдъ, на Ливеяхъ не досталось даже и по одной побѣдѣ?

Такъ же мало говорить въ пользу предположенія Бергга указываемый имъ случай повторенія въ двухъ различныхъ фрагментахъ (№ 5=В и № 21=N; въ послѣднемъ, впрочемъ, сохранилось только Εὐβουλ, что Куманудисъ дополняетъ: Εὐβουλ(ίδης) имени Εὐβουλος: ни одно изъ именъ, окружающихъ это имя въ первомъ фрагментѣ не повторяется во второмъ. Таковы же, по своему свойству, повторенія въ различныхъ фрагментахъ именъ: Φιλῆμων (фр. 5 и 11), Ἀριστομένης (1 и 17), Κηφισόδοτος (3 и 17), Καλλίστρατος (11 и 12), Θεόδωρος (15 и 21), Ἀραίνιας (5 и 15), Διονόσιος (17, 22 и—если вѣрна догадка Келера—4). Въ приложеніи къ этимъ случаямъ можетъ быть вполне справедливо замѣчаніе Келера (III, стр. 254): „во всѣхъ этихъ случаяхъ не представляется никакого повода думать скорѣе о тождествѣ обозначаемыхъ лицъ, чѣмъ объ омониміи. Вѣдь было бы даже удивительно, если бы въ спискѣ, заключающемъ свыше 150 именъ, не встрѣтилось повтореній одного и того же имени“.

То, что хотѣлъ доказать Берггъ, было бы доказано, если бы нашелся случай повторенія не отдѣльныхъ именъ, а цѣлыхъ группъ именъ; и мнѣ кажется, что, по крайней мѣрѣ, одинъ такой случай можетъ быть указанъ.

Если мы сравнимъ фрагментъ 12 (=I Куман.):

- Α
 Φιλ
 Φιλοχ
 5. Καλλίστρ[ατ]ος II
 Ἐμμενί[δης] II
 Πολοχ[λῆ]ς I

съ этой частью 2-го фрагмента (=Δ Куман.):

11. — — — —
 Φιλοχ

хотя, разумѣется, и подверженный сомнѣніямъ доводъ въ пользу Келерова объясненія имени Κρατίνος.

- Ἀριστοκράτης I
 Ἐμμενίδης I
 15. Αὐτόλοχος I
 Φιλωνίδης I
 Σωκράτης I
 1. Πολο (2-й столбець)
 Δύκис

то мы прежде всего замѣтимъ имя Ἐμμενίδης, общее тому и другому фрагменту. Это имя до сихъ поръ не было извѣстно въ исторіи греческой драмы. Но такъ какъ 2-й фрагментъ, въ которомъ ¹⁾ мы находимъ, по крайней мѣрѣ ²⁾, семь знакомыхъ именъ комическихъ поэтовъ: Аристагоръ, Филонидъ, Ликисъ, Полизилъ, Каллій, Димитрій, Каллиппъ (см. о послѣднемъ замѣчаніе Келера, III, стр. 243 сл.), несомнѣнно принадлежитъ списку комиковъ, то слѣдовательно и Ἐμμενίδης, упоминаемый въ этомъ фрагментѣ, есть комическій поэтъ. Далѣе, въ 4-й строкѣ 12-го фрагмента мы имѣемъ начальный остатокъ имени Филох. Изъ извѣстныхъ намъ именъ драматическихъ поэтовъ одно только начинается этими звуками, это—Филоклῆς. Авторъ „Критической исторіи греческой комедіи“ говоритъ о Филоклῆ въ томъ приложеніи къ своему труду, которое озаглавляется „de poetis comicorum numero eximendis“ (Hist. crit. comic. gr. p. 521 sq.), но говоритъ вотъ что: „De Philocle scholiastes Aristoph. Av. 282 haec scripsit: ἔστι δὲ Φιλοκλῆς κωμῳδίας ποιητῆς καὶ Φιλοπείθους υἱὸς ἐξ Αἰσχόλου ἀδελφῆς. Similia habet Suidas III, p. 604 et ex Suida Eudocia p. 427.. At Kusterus τραγῳδίας ποιητῆς legendum esse vidit, improbante, ut videtur, Buttmanno in Museo Antiqu. Stud. vol. II p. 380. Sed verissime Kusterus, ut docent quae sequuntur apud scholiasten: γεγόνασσι δὲ Φιλοκλεῖς δύο τραγῳδιῶν ποιηταί. Athenaeus tamen lib. II, p. 66 b Philoclem ita commemorat, ut nisi de comico poeta non cogitari posse videatur: καὶ γὰρ Φιλοκλῆς τε ἐγκέφαλόν φησιν· οὐδ' ἂν ἐγκέφαλον ἔσθων λίποι. καὶ Ἀριστοφάνης· ἀπολέσαιμ' ἂν ἐγκεφάλου θρίω δύο... Itaque propter hunc ipsum Athenaei locum videndum est ne Philocles quidam comicus fuerit, ac commode succurrit Philocles Philippidae comici pater... Sed haec omnia admodum dubia esse non diffiteor, neque multum repugnarem, si quis pro Philoclē apud Athenaeum Dioclis nomen

¹⁾ Мы разумѣемъ цѣлый фрагментъ, а не ту только часть, которая здѣсь приведена.

²⁾ Если не считать Сократа, о которомъ мы выше говорили.

geronet". Сомнѣнія Мейнеке нашли себѣ отзывъ и у Наука, который, приведа (Tragic. graec., fragm. p. 589) подъ именемъ Филокла фрагментъ οὐδ' ἂν ἐγκέφαλον ἔσθων λίποι, замѣчаетъ: „Incertum utrum comici haec sint poetae an tragici“.

Въ имени Ἐμμενίδης мы имѣли уже нѣкоторое, хотя конечно и слабое, основаніе для предположенія, что 12-й фрагментъ, подобно 2-му фрагменту, перечисляетъ комическихъ поэтовъ; эта вѣроятность нѣсколько возрастаетъ, когда мы получаемъ возможность утверждать, что другое имя (Φιλοκλῆς), восстанавливаемое нами въ 12-мъ фрагментѣ, не только принадлежало нѣкоторымъ трагикамъ, но, по нѣкоторымъ признакамъ, ранѣе насъ и совершенно независимо отъ показаній Νικῶν замѣченнымъ, должно было принадлежать и одному комику. Но тотъ же самый остатокъ имени (Φιλοκ) и въ томъ же близкомъ сосѣдствѣ къ имени Ἐμμενίδης мы находимъ и во 2-мъ фрагментѣ. Размѣщеніе именъ въ этомъ фрагментѣ имѣетъ такой смыслъ, что комикъ Эмменидъ одержалъ свою единственную побѣду на состязаніяхъ какого-то праздника вскорѣ послѣ побѣды или побѣдъ, одержанныхъ комикомъ, котораго имя начиналось съ Φιλοκ; — по смыслу размѣщенія именъ въ 12-мъ фрагментѣ, поэтъ Эмменидъ первую изъ двухъ побѣдъ, одержанныхъ имъ на состязаніяхъ какого-то праздника, одержалъ вскорѣ послѣ побѣды или побѣдъ, одержанныхъ поэтомъ, котораго имя начиналось съ Φιλοκ; не вѣроятно ли, что оба фрагмента говорятъ о побѣдахъ одного и того же Эмменида, одного и того же Филокла, но только одинъ фрагментъ перечисляетъ побѣды Діонисіискія, а другой Линейскія?

Между Филокломъ и Эмменидомъ въ 12-мъ фрагментѣ называется Καλλίστρατος. Намъ неизвѣстно ни одной комедіи Каллистрата ни по заглавію, ни по фрагментамъ; мы знаемъ Каллистрата только какъ „дидаскала“ нѣкоторыхъ Аристофановскихъ пьесъ. Однако поэтическая дѣятельность Каллистрата давно казалась необходимымъ предположеніемъ для этой его роли дидаскала, да кое-какъ, хотя темными намеками, обозначалась и въ преданіи. См. Schol. Ar. Vesp. 1013 (1018) οὐκ ἐκ τοῦ φανερῶ, φησὶν, ἐπικουρεῖ ὁ ποιητὴς τοῖς θεαταῖς ὑμῖν, ἀλλὰ δι' ἐτέρων ποιητῶν λάθρα, ἐπειδὴ διὰ Φιλωνίδου καὶ Καλλιστράτου καθίει τινὰ τῶν δραμάτων. Cfr. Bergk ap. Meinek. Com. gr. fr. II, p. 923 sqq. — Ἐμμενίδης и Φιλοκ(λῆς) во 2-мъ фрагментѣ называются между такими комическими поэтами, которыхъ мы должны считать современниками Аристофана; теперь наша мысль, что Ἐμμενίδης и Φιλοκ(λῆς) этого фрагмента тождественны съ Эмменидомъ и

Филокломъ 12-го фрагмента, находятъ себѣ новое подтвержденіе въ томъ обстоятельстве, что въ 12-мъ фрагментѣ оказывается названымъ извѣстный сотрудникъ Аристофана.

Во 2-мъ фрагментѣ мы не находимъ Каллистрата, вѣроятно, потому, что на его долю не досталось ни одной побѣды на сценическихъ состязаніяхъ того праздника, къ которому относится этотъ фрагментъ; но, можетъ быть, Каллистратъ названъ былъ и здѣсь въ совершенно поврежденной 11-й строкѣ 1-го столбца. Какъ бы то ни было, но не находя въ этомъ фрагментѣ Каллистрата, мы встрѣчаемъ за то здѣсь имя двойника Каллистратова. Всякому, кто сколько нибудь знакомъ съ биографіей Аристофана, имя Каллистрата должно само собою напоминать о Филонидѣ — и имя Филонида сполна сохранилось во 2-мъ фрагментѣ. Что этотъ „дидакалъ“ Аристофана и самъ писалъ комедіи—это давнымъ давно извѣстно. Въ 12-мъ фрагментѣ нѣтъ полного начертанія имени Φιλωνίδης; но едва ли мы выйдемъ изъ предѣловъ дозволительной въ историческомъ изслѣдованіи смѣлости предположенія, если, принимая въ расчетъ вышеуказанные признаки относительнаго тождества двухъ фрагментовъ, будемъ думать, что начальныя буквы 2-й строки 12-го фрагмента принадлежатъ имени Филонида. Мы не упускаемъ изъ вниманія того, что цифра побѣды, стоящая во 2-мъ фрагментѣ при имени Филонида, можетъ оказаться противорѣчающею нѣкоторымъ довольно распространеннымъ представленіямъ о свойствахъ отношеній Каллистрата и Филонида, какъ режиссеровъ, къ поэтической дѣятельности Аристофана. Но извѣстно, что всякія мнѣнія относительно этого вопроса сводятся только къ гаданіямъ и предположеніямъ, поэтому они не могутъ служить опроверженіемъ нашему пониманію эпиграфическаго списка побѣды комиковъ. Мы оставляемъ пока эти мнѣнія въ сторонѣ, надѣясь, что будемъ еще имѣть случай и для рѣшенія этого вопроса указать нѣкоторыя новыя данныя въ эпиграфическихъ документахъ исторіи аттической драмы.

Прежде чѣмъ подвести итогъ сравнительному изслѣдованію фрагментовъ 2-го и 12-го, считаемъ нужнымъ замѣтить еще слѣдующее.

Изъ извѣстныхъ намъ именъ комическихъ поэтовъ слѣдующія начнутся съ Поло: Πολύζηλος, Πολύβυκτος, Πολύκριτος (fr. 20. Кел. = К Куман.), Πολυκλής (fr. 12). Изъ нихъ третье встрѣчается только въ спискѣ поэтовъ II вѣка (Köhler, Mitth. III, стр. 251); два первыхъ во 2-мъ фрагментѣ (столб. 1, стр. 4 и столб. 2, стр. 4) уже названы; поэтому

есть нѣкоторая вѣроятность, что 1-я строка 2-го столбца того же фрагмента должна быть дополняема такъ: Поло(κλής).

Теперь мы высказали всѣ соображенія, по которымъ считается весьма вѣроятными такіа реставраціи фрагментовъ 2-го и 12-го:

φρ. 2.	φρ. 12.
11. — — — — Φιλοκ[λής—] Ἀριστοκράτης I Ἐμμενίδης I 15. Αὐτόλοχος I Φιλωνίδης I Σωκράτης I 1. Πολο[κλής—] Δύκис—	1. Α(ριστοκράτης или—στόλοχος?) Φιλ[ωνίδης—] Φιλοκ[λής—] Καλλίστ[ρατ]ος II 5. Ἐμμενί[δης] II Πολοκ[λής] I

Едва ли такое сходство между этими фрагментами можно объяснить простой случайностью; гораздо вѣроятнѣе, что въ этихъ двухъ фрагментахъ мы имѣемъ два списка для одного и того же періода исторіи комедіи: одинъ перечисляетъ побѣды Діонисійскія, другой—Линѣйскія.

Съ тѣмъ разрядомъ надписей, которому мы дали названіе Διονισιονικαι, значительное сходство по содержанію и по формуламъ представляютъ надписи хоригическихкія, надписи, которыя ставились хоригами въ память одержанныхъ или мусическихъ или сценическихъ побѣдъ. Съ „Діонисіониками“ этому роду надписей обще то свойство, что какъ тамъ, такъ и здѣсь результаты состязаній изображались не съ точки зрѣнія заинтересованнаго въ состязаніи поэта, а съ точки зрѣнія хорига и — если состязаніе было мусическое — съ точки зрѣнія филы, одержавшей побѣду; и здѣсь и тамъ послѣ имени хориговъ назывались имена поэтовъ (дидаскаловъ), но только имена; заглавія произведеній не обозначались. Ср. Plut. Themist. 5: Θερμιοτοκλῆς ἐχορήγει, Φρόνυχος ἐδίδακεν, Ἀδαίμαντος ἤρχειν и надписи, приведенныя выше. Но между тѣмъ, какъ Διονισιονικαι представляютъ перечень Діонисійскихъ побѣдителей за цѣлые ряды годовъ и при томъ касаются всѣхъ видовъ состязаній мусическихъ (παίδων, ἀνδρῶν) и сценическихъ (χομφῶν, τραγῶδων), допускались на Діонисіяхъ, каждая отдѣльная изъ хоригическихъ надписей относится къ состязанію въ вѣстнаго праздника извѣстнаго года, при чемъ и это отдѣльное со-

стязаніе она представляетъ не въполнѣ, а только въ той его части, въ которой оказался побѣдителемъ хоригъ, ставящій надпись. Хоригическія надписи уже не имѣютъ вовсе связи съ архонтскими актами, хотя, разумѣется, никогда не должны были противорѣчить послѣднимъ. Въ сооруженіи этихъ надписей, которыя помѣщались подъ треножниками, служившими наградою побѣдителямъ, заинтересовано было не государство, представителями котораго были архонты, а только хориги, и въ случаяхъ, не касающихся исторіи драмы — филы.

Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что хоригическимъ надписямъ рѣшительно невозможно придавать того значенія въ источниковѣдѣніи исторіи греческой драмы, которое усваивается еще имъ, напримеръ, у Бернгарди (*Grundr. d. griech. Littcr. II, 2³, стр. 141*¹⁾), гдѣ онѣ представляются источникомъ литературныхъ дидакалій, а слѣдовательно и всѣхъ тѣхъ хронологическихъ и библиографическихъ изслѣдованій, на жалкихъ остаткахъ которой основана современная исторія греческой драматической поэзіи.

Когда хоригомъ номинально сталъ считаться весь аѳинскій народъ (ὁ δήμος ἐχορήγος), а на дѣлѣ обязанности хориговъ сталъ нести агонеецъ, тогда уже, не хориги, а агонеецы должны были устраивать пьедесталы для побѣдныхъ трофеевъ-треножниковъ²⁾ и дѣлать на пьедесталахъ надписи, возвѣщавшія имена побѣдителей. Такъ какъ агонеецы были представителями не отдѣльныхъ филъ, а цѣлаго народа, то въ ихъ надписяхъ содержаніе нѣсколько шире, чѣмъ въ надписяхъ собственно хоригическихъ. Въ надписяхъ агонеецовъ извѣстія о состязаніяхъ καίδωνъ соединяются съ извѣстіями объ агонѣ ἀνδρῶν (Ἀθῆναιον VI, стр. 278 и 367 = *Bull. de corr. Hellénique II, стр. 392; Köhler, Mitth. III, стр. 288*), извѣстія о сценическомъ агонѣ обни-

¹⁾ «Aus diesen Urkunden (то-есть, изъ хоригическихъ надписей) stellten frühzeitig gelehrte Forscher eine Chronik der dramatischen Literatur zusammen; ihnen verdankte man nicht nur Zeittafeln der gehaltenen Wettkämpfe, sondern auch Verzeichnisse der von den Dichtern aufgeführten, der siegreichen und der übrig gebliebenen Stücke; hieraus wurden zusammenhängende Schriften (διδασκαλία) gebildet, die gelegentlich als Urkundenbücher zu den Berichten über nationale Musik und Poesie gehörten». Мы не отрицаемъ, впрочемъ, что древніе ученые для нѣкоторыхъ изслѣдованій могли пользоваться и этимъ источникомъ, какъ второстепеннымъ и вспомогательнымъ. См. *Aristot. Polit. VIII, 6, p. 1341, A*; о Димитріѣ Фал. и Панетіѣ *Plut. Aristid. 1*.

²⁾ См. надпись въ *Ἀθῆν. VII, стр. 93*, строки 15 и 18 и надпись агонеецовой, приведенная выше.

мають составанія и $\chi\epsilon\rho\alpha\phi\acute{\omega}\nu$ и $\tau\rho\alpha\gamma\phi\acute{\omega}\nu$ ('Αθ. VI, стр. 276 = Bull. I. I.; Köhl. Mitth., стр. 237). Такимъ образомъ эти надписи еще ближе подходятъ къ типу тѣхъ, которыя мы назвали $\Delta\iota\omicron\nu\sigma\kappa\omicron\nu\iota\kappa\alpha$.

Какъ хориги (см. Келеръ въ Mitth. III, стр. 229 сл.), такъ и агонисты (см. надпись въ 'Αθῆν. VII, стр. 291: [ἐπὶ ...] ἀρχοντος Δόσιππος Δοσιφίλου Χολαργεύος ἀγωνιστήσας [Διονό]σφ παιδείας) могли лично отъ себя, а не какъ представители филы или народа, дѣлать тѣ или другія приношенія богамъ въ благодарность за успѣхъ въ устройствѣ агоней и на этихъ приношеніяхъ дѣлать соотвѣтствующія случаю надписи. Такія приношенія и надписи, по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшія времена дѣлались и архонтами, какъ верховными распорядителями агоней. Такъ въ стихотворной надписи, изданной Буманудисомъ въ 'Αθῆν. VI (прилож. къ стр. 127 = С. J. A. III Add. 68) вмѣстѣ говорятъ каждый за себя и хоригъ-побѣдитель въ одномъ изъ составаній и архонтъ (52 г. по Р. X.), подъ надворомъ котораго совершены всѣ составанія, драматическія и лирическія. Понятно, что въ такого рода частныхъ посвященіяхъ, еще съ большей исключительностью, чѣмъ въ хоригическихъ надписяхъ, умалчивается о всемъ томъ, что не касается прямо официального лица, устраивающаго надписи; такъ что эти памятники вовсе не могутъ быть относимы къ числу источниковъ исторіи греческой драмы.

Какъ аѳинское устройство сценическихъ агоней считалось въ Греціи образцовымъ (мы можемъ сослаться на изрѣченіе кнеариста Стратоника, которое—можетъ быть, по такому же поводу, какъ мы теперь,—приводилъ Хариклъ въ началѣ своего сочиненія $\kappa\epsilon\rho\iota\ \tau\omicron\upsilon\ \acute{\alpha}\sigma\tau\iota\kappa\omicron\upsilon\ \acute{\alpha}\gamma\omega\nu\omicron\varsigma$ —Athen. VIII, 350 B.— $\gamma\omicron\rho\mu\iota\kappa\omicron\upsilon\varsigma$ — $\acute{\alpha}\gamma\omega\nu\omicron\varsigma$ $\delta\iota\alpha\tau\iota\theta\epsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\alpha\nu$ 'Ηλῆιοι, Κορίνθιοι δὲ θυραλικοὺς, 'Αθηναῖοι δὲ σκηνικοὺς' εἰ δὲ τις τούτων κλημματοίη, μαστιγοῦσθῶσαν Λαχεδαίμονιοι), такъ—нужно думать—и аѳинское устройство эпиграфическихъ памятниковъ въ честь побѣдителей на этихъ агоняхъ должно было сдѣлаться образцемъ для подобныхъ же памятниковъ, устраивавшихся въ другихъ городахъ Греціи. До насъ дошло еще нѣсколько такихъ копій съ аѳинскаго оригинала, но разсмотрѣніе ихъ не входитъ въ предѣлы настоящаго изслѣдованія.

III. Немитинъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ ВОСЕМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. (17-го августа 1881 г.). О дозволеніи Вяземской гимназій впредь именоваться „Александровскою“ и состоять подъ Августѣйшимъ Его Величества покровительствомъ.	3
2. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи стипендій при Ташкентской мужской прогимназійи и при Вѣрненскихъ мужской прогимназійи и женской гимназійи	—
3. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи при Таганрогскихъ мужской и женской гимназійахъ стипендій имени статскаго совѣтника Кульжинскаго.	4
4. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи стипендій для образованія трехъ крестьянскихъ мальчиковъ Липовецкаго уѣзда. —	—
5. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи при Вяндавскомъ уѣздномъ училищѣ стипендіи гражданина г. Вяндавы Эггера	—
6. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи при Новгородсѣверской гимназійи и Кролевецкомъ городскомъ училищѣ стипендій имени генералъ-лейтенанта Антоновича.	5
7. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи при среднихъ	

учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа стипендіи имени Франца Новодворскаго	5
8. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи при Московскихъ 1-й гимназии и 2-мъ уѣздномъ училищѣ и при Сычевскомъ городскомъ училищѣ стипендіи князя Мещерскаго	—
9. (29-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи въ гор. Поневѣжѣ, Ковенской губерніи, шестикласснаго реальнаго училища.	23
10. (22-го сентября 1881 г.). О преобразованіи Нарвской шестиклассной прогимназии въ полную гимназію	24
11. (22-го сентября 1881 г.). О преобразованіи Ростовской на Дону четырехклассной прогимназии въ шестиклассный составъ.	25
12. (6-го октября 1881 г.). Объ учрежденіи въ гор. Гольдингенѣ женскаго шестикласснаго училища	26
13. (12-го октября 1881 г.). О принятіи пожертвованія, сдѣланнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Водениковымъ.	27

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

23-го іюля 1881 года (№ 12)	6
17-го августа 1881 года (№ 13)	7

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ

25

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (15-го сентября 1881 г.). Положеніе о двѣнадцати стипендіяхъ Смоленскаго губернскаго земства при Смоленскомъ реальномъ училищѣ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II.	8
2. (29-го сентября 1881 г.). Правила о стипендіи, учреждаемой при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на проценты съ капитала въ тысячу рублей, пожертвованнаго отставнымъ штабсъ-капитаномъ Иваномъ Степановичемъ Дурново . .	9
3. (29-го сентября 1881 г.). Правила о стипендіи, учреждаемой при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на про-	

центы съ капитала въ шесть тысячъ рублей, пожертвованнаго надворнымъ совѣтникомъ Яковомъ Васильевичемъ Федоровымъ.	9
4. (20-го октября 1881 г.). Правила о стипендіи доктора медицины Александра Павловича Станкевича.	30
5. (8-го ноября 1881 г.). Правила о стипендіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ, учреждаемыхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ нѣз процентовъ съ капитала въ 20,000 рублей, завѣщаннаго титулярнымъ совѣтникомъ Плотниковымъ.	31

**ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
ТОВАРИЩА МИНИСТРА.**

14-го августа 1881 года (№ 7).	11
12-го сентября 1881 года (№ 8).	13

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕБНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: С. Julii Caesaris Commentarii de bello Gallico. Издалъ М. Блюссъ	15
О книгѣ: „Этимологія русскаго языка“. Составили А. Кирпичниковъ и Ѡ. Гиларовъ	16
О книгѣ: „Систематическій курсъ ариѣтики“. Составилъ Ѡ. В. Геде	—
О книгѣ: „Начала космографіи“. Составилъ К. Краевичъ	—
О брошюрѣ: „О семьѣ“. Составилъ В. Пѣвцовъ.	—
О книгѣ: „La Gymnastique pedagogique pour garçons à l'usage des écoles primaires, moyennes et normales etc.“. Составилъ Г. Богель	—
О книгѣ: „Плоская тригонометрія“. Составилъ К. Гехель	—
О книгѣ: „Книга упражненій въ латинской грамматикѣ съ этимологическимъ вокабуляріемъ“. Издалъ С. Блажевскій.	—
О книгѣ: „Учебникъ Русской исторіи. Составилъ Н. Баженовъ.	17
О книгѣ: „Жизнь и сочиненія Горація“. Литературный очеркъ Лукіана Миллера.	—
О брошюрѣ: „Богатства Сѣвера“. Экономическое изслѣдованіе Викентія Журавскаго	—

Объ изданіяхъ: а) „Модели географическихъ тѣлъ“, составленныя П. К. Криницынымъ и б) „Коллекція стеклянныхъ и деревянныхъ папированныхъ кристало-графическихъ формъ“, изготовленныя въ мастерской П. К. Криницына.	35
Объ изданіи: „Дѣтскій отдыхъ“.	—
О книгѣ: „Собраніе примѣровъ, формулъ и задачъ изъ буквеннаго вычисленія и алгебры“. Сочиненіе Мейера Гирша. . .	36
О книгѣ: „Образцы новой русской словесности“. Собралъ А. Цвѣтковъ	—
О книгѣ: „Русская народная поэзія“. Составилъ В. Воскресенскій	—
О книгѣ: „Священная Исторія Новаго Завѣта“. Составилъ протоіерей Петръ Смирновъ.	—

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБОГО ОТДѢЛА УЧЕБНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: „Объяснительное чтеніе“. Составилъ Ѳ. Г. Савенко.	17
О брошюрѣ: „Азбука копѣйка“.	—
О книгѣ „Бережь и трудъ“ (по Блоку). Н. А. Тизенгаузена.	—
О книгѣ: „Краткое описаніе Олонецкой губерніи“. Составилъ К. Петровъ.	—
О книгахъ: 1) „Христосъ“. Священная поэма изъ св. Евангелія въ стихахъ; составилъ Самойло, и 2) „О томъ какъ подобаетъ православнымъ христіанамъ проводить дни престольныхъ и нарочитыхъ праздниковъ. Простонародныя бесѣды св. Іоанна Миловидова.	18
О книгахъ: 1) „Краткое изъясненіе Божественной литургіи“, составилъ священникъ Іоаннъ Никольскій и 2) „Житіе святыхъ угодниковъ“. Издано редакціею журнала „Досугъ и дѣло“.	—
О книгѣ: „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ“. Составилъ Переспѣшнѣй	36
О книгахъ: 1) „Бесѣды о русскомъ лѣсѣ“. Составилъ Дмитрій Кайгородовъ. 2) „Сборникъ военныхъ рассказовъ“. Изданіе кн. В. П. Мешерскаго. 3) Брошюра: „Пить до дна—не видать добра“. соч. Погожевой, и 4) „О дѣлахъ житейскихъ“, рассказы стараго учителя.	—

Объ изданіяхъ: 1) „Нотное пѣніе литургіи св. Іоанна Златоустаго“, составилъ А. Вишневскій, и 2) „Два народныхъ гимна“, „Коль славенъ нашъ Господь!“ и „Боже Царя храни“	37
О книгѣ: „Первые рассказы изъ естественной исторіи“. Составилъ Германъ Вагнеръ.	—
О книгѣ: „Собраніе арифметическихъ задачъ“ Составилъ Александръ Вороновъ	—
Официальныя извѣщенія	18 и 38

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Макарій митрополитъ всея Россіи. К. Заусцинскаго.	1
Арханческія формы семейной организаціи у кавказскихъ горцевъ. В. Сокольскаго.	39
Давидъ Сосунскій. ***.	51
Религіозные символы древнихъ Вавилонянъ. В. Ш.	83
Римская сатира и Ювеналь. Литературно-критическое изслѣдованіе Д. И. Нагуевскаго. Н. Благовѣщенскаго.	158
Н. В. Крушевскій. Къ вопросу о гунѣ. Изслѣдованіе в области старо-славянскаго вокализма. В. К.	187
Большая Комиссія. А. Брикнера	191
Риторическіе этюды. И. Луньяка	219
Нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ. И. Бодуэна-де-Куртене	269
Космологія (общепонятное изложніе) А. Д. Путяты. Часть I. Системы міра. Книга 1-я геометрическія и динамическія отношенія небесныхъ тѣлъ. А. Савича.	322
Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 29-й.	343
О двухъ греческихъ путешественникахъ XV и XVIII вѣковъ. Гавріила Дестуниса.	354
Pismowstwo a spisowarje delnjo lužiskih Serbow wot (1548) 1574—1880. Zezběrať K. A. Iéně. В. Качановскаго.	366
Wutworjenje našeje Spisowneje réče a jeje zblizenje z denlnij-serbskej. Spisałъ M. Hórník. В. Качановскаго.	—
Митрополитъ Даніиль и его сочиненія. Изслѣдованіе Василія Жмакина. В. Качановскаго	372

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Коммерческія отдѣленія реальныхъ училищъ. Н. Колумбуса.	1
Преподаваніе закона Божія въ германскихъ школахъ. С. Любимова	15

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Отчетъ о двадцать четвертомъ присужденіи наградъ графа Уварова	1
Педагогическій съѣздъ сельскихъ учителей и учительницъ Лужскаго уѣзда въ 1881 году	18
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній.	33 и 68
Письмо изъ Парижа. Л. Л—ра	53
А. А. Котляревскій	60
Годичное засѣданіе Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ.	65

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Сочиненіе Цицерона „О государствѣ“ (De republica). С. Вѣхова.	555
Обзоръ эпиграфическихъ документовъ по исторіи аттической драмы. П. Никитина.	603

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій*.

Изданіе восьмое, дополненное согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія.

СЪ РИСУНКАМИ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна **25** коп.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, книжный магазинъ *Фену и К^о*.

„СОЛНЫШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками. Составилъ *А. РАДОНЕЖСКІЙ*. Изданіе съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и вѣвекласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна **60** коп.

Съ требованіями просятъ обращаться: въ Москвѣ, въ книжный магазинъ наслѣдниковъ Салаевыхъ. Въ С.-Петербургѣ,—въ книжный магазинъ *Фену и К^о*.

Адресъ издателя: Шпалерная ул., д. № 6, кв. 9.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

„НИВА“

ХІІІ ГОДЪ.

иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни выходитъ еженедѣльно то-есть 52 номера въ годъ (болѣе 2000 рисунковъ, и чертежей, 2000 столбцовъ текста) съ еженѣснымъ приложеніемъ.

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“

(около 500 модныхъ рисунковъ въ годъ, 400 выкроекъ чертежей въ натуральную величину и 300 рисунковъ руководѣльныхъ работъ).

Подписка принимается въ С.-Пб., въ конторѣ редакціи, по Большой Морской д. № 9.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“

съ правомъ на полученіе всѣхъ бесплатныхъ приложеній и премій въ теченіе 1882 года:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. „ к.
Съ доставкой въ С.-Петербургѣ.	5 „ 50 „
Безъ дост. въ Москвѣ черезъ отд. конт. „Нивы“ у Н. Печковской	5 „ „ „
Съ достав. въ Москвѣ и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Имперіи	6 „ „ „
За границей	8 „ „ „

„НИВА“, даетъ чтеніе: историческія повѣсти, преимущественно изъ русской исторіи, рассказы, романы, біографіи при портретахъ замѣчательныхъ лицъ, статьи по естествознанію, (особенно зоологіи), гигиенѣ (ученіе о здоровьѣ) географіи, этнографіи, путешествіяхъ, технологіи, астрономіи, новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, свѣдѣнія изъ внутренней жизни страны, еженедѣльное политическое обозрѣніе, смѣсь, хозяйственные совѣты, шашечныя, шахматныя и математическія задачи, загадки и проч.

ДЛЯ ПОМѢЩЕНІЯ ВЪ „НИВЪ“ ВЪ БУДУЩЕМЪ 1882 ГОДУ мы имѣемъ кромѣ массы художественно исполненныхъ гравюръ, уже цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній.

Какъ **ПРЕМІЮ** на будущій 1882 годъ мы выдадимъ всѣмъ годовымъ подписчикамъ безъ исключенія и когда бы они не представили свои поднески — кромѣ большаго, стѣннаго календаря 1882 года, очень большую роскошную олеографію съ новой картины извѣстнаго русскаго художника профессора **В. И. ЯКОБІЯ**.

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“

Картина написана по заказу „НИВЫ“; сюжетъ заимствованъ изъ извѣстнаго романа „Князь Серебряный“ Графа А. К. Толстаго. Блестящія копіи-олеографіи будутъ имѣть именно величину оригинала то есть 62 сант. ширины и 82¹/₂ сант. высоты—словомъ большой форматъ.

Желающіе подписаться на будущій 1882 г. „НИВЫ“ просятъ заблаговременно обращаться въ въ Главную Контору Редакціи „НИВА“, (помѣщается въ С.-Петербургѣ, Больш. Морск. ул. д. № 9).

Издатель „НИВЫ“ **А. Ф. Марксъ**.

ИЗДАНИЯ КНИГОПРОДАВЦА ЭМИЛЯ ГАРТЬЕ.

Невскій пр., д. 27, у Казанскаго моста, въ С.-Петербургѣ.

ОБРАЗЦЫ НОВОЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Собралъ А. Цвѣтковъ, преподаватель 7-й гимназiи и Марiинскаго института.

Въ четырехъ періодахъ.

- I. Ломоносовскій 8°. 1 р. 25 к., въ учебн. перепл. 1 р. 40 к.
- II. Карамзинскій 8°. 2 р. — к., въ учебн. перепл. 2 р. 15 к.
- III. Пушкинскій 8°. 2 р. 50 к., въ учебн. перепл. 2 р. 65 к.
- IV. Образцы новѣйшей словесности 8° (печатается).

Сборникъ рассмотрѣвъ Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенiя какъ учебное пособіе при чтенiи и разборѣ литературныхъ образцовъ.

По періодамъ сборникъ раздѣленъ на три отдѣльныя части. 1-я часть—періодъ Ломоносовскій; 2-я часть—періодъ Карамзинскій и 3-я часть періодъ Пушкинскій (до Гоголя влюч.).

Періоду Ломоносовскому предпосланы отрывки изъ сочиненiй писателей эпохи преобразовательной: Посошкова, Татищева и Кантемира.

Затѣмъ слѣдуютъ отрывки и цѣльныя сочиненiя Ломоносова, Екатерины II; отрывки изъ сатирическихъ журналовъ 1769—74 гг.; Посошкова, Фонвизина, Хемницера, Державина, Капниста, Недединаскаго-Мелецкаго, Елагина, Грибовскаго, Карамзина, Дмитріева, Озерова, Крылова, Измайлова, Мерзлякова, Жуковскаго, Батюшкова, Гнѣдича, князя Вяземскаго, Грибоѣдова, Пушкина, барона Дельвига, Баратинскаго, Языкова, Тютчева, Веневитинова, Кольцова, Цыганова, Ершова, Лермонтова и Гоголя.

Избранныя слова (проповѣди) Ѳеофана Прокоповича, Платона, Инокентiя, Филарета, Іоанна и поученiя протоіерея Родіона Пятнина.

По подбору образцовъ сборникъ надѣется удовлетворить программамъ среднихъ учебныхъ заведенiй вообще, имѣя въ виду классы средніе и высшіе.

Нѣкоторую особенность сборника составляетъ то, что въ немъ всѣ замѣчательныя (болѣе или менѣе объемистыя) произведенiя являются.

относительно содержания, въ возможно полномъ, законченномъ видѣ; а по объему сборникъ не заставитъ ни учащаго, ни учащагося перебѣгать отъ одной христоматіи къ другой, ища въ одной того, въ другой—другого образца.

Сборникъ этотъ можетъ быть рекомендованъ не только учащимъ и учащимся, но и всѣмъ желающимъ познакомиться съ избранными произведеніями русской словесности, потому что образцы такъ составлены, чтобы быть пригодными не только въ школѣ, но и внѣ ея; какого нибудь особеннаго характера учебной книги они не имѣютъ.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ КУРСЪ НѢМЕЦКОЙ ЭТИМОЛОГИИ для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. А. Баронъ. 162 стр. 8°. С.-Пб. 1881. 85 к. **АЛФАВИТНЫЙ СБОРНИКЪ РУССКИХЪ НЕПРАВИЛЬНЫХЪ ГЛАГОЛОВЪ.** Сост. А. Волковъ. 26 стр. м. S. С.-Пб. 1881. 30 к.

КНИГИ, СОСТАВЛЕННЫЯ А. ГАЛАХОВЫМЪ.

1) Русская Христоматія. Изданіе 18-е, безъ перемѣнъ, II т. С.-Пб. 1881. Одобрена, какъ учебное пособие, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для средне-учебныхъ заведеній (мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій), и Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ для духовныхъ семинарій.

2) Историческая Христоматія новаго періода Русской Словесности. Изданіе 3-е, безъ перемѣнъ, II т. С.-Пб. 1880. Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ учебное пособие, при преподаваніи Исторіи Русской Литературы.

3) Исторія Русской Словесности, древней и новой. Изд. 2-е, съ перемѣнами, II тома (въ 3-хъ книгахъ). С.-Пб. 1880. Рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ пособие для гимназій.

4) Исторія Русской Словесности. (Учебникъ для средне-учебныхъ заведеній). Изд. 2-е, безъ перемѣнъ, С.-Пб. 1881. Рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ учебное руководство для мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

Въ книжныхъ магазинахъ: И. И. Глазунова, Я. А. Исакова, М. О. Вольфа, Н. Г. Мартынова, Н. Фену и Ко, братьевъ Салаевыхъ (въ Москвѣ) и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ можно получить:

1. Начальныя основанія прямолинейной тригонометрии, по порученію начальства Морскаго Училища сост. А. Дмитріевъ. Съ двумя таблицами чертежей и съ четырьмя политипажамы (Руководство это одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ). Изданіе 5-ое. С.-Пб. 1876 г. Цѣна 75 к., вѣсовыхъ за 2 ф.

2. Начальныя основанія сферической геометрии и сферической тригонометрии, по порученію начальства Морскаго Училища состав. А. Дмитріевъ. Съ двумя таблицами чертежей и съ тремя политипажамы. Принято за руководство въ учебныхъ заведеніяхъ морскаго вѣдомства и министерства народнаго просвѣщ. (циркул. 7-го августа 1872 г.). Изданіе 3-е, исправленное и значительно дополненное. С. Пб. 1879 г. Цѣна 75 коп., вѣсовыхъ за 1 ф.

3. Практическія упражненія въ геометрии, или собраніе геометрическихъ задачъ, по Вёкелю, Шпицу и друг., составл. А. Дмитріевымъ. Примѣнено къ курсу гимназій и реальныхъ училищъ:

Книга I — Планиметрия, заключающая въ себѣ 860 зад. на построенія и 460 зад. на вычисленія. С.-Пб. 1875 г. Одобрено учебн. комит. при святѣйшемъ синодѣ, а также и учен. комит. мин. нар. проsv. какъ весьма полезное учебное пособие для гимназій и реальныхъ училищъ. Цѣна 75 к.

Учебное пособие это предназначается для слѣдующихъ цѣлей:

1. *Какъ учебный матеріалъ для изученія курса теоретической геометрии:* а) даетъ учащимся возможность пытаться свои силы въ примѣненіи общихъ геометрическихъ истинъ къ частнымъ случаямъ, а чрезъ то способствуетъ развитію и укрѣпленію въ учащихся геометрическаго соображенія. б) Даетъ возможность, въ многолюдныхъ классахъ, упражнять учащихся по мѣрѣ силъ и способностей каждаго, разнообразя эти упражненія, какъ приложеніемъ ариметики, такъ и обобщеніемъ геометрическихъ результатовъ при помощи начальныхъ свѣдѣній изъ курса элементарной алгебры.

2. *Учащіеся найдутъ въ этомъ собраніи задачъ обильные, систематически расположенные матеріалы для геометрическаго черченія, въ объемъ курсовъ IV и V классовъ реальныхъ училищъ. „Практическія упражненія въ геометрии“*

даютъ возможность учащимся основательно урвоить себѣ столь необходимое для реалистовъ употребленіе циркуля, линейки и другихъ чертежныхъ инструментовъ, употребляемыхъ при графическомъ рѣшеніи задачъ, и, такимъ образомъ, будутъ способствовать развитію *техники геометрическаго черченія* (см. Учебные планы реальныхъ училищъ, утвержденные г. министромъ народн. просв. 1872—1875 г.).

Книга II, заключающая въ себѣ: а) Задачи изъ стереометріи, б) задачи о наибольшихъ и наименьшихъ (*maxima* и *minima*) для реальныхъ училищъ, и с) группу задачъ для окончательныхъ испытаній въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. С.-Пб. 1879 г. Цѣна II книги, вмѣстѣ съ „Отвѣтами и рѣшеніями“,—80 к.

Обѣ книги „Практическія упражненія въ геометріи“ одобрены ученымъ комит. мин. нар. просв. какъ весьма полезныя учебныя пособія; одобрены и для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства.

Означенныя изданія можно получать: въ С.-Петербургѣ— у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ; въ Москвѣ— въ книжныхъ магазинахъ братьевъ Салаевыхъ.

Главные склады: 1) въ книжномъ магазинѣ г. Н. Фену и К^о противъ гостиннаго двора, домъ армянской церкви, и 2) у автора, на Вас. Остр. по 12 линіи, д. № 17, кв. № 13.

Книгопродавцамъ обычная уступка; на число экз. свыше 100 — по взаимному соглашенію.

1-го ДЕКАБРЯ вышла и разослана подписчикамъ XII-я,
ДЕКАБРЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Записки декабриста А. П. Бѣлова. (Окончаніе).—II. Война Россіи съ Турціей въ 1829 г.—III. Генералъ Федоръ Гейсмаръ, 1783—1848 гг.—IV. Записки Несчастнаго, содержащія путешествіе въ Сибирь по канату въ 1826—1827 гг.—V. Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ Черниговскій. (Окончаніе).—VI. Между строками одного формулярнаго списка, 1823—1881 гг.—VII. Императоры: Александръ I, Николай I и Александръ II: историческіе матеріалы къ нимъ и эпохамъ ихъ относящіяся.—VIII. Горе и нужды Россіи въ 1807 г.—IX. Посольство Порошина въ Берлинъ въ 1654 г. Сообщ. баронъ Б. Кёне.—X. Очерки и замѣтки.—XI. Обзоръ «Русской Старины» изданій 1881 г. и проч.

Приложенія: I. Записки Семена Андреевича Порошина, 1764—1765 гг.: Приложенія къ Запискамъ.—II Указатель личныхъ именъ въ XXXII томѣ „Русской Старины“ изд. 1881 г.—III. Портретъ генерала Гейсмара † 1848 г., гравировалъ художникъ И. И. М а т ю ш и н ъ, ученикъ академика Сѣрякова.

(Продолженіе Записокъ о духовенствѣ, соч. ДМ. ИВ. РОСТИСЛАВОВА будетъ помѣщено въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г.).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882-Й ГОДЪ:

„Русская Старина“—будетъ выходить въ будущемъ 1882-мъ году (тринадцатый годъ изданія)—ежемесячно, каждое первое число. Цѣна за двѣнадцать книгъ, четыре тома, съ гравированными портретами, съ пересылкою—**ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ.**

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая, д. Вагнера, № 12, возлѣ Публичной бібліотеки, въ книжномъ магазинѣ **Мамонтова.** Въ Москвѣ—на Кузнецкомъ мосту, домъ **Фирсанова,** въ магазинѣ **Мамонтова.**

Гг. иногородные обращаются исключительно въ С.-Петербургѣ, въ редакцію журнала „РУССКАЯ СТАРИНА“, на Большую Подъяческую, домъ № 7.

Въ редакціи и ея конторахъ можно получить: „Русскую Старину“ изданія 1870 г. (третье изданіе), 1876 г. (второе изданіе), 1877 г., 1878 г., 1879 г.; 1880 г. (второе изданіе), а также можно получить изд. 1881 года всѣ двѣнадцать книгъ—съ портретами достопамятныхъ русскихъ дѣятелей.

Цѣна каждаго изъ этихъ годовъ восемь руб. съ пересылкою.

Подписавшіеся на „Русскую Старину“ 1882 г. по 1-ое ноября текущаго года могутъ получить:—„Альбомъ русскихъ дѣятелей въ портретахъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ“—съ біографическими о нихъ свѣдѣніями.—Цѣна альбома для подписчиковъ „Русской Старины“ одинъ рубль.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. И. Семевскій.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

**Обзоръ эпиграфическихъ документовъ по
исторіи аттической драмы. П. Пявнина.**

Редакторъ Е. Осетинцовъ.

(Вышла 1-го декабря).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогійи и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и заграницей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются **исключительно** въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналь Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки журнала—по **пятидесяти копѣекъ** за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

**HOME USE
CIRCULATION DEPARTMENT
MAIN LIBRARY**

This book is due on the last date stamped below.
1-month loans may be renewed by calling 642-3405.
6-month loans may be recharged by bringing books
to Circulation Desk.

Renewals and recharges may be made 4 days prior
to due date.

**ALL BOOKS ARE SUBJECT TO RECALL 7 DAYS
AFTER DATE CHECKED OUT.**

REC'D CIRC DEPT OCT 8 '74

REC. CIRC. MAR 6 '76

LD21—A—40m—5,'74
(R8191L)

General Library
University of California
Berkeley

REC'D LD APR 2 '73 -6 PM 23

REC'D LD FEB 10 '74 -10 PM

LD 21-100m-7,'89 (402s)